

Николай Садовский

Зачем смерть давала шанс

Как переиграть смерть, как выжить там, где гибель неминуема, как сохранить силу духа и не опустить руки в ситуации, из которой, казалось бы, нет выхода. Антон Ли никогда не сдавался, как бы жизнь не испытывала на прочность, он крепко стоял на ногах и справлялся со всеми испытаниями. И если настоящему мужчине не дано найти своё счастье на планете Земля, то он найдёт его на просторах Вселенной.

Николай Садовский

Зачем смерть давала шанс

Глава 1

Вся эта история началась с обычного телефонного звонка. Однажды майским душным вечером позвонил мой армейский друг и предложил совместно провести отпуск. Я часто пользовался его приглашениями.

Сергей, коренной житель Алтая, знал все укромные места, где можно было отдохнуть без большого скопления людей. Мы, как правило, взяв самое необходимое, уходили в горы недели на две. Это были самые лучшие дни отдыха.

На этот раз он не дал мне даже слова вставить в разговор. Напористый, как ураган, он просто поставил меня перед фактом, что через неделю ждет меня у себя дома. Отдых он решил провести на южной оконечности Телецкого озера. На мой вопрос, как мы туда попадем, сказал, что у его двоюродного брата есть небольшая прогулочная яхта, на которой он по озеру возит туристов.

Как я понял из его слов, этот родственник должен нас доставить в устье реки Чульшман, на самую южную точку Телецкого озера. Узнав о таком путешествии, я естественно согласился.

Хочу сказать Вам, уважаемый читатель, что, если Вы не видели Телецкое озеро, значит, Вы не знаете Алтай. Озеро имеет всего около трех километров в ширину, зато длинна, превышает семьдесят километров, а глубина, местами более трехсот метров. Вся акватория водоема зажата между высоких скалистых кряжей. Это место потрясающей красоты. Находясь высоко над уровнем моря, эти места славятся чистотой и прозрачностью воздуха. Чистая гладь воды невероятно сочетается с голубизной неба, а горы, покрытые девственной, не тронутой человеческой цивилизацией тайгой, зачаровывают. Глядя на эту красоту в тихую вечернюю пору, кажется, что сам являешься частью природы, и растворяешься в ней без остатка.

Неделя пролетела в хлопотах как один день. Я оформил очередной отпуск, за два дня подготовил машину к поездке и на восьмой день был в Горно-Алтайске, где меня радушно принимал мой друг со своей супругой. Все, что требовалось для нашего отдыха, Серега подготовил заранее. Мы не стали задерживаться и, переночевав, выехали на рассвете. К восьми часам утра мы были в Артыбаше, где жил брат Сергея Леонид.

Леонид уже ожидал нас. После кратких слов приветствия, он стал торопить нас, сказав, что с нами поедет небольшая группа из четырех человек. Из его слов мы поняли, что это молодые люди отдыхают на местной турбазе. Они зафрахтовали катер Леонида на полдня, чтобы прокатиться по озеру и полюбоваться красотами природы. Леониду, как начинающему бизнесмену, естественно хотелось немного заработать. Мы со своей стороны были даже рады провести пару часов в обществе молодых людей.

Мы быстро погрузились, а через пятнадцать минут подходили к пирсу турбазы. Завидев приближающийся катер, двое парней и две девушки бегом спустились к пирсу, неся небольшую сумку с вещами, гитару и корзинку с продуктами.

— Леонид Петрович, мы уже готовы, — крикнул один из парней, — так что, можно не задерживаться.

— Тогда берем девушек на руки, и бегом на борт. Будем отчаливать.

— Ура, плывем!!! — восторженно закричали девушки и, не дожидаясь ребят, первыми вскочили на борт катера.

Леонид, как положено, установил средние обороты двигателя, чтобы пассажиры на небольшой скорости смогли любоваться красотами этого прекрасного края. Он направил катер вдоль западного берега, сообщив нам по секрету, что на этом берегу будет меньше мест для остановки, и мы быстрее доберемся до места. Остальную часть пути он пройдет вдоль восточного берега, где его пассажиры смогут выйти на берег, если пожелают отдохнуть.

Леонид оказался хорошим экскурсоводом. С первых метров пути стал нам рассказывать о тех местах, где мы в данный момент проплывали. Он знал множество различных легенд и историй, связанных с этими местами.

— Девчонки, вы любите истории связанные с самой сильной любовью, которую люди помнят веками?

— Да, — в один голос ответили девушки.

— Тогда я расскажу вам историю, почему наше озеро называется Телецкое. Давным-давно это было. В те далекие времена, среди этих скал не было еще озера, а протекала река Чульшман, в которую впадало множество мелких речушек. По берегам реки паслись тучные табуны лошадей, коров и баранов. В тайге в избытке водились различные звери, а река в изобилии кормила людей рыбой. Вот в этом райском уголке земли, проживало племя, которым правил сильный и справедливый хан Теллей. Слух о его несметных богатствах облетел все ближайшие земли. Многие пытались покорить хана и завладеть его богатством, но хан обладал волшебным мечом, и ни один завоеватель не мог приблизиться к его владениям. Зная о непобедимости Теле, соседний хан Богдо решил завладеть его волшебным мечом при помощи хитрости. Для этого он стал присылать хану дорогие подарки и восхвалять его богатство и несокрушимость. Через некоторое время, войдя к нему в доверие, пригласил хана в гости. Хан Теле не мог отказать другу и принял его приглашение. Перед отъездом его красавица жена Чульча сняла со стены волшебный меч и подала его мужу, но хан отказался, заявив, что едет не на войну, а в гости к ближайшему другу, а другу он обязан доверять. Когда хан подъехал к шатрам своего друга, хан Богдо не встретил его с расprostертыми объятьями как обещал, а окружил воинами, а, не найдя заветного меча, приказал отрубить голову своему другу.

В тот момент, когда отсеченная голова хана коснулась земли, в его доме меч, висевший на стене, упал, рассек землю, и ушел глубоко в ее недра. Увидев это, красавица Чульча, поняла, что ее мужа уже нет в живых. Не в силах перенести разлуку с любимым, она подошла к краю пропасти и горько зарыдала. Слез было так много, что они заполнили всю долину, превратив ее в огромное озеро, а сама Чульча превратилась в бурлящий поток. С тех пор озеро стали называть Телецким, в честь хана Теллей.

— Вот это любовь, — вздохнула одна из девушек.

— Ребята, а вы знаете, почему наш край называется Алтай?

— Мы не знаем, — ответил за всех один из парней, — зато я знаю, что весь этот край: и тайгу и горы, и даже это озеро, называют золотым.

— Это верно. Алтай, это слово происходит от слова «алтын», и переводится как золотой. Но не это главное. А название «золотой» произошло от легенды, которую передают старики своим внукам. Это случилось в незапамятные времена. Однажды в долине случился голодный год. Много жизней он унес с собою, и не только человеческих. Подверглись мору и домашние животные, и даже зверь лесной. Одному охотнику сказочно повезло, он нашел самородок золота размером с лошадиную голову. Обрадованный охотник пошел по всем

ближайшим поселениям, чтобы обменять свою находку на продукты питания. Он долго ходил, но у людей не было ни чего, что дать ему взамен. Потратив на это много времени и сил, отчаявшись, охотник взошел на самую высокую вершину и воскликнул: «Зачем мне этот презренный металл, если, обладая таким богатством, я не могу накормить свою семью!», — сказав это, он бросил слиток далеко в озеро. Одумавшись, и пожалев о содеянном, он сам бросился в холодные воды озера. С тех пор эти места стали называть золотыми.

Постепенно разговор затих. Молодость берет свое. Ребятам вскоре стало скучно смотреть на скалы.

Вскоре Женя взял гитару. Гитара была плохо настроена, но, тем не менее, ребята подпевали в такт игре, новомодные хиты, которые в последнее время слышались не только из всех радио-телеприемников но, наверное, даже из всех утюгов.

Я обратил внимание, что девушке, сидящей рядом со мной, не особенно нравилась эта пародия на искусство пения. Она отвернулась и с удовольствием наблюдала за красотой береговой линии, тихонько напевая одной только ей известную мелодию.

Я наклонился к ней, и тихонько спросил:

— Мне кажется, что вам не особенно нравится эта музыка?

— Вы правы. Это не музыка, а черт знает что. Вам самому она не нравится, это видно по вашему лицу. Я вас прекрасно понимаю, и думаю, что это связано с вашим возрастом. Вы привыкли слушать музыку вашего поколения, а молодые хотят нового веяния.

— Вы правы, но только от части. Я не скептик, и с уважением отношусь к молодому поколению, их стремлению быть впереди планеты всей. Но я хоть и плохой знаток музыки, все же могу отличить хорошую музыку от плохой. Поймите, что среди молодых композиторов есть много талантливых, но есть и такие, которых я называю однодневки.

— Я также думаю. Все современные «хиты», через год, как правило, забываются.

— Если хотите послушать действительно хорошие песни, то попросите сыграть моего друга. Только не говорите ему, что это я подсказал вам.

Через несколько минут девушка попросила гитару у парня.

— Женька, дай мне гитару.

— Маринка, зачем она тебе? Ты ведь не умеешь играть.

— А я и не буду на ней играть. Я хочу, что бы дядя Сережа нам сыграл.

Сергей стал размахивать руками, отказываясь от такого предложения, но девушка была неумолима. Вскоре ее поддержали все остальные пассажиры.

— Я сыграю вам, но позже, вон тому старому костылю, непременно отомщу за то, что он подучил вас милая девушка.

— Дядя Сережа, ну что Вы такое говорите? Я сама догадалась по вашему лицу, что вы можете сыграть лучше, чем Женька.

— Уговорили старика, но сразу хочу предупредить, что современную музыку я не играю.

— Ну, что Вы, мы с большим удовольствием послушаем старые песни, — заверила его за всех Марина.

Сергей по привычке настроил под себя гитару и, сделав несколько переборов, заиграл старинный, цыганский романс. Ребята, как замороженные, не отводили от него восхищенных глаз. Слушателям казалось, что его бархатный баритон растворяется не только в них, но и во всей окружающей природе. Сергей, закончив петь один романс, начинал петь другой. Он играл вдохновенно, а ребята слушали с восхищением, но вскоре эту идиллию нарушил голос

Леонида.

— Все, матросики, заканчиваем концерт, мы пришли, готовьтесь покинуть корабль.

Увлеченные музыкой, мы только сейчас заметили, что причаливаем к берегу, в устье реки Чульшман.

Мы стали выгружать свои вещи. Ребята помогли нам, затем, посоветовавшись, уговорили Леонида остаться на этом берегу на весь день, пообещав компенсировать простой лодки.

Пока ребята помогали ставить палатки, я как самый опытный рыбак, взяв удочки, отошел дальше от лагеря, чтобы наловить побольше рыбы для ухи на всю кампанию. Место оказалось удачным, да и клев не подкачал. В течение часа мне удалось поймать с десятков хариусов и пару отменных сигов. С хорошим настроением и уловом я вернулся в лагерь. Девчонки помогли почистить рыбу, а мы с Сергеем сделали все остальное. Головы и часть рыбы пошли на уху, а остальное мы запекли на углях. Обед получился изумительным.

За разговорами и пением, время пролетело не заметно. Ближе к вечеру Леонид с грустью сказал.

— Хорошо ребята с вами, но нам пора и честь знать. Скоро начнет темнеть, а нам засветло надо вернуться. Прощайтесь ребята, и прошу вас на наш лайнер. Даю три минуты на сборы, и отчаливаем. Остающиеся, пусть ждут меня на десятый день.

Вскоре катер отошел от берега. Мы остались вдвоем. Если ты, дорогой читатель, думаешь, что нам вдвоем было скучно, то ты серьезно заблуждаешься. Я всегда удивлялся, откуда Сергей черпает свою неукротимую энергию. Он сам никогда не скучает, и не дает скучать окружающим его людям.

Дорогой читатель, я не стану утомлять тебя рассказом о том, как мы провели эти десять дней. Расскажу только один случай случившийся с нами в самом конце нашего пребывания на озере. Так вот, этот случай перевернул все наше мировоззрение, касающееся нашей жизни как таковой, и вселенной в частности.

Началось все на восьмой день нашего пребывания на этом берегу. После обеда, Сергей лежал на одеяле, уставившись в небо, о чем-то думая. Я сидел на раскладном стульчике, покуривая послеобеденную трубку. Сергей что-то бормотал тихонько, затем спросил:

— Николай, ты не в курсе, как высоко могут летать птицы?

— Не знаю, но думаю, что не выше полутора тысяч метров.

— А мне кажется, что гораздо выше. Пожалуй, километров семь-восемь будет.

— Не думаю. Так высоко птицы вряд ли будут летать. На такой высоте, даже для них слишком холодно.

— Если не веришь, то посмотри в небо. Видишь, летит орел, а высота, не меньше шести километров будет, или мне так кажется.

— Покажи, я не вижу.

— Смотри на восток.

— Теперь вижу. Но мне кажется, что это не птица.

— Почему ты так решил.

— Орлы на высоте, как правило, парят, а не выделывают кренделя. Это инопланетяне к нам на уху пожаловали, — пошутил я. — Все, Серега, прощай наша спокойная старость. Сейчас похитят нас, и будем мы у них подопытными кроликами.

— Сам ты инопланетянин, — огрызнулся он, — но ты прав, это, действительно, не птица, а скорее спутник сорвался с орбиты, и что самое странное, летит он прямо на нас.

— Теперь и я вижу, что это какой-то летательный аппарат. Давай Серега приготовимся,

а то вдруг на голову упадет. Будет потом для нас потеха.

Мы вскочили на ноги, приготовившись в любой момент спрятаться в расщелине. Мы хоть и не трусы, всякого в жизни пришлось повидать, но не хотелось, чтобы эта штука похоронила нас под собою. Как говорится, береженого бог бережет.

Вскоре, на высоте примерно километр, объект, похожий на тарелку, вдруг перестал рыскать. В этот момент от него отделился маленький объект. Основной объект развернуло. Теперь он походил на колесо автомобиля. Так, стоя как колесо по отношению к земле, объект продолжал вращаться с еще большим ускорением, резко, по наклонной стал падать вниз.

Мы не сводили с него глаз. Объект падал всего несколько секунд. Он вращался так быстро, что нам не удалось рассмотреть его как следует. На огромной скорости, он врезался в поверхность воды, в трехстах метрах от нас, подняв огромный фонтан брызг, которые ушли вместе с объектом в глубину. Мы ждали высокой волны, но ее не последовало. Вода как будто по команде извне, ушла в глубину вместе с объектом, а вскоре и мелкие волны достигли берега, а на поверхности озера, так и осталась мелкая рябь, поднимаемая тихим ветерком. У нас в ушах так и застыл звук шипения, издаваемый погружающимся в воду объектом.

Проводив взглядом утонувший аппарат, мы устремили свой взор в небо, где находился его маленький собрат по полету. Маленький объект, лавируя по кругу, медленно спускался, оставляя за собой легкий шлейф не то дыма, не то пара. Когда он спустился ближе к земле, нам показалось, это космонавт в скафандре спускается на поляну.

Космонавт, раскинув руки и ноги и кружась по кругу, спускался все ниже. По-видимому, стараясь приземлиться на небольшую поляну, на которой мы находились, ведь это была единственная площадка для приземления. Вокруг поляны были только скалы, деревья и вода. Теперь мы разглядели, что за спиной космонавта виднелся аппарат, из сопла которого вырывался небольшой пучок голубого пламени. Когда космонавт находился от земли метрах в пяти, его устройство вдруг чихнуло, выбросив в атмосферу последний пучок пламени, и затихло. Космонавт рухнул на землю.

Мы несколько мгновений стояли, пораженные случившимся. Затем, не стовариваясь, бросились на помощь пострадавшему, думая, что это один из наших космонавтов, побывавший на станции «Мир». Эти тридцать метров отделявшие нас от летчика, мы пробежали в одно мгновение.

Космонавт лежал на животе, не подавая признаков жизни. Осмотрев внимательно скафандр, Сергей сказал:

— Николай, быстрее доставай свой нож. Нужно перерезать ремни, и снять с его спины устройство, а там будет видно, что дальше делать.

Я, стараясь не повредить, что-нибудь лишнее, аккуратно разрезал стропы и поднял двигатель. Он оказался совсем не тяжелым, как мне показалось вначале. Весил двигатель не более десяти-двенадцати килограммов. Отбросив его в сторону, мы со всеми предосторожностями перевернули летчика на спину. Скафандр, с учетом пассажира, оказался довольно тяжелым. На нем мы не нашли никаких заклепок или пряжек, за исключением пары отверстий, похожих на дыхательные клапаны. Лица летчика мы не видели, мешало черное непрозрачное стекло.

Мы осмотрели все, но как открыть скафандр, так и не поняли, и только через пару минут, когда Сергей поправлял летчику левую руку в удобное положение, то случайно нажал

на какую-то кнопку, с десяток, которых светилось на табло, вмонтированное в левый рукав скафандра. Черное стекло открылось, спрятавшись в верхней части шлема. Сергей, наверное, нажал не одну кнопку, так как за ним открылось и прозрачное стекло. Внутри шлема мы увидели лицо пожилой женщины, которая, даже не смотря на пожилой возраст, была удивительно красива. От потока свежего воздуха женщина (а это как потом, оказалось, действительно была женщина) глубоко вздохнула, и открыла глаза. Ее взгляд нежно голубых глаз, сначала был мутным, затем стал проясняться. Критически осмотрев нас, она насколько раз глубоко вздохнула, при этом не смогла скрыть гримасу боли. По-видимому, она получила серьезные травмы при падении.

Сергей, видя ее боль, взял отброшенный двигатель, приподнял ее голову, и опустил голову на двигатель как на подушку. Женщина благодарно взглянула на него, и в это время у нас в мозгу прозвучал вопрос. Ты читатель правильно понял. Мы действительно не слышали его, он прозвучал в наших головах:

— Это планета Земля?

Мы удивленные такому вопросу, хором ответили, что это действительно Земля, не понимая, зачем женщина спрашивает очевидные вещи.

— Хорошо, тогда я не буду заниматься телепатией. Я неплохо знаю ваш язык.

— Вы с другой планеты? — шокированный услышанным, спросил Сергей.

— Да. Я с планеты Юнона. Это очень далеко. Наша планета находится совершенно в другой галактике.

— Но как вы сюда попали?

— Я вижу, что вы хорошие люди, поэтому прошу вас, помогите мне освободиться от скафандра.

Женщина стала объяснять нам, как можно снять скафандр, на какие кнопки нужно нажимать и в какой последовательности. Нам потребовалось несколько минут, чтобы полностью освободить ее. Теперь она лежала на принесенном мною одеяле. Ее белый, облегающий фигуру костюм, подчеркивал стройную высокую фигуру.

Пока мы освобождали ее от скафандра, я заметил, что женщина все время морщится от боли. Явных повреждений на ее теле я не заметил, поэтому обратил внимание Сергея, что у нашей подопечной, скорее всего, внутренние повреждения.

— Слушай, Серега, может ей дать, что-нибудь обезболивающее?

— Ты ей еще водки предложи, старый дуралей.

— Сам ты такой. Я просто хотел предложить таблетку анальгина.

— А я думаю, что не стоит. Еще не известно как ее организм отреагирует на наши препараты.

— Тогда давай спросим у нее самой.

Мы повернулись, что бы спросить ее насчет анальгина и увидели, как она с улыбкой на лице наблюдает за нашей перепалкой.

— Спасибо друзья мои, но мне действительно не нужно ваше лекарство. Мой организм привык к другим препаратам. Вы, пожалуйста, посмотрите в скафандре. Там должна быть коробочка обшитая кожей. В коробке несколько бутылочек. Самая большая по размеру, это бутылочка с обезболивающим настоем. Прошу вас, дайте ее мне.

Сергей, поискал в скафандре, и извлек из его недр коробочку с настойками. Взяв самую крупную, он вытащил пробку и, поднеся ее к губам пострадавшей, вылил содержимое в рот. Женщина, проглотив лекарство, поморщилась но, полежав пару минут, уже с улыбкой на

лице поблагодарила нас за помощь. Сергей, улыбнувшись в ответ, легонько прикоснулся к ее руке и сказал.

— Давайте знакомиться. Меня зовут Сергей, а моего друга Николай. А как прикажете называть вас?

— Мое имя короче ваших. Просто зовите меня Лола. Так назвал меня мой отец. Он сказал, что и у вас на Земле, есть такие имена. Я с гордостью несу по жизни свое имя, вот уже восемьдесят пять лет. Я вижу, что вы удивлены?

— Признаться, слегка удивлены, — сказал Сергей, — в вашем возрасте путешествовать одной в космическом пространстве, мне кажется, опрометчивым.

— Не удивляйтесь, я вам все расскажу, но сначала я хочу попросить у вас глоток свежей воды, уж слишком пить хочется.

Я быстро сбегал в наш лагерь. Принеся пластиковую бутылку с родниковой водой, я налил половину стакана, приподнял ее голову и, поднес к губам. Лола с удовольствием сделала несколько глотков, затем, откинувшись, она еще некоторое время смаковала во рту последний глоток воды.

— Очень вкусная вода, почти такая же, как у нас, только пресная. Такой водой трудно напиться. Спасибо, Николай, вы облегчили мои страдания.

— Вы не беспокойтесь по этому поводу. Мы с Сергеем сделаем для вас все, что в наших силах. Нам сейчас нужно подумать, как доставить вас до ближайшей больницы. Я просто уверен, что у вас серьезные повреждения внутренних органов. Сергей, может, один из нас доставит нашу гостью до поселка Белое на нашей надувной лодке? До поселка не больше десяти километров. Часа за два можно доплыть. Ты как на это смотришь?

— Друзья мои, не надо так беспокоиться о моей персоне. Боль сняла настойка, а помочь вы все равно не успеете. Моя младшая сноха и ее дедушка были знатными врачами. Кое-какой опыт в медицине есть и у меня. Я понимаю, что разрыв внутренних органов приводит к обильному кровотечению, вследствие которого наступит смерть. Не удивляйтесь, я прекрасно осознаю, что жить мне осталось не более часа. Времени у меня мало, а вот рассказать мне вам нужно очень много. Я благодарю господу, что в мой последний час он послал мне таких хороших людей, как вы. У меня будет к вам только три просьбы. Я позволю себе просить вас оставить мое посещение вашей планеты в тайне. Вторая, я прошу вас, когда я умру, а это случится скоро, то похороните меня согласно ваших традиций, но только так, что бы мое тело не попало в руки археологов. Мой отец говорил, что у вас принято раскапывать старые могилы, и изучать покойников. Мне не хотелось бы, что бы мое тело подверглось такому надругательству. Вы даете обещание?

Мы молча кивнули головами.

— Я верю вам. Последняя просьба. У меня в скафандре есть кожаная сумка. Достаньте, пожалуйста.

Сергей выполнил ее просьбу, извлекая из скафандра небольшую, плоскую сумку из коричневой кожи.

— Эта? — спросил он.

— Да, это она. Вы раскройте ее.

Сергей расстегнул клапан, и сумка раскрылась как планшет. Внутри оказались исписанные аккуратным, мелким почерком листы пергамента серого цвета.

— В сумке только записи — удивился Сергей.

— Это писала я, когда была еще юной девушкой. В этих записях вся биография моего

отца. Я записывала его воспоминания, о жизни здесь, на вашей планете. В них говорится о том, как в 1997 году на этом самом корабле, на котором прилетела я, он в одиночку прилетел на нашу планету. У нас он встретил мою маму. Они полюбили друг друга и создали большую семью. Из тринадцати детей, я была самой младшей. В последний год наша семья насчитывала больше двухсот человек. Узнав всю биографию своего отца, я обещала ему, что непременно побываю на вашей удивительной планете, и передам эти записи людям. Поверьте, мне не хотелось, чтобы мой отец оказался безымянным, пропавшим в никуда.

— Но этого не может быть, — изумился я.

— Почему? — удивилась Лола.

— Просто получается нестыковка. Вы сказали нам, что ваш отец покинул землю в 1997 году, а сейчас 2001 год. Выходит, что прошло только четыре года, а ваш отец родил тринадцать детей, из которых самому младшему более восьмидесяти. Это не вяжется с вашим рассказом.

— Как же так — удивилась Лола — ведь мои расчеты были верными. Мне отец хорошо описал эту местность. Две реки сливаются в одну, на берегах большие горы. А скажите, город Чита далеко?

— Вы Лола немного ошиблись. Чита расположена на реке Ингода, и находится от нас на расстоянии шестисот километров, как минимум. Мы с вами находимся не в Читинской области, а в Горном Алтае, и это совсем другие реки. Реки Ингода и Онон образуют Агинский автономный округ.

— Да, да. Именно эта местность нужна мне.

— Но вы не только спутали местность, но напутали в летоисчислении.

— Напутать я не могла. Координаты были заложены в компьютер корабля еще моим отцом. Я думаю, что ошибка произошла по вине пиратов, которые атаковали мой корабль. Я торопилась проскочить и укрыться от погони, через временной портал. Скорее всего, проход оказался неудачным, я зацепила краем поток сжимающего времени. В результате оказалась немного в прошлом.

— Наверное, так и случилось. Вы не только ошиблись во времени, но и координаты местности спутали.

— Эх, если бы не моя близкая смерть, это было бы даже лучше.

— Почему вы так считаете?

— Все очень просто, на Земле у моего отца нет родных, осталась только сводная сестра, Савельева Варвара Игнатьевна. В это время для меня было бы проще найти ее и передать записи. Представьте, если бы я прилетела в начале двадцать второго века, как рассчитывала, где бы я искала родственников моей тети. Найти их, было бы гораздо труднее, чем сейчас.

— Это не лишено смысла. Скажите, а как вы собирались искать ее? У вас есть ее точный адрес?

— Адреса у меня нет, но зато я знаю, что у слияния двух рек, есть поселок Привольное. В этом поселке можно навести справки о ней. Теперь я это сделать не смогу. Николай, я попрошу вас сделать это за меня, если у вас найдется свободное время.

— Я обещаю вам, что сделаю все возможное, что бы найти ее. Но если случится так, что я не смогу найти ее, или некому будет передать рукопись? Как мне поступить в таком случае?

— Если у вас ничего не получится, тогда расскажите своим родным или друзьям, что жил на вашей земле человек по имени Ли Антон Максимович. Что он покинул Землю и

поисках лучшей доли. Расскажите, что он не вернулся, а остался на планете Юнона, в далекой галактике. Потом можете делать все, что угодно с этой рукописью. Я не буду на вас в обиде. Я буду, благодарна вам за то, что хоть несколько человек узнают о судьбе моего отца.

— Я обещаю, что сделаю все, что в моих силах. Простите Лола, но у меня есть к вам не совсем скромный вопрос.

— Вы не смущайтесь, задавайте свой вопрос, если я смогу на него ответить, то я обязательно сделаю это.

— Меня интересует, почему прилетели именно вы. Разве на вашей планете не нашлось молодого человека для столь трудного путешествия?

— К сожалению, я единственная, кто мог управлять кораблем. Я сейчас расскажу вам все, что успею, но сначала дайте мне немного воды.

Сергей вновь наполнил стакан и, приподняв ее голову, напоил ее. Вода была прохладной, Лола с удовольствием сделала несколько глотков.

— Может вам дать, что-нибудь покушать?

— Спасибо за заботу, но в моей ситуации пища для меня хуже яда. Вы не обижайтесь, но это так. У меня осталось слишком мало времени, поэтому я лучше буду рассказывать о себе, до тех пор, сколько хватит у меня сил. Нам действительно послать было некого. Наша цивилизация, по сравнению с вашей только зарождалась. У нас на планете не было крупных заводов, фабрик, транспорта и летательных аппаратов. У нас все довольно примитивно, и то благодаря знаниям и умению моего отца. До его появления на нашей планете был племенной образ жизни, с постоянной враждой за обладание лучших охотничьих угодий и посевных площадей. Не буду прибедняться. Мы, конечно, умели изготавливать ткани для одежды и выплавлять черный металл, но этого было мало. Мой отец сумел объединить все наши народы. Он научил плавить хорошую сталь, из которой делались различные станки и механизмы. Он научил людей делать большие корабли на паровых двигателях. Он научил делать механизмы, которые и пахали, и сеяли. К большому его сожалению, он не смог найти на нашей земле нефть, поэтому у нас были только паровые механизмы, работающие на каменном угле. В последнее время, мы построили несколько электростанций на водопадах. Все это у нас было, — грустно вздохнула она, затем продолжила. — Благодаря его стараниям, люди стали строить каменные дома и города. Мы построили школы, где стали учить детей. Построили отдельные учебные заведения для самых одаренных детей. Теперь у нас появились свои педагоги и даже свои изобретатели. Жаль, что много времени у отца ушло на то, что бы самостоятельно обучить сначала своих детей, а уж потом мы учили других ребяташек. Если бы еще лет двести, и наша цивилизация далеко ушла бы вперед в своем развитии.

— Вы все время говорите о своей цивилизации в прошедшем времени — не удержался Сергей — что случилось?

— Я расскажу все по порядку, а вы сами сделаете вывод.

После того, как мой отец прилетел на нашу планету, он нашел большую пещеру, где укрыл свой корабль. Взяв свои вещи, он покинул пещеру, предварительно законсервировал аппарат от постороннего вмешательства. Долгие годы о корабле ни кто не знал. Причиной этой тайны послужило то, что пещера пользовалась у людей дурной славой, поэтому туда ни кто не решался зайти. Лишь только после того, как отец поведал мне свою жизнь не только на нашей планете, но и на Земле, я уговорила его, хоть и с большим трудом, обучить меня управляться с кораблем. Мои братья и сестры, к кораблю особого интереса не проявили. Наверное, только по этому отец согласился на мое обучение. Может быть, была и другая причина. Не могу утверждать, но мне в последнее время казалось, что отец испытывал сильную ностальгию по своей родине, хотя и не показывал этого. Еще я ему клятвенно обещала, что после его смерти обязательно побываю на Земле, и оставлю свои записи людям.

Наше с ним обучение длилось несколько лет, вплоть до его смерти. Дело в том, что занимались мы не так часто, как хотелось бы. Нам приходилось уделять много времени насущным вопросам. Ведь жизнь не должна останавливаться только на моем обучении. И все же, хоть и через много лет, но я смогла вывести наш корабль на орбиту самостоятельно. Отец остался доволен моими познаниями, сказав при этом:

— Теперь, доченька, ты управляешь кораблем, так же как и я. Мне нечего больше добавить к твоему обучению. Пришло время, уйти мне на покой. Я передаю этот корабль в надежные руки. С этой минуты ты хозяйка корабля, и ты несешь ответственность и за себя и за корабль, а я слишком стар стал для полетов. Отец замолчал, потом сел в кресло управления, и обратился к компьютеру:

— Макс, ты меня слышишь?

— Да, Тоха. Разумеется, я тебя слышу.

— Спасибо тебе мой братишка, и прости, если был с тобой резок и несправедлив. Спасибо тебе за все эти годы, что я провел в твоём обществе. Теперь я стал старым и дряхлым и не могу больше навещать тебя. Я удаляюсь на покой, оставляя вместо себя свою любимую дочь. Мне кажется, что за эти годы ты подружился с ней, и, надеюсь, ваша дружба будет взаимной. Прошу тебя как друга и брата, помоги ей в трудную минуту, не оставь в беде.

— Прощай и ты Антон Максимович. О дочери можешь не беспокоиться, я ее узнаю из миллиарда живых существ. Но память о тебе, я сохраню на отдельной плате, куда я помещаю самые лучшие моменты моего существования».

— Мне в тот момент показалось, что я услышала в металлическом голосе компьютера нотки грусти и сожаления от расставания. Во время наших занятий я часто замечала, что когда отец разговаривал с компьютером, то по ту сторону экрана с отцом ведет монолог не просто железный робот, а живое существо. Послушав монолог расставания старых друзей, я поймала себя на мысли, что и я отношусь к Максиму как к живому существу. Теперь и я уверена, что в компьютере заложена не только программа, а живая человеческая душа, умеющая не только сожалеть и грустить, но как мне показалось, и любить. Попрощавшись с кораблем, мы вернулись домой. Спустя полгода скончалась моя мама. Отец сильно ее любил. После ее смерти он вдруг осунулся и быстро постарел. В годовщину смерти мамы он

лег спать и больше с кровати уже не вставал. Последним его наказом было, чтобы мы все держались вместе, одной большой семьей.

Лола помолчала несколько минут, затем попросила воды. Когда Сергей напоил ее в очередной раз, она продолжила:

— Я долго горевала без отца. Постепенно обыденные дела увлекли меня, поэтому я долгие годы не навещала заветную пещеру. Но я не забыла данное слово своему отцу и, наконец, решила, что пора исполнить свое обещание. Я стала готовиться к полету. Сделала запас продуктов и пресной воды. Макс подсказал мне, какие нужны компоненты для выработки кислорода необходимого в полете. Я уже была готова к вылету, но его пришлось отложить на несколько дней. Причиной стал проснувшийся вулкан на нашем острове. Я решила перед полетом осмотреть с высоты состояние вулкана, и на что он способен. Я поднялась вверх. Зависнув над вулканом на высоте двадцати километров, попросила компьютер просканировать вулкан и вывести результаты на монитор. Результаты, выданные Максом, были неутешительными. Он сообщил, что в ближайшие дни произойдет извержение, и что самое страшное, оно будет очень мощным.

Ошеломленная такой новостью, я приземлилась во дворе своего дома, благо двор был большой и позволял сделать это. Предупредив братьев о надвигающейся катастрофе, я вновь поднялась, что бы облететь всю планету, и убедиться, что проснулся только один вулкан. Макс просканировал за несколько витков, всю поверхность планеты, включая и водную акваторию. Не найдя больше ни чего угрожающего жителям планеты, я решила обследовать ближайшие проходы во временные порталы, что бы утром отправится сразу в нужном направлении. Я уже подлетала к третьему, последнему portalу, когда компьютер предупредил меня о приближении множества неопознанных кораблей.

Так, как на моем корабле, кроме одной лазерной установки, больше вооружения не было, а лазерной пушечки, хватило бы только на пару залпов, я решила укрыться от незнакомцев. Я спустилась на ближайшую, необитаемую планету, и укрылась между двух горных хребтов. Я дала указание Максиму фиксировать все происходящее в нашей звездной системе.

Постепенно на экране стали появляться огромные космические корабли, некоторые из них достигали не одну сотню километров в длину. Их окружали тысячи мелких, похожих на мой корабль. Некоторые были гораздо крупнее. Как только первые эшелоны вышли из портала, они тут же вступили в бой. Из порталов выходили все новые корабли. Вскоре началась такая карусель, что я перестала обрабатывать. Мелкие корабли стреляли из всех своих орудий, гоняясь друг за другом. Но самым страшным было то, как обстреливали друг друга маточные корабли. Стреляя, они извергали огромные лучи смерти. Мелкий корабль, попадая под такой луч, превращался в пыль. Вся эта бойня проходила вблизи нашей планеты. Я видела, как поврежденные корабли падали на поверхность нашей планеты. Эта страшная бойня продолжалась более тридцати часов. Вскоре одна эскадра, почти полностью уничтоженная, отстреливаясь, скрылась в своем портале. Вторая, сконцентрировалась в одном месте. Мелкие корабли пристыковывались к более крупным. Я не знала, чем они будут заниматься и, как долго, поэтому приказала Максиму, отключить все приборы за исключением системы жизнеобеспечения.

Я боялась, что эти агрессивные монстры, смогут запеленговать нас. Так в страхе и ожидании, я провела двое суток. Вскоре мои нервы не выдержали. Я включила компьютер и приказала отсканировать все пространство нашей звездной системы. Прошло несколько

томительных минут в ожидании. Вскоре Макс сообщил, что весь горизонт нашей системы чист, но на Юноне произошла, не только экологическая, но и технологическая катастрофа. Я попросила подробностей. Макс ответил, что обе катастрофы, спровоцировали космические корабли. Падение горящих кораблей, и сильные потоки излучения, от оружия, спровоцировали не только извержение некоторых вулканов, но и бурное таяние льдов на полюсах. В данный момент планета затоплена на девяносто восемь процентов, от предыдущей сухой поверхности. Я попросила Макса, следовать курсом на нашу Юнону. Макс выполнил мое указание, но предупредил, что планета окутана большим объемом вулканического пепла, и на всей поверхности большой радиационный фон.

Я спросила, можно рассмотреть, что осталось от планеты. Макс пообещал отсканировать поверхность и вывести картинку на экран, предварительно просеять помехи, которые создавал вулканический дым и пепел.

То, что я увидела на экране, потрясло меня. Вся поверхность земли была покрыта водой, и только некоторые островки виднелись на всей глади океанов, и те периодически утопали под натиском огромных волн и смерчей. От увиденного, я погрузилась в какой-то ступор, не позволяющий мне принимать нужные решения. Макс, поднимая корабль выше, нарезал один виток за другим, ожидая моих указаний. Прошло много часов, прежде чем я смогла осознать, что в один момент я лишилась всего, что имела. Теперь у меня не было ни родных, ни друзей.

Эти изверги, прилетевшие сюда воевать, лишили меня даже планеты, на которой я родилась и прожила не один десяток лет. От навалившегося на меня горя и бессонных часов, я только смогла сказать Максиму, что теперь он мой единственный друг, дом и родственник. Я приказала ему взять курс на землю, и разбудить меня, только в экстремальной ситуации, и погрузилась в глубокий сон. Очнувшись я, оттого, что кто-то меня требовательно звал.

— Лола проснись, нас атакуют.

— Что случилось? Кто нас атакует? — я не могла сразу сообразить.

— Нас обстреливают два неопознанных корабля. Я не могу их распознать, но уверен, что это пираты. Защита моя слабеет. Боюсь, что долго я не выдержу такой натиск.

— Где мы сейчас находимся?

— В галактике Млечный Путь. Звездная система, в которой находится Земля, недалеко от нас.

— Макс, срочно ищи ближайший портал, и ныряем в него.

Макс направил корабль к ближайшему portalу, но противники не отставали от нас. Во время входа в портал, нас потрянуло так, что я на время потеряла сознание. Надо отдать должное компьютеру, он сумел уйти от погони, и вывел нас на орбиту рядом с вашим спутником, вы называете его Луной. Очнувшись, я спросила Макса, как дела. Ответ его не обрадовал меня. У нас от попадания загорелся корабль, но противопожарная система работала, пожар был локализован.

Но это оказалось не все. У нас был поврежден гравитационный модуль, и что самое главное, поврежден был главный двигатель. Макс сообщил, что с поломкой двигателя, мы катастрофически теряем энергию. Я спросила, сможем ли мы спуститься на Луну и попытаться отремонтировать хотя бы двигатель. Макс ответил, что повреждение серьезное, и я своими силами не справлюсь, к тому же, после приземления, у нас не останется энергии преодолеть гравитацию Луны. Я спросила, какой, по его мнению, в этой ситуации самый оптимальный выход. Макс ответил, чтобы я смогла выжить, нам нужно продолжать полет на

Землю, и то он сомневается, что энергии хватит посадить корабль в заданном квадрате.

Мы продолжили полет, но при подлете к Земле, поврежденный компьютер не смог правильно рассчитать нужные координаты для посадки и нам пришлось сделать дополнительный виток вокруг Земли, что привело к потере остатков энергии.

Макс уже не мог самостоятельно производить расчеты, тогда я увидев слияние рек и гор, приказала посадить корабль в наиболее удобном месте. Вдруг я увидела, что экран погас, потом вновь загорелся. Затем тихий голос Макса сказал:

— Лола, это конец. Мы не сможем приземлиться. Корабль разобьется о скалы, но у меня еще достаточно энергии, что бы открыть входной люк. Тебе придется надеть скафандр и покинуть корабль, что бы спасти свою жизнь. Я поблагодарила Макса за все, что он для меня сделал. Он так же попрощался со мной, и напоследок предупредил, что в скафандре кислорода в достатке, а вот в двигателе топливо на исходе и может не хватить на спуск, поэтому он посоветовал мне планировать, а перед самым приземлением включить двигатель и погасить падение. Как только я надела костюм, люк с шумом открылся, и меня как пушинку выбросило в пространство. Раскинув руки и ноги, я как могла, старалась планировать. Видела я и гибель корабля. На высоте тысячи метров я включила двигатель. Вы, наверное, видели, что скорость я погасила, но вот топлива для посадки не хватило.

Но я не жалею ни о чем. Я все-таки попала на родину отца, и здесь познакомилась с замечательными людьми. В какой-то мере я выполнила свое обещание, хоть только два человека, но все же знают, и надеюсь, что еще кто-то узнает о судьбе моего отца.

Лола закашлялась, на ее губах выступили крупные капли крови. Тяжело вздохнув несколько раз, она попросила воды. Сергей вытер ее губы носовым платком, затем поднес стакан с водой к ее губам. Сделав всего один глоток, она хрипло произнесла.

— Спасибо вам, друзья мои, за этот последний глоток воды, и спасибо за то, что в последнюю минуту жизни вы были рядом. Спасибо за все, что вы сделали для меня и сделаете еще. Я уйду в мир иной с легким сердцем и с благодарностью к вам, землянам, ведь это по-своему и моя родина. Теперь я прошу вас, оставьте меня одну. Боль моя усиливается, а мне нужно попрощаться не только с вами, но и со всеми родными, которые ждут меня по ту сторону жизни.

Лола тяжело вздохнула и закрыла глаза. Мы по очереди поцеловали ее в лоб, затем ушли в свой лагерь. В лагере мы сидели рядом друг с другом, не произнеся ни слова.

Нам не хотелось говорить. Каждый из нас думал о своем.

Не знаю, как долго мы так сидели, но когда вернулись, Лола была мертва. Мы отнесли ее тело в лагерь, укрыли пологом, а сами пошли выбирать место для могилы.

Место выбрали удачное, у подножия одиноко стоящей ели, на возвышенности метрах в двухстах от берега реки. На следующий день в полдень мы похоронили нашу гостью из другого мира. Мы прикатали несколько больших валунов и уложили их на могиле так, что несведущий человек вряд ли догадается, что стоит рядом с могилой.

Закончив с похоронами, мы наложили камней в скафандр и, отплыв на нашей лодочке, сбросили его в воду на приличной глубине. Покончив с делами, договорились, что не станем в ближайшее время говорить о происшествии близким.

На следующий день около полудня за нами приплыл Леонид, а уже вечером мы сидели у Сергея дома, организовав небольшие поминки по усопшей.

Утром, попрощавшись, уехал в Барнаул. Там поставил машину на платную стоянку, взял с собой только рукопись и минимум вещей. На поезде с несколькими пересадками добрался

до Читы.

Не стану утомлять вас моими мытарствами в поисках Вари, но скажу, что мне все-таки удалось найти ее.

Я был немного разочарован нашей встречей. Не подумайте плохого, просто Варя была уже в приличном возрасте и сильно больна. Я, как мог, объяснил ей ситуацию, но, видимо, она не смогла мне поверить.

Я попытался уговорить ее, но она отказалась принять рукопись, объяснив это тем, что деньги, и очень большие, которые передал ей Антон несколько лет назад, ее дети пустили в дело. Теперь они занимаются бизнесом, их больше ничего не интересует. Даже к ней в гости заезжают очень редко. Сама она слишком больна и малограмотна для того, чтобы что-то сделать с этой рукописью.

Она посетовала на то, что ее старший брат Иван умер полгода назад от онкологии. Он-то с его связями мог бы помочь, но теперь и его не стало. Конечно, ей бы хотелось оставить рукопись у себя как память, но она побоялась, что долго не проживет, а дети просто выбросят ее за ненадобностью. В конце нашего разговора она поблагодарила меня за хлопоты и попросила, как жителя города с большими возможностями, чем у нее, придать гласности рукопись, как и просила Лола.

Я понял, что потратил деньги и время зря, поэтому, простившись, покинул ее дом, с обидой на ее детей, которым так помог их дядя. Вернувшись домой, я положил рукопись на антресоль и, замотавшись в круговерти работы и семейных дел, связанных с замужеством дочерей, и рождением внуков, совершенно забыл о существовании рукописи. Только спустя несколько лет, когда моя жена попросила меня в канун нового года выбросить старые вещи и освободить антресоль, я нашел рукопись. Мне было очень стыдно, за мою забывчивость, поэтому все новогодние каникулы я посвятил изучению рукописи. Когда я полностью ознакомился с ней, то решил немного отредактировать ее, и все же вынести ее на суд читателя, а что получилось из этого, судить вам.

На Юноне заканчивалась ночь. Вокруг стояла предрассветная тишина.

Ах, Юнона! Как сказочно красива эта далекая планета с ее удивительными пейзажами, климатом и, конечно, с теплым ласковым океаном. Но об этом позже. А сейчас хотелось бы немного рассказать о том, как начинается рассвет.

Рассказ об этом, конечно, не займет много времени, но это необходимо, чтобы читатель знал о том, откуда начинается это повествование.

Солнце, как и принято, наверное, на всех планетах, встает на востоке, оно появляется из-за гряды довольно высоких гор. Среди этих гор находится постоянно парящий мелкими струйками пара вулкан. По склону вулкана, который простирался до самого залива, бьют небольшие гейзеры. Эти горячие источники, накапливаясь в небольших водоемах, стекают каскадами вниз, образуя при этом много других водоемов, где можно, без опаски свариться, принимать минеральные ванны.

Весь берег залива исчерчен ручейками, которые, стремясь соединиться с морской водой, образуют на песчаном берегу удивительной формы островки, покрытые мелким желтовато-красным песком.

На этом песке ранним утром любили погреться ластоногие животные, в изобилии обитающие в водах залива. И хочу сказать, уважаемый читатель, что вкуснее мяса этих животных я не пробовал никогда в жизни. Мясо этих животных нежное, светло-красное и нежирное. С виду они очень похожи на наших земных морских котиков, с той лишь разницей, что они чуть меньше в размерах и у них нет подкожного жира, так как воды океана очень теплые, и холодных зим здесь нет, разве что ближе к полюсам.

Сам залив, по здешним меркам, не самый большой. Если на него взглянуть с высоты птичьего полета, то можно увидеть, что сам залив имеет изогнутую, удлинненную форму, с коротким изогнутым под прямым углом перешейком, соединяющим сам залив с водами океана. А благодаря своей изогнутой форме, довольно высокая приливная волна, пройдя перешеек и углубившись слегка в сам залив, теряла свою силу, поэтому глубина основной части акватории залива, достигавшая шесть-восемь метров, не менялась. И даже в штормовую погоду, которая бывает здесь только в сезон дождей, поверхность воды остается довольно спокойной.

Весь залив находится почти в центре высоких горных цепей, не дающим сильным восточным ветрам разгуляться по акватории залива.

Но в остальное время года, особенно по утрам, свежий океанический воздух, смешавшись с паром гейзеров, на поверхности залива образует рябь мелких волн, которые с легким прибоем растекаются по песчаному пляжу на Западном побережье.

С правой стороны пляжа был выложен из крупных камней удобный пирс с причалами для большого количества мелких и крупных лодок. От пирса круто вверх поднималась довольно широкая лестница, аккуратно выложенная из плоского камня, с высокими перилами, за которыми находилась извилистая дорога.

На самом верху, упираясь в край огромного плато, стояло в одиночестве странное сооружение, издали похожее на панцирь огромной черепахи. Но если присмотреться, то в нем можно заметить двери, а также окна, похожие на иллюминаторы морского корабля. С той лишь разницей, что иллюминаторы открываются внутрь, а эти окна поворачивались на

своей оси на девяносто градусов.

И пока я описывал пейзажи, показался краешек солнца. И если находится у окна этого странного дома, можно наблюдать, как первые лучи восходящего солнца могут проникнуть через туманную дымку, поднимающуюся от поверхности воды. Лучи солнца, вырываясь из-за скалы, рассыпаясь в стороны, образуют полусферическую корону. Человеку, глядящему на это, кажется, что на «голове» вулкана надета золотая, светящаяся всеми цветами радуги, корона.

Вот, в этой таинственной тишине, человек, ощущает какой-то божественный трепет с желанием, что бы эта красота, никогда не заканчивалась.

Но проходит несколько секунд, и диск солнца поднимается выше. Теперь его лучи, падая на поверхность тумана, устремляются вдаль, задевая своими краями лес, виднеющийся в нескольких километрах от побережья.

Лес, освещаясь лучами солнца, начинает светлеть, оглашаясь первыми, робкими трелями птиц, которые гнездятся на кронах громадных деревьев.

Тень ночи начинает медленно отступать от леса и двигается навстречу солнцу. Вот она опускается к плато, плывет над заливом. Создается впечатление, что ночная тень бежит от взгляда солнца и хочет быстрее спрятаться в пещерах, которые изобилуют в прибрежных скалах. Поэтому местные жители, рассказывая очередную легенду, обязательно упомянут, что демоны ночи, боясь гнева бога Солнца, прячутся в горных норах. И при этом предостерегают всех, а в особенности детей, от посещения пещер.

Между тем, лучи солнца с помощью легкого бриза начинают разгонять туман, и, прорвавшись сквозь него, освещают сначала робко, а потом все сильнее поверхность воды, где от легкого ветерка поднимается легкая рябь. От этого прикосновения вода начинает светиться, отражая мелкие блики, создавая впечатление кипящего серебра с золотым отливом.

Да, это сказочная красота, дающая какое-то умиротворение каждому, кто хоть раз видел это воистину захватывающее зрелище.

И в это прекрасное утро мы переносимся в дом, одиноко стоящий на плато, почти у самой кромки песчаного обрыва на побережье залива.

В большой комнате с восточной стороны дома у открытого окна стояла широкая кровать, на кровати лежал еще не старик, но очень пожилой человек. Он был укрыт легким самотканым пледом, натруженные за многие годы руки спокойно лежали вдоль тела, длинные седые волосы, красиво уложенные, стекали с подушек на плечи и грудь.

Лицо его было спокойным и умиротворенным. Но не было заметно даже намек на его дыхание. И складывалось впечатление, что человек этот умер. Но это ошибка. Человек был жив, но вот уже шестьдесят пять дней находился в коме.

Но его не оставляли в одиночестве. Все эти дни у его изголовья постоянно дежурили его дети. У них был даже свой график дежурства. Наблюдая за больным, они потихоньку занимались своими делами, чтобы не было скучно. Дочери что-нибудь шили или вязали, сыновья плели сети или чистили оружие. Каждый занимался своей работой.

Так и сейчас рядом с кроватью больного на маленьком стульчике сидел угрюмый мужчина. Он был высокого роста, с хорошо развитой мускулатурой, с правильными чертами лица. И если бы не его темные пышные волосы, которые падали на лицо при работе с сетью, которую он старательно ремонтировал, можно было подумать, что это двойник старика, лежащего на кровати, так они были похожи. Но нет. Это был старший сын старика,

сорокалетний Дио, ставший на время болезни отцом главой клана.

Но вот послышался шум, хлопнула дверь, и в комнату как ураган ворвалась юная красавица, веселая и всегда неутомимая. Это младшая дочь старика, красивая, не по годам высокая, стройная, с хорошими формами и длинной до колен косой, гордостью ее отца. И хотя эта шестнадцатилетняя светло-рыжая бестия и была быстрой и неутомимой, в ней также уживались любознательность, когда это необходимо, сдержанность, усидчивость и желание учиться чему-то новому.

Вот и сегодня, с шумом распахнув двери, она уже с привычным криком: «Папочка, это я, вставай уже утро», — подбежала к кровати и дважды поцеловала отца в щеки. После чего, повернувшись к брату, спросила:

— Ну что, Дио, как прошла ночь? Никто тебя не побеспокоил? Папа не расспрашивал тебя о том, как вы с Рио умудрились порвать в заливе невод? А, может, ты всю ночь проспал, а отец уходил куда-нибудь? Ну-ка сознавайся!

И все это было сказано на одном дыхании, так что Дио только и смог сказать:

— Нормально, все по-прежнему, — и поцеловав Лолу в лоб, тихо вышел из комнаты.

Лола повернулась, посмотрела на широкую спину уходящего брата, довольно улыбнулась, затем пошла в другой конец комнаты, где у нее лежал накануне ею же сшитый, правда, не без помощи матери, новый наряд, свободного кроя брюки, доходившие до колен, и кофточка к ним. Лола решила на кофточке вышить цветными нитками придуманный ею еще вчера вечером красивый узор.

В комнате было душно, так как окно было всю ночь закрыто, чтобы мелкие насекомые не побеспокоили больного. Конечно, обитатели дома боролись с этой кровососущей напастью как могли. Они натягивали на окна москитные сетки, но они спасали только от более крупных насекомых, а вот мелкие, которых и заметить-то трудно, просачивались через ячейки сетки и создавали много беспокойства всем окружающим. Они слегка покусывали, и человек начинал непроизвольно чесаться, кожа покрывалась сыпью, которая со временем превращалась в мелкие гнойнички. Их приходилось обрабатывать серной мазью (благо в сере не было недостатка: ее в изобилии добывали на склонах вулкана), которую хозяин дома научил изготавливать всех домочадцев, а также и другие племена, дружелюбно настроенных к обитателям этого дома. После обработки мазью, сыпь на теле подсыхала и начинала шелушиться. И вот, чтобы избежать такой напасти, хозяева дома стали использовать в борьбе с этими паразитами серу. Они брали оливковое масло (деревья оливы во множестве росли у подножья гор на песчано-каменистой почве), смешивали с серой. Получив такой раствор, пропитывали им шнурок, который крепили по краям оконного проема. Таким образом, запах серы и оливы отпугивал насекомых, правда и обитателям дома этот запах доставлял неудобство. Но это было ничто по сравнению с этими кровососущими паразитами.

На этом, дорогой читатель, давай оставим описание этой, на первый взгляд, не очень привлекательной фауны, оставим пессимизм а, набравшись терпения и оптимизма, обратим внимание на человека, лежащего без движения на кровати.

После того, как Лола оставила открытой дверь и занялась своим рукоделием, в комнату ворвался легкий морской ветерок. Он своим ласковым прикосновением растрепал волосы на подушке, коснулся лица и груди лежащего человека, при этом своим резким порывом он приподнял свисающий рукав кофточки, которую вышивала Лола, и накрыл ее руку, державшую иголку, красной нитью. Лола стряхнула с руки рукав кофты, помешавший ей

работать, и взглянула с неодобрением в окно.

Посмотрев на голубое, безоблачное небо, она встала и подошла к окну. Ей захотелось слегка прикрыть окно, но руки остановились на полпути. Лола подумала: пусть лучше проветрится комната, ведь скоро опять начнется зной, и окно придется закрыть.

Отвернувшись от окна, она хотела пройти на свое место заняться делом, но в это время взгляд ее уловил едва заметное движение. Не поверив себе, она стала пристально всматриваться в больного. И все-таки зрение не обмануло. Грудь больного слегка поднималась и опускалась, он стал глубже дышать.

Лола тихонько вскрикнула, прижав руку ко рту. Да, подумала она, я все-таки была права, что два месяца назад устроила истерику и не дала похоронить отца, когда все посчитали его погибшим. Одна она своим детским, необузданным напором и силой убеждения, как ей тогда казалось, заставила перенести отца в комнату и устроить на кровати, стоящей у окна, на которой отец спал последнее время.

Первое время она одна ухаживала за отцом. Остальные считали все это прихоть избалованного ребенка, но по мере того, как проходило время, а тело не изменялось, трупных пятен не было видно, и более того, видимые части рук и лицо посвежели. Только после этого, все поверили в то, что их родной и любимый человек все-таки жив, хоть и лежит без движения. Тут же устроили совет семьи и решили, что не только Лола, но и все остальные члены семьи по очереди будут дежурить у постели больного.

Так все и происходило вплоть до сегодняшнего утра.

Лола не стала никого звать, она тихонько взяла стул и села у изголовья отца, наблюдая и терпеливо ожидая пробуждение отца. Ожидания ее не обманули.

Через несколько минут больной резко открыл глаза и тут же закрыл их. От яркого света боль разлилась по всей голове, прокатилась по всему телу и затихла в пальцах ног. Антон дернулся и затих, он начал медленно приходить в себя. Он еще не понимал, что с ним происходит и где он находится.

Силой воли он заставил себя успокоиться. Когда это у него получилось, он медленно приоткрыл веки. Постепенно свет перестал причинять боль глазам, и Антон открыл их полностью. Голова кружилась, окружающие его предметы расплывались как в тумане. Это его совершенно не удивило, так как мозг начал анализировать происходящее.

Он сконцентрировался на одном предмете, который висел на противоположной стене комнаты. Постепенно предмет принял ясные очертания. Теперь Антон видел, что это картина.

На картине размером два на три метра был изображен очень красивый и чем-то завораживающий пейзаж, на фоне которого в летней беседке семья из пятнадцати человек. Они пили что-то из резных деревянных кубков, ведя неторопливую беседу. От вида этой картины у Антона по всему телу разлилась теплая волна, при этом он ощутил теплоту и уют. Понимая, что это именно его семья, изображена на полотнище. От этого стало как-то спокойно и надежно.

Не шевелясь, он перевел взгляд влево, где у раскрытого окна, на подоконнике, стояла большая глиняная ваза с огромным букетом свежих цветов. От налетевшего ветерка тонкие и прозрачные лепестки трепетали, и, казалось, что они шепчут о чем-то своем.

Налюбовавшись таинством красок садовых цветов, что росли вокруг дома на клумбах, за которыми так трепетно и нежно ухаживала его жена, Антон вздохнул полной грудью, почувствовав облегчение, словно с него сняли какой-то большой и тяжелый груз, давящий

все это время на него.

Подышав с наслаждением полной грудью, медленно повернул голову направо. Первое, что увидел — это взгляд юной рыжеволосой девушки. Взгляд ее источал восторг, нежность, любовь и удивление. Антон, глядя на все это, непроизвольно улыбнулся, до того все это было мило и как-то по-детски непосредственно. Глядя на нее, Антон улыбнулся в ответ. Девушка поднесла ладони к лицу, вскрикнула и выбежала из комнаты, громко крича.

— Все ко мне, идите сюда, папа проснулся!!!

Антон усмехнулся довольный собой, что у него подрастает такая стройная и красивая дочь. Надо отметить, что все его тринадцать детей были стройны и красивы. Они немного отличались внешностью от других жителей Юноны. Они были чуть выше ростом, правда, не намного, но все же это их выделяло из общей массы, к тому же все они широки в плечах. Физически развитые, гибкие и ловкие, с потрясающей реакцией. Поэтому на ежедневных утренних разминках Антон уже не становился с ними в спарринг. Ребята уже превзошли его, и это, как он понял, сказывалась разница в возрасте, хотя он и сейчас еще многое мог, просто мастерство их за много лет выросло в разы. Они теперь больше тренировались друг с другом, чем с отцом. Антон сначала обижался, но потом понял, что сыновья уже выросли, давно уже не дети, и у каждого есть своя семья, дети, и не по одному. У старшего Дио, вообще семеро.

Просто они боялись в азарте борьбы причинить старику боль или того хуже, сломать руку или ногу. Но при этом они любили и уважали его не только за то, что он был их отцом, но и за то, что он был, в первую очередь, их старшим другом, наставником, учителем. За то, что он научил их любить друг друга, оберегать младших и женщин, разъяснил такие понятия, как любовь, совесть, вера, доброта, справедливость, добро и зло, и за его безграничную любовь к ним, они отвечали тем же.

Дочери так же были высокими, стройными, и, на первый взгляд даже хрупкими. Но это только видимость. На самом деле они были довольно сильными, ловкими и в борьбе практически не уступали братьям, при этом они с завидной ловкостью владели любым оружием. Так что постоять за себя они могли всегда.

Но вот когда, кого-то из них приходилось выдавать замуж, это доставляло не столько Антону, сколько братьям много забот и хлопот. При этом Антон не диктовал им своей воли, право выбора избранника или избранницы предоставлял делать самим. Единственное условие, которое он их заставлял выполнять — это не заводить семью до восемнадцати лет, и жена мужа должна жить с мужем и его семьей, также как и муж дочери.

Он не хотел раздробить семью, а наоборот, хотел ее увеличить. И надо сказать, у него это получилось. Его семья увеличилась, образовав при этом довольно большой клан, насчитывающий шестьдесят девять человек.

Мужчин женить было намного легче, чем выдавать женщин замуж. Когда юноша достигал восемнадцати лет, старшие собирались в команду, брали с собой оружие, запас продовольствия и все необходимое в длительном путешествии. Старшему из сыновей Антон давал оптический прицел от своей винтовки, с которым он не расставался почти пятьдесят лет. Так как на Юноне не было огнестрельного оружия, кроме винтовки Антона, он не хотел, чтобы лишний раз применялось оно, внося смуту и наводя страх на местное население.

Команда, так называемых, сватов на самом деле являлась командой охотников за невестой. Они по очереди обходили скрытно все племена, попадающиеся на пути, и издали, в оптический прицел, потенциальный жених рассматривал всех девушек, находящихся в этом племени. Если ему никто не приглянулся, команда уходила дальше, и так они продолжали обследовать поселения одно за другим, пока жених не покажет, кто из девушек привлек его внимание. После выбора жениха, команда начинает готовиться к похищению невесты. Роли у всех распределены заранее, каждый знает свое место. В команде

обязательно присутствует женщина. Во время пути она готовит мужчинам обед, а во время операции по захвату невесты играет так же важную роль. Она подходит поближе к поселению и старается привлечь внимание девушки. У женщин ведь есть свои секреты, как это сделать. Проявив любопытство, девушка приближается, а в это время двое молодых людей выскакивают из засады и, зажав ладонью рот жертвы, бесшумно исчезают. Собравшись вместе, команда быстро отправляется домой, при этом осторожно избегая встреч с другими племенами.

О погоне они особо не беспокоятся, так как все племена занимаются воровством невест, дабы избежать кровосмешения, и наоборот оздоровить кровь.

Вернувшись домой, девушку определяют в комнату под присмотр молодых незамужних женщин. Жених постепенно начинает за ней ухаживать, знакомить с бытом. И так как девушка понимает, что ее все равно кто-нибудь украл бы (они готовы к этому с самого детства) через какое-то время дает свое согласие на брак.

Такой подход не устраивал Антона. Постепенно он внес в этот ритуал свое правило для знакомства молодых людей. Он, заручившись поддержкой старейшин, решил устраивать два раза в год, смотрины. Для этого Антон обращался к соседним племенам с просьбой выделить гонцов. Их одевали в праздничные одежды, и они расходились по всей округе.

Антон знали и уважали не только ближайшие племена, но и дальние, слышавшие о нем. Поэтому, встретив гонца, люди, узнав, кто они и кого представляют, оказывали им почет и уважение, обещали передать услышанное дальше.

Так на смотрины, которые проводились в ближайший день солнцестояния, а их в году всего два, на прибрежном плато собиралось множество гостей. В этой толпе были не только молодые люди, надеющиеся покорить сердце красавицы, но и много зевак, пришедших поглазеть, их, конечно, было большинство. Что бы этой толпой руководить и держать в подчинении, со всех кланов собирали совет старейшин, который, в свою очередь, выбирал молодых, крепких, желательно, женатых мужчин в роту охраны, которая не только наводила порядок, но и несла круглосуточную охрану всего лагеря, выставив ограждение по всему периметру. Ночью с внешней стороны ограждения разжигались большие костры, чтобы отпугнуть диких животных, которых в изобилии хватало в ближайшем лесу.

Бригада плотников ремонтировала трибуны, что-то постоянно ломалось, другая бригада молодых ребят подвозила песок с берега залива и посыпала всю арену, девушки плели венки и собирали букеты цветов для украшения. Остальные, кому не хватало работы, празднично проводили время, что-то обсуждали, обменивались новостями.

Молодые парни и девушки знакомились, собирались кучками. Они пели или танцевали, репетируя свои выступления. А некоторые из молодых людей, те, кто правильно оценил свои возможности и понимал, что не сможет претендовать на сердце красавиц, в честь которых был организован этот праздник, зря время не теряли, присматривались к еще молодым девушкам, выбирали понравившуюся, знакомились, ухаживали за ними. А что бы не бегать потом по горам и лесам в поисках понравившейся невесты, не воровать ее, опасаясь в случае неудачи не только получить хорошую трепку, но и, возможно, лишиться жизни (иногда случалось и такое), старались до конца праздника заручиться согласием на брак.

Девушки тоже не теряли время даром. Они наводили у родных и знакомых справки об ухажере и его семье, ведь порой уклад жизни, состояние и благонадежность играли ключевую роль в будущем девушки. И только обдумав всю собранную информацию, девушка могла дать согласие на брак. В случае положительного ответа молодые люди шли в совет

старейшин. Совет старейшин, выслушав просьбу и объяснения молодых, приглашал родителей. Если родители были незнакомы, знакомились, советовались, обсуждали условия брака, просили совет у старейшин. Придя к соглашению, они давали свое согласие на брак, и совет старейшин назначал день свадьбы.

Обычно этот день назначался на конец основного мероприятия. Так как за эти почти две недели набиралось несколько десятков пар, совет старейшин, дабы еще крепче сдружить и примирить свои племена, назначает день свадеб и руководит всем этим огромным праздником, собрав под одно крыло столь многочисленное скопление народа. Все это делалось для простого народа.

Но Антон, хорошо изучил, правила и традиции местного населения. Он не хотел расставаться со своими дочерьми и что бы обезопасить их от похищения, придумал вот такие смотрины, убив при этом несколько зайцев одним выстрелом. Во-первых, молодые люди, зная, что дочь Антона выйдет замуж только после смотрин, прекращали попытки похитить ее. А во-вторых, такими масштабными праздниками Антон старался примирить соседние народы. И это у него неплохо получилось. Прекратились междоусобицы, унесшие много жизней малочисленного населения, люди стали больше общаться, дружить с другими племенами, наладилась торговля. Хотя это, по земным меркам, и трудно назвать торговлей. Но для жителей Юноны это был большой шаг к новой эпохе их жизни. Но об этом чуть позже. В-третьих, братьям стало не так обременительно, постоянно боясь похищения, караулить сестер.

Организовав двадцать лет назад первый праздник, Антон не стал укорять себя за то, что праздник прошел не так, как ему хотелось бы. Он получился слегка вялым и сумбурным, но Антон заметил, что это мероприятие многим очень понравилось. Это не огорчало его. Он вспомнил, как пригласил к себе в гости всех вождей племен и старейшин на большой совет. Именно тогда, он предложил совету проводить смотрины не только для своих дочерей, но и для девушек со всех островов и племен. Участники совета обсуждали предложение Антона бурно и жарко, порой срываясь на крики и угрозы. Увидев, что обсуждение заходит в тупик и может вовсе сорваться, Антон взял на себя бразды правления. Он стал терпеливо объяснять суть своей идеи.

А идея заключалась в следующем. Проводимые смотрины — это не только возможность выдать дочь замуж или женить сына, это само по себе сближение всех народов, сея при этом зерно мира и дружбы и согласия. При этом, здесь можно проводить ежегодные спортивные мероприятия, а это, как ему кажется, хотел бы видеть каждый из присутствующих на совете. Совет, еще посоветовавшись заключалась в следующем. своей идеи.

ожет вовсе сорваться, Антон взял на себя бразды правления. дей их пле, согласился с доводами Антона. В свою очередь Антон предложил совету, чтобы каждый из присутствующих у себя дома на совете племени обсудил идею Антона, и через три месяца, собравшись снова, обсудить правила проведения праздника, составить законы и выбрать виды соревнований, при этом не забывая про смотрины. Ведь это будет основанием для праздника. Молодые люди смогут сами себе выбирать пару. Это может в корне поменять отношения между племенами, в лучшую сторону.

На этом совет расстался с хозяином дома, клятвенно заверив его, что через три месяца встретятся вновь.

Все вышло, как хотел Антон. И даже больше того. Ведь не только стали проводить смотрины, но и получилось так, что стали проводить нечто, похожее на чемпионат мира в

спортивных соревнованиях. А, зная практически все летние виды спорта (зимние он исключил, так как на Юноне не было зимы) и их правила, он постарался их внедрить, исключив при этом такой вид спорта как бокс, посчитав, что в нем присутствуют элементы насилия, решив заняться этим вопросом позже, когда менталитет населения станет на несколько ступеней выше.

В коридоре послышался шум шагов нескольких людей. Антон открыл глаза. Повернув голову в сторону двери. Он с интересом стал ждать, что же сейчас произойдет, хотя и так знал, что в комнату первой войдет его жена, Юна. Все случилось так, как он предполагал. Основные правила поведения он ввел сразу же после создания семьи. По мере того, как разрасталась семья, все старались соблюдать раз и навсегда установленный порядок. Но нет правил без исключения. И это, конечно, была Лола, младшая дочь Антона. Шумный, взрывной и непоседливый характер позволял ей совсем забыть все правила, сделать что-нибудь не так, после чего получить от старших взбучку, клятвенно обещать, что больше никогда не повторится, через десять минут забыть о своем обещании и начать все сначала.

Так было и сейчас. Лола попыталась оттеснить мать и первой вбежать в комнату, но один из старших братьев поймал ее за руку и вытащил из комнаты, развернул спиной к дверям, шлепнул ладонью пониже спины и толкнул вглубь коридора. Это помогло, но ненадолго. Через минуту ее сияющая мордашка выглядывала из-за двери в комнату.

Юна торопливо шла по комнате, протянув к нему свои натруженные руки. Антон про себя отметил, как мало она изменилась за все эти долгие годы их совместной жизни, и, усмехнувшись, вдруг подумал, кто бы мог предположить, что больше сорока с лишним лет назад эта красивая, стройная и гордая девушка станет его женой.

Тем временем Юна подошла к мужу, опустилась на колени у его постели, взяла его руку в свои, прижала к своей щеке и тихонько заплакала, опустив голову.

У Антона перехватило дыхание, глаза наполнились слезами. Он вспомнил слова, когда-то сказанные ему дедушкой, что придет время, и он когда-нибудь заплачет от счастья. В этот момент он был абсолютно счастливым человеком.

Свободной рукой погладив жену по волосам, в которых уже настойчиво пробивалась седина, он поднял ее голову, и заглянул ей в глаза. Взгляды их встретились, и они без слов рассказали друг другу все, что накопилось в их сердцах за это время. Они давно стали понимать друг друга без слов.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Юна.

— Все хорошо, дорогая, все хорошо.

— Может, ты что-нибудь хочешь покушать?

— Нет, милая, ничего не хочу, только скажи, пусть принесут холодный гранатовый сок с водой.

Юна окликнула детей, те в свою очередь не стали ждать, когда позовут вторично, а гурьбой тут же ввалились все в комнату, при этом толкая друг друга, с улыбками на лицах. Юна повторила просьбу отца принести сок, но в это время с задних рядов уже передавали большой деревянный кубок наполненный соком, кем-то заботливо прихваченный по пути из столовой.

Лола, схватив кубок, быстро подбежала к отцу. Вдвоем с матерью они приподняли Антона, подложили под голову вторую подушку, и Юна стала поить Антона. Сделав несколько глотков, он опустился на подушки, прикрыв глаза, прислушался к новым ощущениям внутри себя. Полежав несколько секунд, открыл глаза, с улыбкой посмотрел на родных, тихонько стоящих все это время в стороне.

Все заговорили разом, со всех сторон сыпались вопросы. Антон взмахом руки успокоил

всех и пообещал, когда ему станет лучше, рассказать, что с ним случилось, после чего закрыл глаза и погрузился в крепкий сон.

Проснулся Антон в полдень. Открыв глаза, он увидел сидящую рядом с кроватью младшую дочь, которая старательно что-то шила. Полюбовавшись ее усердием, которое редко посещало ее, он тихонько окликнул ее.

— Лола, может, ты посмотришь и на меня — с иронией пожурил он дочь.

— Ой, извини, папочка. Я заработалась и не заметила, как ты проснулся.

— Доченька, принеси, мне, пожалуйста, сока. Я хочу пить.

— Я сейчас, — крикнула на ходу Лола, выбегая из комнаты.

Через несколько минут она вернулась, и не одна. С ней пришла его младшая сноха Зуре. Увидев в ее руках маленький бокал, Антон изобразил на лице гримасу и закачал головой из стороны в сторону, давая таким образом понять, что пить лекарство он отказывается.

Зуре была как всегда не по годам разумной, строгой и настойчивой.

— Отец, — строго сказала Зуре, — нужно выпить этот настой, он придаст вам силы и бодрости.

— Хорошо, сдаюсь — с притворным смирением ответил Антон, — отдаю себя в руки эскулапу.

— Папа, а кто такой «эскулап»? — тут же спросила Лола.

— Эскулап, Лолочка, это такой человек, который лечит людей. Вот такие как наша Зуре и ее отец, без которых мы не можем обойтись.

Лола хотела еще что-то спросить, но Зуре ее властно остановила:

— Хватит разговоров, сначала отец выпьет настой, а поговорить можете и позже, на это у вас еще будет время.

— Хорошо, если доктор настаивает, нужно пить, — набравшись мужества, он залпом осушил бокал.

Его рот и гортань обожгла жгуче-горьковатая жидкость. Подождав, пока ослабнет первое вкусовое ощущение, он попросил у дочери что-нибудь попить (затушить этот пожар во рту). Лола подала пиалу, наполненную мясным бульоном с мелко намотыми орехами и маленькими кусочками мяса. Сделав небольшой глоток горячего бульона, и ощутив сильный голод, Антон выпил бульон полностью. Через какое-то время, действительно почувствовал в себе прилив сил и бодрости.

— Зуре, — сказал Антон, — спасибо тебе за лекарство, за компрессы на моих ранах и за бульон, который вы мне приготовили.

— Отец, — с удивлением спросила Зуре, — а почему только мне спасибо? Ведь о вас беспокоились все, и лечил в основном вас мой дедушка, а мы только ему помогали.

— Ну, хорошо, хорошо. Передайте всем мою благодарность и любовь к вам.

Подмигнув девушкам, он сделал знак рукой «уходите, я не хочу с вами разговаривать». Девушки звонко рассмеялись и выбежали прочь.

Оставшись один, Антон прикрыл глаза и погрузился в свои мысли. Вспомнил он, как в его семье появилась Зуре.

Эта девушка, с ее напускной строгостью и неприступностью, на деле оказалась очень доброй и заботливой.

А началось все так. В пятнадцати километрах от побережья с северной стороны залива, за небольшим горным хребтом, было небольшое поселение, приютившееся между скалами и лесом. В небольших каменных домах проживало племя в сто человек. Среди них жил

знатный лекарь, славившийся на всю округу своими мазями и настоями от всех болезней. Надо отдать должное, что хоть цивилизация на этой планете только зарождалась, и жизнь была еще во многом примитивной, познания в медицине были богатыми и, мало того, они кроме мазей и отваров могли делать небольшие хирургические операции, благодаря которым Антон остался жив, после встречи со Змеемонстром. Но об этом позже.

Лекарь был уже в преклонном возрасте, когда их небольшая семья: сын, сноха и их пятилетняя дочь, отправились в лес собирать ягоды, которые в изобилии росли на небольших лесных полянах. Люди старались во время сезона запастись впрок этим столь необходимым в повседневной жизни продуктом. Ягоды собирали в корзинки, приносили домой. Высыпали на циновки, затем выносили на солнце. Когда ягода подсыхала, внутренности ее превращались в маленькие кристаллы. В итоге получался наш земной сахар-рафинад, с той лишь разницей, что он был фиолетового цвета.

Это был уже второй поход за ягодами в день, и они очень торопились вернуться домой засветло. Старик с чувством тревоги провожал их в лес. Он каждый раз боялся остаться один, ведь кроме них у него никого больше не было. Двух старших дочерей украли замуж, и с тех пор он их не видел. Видимо, это были люди с далеких островов. Старший сын его погиб на охоте. Жена, верный его спутник и помощник, семь лет назад погибла, сорвавшись со скалы.

Прислушиваясь к поднявшемуся шуму, старик вышел из дома. Народ в панике возвращался из леса. Он успел расслышать только одно слово:

— Ирунчи!!! Там Ирунчи!!!

На окраине деревни они останавливались, ожидая возвращения остальных. С нетерпением, прождав еще час после возвращения последних, стали подсчитывать кого нет. Отсутствовали шесть человек: пожилая женщина, девушка и юноша пятнадцати лет, а так же семья лекаря в полном составе. Толпа роптала, женщины плакали, дети сбились в стаю, с ужасом глядя в сторону леса.

Мужчины, посоветовавшись, разошлись по домам вооружаться.

Через двадцать минут все вернулись обратно, вооруженные кто, чем мог. Основным оружием были длинные копья, мечи, ножи и арбалеты. Кое-кто взял с собой веревки и сети.

Не теряя времени, отряд в тридцать человек медленно двинулся в сторону леса. Пристально вглядываясь в кусты и деревья, они достигли окраины лесного массива. Растянувшись цепью, углубились в лес, криками пытаясь привлечь внимание потерявшихся. Пройдя какое-то расстояние, вышли на большую поляну. Поляна была пуста, в некоторых местах видны были свежие пятна крови. Трава была помята, местами валялись большие куски дерна, вырванные когтями этого страшного монстра. Осмотрев внимательно место разыгравшейся трагедии, и, не найдя никого, решили возвращаться домой.

Один старик был непреклонен, он убеждал остальных, что нужно еще поискать, что его сын никогда бы не позволил монстру убить дочь, в любом случае он спасет ее даже ценой собственной жизни.

Конечно же, его никто не послушал, да и он был не в обиде на них за это. Просто люди боялись больше оставаться в лесу, боясь возвращения монстра. Хотя монстр и не задерживался долго на одном месте, опасения все равно оставались.

Оставшись один, старик медленно стал обходить поляну по кругу, внимательно осматривать все ямки, кусты, углубления, а также дупла деревьев. Уже отчаявшись кого-то найти, у подножья одного дерева (а деревья здесь огромные, некоторые достигают двадцати

с лишним метром в диаметре), в щели между корнями, в куче засохших листьев, он увидел плетеную сандалию своей внучки.

Под этой кучей листьев и была спрятана, его драгоценная Зуре. Это действительно была она.

Когда на глазах его сына погибла жена, его сын слишком поздно заметил появление зверя. Тогда он понял, что спастись с дочерью не сможет. Он слегка ударил дочь по основанию шеи, лишив ее сознания, затолкнул в щель между двух огромных камней, и успел нагрести листьев, после чего с ножом бросился на монстра, заранее обрекая этим себя на смерть, но спасая свою единственную дочь.

Старик прочитал по следам все, что здесь произошло. Какое-то время постоял на коленях, потом поднялся, взял внучку на руки и пошел в деревню.

Так лекарь остался вдвоем с внучкой и нестерпимой болью в груди, от утраты родных ему людей.

Со временем девочка, благодаря юному возрасту, стала забывать случившееся, а вот старику оказалось труднее нести в себе эту боль. И чтобы окончательно не сойти с ума, он стал много времени уделять больным. С внучкой старался не расставаться ни на минуту, она была с ним всегда. Он как мог, воспитывал ее. Все, что он знал о медицине, о травах, о технологии применения и изготовления настоев и мазей, все эти знания он передавал своей внучке. Она старательно обучалась у дедушки, и хорошо в этом преуспела.

Оставшись сиротой, Зуре рано стала взрослой, а, заметив, что молодые люди стали засматриваться на нее, а она строгими взглядами давала им понять, что это ей не нравится, и перестала появляться на улице без сопровождения деда, боясь, что если ее похитят, то дедушка умрет в одиночестве. Со временем молодые парни, видя ее стремление к одиночеству, перестали на нее обращать внимание.

Так продолжалось до ее двадцатилетия.

На очередном празднике смотрин она случайно столкнулась с сыном Антона Сашей.

Столкнувшись, они с изумлением посмотрели друг другу в глаза, смутившись и покраснев до корней волос, ожесточенно стали почесывать ушибленные места, бормоча при этом слова извинения, и, осознав, что с ними произошло, звонко и от души рассмеялись, таким образом, найдя, друг в друге родственные души.

Что ж, молодость есть молодость. Познакомившись так необычно, они все дни праздника провели вместе, ближе узнавая друг друга.

Перед окончанием праздника Саша, улучив момент, когда отец остался один, завел с ним разговор:

— Папа, как ты отнесешься к моей просьбе разрешить мне жениться?

Антон, конечно, давно заметил, что в обществе его сына появилась довольно милостивая девушка. Наведя о ней справки, и выяснив, кто она и откуда, одобрил выбор сына.

— Хорошо, Саша, — ответил ему Антон, — ты уже стал взрослым человеком, и вправе выбирать себе спутницу жизни. Я не против твоего выбора.

— Папа, она, конечно, согласна выйти за меня замуж, но есть небольшое препятствие, — с грустью проговорил сын.

— А что случилось? — с тревогой спросил Антон.

— Страшного ничего нет, но она боится оставлять дедушку одного.

— Я тебя понял, сынок, постараюсь решить твою проблему.

— А что ты сделаешь?

— Ладно, иди к своей возлюбленной, и не думайте ни о чем. Решать проблемы предоставьте старшим.

Посмотрев вслед убегающему счастливому сыну, про себя подумал, как быстро бежит время, уже надо женить последнего из сыновей.

— Ну что же, надо идти сватать, — прошептал Антон и пошел разыскивать дедушку Кари.

Вскоре он отыскал его в окружении молодых ребят, которые с интересом слушали его очередные байки о прежней жизни, которые он мог преподнести им с потрясающим чувством юмора. Молодежь от души смеялась, и при этом подбадривая дедушку Кари на очередной смешной случай.

Антон остановился рядом, облокотившись на опору трибуны. Старик, заметив присутствие Антона, извинился перед ребятами, встал и подошел к нему, спросил.

— Здравствуй, Антон, ты ведь не просто пришел послушать мои сказки. Ты хочешь о чем-то поговорить со мной?

— Да, уважаемый Кари. Я приветствую тебя и желаю крепкого здоровья, и как ты правильно заметил, у меня к тебе есть очень серьезный разговор.

— И я даже догадываюсь о его сути. Ведь речь пойдет о наших детях, не так ли?

— Ты как всегда прав. И если ты не против разговора, я приглашаю тебя к себе домой там, в беседке, мы выпьем прохладного сока, и нам никто не помешает поговорить.

— Хорошо, Антон, я с удовольствием принимаю твое приглашение, у меня действительно пересохло во рту от этой жары.

Они неспешно направились в сторону дома, ведя неспешный разговор на общие темы.

Зайдя в беседку, обросшую сверху донизу тонкими лианами с густой листвой, которая создавала приятную прохладу внутри, Антон пригласил старика войти и усадил в плетеное кресло, а сам пошел в дом. Вернувшись через пару минут с кувшином прохладного гранатового сока, он разлил его по кружкам. Одну подал старику, вторую взял сам. Сидя напротив друг друга, они молча пили сок, наслаждались прохладой, царившей в беседке. Утолив жажду, приступили к разрешению вопроса, который сильно беспокоил обоих.

— Уважаемый, Кари, — начал Антон. — так ты не против женитьбы наших детей?

— Нет, конечно. Я даже рад выбору моей внучки, ведь я не враг ей. Я также надеюсь, что у нее будет достойный муж.

— Я тоже очень рад.

— Но, уважаемый Антон, у меня будет одно условие...

— Я вас внимательно слушаю.

— После свадьбы молодые должны жить у меня в доме.

Такой поворот дела озадачил Антона.

— Но я бы хотел...

Кари, перебил Антона, проговорив:

— Извини, Антон, ты же видишь, что я остаюсь совершенно один. Я уже далеко не молод, так что в будущем мне некому будет подать стакан воды и присмотреть за мной.

— Но, уважаемый Кари, у меня на этот счет есть хорошее, как мне кажется, предложение. Я возьму в дом не только вашу Зуре, но и вас.

— Но, позвольте, у меня ведь есть свой дом, мне нравится в нем жить, и кроме того, что я у вас буду делать?

— Да, все очень просто. Будете также лечить людей, собирать травы, а свободное время и вечера будем коротать с вами в беседе за бокалом сока (на Юноне не было спиртных напитков, на них было наложено табу). Ведь молодым с нами скучно, а как вы успели, наверное, заметить, я тоже не молод, и мне порой хочется поговорить с человеком равным себе по возрасту. И вообще, мы будем очень полезны друг другу.

Дедушка Кари надолго задумался. Антон не торопил его, зная, как сейчас нелегко и трудно его собеседнику принять правильное решение. И, чтобы не выдать своего нетерпения, он снова налил сок в кружки и вышел из беседки.

Гуляя по двору, Антон обошел все дворовые постройки, осмотрел грядки с овощами, и надолго остановился у цветников. Внимательно осмотрев все клумбы с цветами, подумал, какие же все-таки молодцы его женщины, ведь, сколько нужно сил и любви к прекрасному, чтобы вырастить такую красоту. А цветы действительно очень красивы, только у них в саду можно было насчитать более двухсот разных сортов, от самых маленьких стелящихся по земле, до больших, превышающих человеческий рост. И хоть Антон больше любил луговые цветы, он отметил, что при надлежащем уходе цветы приобретают совершенно другие оттенки, не всегда встречающиеся в дикой природе. Задумавшись, глядя на эту красоту, Антон вслух сказал:

— Вот так, наверное, и с человеком происходит, при надлежащем воспитании и ласке человек вырастает добрым и красивым, не только в душе, но и внешне.

Постояв еще с минуту, он неспешной походкой направился в сад.

Сад — это его любимое детище. Здесь было прохладно и уютно. Отдыхая в саду, Антон часто задумывался о том, что Ковчег завета, описанный в библейских эпосах, не что иное, как, своего рода, хранилище генной структуры всего живого во всей вселенной. К этому выводу, Антон пришел, сравнивая флору и фауну Земли и Юноны. Ведь животный мир, да и растительный, в основном похожи, за исключением некоторых видов. Но ведь надо принимать во внимание и тот факт, что цивилизация Земли по своему развитию несколькими порядками выше, чем на Юноне. По этому на Земле вымерли многие виды животных, о которых мы даже не догадываемся, да и растительный мир стал намного беднее, чем раньше.

Многое изменили катаклизмы, регулярно происходившие на Земле, многие из них по вине человека, ведь и здесь на Юноне мы стараемся уничтожить те виды монстров, которые мешают нам, угрожая поглотить все живое на планете.

— Да, хорошо в саду, — тихо сказал Антон. — Но надо возвращаться.

Вернувшись в беседку, Антон заметил, что старик уже принял решение и с нетерпением ожидает его появления.

— Ты принял решение, уважаемый Кари. Говори, не томи меня.

— Да, Антон. Я принял решение и хочу сказать следующее. Пусть моя внучка живет у тебя в доме, а я все-таки останусь у себя. Хоть и заманчивое твое предложение, но свой дом есть свой.

— Хорошо, уважаемый Кари, я понимаю тебя и отношусь с уважением к принятому тобой решению остаться дома, но и не откажусь от данного мною слова перевезти тебя к себе в дом.

— Ты не утруждай себя. Я отдаю свою внучку в хорошие руки. Но свой дом, я никогда не покину.

— Кто знает, что нас ждет впереди.

— Ты прав. Судьба порой преподносит нам немало жестоких сюрпризов, и что это будут за сюрпризы, мы не знаем, — с грустью сказал старик.

— Друг мой Кари, позволь называть тебя другом.

— Да, конечно, — согласился старик.

— Давай оставим все грустное в прошлом, и порадуемся за счастливое будущее наших детей, — старик согласно кивнул в ответ. — а после свадьбы я прослежу за тем, чтобы дети наши, как можно чаще навещали тебя.

— Я буду только рад, спасибо тебе за это.

— Но ведь это еще не все.

— А что же еще? — удивился старик.

— Со своей стороны ты должен дать мне слово чаще заезжать к нам домой, невзирая на то, есть повод к этому или нет. Ты должен приезжать к нам как к себе домой. Надеюсь, ты со мной согласен?

— Конечно, друг мой, я согласен и благодарен тебе за приглашение, — растроганно сказал старик.

На этом закончив обсуждение вопроса, столь щекотливого для обоих, остаток дня они провели вместе, не расставаясь. Много беседовали, затрагивая различные темы и, строили планы на будущее. Вечером, когда собралась вся многочисленная семья, Антон познакомил всех с новыми родственниками. После знакомства шумно отпраздновали новое в их жизни событие, радуясь за молодых и желая им счастья.

Праздники закончились, и жизнь обитателей дома вернулась в прежнее русло. Каждый занимался своим делом, а дел в такой большой семье было немало. Нужно было ухаживать за садом и огородом, проследить за животными и птицей, запастись кормами. Кто-то должен отвечать за охоту и рыбалку. Два его средних сына на большой лодке плавали на другие острова с товарами, ведя обширную торговлю. Ведь для жизни нужны не только продукты питания, но и много других товаров.

Жена Антона Юна, руководила женской половиной дома. Занималась уборкой и приготовлением пищи. Старшая дочь Она проявила способности к преподаванию, поэтому все дети до четырнадцати лет были под ее присмотром. К вечеру, когда вся семья собиралась, ужинали в большом холле за огромным столом, в виде буквы П. Ужин проходил шумно и весело. Все делились друг с другом новостями, отчитывались перед старшими за проделанную за день работу, много шутили, смеялись, вместе обсуждали насущные проблемы, спрашивали совета старших. Все было как всегда, жизнь шла своим чередом. Но Антон не забыл данное старику Кари слово. Он следил за тем, чтобы молодые чаще навещали одинокого старика, передавал ему не только приветы, но и угощение в виде разных продуктов, в особенности свежепойманную его сыновьями рыбу, которую так любил старик.

В свою очередь старик часто, сам, держа свое слово, навещал семью Антона, надолго задерживаясь у него, и даже оставаясь ночевать.

Дружба между двумя пожилыми мужчинами со временем становилась крепче и крепче. Они понимали, что в их характерах очень много схожего, и даже если они не виделись больше недели, начинали скучать друг по другу. В один прекрасный день, Антон понял, что пришла пора старика перевезти к себе, ведь Кари перестал, как в первые дни, торопиться домой. Он с удовольствием оставался в гостях даже, на несколько дней. Проанализировав всю сложившуюся ситуацию, он решил пригласить на совет старшего сына Дио и Зуре.

— Дети, — обратился он к ним, — как вы смотрите на то, чтобы перевезти дедушку из деревни жить к нам домой. Мне кажется, хватит ему жить одному.

Зуре от слов Антона засмутилась, покраснела, и только тихонько кивнула. Дио же рассудительно сказал:

— Отец, я с тобой полностью согласен и думаю, согласятся все остальные.

— Почему ты так думаешь? — лукаво взглянув на сына, спросил Антон, наперед зная ответ сына.

— Во-первых, дедушке уже тяжело постоянно мотаться за пятнадцать километров из деревни к нам, а во-вторых, мы все его любим, особенно дети. Да ты и сам это видишь. Когда он появляется, они не отходят от него, пока Ина, криком не загонит их на занятия. Я считаю, что все будут только рады этому.

— Хорошо, Дио. Тогда слушайте мой план. Этим планом поручаю заняться тебе. Ты возьмешь себе кого-то из братьев в помощники, а также Зуре. И не забудь, кого-нибудь из девушек. Вы, на двух подводах, перевезете вещи дедушки к нам, а я, когда приедет дедушка, приглашу его на пикник к источникам, и постараюсь пробыть там до вечера. Времени у вас будет достаточно. Закончив, подашь мне знак с крыши дома, чтобы я знал, что все в порядке.

— Хорошо, отец. Все будет нормально.

— Зуре, а ты что молчишь?

— Простите, отец. У меня нет слов. Я очень благодарна вам за дедушку.

— Успокойся, милая. Все будет хорошо. А теперь идите, но чтобы вся семья держала рот на замке, не проговорились дедушке. А то еще не известно, как он на все это отреагирует.

— Хорошо, отец. Мы тебя поняли, никто не проговорится, — сказал Дио, и они разошлись.

Через два дня старик появился у Антона дома. Увидев его, Антон воскликнул:

— Дружище, я тебя давно жду. У меня к тебе предложение.

— И какое?

— Как ты смотришь на то, если мы завтра с тобой отправимся на ту сторону залива, немного порыбачим, отдохнем?

— А свою неповторимую уху ты приготовишь?

— А как же!!! И не только уху. Я даже мясо приготовлю с лимонным соком. Пока с утра будем ловить рыбу, мясо замаринуется.

— А мясо точно из морского котика?

— Нет, из болотных жаб, — пошутил Антон. — Конечно, из котиков. Нам с тобой уже трудно жевать другое.

— Ну, дружище, ты умеешь уговорить.

— Тогда пойдем готовить снаряжение. Завтра рано уйдем в море.

Шутя и посмеиваясь друг над другом, старики отправились в мастерскую Антона готовиться к пикнику. Остаток дня они провели в мастерской, и, поужинав, рано легли спать.

Утром, проснувшись еще до рассвета, Антон разбудил старшего сына. Еще раз, обговорив план действий, они направились в столовую. В столовой во всю хозяйничал Кари. Он накрыл стол холодными закусками, и даже успел вскипятить чай. Позавтракав на скорую руку и прихватив снаряжение, мужчины вышли из дома.

Над заливом стоял густой туман, солнце еще не взошло. С воды, ветерок нес сырую прохладу.

Поежившись от сырости, заторопились к берегу. Спустившись с откоса и подойдя к пристани, почувствовали тепло, исходящее от нагретой за ушедший день воды.

Погрузив провизию и снасти в лодку, старики, устроившись удобнее, взяли за весла. Отдав швартов, Дио оттолкнул лодку от пристани. Пожелав старикам удачного отдыха, направился домой.

А старики, смеясь и подбадривая друг друга, навалились на весла.

Когда солнце поднялось из-за вулкана, они были на середине залива. Отдали якорь, лодка проплыв несколько метров, замерла на месте. Антон подал Кари удочку и наживку, а сам взялся мариновать мясо для шашлыка. Кари с интересом наблюдал за действиями Антона, который обильно смачивал мясо морского котика лимонным соком и приправлял зеленью. Сам Кари, умевший неплохо готовить, так ни разу и не смог добиться такого результата, как у его друга.

Солнце поднялось над горой достаточно высоко. Кари достал из воды садок и, критически осмотрел его.

— Как думаешь, этого на уху хватит?

— Я думаю, хватит, — сказал Антон. — Даже кое-что можно запечь на углях.

— Сам пеки на углях, а я хочу уху.

— Не ворчи, старый бродяга. Будет тебе уха, я обещаю.

— Тогда сматываем удочки, и давай на тот берег.

— Что же, давай, — согласился с ним Антон.

Причалив к берегу, друзья стали выгружаться. Разгрузив лодку, они в первую очередь натянули тент, обеспечив себя и продукты хоть какой-то защитой от полуденного солнца.

Побродив по берегу, они насобирали дров, выброшенных приливной волной далеко на берег. Высохшие на солнце сучья и небольшие коряги горели жарко, без дыма, треща и раскидывая искры.

Друзья принялись чистить рыбу и готовить уху. Через час уха была готова, шашлык лежал на скатерти, укрытые большими листьями салата. Расположившись в тени под тентом, старики угощали друг друга обедом и неторопливо вели беседу.

Пообедав и отдохнув, решено было принять минеральные ванны. Для этого в ближайшем кустарнике нарезали веток низкорослых хвойных деревьев. Сделав из этих веток два хороших веника, направились к источникам, выбирая источник с подходящей для них температурой. Найдя такой, разделись и погрузились в воду, наслаждаясь горячей водой. Распарившись и став красными, как вареные раки, с наслаждением стали отхаживать себя вениками, вымоченными здесь же в горячей воде, стараясь при этом особенно распарить поясницу и суставы ног.

Хорошо напарившись и почувствовав учащенное сердцебиение, старики, прихватив одежду, заторопились к морю. Искупавшись в заливе и остыв, они легли в тень и задремали.

Остаток дня провели в праздном безделье, а, когда ближе к вечеру Антон заметил на крыше дома силуэт человека, понял, что там все в порядке и можно возвращаться. Повалявшись еще с час на песке, после чего, искупавшись в холодном источнике, друзья собрались в обратный путь, чтобы засветло успеть доплыть до дома.

На берегу их уже встречали сыновья Антона. Они помогли пришвартовать лодку к пирсу, выбраться старикам из лодки. Друзья, подшучивая, и толкая друг друга, поднявшись по кособору, направились в дому.

Очувшись в большом прохладном холле, Кари, отдышавшись, сказал:

— Я так сегодня хорошо отдохнул, что хочется где-нибудь прилечь, чтобы отдохнуть, — все вокруг дружно рассмеялись.

— Ты же весь день отдыхал, — сказал Антон.

— Наверно, мало, потому и хочется еще.

— Вот же неугомонный старик. Отдыхал целый день, а ему еще и мало.

— Такая у меня натура, — рассмеялся старик.

— Зуре — позвал Антон, — пойдём, проводим дедушку в его комнату, все равно до ужина еще целый час, пусть поваляется еще, раз он так устал.

Зуре подхватила дедушку под руку, повела его наверх. Антон шел за ними. Подойдя к своей комнате, Кари, хотел открыть дверь, но внучка потянула его дальше, сказав:

— Дедушка, здесь будет ремонт, а ты будешь жить в другой комнате.

— Ну, хорошо. Пойдем в другую, — согласился Кари, насторожившись при слове «жить».

Подойдя к другой комнате и открыв дверь, старик оказался в помещении гораздо большем, чем та комната, где он часто ночевал. Но поразил его не только размер комнаты, а то, что вся комната, аккуратно заставлена его домашней мебелью и вещами. Старик вопросительно посмотрел на Антона, потом на внучку. Зуре улыбнулась, отвернувшись в

сторону. Старик снова посмотрел на Антона.

— Ты все это подстроил, старый буйвол? — кинулся он в бой.

— Ну да. Я же тебе слово дал. Ну, помнишь, еще перед свадьбой наших детей?

— И ты специально заманил меня на тот берег?

— Да, специально, чтобы дети могли спокойно перевезти твои вещи.

— А почему мне ничего не сказал?

— Тебе только скажи, ты бы сразу заупрямился как безрогий олень.

— Конечно, заупрямился бы.

— Вот поэтому тебе ничего и не сказали.

— Ну ладно, я еще на тебе отыграюсь, — пригрозил Кари с лукавой улыбкой в глазах.

— Будет возможность, конечно, отыграешься. А пока иди, отдыхай, и не забудь, что через час ужин. Вся семья будет тебя ждать, смотри не опаздывай.

Антон и Зуре вышли в коридор, оставив бурчащего себе под нос старика одного. Отойдя от двери, Антон сказал снохе:

— Зуре, что-то мне кажется, что дедушка не совсем доволен нашим сюрпризом?

— Ну что вы, отец. Он очень доволен. Все это напускная бравада, не обращайтесь внимание. Я ведь его характер знаю хорошо, лучше чем кто-либо. Дедушка очень стеснительный и сентиментальный человек. И знаете, если бы мы сейчас заглянули в его комнату, то увидели бы, что он сидит там и плачет.

— Тогда, может, мне нужно зайти и извиниться перед ним?

— Нет, не надо. Он просто будет плакать от радости, и не только за себя, нет, большей частью, за меня. Ведь он меня любит больше жизни. И, кроме того, у него никого больше нет кроме меня и вас.

— Ну хорошо. Пусть он побудет один, а мы спустимся вниз к остальным.

Через час вся семья собралась за столом, включая и дедушку Кари. Он встал и обратился к Антону:

— Антон, я от всей души хочу поблагодарить тебя, и в твоём лице, всю твою семью за все то, что вы делаете для меня и моей внучки.

Видя, как тяжело дается старику эта речь, Антон перебил его, сказав:

— Друг мой, давай не будем сейчас об этом. Мы ведь любим друг друга, и нам всем от этого только польза. А все что не делается, все к лучшему. Поэтому сделаем вид, что ничего не случилось.

Все хором закричали «Да».

— Тогда давайте ужинать.

— Но я, все равно тебе отомщу, — уже шутливо сказал старик, все дружно рассмеялись.

Так в нашей семье появился еще один член семьи.

Мысли Антона прервал шум шагов. Он посмотрел на дверь, в комнату вошел Кари, за ним Зуре и Лола.

— Привет, мой друг. Ты еще жив?

— Не дождешься, старый плут. Я еще и тебя переживу.

— Ну, если такой оптимизм, значит, идешь на поправку.

— А ты как думал?

— Ладно-ладно, не хорохорься. Давай лучше я тебя осмотрю. Ну-ка, девушки, брысь отсюда.

Девушки вышли из комнаты. Старик сбросил с Антона плед и начал ощупывать все

тело, начиная с головы и заканчивая ступнями ног.

— Все даже очень хорошо, — сказал Кари, — кости срастаются, а мясо нагуляешь, когда встанешь.

— Неужели все так плохо?

— Нет-нет, друг мой, все прекрасно.

— Тогда почему у тебя такой озабоченный вид, будто ты меня хоронить собрался, а сам не знаешь где?

— Ну, ты тоже скажешь. Хоронить! И как только твой поганый язык посмел произнести такое?

— А что же я мог подумать, глядя на твою кислую физиономию?

— Да нет, что ты. Просто я подумал, что пришло время и мне над тобой поиздеваться, пока ты лежишь здесь беспомощный.

— Ах, вот значит как?!

— Да, так. А ты что, против?

— Конечно, против!!!

— А кто тебя спрашивать будет? Ты меня в свое время разве спрашивал?

— Ладно-ладно. Раздухарился тут как старая черепаха. Вот встану на ноги, точно поколочу тебя, будешь знать, как издеваться над больным человеком.

— Какой ты человек? Ты — кукла, которую я собрал в кучу и заштопал. У тебя ведь ни одной целой косточки не осталось, все умудрился переломать. Лучше бы ты голову свою дурную сломал, может, тогда меньше бы болтал языком.

— Ладно, сдаюсь. Только не бурчи больше. А лучше расскажи, что со мной было.

— Ну что рассказывать? Я даже не знаю, с чего начать.

В комнату вошли девушки и наперебой стали просить Антона:

— Отец, расскажи сначала, как так случилось, что ты встретился с этим огромным Ирунчи, а потом дедушка тебе расскажет, что было потом, когда тебя нашли у подножья дерева, а рядом лежал монстр.

— Хорошо. Я согласен. Только соберу в одну кучку собравшиеся мозги, которые змеехвост раскидал по всему лесу, и начну.

— Ну, пап. Рассказывай скорее, а то меня любопытство так и распирает, боюсь лопнуть, — сказала Лола.

— Что же, чтобы ты не лопнула, я, пожалуй, начну с того, как мы с тобой, Кари, договорились побывать в той дальней пещере. Ну, ты помнишь, наверное?

— А, где мы хотели набрать горной смолы для настоя? Конечно, помню.

— Ну, так вот. Ты ушел раньше меня, чтобы побыть в деревне у больного, а я пообещал прийти туда чуть позже. После того, как ты ушел, я взял длинную веревку, немного продуктов на случай, если пришлось бы там заночевать, взял винтовку (на планете Юнона, огнестрельное оружие было только у Антона, ведь его он привез с собой, специально захватив, когда покидал Землю). По пути, я зашел на пасеку, там нужно было кое-что подправить...

— А что было дальше? — не выдержала Лола.

— А дальше, провозившись примерно с час, я по тропинке через лес направился в деревню. Уже на выходе из леса, на опушке, я заметил крадущегося Ирунчи. Сомневаться не приходилось, он на кого-то охотился. Выглянув из-за дерева, я стал осматривать окрестности, стараясь рассмотреть объект его охоты. И, ужас, я увидел двух десятилетних

мальчишек, которые сидели на краю поляны и увлеченно играли с детенышами сурка, а сам сурок сидел неподалеку, и за обе щеки уплетал что-то вкусное, принесенное детьми. Сурчата совершенно не боялись мальчишек, видимо, те давно их приручили. Животные брали из рук угощение, бегали, кувыркались. Дети, в свою очередь, не замечая ничего вокруг, весело играли с ними и от души веселились.

В мгновение Антон оценил обстановку, выскочил из-за дерева, на бегу заряжая винтовку. Он громко закричал. Зверь остановился и повернул голову в сторону Антона. От его взгляда у Антона все оледенело, а по спине побежал пот. Страх, кажется, сковал его волю, но, собравшись, Антон стал прыгать из стороны в сторону, привлекая внимание к себе и давая возможность детям убежать.

Добившись, таким образом, полного внимания зверя, Антон уже успокоился и хладнокровно стал подходить к нему. Зверь, шипя, стал приближаться к Антону. Приблизившись на расстояние десяти шагов, он глубоко задышал так что, Антон почувствовал на себе его горячее, пахнущее чем-то тухлым дыхание. Вскинув винтовку, стал ждать. Зверь, подняв еще выше голову, стал приближаться. Антон выстрелил. Он целился так, чтобы пуля попала в нижнюю часть головы и, пробив мозг, вышла через затылок.

Выстрел попал в цель. Антон это хорошо видел. Но он не увидел того, что могло стоить ему жизни.

Зверь, откинув от выстрела голову вправо и назад, начал заваливаться на спину. При этом тело его повернулось. Но не только тело. Его длинный хвост, покрытый жесткой чешуей, развернулся и с огромной силой ударил Антона в грудь. Антон хоть и был осторожен и сконцентрирован, ожидал чего-то подобного. К тому же, пульсирующая боль у основания шеи предупреждала его об опасности. Но в этом случае реакция Антона оказалась не на высшем уровне, сказывалось отсутствие ежедневных многочасовых тренировок, да и возраст уже давал о себе знать, хотя тело Антона старело в три раза медленнее нормального человека, но все же старело. Все это и привело к тому, что Антон не успел увернуться, и был за это жестоко наказан. Он первый раз в жизни пропустил такой жесточайший удар.

А удар был такой силы, что Антон, пролетев метров двадцать по воздуху, спиной ударился о дерево. В глазах потемнело, он потерял сознание.

— Больше я не помню ничего, — закончил свой рассказ Антон.

— Это ужасно! — всхлипнула Лола. — Теперь твоя очередь рассказывать, дедушка Кари.

— Рассказывать нечего, может Антону и будет интересно, вы же и так все знаете.

— Нет-нет, нам тоже интересно послушать — воскликнули девушки хором.

— Только не перебивать, а то я вас знаю, стрекозы вы такие.

— Мы будем молчать как рыбы, — заверила его Лола.

— Так я тебе и поверил, — для вида пробурчал Кари.

— Клянусь, что если хоть раз перебью вас, то лишусь на ужин сладкого — торжественно пообещала Лола.

— Ну что же, ты меня убедила. Слушайте, что было дальше.

Я находился у постели больного, когда услышал крики на улице. Выбежав из дома, я увидел двух мальчиков, бежавших в деревню со стороны леса. На их лицах читался неподдельный страх и ужас. Они что-то кричали, перебивая друг друга, но разобрать ничего из их выкриков было нельзя.

Родители постарались их успокоить. Из их сбивчивого рассказа мне удалось разобрать

лишь несколько слов о том, что Ирунчи убил пришельца, а тот убил зверя.

— Ты ведь знаешь, Антон, что весь народ, включая и детей, за глаза тебя до сих пор называют пришельцем?

— Я это знаю, — вяло ответил Антон, — я ведь для всех вас действительно являюсь пришельцем из другого мира, — с грустью закончил он.

— Так вот, выслушав детей и поняв, что произошло, мы все бросились к лесу. Добежав до первых деревьев, мы обнаружили ужасающую картину. Ты, а вернее то, что от тебя осталось, лежал у подножья дерева, весь переломанный, подвернув под себя руки и откинув голову назад, и весь в крови. Метрах в двадцати от тебя на боку лежал огромный зверь, он был мертв.

Оставим на короткое время наших героев, и дадим короткую характеристику этому кровожадному монстру, убитому Антоном.

Толстое его туловище было похоже на динозавра, а голова и хвост, как у огромной змеи. Хвост его был длинным и покрыт крупной чешуей, похожей на рыбью, при этом очень жесткой. Когда Ирунчи сгибал хвост, чешуя издавала такой скрипящий звук, напоминавший трение камней друг о друга. И поэтому, наверное, интуитивно зверь во время охоты ровно тащил его за собой, чтобы скрипом не вспугнуть свою жертву. Все остальное туловище и часть длинной шеи было покрыто твердым наростом, создавая зверю защитный панцирь и делая его практически неуязвимым, за исключением небольшой части живота, которую охотники не могли достать, так как живот касался земли, и достать его было невозможно.

Зверь никогда не ложился на бок. Короткие кошачьи лапы не давали ему возможности лечь на бок, а тем более потом встать на них. На концах лап были по пять двадцатисантиметровых когтей, изогнутых и очень острых. Лапы хоть и были похожи на кошачьи, но с небольшим отличием. Все звери кошачьей породы прячут когти внутрь лап и выпускают их во время охоты или драки. А у Ирунчи они были выпущены всегда. Удлиненная прямоугольная голова животного покоилась на длинной толстой шее, которая при необходимости еще и удлинялась в три раза, если жертва попадалась большего размера. Но было еще одно уязвимое место. Это небольшой участок шеи у самого основания головы, которое зверь всегда прикрывал раскрывающимся как у кобры капюшоном, покрытым прочным наростом. Но слабость зверя была в том, что во время возбуждения и охоты капюшон непроизвольно открывался, делая зверя слегка уязвимым. Добавим к этому то, что у него было не так уж много врагов, с которыми он мог бы сразиться на равных, а более слабых он повергал в ужас и ступор не только своей уродливостью и размерами, но и своим длинным, раздваивающимся как у змеи, языком, постоянно находящимся в движении. Жертва, увидев этот язык, уже не могла оторвать от него взгляда. И становилась легкой добычей для монстра.

Но вернемся к нашим героям.

— Как ты его убил, в то время я так и не понял. Да и не до него было в тот момент. Нужно было быстро заняться тобой.

— Да все было, по-моему, довольно просто, — сказал Антон. — видимо, мой выстрел был точным, и пуля, попав в основание черепа и пробив мягкую ткань под нижней челюстью, вошла внутрь черепа, а полукруглая и довольно твердая пуля, срикошетив внутри черепа, перемешала весь его мозг, поэтому зверь мгновенно умер, а ты так и не обнаружил на нем ран.

— Может, ты и прав, не буду ничего утверждать, я к нему больше не подходил.

— А что стало с этим зверем дальше? — спросила Зуре.

— Позже селяне разрубили его на части и вывезли. Сбросили в заброшенную шахту, в которую они скидывают весь мусор, чтобы не отравлять гниющим запахом всю округу.

— Да черт с ним с этим зверем. Ты лучше рассказывай дальше, что было со мной, — сказал Антон.

— А с тобой дела обстояли гораздо хуже. Ты лежал на земле, похожий на кусок мяса, издававший глухой стон. Для меня, да и для тебя, наверное, хорошо было то, что ты лежал на животе, это дало мне возможность осмотреть тебя, не переверачивая. Ощупав и осмотрев внимательно голову, я не нашел явных повреждений. Это меня вдохновило. Я быстро разрезал одежду на спине и внимательным образом ощупал позвоночник, он был цел. Кроме ссадин я ничего не заметил. Тогда я аккуратно разрезал остальную одежду. Кости ног были сломаны во многих местах, с помощью добровольных помощников я постарался вправить на место сдвинутые кости и, обработав мазью ссадины и царапины, наложил шины, вырезанные из молодого бамбука. За это время молодые ребята из того же бамбука сделали длинные носилки, положив их рядом с тобой, мы аккуратно перевернули тебя спиной на носилки. Ты громко продолжал стонать. Это вселяло в меня надежду. Осмотрев руки, я обнаружил только один вывих левой кисти. Попросив подержать тебя за локоть, я рывком вправил сустав, и наложил тугую повязку. Все было бы хорошо, если бы не твоя грудь.

— А что с ней было не так? — спросил Антон.

— Да все было не так, — огорченно сказал старик. — С этого все и началось. Мы ведь тебя потом чуть не похоронили.

— Как, чуть не похоронили? Я что умер, а потом возродился вновь что ли?

— Да так и было. Я даже сам поверил в твою смерть, не говоря уже о других.

— Но что же случилось со мной?

— Когда я осмотрел твою грудь, то увидел, что не только сломаны ребра, но крестец самой грудной клетки так же сломан и впал внутрь груди. Ты сам понимаешь, чем это грозило тебе. Не выдержав удара, крестец сломался и придавил край легких и слегка повредил их. Я заметил у тебя на губах немного крови смешанной с пеной. А это, как ты знаешь, первый признак ранения легкого. К тому же у тебя было затруднено дыхание. Нужно было что-то быстро делать, потому что в таком положении ты был уже не жилец. Тогда мы приготовили два куска толстой коры того дерева, об которое ты ударился. Эти куски коры точно повторили изгиб твоего тела. Приладив их с двух сторон, у нас получилось что-то вроде корсета, и по моему сигналу мы с моим помощником одновременно нажали с двух сторон на бока, ты, конечно, скорее всего, получил еще какие-то повреждения от сломанных ребер, но все-таки грудная клетка приподнялась и приняла правильные очертания. После таких процедур, которые с натяжкой можно назвать хирургическими, ты еще сильнее застонал, затем глубоко вздохнул и тихо выдохнул. Весь ты как-то обмяк, голова повернулась в сторону, ты перестал дышать. Припав ухом к твоей груди, я долго прислушивался, но ударов сердца не услышал. Мы тогда решили, что ты умер.

— А как же я оказался живой?

— Ну, это совсем другая история. Может ее расскажет Лола?

Лола покраснела, закачала головой и смущенно отвернулась. Зуре обняла свою юную золовку, прижала ее голову к своей груди, чтобы та могла скрыть свое смущение.

Дедушка хотел сказать что-то еще, но, встретив суровый взгляд внучки, споткнулся на полуслове. Отвернувшись от них, он спросил:

— Тебе все рассказывать?

— А ты думаешь, что я удовлетворюсь только половиной?

— Ну, как знаешь, я не хотел тебя расстраивать, ты еще не достаточно окреп для таких разговоров.

— Ты не заговаривай мне зубы. Я ведь болен телом, а не душой.

— Как прикажешь, мой друг.

— Вот и не томи, а продолжай.

Посидев в задумчивости несколько секунд, старик нехотя стал продолжать.

— Несли тебя от самого леса на руках, ведь во всей округе ты пользуешься огромным уважением, и люди решили в знак уважения отдать последние почести умершему. Мы же считали тебя погибшим. Чтобы не трясти тебя на телеге, решили нести носилки на руках. Когда мы дошли до твоего дома и вошли во двор, первой встретили твою старшую сноху Роше.

Увидев такую похоронную процессию, она издала жуткий крик. Я такого за всю свою жизнь не слышал. На ее крик стали сбегаться все обитатели дома. Мужчины задавали какие-то вопросы, а женщины плакали и причитали. Ты можешь представить, что стало твориться во дворе.

— Не знаю, не могу представить. Я ведь не мог видеть свои похороны.

— Да ты еще и шутишь? — воскликнул Кари.

— А что мне остается делать в таком положении, — ответил ему Антон.

— А вот нам тогда было не до шуток, — с укоризной заметил старик.

— Извини меня, друг, хотел тебя подбодрить, а получилось как-то неудачно. Еще раз извини меня.

— Ладно, чего уж тут, — проворчал, тронутый вниманием, Кари.

— Продолжай, — попросил Антон.

— Когда через какое-то время страсти немножко улеглись, стали советоваться, когда, где и как хоронить. Но не тут-то было. Услышав это твоя Лола устроила нам истерику с криками и кулаками. Она, как раненая тигрица, защищающая свое потомство, бросилась на нас, уверяя всех, что ее отец жив и умереть не может. Что она не позволит его хоронить, а сама станет лечить, и никому не позволит близко подойти к тебе. Видя такое яростное сопротивление и боясь потерять не только мужа, но и дочь, Юна приняла решение отнести тебя в эту комнату, положить на кровать, а к похоронам готовиться через три дня, дав, таким образом, дочери время успокоиться и осознать безысходность ее поведения, и принять как должное, что отца больше нет.

Старик замолчал, молчали и все присутствующие, осмысливая услышанное ими.

Через минуту Антон спросил:

— Тебе неприятно об этом вспоминать? Тебя что-то гнетет?

— Да, — грустно ответил старик. — Я испытываю чувство вины перед тобой.

— Это за что же?

— Да за то, что сразу не поверил твоей дочери, да и самому себе, имея такой опыт врачевания. Я не смогу никогда простить себя за то, что не отличил живое тело от мертвого, не дал себе возможности усомниться в правильности поставленного мною диагноза.

— Да не переживай ты так, все ведь обошлось как нельзя лучше, — попытался успокоить старика Антон.

— Но все могло обернуться совсем по-другому, и похоронили бы живого человека.

— Это ошибка, которую может совершить любой человек, даже такой как ты.

— Это меня не извиняет. Это ведь касалось жизни человека, а не какой-то там курицы.

Как я теперь смогу констатировать смерть другого человека, если я допускаю такие ошибки.

— Просто теперь будешь трижды или четырежды проверять свою гипотезу. Прежде чем станешь на сто процентов уверен в смерти. Вот и все.

— Но чувство вины остается.

— Никакой твоей вины в этом нет. Просто в тот момент ты был сильно расстроен и напуган.

— Но я должен...

— Ничего ты не должен. А должен рассказать все, что происходило потом. Смотри, я уже весь истлел от любопытства и нетерпения.

Старик вздохнул, улыбнулся и продолжил.

— После того как тебя отнесли в комнату, я почувствовал резкую боль в сердце. Меня отвели в мою комнату и уложили в кровать. Зуре напоила меня отваром и не позволила мне вставать, так что в постели я провел почти двое суток, а девочки в отсутствие меня делали тебе компрессы в местах переломов, а раны смазывали мазью.

Первое, что я сделал, когда встал, это посетил тебя. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что твои раны не загнивают, как у трупа, а наоборот, стали затягиваться и подсыхать, кровоподтеки на переломах стали бледнеть, опухоль спадала. Я постарался объяснить девушкам, что ты действительно жив, но находишься в состоянии комы. А это для тебя в данный момент самое лучшее, и приводить тебя в чувство пока не нужно. Так как если ты придешь в сознание, твой организм может не выдержать болевого шока. А мы, в свою очередь, должны помочь ему справиться с болью, продолжая накладывать компрессы и два раза в день понемногу наливать тебе в рот поддерживающий настой с примесью снотворного. Таким образом, мы дали возможность твоему организму самому все решать за тебя.

— Получается, вы все это время поили меня снотворным?

— Нет, что ты. Только первые десять дней. Мы дали твоим внутренним ранам зажить, чтобы от твоего пробуждения они не доставили тебе боли. Мы же тогда не знали, что тебе захочется еще два месяца лежать здесь без сознания.

— Простите меня, я не хотел.

— Не хотел, но пролежал, и правильно сделал. Пока ты был в коме эти два месяца, повреждения, которые были у тебя внутри, зажили, можно даже проверить — попробуй с усилием покашлять.

Антон напрягся и закашлял.

— Ну как, где-нибудь больно?

— Нет, все в порядке.

— Вот видишь, у тебя внутри все зажило, кости может и не совсем, но срослись. Это мы проверим, когда ты начнешь вставать.

— А когда ты разрешишь мне встать?

— Можно, конечно, и сейчас, но не будем торопиться. Пару дней еще лежи. Регулярно, через каждые два часа, принимай пищу в ограниченном количестве, желательно в жидком виде, чтобы ослабевший желудок мог с ней справиться, занимайся гимнастикой, мышцы должны вспомнить все свои функции.

— Я все понял и постараюсь соблюдать все твои предписания.

— Что-то мне верится с трудом.

— Ну вот, опять начинается...

— Ничего не начинается, просто я подумал, что не следует мне тебя оставлять надолго без присмотра.

— Я же обещал.

— Знаю я тебя, девочки тебя не удержат долго в кровати.

— Удержим, удержим, — хором сказали девушки. — Мы не позволим ему вставать.

Можете нам доверять.

— Хорошо. Мне нужно посетить больного вождя племени из дальней деревни, это займет всего два дня. За это время ты, Антон, постарайся все же придерживаться режима, а девочки тебе помогут.

— Хорошо, дедушка, можете спокойно ехать. Мы обещаем, что все будет хорошо.

— Я вот что сейчас подумал...

— Что?

— Когда я вернусь, мы вчетвером отправимся на другой берег залива к источникам. Там проведем дней десять-пятнадцать. Антон за это время окрепнет, да и нам купание в источниках пойдет на пользу. Ну, как вам моя идея? Не против?

— Мы согласны, — весело закричали девушки, целуя друг друга.

— А ты, Антон?

— Я выполню все, что ты прикажешь.

— Вот и славно. Теперь я спокойно могу уехать, а вы, девочки, к моему приезду постарайтесь приготовить продукты и все, что нам может понадобиться.

— Да мы знаем все, что нужно, не переживай так, — сказала Зуре.

Попрощавшись с Антоном и девушками, старик вышел из комнаты. Оставшись одни, Зуре и Лола помогли Антону умыться и накормили его свежесваренным супом. Позавтракав с большим аппетитом и отпив немного своего любимого гранатового сока, Антон откинулся на подушки.

В комнату зашел Саша.

— Папа, я принес тебе помощников.

— Да у меня уже есть два юных создания.

— Это не такие, вот смотри, — Саша показал отцу две свежесвыточенных трости. — С ними тебе будет легче ходить.

— Спасибо, сынок. С ними я, действительно, буду ходить самостоятельно, не утруждая девочек.

— Папа, да нам не тяжело, — сказала Лола.

— Это тебе не тяжело, а ты подумай о Зуре, как ей придется.

— А что с ней не так?

— Ну, молодец дочь, ты, что до сих пор не заметила? Я, лежа здесь и то, увидел что наша Зуре беременна.

Лола с изумлением взглянула на сноху:

— И ты до сих пор молчала? Тоже мне подруга называется, — обиделась Лола.

— Извини меня Лолочка, мы с Сашей не хотели говорить пока папа болен, — смутилась Зуре и прижалась к мужу.

— Ну, вы подружки разберетесь и без меня, а мне нужно заняться делами. Пока папа, поправляйся быстрее.

— Иди сынок, еще раз спасибо тебе за костыли.

Саша вышел из комнаты, за ним побежала и Зуре, чтобы проводить мужа, пообещав, вернуться и составить Лоле компанию.

Антон лежал неподвижно, слегка прикрыв веки, он наблюдал за дочерью. Лола сидела на стуле, устремив взгляд через окно куда-то в даль. Лицо ее при этом было сосредоточенное и строгое. Она подергивала кончик своего уха, а это, был первый признак того, что она что-то задумала и не знает, как поступить в данной ситуации. Хорошо зная свою дочь Антон с удовольствием за ней наблюдал, по опыту зная, что Лола долго безмолвно не усидит, и сейчас взорвется целый вулкан страстей.

Поэтому Антон старался не привлекать ее внимание. Но время шло, а Лола продолжала безмолвствовать. Это шокировало Антона. Не выдержав, он все же нарушил молчание дочери.

— Ну, и о чем задумалась моя принцесса? По какому поводу кручина? Ну, улыбнись. Солнышко, выбрось все лишнее из головы. Не надо много думать, а то все передумаешь за один раз, а на завтра, ничего не останется. Что потом делать будешь?

Лола взглянула на отца и, смутившись, тихо спросила:

— Папа можно тебя о чем-то спросить?

— Конечно, милая спрашивай, не стесняйся, говори, что тебя беспокоит?

— Папа, все часто тебя за глаза называют пришельцем с другого мира, ведь это правда?

— Да доченька, я действительно родился на другой планете и зовется она...

— Я знаю, папа, ее зовут Голубая Земля, — перебила она отца. — Но я не об этом хотела тебя спросить.

— Тогда спроси, о чем хотела, и я с удовольствием отвечу на любой твой вопрос.

— Ты прилетел сюда с другой планеты и так долго живешь здесь, разве тебе никогда не хотелось вернуться обратно на свою родину? Там, где ты вырос, где твой народ.

— Ты права, милая, я действительно долго живу здесь и естественно, как любой нормальный человек, я скучаю по своей родине, но не так сильно, как тебе кажется, ведь у меня на родине никого не осталось, о ком я бы очень сильно скучал. Ни тебе врагов, ни тебе друзей. Из родных, только одна двоюродная сестра, но лучше бы мне не знать ее. А потому, я не испытываю большой ностальгии по родине.

— Ну, хорошо, а ты можешь сказать мне, сколько тебе лет? Ты ведь далеко не молод?

— Да, милая, я действительно немолод, мне давно перевалило за сотню лет, хотя я и выгляжу моложе. Просто я медленнее старею, чем другие вот и все.

— А в чем секрет твоего возраста, почему ты стареешь медленнее других, неужели это связано с тем, что ты рожден на другой планете?

— Нет, милая, не поэтому.

— А почему тогда?

— Я этого и сам точно не знаю, но могу предположить, когда я был на службе в армии, то в одной из командировок со мною произошел случай. Я тогда чуть не погиб, но, слава богу, все обошлось. Вот с тех пор, я стал стареть намного медленнее других.

— Папочка, миленький, расскажи, пожалуйста, ведь это так интересно.

— Но это долгая история, ты ведь такая непоседа, я боюсь, что у тебя не хватит терпения ее выслушать до конца.

— Ну, раз она такая уж длинная тогда, я вот что придумала. Ты сейчас болееешь и работать тебе все равно дедушка Кари не разрешит. Напрашивается вывод, у тебя будет

много свободного времени, а что если ты расскажешь нам всю свою биографию? Это ведь намного интереснее, а я постараюсь записать все, что услышу.

— И зачем тебе это?

— Просто мне хочется, чтобы все наши родственники знали судьбу своего отца, ведь не все могут присутствовать во время твоего рассказа.

— Я не уверен, что это тебе нужно.

— Папочка, как ты не понимаешь, ты долго живешь, обладаешь огромным запасом знаний, ты ведь наверняка не всеми знаниями поделился с нами, и тебе есть еще, что нам рассказать. Я абсолютно уверена, что моей жизни точно не хватит, чтобы познать то, что знаешь ты.

— Наверное, ты права доченька, мои знания довольно обширны в разных областях. Я многому научил за эти годы местное население, и многому еще надо успеть научить. Но ты пойми, милая, много из того, что я знаю, наши люди просто не поймут, слишком уж разный у нас уровень развития.

— Я тебя поняла, папочка, и еще больше убедилась в том, что это необходимо мне, и не только мне, но и будущим нашим поколениям. И еще, мне просто необходимо находится все время рядом с тобой.

— Это еще зачем?

— Папа, я у тебя самая младшая, и младше меня у тебя только внуки, но никто из них не проявляет большого интереса к твоим знаниям, значит это нужно делать мне. Я буду все время рядом с тобой, а ты будешь по мере возможности учить меня всему, что знаешь сам.

Ты пойми меня правильно, я уже довольно взрослый человек и прекрасно понимаю, что родители не будут жить вечно, ты просто обязан научить меня всему, что знаешь сам. А я в свою очередь, постараюсь передать эти знания уже своим детям и внукам. Мне кажется, что таким образом мы ускорим развитие нашей цивилизации, хотя бы до вашего уровня.

— Я понимаю тебя, ты хочешь по мере своих сил помочь людям, но ты забываешь об одном. Тебе придется очень многим пожертвовать ради этого, а ты еще так молода, а молодость быстро пройдет, ты даже не успеешь этого заметить. И ради знаний, ты хочешь пожертвовать своей молодостью, забыть о себе?

— Почему я должна забыть о себе?

— Да потому, что всю оставшуюся мою жизнь, мне придется с тобой заниматься, а это сопряжено с большими трудностями, ведь многие вещи придется объяснять просто на пальцах, у нас не будет никаких наглядных пособий для этого. Ты готова пойти на такие жертвы?

— Да, папа, я понимаю, что мне придется коренным образом изменить свою жизнь, и мало того, мне еще придется изменить и характер. Поверь, ради знаний, я пойду на эти жертвы и коренным образом поменяю свою жизнь.

— Не надо так сильно сгущать краски, коренным образом, конечно, меняться нет необходимости, но кое от чего придется отказаться. К примеру, научись сдержанности и усидчивости, тогда у тебя кое-что может получиться, я даже уверен в этом.

— Я согласна на все ради достижения своей цели, — очень серьезно сказала Лола.

— Хорошо, с этим мы разобрались, а вот зачем тебе моя биография не пойму?

— Ты только не смейся, пожалуйста, — видя на лице у отца улыбку, загорячилась Лола. — В первую очередь, я должна знать, кто мой отец, понять, каким он был раньше. Это я сейчас знаю какой ты, но я так же хочу знать, кто и какими были мои далекие предки.

Кроме этого, я хочу знать, как и почему ты вдруг оказался на нашей планете. Что тебя здесь удерживает? Короче, хочу знать все о тебе.

Папа, ты пойми, ведь у меня тоже будут дети, и они, наверняка, начнут интересоваться, кто был их дедушка, а что я им скажу в ответ. Вот ты, что сам бы сказал?

Антон задумался, его восхитило суждение дочери, он до сих пор считал ее маленьким ребенком и не заметил, что этот ребенок уже вырос, имеет свое суждение и принимает вполне обдуманные решения.

— Хорошо, поступим так, как хочешь ты, сначала биография, потом обучение.

— Вот и славно. Ты будешь рассказывать, а я за тобой буду записывать.

— Нет, дорогая, так у нас ничего не получится.

— Почему?

— Лучше сделаем так: я буду рассказывать, а ты будешь очень внимательно слушать, и только потом ты запишешь все услышанное. Если у тебя возникнут вопросы, ты их будешь задавать мне, но только после окончания рассказа, а вопросы у тебя возникнут обязательно, я в этом уверен. Я буду объяснять тебе все, что тебе будет непонятно, и только после этого, мы приступим к следующему этапу. Так, постепенно, дойдем до конца.

— Я поняла, своими не своевременными вопросами я буду сбивать тебя с мысли, и лучше будет, если я потом, проанализировав услышанное, запишу, но только в спокойной обстановке.

— Правильно девочка моя, а когда мы закончим с моей биографией, я покажу тебе мой космический корабль, на котором я прилетел на эту планету.

— Как? У тебя есть и космический корабль? — удивлению Лолы не было предела. — Почему ты раньше никогда об этом не говорил?

— Пойми, об этом никто пока не должен знать, никто. Позже ты меня поймешь и одобришь мой поступок, а пока никому не говори о нашем разговоре, пусть это будет нашим с тобой секретом.

— Будь спокоен, папа, я никому не скажу, я ведь тоже понимаю, что начнутся ненужные разговоры, некоторым захочется посмотреть и потрогать.

— Вот и прекрасно, что ты все понимаешь, а теперь иди, займись пока своими делами, а я немного отдохну, устал я что-то.

— Отдыхай, папочка, я позже загляну к тебе.

Лола поцеловала отца в щеку и выбежала из комнаты, встряхивая на ходу своими длинными волосами.

Антон с улыбкой посмотрел вслед, медленно погружаясь в сон.

Через три дня Антон, дедушка Кари, Лола, Зуре и Саша разбили лагерь у подножия горы на другом берегу залива.

Погода стояла прекрасная, и вся эта компания, предвкушая чудесный отдых, занималась обустройством лагеря. Мужчины установили палатки, организовали хороший очаг и заготовили много дров, решив рубить их по мере надобности. Девушки, наведя порядок в лагере и рассортировав продукты, побежали к морю, чтобы немного поплавать. Саша, как и подобает мужчине, отправился вместе с ними, чтобы обеспечить охрану.

Антон лежал в тени под навесом, отдыхал, наслаждаясь утренним ласковым солнцем. Дедушке Кари в отличие от женщин охрана не нужна была и он, поскучав немного, направился к Антону.

— Как устроился?

— Да вроде бы все нормально, претензий не имею.

— Может тебе что нужно, ты только скажи, я все сделаю.

— Спасибо, друг мой, но мне пока ничего не нужно, а ты почему это интересуешься, наверное, что-то задумал, старый пройдоха?

— Конечно, задумал, — улыбнулся Кари, — хочу сходить вон к той горе, — указал он рукой в сторону гор, — там, на склоне горы, у меня есть одно местечко, где я копаю Корень Жизни. Вот и хочу пополнить его запасы, пока мы здесь.

— Хорошая идея, сходи, пока есть возможность.

— Мне не хотелось бы тебя оставлять одного.

— Ты за меня не беспокойся, я себя чувствую хорошо, глядишь, скоро и молодежь подойдет, они присмотрят за мной.

— Эта молодежь, я смотрю, там до самого обеда плескаться будет.

— Да не переживай ты так, я ведь не совсем инвалид, если понадобится мне что-нибудь, я сам смогу о себе позаботиться.

— Ладно, ворчун старый, ты сам только не убеги куда-нибудь в горы, а то я тебя знаю.

Старик ушел. Антон устроился поудобнее и стал наблюдать за купающимися детьми. Дети хоть и были уже взрослыми, но вели себя все также по-детски. С удовольствием плескались, ныряли, плавали наперегонки.

Пусть веселятся, пока молоды, думал Антон. Молодость — это такой замечательный недостаток человека, который, уж слишком быстро проходит, а в старости человек почему-то хочет покоя и тишины.

Глядя на счастливых детей, Антон вдруг почувствовал, как защемило сердце в груди, и появилось ощущение чего-то прошедшего и невозвратного.

Сердце продолжало болеть, но это была не физическая боль, и Антон это понимал. Всею виной стала просьба дочери рассказать ей о его прошлой жизни, которую он пытался до этого времени просто забыть. Вот эта ее просьба и пробудила дремавшее до сих пор чувство ностальгии по родине, хотя он и сопротивлялся этому до сих пор.

Конечно, взять все бросить и вернуться на Землю, Антон мог в любое время, ведь его корабль стоит в пещере в режиме ожидания. Чтобы выйти на нем в космос, понадобится всего несколько минут, но Антон понимал, что сделать это он не сможет. Теперь здесь его родина, здесь его семья. А корабль пусть еще постоит, мало ли для каких нужд он может

пригодиться. Пусть стоит в безопасности. В пещеру местное население не заходит, боясь предрассудков, а Антону это только на руку. Пусть и дальше пользуется дурной славой. А это можно считать самым крепким и надежным замком.

Чувство ностальгии и раньше накатывало на него, особенно в сезон дождей, когда приходилось долго сидеть дома. Антон, конечно же, гнал от себя эти мысли прочь, ведь теперь с Землей его ничего не связывало, у него не осталось ни родных, ни друзей.

Зато здесь на Юноне он в полной мере ощутил себя счастливым человеком, и это счастье длится вот уже сорок пять лет, а это дорогого стоит, и хочется, чтобы это счастье никогда не кончалось. Но и прошлую жизнь нельзя сбрасывать со счетов, она ведь тоже является составной частью его жизни, поэтому, наверное, так ноет сердце.

Мысли Антона были прерваны приходом детей. Шумные, веселые, они наперебой стали рассказывать и показывать найденную Сашей раковину, не забывая приукрашивать, как он выкуривал из нее огромного краба, а тот ухватил его за палец. От язвительных шуток девушек Саша засмутился, но потом вспомнил, наконец, что он мужчина, прикрикнул на них.

— Хватит ерничать, быстро идите готовить обед, а я разведу костер и принесу воды.

— Слушаемся, наш генерал! — смеясь, хором ответили девушки и побежали готовить обед, продолжая хохотать.

Вскоре пришел дедушка Кари, и все расселись у накрытого стола. Обед, как и всегда, прошел шумно и весело. Дедушка, с присущим только ему юмором, рассказывал очередные байки, от которых девчонки просто катались по земле, не отставал от них и Саша, хотя старался быть сдержанным, но это у него плохо получалось.

Но вот Лола как будто что-то вспомнила. Она заспешила с уборкой посуды.

— Зуре давай быстро все уберем и помоем.

— Лолочка, ты куда-то торопишься?

Лола подошла к подружке и что-то зашептала ей на ухо, после чего быстро стали убирать посуду. Закончив с уборкой и расставив все по местам, они с загадочным видом устроились рядом с Антоном и, заглядывая ему в глаза, хором проговорили:

— Все, мы готовы, начинай рассказ.

— К чему это вы готовы? — удивился Антон.

— Папа, ты обещал, что пока мы здесь на отдыхе ты поведаешь все о своем прошлом.

— Ты права, дочь моя, если обещал, значит, обещание нужно выполнять. Но вот вопрос, с чего начать не знаю.

— А ты начни с момента своего рождения, — подсказал, заинтересовавшись происходящим, Кари.

— Я даже не знаю, как это сделать, ведь я родился в одной семье, потом прожил немного в другой и только в третьей я остался навсегда, пока судьба позволяла мне в ней жить. Третью мою семью было трудно назвать семьей. Мы жили только вдвоем, меня воспитывал дедушка, хоть он и не родной мне был, но я любил его больше, чем родного. Ведь всему, что я знаю и умею, я обязан только ему. Он спас мне жизнь, воспитал таким, каков я сейчас есть, и дал хорошее образование.

— Антон, мне кажется, тебе нужно начать с того места, как ты сам стал себя помнить.

— Хорошо, начну с того момента, как я попал к дедушке Тугаю.

— Тугай? Это ты в честь него назвал своего сына?

— Ты прав друг мой, и как оказалось, не зря, сын мой вырос таким же сильным и

волевым, как мой дедушка. Хотя они и не приходятся друг другу кровными родственниками.

— Наверное, все же имя много значит, хоть и не уверен в этом. Но ты извини меня Антон, я отвлек тебя своими вопросами.

Антон задумался на некоторое время, потом тряхнул головой и начал с того, что описал им полностью всю географическую структуру Земли. Антон подробно нарисовал карту поверхности планеты, объяснил названия материков и океанов, не забыл указать место своего рождения, где он провел свое детство и юность, где был так беззаботно счастлив.

— Теперь вы немного понимаете, что из себя представляет собой моя планета?

— Да, в общих чертах нам понятно, — за всех ответила Лола.

— Теперь я расскажу вам о людях, населяющих Землю.

Антон долго и подробно описал все, что касалось земной цивилизации, с ее плюсами и минусами. Изложил в подробностях развитие и достижения. За время рассказа ему пришлось ответить на множество вопросов. Антон понимал, что это необходимо, чтобы избежать их в будущем. Закончил, когда уже наступал вечер.

— Надеюсь, вы немного ознакомились, и поняли, что собой представляет планета Земля?

— Все так странно и удивительно, многое конечно не совсем понятно, но в общих чертах мы все же смогли понять, многое нам стало ясным, — снова за всех ответила Лола.

— Ну, раз основы вам понятны, тогда отправляйтесь готовить ужин, а рассказ мы продолжим завтра, мне теперь нужно собраться с мыслями.

На следующее утро дети уже не плескались так долго, как накануне. Они быстро искупались, позавтракали и подсели ближе к Антону, требуя продолжение рассказа.

Ранняя весна 1942 года выдалась на удивление очень жаркой. На западе страны шла ожесточенная война. А в это время далеко от войны, в Забайкалье, по пыльной дороге шел израненный солдат.

Для него война закончилась в тот момент, когда рядом с ним разорвался снаряд, от взрыва которого ему оторвало часть ноги. Отлежав положенное в госпитале, солдат был комиссован в чистую и отправлен домой, на родину, привыкать к гражданской жизни, но уже инвалидом.

Трудным для него оказалось возвращение. За три недели измотанный и уставший он, наконец, добрался до своего родного района. Не став дожидаться попутной подводы, понимая, что в период сенокоса он наврядли ее дождется. Он не стал тратить время, а решил идти пешком, благо с костылями уже научился справляться, к тому же в душе теплилась надежда, что по дороге его подберет попутная подвода.

Солдат уже несколько часов был в пути, но так и не дождался попутной okazji. Измученный, с натертыми руками он с трудом двигался, мысленно подсчитывая расстояние до дома. А до дома ему, по здешним меркам, оставалось совсем чуть-чуть, всего километра три осталось до Возвышенки, а от нее немного правее и его родное село Привольное, уютно расположенное почти у самого слияния двух рек Ингоды и Ононы. Почувствовав себя почти дома, солдат воспарял духом. Напевая незаурядный мотивчик, поспешил подняться на ближайший холм. Он знал, что наверху есть удобное место для отдыха, между двух больших камней, где он сможет, наконец, немного отдохнуть и перекусить последними остатками сухаря.

Подъем отнял, как казалось, последние остатки сил. Изнемогая от усталости, он, наконец, дошел до заветных камней. Отбросив костыли, рухнул на пахучий ковыль, раскинув руки. Отдохнув немного, солдат съел остатки сухаря, попил воды из фляжки. Затем, свернув самокрутку, с удовольствием закурил, любясь красотой родного края.

Докурив самокрутку, он уже хотел, вставать, когда его внимание привлекла подвода, спускающаяся с соседнего холма,двигающаяся ему навстречу. Он этому, конечно, не придал бы значения, если бы не один нюанс. На телеге стоял мужчина и несчадно хлестал и без того уставшую лошадедку. На телеге вместе с ним сидела женщина, прижимая к груди сверток. Она все время оглядывалась. У солдата сложилось впечатление, что за ними или кто-то гонится, или они куда-то очень сильно спешат, что было мало вероятным. Солдат, оставаясь за камнями, продолжал внимательно следить за повозкой.

Вскоре он заметил, что на холме показались трое всадников. Они неслись во весь опор и уже через минуту настигли беглецов. Солдат видел, как между ними завязался спор. Они громко кричали и размахивали руками. Вдруг раздался выстрел. Солдат вздрогнул от неожиданности, не поверив собственным ушам, но сомнений быть не могло, это действительно был выстрел.

Провоевавший год солдат безошибочно мог отличить выстрел от любого другого звука.

Женщина упала на телеге. Мужчина, увидев ее лежащую без движения, пронзительно закричал, и, соскочив с телеги, бросился на всадника. Раздался еще один выстрел, больше солдат ждать не стал. Он поднял вверх костыль и громко закричал. Всадники, по-видимому, приняли поднятый костыль за винтовку, и, пришпорив лошадей, в течение нескольких минут

исчезли за соседними холмами, по направлению ближайших гор.

Солдат спешил к телеге, и видел, как возница, постояв немного, вдруг пошатнулся, и упал на землю, подобрав под себя руки. Хоть солдат и спешил, но ему все равно понадобилось несколько минут, прежде чем он достиг цели. Подойдя к телеге, солдат увидел ужасную картину. Он не мог до конца осознать, то, что здесь в глубоком тылу далеко от войны гремят выстрелы и льется кровь.

На телеге лежала молодая женщина. Плоток слетел с ее головы, длинные, черные как смоль волосы, прикрывали лицо. Солдат аккуратно убрал их. Перед ним лежала молодая очень красивая цыганка, и только маленькая струйка крови, стекающая по щеке из раны на лбу, портила все впечатление о красоте. Солдат прикрыл женщине глаза, перекрестился, и тихо прошептал:

— Господи прими ее душу грешную в царствие свое.

Подойдя к мужчине солдат, опустился на колени, затем перевернул его на спину. Перед ним лежал еще молоденький мальчишка, на вид не более восемнадцати лет. Голубоглазый с белокурыми волосами парень, судорожно сжимал обеими руками рану на животе, из которой через пальцы сочилась кровь.

Солдату достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что парень уже не жилец на этом свете. В этом деле опыт у него был большой.

Парень застонал, открыл глаза. В глазах парня не было страха, в них читалась мужественность, и сожаление что в таком юном возрасте ему приходится умирать. А у солдата не было сомнения, что парень знает о своей близкой смерти. Превозмогая боль, он через силу улыбнулся и спросил.

— Дядя, как вас зовут?

— Игнат Петрович, а фамилия моя Савельев, но ты помолчи, сынок, тебе нельзя сейчас разговаривать, тебе силы нужно беречь.

— Дядя Игнат, не надо меня успокаивать, я ведь знаю, что скоро умру, вы лучше скажите, как там моя жена и сын?

— Прости, сынок, мне больно говорить тебе, но твою жену эти изверги убили.

Лицо парня стало мрачным после этих слов. Но, справившись с эмоциями, он спросил:

— Вы, пожалуйста, посмотрите там, в телеге под соломой должен быть мой сын.

— Хорошо, сынок, подожди немного, я сейчас посмотрю.

Игнат Петрович подошел к телеге, в соломе, действительно, нашел сверток, в котором оказался ребенок.

— С твоим сыном все в порядке, он жив и здоров, просто спит, — и положил ребенка рядом с отцом.

— Дядя Игнат, положи мне, что-нибудь под голову, и разверни мне его, хочу в последний раз взглянуть на своего сына.

Игнат подложил под голову парню свой рюкзак, и, развернув наполовину ребенка, показал его отцу. От налетевшего легкого ветерка ребенок поморщился, захныкал, но тут же перестал, и вновь уснул, не обращая уже на ветер внимания.

Лицо парня прояснилось, глаза наполнились слезами, но на губах заиграла улыбка.

— Спасибо вам, дядя Игнат.

— За что, сынок?

— За то, что вы в последнюю минуту были рядом.

— Ну, перестань думать о плохом, сейчас я посажу тебя в телегу и отвезу в деревню, в

деревне есть доктор, он обязательно поможет тебе.

— Дядя Игнат, я вижу, что ты на костылях и в военной форме, значит идешь с фронта. Значит, смерть ты видел не раз, и понимаешь, что жить мне осталось всего несколько минут. Я уже не чувствую ног, так что времени у меня совсем мало. Ты, дядя Игнат, не перебивай меня, а то я не успею все сказать.

— Хорошо, сынок, я тебя слушаю.

— Меня зовут Максим, фамилию называть не буду, не хочу, чтобы она потом повлияла на судьбы других людей, в том числе и на сына. Скажу только одно, что моя мать — учительница, отец — инженер. Отца объявили врагом народа и посадили. Чтобы не посадили всех, моя мать вынуждена была отказаться вместе с моим младшим братом от моего отца. Я не захотел это делать, так как знал своего отца, он не способен был на измену родине. Боясь ареста, мне пришлось сбежать из дома. Я бродяжничал, но меня поймали, но так как я не сказал им свою фамилию, тогда меня определили в детский дом.

Там я и постиг все тонкости наших приютов. Насмотревшись на унижения и издевательства, я убежал, и долго скитался по всей стране, пока не прибился к цыганскому табору. Там я встретил и полюбил мою ненаглядную Радугу. Мы полюбили друг дружку, но пожениться нам все равно не разрешили, и нам пришлось бежать. Мы пытались укрыться в доме моей матери, но нас кто-то предал. Мы уже в бегах почти два года, но нас все это время продолжают искать. Мы решили под видом переселенцев скрыться в здешних местах, но как видишь, не успели.

— Так эти трое были с вашего табора?

— Да это был сын барона и два его племянника. Они считают это большим позором, и борон поклялся найти нас и наказать.

— Но ведь можно было обратиться в милицию, попросить у них защиты, наконец.

— Это все равно нас не спасло, но это сейчас не главное, а главное это моя единственная просьба к вам.

— Сынок, я обещаю, что сделаю все, что в моих силах.

— Дядя Игнат, я Вас умоляю, спасите моего Антошку, я вижу, Вы очень хороший человек, и сможете его вырастить, но если вдруг у Вас не получится, то отдайте в хорошие руки. Мне очень не хочется, чтобы мой сын рос в приюте, уж больно свежи во мне воспоминания о годах проведенных там. Мне очень не хочется, чтобы и мой сын испытал ту же долю.

— Сынок ты не печалься по этому поводу, у меня уже есть трое детей пусть будет и четвертый, воспитаю как родного. Если и придется голодать, то будем голодать все вместе.

Максим молчал, видно было, что он теряет последние силы. Собравшись с силами, он продолжил:

— Спасибо Вам огромное, я верю Вам. Там в телеге есть молоко для ребенка, как проснется, Вы покормите его, и поезжайте с богом, а нас оставьте здесь, не утруждайтесь, Вам и так тяжело на костылях.

— Ты, сынок, не думай об этом, я ведь человек, а не животное, сделаю все, что смогу, но вас не оставлю на произвол судьбы, даже не сомневайся. Скоро, возможно, появятся люди, мир ведь не без добрых людей, глядишь, и поможет кто. Все мы под богом ходим, а оставлять вас здесь — это грех большой, не по-христиански это.

Максим хотел что-то сказать, но вдруг выгнулся, потом грудь его опустилась, и, выдохнув в последний раз, сердце его замерло уже навсегда.

Игнат вздохнул глубоко, перекрестился со словами:

— Господи прими его душу грешную в свои объятия.

Игнат с трудом поднялся, подхватив ребенка, заковылял к подводе. Все это время лошадь спокойно паслась у дороги, пощипывая молодую травку. Подведя лошадь к покойнику, Игнат с большим трудом сумел положить его на телегу. Положив ребенка себе на колени, он поехал в деревню.

В Возвышенке Игнат сразу же направился к правлению колхоза. Видя, такой необычный груз, вездесущая ребятня разнесла страшную весть по всей деревне. Люди бросали свои дела и бежали к правлению. Окружившая Игната толпа забросала его вопросами. Вскоре появился председатель колхоза. Игнат узнал его, они встречались, и раньше не один даже раз дрались за девчонок, но это было еще в молодости. Говоров Петр Сергеевич узнал Игната и, поздоровавшись, спросил:

— Что случилось, Игнат?

— Вот смотрите, на моих глазах семью порешили нехристи. А вот ребенок остался, они бы и его убили, да я помешал.

— Кто это сделал?

— Трое их было, все верхом на лошадях, цыгане это были. Женщина сразу погибла, а вот парень умер у меня на руках. Парень мне рассказал перед смертью, что эти изверги давно их преследовали, за то, что они сбежали из табора. Перед тем как скончаться, парень попросил меня усыновить мальчонку, я не смог ему отказать. Теперь я за него в ответе, обязан исполнить свою клятву и вырастить мальчика.

— Кто же они такие? — задумчиво проговорил председатель.

— Да я их знаю — всплеснув руками, сказала одна из женщин — Это та молодая пара с дитем, которую я угощала хлебом и молоком. Они еще сказали мне, что беженцы. Господи, какое горе для их родителей и для малыша, такая крошка, а уже сирота.

— А убили их, наверное, трое молодых цыган, которых видел намедни дед Матвей за околицей, да еще сокрушался, откуда, мол, здесь цыгане взялись, тоже, наверное, от войны бегут, — сказала другая женщина.

— Петр Сергеевич, нужно что-то предпринять, нельзя это так оставлять, надо сообщить в милицию, — сказал Игнат.

— Павлик, — подозвал одного из мальчишек председатель, — беги на конюшню, запрягай моего жеребца, и пулей в район. Зайдешь в милицию, там все расскажешь, и не забудь сказать, что бандиты вооружены и двигаются в сторону западного хребта. Да чуть не забыл, по пути заедь за участковым, пусть все документально оформит.

— Петр Сергеевич, — обратился к нему Игнат, — помогите их похоронить, мне как видите несподручно на одной ноге.

— Да, конечно, не сомневайся, все сделаем как надо. Парторг, — обратился он к рядом стоящему мужчине, — закажи у плотника гробы и пусть мужики выкопают могилу, завтра и похороним, а сейчас пусть их отнесут в клуб не оставлять же их на улице.

— А мне, что теперь делать? — спросил его Игнат.

— А тебе, Игнат, придется немного задержаться, до приезда милиции, у них возникнут вопросы по поводу преступления, ты ведь единственный свидетель.

— Петр Сергеевич, — взмолился Игнат, — пожалей ты меня я ведь не со свадьбы иду, да и ребенок у меня на руках, не могу я долго ждать, а пока милиция будет гоняться за ними, я тут буду неделю допроса ждать.

— Хорошо, пойдешь в контору возьмешь у секретаря бумагу, все подробно напиши, а я, как свидетель, подпишусь. Не станем беспокоить инвалида-фронтовика, если возникнут вопросы, я скажу участковому, пусть он сам едет к тебе, благо здесь недалеко.

— Спасибо тебе за понимание. Да и еще чуть не забыл, пусть мужики на кресте напишут имена покойных. Его звали Максим, а ее Рада, а вот фамилий я не знаю.

— Хорошо, Игнат, иди, пиши.

— У меня еще есть к тебе одна просьба.

— Говори какая?

— Петр Сергеевич, пусть меня кто-нибудь отвезет потом в Привольное, я сам, да еще с ребенком, не дойду.

— Да не переживай ты по этому поводу, пока ты будешь писать, мужики уберут покойников в клуб, а ты как закончишь, сам на этой же подводе поедешь домой.

— А с подводой как, кто ее потом заберет?

— А подводу отдашь председателю, пусть запишет ее за своим колхозом.

Ближе к вечеру Игнат подъезжал к дому. Встреча с родными оказалась не такой радужной, как он себе представлял.

Его жена Мария Ивановна и так была женщиной не большого ума, да к тому же склочной и сварливой. Увидев ребенка, она закатила небывалый скандал, в результате чего сбежалось на крик почти все взрослое население деревни, не говоря уже о детях. Обругав Игната последними словами, она заявила, что не подойдет к ребенку и на пушечный выстрел. Пусть делает с ним все, что хочет, пусть сам его кормит, моет и воспитывает.

И надо отдать ей должное слово свое сдержала. В воспитании ребенка она участия не принимала. Она полностью его игнорировала, не обращая на его крики и плач никакого внимания.

Старшие сыновья погодки Степан и Иван встали на сторону матери, только младшая дочь Варенька сразу полюбила своего младшего братика и, как могла, помогала отцу.

Испытав на себе вечные крики сварливой матери, подзатыльники старших братьев, она всем сердцем прикипела к ребенку, и часами не отходила от него.

В это тяжелое время, как нельзя кстати, пришлось предложение председателя колхоза. Он предложил Игнату работу шорника, взамен ушедшего на фронт.

Видя, как тяжело приходится Игнату, он предложил работать на дому. Тот с радостью согласился. Работы у шорника хватало с избытком, нужно было шить сбруи для лошадей, чинить старые, а иногда и шить обувь, но, благодаря умелым рукам, Игнат справлялся с этой работой.

Тяжело дались эти первые месяцы. Единственное, что его радовало, так это то, что ребенок рос крепким, здоровым, да дочь Варенька, ненаглядная его помощница. Но его просто «убивали» вечные скандалы с жены. Порой ему хотелось просто наложить на себя руки, но всякий раз его удерживала мысль об Антошке и Вареньке, с кем же они тогда останутся, если не станет его.

Помощь оказалась рядом, откуда он и не ждал.

Однажды в начале зимы к нему зашел дед Савелий, живший не далеко от него, и попросил Игната подшить ему валенки. Пока подшивал валенки, Игнат и не заметил, как рассказал деду всю свою горькую судьбу.

— Вот так дедушка я и живу. Порой так допечет, хоть в петлю лезь.

— Да, сынок, трудно тебе с такой бабой. Да и что говорить, только редкий идиот на

всей деревне может позавидовать тебе.

— Вот и я о том же, скоро просто в могилу загонит.

— Знаешь что, Игнат, а ты брось ее, и переходи в мою избу, я живу один, наследников у меня нет, так что, когда помру, дом останется тебе. И не раздумывай, будем жить и помогать друг дружке, я буду по мере сил своих помогать тебе с ребенком, а ты присмотришь за мной, глядишь, и не пропадем, да к тому же, вместе и веселее будет.

— А что, может и правда, попробовать, старик, инвалид и младенец, это мощная сила, — пошутил Игнат.

— Да что тут пробовать, бери свой инструмент, мальчишку и приходи, а вечером справим новоселье.

Переезд большого времени не занял. Игнат позвал соседних ребяташек, они перенесли его не хитрый скарб. Вместе с Игнатом ушла и Варенька, наотрез отказавшись оставаться с матерью. Дед Савелий одобрил ее поступок.

— Ничего, внученька, нам и вчетвером будет не тесно.

В деревне по-разному отнеслись к поступку Игната. Нашлись люди, которые осуждали его, но большая часть одобрила его поступок, обвинив во всем Марию.

Игнат был доволен, жизнь его теперь кардинально изменилась.

Он теперь работал спокойно, с утра за Антошкой смотрел дед Савелий, а после обеда приходила из школы Варенька, она сменяла дедушку. Дед в свою очередь шел заниматься домашними делами, топил печку и ухаживал за скотом.

Игнат получил военный заказ на лошадиную упряжь, работал, не покладая рук. Все шло хорошо. Мария теперь редко докучала ему, лишь иногда при встречах особенно на людях, пыталась учинить ему скандал. Люди хорошо ее знали, поэтому одергивали ее, не став слушать, уходили прочь.

Зимой, выкроив время, они с дедом смастерили Игнату протез, который заменил ему оторванную ступню. Теперь Игнат хоть и хромал, но мог вполне обходиться без костылей. Так пришла весна 1945 года, которая принесла с собой и победу над врагом, и надежду на светлое будущее.

Антошка подрастал, стал ласковым, и любознательным ребенком. Вареньку он называл не иначе, как няня или мама. Разлучить их было просто невозможно. Он всюду находился рядом с ней. Одним из самых любимых занятий его была рыбалка. Он часами мог сидеть на берегу с удочкой.

Другим его занятием было купание в мелкой заводи, из которой он часами не выходил. Учился плавать и нырять, задерживая под водою надолго дыхание, чем доводил Варьку до истерики. И, тем не менее, жизнь продолжалась.

Вскоре наступил июнь 1946 года, принесший с собой много бед и огорчений. Случилось так, что Варька с Антошкой решили сходить на другой берег реки, чтобы наловить окушков для ухи. Антошка, схватив удочки, побежал к мосту, а Варька задержалась, чтобы загнать гусей, которые норовили уйти подальше от дома. Загнав гусей, она побежала догонять брата.

Не добегая моста, она увидела, как ее братья, Ванька и Степан, схватив Антошку за руки и ноги, раскачав, бросили с моста в реку. Закричав от ужаса, Варенька бросилась в деревню. На ее крики стали собираться люди. Немного успокоив девочку, они выяснили, что случилось и бросились на поиски мальчика.

Ребята, кто покрепче, ныряли, искали на дне реки, надеясь, что малыш мог зацепиться за корягу или среди камней. Несколько человек, взяв сети, перегородили реку внизу по течению.

Долго еще продолжалась эта спасательная операция, но результат был нулевым, ребенка так и не нашли. И только Игнат и Варенька еще несколько дней ходили по берегу в надежде найти его.

Забегая вперед скажу, что после этого случая в семье Игната все повернулось в худшую сторону. Приехала милиция, увезли братьев, что в последствии с ними стало, никто не знал. Больше они в деревне не появлялись.

Мария после этого сильно стала пить. Однажды зимой в сильный мороз не смогла дойти до дома, так и замерзла у калитки собственного дома.

Игнат не надолго пережил свою бывшую жену. В тот же год, ранней весной, по очень хрупкому льду пытался перейти реку, но не удержался и провалился под лед. Тело его даже искать не стали, так как на реке еще стоял лед.

Антон прервал свой рассказ, взял кружку с водой, отпил глоток, а остальное вылил себе на голову, чтобы таким образом скрыть набежавшие на глаза слезы. Посидев немного молча,

он взял полотенце, вытер лицо и продолжил.

— Так я потерял теперь уже приемную семью. Все это я узнал намного позже от лучшего друга моего дедушки, который являлся также, и моим крестным отцом. Но, тем не менее, став уже совсем взрослым, я и сам навел справки, и выяснил, что все это оказалось правдой. Нашел я также и Вареньку. К этому времени она стала взрослой, вышла замуж. Она мне рассказала, что случилось дальше. Она осталась совсем одна, но до восемнадцати лет она жила с дедом Савелием. А после смерти деда ей пришлось выйти замуж, чтобы не стать объектом для сплетен, и уехала в соседний район. Завтра я расскажу вам о нашей с ней встрече, а сейчас нужно подумать и о собственных желудках.

Все вдруг ощутили сильный голод и дружно бросились готовить ужин.

Солнце, поднявшись над горами, ярко освещало всю округу. Тугай, проверив силки и капканы, подходил к небольшому бревенчатому дому, который уютно вписывался в окружающую местность.

Домик хоть и был старым, но довольно еще крепким. Глухой стеной он упирался в скалу, которая верхней частью слегка нависала над домом, и потому издалека складывалось впечатление, что дом врос прямо в скалу. Невдалеке от домика течет река Шилка, которая впадает в Амур. Образуется Шилка от слияния двух рек: Ингода и Онон. Шилка — река довольно полноводная, и как ни странно покажется, судоходная. На ней хоть и не такое интенсивное судоходство, как на самом Амуре, но тем не менее ходят небольшие корабли, и сплавляют лес, что и происходит, особенно в летний период очень интенсивно. Берега реки большей частью скалистые и обрывистые. Но есть места пологие с удобными местами для купания и отдыха.

Так на изломе, где река поворачивает за выступающую скалу, перед самой скалой образовался небольшой залив с мелководьем и растущим вдоль берега камышом, через который, почти до самой середины залива был построен деревянный мостик, у которого была пришвартована довольно большая лодка.

Вот к этому дому и шел Тугай. К его поясу были приторочены два приличных зайца и куропатка. Довольный тем, что капканы его сегодня оказались с добычей, а мясом он обеспечен теперь на несколько дней, охотник мысленно планировал свой выходной, так кстати подаренный председателем колхоза.

Тугай жил один, и всеми домашними делами ему приходилось заниматься самому. Работы ему в этот единственный выходной предстояло сделать очень много. Нужно разделать дичь, приготовить еду, прополоть огород, который сильно зарос после последнего дождя, не забыть постирать, и вообще, сделать кучу работы, до которой у него всегда не доходят руки.

Тяжело приходилось Тугаю. И трудность заключалась не в том, что нужно было все делать самому, а в том, что его съедало одиночество. Единственная отдушина была — это его друг Бедуля Егор со своей семьей.

С Егором они дружили с самого детства, вот уже больше пятидесяти лет. Воевать тоже пришлось вместе. Пока воевали, здесь в глубоком тылу погибла вся семья Тугая. Вернулся с фронта в пустой заброшенный дом, где все нужно было начинать с самого начала.

Тугай подошел к плетеному заборчику, перегораживающему узкий проход между рекой и скалой. Этот плетень он со своим отцом делал еще до войны. Заборчик хоть и не представлял собой препятствие для человека, но все же удерживал домашний скот, который все время норовил уйти дальше в горы.

Подойдя к забору, Тугай осмотрел усадьбу внимательным взглядом разведчика (сказывалась фронтовая привычка), убедившись, что все в порядке, вошел внутрь ограды. Не теряя времени даром, Тугай приступил к работе.

Первым делом он растопил уличную печь, разделал добычу. Часть мяса он решил сварить, а вторую отнес в ледниковый погреб. Тугай уже заканчивал варить борщ, когда увидел входящего во двор друга, который, тяжело дыша, вел в руках велосипед.

— Здорово, отшельник, ты еще живой тут?

— И тебе не хворать, господин проповедник.

— Вот теперь вижу, что живой. А я грешным делом подумал, что тебя здесь зайцы до смерти затоптали.

— И откуда в такой огромной голове столько глупых мыслей?

— И он еще спрашивает. Ты когда, поразит этакий, последний раз был у меня дома? Наталья ругается, дети забыли, как выглядит их крестный отец, а он борщ ест и в ус не дует. Другой бы на его месте со стыда сгорел, а ему хоть бы что. Сидит себе на выселках, мясо ест да снежного человека по горам гоняет, следопыт чертов.

— Ну что ты Егорушка, напраслину возводишь на меня. С зайцами я справился, посмотри вон, в чугушке уже сварились. А вот, что касается снежного человека, так я его стороной обхожу.

— Что, неужели наш знаменитый разведчик испугался снежного человека?

— Ну что ты, как ты мог такое подумать про меня. Я ведь не его боюсь, а боюсь за нашу дружбу с тобой. Как бы нам потом не поссориться.

— Не понял, а причем здесь наша дружба? — непонимающе спросил Егор.

— Ну, сам посуди, если я обижу снежного человека, то ты обидишься на меня.

— Это за что же? — насторожился Егор.

— Да за то, что я обидел твоего родственника. Ты ведь должен понимать, что у таких громил как ты, и родственники такие же, здоровые и лохматые.

— Вот это ты меня сделал.

Егору шутка пришлась по душе. Он и сам пошутить любил, и любил, когда над ним шутят. Они обнялись, дружно смеясь.

— Проходи, Егор, к столу, сейчас свежего борща с зайчатинной налью.

— Спасибо, друг, я уже позавтракал, а вот от холодненького кваса я бы не отказался.

Тугай принес ему из погреба квас. Егор пил его мелкими глотками, уж больно тот был холодным.

— Что, тяжело педали крутить? Это тебе не на мотоцикле мерзнуть, здесь потеть надо.

— Да тяжеловато приходится, все-таки на подъем крутить надо. А тут еще легкое раненое дает о себе знать. К тому же, и возраст не молодой ведь.

— Какой там возраст, всего шестой десяток, а вот ранение — это серьезная причина. Тут тебе побережься надо, не ровен час, и задохнуться можно.

— Я и сам понимаю, что беречься нужно, но тут такое дело. Лошадь пришлось Ваньке отдать, он в район уехал, а мне пришлось садиться на велосипед.

— И зачем это тебя черти в такую рань ко мне принесли? Я и сам собирался после обеда к вам приехать. Слышал, у тебя Светлана замуж собралась?

— Вот по этому делу я и приехал.

— Тогда выкладывай, чем смогу, тем помогу.

— На выходные свадьбу наметили, так ты уж постарайся быть, да гармошку не забудь.

— Ну, насчет приглашения мог бы и не заливать мне, я к своей крестнице и без твоего приглашения пришел бы. Ты давай конкретно говори, зачем тебя черти в такую рань привели. Ведь не ради приглашения, я все равно не поверю в это.

— Ладно уж, прорицатель нашелся. А если кроме шуток, то дело обстоит так. Свадьбу приходится делать второпях, пока председатель разрешение дает. Потом начнется сенокос, за ним уборочная, вот и придется молодым ждать зимы.

— Зачем они торопятся, можно ведь и зимой свадьбу отгулять.

— Оно конечно так, но дело в том, что сразу после уборочной зятя отправляют на курсы механизаторов, а это как минимум до самой весны.

— С этим мы разобрались, ну а от меня что ты хочешь?

— Нам с тобой сегодня нужно наловить рыбы, и как можно больше.

— И ты тут два часа мне голову дуришь? Сразу не мог сказать? Вставай, пошли, а то расселся здесь, кваском он балуется, иди к лодке, поплывем сети с мордушками проверять.

Егор заторопился к лодке, а Тугай пошел за веслами. Когда Тугай подошел к лодке, Егор стоял на мостике, и вглядывался в речную даль, прищурив от яркого солнца глаза.

— Что ты там уставился, садись, давай будем отчаливать.

— Подожди немного, вон видишь, кажется, дерево плывет. Пусть проплывет, тогда и мы отчалим.

— А, по-моему, на дереве, что-то есть, приглядиись внимательнее.

— Где? Не вижу.

— Вон смотри, между двух сучков что-то светлое маячит.

— Точно что-то есть, ну и глаз у тебя, не зря тебя на фронте снайпером дразнили.

Они стояли рядом и не сводили глаз с плывшего им навстречу дерева. Через несколько минут смогли различить, что на дереве лежит ребенок без движения. Тугай толкнул Егора в бок и крикнул ему:

— Быстрее в лодку! А то проплывет мимо, тогда придется догонять.

Егор налег на весла. Несколько сильных гребков, и они оказались на середине реки, поджидая, когда дерево подплывет к ним.

— Егор, держи лодку прямо, а я постараюсь снять ребенка.

Дотянувшись до ребенка, Тугай с большим трудом смог разжать ему руки, судорожно сжимающие толстый сук дерева. Сняв ребенка и держа его на руках, Тугай заторопил Егора.

— Давай быстрее к берегу, он, видать, давно находится в воде, видишь, как его трясет всего. Нужно как можно быстрее его согреть, у него сильное переохлаждение.

Но Егора подгонять не нужно было, он и так налегал на весла, во всю свою могучую силушку, а ее у него было с избытком. Тугай в это время сорвал рубашку с мальчика и, расстегнув свою, прижал его к своей груди, таким способом пытаюсь согреть малыша.

Причалив к берегу, они бегом бросились в дом. Положив мальчика на кровать, Тугай крикнул Егору:

— В буфете есть немного спирта, возьми, и начинай его растирать, а я приготовлю отвар. Нужно его быстрее согреть и напоить.

Егор растер мальчику грудь, спину, затем принялся растирать ноги и руки. Тугай в это время налил горячего еще травяного чая и стал доливать туда медовуху.

— Ты что, старый маразматик, ребенка медовухой решил напоить?

— Ты лучше хорошенько разотри его, а этот напиток поможет ему согреться изнутри.

Пригубив немного, Тугай одобрил напиток.

— Температура само то, можно поить. Егор, подними ему голову и зажми нос.

Когда Егор сделал это, Тугай стал поить мальчика из стакана. Мальчик сначала закашлялся, но ему пришлось выпить все до конца. Напоив ребенка, Тугай сходил во двор, налил в бутылки горячей воды, и сунул их под одеяло. Управившись, они сели рядом, и стали разглядывать мальчишку. Первым не выдержал Егор.

— Интересно, чей он, и откуда взялся, да еще таким необычным способом?

— Может, прятался на нем от грозы, да и свалился вместе с деревом в воду.

— Ты что, последняя гроза была недели полторы назад, — возразил ему Егор. — Что же, он, по-твоему, все эти дни провел на воде? Да он утонул бы давно.

— Может и так, не будем сейчас спорить. Вот очнется, тогда и спросим его самого, если он сможет нам вразумительно ответить.

— Да брось ты сомневаться, мальчишке уже лет пять, наверное, вполне может объясняться. По крайней мере, мы все равно сможем его понять.

— Не в этом дело, понять, конечно, мы сможем, но загвоздка здесь в другом. Ты видел, в каком он был состоянии. Теперь представь себя на его месте. Мальчик один среди бурлящего потока воды. Он жутко замерз, да к тому же ночь кругом, и темно и страшно. В таком возрасте это для него ужасный стресс. Ты ведь видел, как он судорожно и сильно держался за дерево, а это говорит о том, что мальчик испытывал огромный страх. И я боюсь не того, что он мог простудиться, с этим мы, надеюсь, справимся. А боюсь я за его психическое состояние. Если бы он все это время был в сознании, все могло бы обойтись только простудой. Но мы нашли его вот в таком состоянии, и я сомневаюсь, что он сможет что-нибудь вспомнить.

— Неужели и такое может, быть? Может, ты немного преувеличиваешь?

— Если это так, то я только рад буду этому. Но ты ведь знаешь, что я немного разбираюсь в этом. Отец до войны многому учил меня, в том числе и психологии. И я кое-что знаю и могу.

— Помню я, как твой отец заставлял нас с тобой учиться приемам борьбы. Тебе тогда доставалось больше, чем мне. А я отлынивал, дурак. Вот и вышло на деле, что ты научился всему, что знал отец, а я так балбесом и остался. Только кулаками махать и умею.

— Кончай критику на себя наводить, другим это расскажи. Я-то знаю тебя как облупленного, если бы ты не знал основ психологии человека, ты бы столько лет в милиции не проработал, да еще участковым.

Егор пытался, что-то возразить, но Тугай перебил его.

— Ты ведь слышал, как говорят — у него есть подход к людям — а это говорит о многом.

— Да понял я, понял, ты всегда отличался от всех своим умом и сообразительностью.

— А тут ничего удивительного нет, я маленький, до меня все быстро доходит. А ты вон какой жираф вымахал, пока до тебя дойдет, к тому же, и упертый как буйвол.

Егор, правда, напоминал чем-то буйвола. Был огромен, почти двух метров роста, с короткой шеей на огромных плечах. И веса в нем было порядка ста двадцати килограммов, притом, что даже в возрасте он не имел даже грамма жира, сплошная мускулатура.

Тугай вспомнил, когда на фронте им приходилось идти в разведку, чтобы взять языка, Тугай старался сам оглушить своего будущего пленника. Егору это доверять нельзя было. Огромным, как кувалда кузнеца кулаком, он одним ударом убивал жертву.

Это не говорит о том, что он сам хотел этого, просто он не мог рассчитать силу удара, и в таких случаях им вновь приходилось искать очередную жертву. А на это уходило время, да и лишний шум был не нужен. Зато Егор был просто незаменим в транспортировке языка. Чтобы не терять время и как можно дальше уйти от погони, Егор брал свою жертву на плечо, и так мог бежать по несколько километров.

— Сам ты ехидный недомерок, смотри вон мальчишка покрылся испариной, и щеки красными стали. Уж не заболел он грешным делом?

— Это хорошо, что он стал потеть, значит, простуда из него выходит наружу. Глядишь,

и обойдется все без последствий. Я на это очень надеюсь.

— Послушай, Тугай, а когда он проснется, что мы с ним будем делать? Давай, говори, ты ведь среди нас самый умный, — не удержался от укола Егор.

Проигнорировав сарказм друга, Тугай сказал:

— Слушай, Егор, я думаю, пусть мальчик пока побудет у меня, а ты после свадьбы постарайся навести о нем справки. А там будет видно, что с ним делать дальше.

— Кто его знает, откуда он. Но мне почему-то кажется, что этот ребенок нездешний.

— Почему ты так думаешь?

— Посмотри на его внешний вид, он больше похож на цыгана, а не на нашего местного мальчишку. Но одежда у него не цыганская, скорее всего это ребенок из детского дома. Таких беглецов сейчас в наших краях очень много. Их в Чите пачками снимают с поездов.

— Почему ты так уверен, что он непременно из беспризорников?

— Да ты сам посмотри на него повнимательней. Видишь, лицо его не типично для нашей местности. Волосы у него слишком темные и волнистые, а рубашка грязная, и засалена, видно, что она очень давно не стиралась. К тому же она порвана давно.

— В нашей деревне тоже дети бегают грязные и босоногие.

— А я этого и не отрицаю, но наши женщины периодически моют, штопают одежду, и обстирывают, а у него рубашка давно порвана и не стирана.

— Не знаю, может ты и прав. Ты милиционер и с беспризорниками приходилось встречаться чаще, чем мне, у тебя и опыта в этом больше. Но чего я не могу понять, так это как такой малыш мог сбежать из Детского Дома?

— А мне кажется, что он сам сбежать не додумался бы, скорее всего его подбили на это, кто-то из старших ребят. Для самостоятельного побега он слишком мал.

— Ладно, что об этом сейчас толковать, найдем его близких, вернем, а не найдем я его себе оставлю, пусть будет мне на старости внуком. Глядишь, и у меня в доме появится живая душа. Не поверишь, Егор, порой домой идти не хочется. Придешь в этот пустой дом и хоть волком вой в этой тишине.

— А я тебе говорил, женись, Тугай, вон, сколько баб вдовых в деревне, на любой вкус.

— Не хочу я, Егор, жениться, и ты знаешь почему. Не хочу я из-за этого проклятия подвергать опасности других людей, хватит с меня и того, что я потерял всю свою семью.

— Тогда зачем ты хочешь оставить мальчишку себе, не боишься за его судьбу?

— Конечно, есть доля опасения, но я надеюсь, что приемного ребенка это не коснется.

— Ладно, если он окажется сиротой, я постараюсь тебе помочь в усыновлении.

— Вот за это тебе, Егор, огромное спасибо. Посмотри, кажется, он приходит в себя.

Мальчик несколько раз дернулся, вскрикнул, судорожно сжимая одеяло, и, открыв глаза, с удивлением посмотрел на незнакомых мужчин.

— Успокойся, малыш, все в порядке, тебе приснился страшный сон. Вот ты проснулся, и все будет хорошо, — стал успокаивать его Тугай. — Ты хорошо себя чувствуешь?

Ребенок в ответ кивнул головой.

— А говорить ты умеешь?

— Да, умею.

— А как зовут тебя, знаешь?

— Конечно, знаю, Тошка меня зовут, вот как.

— Понятно, тебя зовут Антон. А чей ты Тошка сынок? Как зовут твою маму и папу, знаешь? — продолжал расспрашивать Тугай.

Мальчик наморщил лоб, подумал немного, помотав головой, ответил.

— Не знаю.

— А где ты живешь?

— Не знаю.

— Ну, ты хоть что-то помнишь? Как в речку попал, как на дереве плыл, хоть что-нибудь помнишь? — не сдавался Тугай.

— Не помню — сказал тихо мальчик, и глаза его наполнились слезами.

— Ну, что ты, малыш не надо плакать. Ты ведь мужчина, а мужчины не плачут.

Антошка закивал головой.

— Вот и молодец. Мы с дядей Егором никому не позволим тебя обижать. Меня можешь звать просто дедушка.

— Я не буду плакать.

— Молодец, а ты останешься у меня жить?

— Если ты не будешь драться, то останусь, — улыбнулся сквозь слезы Антошка.

— Чтоб я сдох, если я буду драться, — по-детски поклялся Тугай, и, улыбнувшись, спросил, — а ты будешь кушать? У меня есть свежий борщ с мясом.

— Да, борщ буду, и мясо тоже — подумав, добавил он.

— Тогда лежи здесь, а я поищу тебе другую одежду.

Поискав немного в шкафу, он достал оттуда вещи, которые когда-то принадлежали его сыну Егорке. Одев мальчика, он усадил того за стол.

— А ты не сиди столбом, — крикнул он Егору, — доставай хлеб и ложки, сейчас вместе все и пообедаем.

Тугай вернулся с обещанным борщом. Все дружно принялись за еду. Откусывая хлеб и работая ложкой, Тошка не отставал от взрослых. Видя, как он ест, Тугай растрогался, ему до слез было жаль этого измученного и голодного ребенка.

Рано потеряв своих детей и внука, он готов был отдать все, что имел, лишь бы этот ребенок остался жить у него. Отложив ложку, он подвинул чашку с мясом ближе к Антошке. Тот в свою очередь бросил свою, и, схватив самый большой кусок, впился в него зубами, при этом кашляя и давясь. Пришлось Тугаю вмешаться, опасаясь за здоровье ребенка.

— Ешь спокойно, не торопись. Прожуй хорошенько, а потом глотай, иначе подавишься. Кушай спокойно, никто у тебя не заберет, ешь, сколько влезет.

Через несколько минут Тугай увидел, что мальчик уже не ест, а осоловело смотрит на еду, поглаживая собственный живот.

— Ну как, Тошка, наелся? — спросил его Тугай.

— Да, наелся, вон смотри, какое у меня пузо большое стало, — и погладил себя по животу.

— Молодец, я смотрю, ты сладко зеваешь, может, спать пойдешь? Будешь спать?

Тугай уложил Антошку на кровать, укрыл плотнее одеялом. Едва коснувшись головой подушки, ребенок тут же уснул.

— Пусть спит, пошли, Егор, нужно проверить сети.

— Может, не стоит оставлять его одного.

— Ничего страшного, он поел, к тому же очень устал, теперь долго будет спать.

Пока Антошка спал, Тугай с Егором успели проверить снасти. Улов был приличным, чему Егор был очень рад. Оставив даже часть улова Тугаю, Егор уехал в деревню.

Тугай продолжал заниматься своими делами, но вскоре из дома выбежал Антошка с

криком.

— Дедушка, я хочу писать!

— Беги скорее за угол дома, там увидишь туалет.

Антошка убежал, а Тугай с довольной улыбкой стоял и ждал его. Через минуту мальчик вернулся и засыпал Тугая множеством вопросов.

— Дедушка, а что ты делаешь, а как это называется, а это зачем и так далее.

Тугай сначала терпеливо объяснял ему, но потом понял, что это пустое занятие, и решил отвлечь немного.

— Внучек, может, ты кушать хочешь?

— Нет, смотри у меня еще пузо толстое, — и продемонстрировал ему свой тощий животик.

— Тогда пойдем пить чай, отдохнем немного, а то я уже устал с самого утра в работе. А когда отдохнем, будем полоть огород, будешь мне помогать?

— Да, буду, — и радостно запрыгал по двору.

Остаток дня они вдвоем провели за прополкой огорода. Вечером, когда ложились спать, Тугай пообещал Антошке, что утром рано возьмет его с собой на работу и покажет ему настоящую кузницу. С мыслями о кузнице Антошка уснул.

Утром, приготовив завтрак, Тугай разбудил Антошку.

— Вставай, засоня, нам пора.

— Деда, я уже проснулся, пошли на твою работу, кузню посмотреть.

— Нет, так дело не пойдет. Сначала сбегай в туалет, потом умываться и завтракать, и только потом пойдем на работу. Понял меня?

— Понял, я сейчас быстро, ты только не уходи без меня, — и пулей убежал.

После завтрака они наперегонки бежали до самой кузницы, которая, с прилегающей к ней пилорамой, находилась в трехстах метрах от дома Тугая, на берегу реки.

Антошка от кузницы был в восторге. Он бегал по всей территории, заглядывал во все углы, и за несколько минут успел задать деду сотню вопросов. Тугай принялся за работу, Антошка, ознакомившись с кузницей, перестал приставать к деду с вопросами, и нашел себе занятие среди старого железа, складывая из железок, как он сказал, большую машину.

До обеда время пролетело быстро. Они уже собирались идти домой, когда появился Егор.

Оставив повозку во дворе дома он пешком пришел в кузницу, не найдя их дома.

— Привет, отшельники. Вас трудно застать дома, вы теперь вдвоем все дела переделаете.

— И тебе не хворать, — ответил на его тираду Тугай.

— Здравствуй, Антошка, — Егор протянул ему свою громадную как лопата руку. Антошка положил свою маленькую ручку в его ладонь, ответил словами деда.

— Здорова, и тебе не хворать.

Егор рассмеялся от души и предложил Антошке пойти вместе с ним на рыбалку. Но очень скоро он пожалел об этом. Антошка в течение нескольких минут задал ему уйму вопросов, на которые Егор просто не успевал отвечать.

— Ну, звончек, ты меня уморил своими «почему» и «зачем». Беги лучше на берег, там стоит лодка, вот на ней мы и поплывем ловить рыбу.

Антошка с криком «ура, я поймаю самую большую рыбу» убежал на берег реки.

— Ну что, Тугай, мне помниться ты вчера жаловался на одиночество и тишину. Теперь,

наверное, придерживаешься другого мнения?

— Ну что ты, мне как раз такой и нужен, ты можешь мне не верить, но я теперь от счастья готов горы свернуть. Поверь мне, с ним очень хорошо, у меня появился стимул в жизни. Есть о ком заботится. Буду его учить всему, что знаю сам. Теперь у меня есть человек, которому я смогу передать весь свой опыт, — и улыбнулся счастливой улыбкой.

— Я тебя понимаю, друг мой. Ты только помни, что я и моя семья сделаем для тебя все возможное и невозможное.

— Да я в вас никогда и не сомневался, и заканчивай ты эти сентиментальные разговоры. Пошли, лучше сети проверим, Антошка, наверное, уже заждался, — и толкнув Егора вбок, пошел к берегу реки, на ходу крикнув, — мешок под рыбу не забудь.

Вскоре до них донеслись крики Антошки. Встревоженные криками, они бросились бегом.

Добежав до берега, они застали такую картину. Антошка совершенно голый плещется на мелководье, в руке у него большой рак, который ухватился клешней ему за палец. Антошка при этом старается оторвать клешню рака, но рак сопротивляется, а тот визжит от удовольствия.

— Вот тебе, бабушка, и юрьев день, — пробормотал от удивления Егор, — я думал, что после вчерашнего он и на пушечный выстрел к воде не подойдет, а он видно в ней родился.

— Антошка, — крикнул Тугай. — Брось его на берег пока, и быстро одеваться, сейчас поплывем за рыбой.

Пока они с Егором рассаживались, Антошка уже сидел на носу лодки и болтал ногами, держа одежду на руках.

— Антошка, быстро одевайся, иначе замерзнешь, — прикрикнул на него Тугай, глядя с улыбкой на это чудо.

Подплыли к первой сети, Тугай стал выбирать ее. Первой оказалась большая щука. Антошка завизжал от восторга.

— Дядя Егор смотри, какая большая рыбина.

— А ты ловил, такую большую как эта?

— Да, ловил, на удочку вот такую, — Антошка показал на длину своей ладошки.

— Ого, какую большую ты ловил, а где ты ее ловил, помнишь?

— Не знаю, я почему-то не помню.

— Ну, вот не помнишь, а сам говоришь, что ловил да еще на удочку.

— Дядя Егор, ну как ты не поймешь, — стал возмущаться ребенок, — я знаю, что ловил, но не помню когда, теперь понятно?

— Егор оставь его в покое, лучше держи лодку ровнее.

Выбрав рыбу и сняв сети, они выплыли на берег. Сложив самую крупную рыбу в мешок, они погрузили его на телегу.

— Антошка, а ты перетаскай остальную на стол, под навес, сейчас чистить будем.

— Хорошо, деда, я быстро.

— Тугай, ты заметил, что Антошка не боится воды, и даже вспомнил, что ловил рыбу на удочку.

— Это объясняется очень просто.

— Тогда поясни.

— То, что он не боится воды, объясняется очень просто. Ребенок до этого любил купаться, и, скорее всего на мелководье. Он любит нырять, поэтому интуитивно не боится

ее. Но он получил сильнейший стресс, и его мозг заблокировался, предохраняя его от воспоминаний. Но позволяет ему вспомнить самые счастливые моменты его жизни. Видимо, ему раньше доводилось бывать на рыбалке, поэтому он и вспомнил кое-что.

— Понял, если ему напоминать, то возможно он вспомнит все, и даже то, что с ним случилось.

— Ты немного ошибаешься, друг мой, здесь не так все просто, как кажется. Если бы он был взрослым, то никаких сомнений, что со временем он все вспомнил бы. Но дело в том, что он ребенок. Если взрослый человек, потеряв память, старается во что бы то ни стало вспомнить все, мучается от этого и страдает. То с ребенком все обстоит иначе. У него слишком короткая жизнь, и ему практически нечего вспоминать, поэтому он, и стараться не будет. Мозг его от этого защищает, а детский мозг в этом возрасте довольно пытлив. Вокруг столько всего нового, и интересного, так что о прошлой, коротенькой жизни он может вообще не вспомнить. И заставлять его делать это не надо, можно навредить.

— Да, сложная эта штука мозг человеческий, мне его никогда не понять, — и простившись, уехал в деревню.

Оставшись вдвоем, дед с внуком принялись чистить рыбу. Подавая очередную рыбку, Антошка всякий раз просил деда рассказать о ней очередную историю, что дед с удовольствием делал.

Жизнь продолжалась. Антошка за два месяца полностью освоился с новым местом жительства и уже не представлял себе другой без своего любимого деда.

Тугай утром уходил на работу. Антошка, когда просыпался, бежал к нему в кузню. Дед кормил его, а Антошка доставал сделанные дедом игрушки, убегал во двор играть на песке.

Он развлекал сам себя, одиночество не тяготило его. Недостаток общения он с избытком наверстывал вечером в присутствии бабушки.

Но однажды утром он спросил деда:

— Деда, а, что ты утром во дворе делал?

— Как что? Управлялся по хозяйству. Носил воду из родника, готовил завтрак, да много чего еще, всего и не упомнишь.

— Я же тебя не про воду спрашиваю, — стал сердиться он.

— А про что, позволь тебя спросить? — иронично спросил его дед.

Тугаю нравились такие разговоры. Прикинувшись непонятливым, Тугай любил наблюдать как Антошка, горячась, пытается объяснить непонятливому дедушке прописные истины.

— Ну, как ты не поймешь, ты был без рубашки и делал руками так и так, а потом ногами еще так и так, — Антошка, как умел, неуклюже стал показывать движения гимнастики.

Тугай от души посмеялся, потом спросил незадачливого внука:

— Постреленок, ты, когда это успел увидеть, как дед гимнастикой занимается?

— Видел, когда ты так руками делал, я в туалет бежал.

— Тогда с тобой все ясно, ты и здесь успел отметить.

На Тугая посыпался град вопросов, прервав этот фонтан он сказал:

— Слушай меня внимательно, и не перебивай, я тебе сейчас все объясню. Согласен?

Антошка кивнул головой в знак согласия. Сел на подставку у наковальни и приготовился слушать. А слушать, не смотря на свой юный возраст, он умел очень внимательно.

— По утрам, Антоша я делаю гимнастику...

— Ну-ну объясни мальцу, чем ты там занимаешься по утрам. Какую такую гимнастику делаешь, — перебил его голос с порога. — Привет, кузнецы-молодцы.

В проеме двери стоял с довольной улыбкой Егор.

— Что он тут тебе объясняет, Антоха-пройдоха?

— Сам ты пройдоха, и не говори про моего дедушку плохо, он мне про гимнастику говорил, — картавя слово гимнастика, выговаривал Егору Антошка.

— Смотри Тугай, какой у тебя защитник растет. Ну, а мне разрешишь послушать?

— Ладно, слушай, раз пришел, не выгонять же тебя, — махнув рукой, разрешил Антошка.

Егор с Тугаем, глядя на серьезный вид Антошки, довились от смеха.

— Антошка, а ты скажи дяде Егору, пусть он тебе объяснит, что такое ушу, это будет ему вроде наказания за то, что он вмешивается в наш разговор.

— Правильно, дедушка, пусть он скажет! — закричал от восторга Антошка и захлопал в ладоши.

— Смотри, как быстро они сговорились против меня. Ну, что же, раз так, то слушайте. Ушу, Антоша, это такая китайская гимнастика.

— А зачем она нужна? Зачем нужно делать вот так и вот так? — начал показывать Антон.

Тугай с Егором вновь рассмеялись, глядя на Антошкины выкрутасы.

— Ладно, Антоша, слушай дальше. Эта гимнастика учит человека полной концентрации внимания, правильному распределению движения мышц, а также стабилизирует внутреннее состояние человека. Учит правильному дыханию, что во время боя очень важно. Теперь тебе понятно?

Антошка смотрел на него большими немигающими глазами и молчал. Впервые за последнее время он просто не знал, что сказать. Он не понял ни одного слова, сказанного Егором.

Тугай сначала фыркнул несколько раз, потом, не выдержав, громко рассмеялся.

— Егор, ты сам-то понял, что сейчас сказал, а главное как ты это сказал и кому?

Егор недоуменно посмотрел сначала на Тугая, потом на обескураженного Антошку. Когда до него дошло, он смеялся вместе с ними.

— Дедушка, — смущенно сказал Антошка, — а я ничего не понял.

— И не мудрено, сынок. Дядя Егор у нас всегда отличался своей изысканной речью.

— Тогда сам объясняй, умник.

— Ты, Антошка, дядю Егора все равно не поймешь. Он сам себя понимает через раз. Ты слушай меня. Эти движения руками и ногами, действительно древняя китайская борьба и называется Ушу. А делаю я для того, чтобы стать сильным и здоровым, и никогда не болеть. Вон посмотри на дядю Егора, он в детстве занимался этой гимнастикой. Теперь он стал большим и сильным. Люди увидели, каким он стал, и назначили его участковым милиционером. Теперь он всех людей защищает от врагов и бандитов.

— Деда, а можно я тоже буду с тобой делать эту гимнастику? Я тоже хочу стать большим милиционером.

— Конечно, можно, но предупреждаю, что вставать придется очень рано, и без капризов.

— Буду, буду. Ура, я буду большим и сильным! — закричал от восторга Антошка и побежал на улицу заниматься гимнастикой.

— Теперь ты понял, как нужно разговаривать с детьми?

— Тебе хорошо говорить, — с обидой сказал Егор, — ты грамотный, и до войны учителем в школе работал. В этом деле у тебя опыт большой. А я всю жизнь провел с ворами да бандитами. Своих детей по праздникам и видел.

— Ты прав Егор, каждый человек должен заниматься своим делом. Тогда во всем порядок будет. Но ты, конечно, не за этим приехал. Говори, что случилось.

— Да ты прав. Есть у меня для тебя новости. Я за эти дни объехал множество деревень. Добрался и до города. Никто даже и не слышал о пропавшем мальчике.

— Но ты проехал только ближайшие деревни. А нужно проверить все населенные пункты вдоль побережья рек. Мы ведь из реки его выловили. Нужно проверить не только побережье Шилки. А как насчет Онон и Ингода, они ведь впадают в Шилку.

— Был я и там, но не очень далеко. Я не думаю, что ребенок из такой глуши мог попасть сюда. Это будет вообще за гранью фантастики. Я вот что хочу тебе сказать. В городе в Детском Доме мне сказали, что был у них пятилетний мальчик. По имени не то Тишка, не то Тошка, они и сами толком не знают.

— Почему это они ничего не знают. Это ведь государственное учреждение. Они должны были завести на ребенка досье, или как там оно называется.

— Да все у них есть, просто записать не успели. Нянечка только и добила от него не понятного имени. А дело было под выходные. Потом, когда решили дать ему новое имя и фамилию, опоздали. В это время у них сбежало несколько подростков постарше, и вместе с ними пропал и тот маленький мальчик. Они, конечно, обратились в милицию. Но милиция долго искать, конечно, не стала. Так спрашивали для отчета на этом и закончили. Дело в том, что сейчас столько беспризорников, что милиция физически не справляется. Они их ловят, а те опять сбегают. А ведь нужно еще и бандитов ловить. Ты ведь знаешь, что у нас сейчас в стране сплошь и рядом воровство да убийство. А тут еще и беспризорники. Тебе не надо говорить, что наш город является самой крупной узловой станцией в Сибири. Ребята могли сесть в любой поезд и в любом направлении. За сутки через нее проходят десятки поездов, поди узнай, на каком из них они могли уехать.

— И, что теперь делать? — спросил задумчиво Тугай.

— А ничего делать не надо. Все, что нужно я уже сделал. И как человек, и как представитель власти.

— Да говори ты быстрее, чего тянешь kota за хвост.

— Хорошо не буду. Докладываю, я договорился с директором Детдома, он дал мне справку. Детдом не возражает против опекуна над Антошкой. Все какие нужно было документы, я уже оформил. Завтра с утра пойдешь в сельсовет, там кое-что еще оформите, и заберешь его свидетельство о рождении. Теперь его полное имя, Ли Антон Максимович, рожденный в селе Вишнянки в 1941 году. Теперь ты доволен мной?

— Спасибо, друг ты мой милый. Спасибо, родной. Ты даже не представляешь, какой ты для меня сделал подарок. Ты просто подарил мне другую жизнь, — смахнув набежавшую слезу, он обнял своего друга.

— Не надо так уж преувеличивать мои заслуги. То, что я сделал, это просто мелочь, по сравнению с тем, что сделал ты для меня. Ты только вспомни, как ты тащил меня раненого через линию фронта, каждую минуту подвергая свою жизнь опасности. Этому подвигу какую ты оценку дашь? Так что, давай не будем считаться кто, кому и что должен. Мы с тобой дружим, больше чем помним, и не раз доводилось спасать друг друга. И не только в

эту войну. Вспомни Гражданскую, всякое мы с тобой пережили. Давно мы с тобой стали не только друзьями, но и роднее родных братьев. А для родного брата я сделаю все, что в моих силах. Уверен, что ты поступишь также, — он так же смахнул слезу, так предательски набежавшую на глаза, этого огромного, доброго и сентиментального человека.

— Спасибо тебе. Не перебивай меня, — остановил он Егора, — спасибо, тебе за те добрые слова, которые ты сейчас сказал. За те слезы, которые ты сейчас пытаешься скрыть от меня. Поверь это дорогого стоит.

Мужчины обнялись и минуту стояли молча, понимая, что сейчас творится в душе каждого из них. Обстановку в кузнице разрядил своим появлением Антошка. Он влетел в дверь с криком:

— Смотри, дядя Егор, каким я сильным стал, — задирая рукав рубашечки, стал показывать свои мускулы.

— Молодец, Антошка, если будешь каждый день делать зарядку, станешь сильнее и выше меня.

Раскрасневшись, Антошка гордо стал ходить вокруг наковальни, искоса поглядывая на свои мускулы. Егор с Тугаем от души посмеялись.

На следующее утро Тугая разбудил Антошка, толкая его в бок.

— Ты, почему не спишь, сорванец?

— Вставай, деда, надо идти гимнастику делать.

Тугай глянул на висевшие на стене ходики, с удивлением сказал.

— Так рано еще, ложись можно еще поспать немного.

— Раз я проснулся и не хочу больше спать, значит, уже пора. Вставай, пошли быстрее.

Делать было нечего. Пришлось ему встать, идти с внуком во двор заниматься.

Тугай стал учить внука как правильно двигаться, как при этом правильно дышать. Антошка старался как мог, хоть и давалось ему это с трудом.

Минут через сорок Тугай объявил, что учения на сегодня закончены, и пора обливаться водой для закаливания духа и тела. Антошка был в восторге от этого. Тугай принес из дома слегка теплой воды и приказал внуку стать на деревянную подставку. Антошка встал, замер в ожидании. Тугай опрокинул ведро и вылил на голову Антошки принесенную воду. Малыш завизжал и опрометью бросился в дом. Тугай зачерпнул из бочки два ведра воды, вылил ее себе на голову, отряхнулся и побежал вслед за внуком.

Антошка стоял среди комнаты и дрожал от холода.

— Ты что стоишь здесь, не вытираешься? Ну-ка быстро бери полотенце и хорошенько разотрись. Да так, чтобы кожа на теле стала красной, понял?

Тошка схватил полотенце и стал вытирать себе лицо и руки.

— Не так, вот смотри как надо, — взяв у него домотканое полотенце, стал растирать его.

От жесткого полотенца все тело Антошки стало пунцово-розовым.

— Деда, не надо, мне уже жарко, — вскоре закричал Тошка.

— Ну как, будешь еще заниматься гимнастикой или хватит с тебя и одного раза?

— Буду только без воды, с ней очень холодно.

— Ну, уважаемый Антон Максимович, так дело не пойдет. Нужно все вместе делать. Вот послушай меня. Когда ты делаешь гимнастику, то становишься сильным и крепким. А когда обливаешься водой, то закаляешь тело, становишься здоровым, и не болеешь никогда. Теперь понятно, что все это надо делать вместе?

Так постепенно Антон втянулся в режим и на протяжении всей жизни старался следовать утреннему моциону.

В характере Антона было много заложено различных качеств. Его детская любознательность вскоре переросла в желание учиться, познавать каждый раз все новое и новое. Целеустремленность и упорство к достижению своей цели привил ему дедушка. И даже такие качества, как любовь, доверие к людям, честность и порядочность он также перенял у своего деда, который, всего себя без остатка отдал ради воспитания внука. Антошка хотя и был маленький, но впитывал знания в себя как губка. К десяти годам он знал строение человеческого тела. Знал расположение почти всех болевых точек и, при желании, мог с легкостью воспользоваться этим. Самые смертельные из них Тугай до времени решил пока не показывать, боясь, что в столь юном возрасте Антон может их не правильно применить, не справившись с собственными эмоциями, и нанести комунибудь смертельную травму.

Благодаря интенсивным занятиям Антон рос сильным и здоровым мальчиком. Для него не существовало не только вирусных болезней, но даже не знал он простого насморка. Крепкое закаленное тело Антона с легкостью исполняло все акробатические трюки, которые заставлял его делать дедушка. Благодаря стараниям деда Антон легко справлялся с любым тренажером, которые для него придумывал дед. Зная в совершенстве множество приемов, он в свои годы уже легко мог постоять за себя, даже против взрослого человека. Особое удовольствие ему доставляла тренировка, связанная с владением холодным оружием. Антон не только знал приемы владения ножом и дедушкиной саблей, но и прекрасно понимал, каким оно может быть опасным в умелых руках.

В свои десять лет он уже свободно владел охотничьим ружьем. Он отдавал себе отчет в том, что огнестрельное оружие можно применять только для защиты или своей жизни, или близкого человека.

Антон, постепенно познавая один стиль борьбы за другим, уже стал понимать, что есть и серьезные приемы. Но Тугай остановил неумное желание Антона, пообещав, что они к ним вернуться позже, когда Антон станет чуть старше. А пока было принято решение изучить Рус-Бой. Основой этой борьбы является умение сконцентрироваться в движении. Нужен точный математический расчет как использовать в своих целях массу тела противника и затраченную им энергию, направленную против тебя. Но при этом затрачивая минимум своей.

Когда Антошке исполнилось семь лет, он пошел в школу. К этому времени он умел читать и считать. Учится ему понравилось, и он с удовольствием занимался в школе. Но был в этом один недостаток: слишком далеко нужно было ходить.

Хутор Тугая находился в пяти километрах от деревни. Тугай уговорил председателя продать ему старую лошадь, которая уже не годилась для работы в колхозе. Лошадь, истощенная на тяжелых работах поправилась, и Тугай использовал ее лишь для того, чтобы отвозить и привозить Антона.

Утром он увозил его, а вечером после работы забирал. Антон с утра был на занятиях, после занятий бежал к дяде Егору. Там его Наталья Сергеевна кормила обедом, после чего садился за уроки. Сделав домашнее задание, Антон брал любую понравившуюся книгу с

полки, и порой читал, не отрываясь пока за ним не приезжал дед. Но иногда, когда в доме появлялись внуки дяди Егора, они на улице устраивали целые баталии. Играли до тех пор, пока тетя Наташа силой не загоняла их домой, чтобы просушились и поели.

Но особенно Антон рад был выходным. Когда позволяла погода, Тугай шел на охоту. Антон всегда в такие дни сопровождал деда. В горах Тугай учил его ставить силки на птиц и зайцев. Часто приходилось охотиться и на более крупную дичь.

В десять лет Антон свободно справлялся с карабином.

В те послевоенные годы всем жилось несладко. Особенно большим семьям. Сказывалось отсутствие денег и продуктов. Приусадебное хозяйство было обложено непосильным налогом. Денег за работу в колхозе не платили. Все работали за трудодни. В результате получалось, что человек работал бесплатно. А нужно было содержать семью, да еще эти ненавистные налоги.

У Тугая не было хозяйства, кроме пяти курочек, которые неизвестно как и где кормились. И вот сейчас появилась лошадь, для которой нужно было заготавливать на зиму сено. Антон с Тугаем особенно и не тяготели к хозяйству, их хорошо выручала охота и рыбалка. Этим юный Антошка просто бредил.

Хорошим подспорьем был огород. За ним они ухаживали особенно тщательно. Они разбавляли свой рацион свежими овощами. Излишки солили в больших бочках, обеспечивая, таким образом, себя витаминами на всю длинную зиму. Особенно их выручала молоденькая корова, которую им еще телочкой первогодком подарил Егор, настаивающий, что корова им просто необходима. Ребенку нужны молочные продукты. И вот, благодаря стараниям Егора, они теперь имели не только молоко, но и сметану с маслом.

Так постепенно благодаря внуку Тугай стал обзаводиться своим хозяйством.

Когда корова была еще теленком, Тугай однажды принес с охоты двух козлят, у которых погибла мать. Антошка сам вырастил их. Козлята до того привыкли к нему, что без страха могли пойти за ним куда угодно. Теперь у них кроме коровы было небольшое стадо диких коз.

Все было бы хорошо, если бы непосильный налог тяжелым бременем повисший на плечах колхозников. С каждой головы скота и птицы, им приходилось платить или же отдавать сельхозпродуктами. Не обошли вниманием даже садовые насаждения, которые в этих суровых условиях приживались очень тяжело. Но люди нашли выход и из этой ситуации. Они просто вырубали садовые насаждения. Постепенно, народ стал скрывать от властей количество скота, содержащегося на их подворье.

Когда в деревне появлялись инспектора налоговой службы, люди об их появлении узнавали в считанные минуты. Этому способствовали, как правило, дети. Вездесущие мальчишки, издали видели чужих, одетых в длинные кожаные плащи, обутое в белые дорогие бурки и в больших черных шляпах для солидности. Они контрастно выделялись из облика деревенского жителя. Увидев таких людей, мальчишки разбежались по деревне, предупреждая всех, кого встречали на своем пути. Люди, как могли, прятали свой скот, оставляя только минимум для отчета. Фискалы финорганов — люди наглые и бесцеремонные, чувствуя за своей спиной власть над людьми, порой творили самоуправство. Если в семье была хоть маленькая недоимка, они могли запросто описать и забрать последнее, что имелось на скотном дворе.

В результате таких действий некоторым семьям грозила голодная смерть. Но в деревне все-таки жили люди поколениями и хорошо относились друг к другу. Поэтому старались не

оставить ближних в беде и делились, кто чем мог.

К Тугаю инспектора заглядывали редко, за исключением особенно рьяных, которые ради карьеры не очень обращали внимание на то, что хутор его находился в пяти километрах от деревни. Самые рьяные хотели побывать и у него.

Пока инспектора обходили деревню, слух об их появлении доходил и до кузницы. В таких случаях Тугай спешил домой. Они вместе с Антоном угоняли весь скот в горы и прятали в летнем загоне, специально сделанным для такого случая. Дома оставалась только корова и бродившие по двору, почти одичавшие, пять куриц с неизменным петухом, который не подрался только с горным медведем и то, лишь потому, что медведь не бывал на подворье.

И вот для таких непрошенных гостей, у Тугая с Антошкой был отрепетирован специальный спектакль. Они воспользовались им, когда однажды на их подворье появились два здоровенных мужика в кожаных плащах.

Зайдя во двор, один из них сразу направился осматривать все хозяйство, даже не спросив разрешения у хозяина. Второй детина вошел в дом. Не снимая обуви и не спрашивая разрешения, он прошел и сел за стол.

— Мы из налогового комитета, ты хозяин дома?

— Да, я.

— Сколько человек проживает вместе с тобой?

— Я и мой внук.

— Хорошо, тогда быстро предъявите нам все справки об уплате налога.

— А почему вы говорите о себе во множественном числе? Или сейчас принято так говорить?

— Говорю я во множественном от того, что мой коллега сейчас осматривает твое хозяйство. Нам ведь нужно знать, что ты там от нас скрываешь. Теперь тебе все понятно, или еще объяснить? — грубо закончил он.

— Ну, это я теперь понял. Но вот что мне не понятно, так это почему вы без разрешения хозяина шаритесь по моему подворью, как в собственной кладовке?

Во время этого разговора второй инспектор стоял у двери и слушал. Слова, сказанные Тугаем, сильно задели наглеца, сидевшего за столом.

— Ты, косоглазая морда, будешь еще учить меня законам? Что я имею право делать, а чего нет? Да я тебя в порошок сотру, образина желтомордая.

Тугай в это время стоял посреди комнаты, скрестив руки на груди, и довольный улыбался. Увидев улыбку Тугая и почувствовав в этом таившуюся для них угрозу, связанную в дальнейшем с неприятностями, второй инспектор крикнул своему товарищу:

— Иван, немедленно извинись перед пожилым человеком за свою грубость.

Иван повернулся к товарищу, хотел что-то сказать, но, увидев разъяренный взгляд, пробубнил что-то в виде извинений и выскочил на улицу.

— Вы извините его, он у нас немного контуженный.

— Да нет, он не контужен, просто наглый и не воспитанный тип. Таких не на госслужбу брать нужно, их лечить надо.

— Ну, не я его принимал на работу, не мне и увольнять. Вы лучше покажите справки об уплате налогов, если таковые имеются.

Тугай подошел к шкафчику, достал нужные бумаги, и передал их инспектору. Инспектор взял их, почитал внимательно, после чего спросил:

— Я вижу, у вас уплачен налог за постройки и за земельное пользование, а где остальное? По документам, которые есть у меня, за вами числятся: лошадь, корова, куры. Почему не уплатили продовольственный налог?

— Сейчас все объясню. Лошади у меня уже нет. Она у меня была колхозная, я использовал ее на работе в кузнице. И прошу вас отметить, что кормами ее я обеспечивал за свой счет. Хотя использовал ее на колхозных работах. Я, конечно, и не отдал бы ее, но уж больно стара была. Теперь это колхозная головная боль, а не моя. С этим я думаю понятно?

— Я проверю вашу информацию.

— И я надеюсь на это. Не хочется на следующий год объясняться по этому вопросу.

— Ну, а как насчет остального?

— Что касается курей. Живут они сами по себе в лесу. Часто бывают на нашем приусадебном участке. Пользы от них мне нет ни какой, но если вы сможете их поймать и забрать, то я буду вам сердечно благодарен.

— Это еще почему?

— Ну как, яиц от них я не видел, поймать тоже не могу. А вот вреда от них много. Летом весь огород разгребают.

— А зачем тогда вы их разводите?

— Да кто их разводит. Я когда вернулся с фронта, они уже здесь были. Остались от моей погибшей семьи. Я когда вернулся, дом уже два года как был пустой, видать, они здесь и одичали.

— Хорошо, эти пять курочек погоды не делают, но у вас есть корова. Как с ней быть? Она ведь у вас уже три года.

— С этим вопросом вообще очень просто. Во-первых, она только первый год как отелилась, я ведь взял ее еще теленочком. Так что, пользы мне от нее еще не было. Во-вторых, эта корова не моя.

— И чья же, позвольте вас спросить?

— А вот его, — указал Тугай на сидящего в углу кровати Антошку, который из под бровей поглядывал на происходящее вокруг.

Слушая Тугая, стоявший за дверью Иван, с раздражением в голосе сказал:

— Михаил, ты что не видишь, что он не собирается ничего платить. Просто морочит нам голову. То у него куры дикие, то корова не его. Составляй акт и забираем корову.

— Да, товарищ Ли, — сказал Михаил. — Иван прав. Я вижу, вы действительно не хотите платить налог. Нам не остается ничего другого, как описать и забрать вашу корову, — и стал составлять акт об изъятии.

— Очень хорошо. Вот вам веревка и покрывало.

— Это еще зачем?

— Ну, как зачем? Веревка, чтобы корову вести, могу даже показать как. Вы ведь не думаете, что я сам ее поведу. А покрывало, это для Антошкиных вещей. Не могу ведь я его голым из дома, — и, обращаясь к Антону, крикнул, — ну, что сидишь, собирай свои вещи, тебя забирают. Да теплые вещи не забудь, мало ли, еще похолодает.

— Деда, а куда мне собираться, надолго? — говоря это, Антошка тем временем вытаскивал из шкафа рубашки и штаны.

— С ними пойдешь. Теперь они за тебя ответственность нести будут. А мне подай выходной пиджак, я в район поеду, — взяв из рук Антона костюм, стал одеваться.

Услышав эти слова, Михаил замер, перестав писать. Через минуту удивленно спросил:

— А мальчик, почему с нами должен ехать?

— А вы что до сих пор не поняли? Тогда я вам все объясню. Забираете корову, значит, придется забрать и ребенка. Эта корова принадлежит не мне, а вот ему. Этот ребенок приходится мне внуком, но не сыном. Он лишился родителей, которые отдали свою жизнь, защищая нашу родину. А я являюсь просто его опекуном. Но, не думайте, что вы так просто пойдете, я буду сопровождать вас до самого района. Я не хочу, чтобы вы случайно потеряли ребенка, где-нибудь по дороге. Я должен быть уверен, что вы определите его на новом месте жительства. К тому же мне нужно зайти в райком и уточнить. И не смотрите вы так на меня, — увидев их непонимающий взгляд, сказал Тугай, — я не стану там уточнять, по закону ли вы поступили, когда без разрешения и тайно от хозяина устроили здесь обыск. И по закону ли вы поступаете лишая сироту последнего источника питания. Я и так знаю, что вы поступили незаконно. Меня больше интересует, по какому закону вы, представители советской власти, оскорбили и унизили пожилого человека, участника Гражданской, Отечественной и Японской войн, имеющего боевые награды, — и, обращаясь к Антошке, прикрикнул на него, — поторопись, внучок, время не ждет. Дорога предстоит неблизкая, да и представителям власти не досуг нас ждать.

Антошка в наступившей тишине продолжал собирать свои вещи, шмыгая носом.

Михаил, до сих пор молчавший, не верил хозяину дома. Он просто не мог представить себе, чтобы этот маленький, по его понятию, китаец мог оказаться участником трех войн. Но ему хватило одного взгляда на костюм, чтобы понять, как он ошибался.

Только теперь до него дошел смысл той странной улыбки на лице хозяина дома. То, что он коммунист, и действительно пойдет в райком, Михаил уже не сомневался. А с полным кавалером орденов Славы, да еще со множеством других орденов и медалей, в райкоме партии принято считаться.

В его голове в считанные мгновения пролетела картинка, как он лишается не только карьеры, но и партийного билета. И это еще в лучшем случае. За это могут и реальный срок дать. «Нужно срочно выправлять положение», — подумал Михаил, мысленно ругая своего товарища, так не вовремя развязавшего свой язык.

Начались уговоры и извинения. Михаил старался, как мог. Отвесив хорошую затрещину своему незадачливому напарнику, он заставил извиниться и его. Получив затрещину, Иван, наконец, понял, что натворил, смущаясь и извиняясь, он выскочил на улицу перевести дух. Тугай глядя на это, махнул рукой и сказал:

— Ладно уж, идите с богом, мне и самому недосуг тащится в такую даль. Работы невпроворот.

Михаилу дважды говорить не пришлось. Схватив свой портфель, он пулей выскочил из дома. Тугай с Антошкой, прильнув к окну, долго еще наблюдали, как два здоровых мужика, ругаясь и размахивая руками, почти бегом шли по дороге по направлению деревни.

После этого случая к Тугаю больше никто не приходил. А после смерти Сталина, пришедший к власти Маленков, и вовсе отменил этот кабальный налог.

Тугай тогда сказал правду инспекторам. Он действительно сдал старую лошадь в колхоз. Антоша, закончив третий класс, наотрез отказался ездить на лошади, мотивируя это тем, что лошадь очень стара и в любой момент может умереть прямо на дороге. Согласившись с выводами внука, Тугаю пришлось отдать ему свой старенький велосипед. Но зимой Антону приходилось ходить на лыжах, изготовленных дедушкой специально для него.

Это были довольно широкие лыжи, хоть и короткие, но зато подбитые тонким оленьим

мехом. Такие лыжи не проваливались в глубоком снегу, и что немаловажно, поднимаясь на подъем, они не скользили назад.

Антошка был доволен. Выходя из дома за час до начала занятий, он успевал придти к дому дяди Егора. Здесь он складывал лыжи в специальный чехол, пошитый специально дедушкой под рюкзак, чтобы удобно было нести на спине. Там же находились школьные принадлежности, и большой, отточенный как бритва, широкий с костяной ручкой нож, откованный дедушкой в кузнице. Антон оставлял свои вещи в доме Егора и с его внуком Мишкой бежали в школу.

Глава 13

Антону шел уже тринадцатый год. Рос он крепким и здоровым пареньком, с уравновешенным характером. Получавший воспитание в неполной семье, он привык к дисциплине и труду. Спокойный и рассудительный, он редко принимал участие в детских забавах, а больше времени проводил в обществе дедушки, перенимая его опыт и умение. Однажды, в середине зимы, после новогодних каникул Антон задержался в классе после уроков. Выйдя из школы одним из последних, он не стал задерживаться, а поспешил к дому дяди Егора.

В этот год сильные морозы держались всю зиму. На улице было безлюдно. Антон спешил забрать лыжи и, не дожидаясь темноты, как можно быстрее добежать до дома, сокращая путь через речку.

Впереди его на приличном расстоянии домой шла старшая внучка дяди Егора Танюшка. Она была на три года старше Антона и считала себя довольно взрослой. Обладая своенравным задиристым нравом, она не замечала тех, кто был младше ее. Но к Антону она относилась совершенно по-другому, считая его умным, порядочным мальчиком и любила его как родного брата, часто прибегая к его помощи или совету. Антон относился к ней также. Ему импонировал ее задорный и непокорный характер. Задумавшись, Антон не сразу заметил, как сын парторга Васька, одноклассник Танюшки, догнал ее, поговорив немного, прижал к забору и, удерживая ее руки, пытается целовать, не давая возможности ей сопротивляться. Антон не стал раздумывать, подбежал, схватил обидчика за воротник, дернул на себя. От неожиданности Васька попятился назад. Антон изловчился и отвесил ему хорошего пинка. Получилось так удачно, что Васька, отлетев, воткнулся головой прямо в сугроб. Взяв Танюшку за руку и не оглядываясь, повел ее за собой. Таня вся красная от смущения шла за ним, покорно опустив голову.

— Тошенька, миленький, ты только не говори никому из наших.

— А чего ты боишься, что этому подонку всыпят по первое число? Так это только на пользу пойдет, будет наука, впредь руки распускать не станет. Или тебе самой понравилось? Что-то я не заметил, чтобы ты сильно сопротивлялась.

— Не болтай глупости, просто я не ожидала от него такого поступка. А боюсь, что поднимется скандал. Ты ведь знаешь, какой у меня вспыльчивый отец, он не станет долго выяснять. Мне ремня всыплет, потом к парторгу пойдет ругаться. Тогда меня в деревне точно все засмеют, не только взрослые, но и дети прохода не дадут.

— Ладно, не переживай ты так, я никому не скажу. Но и ты не зевай, бей сразу по морде, как я учил. Тогда точно не попадешь в такую ситуацию. Я бы хотел посмотреть, как он, к примеру, пойдет жаловаться своему папочке.

Проводив Танюшку домой, Антон прихватил свои лыжи пошел к своему дому сокращая путь через речку.

На следующий день, выйдя на улицу после занятий, Антон заметил группу ребят, одноклассников Васьки, особняком стоящих в стороне. Они о чем-то говорили между собой, поглядывая в сторону Антона. Рядом с ними Антон заметил стоящие палки, заранее приготовленные ими для драки.

Ребята и девчонки, догадавшись, что должно произойти, старались как можно скорее пройти мимо. Но нашлись и любители зрелищ. Они собрались в небольшую группу,

шептались на противоположной стороне улицы.

Антон понял, что драки ему не избежать. Васька, нанесенную ему обиду, да еще в присутствии девушки, не простит.

Антон, сделав еще несколько шагов, остановился в ожидании дальнейших событий. Ребята подошли ближе, остановились. Вдруг между ними и Антоном встал Мишка, брат Тани, и одноклассник Антона.

— Я не позволю вам драться, да еще всем на одного.

— Ой, как страшно, — рассмеялся Васька, — да кто тут тебя спрашивать будет. А ну брысь щенок с дороги, — и он с силой толкнул его, при этом ударил очень больно ногой в живот.

— Будет тут твякать всякая шавка, или это твой защитник?

— Зря ты это сделал, — тихо сказал Антон.

— И что мне за это будет? — с издевкой стал Васька подначивать Антона.

Антон понимал, что эта перепалка может затянуться надолго, решил ускорить процесс и подлить масла в огонь.

— А то и будет, что к вчерашнему пинку под твой тощий зад, я добавлю еще парочку оплеух, чтобы прыщи разгладились на твоей противной роже.

От этих слов Васька побагровел до самых корней волос. И с криком «ребята бей его», он бросился на Антона с поднятой палкой над головой. Антон с невозмутимым спокойствием ждал его приближения.

Он рассчитал все правильно, как только его противник приблизился и готов был нанести ему удар, Антон просто слегка отклонился и незаметно подтолкнул Ваську. Тот, не встретив на своем пути препятствия, пролетел мимо, растянувшись во весь рост, больно ударившись коленкой. По зову, Васьки ребята набросились на Антона.

Антон уклонялся от ударов, при этом старался никого не бить, а только слегка подталкивал нападающих. Ребята, видя, что их удары не достигают цели, разгорячились и еще сильнее принялись махать палками направо и налево, порой не видя, кто перед ними находится.

Это привело к тому, что в результате драки с синяками и ссадинами оказались только нападавшие. Неизвестно, сколько, могло бы продолжаться это «куликовское побоище», если бы на улицу не вышли директор школы и учитель истории.

Разняв драчунов, директор школы обратился к Антону.

— Так, Антон Ли, завтра в школу вместе с родителями. Ты мне ответишь перед педагогическим советом за свои жестокие выходки.

Антон посмотрел на него с изумлением и, подобрав сумку с учебниками, пошел своей дорогой, не обращая больше внимания на крики директора.

А в это время учитель истории, расспрашивал о случившемся ребят, стоящих на противоположной стороне улицы.

— Ребята, что случилось? Почему произошла драка, и кто зачинщик?

— Петр Николаевич, Антон здесь совершенно не виноват. Это все Васька Гайдунов, он подговорил ребят, они хотели побить Антона. Но Антон не бил их, а изворачивался. Вот они друг дружку и измузузили, — со смехом закончили они свой рассказ.

— Хватит болтать, — накинулся на них директор школы, — быстро отправляйтесь по домам, без вас разберемся. А вам Петр Николаевич впредь не следует расспрашивать детей без согласования со мной.

— Сергей Миронович, я не считаю нужным каждый раз спрашивать вашего разрешения, когда мне нужно поговорить с моими учениками. И на будущее, вы слишком часто стали хамить мне, не имея на это никаких причин, и не только мне. Вы по-хамски разговариваете и с женским персоналом. И если они не могут вам ответить, имея в виду ваше служебное положение, то я напротив очень даже могу. А что касемо произошедшего, то я сам видел из классного кабинета, как все происходило, поэтому и позвал вас.

— Вы что, Петр Николаевич угрожаете мне? — с долей ехидства спросил он.

— Послушай, ты, заморыш, — перейдя на грубый, скорее всего более понятный для директора язык, Петр Николаевич прошептал ему прямо в лицо, — еще одна твоя выходка против кого бы то ни было, и тебя уже никто и никогда не найдет. Леса и горы у нас ой как велики, помни это и никогда не забывай. И еще, если это не сделаю я, то сделают другие, а сделают обязательно, можешь мне поверить, — повернувшись, он скрылся за калиткой школы.

— Ну-ну, посмотрим еще кто кого, — и директор быстрым шагом направился в правление колхоза.

Зайдя к председателю в кабинет, он с порога стал жаловаться ему:

— Петр Ильич, представляете, этот бандит Антон Ли до крови избил вашего сына, и не только его. Он избил и сына Гайдунова, ему и этого показалось мало, и он избил еще четверых мальчиков. На него нет никакой управы, просто бандит, да и только.

— А конкретнее можно, что там у вас произошло? Кто кого побил? — откладывая в сторону бумаги, с интересом спросил председатель. — Неужели он избил и моего сына? И что он избивал их всех сразу или по одиночке?

— В том то и беда, — нервно теребя в руках шапку, продолжал директор, — он напал на всех сразу, садист да и только. Надо срочно принимать меры, пока он не убил кого-нибудь.

— Значит, садист, вы говорите, — скрестив руки на груди, задумчиво начал Петр Ильич. — Я очень хорошо знаю Антошку и не поверю в то, что он вот так без причины мог напасть сразу на шестерых, да к тому же старших ребят. А вот эту шестерку я знаю еще лучше, и не сомневаюсь, что именно они захотели обидеть мальчишку младше себя. И то, что они получили хороший отпор, в этом я тоже не сомневался. Молодец Антошка, значит, смог постоять за себя. При встрече обязательно похвалю. А вот, что касается моего сына, то как только освобожусь, обязательно выпорю его вожжами, чтобы не повадно было в следующий раз младших обижать, а получив сдачу, бежать еще и жаловаться. И я надеюсь, что Гойдунов поступит так же. Теперь, что касемо вас, Сергей Миронович. Запомните, это дети, сегодня они дерутся, завтра мирятся, и не стоит вам вмешиваться в это. Не надо из мухи делать слона. В том, что дети подрались, нет криминала. И на будущее, прошу вас больше ко мне по таким пустякам не обращаться. У меня и без детских шалостей забот хватает.

Директор школы как ошпаренный выскочил из кабинета. Отойдя немного от правления, он встретился с местным участковым. Участковый был уроженцем этого села. Молодой и крепкий тридцати двух летний парень. В свое время, отслужив в армии, он вернулся на родину, и поступил работать в колхоз. Но, поняв, что работа и он несовместимы, поступил на курсы младшего милицейского состава. Закончив училище, он был направлен в районный центр. Но проработал он не долго. Начальство вовремя рассмотрело его стремление работать на благо родины, и постаралось, не привлекая внимания высшего руководства, отправили его служить в его родной колхоз участковым. Благо вовремя подвернулась свободная вакансия.

Работавший до сих пор участковым Егор Селантьевич, стал часто жаловаться на здоровье, и попросил отставки. И вот, среди улицы встретились две родственные души.

— Вы куда так торопитесь, Сергей Миронович? Чуть под лошадь не попали.

Директор школы в двух словах обрисовал сложившуюся ситуацию. Гришка хоть и был лодырем и шалопаем, но быстро смекнул, что из этой ситуации можно извлечь пользу для себя. Подключив к этому такую персону, как директор школы, он вполне может состряпать дело и передать в район. А, постепенно получая благодарности, можно рассчитывать и на перевод из этой ненавистой деревни.

— Садитесь быстрее в сани. Я знаю, где его искать, мы сейчас мигом его найдем.

Тем временем Антон и Мишка, не подозревая ни о чем, вернулись домой. Наталья Сергеевна накормила их обедом, после чего Антон стал собираться домой, стараясь успеть до темноты. С лыжами за плечами он уже подходил к окраине села, когда ему путь преградил участковый на лошади в сопровождении директора школы.

— Садись в сани, герой, с нами поедешь.

— Зачем? Мне некогда, скоро темнеть начнет, а мне еще идти далеко.

— Садись, я сказал. Успеешь еще на свой хутор.

— Да не поеду я с вами никуда. Скоро темно станет, а мне срочно домой надо, дедушка будет волноваться.

— Тебя что же арестовывать прикажешь? Я ведь могу и арестовать. Не усугубляй свое положение. Сейчас поедем, составим протокол, или прикажешь тебя на улице допрашивать?

Антону ничего не оставалось, как подчиниться. Приехав в школу, Антона завели в пустой класс. Участковый расположился за столом. Он достал бумагу с ручкой, и приступил к допросу.

— Ну, что малолетний бандит? Рассказывай, за что ты избил своих односельчан.

— Я никого не избивал.

— Что же, по-твоему, они сами себя так изувечили, а на тебя наговаривают?

— Я еще раз вам говорю, что никого не бил. Но если кто-то, кого и побил, то вам лучше им задать этот вопрос.

Гришка задавал один вопрос за другим, порой психуя и выходя из себя, но результат был прежним. Антон замкнулся в себе, и на его вопросы отвечал односложно, или да или нет.

При этом все чаще стал хмуриться, и поглядывать в окно, где давно уже сгустилась темнота.

В это время мимо школы проходил учитель истории. Увидев свет в окне, в столь поздний час, он поспешил зайти, и узнать, не случилось ли чего. Заглянув в класс, Петр Николаевич сразу догадался о происходящем.

— Вы что здесь за судилище устроили над ребенком?

— Петр Николаевич, я убедительно прошу вас не вмешиваться в следственный процесс, — назидательно ответил ему директор.

Игнорируя директора, он обратился непосредственно к участковому.

— Григорий Петрович, в чем вы обвиняете этого мальчика?

— Он зверски избил своих одноклассников. Теперь он должен ответить за свой поступок и понести соответствующее наказание.

— Ну, начнем с того, что это были не одноклассники, а старшеклассники, которые не только старше его, но и на целую голову выше. Во-вторых, говорит правду, он действительно никого ни разу не ударил.

— Так что же получается, что они сами себя вот так ни за что избili себя до неузнаваемости?

— Ну, до неузнаваемости, это слишком громко сказано, но я согласен, парочку синяков они получили. А в остальном вы правы, они действительно лупили друг дружку. Я был свидетелем начала драки, стоял возле окна. Он действительно был участником потасовки, но заметьте, ни разу никого не ударил, это я вам официально заявляю. И еще, вы как участковый имея юридическое образование, конечно, знаете, что по закону не имеете права допрашивать несовершеннолетнего ребенка без участия в этом его родителей, а в данном случае его опекуна. Вы согласны со мной?

— Я с вами согласен, но вы забываете, что здесь присутствует его директор школы.

— Да тут вы правы, закон это предусматривает, но в данной ситуации директор здесь лицо заинтересованное, и не является защитником. Так что, придется вам отпустить мальчишку, ему еще далеко до дома добираться.

— Он никуда не пойдет, я задерживаю его за хулиганство.

— Ну что же, задержать, конечно, вы имеете право. Но все же, если отпустите, то вам придется отвезти ребенка домой. Вы и так здесь изрядно его продержали, и накормить не забудьте. А я воспользуюсь своим правом и пойду доложу председателю колхоза о творящемся здесь беззаконии, он ведь тоже пострадавшее лицо, вот пусть и помогает вам.

Гришка, конечно, не блистал большим умом, но, послушав Петра Николаевича, понял, что ситуация складывается не в его пользу. Он допустил ошибку, поверив директору. И если все обстоит так, как говорит учитель истории, то Гришка может вместо благодарности получить хорошую взбучку от начальства или получить отставку. Тогда в милиции ему больше работать не придется.

Придя к такому выводу, он решил отпустить мальчика. Но, чтобы удержать собственную репутацию, сказал:

— Поступим следующим образом, сейчас ты пойдешь домой, а завтра с утра мы с тобой продолжим.

Антон, не говоря ни слова, встал и вышел. Колючий морозный воздух обдал его с ног до головы. Он обжигал не только лицо, но и легкие. Стало трудно дышать. Стараясь меньше дышать морозным воздухом, он развернул воротник свитера и натянул его на лицо, стараясь дышать носом.

Антон стоял в нерешительности и прислушивался к звукам деревенской жизни. Но, как ни старался, звуков не услышал. В деревне стояла тишина. Даже самые неугомонные собаки молчали, забившись где-то в подворотнях. Не почувствовав дуновения, ветра Антон посмотрел на небо. В отсутствии ветра, дым из труб лениво поднимался вверх, где собирался в одну большую тучу. Образовавшаяся туча нависла над деревней огромным облаком, и казалось, что сейчас она сорвется, и раздавит все живое на земле.

Антон стоял в раздумье. Идти сразу домой или пойти ночевать к дяде Егору.

Антон рассуждал так: если я останусь ночевать в деревне, то дедушка будет очень волноваться, скорее всего, пойдет его искать. Возможно, он уже вышел его искать, тогда нужно поспешить ему на встречу.

В это время на соседней улице послышались торопливые шаги, но вскоре хлопнула калитка, и шаги стихли. Нужно спешить решил Антон, поправив рюкзак с лыжами на плечах, направился в конец деревни.

Мысли о сегодняшнем происшествии не давали ему сосредоточиться. Он не понимал,

почему на земле столько несправедливости. Взять хотя бы сегодняшней случай. Он в этой ситуации совершенно ни причем, а обвиняют почему-то только его. И вообще, почему большая часть населения деревни обзывают его, кто-то цыганенком, кто-то подкидышем, а некоторые вообще называют водным найденьшем.

Насчет цыганенка, здесь все ясно, он смуглый, скорее всего, действительно похож на цыган, но ведь у него и дедушка не блондин. А вот как объяснить остальное, совершенно не понимал.

Антон отбросил одолевшие его мысли, решив сосредоточиться на дороге, а об остальном спросить у дедушки, он на все вопросы знает ответ.

Выйдя на окраину деревни, он достал лыжи, не торопясь закрепил крепления. Тщательно подгоняя их к меховым унтам. Потом расстегнул ватник и, обмотав шею шарфом, заправил задний клапан своей ушанки за воротник ватника, после чего застегнулся, потуже затянул ремень и закрепил на нем свой нож, без которого он никогда не отходил далеко от дома. Упаковавшись как положено, он свернул с дороги и, найдя свою лыжню, быстро побежал по направлению дома.

Лыжи, подбитые оленьим мехом, скользили хорошо. Отойдя на некоторое расстояние от деревни, он заметил, что дыма стало меньше, и дышалось легче. К радости Антона дым стоял только над деревней, и сейчас отойдя подальше, полная луна хорошо освещала ему путь.

Видимость была хорошей, и Антон добавил хода, торопясь как можно быстрее преодолеть степную часть пути.

Предупрежденный накануне дедушкой, он знал, что этой зимой появилось очень много волков, нарваться на них в такую пору очень опасно. Волки уже неоднократно нападали на табуны лошадей, не обращая внимания на пастухов. К этой их наглости подталкивала очень суровая зима.

Понимая это, Антон миновал лесные околки, растущие рядом с деревней и прибавил хода. Он почти бежал, стараясь как можно быстрее преодолеть степную часть пути до речки. В свои юные годы он уже был опытным охотником и хорошо знал повадки зверей. В степи, не имея укрытия в виде дерева, пешком от волка не уйти. Хорошо если зверь будет одиночка, как летом, то можно с ним и повоевать. Но, если не один, а стая. А зимой, да еще в такую погоду они охотятся только стаями. А встреча в степи, даже с небольшой стаями, у обезоруженного человека шансов на выживание просто нет.

Антону уже оставалось не более двухсот метров до кустарника, росшего вдоль берега реки, когда он заметил недалеко две темные тени на снегу. Антон, продолжая бежать, оглянулся, оценивая ситуацию. То, что это волки, у Антона не осталось сомнений. Умную тактику он уже заметил. Волки, сначаладвигающиеся от кустов ему наперерез, теперь разошлись. Один продолжал все так же двигаться впереди, а другой стал обходить Антона слева. Таким образом, они брали свою жертву в клещи, не давая ему двигаться ни назад, ни вперед. С этой тактикой Антон был знаком.

Пробежав еще немного, он понял, что не сможет опередить их. А ведь нужно было еще добежать до берега реки, потом спустится по крутому склону, добежать до другого берега, и только там рядом с домом можно было найти спасение. Антон был зол и на себя, что не остался в деревне, и на взрослых, которые задержали его. Но тут он вспомнил слова дедушки, который говорил, когда что-то не получалось.

— Наверное, сегодня у нас Антоха свинячий день, раз у нас такая невезуха. Но сдаваться

мы не будем, а постараемся ее преодолеть. И Антон принял решение защищаться.

Он решительно остановился и стал лыжами утрамбовывать снег. Утрамбовав небольшую площадку, снял лыжи и воткнул их в снег. Теперь одна лыжа прикрывала его спереди, а вторая спину. Антон знал, что волки хорошие охотники, но через препятствие они не пойдут. Им оставалось напасть только с бока. Зная их повадки, Антон не суетился зря. Он знал, что звери с хода не нападают, они сперва берут свою жертву в клещи, кружат вокруг, и только убедившись, что жертва заблокирована, вожак бросается первым. Антон снял рукавицы, и надел ремешок от ножа на запястье руки.

Волки действительно стали кружить вокруг него, выжидая момента для нападения. Антон внимательно следил за их поведением, не шевелясь. Вскоре он определил вожака, и стал кружиться вместе с ними, все время держа вожака с правой стороны. Именно от него он ждал первого прыжка и ему необходимо было, чтобы рука с ножом всегда находилась со стороны нападавшего.

Волки вдруг остановились, и у Антона в голове пронеслась мысль: все, началось. Вожак, действительно, оскалив клыки, в несколько прыжков преодолел расстояние разделяющее его и жертву. Взвившись вверх, он прыгнул на Антона. Волк рассчитывал в прыжке напасть сверху, но это знал и Антон. Как только волк подпрыгнул, Антон, наоборот, встал на колени и выставил руку с ножом вперед. Зверь, не ожидавший этого, всем своим весом упал на нож. Антон рассчитывал использовать инерцию тела зверя и перебросить его на другую сторону, помешав таким образом сделать прыжок второму волку, но у Антона это плохо получилось. Он не мог предугадать вес и траекторию прыжка.

Нож в тело вошел легко, не встретив сопротивления, но силу прыжка Антон выдержать не смог. Волк, пораженный ударом ножа, всей тяжестью рухнул Антону на ноги, придавив его своим телом. Этот просчет Антона оказался почти фатальным. Прижатый телом убитого волка он не мог сразу повернуться к его напарнику, а прыжок вожака послужил ему сигналом для нападения. Почувствовав безвыходность жертвы, он прыгнул на Антона.

В первые секунды Антон просто растерялся, не зная, что предпринять. Пронзительная боль в ноге под телом волка не давала ему пошевелиться. Вдруг он почувствовал, как второй зверь вцепился в его плечо, пытаясь, дотянуться до шеи. Поддавшись небольшой панике, Антон, преодолевая боль, свободной ногой оттолкнул мертвое тело, освободил ногу и руку с ножом.

Ухватившись свободной рукой за шерсть волка, он из последних сил подтянулся и воткнул нож в бок зверя. От боли зверь перестал рвать его плечо, зарывав как бешеный, и попытался ухватить за руку, причинившую ему боль, но Антон не дал ему такой возможности. Вытащив нож, ударил его вторично, но уже прицельно.

Волк захрипел, и Антон почувствовал лезвием ножа удары его сердца. Волк дернулся еще раз и замер. Антон положил свою голову на тело побежденного волка, стараясь отдышаться и успокоиться. Его сердце в груди напоминало отбойный молоток.

Успокоившись немного, попробовал встать, но боль в ноге молнией пронзившая все тело не позволила ему сделать это. Антон остался лежать на снегу. Через несколько минут почувствовал, что покусанная рука его начинает замерзать. Стараясь не беспокоить больную ногу, попробовал осмотреться вокруг. Сделать это было непросто. Он почти терял сознание от боли в покусанной руке. Кто хоть раз был укушен животным должен знать, какую ужасную боль чувствовал сейчас этот израненный мальчик.

Антон продолжал лежать. Постепенно под воздействием мороза боль стала отступать, и

в голову Антона пришла ужасающая мысль: нужно что-то предпринять. Нельзя здесь долго находиться. Если он не замерзнет окончательно, то придут, возможно, и другие волки, почувствовав запах крови. Тогда ему точно не поздоровится. Опираясь на здоровую руку, в первую очередь добрался до рукавиц и с трудом надел их.

Передохнув немного, уложил рядом с собой лыжи, лег на них спиной. Аккуратно, стараясь причинять как можно меньше боли, встал, отталкиваясь здоровой ногой и рукой, толкая себя вперед. Вскоре, попав в свою лыжню, дело у него пошло гораздо быстрее.

Добравшись до берега, остановился. Нужно подумать, как правильно спустится с крутого берега, не свернув себе шею об большие валуны, торчащие под снегом. Антон перевернулся на живот, подсунул под себя одну лыжу, но, потянувшись за другой, упустил ее, и она улетела вниз, затерявшись между камней. Пришлось Антону спускаться на одной лыже. Спускаясь, тормозил рукой и ногой. Все было хорошо, но в самом конце спуска, лавируя между камней, он не справился и очень больно ударился головой о камень.

От сильного удара в голове его вспыхнул яркий свет, и полетели искры как от раздуваемого костра. От сильной боли на некоторое время потерял сознание. Очнувшись, с большим трудом сообразил, что с ним и где он находится. Когда в глазах прояснилось, продолжил свое движение, но на этот раз ему гораздо чаще приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание. Кружилась голова, и сильно тошнило. Но, стиснув зубы, он продолжал двигаться вперед.

Достигнув противоположного берега понял, что на лыже ему не подняться. Тогда, отбросив лыжу и повернувшись на бок, стал ползти вверх, благо берег был пологий. С усилием преодолев несколько метров, начал терять сознание. Очнувшись, снова полз вперед, но вскоре все чаще стал терять сознание.

Силы покидали его, а до дома оставались считанные метры. Нестерпимая боль, усталость, заставляли его отбросить всякое сопротивление, и уснуть, не думая ни о чем. Но всякий раз он отбрасывал эту мысль и, стиснув зубы, продолжал уже сантиметр за сантиметром двигаться вперед.

Пройдя через эти муки ада, дополз до крыльца, преодолев одну ступеньку, утратил остатки своих сил, голова упала на руки, и он потерял сознание, теперь уж надолго.

За два часа до этих событий на улицу вышли два человека. Одним был учитель истории. Петр Николаевич, обеспокоенный тем, что задержали его ученика. Он спешил в правление колхоза, чтобы с помощью председателя колхоза попытаться избавить мальчишку от вопиющего беззакония, творившего директором школы при помощи молодого, еще не опытного, милиционера.

Другим человеком был дедушка Антона Тугай. Обеспокоенный тем, что внук не пришел домой вовремя, почувствовал в груди нарастающее чувство неотвратимой беды. Встав на лыжи, он вышел на встречу внуку. Пройдя весь путь до самой деревни, он не обнаружил свежих следов Антона. Зато обнаружил свежие волчьи следы. Тугай остановился, решив внимательнее изучить следы, отчего пришел к неутешительным выводам. Следы вели в ближайший пролесок, а это всего в километре от деревни. Пара матерых и очень голодных зверей прошла всего несколько минут назад. Встреча с ними для человека не сулила ничего хорошего.

Для сильно изголодавших зверей встреча эта будет просто подарком. Тугай зарядив карабин, повесил его себе на шею. Положил на него руки, заторопился в деревню. Дойдя до деревни и не обнаружив следов Антона, Тугай перешел на соседнюю улицу и пошел к дому Егора.

Тугай в душе надеялся, что внук, задержавшись по какой-то причине, решил заночевать в доме Егора. Но это было слабое утешение. Он хорошо знал Антошку. Чтобы его внучок остался ночевать вне дома, для этого потребуется очень веская причина.

Погруженный в свои мысли, Тугай, заходя во двор друга, не удержал калитку, та под воздействием пружины, с грохотом закрылась. В тишине звук захлопнувшей калитки выстрелом разнесся по всей деревне. Этот звук и слышал Антон, идя вдоль улицы к себе на хутор.

Тем временем Петр Николаевич, не застав председателя в конторе, поспешил к нему домой. Его встретила жена председателя Вера Михайловна.

— Здравствуйте, Петр Николаевич. Проходите, пожалуйста, в дом, я так думаю, что вам Петр Ильич нужен.

— Да, хотелось бы срочно с ним поговорить.

— Если вы по поводу драки мальчишек, то Петр Ильич уже всыпал нашему оболтусу, чтобы в следующий раз не повадно было задираться. Теперь вон лежит, сидеть, наверное, не скоро сможет, мой от души постарался, еле отбила. Боялась, что насмерть забьет. Ну, ничего, это ему только на пользу пойдет.

— Вера Михайловна, я не по этому вопросу. То, что вы наказали Василия, это дело сугубо семейное. Я пришел по другому вопросу.

— Так говорите, что еще могло случиться?

— Дело в том, что директор школы с помощью нашего участкового задержали внука кузнеца и собираются завести на него дело, и посадить за бандитизм.

— Как задержали? — возмутилась Вера Михайловна. — Это Антошка — бандит, да, что они там себе возомнили. Антошка бандит. Да если сажать всех мальчишек за драки, то через год в деревне никого не останется. Ну, это я так просто не оставлю. Сейчас пойдем к парторгу, они решили сегодня немного себе позволить водочки, вот я сейчас им обоим

покажу водочку. В деревне творится, черт знает что, а они водочкой балуются! — с этими словами она набросила шубу на плечи и выбежала из дома.

В это время Тугай вошел в дом Егора. Тот сидел за столом, а Наталья Сергеевна подавала ему ужин. Увидев Тугая на пороге, пригласила к столу.

— Спасибо Наташа, мне некогда ужинать. Ты лучше скажи, Антошка у вас?

— Нет, нету. Он, конечно, был у нас, после школы, я их с Мишкой покормила, и он еще засветло ушел домой. А что случилось?

— Домой он не пришел, боюсь, как бы беды не случилось. Я по его лыжне прошел, но следов не увидел.

— Может, он в круговую пошел, — предположил Егор.

— Может и так, но я все равно беспокоюсь, по дороге сюда я опять видел свежие волчьи следы, прямо рядом с деревней. Егор, давай сначала поищем его в деревне, я почему-то уверен, что в круговую он не пойдет.

— Хорошо, я сейчас оденусь и запрягу лошадь. А вы пока расспросите Мишку, может он, что знает.

— Мишка, — позвала Наталья Сергеевна, — иди сюда быстрее.

— Ну, что еще случилось, бабуля, мне некогда, я уроки делаю, — увидев Тугая, он остановился на пороге. — Здравствуйте, дядя Тугай, а что случилось?

— Мишка, не нукай, ты лучше скажи, где сейчас может быть Антон. Ты ведь его провожал, он тебе ничего не говорил? — учинила ему допрос бабушка.

— Ну, да я проводил его за калитку, он и пошел по переулку на соседнюю улицу, по которой всегда домой ходит, — испуганно проговорил Мишка.

— А куда дальше пошел, не видел?

— Нет, не видел, да и холодно очень было, я проводил его до калитки и сразу домой, ты ведь всегда ругаешься, когда я раздетый бегаю.

— Где же его сейчас искать? — вслух размышлял Тугай.

— Тугай, поехали, — крикнул заглянувший в дом Егор, — лошадь у калитки.

— Подождите, я с вами, — остановила их Наталья Сергеевна.

— Ты нам зачем? — возмутился Егор. — Оставайся лучше дома, без тебя справимся.

— Может и справитесь, но не забывайте, что я фельдшер, мало ли, что могло случиться, и попрошу не возражать мне, я так решила.

Сев в сани, они решили сначала объехать всех одноклассников Антона.

— Начать нужно с крайнего дома — там живет Федька. Рядом с его домом Антошка всегда одевает лыжи.

Подъехав к дому, они постучали в калитку. На стук вышел хозяин дома.

— Кто там стучит, заходите быстрее.

— Это я, Бедуля. Игнат Матвеевич, у нас неприятности, вот внук Тугая сегодня не вернулся из школы. Ты скажи, твой Федька дома?

— Федька, — позвал его Игнат, — иди сюда быстрее.

— Федя, — начал Егор, — ты сегодня Антона видел?

— Да видел, мы вместе в школе были, а что?

— Хорошо, а после занятий ты его видел?

— Конечно, видел. После занятий, когда мы вышли из школы, на Антона напали шестеро пацанов. Мы с вашим Мишкой хотели вступить, но Антон не разрешил. Он и сам им так накостылял, что они еле ноги унесли. Он еще бы им дал, да директор школы с

историком помешали, — с гордостью за друга сообщил Федька.

— Понятно, а потом куда пошли?

— Как куда, домой, конечно, я к себе, а он с Мишкой к вам, дядя Егор.

— Понятно, значит, вы расстались, и больше ты его не видел, — задумчиво проговорил Егор.

— Почему, я и потом его видел.

— Где? — почти закричал Егор. — Что же ты молчишь?

— Я навоз на огород вывозил, когда подошел Антон. Он остановился как всегда у нашего забора, и хотел надеть лыжи. Но тут подъехал участковый с нашим директором, они о чем-то поговорили, потом Антон сел в сани, и они уехали.

— А куда они поехали, ты случайно не видел?

— Почему не видел, конечно, видел. Мне стало интересно, я выглянул через забор, и видел, что они подъехали к школе. Потом вошли внутрь. Больше я не видел его.

— Спасибо тебе, Федя, за помощь. Беги домой не мерзни больше. И ты извини нас Игнат Матвеевич, за беспокойство, видишь, какие дела творятся. Мальчонку найти надо.

— Да о чем ты говоришь, если понадобится моя помощь, ты только скажи, я пулей оденусь.

— Спасибо тебе, но пока не надо, но если возникнет такая необходимость, я обязательно к тебе обращусь.

Простившись с хозяином дома, поехали в школу. Школа в это время оказалась закрытой, и им ничего не оставалось, как ехать на дом к директору. Дом директора стоял на отшибе деревни. Был он обшарпан и неухожен. Дом этот служил своего рода деревенской гостиницей. В нем, когда-то жила старушка да померла. Наследников не нашлось, и правление колхоза селило в нем приезжих на временное проживание. Одним из них и был директор школы, присланный к ним из города.

Семья его переехать отказалась менять городскую жизнь на прозябание в такой глуши. В деревне поговаривали, что он в городе провинился. И, чтобы скрыть пятно позора, руководство комитета по образованию предложило ему работу на селе. Мотив был простым, повышение качества образования на селе. Но это были только слухи. Правды не знал никто.

Приехав в деревню на должность директора школы, довольно еще молодой мужчина, с первых дней своего появления повел себя не так, как все этого ожидали. Своим поведением он вызвал недовольство не только преподавательского коллектива, но также и правления колхоза. Своим ехидством, заносчивостью, амбициозностью и с нескрываемым презрением ко всему сельскому, он умудрился настроить против себя все население деревни. Его не любили не только люди, но даже собаки, учуяв его на расстоянии, уже заливались громким лаем. В деревне по этому поводу была даже шутка — где собаки, там Мироныч.

Егор постучал в дверь. За дверью слышалось только невнятное бормотание. Егор постучал еще сильнее, из-за двери вскоре послышалось невнятное.

— Кого там черти принесли?

Егор толкнул дверь, она легко открылась.

В комнате было грязно. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, уборка здесь проводилась еще покойной старушкой. В центре комнаты сидел за столом сам хозяин. Он был пьян до безобразия.

— Где Антон, что вы с ним сделали? — набросилась на него Наташа.

— А вот и адвокаты пришли, — ехидным голосом начал директор, — да по вашему

бандиту давно тюрьма плачет.

— Какая тюрьма? Ты что там городишь? — вмешался в разговор Егор. — Ну-ка, быстро отвечай, где ребенок? Иначе я сам из тебя твою тухлую душонку вытряхну. Что вы с ним сделали?

— Ничего мы с ним не делали, — мутными от водки глазами, глядя на посетителей, пробормотал директор, — будь моя воля, я бы давно упек его в тюрьму. А этот слюнтяй Гришка испугался председателя и отпустил пацана домой. Но ничего, я все равно это так не оставлю, завтра поеду в район, но своего добьюсь, — продолжал бубнить директор, пьянея все сильнее и сильнее, но вскоре затих, рухнул на пол, ударившись головой об ножку стола.

— Давайте подведем итоги, — начал Егор.

— Егор, прошу тебя, только не здесь, меня скоро вырвет от этого запаха.

— Так, что мы имеем? — начал Егор, уже выйдя на улицу, — получается, что они отпустили Антошку час назад.

— Откуда ты это знаешь? — не вытерпела его жена.

— Ты видела, на столе нет даже признаков закуски, а он успел приговорить почти две бутылки. Одну выпил полностью, а вторую почти на половину. Получается, что он начал пить примерно сорок минут назад. С учетом того, что он пьян встельку, пил он на голодный желудок. Добавим время, на то что бы дойти до дома, получается не больше часа. В это время мы еще были дома. Получается, что мы с ним разминулись. Так, Тугай, нужно срочно ехать к вам домой.

— Тогда сделаем так. Ты с Наташей поедешь в круговую, а меня оставите в конце деревни, я пойду напрямую. Так мы проверим обе дороги.

— Хорошо, мы сейчас тебя подбросим, а сами еще заедем в медпункт, Наташа хочет взять сумку с медикаментами. Встречаемся у тебя дома.

На окраине села Тугай стал на лыжи, найдя лыжню, побежал по ней. Бежал он, как никогда еще не бегал. От напряжения сердце, предчувствуя беду, готово было выскочить из груди.

Через двадцать минут бешеного бега, он, наконец, увидел черное пятно на снегу не далеко от берега реки. Сердце его почти остановилось от ужасной мысли, что это может быть его любимый внучек.

Незадолго до этих событий, Егор с Наташей подъезжая к медпункту, встретили идущих им на встречу председателя с женой, парторга и учителя истории. Выяснив все обстоятельства дела, мужчины договорились, что пока панику поднимать не нужно. Егор предложил всем пока разойтись по домам и ждать его с новостями. В случае необходимости он предупредит их, тогда и соберут поисковую группу из наиболее сильных мужиков. Договорившись о совместных действиях, Егор с Наташей поехали на хутор Тугая, внимательно вглядываясь во все подозрительные предметы, встречающиеся им на пути вдоль дороги.

На протяжении всей дороги они не заметили ничего подозрительного, и, только въехав во двор, увидели лежащего на крыльце Антошку. Наталья Сергеевна с криком: «Антошенька!» — выпрыгнула на ходу из саней и бросилась к нему.

Антон услышал ужасный, раздирающий душу волчий вой. Ему казалось, что этот вой проникает в него и заполняет собой каждую клеточку его тела. Подняв голову, он открыл глаза. Вой прекратился. Невыносимо болела голова, казалось, она наполнена чем-то тяжелым, и эта тяжесть усиливается, грозя разорвать голову на сотню мелких частей.

Мысленно напрягаясь, попытался отогнать эту невыносимую боль. Это у него немного получилось. Боль в голове слегка притупилась, но не совсем. Антон напрягся, еще пытаясь на этот раз понять, где он и что с ним, но услышал только звенящую от мороза тишину.

Тишина нависла над ним, придавив к земле. Боль от напряжения усилилась, голова упала на крыльцо, перед глазами замелькали картинки, как в калейдоскопе, медленно кадр сменялся другим.

Но вот перед ним появилась красочная картинка. Кадры перестали сменять друг друга. Вот он совсем еще маленький, бежит к мосту. На мосту оглядывается, зовет отставшую Вареньку. Повернувшись, столкнулся со старшими братьями. Он, конечно, знал их. Но знал и то, что вместе они не живут.

— Все из-за тебя, червяк. Ванька бери его за ноги, — схватив Антошку, они раскачали и бросили через перила моста.

Падая в воду, Антошка не видел ничего, и только прохладная вода, принявшая его в свои объятия, заглушила надрывный крик Вареньки. От испуга Антошка не успел закрыть рот, но инстинкт самосохранения все же сработал. Подгоняемый страхом, Антошка молотил руками. Это помогло ему преодолеть сопротивление течения, он вынырнул и успел сделать вдох, прежде чем течение воды вновь потянуло его вниз. Привыкший к постоянным ныряниям на мелководье Антошка задержал дыхание, но продолжал работать руками, стараясь вынырнуть на поверхность. Это у него плохо получалось, он был слишком мал, чтобы сопротивляется сильному напору воды. Наконец, стихия сжалилась над беспомощным ребенком, и мощная струя потока на изгибе реки вынесла его на плоский валун. Антошка судорожно хватался руками за край камня. Но счастье ребенка длилось недолго. Новая большая вода вновь потянула его вниз.

На следующем пороге поток, сильно ударив об большой валун, прижал его хрупкое тело к камню. На этот раз на поверхности была только голова, всю остальную часть тела тянуло вниз под камень. Преодолевая боль от удара об камень, Антошка, ладошками держась за камень, старался удержать голову над водой и перевести дух. Но вскоре поток воды ослаб, он не удержался и вновь погрузился в воду. Вынырнув в очередной раз, он почувствовал, что его уже не тянет так сильно под воду, а с большой силой несет по поверхности воды. Сумев удержаться на поверхности, Антошка старался работать руками, чтобы подплыть как можно ближе к берегу.

В этой неравной борьбе между ребенком и мощной стихией, последняя стала одерживать верх. Ребенок сильно устал, руки его стали грести воду медленнее, голова все чаще погружалась под воду.

В это время река делала очередной изгиб. Течение изменило свое направление, оно несло ребенка прямо на выступающий мыс. Вынырнув в очередной раз, Антошка увидел перед собой лежащее в воде дерево, ветки которого преграждали ему путь. Погрузившись в очередной раз, гребя из последних сил, он успел схватиться за одну из веток. Наконец, в душе ребенка появилась надежда, что с помощью дерева он сумеет выбраться на берег.

Воодушевленный надеждой, подтянулся к толстому стволу, но и здесь стихия сыграла с ним злую шутку. Дерево, почти не державшееся за берег, вдруг оторвалось и, увлекая за собой мальчика, в считанные секунды оказалось на середине реки. Антона вновь охватила паника и страх. Он еще сильнее ухватился за ветки. Теперь, держась за ветки, ему было легче плыть. Благодаря широкой кроне дерево устойчиво держалось на поверхности. Эта неравная гонка продолжалась несколько минут.

За это время Антошка слегка успокоился и пришел в себя. Отдохнув немного, стал перетягивать себя с одной ветки до другой, сумел все-таки забраться на дерево. Найдя для себя удобное место между двух толстых веток, он устроился на них. Сначала осмотрелся, потом стал кричать, зовя на помощь. Но вокруг было все пустынно, к тому же голос его заглушал шум потока.

Шло время, Антошка перестал кричать, поняв, что его уже никто не услышит, устроился удобнее, обхватив ручками толстый сук, и постарался согреться. Одежда на нем за это время уже высохла, но солнце ушло за горы, и на воде стало прохладно. Сильно болело все тело, особенно голова, после того, как он сильно ударился об камень.

Вскоре темнота поглотила всю округу. Ребенок, сжавшись в комочек, со страхом вглядывался в скалистые берега. Ему казалось, что там на берегу, в кромешной темноте, горы превращаются в огромных великанов, протягивающие свои огромные руки прямо к нему. Холодея от страха, он еще сильнее сжимал ветку дерева, за которую держался. Он закрыл глаза и стал ждать, когда его великаны схватят, но этого не происходило. Так он провел в страхе и холоде всю ночь.

Утром первые лучи солнца согрели его. Замерзший, измученный страхами, согревшись первыми лучами солнца, забылся в бредовом сне.

Очнулся он уже во второй половине дня. Вокруг все также было пустынно и безлюдно. Мальчика мучила жажда и голод. Зачерпывая ладошкой из речки, напился, но чувство голода не проходило. Остаток дня был очень жарким. Но вслед за жарким днем наступила прохладная ночь. Все повторилось снова: те же призраки и страх. Боль в голове усилилась. Ближе к утру над водой навис плотный туман. Антону стало немного теплее, но призраки не отпускали его. Наконец, обессиленный и измученный он уронил голову на руки и потерял сознание.

Антон пришел в себя. Что за странный сон, подумал он, и почему я лежу здесь.

Антон попытался встать, но острая боль пронзила все тело. Где-то вдалеке доносился голос погонщика:

— Но, милая, поспешай родная, — но это уже его не беспокоило, кружение в голове немного успокоилось, по телу растеклась теплая волна, он почувствовал полное безразличие к окружающему миру.

Въезжая во двор, Егор обернулся, следом за ними подъехали председатель с учителем. Как потом позже узнал Егор, они, расставшись, встретили участкового, который пьяный разъезжал по деревне в поисках спиртного. Председатель отругал его, пообещал утром еще добавить, забрав у него лошадь, поехал следом за Егором.

— Антоша, миленький, — с надрывом кричала Наталья Сергеевна, подбегая к ребенку.

Подбежав, присела рядом, и попыталась перевернуть его на спину. Антошка от причиненной боли застонал и приподнял голову.

— Мамочка, мне очень больно, но ты не плачь, пожалуйста, я поправлюсь.

Антошка и раньше называл Наталью Сергеевну мамой. Лишенный материнской ласки, в те редкие минуты, когда она прижимала его к себе, гладила по голове, он всегда называл ее мамой.

Как любой врач она привыкла в экстренных случаях брать ответственность на себя. Глядя на стоящих в нерешительности мужчин, начала отдавать распоряжения.

— Егор, ты с ружьем беги быстро навстречу Тугаю, мало ли, что может случиться, а вы мужики берите Антошку и аккуратненько несите в дом. Да берите его, не причиняя боли, он,

видимо, сильно ранен.

Председатель с учителем бережно занесли ребенка в дом.

— Не кладите его на кровать, положите прямо на стол, нужно его сначала раздеть, а потом осмотреть, неизвестно какие у него повреждения.

Мужчины бережно положили Антошку на стол и отступили, давая возможность Наталье Сергеевне заняться своим делом.

— Так, теперь слушайте меня. Вы, Петр Ильич, посмотрите на печке, там должна быть горячая вода. Возьмите таз, хозяйственное мыло и приготовьте теплый раствор. Вы, Петр Николаевич, будете помогать мне. Берите нож, будем резать одежду, думаю у него слишком большие раны. Смотрите, он весь залит кровью, надо спешить.

— Вы что ищете?

— Ищу нож, как вы велели.

— Да вон смотрите, у него на руке висит. Снимите ремешок с руки и дайте мне, я сама попробую.

Расстегнув ремень, она острым, как бритва ножом легко разрешила ватник. В это время в комнату ворвался Тугай, а следом за ним Егор.

— Наташа, что с ним?

— Пока не знаю. Вот пытаемся раздеть его, вон посмотри, он весь залит кровью и ватник разорван в клочья. Это что, волки его так?

— Да, здесь недалеко от дома. Два матерых волка, оба зарезаны, других следов не нашел. Ну, а как Антошка?

— Пока живой, но без сознания, он, видно, много крови потерял, посмотри, он весь просто пропитан кровью. И вот еще смотри на голове какая гематома, здесь без сильнейшего сотрясения мозга не обошлось, и, по-видимому, переохлаждение. Давай быстро раздевайся, будешь помогать — от тебя больше толку, чем от остальных. А вы все отойдите и не мешайте нам.

Тугай ловкими движениями разрезал остатки одежды. Вся голова и тело до пояса было залито запекшейся уже кровью. Увидев разорванное в клочья плечо и часть руки, Наташа ужаснулась.

— Как же эти звери не загрызли его насмерть, — и принялась мыльным раствором смывать запекшуюся кровь.

— Господи, он что, один справился с двумя волками? Может, ему помог кто?

— Если бы ему и помог кто-то уж, наверняка, занес бы в дом, а не бросил на крыльце. Нет, там никого не было. Я очень внимательно осмотрел все следы. И с уверенностью могу сказать, что Антошка вовремя их заметил. Он не стал убегать, а поступил так, как должен был поступить любой опытный охотник, попавший в такую ситуацию.

— А что он мог сделать, он ведь ребенок еще. А тут два матерых зверя?

— Вы, Петр Николаевич, плохо его знаете, он уже не ребенок. Он хоть еще и не мужчина, но уже сейчас может дать фору любому в нашей деревне. И поверьте мне на слово, он уже настоящий охотник. Если не верите мне, то вам может подтвердить мои слова Егор Селантьевич. Не знаю, как в такой ситуации поступил бы простой человек, но Антон поступил правильно. Заметив волков, он остановился и утрамбовал лыжами твердую площадку. Таким образом, оказался на удобной твердой поверхности. А вот волкам пришлось нападать по мягкому рыхлому снегу. Результат всего этого: один лежит на столе, а двое мертвые на снегу. Антон хоть и вышел из этой борьбы победителем, но победа ему

досталась очень высокой ценой. Еще неизвестно, чем все это ему обернется.

Тем временем Наташа обработала раны на руке и наложила легкие повязки.

— Тугай, приподними его немного, мне нужно обработать плечо, видишь, как оно искусано.

— Подожди, Наташа, давай сначала проверим его позвоночник. Я опасаясь, нет ли там каких повреждений.

Ощупав позвонки и не найдя в них изъяна, постоял озадаченный немного, потом хлопнул себя ладонью в лоб.

— Я старый дурак, видел же, что он отталкивался левой ногой, и забыл об этом. Получается, что у него повреждена правая нога.

— Понятно, давай я обработаю плечо, сделаю пару инъекций, потом займемся его ногой.

— А инъекции зачем?

— Ты что, на старости лет совсем ума лишился? Мало ли какую заразу они могли на своих зубах занести в рану. Нужно обязательно сделать укол от столбняка, потом от бешенства. В отличие от тебя у меня нет уверенности, что звери были здоровы. Ты лучше займись его ногой.

Тугай с испугом переглянулся с мужиками и поспешил заняться делом. В первую очередь нужно было снять унты. С левым он справился легко, но как только взялся за правый, Антошка застонал. Боясь причинить еще раз боль, Тугаю пришлось разрезать унт по швам. Закатав брюки, увидел большую опухоль выше щиколотки. Осторожно ощупав ее, покачал головой.

— Наташа, посмотри, у него вот здесь перелом. Скорее всего, не перелом, а трещина кости.

— Похоже, что так, кости не сдвинуты, зарастет быстро, это не смертельно. Но вот чего я сильно боюсь, так это переохлаждения, посмотри на градусник, 35,4, нужно срочно его согреть. У тебя есть вино?

— Нет, а зачем?

— Тогда давай медовуху, согрей ее и добавь травяного чая, пусть горячего выпьет, это поможет ему согреться. И придумай, как на ногу шину наложить.

Через пару минут все было готово. Тугай принес большой кусок березовой коры, подрезал, где было нужно, и обмотал ногу. Получился жесткий сапог. Пока Наташа ставила капельницу, Тугай приготовил напиток. Наталья Сергеевна смочила вату в нашатырном спирте и поднесла ее к носу Антошки. Вскоре Антошка стал морщить нос, потом открыл глаза.

— Тише, сынок, ты ведь меня слышишь?

Антон слегка кивнул головой.

— Тогда не говори ничего. Я сейчас подниму тебе голову, а ты постарайся выпить горячий чай, он хоть и противный, но его надо выпить, — и поднесла кружку к его губам.

Пил Антошка медленно, маленькими глотками, каждый глоток стоил ему огромных усилий. Вскоре обессилел и закрыл глаза.

— Хорошо, теперь перенеси его на кровать. Принеси несколько бутылок, будем наливать горячую воду и обкладывать его со всех сторон.

— А нам что делать? — спросил Егор.

— Вы, наверное, поезжайте домой, а завтра утром ты, Егор, приедешь проведать. Но

сперва заедь в медпункт, возьми банку с гипсом и бинты. Я Антошке гипс наложу. Поезжай, надеюсь, без меня справитесь, а мы с Тугаем по очереди будем дежурить.

Егор ушел, а Тугай, не находя себе места, ходил по комнате взад и вперед.

— Ты что так мечешься, как зверь в клетке? Сядь, успокойся, все будет хорошо. Главное сейчас для него — это крепкий сон и покой. Ты видел на его голове шишку?

— Видел, это он, наверное, когда с берега спускался, ударился головой об камень. Вот это меня и беспокоит.

— Вот это и есть результат сильного сотрясения. Он поэтому теряет сознание, но ничего, полежит несколько дней, желательнее подольше, и все придет в норму. И кому я все это рассказываю, ты и сам лучше меня об этом знаешь.

— Надо ему дать обезболивающее.

— Уже дала и не только обезболивающее, но и немного снотворного, теперь он должен до утра спать спокойно.

— Это я во всем виноват. Ну почему я не вышел хотя бы на полчаса раньше, и все было бы хорошо.

— Да перестань ты во всем всегда винить только себя. Невозможно в жизни все предусмотреть. А вот этих обормотов наказать нужно. И не только за то, что они устроили над ребенком судилище, но и за то, что проигнорировали предупреждение Петра Николаевича и отпустили его одного в степь, зная наперед, что в округе свирепствуют волчьи стаи. Но пусть даже не рассчитывают, что это так сойдет им с рук. Егор с председателем это так не оставят. Если не сумеют их упрятать в тюрьму, то сделают все возможное, чтобы они не смогли больше жить в деревне. Да и народ все равно их не простит. Сам подумай, с их-то репутацией им все равно в деревне больше не жить. А Егор приложит к этому руку, я в этом уверена. Ты его видел, каким он стал, после того как увидел Антошку?

— Да, я таким его только на фронте и видел, вот и боюсь, не перегнул бы палку.

— Не перегнет, — с уверенностью сказала Наташа. — Он прекрасно понимает, что давно уже не на войне, и может держать себя в руках.

— Наташа, посмотри, кажется, Антошка стонет.

Наталья подошла, проверила температуру, и, убедившись, что все в порядке, села на свое место.

— Ничего страшного, лоб уже теплый, и покрылся испариной. Значит, согревается, а глюкоза поможет ему восстановить потерю крови. Пусть спит спокойно, утро покажет, как обстоят дела.

— Ох, будем, наедятся, что все обойдется, и не будет последствий.

— Ты вот что, прекрати стонать, я сказала, что все будет хорошо, значит так и будет. Иди лучше подкинь дров в печку и отдохни немного. На тебя самого больно смотреть. Ближе к утру сменишь меня.

Тугай послушался, но сон все равно не шел. Пролежав несколько часов, он встал, сменил Наташу. Но и рядом с кроватью внука он долго сидеть не смог. Ему нужно было чем-то занять себя, чтобы не истязать себя душевно. Тогда он принялся за домашние дела. Время пошло гораздо быстрее.

Они с Наташей уже завтракали, когда в двери показался Егор в огромном тулупе, весь покрытый инеем, он и, правда, был похож на огромного медведя.

— Привет. Как самочувствие Антошки? — шепотом, в первую очередь, поинтересовался

ОН.

— Ты, что там бубнишь себе под нос, медведь косолапый. Говори громче, ничего ведь не слышно, — отчитала его Наташа.

— Да я чтобы не разбудить Антошку.

— Ничего страшного. Ему пора уже просыпаться. А так пока без изменений, вот проснется, тогда будет немного яснее.

— Ну, слава богу, хоть нет ухудшения.

— Ты привез то, что я просила?

— Конечно, привез. Вон в сумке все лежит.

— Садись, пей чай, продрог, наверное? А я проверю, что ты там привез нам, — она открыла сумку, достала гипс, бинты. — А вот за это тебе действительно спасибо, — доставая судно для лежачих больных, сказала Наташа, — я про него совершенно забыла.

— Я, когда гипс искал, случайно его увидел, вот и вспомнил, как в госпитале мучился с таким же. Подумал, что пригодится, вот и прихватил с собой, — смущенно сказал Егор.

— Ну и молодец, что привез, — похвалила она. — Ой, посмотрите на него, засмутился-то как. В кои-то веки жена похвалила мужа, да?

— Ну, понеслось, хватит уже ехидничать. Говори, что нам с Тугаем делать?

— Что вам делать? — задумчиво переспросила она. — Ты поезжай домой пока, у тебя и дома дел хватает, а заодно и Тугая прихвати, довезешь до кузницы. Пусть на работе себя немного займет, а то посмотри на него, ходит по дому на смерть похожий. А я здесь пока останусь.

— Хорошо, я тогда утром завтра приеду.

— Не утром, а вечером. Отвезешь меня домой, я переоденусь, кое-что прихвачу с собой, а ты меня привезешь обратно. Дня три-четыре я побуду здесь, а там видно будет.

— Наташа, может не стоит, у тебя ведь семья большая, за ними ведь тоже смотреть надо, — стал отказываться от помощи Тугай.

— Ты за моих не переживай. У меня кроме детей и мужиков, еще и сноха с дочерью есть, они без меня со всем справятся, да и Егор будет дома. А вот тебе действительно помощь нужна. Егор будет приезжать проводить, если нам что понадобится, он привезет. Вот ему как пенсионеру и развлечение будет, а то смотри, какой бурдюк отъел, уже в дверь скоро пройти не сможет. Да, Егорушка, ты согласен со мной?

— Да солнышко, я полностью с тобой согласен, — улыбнулся он ей. Отвернувшись, он подмигнул Тугаю, и тихо прошептал: — Попробовал бы я не согласиться, она бы меня за три дня в муку перемолола бы.

— Не ворчи косолапый, допивай свой чай и быстро отправляйтесь по своим делам. А то вон у меня в углу ухват стоит, как возьму, быстро на улице окажетесь.

— Ты Егор поезжай, а я пойду на другой берег, нужно Антошкину лыжу найти. Ночью я одну нашел, а вторую искать не стал. Да и с волками нужно что-то сделать, не оставлять же их там.

— Лыжу, конечно, найти надо. А насчет волков не беспокойся, я еще ночью, когда возвращался, специально поехал на прямую. Нашел, конечно, ну и матерые. Хочу тебе сказать, что чуть спину не сорвал, когда грузил в сани. Привез в деревню, думаю, пусть в санях полежат до утра, да не тут-то было. Я только въехал в деревню, как собаки уже учуяли, и такой лай подняли, что всю деревню разбудили. Пришлось мне ехать на ток. Там мы с дедом Евсеем сгрузили их в дальнем складе. Когда появятся заготовители, мы их сдадим.

Мужчины ушли, оставив Антошку на попечении Натальи. Тугай вскоре нашел лыжу, только потом ушел на работу. В кузнице действительно было много работы. Кроме разбитых саней, лежала огромная куча борон, которые ждали ремонта. А ведь посевная уже не за горами, к тому же нужно отремонтировать и телеги, не зря же говорят: готовь сани летом, а телегу зимой.

Егор не поехал домой, а направился прямо в правление колхоза. Решив застать председателя на месте, и обсудить происшествие. Нельзя такое оставлять на самотек, нужно принимать меры.

Подъехав к правлению, увидел председателя, разговаривающего о чем-то с понурым участковым. Разговор, по-видимому, не особенно радовал Григория.

— Здравствуй, Петр Ильич — поздоровался Егор.

— О, Егор Селантьевич, хорошо, что ты сам приехал, я уже хотел посылать за тобой. А раз ты здесь, тогда прошу вас в мой кабинет. Не будем торчать здесь на крыльце, разговор предстоит нам серьезный, не стоит привлекать к нему лишнее внимание.

Зайдя в помещение, председатель попросил раздеться и пригласил к столу, предупредив секретаря, что вопрос серьезный, и лишних пускать не следует. Председатель, собрав на столе бумаги, сложил их в стопку. Задумавшись на минуту, обратился к Егору:

— Егор Селантьевич, я вот по какому вопросу хотел с тобой поговорить. Хочу поручить тебе организовать хорошую бригаду охотников. Думаю, человек пятнадцать должно хватить, пора покончить с этим волчьим беспределом.

— Вот по этому вопросу я и ехал к вам. Хорошая идея создать бригаду, но нужно обязательно согласовать с райкомом партии и поставить в известность районный отдел милиции.

— Я уже с утра решил этот вопрос. Позвонил первому секретарю прямо домой и доложил, мол, слишком много развелось волков. Говорю ему, что несем большие убытки в сельском хозяйстве. Волки, мол, до того обнаглели, порой не боятся заходить в мелкие села. Доложил, что стаи нападают не только на скот, но было несколько нападений и на людей. В соседнем поселке насмерть загрызли женщину, она поздно возвращалась с фермы домой. Теперь животноводы вообще боятся по одному выходить из поселка. Кстати ты, наверное, еще не в курсе, сегодня ночью нападение было не только на Антошку, но и на табун лошадей. Помнишь тот, что пасется за третьей бригадой?

— Знаю, я там недавно был.

— Так вот, сегодня ночью там стая отбила небольшой косяк, и пять голов как небыло. Пастухи ничего сделать не смогли. Хорошо хоть пятью отделались, по их рассказам, стая насчитывала не меньше пятидесяти голов. Можешь себе представить, что они могли бы натворить, не будь у одного из пастухов с собой ружья.

— Представляю, лишились бы не только лошадей, но и людей.

— Все это я обрисовал секретарю, он мне приказал в ближайшее время скомплектовать бригаду охотников, все равно, мол, зимой мужики сидят без работы, а так и польза будет, ну и денежное вознаграждение еще никому не помешало.

— Хорошо, завтра с утра я объеду всю деревню, думаю, мужики не откажутся. Если за день подготовимся, то послезавтра можно будет выступить. Я думаю, хорошая охота получится.

— Егор, — перешел председатель на дружеский тон. — Я вижу, ты меня не совсем понял, мне не завтра нужно, а еще вчера, ты понял? Сегодня и только сегодня бригада должна быть готова к выступлению. И, пожалуйста, бери только надежных людей и самых опытных. Твоя задача собрать людей. К вечеру соберитесь, проработайте план всей охоты.

Предупреди людей, что все это мероприятие займет несколько дней, а может и недель, пусть люди подготовятся. Со своей стороны, я обеспечу вас подводами и дам к каждой подводе возчика, они будут у вас на подхвате. Ваша задача только охота. Следующее, я сегодня постараюсь обеспечить вас продуктами, но сильно не рассчитывайте, из дома тоже возьмите, лишними не будут. А вот завтра вы все, как один, должны собраться в правлении. И еще, секретарь пообещал связаться с военкомом и попросить его обеспечить вас военными карабинами и хорошим запасом боеприпасов. Так что, Егор, жди, завтра утром придет машина с оружием. Тебе, как старшему, придется принять его согласно описи. Отвечать за него придется тоже тебе.

— Да, Петр Ильич, ты и, правда, затеял мошгабную войну против волчьего племени.

— Пойми, Егор, уже накипело, ведь они до того распоясались, что скоро к тебе в дом входить начнут. Я ведь не однократно обращался в район, но они все думали да совещались, как всегда. А сегодня я наехал плотно на секретаря, припугнул, что буду просить помощи у области. Как видишь, подействовало.

— Я тебя понял, пока в округе и за ее пределами не останется ни одного волка домой нам путь заказан.

— Ты меня всегда понимал с полуслова, и, я надеюсь, что ты сделаешь все зависящее от тебя. К вечеру жду от тебя новостей.

— Ну что же, пока порох у нас есть в пороховницах, старая гвардия будет воевать до победы.

— Других слов я от тебя и не ждал. С этим вопросом ясно. Теперь предвосхищая твой очередной вопрос, скажу. Разговаривая с секретарем, я упомянул о нападении на Антошку. Он потребовал подробностей, пришлось все сказать, как было, и назвать виновных.

— Что на это сказал секретарь?

— Приказал как можно быстрее отправить Мироныча в район. Я перед твоим приходом был у него, но не застал. Техничка сказала, что Мироныч с утра сильно ругался, и, собравшись, уехал в район жаловаться. Видишь, как повезло, даже отправлять не нужно, сам уехал. Да и еще, секретарь спросил меня, кого прислать на место Мироныча, я отказался от нового человека.

— Я бы тоже отказался, у нас есть свой директор, Петр Николаевич. Его и люди уважают, и школьники любят, чем не директор.

— Я тоже самое сказал. Первый не стал возражать, сказал, что мне на месте виднее. Главное, сказал он, чтобы польза была.

— Вот это правильно, он свой местный. Родился и вырос у нас на глазах, и я уверен, он за нашу школу горой стоять будет. Да и тебе спокойно жить не даст. Ожидай теперь требования ремонта, нового оборудования, ну и так далее, тебе виднее, что там нужно. А что он добьется от тебя всего, что ему понадобится, я даже и не сомневаюсь.

— Ничего страшного, поможем. Я ведь не слепой и вижу, во что превратилась наша школа, убожество, да и только. Думаю, что ради наших детей правление выделит нужные средства. Мы ведь и раньше выделяли средства, и не малые, а что толку. Таким руководителям никаких денег не хватит. Такие как Мироныч все по ветру пустят, даже вспоминать его противно. А вот насчет этого, — председатель кивнул в сторону вальяжно развалившегося участкового, — оставили на наше усмотрение. Первый сказал, как мы решим, так с ним и поступят.

Участковый уставился на них удивленным взглядом. Он, страдая от похмелья, вообще не

слышал, казалось, о чем они говорили. Теперь, когда дело коснулось непосредственно его самого, он с большим трудом разжал пересохший рот, и, выдохнув большую порцию перегара, произнес:

— На какое такое ваше усмотрение. Вы случайно ничего не перепутали, у меня свое начальство имеется, вот они за меня могут все решить, а вы не имеете права.

— Да нет, Григорий, — с грустью в голосе сказал Петр Ильич, — извини, по батюшке называть не буду, не заслужил. А насчет начальства, ты уж не обессудь, нет его больше у тебя. Теперь, выходит, мы твое начальство.

— Как это вы, и за какие такие коврижки вы стали моим руководством, позвольте вас спросить. И за какие такие грехи меня могут снять с работы, мне не понятно.

— Брось ты, Гришка, здесь ломать комедию. Ты думаешь, что я не знаю, чем ты в деревне занимаешься? Люди на тебя неоднократно жаловались, хамишь, не только молодым, но и старикам. Посмотри, на кого ты стал похож, ходишь по деревне вечно пьяный. Находишь у людей какие-то мелкие недостатки, угрожаешь, выманивая при этом самогонку. Все уже забыли, когда последний раз видели тебя трезвым. И вообще, ты, наверное, и сам забыл, когда последний раз занимался своими прямыми обязанностями. Да если я начну все перечислять, то целого дня не хватит. Ты себя последний раз, когда в зеркале видел? Приди домой и посмотришь. Ты ведь не на милиционера похож, а на бродягу с большой дороги. До чего же ты, Григорий, опустился, мало того, что вечно пьяный ты не следишь за собой, ходишь обросший небритый, форма помята, нестираная давно, да и сам забыл, когда в последний раз был в бане. От тебя уже не только люди, но и собаки скоро шарахаться будут, от тебя за версту несет перегаром и запахом немытого тела.

— А вот стыдить меня не надо, я уже большой мальчик и могу сам решить, где и когда мне мыться, и хватит меня воспитывать, сам могу решить, что и когда мне делать. Кроме этого у меня свое начальство есть, вот они пусть меня и воспитывают.

Гришка разгорячился, соскочил со стула и еще, наверное, мог бы много чего наговорить, но его тираду прервал Петр Ильич.

— Замолчи, не на базаре находишься, и гонор свой спрячь, мы здесь не пацаны перед тобой. Посмотрите на него, критика ему не понравилась. С тобой сейчас старшие товарищи разговаривают. То, что ты не моешься, мне глубоко наплевать, это действительно твое дело. Но ты здесь представитель власти, и будь добр вести себя соответственно своему статусу. А теперь, что касается начальства. Ты правильно говоришь, твое начальство в районе находится, но не забывай, что ты еще и член правления нашего колхоза. Ничего не поделаешь, участковый по должности обязан входить в правление. Так вот получается, что ты также подчиняешься руководству колхоза. Теперь слушай еще внимательней. Через два дня соберем правление, и ты обязан будешь явиться. И заметь, придти ты должен в обязательном порядке трезвым и опрятным. Будем рассматривать твое личное дело. А вот завтра с утра поедешь на хутор к Тугаю, и будешь просить прощение у него. Ты понял меня?

— Что? — вскипел Гришка. — а что бы я перед каким-то там косоглазым китаезой извинялся? Да главное за что, за то, что я вчера поговорил немного с его выродком? Пусть спасибо скажет, что я его не арестовал, но если ему свобода не нравится, то я могу это исправить, и быстренько определю ему места не столь отдаленные.

— Что ты там бормочешь, — взревел Егор, и, перегнувшись через стол, тучей навис над Гришкой, — ты посмел своим поганым ртом так отзывать о моем лучшем друге, да я тебя... — схватив Гришку за грудки рывком перебросил его через стол. Поставив перед

собой, замахнулся на него своим огромным кулаком, больше похожим на футбольный мяч, чем на кулак, — Да я тебя, сморчок плюгавый, сейчас как ржавый гвоздь одним ударом кулака в пол вобью.

— Егор Силантьевич, не надо, прошу тебя, — председатель встал между ними, стараясь помешать Егору, совершить необдуманый поступок. Ведь Гришка в данный момент являлся представителем власти, хоть и не самым лучшим звеном. Держа Егора за руку, он вскоре понял, что такую скалу вряд ли кто удержит, и отойдя в сторону, тихо, почти шепотом, сказал, — Не надо, Егор, прошу тебя, не тронь ты это дерьмо, а то еще чего доброго сам замажешься, потом долго отмываться придется.

Егор еще некоторое время постоял тяжело дыша. Потом успокоился, и отпуская Гришку, тихим яростным голосом сказал:

— Иди, гнида, сядь вон там в углу. Закрой свой поганый рот и не шевелись, отвечать будешь только тогда, когда тебя об этом попросят. Понял меня?

— Понял, — заикаясь, как овца, проблеял Гришка.

— Он, что, не в курсе вчерашнего? — спросил Егор председателя.

— Думаю, что нет. Я его утром с постели еще пьяного поднял, и сразу сюда привел. По дороге он ни с кем не общался. Ночью тоже, по-видимому, не до этого было, с вечера хорошо погулял.

— Понятно, почему он так себя ведет, — и, повернувшись к Гришке, сидящему в углу на краешке стула добавил. — Значит так, вчера вечером после ваших с Миронычем стараний, по пути домой на внука Тугая напали волки. Ты, Григорий, был в курсе, что в округе появилось множество волков, да к тому же тебя и Петр Николаевич предупреждал, чтобы ты так просто не отпускал его одного, а проводил до дома. Или учитель обманул меня?

— Да, он предупредил меня, — осознавая случившееся, прошептал Гришка.

— Он сейчас жив, но в очень тяжелом состоянии. Фельдшер, конечно, делает все возможное, чтобы спасти ребенка, в данный момент в город везти его нельзя, он не перенесет дороги. Так вот слушай меня и не перебивай, дважды повторять не буду. Если, не дай бог, мальчонка умрет, я тебе, червяк навозный, клятвенно обещаю, прямо при свидетеле, что ты больше двух дней не проживешь. Я со своей стороны приложу максимум усилий, но клятву свою я сдержу. Надеюсь, ты меня услышал?

Гришка бледный и испуганный понял, что с ним не шутят, и действительно по его вине может погибнуть ребенок. От осознания своей вины у него на глазах заблестели слезы, и он только молча кивнул в ответ.

— Хорошо, что ты меня услышал. Теперь иди сюда, садись ближе, я ведь не могу с тобой разговаривать, повернувшись к Петру Ильичу спиной. А разговор у нас будет долгим. Ты, Григорий, прекрасно и сам понимаешь, что за те два года, которые ты проработал у нас в колхозе, ты натворил так много, что пришла пора ответить за все. Ты не маленький мальчик, и назначен властью блюсти порядок и законность на вверенном тебе участке. Но ты пренебрег своими прямыми обязанностями. Вместо этого ты занимаешься поборами с местного населения и пьянкой. А на этот раз ты превысил свои полномочия, что привело к трагедии. Так вот, руководство твое уже в курсе всех событий, они полностью откристились от тебя, и поручили нам на месте разобраться, и то решение, которое мы сейчас примем, они примут за основу. С этой минуты твоя судьба зависит от нашего решения, ты хоть понимаешь это? — Гришка, опустив голову, молчал. — Но мы не звери, и нам бы хотелось обойтись малой кровью. Мы предлагаем тебе самому проанализировать в рамках закона всю

свою деятельность на посту участкового и выбрать ту меру наказания, которую ты, по своему усмотрению, заслуживаешь. Но если ты против нашего разговора, то милости просим за дверь, тебя никто останавливать не станет, это будет только твой выбор.

Гришка, нахмутив брови и опустив голову, внимательно прислушивался к каждому слову Егора. В его груди все горело, и не только от выпитого накануне вечером, но и от ненависти к этим всезнающим и поучающим его старикам. Головой он понимал, как не крути, а они правы. Во всем виновато его пристрастие к водке.

И тогда в районе, когда он, по-детски мечтал, стать знаменитым сыщиком как Шерлок Холмс или как комиссар Мегрэ. Но и тогда вмешалась водка. Его, понизив в должности, отправили в эту глухомань, от которой он так счастливо избавился, когда поступил в школу милиции. И вот теперь новая напасть. Теперь ясно как божий день, что его выпрут из колхоза, в этом он был совершенно уверен. И неизвестно, как они все это могут преподнести, ведь могут и дело завести. Нет, лучше уж из милиции добровольно уйти, и тихо соглашаться на все, чем загреметь на нары. В любом случае, воля лучше, чем неволя. Надо посидеть смиренно, не возмущаться и не пререкаться. Может, все еще и обойдется, главное сейчас придать лицу виноватый вид, раскаянье смягчает степень наказания.

А в голове крутилась мысль, что не удалось отомстить проклятому китайцу. Если не ему, то хотя бы его выкормышу. За то, что он отходил его, тогда, на глазах у всех. За тот проклятый стог сена, который он сжег просто так от скуки. Но ничего, не получилось сейчас, возможно представится случай в будущем, как знать, — думал Гришка, присаживаясь к столу, подальше от взбешенного Егора. Неровен час, опять взбесится, глядя на огромные руки Егора, — такой кувалдой можно, таких как я, одним ударом двоих до смерти зашибить.

Петр Ильич, откинувшись на спинку стула и теребя бахрому от скатерти в руках, с интересом наблюдал, как на этот раз поведет себя Егор. Ему не раз доводилось быть свидетелем таких вот воспитательных бесед с населением.

Каждый раз он удивлялся тому, как этот огромный человек мог нащупать ту самую заветную ниточку, и, потянув за нее, мог направить заблудшую душу в нужном направлении.

Он вспомнил, как это случилось с конюхом Семеном. Напившись где-то до безобразия, Семен, придя домой, устроил скандал. Сначала он принялся избивать детей. Видите ли, они не доброжелательно посмотрели на него. Но когда его жена Мария вступилась за детей, он стал с особой жестокостью избивать ее вожжами.

Мария вся окровавленная, все же сумела вырваться и выбежать на улицу. Семен с окровавленными вожжами гнался за ней. На счастье Марии, мимо шел Егор. Увидев такую картину, он схватил Семена, связал его этими же вожжами, потом принес и бросил в сарай на сено, приказав никому не развязывать до его прихода.

Рано утром Егор развязал забияку, окунув несколько раз в большую бочку с водой, после чего повел в дом, показывать следы его буйной деятельности. Держа за шиворот, он стал водить его по дому, показывая разбитую посуду, поломанную мебель, наконец, показал избитых детей, испуганно сбившихся в углу кровати. На другой кровати лежала почти до смерти избитая Мария.

— Смотри, герой ты наш, на свои подвиги. Смотри, не надо отворачиваться, ты теперь должен гордиться, что в одиночку справился со страшными врагами, с беззащитными детьми и женой. Теперь не только ты, но и вся округа должна гордиться тобой.

— Да я, Егор Силантьевич, понимаешь, пьяный вчера был, ну и не сдержался, ты уж

извини меня, перебрал немного.

— Ах, вон оно как, ты значит, пьяный был, ну это в корне меняет дело. Это очень серьезное оправдание. Получается, когда ты пьян, тебе все позволено. И ты решил окружающим показать, кто есть кто. Ну, ты и показал беззащитным детям свою мужскую значимость, и теперь жена с детьми знают свое место и понимают, кто в доме хозяин и господин. А это значит, что тебе все позволено, а они ничтожные должны перед тобой ходить на цыпочках и пресмыкаться. А что делают они? Они, на зло тебе, только и знают, что едят и спят. А ты один, обездоленный только и знаешь, что с утра до глубокой ночи работать, не покладая рук, чтобы прокормить эту ораву бездельников. Приходишь домой, а здесь тебе ни почета, ни уважения.

— Ну, что ты так, Егор Селантич, я же говорю, пьян был, погорячился слегка, с кем не бывает. Прости, пожалуйста.

— Ты не у меня проси прощение, а у своей жены и детей, которых избил до неузнаваемости. Вот их ты обидел основательно. Я, когда вчера вечером тебя связывал, слышал, как ты кричал, что они все лодыри и нахлебники. Только ты один их кормишь и поишь, а они — обуза на твоей шее. А ты пробовал, хотя бы раз представить себя на месте своей жены. Да не смотри ты на меня так, ты хотя бы мысленно, на одну минуту, представь себе то, чем занимается твоя жена в течение всего дня. Мне кажется, что у тебя ничего не получается, — видя его тщетные попытки, сказал Егор. — Хорошо, я помогу тебе. Представь, что это ты встаешь ни свет ни заря, когда остальные еще спят, это ты готовишь еду на всю семью. Это тебе приходится заботиться о том, как, и чем накормить семью. Это ты управляешься с хозяйством, потом будишь всех остальных, кормишь их, собираешь детей в школу и провожаешь мужа на работу. Потом бежишь сама, целый день работаешь на ферме, домой уже еле ноги несешь. Дома ждут голодные дети, нужно готовить ужин. Нужно всех накормить, напоить, выслушать капризы, что где-то кому-то что-то не понравилось. Потом всех нужно уложить спать, да еще не забыть ублажить пьяного мужа в постели, и если все прошло хорошо, то встать после этого и заняться стиркой. Женщине нельзя отпустить детей в школу в грязной одежде. А тебе приходилось после такого напряженного дня еще и ночи напролет сидеть у кровати больного ребенка? А утром начинать все сызнова. А к вечеру приходит пьяный муж и начинает выяснять, кто в доме хозяин, и не просто на словах, а с побоями, от которых потом неделю встать нормальный человек не может. Но разве здесь полежишь, надо опять готовить, стирать и так далее. А ты сам пробовал выносить ребенка, рожать в страшных муках, заботится о нем, ночей не спать, а потом смотреть, как пьяный урод из твоего ребенка делает калеку. И вот всю эту никчемную заботу отдали женщине, теперь она сидит сиднем и ничего не делает, а тебе бедному, обездоленному приходится страдать на проклятой работе, мучится, пить горькую, а потом приходится еще и свои права отстаивать, а это ох не легкая обязанность. Какая несправедливость на свете, тебе даже такую мелочь как родить ребенка не доверяют. Ты, наверное, поэтому и обиделся на всех и вся. Ну, что молчишь. Может я не прав, и зря на тебя наседаю?

Семен молчал. Потом, встав со стула, не глядя ни на кого, на дрожащих ногах подошел к кровати, на которой лежала Мария, и опустился на колени. Постояв немного, уткнулся лицом в ее руки, тихо заплакал. Егор после этого тихонько, на цыпочках, вышел из дома.

После этой беседы в деревне никто не видел Семена выпивающим, даже на свадьбе собственного сына, он не позволил себе ни одной рюмки спиртного.

Но не со всеми, он поступал так. Находились и такие, кому слова не помогали, тогда

наука, как поговаривали в деревне, доходила через кулаки. Правда свидетелей никогда не было, но зато потом многие приходили и благодарили его за науку. И после того как Егор ушел в отставку, по состоянию здоровья, люди продолжают приходить к нему, с просьбой помочь в том или ином вопросе, и никому он не отказал. Если не мог помочь делом, то обязательно помогал советом.

Егор мог найти общий язык даже с маленькими детьми. Люди, как правило, часто пугают своих непослушных детей милиционером. Но здесь был особый случай. Егор очень любил детей, и дети отвечали ему взаимностью. Часто обращались к нему с различными просьбами, и он старался помочь им как мог.

Взять хотя бы тот случай с маленькой девочкой. Они с Егором встретившись среди улицы, стояли, разговаривая о чем-то. Вдруг из калитки напротив вышла пятилетняя девочка. Посмотрев на нас, она смело подошла, и плохо выговаривая слова, обратилась к Егору.

— Дядя милиционер, мой Васька пропал. Ты найдешь его?

Егор присел перед ней на корточки и ласково спросил ее.

— Как же тебя зовут, солнышко мое?

— Нюшкой меня зовут, — ответила девчушка, — а Васька все равно пропал.

— Нюха, а скажи мне, кто такой твой Васька, — ласково улыбаясь, расспрашивал ее Егор.

— Ты что, совсем не знаешь моего Ваську?

— Нет, не знаю, — искренне сознался Егор, — но ты ведь скажешь мне, кто твой Васька?

— Конечно, скажу. Васька — это мой самый любимый котик. Он почему-то пропал, и я не могу его найти. Ты ведь милиция, а милиция ищет всех, кто пропадает. Мне так мама говорила. Ты найдешь моего Ваську?

— Мы обязательно найдем твоего Ваську, но только, чур, ты будешь помогать мне, хорошо?

— Хорошо. Только давай быстро искать, а то Ваське уже кушать пора.

— А что твой Васька любит больше всего?

— Ты что не знаешь? Он любит рыбу.

— Вот и прекрасно. Ты сейчас беги домой и принеси маленький кусочек рыбы. Потом мы с тобой пойдем искать твоего Ваську.

Нюшка убежала, но уже через три минуты вернулась, неся в руке маленького пескаря.

— Вот рыба.

— Молодец, А теперь, пойдем вон к тому дереву и вместе позовем твоего Ваську.

— Васька, Васька, — стала звать Нюшка, подойдя к большому тополю.

Почувяв запах рыбы, кот спустился вниз, став перед Нюшкой на задние лапки, стал мяукать, прося хозяйку дать ему рыбку.

— Вот видишь, Нюха, как быстро мы с тобой нашли твоего Ваську. Теперь забирай его с собой и беги домой, и не теряй больше.

Нюха быстро подхватила кота на руки и счастливая убежала домой. Вот так, продолжал вспоминать Петр Ильич, ко всем мог найти подход Егор.

А вот с этим рыжим пентюхом никак у него не получалось. Ведь сколько раз с ним разговаривали, а результат нулевой.

Может, он злиться на Егора за то, что люди до сих пор идут за помощью к Егору, так

кто ему виноват, сам себя поставил в такие условия. Интересно, как сейчас поступит Егор, какой ключик подберет. Его мысли прервал Егор:

— Ну что, Григорий, — тихим спокойным голосом начал Егор, — воспитывать мы тебя не будем, да и не к чему этим заниматься, все равно не получится ничего. То, что ты стал таким никчемным человеком, в этом есть, пожалуй, и моя вина, этого я не отрицаю. Вот скажи мне, Петр Ильич, сколько мы с ним нянчились с самого его детства? Он каждый раз клятвенно обещал исправиться, но все повторялось опять. Когда ушел служить в армию, думали, что вернется взрослым возмужавшим мужчиной. Надеялись, что три года проведенные на службе перевоспитают его, но и здесь мы ошиблись. А как мы обрадовались, когда он поступил в школу милиции. Вот подумали, наконец, парень за ум взялся. Надеялись, что теперь став милиционером, он сам уже будет наставлять заблудших на путь истинный, женится, заведет детей и все у него будет хорошо и ладно. Мы опять ошиблись, все повторилось, и заметь, повторяться стало в геометрической прогрессии. У меня складывается впечатление, что каждая детская его пакость, со временем возводится в квадрат. Вот, казалось бы, стал милиционером. Распределили тебя в хороший совхоз, на хорошую должность, и главное рядом с городом, что еще молодому человеку нужно, живи, работай честно да радуйся судьбе. Но нет, ты и там сумел отличиться, тебя как нашкодившего котенка вышвырнули, к нам в глушь, подальше с глаз.

Гришка резко вскинул голову, и зло, но с удивлением посмотрел на Егора.

— Что так смотришь на меня? — не дождавшись ответа, продолжил. — Ты думал, что в далекой глуши никто не узнает о твоих похождениях, напрасно, друг мой. У меня, да будет тебе известно, не только в районе есть знакомые, но и много друзей в городе, да и по всей области их и не сосчитать. Везде меня знают и уважают. Через три дня, после того как я передал тебе дела, я уже знал, почему ты здесь оказался, и за что тебя заслали к нам. И знаешь, я не был так сильно удивлен, видимо, внутри у меня что-то предполагало, что так и будет. Но я не мог даже предположить, что ты опустишься до мелкого шантажа, будешь заниматься мелким вымогательством, а самое скверное это то, что ты начнешь мстить людям, которые ничего плохого тебе не сделали, а наоборот, многие даже помогали тебе. Знаешь, Гриша, у меня внутри есть уверенность в том, что это не последняя твоя выходка. С таким отношением к людям как у тебя, как правило, своей смертью не умирают, и даже если остаются жить, то большую часть жизни проводят в тюрьме, и поверь мне, я редко ошибаюсь.

Егор замолчал. В наступившей тишине слышно было, как в коридоре от жаркого пламени потрескивают дрова в печке, и стук пишущей машинки, за которой работала машинистка, печатающая документы.

Помолчав с минуту, Егор заговорил снова, как бы продолжая прерванный разговор, но уже с председателем колхоза.

— Видишь ли, в чем дело, Петр Ильич. Когда Гришка с направлением приехал к нам в колхоз на мое место, он мне сказал, что сам изъявил желание работать в своем колхозе. Мотивировал он тем, что сильно скучает по своему родному дому, и в городе пошли ему на встречу, назначив его участковым на мое место. У меня, конечно, промелькнула мысль, что не так все просто, но потом подумал, а вдруг я ошибаюсь, и парень решил начать новую жизнь, и начать ее решил в своей родной деревне, где все знакомое и родное. Я, как положено, передал ему все дела, учил его как нужно работать. Объяснял ему, что нужно разговаривать с людьми, быть в курсе их забот и проблем, быть внимательным ко всем,

помогать людям, вести профилактическую работу среди молодежи и знать историю каждого жителя деревни. И вот тогда тебя люди станут ценить и уважать, а в худую годину всегда придут к тебе на помощь. Предотвращение правонарушений и помощь людям — вот основные заповеди участкового, — и обращаясь уже к Гришке, продолжил. — А ты что нам проблеял? «Я этого китайца не знаю и знать не хочу», — передразнил Гришку Егор. — Так знай, мы с Тугаем — не просто друзья, мы с ним больше, чем братья. Оскорбив сейчас Тугая, ты в большей степени оскорбил меня. А я за своего брата порву любого, не взирая на чины и звания. Помнишь, я тебе говорил, что нужно чаще общаться со стариками, они бы тебе много рассказали о людях нашего села, глядишь, и не сидел бы сейчас в этом кабинете, и не выслушивал мои наставления. А, поговорив со стариками, знал бы, кто такой Тугай, и что нам с ним пришлось в жизни пережить. Я за Тугая, хоть сейчас, готов жизнь отдать, и можешь мне поверить, это не просто слова, это действительно так. Ради него и его близких я готов на все. А также уверен, что для меня он сделает тоже самое. Вот таким манером нас связывает жизнь. Но чтобы тебе было немного понятнее, я все же расскажу тебе кое-что из нашей жизни. Ты сейчас в таком положении, что тебе хочешь или не хочешь, но придется слушать, — и, обратившись к председателю, спросил, — Петр Ильич ты ведь у нас не коренной житель, и многого тоже не знаешь?

— Да, я переехал сюда следом за родителями, это было за два года до войны. Нам с супругой нужно было работать, чтобы поднять детей. Вот и решили, что мы будем работать, а родители присмотрят за детьми, и, переехав к родителям, обосновались здесь.

— Вы правильно тогда поступили, и детей подняли, и за стариками присмотрели. Они вам помогали, чем могли, но и ваша помощь для них была безменной. Для стариков умереть на руках у своих детей, это большая радость.

— Да, свой долг как сына я исполнил. Заботился о них до самой их смерти.

— Это я знаю, а вот как в председатели попал, я как-то упустил, мой грех, признаю.

— Ну, это совсем просто. Ты ведь знаешь я с детства инвалид. У меня одна нога короче другой, это результат несчастного случая. Я с самого детства любил горы. Вот однажды мы с ребятами решили забраться на одну из самых высоких скал. Опыта, конечно, у нас не было, я и сорвался со скалы. Результатом падения оказался перелом ноги в нескольких местах. Ребята, конечно, принесли меня на руках в деревню, но врача у нас в деревне не было, а дома как могли, наложили шины, вот кости и срослись не правильно. Я так и остался хромым на всю жизнь. После того, как я переехал сюда, началась война, всех здоровых мужиков взяли на фронт. В то время в деревне остались я да еще несколько стариков. Когда от инфаркта умер бывший председатель меня и назначили на его место, как самого молодого, вот и мучаюсь до сих пор. Я уже неоднократно обращался в райком, чтобы освободили меня, и поставили кого-нибудь моложе, но там упираются, обещают, а сдвигов как видишь, нет. Ну, что говорить обо мне, ты обещал рассказать о себе и о Тугае. Я с удовольствием послушаю, может, почерпну и для себя что-нибудь интересное.

— Тогда слушайте.

Я, конечно, много знаю о своем происхождении, но не столько, сколько, знает Тугай. Знаю лишь то, что благодаря своему двоюродному брату мой предок попал в наши края.

А началось все с того, что в начале девятнадцатого века мой родственник Пескаль Павел Иванович был прирожденным военным, сделавшим блестящую карьеру. Дослужившись до звания полковника, он во время отечественной войны 1812 года командовал отдельным полком легкой кавалерии. За заслуги перед отечеством был награжден множеством наград. Особенно он отличился в боях при сражении под Бородино, за что был отмечен лично Императором.

Имея отменное по тем временам образование, он еще обладал и характером лидера. Но, поддавшись революционному движению, охватившему в то время не только всю Россию, но и Европу, вступил в так называемый Союз Спасения.

Вскоре в Союзе начались разногласия, и после раскола он стал лидером Южного Общества. В нем он неплохо потрудился. Написал Конституционную программу, где главным пунктом считалось, что Россия должна быть республиканским государством, а не конституционной монархией, как считали другие.

Вторым пунктом значилось, что Россия должна быть демократическим государством, включая в это освобождение крестьян от крепостного права. Наделение крестьян правом на землю с предоставлением им права голоса. Но в корне с ним не согласны были другие члены общества, которые настаивали на необдуманном вооруженном восстании.

Подбирая себе сторонников, он увлек своей идеей и своего младшего брата Михаила, а также одного из своих подчиненных Майбороду, имени которого я, к сожалению, не помню.

Вот этот самый Майборода написал донос, в котором изложил все в подробностях о деятельности Общества, с указанием фамилий всех членов.

В декабре 1825 года был арестован сам Пестель и все члены общества. Многие члены были приговорены к расстрелу, в первую очередь, конечно, мой дальний родственник. Был арестован и мой прямой прадед Михаил. Смертной казни он избежал, улик для этого оказалось недостаточно, и его вместе со ста двадцатью другими членами общества в 1827 году отправили в ссылку в Забайкалье.

За многими ссыльными поехали и их жены. Бросив свою семью, убежала и невеста моего прадедушки. Ссыльных селили в острогах, а их жены и родные строили себе жилье рядом.

Постепенно выросло небольшое поселение, и двадцать лет спустя, поселение называли Чита. Почему Чита я не знаю. Зато знаю, что благодаря судебному процессу, закончившемуся в декабре, всех ссыльных стали звать декабристами. Декабристам, у которых заканчивался срок ссылки, разрешалось покидать Читу, но селиться они могли только в сибирских городах. Разрешалось также вступать в войска Кавказского корпуса, но только рядовым солдатом. Многие так и поступали, стараясь вырваться из этого сурового края.

После смерти Николая I в связи с коронацией Александра II были амнистированы и оставшиеся тридцать или сорок человек, сейчас и не помню точно. Всем им разрешено было вернуться на родину.

Прадед мой вместе со всем своим семейством поехал на родину в свое имение, а вот

младший сын его заупрямился, и тайно обвенчавшись с одной из дочерей такого же ссыльного, как и мой прадед. Сразу после венчания они сбежали, стараясь уйти подальше от людей, они добрались до хутора прадеда Тугая.

Поселившись рядом с хутором на короткое время, они так и остались в этих местах навсегда. Развалины их дома можно и сейчас увидеть возле кузницы. Ты, Петр Ильич, наверное, не раз их видел проезжая мимо кузни?

— Видел, конечно, но до сих пор не знал, что там было.

— Вот в этом доме и родилась моя мама. Здесь она встретила веселого бесшабашного казака, отряд которого в первый раз появился в этих краях. Лихой казак влюбился в красивую девушку с первого взгляда, и уже не смог покинуть здешние места.

Помню в детстве, когда дедушка Тугая заставлял его учить свою родословную, я заинтересовался и своей. Я пытался неоднократно заставить своего отца рассказать о его родственниках, но он всякий раз оборачивал разговор в шутливый тон и уходил от ответа. Так что о своем отце я знаю то, что могла рассказать мне моя мама. Знала она так же мало, как и я. Говорила, что отец происходил из очень знатного рода, но из-за своего бесшабашного характера был отлучен от родительского дома. Обидевшись, он ушел на Дон, где вступил в казачье войско. За свой характер вскоре его стали звать Бедуля. Вскоре по приказу царя отряд казаков был отправлен в далекую Сибирь на охрану границ от набегов кочевников.

После женитьбы на моей матери отец ушел со службы и остался жить в доме моей матери. Живя по-соседски, наши семьи сильно сдружились. Жили очень дружно, помогали друг другу во всем.

В семье Тугая он был единственным ребенком, остальные дети по достижении совершеннолетия умирали. Мы с Тугаем были ровесники, и потому жили как братья. Нас любили в каждой семье одинаково, не различая свой или чужой, и наказывали также одинаково. Мои старшие братья заменили умерших братьев Тугая. Так что, жили мы практически одной семьей, работали вместе, охотились так же вместе, вместе приходилось и защищаться от врагов. Образование мы естественно получили дома. Дедушка Тугая занимался с нами духовным воспитанием, он привил нам такие качества как доброта, честность, порядочность, любовь к ближнему. Особое внимание он уделил таким понятиям как честь и достоинство. Но больше всего он уделял время нашему обучению боевым искусствам и навыкам следопыта. Не забывал он и о языках, я даже сейчас спустя много лет, хоть и с трудом, но смогу разговаривать с любым китайцем.

Тугай, конечно, преуспел в обучении гораздо больше меня. По своему складу характера он более усидчивый и уравновешенный, потому и обучение ему давалось легче, чем мне. А во мне порой просыпался необузданный характер отца, поэтому я часто отлынивал от занятий, о чем позже сильно сожалел. А вот грамоте мы уже учились в нашей семье. Оба моих родителя были очень грамотными, они-то с нами и занимались. Тугай и здесь оказался впереди меня. Зная в совершенстве китайский, индийский и арабский языки, он в совершенстве знает русский, вы, наверное, заметили, что разговаривает он очень грамотно и без всякого акцента. От моего отца он научился французскому языку, хоть французской грамматике он не обучен, зато говорит очень грамотно. Как сказал один французский летчик, встреченный нами на аэродроме перед заброской в тыл к немцам: «Я шокирован, господа, ваш китаец говорит на правильном французском языке, да еще на парижском диалекте».

Вот так мы и жили дружно и счастливо до самой революции. Мои старшие братья и отец Тугая рано включились в борьбу за революцию. Они рано ушли из дома заниматься революционной деятельностью. Довелось и посидеть в царских застенках. После революции началась гражданская война, где воевали мои братья, я не знал.

Мы с Тугаем воевали здесь в Сибири, и с боями дошли до Владивостока, а когда вернулись домой, то застали только руины. Из всех наших родных, здесь был только отец Тугая. Он только перед нашим возвращением вернулся домой из госпиталя. После сильнейших ранений он долго лечился в Омске. Выписавшись из госпиталя, он разыскал свою невестку с внуком, перед тем как уйти в партизаны, Тугай отправил свою жену в Омск с сыном Степаном к ее родителям.

Родители Веры умерли к этому времени от тифа, и она с сынишкой ютилась в небольшой комнатке при заводе. Ей было очень тяжело одной с ребенком на руках. Работы не было, ей часто приходилось голодать. На предложение свекра уехать с ним на хутор она, не задумываясь, согласилась.

Вернувшись домой, они стали потихоньку отстраивать свой хутор. От него мы узнали, что мои братья погибли где-то под Хабаровском, где именно он не знал. А вот как погибли остальные родные, ему рассказали местные жители.

Когда находились здесь колчаковцы, они перед отступлением сожгли в один сарай всех жителей, у кого родные были в Красной Армии, и всех заживо сожгли. Не пожалели даже маленьких детей. На краю деревни, где сейчас стоит памятник Борцам за Советскую власть, это и есть место казни наших людей.

Мы начали новую жизнь. Отстроили, как могли, хутор. Я некоторое время жил вместе с ними пока не женился, тогда Тугай и его отец помогли построить мне небольшой домик, но уже в деревне, поближе к людям, и я переехал жить своей семьей. У меня подрастали старшие сыновья, когда женился сын Тугая Степан, к этому времени он заканчивал военное училище. Так уж случилось, что моя младшая дочь Светлана и внук Тугая Максим родились в один год с разницей лишь в один день. День рождения им мы отмечали всегда в один день все вместе. Жена Степана, Антонина, была сиротой и выросла в детском доме, потому она и рожать приехала к родителям Степана. После родов, она еще год жила у Тугая. А когда отняла ребенка от груди, то оставила его на попечение родителей, и уехала в Белоруссию к мужу, где в это время он служил. Она вынуждена была оставить ребенка, к тому же ее уговорили и Тугай с Верой. Мотивом послужило то, что постоянного места жительства у них не было, а Степана очень часто перебрасывали из одного гарнизона в другой.

Нашим малышам, Светлане и Максимке, было по три года, когда началась война. Мы с Тугаем уже через месяц ушли добровольцами на фронт. На фронте в то время положение было очень тяжелым. Красная Армия, неся большие потери, как в живой силе, так и в технике, отступала по всем фронтам. Мы попали на Украинский фронт, к этому времени наши части оставили Киев. Там наши войска перегруппировавшись, организовали хорошо укрепленную оборону, сдерживали Германскую махину как могли. Наш комбат получил приказ любой ценой добыть языка, и не простого, а желательного офицера, да еще штабного. Разведчиков было мало, да и те, что были, все находились на заданиях, а приказ выполнять было нужно. Начали срочно комплектовать дополнительный взвод разведки из числа наиболее крепких и смысленных солдат из личного состава батальона. Нам к этому времени порядочно надоело копать окопы, вот мы и вызвались добровольцами. Над нами сначала стали смеяться, мол, один огромный как слон, немцы такого враз заметят, а другой слишком

мал, чтобы справиться с пленным. Тугай предложил, что справится один с целой группой. Ему, конечно, не поверили, но после того как он, в одиночку, уложил на землю восемь человек, смеяться перестали. Я предложил испытать меня, но желающих не нашлось. Так мы попали в разведроту, и уже до самого конца войны мы воевали только в разведке.

Так вот, зачислив нас в разведку, комбат тут же проинструктировав нас, сказал, что группа из семи человек будет переброшена через линию фронта этой же ночью. На всю операцию давалось нам четверо суток и ни часом больше. Мы, посоветовавшись, предложили командиру другой план: идти немедленно, прямо днем, и только вдвоем. Мотивировали мы тем, что большую группу ночью немцы обязательно будут где-нибудь ждать в засаде, они ведь тоже не дураки, и прекрасно понимают, что мы будем пытаться добыть языка. А вот днем маловероятно, что они будут ждать, и у нас будет шанс проскочить незамеченными.

Пообещав комбату, что в течение трех дней будет у него хороший язык, получив сухой поек и боеприпасы, поменяв винтовки на новые автоматы, мы приступили к выполнению задания. Мы пересекли небольшой лесок и спустились в овражек.

На плащ-палатки мы закрепили свежие ветки и траву. Прикрывшись своей маскировкой, мы полностью слились с окружающим ландшафтом. Медленно двигаясь попластунски, на стыке двух войсковых подразделений противника, мы за два часа с небольшим на глазах часовых преодолели линию фронта. Скрываясь за невысоким кустарником, мы через три километра вышли на берег небольшой речки. Речка хоть и не широкая, всего то два десятка метров, но зато оказалась очень глубокой. На другой стороне речки стояла танковая часть немцев в ожидании, когда для них саперы наладят переправу.

Днем на виду у часовых переправляться было бессмысленно. Дождавшись легких сумерек, мы срезали камышинки, сделали из них дыхательные трубки, и с помощью их, под водой, переплыли на другой берег. Обследовав расположение части и наблюдая за режимом работы, мы пришли к выводу, что незаметно похитить офицера невозможно. Тогда Тугай предложил новый план.

На краю плацдарма стояла полевая кухня. На площадке рядом с ней стояли грубо сколоченные столы. Метрах в двадцати от кухни находился примитивный туалет, вместо стен у которого был натянут брезент. Вот этот объект нас и заинтересовал. Наблюдать нам пришлось долго. В эту ночь мы не решились на операцию, решив еще немного понаблюдать, и действовать только в случае стопроцентной уверенности, уж слишком были высоки ставки, и ошибки здесь не прощались.

Утром точно по расписанию весь личный состав, закончив прием пищи, разошелся по своим рабочим местам. У кухни остался только повар, его помощник и часовой, заступивший на пост сразу после завтрака. Он лениво прохаживался от кухни до самого туалета и от скуки ковырялся в зубах заточенной спичкой. Мы продолжали ждать.

Вскоре на завтрак пришел длинный худой офицер, мы в званиях в то время еще не очень разбирались, но поняли, что чин у него не маленький. Мы его еще вечером заметили, он держался особняком, ни с кем не общался, к его левой руке был пристегнут небольшой кейс. Сейчас утром все происходило, как и на кануне вечером. Он сел за стол, помощник повара пулей подскочил к нему и подал завтрак, и тут же убежал обратно. Повара занимались своим делом, не обращая внимания на офицера, как будто его вовсе не существовало.

Мы еще не совсем разработали план, как нам взять этого офицера, как тот, закончив завтракать, встал и направился в туалет, видно, походная пища на пользу не пошла. Я шепнул на ухо Тугаю: — Твой офицер, мой часовой. Тугай кивнул в ответ, и мы приступили к делу.

Как только офицер зашел в туалет, мы, прикрывшись, плащ-палатками, подобрались ближе к туалету. Как только часовой повернулся, чтобы идти в обратную сторону, я в два прыжка настиг его, и без шума оглушив, занес его прямо в туалет. Свернув часовому шею, я усадил его в угол, и, прихватив с собой офицера, мы выбрались через заднюю стенку, и пока нас не увидели повара, быстро скрылись в ближайших кустах.

Понимая, что форы у нас не более пятнадцати минут, и что скоро начнется погоня, мы решили идти не на восток, как подумают немцы, а пошли на запад. Нам приходилось практически тащить на себе своего пленника, до того он был перепуган, что ноги у него подкашивались, и он просто не мог самостоятельно идти. И, тем не менее, мы часа через полтора отмахали почти десять километров, и сделали привал на краю небольшого леса у дороги, ведущей в сторону фронта. Немного подкрепившись, мы попили воды и напоили немца.

Отдохнув, уже собирались двигаться дальше, как вдруг недалеко от нас остановился мотоцикл. Двое солдат, ехавшие на нем решили справить нужду у лесочка, но справить они не успели. Зато у нас появился свой личный транспорт. Запихнув пленника в коляску, я сел за руль, Тугай сзади, и мы, скрываясь от встречного транспорта, поехали теперь уже на север. Проехав так километров тридцать, мы повернули на юго-восток. А еще через несколько километров мы вынуждены были бросить наш транспорт и дальше пробираться пешком. Вся местность была переполнена немецкими войсками. В сумерках мы подошли к линии фронта. Замаскировав нас с немцем, Тугай ушел разведать маршрут перехода линии фронта. Через два часа он вернулся и повел нас по одному ему известному пути. Весь этот путь я нес немца на плече и даже не заметил, как оказались уже в тылу у наших. По странному стечению обстоятельств мы оказались рядом со штабом дивизии. Туда мы и сдали своего офицера.

Как потом нам сказали, это был полковник из Берлина с очень секретной документацией. После такой нашей дерзкой выходки нас оставили в дивизионной разведке, где мы провоевали два месяца. Потом нас перевели в армию Рокоссовского Константина Константиновича, сплошь состоящую из заключенных и штрафников. Оттуда нас направили в батальон особого назначения под командование майора Минаева. В составе этого батальона Тугай дошел до Берлина, а я в сорок четвертом был комиссован по ранению.

Тугая после победы не скоро отпустили, ему еще как знатоку китайского языка пришлось повоевать и с японцами. А закончилась для него война в декабре сорок пятого года. Вернулся он с войны полным кавалером ордена Славы. У него кроме этого несколько орденов Красной звезды, Отечественной войны, Боевого Красного знамени, несколько медалей За отвагу. Так что у него полна грудь орденов. Вот такой наш Тугай герой.

— Странно, а я и не знал об этом, — перебил Егора председатель. — Интересно, почему он никогда не надевает награды, ну хотя бы по праздникам?

— Ты же знаешь его скромность, он не любит хвастаться своими подвигами. Но, тем не менее, один раз ему все же пришлось одеть ордена. Помнишь слух прошел по деревне, что у Тугая хотели корову в счет налогов забрать. Помнишь, ходили тогда слуги народа в черных плащах?

— Помню, конечно, но у них так ничего и не получилось, Тугай, кажется, их выгнал.

— Ну, можно и так сказать. Короче, он сказал им, что корова принадлежит малолетнему внуку, к тому же сироте, и если они хотят забрать ее, то он лично проводит и корову, и внука, а за одно и их до самого райкома, при этом надел свой костюм с орденами.

Черные плащи, как увидели перед собой орденосца, поняв, куда он их поведет, так дернули из деревни, что напрочь забыли о существовании хутора. Но про это как-то не хочется вспоминать.

Я лучше расскажу вам о том, как я был ранен, после чего был полностью комиссован.

Это случилось в Польше. В 1944 году, когда наши войска освободили Белоруссию и перешли границу Польши. Нашей группе диверсантов поручено было взорвать мост через реку Нарев близь города Ломжа. Мост этот имел стратегическое значение для немцев. Составы с боеприпасами и техникой шли через него почти непрерывно, а это сильно сдерживало наше наступление. Командование приказало любой ценой уничтожить мост.

Задача перед нашей группой стояла очень сложная. В группу отобрали самых лучших и опытных бойцов, из числа добровольцев, все мы прекрасно понимали, что идем на смерть. По сути, мы действительно были смертниками.

Посудите сами, что могли сделать пятнадцать бойцов с хорошо вооруженным и укрепленным гарнизоном. Это ведь не просто напасть неожиданно и пострелять, нужно еще и объект взорвать. Поэтому мы все, идущие за линию фронта, попрощались с товарищами и друг с другом. Настроившись на то, что мы непременно погибнем, наше чувство самосохранения и страха сами собой ушли, и мы шли с чувством, как можно дороже продать свои жизни.

Но это так, предисловие, не обращайтесь внимания. Когда мы вышли к мосту и обследовали все подступы к нему, поняли, задача нам предстоит невыполнимая. Но делать нечего, стали наблюдать, изучать, так сказать систему охраны и подступы к объекту. Мы пролежали, наблюдая за мостом несколько часов, но в голову так ничего и не пришло.

Вскоре Тугай предложил командиру группы разведать округу в радиусе нескольких километров. Командир согласился, и три группы по два человека разошлись в разные стороны. Мы с Тугаем шли вдоль железной дороги на запад. Через пять километров мы вышли к окраине небольшой станции. Через станцию проходила только одна ветка, и поезда здесь не останавливались, это была даже не станция, а скорее при железной дороге небольшой хутор.

Наблюдая за хутором, мы пришли к выводу, что гарнизон охраны моста квартирует именно здесь. Жилья, по-видимому, на всех не хватало, и по всей округе стояли палатки. Рядом стояли несколько бронированных машин, и просто автомобили и мотоциклы.

Вскоре Тугай предложил мне повредить провод связи идущий вдоль железной дороги к мосту. Я так и сделал, а Тугай в это время проследил за связистами, и выяснил, где они хранят свои принадлежности. Связисты на велосипедах уехали исправлять повреждение, а мы, в это время, воспользовавшись тем, что оба часовых сошлись вместе и стоя в центре хутора оживленно о чем-то беседовали, подползли к небольшой куче укрытой брезентом и вытащили две катушки телефонного провода. Пока я тащил провод, не зная еще, для чего он нам может понадобиться, Тугай по пути прихватил и автомобильную камеру.

Вернувшись к остальной группе, Тугай изложил свой план. Выслушав его, и уточнив детали, все приступили к подготовке предстоящей операции.

Пока было светло небольшая группа, отойдя, на некоторое расстояние от моста, стала сплавлять по воде разный сухостой в виде больших сухих сучьев или бревнышек. В результате этого мы просчитали течение реки. Охрана моста сначала обращала пристальное внимание к проплывающим предметам, и даже иногда стреляли в особенно крупные. Но в скорее перестали.

Ближе к утру, перед самым рассветом, когда над речкой стоял густой туман (все-таки

стояла осень, днем было тепло, а ночью уже были заморозки, и утром туман над рекой стоял особенно густой), мы надули камеру, и, привязав не ней взрывчатку, спустили в воду, слегка протопив ее. Затем спустили два бревна, к которым привязали телефонный провод. Бревна сплавляли так, чтобы они прошли по обеим сторонам опоры моста. Бревна сплавлялись по воде, разматывая катушки с проводом. Когда провод кончился двое из группы, перейдя на другую сторону насыпи раздевшись, заплыли и вытащили на берег концы проводов. Подергивая их, они дали сигнал, что все готово к сплаву нашей мины.

Получив сигнал, мы привязали к камере свой провод для взрывателя, и спустили камеру. Мы со своей стороны придерживали, а с другой ее тянули наши ребята, в результате мина причалила к опоре моста. Почувствовав, что мина стоит в нужном месте, стали ждать очередного состава. Тяжелый состав нам нужен был для того, чтобы усилить разрушения. Вскоре появился состав, груженный бронетехникой и живой силой противника. Когда паровоз достиг середины моста, командир повернул ручку магнето.

Раздался мощный взрыв, затем скрежет ломающихся вагонов. Паровоз, вздыбленный как лошадь на бегу, рухнул в реку, увлекая за собой вагоны с техникой. Не став дожидаться окончания представления, отступили, незаметно стараясь пересечь железнодорожную насыпь. Но нас все же заметили и открыли огонь. Мы стали, отстреливаясь, отступать на восток. Началось преследование. Вскоре взяв в клещи, нас прижали к болоту.

Деваться было некуда, и мы заняли круговую оборону. Немцы стали обстреливать из минометов. Один из снарядов разорвался недалеко от меня. Его осколок пробил мне правую часть груди и застрял в легком. Он до сих пор там сидит. Врачи побоялись делать операцию, слишком плотно он застрял, прямо у самой аорты. Они боялись, что во время операции можно повредить ее, тогда мне конец.

Но это теперь, а тогда командир приказал сделать небольшой плотик и, обернув его плащ-палаткой, положили меня на плот. Тугаю как самому опытному следопыту было приказано пробиваться вместе со мной через болото. А остальные пошли в атаку, на прорыв.

Тугай перевязал меня, остановив кровотечение, и потащил через болото. Остальные, подождав немного, ушли вдоль болота на прорыв. Как я им в ту минуту завидовал, что они целы и невредимы сейчас, бьют фашистов, а я беспомощный лежу на этом плоту, и не могу помочь даже Тугаю, который, надрываясь, тащит меня через это проклятое болото. Только много позже, после войны, когда вернется Тугай, он расскажет мне, что из всей нашей группы мы только с ним остались в живых, остальные все погибли во время прорыва.

Так, благодаря Тугаю и нашим друзьям, которые положили свои жизни там, в далеких Польских болотах, мы с Тугаем остались живы, и я сейчас сижу перед вами. А вообще я вот, что хочу сказать, за время нашей дружбы нам с Тугаем не раз приходилось спасать друг друга. Мы до конца нашей жизни обязаны друг другу жизнью. Если в данный момент станет передо мной выбор, он или я, то я за него, не раздумывая, отдам свою жизнь. Знаю, что он поступит так же. И прошу поверить мне, что это не просто слова, это действительно так. И потому нанесенное оскорбление ему, я всегда отношу на свой счет.

Ладно, это так к слову, а тогда я, приходя в сознание, очень просил его оставить меня и выбираться самому. Но Тугай сначала уговаривал меня, стыдил, а потом, исчерпав, видать, весь запас аргументов, просто перестал со мной разговаривать, не обращая внимания на мои уговоры и мольбы.

Позже я окончательно потерял сознание и очнулся уже через несколько дней в госпитале. Когда врачи сказали, что я буду жить и пойду на поправку, тогда сестричка, что

ухаживала за мной, по секрету рассказала мне, благодаря кому я остался жив.

Когда Тугай вышел вместе со мной к нашим, он оказался до того измучен и истощен, что не мог внятно объяснить, кто мы и откуда. На наше счастье рядом оказался офицер штаба, он-то и узнал нас. Нас быстро погрузили на машину и отправили в госпиталь. Меня выгрузили и на носилках оставили в коридоре, я практически не подавал признаков жизни. Врач решил, что мне осталось жить несколько минут, и со мной не стоит возиться. Тугая сразу отправили в операционную, он, оказывается, тоже был ранен осколком, но не тяжело. У него вырвало кусок мяса на левом боку. Рана хоть и была не смертельной, но причиняла ему боль и неудобство, так как, находясь в постоянном движении, да еще с такой нагрузкой как я, она постоянно кровоточила. Тугай потерял много крови и сильно ослабел. Врач сделал с ним все, что полагается, да еще и восхищался, мол, вот какой мужественный солдат выдержал все без наркоза и ни разу не застонал.

Когда его несли на носилках по коридору в палату, он увидел меня лежащего на полу, и поинтересовался у санитаров, почему мне не оказывают ни какой помощи. Узнав от санитаров, что я хоть и живой, но уже не жилец, поднял такой скандал. Он соскочил с носилок и стал заставлять санитаров положить меня на его место и нести в операционную.

На шум прибежали все врачи, которые находились в данный момент в здании. Вызвали еще несколько человек из обслуги, решив силой уложить буйна на носилки. Но надо знать Тугая, он за несколько секунд уложил на пол всю эту команду, потом сорвал бинты, и лег рядом со мной. Вскоре пришел главврач, на его вопрос, что происходит, Тугай ответил:

— Я не для того тащил его на себе двадцать километров через линию фронта, что бы вы вот так, не оказав даже первой помощи, бросили на пол умирать как собаку. Я не встану и буду лежать рядом с ним, и вам все же придется похоронить нас вместе, и пусть наша смерть будет на вашей совести.

Что потом началось, главврач такой разгон устроил, меня быстро в операционную, он сам присутствовал на операции. Плохо, что это мало чем помогло, осколок не вытащили, слишком опасно было трогать его, мог бы и не выжить. Зато живым остался, а осколок, да бог с ним, живу ведь пока, а там посмотрим, будет сильно беспокоить, лягу под нож, пусть вытаскивают, а не будет так и помру с ним. Все равно не так уж много осталось.

А Тугай все дни, пока я был без сознания, дежурил у моей кровати. Вскоре рана у него зажила, и он уехал на фронт, а я еще месяца три провалялся в госпиталях, потом меня выписали и отправили домой долечиваться, полностью списав с военной службы.

Домой я добрался чуть живой. От меня остались только кожа да кости. Но зато дома стараниями Наташи я быстро пошел на поправку, и день победы я встретил довольно крепким.

Вот тогда учитывая мои заслуги и нехватку мужиков, меня назначили участковым в нашем колхозе. Мне на этот раз, конечно, повезло. С войны я вернулся хоть инвалидом, но все же живой. Старший мой повоевал немного всего полгода. Но дошел до Берлина, потом отслужил три года и вернулся домой. Младшему не довелось воевать, слишком молод был. Так что, с родными у меня все в порядке.

Вот Тугая на этот раз не повезло. Степан погиб в танке, освобождая Прагу. Представьте, уже в самом конце войны, а сноха Антонина погибла в январе сорок третьего года под Сталинградом. Она была медсестрой, когда вытаскивала раненого с поля боя, фашистский снайпер, не задумываясь, выстрелил, не обращая внимания, что она не только медик, но и женщина. Фашист, он и есть фашист, ничего святого у него нет за душой.

Вот так, друзья мои, а как погибли его отец, жена и внук тебе, Петр Ильич, наверное, лучше известно.

— Да, Егор, такое не забывается. Все я помню, ведь происходило можно сказать на моих глазах. Я вот чего никак понять не могу, как такого порядочного человека как Тугай, Бог так сильно наказывает. Насколько я знаю, он никогда, ничего плохого людям не сделал. Только добро, и погляди, как он наказан. Ведь сам прошел одну из самых страшных войн. Остался жив, а его семья здесь в глубоком тылу погибла вся, сделав его одиноким стариком. Почему на свете такая несправедливость, я не пойму. Возьмем его Веру Степановну, тихая скромная работящая женщина. У нее в руках все кипело, она везде попевала, никогда никто от нее не слышал ни одного слова жалобы. Это случилось ранней весной сорок третьего года. Перед этим она получила похоронку на Антонину.

Работала она дояркой, ты сам понимаешь, какая это тяжелая работа. Тогда людям приходилось на себе таскать воду из реки, чтобы напоить скот. Она была сильно расстроена похоронкой, вот задумавшись, и не заметила, что лед стал хрупким. Подойдя слишком близко к кромке льда, она провалилась в прорубь. Услышав крики, люди бросились помогать, но ты сам понимаешь подводное течение, да плюс зимняя одежда сделали свое черное дело. Старик с Егоркой долго горевали. Им очень тяжело приходилось. Люди, конечно, помогали, но пойми, в то время все жили впроголодь, ведь все отдавали на нужды фронта. Дедушка хоть и был уже слабым, но все же старался, как мог, прокормить себя и правнука. Он часто уходил в горы, ставил силки на зайцев и куропаток, тем и жили. Боясь оставлять Егорку одного дома, он порой брал его с собой. Однажды ближе к весне они, как всегда, проверяли капканы, и дедушка оступился и упал в небольшую расщелину. Падение это оказалось роковым. Старые кости не выдержали, и он сломал обе ноги. Как они оттуда выбрались одному богу известно. Нашли их охотники в двух километрах от проклятой расщелины. Старик крепко прижимал к себе Егорку, по-видимому, пытался его согреть своим телом. Мужики тщательно изучили следы и говорили, что старик пытался отправить ребенка домой. Детские следы вели в сторону деревни, но не более трехсот метров, но потом видно было, что мальчик долго топтался на одном месте и, в конце концов, вернулся обратно. Там их и нашли мужики обнимающих друг друга. Это я тебе говорю со слов мужиков, которые нашли их. А охотники они знатные и читать следы умеют, так что, в правдивости их выводов сомневаться не приходится.

— Да, я и не сомневаюсь. А вот представь, каково было Тугаю, вернувшись с проклятой всеми войны. Перетерпев столько невзгод и мучений, чувствовать, как каждый день за тобой ходит смерть, и, победив ее, вернуться домой и узнать, что ты остался один как перст, это пережить практически невозможно. Когда Тугай вернулся, мы с Наташей две недели жили с ним в его доме, боясь оставить его одного. И только после того как убедились, что он немного отошел, переехали к себе. Чуть позже мы уговаривали его жениться, ведь в деревне много женщин остались вдовами после войны. И, зная Тугая, многие из них согласились бы связать свою судьбу с ним. Но Тугай уперся, сказав, что пусть проклятье фараона закончится на нем, и он не хочет, чтобы пострадали другие. И я его прекрасно понимаю. Вот уже более тысячи лет, проклятье фараона преследует его семью. У Тугая была одна надежда на Егорку, и тот погиб. Придется теперь Тугаю одному век доживать. Вот он и решил на себе прервать проклятье фараона.

— Почему проклятье, да еще фараона? — шокированный услышанным спросил Петр Ильич.

— Да здесь все проще простого, корни Тугая тянутся в далекое прошлое. Его пращуры были Фараонами Египта. Теперь понятно?

— Вот это сюжет, и знаешь, я в этой истории ничего не понял, так что, ты уж будь любезен расскажи мне подробнее, а то я умру от любопытства, если не узнаю в чем тут дело.

— Да и я знаю не очень много, тебе бы его самого расспросить да боюсь, что он не захочет об этом говорить. Я знаю только некоторые эпизоды, да и то смутно, а даты вообще не помню, ведь столько лет прошло с тех пор, как нам все это рассказывал дедушка Тугая.

— Да мне даты и знать не обязательно, я их все равно не запомню. Мне главное самому суть узнать. Это же надо, человек помнит свою родословную в тысячу лет. Уму не постижимо, в это невозможно поверить.

— Ну почему невозможно? Просто в их семье принято пересказывать свою родословную со всеми подробностями, так чтобы младшие могли выучить ее на зубок. И так эти знания передаются из поколения в поколение.

— Поразительно. Вот так живя рядом с человеком не один десяток лет, со временем узнаешь о нем удивительные вещи. Но ты, Егор, не томи, давай рассказывай быстрее.

— Ну, хорошо, расскажу все, что знаю.

Где-то тысячу триста или тысячу пятьсот лет до нашей эры правил Египтом Аменхотеп III. Его красавица жена Тайя родила ему восемь детей, шесть дочерей и два сына. После смерти Аменхотепа, его трон унаследовал его старший сын, став Аменхотепом IV.

В те далекие времена было принято, что наследник престола обязан жениться на своей сестре, мотивировалось это тем, чтобы царская кровь не смешивалась с простыми смертными. Наследник от такого брака считался чистокровным и мог по праву занять царский трон. Я конечно не историк и не могу утверждать, знали древние люди о пагубном влиянии кровосмешения или нет. Но, тем не менее, результатом таких браков было частое рождение детей с некоторыми отклонениями. Это проявлялось в слабом здоровье и даже в умственном развитии.

Вот что-то в этом роде и представлял собой Аменхотеп IV. В нем сочеталось несколько отклонений, и народ относился к нему по-разному, некоторые считали его безумцем, другие? наоборот, считали его провидцем, третьи и вовсе считали его колдуном, имеющим связи с потусторонним миром.

Женат он был на своей старшей сестре Нефертити, которая по праву носила звание самой красивой девушки во всем Египте, да и за пределами Египта красота ее считалась эталоном. Все художники и скульпторы того времени считали великой честью отобразить ее красоту в камне.

После рождения второй подряд дочери Аменхотеп впал в ярость, обвинив жену в неспособности родить ему наследника. Нефертити, зная безумный характер мужа, и понимая, чем для нее это может обернуться, обвинила во всем богов, якобы это боги не желают им счастья и не посылают им своего благословения на сына.

Поверив словам красавицы жены, Аменхотеп в припадке ярости приказал всем отречься от вредных, по его мнению, богов и почитать только единственного бога, это бога Солнца.

Простой народ роптал не долго, но деваться было некуда, и люди признали вместе с властью фараона и власть нового для них бога, и новую веру. Но большая часть знати воспротивилась воле фараона. Подстрекаемые жрецами, они взбунтовались и выступили против воли фараона. Аменхотеп не стал долго раздумывать, а жестоко подавил начавшееся восстания, принеся в жертву богу Солнца всех жрецов и всю знать, которая отказалась принять его веру.

После жестокой расправы он приказал построить новую столицу, которая в скором времени и была построена в двухстах километрах вверх по течению Нила. В новой столице он построил огромный храм Солнца. Вместо старых жрецов он назначил жрицами своих сестер, и нарек себя новым именем Эхнатон.

Хочу напомнить, что у Эхнатона был еще и младший брат Сменхкара, который в отличие от старшего брата, рос красивым и здоровым ребенком. Сменхкара обладал еще и довольно пытливым умом, и как все дети фараона того периода получил хорошее образование. Кроме того, обладая отменными физическими данными, он постиг военные науки и слыл среди воинов хорошим полководцем.

Эхнатон не любил своего младшего брата. Видя, как тот превосходит его во всем, и люди относятся к его брату с большим уважением, чем к нему. Зная, что Сменхкара уже никогда не сможет занять царский трон, он не боялся его и не предпринимал попыток

физического устранения своего брата, хотя и находились доброжелатели, которые шептали ему на ухо, советуя избавиться от брата. Но Эхнатон был неглупым человеком и прекрасно понимал, что в сложной международной обстановке ему как воздух был необходим именно такой грамотный полководец, как его брат.

Но, тем не менее, он не мог отказать себе в удовольствии при любом удобном случае постараться унижить прилюдно своего строптивного брата. Он испытывал огромное удовольствие всякий раз напоминать брату, что он сам и все его потомство из поколения в поколение будут прислуживать ему и его потомкам, так как в жилах его детей течет грязная, никчемная кровь.

Сменхкара был умным и уравновешенным человеком, он прекрасно понимал, чего добивается его царственный брат. Понимая это, он старался не обращать внимания, но, как известно вода капля за каплей камень точит. Однажды Эхнатон запретил детям брата учиться. Этого уже Сменхкара простить никак не мог.

Поразмыслив, он решил жестоко отомстить брату, но месть должна быть такой, чтобы фараон не как брат, а как царствующий брат содрогнулся от нанесенной ему обиды.

Вскоре такой случай представился. Эхнатон решил проехать по стране с проверкой, а заодно выбрать место для постройки нового храма, решив таким образом умилоствить бога Солнца, чтобы тот послал ему наследника. Сменхкара отказался от поездки, мотивируя тем, что на южном направлении участились набеги кочующих племен, и он обязан, навести там порядок. Эхнатон не возражал, а даже рад был отсутствию брата.

Сменхкара отправил небольшую часть войска на юг, чтобы успокоить враждебные племена, а сам задержался в столице. В столице он зря время не терял. Зная, что царица не равнодушна к нему, он соблазняет ее, и целых две недели проводит в объятиях красавицы Нефертити. Через две недели он покинул столицу и присоединился к своим войскам.

В результате грехопадения было рождение царицей мальчика. Эхнатон? считая его своим сыном, дал ему имя Тутанхамон. Он наивно полагал, что его любимая жена вынашивала ему наследника девять месяцев, но он жестоко ошибался, ребенок родился недоношенным, к тому же слабым здоровьем и с увечьем ноги. У него и в последствии будет одна нога короче другой. Но особенностью его был острый и расчетливый ум. В девять лет он был уже женат на своей старшей сестре Анхесенпаатон.

Однажды играя с ней, он бегал и прятался по всему дворцу. Спрятавшись в одном из подсобных помещений, он случайно подслушал разговор двух служанок, из которого он узнал, что не является сыном Эхнатона. Тогда же у него в голове созрел план убить Эхнатона и занять его место на троне.

Для осуществления своего плана он сговорился с некоторыми противниками царя недовольными правлением Эхнатона, и тем, что он, запретил их истинную веру, а силой навязав им бога Солнца. Юный Тутанхамон пообещал им, что как только станет фараоном, сразу отменит ненавистную веру, и вернется в старую столицу, где построит новые храмы.

Для осуществления своего плана он тайно назначает одного из самых влиятельных главным жрецом. Надеясь их расширенными полномочиями, он поручает собрать небольшой отряд из верных людей. Когда отряд был собран, юный Тутанхамон дает сигнал к началу дворцового переворота. За несколько минут вся стража была перебита, а Эхнатон был взят в плен.

Завершить удавшийся переворот Тутанхамон решил в храме богов. Он приказал привести плененного фараона в храм, где того было решено принести в жертву богам, таким

образом умилоствитивить гнев богов за вероотступничество.

Но вот здесь юный фараон допускает непростительную ошибку. Оставшись наедине с Эхнатонем у алтаря, он рассказывает ему все о своем происхождении. Потрясенный услышанным Эхнатон не поверил девятилетнему ребенку и потребовал доказательства. Тутанхамон предвидел это, и потому приказал впустить в храм служанок, хотя это было большим кощунством по отношению к богам. Жрецы стали возмущаться, но Тутанхамон успокоил их тем, что это не храм их богов, а храм ненавистного им бога Солнца. Сначала допросили служанок, и те подтвердили правоту слов юного отпрыска. Затем пригласили самого виновника Сменхкара.

Сменхкара не стал заператься и все рассказал, как он исполнил свою месть за все унижения. Он понимал, что пока он здесь рассказывает свою историю, служанок наверняка уже казнили, чтобы избежать ненужных пересудов в будущем, а следующим будет он и его семья. И, тем не менее, держался он с достоинством, как подобает великому воину.

Выслушав своего брата, Эхнатон пришел в ярость. Зная, что смерть его неизбежна, и помощи не будет, он стал терять над собой контроль. Глядя на своих врагов налитыми кровью глазами, в припадке бешенства, он проклял весь свой род, а за одно и все оставшееся после него потомство. А закончил он так:

— По моей линии больше потомков не будет, на этом род мой заканчивается. Что касается твоего рода Сменхкара, то во всем твоём роду будет оставаться в живых только один ребенок из всех рожденных, но какой именно останется, они знать не будут. Но они будут рожать очень много детей, но, сколько бы они не рожали, в живых всегда останется только один. Так будет продолжаться тысячелетия. Все эти тысячелетия твои потомки будут проклинать твое имя. Тебя Тутанхамон я благословляю на трон, но, детей своих ты хоронить сам будешь. Те неполные двадцать лет, будут для тебя мукой, за то, что ты посмел поднять на меня руку.

Эхнатон закрыл глаза. Через минуту лицо его приняло спокойный вид, взгляд его стал ясным и уверенным.

— Все, я готов предстать перед богами. Но прежде чем я умру, пообещай мне юный фараон исполнить мою последнюю волю.

— Говори, я обещаю выполнить ее.

— Обещай сохранить жизнь Сменхкара. Я хочу знать, что он живет и мучается, видя, как сбываются мои проклятия.

Эхнатона казнили, а проклятья его со страшной последовательностью продолжают сбываться вплоть до настоящего времени. И не только те, которые касаются непосредственно потомков Тугая, но они сбылись непосредственно и с самим Тутанхамоном.

Тутанхамон, как и обещал, переехал в старую столицу. Он построил новый храм и сменил веру. Но царствовать ему долго не довелось. Здоровье его ухудшилось, и вскоре он уже самостоятельно не мог ходить. Виня во всех несчастьях Сменхкара, он отстраняет его от должности военкомандующего и назначает на его место другого, который в последствии и возглавит дворцовый переворот.

Узнав об отстранении от должности, Сменхкара почувствовал неладное. Он успел отправить свою семью с доверенными людьми подальше от границ Египта, но сам скрыться не успел. Сменхкара был арестован и вскоре казнен, таким образом, не успев дожить даже до сорока лет. Похоронили его без всяких почестей в безымянной могиле.

Сам Тутанхамон не дожил и до двадцати лет. Перед его смертью жена его родила двойняшек, которые умерли по непонятной причине, уже через три дня после рождения. Узнав об этом, Тутанхамон от расстройства потерял сознание и умер через сутки, не приходя в себя.

Так как усыпальница Тутанхамона еще была не готова, его и его детей временно похоронили в скромной, неприметной могиле, решив в будущем перезахоронить. Его жена не захотела оставаться одна, и учитывая сложную обстановку в стране, срочно вышла замуж за командующего армией.

Новоиспеченный фараон, взойдя на престол, взял себе имя Рамзес I.

Рамзес став фараоном, стал создавать свою династию, и постарался уничтожить все воспоминания о предыдущей. И надо отдать должное его стараниям, он преуспел не только в этом.

При его правлении экономика страны выросла. Египет стал процветающим государством. Не последнюю роль сыграло и умение его в военных завоеваниях, к тому же хорошо налаженная торговля укрепила мощь страны.

А вот потомкам Сменхкара пришлось еще долго скрываться за границей, прежде чем, скрывая свое происхождение, они могли вернуться на родину.

Через тысячу лет, когда Александр Македонский завоевал Египет, к нему на службу поступил молодой, амбициозный воин, вскоре дослужившийся до звания тысячник. Великий Александр случайно узнал, что в его Армии служит потомок великого Аменхотепа III. Гордясь этим, он часто хвалился перед друзьями и соратниками, что он возвеличенный и божественный, сам имеет в подчинении даже потомков великого Аменхотепа.

Вскоре великий завоеватель с легкостью покорил Персию. Он оставил править страной наместника, а сам, окрыленный успехом, двинул свою Армию на Восток.

Ему не терпелось покорить Индию, ведь о богатствах этой страны ходили легенды. Окрыленный легкими победами он вторгся в сказочную Индию.

Но столь сказочные и богатые края встретили его враждебно. Легкой победы не было. В каждом, даже самом незначительном населенном пункте он встречался с ожесточенным сопротивлением. Обозленный таким сопротивлением он, не обращая внимания на потери, продолжал наступление, уничтожая все на своем пути. Чем еще больше обозлил сопротивляющихся.

В измотанной и обескровленной армии Александра назревал бунт. Некоторые из военных начальников вступили в прямое неповиновение. Александр вынужден был силой подавить восстание и продолжить наступление.

Но на его пути встретился царь Пор со своим многочисленным войском. Здесь Александр оказался на высоте. Благодаря своему таланту военного стратега он сумел разбить войско Пора и взять того в плен.

Дорого обошлась Александру эта победа, большая половина его армии полегла и была растоптана боевыми слонами. Оценив потери, Александр вынужден был повернуть обратно, так и не завоевав весь Индийский полуостров.

Чтобы облегчить путь, он разделил свою армию на три отряда. Первый отряд он повел сам, второй отправил морем, а вот третий доверил вести своему лучшему военному советнику и другу Кратеру.

И надо сказать, что в этом отряде был и любимый тысячник Александра, потомок фараонов. Кратер, чувствуя конкурента на свою должность, решил воспользоваться

моментом и убрать соперника.

Одному из своих преданных людей он и поручил выполнить это злодеяние. Получив хорошие деньги, убийца ни на шаг не отходил от своей жертвы. Вскоре ему представился случай. Оставшись наедине, он воткнул неподозревающей жертве меч в спину, и оставил умирать среди песков.

В отряде никто не обратил внимания на отсутствие тысячника, ведь отряд пробивался сквозь пески. В отсутствие питьевой воды и продовольствия люди умирали прямо на ходу, к тому же способствовали этому еще и многочисленные мелкие отряды из местных племен.

Они мелкими группами нападали на отряд, отбивая у них награбленное добро. А за одно и мародерствовали, обирая мертвых македонцев.

Один из таких воинов и нашел раненого тысячника. Он сразу определил, что раненый воин внешне отличается от большинства македонцев, да к тому же он был уверен, что ранили его свои, и, посчитав его мертвым, бросили. Тысячника пожалели и увезли с собой, там его выходили, и он остался в племени навсегда, взяв в жены дочь своего спасителя.

Много еще невзгод выпало на долю предков Тугая. После Индии уже никто из них не помышлял о возвращении в Африку. Они кочевали по всей Азии. Жили в разных странах, в Индии, в Афганистане. Много веков прожили в Китае, в том числе и на Тибете. Но вскоре им пришлось покинуть гостеприимный, но очень холодный Тибет, и перебраться в Монголию.

В Монголии потомкам Тугая довелось воевать с самим Чингизом в составе Золотой Орды. После распада Орды, устав от вечных междоусобиц, они осели в горах близ Китайской границы на берегу реки Шилка. Здесь, в немногочисленном крае, они занимались скотоводством, охотой и рыбалкой.

А когда эти земли перешли под юрисдикцию царской России, то покидать эти ставшие уже родными места не стали. Долгое совместное проживание с декабристами помогло в решении принять молодую Советскую власть.

Тугай, когда понадобилось, одним из первых встал на защиту Народной власти.

Сначала мы с Тугаем воевали в партизанском отряде. В рядах Красной Армии мы дошли до Владивостока. Выбив из города американские, английские и японские отряды, стали проверять каждый дом в городе. Много мы еще выловили разной нечисти.

Однажды, войдя в один из домов, в котором в то время размещалась редакция «Приморских ведомостей», мы не нашли там никого, кроме сторожа, и решили немного задержаться, чтобы согреться. Развалившись в кресле, я, от нечего делать, стал просматривать последние выпуски газет.

Меня интересовало, что там за рубежом думают о нашей Революции. В одной из газет в рубрике мировые сенсации я наткнулся на заметку. В заметке говорилось, что ученые-археологи, ведя раскопки в Египте, под фундаментом какого-то строения нашли усыпальницу. В ней кроме саркофага находилось пять тысяч артефактов. В саркофаге находилась мумия взрослого человека с двумя маленькими. Маленькие мумии принадлежали, скорее всего, грудничкам. В первое время ученые думали, что это женщина с детьми, но вскоре расшифровали надписи на самом саркофаге, а также на стенах самой усыпальницы, пришли к выводу, что это мумия принадлежит фараону.

Мумия принадлежала Тутанхамону, Ученые даже выяснили возраст умершего, он не превышал двадцати лет. Что касается детских мумий, то ученые затруднялись сказать, кому они принадлежали. Ученые считают, что фараона по какой-то причине хоронили тайно. И

только благодаря тому, что гробница была никому неизвестна, над ней и было построено какое-то сооружение. А уже благодаря этой постройке, сохранилась гробница до наших времен, и не была разграблена мародерами.

— Я тоже что-то слышал о такой находке, и даже припоминаю имя Тутанхамона, — согласился с Егором Петр Ильич.

— Ну, вот, и я тогда сопоставил эти данные с тем, что я слышал в доме Тугая, то был потрясен. Ведь до этого момента я скептически относился ко всем этим рассказам о фараонах. Но, получив в газете подтверждение, я понял, что эти люди действительно очень много знают о своем происхождении. Посуди сам, ведь пока не появилась эта заметка, никто ведь и не знал о существовании Тутанхамона, а у нас в деревне тем более. Узнав такие подробности, я понял, что Тугай действительно ведет свою родословную от фараонов.

Вот поэтому, Тугай решил больше жениться и закончить проклятие на себе.

Я, конечно, не одобряю такое решение, но как только представляю, какое количество людей погибло за эти три тысячи лет, то волосы встают дыбом на голове. Вот Тугай и надеется, что если не будет у него прямых наследников, то проклятие умрет вместе с ним. И я в душе поддерживаю это решение.

— Вот оно в чем дело, — задумчиво произнес Петр Ильич. — А я часто думал сам себе почему Тугай не женится. С войны пришел он еще не старым, можно сказать в полном расцвете сил. У нас тут пол деревни вдов осталось, вполне мог себе любую из них взять. А как ему было тяжело, когда у него появился Антошка? А оно видишь, как получается.

— Мы сколько с Наташей уговаривали, а он наотрез отказывается:

«— Не хочу, — говорит, — больше родных хоронить. Устал я от смертей, надо спокойно немного пожить».

— Конечно, было бы намного проще, если бы он жил рядом в деревне. А так, мы с Натальей хоть и стараемся помогать ему, но ведь туда на хутор не набегаешь. А он, ты ведь знаешь какой, никогда не пожалуется. А тут еще как назло горе такое.

— Ты сейчас оттуда? Как там Антошка?

— Да был. Кое-что отвез, Наталья просила медикаменты и прочее.

— Ну и как там?

— Наташа сказала, что еще ничего не ясно. Она сейчас колет ему обезболивающие и снотворное. Говорит, пусть как можно дольше пробудет в бессознательном состоянии. Организму будет легче справиться с полученными травмами. У него ведь вдобавок и сильнейшее сотрясение мозга. Для Антона сейчас главное покой. Сон и покой в его положении — это самое главное лекарство.

— Да, досталось парнишке, не позавидуешь.

— Действительно досталось, а, сколько еще впереди, одному только богу известно. И кто бы мог подумать, что ребенку в тринадцать лет придется испытать столько горя и бед. И вот что самое интересное, у меня складывается такое впечатление, что за этим ребенком смерть идет по пятам, но всякий раз отступает, как будто дает ему шанс на жизнь.

— Подожди, Егор Силантьевич, я, что-то не пойму, по твоим словам, можно подумать, что это не первый раз с ним происходит. Почему я об этом ничего не знаю?

— Да я об этом и говорю, что слишком часто в столь юном возрасте он подвергается опасности, а главное, что с самого своего рождения.

Егор рассказал, как погибли родители Антона, как попал он в семью Савельевых, как его пытались братья Савельевы утопить и, наконец, как он попал к Тугаю.

Петр Ильич слушал, не перебивая, а когда Егор закончил с удивлением сказал:

— Ну, ты, Егор Силантьевич, своим рассказом совсем меня добил. Мне на моем веку такого еще слышать не доводилось, и, дай бог, чтобы и не довелось.

— Но, тем не менее, это так. Я ведь долго занимался поисками родных Антошки, а когда услышал, просто не поверил. Потом взял отпуск и специально поехал по тем местам. Свидетелей оказалось достаточно, чтобы я убедился в правдивости рассказа. И теперь могу тебя заверить, что все мои слова от первого до последнего чистая правда.

— А как Тугай к этому отнесся?

— Он еще ничего не знает. Помнишь, когда мы выловили Антошку из реки? Мы ведь наводили справки везде. Были в областном детском доме, да и я объехал почти все населенные пункты по области. Никто о нем ничего не знал. А в детском доме ведь выдали справку на опеку. А теперь тем более ничего не изменишь.

— Ну, а Тугаю, почему ничего не сказал?

— Не успел еще. А теперь такое случилось, придется позже рассказать.

— Ты, что же, сам об этом недавно узнал?

— Да, буквально на днях. Помнишь, в первых числах декабря ты ездил в область, а я увязался за тобой?

— Конечно, помню, тогда вся область отчитывалась по итогам сдачи зерна и закладке семян.

— Вот тогда в обкоме я встретил Дементьева Сергея, ты должен знать его. Он у нас года три, наверное, был уполномоченным на время уборочной.

— Как не помнить, помню. Хороший человек, порядочный, и знающий специалист.

— Вот с ним мы и встретились в столовой за обедом. Он мне рассказал одну историю.

Этой осенью он был командирован уполномоченным на два колхоза сразу. Ты знаешь эти колхозы, это Привольное и Возвышенка, правда, находятся они у черта на куличках. Так вот, собрались они с председателем поехать в поле в одну из бригад. В это время в деревне хоронили одну старушку. Вот Говоров Петр Сергеевич предложил ему заехать на кладбище, чтобы сказать пару слов от имени областного центра.

Старушка была уважаемым человеком в деревне. Она до последних дней трудилась в колхозе. В войну потеряла мужа и трех сыновей. После траурной речи Сергей отошел в сторонку и обратил внимание на одинокую могилку с двумя крестами. Но поразило его не то, что могила была чуть в стороне от других, а надпись на могиле «Муж Максим и жена Рада». Это немного озадачило его.

По дороге в бригаду Сергей спросил председателя, в чем кроется секрет этой могилы. Председатель рассказал ему о трагедии, случившейся рядом с их колхозом. Сергей, конечно, не придал этой истории особенного значения и вскоре забыл о ней, мало ли, что могло случиться в те лихие времена. Но, побывав в Привольном он вспомнил эту историю и поинтересовался у председателя о судьбе ребенка. Тот в свою очередь посоветовал спросить бывшего председателя. Сергей заинтригованный выбрал все же время и посетил старого пенсионера.

Вот Макушев и рассказал ему все, что случилось с этой семьей. Я, конечно, поверил Демьянцеву, да и причины не доверять его словам у меня не было. Но сам про себя решил поехать и самому убедиться во всем. Теперь я могу с уверенностью сказать, что вся эта история напрямую связана с нашим Антошкой.

— Да, Егор Силантьевич, ты тут поведал мне целую детективную историю. Даже не верится, что все это касается людей, которых ты хорошо знаешь очень много лет.

— Ничего удивительного нет. Порой, встречая своих близких, начинаешь с ними общаться и узнаешь все новые и новые факты их биографии.

Гришка потянулся за графином с водой. Его мучила нестерпимая жажда после вчерашней попойки. Все эти разговоры, казавшиеся ему пустыми, изрядно надоели. Он ждал, когда им надоест, и они отпустят его. В пылающем мозге пульсировала только одна мысль, похмелиться. И вот сидя здесь, вместо стаканчика водки он довольствуется водой из графина. Заметив движение Гришки, Егор обратился к председателю.

— Ты, Петр Ильич, совсем заговорил меня, а я старый дурак разговорился и напрочь забыл, зачем мы здесь собрались. Тебе хорошо, выслушал человека и отдал нужное распоряжение, а мне еще всю деревню обойти надо народ собрать.

— И правда, что-то мы засиделись, а работы по горло. Ну, Григорий, сам-то что думаешь, давай предлагай, а мы послушаем и примем решение.

— Петр Ильич, дядя Егор, поверьте в последний раз, я поеду в район, напишу рапорт на увольнение, потом завербуюсь куда-нибудь на стройку. Сейчас много их по всей стране, выбирай, не хочу. Вот и я уеду отсюда, начну с чистого листа, может еще стану человеком.

— А, что мысль не плохая, как смотришь на это Егор Силантьевич?

— Говорит-то он складно и гладко, вот только будет ли толк из его обещаний. Сейчас поедет, проболтается год-другой и опять вернется — Примите меня сироту несчастную, — мы сжались и примем его обратно. А он разбойник опять за старое возьмется.

— Дядя Егор, все будет, как я сказал, клятвенно обещаю. А чтобы вы не сомневались, Петр Ильич, пусть колхоз выкупит мой родительский дом. Не будет у меня дома, тогда и возвращаться мне некуда будет. Я за него много не прошу, мне бы только на дорогу и так на первое время.

— Как ты думаешь, Егор? По закону мы можем это сделать и взять на баланс, а потом можем выделить, какой-нибудь нуждающейся молодой семье.

— Ты председатель, тебе и решать. Одно могу твердо сказать, что Гришка сюда больше не вернется.

— Почему ты так уверен в этом?

— Потому что я не позволю ему это сделать. А не станет меня, есть еще Тугай, не будет его, значит, мои сыновья сделают это, или внуки. Но точно уверен, что жить здесь он уже не будет. — и обращаясь к Гришке, сказал, — Надеюсь, что ты меня понял и сделаешь все возможное, чтобы не вернуться.

— Я вам клятвенно обещаю, что никогда не появлюсь в этих краях.

— И правильно сделаешь. Еще неизвестно, к каким последствиям может привести это сотрясение у Антошки. Человеческий мозг еще до конца не изучен. А вдруг Антон захочет отомстить тебе, что тогда? Тогда я тебе просто не завидую, если он в тринадцать лет, заметь без оружия, справился с двумя матерыми волками, то что он сделает с тобой. Кстати, я трупы волков завез на склад и сдал сторожу.

Гришка удивленно смотрел на Егора, как будто проверяя его, шутит он или нет.

— Не смотри ты на меня так, я не шучу. Он действительно убил обоих волков, и это, заметь, в тринадцать лет. Я все представляю себя на его месте, и думаю, смог бы я справиться или нет. Думаю, что нет, хотя меня бог силой не обидел, да и боевое самбо мне хорошо знакомо, и я давно уже не ребенок как он, и, тем не менее, уверен почти на сто процентов, что я не устоял бы.

И заметь, как он справился с ребятами. А они ведь старше его на два года, и на голову выше его. И еще, их было шестеро на одного. А что самое интересное, они напали первые на него, а он никого ни разу не ударил. Хотя мог это сделать. Несмотря на его юный возраст, он уже почти в совершенстве владеет боевыми искусствами востока. А против ребят он применил Рус-Бой, есть такой вид борьбы, состоящий на вооружении советских спецподразделений.

Чем хороша эта борьба, это тем, что нужно уходить от удара противника, но только так, чтобы промахнувшись, противник мог нанести удар своему напарнику. Что с успехом Антон и продемонстрировал. Поэтому мы уверены, что Антошка никогда не нападет первым на человека и не причинит ему никаких увечий. Я правильно излагаю, Петр Ильич?

— Так и было. Я, когда узнал про драку, всыпал своему по первое число, да так, что он теперь не скоро будет сидеть на стуле, не скривившись от боли. Ох, и злой я тогда был. Это надо же додуматься напасть в шестерым на мальчишку, хорошо, что он им накостьлял, а если бы это был не Антошка, а кто ни будь другой? Я боюсь даже представить, что могло бы случиться. Я тогда сразу пошел к парторгу, узнав, в чем дело он чуть оглоблю не сломал на своем Вовке. Я его на силу успокоил. Мы с ним сели, открыли бутылочку, чтобы нервы успокоить только выпили по одной, тут и моя прибежала с плохими вестями. Пришлось организовывать поиски. Теперь ты, Григорий, знаешь, в какую неприятную ты попал ситуацию. Теперь думай.

Поклявшись уехать, Григорий ушел и действительно выполнил свое обещание. Он

никогда больше не появлялся в деревне. Никто из деревенских его больше не видел и ничего не слышал. Но в будущем Антон еще не раз почувствует на себе его ядовитую сущность, которая резко изменит его жизнь, а в последствии и будущее.

Вскоре Егор, собрав охотников и прихватив с собой обоих сыновей, уехал охотиться на волков.

Наталье Сергеевне пришлось задержаться в доме Тугая на несколько дней. Только после того, как она убедилась, что опасность миновала, она оставила лекарства и подробные инструкции Тугаю, уехала домой.

Охота затянулась почти на две недели. Охотничьи отряды, сбиваясь с ног, рыскали по горам и лесам, устраивая засады, стараясь не выпустить ни одного зверя. А зверя было так много, что возчики не успевали вывозить трупы волков в приемные пункты заготовки сырья.

В тот год во многих регионах шла настоящая бойня с расплодившимися волками за время войны. Для этого правительство выделило хорошие деньги, и охотники старались сдавать каждого убитого волка в заготконтору. Таким образом, у них был стимул пополнить бюджет семьи. И многие на этом неплохо заработали.

Вернувшись с охоты и немного отоспавшись в тепле, Егор в первую очередь навестил своего друга. Зайдя в дом, он как всегда пророкотал своим громовым голосом:

— Ну вот, я думал, что их за это время снегом занесло, дай, думаю, поеду хоть откопаю, а они, смотри, сидят себе, как ни в чем не бывало, чай распивают. А я в это время из-за проклятых волков в степи всю душу отморозил.

— Ты не греми, — обрадовано вскрикнул Тугай. — Никто тут твоего баса не боится, а вот ушные перепонки у нас могут точно полопаться. Так что, кончай греметь да садись к столу, попей горячего с морозца. Ну и как там охота? — спросил он Егора, наливая ему огромную кружку душистого чая, пока тот раздевался и садился к столу.

— Хорошо поохотились, дошли аж до самого Амура. Зверя набили пропасть сколько, возами вывозили возчики, и не поверишь, порой даже не успевали за нами. Представляешь, сколько их развелось. Последние два-три дня проездили впустую, вот и решили сворачиваться и ехать домой. Да и лошадей надо было пожалеть, вот им бедолагам действительно досталось, последние дни они бедные еле ноги переставляли, так устали. Ну ничего, теперь несколько лет можно жить спокойно, не скоро их численность восстановится, — увидев как ловко, Антон двигается по комнате на костылях, восхищенно добавил: — я смотрю, вы тут тоже времени даром не теряли. Вон Антоха пулей носится по дому, хоть и на костылях.

— То-то и оно, что носится, не сидится ему на одном месте. Несколько дней лежал, а потом не выдержал, стал скакать на одной ноге, пока я не вижу. Делать нечего, пришлось дать ему костыли, а то он и другую ногу сломал бы.

— Да эти чертята на одном месте не усидят, это точно.

— Вот то-то и оно, что не сидится им. А вчера знаешь, что он учудил?

— Откуда мне знать я только, что приехал.

— А ты послушай. Прихожу я вечером домой с работы, а этот чертенок сидит на лавке и здоровой рукой чистит рыбу. Я у него спрашиваю, ты где ее взял, а он мне отвечает: — Ну если не ты ее принес, то она наверное сама пришла, лежу, — говорит, — тихонько на кровати, слышу рыба плещется где-то, встал, посмотрел, а тут пол тазика рыбы стоит у дверей, мне так захотелось свежей рыбки, что я не утерпел, и, дай думаю почищу к твоему приходу, помогу, а ты вернешься и пожаришь ее.

— Так ты что, действительно не приносишь? А откуда же она взялась? — удивился теперь Егор.

— В том то и штука, что ее никто не приносил. Вот посмотри на этого сорванца. Это он, когда я ушел после обеда на работу, оделся и, костыляя, ушел на речку. С раненой рукой, в гипсе на одной ноге спустился вниз к речке, пешней прорубил старую прорубь, наловил рыбы и к моему приходу вернулся домой. Я прихожу, а он спокойно сидит на лавке, и невинными глазами смотрит на меня, а сам в это время чистит рыбу.

— И что ты из этого трагедию закатываешь? Все равно ты его не удержишь на одном месте. Ты ведь не станешь его привязывать к кровати? А ему если будет слишком больно, он и сам ляжет на кровать и будет лежать. Ведь так, Антоха? — подмигнул он Антошке.

— Только вы меня понимаете, дядя Егор, — начал жаловаться шутливо ему Антон, — а дед все твердит мне надо лежать, да надо лежать. Я и так все бока отлежал. Скучно ведь дома одному.

— Ну, раз тебе скучно, то я завтра же зайду в школу и возьму для тебя домашние задания. Будешь самостоятельно готовиться дома, чтобы не отстать от учебы. А то, чего доброго, еще на второй год останешься.

— А я, — добавил Егор, — по выходным буду присылать Мишку, будете вместе готовиться, нечего ему бегать по деревне, воробьев гонять.

Все дружно рассмеялись, и разговор плавно перешел в другое русло. Егор в шутливом тоне рассказал, что когда приехал домой, то от усталости рухнул на кровать, и ему всю ночь снилось, как волки воя и скуля, разбегаются во все стороны от него, а он как не старается, не может в них попасть.

Антон слушал его очень внимательно, а когда наступила пауза в разговоре, смущенно спросил:

— Дядя Егор, а вы можете мне ответить, почему мне не снятся сны. Мне кажется, что я только усну, а уже надо вставать?

— Тебе что, правда, ничего не снится? — с недоверием спросил Егор.

— Правда. Только один раз, и то я не знаю, сон это был, или это наяву со мной случилось я, никак не пойму.

— Что же тебе приснилось такое, что ты понять не можешь?

— Это приснилось мне в тот день, когда я лежал на крыльце, — и Антон рассказал им о том, как его маленького бросили в реку, и как ему было страшно, и как он плыл в темноте на дереве и боялся утонуть.

Выслушав его рассказ, Тугай с Егором переглянулись между собой, но ничего не сказали, каждый, думая о чем-то своем.

— Ну и, что вы молчите, как в рот воды набрали, — не выдержав затянувшейся паузы набросился на них Антон, — объясните мне: сон это или нет?

— А ты, Антоша, хорошо помнишь тот момент, когда лежал на крыльце? — сосредоточенно о чем-то думая, спросил его Егор.

— Я хорошо помню только, когда дрался с волками, — потом, подумав, прокручивая в голове те страшные моменты, добавил, — помню, как полз, потом начал спускаться с кручи и все, ничего не помню. Следующее, что я запомнил так это мой сон и, что самое главное, сон показался мне каким-то настоящим, что ли. Потому что я помню все в подробностях. Потом до меня донесся голос тети Наташи, но уже как-то смутно, вроде как будто издали она тихо-тихо звала меня. Но ее тихий голос перебивал жуткий, страшный вой волков,

такого воя, я еще никогда не слышал. Это все, что я помню. Потом я проснулся уже в доме на кровати.

— Знаешь, Антошка, что я тебе на это скажу, — начал Егор. — Я склонен считать, что это все-таки сон. Пойми, когда, как ты говоришь, лежал на крыльце, и к тебе подбежала тетя Наташа, мы все находились недалеко от дома. По всей округе стояла тишина, и только лед потрескивал на реке от сильного мороза. Я считаю, что это все-таки кошмарный сон, потому что ты сильно ударился головой о камень. Люди в таком состоянии часто бредят, а когда приходят в себя, то думают, им снился сон. Я, конечно, не психолог, но думаю, что это было именно так. Ты вот что, постарайся всю эту чепуху выбросить из головы, и не думай больше об этом. Все будет хорошо, провалится мне на этом месте, если я вру, — закончил он шутливо.

— Ты кончай давать такие клятвы. Нам, что потом, пол за тобой перестилать? — поддержал шутку Тугай, но по его виду можно было догадаться, что ему совсем не до шуток.

Дружно посмеявшись шуткам, перевели разговор в другое русло и стали обсуждать обыденные насущные дела. А вскоре Егор стал собираться домой, ссылаясь на неотложные дела. Тугай попросил его подвезти до кузницы, и, попрощавшись с Антошкой, они вышли из дома. Уже сидя в санях, Тугай спросил Егора.

— Ты что-то мне не договариваешь, друг мой. Это ведь был не сон, а к нему вернулась память, и он вспомнил все, что с ним произошло. Я правильно понимаю?

— Ты правильно думаешь. Это, действительно, к нему вернулась память. Об этих событиях я буквально накануне трагедии узнал, просто рассказать не успел. Тут это с Антошкой случилось, потом охота. Ты извини меня, что не успел сказать, — и Егор пересказал всю историю, случившуюся с Антоном.

— Хорошо. Я думаю, сейчас не время ему об этом знать. Придет время, тогда и расскажем.

— Ты правильно решил. Ему пока рано об этом знать, — попрощавшись, Егор уехал в деревню.

Время шло. Антон к весне полностью оправился. Укусы зажили, срослась и кость на ноге. Глядя на него, Тугай заметил, что он стал набирать немного в весе.

— Антошка, ты так растолстел, что скоро дядю Егора перегонишь.

— Я и сам чувствую, что стал толстеть, видишь, сколько у меня на животе жира появилось, — и он продемонстрировал свой плоский живот.

Тугай, глядя на его тощий живот, от души посмеялся и сквозь смех сказал.

— Ладно, толстячок ты мой, я с завтрашнего дня заставлю тебя похудеть. С утра приступаем к серьезным занятиям по боевым единоборствам. Пора тебя основательно готовить к взрослой жизни. И запомни, с завтрашнего дня, я буду глух к тому, если ты вдруг вздумаешь пожаловаться, что у тебя где-то что-то болит. Конечно, первое время мы уделим больше внимания на технику и теорию. На это, я думаю, нам понадобится не более месяца. Потом переходим к тренировкам в полном контакте, и бить я буду тебя уже не жалеючи. Так что, отвечать тебе придется тем же. Заниматься будем все свободное время. И еще, учить я буду тебя до тех пор, пока не пойму, что ты превосходишь меня. Вот тебе первый урок, миссия учителя считается законченной, только в том случае, если его ученик стал превосходить своего учителя. А что ты станешь лучше меня, я в этом просто уверен.

Так началось серьезное обучение Антона.

С каждым днем Тугай увеличивал физические нагрузки. Конечно, с учетом возраста Антона. И, тем не менее, порой Антон падал без сил, ему казалось, что он уже не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Но, закончив занятия, они шли в жарко натопленную баню и парились до изнеможения. Затем, отдыхая и восстанавливая силы, пили обжигающий чай, настоящий на целебных травах.

Утро начиналось с усиленной зарядки, с обливанием холодной водой, потом уход за скотом, завтрак. После завтрака дедушка уходил на работу, а Антон брал свои учебники и, забросив дедушкин карабин на плечо, отправлялся в деревню. В деревне, он заходил к дяде Егору, оставлял там лыжи и карабин и вместе с его внуком Мишкой шли в школу.

После нападения волков, Тугай категорически запретил Антону выходить одному без карабина из дома. Вскоре в деревне все привыкли видеть его с оружием и отнеслись к этому с пониманием, помня случившееся с ним. Даже новый участковый, присланный из района, узнав, в чем суть, не запрещал ему носить оружие, но предупредил, чтобы оружие в пределах населенного пункта всегда было разряженным.

В деревне, да еще в такой глуши, оружие имелось в каждом доме не по одному стволу, и участковый знал об этом. И также знал, что оружие, это в такой глуши не блажь, а скорее суровая необходимость. Здесь даже дети свободно могли обращаться с оружием. Люди с самого детства приучены к этому и прекрасно отдают себе отчет в том, что оружие — это не игрушка. Иногда правда наезжала группа милиционеров с проверкой, по изъятию незаконного оружия, но люди каким-то неведомым образом узнавали об этом раньше, наверное, самой комиссии и, лишнее оружие надежно пряталось. Оставалось только гладкоствольное, на которое имелось разрешение.

Шло время, постепенно жизнь в сельской местности стала налаживаться. Ушло в прошлое голодное послевоенное время.

Вскоре у Антона появился велосипед. Ему стало гораздо проще добираться по утрам в деревню. Отпала необходимость носить с собой тяжелый карабин. Да и времени на дорогу уходило в несколько раз меньше.

Тугай был доволен внуком, к семнадцати годам Антон заметно вырос, стал сильным и ловким. Его мгновенная реакция не раз ставила Тугая в тупик. Видя, что ученик порой стал превосходить его, Тугай решил обучить Антона бесконтактному бою, который основывался на выбросе аккумулирующей сознанием энергии, от удара которой не подготовленный противник мог получить сильнейшие повреждения внутренних органов, и в последствии привести к смерти.

Продолжая заниматься, Тугай стал замечать, что Антон как бы предугадывает его удары и легко от них уходит. Тугай решил проверить это. Во время спарринга он решил перехитрить его, задумал произвести один удар, а сам нанес удар с другой стороны, Антон хоть и блокировал его, но с большим трудом.

— Ты что же, разбойник, читаешь мои мысли, и заранее знаешь, куда я буду бить?

— Дед ну я же не виноват, что когда сосредоточусь, то слышу у себя в голове твой голос, — и, рассмеявшись во весь голос добавил. — Дедушка, а знаешь, какие вы смешные с дядей Егором, когда, отойдя в сторону чтобы я не услышал, шепчетесь. Я тогда назло вам

сосредоточусь и слышу даже на расстоянии, о чем вы говорите.

Тугай был поражен услышанным, и это еще мягко сказано. Антону вдруг показалось, что дед встал в ступор, будто получил сильный удар по голове.

— Дед, успокойся ты, со мной все в порядке, я не сумасшедший.

— И давно у тебя это началось? — немного придя в себя, спросил он.

— После того как меня покусали волки, ну не совсем, конечно, тогда, где-то, наверное, через полгода. Я стал вдруг замечать, что когда я сильно захочу, то в голове моей начинают звучать голоса. Я сначала подумал, что это последствия сильного удара о камень, и что вскоре все пройдет, но оно не проходило, и я стал понимать, что могу читать чужие мысли. Я однажды пытался с тобой поговорить об этом, но нам кто-то помешал. Потом как-то забылось. Я ведь редко пользуюсь этим, так иногда на уроке, когда не знаю ответа, то стараюсь заговорить учителя так, чтобы он сам подумал об ответе, а я потом просто повторяю за ним ответ. Не ругайся, дед, этим я пользуюсь только в исключительных случаях, и знаешь, дед, это не так уж и приятно, слушать чужие мысли.

— Это, конечно, хорошо, но вот то, что ты пользуешься мыслями учителя, это не хорошо. Надо самому учиться, и получать знания, надеясь только на свою голову, и не надеяться на голову учителя. Я ведь тебе уже как-то говорил, что учителю не обязателен твой ответ на заданный им вопрос, просто он должен быть уверенным, что в голове твоей найдется всегда правильный ответ. Во взрослой жизни придется тебе самому отвечать на сложные вопросы, а ведь учителя рядом может и не оказаться, что тогда делать?

— Хорошо, дедушка, я урок понял, обещаю, такого больше не повторится.

— Будем надеяться, что это так. Но, тем не менее, дар твой нужно развивать, а я тебе буду помогать в этом.

— Дед, а откуда эта напасть на меня свалилась?

— Скорее всего, это последствия травмы. Бывает, что у некоторых людей после тяжелой травмы, связанной с риском для жизни, человеческий мозг может включить дополнительный ресурс. Результатом этого могут быть разные возможности человеческого организма. И это, как говорят, дар божий. Его нужно развивать, если не воспользоваться им, то со временем он может просто пропасть.

— А какие, к примеру, могут быть способности?

— Разные, одни могут предсказывать будущее, такие как американский провидец Кейси, или рассказать человеку о его прошлом, этим часто пользуются шарлатаны. Хорошо, когда человеку выпадает возможность лечить людей. А вообще, человеческий мозг — это кладовая сверхвозможностей, только человек за многие тысячелетия утратил возможность правильно использовать свой мозг и физический дух тела. А считается, что человек — это самое совершенное произведение, созданное природой и нашим творцом.

Антон слушал наставления дедушки очень внимательно, он прекрасно понимал, что дед хоть и прожил свою жизнь в глухомани, он очень умный и образованный человек. Потому Антон с самого детства впитывал в себя как губка все, сказанное дедом, и никогда не жалел еще об этом. Антон любил по любому вопросу советоваться, зная, что получит самый правильный ответ, поэтому он, немного помявшись для отвода глаз, спросил деда.

— Дедушка, со мной еще кое-что происходит, и это меня больше беспокоит, чем возможность читать чужие мысли. А как это правильно объяснить, я не знаю.

— А ты не торопись. Сосредоточься и расскажи, что тебя беспокоит, какие ощущения при этом испытываешь, важна каждая мелочь, не важно даже какая она. И я тебя уверяю, что

вдвоем мы с тобой запросто разберемся с любой проблемой.

— Понимаешь дед, я в последнее время стал замечать, что у меня вдруг ни с того ни с сего иногда начинает болеть шея в основании головы. Боли бывают разные, иногда болит очень сильно, а иногда так чуть-чуть.

— А как именно проявляются эти боли? И в какой последовательности, или, может, в определенное время? Расскажи подробнее, чтобы я мог понять суть самой болезни.

— Мне кажется, что эти боли вроде как предупреждают меня об опасности. Когда это началось, я не знал, что думать. Они появлялись резко и также резко исчезали. Но однажды, я заметил, когда раскручивал гайки на бороне у тебя в кузнице. У меня вдруг начало болеть основание черепа, я в тот момент сильно напрягся, пытаюсь отвернуть заржавевшую гайку. Я не стал обращать внимание на боль, зная, что она сейчас пройдет. И вдруг ключ срывается, и я сильно поранил руку. Ты должен помнить этот случай.

Тугай, в знак согласия, кивнул головой.

— Но тогда была не сильная боль, а так легкое покалывание. Сильная же боль — это когда очень сильно болит первый шейный позвонок, и сопровождается это сильными покалываниями, складывается впечатление, что в основание шеи втыкают сапожное шило. А была у меня такая боль только один раз. Помнишь, когда мы с тобой охотились в горах, я тогда шел первым, от резкой боли я остановился, и в это время с горы сорвался огромный камень.

— Да, тогда если бы ты не остановился, мы бы с тобой сейчас не обсуждали этот случай.

— И как ты думаешь, что это такое?

— В этом, Антоша, нет ничего страшного, это можно объяснить просто, это так называемое шестое чувство, оно бывает у каждого человека. У одних оно хорошо развито, у других хуже, вдобавок не все этим могут пользоваться, по собственному незнанию или неумению. Так что, не переживай ты по этому случаю, просто прими как должное и продолжай развивать свои возможности, они тебе, ой как, пригодятся в будущем. А дурные мысли выбрось из головы, у тебя сейчас есть о чем подумать, ты ведь в этом году окончишь школу, и тебе надо подумать о том, куда пойдешь учиться. А это, как ты понимаешь, серьезный вопрос, и решение должно быть взвешенным, продуманным и, самое главное, правильным, а теперь пошли обедать, а то я уже начинаю чесать позвоночник через живот.

Антон замолчал. Его усталый взгляд устремился вдаль на широкую гладь моря. Его слушатели, сидели молча, боясь нарушить его мысли и, ждали с нетерпением продолжения рассказа. После затенявшейся паузы, Антон тихо сказал:

— Все, дорогие мои, на сегодня рассказов хватит.

— Папочка, миленький, ну давай дальше, ведь до вечера еще так далеко, — сложив ладошки лодочкой, с мольбой в голосе попросила Лола.

— Доченька, дело не в том, что еще рано, а в том, что у меня такое чувство, что рассказ мы продолжим, ой как, нескоро. Вон поглядите на море, к нам кто-то торопиться, и мне кажется, что это не просто гости, а гонцы и вести они везут не самые радостные. Видите, как они торопятся? Что-то случилось и очень серьезное, так что, давайте ребята сворачивайте наш лагерь, скорее всего нам придется прервать наш отдых. И поторопитесь, минут через двадцать они будут здесь, у нас мало времени.

— А может, это все же кто-нибудь в гости к нам плывет. Вдруг кому-то тоже отдохнуть захотелось, — робко прошептала напуганная Зуре.

— Нет, милая, — не согласился с ней Саша. — Отец никогда не ошибается, его интуиции можно доверять. Видишь, как идет лодка, а какая частота гребков, ясно, что гребут опытные гребцы и очень торопятся. Ничего не поделаешь, пойдете, девчонки, собирать свои вещи. Не будем терять время.

Молодежь торопливо стали разбирать лагерь. Антон и Кари направились к берегу, на ходу обсуждая причину визита столь неожиданных гостей. Что это гонцы, и везут им нехорошие новости, заметил даже Кари, не обладающий таким чутьем как Антон. Даже издали было видно, что лодка идет налегке, а гребцы работают, не жалея ни себя ни своих рук. Гребут ожесточенно, как на спортивных состязаниях.

Вскоре лодка причалила берегу. В лодке находился зять Антона Кидий (муж второй дочери Веры) и двое молодых крепких парней из его рыбацкой бригады. Только взглянув на прибывших, Антон окончательно убедился, что в деревне произошло нечто неординарное. Его зять хоть и старался изо всех сил сохранять спокойствие, все равно у него это плохо получалось. А у остальных так и вовсе читался в глазах неподдельный ужас.

— Что случилось, Кидий? — Антон знал своего зятя как очень спокойного и уравновешенного человека.

Видя, как он пытается справиться с волнением, но у него ничего не получается. Единственное слово из его уст, которое он смог внятно разобрать — это «монстр». Антон подошел к нему, положил свои руки на плечи, и спокойным, уверенным голосом приказал.

— Кидий, ничего не говори, просто смотри в мои глаза и подумай о том, что случилось.

От прикосновения Кидий вдруг успокоился и посмотрел в глаза Антона. Они стояли друг против друга. Со стороны такой разговор выглядел довольно странно. Антон, глядя на зятя, задавал ему уточняющие вопросы, а Кидий не говоря ни слова, как замороженный смотрел тестю в глаза и молчал. Через несколько минут Антон тихонько похлопал зятя по плечу, сказав:

— Ну, ребята, мне все понятно, теперь прошу вас успокоиться и придти в себя. Уверю вас, пока ничего страшного нет. Найдем мы способ справиться с этой бедой.

— Антон, а что случилось? — спросил Кари.

— Случилось, друзья мои, вот что. На соседнем острове Китака появился Мостидон. По рассказам беженцев, он, оказывается, уже целую неделю гуляет по их острову, а это немного немало семьсот километров в диаметре. Он успел уничтожить все на своем пути. Наши люди заметили его уже переходящим пролив. Теперь этот монстр гуляет по нашему острову. Дио предупреждает нас, что если вдруг ночь выдастся очень прохладной, то этот зверь к полуночи будет у нас в деревне. Он уже начал эвакуацию людей в дальние пещеры, и разослав гонцов по всем деревням, а меня завет помочь ему с приготовлением взрывчатки для охоты на этого зверя. Вы что так испугались? — обратился к детям, глядя на их испуганные лица. — Не надо так бояться, вот опасаться нужно, он ведь очень огромный, да к тому же практически неуязвим. Но ничего, справимся и с ним. Сделал же я с таким как он уже один раз злую шутку сорок лет назад. Справимся и с этим. Не забывайте, что вы живете в панцире одного из них. А ведь я собственными руками убил его. В назидание его собратьям построил из его панциря прекрасный дом, и ничего, уже сорок лет живем в нем припеваючи.

Антон отошел немного в сторону и, присев на камень, задумался о предстоящей охоте. Остальные, стараясь не мешать ему, тихо обсуждали сложившуюся ситуацию.

— Лола, Зуре, у нас осталось, что-нибудь от завтрака?

— Да папа.

— Хорошо, тогда накормите ребят, они в этом нуждаются

Ребята начали было отказываться, но Антон, строго глядя на них, сказал:

— Значит так, перечить не советую. У нас очень мало времени, поэтому даю вам тридцать минут на то, чтобы поесть и отдохнуть после утомительной дороги. Зуре, тебе нельзя поднимать тяжелое, иди лучше поухаживай за ребятами, а вы, ребятки, берите дедушку Кари и, пока мужчины кушают, грузите наши вещи в лодку, через несколько минут мы отходим, так что, поторопитесь с погрузкой. А остальное, перенесите вон в ту пещерку и завалите вход, чтобы звери не растащили. Предвидя ваш вопрос, отвечаю: все вещи тащить домой нет необходимости, все равно через несколько дней мы продолжим наш прерванный отдых.

— Хорошо, папочка, — обрадовалась Лола. — Только, может, мы в другую пещеру перенесем наши вещи, она и ближе к лагерю Да и вход повыше. А то в той пещере такой низкий потолок, что нам придется на четвереньках туда вползать.

— Ну почему у меня родилась такая ленивая дочь. А ты знаешь доченька, что ленивый все делает дважды.

— Ты не прав, папа, я не ленивая, а расчетливая, сам посуди, та пещера гораздо ближе и, конечно, намного выше, мы быстрее справимся.

— Я и не сомневаюсь, что вы справитесь быстро, но ты забываешь одну мелочь, вещи до нашего прихода должны остаться в целости и сохранности.

— Так они и будут в целости, мы ведь вход закроем.

— Правильно сделаешь, что закроешь. А теперь подумай, сколько тебе понадобится камней, чтобы завалить такой огромный вход, тебе на это минимум трое суток понадобится.

Лола посмотрела то на одну пещеру, потом на другую, рассмеявшись, крикнула:

— Папочка, не обижайся на свою глупую дочь, я урок усвоила и бегу работать.

Все занялись неотложными делами. Оставшись один, Антон прохаживался вдоль берега, обдумывая план действий. Жаль, на подготовку слишком мало времени. Монстра нельзя упускать далеко. К тому же нет уверенности в том, что монстр сейчас на поверхности один.

И даже если этого упустить, то максимум через год на поверхности планеты не останется ни одного живого существа.

Тряхнув головой, Антон отогнал печальные мысли и крикнул сыну:

— Саша, одну палатку оставь, она нам еще пригодится, — и, увидев, что мужчины покончили с едой, обратился к ним.

— Ребята, времени у нас на раскачку нет, поэтому слушайте внимательно. На пустяки время не тратьте, что не понятно спрашивайте, буду подробно объяснять, — все закивали в знак согласия. — Тогда продолжим. Сейчас перед нами стоит такая задача. Я, дедушка Кари, Зуре и Лола плывем в деревню, вы четверо остаетесь здесь. Киди, ты остаешься за старшего. Ваша задача сделать из палатки носилки и подняться вон на ту гору, — Антон показал направление рукой, — видите на склоне несколько пещер? В центральной, самой большой, в глубине вы найдете руду, Киди знает, как она выглядит. Ее нужно набрать, как можно больше, для ее транспортировки вам и понадобятся носилки. И еще, там же в глубине, когда углубитесь еще дальше, найдете серу, выглядит она в виде сталактитов. Ее нужно не так много, как руды, но все же килограммов пятьдесят понадобится. Для этого мы оставляем вам свою большую лодку, а сами забираем вашу. Это понятно?

— Да, отец, понятно, — за всех ответил Киди.

— Хорошо, с этим разобрались. Теперь дальше. Я не стану вам говорить о том, что вам досталась очень тяжелая работа. Вы и сами это понимаете, но заменить в данный момент вас некому. Поэтому я очень на вас рассчитываю. И знайте, что от того, как вы справитесь с ней, и в какой срок, зависит не только ваша жизнь, но и жизнь всего нашего народа. А теперь я вам скажу для чего мне нужна руда, да еще в таком количестве. Дело в том, что из этой руды я сделаю большую бомбу. С помощью этой бомбы мы убьем монстра. А вот если мы не успеем ее сделать, то грош нам цена, тогда монстр убьет нас всех. Теперь, Киди, что касается самой руды. Постарайся руду и серу не смешивать, лучше возьми еще одну палатку и раздели сырье. Это нужно для того, чтобы избежать несчастного случая. Ты понял меня?

— Да, отец, я сделаю все, как ты говоришь. Руду я заверну отдельно от серы, не беспокойся. У меня еще есть вопрос, каким временем мы располагаем?

— Ребята, поймите меня правильно, времени у вас почти нет. Я понимаю, что возложил на вас очень тяжелое бремя, но вы должны справиться, и крайний срок — это сумерки. Поймите меня правильно, из руды мы должны еще выделить взрывчатое вещество, а на это нужно тоже время, а его как вы понимаете, у нас и нет. А теперь, ребята, можете идти, а ты, Киди, задержись на минутку.

Прихватив с собой лопату и палатки, ребята ушли в горы.

— Киди, я оставил тебя, чтобы предупредить, смотри, с рудой здесь очень просто, копаете, а двое спускают ее вниз. А вот с серой будьте особенно осторожны, не позволяй ребятам находиться в забое более пяти минут, это очень опасно, можно потерять сознание и задохнуться от испарений.

Антон еще раз объяснил ему, сколько нужно сырья, как оно выглядит и как его лучше добывать. После чего Киди распрощался и побежал догонять свою бригаду.

Увидев, что Антон остался один, к нему подошел Кари.

— Антон, может, я останусь с ребятами? Лишняя пара рук им не помешает.

— Ну и хитрец ты, сват, так и норовишь от работы отлынить. А ты подумал, кто в лодке грести будет, из меня, как ты видишь, гребец еще никудышный, Зуре в положении, ей категорически нельзя напрягаться, а для одной Лолы эта работа не по силам. Так что,

дружок мой милый, придется тебе попотеть немного на веслах в паре с Лолой. А мы с Зуре будем вас подгонять, чтобы не отлынивали. Теперь ты понял, какие великие свершения тебя ожидают?

Кари сначала смутился, но потом заметил, что молодежь стоит у него за спиной и посмеиваются. Приняв эту шутку, он набросился на ребят.

— Ну, а вы чего здесь стоите, трамбуете зря песок ногами, вы должны давно сидеть в лодке, а не дожидаться особого на то приглашения.

Ребята, поддерживая Зуре под руку, со смехом и шутками побежали к лодке.

— Антон, меня беспокоит мысль, что Мостидон появится раньше, чем мы его ожидаем. Насколько я понимаю, он появляется один раз в двести лет. Так, по крайней мере, глоссит придание. А этот появился уже второй на моем веку, и это меня больше всего настораживает.

— Да, друг мой, и меня это беспокоит, всего-то прошло сорок лет как мы убили его предшественника, и гляди ты, вновь появилось это чудо. Я даже не знаю, что тебе на это сказать.

— Откуда они только берутся на нашу голову, — бормотал тихонько Кари. — Я за свою жизнь много слышал легенд и преданий, но ни в одной не указано конкретно, откуда они берутся. У меня складывается впечатление, что эти гады спускаются к нам с небес. Вроде как проклятье божье.

Антон долго молчал, но потом, уже сидя в лодке, устало сказал:

— В том, откуда они берутся, нет ничего загадочного. Я вам расскажу, друзья мои, но об этом прошу вас не распространяться. Не думаю, что, выслушав вас, верующие скажут вам спасибо.

— Почему, папа?

— Видишь ли, детка, то, что я вам сейчас расскажу, я сам когда-то услышал и не сразу поверил. Я хорошо знал человека, который мне это рассказал, и не доверять его словам у меня нет причин. А то, что это правда, я смог убедиться в тот день, когда первый раз увидел монстра. Мой друг подробно, как мог, описал мне его. И только благодаря информации, полученной когда-то от него, я смог победить зверя. А вот почему народ не должен знать о нем, и откуда он приходит, я вам так скажу: мне не хочется лишний раз беспокоить людей. Я не хочу, чтобы среди людей поселилась паника. А она обязательно будет, если люди будут знать, что это чудовище в действительности живет вместе с нами. Пусть люди, как и раньше, думают, что это просто кара господняя, насылаемая на них. Хватит с наших людей и этих потрясений.

К тому же, наша Юнона делает только первые шаги навстречу цивилизации. Я со своей стороны делаю все зависящее от меня для развития, но поймите меня правильно, любая цивилизация должна развиваться плавно, без лишних скачков. Тот запас знаний, которым я обладаю нельзя применить здесь и прямо сейчас. Это не приведет ни к чему хорошему, а навредить может очень сильно. Люди должны развиваться постепенно, одно поколение другим.

Приведу пример из собственного опыта. Я на нашей планете получил очень хорошее образование. По специальности я бывший военный спецподразделения. Обучали нас очень многому, в том числе и психологии. Специалисты моего уровня психологически готовы к любым ситуациям, но поверьте мне, когда я встретился со своим другом, я узнавал каждый день большое количество информации, о которой даже и не подозревал. И, наверное, мой

мозг не выдержал бы, такой нагрузки, но мой друг хорошо поработал над этим. Я постепенно пришел в себя и вот сейчас сижу перед вами.

А теперь представьте, что все это произойдет с не подготовленным человеком. Уверен, это не приведет ни к чему хорошему. Общество не примет этого, начнется хаос, а вследствие него и революция. Результатом ее будет разрушение созданного человеком, потом начнутся войны, появятся новые религиозные течения, и постепенно народ деградирует, и все вернется на круги своя. Люди истребят себе подобных, а оставшиеся вновь начнут бегать с дубинками по пещерам.

— Ты, Антон, прав, — задумчиво сказал Кари. — Мы, действительно, до твоего появления жили как самые отсталые племена. Трудно нам было, а с твоим появлением многое у нас изменилось. Благодаря тебе у нас прекратились междоусобные войны, и наконец наступил мир. Ты научил делать людей большие корабли, и они теперь без опаски могут плавать по всей планете, торговать с кем захотят. Ты приучил нас к спорту, и благодаря ему нас связывает мир и дружба. Ты привел в порядок нашу письменность и разработал программы для обучения наших детей. На твоих программах выросло уже не одно поколение учеников. Теперь уже ученики твои учат своих детей, а некоторые и внуков. Теперь твои ученики разрабатывают свои программы, строят новые станки и приспособления. Это уже они в больших количествах стали добывать железную руду и научились без тяжелых физических затрат выплавлять много металла. Ты нас научил изготавливать паровые машины. А сколько еще у нас дел впереди. И ты правильно поступал, внедряя все это постепенно, главным образом опираясь на образование. Только образованному человеку подвластно понять неизведанное.

— Кари, не вводи меня в краску, а то я после такой похвалы совсем зазнаюсь.

— Ничего, тебе это не грозит. Ты все-таки расскажи нам, откуда все же берутся эти монстры?

— Незадолго перед тем, как я прилетел на Юнону, мой друг ознакомил меня в общих чертах с развитием этой планеты. Я уже внутренне был готов к встрече с обитателями планеты, в том числе и с появлением монстра.

В свое время мой друг уже побывал у вас на планете. Он в роли пилота сопровождал сюда исследовательскую экспедицию, которая занималась полным исследованием планеты для последующего переселения сюда других народов. К каким выводам пришли ученые он, конечно, не знал, или не стал мне говорить, этого я не знаю. Но зато он мне рассказал об обитателях этой планеты.

На Юноне кроме нас обитает еще одна разумная раса людей. Они более разумны, с сильно развитым интеллектом и технологиями. Представьте себе, что их жизненный цикл растянут до ста тысяч лет, а у некоторых особей и того больше. Правда, они растут очень медленно, но зато в зрелом возрасте достигают пятидесяти метров в росте.

— Но кто эти огромные люди, и почему мы их никогда не видели? — засомневался Кари.

— А вы их никогда и не увидите на поверхности земли. Они живут в недрах ее. На поверхности они просто не выживут, для таких огромных созданий требуется очень большое количество кислорода. Поэтому они имеют очень развитую технологию, которая позволяет им добывать необходимый кислород с поверхности земли, а также из морской воды. Для строительства жилья и огромных подземных переходов они используют огромных биологических роботов, которых мы называем монстрами.

— А кто эти люди, и почему они выпускают своих монстров на поверхность? — со страхом спросила Зуре.

— Дело в том, мои дорогие, что это одна из древнейших рас. Они расселены по разным уголкам вселенной. Когда-то они жили и на моей родине. У нас на планете их называли Асуры. Это очень древняя цивилизация и берет она свое начало еще с сотворения мира, как пошутил когда-то мой друг. Но не в этом дело, а в том, что существует еще множество различных цивилизаций, будем так их называть.

Есть одна цивилизация, которая называется Веды. Вот из этой расы и происходил мой друг и напарник. Цивилизация Ведав — это по своей сути довольно мирные люди. Основной их деятельностью является изучение других миров и планет. Но они довольно развиты в военном потенциале и могут постоять за себя. И, как я уже говорил, в космосе есть разные представители человечества.

Есть среди них такая раса как Унеры. Вот между Унерами и Асурами ведется нескончаемая война. Она продолжается уже на протяжении миллионов лет и, наверное, не закончится никогда.

Унеры имеют огромный космический флот. Их корабли порой достигают до нескольких сотен километров. Проживают они в разных концах вселенной, но, тем не менее, умудряются поддерживать контакт между собой. Имея такую связь, и обладая маневренным космическим флотом, они легко находили Асуров и всякий раз старались уничтожить их.

Асуры, конечно, сопротивлялись, но дело в том, что их флот, оказался не таким мощным. Поэтому они стали прятаться на планетах с меньшим составом кислорода. Но им для жизни пришлось уйти вглубь планет, чтобы там создавать возможность для жизни, повышая состав кислорода.

Но многие продолжают селиться на планетах с насыщенной кислородом атмосферой. Их-то чаще всего и выслеживают Унеры. А вот когда они их выслеживают, то на планете, как правило, происходят катастрофы. От их сражений гибнет порой не только вся фауна, но и флора. Планеты зачастую становятся необитаемыми.

— Папа, я их стала просто ненавидеть, за то, что из-за них страдают другие люди. И вообще, зачем им нужно столько много кислорода?

— Дело в том, что на таких планетах как наша, насыщенность кислорода составляет всего одну атмосферу, а для их роста и массы тела нужно, как минимум, восемь или десять атмосфер. Говоря простым языком, они просто задохнутся. Им нечем будет дышать. Когда-то в далекие времена и на Юноне Асуры жили на поверхности планеты. И этому есть подтверждения. Ты, Кари, когда-нибудь поднимался на самое высокое плато, которое находится на востоке нашего материка?

— Да, будучи молодым я в поисках жены побывал в тех краях. Поднимался я и на плато. Там в центре я увидел большое озеро, которое было ограждено огромной каменной стеной. Сложена она из таких огромных камней, что, наверное, и несколькими тысячам человек не поднять их. Когда я там был, то большая часть ее была разрушена. Иначе я так и не догадался бы, что это стена. Ведь заглянуть через нее, человек не смог бы, все-таки метров тридцать будет в высоту, а может и больше, я ее не мерил. Я так до сих пор не понял, кто ее строил и для чего. А то что это построено руками человека, сомневаться не приходится. Не может природа так плотно и точно подгонять такие огромные камни друг к другу, здесь необходим очень точный расчет. К тому же, уж больно камни похожи, как по составу гранита, так и по размеру.

— Ты прав, Кари, это действительно постройка ручной работы, но ты должен был заметить огромное скопление камней и у подножия плато. Так вот, стена — это только фундамент огромного храма, построенного Асурами. Скорее всего, многое пришлось пережить нашей Юноне. Со временем под влиянием природы храм разрушился, и осталась только часть фундамента.

— Что же послужило причиной такой ужасной катастрофе? — спросила Лола.

— А причиной, я думаю, стала ядерная война между Асурами и Унерами. В результате началась ядерная зима. Которая продлилась несколько десятков лет. Потом пришло потепление, льды постепенно растаяли и затопили большую часть нашей планеты. Поэтому у нас вместо суши практически везде океан. А нынешние острова — это и есть самые высокие места уже бывшей Юноны. А то, что на плато сохранились остатки храма, так это говорит о том, что предки строили свои храмы на самых высоких местах. И еще, в результате войны пострадала вся биосфера. Лишившись насыщенности биосферы, оставшиеся в живых Асуры вынуждены были переселиться под землю.

— Антон, ты такие вещи рассказываешь, даже мне не по себе становится, а девочки так вообще, наверное, в шоке.

— Нет, все в порядке. Я вот только не пойму, зачем эти Асуры выпускают на нас монстров?

— Ну, это ясно как божий день. Асуры, таким образом, стараются обезопасить в первую очередь себя, им по большому счету глубоко наплевать на проживающий народ где-то на поверхности.

— Как это им наплевать на людей? — не поняла Зуре.

— Очень просто. Они не заинтересованы в развитой цивилизации народностей, проживающих на поверхности. Для них вместо развитой цивилизации нужен хаос и запустение. Такая планета меньше всего привлекает к себе внимание технологически развитых цивилизаций, в том числе и Унеров. А на такой планете как наша, вряд ли поселятся Унеры. У нас очень мало суши, а только острова, на которых очень трудно, а скорее всего просто невозможно организовать высокоразвитую цивилизацию. Это хорошо понимают Асуры и поэтому стараются помешать по мере возможности развиваться нашему народу. Но и кроме их нас посещали в разные времена и другие народы. Исследуют планету на предмет полезных ископаемых. Рассчитывают затраты на их добычу, и видя, что это сопряжено с большими трудностями и малым количеством нужных им минералов, покидают нас, не причинив нам никакого вреда, в поисках других объектов, а их, поверьте мне, в космосе хватает.

— Антон, а почему ты считаешь, что у нас мало полезных ископаемых?

— А я не говорю, что у нас их нет вовсе. Конечно, есть. Но большая часть их скрыта под толщью воды, и добывать их очень трудно. А то, что можно добыть наверху, это медь, железо, сера и много других минералов, так это имеется в большом количестве и на других планетах, где их гораздо проще добывать. А вот самого главного у нас и нет. Это такие минералы, как золото, серебро, кремний, и другие материалы. А это самый ходовой товар в постройке космических кораблей. Эти минералы не вступают в реакцию с другими и не подвержены коррозии, это самый незаменимый материал для электроники в условиях космоса. Они являются прекрасными электропроводниками.

— Теперь нам кое-что понятно, — за всех сказала Лола. — А вот лично я, сомневаюсь, что Асуры, когда мы убьем всех их монстров, не выйдут на поверхность и не убьют нас.

— Ну, что ты такое говоришь, глупышка. Я ведь уже говорил, что Асуры не могут жить в нашей среде. Мы с ними как те параллельные линии, идем всегда рядом, но никогда не пересекаемся. А насчет монстров можешь не беспокоиться. Закончатся эти, они придумают других, а мы, в свою очередь, будем придумывать, как убивать новых и так до бесконечности. Понимаешь, что не бывает такого, чтобы на придуманную пакость разумным человеком не нашлось соответствующего противоядия. Мы ведь тоже разумные существа, и Асуры это стали понимать, если решились выпустить раньше срока. А вот когда мы убьем и этого, им придется задуматься, стоит ли продолжать войну с нами. Они тоже должны понять, если они будут продолжать терроризировать нас, то со временем, и мы начнем им устраивать пакости.

— Хорошо, хоть успокоил, — пробормотал Кари. — Сначала нагнал на нас такого страха, что, кажется, лучше бы мы и не слышали ничего подобного.

— Вот поэтому я и прошу вас, забудьте все и постарайтесь никому не говорить об этом, даже самым близким. Еще неизвестно, как поведет себя человек, узнав такие подробности. Ну как, обещаете молчать?

— Да, обещаем, — за всех ответила Зуре, — вы только расскажите нам, как собираетесь убить этого зверя.

— Зуре, милая, право, сейчас не время об этом, нам еще предстоит только его убить, а вот как будет он убит, вы тогда сами увидите.

— Как же, с вами мужчинами увидишь, пожалуй, — ехидно заметила Лола, с усилием налегая на весла. — Вы нас и близко туда не подпустите, — и, передразнивая своего старшего брата Дио, сказала, — не женское это дело, или не путайтесь у нас под ногами, или, женщины, ваше дело кухня, вот и ступайте туда, мы не мешаем вам готовить, не мешайте и вы нам.

У Лолы это потрясающе получалось, своими пародиями она часто выводила брата из себя. Особенно ей удавались его жесты и манера держать голову при разговоре.

— Дочь, ты что хочешь уморить и меня своими выходками, так не получится, все равно я считаю, что сейчас не время об этом говорить. Давайте не будем друг друга уговаривать. Есть темы, о которых заранее нельзя говорить.

— Тогда давайте послушаем твой рассказ, прерванный приплывшими ребятами.

— Ну что вы, девочки, не до этого сейчас.

Девчонки не сдавались, раз от них ушла одна тема, они непременно решили послушать другую, еще более занимательную, и стали проявлять настойчивость.

— Нет, — не сдавался Антон.

В разговор вмешался Кари:

— Слушай, сват, ты бы лучше уступил им, я боюсь за нашу безопасность. Ты только посмотри, Лола совершенно перестала грести веслом, и от нетерпения они раскачали лодку, смотри, сколько воды набралось через борт, если это будет продолжаться, то скоро мы все пойдем ко дну.

— У меня что нет никакого выбора?

— Совершенно никакого, прошу тебя только ради нашей безопасности.

Антон долго молчал, глядя куда-то вдаль, молчали и его спутники, понимая, что ему нужно сосредоточиться. В наступившей тишине, слышался только плеск воды, вырывающейся из-под весел, да крики неугомонных чаек.

Вскоре его взгляд остановился на гребцах. Он от души посочувствовал им. Ведь сидеть

на веслах тяжело и двум крепким мужчинам, а здесь приходится грести старику и совсем еще молоденькой девушке. Заметил он также, что они стали медленнее грести, дыхание участилось, что говорило о физической усталости, а грести им предстояло еще не менее получаса.

— Вот что, друзья мои, плыть нам еще далеко, а мысли мои не дают мне сосредоточиться, поэтому я предлагаю отложить наш рассказ до более благоприятного момента. Согласны со мной?

— Согласны, — уныло проворчала Лола, в душе понимая, что отец действительно не сможет сейчас ни о чем говорить, ему нужно думать о другом.

— Вот и прекрасно, а теперь я хочу заменить вас на веслах.

— Ты что, Антон, тебе нельзя еще физические нагрузки.

— А я и не буду грести всю дорогу. Я сменю вас на некоторое время, чтобы вы могли немного восстановить силы. Я ведь вижу, вы очень устали, и если вы сейчас перестанете грести, то нас опять отнесет течением к острову. Так что, прошу без разговоров освободить мне место, мне все равно нужна разминка. Ты ведь сам говорил, что мне полезны физические упражнения.

Гребцы с неохотой, но все же вынуждены были уступить ему место. Антон, устроившись удобнее, налег на весла.

Через пять минут упорного труда почувствовал, наконец, как его мышцы соскучились по физическому труду. Еще сильнее налегая на весла, понял, что организм его восстанавливается, и почувствовал себя еще уверенней. С каждым гребком он отчетливо понимал, что вся задуманная операция закончится успешно.

На берегу Антона уже ждали. После традиционных приветствий и пожеланий долгих лет он всех пригласил в летнюю веранду, уютно расположенную в роскошном саду. На экстренное совещание приехало много старейшин из разных округов. Всех без исключения беспокоила судьба острова и людей, населяющих его.

— Друзья мои, — начал Антон как председатель общего совета. — Рассаживайтесь, будем начинать. Сейчас не до традиционных разговоров. К нам в дом пришла беда, поэтому прошу вас приступить к главному обсуждению вопроса. Как победить врага, и это у нас самый главный и единственный вопрос. Поэтому прошу вас, как можно коротко изложить ваши предложения, я хочу знать, какие предприняты уже действия и, что нужно еще предпринять. И пожалуйста, очень коротко, у нас мало времени.

— Пусть доложит Дио, — выкрикнул один из старейшин, — он у нас в совете самый молодой, и к тому же мы поручили ему возглавить операцию в твоё отсутствие.

— Хорошо. Давай, сынок, докладывай, раз тебе доверяют старейшины, тогда и спрос с тебя.

— Спасибо совету за доверие, — он встал и поклонился, соблюдая этикет. — Дела обстоят так. Мостидон в данный момент находится примерно в сорока километрах от нас.

Развернув походную карту, он показал Антону и всем присутствующим, где, по его мнению, находится Мостидон.

— Мне кажется, да и гонцы подтверждают это, что монстр будет двигаться вдоль побережья, это на данном этапе пока у него более удобный путь. Он, наверное, тоже соображает и в горы не пойдет, поэтому, ему придется обогнуть западный мыс нашего залива. Тогда на его пути окажется первая жертва — это деревня нашего дедушки Кари. До деревни ему осталось всего десять километров. Я, конечно, предпринял меры. Наши ребята

помогают местному населению эвакуироваться. Сейчас в моем распоряжении находятся около тысячи самых крепких парней. Это добровольцы не только наши, но и со всей округи. Большая часть из них сейчас занимается эвакуацией всего населения острова в горы. Там же в пещерах устраивают склады с продовольствием. И так по мелочи, что может понадобиться для короткого проживания в горах. Туда же в горы жители угоняют домашний скот, да их и гнать не приходится, животные сами туда бегут, для нас сейчас главное определить их в одном месте, но разбегаться они не станут, они прекрасно чувствуют беду. Сейчас в деревнях остались практически пустые дома, многие жители забирают с собой даже домашнюю утварь.

— Пусть забирают, это и хорошо, главное, чтобы это не помешало добровольцам в эвакуации людей.

— Все в порядке, отец. Все с пониманием относятся, недовольных нет, насчет этого можно не беспокоиться. Я отдал приказ насильно никого не увозить, но еще никто не отказался от помощи, а многие, у кого есть возможность, уезжают сами, да еще и других прихватывают. В этом я спокоен, думаю ближе к обеду, а может и раньше, весь народ будет в безопасности. Теперь следующее, я отдал распоряжение готовить Троянского коня, как ты меня учил. Плотники им занимаются вплотную, обещали через два часа закончить. Привезли несколько веревок, по триста метров каждая, думаю такой длины будет достаточно. Из общественного стада уже отобраны десять самых крупных быков для наживки. Подготовили самых сильных лошадей, со спокойным нравом. Всадниками на них будут хозяева. Лошади приучены слушаться одного хозяина. Они смогут их удержать на близком расстоянии от монстра.

— Это ты правильно решил, главное, чтобы и люди не побоялись и не струсил в последний момент.

— Для этого ты у нас есть, проведешь инструктаж и поддержишь их своим примером. Ты ведь решил сам стрелять в бомбу, я прав?

— Да, сынок, пока я могу это делать. Вот когда у меня не будет совсем сил, будешь стрелять ты, и так далее.

— Я даже и не сомневался. Теперь следующее. Я послал восемьдесят гонцов, они рассредоточатся и будут дежурить на всем протяжении пути монстра. Мы снабдили их продовольствием и питьевой водой. Теперь мы имеем самые свежие новости о продвижении зверя.

— Это вы здорово придумали с эстафетой. Передовая новости друг другу, они сэберегут не только свои силы, но и лошадей не загонят.

— Я тоже посчитал, что так будет лучше. Силы им понадобятся, ведь некоторым из них придется проделать весь путь, находясь впереди монстра.

— Что он делает сейчас?

— Сейчас он находится в ущелье на берегу моря. Ему, видимо, очень жарко, он подошел почти к самой воде и спит, ближе к вечеру, а может ночью, когда станет прохладнее, он двинется вперед. Ребята докладывают, что эта зверюга намного больше нашего дома. Я предполагаю, что если ночь выпадет прохладной, то это расстояние он покроет максимум часа за три, а может быть и раньше.

— Хорошо, сынок, я одобряю твои действия. Теперь скажи, что ты решил с нашей семьей.

— Папа, я думаю, что нам не надо полностью переезжать, возьмем самое необходимое,

дня на три-четыре, и хватит. Детей и женщин уже отправил горы, там за ними дедушка Диметрий присмотрит. В доме еще осталась мама и кто-то из девчат, но это уже на ее усмотрение, она сказала, покинет дом только тогда, когда ты вернешься. Они сейчас занимаются готовкой обеда. Теперь ты будешь решать, когда им уезжать.

— Ты, сынок, у меня молодец, все правильно сделал. Ты по характеру похож на дедушку Диметрия. Такой же спокойный, рассудительный, все, делаешь вдумчиво и основательно, без всякой суеты. У вас с дедом характеры похожи, не зря наш дед уже больше полувека возглавляет наш род. Так что, теперь я полностью могу на тебя положиться, и уверен, что в любой сложной ситуации ты примешь правильное решение.

После этих слов Дио засмутился и опустил голову. В наступившей тишине кто-то произнес:

— И нам хочется поздравить тебя, Антон, у тебя действительно вырос замечательный сын. Мне кажется, что в скором будущем именно он будет главой совета, а мы постариковски будем подсказывать ему. Но что-то мне внутри подсказывает, что он обойдется и без наших подсказок. Друзья, вы только посмотрите, как он в короткий срок все организовал?

— Друзья мои, я благодарю вас за теплые слова в адрес моего сына. Я также не стану давать вам никаких наставлений, вы и без меня сделали очень много. Вы прекрасно знаете, что работы предстоит предостаточно. Сейчас мы разойдемся, у каждого из нас еще очень много работы, а встретимся после победы над врагом, а что победа будет за нами, я в этом не сомневаюсь.

Постепенно старики стали разъезжаться по своим уздам, каждый должен был проследить за всеми работами.

Антон некоторое время посидел задумчиво, потом спросил:

— А где у меня этот разбойник Рио, почему я его не вижу?

— Я здесь, отец, — отозвался сын.

— А вот ты где, мой юный мореход. Это твой корабль стоит у пристани?

— Да, отец, мой. Мы только утром вернулись с восточного острова.

— Тогда иди, собирай свою команду, опять пойдем туда же, — на немой вопрос сына ответил, — мне доложил Дио, что кто-то из его ребят сказал, что этот зверь намного крупнее нашего. Поэтому я должен сам оценить размеры. Зная примерные размеры, я смогу правильно рассчитать нужный заряд. Теперь понял?

— Вопросов больше нет, — Рио, повернувшись как мальчишка, убежал. Глядя ему в след, Антон подумал, что на острове только Рио не беспокоит надвигающаяся угроза. Повернувшись к Дио, продолжил разговор.

— Дио, ты остаешься распоряжаться здесь. Ты начал готовить эту операцию, тебе и заканчивать. В первую очередь сейчас подбери человек шесть крепких ребят, и на двух лодках отправь на берег, где мы отдыхали, там Киди с ребятами добывают руду для взрывчатки. Им тяжело приходится, пусть помогут. Мне кажется, что наш домашний запас слишком мал для хорошей бомбы.

Дио отправился давать наставления. Антон остался сидеть за столом. Он сидел, положив голову на руки, и казалось, что уснул. Но подошедшая Лола знала, что в такой момент отец спать не будет, поэтому тихо спросила.

— Папа, когда уходим?

— Куда уходим? — очнувшись от своих мыслей, и не поняв вопроса, спросил он.

— Ну как куда, ты ведь только что послал Рио готовить корабль к отплытию. Ты ведь соби́рался плыть на восток, а теперь спрашиваешь, куда.

— Да. Да, сейчас поплывем, — потом вдруг, как будто очнувшись, посмотрел внимательно на дочь, спросил, — а ты куда собралась? Насколько я помню, я тебя не приглашал.

— Да, к вашему сведенью, я тоже плыву с вами, — уперев руки в бока, пропела Зуре.

— Интересно, и кто так решил, даже не согласовав со мной?

— Мы так решили, — хором ответили девушки.

— Значит, это вы так решили. Одна прется неизвестно зачем, и другая вслед за ней, да еще с огромным животом на носу. Это уже перебор, я вам скажу.

— Отец, ну что вы такое говорите, живот да живот. Я и сама знаю, что у меня появился небольшой животик. Но он, заметьте, мне совершенно не мешает. И рожать мне еще не скоро, к тому же, со мной всегда рядом Лолочка.

— А Лолочка, как я понимаю, теперь служит при тебе акушеркой.

— Папочка, — ласково пропела дочь, — ты только посмотри на этот очаровательный животик, — и нежно погладила Зуре по животу, — видишь, как твой внук там пинается недовольно, за то, что дедушка не хочет брать его маму и любимую тетю с собой.

Продолжая гладить живот, она ласково приговаривала:

— Тише ты, мой самый любимый племянничек, расти быстрее, а когда родишься, я тебе все-все расскажу. Расскажу, какой у тебя злой и вредный дедушка, и как он не хотел брать тебя с нами покататься на корабле. Спи, мой маленький, а я тебе буду все рассказывать.

Глядя на эту сценку, он почувствовал, что все у него внутри тает от умиления. Внутренне он понимал, что не сможет отказать. Уж очень сильно он любил эту неразлучную парочку. А те в свою очередь, зная это, просто вили из него веревки. Но, насупив брови, строго сказал:

— Никаких плаваний, не хватало еще родов на корабле.

— Папа, что эти пройдохи от тебя хотят? — спросил подошедший Рио.

— А ты, что не видишь, с нами хотят. А что характерно, и эта пройдоха с животом, тоже требует взять ее с собой.

— Да, отец. Попал ты в передрыгу. Ты ведь знаешь, что этих сорок не переспоришь, себе дорожке выйдешь. Так что соглашайся, пусть плывут. На корабле они будут под присмотром, а это будет одним из условий их поездки, а второе, на корабле они в большей безопасности, чем на земле. К тому же с ними будет дедушка Кари. Он давно уже нарезает круги по пирсу и вряд ли останется на берегу.

— Интересно, откуда Кари узнал, что мы поплывем к заливу?

— Я ему сказал, когда вы только высадились на берег, вот он и не отходит от корабля, боится, наверное, что без него уйдем.

— А ты откуда узнал? Ведь я только сейчас принял такое решение.

— Папа, я ведь твой сын, и хорошо знаю тебя. Ты обязательно захочешь увидеть монстра собственными глазами, прежде чем принять нужное решение. А так как ты не поедешь на лошади, это долго и утомительно сейчас для тебя, я пришел к выводу, что у тебя один выход — плыть на корабле. Вот я ему об этом и сказал и попросил его организовать немного провизии, а то у нас в трюме после последнего плавания скоро крысы с голода начнут вешаться.

Антону было приятно, что у него такие дети, но все же, напустив на себя строгости, он отдал распоряжение:

— Ну, раз вы у меня такие догадливые, тогда пошли к пирсу, не будем терять зря время. А ты, пройдоха, — обратился он к дочери, — беги в дом и предупреди маму, чтобы не волновалась.

Антон проводил взглядом дочь и с задумчивым видом направился к берегу. По дороге к пирсу встретился его четвертый сын.

— Идур, сынок, стой, — остановил его Антон. — Мы сейчас торопимся в залив, ты сделай вот что. Разущи Дио и скажи ему, что до вечера монстр останется на берегу, день обещает быть очень жарким, монстр, скорее всего, будет отдыхать. Пусть Дио направит гонца, надо предупредить наблюдателей, пока зверь отдыхает, пусть отдохнут и они. Ночь предстоит трудная, и силы им понадобятся.

— Хорошо, папа, я сейчас возьму дежурную лошадь, и сам проеду по цепи и лично предупрежу каждого.

— Поступай, как знаешь, только предупреди маму, — потом подумав, добавил, — Идур, постарайся не задерживаться, я не знаю насколько я задержусь, так что придется тебе помогать брату в приготовлении взрывчатки. Я надеюсь, что ребята скоро привезут руду.

— Хорошо, папа, — и повернувшись, побежал к дому.

Антон, глядя ему вслед, в который раз уже за этот день подумал, как быстро летит

время. Дети выросли и стараются делать все самостоятельно. Скоро совсем отстранят его от дела, и это, наверное, так и должно быть.

Дети вырастают, прочно становятся на ноги, сменяя своих родителей. Потом готовят к трудностям жизни своих детей, и так до бесконечности. В этом и заключается жизнь. А старикам не нужно мешать молодым делать свои ошибки в жизни. Нужно вовремя ненавязчиво дать правильный совет, а самим больше времени проводить с внуками, или, как я сейчас, заниматься мемуарами для будущих поколений.

Антон тряхнул головой, чтобы отогнать грустные мысли и подумал: рано мне еще на покой, вот закончим с этим делом, надо заняться обучением Лолы. Пора уже ей показать космический корабль и заняться ее обучением. Только она может заинтересоваться этим. Ребятам навряд ли сейчас это нужно. Вот сделаю это, потом уж займусь внуками. Приняв такое решение, он повернулся и крикнул поджидающему его на пирсе сыну.

— Ну что, Рио, все уже на борту?

— Ждем тебя. Это ты у нас запаздываешь.

— Тогда труби отход.

Рио стал отдавать команды. Матросы работали дружно и слаженно. По крайней мере Антон не замечал ни разногласий, ни суеты. Все их действия были хоть и не совсем быстрыми, но продуманными и четкими. Залюбовавшись их работой, он мысленно похвалил: — с такой командой нигде не пропадешь — подумал он.

Когда отошли от берега, на палубу поднялась Лола.

— Папа, пойдем вниз, мы с Зуре уже приготовили небольшой обед, тебе пора немного подкрепиться, да и мы с самого рассвета еще маковой росинки во рту не держали.

— Ну что же, веди меня вниз, моя заботливая хозяйюшка, — и, обняв ее за плечи, сам повел ее в кают-компанию. Осмотрев стол, заметил:

— Так здесь только на четверых, а как же остальная команда?

— Они все пообедали на берегу у нас дома. Мама их накормила до отвала. Они ведь с рейса голодные вернулись. Ну, а теперь только к вечеру проголодаются.

Обед, как и всегда, прошел шумно и весело, с той лишь разницей, что на этот раз девочки подтрунивали над Кари и не трогали Антона. За это он был благодарен им.

Откинувшись на спинку лавки, он, прикрыв глаза, задумался о предстоявшей охоте на зверя. А подумать было над чем, слишком уж многое зависит от успеха. А то, что это мероприятие опасно, и говорить не приходится. Еще неизвестно, как поведет себя в этой ситуации монстр. Не зря ведь его Асуры выпустили раньше. Скорее всего в программу, если она в нем есть, внесли поправки, по-другому и быть не может.

Нужно подумать, как его перехитрить. Можно попробовать приманить его большим количеством крови, он ведь не до конца робот. И тогда, может быть, у него от обильного запаха крови все же проснется инстинкт животного. Это надо попробовать, должно помочь.

Приняв решение, он почувствовал вокруг себя подозрительную тишину, решив проверить, в чем дело, открыл глаза.

— Что случилось, почему вы молчите?

— Мы думали, что ты спишь, и решили тебя не беспокоить, — за всех ответила Лола.

— Я и не думал спать. Просто мне нужно было немного подумать.

— Ура! — закричала Зуре. — Папа не спит, пусть тогда рассказывает.

— Что рассказывает? — не понял Антон.

— Как что? — уже на перебой загалдели девчонки. — Ты должен рассказать нам, как

убил Мостидонта, из которого потом построил наш дом.

— Да, сват, ты им обещал.

— Вот уж неугомонные сороки, с вами, конечно, все ясно. Но вы гляньте на этого старого лиса, и он туда же, сгорает от любопытства.

Кари проворчал что-то себе под нос и отвернулся, глядя в иллюминатор, как будто это его совсем не касается.

— Папа, ну давай, соглашайся, нам еще долго плыть. За это время ты многое успеешь рассказать. А когда мы поплывем обратно, то не будем тебя беспокоить. Ты хорошо успеешь отдохнуть, мы ведь понимаем, что у тебя будет беспокойная ночь. Мы просчитали, если ты сейчас будешь отдыхать, то на обратном пути уже не сможешь уснуть, и ночью тебе будет тяжело, а так к вечеру выспишься, и ночь будет не такой тяжелой.

— Ладно уж, идите сюда, заботливые вы мои, — он протянул руки к ним, приглашая их к себе.

Девушек дважды уговаривать не пришлось. Весело, со смехом, они в один миг очутились рядом с ним, и обняв его с обеих сторон, прижались к его груди и ласково замурлыкали как котята. Антон, довольный, обнял их еще сильнее, начал.

— Вот что, милые мои, давайте договоримся. Сейчас мы не станем касаться этой темы, потому что каждый раз при упоминании о монстре мои мысли будут сбиваться, и рассказ у меня получится сбивчивым и непонятным. Давайте лучше продолжим наш прерванный утром рассказ. А это оставим на потом. Благо, что у вас хорошая память, и вы не забудете напомнить мне о нем, я в этом уверен. Ну а если, не дай бог, забудете, то наш дедушка Кари обязательно напомнит вам о нем.

— Папуля, мы согласны на все, — за всех ответила Лола, — тебе в данный момент виднее, а мы будем послушные и тихие.

— Хорошо если так. Тогда слушайте.

Детство Антона проходило также, как и у других детей того времени. Они ходили в школу, потом помогали по дому. Ведь в то еще голодное послевоенное время родители большую часть времени проводили на работе, и все домашние заботы зачастую ложились на плечи подростков. Но, тем не менее, находилось время у них и побегать, и в футбол погонять.

Антону в этом плане было чуть похуже, так как времени было мало, а бежать в деревню за пять километров, чтобы погонять в футбол порой не хотелось. И работы у него было больше, чем у деревенских мальчишек. Жили они с дедушкой вдвоем, кроме мужских забот было еще много и женской работы, которую им приходилось выполнять.

Каждое утро они с дедушкой составляли план на день, и каждый знал свои обязанности. Чаще всего они старались женскую работу делать в выходной вместе. В остальные дни, вернувшись со школы, Антон старался быстро выполнить свои обязанности, а если позволяла погода, бежал на реку, чтобы посидеть немного с удочкой. Если не получалось, он оставался дома, и на бумаге проектировал различные приспособления.

У него с возрастом проснулась тяга к изобретательству. Иногда он бежал к деду в кузницу, благо она находилась рядом с домом, и там с усердием воплощал свои проекты в жизнь.

Особенно он зачастил туда после одного случая. У них в деревне не было своего МТС, и каждый раз, чтобы сварить какую-нибудь деталь, приходилось возить ее за несколько километров в соседнее МТС. Вот председатель и выпросил в районе сварочный аппарат и

решил установить его в кузнице. Приехав с аппаратом, он поставил Тугая перед фактом. Мотивируя тем, что ты мол кузнец, и с железом на ты, вот тебе и быть сварщиком. Тугай, конечно воспротивился, но переубедить председателя не мог. Зато председатель пообещал к зиме послать, кого-нибудь из молодежи на курсы.

Вскоре приехал специалист и установил аппарат. Он пробыл в колхозе неделю, обучая Тугая премудростям сварочного дела. Антону было в новинку, и он не отходил от сварщика ни на шаг, требуя повторять и объяснять не понятные термины и действия. Специалист возмущался, но Антошка уговаривал его, мотивируя тем, что дедушка уже пожилой и стесняется спрашивать.

В результате обучения получилось так, что у Антона сварка была намного лучше, чем у деда. Председатель, узнав, что у Тугая, получается плохо, стал просить сварщика еще остаться на неделю. Но тот заупрямился, сказав, что за неделю он и так обучил вместо одного полтора сварщика, и, собрав свои вещи, уехал домой.

После его уезда пришлось теперь учить деда Антону. В роли учителя ему понравилось, и он решил познакомиться с правилами ведения хозяйства. Для этого он пришел в контору и прямо заявил председателю.

— Петр Ильич, я хочу получить первые необходимые азы в руководстве хозяйством.

— Тебе зачем это в столь юном возрасте?

— Ну, как зачем? Вы вот уже в солидном возрасте, возможно, я сменю вас на этой должности. Ведь когда-нибудь и Вы уйдете на пенсию. А я совершенно не знаю, как управлять таким большим колхозом.

Председатель долго и от души смеялся над словами Антона. Потом, став серьезным, сказал.

— Знаешь, Антошка, мне нравится твоя дерзость в стремлении к своей цели. Может случится, что именно ты, станешь вместо меня руководить колхозом. Ну а не получится, в этом не будет большой беды. Я обещаю тебе, что первые навыки в руководстве ты освоишь у меня. Когда хочешь начать?

— Да прямо сейчас можно начинать, если у Вас есть на это время.

— А давай, Антошка, мы поступим по-другому. Я буду заниматься своими делами, а ты все время будешь со мной. Вот и научишься, а что не понятно будет, спросишь, я буду объяснять. Ну, как согласен.

— Согласен.

Так завязалась его дружба с председателем. Теперь всюду рядом с ним находился Антошка. В деревне сначала подшучивали над ними, но потом привыкли и прекратили обращать на это внимания.

Порой кто-нибудь просил Антона напомнить председателю и решить нужный вопрос. Председателю часто приходилось бывать в разъездах, то в город, то в МТС, и всякий раз он брал с собой Антона. В дороге они коротали время в разговорах или обсуждали вопросы, которые требовали решения.

Председатель часто интересовался мнением Антошки и хвалил его, если он давал правильный ответ. А порой получал даже для себя неожиданные решения.

Вскоре Антон перегорел этим и вновь увлекся изобретательством. А председатель еще долго скучал без своего помощника.

Однажды летом Тугай сказал Антону.

— Антошка, этим летом я не смогу помочь тебе в заготовке грибов, много работы, и

выходных у меня, скорее всего, не будет, придется тебе самому этим заняться, дожди прошли хорошие, так что урожай грибов будет отменный.

— Да не переживай ты так, я вполне могу с этим управиться. Ты работай спокойно, а я все сделаю, как надо.

Обычно они с дедом брали плетеные корзины и шли пешком за грибами, наслаждаясь природой и отдыхом. Для них это было счастливым временем. Они забывали на время все, что оставалось дома, все проблемы и невзгоды. Им хорошо было в вдвоем.

Тугай прирожденный был учитель, он много знал о природе и ее обитателях. Рассказывая обо всем, они часто делились своими наблюдениями и даже не замечали, как их корзины наполнялись грибами, и им приходилось возвращаться домой.

На этот раз Антон решил схитрить немножко. Он посчитал, что для похода за грибами одной корзинки будет недостаточно, а два раза бегать на такое длинное расстояние не хотелось. Тогда он решил взять две корзины, и чтобы было не тяжело их носить, решил приспособить для этой цели велосипед. Повесив обе корзины на руль велосипеда, он отправился в дорогу.

Сначала все шло хорошо, пока дорога шла по равнине. Но вскоре ему пришлось подниматься в гору и крутить педали стало тяжело, а оставшуюся часть пути и вообще пришлось идти пешком. Измученный, он вскоре оказался в лесу.

Грибов в лесу, и правда, в этот год оказалось много, спустя пару часов обе корзины оказались полными.

Ехать на велосипеде с горы оказалось так же трудно, как и в гору. Мешали полные корзины, а ведь велосипед приходилось сдерживать, и маневрировать между большими камнями. Поэтому, ведя в руках велосипед, Антон решил переделать его. Вернувшись домой, он этим же вечером сел за чертежи.

Через пару дней упорного труда чертеж был готов. Но претворить задумку оказалось не так-то просто. Сделать все нужно было в отсутствие деда, иначе дед не даст ему испортить оба велосипеда.

Вскоре ему представился такой случай. Дедушку послали в дальнюю бригаду на несколько дней. Он и раньше уезжал, и тогда в отсутствие сварщика и кузнеца за него оставался Антон. Для этого председатель просил директора школы отпустить Антона на несколько дней.

Зная, какая успеваемость у Антона, директор, не беспокоясь за успеваемость, отпускал его, понимая, что тот в свою очередь обязательно нагонит.

Сейчас среди лета, будучи на каникулах, он все дни и так проводил в кузнице, помогая деду. Дождавшись отъезда деда, он уехал в МТС. Там его уже все знали и уважали за то, что он часто помогал им, когда они обращались к нему по кузнечным работам. В МТС он обратился к токарю и фрезеровщику со своей просьбой. Показав чертежи, попросил сделать для него несколько деталей. К вечеру все было готово. Антон счастливый вернулся домой.

На следующий день он приступил к осуществлению своего плана. Через два дня у него все получилось. Из двух велосипедов, своего и дедушкиного, он сделал один, но только трехколесный, с большим прицепным кузовом. И не зря он посещал токаря. Пристроив на ведущую ось несколько шестеренок, у него получился редуктор с передаточными шестернями. Теперь его аппарат мог не только легко передвигаться по равнине, но, если проделать с ним небольшие манипуляции, он так же легко поднимался в гору, но только с

небольшой скоростью.

Это Антона не смущало, зато крутить педали было очень легко. И самое главное, чем особенно был доволен Антон, так это вместительный кузов. Перевозить в нем можно было различные грузы, главное, чтобы не слишком тяжелые, иначе прицеп мог не выдержать.

Вернувшийся Тугай сначала стал ругаться, увидев вместо нормальных велосипедов это произведения, но после уговоров и полученных от него инструкций, согласился испытать чудо технику. Опробовав его в горных условиях, остался доволен.

— Знаешь, Антошка, а ты молодец, здорово получилось. Это чудо техники для таких как я, на нем и педали легко крутить и на подъем он идет нетяжело. Пожалуй, я его себе возьму, это тебе за то, что самовольно мой велосипед угробил. А тебе купим новый. Ну как, согласен?

— Но ты ведь будешь давать мне иногда попользоваться им?

— Конечно. А ты что думал, что теперь только я на нем буду возить грузы?

— Хорошо тогда по рукам. И за это ты сейчас пойдешь со мной на рыбалку, у меня уже и удочки на берегу лежат.

И не дожидаясь согласия деда, он побежал к берегу, на бегу сделав несколько сальто.

После этого случая Антона можно было найти часто на свалке. Это была большая площадка рядом с кузницей, куда свозили всю отслужившую свой срок технику и даже металлолом, который собирали школьники.

Близилась осень. Рядом с кузницей стоял старенький ЗИС. Председатель попросил Антона помочь водителю с ремонтом. Они сняли кузов, который был до того переломан, что с него не только зерно сыпалось, но и бревна не задержались бы. Кузов ремонтировали плотники, работающие на соседней пилораме, а Антон усиленно помогал, чем мог водителю. В один из дней к ним заехал председатель.

— Доброго всем здоровья, добры молодцы. Заехал посмотреть, как у вас движутся дела с ремонтом.

— И тебе не хворать, Петр Ильич. Дело движется помаленьку. Мужики уже кузов закончили, к вечеру ставить начнем. А вот, что касается машины, ты у Степана спроси, это его конь, ему и ответ держать.

Из-под машины, показалась голова Степана. Вытерев руки о ветошь, он поздоровался с председателем и, выбросив окурки, торчавший в уголке рта, грудным голосом сказал:

— Боюсь я, Петр Ильич, что мой конь до финиша не дотянет. Это будет его последний забег. Укатали сивку крутые горки. Пора ему на покой, не дотянет он до конца уборочной.

— Да понимаю я, Степан, что это не машина, а рухлядь на колесах, но я тебя очень прошу, постарайся, чтобы она хотя бы эту осень проходила. Я в районе все пороги отбил, они обещают подкинуть технику, но только зимой. А сейчас вы даже не представляете, как мне нужна каждая единица. У нас в колхозе сложилась такая обстановка, что в пору мешками с поля самим носить.

— А что так? — спросил подошедший Антон.

— Вам ведь не надо объяснять, какой нынче урожай у нас, загляденье да и только, а вывозить его нечем, в районе объясняют, что такое положение во всем районе, и везде нужна техника, а ее не хватает. Как выразился наш уполномоченный из обкома, «задействуйте все скрытые резервы», — коверкая и шепелявя, передразнил его председатель, — как будто у нас этих резервов пруд пруди. Пойди за околицу свисни, и с гор пара дивизий спустится вместе с машинами.

— Да, тяжело нам придется в этом году, — почесывая за ухом, произнес Тугай. — А то, что не хватает техники, это действительно проблема.

— Хм, — хмыкнул Антон, — тоже мне проблема, пустяки, легко решаемые, вот у меня действительно проблемы, — и, повернувшись, пошел в сторону свалки.

— Это что такое? — возмутился Тугай, — А ну стоять на месте.

— Ладно, оставь Тугай, не горячись, он ведь еще мальчишка, что он может знать о наших проблемах.

— Ты, Петр Ильич неправильно меня понял, так что пока помолчи, а я с ним разберусь.

— Антон, стоять! Кругом! Ко мне шагом, марш! — командовал Тугай. — А ну внучек расскажи нам, что ты там имел в виду насчет проблем?

— Ничего особенного я не имел в виду, просто я считаю, что ваши проблемы по сравнению с моими ничто, вот и все.

— Я что-то не совсем тебя понимаю, давай-ка, дружок, поконкретнее.

— Тугай, оставь мальчишку в покое, просто у него свои заботы.

— Ты погоди, Петр Ильич, я ведь вырастил эту хитрую бестию, и лучше тебя его знаю. Он ведь не зря это сказал, просто так с него и слова не вытянешь. Если он заговорил об этом, то, наверное, в его голове что-то созрело, не зря ведь он вложил в свои слова столько сарказма. Он не просто так это говорит. Ему скорее всего, что-то нужно, — и, обращаясь уже к Антону, сказал — давай уже, выкладывай свою идею, шантажист.

— Дедуля, а вот грубить и ругаться на ребенка, особенно при посторонних, не педагогично. Что могут обо мне подумать люди, а так как я твой внук, то плохо подумают в первую очередь о тебе.

— Ты договоришься у меня, лучше выкладывай, что придумал, а за одно и, что взамен просишь. Я ведь по глазам вижу, что тебе что-то надо, опять мастерить собрался.

— Ладно, хватит ругаться. Конечно, я кое-что придумал. Это решает некоторые ваши проблемы, и, главное, затраты будут минимальные.

— Ты не тяни кота за хвост, а говори конкретнее.

— Если конкретнее, то пойдете, я лучше вам наглядно покажу, а насчет моих слов в отношении проблем, то вы, Петр Ильич, на меня не обижайтесь. Вы ведь хорошо должны меня знать, я не зря почти все лето проходил у вас в учениках. Или забыли? Так вот, я кое-чему научился и отслеживаю до сих пор ситуацию в колхозе.

— А ты прав, Тугай, ему палец в рот не клади. Ты извини меня, Антон, просто я уже отвык за это время от твоих советов.

— Вот, сами смотрите, — жестом руки показал Антон, когда они подошли к свалке.

— И что мы здесь должны увидеть? — спросил Тугай. — Мы и без тебя знаем, что здесь много железа.

— Эх, и темный вы народ взрослые, да здесь настоящий Клондайк для предприимчивого человека. Вот смотрите, — и он развернул газетную полосу, на которой были наклеены тетрадные листы с чертежами. — А теперь смотрите сюда, видите два сгоревших автомобиля, они естественно восстановлению не подлежат. Зато от них можно взять раму и мосты. Внутренности мостов не нужны. Нужны только ступицы, я надеюсь, это вы, Петр Ильич, сможете организовать. Остальное можно здесь отремонтировать. Из старых списанных комбайнов, мы возьмем бункера и сварим между собой, получится хороший вместительный кузов. Установим его на раму, получится тракторный прицеп. Я уверен, что два-три свободных трактора в колхозе найдется, и не говорите, что их нет, есть, я уже

проверил. Сенокос закончился, а зябь пахать только после уборочной, так что, Петр Ильич, за вами согласие и колеса.

— Покажи мне твой чертеж, — попросил его председатель, изучив его, спросил. — Смотри, Антон, у тебя кузов получается конусом, да к тому же очень высокий, людям на току будет трудно выгружать.

— А выгружать не надо, мы внизу сделаем заслонку, трактор загоняет прицеп на площадку, открывает заслонку, и зерно само высыпается, а насчет высоты, беспокоится не надо, просто мы замеряем высоту до выгрузного шнека комбайна, и сделаем так, чтобы кузов подходил под шнек.

— Хорошо придумано, — заинтересованно пробормотал председатель, поняв, какую выгоду принесет это новаторство. — Что еще ты можешь предложить, ведь как я понимаю для наших МТЗ, это будет довольно тяжелая ноша. Я имею в виду, что им будет тяжело, прицеп довольно вместительный, а наш народ приучен грузить до самого верха. К тому же им не только по дороге придется ехать, но и по полю. Не боишься, что мы за один сезон угробим и трактора.

— Я уже думал над этим. А что, если задействовать один из гусеничных, пусть таскает прицепы по полю, а на накатанной дороге перецепляют к колесным. Мы ведь все равно не сможем использовать гусеничные трактора, слишком мала скорость, это не рентабельно, а вот использовать его непосредственно на пашне для отбора зерна из-под комбайнов, вполне разумно.

— А что, Тугай, у твоего парня отлично варит голова. Мне идея нравится. Так, когда приступите и сколько вам понадобится времени на это?

— Смотри, дедушка, как он взял быка за рога. А где помощники, а где обещание выделить премию за идею? Что-то я об этом ничего не слышу.

— Да, Тугай, ты был прав, он не зря затеял этот разговор, ну что же выкладывай, что от меня нужно, кроме оплаты, премия по результатам года у тебя обязательно будет, это я клятвенно обещаю.

— Премия — это, конечно, хорошо, но не только мне, дедушка тоже будет принимать участие. И второе, в помощь нам нужно хотя бы три-четыре человека. Тогда мы за две недели управимся, как раз к началу жатвы.

— Ну, я не знаю, с людьми у меня трудно сейчас, — начал издали председатель.

— Вот-вот, теперь вы почувствовали, что в вас проснулась хозяйственная жилка, но вы жестоко ошибаетесь. Это не хозяйственник у вас внутри, а закоренелый бюрократ, все думаете, а вдруг пролезет, и не надо будет нести затраты. Так вот, говорю вам, не выйдет, иначе вам придется снять всех женщин с тока и пусть они носят зерно ведрами, а я пошел.

Антон повернулся, и втихаря подмигнув деду, направился к кузнице.

— Ладно-ладно, не сердись. Ну не получилось у меня, да не больно-то хотелось. Я ведь понимаю, что работы много, а сроки невелики, я подумаю и, наверное, человек пять пришлю. Пару человек в МТС выпрошу, а остальных вон на пилораме возьмем, ну как, по рукам, шантажист?

— По рукам. Но это еще не все.

— Как не все? — председатель даже в лице изменился.

— Да вы так не пугайтесь. В счет премиальных отдайте мне козлика или продайте.

— Какого козлика? — не понял председатель.

— У вас, на мащдворе валяется разбитый учетчиком мотоцикл. Его все равно никто

восстанавливать не будет, вот я и прошу вас отдать мне его.

— Фу ты, — с облегчением вздохнул председатель, — как камень с души упал, я грешным делом подумал, что ты еще что-нибудь потребуешь невозможного, а эту грудку железа хоть сейчас можешь ехать забирать, я предупрежу завсклада. Теперь надеюсь все?

— Теперь все. Вы только про колеса не забудьте.

— Об этом у меня голова не будет болеть, это в наших руках. Проблема будет, как узаконить самоделки, если милиция поймает, то по головке не погладят.

— А вы, дядь Петя, поручите этот вопрос Шепелявому, Это же он посоветовал вам задействовать все резервы.

— Тугай, я начинаю уже бояться твоего внука. Так глядишь, вместо прицепов он завтра придет и скажет, хватит председательствовать, освобождай, дорогой товарищ, место.

— Правильно делаешь, что боишься, я вот не боюсь за свое, не больно охотники за ним в очереди стоят. А тебе надо опасаться, таких вертких как мой Антошка, — пошутил Тугай.

— Поверь, Тугай, как я мечтаю, чтобы пришел вот такой, как твой Антон, и сказал, давай мол, дядя Петя, иди уже, отдыхай, а я за тебя руководить стану. Я бы с дорогой душой уступил ему место.

— Ты прав, Петр Ильич. Нынче вся молодежь норовит в город уехать. Скоро в деревне некому будет коров пасти.

— Да, кадры бегут. Вот тебе Антон, сколько сейчас лет?

— Семнадцать, вы что, дядя Петя забыли, я ведь весной школу закончил.

— Помню конечно. Я о другом хотел тебя спросить, раз к слову пришлось. Ты куда хочешь поступать учиться или в колхозе решил остаться?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Я сейчас подумал, может тебе поступить в политехнический. У тебя голова хорошо соображает, да и школу ты закончил на отлично. Мы тебе от колхоза дадим направление, отучишься, вернешься домой, инженером будешь. Если не получится в Читинский, поступай в Иркутский. Там еще лучше, есть военная кафедра, будешь еще и офицер запаса. Все равно тебя в армию не возьмут.

— Это почему меня не возьмут, я что, уже калека что ли?

— По закону не возьмут, у тебя ведь кроме деда никого нет, а он уже пенсионер, к тому же заслуженный. Орденоносец, участник двух войн, а ты теперь являешься его так сказать единственным кормильцем на старости лет.

— Я, конечно, этого не знал, а честно сказать не интересовался, но вам, дядь Петя, спасибо за заботу. Мы с дедушкой уже предварительно обговорили этот вопрос. Дедушка, как и вы, хочет, чтобы я поступал в Иркутск, но я против. Я так решил. Этой осенью в Читинском техникуме открываются годовые курсы от института природных ресурсов сибирского отделения РАН. Будут готовить специалистов лесного и охотхозяйства. Вот годик отучусь, поступлю на работу, вот тогда и поступлю в институт, на заочное отделение. Я уже узнавал, так тоже можно. Вы, дядя Петя, конечно, правы, и я поддерживаю вас в том, что у дедушки уже возраст и все остальное. Он, конечно, еще крепок здоровьем и хоть сейчас выйдет на медведя с одной рогатиной, но ведь дело не в этом. Возраст есть возраст, и всякое может случиться. Вот я и решил, надолго от деда не уезжать. Дед — это единственный родной мне человек, и я его никогда не брошу. А Иркутск, это, конечно, хорошо, но оттуда много не наездишь.

Тугай стоял молча чуть в стороне от них. Во время разговора глаза его блестели от

наполнявшей их влаги, но все равно сквозь эту пелену читалась в них и радость, и гордость за внука.

— Да, Тугай, как быстро бежит время. Кажется, только вчера, он бегал босоногий с удочкой по берегу, а сейчас стоит перед нами высокий крепкий парень, и ему уже не дашь семнадцать лет. Теперь это совершенно взрослый, здравомыслящий мужчина. Я по-доброму тебе завидую, хорошего ты парня вырастил. А тебе, Антон, скажу, ты молодец и правильно поступаешь, я одобряю, но помни хоть и на следующий год, но все равно мы дадим тебе от колхоза направление.

— Спасибо, дядя Петя, я вас не подведу.

— Хорошо, сынок, я тебе верю, — и меня тему он спросил. — Антон, а не скажешь мне старику, зачем тебе понадобилась эта куча железа, которую ты так настойчиво от меня добиваешься. Или это секрет?

— Нет, это не секрет. Хочу дедушке жизнь облегчить, — видя, что дед пытается, что-то сказать, перебил его. — Сначала выслушай, а потом вынесешь приговор. Вы, дядь Петя, видели у нас трехколесный велосипед, который я сам сделал. Так вот, я хочу сделать такой же только с мотором, дед будет на нем зимой и летом ездить.

— Ну, допустим, летом это понятно, но вот зимой как, колеса сразу провалятся в снегу, а снега, как ты знаешь, у нас всегда с избытком.

— Я и это продумал, летом будет на одних колесах, а на зиму будет ставить другие. Вместо переднего колеса, можно поставить охотничью лыжу, а вместо задних можно ставить колеса, сделанные из автомобильных камер. Сошью из сыромятной кожи что-то вроде сетки, туда вставлю камеру и накачаю. Получится хорошее широкое колесо, которое не будет проваливаться в снегу. Ну, как вам моя идея?

— А что, Тугай, в этом что-то есть. Ну и голова у этого мальчишки, я тебе скажу. И как только ты с его этими идеями уживаешься.

— Ты думаешь мне легко. Мучаюсь и выживаю, — с гордостью ответил дед.

Глава 23

Антон выполнил свое обещание. К назначенному сроку прицепы были готовы. К первому сентября он уехал в город, нужно было приступать к занятиям. На этом закончилось детство Антона, а впереди его ждала сложная взрослая жизнь.

Трудно приходилось Антону. Дедушка в колхозе получал небольшую пенсию. А остальной заработок его был в трудовнях, а это не совсем деньги. В городе, наоборот, нужны были именно деньги, и Антону пришлось пойти искать себе дополнительный заработок, уж слишком не хотелось обременять деда.

Учеба ему давалась легко, благо он прошел хорошее обучение у дедушки. Многое знал из того, что преподавали. Поэтому у него оставалось много свободного времени.

Освободившись от занятий, Антон бежал в общежитие, быстро обедал, потом бежал на товарную станцию, где подрабатывал на разгрузке вагонов.

Крепкого и старательного парня брали с удовольствием в любую бригаду. Некоторые из студентов, в основном кто проживал в городе, посмеивались над ним, и проводили большую часть свободного времени или на танцах, или в кино. Но были и те, кто вырос в деревне и хорошо понимали и знали тяжелую деревенскую жизнь, с ее вечной нехваткой самого необходимого. Вот такие ребята относились к Антону с большим уважением. Порой сами иногда напрашивались к нему, чтобы также немного подзаработать.

На праздники, каникулы или выходные он старался уехать домой. Он сильно скучал без деда. Но бывало время, когда он не мог уехать, то в выходной он, также как все, старался развлечься и отдохнуть.

Часто молодежь собиралась в общежитии, Антон брал гармошку, и тогда они устраивали танцы. Антон обладал хорошим музыкальным слухом, наверное, сказывалась в нем цыганская кровь, потому он без всякого труда легко освоил игру на гитаре, причем в короткое время. Обладая неплохим голосом, порой развлекал своих сокурсников пением старинных романсов под гитару.

Но это было немного позже. А вот в начале учебного года произошел случай, круто изменивший его досель беззаботную жизнь.

Случилось это сразу после ноябрьских праздников. В первой половине ноября снег уже основательно покрыл слегка подмерзшую землю, и руководитель группы Бердышев Сергей Иванович предложил всей группе студентов с утра выехать на природу в окрестности города, чтобы на практике изучить следы диких животных и птиц.

Ребята были в восторге, им не терпелось поскорее выбраться на природу и побродить по свежему снегу в зимнем лесу. Молодым и энергичным, им хотелось быть на свежем воздухе, а не томиться в душных аудиториях.

Утром, как и положено, подогнали крытый грузовик. Сергей Иванович предупредил ребят о мерах безопасности, и, запрыгнув в кабину, они тронулись в путь. Из кузова разносились по всей округе песни и смех. Ребята не заметили, как через час машина, свернув на проселок, оказалась на окраине леса.

Ребята гурьбой высыпались из кузова, и тут же принялись играть в снежки. Во всей этой шумной компании заводилой была Самохина Таня. В группе было двадцать человек, из них только три девушки. Но из всей группы своим шумным и неумным характером выделялась только Таня. Стройная, симпатичная девушка с длинной русой косой она была вроде

локомотива у ребят.

Легкая на подъем, она умела в считанные минуты организовать любое мероприятие. Люди легко поддавались ее влиянию. Родом она была из деревни Красный Горняк, что близ Амура. Мама была учительницей русского языка и литературы, отец работал егерем в лесничестве.

С раннего детства она больше времени проводила с отцом, чем с матерью. Это и наложило свою печать на формирование характера девушки. Вместе с отцом они порой неделями находились в тайге, делая обход участка. Она привыкла обходиться без домашних удобств и хорошо чувствовала себя в лесу, к тому же прекрасно владела оружием. Так что, перед ней не стоял вопрос, куда пойти учиться. Для нее, по ее словам, тайга — это и мать, и отец, и дом родной.

В первые дни учебы некоторые ребята, кто-то подшучивал над ней, а кое-кто попытался ухаживать, но все получили от ворот поворот, на этом рвение у всех пропало. Зато ее приняли как друга. А сделать это оказалось очень легко. Имея характер больше похожий на мужской, чем на женский, она легко сходилась с ребятами, и они порой забывали, что она девушка, а не парень.

Сергей Иванович с трудом уговорил ребят. Пришлось напомнить для чего они сюда приехали.

— Ребята, сейчас мы все станем в цепь и пройдемся вон по тем камышам, — он стал показывать направление движения. — Потом пройдем, кустарники и углубимся в лес. Пройдем немного по лесу и выйдем с другой стороны машины. На все нам отводится четыре часа. Так что, прошу вас, по пустякам время не терять. Кто найдет следы, мы будем их изучать совместно. Потом двигаться дальше. И еще, я очень вас прошу не отставать и держать друг друга в поле зрения.

— А почему так мало времени? — зашумели недовольно ребята.

— Ничего не поделаешь, я и сам бы рад задержаться здесь подольше, в такой красоте не грех и отдохнуть. Ничего не поделаешь, нам нужно до обеда вернуть машину, иначе в следующий раз нам ее уже не дадут, всем все ясно?

— Ясно, — уныло заворчали ребята.

— Ну, если всем все ясно, тогда прошу вперед.

Ребята растянулись цепью и двинулись к камышам. Идти было легко. Глубина снежного покрова не превышала пяти шести сантиметров.

Вскоре стали появляться следы птиц и зайцев. Ребята дружно наперебой предлагали свои версии. Учитель выслушивал их ответы и давал свои наставления, объясняя, как правильно прочесть тот или иной след.

В лесу близ дубов стали попадаться следы кабанов. Тогда учитель предупредил, чтобы ребята издавали больше шума, он опасался за жизнь ребят. Ведь неизвестно, что у кабана на уме. Возможно, что кабан испугается за безопасность своего стада и тогда может просто напасть на человека.

Вскоре, после двух часов хождения, многие с непривычки устали и разбившись на небольшие группы, просто брели по следам идущих впереди. Учитель, заметив очередные большие следы, остановился и подождав отстающих спросил:

— Ну, ребята, кто из вас скажет мне, о чем говорят вот эти следы, и кому они принадлежат?

Начались обсуждения, много было предложено версий. Одни предположили, что это

прошел тигр, другие, что это медведь, некоторые засомневались и стали объяснять, что медведи уже залегли в спячку, а это следы крупного волка и так далее. Кое-кто предположил, что это неизвестный зверь на трех лапах, так как четвертого следа практически не видно.

Подошел к остальным и Антон. Присев на корточки, он стал внимательно изучать их. Затем снял рукавицу и пощупал след рукой, лицо его при этом сильно нахмурилось. В это время учитель стал настойчиво подзывать отставших ребят, в его голосе слышалась едва уловимые нотки тревоги. Он был прекрасным преподавателем, грамотным и знающим теорию. Он мог отличить любой след, мог много о нем рассказать, но он много провел времени, преподавая свой предмет, а вот практики было мало. Он прекрасно отдавал себе отчет, чем грозит им встреча с хозяином этих следов, но до конца, как охотник, он прочесть его не мог.

Антон, хмурясь, встал, прошелся вдоль следа еще раз, внимательно рассматривая его, потом подошел к преподавателю.

— Что тебе удалось узнать, наш юный следопыт?

— Я скажу так. Следы медведя, это первое, второе, это крупный самец и уже на склоне лет, хотя еще очень силен. Третье, это шатун, и то, что он не залег в спячку, говорит о том, что он очень голоден и опасен. Для спячки он не набрал достаточно жира, а виной этому поврежденная нога. У него сильно болит передняя лапа. Посмотрите на след, вы увидите, как он передвигается. Видите, задние лапы оставляют равномерный след, а правая передняя, видите, какой она оставляет след твердый и тяжелый. От левой, остаются чуть заметные борозды, это говорит о том, что ему очень больно, он устает держать лапу на весу, тогда когти касаясь земли, оставляют борозды на снегу. Не могу сказать, насколько он опасен сейчас, но к середине декабря он начнет нападать не только на зверей, но и на людей. Голод толкнет его на все.

— Это все? — все также тревожно спросил его учитель.

— Нет, не все, — в тон ему ответил Антон, — самое прискорбное, что зверь прошел здесь не более получаса тому назад, а может и того меньше, и это представляет уже для нас большую опасность. Вот теперь все.

— Молодец, Антон, все правильно прочел. Я тобой доволен. Так, а теперь ребята осмотритесь, все ли на месте, никто не отстал? — посмотрев на испуганных ребят, он добавил, — не надо так бояться, медведь, он ведь слегка трусоват по своей натуре, и не рискнет нападать на большую группу людей.

— Ой, — вскрикнула в это время одна из девушек, — а Танька еще не вернулась.

— Где она? — забеспокоился учитель.

— Она еще в кустарнике отстала, сказала, что догонит, — почти шепотом закончила она.

— Ребята, давайте дружно позовем ее.

Но позвать они ее не успели. Недалеко от них, на границе между кустарником и лесом, раздался душераздирающий крик, оборвавшийся на высокой ноте. Все замерли на месте. В душе у каждого нарастало неотвратимое чувство неизбежной беды.

Первым опомнился Антон. Он бросился бежать в сторону раздавшегося крика. На бегу подобрал с земли огромную суковатую палку. Остальные в нерешительности последовали за ним.

Пробежав несколько метров, Антон, увидев в промежутке между деревьями медведя,

который, ворча, подходил к неподвижно лежащей девушке, пытаясь ее обнюхать. Сделав еще несколько шагов, он, что есть силы, закричал. В голове его крутилась только одна мысль, если медведь только подходит, значит, девушка жива, нужно как можно быстрее отвлечь внимание зверя.

Медведь, подняв голову, зарычал, но не грозно. Антон прекрасно понимал, что медведь знал, о их присутствии. Медведя не так просто застать врасплох, обладая прекрасным нюхом и слухом он знает за версту, что твориться вокруг.

Антон снял куртку, и громко крича на медведя, стал на него наступать. Медведь опять повернулся к Антону, на этот раз всем корпусом. Антон, не останавливаясь, отломил сучек от своей палки и бросил его в медведя.

Почувствовав исходящую от человека опасность, он поднялся на задние лапы и грозно рыча, двинулся на противника, забыв на время о своей жертве. Антон стал размахивать курткой и тыкать в сторону медведя палкой. Зверь начал злиться, наступать на Антона. Этого Антон и добивался от него. Отведя немного медведя подальше от Тани, он еще сильнее его раздражил, а потом набросил ему на голову свою куртку.

Пока разъяренный зверь пытался с помощью покалеченной лапы сбросить с себя нечто, сильно пахнущее человеком, Антон подхватил Танюшу на руки и бегом побежал в сторону бежавших ребят.

— Ребята, — крикнул им Антон, — кричите громче.

Ребята стали громко кричать и медленно наступать на зверя. Медведь, видя толпу, стал на четвереньки, и, рыча бросился убежать, оставив на месте преступления в клочья разорванную куртку Антона.

Антон, опустив Таню себе на колено, похлопал ее по щекам, привел в чувство. Придя в себя, Таня закричала и судорожно обняла Антона. Но, повернув голову, увидела улыбающиеся лица ребят и, смутившись, стала объяснять им, что за кустарником прячется медведь. Антон прикрыл ее рот ладонью и тихонько на ухо объяснил, что с ней произошло. Немного успокоившись, Таня, немного смущаясь, сказала:

— Мне раньше приходилось встречаться с медведем. Но тогда все было по-другому. На этот раз я просто не заметила его вовремя, он оказался прямо у меня за спиной. В такое время я просто не ожидала его увидеть. От неожиданности я закричала и, наверное, тогда потеряла сознание. А вообще огромное вам спасибо, ребята, что спасли меня.

— Все ребята, — перебил их разговор Сергей Иванович, — слава богу, что все живы и здоровы, на сегодня хватит с нас приключений. Собирайтесь и пойдете к машине. Уже и мороз начал усиливаться, а Антон раздетый, давайте, наперегонки к машине.

Ребята с шумом подхватили девчонок под руки, крича и улюлюкая, бросились на перегонки.

Узнав в чем дело, водитель достал свой полушубок, который всегда возил с собой в зимний период, набросил на плечи Антона.

— Держи, герой, а то еще замерзнешь по дороге.

Вечером вся группа без исключения вновь собралась в самой большой комнате. Обсуждали происшедшее в лесу. Таня сидела рядом с Антоном. Еще тогда, в лесу, когда она в порыве страха обняла его, Антону показалось, что у него все внутри перевернулось. Что-то защемило в сердце, он как-то по-другому взглянул на девушку. Вот и сейчас, она сидела рядом с ним, крепко прижавшись к его плечу.

Кто-то из девушек заметил по этому поводу:

— Теперь, Антон, ты как настоящий мужчина в ответе за спасенную тобой девушку, и потому обязан теперь на ней жениться.

Все наперебой стали убеждать его, что он теперь непременно должен так поступить. Слушая их шутки, Антон голосом Сталина произнес:

— Это вопрос политический, а главное своевременный. Мы вынесем его на партбюро. Посоветуемся с товарищем Татьяной, и я, как глава партии, приму соответствующее решение. О результатах решения вам доложат соответствующие органы. Надеюсь, ваше любопытство будет удовлетворено. Я правильно изложил нашу мысль, товарищ Таня?

Все дружно рассмеялись, не дав Тане ответить, а кто-то из ребят отметил:

— Тебя, Антон, если не посадят в тюрьму за антисоветчину, то обязательно встретит этот шатун на узкой дорожке.

И никто из ребят, даже Антон со своим обостренным чувством к опасности не могли себе представить, что в шутку сказанные слова окажутся такими пророческими.

Всего полтора месяца спустя, именно этого медведя Антон встретит в лесу, только совершенно в другом месте. А еще через много лет он действительно попадет в тюрьму. Но все это произойдет в будущем, а пока ребята веселились, шутили, радуясь жизни и молодости.

Ночью Антон не мог уснуть. Его голову будоражило множество мыслей. Он вновь возвращался в то злополучное утро. Перед его глазами вставали картины одна за другой. Он с теплотой вспоминал, как испуганная Таня обняла его. И как, глядя в ее испуганные глаза, Антон вдруг почувствовал щемящее нежное чувство, к этой на первый взгляд сильной и смелой девушке, у которой оказывается нежная, добрая и светлая душа, требующая заботы о ней и ласки.

Вскоре между ними завязалась теплая дружба, а через некоторое время переросшая в крепкую любовь. Не представляя себе больше жизни без Тани, Антон попросил ее стать его женой. Таня не стала отказывать и дала свое согласие. На следующий день, они объявили всей группе, что наказ пожениться они выполняют.

За это время они побывали у Тани в деревне. Антон познакомился с ее родителями, а в следующий раз они побывали у Антона. Для них оказалось сюрпризом, что отец Тани и дедушка Тугай оказываются хорошо знакомы. Разговаривая с дедом наедине, он спросил его.

— Дед, ну что, дашь мне свое благословение на женитьбу.

Тугай отвернулся, посидел немного, смахивая набежавшую слезу, затем повернулся и уже с улыбкой сказал.

— Я очень рад за тебя, ты даже представить не можешь, как я рад. Мне так хочется на старости лет вновь понячить малыша и почувствовать себя по-настоящему дедушкой.

— А я, что уже, и не внук тебе что ли? — с обидой в голосе сказал Антон.

— Ты, сынок, не обижайся на мои слова. Ты для меня больше сын, чем внук. За эти годы я себя и не чувствовал дедом, а больше отцом. А теперь, когда я по-настоящему становлюсь стариком, мне хочется иметь внуков, я надеюсь, что когда-нибудь, ты поймешь меня.

— Ну, что ты, дедуля, как же я могу обидеться на того, кого люблю. Ты у меня самый лучший и единственный на свете дедушка и отец. Я рад, что ты сейчас мне это сказал и понимаю тебя.

— А когда вы решили свадьбу отмечать?

— Дед, ты что забыл, сначала нужно засватать, а потом свадьбу гулять.

— Прости, я это и хотел спросить, да перепутал на радости.

— Вы, о чем тут так долго говорите? — спросила с порога вошедшая в комнату Таня.

— Ты как всегда кстати. Дедушка интересуется, когда мы поедем тебя сватать? Как ты на это смотришь?

— Ты какой-то странный в последнее время. Или ты надеешься, что это я приеду тебя сватать? Я считаю, что ты мужчина, тебе и решать, когда ты приедешь.

— Ну что, получил. Так тебе и надо. Молодец, Танюша, ты строже с ним, а то глядишь, привыкнет и будет всегда все перекладывать на хрупкие женские плечи.

— Ну, сговорились уже, — проворчал шутливо Антон, — ну если так стоит вопрос, значит, я принимаю решение, и мы на новый год приезжаем к вам на сватовство. Приговор ясен? Отказ не принимается.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин. Назовите, мой господин, конкретную дату и количество важных гостей?

— Дедушка, как ты думаешь, мы ответим на вызов ее величества Шахеризады?

— Новый год, я считаю, это семейный праздник. А вот с первого на второе я думаю,

будет в самый раз, и не с утра, а ближе к вечеру. Дело в том, что дорога дальняя, за один день мы не управимся. Придется оставаться с ночевкой. Я правильно рассуждаю, молодежь?

— Мы согласны, — за обоих ответил Антон, — а сколько нас будет?

— Я думаю, кроме нас, еще поедут дядя Егор и тетя Наташа. Они твои крестные, им и сватать тебе невесту.

На этом и порешили. Председатель для этого дела выделил машину. Первого числа, загрузившись и прихватив с собой подарки, сваты тронулись в дорогу.

Сватовство прошло на высшем уровне. Напряженность, царившая в первое время за столом, вскоре бесследно исчезла, благодаря добродушному и разговорчивому дяде Егору. И уже через полчаса все чувствовали себя свободно и уютно, как самые близкие и родные люди. А так как гуляли с размахом, то на следующий день гости так и не смогли уехать домой и остались ночевать.

На третий день было принято решение, что новоявленным сватам нужен срочный ответный визит. Егор Силантьевич, погрузив своих и сватов, которые находились в полупьяном состоянии, тронулся в путь.

Приехав в деревню, женщины решили остаться в доме Егора, а мужчин выпроводили к Тугаю на хутор, мотивируя это тем, что они устали от мужского общества и у них есть свои женские секреты. Мужчины были только рады этому.

Оставшись без женского всевидящего ока, они решили погулять на славу. К полуночи кто-то из них предложил утром пойти на охоту, чтобы к завтрашнему столу была подана свежая дичь. Идея всем понравилась, и, чтобы утром было не тяжело вставать, решили пораньше лечь спать. Утром, встав на лыжи и прихватив оружие, охотники отправились в горы.

— Мужики, как-то странно, — заметил Егор. — Уже час бродим, следов много, а зверья что-то не видать.

— Ты прав, Егор, — поддержал его Тугай, — у меня тоже такое же чувство, А ты что скажешь, сват?

— Я такого же мнения. Следы попадаются, какие-то странные как будто дичь все время от кого-то прячется. Кто-то пугает ее. Сначала я подумал, что браконьеры шалят, но человеческих следов не видно. Не знаю друзья, что здесь происходит.

— Ты что там застрял, — крикнул Тугай Антону, — давай, выскажи свою научную версию.

— С научной точки зрения, — сказал с улыбкой подошедший ближе Антон, — я вот что вам скажу. А в моем лице, говорит вам вся советская наука. Нужно искать медведя он виновник наших несчастий.

— Ты что такое говоришь? — удивился Тугай. — Откуда медведь, я не видел ни одного следа.

— Зато я видел, и доложу вам, что мишка этот мне знаком. Помните, я вам рассказывал, как он напал на Танюшку? Вот, наконец, он и пожаловал к нам в гости.

— А что, мужики? Медведь — это очень даже ничего, страсть как я люблю пельмени из медвежатины. К тому же, нас никто не осудит. Шатуна ведь все равно нужно отстреливать. Мало ли что он может натворить.

— Я вот что вам хотел сказать, — начал Антон. — Этот медведь на трех лапах. Одна передняя повреждена, поэтому он и не залег. Второе, мне ребята из нашей группы предсказали, что если, мол, меня не посадят в тюрьму, то этого медведя я обязательно

встречу на узкой дорожке. Как видите, предсказание сбываются. Меня не посадили, так я медведя встречу.

— Ты что там за страсти про тюрьму несешь? Да и медведя мы пока не встретили, ты лучше покажи следы его.

Антон отвел их немного в сторону и показал следы. Все опытные охотники склонились, изучая следы. После осмотра стали совещаться. Выводы Антона признали правильными.

Приняли единодушное решение, преследовать зверя, соблюдая все правила безопасности. Так как неспящий медведь представлял собой, пожалуй, самого опасного зверя на данный период времени. Когда закончили обсуждения, Антон обратился к деду.

— Дедушка, позволь мне, если догоним, взять медведя, он ведь мой должник.

— Пошли, там видно будет.

Охотники не стали растягиваться в цепь, в этом не было необходимости. Они знали, что зверь движется медленно, и они легко его нагонят по следам. Тем более, что следы явно были свежими. Километра через три-четыре они услышали тихое ворчание зверя. Охотники поняли, что зверь давно знает об их присутствии, потому и заворчал, предупреждая, чтобы не подходили. Но он не знал, что именно по его душу и пришли охотники. Решили обойти медведя с двух сторон, но только так, чтобы не попасть под перекрестный огонь.

— Подождите, — Остановил их Антон. — Может все-таки старшее поколение позволит молодому человеку испытать себя и понять, на что он способен.

— Ты что это задумал? — накинулся на него Егор.

— Хочу с ним один на один сразиться, без оружия. У него когти и сила, у меня нож и ловкость.

— Ты что, с ума сошел, или хочешь, что бы мы сошли с ума?

— Егор, — вмешался Тугай, — оставь его. Если он принял такое решение, значит это для него очень важно. И давай будем уважать его решение, — повернувшись к Антону, он с тревогой в голосе, но все же твердо сказал. — Иди, сынок, ты обязательно справишься, я в этом уверен. И еще, держись так, чтобы не заслонять медведя от нас. Мы на всякий случай будем держать его на прицеле. Обещаю, стрелять будем только в крайнем случае. Так что, надейся только на себя.

Егор посмотрел на свата, у него был бледный вид. Явно он этого не ожидал, и, наверное, пожалел, что ввязался в эту авантюру. Егор попытался ободрить его, хотя и самого его потряхивало.

— Сват, не обращай внимания, они оба малохольные. А таких ни одна зараза не берет. Я уверен, все будет в порядке.

А меж тем, Антон снял верхнюю одежду, затем лыжи и достал из рюкзака снегоступы. Хорошенько закрепив их на унтах, он смело пошел в сторону зверя.

— Ну что за пацан, — глядя вслед уходящему Антону, стал возмущаться Егор, — он что, заранее знал, что встретит медведя что ли?

— Почему ты так думаешь? — спросил сват.

— Да потому, что никто из нас не взял с собой снегоступы, мы ведь не на месяц ушли, нам вполне хватило и лыж. А этот чертенок не забыл, как будто знал, что они ему понадобятся, и знал наверняка, что эта старая колода разрешит ему эти безрассудные поступки.

— Егор, — прервал его тираду Тугай, — ты что, за столько лет так и не узнал характер Антона? Он ведь очень хороший и грамотный боец. И никогда не ввяжется в бой, не

просчитав до конца все возможности не только свои, но и противника. И я уверен, что будь у него нож, то этой встречи не было бы. Он убил бы его еще тогда, когда медведь напал на Танюшку.

Антон отошел уже метров на пятьдесят от них.

— Пора потихоньку двигаться вперед, — скомандовал Тугай. — Надо держать Антона в поле зрения.

Зверь, чуя опасность, начал уходить от преследования. Но ему очень мешал глубокий снег и бесполезная лапа. Антон, видя, что противник устал и движется медленно, обогнул его и вышел на перерез.

Медведь видел приближающегося к нему человека и так же чуял носом, что недалеко есть еще люди. Поняв, что зажат в клещи, и борьбы не избежать, он встал на задние лапы и без звука пошел навстречу Антону.

За время блуждания по лесу он давно уяснил, что, охотясь на других, рычание и рев ему не помощники. Антон медленно приближался к нему. Когда расстояние сократилось до трех метров, Антон остановился. Остановился и медведь. Они молча стояли и смотрели друг на друга.

В это время Тугай на приличном расстоянии от них занял удобную позицию. Приготовившись к стрельбе, он неотрывно следил за медведем, готовый в любую секунду нажать курок. Сват с Егором заняли наблюдательную позицию немного в стороне. Сват попытался прицелиться, но Егор остановил его.

— Не надо, сват, Тугай справится лучше нас с тобой, мы только помешаем ему.

Антон смотрел, не отрываясь, в глаза зверя. Но в них не отражалось ничего. Он так и не увидел в них ни страха, ни злости, ни намерения напасть. Просто пустой колючий взгляд, не говорящий ни о чем. А вот, что прочитал зверь, в глазах Антона не скажет никто.

Неожиданно зверь взревел и бросился на Антона. Антон подпустил его еще на два шага. Затем без замаха резким движением срывает шапку и бросает на морду медведя. Потеряв видимость, он резко остановился, не понимая, что происходит. Через секунду шапка падает, но медведь уже не видит противника. Антону хватило этой секунды, чтобы поднырнуть под лапой медведя и вскочить ему на загривок. Левой рукой он обнял его за шею, зубами схватил за ухо и правой рукой вогнал нож прямо в сердце.

Зверь заревел от боли, и оттого, что его кто-то держит. Нож на удивление вошел очень легко, видно, удар пришелся точно между ребер. Почувствовав через нож биение сердца, Антон вытащил его немного, крутанул вокруг оси и вновь воткнул. Ударов сердца он уже не почувствовал. Зверь молчал, только хрип раздавался из его груди. Антон отскочил от него не вынимая ножа, он прекрасно понимал, что зверь уже мертв. Постояв еще секунду, медведь рухнул навзничь, не издав больше ни звука.

Тугай с облегчением выдохнул, опустив карабин и прислонившись к дереву, сняв шапку, вытер вспотевшую голову. Сват с восхищением смотрел на медведя, потом на Антона, как будто ждал продолжения поединка. Такого ему еще видеть не приходилось. Егор, сняв шапку, с силой бросил ее на снег и в сердцах выругался.

— Ты только посмотри на этого чертенка, нет бы убить зверя как все нормальные люди, так ему непременно цирк нужно устроить. И помяните мое слово, он своей смертью не помрет, а если и помрет, то, обладая цирковым искусством, помрет не скоро. По крайней мере, я этого уже не увижу. Помру прямо здесь от сердечного приступа. Того и гляди, мое дряхлое сердечко сейчас выпрыгнет из груди и запрыгает по снегу.

Слушая его стенания Тугай со сватом, сначала тихонько, затем во весь голос стали хохотать. Постепенно напряжение поединка стало отступать. Когда успокоились, Егор, обращаясь к ним, попросил:

— Вы, мужики, не вздумайте дома проговориться про этот цирк.

— Почему это? — удивленно спросил сват. — Парень справился, проявил, можно сказать, героизм. Зачем утаивать, я не пойму.

— Я объясню, — сказал Тугай. — Дело в том, что он боится, что узнает Наташа, а когда узнает, да еще в подробностях, то Егору тогда не жить. Она его за своего любимчика со свету сживет, — и глядя на растерянный вид Егора, добавил, — ну, что пивной бочонок, испугался гляжу. Теперь-то я отыграюсь на тебе. Ты теперь за все твои нападки ответишь мне.

— Смотри, Тугай, мне ведь выгоднее будет пристрелить тебя, чем попасть под руку Натальи.

Только Антон не принимал в разговоре участия. Он сосредоточенно работал ножом, снимая шкуру с медведя, пока тело не остыло.

Пока мужики разбирались с тушей, Егор сделал из жердей и веревок волокушу, приделав к концам жердей антошкины лыжи. Закрепив на волокуше шкуру, они сложили на нее мясо. Закрепив его хорошенько, сами впряглись в импровизированный воз, потащили его домой.

Новый год отметили с размахом, весело и шумно. Новогодние каникулы для Антона и Тани пролетели как один миг. Они не расставались ни на минуту. Много гуляли, ходили на лыжах. В марте сыграли шикарную по тем временам свадьбу. С катанием на лошадях и с ряжеными.

По окончании учебного года переехали жить на хутор. Таня устроилась в лесхоз инспектором по заготовкам леса. В этом же лесхозе работал егерем и Антон.

После очередных новогодних праздников Татьяна родила мальчика. Назвали малыша Степаном, в честь сына Тугая, погибшего на фронте. Антон, по просьбе Тани, отвез ее к родителям. Мама Тани обещала помочь ей на первых порах ухаживать за ребенком.

Антону теперь приходилось часто ездить в Красный Горняк, чтобы повидать жену и сына. Через месяц он хотел забрать их домой, но родители отговорили его. Пусть мол побудут здесь, до начала лета. За это время ребенок окрепнет, и Тане будет легче одной с ним управляться.

Антон согласился оставить ее до майских праздников. Сам все также старался, как можно чаще навещать своих любимых, но ближе к весне это становилось все труднее и труднее. Усиливались не только морозы, главной бедой для него были бураны. Бывало, они свирепствовали неделю. Дорогу, как правило, заносило сугробами, и дорожникам приходилось долго с ними бороться. Иногда он не мог приехать, из-за срочной работы. Тогда Антон бежал на почту и звонил в Красный Горняк. Двоюродная сестра Тани, работающая на почте, приглашала ее к телефону, и они подолгу разговаривали.

Вскоре наступила весна. Природа стала оживать, и на деревьях стали появляться первые побеги листвы. Антон с нетерпением подсчитывал оставшиеся дни до майских праздников, когда он сможет привезти свою молодую семью к себе домой. Но чем меньше оставалось дней до встречи, тем сильнее нарастало беспокойство в его груди, за свою семью.

Он стал часто просыпаться по ночам и подолгу лежал без сна, глядя в одну точку на потолке. Последние дни апреля выдались очень жаркими и сухими. Антон собирался уже ехать за семьей, когда получили телеграмму. В ней говорилось, что в соседнем районе горят

леса. Приказывалось всем лесохозяйствам оказать помощь в ликвидации очагов возгорания. Принять все меры для профилактики, появления других очагов возгорания.

Для этих целей был задействован весь личный состав лесных хозяйств. Пришлось Антону отложить на время поездку. Он позвонил Тане и предупредил, что в ближайшее время не сможет ее забрать, в связи с чрезвычайным положением. Таня обещала ждать его, но, как выяснилось позже, обещание свое она не сдержала.

Антон, поговорив с Татьяной, спокойный уехал с бригадой пожарников на тушение пожара. Его теперь беспокоило лишь одно, пожар может затянуться надолго, и он не скоро увидит семью.

Таня, прождав несколько дней, решила ехать самостоятельно, не дожидаясь мужа. Не став слушать уговоры родителей, она настояла на своем, и второго мая сев на рейсовый автобус, добралась без приключений до районного центра. Сделав пересадку, они поехали дальше. До Вишнянки оставалось еще сорок километров.

Автобус, на котором ей пришлось ехать, был старым, с деревянным кузовом. Кузов давно разохся и сильно скрипел на ухабах. Дорога была каменистая, и автобус постоянно подкидывало и трясло. Тане пришлось всю дорогу держать ребенка на руках. Она просто боялась положить его на сидение. От такой тряски ребенок мог легко упасть.

В воздухе чувствовалась гарь пожара. Порой, сильный порыв ветра густым дымом устилал всю округу. Тогда водитель сбрасывал и так не высокую скорость, а порой даже приходилось останавливаться. Пассажиров в автобусе было немного, всего восемь человек, включая и сына Тани.

Дышать было очень трудно, и люди мочили водой, кто что мог из своей одежды, и этим прикрывали себе лицо. Какое-то время дышать становилось легче. Вскоре дым стал рассеиваться, пассажиры стали замечать, что автобус надрывно гудя мотором, казалось из последних сил, взбирается на подъем, оставляя за собой равнину с черными клубами дыма. За этим подъемом в трех километрах уютно расположилась село Вишнянки.

Радуюсь близкому концу столь ужасного путешествия, все хором наперебой заговорили, в том числе и водитель. Разговаривая, он слегка повернул голову и не заметил, как с кручи скатился огромный валун. Камень на большой скорости ударился в переднее колесо автобуса. Удар был такой силы, что выбил руль из рук водителя.

Не управляемый автобус в несколько мгновений перевернулся и покотившись, стал разваливаться на ходу. Теряя детали и части кузова, он меньше чем за минуту оказался в ста метрах внизу от дороги. От ударов о землю в машине замкнула электропроводка, автобус загорелся.

Движение по дороге в эту пору в связи с пожаром и плохой видимостью практически отсутствовало. Только ближе к вечеру, когда пастух, пасший отару овец, возвращался с овцами домой, то обнаружил страшную аварию и сообщил в милицию.

После обнаружения тел в автобусе, милиция завела уголовное дело, по факту гибели людей. Стали искать свидетелей аварии, но таких не оказалось. Только пастух, сообщивший об аварии, сказал, что в обеденный перерыв видел на холме отдыхающего молодого человека. Примет его он не мог вспомнить, но сказал, что человек этот был чужаком. Пастуху показалось странным, что человек одетый как городской, обедал сидя на большом камне.

Милиция проверила, но камня на месте не оказалось. Решили, что пожилому человеку все показалось, а может не хотели заниматься этим, но факт остается фактом, следствие

прекратили, списав все на плохую видимость, обвинив во всем водителя и дело закрыли.

Единственное, что они сделали, так это по останкам выяснили количество пассажиров, и личности погибших, проживающих в этой местности. Не опознанными остались только молодая женщина с ребенком.

Трупы, конечно, сильно обгорели, и узнать, кто есть кто, не было никакой возможности. Тогда, чтобы не было путаницы, было принято решение, похоронить всех в одной могиле здесь же на холме.

На пятый день всех похоронили в братской могиле. На похоронах присутствовали практически все жители тех населенных пунктов откуда были пострадавшие. Антона не было на похоронах, его бригада, борющаяся с пожаром, даже не знала о произошедшей трагедии.

После поминального обеда, к Тугаю подошел мальчишка и сообщил, что его просят зайти на почту. Оказывается, его разыскивал по телефону сват из Красного Горняка.

— Сват, скажи, как Танюша доехала? Как там Степашка? С ними все хорошо? Мать сильно волнуется, обещала после приезда позвонить, да так и не позвонила. Уже пятый день пошел, а она все молчит.

— Как? — вырвалось из груди Тугая — она поехала без Антона?

— Ну конечно, мы не смогли ее отговорить...

— Значит, это были они не опознанные... — не дослушав свата, пробормотал Тугай и, опуская трубку схватившись за грудь, медленно опустился на пол.

Женщины, работающие на почте, бросились к нему. Старшая из них, по разговору поняла, что произошло. Подняв трубку, она вкратце рассказала о случившемся. Потом судорожными пальцами с трудом набрала нужный номер и вызвала неотложку. Вторая в это время старалась помочь старику.

Тугай лежал на спине, дыхание его было затруднено. Он старался вздохнуть поглубже, но у него это плохо получалось. Вдохи стали медленными и затяжными. Не дождавшись скорой помощи, через двадцать минут он умер. Сердце старика не выдержало.

Весть о смерти Тугая разнеслась по деревне со скоростью курьерского поезда. Егор, узнав о скоростной смерти друга, почувствовал себя плохо, ему тоже пришлось вызывать неотложку. Врач скорой помощи определил у него очередной сердечный приступ, и Егора увезли в районную больницу.

Сын Егора, Федор, поехал в лесничество, там по рации, связался с Антоном. Вечером того же дня, Антон приехал в деревню.

Вскоре приехали и родители Тани. Они нашли Антона сидевшим на крыльце практически в бессознательном состоянии. Он сидел, глядя в одну точку, не реагируя ни на что. Он молчал, не отвечал ни на какие вопросы, он был совершенно отрешен от реальности, как будто все происходящее его совершенно не касается.

Организацией похорон занялись сыновья Егора. На похороны собрались все жители села, от старших до самых младших. Много людей приехало и из соседних деревень. Все очень любили отзывчивого и доброго человека, потому собрались стар и млад, чтобы отдать последнюю дань почестей уважаемому односельчанину.

Антон просидел у гроба дедушки двое суток. Он за это время не ел и не пил. На третий день, Тугая похоронили рядом с его родными. За все время похорон Антон не произнес ни одного слова, и только когда, засыпав могилу, установили памятник с красной звездой, он упал на колени и, подняв руки вверх, со слезами на глазах закричал.

— Боже, если ты есть там на небесах, ответь мне. Чем я так прогневал тебя? Почему ты рано забрал к себе моих родителей. Зачем забрал мою еще юную жену и сына, не успевшего не только нагрешить, но даже не успевшего произнести свое первое в жизни слово «мама». Почему ты забрал близкого мне человека, который спас меня, вырастил, воспитал и дал образование. Зачем ты их всех забрал, а меня вновь оставил сиротой? Сколько можно надо мной издеваться? Ты ведь убил меня. Скажи, я жду ответа?

В наступившей тишине не слышно было даже пения птиц, и даже шелеста ветра.

Люди молчали. Одни с удивлением смотрели на него, другие с сочувствием, а многие с тревогой за его рассудок, другие просто стояли и тихо плакали, при этом даже забывая вытирать слезы.

— Молчишь, — после паузы продолжил Антон. — Значит, нет тебя. Тебя просто выдумали, и я не верю в тебя, и никогда не поверю. Ты слышишь меня, Бог?

Шло время. Антон с трудом отходил от потрясенного горя. Приходя на могилу, то к жене с сыном, то к деду, он подолгу сидел рядом о чем-то говорил с ними, а порой просто молчал. Оставшись один, он практически не бывал дома. Все свое время теперь он уделял только работе. Всю живность, какая у них была, он отдал дяде Егору. Освободившись от лишних забот, он теперь подолгу оставался в лесу, и бывало неделями жил на заимке.

Горе и одиночество не прошло бесследно. Он озлобился, и всю свою злобу вымещал на браконьерах, а их в любое время всегда хватало. Он не составлял протоколы на них. Просто избивал, отнимал оружие, и разбив его о дерево выбрасывал, а горе-охотников выгонял из лесу. Порой доходило до членовредительства.

По округе прокатилась молва. Молодой егерь сошел с ума, и стал просто диким зверем. Не только браконьеры, но и простые люди, стали бояться ходить в лес.

В лесничество стали поступать анонимные жалобы на жестокость егеря. Такое положение дела не понравилось и Егору. Опасаясь, что парень вскоре совсем съедет с рельсов и дойдет до убийства, Егор решил поговорить с ним. Зная, где можно найти Антона, он отправился на заимку.

На заимке Антона не оказалось, тогда Егор написал записку и, прикрепив ее к входной двери, вернулся домой. Вернувшись на заимку, Антон, обнаружив записку, прочел в ней:

«Антоша, сынок, будешь в деревне зайди к нам. Надо срочно поговорить. Егор»

На следующий день, к обеду появился Антон. Поздоровавшись, он, не поднимая головы, прошел к столу, и присев, сказал, слегка улыбнувшись:

— Дядя Егор, прошу вас, только не с разу. Я такой голодный, что готов волка съесть. Мамуль, покорми меня, пожалуйста, — жалобно попросил он тетю Наташу.

— Потерпи, Антоша, пару минут, я быстренько подам. — захлопотала она.

— Дядь Егор, — начал Антон, — все я знаю и понимаю, но ничего с собой поделать не могу.

— Посмотрите на него, он еще оправдывается. Мыслимое ли дело, людей калечить, изверг ты этакий. Да тебе за это самому надо кости переломать.

— Да помолчи ты, старый пень, — перебила его Наташа, — дай ребенку поесть спокойно.

— А ты не затыкай меня. Я ему есть не мешаю и ложку изо рта не вырываю. У него ведь только рот занят, зато уши свободны, вот пусть ртом ест, а ушами слушает. Глядишь, с полным ртом хоть оправдываться не будет.

— Ты, сынок, ешь спокойно, и его не слушай. Ему лишь бы поворчать на кого-

нибудь, — и, подойдя к Антону, погладила по голове, поцеловала в темечко.

Егор, глядя на них, отвернулся и проворчал:

— Ладно, буду молчать. Смотри ты, слова сказать не дает. Защитница нашлась. Защищай своего любимца, а сама своими куриными мозгами не понимает, что он в сердцах может ненароком и убить, кого ни будь. Лось то, вон какой вымахал. Не рассчитает силу, вот тогда и пожалеешь, когда будешь сухари ему в тюрьму возить.

Антон, отложив ложку и вытерев губы, обратился к Егору.

— Дядь Егор, я ведь все, все понимаю и знаю. Знаю даже то, что ты мне хотел сказать и даже то, о чем подумал, но не сказал, спасибо тебе за это, что не сказал в слух.

Егор слушал его, с изумлением подняв брови. Он не верил собственным ушам.

— Да, да Дядя Егор, ты ведь говорил сейчас не то, о чем хотел сказать. Давай и не будем об этом. Не надо лишней раз расстраивать Тетю Наташу ей и так хлопот хватает, да и вам сердце поберечь надо. Я не хочу потерять еще одного родного для меня человека. Только вы с тетей Наташей остались для меня самыми родными людьми. А потерять еще и вас, я не хочу. Просто не имею на это права. Если с вами что-нибудь случится, я это просто не переживу. Я только в последние дни начал немного соображать. До этого находился как в бреду. Я не понимал, что со мной происходит, что я делаю. Перед глазами как будто пелена стояла.

Антон замолчал, собираясь с мыслями. Егор с Наташей сидели напротив, молчали, боясь спугнуть его мысли.

— Дядя Егор, я пришел к вам как к отцу с матерью. Посоветуйте, как мне жить дальше, что нужно сделать, чтобы заглушить эту боль внутри меня. Я чувствую, что постепенно начинаю сходить с ума. Больше я так жить не могу. Порой я ловлю себя на мысли, что начинаю лезть на рожон, я имею в виду вооруженных браконьеров, они ведь часто грозят убить меня, так вот, я ловлю себя на том, что ищу смерти. А просто наложить на себя руки я не могу, да и не имею права. Не этому вы меня учили вместе с дедушкой. В голове у меня сумбур какой-то. Я никак не могу понять, почему судьба так наказывает меня. Я ведь так молод еще, и не думаю, что за неполные двадцать лет я сумел так нагрешить перед обществом, что меня надо столь сурово наказывать. Я сейчас боюсь даже представить, что будет со мной через очередные двадцать лет. Какое тогда ждет наказание? Вот вы прожили большую жизнь, у вас большой опыт, посоветуйте мне, как дальше жить, что делать?

Антон закончил. В наступившей тишине слышно было только, как муха бьется в стекло. Тетя Наташа тихо, без звука, плакала, отвернувшись к окну, украдкой вытирая слезы о передник. Дядя Егор, склонив голову, молчал. Он думал, как и какие нужно подобрать слова, чтобы ответить на эти горькие вопросы, заданные столь юным мальчишкой, которого так сильно потрепала судьба. Ее стараниями этот добрый и ласковый мальчик, в одночасье стал взрослым человеком. С его лица вмиг пропала добрая и ласковая улыбка. И появится ли вновь, Егор не мог сказать.

Сейчас, сидя за столом, он показался Егору умудренным, измученным, прожившим долгую и несчастную жизнь. Подняв глаза, он заметил, что почти половина черных кудрей Антона стали седыми. Черные, как ночь, глаза его ждали с нетерпением ответа. Как же сильно надо переживать, чтобы вот так в неполные двадцать лет стать наполовину седым, подумал Егор, отводя взгляд.

— Ты, сынок, прости меня. Слишком уж трудные ты задал вопросы. Я хоть и прожил много лет на свете, но ответов найти не могу. Кое-что, конечно, посоветовать можем, но

помни, что никто заставить следовать им не может. Это только твоя жизнь, и все в ней ты должен решать только сам, и никто другой. Ты уже стал взрослым, но мы по-прежнему любим тебя как родного сына, и, конечно, сделаем все от нас зависящее, чтобы хоть как-то помочь тебе. Независимо, какая это будет проблема, будь она моральной или материальной. А в данный момент я могу тебе дать только один совет. На свете есть много плохих людей, но больше всего хороших, и вымещать свое горе на людях — это плохой поступок. А мой совет тебе, нужно как можно больше находиться на людях. Не надо оставаться в одиночестве. И второй совет, перемени место жительства.

— Как это, поменять место жительства, переехать в деревню что ли? Я не могу оставить свой родной дом, это будет предательством по отношению к памяти дедушки.

— Ты меня не так понял, я советую тебе на время уехать из этих краев, где тебе все напоминает о твоих родных. Ну, к примеру, поезжай куда-нибудь, поступи в институт. Будешь учиться и жить в общежитии. Студенты — народ общительный, веселый. Тебе проще будет немного забыться. А забыться тебе сейчас необходимо. Мы со своей стороны, будем помогать, ты ведь нам не чужой, и очень крепко помни это.

— Но как забыть, если оно не выходит из головы ни днем, ни ночью.

— Дам тебе еще один совет. Запомни крепко, Антоша, не надо думать о мертвых, они остаются в сердце у нас. Надо больше думать о живых, чтобы не пришлось их терять.

— Дядя Егор, второй совет гораздо лучше первого, — улыбнувшись, сказал Антон, — а вот на счет первого, то вы забыли, что я уже учусь в политехническом, только на заочном отделении.

— Извини, я, правда, подзабыл немножко. Да это и к лучшему, Переведешься на очное отделение. Если будут какие затруднения в переводе, ты скажи, я подниму все старые связи, и мы сделаем это.

— Спасибо вам, Дядя Егор, за участие. Я вот еще что хотел спросить. Как вы отнесетесь к тому, если я возьму академический отпуск и пойду служить в армию. Ведь меня теперь все равно призвут. Дедушки не стало, а возраст у меня призывной, да и противится судьбе, я думаю не стоит.

— Подожди, я что-то не понял. Причем здесь судьба, и что такое противится или нет?

— А не обращайтесь внимания, я как-то встретил старую цыганку, вот она мне и нагадала, что я стану большим воином, что это моя судьба, и противится мне этому не надо.

— Антоша, сынок, — запричитала тетя Наташа, — разве можно верить всему, что говорят люди. А особенно цыгане, они за твои деньги что угодно наговорят.

— Я почему-то ей поверил. Не знаю почему, но поверил. Может от того, что она была убедительна. Я, конечно, не все понял из ее слов, но кое-что показалось мне довольно достоверным.

— Расскажи поподробнее, что там она наговорила тебе, — попросил Егор.

— Хорошо. Случилось это в сентябре. Я в тот год только поступил в техникум на курсы егерей. Так вот, в конце сентября я как обычно пришел на вокзал. Вы помните, я тогда подрабатывал на разгрузке вагонов. В тот день работы для меня не оказалось. Я не очень расстроился, и даже настроение поднялось. После занятий я очень торопился и поэтому не успел пообедать. Выйдя на перрон, я купил несколько пирожков у торгующих женщин, которые выходят со своим товаром к прибывающему поезду. Как раз в это время подошел поезд. Чтобы не мешать прибывшим пассажирам я отошел в сторонку и, присев на лавочку стал, есть свои пирожки. Через некоторое время мимо меня стала проходить старая цыганка.

Я, возможно, и не обратил бы на нее внимание, но она уж слишком тяжело шла. Ноги не держали ее. Она с трудом передвигалась, опираясь на толстую трость. В руке она несла плетеное лукошко, накрытое цветным платком, и хотя оно было легким, но и оно для нее было тяжелой ношей.

Антон встал.

— Матушка, присядьте вот на скамейку, видно как вы устали. Отдохните немного, потом пойдете дальше.

— Спасибо, сынок, добрый ты человек, дай тебе Бог здоровья. Мне действительно нужно отдохнуть, ноги проклятые совсем меня не держат.

Старушка с трудом опустилась на лавку. Антон поддерживал ее под локоть. Усадив старушку, он поставил рядом с ней ее лукошко. В это время мимо пробежали двое мальчишек. Увидев старушку, они остановились и, что-то крикнув ей, хотели уже бежать дальше, но, заметив рядом Антона, остановились.

— Дядя, дай три рубля, мы для тебя цыганочку станцуем, а захочешь, мы и на заднице станцуем.

— Ладно вам, — от души посмеялся Антон, — верю, что можете, но танцевать не надо. Вот вам по одному рублю, только давайте мы с вами договоримся, вы сейчас пойдете и купите себе что-нибудь покушать. Договорились?

— Да, — хором закричали ребята, схватив деньги, бросились к буфету.

— Это ваши внуки? — спросил Антон.

— Нет, не мои. Я их три дня назад подобрала на вокзале, видать, от табора отстали, а может просто сбежали, и такое иногда случается. Теперь при мне побудут, пока родители не найдутся. У нас не принято бросать детей, их обязательно будут искать, пока я за ними присмотрю.

— Вы, наверное, кушать хотите, — спохватился вдруг Антон и протянул ей пирожок, — возьмите, поешьте, пирожки еще горячие.

— Спасибо тебе, сынок, я давно не ела горячего, — надкусив пирожок, пожевав немного, добавила, — добрый ты человек, а пирожки действительно горячие и вкусные. У хорошего человека ты их купил, приготовлены с душой.

— Кушайте на здоровье, — и, протянув ей кулек с оставшимися пирожками, встал, собираясь уходить.

Старушка протянула руку за кульком, но, взглянув в глаза Антона, она опустила руки, лицо ее переменилось. Исчезла усталость, вместо нее появились признаки радости и неподдельного торжества. У Антона появилась мысль, что вот сейчас на его глазах старушка победила неведомого врага и теперь празднует победу.

— Подожди, сынок, не торопись, присядь рядом, я хочу еще хоть несколько минут побыть рядом с тобой. А знаешь что, давай я тебе погадаю лучше.

— Вы что же, матушка, хотите рассказать мне о будущем или о прошлом?

— А разве ты против? Разве тебе не интересно узнать о своем будущем?

— Ну что вы, не в этом дело.

— Тогда скажи, в чем? Или ты боишься своего будущего?

— Нет, что вы, я совершенно не боюсь. Я считаю, что довольно крепок духом и могу выдержать любое испытание. Я не стану паниковать, даже если буду на сто процентов уверен в своей смерти, даже если она наступит через пару часов. Я смогу выдержать любую правду, но только правду, а не ложь. Я прекрасно понимаю, что люди разные, и в сущности

многие слабы духом. Многие хотят знать и верят всему, что им говорят другие, хотят знать, но не верят в то, что услышали, третьи бояться узнать свое будущее, и поэтому не хотят слушать, четвертые не бояться, но и не хотят, знать свое будущее, считая, что эти знания только помешают им жить.

— И к кому же ты себя относишь?

— Ни к тем, ни к другим. Такие как я считают, что это большой грех, человеку знать о своей судьбе не надо. Вы, конечно, матушка, знаете, что именно так написано в святом писании. К тому же там написано, что гадание на судьбу — еще больший грех.

— А ты, сынок, не так прост, как кажется со стороны. Но ты не переживай, для тебя не будет считаться грехом, если я тебе погадаю, ведь на этом настаиваю я сама и, заметь, от чистого сердца. И может случиться так, что мне это зачтется в будущем, ведь я погадаю не корысти ради, а в благодарность к человеку, который поделился с голодным последним кусочком хлеба, когда сам остался голодным. А то, что мне придется держать ответ перед Всевышним, я знаю. Знаю и то, что за все мои грехи гореть мне в гиене огненной. Но пойми меня правильно. Ведь все это я прекрасно понимаю, но изменить ничего не могу. Такие ведуньи, как я, избранные, и должны нести свой крест, так уж угодно Всевышнему. В скором будущем он призовет меня к ответу, и вот тогда я положу на чашу его весов свои грехи и те добрые дела, которые я всю жизнь старалась делать для людей. И мне кажется, что одним из самых добрых дел будет то, что, наконец-то я тебя нашла. Я ведь ни минуты не сомневалась, что ты жив и здоров, я только боялась, что у меня не хватит сил найти тебя.

— Матушка, вы хотите сказать, что мы с вами знакомы? — удивился Антон.

— Нет, сынок, что ты, мы с тобой никогда не встречались, но я всегда знала о твоём существовании.

— Но тогда почему вы говорите, что знаете меня. До этого времени вы говорили только правду. Я ведь могу отличить обман от правды, и до сих пор не был разочарован, в ваших словах, и не заметил ни одного слова лжи. Но вот чего я никак не пойму, так это откуда вы можете знать меня.

— Хорошо. Я отвечу тебе на все твои вопросы, а ты потом сам разберешься, где правда, а где ложь. Ты только дай мне свою руку и наберись терпения.

Антон протянул ей свою руку. Старушка взяла ее в свои ладони, погладила, затем накрыла ее своей ладошкой, долго сидела так, не шевелясь, бормоча какие то непонятные слова. Когда она открыла глаза, Антон хотел убрать руку, но старушка удержала ее.

— Не надо, сынок, не забирай, я хочу еще подержать ее в своих руках. Ведь больше мне ее подержать не доведется, — с грустью произнесла она. — Теперь задавай свои вопросы.

— Почему вы сказали, что знаете меня?

— Тебя лично я не знала, зато я хорошо знала твоих родителей.

— Интересно, как это получилось, что вы, не зная меня и никогда не встречая, можете утверждать, что знаете моих родителей? Я сирота и сам не знаю своих родителей.

— В этом нет ничего удивительного. Мне подсказали твои глаза. Они точь-в-точь повторяют глаза твоей матери. А ее глаза, я не спутаю ни с какими другими. К тому же, посмотрев твою руку, я убедилась в своей догадке окончательно. Так же могу сказать, что ты родился в 1941 году, а родители погибли в 1942 году. Вот тогда ты и стал сиротой.

— Ну вот, — разочарованно произнес Антон, — а я всю свою жизнь надеялся, что они живы, и мама с папой обязательно найдутся.

— Не расстраивайся, сынок, ты еще найдешь их, я уверена. Но только не живых, а их

могилки. А то, что ты хотел найти их, это очень похвально, и могилки в скором будущем найдешь. Теперь после нашей встречи я не стану искать их могилы. Ты найдешь их и поклонись, и от себя, и от меня заодно. Перескажешь им всю нашу беседу в подробностях, а уж они сделают правильные выводы.

— А я даже не знаю, как их звали, — с грустью заметил Антон.

— Ты и не мог этого знать, а звали их очень просто, Рада и Максим. И еще, сынок, клятвенно пообещай мне, никогда в жизни не искать встречи со своими родственниками. Я не просто прошу тебя об этом, я заклинаю тебя, послушай меня, я не посоветую тебе ничего дурного.

— Почему нельзя, это ведь мои родственники, и я естественно хочу их найти и пообщаться.

— Сынок, пойми меня правильно, ведь тебя просит об этом не просто старая цыганка, а твоя хоть и двоюродная, но все же бабушка.

— Вы моя бабушка? — искренне удивился Антон. — Вот этого я точно не ожидал.

— Сынок, давай договоримся так, ты клянешься мне, что никогда не будешь искать встреч со своими родственниками, а я в свою очередь, расскажу о них кое-что и о твоих родителях. Не переживай, о твоём будущем я говорить не стану, хотя уже знаю очень много. Ты ведь именно этого хотел, ну а для меня хватит и того, что, переживая все тяготы и потери, ты, в конце концов, будешь счастлив, среди большой своей семьи. Ты проживешь очень долгую жизнь. Ты даже не представляешь, как много ты сделаешь для людей, но только не здесь, — и, глядя задумчиво, куда-то вдаль, добавила уже совсем тихо, — не на этой земле, а жаль.

— Бабушка, что значит не здесь и не на этой земле?

— Ну что ты, — стала успокаивать его она, — это я так, о своем задумалась.

Но Антон не поверил ее отговорке, хотя настаивать не стал.

— Бабушка, расскажи мне о моих родителях.

— Хорошо, сынок. Твоего отца звали Максим. Он был из очень благополучной и интеллигентной семьи. Его отец занимал очень высокую должность, точно не могу сказать, но, кажется, он работал в правительстве. Кем, не спрашивай, не знаю. Мама его была профессором, преподавала в университете. У них в семье был еще и младший ребенок, звали его Сережа Белов. Мне в то время мама твоя все уши прожужжала, какой это злой и вредный мальчик, не только по отношению к Максиму, но и к родителям.

Голос старушки стал хрипеть, ей стало трудно говорить, Антон тогда подумал, что это от нахлынувших воспоминаний. Старушка достала из лукошка небольшой термос, налила из него пару глотков темной тягучей жидкости, поморщившись, выпила ее.

— Этот четырнадцатилетний мальчишка был еще тот гаденыш. О нем я еще скажу позже. Все, что я знаю об этой семье это только со слов твоей мамы. Теперь я расскажу о твоей маме.

Родословная наша тянется еще с Индии. Позже предки переселились в Венгрию, подробности об этом я тебе рассказывать не буду, ни к чему они тебе. Так вот, прадед твой был королевских кровей. Мы являемся венгерскими цыганами. Прадед, спасаясь от какой-то кровной мести, покинул Венгрию, переехав в царскую Россию. Задолго до революции. Обосновался он в Подмосковье.

Позже после его смерти, его сын унаследовал все, в том числе и всю власть над цыганами. Он очень влиятельный человек. Ты даже представить не можешь, какой он

обладал властью, хотя и не афишировал это. Вот твоя мама была единственной его дочерью. Ее мама, звали ее Настя, долго не могла иметь детей, но когда, наконец, родила девочку, то назвала ее Рада. Так звали твою маму. Твоя бабушка Настя была моей старшей сестрой. Дедушка до безумия любил ее. Когда Настя после осложнений, полученных при родах, умерла, твой дед всю любовь свою отдал твоей маме. Он больше никогда не женился, в память о своей любимой.

Как бы он не любил свою Раду, он все же был мужчиной, и ему трудно было справиться с грудным ребенком. Доверить свою драгоценность он не мог чужому человеку, поэтому взял меня в свой дом, в качестве няни для Рады.

Я, в свое время сильно болела, и своих детей иметь не могла, потому и замуж никогда не хотела. На приглашение твоего деда я откликнулась с большим удовольствием. Всю свою любовь я посвятила только твоей маме.

Рада, когда стала подрастать, быстро поняла, что из меня и ее отца можно вить веревки, пользовалась этим. Отец очень многое позволял ей, вот она и выросла своенравной. Никого не хотела слушать, поступая так, как считала нужным. Но зато выросла красавица, такие один раз в тысячу лет рождаются.

Где они познакомились с твоим отцом мне неизвестно. Знаю только то, что любили они друг дружку очень сильно, в этом я была уверена. Но твой дедушка принять это не мог. Дело в том, что он, в свое время, пытаясь наладить мосты в Венгрии, пообещал отдать твою маму в жены очень высокому чиновнику в правительстве. Я утверждать не берусь, но как я слышала краем уха, это был то ли сын короля, то ли его племянник, точно сказать не берусь, со мной как ты понимаешь, никто секретами не делился.

Это мы с Радой узнали случайно, когда ее отец, заставлял ее отказаться от Максима, то обозленный отказом Рады в гневе проговорился. Но Рада была строптивой девушкой, однажды она пришла ко мне и созналась, что согрешила с Максимом. И теперь она боялась, что если отец узнает, то убьет их обоих.

Я знала, что как бы он не любил свою дочь, в порыве гнева он мог ее убить, в этом не было сомнений. Рада попросила меня помочь им убежать, пообещав в будущем обязательно со мной связаться. Еще она поклялась, что если родится дочь, то назовет ее моим именем, если будет сын, то назовет Антоном, в честь нашего с Настей отца.

Я отговаривала ее, как могла. Говорила, что если отец найдет их, а он найдет обязательно, то убьет обоих. Она и слушать ничего не хотела. Пусть, говорит, убивает, но если мы с моим любимым продержимся в бегах до рождения ребенка и успеем передать его на воспитание хорошим людям, то будем счастливы безгранично. И поверь, матушка, наша любовь поможет нам в трудную минуту, я в этом уверена. И пусть мы хоть месяц проживем на свободе, то уже мы будем считать себя самыми счастливыми людьми на свете.

— И вы помогли им убежать?

— Да сынок, помогла. Я уже тогда знала, что у Рады родится сын, и они оба погибнут после его рождения. Ты хочешь спросить, откуда я это знаю, не забывай я ведь ведунья, я прочла это в их судьбе еще задолго до побега. Но я все же, помогла им бежать.

Твой дедушка, узнав об их побеге, был в таком бешенстве, что посылая в след за ними своих людей приказал не оставлять их в живых, и не возвращаться, пока не выполнят приказ. Он догадался, что они убежали с моей помощью. Я не стала ждать его обвинений и первая набросилась на него. Я обвинила его в том, что именно он виноват во всем. Это его воспитание и вседозволенность привели к такому результату. Под натиском моих обвинений

он смирился, и, махнув на меня рукой, ушел и больше не напоминал мне об этом. Он просто приказал выгнать меня из дома, и наказал, чтобы ни один табор не принимал меня. С тех пор я жила в Свердловске. В таборы меня не принимали надолго, да я и сама не хотела их подводить, но и не гнали, всегда я могла найти у них кусок хлеба и кров над головой.

Я долго не могла приступить к твоим поискам. В то время трудно было это сделать, мне пришлось всю войну работать на военном заводе. Трудно приходилось, тогда я и подорвала свое здоровье окончательно. Долго лечилась, потом опять работа. И только после того, как я вышла на пенсию, я по мере возможности стала ездить по стране и, не афишируя мой интерес, стала расспрашивать людей, посещая различные таборы.

Только недавно я узнала от одной старухи, что где-то в этих краях слуги Барона все же настигли беглецов, жестоко расправившись с ними. Я поинтересовалась у нее, были ли у них дети, но старуха клятвенно говорила, что детей при них не было, иначе об этом знало бы все цыганское население.

Так я еще раз убедилась, что ты тогда остался в живых. Скорее всего, этим бандитам надоело скитаться в поисках и, убив твоих родителей, они поспешили с докладом к Барону, совершенно не подозревая о твоём существовании. Уходя из дома, я не осознавая, что делаю, прокляла твоего деда. Не могу сказать, от моего проклятия или от случайности, но он, работая ножом, порезал себе руку. Он не обратил на это внимания, и как оказалось зря. Столбняк помог ему сойти в могилу.

Старушка помолчала немного, собираясь с мыслями, потом продолжила:

— Теперь ты понимаешь, почему тебе не надо встречаться и искать встречи со своими родными. Среди них не найдется ни одного человека, который от души порадовался бы твоему появлению. Особенно опасна для тебя будет встреча с твоим дядей Сергеем. Именно он в свое время подсказал Барону, в каких краях искать беглецов, подслушав их разговор. Боюсь, что не без его помощи и погибли в скором времени его родители. Вот его и надо опасаться. Я не знаю почему, но он, рассказав все Барону, утаил от него, что Рада была беременной, хотя знал это. Я не уверена, что он поступил так из чувства любви к еще неродившемуся ребенку.

Теперь немного о твоём будущем, — и, не смотря на протест Антона, она продолжила, — я не буду говорить тебе о чем-то конкретно. Скажу немного. Тебя ждет очень жестокая судьба. Ты будешь терять своих близких и друзей, но ты выдержишь все и выступишь. Ты станешь великим воином и очень хорошим командиром. Много в своей жизни увидишь смертей и лишений. Тебя часто будет казаться, что ты счастлив, но это будет не совсем так. Ты по настоящему станешь счастливым, только очень много лет спустя. Проживешь ты очень много, я даже боюсь признаться сколько. Но одно могу сказать, что это будет гораздо больше ста лет. Я видела по твоей руке, что тебя окружают дети, внуки и правнуки, и, поверь мне, это не просто семья. Она огромна. Я даже не могу представить, как ты со всеми справишься. Вот тогда ты будешь по-настоящему счастлив. Но хочу тебя также и огорчить. Все это я вижу в твоей судьбе, но, что меня сильно смущает, так это то, что я не вижу тебя с твоей семьей на Земле. Не знаю, может к этому времени люди научатся летать на Луну или на Марс, но то, что тебя я не вижу на Земле, я уверена, и обмануться не могла.

— Да, бабушка, огорошили вы меня своим рассказом, теперь не знаю, как быть и что делать.

— А тут, сынок, ничего и не поделаешь. Живи, как живешь, судьба сама укажет тебе путь, только не надо ей сопротивляться. Это, сынок, твой крест и тебе его нести. За тебя его

никто не понесет. И еще хочу тебе сказать, помни, мой хороший, что Ангелом-хранителем у тебя теперь твоя мама. Ты только слушайся ее, и все у тебя будет хорошо. Она не раз еще придет к тебе на помощь, даже если ты случайно забудешь об этом. А теперь, сынок, пришло время прощаться.

— Как, бабушка, вы только нашли меня, и хотите прощаться. Не надо, может, вы теперь останетесь, и доживете свой век рядом со мной. Я буду только рад этому, поверьте.

— Я верю тебе, мой мальчик, но пойми и ты, у тебя сейчас своя дорога, а я не хочу, чтобы ты хоронил меня. Я хочу остаться в твоей памяти всегда живой, хоть и очень старой. Посмотри на тех чумазных цыганят. Теперь это моя надежда, когда найдутся их родители, они присмотрят за мной. Мне ведь недолго осталось, я это знаю. Вот они и похоронят меня согласно цыганским традициям. А ты не переживай, лучше наклонись ко мне.

Антон наклонился, старушка перекрестила его, прошептав молитву, потом поцеловала трижды.

— Теперь ступай, сынок, и помни, что благодаря нашей встрече твоя непутевая бабушка, наконец, обрела покой, и немножко счастливых минут.

Старушка поднялась и, не оборачиваясь, медленно пошла к зданию вокзала. На этот раз она уже шла с гордо поднятой головой.

Антон трижды поклонился ей в след, не обращая внимания на косые взгляды прохожих, повернулся, и с чувством какой-то утраты пошел домой.

— Вот так, дядя Егор. Цыганка эта оказалась моей двоюродной бабушкой. Теперь я понимаю, почему меня порой называли цыганенком. Значит, во мне течет цыганская кровь. Вот бабушка и предсказала, что я буду военным. Мне кажется, что она не стала бы обманывать своего внука, — посмотрев на Егора, он спросил, — ты почему на меня так смотришь?

— Ты не обращай на меня внимания. А вот цыганка действительно сказала тебе правду. Я не могу сказать, как она это узнала, да, впрочем, это секретом и не было никогда. Ты не знал об этом потому, что трагедия эта произошла слишком далеко от нас. А вот все, что произошло с твоими родителями, цыганка сказала тебе чистую правду. Мы с Тугаем узнали об этом как раз в то время, когда тебя волки покусали. Долго ждали подходящего случая. А случай так и не представился. Да и ты хорош. Не сказал нам тогда про разговор с цыганкой, а теперь поздно. Тугая с нами нет, придется мне за всех держать ответ.

Разговор затянулся надолго. Егор рассказал Антону все, что знал, о его судьбе, и о той трагедии, в результате которой Антон попал к Тугаю. Напомнил он ему и о странном сне, приснившемся ему после нападения волков, пояснив, что это к нему в результате стресса вернулась память.

— Получается, что где-то недалеко, живут несостоявшиеся мои братья. А вот Варя, хоть и не родная мне сестра, но все же мне хотелось бы увидеться с ней. Хочется извиниться перед ней. Как не говори, а по моей вине распалась ее семья.

— Не вини ты себя в этом. Их семья все равно распалась бы рано или поздно. Ты лишь был маленьким толчком в этой ситуации.

— Вареньку ты обязательно увидишь. Вот выберем время и съездим с тобой, навестим могилку твоих родителей, а там рядом в соседней деревне живет твоя Варя.

— Спасибо вам, дядя Егор. Я хочу в ближайшее время постараться побывать на могиле моих родителей, мне это просто необходимо. Но меня вот еще, что смущает. Там на вокзале, бабушка вскользь упоминала, что на мне лежит проклятие какое то. Ну не на мне конкретно, а на семье, в которой я живу. Она сказала, что если я в этой семье живу, то косвенно попадаю под него. И еще, она сказала, что избавиться от него я не смогу, и помочь мне в этом никто не сможет, так как идет оно с очень древних времен. И рок этот теперь придется нести мне. Я не знаю, что и подумать, к тому же эти слова, сказанные дедушкой перед самой смертью, совершенно сбивают меня с толка.

— Какие слова? — не понял Егор — и когда он говорил тебе?

— Нет, что ты, не мне, а почтальонше нашей. Перед тем как умер, он сказал ей эти слова, а она потом передала их мне.

— Что он ей сказал? — с тревогой спросил Егор.

— Я сначала не понял совсем ничего из ее сумбурного потока слов. Но потом попросил ее успокоиться и рассказать подробнее, вспоминая последовательно слово за словом. Не знаю, как получилось, но я записал ее пересказ. Вот, прочтите сами, — Антон достал блокнот и протянул Егору.

Проклятый фараон, когда же он насытится человеческой кровью. Когда, наконец, захлебнется ею. Если бы это произошло, счастливее меня, наверное, не было бы человека на земле. Антоша, сынок мой милый, прости меня за то, что кровожадный фараон будет

вымещать свою злобу на тебе и твоих детях. Я покидаю тебя с тяжелым сердцем. Уверен, что на меня ты зла держать не станешь. Спасибо тебе за те несколько лет счастья, которые ты мне подарил, живя вместе со мной. Антоша, поверь, я был очень счастлив с тобой. И вот еще что, Катенька, милая, передай мои слова Антону обязательно. И пусть он от моего имени поблагодарит моего самого лучшего друга и брата Егорку, за его бескорыстную и верную дружбу. Пусть Антон поклонится всей его семье, пусть они знают, что все эти годы роднее их у меня никого не было. А тебе, Катенька, особое спасибо, за беспокойство обо мне в последние мои минуты жизни. И пусть Егорка похо....

Егор, отложив блокнот, долго сидел молча. По его старческому лицу текли слезы, но он не замечал их.

— Это были его последние слова?

— Тетя Катя сказала, что он умер на полуслове.

— Милый мой друг, он и, умирая, помнил о нас. Теперь сам покинул меня, а на все вопросы теперь за тебя отвечать придется мне. Ничего не поделаешь, раз он оставил меня вместо себя, придется мне отвечать. Антон, клянусь, это последняя тайна, которую я знаю. Теперь ты будешь знать все.

Длинной оказалась эта тайна, но Егор пересказал ему все, что знал, о проклятии фараона, и как через тысячелетия оно дошло и до него. Закончив рассказ, он посмотрел на Антона. Тот сидел с низко опущенной головой и о чем-то сосредоточенно думал.

— Ты о чем задумался?

— Спасибо вам за рассказ. Теперь я точно уверен, что дорога мне, только в армию. Завтра отпрошусь с работы, поеду в институт и попрошу академический отпуск на время службы. Потом заеду в военкомат и попрошу военкома призвать меня на службу. Пусть этой же осенью и призывают. А когда вернусь из города, мы с вами съездим на могилку моих родителей. Как думаете, дядя Егор, это правильное решение?

— Я думаю, что правильное, но напомню, что решения теперь принимать будешь только ты сам. Мы можем дать только совет, а остальное за тобой.

— Тогда дайте совет, как мне поступить с нашим домом. Продавать его я не хочу и не буду, а оставлять без присмотра тоже не хочется.

— Что тебе сказать Антон, ты теперь взрослый человек, и вполне можешь принимать радикальные решения. Отговаривать тебя я не буду, если ты считаешь, что поступаешь правильно, значит, так тому и быть. А насчет дома, не беспокойся. Пока тебя не будет, мы с Наташей там проживем. Мы теперь пенсионеры, проживем в тишине, а чтобы не было скучно, Илюшу с собой возьмем, а то он со своими родителями совсем от рук отбил, — и, повернувшись к жене, спросил, — Наташа, ты как на это смотришь?

— Он еще и спрашивает, — сердито ответила она, — ты что, сам не видишь, что я давно готова бежать из этого вертепа без оглядки на самый край света. Я устала уже, кручусь целый день, как белка в колесе. Целый день одно и то же, одного накорми, другому подай, третьему нос подотри. Не забудь постирать, приготовь обед на всю ораву. Пойми, я так устала, что жить не хочется. А он еще спрашивает, согласна я или нет. Я тебе сколько раз говорила, детей пора отселять, я не могу за всеми ухаживать, у меня уже ноги не ходят. И вот, наконец-то, и ты обо мне подумал.

— Все-все, я понял, что ты согласна, остальные претензии выскажешь вечером. Вот видишь, Антошка, все решаемо, так что служи спокойно, мы за домом присмотрим, а за одно и своих научим самостоятельности. А там, глядишь, и ты вернешься.

— Боюсь, дядя Егор, что не скоро вернусь.

— Подожди. Что значит, не скоро вернусь. Ты что еще придумал, а ну выкладывай немедленно.

Антон посмотрел на них. Егор с изумленными глазами смотрел на него и ждал ответа. Тетя Наташа замерла, сидя на лавочке у печки, прижав уголок платка к губам, боялась пошевелиться.

— Я вам, мои родные, еще не все сказал. В тот день, когда я разговаривал с бабушкой, она предсказала мне не только, что я буду служить, но и длинную дорогу. Подождите, я сейчас вспомню ее слова — подумав немного, он процитировал: — Ты, сынок, будешь хорошим воином и хорошим командиром. Много где побываешь, многое увидишь и узнаешь. Будут у тебя раны и болезни, но все это ты переживешь. А вот дорога, которая выпадает для тебя, окажется такой длинной, что окажется длинной в жизнь.

— Это ее слова, и как я убедился, ее слова сбываются. Так что, вернусь я сюда или нет, не знаю.

— Антоша, сынок, — запричитала тетя Наташа, — ну, что ты такое говоришь. Вот отслужишь положенное и вернешься, а мы все будем ждать тебя.

Антон встал, подошел к ней и, присев на лавочку рядом, обнял за плечи и ласковым голосом сказал:

— Ну что же ты плачешь весь день, мамулечка милая ты наша и самая любимая? Я ведь не на всю жизнь уеду. Я буду писать вам письма, каждый год буду проводить отпуск только у вас. Ведь краше здешних мест нет ничего на свете.

— Ладно, смотри, но только каждый отпуск, ты обещаешь?

— Конечно, обещаю, а как же иначе. Вы ведь для меня самые родные, — улыбаясь, пообещал Антон, крепко целуя ее в обе щеки.

— Ладно, поверю, если отпустишь меня, медведь ты этакий, ну зацеловал прямо всю, — и, повернувшись, обратилась к Егору, — а ты обещаешь, что за Илюшей, ты будешь присматривать. Я уже не справляюсь с этим разбойником. Он здесь весь день бегают, охотится все на медведя, а там на воле он вообще возьмет ружье и отправится в лес. С него станется. Вот тогда мы точно хлебнем горя.

— Ну, что ты такое говоришь. Я ему на днях деревянное выстрогал, вот он теперь и бегают с ним, играет.

— Бегают, играет, — передразнила она его, — ты просто не видишь, он уже несколько раз пытался вытащить из ящика твой карабин. Хорошо еще, что я всякий раз оказывалась рядом и не давала ему сделать это. Так он теперь к Мишке пристает. Ты мол, учишься в городе на милиционера, вот и купи мне настоящее ружье. Мишка спрашивает его, зачем, мол, тебе настоящее, а он и говорит, с настоящим пойдет в лес и застрелит там медведя. Наслушался ваших баек про охоту, вот и грезит ей. Теперь представь, как я там буду бегать за ним.

— Ладно, мои родные, вы тут решайте, кто из вас будет бегать за Илюхой, а я пойду, пожалуй. Поздно уже, а завтра предстоит много работы.

Попрощавшись, он ушел. На следующий день утром рано на первом автобусе уехал в район.

Первым делом он отправил заказное письмо в деканат института, приложив к нему подробную объяснительную записку, с просьбой предоставить ему академический отпуск на время службы в армии.

После этого, заехал в управление лесного хозяйства, где подал заявление на увольнение с работы. Начальник управления долго уговаривал его остаться хотя бы до осени, пока не получит официальной повестки на призыв. Антон как мог, уговаривал его, и, в конце концов, начальник под натиском его аргументов согласился и приказал начальнику отдела кадров к вечеру рассчитать его полностью.

Пока в бухгалтерии готовили расчет, Антон съездил в военкомат. Вскоре он постучал в дверь начальника военного комиссариата.

— Войдите, — раздался тихий усталый голос за дверью.

Антон вошел. Первое, что бросалось в глаза, это небольшие размеры кабинета. Видимо, начальник не привык к роскоши. За столом сидел довольно пожилой человек, с признаками усталости на лице. Обвисшая форма с майорскими погонами совершенно не сочеталась с внешностью самого обладателя мундира.

Майор, прижимая искалеченной левой рукой лист бумаги, старательно что-то писал. Кивком головы он пригласил посетителя сесть, а сам продолжал писать. Закончив, он поднял голову и, отложив документ в сторону, спросил:

— Ну, молодой человек, с чем пожаловали? Хотите получить отсрочку от армии? — с ноткой сарказма спросил он.

— Нет, не угадали, — в тон ему ответил Антон, — совсем наоборот. Вот мой военный билет. Меня освободили от службы в армии, так как я являлся единственным кормильцем бабушки-пенсионера. На основании этого закона мне был выписан военный билет. В данный момент бабушка умер и я, решил пойти служить Родине.

Военком связался с кем-то по селектору и приказал принести его личное дело. Через две минуты он уже изучал его.

— Ничего не получится молодой человек. Я, конечно, приношу соболезнование по поводу кончины вашего бабушки, но здесь говорится, что у вас на попечении осталась жена и грудной ребенок. Или здесь неправильно записано?

— Было правильно записано, а теперь у меня нет никого, — с грустью в голосе произнес Антон.

— Как это никого нет. А жена где? А где ребенок?

— Я же говорю вам, что нет у меня никого. Этой весной моя жена и сын погибли в автокатастрофе. Вы, наверное, слышали о том, как сгорели люди заживо в автобусе, вот в нем и ехала моя жена и сын. Бабушка умер чуть позже. Сердце не выдержало, когда он узнал о смерти моей семьи. Теперь я совершенно один остался. Хочу пойти служить и, как все, отдать свой долг нашей Родине.

— Прости, пожалуйста, и еще раз прими мои искренние соболезнования. Чтобы призвать тебя, мне придется теперь делать множество различных запросов и объяснений. Ты теперь по всем документам проходишь как рядовой с правом мобилизации только в военное время. Тебе ведь не зря выписали военный билет. Другие, имея военный билет на руках, близко, не подошли бы к военкомату, а ты сам сюда идешь.

— Да поймите вы, я не могу находиться в доме, где все напоминает о них. Я просто боюсь оставаться один. От одиночества я постепенно начинаю сходить с ума. И вот, чтобы окончательно не сойти с ума, я решил пойти служить. Рядом со мной будут находиться такие же ребята как я. Мне будет легче среди людей. Отслужу положенное, вернусь домой, а может случиться так, что армия станет моей семьей. Как знать, у каждого своя судьба. Я думаю, что время все расставит по своим местам.

Слушая этого молодого парня, на лице майора вместо усталости теперь можно было прочесть заинтересованность и уважение. Вновь прочитав фамилию Антона, он заинтересованно спросил.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Так, зовут, значит, вас Ли Антон Максимович. Скажите, а кем приходится вам Ли Тугай?

— Это мой дедушка.

— Значит, умер наш герой-разведчик. Пусть земля ему будет пухом. Замечательный человек. Очень жаль, что так быстро теряют свои ряды, наши друзья-однополчане. Мне очень жаль, ну а как там поживает его друг Бедуля? Только не говори, что и он помер.

— Нет, что вы, Дядя Егор жив и здоров.

— Слава Богу, хоть одна хорошая новость за утро. По случаю передай ему от меня низкий поклон с пожеланием крепкого здоровья.

— Спасибо, передам обязательно, и ходить далеко не придется. Он теперь будет жить в нашем доме.

— Надо подумать, как тебе помочь, и куда определить служить. У тебя есть какая-нибудь специальность?

— Вообще-то я специалист лесного и охотхозяйства. До сегодняшнего дня я работал егерем.

— Значит, охотник, и стреляешь хорошо?

— По крайней мере, звери не жаловались.

— А что так? — поддержал шутку майор.

— Не успевали.

Поняв смысл шутки, майор от души посмеялся.

— Молодец, с юмором у тебя все в порядке. Ну, а что еще ты умеешь и знаешь. Может спортивные разряды имеешь, или еще что ни будь.

— Разрядов нет, зато я владею восточными единоборствами, как дедушка говорил, в совершенстве. Но мне не хотелось бы это афишировать.

— Ну, как я раньше не догадался, — хлопнул он себя ладошкой по лбу, — у такого деда как твой, и лесной пенек станет хорошим бойцом, а тут такой здоровый парень. Тут сам Бог велел научиться. Тогда слушай меня. Я тут в ближайшее время постараюсь утрясти твои документы. От тебя требуется только заявление на мое имя. Напишешь в приемной, и там же оставишь. Пойдешь служить в десантные войска. У тебя есть все задатки к этому, да еще владение рукопашным боем. Я даже разрядку получил на днях из Рязани. Ну, как моя идея, пойдешь служить десантником?

Антон с улыбкой кивнул головой. Военком нажал на кнопку, через секунду в кабинет заглянул сержант.

— Петров, примешь у этого молодого человека заявление, так у нас, кажется через три дня, собирается комиссия. Возьми его военный билет и выпиши ему повестку. Пусть пройдет комиссию и зачисли его в команду двадцать-тридцать четыре, и в первых числах ноября отправим, пусть служит.

Сержант взял военный билет, сказал:

— Есть, — и вышел из кабинета.

— Ну что, Антон Максимович, внук знаменитого деда, служи как положено, не подводи старую гвардию, а я со своей стороны обещаю сделать все возможное.

— Спасибо вам огромное, товарищ майор. Краснеть за меня вам не придется, я обещаю.

Через несколько дней, пройдя комиссию, он был признан годным для службы в рядах Советской армии. Ему вручили повестку, где говорилось, что пятого ноября он обязан прибыть в военкомат для дальнейшей отправки по месту службы.

Антон даже не заметил, как пролетели оставшиеся две недели до отправки. В сутолоке и беготне, он порой забывал, где он и что с ним происходит. Но вскоре пришло время уезжать. Провожали его всей деревней. Каждый считал своим долгом лично попрощаться и пожелать хорошей службы. Председатель с дядей Егором лично отвезли его в военкомат. В назначенное время их построили и, сделав перекличку, посадили в автобус.

Под присмотром капитана и двух сержантов, так называемых покупателей, они, в количестве двадцати человек, поехали на вокзал, где их посадили в отдельный вагон, прицепленный к пассажирскому поезду.

Поезд, стуча колесами, набирал ход, двигаясь на запад, к неизвестной его судьбе. И только ночью под монотонный стук колес он в полной мере осознал, что вот сейчас для него начинается новая неизвестная жизнь.

После пережитого он не смог уснуть и теперь мысли медленно возвращали его к поездке на могилу родителей. Он не стал отгонять их, а, расслабившись, постарался вспомнить все в подробностях. Ему очень было приятно, что пусть и через много лет, но он все-таки нашел своих родителей, хоть и неживых.

Приехав на кладбище, Антон с Дядей Егором с трудом нашли нужную могилу. За последние годы оно сильно пополнилось. Могила оказалась неухоженной и заросшей. Кресты давно прогнили и завалились набок. Антон не мог оставить это так.

Вместе с Егором нашли председателя и договорились на изготовление памятника и ограды. Заплатив деньги в бухгалтерию, уже через два дня установили все на место и навели идеальный порядок. Напоследок, засыпав могилу чистым речным песком. Прикрутив к памятнику приготовленную табличку с надписью:

Любим, помним, скорбим.

И ниже.

Беловы человеком, уверПо специальности я бывший военный спец подразделения. лжна развиваться пла

Максим Рада

1942 г.

Попрощавшись с родителями, Антон отправил дядю Егора домой, а сам поехал в соседнюю деревню. Ему очень хотелось встретиться с Варенькой. Он хоть и маленький был, и мало что мог помнить, но зато он хорошо помнил Вареньку, которая для него была и папой, и мамой. Все что он пытался вспомнить и помнил, так это только Варя.

Встреча была очень приятной. Сперва все шло очень даже хорошо. Его встретила очень красивая девушка, стройная со здоровым румянцем на лице. В доме бегал трехлетний мальчишка, и к тому же у Вари уже был виден выделяющийся живот. В семье ожидалось пополнение. В доме было чисто и уютно. У Антона сложилось впечатление, что в этом доме живет дружная здоровая семья.

Варя очень обрадовалась встрече. Долго плакала и никак не могла поверить, что ее любимый Тошка сидит сейчас перед ней живой и здоровый.

Долго сидели, вспоминали прошлое. Антона интересовало все. Варя, немного привыкнув к тому, что ее Тошка живой, говорила много и с удовольствием. Антон понимал, что за этим кроется что-то другое. Видно было, что ей не хватает теплого, дружеского общения.

Она рассказала ему о том, как умерла ее мать, как погиб отец и как она осталась сиротой на руках у старого деда Савелия. После смерти деда ей очень трудно пришлось одной. Пришлось очень рано выйти замуж. Рассказывая о нелегкой голодной жизни одинокой сироты, она вдруг улыбнулась и похвалилась.

— Зато теперь у нас все хорошо. Теперь у меня есть сынок Виталик, будущий мой кормилец, а скоро будет у него еще и братик, а может сестричка, это как Бог даст.

Вскоре от жарко натопленной печки стало в доме жарко. Варя сняла с себя теплую, вязаную кофту оставшись в легком сарафане. Антон обратил внимание на синие отметины на ее предплечье. Опытным взглядом он определил, что такие отметины могла оставить только сильная мужская рука.

— Что у тебя за синяки на плече?

— Ой, да я и не знаю, откуда они, может случайно ударилась, где-нибудь в сарае, когда управлялась по хозяйству, — смущаясь, стала оправдываться она.

— Варюша, не надо меня обманывать, я ведь вижу, что это оставлено рукой мужчины. Что муж бьет?

С неохотой, но под нажимом Антона, она все же созналась.

— Понимаешь, Антоша, он неплохой мужчина. Он работает, обеспечивает семью, и вообще у него золотые руки. Ты посмотри, все, что есть в доме и на дворе, все сделано его руками. Вот только когда выпьет, становится злым и грубым. Бьет он в основном меня, но бывает и Виталику достается. Он хоть и маленький, но хорошо уже различает, когда папка приходит пьяный. Тогда он бежит в комнату и прячется под кровать, и сидит там пока муж не уснет.

Время бежало неумолимо быстро. Ближе к вечеру Антон хотел уже попрощаться и уехать домой. В это время дверь с шумом открылась, на пороге показался невысокий худощавый мужчина. На вид ему было около тридцати с небольшим лет, грязный, небритый и видно было, что он изрядно навеселе.

До сих пор спокойно игравший Виталик, увидев отца в таком состоянии, быстро юркнул в соседнюю комнату. Увидев такое явление, Антон догадался, что это и есть муж Вареньки.

Мужчина, как был в грязных сапогах, шатаясь и враждебно глядя на Антона, прошел через всю комнату и с грохотом сел за стол. Антон решил немного задержаться.

Зыркнув еще раз на Антона, он сквозь зубы прошипел:

— Ты что паскуда, хахаля в мой дом привела, так я тебе быстро ребра посчитаю.

Варя начала было что-то говорить в оправдание, насчет приехавшего брата. Но Григорий резко оборвал ее:

— Заткнись, убогая. Быстро на стол собери, я жрать хочу. Потом с вами разберусь.

Антон молчал, скрипя зубами, наблюдал за происходящим в доме. Варя суетливо накрыла на стол, и, подхватив ухват, вытащила из печи тяжелый чугунок. Налив горячего борща в большую алюминиевую миску, поставила перед мужем, рядом положила деревянную ложку, расписанную ромашками и покрытую лаком. Григорий, глянув на нее, зачерпнул борща, попробовал на вкус.

— Опять пересолила, паскуда, на зло делаешь мне, — и уже хотел бросить в нее миску с

борщом, но в это время Антон резко ударил по столу кулаком, привлекая к себе внимание. Варя от неожиданности вскрикнула, а Григорий, удивленный тем, что кто-то в его доме не согласен с его правилами, поставил миску на стол и грозно посмотрел на Антона.

— Ты кто такой, сопля? И как ты смеешь в моем доме стучать по столу? Да я тебя сейчас...

Опершись на стол, он собирался встать, но в это время из комнаты выбежал маленький Виталик. Он бежал мимо, чтобы прижаться к матери. Гришка, схватив его, с силой швырнул на пол так, что малыш, упав, закатился под лавку, стоящую вдаль стенки.

Такого поведения Антон вытерпеть не мог. Он схватил Гришку за ворот, и также как тот поступил с ребенком, с силой швырнул его в угол комнаты. Гришка, ударившись о стенку, отлетел и оказался лежащим на полу, среди комнаты у самых ног Антона. Антон, наклонившись, на этот раз взял его за грудки. Резко подняв и держа Гришку на вытянутой руке, второй рукой замахнулся, чтобы ударить. Гришка смотрел на него, болтая в воздухе ногами.

из головы его выветрилась мгновенно. До него стало доходить, что он висит в воздухе и держит его очень сильная рука. Понял, что, если этот молодой парень, похожий на огромного медведя, сейчас ударит его, то удар этот для него будет первым и последним, шутить этот парень не собирается. Огонь, который он видел в глазах Антона, о многом рассказал. Антон хотел уже ударить, но его остановил голос Вареньки. — Антоша, миленький, прошу тебя не надо, — прижав руки к груди просила она. — Не бери грех на душу, не оставь детей сиротами.

Антон посмотрел в ее сторону. В глазах Вари читалась мольба. Поставив обмякшего Гришку на пол, подтолкнул его к столу.

— Садись к столу, недоносок. Разговаривать будем. Варюша, ты тоже присядь, пусть будет у нас что-то в виде семейного совета.

Варя, испуганно глядя на них, нерешительно подошла и присела на край табурета.

— Виталик, — позвал Антон племянника. Дождавшись, когда он подошел, обнял его за плечики, и прошептал в ухо:

— Посмотри, малыш, вон там, на лавке, стоит моя сумка. Там в сумке много для тебя гостинцев, походи, возьми их и поиграй в соседней комнате, а мы тут с папой и мамой поговорим. Хорошо?

Ребенок, озираясь, с опаской подошел, обнаружив там леденцы, взял их и убежал в другую комнату.

— Ну что, зятек мой единственный. Я тот самый Антон, которого наши братья пытались утопить в речке. Да кстати, Варюша, он знает об этой истории?

— Конечно, знает. Мы ведь все из одной деревни. Он старше меня и знает даже лучше, чем я, да к тому же дружил с нашими братьями.

— Это хорошо, не придется долго объяснять, что к чему. Теперь слушай меня внимательно, ублюдох недоразвитый. И не зыркай на меня своими поросычьими глазками, никто теперь тебя здесь бояться не будет. А теперь запоминай своим куриным мозгом и не говори потом, что не слышал. Я два раза подряд повторять не привык. Варенька — это теперь единственный мой родной человек. Мы с ней рано остались сиротами и очень много хлебнули горя. Всякого пришлось повидать и пережить, и я не позволю, чтобы какой-то упырь издевался над моей единственной сестрой и ее детьми. Мне кажется, что ты меня сейчас хорошо понимаешь. А если не поймешь, то следующего моего приезда можешь уже и

не пережить. А чтобы ты до конца мне поверил, то смотри сюда, я сейчас поклянусь на крови, и клятву свою сдержу, если хоть слова жалобы услышу из уст моих родных.

После этих слов он достал свой огромный нож, и легонько провел им, зажав лезвие в кулаке. Из ладони на стол побежала тонкая струйка крови. Варя, чтобы не закричать, прижала ладони ко рту и с ужасом смотрела на лужицу крови, растекающуюся по клеенке стола. Гришка хотел что-то сказать, но так и замер с открытым ртом.

— Так вот, Григорий, я клянусь на крови перед тобой в том, что если узнаю, а я обязательно узнаю, что ты обижаешь моих родных, то где бы я не находился, я приеду и раздавлю тебя как клопа. Веришь мне?

— Верю, — едва слышно выдавил из себя Григорий.

— Ты, чтобы лучше поверить, представь себе, что где-то далеко, у тебя живет единственный родной тебе человек, и у тебя кроме нее никого больше нет. И вот ты узнаешь, что твой зять регулярно издевается над ней. Что ты будешь делать. Будешь защищать ее или станешь помогать убивать родного человека? Мне кажется, что ты не до конца мозги пропил. Ну, а теперь ты мне веришь?

— Верю, — чуть помолчав, но уже твердым голосом произнес он.

— Ну, если веришь, тогда бери нож и поклянись, что никогда в жизни не поднимешь на жену и детей руку, и даже словом будешь стараться не обидеть их, — и протянул ему свой нож.

Гришка в страхе отодвинулся от стола, и как ребенок спрятал руки за спину. Антон видел, что этот субъект представляет собой только домашнего тирана, а как человек, это трусливое малодушное создание. Всего боящийся он приходил дамой, и все свои страхи вымещал на беззащитных близких ему людях.

— Ладно, — убирая нож, сказал Антон. — Кровавых клятв я от тебя требовать не буду, но ты сейчас попросишь у жены прощения и пообещаешь быть настоящим мужчиной в семье.

— Варенька, милая, — став на колени, просил он, — прости меня, слышишь, я никогда больше не посмею тебя обидеть, и буду хорошим отцом для наших детей. Я ведь очень вас с Виталиком люблю и не смогу без вас жить. Ты ведь знаешь, что я такой только пьяный, но я обещаю, что больше пить не буду, а если случится, то бери ухват и лупи меня как сидорову козу.

Варя стояла, прижав его голову к своим ногам, и тихо плакала.

— Хватит разводить сырость, — не выдержал Антон, глядя на них, — садитесь к столу. Мне скоро надо уходить, так давайте поговорим напоследок как родные люди, дружно и без слез. Будем надеяться, что это последние слезы в вашей семье.

Подождав пока они сядут, он продолжил:

— Мне Варя говорила, что ты, Григорий, хороший человек. Ты хозяйственный, и руки, по ее словам, у тебя золотые, так зачем ты водку пьешь? Брось это, я вот не пью и ничего, не умер еще. Делай тоже самое, ну а если будет невтерпеж, вспомни сегодняшний вечер, и уверен она не полезет тебе в рот. Ты ведь взрослый человек и понимаешь не хуже меня, что враг у тебя только один, водка. Теперь представь, как у тебя изменится жизнь, когда ты бросишь пить. Сейчас твой сын запуган и боится к тебе подойти. А потом, ты представь, как ты приходишь с работы усталый, а тебе на встречу бежит маленький человечек и, протягивая свои ручки, счастливый кричит — Папа, папа пришел! — и забравшись к тебе на руки, обнимает нежно своими ручками. Ты подбрасываешь его вверх, он смеется счастливым

смехом, и вы идете вместе ужинать. У трезвого, всегда найдется время, чтобы уделить его детям. Ты больше времени станешь проводить с детьми, учить их необходимым ремеслам. Передашь весь свой опыт и умение. Научишь не бояться трудностей в жизни, и они, став взрослыми, всегда будут отзываться с благодарностью. И любому человеку с гордостью будут говорить, что благодаря своим родителям они выросли хорошими людьми. И как бы не сложилась их судьба, в старости вы будете уверены, что у вас есть на кого опереться. Вот это и есть настоящее воспитание, в хорошей и любящей семье.

— Как же тут, воспитаешь хорошими их, — с грустью сказала Варя, — у меня вон, какое наследие, одни братья чего стоят, настоящие бандиты. Наверное, давно сгинули в тюрьме. У Гришки тоже не лучше. Мать едва живая ходит от побоев, отец у него тоже зверь, да и дед такой же был. Теперь видишь, наследство какое у нас, вот и дети такими же будут, ничем не лучше.

— Ты, Варенька, не права. Все зависит от воспитания. Какими вы воспитаете детей, такими они и вырастут. Все зависит от родителей.

— А мне кажется, что все зависит от наследственности.

— Это совершенно не так. Вот послушай, я расскажу историю из своей жизни. Дедушка, у которого я воспитывался, до сих пор для меня роднее родного. Он был очень образованный человек, хотя и работал последнее время простым кузнецом. Он много читал, приучил и меня к этому. У нас в доме была очень большая библиотека. Она собиралась несколькими поколениями, и книги там разного профиля. В свободное время дедушка брал с полки какую-нибудь книгу и допоздна читал, заставляя, и меня это делать. Я сначала с неохотой относился к этому, потом привык и втянулся, и теперь без хорошей книги я просто скучаю. Так вот, однажды я заметил, что дедушка читает часто одни и те же книги, а другие, прочитав один раз, ставит на полку и уже не возвращается к ним. Я спросил об этом деда, он ответил, что перечитывает книги, в которых заключена мудрость человеческая. Он снял с полки несколько книг и показал их мне. Это были библия и несколько книг с высказываниями древних философов, пророков и святых людей. Надо сказать, что дедушка никогда не оставлял мои вопросы без подробного ответа. Как бы он не был занят, он садился и как со взрослым говорил со мной. Он подробнейшим образом объяснял интересующую меня тему, и только убедившись, что я достаточно понял, принимался за свое дело. Иногда, видя, что я из-за возраста еще не понимаю, он старался объяснить мне на примере. Так было и в тот раз. Он взял одну из этих книг и, открыв ее произвольно, протянул мне.

— Вот здесь, — он ткнул пальцем в книгу показывая, где читать — прочитай все внимательно и вслух. Читай вдумчиво, анализируя каждое прочитанное слово. Когда закончишь читать и анализировать, скажешь мне, что ты понял, а что не совсем понятно. Я постараюсь тебе помочь разобраться в этом.

Я по настоянию деда стал читать. Там было написано «Пища духовная». Вот эти строки: Некто спросил однажды мудреца:

— Зачем ты постоянно читаешь книги, в которых содержатся учения о Божестве и обязанностях человека? Ведь ты уже несколько раз читал их.

Мудрец ответил:

— Зачем ты ныне требуешь пищи себе? Ведь ты вчера ел.

— Я делаю это для того, чтобы жить, — отвечал спрашивающий.

— И я читаю для того, чтобы жить, — ответил мудрец.

Когда я закончил читать, дедушка сказал мне:

— Вот видишь, Антоша, для человека нужна ежедневно не только пища вещественная, но и пища духовная. Вот эти книги и дают мне эту самую пищу духовную. Я перечитываю эти книги не от скуки, а потому, что каждый раз перечитывая их, я познаю в них все новое и новое для себя. А чтобы научиться извлекать эти познания, нужно как можно больше читать. И читать нужно вдумчиво, со смыслом. Нужно, чтобы мысли, взятые из книги, навсегда остались у тебя в голове. И вот только тогда, когда ты научишься этому, ты станешь по-настоящему умным и образованным человеком. Сможешь в любой ситуации не только выслушать собеседника, но, проанализировав ситуацию, сделать правильный вывод и принять правильное решение.

— После такого примера я стал больше читать и анализировать прочитанное. Если что-то не понимал, я всегда знал, у кого спросить и посоветоваться. Эта наука мне пригодилась и в школе. Я не стеснялся спрашивать у преподавателя, если что-то не понимал. Выслушав внимательно повторное объяснение учителя, я вникал в суть дела. Потому я и учился в школе на отлично. Это я вам рассказал, как надо воспитывать. Как меня воспитывал дед, которого мне, ой как, не хватает сейчас. Мне хочется, что =бы и ваши дети, находясь в преклонном возрасте, могли сказать, что и им не хватает советов их родителей. А теперь что касается воспитания детей и их наследственности. Я вам так скажу, в той же самой книге я прочел еще одно высказывание. Которое, как мне кажется, лучше всего проясняет, как человеческие судьбы зависят от первоначального воспитания. Я постараюсь процитировать это высказывание дословно.

Юного отрока можно уподобить доске, приготовленной для изображения картины: что живописец изобразит — доброе или худое, святое или грешное, ангела или беса — то и останется на ней. Так и дитя, какое родители дадут ему первоначальное воспитание, и каким нравам — Богоугодным или богоненавистным, ангельским или бесовским — приучат его, с таким оно и будет жить. Сосуд не теряет своего запаха, дурного или хорошего, которым он прежде напитался; таково и воспитание детей! Поэтому их с детства необходимо приучать добру.

— Вы так на меня странно смотрите, вроде не я перед вами сижу, а поп, и вы перед ним исповедуетесь. Ни я, ни мой дедушка в бога не верили, но и других за это не осуждали. У каждого из нас в душе есть свой Бог. Каждый решает сам, во что ему верить, а во что нет. Я хоть и не большой поклонник веры, но все же внимательно читал святое писание. Много я узнал из него нужного и полезного для себя.

— Ну что ты, Антоша, просто я удивляюсь, каким ты не погодом стал рассудительным что ли, даже и объяснить не могу. Наверное, ты правильно все говоришь, и мне кажется, что мы с Гришей постараемся последовать твоему совету, — обратившись к мужу, спросила. — Что скажешь, Гриша, начнем жить по-новому?

— Не горюй, Варюша, теперь у нас с тобой будет другая жизнь, — уже весело ответил он ей.

Вскоре Антон распрощался и вышел. Варя пошла проводить его до околицы.

— Антоша, остался бы хоть на ночь. Куда ты пойдешь, на ночь глядя?

Не переживай ты так сестричка, я ведь егерем работал. Привык к одиночеству. Мне часто приходилось по ночам ходить в тайге. Меня в детстве и волки драли, и на медведя я ходил вот с этим ножом, и как видишь живой пока. Ты особенно не переживай за меня. На прощание еще раз хочу пожелать тебе счастья и счастья твоим детям. У нас с тобой так мало его было, то хоть теперь постарайся быть счастливой. Он трижды поцеловал Вареньку и, не

оборачиваясь, скрылся в темноте. Варя еще долго стояла, глядя в темноту, плакала, перебирая в руках уголки платка, уже мокрые от слез. Вскоре через пелену слез, она заметила приближающийся силуэт человека. Это был Антон.

— Ты, почему здесь стоишь до сих пор? Почему не идешь дамой?

— Вот что-то ноги не слушаются, кажется, так и стояла бы здесь всю ночь.

— Вот что, сестричка, давай-ка я тебя провожу до дома, а то и правда прстоишь здесь всю ночь, а я потом буду переживать всю дорогу.

Антон обнял ее и проводил до самой калитки. Всю дорогу они прошли молча, боясь нарушить разговором звенящую тишину. Им было приятно идти вот так молча, ощущая, присутствие друг друга. У калитки Антон достал из кармана деньги, отсчитал немного, положил в карман, а остальные, протянул Варе.

— Прости меня, Варенька, за разговорами я совсем забыл передать тебе их.

Варя попыталась отказаться, но Антон настоял на своем.

— Бери, сестричка, это мои сбережения. Я часть потратил на благоустройство могилы родителей, а остальные хочу отдать тебе. Прости, милая, но я заметил, что у вас в доме нет молока, значит, нет и коровы. Вот на эти деньги купите корову. Я хочу, чтобы мои племянники, могли вдоволь пить собственное молоко. К тому же тебе скоро рожать. Вот деньги и понадобятся на новорожденного. Пусть это будет моим подарком на крестины.

Варя продолжала упираться и не хотела брать. Тогда Антон не стал церемониться, отвернул ворот ее легкого пальто и положил ей деньги на грудь.

— Пойми, милая, эти деньги мне не понадобятся в ближайшие годы. Возьми их, это пока все, чем я могу тебе помочь. В будущем, когда у меня появится возможность, я обязательно буду понемногу помогать тебе. Пойми, это ведь не только для тебя, но и для моих племянников.

Антон нежно погладил Вареньку по ее выпуклому животу.

— До свиданья, племянничек, родись и вырасти крепким и здоровым, на зло врагам, на радость людям. Прощай, Варюша, будь счастлива.

Антон еще раз поцеловал ее и на этот раз растворился в темноте окончательно.

Поезд остановился, прервав мысли Антона: — наверное, опять в тупик загонят, — подумал он и, повернувшись на другой бок, крепко уснул.

Долго еще Антону и его друзьям пришлось трястись в этом душном вагоне. Их периодически отцепляли, загоняли в тупик, где по долгу приходилось стоять. То вновь они тряслись прицепленные к попутному поезду. Иногда они двигались назад, потом их перецепляли и уже по другим веткам они продолжали двигаться на запад.

Через две недели утомительного пути они, наконец, выгрузились на вокзале Рязани. Их построили в две шеренги, сделав переключку, повели в конец перрона, где их уже ожидали две тентованные машины.

Рассадив новобранцев по десять человек в каждый кузов машины, тронулись в путь. Ехать пришлось недолго. Проехав через город, они уже через час пересекли КПП воинской части. Вновь прибывшую команду построили перед штабом дивизии. Встречать их вышел дежурный по дивизии. Сопровождающий их капитан доложил ему о прибытии.

— Здравия желаю, товарищи — приветствовал он их, — не будем терять время на приветственные речи, как видите, погода подкачала. Буду краток. Вы прибыли служить в Гвардейскую воздушно-десантную дивизию. Здесь на протяжении трех лет вы будете служить. Будете жить бок о бок со своими товарищами. Ваши командиры и начальники

научат вас защищать нашу родину. Под их руководством вы станете настоящими десантниками. И вот от того, какими вы станете воинами, зависит многое, в том числе и безопасность нашей Родины. От вашего умения зависит, будет ли гордиться вами наша Родина или нет, будут ли гордиться вами ваши близкие и родные. А наша Родина и наш народ любят своих воинов и любят ими гордиться. Наши командиры приложат максимум усилий для того, чтобы вы стали настоящими воинами и защитниками нашей земли. Воины-десантники — это лучшие подразделения нашей армии и в любой момент могут дать отпор любому врагу, а если потребуется для защиты наших отцов и матерей, то они, не задумываясь, отдадут свою жизнь. Остальное, сынки, узнаете по ходу службы. Всем все понятно?

— Понятно, — уныло в разноробой ответили новобранцы.

— Не слышу оптимизма в вашем ответе. Еще раз, всем все понятно?

— Понятно! — дружно на этот раз ответили они.

— Ну, если вам все понятно, тогда вас сейчас отведут в баню. Помоеетесь после долгой дороги. Там же в бане вам выдадут новое обмундирование. А после бани вас ждет первый в вашей жизни армейский обед. Старшина, — приказал он тут же присутствующему старшине, — Ведите пополнение в баню.

Погода была в тот день сырой и слегка морозной. Морозец хоть и был небольшой, но холодный жгучий ветер пронизывал, казалось, до самых костей. Ребята, одетые по-осеннему легко, быстро замерзли стоя на одном месте в строю. Но при одном упоминании о бане воспаряли духом, бодро шагая друг за другом в строю, стараясь не наступить на пятки впереди идущего.

Баня представляла собой большое одноэтажное кирпичное здание. Войдя внутрь, Антон обратил внимание, что в углу стояли полки. Полки были до верха забиты стопками с новой формой. Под каждой стопкой был написан ее размер. Рядом с полкой лежала огромная куча кирзовых сапог.

В этой огромной комнате из мебели были только длинные лавки, стоящие в несколько рядов. Это и была комната для раздевания. Быстро раздевшись, ребята проходили в одну и четырех дверей, где оказывались в таких же больших комнатах. Пол оказался бетонным, с примесью мраморной крошки, и отшлифованный до блеска. Такими были и лавки для мытья. В свободном углу стояли большие стопки с оцинкованными тазиками. На лавке лежала большая стопка хозяйственного мыла. Здесь же находилось четыре двери, за которыми были парильные комнаты. По этим парилкам и разошлись новобранцы, стараясь согреться в первую очередь.

Когда открылись одновременно все двери парилок, то пар огромным облаком стал заволакивать всю комнату. Растекаясь и плывя, он вскоре заполнил всю комнату от пола до потолка. Свет от закрепленных на потолке светильников с трудом пробивался, и казался неестественным, а голоса, раздававшиеся рядом, казались, приглушенными. Казалось, они звучат со всех сторон разом и в то же время из ниоткуда.

Вскоре согревшись, ребята выходили и, помывшись, шли одеваться. Каждому выдавалось простое вафельное полотенце. Обсохнув, они по очереди подходили к высокому барьеру, за которым стоял солдат. Он опытным взглядом определял размер и без лишней суеты выдавал новую форму, требуя каждого расписаться в получении. Кто подходил к нему с вопросом, что форма слегка мола или велика, он лаконично отвечал:

— Ребята, если вам что-то не подходит, меняйтесь с товарищами. И только в крайнем

случае обращайтесь ко мне.

Подошел Антон. Солдат посмотрел на него оценивающим взглядом, потом спросил.

— И откуда к нам такого здоровяка занесло?

— Из Сибири, естественно. Мы все здесь сибиряки.

— Молодцы, землячки. Тебе какой размер, пятьдесят второй или пятьдесят четвертый?

— Давай начнем с большего, а если будет мал, поменяем на пятьдесят шестой. Только рост, пожалуйста, если есть пятый.

— Я и сам вижу, что нужен пятый, но такого нет, попробуй четвертый. Примеряй, если окажется коротким, я подскажу, как можно удлинить.

Пока Антон подгонял форму, солдат с нескрываемым любопытством наблюдал за ним.

— Ну, скажи мне, земляк, и где это у нас в Сибири выращивают таких здоровяков?

— Ты что, земляк, а еще говоришь, что из Сибири, а сам не знаешь? В Забайкалье нас делают, — шутил Антон. — Читинскую область знаешь? Вот там и делают.

— Так мы с тобой полные земляки. Я родом из Амурской области. Теперь повернись, я посмотрю, все ли нормально сидит на тебе. Вот и хорошо, менять ничего не надо. Теперь, давай-ка, я тебя запишу в журнал. Называй инициалы.

— Ли Антон Максимович.

— Ли? — удивился солдат. — Ты случайно не из Вишнянки будешь?

— Да, из Вишнянки, — теперь удивился Антон.

— А жену твою звали Таней?

— Да, Таней. А ты откуда знаешь?

— Татьяна Самохина, это моя двоюродная сестра. Я не мог с тобой встретиться раньше, меня осенью взяли в армию, а вы весной поженились. Поэтому мы с тобой и не знакомы лично. Теперь давай знакомиться. Меня зовут Василий Голованов, — протянув руки, они обменялись крепким рукопожатием. Ты, Антон, иди, выбери шинель сам, если что, скажешь, что я разрешил, а я здесь немного разберусь и к тебе подойду. Понимаешь, мне очень хочется узнать о гибели Тани. Мне, конечно, писали, но ты пойми мне ведь хочется знать от первоисточника, так сказать. От тебя лично.

Антон отошел и стал выбирать шинель. За форму он не беспокоился, она сидела на нем как влитая. А вот с шинелью оказалось совсем плохо. Ему пришлось перемереть почти всю кучу, прежде чем он нашел более или менее подходящий размер. Он заканчивал примерку, когда к нему подошел Василий.

— Я попросил старшину заменить меня на время, объяснил ему причину, так что минут пятнадцать у нас есть. Давай рассказывай.

— Я тебе вкратце расскажу, самую суть, позже возможно будем встречаться, тогда подробнее узнаешь. Дело было так. Этой весной у нас стояла страшная жара. Тебе, наверное, писали об этом.

— Да, я знаю, у нас в некоторых районах пожары замучили.

— То же самое было и у нас. Я в это время работал егерем. Нас всех бросили на тушение пожара. Я знал, что это надолго затянется, потому и позвонил Танюшке, чтобы оставалась у родителей, а после пожаров я приеду и заберу ее с сыном. Она пообещала, и я спокойно уехал.

Она как выяснилось, побыла у родителей пару дней, а потом как с цепи сорвалась. Пришлось им уступить. Она взяла сынишку и поехала к нам на хутор, пообещав, как только приедет, обязательно позвонит матери. И вот по дороге, уже перед самыми Вишнянками,

дорогу заволокло дымом, и на подъеме водитель то ли не справился с управлением, то ль наехал на камень, я точно не знаю. Автобус бросило в сторону и он, перевернувшись, покатился с крутого откоса. Внизу загорелся, потом взорвался бензобак.

Все восемь пассажиров, включая и водителя, сгорели. Милиция, конечно, возбудила уголовное дело, но как я понял, расследование провели некачественно. Обвинив во всем водителя, они закрыли дело, в связи с гибелью виновного. Но кое-что меня в этой истории настораживает. Пастух, который сообщил об аварии, по секрету сказал мне, что незадолго перед аварией он видел на перевале чужого человека, обедающим на большом камне. Позже он нашел этот камень далеко внизу. Он считает, что именно этот камень сбил с дороги автобус. Он рассказал об этом в милиции, но они посоветовали не болтать чепухи, а идти дальше пасти своих баранов от греха подальше.

Он конечно и дальше молчал бы, но после опознания трупов оказалось два неизвестных — это и были Таня и Степашка. Администрация района решила всех погибших похоронить там же на месте крушения в одной общей могиле.

Мы узнали о смерти Тани гораздо позже. Родители Тани, не дождавшись ее звонка, забеспокоились, и стали разыскивать меня. Я был в это время в тайге, о катастрофе совсем ничего не слышал. Они не смогли меня найти, и вызвали на переговоры дедушку. Когда дедушка узнал, что Таня четыре дня как уехала к нему на хутор, сопоставил, что женский и детский трупы — это и есть они. Он хоть и крепкий был старик, но от такой новости сердце не выдержало, он умер прямо там на почте. После его смерти меня быстро нашли через управление, связавшись по рации.

Вот так Вася я потерял всех своих родных за одну неделю разом. Оставшись один, я чуть с ума не тронулся, теперь ты поймешь, почему я пошел добровольно в армию.

— Вот, значит, как было, ты уж прости меня, я подробностей не знал и грешным делом думал, что ты в этой истории слегка замешан, хоть и косвенно. Теперь вижу, зря я про тебя плохо думал.

— А я, наоборот, чувствую себя виновным в их смерти. Если бы я хоть на пару дней раньше забрал бы их, ничего бы не случилось. А они старались сделать мне сюрприз, приехав на самые праздники домой. Вот теперь я и праздную в одиночестве, — грустно закончил Антон.

— Ты, Антон, не вини себя. Теперь ничего не изменить. Каждый из нас проживет столько, сколько ему отмеряет судьба, ни минуты больше, ни минуты меньше. Все случится в точно отведенный срок. И мы с тобой не властны над этим.

— Вы что такие хмурые, — спросил подошедший старшина, — случилось что?

— Вот товарищ старшина, это мой зять. А точнее муж моей двоюродной сестры. Она с ребенком погибла этой весной в автокатастрофе. Помните, я как-то говорил вам про это.

— Помню, а как же.

— Вот Антон сейчас и рассказал мне подробности их гибели. Потому и хмурые такие.

— Ничего не поделаешь, ребятки, кому, что на роду написано. Тяжело терять близких, да еще в мирное время. Но ничего не поделаешь, нам остается только набраться мужества и терпеть эту боль, и помнить о них. А до тех пор, пока мы будем их помнить, они будут с нами. Так, что мужайтесь, сынки. Вы теперь воины, и вам еще придется на своем веку не раз увидеть смерть, и не раз вы встретитесь с ней. Будете еще терять друзей и близких, а некоторым возможно и товарищей по оружию. Так что, привыкайте. Господи, и о чем я только говорю. Разве можно к такому привыкнуть.

— Да мы понимаем, но все равно как-то грустно, — ответил Василий.

— А вы все равно не вешайте носы, иди, сержант, переоденься, а то не дай бог зайдет комроты, вот тогда мы оба получим за нарушение формы-одежды.

— Есть, переодеться, — взяв под козырек, ответил Василий, — товарищ гвардии старшина, у меня к вам небольшая просьба. Можно?

— Ну, что там у тебя, говори.

— Товарищ старшина, как бы сделать так, чтобы Антон попал служить в нашу роту?

— Ну, это милосердие не ко мне. Куда попадет, там и будет служить.

— Товарищ старшина, войдите в положение. Он ведь родственник мой, почти брат, да к тому же недавно потерял жену с сыном. Ему и так тяжело, а тут я буду рядом, все-таки родная душа. Надо же мне поддержать его на первых порах. Я вас очень прошу. Вы поможете не только ему, но и мне.

— Попробую что-нибудь придумать, — помолчав немного, сказал он, — а знаешь, что тут и придумывать ничего не надо. Я видел списки, от нашей роты ты откомандирован в карантинный батальон командиром отделения. Так вот, нам положено пополнение, взамен уволенных в запас, вот ты и составишь список лучших на твой взгляд. Я шепну ротному, чтобы именно тебе поручили составить список. Да ротный и так поручит тебе, ведь именно ты будешь находиться с ними целый месяц, а кроме тебя кто будет знать, на что способно это пополнение. А там за одно и оценишь, на что способен твой родственник. Ты ведь прекрасно знаешь, что нам нужны самые лучшие.

— Ну, на счет этого можете не беспокоиться. Видите, его бог ростом и здоровьем не обидел. Мне из дома писали, что он на медведя-шатуну с одним ножом ходил, и как видите, жив и здоров. Писали, что он хороший охотник, и кулаками хорошо владеет. Вот сейчас и проверим, — и развернувшись, без предупреждения попытался нанести удар по лицу Антона. Антон не сдвинулся даже с места, просто наклонил голову и кулак просвистел мимо. — Видите, он даже не отступил, а просто увернулся, а ведь у меня реакция неплохая.

— Ладно, заканчивай устраивать здесь цирк. Сам вижу, что парень хороший, и здоровьем бог не обидел. А все остальное приложится. Что не знает — научим, а не захочет — заставим. Ладно, сержант, веди людей в столовую. Видишь, все одетые стоят. В столовой предупреждены, накормишь и прямо в карантинный корпус.

— Есть, выводить на построение, — и громко скомандовал, — Взвод, выходи строиться на обед.

Так началась армейская служба для Антона. Пробыв месяц в учебном батальоне, он стараниями своего шурина, попал служить в семьдесят третью гвардейскую отдельную разведывательную роту под командованием майора Трошина Алексея Павловича.

После распределения молодые солдаты в торжественной обстановке на плацу перед всей дивизией приняли присягу. После чего начались суровые армейские будни.

Служба давалась Антону сравнительно легко. Будучи крепким и выносливым, он легко справлялся со всеми трудностями службы. Ему с первой встречи понравился Василий. Этот простой деревенский, как и он, парень, крепкий коренастый весельчак, обладал хорошим чувством юмора. Он любил розыгрыши, за которые часто наказывался командирами нарядом вне очереди. Их дружба крепла изо дня в день. Василий часто помогал Антону в затруднительных положениях, давая порой ценные советы.

— Ты, Антон, пока молодой, старайся с командирами не пререкаться. Приказали, скажи: «Есть» и иди дальше выполнять приказ. Все свои возможности до времени старайся не показывать, здесь выскочек не любят. Нужно делать так, чтобы инициатива исходила от них, а не от тебя. Делай все, что делают другие, старайся не выделяться, в армии этого не любят. Со стариками старайся не задираться, а то толпой и побить могут. Но и труса праздновать не надо. Если дойдет до крайности, можно и на место поставить. В армии силу тоже уважают. Короче говоря, все зависит от тебя самого. Как себя поставишь, так и будешь дальше служить.

— Ладно, Васек, не переживай, прорвемся. Ты ведь в случае чего спину мне прикроешь?

— Он еще спрашивает. Да за друга я кого хочешь порву.

Все шло хорошо. Антон строго следовал наставлениям своего друга. Но случился один казусный случай, в корне поменявший всю дальнейшую его службу.

Случилось это в канун Нового года. Вернувшийся из длительной командировки командир роты, после трех дневного отпуска по выходу был сразу назначен дежурным по дивизии.

Заступив на сутки дежурства, он переживал, что прошло почти два месяца, а он до сих пор не познакомился с пополнением. Выкроив время, он пару раз заглянул в расположение роты, но личный состав всякий раз оказывался на занятиях.

Сделав после отбоя очередной обход, он решил зайти в свой кабинет, чтобы взять кое-какие учебники. Его жена настояла на поступлении в академию. Теперь ему приходилось готовиться к экзаменам. Днем как всегда времени не хватало. Ночь на дежурстве подходила для этого в самый раз.

Обойдя все подразделения, он в последнюю очередь зашел в свое. В это время Антона после отбоя заставили помыть умывальник, туалет и курительную комнату. Антон хорошо уже усвоил, что армия в основе своей держится на дедовщине. Он не стал спорить, а, взяв ведро, тряпку и швабру пошел мыть туалет, так как он был тупиковым, с него все начинали. Остальные комнаты были проходными.

Закончив убирать первые две комнаты, перешел в курилку. В курилке как всегда находились старослужащие. Они стояли, курили, смеялись над какими-то пошлыми анекдотами. Антон порой удивлялся, неужели им дня не хватало для разговоров, чтобы вот так, после отбоя, стоять и часа по два болтать ни о чем.

Антон помыл половину комнаты. Взял урну с окурками и переставил на чистое место, решив сразу не выносить мусор, так как ребята еще курили. Антон почти закончил уборку, когда в расположение вошел ротный.

На входе у тумбочки, как и положено по уставу, стоял дневальный. Увидев командира роты, хотел доложить, но ротный махнул на него рукой, заставив его замолчать.

— Не шуми, люди спят, — полушепотом сказал он, — где дежурный по роте?

— В ленинской комнате. Позвать?

В это время в курилке раздался громкий стук.

— Что там за шум?

— Там, — смутился солдат, — ребята вышли покурить.

— В том, что они вышли покурить нет ничего удивительного, но зачем так греметь после отбоя, когда все спят. Ну, я сейчас покурю им.

Солдат хотел кашлянуть, чтобы привлечь внимание товарищей, но ротный показал ему свой пудовый кулак, и солдат поняв, тут же отвернулся.

Пройдя мимо дневального, ротный оказался в темном коридоре, освещенном только светом, падающим из курильной комнаты. Замедлив шаг, он остановился. В курилке явно назревал конфликт. Находясь в темном коридоре, он знал, что его не видно, поэтому остановился и с любопытством стал наблюдать.

То, что старики решили поучить молодого, было ясно сразу. Его заинтересовал молодой высокий солдат, окруженный шестью старослужащими. Он почему-то был уверен, что этот мускулистый парень не станет праздновать труса. Но больше всего его интересовало, станет ли он сопротивляться сразу шестерым довольно опытным бойцам или нет.

Ротный видел, что молодой солдат стоит в круге и опирается на швабру. Здесь же в центре комнаты валяется перевернутая урна, и свежее вымытый пол покрыт окурками.

Антон стоял и ждал, что предпримут его противники, страха при этом он не испытывал. Помнил, что в таких случаях говорил дедушка:

— Запомни, Антошка, испугался — проиграл бой, струсил — проиграл войну, спрятался от боя — продал родину. Противника нельзя бояться, но его нельзя и недооценивать. Опасаться нужно и, сконцентрировавшись, постараться определить его возможности.

Так он поступил и сейчас. Стоял и ждал, как развернутся события дальше.

— Ты что, салага, плохо моешь полы? — с наглой улыбкой на лице говорил один из них, при этом усиленно пиная урну и окурки с мусором.

Перед ним стоял солдат по фамилии Лисичкин. По внешнему облику он явно соответствовал своей фамилии. Щуплый на вид, но очень наглый при этом, явно было видно, что именно он заводила в этой компании.

— Ты, что это стоишь, как столб, не слышишь, что тебе говорит дед. Быстро схватил тряпку и бегом драить пол, или ты хочешь, чтобы мы тебе показали, как это делается?

— Поучиться у старших и перенять их опыт — это не грех. В этом нет ничего зазорного, на держи, — он толкнул ручку швабры Лисичкину. — Покажи, как надо мыть, а я поучусь, может, потом и у меня получится как надо.

Лисичкин от неожиданности сперва поймал черенок швабры, затем с брезгливостью отбросил ее, и, не говоря ни слова, попытался ударить Антона по лицу. Сначала с левой руки, потом с правой, но Антон легко уклонился от обоих ударов.

— Ну, так тебе трудно будет научить меня. Ты не так учишь, смотри как надо, — и без замаха, тыльной стороной руки он слегка ударил Лисичкина в лоб.

Лисичкин только охнул, подлетая в воздух, и, отлетев, рухнул у стены на пол.

— Бейте его ребята, — прохрипел он.

До этого стоявшие и с любопытством наблюдавшие, его напарники, как по команде, набросились на Антона. Антон не собирался их бить, но, зная их способности, все же не хотелось и ему подставлять свое лицо под удар. Поэтому на каждый их выпад, он наносил, хоть и не сильный, но довольно чувствительный удар.

Через минуту все лежали на полу, издавая охи и стоны. Антон стоял посреди поверженного войска и ждал, когда очередной боец подымиться и вступит в поединок. В это время послышалась команда.

— Немедленно прекратить. Встать, смирно!

Услышав грозный приказ ротного, солдаты один за другим с трудом поднялись и вытянулись по стойке смирно.

— Что здесь происходит? — ответом была тишина.

Все стояли молча, не глядя на командира, и тяжело дышали. Только Антон спокойно стоял, с любопытством оценивая возможности и самого ротного. По его наблюдению ротный был довольно сильным человеком. Антон про себя отметил, что с такой развитой мускулатурой и высоким ростом, помноженным на боевой опыт, ротный показался ему опасным противником.

А ротный тем временем изучал молодого солдата. Надо же, — подумал он — положил шесть хорошо подготовленных бойцов и даже не вспотел, стоит спокойный как танк, вроде бы он здесь совершенно ни при чем. Надо внимательнее к нему присмотреться. А в слух произнес:

— Смотрю, вы тут без меня решили молодежь поучить уму-разуму. А ты, Лисичкин, за командира у них. Похвально. Ну и как, получилось?

Ответом была мертвая тишина.

— Молчите, значит, я прав. Но по вашим физиономиям я вижу, что вы не очень-то преуспели в ваших потугах. Глядя на вас, у меня напрашивается вывод, что слабо вы мужики подготовлены сами. Это, как вы понимаете мой минус и ваших командиров. Ну, это не беда, будем придерживаться нашего девиза. Как гласит наш девиз?

— Нет задач невыполнимых, — не очень дружно послышалось в ответ.

— Вот видите, наш девиз говорит сам за себя. И потому, мне придется приложить максимум усилий, чтобы сделать из вас хороших педагогов. Теперь слушайте мой приказ, и очень внимательно. Да, кстати, ты солдат находишься в наряде? — обратился он к Антону.

— Никак нет.

— Тогда отправляйся спать, а по пути загляни в ленинскую комнату. Там, наверное, дежурный по роте дрыхнет, скажешь, пусть пулей летит сюда.

— Разрешите идти?

— Да, идите, — повернувшись к остальным, продолжил, — ну, а вас дорогие, будем делать педагогами. Слушать внимательно. Ты, Лисичкин, как самый опытный, берешь шанцевый инструмент и доводишь все эти три объекта до идеальной чистоты. К моему приходу блеснуть должно все, как у кота, сам знаешь что. А с вашей бессонницей мы сейчас будем бороться по-другому. Сейчас дружно выходим, берем лопаты, скребки и через час к моему приходу, вокруг казармы должен быть идеальный порядок. Ну, а я, как и положено хорошему учителю, через час приду, проверю, хорошо ли вы справляетесь с поставленной задачей, а потом решу, сможете в дальнейшем быть хорошими педагогами или нет. Всем все

ясно, или есть вопросы? — грозным голосом спросил он, и уже обращаясь к стоящему сержанту, продолжил. — Сержант, по исполнению доложите мне в штаб дивизии, я приду приму работу.

— Есть доложить, — ответил сержант.

Командир роты, забрав нужные учебники, ушел. Оставшиеся в курилке солдаты, не обращая внимания на сержанта, подошли и по очереди отвесили Лисичкину каждый по хорошей оплеухе

— Давай поучим салагу, — передразнивали они его, — вот и поучили. Теперь, по твоей милости, часа три горбатиться придется. В следующий раз, когда захочется получить по сопатке, подойди к нам и попроси, мы тебе не откажем и ребра посчитаем от чистого сердца.

Для Антона все обошлось, может, кто и затаил злобу, но вида не показывал. Зато появилось уважение. Прав оказался Василий, в армии тоже любят силу.

На следующий день его вызвал командир роты в канцелярию. Он больше часа в подробностях расспрашивал его, кто он и откуда, где научился приемам рукопашного боя. Закончив расспросы, сказал:

— Поступим так. На следующих занятиях по рукопашному бою ты станешь против командиров взводов. Им это будет на пользу и тебя за одно проверить надо. Но и без проверки я уверен, что из тебя получится неплохой тренер. Я хочу просить тебя заниматься с бойцами. Но особое внимание обрати на офицеров. Видишь ли, у нас у всех одна школа, а вчера заметил у тебя совершенно другой стиль, вот мне и хочется, чтобы вы обменивались опытом. Кое-что ты у них можешь перенять, и для них, я думаю, лишними знания не будут. Ну как, согласен?

— Учиться никому и никогда не поздно. И мне кажется, что это очень здорово, может и у меня, что получится.

Теперь его служба изменилась. Он теперь был не только простой солдат, но и тренер. Служить стало гораздо легче. Командный состав относился к нему с уважением, как к хорошему специалисту. Сослуживцы отнеслись к его особому положению по-разному. Большая часть с пониманием, но находились и другие, особенно из старослужащих, которые приняли все в штыки, порой стараясь мелко напакостить.

Антон старался этого не замечать. Вел он себя, как подобает солдату, не выпячивался, выполнял все приказы, не пререкался. Если что-то не получалось у него, подходил не только к офицерам, но и старослужащим, спрашивал, учился у них. В спортзале не грубил и не обижал никого. Спокойно и терпеливо объяснял, как нужно провести тот или иной прием.

Видя его не заносчивый и спокойный характер, другие изменили свое отношение к нему на дружеское. А происшедший случай ранней весной и вовсе изменил его службу в лучшую сторону.

Разведрота, в которой служил Антон, это особый вид воинского подразделения. Задачи, которые должны выполнять военнослужащие разведроты, хоть и были во многом схожи с подразделениями дивизии ВДВ, но во многом отличались от них. Их учили не только хорошо прыгать с парашютом и метко стрелять из любого вида оружия. В отличие от других, они уделяли очень много времени на обучение рукопашному бою. Учили водить любой транспорт, включая и импортный, это касалось и оружия.

Они должны уметь вести разведку на территории противника, а также в глубоком тылу. Уметь вести диверсионную и подрывную деятельность. Уметь разбираться в пиротехнике и

уметь заложить любое взрывное приспособление, в том числе и самодельное. В их обязанность входило умение маскироваться на любой местности. И еще многому, чему не учат простых десантников.

Антону многое давалось с трудом. Все для него, как, впрочем, и для других, было новым и не совсем понятным. Зато он понимал, что нужно приложить максимум усилий, особенно в первый год, чтобы в дальнейшем было легче. Как говаривал его шурин и друг Василий:

— Постарайся вникнуть в первые полгода, максимум год. Потом ты будешь на коне. Служба покажется тебе легкой и быстрой. И покатится она как кусок мыла по мокрому полу.

Антон так и поступал. Ему хоть и было тяжело, но он старался вникнуть во все тонкости, даже сверх того. В результате, благодаря его трудолюбию, помноженному на старание и талант, он добился больших успехов, и к лету чувствовал себя совершенно подготовленным и опытным.

Самым любимым его занятием были прыжки с парашюта. Страх, который он испытал при первом прыжке, сменился восторгом. Ему никогда в жизни не было так страшно, как перед первым прыжком. Он на всю жизнь запомнил эти железные клещи, сжимающие все его внутренности, заставляя дрожать не только руки и колени как у ребенка, но и все его естество. Теперь пришло чувство неопишемого наслаждения полетом. Когда ты летишь под большим куполом парашюта, чувствуешь себя большой птицей. Увидеть с большой высоты всю красоту своей земли, это ли не счастье.

Особенно ему понравились затяжные прыжки. Этот полет хоть и происходит быстрее, зато какая скорость самого полета. Огромное сопротивление воздушного потока дает ощущение, будто не ты падаешь, а земля летит тебе на встречу. Но впечатление и ощущение, что ты завис на мощной струе воздуха, таит опасность. Малейший просчет и не хватит времени для раскрытия купола парашюта, и тогда, тот огромный адреналин помноженный на экстрим, так и останется в твоём теле, лежащим на земле.

Ранней весной, в первых числах апреля, стояла прекрасная погода. В роте проводились плановые учения по заброске разведгрупп в предполагаемый тыл противника.

Была ночь, когда роту подняли по тревоге, и, погрузив на машины, привезли на аэродром. На аэродроме их смешали, потом разделили в произвольные группы по двадцать человек.

Получилось так, что в каждую группу входили военнослужащие из разных взводов. Таким образом, оттачивалось умение взаимодействовать с любым членом группы, даже если в команду во время операции попадал незнакомый им боец.

Поднявшись в воздух, старенькие самолетики, их в народе прозвали кукурузники, скрипя и дребезжа на каждой воздушной яме, взяли каждый свой курс. У каждой группы была своя задача. Перед вылетом каждый командир группы получал свой секретный пакет, который вскрывался после приземления в квадрат.

После сорока минут полета от пилотов поступила команда к десантированию. Вся группа выстроилась в колонну по одному в ожидании. Второй пилот открыл дверь. Старший группы дал команду на прыжки. После первого прыгающего задерживал очередного на пару секунд, положив ему руку на плечо. Через нужный промежуток времени хлопал по плечу, давая команду на прыжок.

Антон прыгал девятым. Перед ним прыгнул Лисичкин. Он единственный, кто не поддерживал отношения с Антоном, и по возможности старался избегать встреч с ним. Антон к этому относился равнодушно. По принципу: насильно мил не будешь.

Лисичкин прыгнул. Антон подошел и глянул в низ по привычке. Было раннее утро. Все небо до самого горизонта было пронизано солнечным светом. На земле стали проступать очертания кустарников и оврагов, а в основном это была ровная степь.

В это время, сразу после прыжка Лисичкина, донесся слабый крик. Старший группы и Антон как по команде глянули в низ. Антон первым увидел, что Лисичкин падает вниз с неполностью раскрытым куполом парашюта. Времени на раздумье не было. Антон, оттолкнув старшего, прыгнул вниз.

Выровняв полет, стрелой летел, догоняя незадачливого парашютиста. Времени для того, чтобы обрезать стропы и выдернуть запасной парашют, у Антона уже не было. В опасной близости была земля.

Анто, принял единственное, по его мнению, правильное решение. Он, нагнав Лисичкина, зацепил ногами стропы его парашюта, намотав их себе на ноги. После чего дернул за кольцо, выпуская свой парашют.

Понимая, что будет очень сильный рывок, он постарался еще и руками взяться за нераскрывшийся парашют. Рывок при раскрытии оказался очень сильным, с учетом двойной нагрузки. Антону на миг показалось, что на руках и ногах захрустели сухожилия. — Впереди еще предстоит и такая же посадка, — думал Антон.

Перед самым касанием земли он успел крикнуть:

— Группируйся!

И вслед за Лисичкиным, сам поджал ноги, и чуть коснувшись земли, сделал кувырок через правое плечо. Сделав пару кувырков, перевернулся на живот, потянул стропы, гася купол. Загасив купол, крикнул:

— Ну как, Икар, ты живой там?

Повернувшись в сторону Лисичкина, увидел, что вопрос его оказался лишним. Лисичкин уже стоял на ногах и отплясывал трепака, приговаривая:

— Я живой! Я живой!

— Лиса, поздравляю с мягкой посадкой.

— Спасибо тебе, Антон. Ты мне жизнь спас, теперь я твой должник до самой смерти. А вот что касается мягкой посадки, то она не такая уж и мягкая была. Посмотри, я ведь полностью штаны разорвал.

Антон, глядя на него, с удовольствием посмеялся. Еще будучи в шоке, Лисичкин выглядел довольно комично в наполовину разорванных штанах.

— Так это и к лучшему, теперь вместо одних галифе, будут двое. Ты самое главное свою гордость проверь, целая или нет, а то перед девчонками на гражданке нечем будет похвастаться.

— Насчет этого не беспокойся, я там, в первую очередь, проверил. Все в порядке.

Оба упали на сухую траву и хохотали во весь голос. Постепенно напряжение последних минут стало отпускать. Вскоре рядом с ними уже собралась вся группа.

— Лиса, как это произошло? — спросил старший.

— Не знаю, товарищ лейтенант. Парашют не раскрылся, я хотел обрезать стропы, но уронил нож. Тогда я дернул кольцо запасного, но и он не раскрылся. Если бы не Антон, то меня можно было уже закапывать прямо здесь.

— Ты ведь опытный десантник, десятки прыжков за плечами. И у тебя вдруг не раскрываются оба парашюта. А ты вообще сам их собирал или заставил молодого неопытного солдата?

Лисичкин только сейчас понял, что произошло. Он молчал, опустив голову. Ему стало стыдно смотреть однополчанам в глаза.

— Понятно, не сам. А ведь каждый из вас прекрасно знает, что парашют, приготовленный собственными руками есть проездной билет в твою дальнейшую жизнь. Все зависит от того, как добросовестно ты его готовишь. Все, воспитательный процесс будем считать законченным. Остальными вопросами займется руководство, а нам, друзья, никто задание не отменял. Разобраться всем по парам, будем выдвигаться.

— Ой — застонал, попытавшийся встать Лисичкин, — товарищ лейтенант, мне кажется, что у меня нога сломана.

— Какая нога? Я пять минут назад видел собственными глазами, как ты здесь отплясывал. Теперь говоришь, что нога сломана.

— Товарищ лейтенант, — обратился Антон, — разрешите посмотреть?

— Посмотри, — и, отвернувшись, обратился к радисту. — Петров, доложи в штаб, что нам нужен вертолет для эвакуации пострадавшего.

— Может, пока не надо вертолета, — предложил Антон, осмотрев ногу пострадавшего. — Перелома нет. Простой вывих, вот он и плясал, пока был в шоке. Мы сейчас на место сустав вставим, и все будет в порядке, с хорошей тугой повязкой он через пару дней будет бегать не хуже оленя. Ребята подержите его.

Не дожидаясь согласия командира, Антон стал действовать. Он сунул пучок строп в рот пострадавшему. Потом, слегка повернув ногу в нужном направлении, резко дернул на себя. Раздался слабый хруст, а за ним такой отборный мат, которого Антон отродясь не слышал. Все вокруг дружно рассмеялись, каждый старался прокомментировать услышанное.

— Ну, вот и все в порядке. Сейчас сделаем из портянок тугую повязку, и ты будешь бегать, — заканчивая с повязкой, добавил, — вот и с вертолетом не стоит торопиться.

— Да сейчас хоть торопись, хоть нет, все равно летчики уже доложили о случившемся, так что, при первом же выходе в эфир я получу по полной за срыв операции, — с грустью сказал он, как о свершившемся факте.

— Товарищ лейтенант, а может не так все и плохо. Мы ведь можем нести пострадавшего на руках. Ребята, как вы смотрите на это? Ведь вы только представьте, что с вашим товарищем случилась беда за линией фронта. Есть приказ выполнить задание. И я уверен, что никто из вас не бросил бы товарища в беде, а постарался бы выполнить приказ и вынести своего друга. Или я не прав?

— Да какой разговор, — загудели все ребята. — Сейчас смастерим из автоматов сидушку, и по переменке будем нести. А если будет невмочь, — пошутил кто-то, — надаем затрещин, сам побежит впереди отряда.

— Вот это я понимаю взаимовыручка, — похвалил их командир, — но помните, что приказ нам не отменяли, а до точки нам еще как минимум тридцать километров топать.

И надо отдать должное, отряд выполнил поставленную задачу.

За то время, что они несли раненого, командир ни разу не услышал слов роптания или недовольства. Каждый из них понимал, что любой из них мог получить травму даже при приземлении, и мог оказаться на месте Лисичкина. Но как бы ни было тяжело, они вовремя оказались на нужном объекте. Заминировали его и взорвали.

На обратном пути Лисичкин даже смог некоторое расстояние, хоть и хромя, но все же идти, и к точке сбора они вышли без опоздания.

Антону по возвращению объявили благодарность с занесением в личное дело за

спасение товарища. Лисичкину, наоборот, десять суток ареста. Он не был огорчен этим, главное, как он говорил, что живой остался. Отсидев на гауптвахте, он демобилизовался по истечению срока службы.

К концу мая пришло пополнение взамен демобилизованных. Антону присвоили звание младшего сержанта и назначили командиром отделения. Теперь у него появились новые обязанности, но и времени свободного стало немного больше. Он больше времени стал проводить вместе с Василием, отчего дружба их крепла с каждым днем.

Василий старался оберегать своего друга и не касался воспоминаний о Тане и сыне. Часто они засиживались в ленинской комнате, играя в шахматы на интерес. Интерес заключался в том, что проигравший получал десять щелбанов в лоб. Василий в юности был чемпионом по шахматам Амурской области, и, покидая ленкомнату, чаще всего Антон чесал свой красный от щелбанов лоб. Но больше всего они любили проводить время в спортзале. При этом Василий всегда говорил:

— Ну что, Антоха, пойдем на ковер, я тебе хоть ребра поломаю.

Но память ребра Антону не всегда у него получалось. От природы будучи среднего роста, он имел коренастую фигуру с короткой шеей. При этом обладал огромной силой. Если порой случалось, что Антон зазеваётся и попадает ему в объятья, то ребра его действительно трещали. Его не спасала и ловкость с отменной реакцией, чаще всего это ему Антон мял ребра. Но все равно, каждый раз после борьбы он, постанывая, говорил:

— Ничего, вот потренируюсь немного, и ты запоешь в моих руках Лазаря. Будет и у слабых на улице праздник.

Обнявшись, они, смеясь, уходили в душ, чтобы смыть пот. Они были довольны друг другом, зная наперед, что в случае опасности, стоя спина к спине, справятся с любым противником.

Случалось так, что Василий отсутствовал, тогда Антон шел в библиотеку. В ротной, кроме уставов различных войсковых подразделений и нескольких романов про героев крупных строителей, ничего существенного не было.

Антон шел в дивизионную библиотеку, где можно было найти довольно интересные книги или научные журналы. Его интересовало буквально все. Он прочитывал все свежие газеты, стараясь быть в курсе всех событий, происходящих в мире и на родине. Каждый раз стараясь анализировать происходящее.

Он вникал не только в суть написанного, но и выискивал мысли, написанные как бы между строк. Поэтому он мог ответить на любой политический вопрос, даже с собственными комментариями. Он прекрасно отдавал себе отчет, что в это время нельзя говорить о том, о чем думаешь. Он уже тогда понимал, что все, что пишется в газетах есть не что иное, как пропаганда идеологии, а выступить против системы в одиночку это, как правило, чревато последствиями.

Антон, большую часть времени стал уделять научным статьям. Читал, анализировал, и, если что-то не понимал, просил заведующую библиотекой найти ему нужное издание, где он смог бы получить разъяснение по данному вопросу.

Лето прошло незаметно. Антон за этот год возмужал и окреп. Режим и постоянные физические нагрузки сделали свое дело. Теперь его тело требовало постоянных физических упражнений. Ему порой казалось, что, даже будучи прикованный цепью, он не сможет находиться долго в бездействии и начнет рвать цепи, сковывающие его.

Он был очень рад, когда пришел приказ о проведении дивизионных соревнований на

лучшее подразделение во всем объединении. А в состав его входило, кроме Рязанского училища ВДВ, еще и Рязанская дивизия вместе с Тульской и Наро-фоминской. Так, что контингент был довольно внушительным. И ответственность была не малой.

Зная, что на таких соревнованиях, как правило, присутствует, сам командующий ВДВ генерал Минаев Василий Иванович, готовились основательно. Все понимали, что дядя Вася или просто Батя, как называли в войсках командующего, будет внимательнейшим образом следить за соревнованиями, и за плохо подготовленную группу спуска не даст никому. А попасть в опалу к Дяде Васе никто не хотел. Каждое подразделение старалось отобрать самых лучших.

В роте разведки поручили Антону отобрать пятнадцать кандидатов из всего личного состава. После отбора командный состав роты отобрал шесть человек наиболее подготовленных, в том числе и Антон будучи капитаном команды. Их освободили от повседневной службы, и команда приступила к подготовке, на которую отводилось всего три недели.

Распределили обязанности каждого члена команды. Кроме общих обязанностей каждый отвечал за личный сектор соревнования. Антон отвечал за рукопашный бой. Голованов — за показательную физическую подготовку. Попов — за связь и ориентирование. Лукьянов — маскировка и стрельба. Чеботарев — прохождение полосы препятствия, и Демидов — точность десантирования и интеллект.

Антон отвечал за всю команду, осуществляя общее руководство. Кроме этого капитан должен уметь заменить любого члена команды, выбывшего из соревнования по нештатной ситуации. Кроме общекомандного забега на пятьдесят километров с полной боевой выкладкой на время, каждый член команды старался больше времени уделять своему непосредственно виду спорта.

Замена членов команды запрещалась. Заменить члена команды мог только капитан и только в случае непредвиденной ситуации, если член команды не сможет в дальнейшем принимать участие в соревнованиях. Таковыми причинами могут быть только тяжелые травмы. Резкое ухудшение или угроза здоровью, подтвержденная опытным врачом. Или смерть члена команды. Таковы были правила.

Началась усиленная подготовка. Поддавшись общему настроению, офицеры роты старались помочь им, но командир, посмотрев на их старание, понял, что от них больше вреда, чем помощи, поэтому запретил им вмешиваться, предоставив больше свободы непосредственно самим участникам. Но офицеры не захотели так просто сдаваться, и все равно, хоть и не вмешивались теперь в тренировочный процесс, все же по мере возможности, обеспечивали им свободный спортзал, полосу препятствий и даже интеллектуалу подбирали нужную для него литературу. Такому вниманию с их стороны ребята были рады. Старались все как могли.

Три недели пролетели для них как один миг. Вот и наступило долгожданное двадцать пятое сентября, день начало соревнований.

Антон перед началом соревнований дал своей команде двое суток отдыха. Но двадцать пятого, как и положено, в шесть часов утра подъем, усиленная зарядка с водными процедурами. В восемь часов завтрак, потом подгонка снаряжения. Нужно было все подогнать таким образом, чтобы во время марафона ничто не мешало движению. Было оставлено только то, что входило в боевой комплект. Все лишнее было оставлено. Каждый понимал, что на этапе даже лишняя иголка в конце пути становится тяжелой гирей.

К девяти часам все тридцать четыре команды были построены на плацу. После доклада руководителей подразделений о готовности, поступил приказ грузиться на машины и двигаться на полигон.

На полигоне каждой команде раздали жетоны с порядковым номером. Каждая группа стартовала с интервалом в две минуты согласно своего порядкового номера. Маршрут движения определяли наблюдатели, стоящие на каждом километре по всему маршруту, полигон — КПШ дивизии.

По прибытии на КПШ капитан группы отдавал свой жетон, и как только вся группа пересекала КПШ, дежурный наблюдатель отмечал время прибытия.

Группа Антона стартовала под номером семнадцать. Зная сложность маршрута и с учетом жаркого дня, он внес в пробег свои коррективы. Сам бежал первым, задавая темп, замыкающим был Голованов. Через каждые триста метров переходили на шаг, давая отдых ногам, и вновь бежали. Через пять километров остановка, ложились на землю, лежали две минуты, поднимая ноги выше головы. Кровообращение стабилизировалось, они продолжали движение.

К середине пути двое из его команды стали заметно уставать. Каждый участник нес по шестнадцать килограммов груза, и это не считая автомата висящего на груди, который сильно сковывал их движение.

Чтобы избежать отстающих, Антон распределил груз Попова и Чеботарева между остальными, это правилами не запрещалось. Главное заключалось в том, чтобы все члены команды и снаряжение пересекли финишную черту.

Команда Антона с успехом финишировала без потерь и отстающих. Было лишь одно огорчение, они пришли вторыми, отстав от лидеров всего на пол минуты.

Узнав на следующий день о результатах забега, команда расстроилась, но Антон похвалил их.

— Молодцы, ребята, самое главное, что мы команда, а второе место — это очень почетно и неплохой результат.

Ребята дали себе слово, что в следующих видах, они будут биться до победы. И надо отдать должное команда не подвела.

Голованов по физической подготовке занял первое место. Попов, отвечающий за связь и ориентирование, занял третье место. Также третье место занял Демидов на точность десантирования и интеллект. Лукьянов отличился в стрельбе и маскировке, заняв первое место. Слегка подкачал Чеботарев, но пятое место в прохождении полосы препятствия — это тоже замечательный результат, они на это даже не рассчитывали. Оставался один Антон, он отвечал за рукопашный бой, это был самый трудный участок. Грамотных и хороших бойцов хватало в любом подразделении.

Прошли отборочные турниры. Антон вышел в финал. На следующий день Антону предстояли две финальные схватки. Соперником его был хорошо зарекомендовавший себя как боец представитель Наро-Фоминска.

Вечером собралась вся команда, чтобы подвести промежуточные итоги. Заглянул и командир роты поздравить ребят с победой.

— Мужики, я вас поздравляю от всей души, вы молодцы, что отстояли в трудной борьбе честь нашей роты. Я горжусь, что мои воспитанники стали не просто победителями, но и настоящими воинами и защитниками нашей родины. Вы сделали все возможное и выстояли в этой не простой борьбе. Мы с вашими товарищами гордимся вами. Ваша победа — это

победа всего коллектива. Вы настоящие мужчины и победители.

— Товарищ майор, — робко заметил Василий, — так соревнование еще не закончилось, а вы уже поздравляете нас. Это плохая примета.

— Все в порядке, я просчитал и навел справки, где нужно. По результатам соревнования наша команда сейчас уже идет с большим отрывом от остальных. Теперь, даже если в завтрашней схватке Антон проиграет и займет второе место, то мы в любом случае выходим на первое место. Так что в командном зачете мы победители досрочно. С чем я вас и поздравляю.

— Ура, мы первые! — закричала, радуясь, вся команда.

— Ты, Антон, завтра особенно на рожон не лезь. Не переживай, береги себя, победа в любом случае уже наша.

— Вы, конечно, правы, товарищ майор, но я все-таки постараюсь не ударить лицом в грязь. Я, как никак, капитан команды и просто обязан оправдать доверие всего коллектива. Иначе не стоит и выходить. И второе, еще неизвестно, что может решить комиссия, а вдруг что-нибудь пойдет не так. Мы разведка и должны свою задачу выполнить до конца. Я надеюсь, что не подведу ребят в этом.

— Молодец, я другого ответа и не ждал от тебя. Теперь все, ребята, пора отдыхать, завтра трудный день для Антона, а мы с вами будем болеть за него, — командир тяжело вздохнул, — еще неизвестно, кому завтра тяжелей придется, ему или мне.

Командир ушел. Ребята еще долго сидели, обсуждая каждый этап соревнований. Но вскоре напряжение прошедшего дня сказалось и на них, и они уснули.

Утро следующего дня выдалось прохладным и туманным, но взошедшее солнышко с набевшим ветерком разорвали туманную густоту. Слабый ветерок разметал остатки тумана, и солнце прогрело воздух основательно.

К одиннадцати часам дня было, пожалуй, жарко, чем просто тепло. На спортплощадке собрались, кажется, все обитатели дивизии, за исключением, наверное, только тех, кто в это время находился в наряде, и по долгу службы не мог присутствовать на заключительных соревнованиях.

На площадке собралось все руководство подразделений. Самым почетным гостем был, конечно, командующий ВДВ. Весь личный состав войск ВДВ между собой называл его просто Батя. Этим они подчеркивали свое особое уважение к прославленному командиру и участнику войны. В то время в армии это был единственный генерал, который мог похвастаться любовью личного состава к своему командиру, такова была в войсках его популярность.

Его любили не только как командира, но и как человека, за понимание нужд простого солдата, за простоту в общении, за прямоту, за азарт, за нестандартные решения, да много еще за что.

Он был из простой рабочей семьи. Окончил церковно-приходскую школу. Учиться дальше не было возможности, пришлось пойти работать, нужно было помогать кормить семью. Работал грузчиком потом плотником. Вскоре был призван в Красную армию и отправлен учиться на Красного командира. Так началась его военная биография.

Во время Финской войны, командовал лыжным разведбатальоном. Был случай, когда он с бойцами взял в плен несколько высокопоставленных офицеров. За эту операцию получил внеочередное звание майора и назначен командиром отдельного дисциплинарного батальона.

В дальнейшем, куда бы его не забрасывала судьба, он добивался, чтобы костяк его батальона переводился вместе с ним. Его любили все, с кем ему доводилось служить. Даже в ноябре 1941 года, когда он был назначен командиром первого особого лыжного полка морской пехоты. Его сухопутного приняли за своего и называли на морской манер, капитан третьего ранга.

Наперед забегаю, скажу, что Бате тогда полюбилась морская удаль Братишек. И чтобы десантники переняли славные традиции морской пехоты, добился, чтобы десантники насильно тельняшки под гимнастеркой.

Он прошел всю войну от первого до последнего дня. Родина высоко оценила его вклад в общее дело в борьбе с фашизмом, присвоив ему высокое звание Героя Советского Союза.

За время службы был награжден множеством орденов и медалей, в том числе и наградами дружеских государств. Уже в пятидесятых годах, имея звание генерала, был назначен командующим ВДВ. Даже после назначения на столь высокую должность, он не изменил своего отношения к простому солдату. Мог любого остановить и без всякого чиновничества, запросто, поговорить с ним по душам.

Была еще одна черта в его характере, он был страстным болельщиком. Он от души любил сильных и ловких бойцов, не различая, офицер это или простой боец. Любил любые соревнования, особенно если в них принимали участие бойцы ВДВ.

Болельщиком он был страстным. В пылу схваток, а он любил рукопашный бой, и сам был умелым бойцом, соскакивал с места, подсказывал, кричал что-то, и даже порой порывался помочь проигрывающему. Окружающие хорошо знали его взрывной характер, следили за ним и всякий раз усаживали на место.

Соревнования начались ровно в одиннадцать часов утра. Первыми вышли представители Тулы и Рязанского училища. Им предстояло бороться за право выйти в финал. Начался бой.

Антон с любопытством наблюдал за поединком. Вскоре заметил, что это был не бой, а просто показательное выступление. Явно было видно, что соперники накануне договорились, кто из них будет первым, поэтому, чтобы избежать дополнительных синяков и увечий, они договорились сыграть хорошо поставленный спектакль.

Заметил это и Батя. Он соскочил с места, громко стал ругаться матом, затем сплюнул на землю и сев на свое место отвернулся от поединка. Соперником пришлось быстро свернуть борьбу. Один из них взял соперника на излом ноги, и поединок был окончен за явным преимуществом.

Следующим на площадку вышел Антон и его соперник. Видя предыдущий бой, Антон разочарованный, решил быстро закончить бой. Оценив противника и взвесив все шансы, он уже знал, что будет делать. Сделав несколько быстрых ложных выпадов, он выждал нужный момент и поймал противника на удушающий прием, досрочно закончив схватку.

На схватку ушло всего около минуты времени. Батя вновь вскочил со своего места. Стал ругаться, сетуя на то, что он опять ничего не видел и не понял, где борьба, где мощные удары, где, наконец, кровь, пролитая в стремлении к победе.

После двадцатиминутного перерыва схватки продолжились. Первыми вышли бойцы, претендующие на третье место. На этот раз, после недовольства Бати, все было по-настоящему. Противники старались, но все равно все получалось как спектакль, хоть они и старались не уступать друг другу.

Антон не стал следить за поединком, они готовились с Василием, бинтуя руки и

надевая на руки перчатки без пальцев. К ним подошел командир роты.

— Ты как себя чувствуешь? Сумеешь одолеть этого циркача? — он имел в виду бойца из училища, с которым Антону предстояло сойтись в поединке. — Он, между прочем, очень хорош, и в прошлом году был чемпионом. Если сомневаешься, то лишний раз не лезь на рожон, здоровье твое еще понадобится нам, и в первую очередь тебе самому.

— Товарищ майор, вы ведь знаете и нас учите, что сомнение — это первый признак поражения, а я поражения не хочу. Вы тоже не переживайте, а просто верьте в победу, и все будет хорошо.

— Хорошо, поступай на свое усмотрение. Хочу еще тебя предупредить, видишь, у Бати за спиной стоит верзила?

— Это майор который?

— Да, он самый. Так вот, это его телохранитель. У Бати есть привычка выставлять его на победителя. Но знай, что это настоящий костолом, он очень жестокий человек. Целым и невредимым из его рук еще никто не уходил. Он бьет, пока соперник не перестает двигаться, а боец он отменный. Поэтому, кто знает это, то стараются избежать схватки с ним. Вежливо, чтобы не обидеть Батю, ссылаются на травмы и на неопытность. В случае победы, постарайся и ты вежливо с улыбкой отказаться от поединка.

— Спасибо вам за предупреждение, будем надеяться, что пронесет меня эта участь, а там, в случае чего, как бог даст.

Антон вышел на площадку, а вслед ему ротный прошептал:

— Господи, вразуми его и защити от этого костолома.

— Да не переживайте вы так, товарищ майор, — сказал Василий, услышав слова командира. — Антон — классный боец, и не даст себя поломать даже такому бугаю как адъютанту его превосходительства.

— Я, Вася, не поэтому поводу переживаю. Я боюсь, что когда он станет победителем, а он им станет, я уверен в этом, он не сможет отказать Бате в поединке с этим, как ты говоришь, бугаем. И, скорее всего, насколько я знаю нашего Антона, он сможет с ним справиться. Я боюсь, что Антон может в пылу схватки, покалечить его.

— Но ведь надо чтобы и ему когда-нибудь досталось, так как достается другим от него. Должен все-таки найтись такой человек, который научит и его относиться к людям с пониманием. Пусть тоже знает, как это быть покалеченными, а то привык, понимаешь, калечить слабых.

— Я с тобой, сынок, полностью согласен, что надо, да ведь дело в том, что у этого верзилы очень высокие покровители. Вот я и боюсь, что если дойдет до чего-нибудь нехорошего, то даже всех возможностей нашего Бати не хватит, чтобы отмазать нашего Антона от наказания. Батя уже года четыре пытается избавиться от него, но у него видишь сам, ничего не получается. Теперь ты понимаешь меня?

— Да, это действительно проблема. И для Антона в первую очередь.

— Вот именно, и как видишь, у меня есть повод волноваться, — помолчав немного, добавил: — Только ты, сынок, смотри, ни кому ни слова о нашем разговоре. Это я дурак разоткровенничался от волнения.

— Я понял, за болтливость могу и я пострадать.

— Правильно думаешь, правильно.

Тем временем противники сошлись на площадке. Глянув в глаза противнику, Антон прочел в них сомнение и понял, что теперь победа будет за ним.

— Приветствуйте друг друга и начинаем бой, — скомандовал судья.

Они прошли в центр площадки. Антон, сложив ладони лодочкой низко поклонился сопернику, тоже самое сделал и соперник.

После обоюдных приветствий начался поединок. Антон не спешил. Он изучал соперника, но и соперник был не глупым. Молодой, огромного роста, с довольно развитой мускулатурой он медленно передвигался, внимательно следя за всеми передвижениями Антона.

Следя за его поединками ранее, Антон уже знал, что основным его коньком является бокс. Но и приемами самбо он владел очень хорошо. Противники кружили некоторое время вокруг друг друга, делая периодически ложные выпады.

Зрители, собравшиеся вокруг площадки, кричали, требуя решительной схватки, они хотели зрелища. Антон пошел на встречу зрителям. Он сделал еще несколько выпадов, потом сделал вид, что расслабился и опустил руки.

Этот момент и решил использовать его противник. Он сделал резкий прыжок, и быстро попытался нанести хук правой рукой, вкладывая в этот удар всю свою силу, понимая, что другого такого случая может не представиться. Но он просчитался, его кулак прошел над головой противника. Не встретив сопротивления, он по инерции сделал шаг вперед, и тут же ощутил сильнейший удар в область печени.

От удара, слегка подлетая вверх, он замер на мгновение, и тут же получил удар в челюсть. Ему показалось на миг, что его ударили кузнечным молотом, настолько сильным был удар. В глазах потемнело, он провалился в темноту.

После короткой паузы толпа вдруг выдохнула, только после этого послышался мощный гул сотен голосов. Антон глянул на противника, потом наклонился и пощупал его пульс. Пульс был частым, но устойчивым.

— Все в порядке просто нокаут, — подумал Антон, глядя, как к ним бежит врач с медицинской сумкой.

После некоторых манипуляций с нашатырем соперник Антона пришел в себя. Обвел мутным и ничего непонимающим взглядом людей, стоящих вокруг него. Узнав Антона, он поднялся на ноги и, улыбаясь насколько это было в его положении возможно, подошел к нему.

— Поздравляю тебя с победой. Таких ударов я еще не пропускал никогда в жизни. Но на следующий год я жду от тебя реванша.

— Не будем загадывать так далеко в будущее. Еще неизвестно как оно сложится. Ты лучше скажи, как себя чувствуешь?

— Ну, как тебе объяснить, сначала у меня было чувство, что я попал под паровоз, а теперь меня вытащили.

— Голова сильно болит?

— Не то слово. Мне кажется, что она скоро взорвется.

— Тогда повернись ко мне спиной.

— Зачем это, или ты решил меня совсем доконать?

— Поворачивайся, тебе говорят, сейчас легче будет. Только голову держи прямо.

Антон размял ему шею, потом шейные позвонки. Затем приступил к легкому массажу за ушами. Парень расслабился, и Антон в этот момент с силой надавил на нужные точки. Парень от неожиданности вскрикнул и замотал головой. Но вскоре почувствовал, что боль постепенно отпускает. В глазах прояснилось, и дышать стало намного легче.

— Меня Олег зовут, — протянул он руку, — а боль и правда проходит.

— Меня Антон. А в этом нет ничего удивительного, просто я знаю, куда нужно надавить

Антон объявили победителем. К нему тут же подошел командующий, а следом за ним и весь командный состав. Пожимая руку, он с улыбкой сказал:

— Молодец, сынок, от всей души поздравляю тебя с победой. Красиво дрался. Порадовал старика. Надеюсь, и в будущем не раз еще порадуешь, прославляя наши доблестные десантные войска. Ну, а фамилия у тебя есть?

— Так точно, есть, младший сержант Ли.

— Как? Ли? — удивился командующий. — Но ведь это китайская фамилия, а ты, как я вижу, на китайца не похож, больше похож на цыгана, или ты носишь чужую фамилию?

— Никак нет, товарищ генерал, у меня действительно мать-цыганка, зато отец русский, они оба погибли в сорок втором году, когда мне еще и года не исполнилось. Я воспитывался у дедушки. Вот в его роду действительно были китайцы. И фамилия моя от дедушки, — сделав небольшую паузу, с гордостью в голосе добавил, — я горжусь своим дедом и своей фамилией. Мой дед воевал еще в Гражданскую, закончил во Владивостоке. Потом прошел всю Отечественную, дойдя до Берлина, а закончил ее уже на востоке с японцами. С войны он вернулся полным кавалером ордена Славы. Он всегда носил свою фамилию с гордостью, а я продолжатель его рода, теперь мне предстоит не уронить чести и достоинства нашей фамилии. И я поступлю, так как завещал мне мой дед.

— Молодец, сынок, — похлопав по плечу, сказал командующий, — хорошо сказал, а самое главное правильно и гордо. В будущем поступай так же. Мы на то и защитники отечества, чтобы с честью защищать завоевания наших предков. Ты прости, сынок, я, засомневавшись в твоей фамилии, не хотел тебя обидеть. Просто твоя фамилия невольно заставила меня вспомнить, что во время войны у меня в полку служил боец в разведке по фамилии Ли. Вот он, действительно, похож был немного на китайца. Вот его частенько, кто не знал, задевали происхождением в унижительной форме. Но Ли, хоть и был небольшого роста, но задиристый, я вам скажу. А дрался как черт, верткий, и дрался всегда с достоинством. Ты с приветственным поклоном соперника чем-то его напоминаешь. И не только этим, стиль борьбы у тебя похож. Ну, это так к слову. У меня ведь в полку разные попадались люди. Были среди них и бывшие заключенные, прошедшие штрафбат. Многие из них пытались подшутить над его происхождением и ростом, но не все потом удавалось извиниться.

— Почему? — спросил вдруг кто-то из стоящих рядом офицеров.

— Как почему, да просто не успевал это сделать. Получал сразу же по зубам и на этом инцидент был исчерпан. Вы можете себе представить, что он при сравнительно небольшом росте и в возрасте пятидесяти лет, запросто одним ударом мог убить человека вдвое крупнее его.

— Да ну, не может быть, — послышались вокруг голоса недоверия.

— Что значит, не может быть? — начал заводиться Батя, — а ну садитесь все в круг, я сейчас вам расскажу, и вы поймете, что старый солдат не врет. Ты, победитель, садись рядом со мной. Слушай и мотай на ус.

Все присутствующие с удовольствием расположились на траве полукругом, готовые послушать очередную историю боевого генерала. А рассказывать он умел.

Возбуждаясь как мальчишка, он мог часами рассказывать историй из военной жизни.

Старался в красках и подробностях донести до слушателей о подвигах его солдат. Но никогда не говорил о самом себе. Он утверждал, что на войне только солдат имеет право на награду за героизм, а командир просто выполняет свой долг военного. О себе он говорил всегда очень кратко, без лишних подробностей, и то только в случае крайней необходимости.

Зная его патологическое отвращение к лгунам, сослуживцы пользовались этим. Легким признаком недоверия, вынуждали командующего на очередной рассказ. Послушать его любили все. Из его рассказов можно было почерпнуть очень много полезного и интересного. Молодым всегда хотелось знать как можно больше о войне из уст непосредственного участника событий, а не только из книг или газет.

Когда все расселись, командующий продолжил:

— Это было, как сейчас помню, ближе к осени, конец августа или начало сентября сорок второго года. Мой полк в то время находился на Ленинградском фронте. Бои были жестокими, бывало, за одни сутки мы теряли почти треть личного состава. Порой доходило до того, что в бой вступали даже обозники и повара, я уже не говорю о штабных офицерах. Помню, нам нужно было взять одну высотку, за которой сразу же стояла небольшая деревенька. Нужно было лишить врага не только господствующей высоты, но и теплых квартир. Несколько наших атак фрицы отбили. Приказ нужно выполнять. Тогда я сам повел полк в атаку, собрав для этого весь резерв. В ту атаку шли все, кто в состоянии еще держать оружие, даже легкораненые. В роте разведки у меня служил боец по фамилии Ли. Но звали все его Снайпер. Он стрелял без оптического прицела лучше любого снайпера, попадая в цель с любого расстояния. Он своей стрельбой погасил пулеметные точки противника. Когда мы были уже у самых окопов, он бросил винтовку, заменив ее на автомат, догнал нас и бежал рядом со мной. Неся большие потери, мы все же ворвались в траншеи, перейдя в рукопашную. В пылу боя я не заметил, как сзади меня огромного роста фашист замахнулся винтовкой, держа ее за ствол. Ли вовремя заметил грозящую мне опасность и, прыгнув, сбил меня с ног. Таким образом, спасая меня от неминуемой гибели. Вы только представьте, если бы эта махина в полтора центнера весом ударила меня прикладом со всей силы, то я провалился бы в землю по самые ноздри, а вы бы сидели здесь и слушали совершенно другого генерала. Немец промахнулся, а Ли попытался пристрелить его из автомата, но у него по-видимому давно патрон перекошило. Тогда он отбросил автомат и пошел на фрица с голыми руками. Вот тут-то я увидел, как нельзя недооценивать противника. Недооценил его и фашист, за что поплатился своей жизнью. Увидев перед собой маленького человечка, а со стороны это казалось именно так. Вы только представьте для сравнения. Волков, — обратился Батя к своему телохранителю, — какой у тебя рост и вес?

— Два метра три сантиметра, а вес где-то сто двадцать пять или сто тридцать, примерно так.

— Ну, вот видите, какой громила, а фашист был на голову выше его, да и весу килограмм на тридцать больше. И вот представьте, что рядом с такой горой стоит мой маленький Ли. Это были просто карлик и великан. Немец, глядя на него, отбросил с презрением ненужную винтовку, и оскалив зубы замахнулся на него своим огромным, как моя голова, кулаком. Он решил, наверное, своим ударом загнать маленького человечка как гвоздь в землю. В этом и заключалась его ошибка. Ли стал в стойку. Одна нога его была согнута в колене, другая вытянута назад, отчего он стал еще ниже ростом. Стоял он к немцу в пол оборота. Вытянув левую руку ладонью вперед, правой сделал какие-то манипуляции,

потом резко толкнул правую руку вперед, и при этом как-то странно выдохнул. Я не понял этого маневра, зато хорошо видел, что он даже не дотронулся до фашиста. Тот, в свою очередь, как-то странно согнулся пополам и, отлетев по воздуху метра на два, рухнул в окоп. Ли даже не взглянул на него, подошел, помог мне встать. Я тогда и говорю ему, мол, нужно пристрелить фрица от греха подальше, а он мне и говорит.

— Некого там добивать, он давно уже с архангелами воюет, лучше давайте поторопимся, а то отстанем от своих, и победа за взятие деревни опять достанется другим.

— Представляете, он еще спокойно шутил над этим. Я не сразу поверил ему на счет смерти фрица. После боя уговорил его сходить на высотку. Мы нашли тот окоп. Фашист так и лежал в окопе, не изменив положения. Но что меня поразило, так это его взгляд. Глаза его были открыты, хоть он и был уже мертв, но в глазах его застыло выражение удивления и нестерпимой боли. Вот такой случай произошел со мной. Теперь вы видите, что даже маленький на вид человек может запросто убить любого противника.

— Как же умер фашист? Вы говорите, что Ли не дотрагивался до него. Не от страха же он умер перед карликом? — спросил кто-то из присутствующих.

— Да, не дотрагивался, я это точно видел, и то, что его убил именно Ли, я видел своими глазами, а глазам своим я привык доверять.

— В восточных единоборствах удар этот называется «Ху», — сказал тихо Антон.

— А что это за удар такой? — спросил кто-то.

— Ну, это, — стал объяснять Антон, — удар не рукой, а всей энергией, заложенной в человеческом теле. Вроде удара духа, что ли. Я плохо могу это объяснить, а вот руки при этом ударе служат как бы направляющим проводником той энергии духа, который направлен на объект удара. Человеку, умеющему управлять энергетикой своего духа, не обязательно прикасаться к объекту, можно ударить и на небольшом расстоянии. И я вас уверяю, что если удар нанесен энергетически сильным и умелым бойцом, как в вашем случае, то у этого фрица просто не было шансов остаться в живых. Я поясню почему. От такого удара внешне тело выглядит не поврежденным, но зато будут повреждены внутренние органы. Конечно, наши органы защищены снаружи скелетом ребер и множеством мышц. Но внутри они очень уязвимы. Пучок энергии, направляемый умелой рукой, пробивает любую защиту. Для него не существует преграды, будь это слабенький человек или хорошо тренированный гигант. Проникая внутрь, он представляет собой нечто похожее на гранату. Попав внутрь, он распадается на мелкие пучки, повреждая практически все органы человеческого тела. Представьте, что он повреждает сердечную мышцу, не говоря уже о других органах, человек просто умирает от нарушения кровообращения. И разницы никакой, большой это человек или маленький. Извините, товарищ генерал, я что-то разговорился прямо как на экзаменах, — смутился Антон.

— Не извиняйся, сынок. Это хорошо, что ты много знаешь, но меня интересует, откуда, ты все это знаешь. Я что-то не встречал у нас подобной литературы или еще каких-то подобных источников.

— От дедушки товарищ генерал, все, что я знаю, все от него. Он всему меня учил.

— Прости мое любопытство, но он-то откуда знает?

— Ну, товарищ генерал, это вам нужно было у него самого спрашивать, пока была такая возможность.

— Как так? — спросил он. — Ты хочешь сказать, что тот боец по фамилии Ли — твой дедушка?

— Конечно, мой дед. А историю, которую вы сейчас рассказали, я хорошо знаю, мало того, могу еще кое-что добавить.

— Ну-ка, ну-ка, сейчас проверим, правду ты говоришь или нет. Так, что ты там можешь добавить?

— В общем-то, не очень много. Вы все рассказали в подробностях, только упустили один маленький факт. Вы тогда не до конца поверили моему деду, и все же выстрелили в немца, и только после выстрела вы убедились, что немец мертв, — и, глядя искоса на генерала, с улыбкой продолжил, — я все правильно рассказал, ничего не перепутал?

Генерал, схватившись за живот, повалился на траву, заливаясь громким смехом.

— Вот ведь, шельмец, рассмешил старика. Ведь тогда и, правда, так было. Я твоему деду не поверил тогда, поэтому и повел его на высотку, чтобы убедиться. Я ведь думал, что фриц давно сбежал, а он оказался в том же окопе и в той же позе. Ну, я для остротки еще всадил в него пулю, и только тогда понял, что стрелял уже в труп. Я тогда спрашивал Ли, как у него это получилось. Так он мне и говорит, я, мол, уважаю тебя как командира и человека, но не спрашивай, ни к чему оно тебе, пусть и у меня будет маленькая тайна от тебя. Только прошу тебя, не говори об этом ни кому, не надо смущать людей. Разные люди, могут быть и разные разговоры. Я обещал, понимая, что он имел в виду, и с уважением отнесся к его тайне. И действительно, люди ведь разные, не каждый может понять это. Если я очевидец, с ужасом наблюдавший за этим, не понял, так как могли в то время понять простые люди, многие из которых имели всего лишь начальное образование. Некоторые писали-то с большим трудом, а тут такие сказки для них. И вот до сегодняшнего дня я хранил эту тайну, а вы без стыда и совести клещами достали ее из меня. Ты, сынок, передай своему деду, что я не хотел нарушать его тайну, пусть простит, так уж получилось. Я вот все пытаюсь и никак не могу вспомнить его имя, все мы звали его, почему-то, Толиком.

— Его звали Тугай.

— Точно, Тугай. А почему в прошедшем времени, или случилось что?

— Год назад он умер от обширного инфаркта.

— Прости, не знал. Хороший был человек. Он ведь всего на десять лет старше меня. Почему он умер, болел что ли?

— Ну, если быть точным, то на тринадцать. Вы ведь с девятьсот восьмого года?

— Да, с девятьсот восьмого.

— А он с девяносто пятого. А здоровье у него было хорошим. Он в своем возрасте мог любому еще и фору дать. Но в прошлом году по весне, когда ему сообщили, что в автокатастрофе погибла моя жена и грудной ребенок, сердце его не выдержало. И мне пришлось тогда сразу хоронить всю свою семью. Теперь у меня из близких осталась только семья дяди Егора. Это лучший друг и практически брат моего деда.

— Уж не тот ли это Егор, что в месте с твоим дедом воевал у меня в полку.

— Да, это он. Они с моим дедом росли вместе с самого рождения, и были как братья. В Гражданскую вместе воевали, и в сорок первом вместе ушли на фронт добровольцами.

— Подожди, сынок, сейчас я постараюсь вспомнить его фамилию. Я в то время называл их циркачами, бедовые значит. Получается, что фамилия его Бедуля, по-моему, правильно назвал.

— Правильно, товарищ генерал. Вот что бедовые мне понятно. Они такие и есть, но вот, что циркачи, так об этом я первый раз слышу.

— Да, это очень просто, они мне сами напоминали циркачей. Один маленький, другой

большой. Видели, наверное, как в цирке работают акробаты. Большой и сильный подкидывает маленького, а тот выделывает разные трюки. Вот эта парочка была такой же.

Друг за дружку всегда стояли горой. В разведку только вдвоем. Дополнительно кого-то посылать с ними было бессмысленно, только помешали бы. Тугай и Егор, это два сибирских охотника.

Насколько я помню, они умели ходить по следу как собаки. Умели скрытно наблюдать, и стреляли, дай бог каждому, а что самое главное, они очень выносливые. При необходимости могли сутками идти без остановки, не каждый мог выдержать такой темп.

Зная их выносливость, командование дивизии посылало их за языком. Не просто взять простого солдата из соседнего окопа, а далеко в тыл, за хорошим офицером. Вот для этого и нужно было иметь сибирское здоровье. Да и малочисленной группе всегда легче просочиться незаметно.

Вот как-то летом мы разрабатывали наступательную операцию, а для этого нужен был хороший грамотный язык, желательно с подтверждающими документами. Вы ведь знаете, как штабисты не любят верить на слово. На такое ответственное задание я послал свою бедовую парочку. Сроку им дали четверо суток, и приказ без языка не возвращаться. Я был уверен, что они выполнят приказ и вернуться с хорошим уловом. Сейчас я расскажу, как они готовились.

У нас в то время не было хороших маскировочных костюмов, как сейчас, были только зимние. Они выпросили у старшины четыре плащ-палатки. Раскроили их и сшили под себя свободные комбинезоны. Перед отправкой в тыл они крепили к ним различные ветки, траву и пожелтевшие листья в зависимости от рельефа местности. Они, когда одевались, то полностью сливались с местностью. В двадцати метрах их нельзя было заметить. Они никогда не переходили линию фронта ночью, только днем. Я как-то спросил их об этом, они и говорят, днем немец не так осторожен, нам легче пройти будет.

С собой они брали всегда очень небольшой запас провизии и ограниченный запас боеприпасов, тяжело, мол, нести будет, а если понадобится, то попросят у немцев. И неизменным атрибутом у них был комплект альпиниста. Где-то, по случаю, они раздобыли его у немцев и с тех пор без него никогда не выходили.

Перед выходом они выслали немного вперед наблюдателя. Когда немцы садились обедать, а они народ пунктуальный, наблюдатель подавал сигнал и возвращался обратно, а наша парочка легко пересекала линию фронта. И знаете, на моей памяти не было случая, чтобы их хоть раз обнаружили во время перехода.

Так было и на этот раз. Прошли незаметно. Где и как они ходили, знают только они сами, мне это неизвестно. Могу сказать только одно, что узнал позже из доклада.

В тридцати километрах от линии фронта они подошли к одной деревне, названия я сейчас не помню. Затаились, стали наблюдать. Вскоре заметили, что немцы собираются у разрушенного монастыря стоявшего неподалеку от деревни. И собирались там не просто солдаты, а в основном офицерский состав. Они грешным делом подумали, что там находится их штаб, вот и решили присмотреть там свою жертву.

Как уж они действовали, я не знаю, но они забрались на купол монастырской церкви, в которой, как оказалось, немцы проводили совещание. Как они умудрились обойти всех часовых, я не знаю, но они через пролом от взрыва проникли под самый купол. Затаившись, стали наблюдать.

Дождавшись конца совещания, они выждали момент, когда руководитель совещания

остался один. Полковник сложил все документы и, пообедав, лег отдохнуть. Бедуля привязал Тугая веревкой, спустил вниз, прямо на огромный стол, на котором расположился полковник. Они проделали все очень быстро. Через пять минут спускались по монастырской стене, причем Тугай нес документы с картами и оружие, а Егор нес на себе полковника в бессознательном состоянии. Незамеченные добрались до окраины леса.

Зная, что вскоре будет погоня, да еще и с собаками, которых они видели в деревне. От такой погони, да еще и с грузом, будет не так легко уйти. Они разработали целую операцию.

Вдоль дороги они дошли до поста полевой жандармерии. Снять троих жандармов для них не представляло большого труда. Трупы и шлагбаум они отнесли от дороги и бросили в лесу, прикрыв их ветками. Сели на мотоцикл и спокойно уехали в противоположную сторону от фронта. Углубившись далеко в тыл. Они сделали круг в пятьдесят километров и совершенно с другой стороны удачно перешли линию фронта на соседнем участке. Сдав, как положено свою добычу, они вернулись в свое расположение.

Вот за эту операцию я прозвал их циркачами. А вот бедовыми, я прозвал их гораздо позже.

Как-то раз разведка донесла, что немцы готовят наступление, но вот на каком участке фронта, нам предстояло выяснить. Пришлось отправить на задание наших циркачей.

Приказ был в бой не вступать, только вести скрытую разведку, фиксируя все передвижения противника, как на нашем участке, так и на соседних.

Задание было очень сложным. Им предстояло исследовать большие территории. Они должны были знать все дислокации уже находящейся техники на участках фронта, но и еще узнать количество составов, какие войска прибывали, какая техника и сколько горючего. А самое главное, где все это будет дислоцироваться.

Отсутствовали они примерно дней пять или шесть, уже не помню. Как-то рано утром, только забрезжил рассвет, будит меня дежурный и докладывает, что вернулась разведка. Тут уж у меня сон как рукой сняло.

Я соскочил и бегом на улицу. Выбегаю из землянки, и что вы думаете, стоят в колонну по одному двенадцать голых, в чем мать родила, мужиков, в одних только сапогах и, связанные одной веревкой за пояс друг к другу. А за этой толпой бесстыдства, стоит моя парочка, хоть измученная, но с улыбкой на лицах.

Я, конечно, сперва опешил, но потом, придя в себя, спросил, что это все значит, и вот что потом узнаю. Выполнив основную часть задания, они возвращались домой. Разведданных было больше чем достаточно. Чтобы не маячить близь деревень, они решили пойти вдоль берега реки. Путь был хоть и дальним, но зато надежным.

Километрах в пятнадцати от линии фронта натываются на небольшую колонну фрицев. В колонне было два мотоцикла, бронетранспортер и легковая машина. Спрятавшись за прибрежный кустарник, стали ждать, когда проедет колонна через брод. Но, выехав на берег, колонна остановилась. Водитель легковушки выскочил, стал что-то делать с мотором. Потом что-то сказал толстому немцу в очках и достал инструменты из багажника.

Наши поняли, что это надолго, но рисковать не стали, а продолжили наблюдать, надеясь, что водитель быстро починит машину и они свободно пересекут дорогу. Но они ошиблись. Толстяк стал раздеваться и вскоре улегся на песок загорать. Остальные как по команде разделись и бросились купаться, оставив одного часового рядом с водителем. Естественно, наши пройти мимо такого шанса не могли.

Подкравшись, незаметно оглушили часового с водителем, потом, угрожая оружием,

заставили немцев выйти из воды и построиться в колонну по одному.

Бедуля, а из них он был на все выдумки мастак. Тугай тоже был весельчак, но более спокойный. А вот Бедуля — это целый кладезь выдумок.

Он пошарил в машине и вытащил целый ящик коньяка. Привел в чувство водителя и часового, он заставил пить коньяк, пока они не упали замертво. Посадил их рядом с машиной и оставил пустые бутылки с недопитым коньяком. Форма солдат лежала на берегу, аккуратно сложенная.

Заставив снять немцев и труссы, он все сложил, аккуратно прибавив к этому еще и оружие. Оставил пленных совершенно голыми, но потом, по просьбе Тугая, разрешил надеть им сапоги. Связанные друг с другом, они без происшествий пересекли линию фронта и к утру были у штаба полка. Я от такой картины просто ошалел, но потом стал орать на них. Мы мол, посылали вас в разведку за достоверными фактами, а не голых фрицев таскать. На что Тугай сказал, что самый толстый немец — это важный полковник, и при нем куча разных документов, и сможет продублировать данные полученные в разведке. Я поблагодарил их за полковника и документы, потом спросил, зачем они тащили их голыми почти сутки. На что Бедуля, не задумываясь, ответил:

— Мы, товарищ майор, сильно торопились, уж больно сведения у нас были срочными. Вы ведь знаете, как пленные идут. То одно им мешает, то другое, то падают, то по нужде им надо, и не всем, а по одному. А так идут быстро, чтобы не замерзнуть, и нужду справляют на ходу. Мы с Тугаем за ними просто бежали, и подгонять их нужды не было.

— Я посмеялся над их выходкой, потом отпустил отдыхать, а сам стал готовиться к вечернему совещанию. Комдив на вечер собирал командный состав вместе с комиссарами. Молва о похождениях моих артистов пулей разнеслась по всей дивизии. Вечером комдив поблагодарил меня и моих разведчиков за ценные сведенья, которые подтверждали и захваченные у полковника документы. А потом, пропесочил меня в присутствии всего командного состава. Отчихвостил как мальчишку, что я готов был сквозь землю провалиться. Еще и пригрозил, что в следующий раз и меня и моих разведчиков в штрафной батальон отправит за издевательство над пленными. Потом, правда, успокоился и говорит.

— Ладно, не дуйся, сам должен понимать, что за дело я тебя. Представь, а если все теперь, глядя на твоих, тоже начнут вытворять что-то подобное. Наказывать или нет разведчиков на твое усмотрение, а теперь садись и расскажи подробнее, что там произошло, а то здесь уже такие разговоры идут, что ни в какие ворота не лезут.

Я, конечно, рассказал все, что знал из доклада. Но когда дошло до того, как оправдывался Бедуля, смеху было вдоволь. Комдив долго смеялся, потом приказал представить разведчиков к наградам за столь ценные сведенья.

Комдив простил их за смекалку, но предупредил, что после следующей подобной выходки, штрафбата им не избежать.

По возвращении из штаба я передал слова комдива, но они ничего не могли изменить. Они продолжали в том же духе, придумывая каждый раз что-нибудь новенькое.

Я устал с ними бороться и, в конце концов, махнул рукой на их проделки.

Как-то ночью после очередной их выходки, я подумал, а ведь все это только помогает им, а не мешает. Даже если взять этот случай с голыми немцами. Представьте, как бы вы повели себя на месте фрицев, обнаружив на берегу реки в целости всю технику, водителя и солдата из команды совершенно невменяемыми, при этом все обмундирование и оружие в целости и сохранности. Отсутствовал только личный состав, и сапоги.

Чтобы узнать, что случилось, им понадобилось бы много времени для того, чтобы привести в чувство пьяных солдат. Естественно, когда они узнают, то о погоне речь можно не заводить. Придя к такому выводу, я перестал обращать на это внимания, решив, что это не мешает делу. А теперь представьте, какие они были в молодости, если в пятьдесят лет вытворяли такое.

Я с ними долго не расставался. Потерял из вида уже в сорок четвертом. В то время шли жаркие бои за освобождение Белоруссии. В одном из боев я получил ранение и долгое время провел в госпитале. Тогда-то мне и было присвоено звание генерала, и назначили командиром стрелковой дивизии. После госпиталя пытался найти их, но так и не нашел.

Я связался со своим замом, он остался командиром полка после моего ранения. Тогда он мне рассказал, что мои циркачи с группой разведки погибли на территории Польши, выполняя ответственное задание. И вот выясняется, что они были живы и здоровы, и продолжали воевать. И это замечательно, жаль, что мы после войны не смогли встретиться.

А так хочется порой посидеть с однополчанами, вспомнить былые годы и помянуть павших друзей. Теперь нас становится с каждым годом все меньше и меньше. Вот и Тугай умер. Сынок, как там Бедуля поживает, здоров ли?

— С ним пока все хорошо. Недавно от них письмо получил, жалуется, что сердце пошаливает, а так вроде бы как здоров. Но я-то знаю, что не долго он протянет. Сердце у него давно пошаливает, а больше всего по другу своему тоскует. Не может он без дедушки, слишком многое их связывает.

Они ведь с рождения были роднее братьев. К тому же он инвалид. Они мне рассказывали, что после вашего ранения, вместо вас остался ваш заместитель. Из их слов я понял, что это человек невоенной специальности, но зато с большими амбициями.

Не проработав, как следует, операцию, он отправил группу разведки, произвести хорошую диверсию на узловой станции. При отходе группу должна была прикрывать стрелковая рота. Они выполнили задание без потерь. Стали отходить, надеясь на прикрытие, но его на месте не оказалось.

Позже узнали, что прикрытие и не планировалось, их бросили на смерть. Группа, прижатая к болоту, вступила в бой. К этому времени дедушка уже был ранен в плечо. Позже ранили дядю Егора и очень тяжело. Старший группы приказал дедушке забирать раненого и попробовать пройти через болото. А сам с остатками группы пошел на прорыв. Выжил или нет кто из этой группы, они не знали. Дедушка больше десяти километров тащил на себе дядю Егора, который практически все время был в бессознательном состоянии. Но они все же вышли к своим.

В госпитале им неплохо потрепали нервы представители особого отдела. Но вскоре отпустили, как говорил дедушка, кто-то с верху надавил. Дедушка потом дошел до Берлина, а вернулся домой после Японской. Дядя Егор долго лечился в разных госпиталях, и только в начале сорок пятого вернулся домой комиссованный в чистую, по инвалидности. Дома его назначили участковым в деревне, посчитав, что он вполне может с такой работой справиться, вот он и работал, пока не вышел на пенсию.

— Так, значит, это мой замполит, паскудник, постарался таких парней угробить. Не зря я ему не доверял, мне недолго довелось с ним воевать, но и тогда мне он показался каким-то скользким, что ли. Ну да бог ему судья, придет время за все со всех спроситься.

Наступила пауза. Никто не нарушал молчания командующего. Потом, он как будто вспомнил о чем-то, обратился к Антону.

— Пошли со мной, сынок. Я хочу наедине еще кое-что узнать про твоего деда и про Егора.

Они отошли в сторону от посторонних ушей, и генерал тихонько спросил:

— Сынок, ты вот что скажи мне. Ты тоже обучен такому удару, каким обладал твой дед?

— Придется сознаться. Дедушка передал мне все свои навыки, в том числе умение работать и этим ударом. По его словам, я могу пользоваться им даже лучше, чем он. Но это его личное мнение, мне на человеке еще не приходилось его применять и, надеюсь, не придется. Но я вас очень прошу, чтобы это осталось между нами. Я сознался в этом только лишь потому, что вы все это время хранили тайну деда, а он ведь был прав, нельзя людей смущать непонятными явлениями.

— Хорошо, сынок, я обещаю теперь точно не проболтаться, прости, сегодня как-то само собой получилось, к тому же я был уверен, что твой дед погиб на войне.

— Все в порядке, товарищ генерал. Я в вас полностью уверен, потому и признался.

— Спасибо за доверие. Ты вот что скажи мне, сможешь наказать в поединке моего Волка? Только честно, я не хочу, чтобы он тебя покалечил.

Антон помолчал немного, взвешивая все за и против, потом спросил.

— Товарищ генерал, а вам действительно необходимо, чтобы я побил его?

— Очень хочу. Я давно от него хочу избавиться, да не могу. Он как та заноза, торчащая под ребрами, всю жизнь мне отравляет. Если бы ты его хорошенько помял, у меня появился бы повод от него избавиться.

— Я думаю, что смогу устоять против него. Тем более, я немного наслышан о его жестокости.

— Спасибо, сынок. Я буду на тебя надеяться. Только помни, что у этого костолома сильным коньком являются ноги. И вообще, он очень сильный соперник, не зря его зовут костолом.

— Я обещаю, что буду предельно осторожен.

— Хорошо, сейчас вернемся и я незаметно, вроде бы мы не говорили о поединке, предложу при всех поединок на победителя. Теперь пошли.

Разговаривая вроде ни о чем, они подошли к остальной группе. Генерал, как бы продолжая разговор, сказал, чтобы все слышали.

— Ты, сынок, не забудь что обещал, как только будешь писать на родину, обязательно Бедуле кланяйся от меня, мол, помню их, и жду с нетерпением встречи.

— Хорошо, товарищ генерал, не забуду. Если будет время, сегодня и напишу.

— Ну что, друзья — хлопнув в ладоши, сказал командующий, — время неумолимо, скоро обед, пора расходиться.

— Эх, жаль, что так никто и не выступит на победителя, — раздался вдруг чей-то голос из толпы. Командующий даже обрадовался такой помощи со стороны. Он повернулся к Антону и громко спросил.

— А что, Антон Ли, внук знаменитого разведчика Тугая Ли. Слабо тебе будет устоять против моего Волка. Смотри, вон он стоит и с нетерпением даже копытом бьет, или боязно стало?

Антон посмотрел на стоящего невдалеке майора, на его наглую брезгливую улыбку, и на дергающиеся руки, которые ему явно не терпелось пустить в дело.

— Ну что же, как у нас говорят, волков бояться — в лес не ходить, но если в этом есть необходимость, то нужно идти и не бояться. Я понимаю так, что у меня нет выбора, а что на

это скажет сам Волков?

— А куда он денется, я все-таки командующий, и мой приказ для него закон. — Наклонившись к Антону, шепнул ему в ухо: — напоминаю, у него самое главное оружие — это ноги.

Антон шепнул в ответ:

— Если у него работают только ноги, а руки растут из задницы, то у меня есть преимущество, я работаю и ногами и руками одинаково хорошо.

— Молодец, сынок, — громко засмеялся генерал, — веселый ты парень и шутки у тебя как у Бедули, за словом в карман не лезешь. Не зря твои старики потратили время на твое воспитание. После соревнования поедешь в отпуск на родину, не забудь поклониться могиле деда от моего имени. А теперь ступай, порадуй старика. И чувствует моя старая задница, что сегодня хорошо достанется Волчонку на орешки. Интуиция меня еще никогда не подводила. Смотри у меня, сынок, бей его как положено, он тебя жалеть точно не станет.

— Ну, как же товарищ генерал, он же майор, а я простой солдат, неудобно как-то.

— Что значит неудобно? Это тебе не на прогулке на бульваре, а поединок, и в нем нет и не может быть никаких чинопочитаний, и ты как боец обязан это знать. На каждый его удар ответ должен быть адекватным, а желательно и противовесом. И заметь, это приказ. А то, видите ли, ему не удобно. Теперь ясно?

— Так точно, ясно.

— Тогда ступай и не тушуйся.

Когда Антон отошел, тихо прошептал:

— Подумаешь майор, невидаль какая, и майора можно бить, а этого, не просто можно, а обязательно нужно. Чтобы сбить с него спесь поганую.

— Что, Василий Филиппович, достал вас пристегнутый адъютант? — тихо спросил начальник училища.

— Не то слово, я бы его собственными руками удавил бы, но ты ведь знаешь, что его поддерживают в министерстве обороны. Я знаю, что он добросовестно работает на контору, да сделать ничего не могу. У тебя самого, поди хвостик иметься?

— Есть и у меня похожий. Не служба, а черт знает что. Не успеешь кашлянуть, как тут же узнают наверху, минуя вас как главнокомандующего. И тоже сделать ничего не могу.

— Ладно, невпервой, прорвемся. Давай лучше посмотрим, как мой адъютант крендели получать будет.

— Вы что, правда, надеетесь, что этот мальчишка справиться с Волковым?

— Я не просто надеюсь, ни секунды не сомневаюсь в этом. Ты знаешь, в этом парне, как мне кажется, заключена сильная воля к победе. Ты посмотри на него. Почти два метра ростом, и весу в нем сто килограмм, может быть, чуть больше.

— Но Волков все равно намного крупнее его и опытнее.

— Ну, это не самое главное. Я ведь уже говорил, что его дед был много меньше его, а мог справиться с любым противником. Ты только посмотри на него повнимательней. У него хоть нет таких явно выраженных мускулов как у Волка, но, тем не менее, мускулатура очень развита. Я это давно заметил. Теперь обрати внимание на его статью. Смотри, идет ровно, с высоко поднятой головой, на лице ни тени сомнения. Просто уверенный в себе молодой человек. Под этой маской скрывается большой вулкан, я в этом уверен. А теперь обрати внимание на его походку. Видишь?

— Вижу, она мне напоминает кошачью, такая же мягкая, крадущаяся что ли.

— Правильные ты слова подобрал, Сергей Иванович, именно кошачья походка у него. У меня такое чувство, что он при первой же опасности, готов бросится не раздумывая, и отразить любой удар, направленный на него. И знаешь, что я еще заметил, когда разговаривал с ним наедине, не успел я только заикнуться насчет поединка, как у него сразу же заблестели глаза. Но, не смотря на молодость, он очень опытный. Я внимательно следил за тем, как он отреагирует на мое предложение. Знаешь, только на одно мгновение у него блеснул глаз, и тут же он надел на себя маску простака. Я подозреваю, что он ждал именно этого боя, а вот почему, не знаю. Ты случайно не в курсе?

— Я вообще про это ничего не знаю, может его ротный что знает. Послать за ним?

— Да ты что, не стоит человека по пустякам беспокоить. Всей правды от нас он все равно не узнает, и будет потом мучаться в неведении. Возможно, позже выясним. То, что они не знакомы, я уверен. По крайней мере, до сегодняшнего дня они не могли нигде пересечься. Ну да бог с ним, что зря воду в ступе молоть, придет время, узнаем. Давай лучше, Сергей Иванович, об заклад побьемся. Я поставлю на мальчишку, а ты можешь ставить на Волка.

— Нет уж, товарищ генерал, я пожалуй воздержусь.

— Да ты что, только что сам сомневался, говорил, что Волк побьет мальчишку, а теперь напятную пошел?

— Я, товарищ генерал, хорошо знаю вас, и если пришли к выводу, что Волк проиграет, значит, так и будет. А, зная наперед такой расклад, естественно, пари заключать не буду.

— И откуда у тебя такая уверенность, что я знаю, кто будет победителем?

— Я ведь уже сказал, вы очень хороший профессионал, и хорошо разбираетесь в возможностях того или иного бойца. Вы на взгляд можете определить потенциал любого бойца и его возможности.

— Это что, Сергей Иванович, подхалимаж, что ли?

— Отнюдь, товарищ генерал, не подхалимаж. Вы и сами знаете, что я не способен на это, а особенно в отношении вас. Просто, я в первую очередь преподаватель, а потом уж начальник училища. Я привык наблюдать за людьми и анализировать поведение того или иного человека. Пришлось изучать и ваши возможности. Вы уж простите меня за прямоту.

— Перестань ты мне читать морали, я и сам знаю, на что ты способен. Давай лучше за поединком последим. И кажется мне, что не зря мы тут потратим время. Поединок будет захватывающим, я в этом уверен.

В центре площадки стоял Волков, готовый к поединку, и нетерпеливо переминался с ноги на ногу, поджидая соперника. Он решил серьезно наказать молодого выскочку. Видя, что молодой солдат понравился Бате, в нем закипала злоба.

Все эти пять лет, что он работает на командующего, дались ему нелегко. Он всеми фибрами души ненавидел его и старался по мере возможности навредить ему. Вот и сейчас представился неплохой случай.

Чтобы в очередной раз получить наслаждение от превосходства над противником и огорчить командующего, он решил слегка покалечить мальчишку. Но в его голове застряла одна мысль, и он не мог от нее избавиться. Волк видел, что мальчик непростой. Крепок не по годам, и невероятно ловкий, с точными хорошо поставленными ударами. Его смущала кошачья походка мальчишки и мгновенная реакция, не смотря на высокий рост и приличный вес. Поэтому он стоял и лихорадочно обдумывал план боя. Он был уверен, что накажет мальчишку, но его беспокоило внутреннее напряжение.

В душе его поселилась тревога, от которой он не мог избавиться. Волков перебрал в голове несколько вариантов, но остановился на одном. С первых секунд боя решил мощными ударами ошеломить противника и, сбив его с ног на землю, просто добить ногами, это всегда его выручало в трудных ситуациях.

Подошел Антон. Став напротив Волкова, попытался заглянуть ему в глаза. Волков был опытным бойцом и вовремя отвернулся, смотря на приближающегося капитана, который в этом поединке должен был исполнять роль рефери.

— Соперники готовы?

— Готовы, — по очереди ответили Антон и Волков.

— На поединок вам отпущено десять минут. Если нет вопросов, приветствуйте друг друга и начинайте.

Антон сложил ладони лодочкой и, поднеся их к подбородку, поклонился сопернику. Но распрямиться сам он уже не успел. Сильнейший удар Волкова заставил разогнуться его тело и, отлетев на два метра, он рухнул на спину. В голове его промелькнула лишь одна мысль: и все-таки, я не до конца оценил его. В глазах стало темно, все поплыло вокруг.

Теряя сознание, он усилием воли постарался заставить себя встать, но получил очередной удар ногой по ребрам, вновь упал, откатываясь дальше от соперника. Удары последовали один за другим. Антон напряг все мышцы, удары перестали быть такими болезненными. Перестав обращать на них внимание, постарался переключиться на прояснение сознания.

Вскоре у него получилось. В голове стало проясняться, появились очертания предметов, а затем увидел своего противника. Увернувшись от очередного удара, Антон рывком встал на ноги. Голова его еще кружилась, но зато глаза видели, и он мог стоять на ногах.

Вокруг послышался одобряющий гул и призывы наказать Волкова за бесчестие. Но Антона подгонять не нужно было, он сам уже потеряв над собой контроль, пришел в ярость. Размазав рукавом тельняшки, бежавшую кровь из носа, сквозь зубы процедил:

— Тебя, что, в подворотне учили драться?

— Улица, сынок, улица меня учила, — с самоуверенностью подлеца прошипел он, — а тебе как я вижу, это не очень понравилось

— Мне нравится все и, если ты привык к уличной драке, то в ответ получишь то же самое, но уже с добавкой.

— Посмотрите, цыпленок ожил, да еще угрожает.

Резко крутанувшись, попытался нанести удар в прыжке ногой в голову. Антон на этот раз уже был готов к такому повороту событий. Пригнувшись, он пропустил ногу Волка у себя над головой и нанес ему сильнейший удар по внутренней мышце бедра. Пока Волк переворачивался, успел ударить левой рукой в бок, чуть выше печени.

Нанося удары, Антон каждый раз слышал хруст под рукой, непроизвольно отмечая про себя, что у противника разрыв мышц бедра и перелом как минимум двух ребер.

Приземлившись на ноги, Волков тут же получил удар по ребрам, уже с другой стороны. Боль была очень сильной, от нее перехватило дыхание, он уже не понимал, что происходит, а удары продолжали сыпаться как из рога изобилия, только теперь по лицу.

От наносимых ударов голова болталась как боксерская груша. После каждого удара кровь разлеталась брызгами в разные стороны. От обилия крови Антон пришел в бешенство. Он перестал себя контролировать, а Волк, теряя сознание, продолжал еще стоять.

Вскоре Антон заметил, что на него бегут два офицера из команды Волкова. Антону казалось, что лица их искажены яростью. Он издал яростный крик и нанес последний удар Волкову прямо в грудь, в область сердца. Волков отлетел метра на два по воздуху и рухнул на землю.

В это время на него налетели двое и попытались скрутить ему руки. Новые соперники оказались довольно крепкими и ловкими. Им почти удалось это сделать, но это им только показалось. Взревев как раненый зверь, Антон, в последний момент, используя захваты противников, сделал кувырок через голову и легко освободился от захватов. И тут зрителям довелось увидеть Антона по настоящему дерущимся. Его противники яростно налетали на него, и тут же оказывались лежащими на земле. Вскоре они перестали вставать, понимая, что вдвоем они не справятся.

Антон не видя угрозы, пришел в себя. Он почувствовал тревогу и, повернувшись в сторону Волкова, увидел, что тот лежит без движения, подвернув неестественно под себя руку. Он быстро подбежал к нему и стал проверять пульс. Пульса не было. Видя Антона склонившегося над своим командиром, офицеры попытались вновь напасть на него, но Антон остановил их поднятой рукой.

— Хватит, прекратите, — вытерев рукавом теперь уже рот Волкова, он зажал ему нос и два раза дыхнул ему в рот, наполняя легкие воздухом. Потом, подняв ему левую руку, слегка ударил по ребрам под сердце. Пульса по-прежнему не было.

— Держи ему руки на весу, — крикнул он одному из офицеров, — а ты дыши ему в рот.

После того, как его указания были выполнены, он с силой ударил с обеих сторон в область подмышек. Только после третьего удара Волков с шумом выдохнул и застонал.

В это время к ним подбежал военврач.

— Что случилось, боец?

— Теперь все будет в порядке. От удара у него сердце остановилось. Мы сделали ему искусственное дыхание, теперь он дышит, но ему необходим рентген, у него сломаны ребра.

— Ладно, тоже нашли доктора. Вы свое дело сделали, покалечили друг дружку, теперь предоставьте мне возможность делать мое дело. Да кстати, не забудь в ближайшие пятнадцать минут зайти ко мне. У тебя сломан нос, нужно его срочно вправлять, иначе на всю жизнь останешься кривоносым.

— Да тут не только нос, тут еще и сотрясение, пожалуй, — пробурчал Антон, вставая.

— Тем более, отправляйся в санчасть, я скоро буду, — и, смочив вату нашатырным спиртом, хотел поднести ее Волкову под нос, но Антон перехватил ее, и сам вдохнул несколько раз порами нашатыря, вернул ее доктору.

Головокружение немного уменьшилось, но боль в голове осталась. Было ощущение, что голову зажали в огромные тиски, и перемешивают мозг большим солдатским половником. Подступила тошнота, не успел он сделать и двух шагов, как его вырвало прямо на траву без надрыва. Вытирая рот, он услышал голос командующего.

— А ну, драчуны, бегом ко мне.

Антон обернулся на голос генерала. Рядом с Батей стоял командир роты с белым, как стена, лицом. Его тревогу и озабоченность выдавала суетливость, с которой он всякий раз отряхивал нервно верх кепи, поправляя на нем кокарду. Антон и два его соперника подошли к командующему, став по стойке смирно, замерли в ожидании.

— Ну, докладывайте, что за драку вы здесь устроили? Вот вы двое, почему ввязались в поединок? Кто вам приказал?

— Ну, мы это, — начал мямлить один, но другой перебил его.

— Мы, товарищ генерал, решили оттащить его. Он натурально стал избивать нашего командира, и кто его знает, чем бы это все закончилось.

— Напоминаю вам, что это был всего лишь поединок, и как бы он не закончился, вас это не должно было касаться. Вы ведь почему-то не вмешались, когда ваш командир избивал лежачего соперника, воспользовавшись таким постыдным методом. Это первое. Второе, своим поступком вы совершили должностное преступление, оставив охраняемый объект без охраны. За нарушение несения караульной службы вы будете наказаны. Сейчас вы полностью оставили меня без охраны. Ваш командир будет отлеживаться в госпитале на белых простынках, а вас посадят под арест, а что прикажете делать мне?

— Товарищ генерал, вы простите нас, — заканючили вояки, как нашкодившие школяры, — мы не подумали, что так получится.

— Да, — глядя на них, брезгливо сказал Батя. — Я грешным делом подумал, что только сейчас этот мальчишка выбил вам мозги, а оказывается, у вас и выбивать-то нечего было. Теперь слушать меня внимательно и запоминать, это приказ. По прибытию домой доложите о происшествии непосредственному начальнику. Также доложите, что я арестовываю вас на пятнадцать суток каждого. Отсидите наказание, и чтобы я вас больше вместе с вашим командиром рядом с собой не видел. Все ясно.

— Ясно, — чуть слышно прошептали офицеры.

— Если вам ясно, то марш отсюда, — повернувшись к Антону, сказал — Ну, а теперь ты докладывай, что за побоище устроил.

— Виноват, товарищ генерал, уж очень сильным оказался первый удар. Видимо, что-то в голове перекосило, вот меня и понесло, еле остановился.

— А почему ты так долго не мог придти в себя? Неужели так сильно потерял контроль над собой?

— Мог, конечно, и раньше остановиться, но уж больно хотелось наказать его за бесчестие.

— Это за какое же бесчестие?

— Он переступил черту, которая разделяет кодекс чести и бесчестия.

— И в чем это, по-твоему, выражается?

— Вы же видели, как он нанес удар в тот момент, когда противники приветствуют друг друга. Мы ведь все-таки не на войне находились, а на ринге. Волков пренебрег достоинством бойца. Этим он унизил не только меня. Даже если бы это касалось только меня, я возможно и простил бы его. Но он оскорбил своим поступком всех тех людей, которые в свое время обучали меня. То есть моих преподавателей, тренеров, родителей и командиров, которые вкладывали в мое воспитание всю свою душу и умение. Делая поклоны, соперники приветствуют таким образом друг друга, и этим же поклоном, они отдают дань уважения тем людям и традициям, которые воспитали его противника. Волков, ударив меня в неподходящий момент, таким образом, наплевал в душу людям, которым я обязан всем, что имею и могу.

— Да, с тобой забавно поговорить, ну а этих раздолбаев зачем поколотил?

— Так мне показалось, что они напали на меня, а разве это было не так?

— Ладно, наплюй ты на это. Они получили то, что хотели. Ты лучше скажи, что там с Волком случилось?

— С ним все будет в порядке. Пропустил удар в область сердца, вот оно и остановилось. Мы сделали искусственное дыхание, теперь будет жить. Правда какое-то время проведет в госпитале, да и мне придется, доктор сказал, что у меня сотрясение сильное.

— Ну, хорошо, не будем больше об этом. Тебе большое спасибо от меня лично.

— За что, товарищ генерал?

— За то, что помог избавиться от телохранителей.

— Я что-то не понял вас.

— Ладно, сынок, не понял значит так надо, просто прими мою благодарность и все, — и, повернувшись к ротному, продолжил: — Ну что, майор, хорошего ты солдата воспитал, но расстаться с ним тебе все равно придется.

— Как это расстаться? — испуганно спросил он, чувствуя приближающиеся неприятности.

— Ты не пугайся так, ничего с ним не случится. Я хочу забрать его с собой. Будет служить у меня в охране вместо Волкова и этих двух раздолбаев. Я понимаю, что не положено срочнику служить на такой должности, но я постараюсь, что-нибудь придумать, — и повернулся к Антону. — Ну что, сынок, пойдешь ко мне служить?

— Извините, товарищ генерал, — ответил он после короткой паузы, — добровольно не пойду, только если прикажут. Прикажете, я, конечно, добросовестно буду исполнять свои обязанности, но заметьте без всякого на то желания с моей стороны.

— Подожди, или я чего-то не понимаю, или ты не хочешь у меня служить?

— Вы, товарищ генерал, правильно меня поняли — глядя в глаза Бате, твердым голосом ответил Антон.

— Майор, ты только посмотри на него, он не хочет у меня служить. В таком случае скажи, где ты будешь служить.

— Мне еще служить два года, и отслужить я хочу в своей роте.

— Хорошо, допустим, что я это понимаю, но скажи мне старику, почему ты против моего предложения. У тебя будет перспектива в карьерном росте. Есть же у тебя причина, по которой ты отказываешься.

— Конечно, есть, — задумчиво ответил Антон. — Я всю жизнь следовал наставлениям своего деда. А дед говорил так:

— Всегда двигайся впереди всех с гордо поднятой головой. Таких людей обычно

называют дураками. Другие, которых называют умными, обычно трутся о зад высокого начальства. Конечно, дуракам всегда трудно. Можно идти с умными, всегда будешь и сыт и пьян, но запомни, в конечном счете среди людей пользуются любовью и уважением только дураки. Умные пользуются насмешками и презрением. Вот и вся причина.

— Я знал, что твой дед умный, но он еще и философ. Я уважаю его и горжусь, что он вырастил не только хорошего воина и бойца, но и умного, рассудительного молодого человека, умеющего отстаивать свою точку зрения. Молодец, я уважаю твое решение. Но все же я не привык, чтобы меня, боевого генерала загоняли в угол. Поступим так, чтобы не было обидно ни тебе, ни мне, из роты я тебя забираю и направляю в училище. Сергей Иванович, тебе нравится этот солдат? — обратился он к начальнику училища.

— Конечно, нравится, о чем разговор.

— Если сможешь зачислить его к себе без всяких там вступительных экзаменов, то он твой.

— Да хоть прямо сейчас.

— Вот так, — уже обращаясь к Антону, с улыбкой победителя сказал Батя, — все равно победа за мной. Пойдешь в училище.

— Не пойду, — тихо, но твердо, проворчал Антон.

— Как это не пойду, что вообще это значит?

— Один не пойду, — продолжал упрячиться Антон.

— Один не пойдешь? — переспросил его Батя, — А с кем же ты пойдешь, позволь тебя спросить?

— Если идти, то только с Василием Головановым.

— А это кто такой?

— Мы с ним вместе служим в одной роте. Этой осенью у него заканчивается срок службы. Кроме того, он мой родственник, друг и брат, все в одном лице.

— Понятно, и что он собой представляет?

— Да вы его видели, он стал призером по физической подготовке, кроме этого он еще и хороший боец.

— Ну хорошо, ты, Сергей Иванович, знаешь этого Голованова?

— Знаю, Василий Филиппович, и даже успел с ним поговорить еще вчера. Пообещал, что по окончании службы, подаст документы на поступление в наше училище. Но если будет ваш приказ, то я готов хоть сейчас забрать их обоих.

— Вот как тебе не терпится заполучить хороших спецов. Не спеши, быстро только тараканы плодятся. Им еще надо отпуском законным воспользоваться. Награда есть награда. Пусть сначала съездят на родину, вот тогда можешь забирать, но сначала оформи ходатайство, и все что к этому полагается. Поторопись, Сергей Иванович, пока я здесь. Иначе долго тебе придется за мной гоняться со своими бумагами.

Отведя в сторону ротного, он стал успокаивать его:

— Ты не огорчайся, майор, не держи на меня зла. Пойми, там ему будет лучше. Пусть учится и растет, а то не дай бог отслужит и уйдет на гражданку. Силой мы его заставить не сможем, он потом скажет, все, товарищи командиры, я отдал свой долг, и отчалит. Вот тогда мы точно лишимся отличного солдата. Ну как, не будешь обижаться на старика?

— Ну что вы, товарищ генерал, я даже рад, что так удачно сложилось. Пусть учится, я только одного боюсь, чтобы ему не стали мстить за Волкова, — и кивком головы указал вверх.

— Не стоит переживать по этому поводу. Не станет Волков сам интригами заниматься за спиной начальства. Я ведь лично просил твоего мальчишку поработать как следует с Волком. Теперь защитить его, это мой долг перед ним. Сделал он все очень красиво. Теперь я избавлюсь от них, и у меня на это есть хороший повод. А этих балбесов наверху тоже не очень будут жаловать за такой просчет. Ничего, майор, прорвемся, где наша не пропадала, — похлопав его по плечу, он прикрикнул на Антона, — ты почему здесь стоишь до сих пор, бегом в санчасть, пусть тебе там внешность поправят, а то на тебя без слез смотреть невозможно.

Антон ушел в санчасть, где доктор, как и обещал, сделал несколько обезболивающих уколов, вправил ему хрящевую перегородку и зафиксировал пластырем.

— Теперь, молодой человек, ты с правильным носом, и вполне симпатичный применительно к данной ситуации. Вот тебе еще таблетки, выпей и отправляйся во вторую палату, там кстати твой дружок тебя дожидается. Смотрите не подеритесь там. Хотя кому там драться, у тебя сотрясение, а у второго вообще живого места на теле не осталось. Так вот, напоминаю, тебе как минимум неделю постельного режима, а там видно будет.

— Понял, — грустно ответил Антон.

— Кстати, как ты узнал, что у тебя сотрясение? У тебя, что было уже раньше.

— Да, было еще в детстве, когда на меня волки зимой напали. Я тогда сильно головой о скалу ударился. Как и сегодня, у меня тогда сильно болела голова и тошнота была. Я тогда долго в постели лежал, дедушка запретил мне вставать.

— Это хорошо, что ты долго в постели пролежал, последствий меньше. Раз ты в этом вопросе разбираешься, то учить тебя не буду. Ты сам должен понимать, что с головой шутки плохи, нужен постельный режим. Теперь отправляйся в палату и не мозоль мне глаза.

Антон ушел. В палате Волков, накаченный обезболивающими и снотворным, спал. Он лег на соседнюю кровать и погрузился в сон.

Проснулся только утром. Болела голова и нос, все тело ломало от побоев. Шевелиться не хотелось, но голод брал свое. Уже сутки как он не ел и не пил. Антон хотел встать, но его остановил голос Волкова.

— Лежи не дергайся. Тебе тоже нельзя вставать. Сейчас придет сестричка, сделает укол, станет легче, а то вон смотри, все лицо у тебя перекосило от боли.

— А вы как себя чувствуете, товарищ майор?

— Перестань выкать мне. Давай на ты, так проще будет. Нам с тобой еще долго здесь загорать.

— Хорошо, и как же ты себя чувствуешь?

— Погано, и все благодаря тебе. Сломаны четыре ребра, да еще с какими-то межреберными ущемлениями. Порвана мышца бедра и надрыв грудной. Так что отыгрался ты на мне по полной программе. А у тебя что?

— У меня по меньше, сломан нос и сотрясение мозга. И так ушибы по всему телу. Ты тоже старался от души.

Волков рассмеялся, но закашлялся от боли в груди, помолчав немного, сказал:

— Ты только не смей меня. Видишь, как у меня получается со смехом. Если будешь и дальше смешить, то боюсь, мои ребра никогда не срастутся.

— Договорились, будем серьезными до тошноты.

— Ты извини меня, — помолчав минуту, как-то не уверенно начал Волков, — я, по моему, поступил подло. Больно Бате хотелось насолить. Ты по большому счету тут

совершенно ни при чем. Как говорится, просто попал под раздачу. Только эта раздача повернулась почему-то ко мне задом. Так что, мы с тобой вроде как квиты. Я врезал тебе, ты в ответ неплохо поломал меня. Давай не будем держать зла друг на друга.

— Хорошо, давай забудем, — согласился Антон. — Что было, то прошло, смотришь в будущем, если доведется встретиться, будем уважительней относиться друг к другу.

— Да, наподавали мы друг дружке, ничего не скажешь. Но ничего, не расстраивайся, будет что в старости вспомнить. А вообще, тебе большое спасибо, за то, что жизнь мне спас. Доктор мне сказал, что это ты мне мотор запустил. Еще бы минутку-другую и мне кранты.

— Не стоит, ты на моем месте поступил бы также.

— Не знаю, сейчас, конечно, да. Но тогда я даже не уверен, сделал бы я то же, что и ты.

Антон почувствовал, что сейчас Волков говорит искренне, а вот в начале разговора чувствовалось, что-то иное, наигранное что ли. Это заставляло усомниться в его словах. И все же он был уверен, что в будущем при встрече с Волковым, ничего хорошего встреча не сулит. Минутная слабость Волкова — это остатки детской еще совести, и через минуту они выветрятся из его головы.

Антон про себя решил в будущем постараться избегать встречи с Волком, так как она не сулила ему ничего хорошего, кроме неприятностей. Забегая вперед, скажу, что это будет именно так.

Через десять дней Антона выписали из госпиталя. Вместе с Василием, который дождался его, они уехали в отпуск на родину. Остальные члены команды уехали раньше. Дома встреча была бурной. Дядя Егор теперь ходил гордый. Его фронтовой командир стал командующим всеми десантными войсками. Помнит и его старого солдата, передает поклон. А его Антошка лично знаком с ним.

Тетя Наташа, обнимая его каждый раз, сетовала, что Антон выбрал для себя такую трудную профессию, как десантник. Это ведь так опасно прыгать с парашютом. Илюша, внук тети Наташи, ни на шаг не отходил от него, уговаривая пойти на охоту.

— Дядя Тоша, ты приехал, теперь соберется вся семья. Понадобится много пельменей. Нам просто необходимо пойти с тобой на охоту и убить медведя, а без медвежатины какие могут быть пельмени.

— Ты прости меня, Илюша — отвечал Антон, — я теперь не охотник, а солдат. Солдату на охоту ходить не разрешается. Военные на охоту не ходят. Только гражданским разрешается. Ты старайся, как можно больше есть бабушкину кашу. От каши ты быстро вырастешь, вот тогда ты сам сможешь убить медведя. Согласен со мной?

— Согласен, — проворчал недовольно малыш, — но пообещай мне, что когда я вырасту, ты научишь меня стрелять из настоящего ружья.

— Хорошо, — улыбаясь, ответил Антон.

— Ты только посмотри на него. Больше года прошло, а он до сих пор помнит эту проклятую охоту и не дает нам с дедом покоя. Мы с дедом уже ружья прячем от него. Не ровен час возьмет и уйдет в горы. Мы с Егором так и ходим по очереди за ним следом.

— Ничего, скоро перерастет. Вон как за год подрос, скоро деда догонит.

— Дай-то бог, вот только дед наш стал хандрить последнее время.

— Что, сердце беспокоит?

— И сердце беспокоит, но в основном он сильно по Тугаю тоскует. Хоть и старается вида не показывать, но я-то вижу, как он мается. Люди говорят, он часто приходит на могилку, и долго сидит там, о чем-то все говорит с ним. А тут еще и ты уехал, он вообще

раскис. Он ведь больше тебя любит, чем своих родных детей, кроме, конечно, внуков.

Антон попытался возразить, но она его перебила:

— Нет-нет, Антоша, пойми меня правильно. Я не в претензии и не обижаюсь на это. Его можно понять, как люди говорят: первые дети — это не дети, а вот внуки это и есть настоящие дети, — пойми, ты, когда появился у нас, наши дети были уже взрослые, а ты был маленький и рос вместе с нашими внуками у нас на руках. Мы любили тебя как родного и переживали так же, как и за любого нашего внука. Не мудрено, что Егор так к тебе привязался. К тому же, ты напоминаешь ему Тугая и его самого в молодости. Ты как губка впитал в себя все, что умели они. Ты и рыбак, и охотник, да и вообще на все руки мастер. Этим ты отличаешься от наших детей. Это огорчало его. Ему очень хотелось, чтобы хоть один его сын стал таким как он, но его надежды воплотились только в тебе. Ты только пойми меня правильно и не обижайся на мои слова.

— Ну, что вы такое говорите, у меня даже в мыслях такого не было, — он обнял ее и поцеловал в морщинистую щеку, — вы значите для меня больше, чем родная мать, и люблю я вас также как в детстве. Я прекрасно осознаю, сколько вам досталось, пока я рос. Вы лечили меня, порой ночами сидели у моей кровати, кормили, когда я хотел есть. Да и вообще, мы хоть и жили с дедом отдельно, но мы жили одной семьей. А все, что касается материнской любви и ласки, я в полной мере получил только от вас. Как же после этого я посмею на вас обижаться. Я после этого перестану себя уважать как человека.

— Спасибо, сынок, за теплые слова, ты только не забывай нас, приезжай чаще.

— Ну, что вы, теперь я буду учиться в училище. У нас будут два раза в год каникулы, так что, буду приезжать к вам два раза в год.

— Егор, иди сюда, — позвала она мужа.

— Что там такое? — отложив газету, выглянул он из соседней комнаты.

— Ты послушай, теперь Антон будет два раза в год приезжать к нам. А летом на полтора месяца.

— Вот это здорово, будет мне с кем на рыбалку ходить, а зимой на охоту.

— Будет тебе, любитель охоты. Иди лучше читать свою газету, здоровья больше останется.

— Да ладно тебе, разворчалась, — выходя из комнаты, он крикнул, — Илюша, пойдем со мной снасти готовить, завтра по утру пойдем на реку переметы ставить.

— Никак не уймется, и Илюшу за собой таскает. Боюсь я лишний раз выпускать их из дому. Сердце большое, а внучек мал еще, в случае чего и помочь не сможет.

— Ну что вы, разве вы их удержите на месте. Дядя Егор всю свою жизнь охотился и рыбачил, и сейчас посадить его дома, это смерти подобно. Сейчас для него движение — это жизнь. Самое главное, чтобы не переутомлялся. А то, что Илюша с ним ходит, так это очень хорошо. Для дяди Егора хорошее общение, одиночества он просто не выдержит. Для Илюши хорошая школа будет. Я когда-то тоже через это прошел, и благодарен им обоим за науку и терпение, которое они потратили на мое учение. Уроки эти не прошли даром. С хорошими навыками мне легче теперь идти по жизни. Кто знает, может этот опыт мне в будущем не раз спасет жизнь.

— Я, Антоша, все прекрасно понимаю, и полностью согласна с тобой. Для меня главное, чтобы они не отходили далеко от дома. Боюсь, если зайдут далеко, и случится что-нибудь плохое, то погибнут оба, помнишь, как погибли отец твоего деда и его внук.

— Помню, — с грустью ответил Антон.

— Ой, Антоша, какой-то разговор у нас получился грустный, пойдём лучше чаю с малиновым вареньем выпьем. Может тебе наливочки нашей налить?

— Вот этого точно не надо. Я почему-то даже запах спиртного не переношу. Табачный дым это совсем другое. Сам я не курю, но запах дыма мне нравится. Не знаю, что за натура у меня такая.

— Ну, слава богу, что не пьёшь и не куришь. Пойдём лучше чай пить.

Отпуск пролетел как одно мгновение. Встретившись, как и договаривались с Василием на вокзале Читы, они через несколько дней уже получили документы в своей части и были зачислены в высшее училище ВДВ на факультет по подготовке командиров взводов разведывательно-диверсионных подразделений.

Антон и Василий с головой погрузились в занятия. Нужно было догонять однокурсников, так как программа двигалась быстрым темпом. Будучи зачисленными с опозданием почти на два месяца, они старались, как могли, нагнать программу.

Что касается Антона, то он с этой задачей легко справился, и уже через месяц чувствовал себя на уровне остальных. Чего нельзя сказать о Василии.

Все, что касалось боевой и специальной подготовки, он освоил блестяще. Общеобразовательные предметы давались ему с большим трудом. С высшей математикой и химией он кое-как справлялся при помощи Антона, но вот с иностранным языком было совсем плохо.

Чтобы как-то к концу года сдать зачеты и уехать на каникулы, Антон прибёг к небольшому шантажу. Василий очень хотел выучиться игре на гитаре, утверждая, что все девчонки любят гитаристов. Антон решил заинтересовать друга и предложил ему.

— Значит так, братишка. Я не отказываюсь учить тебя музыке, но ты должен заплатить мне за это.

— Все что угодно, только не деньги, их у меня просто нет.

— Деньги мне не нужны, и вообще друг называется. Как ты мог подумать, что я потребую от тебя деньги.

— А что тогда?

— Вот смотри, берем книгу на английском языке, ты учишь примерно до этого абзаца. Потом рассказываешь мне, что выучил. После этого, я в течение часа обучаю тебя игре на гитаре, понял?

— Понял. Только непомногу, пожалуйста.

— Пойми, дурья твоя башка, нам обязательно нужно уехать на каникулы. Если ты не сдашь зачеты, то мы вместо каникул будем сидеть в училище и зубрить за тебя гранит науки. Теперь понял?

— Да ладно тебе, ты поедешь, а я останусь, и буду зубрить до потери сознания.

— Сволочь ты, Васька. По-другому я тебя назвать не могу. Ты прекрасно знаешь, что без тебя я не поеду и буду вместе с тобой здесь сидеть и учить тебя. Совести у тебя нет. Знаешь ведь, что я пообещал своим приехать на каникулы. Теперь я буду выглядеть в их глазах луном, не сдержавшим свое слово.

— Извини, Антоша, я как-то не подумал об этом.

— А кто должен думать? Я один что ли?

— Ладно, не злись. Согласен, и постараюсь до нового года подтянуться. Хотя для меня этот английский как бревно поперек горла встал.

Началась усиленная борьба за знание иностранного языка. При помощи Антона и

преподавателя Василий, наконец, понял смысл самого языка, и учеба пошла легче. По окончании училища он свободно говорил на чистейшем английском языке с лондонским акцентом.

Но это не все. Любой американец, разговаривающий с ним, мог утверждать, что говорит с ковбоем из Чикаго. Он овладел и этим наречием. Антону иностранные языки довались совершенно легко. Зная неплохо немецкий язык, правда, на школьном уровне. Но, тем не менее, зная латиницу, он легко выучил английский, и пополнил знания немецкого. Легко мог общаться на испанском и, что немаловажно, мог говорить на арабском и фарси. Антон решил и дальше заниматься языками. Владея в совершенства несколькими языками, теперь он без особых трудностей мог в течение месяца изучить любой язык.

Закончилась их учеба в училище. Сдав экзамены, они оказались в числе лучших из группы. Получив погоны лейтенантов, уехали в отпуск, имея на руках предписание к какому сроку явиться в свои части, для прохождения дальнейшей службы.

— На этом я закончу свой рассказ, мои дорогие слушатели.

— Почему? — спросила Лола

— Потому что мы подходим к месту назначения.

— Ну, у тебя и чутье Антон, я просто поражаюсь, — заметил Кари, — и как только ты узнаешь все заранее?

— Очень просто. Я обратил внимание, что в открытый иллюминатор доносится шум прибора, а на палубе склянки пробил полдень. Рио сказал мне, что к полудню мы будем на месте, вот и все. Слышите шаги, это он, наверное, идет.

В кают-компанию вошел Рио.

— Папа, может, выйдешь на палубу, мы уже подходим.

— Хорошо, сынок, сейчас буду.

Антон встал, потянулся с хрустом, разминая затекшие суставы, стал подниматься по трапу. За ним потянулись остальные пассажиры. После душной каюты все с удовольствием вздохнули свежего морского воздуха.

Свежим его можно было назвать с натяжкой. Солнце стояло в зените, и если бы не довольно сильный ветер, устойчиво дувший с моря, то команде было бы трудно управляться с кораблем, раскаленным на солнцепеке.

Антон и Рио стали внимательно изучать прибрежную местность. Вскоре они заметили между двух скал ущелье, упирающееся в небольшой залив. Над ущельем кружила большая стая птиц, гнездившаяся на крутых береговых скалах.

— Сынок, позови помощника и Кари, будем держать совет.

Через минуту все были на палубе. Антон начал первым.

— Друзья мои, посмотрите вон туда, видите между двух скал ущелье?

— Видим, — послышался ответ.

— А вон ту, выглядывающую из-за скалы горку, вы тоже видите?

— Ту, из которой вырывается пар как из гейзера? — спросил Рио.

— Да, над ней кружат птицы. Так вот, это и есть наша зверюга. Пар, это просто его дыхание, вырывающееся через клапан наружу. Вдох у него осуществляется через рот, а вот выдох именно через этот клапан, который служит ему дополнительным вентилятором при дыхании разряженным воздухом.

— Интересно, — сказал помощник, — если бы он был в воде, его можно принять за простого кита, и что он не представляет никакой опасности, но на самом деле, глядя на это,

у меня уже дрожат колени, а я еще и близко к нему не подошел. Что будет со мной, когда я подойду к нему ближе?

— Ничего не будет, — прервал Рио его рассуждения, — ты остаешься на корабле, а я сойду на берег. Все равно лучше тебя с кораблем никто не справится, а я буду уверен, что корабль находится в надежных руках.

— Ладно, это вы решите без нашего участия, — перебил сына Антон. — Одно я знаю точно, что на берег сойду я и со мной четверо самых смелых и выносливых помощников. Кто это будет решать вам.

— А как же я? — спросил Кари. — Мне что, прикажешь на палубе жариться?

— Ничего, присмотришь за девочками.

— Сейчас, этого мне только не хватало. Нашел няньку. Да с ними никто кроме тебя справиться не сможет. Я с тобой пойду, вдруг доктор понадобится.

— Хорошо, теперь подумайте и найдите подходящее место, где можно стать на якорь.

— Вон там у мыса, — стал показывать помощник, — от берега недалеко, и глубина там позволяет маневрировать кораблем. На шлюпке можно подойти к берегу незаметно и спрятать за большим валуном. Даже небольшой кусочек песчаного берега есть. Там можно причалить и оставить шлюпку.

— Хороший план, — оценил Антон. — Под прикрытием камней мы незаметно подойдем к монстру. Мне самое главное оценить его размеры. — Зачем вам его размеры? Было бы намного проще замерить ваш дом, он ведь сделан, насколько я знаю, именно из такого же монстра.

— Не так все просто, как кажется. Размеры своего дома я и так знаю. Меня предупредили, что этот зверь, намного крупнее предыдущего, его размеры мне и нужно знать. А размеры нужны для того, чтобы изготовить нужную для такого размера бомбу, которая уничтожит монстра. Теперь, друзья, не будем терять драгоценного времени и приступим к делу. Ты, Миго, — обратился он к помощнику, — подходи к месту стоянки и держи корабль в полной готовности. Рио, ты подбери самых крепких гребцов. У мыса, насколько я помню, очень сильное течение, я думаю, что шестерым будет легко справиться с ним. Мы втроем пойдем к монстру. Я мог бы и один пойти, но сил пока у меня маловато, к тому же ночь впереди предстоит напряженная, так что, мне понадобятся помощники на всякий случай.

Через несколько минут корабль стал на якорь. Шестивесельный баркас, легко преодолевая волны, летел к берегу.

Причалив к берегу, матросы развернули лодку и сели ждать своих пассажиров, готовые в любую минуту отплыть от берега. Группа Антона подошла к огромному валуну, перекрывшему им путь в ущелье. Обойти его можно было только по воде. Идущий впереди Рио смело направился в воду, аккуратно ощупывая дно ногами, ища брод в мутной, пенящейся воде прибое. Брод хоть и был не глубоким, но ноги пришлось намочить. Это им показалось даже приятным после обжигающего песка.

Рио выглянул из-за скалы и тут же спрятался обратно, поджидая остальных. Теперь выглянул Антон. Он отыскал взглядом удобный выступ и присел на него.

— Итак, друзья мои, вы сами видите, что зверь от нас недалеко. Всего каких-то метров двести. Мне нужно подойти к нему как можно ближе.

— Куда уж ближе, — сказал Кари, — вдруг учует. Для него это расстояние — всего два шага. Смотри, какие у него огромные лапы, если он двинется, от нас через пару секунд

мокрого места не останется.

— Ну, насчет того, что он погонится за нами, я сомневаюсь. Он слишком перегрелся, и нам это только на руку. Смотрите, как из его клапана вырывается почти сухой воздух, вместо пара как обычно. Это говорит о том, что кровь его сильно перегрета, и легкие не справляются с охлаждением. Поэтому он никуда не двинется, пока не остынет, а остыть он сможет только к полуночи, если похолодает. А насчет того, что учует нас, мне кажется, он давно нас чует. Он ведь не человек, а зверь, хоть и считается роботом. Обоняние у него развито, дай бог каждому. Но в такую жару он не станет охотиться на такую мелочь как я. Так что, я подойду ближе, насколько смогу, а вы оставайтесь здесь у скалы.

— Отец, ты как хочешь, а я не оставлю тебя одного. Не возражай, я пойду с тобой.

— Хорошо, пойдем. И не надо шептать, говори громче, на шум зверь не станет реагировать. Ты посмотри, сколько шума создают только птицы. Добавь к этому еще шум прибоя и его громкое дыхание, то наших голосов он точно не услышит.

Антон двинулся вперед, аккуратно ступая между камнями. Вскоре он заметил, что за ним идет не только его сын, но и Кари с тремя матросами. Антон не стал заострять на этом внимания, продолжая двигаться.

Пройдя метров сто по заросшему мелкой травой склону, он остановился. Ему вдруг показалось, что монстр зашевелился.

— Всем оставаться на месте. Мне показалось, что зверь начал беспокоиться.

— Да, что его могло побеспокоить, — наивно сказал Рио.

— То, что вшестером мы представляем не плохой кусочек плоти для него. Я вам говорил, что он плоть слышит очень далеко. Все, оставайтесь на месте, а я постараюсь еще хотя бы на пятьдесят метров приблизиться к нему.

Антон не стал слушать их возражения, а направился к зверю. Медленно он подошел к нему и остановился в тридцати метрах. Впечатление было ужасающим. Зверь оказался в полтора, а, скорее всего в два раза больше того, которого он убил сорок лет назад.

Вдруг он заметил, что у зверя дрогнуло и стало медленно подниматься правое веко. Его огромные клешни, больше похожие на огромные тракторные плуги для вспашки земли, слегка зашевелились. В открытой для дыхания пасти, в которую как веером загоняли воздух огромные отростки, похожие на уши слона, вдруг зашевелился раздвоенный язык.

Антон уже знал, что у этих чудовищ очень длинный язык. Если у первого он достигал пятнадцати метров, то у этого экземпляра, скорее всего еще длиннее. Спрятаться от этого языка просто невозможно. К нему прилипало все что попадало.

Как огромный магнит, грузивший металл в вагоны, так и этот язык отправлял в свою пасть все, что прилипало к нему. А его пасть перемальвала все. Она была таких размеров, что могло показаться, что это открылись ворота железнодорожного депо.

Антон стал медленно отходить, бдительно следя за поведением зверя. Зверь постепенно успокоился. Язык его перестал шевелиться. Он сомкнул свои клешни кольцом и опустил голову, но глаз при этом остался открытым. Наверное, таким образом, он давал понять, что его око не дремлет и всегда на посту.

Антон еще некоторое время шел задом, потом повернулся и, не оглядываясь, заспешил к товарищам, поджидающим его возвращения.

Весь оставшийся путь до корабля они сидели молча. У каждого на душе было неспокойно от увиденного.

Вернувшись на корабль, Рио отдал приказ двигаться к родным берегам, и скорость при

этом должна быть максимальной.

Спустившись в кают-компанию, Антон попросил дочь приготовить обед и подать гранатовый сок. Через минуту Лола поставила перед ним большую кружку с соком, и вместе с Зуре пошли готовить обед. Антон с удовольствием отпил несколько глотков, расслабившись, прилег на подушку в ожидании обеда и не заметил, как погрузился в сон.

Корабль, маневрируя между торчащими скалами, старался, как мог, преодолеть прибрежное течение и выйти в открытое море на простор. Чтобы не мешать команде с маневрами, Кари устроился на канатном ящике, стоящим на самом носу корабля. На него никто не обращал внимания, все были заняты своим делом.

Наблюдая за прибрежными скалами, он постепенно погрузился в свои мысли.

Надо же, — думал он, — какие порой сюрпризы преподносит нам судьба. Сколько веков из уст в уста передаются рассказы про огромного, как гора чудовище, которое наводило ужас и разрушения на нашей милой Юноне.

Кари в юном возрасте считал, что это просто сказки стариков, и такого просто быть не могло. Но вот уже на его веку ему довелось дважды встретиться с этим явлением. Наверное, на свете где-то есть какой-то высший разум, в который Кари не особенно верил. И этот разум послал с небес человека, который сорок лет назад уничтожил одного монстра. Не дал ему разрушить все, что создал человек на Юноне.

Кари прекрасно помнил, как когда-то ему, тридцатилетнему мужчине, пришлось спасти свою семью, уводя ее высоко в горы. Тогда он спас семью, но лишился жилья и скота. Это было, пожалуй, самое трудное для них время.

Кари тогда пришлось похоронить своих родителей, которые не смогли пережить голод и постоянные нападки диких зверей, обитающих в изобилии в то время в горах. Они так же спасались от монстра.

Тогда погибло очень много людей, в основном по собственной глупости. Люди пренебрегли советом и не стали подниматься в горы. Они решили переждать ненастье в дуплах огромных деревьев. В этих дуплах когда-то жили их далекие предки. Но они жестоко ошиблись, зверь переламывал деревья своими клешнями как хрупкую веточку.

Сломав дерево, он при помощи языка легко добирался до своей жертвы. Но все-таки высшие силы сжалились над страданиями людей и послали им избавление в виде Антона, который убил ненасытную гадину.

Как это происходило, Кари не знал. Он гораздо позже познакомился с Антоном. Люди много рассказывали всего, но Кари относился к их рассказам с долей иронии. Пересказанная история из уст в уста, постепенно обрастала подробностями вперемежку с мистикой. Поэтому определить, где правда, а где ложь, не представлялось возможным. После этой истории, люди приписывали Антону сверхъестественные способности.

После знакомства с Антоном, Кари, наблюдая за ним, пришел к выводу, что никаких мистических способностей у Антона нет. Конечно, он многое умеет и много знает. Но в этом нет ничего сверхъестественного, он ведь представитель совершенно другой цивилизации, которая на несколько порядков стоит выше, чем на Юноне. Но Антон не все показывает, что знает. В этом Кари убедился лично.

Он был уверен, что Антон обладает умением телепатии, но старается скрыть это. Но остальные мелочи, на которые так сильно обращают внимание люди, объясняются просто отсутствием хорошего образования на нашей планете. Но Кари будет до самой смерти благодарить судьбу, что в свое время он внял уговорам и добровольно отдал свою

единственную внучку в жены младшему сыну Антона. И до сих пор ни разу не пожалел об этом.

Ему приходилось только радоваться за них, видя, как любят они друг дружку. Как любят в семье Антона его любимую кровинушку, единственную отраду, которая осталась в его жизни. Он видел, как любят ее в семье Антона. Со стороны могло показаться, что Зуре не сноха, а любимая их дочь, так бережно и с любовью к ней все относились. От этих мыслей глаза старика наполнились слезами.

Он тряхнул головой, стараясь прогнать грусть, но это у него плохо получилось. Мысли его снова вернулись к монстру, который вскоре опять двинется в свой кровавый поход, разрушая все на своем пути. Как и в прошлый раз, его родная деревня опять окажется у него на пути.

Разрушив эту деревню, он сможет разрушить и поселение, где сейчас живет он и его внучка. Надо уповать на высшие силы, чтобы они помогли Антону справиться с этой бедой.

— Дедушка, — прервал его мысли голос внучки, — спускайся в низ, мы с Лолой обед приготовили, сейчас накрывать на стол будем.

— Хорошо дорогая, сейчас приду.

Антон разбудил стук каблучков Лолы, которая спускалась по трапу, неся разнос с едой. Антон продолжал лежать с закрытыми глазами. Вслед за Лолой спустилась Зуре. Увидев спящего Антона, Зуре прошептала:

— Лола, папа спит, давай не будем ему мешать, пусть отдыхает. Пообедает, когда проснется, а мы устроим обед вместе с командой на палубе.

— Точно, и нам веселее будет. Все равно они в каюту не спустятся. Они вечно едят прямо на палубе, а мы что, хуже их. К тому же на палубе хоть и жарко, но зато свежий воздух, мне легче дышать будет. Я в каюте задыхаться стала, и ребенок постоянно беспокоит.

— Тогда забираем подносы и пошли наверх.

Они собрались уже подниматься наверх, когда их остановил голос Антона:

— Стоять, — девушки замерли от неожиданности, — что, решили наверху потихоньку от меня все съесть, а меня здесь оставить умирать от голода. Не ожидал я от вас такого.

— Ну, что ты, папа, мы просто не хотели тебя будить, тебе ведь отдохнуть надо.

— Ладно, не оправдывайтесь. А насчет того, чтобы пообедать на свежем воздухе, это правильно. В этом я вас полностью поддерживаю. Ступайте, я скоро поднимусь.

Обед проходил на корме под натянутым пологом, защищающим пассажиров от палящего солнца.

Под тентом собралась почти вся команда. Все были молодыми и задорными. Антон и Кари с удовольствием наблюдали за жизнерадостной молодежью. Они без умолку говорили, смеялись шуткам. Они еще долго бы сидели, но голос Рио, раздавшийся из рубки, прекратил их веселье, заставив заняться своими обязанностями. Вскоре подошел и он сам вместе с рулевым.

— Нам что-нибудь оставили? Или все смели под метелку?

— Вон, посмотри в корзине, — сказала Лола. — Берите, ешьте, и не ворчи как старик.

Рио принялся с аппетитом засовывать куски мяса в рот и торопливо запивать соком, не отставал от него и рулевой.

— Братец, перестань так спешить, подавишься ненароком, тогда твоя жена нас на порог дома не пустит. Где мы с Зуре потом ночевать будем?

— Прости, сестричка, времени у нас нет. Я должен помочь рулевому. Обратный путь

займет намного больше времени. Придется преодолевать прибрежное течение, а оно замедляет нашу скорость. Вы понимаете, что это не просто прогулка, а времени у нас очень мало, нужно спешить.

— Мы, что будем дольше плыть?

— Не переживай, дорогая. Скоро мы пройдем этот участок. Через час мы попадем в попутное течение, вот тогда мы и наверстаем упущенное время. И не кисни так, часа через четыре, если будет попутный ветер, мы будем дома.

— Да, Зуре, еще долго нам с тобой придется жариться на этом солнцепеке.

— А кто вам виноват, — перебил ее Рио, — между прочим, вас на корабль никто силком не тащил. Вы сами напросились.

— И что ты хочешь этим сказать? — парировала она. — Разве мы предъявляем тебе претензии?

— Ну, раз у вас ко мне нет претензий, — улыбнулся Рио. Ему очень нравилось злить сестру. — Тогда быстренько собирайте посуду, обед я считаю законченным.

— Эй, капитан, не забывайся. Когда заканчивать обед, мы решим сами, без твоего участия. Ты лучше отправляйся в свою будку и крути там свое колесо. Да, и крути как следует, чтобы мы, элитные пассажиры этой лоханки, вовремя попали домой.

— Мне, правда, пора уходить в рубку. Здесь кого-то так понесло, что боюсь, ни один якорь не сдержит.

Рио подошел и поцеловал Зуре в щеку.

— А ты, вредная девчонка, останешься без поцелуя. Понятно?

Лола показала язык в спину уходящему брату и стала убирать остатки еды, складывая посуду в стопку. Сама при этом что-то ворчала себе под нос.

— Ты что ворчишь, стрекоза? — глядя, как Лола сердито складывает посуду, спросил ее Антон.

— А что он всегда цепляется ко мне. Еще командует. Пусть лучше командует своей женой.

— Глупышка ты моя, он ведь любит тебя и специально заводит. Если бы ты могла видеть себя со стороны, какая ты становишься красивая и обаятельная, когда злишься, тогда бы ты поняла, почему он тебя донимает. Он это прекрасно видит и знает, поэтому старается тебя задеть. Он даже не догадывается, что со стороны все видно, как у него блестят при этом глаза, и светится лицо от улыбки. А я это вижу.

Лола подошла, и нежно обняв его за шею, поцеловала. Потом вкрадчивым голосом прошептала.

— Эх, папулечка, если бы ты видел со стороны себя, какое у тебя становится счастливым и одухотворенным лицо, то давно бы уже понял, что весь этот спектакль разыгрывается только ради тебя, — еще раз поцеловав отца, она убежала мыть посуду.

— Что, друг мой, разыграли тебя дети? — улыбнулся Кари.

— Вот видишь, а мне все казалось, что они еще маленькие и многого не видят. Я все считал, что их нужно всякий раз утешать, поддерживать, учить и наставлять на путь истинный, а на деле получается, что дети уже начинают учить меня. Выходит, что стареем мы, друг мой. Пришла пора сдавать бразды правления в молодые руки. Ты со мной согласен?

— Полностью поддерживаю твое мнение, и вот о чем сейчас подумал. Может быть, пора тебе научить кого-нибудь еще рассчитывать и изготавливать взрывные устройства. Нужно ведь и в будущем защищать нашу планету от этих тварей. Ты не обижайся на мои

слова, но ведь может случиться всякое. Хорошо, что на этот раз ты остался жив, и нам удалось тебя выходить. А если в следующий раз не пронесет, кто тогда защитит нас от этой напасти?

— Ну что ты, Кари, мы давно знаем друг дружку, а последнее время вообще стали родными и живем под одной крышей. А ты до сих пор не изучил меня? С твоими-то наблюдательными способностями? Не поверю.

— Ну, то, что в этом вопросе ты доверяешь Дио, я заметил давно. Я не знаю, на что он способен, хотя прекрасно понимаю и вижу, что твой старший сын — очень умный и ответственный человек. Он способен на многое, в том числе и на то, что в критический момент, он вполне может тебя заменить и стать во главе твоего рода. Но не будут ли оспаривать это право на преемственность остальные члены твоей семьи. И еще, сумеет ли он справиться с монстром в твое отсутствие. Вот что меня беспокоит в первую очередь.

— Насчет преемственности я не беспокоюсь. У меня уже давно написан свод законов для нашей семьи. Согласно ему, главой рода может стать любой член семьи, но только с согласия всего рода. Это будет выборная должность.

Кандидату на нее придется не силой завоевывать должность, а своим умением и знаниями. Способностью руководить огромным числом людей. Он должен пользоваться уважением каждого члена семьи. Но пока я живой, назначать старшего буду сам.

Сейчас я постепенно отдаю бразды правления Дио. Он вполне может заменить меня хоть сегодня. В нем я полностью уверен. Дио может уже сейчас найти выход из любого сложного положения. Что касается зверя, то будь уверен, он сделает все от него зависящее, чтобы не допустить зверя к нашим поселениям. Он уже сейчас может изготовить нужное количество взрывчатки, и я уверен, он сейчас этим занимается.

Я обучил его всему, что знал сам применительно к нашей местности. Единственное, чего не знает он в данный момент, так это размеры чудовища. Когда я сообщу ему размеры, он свободно и быстро рассчитает, какой понадобится заряд для зверя.

Я ведь не зря пошел в это плаванье. Определить размеры мог и Дио. Но я выбрал эту работу, потому что на всю подготовительную работу у меня не хватит сил.

Дио сейчас приходится тяжелее всех. Ему сейчас нужно смешать реагенты в нужных пропорциях, потом при помощи их выделить из руды взрывчатые вещества. После того, как я ему скажу примерные размеры монстра, он рассчитает заряд и изготовит бомбу. Изготовленную бомбу надо грамотно заложить в макет лошади, которую потом установим в нужном месте на пути следования зверя. А это, скажу я тебе, непростая работа и сопряжена с большим риском. Нужно исключить любую ошибку, которая может привести к трагедии.

— Ну, хоть в этом ты немного успокоил меня. Но почему ты не хочешь научить других людей изготавливать взрывчатку? Это очень помогло бы в будущем.

— Вот здесь ты немного ошибаешься, друг мой.

— Почему? Мы с тобой не вечные, да и с Дио может случиться всякое. Что делать людям потом?

— Ты меня не так понял. Я не против того, чтобы это умели многие люди. Я опасаясь, что эти знания могут привести наш народ к нежелательным последствиям.

Я вам уже рассказывал о том, что твориться на нашей планете, и какие у нас были локальные войны. Война, как ты понимаешь, не приводит ни к чему хорошему. В характере человека всегда присутствует желание власти, не только над природой, но и над себе подобными. Всегда найдется человек, который спит и видит себя властителем мира. Вот

такие люди, как правило, становятся настоящими маньяками.

Можешь себе представить, что такому изуверу попадает в руки оружие, обладающее огромной разрушительной силой. Естественно, он начнет тотальное завоевание всего континента, а потом и всей планеты. Это будет страшнее тех мелких стычек на мечах и луках. Поэтому я не хочу, чтобы это случилось в тот момент, когда на Юноне только начала зарождаться цивилизация.

Тебе ведь не надо объяснять, что такой человек как я, обладающий хорошими знаниями, мог давно стоять на вершине больших завоеваний и править всей планетой. Но я не хочу этого. Я хочу, чтобы все развивалось постепенно. Сначала у нас учатся наши дети. У наших детей учатся их дети, и так далее. Нужно, чтобы выросло не одно поколение, с пониманием, что это их земля, их родина, где должны жить и процветать их поколения. Люди должны научиться жить в мире и любви к ближнему. Только когда люди поймут это, вот тогда и пригодятся им эти знания. Они станут применять их, но уже только в мирных целях. Теперь тебе понятно?

— Теперь понятно, я в этом полностью поддерживаю тебя.

— Мы сейчас уже достаточно успешно можем добывать многие минералы. В том числе медь, свинец, железо. Кстати, мы научились делать очень хорошую и прочную сталь. У нас уже появились различные станки, в том числе деревообрабатывающие и по обработке металлов. Они хоть и на поровой тяге, но все же это станки, которые облегчают труд человека. В будущем я рассчитываю сделать электростанцию, используя для этого самый крупный водопад. Это еще больше облегчит нашу жизнь. Жаль только, что у нас нет пока нефти. С помощью ее мы занялись бы машиностроением. У меня уже есть мысль в будущем построить бурильный станок. С его помощью мы могли бы пробурить скважины, возможно и нашли бы нефть. Но на это нужно время. А пока задумка у меня такая. Я хочу заманить монстра как можно ближе к нашему поселению

— Это еще зачем? Разве можно так рисковать. А если произойдет осечка, тогда мы лишимся всего, что имеем на сегодняшний день. Придется начинать все с начала, а это наоборот, большой скачок назад. Времени на восстановление у нас не так уж много. Ты сам говоришь, что мы уже не молоды.

— Естественно, небольшой риск есть, но очень маленький. Я хочу заманить монстра как можно ближе. Мы, когда уничтожим его, то в панцире можно построить большую школу для детей. Наша уже стала маленькой, и места на всех не хватает. Пойми, к нам в школу приезжают дети и с соседних островов. Я рассчитываю при школе устроить большой интернат. Нужно, чтобы как можно больше приезжало детей. Ученики не должны испытывать неудобств. Нужно строить как жилые помещения, так и столовые со спортзалом. Еще нам нужно готовить преподавателей из самых лучших учеников. Пока учителей у нас не хватает. Я хочу, чтобы лучшие наши ученики разъехались по всем материкам, и там организовали свои учебные заведения. Когда мы выйдем на уровень всеобщей грамотности, тогда у нас появятся свои инженеры. Ученые и изобретатели. Это они потом будут строить заводы и фабрики. Они станут строить космические корабли и летать в космос. Нам еще очень много нужно построить, а для этого нам нужны очень грамотные люди.

— Но ведь это не так просто сделать. У нас не хватает учебных пособий, а твоих рукописей недостаточно.

— Я согласен с тобой, что этого мало. Но на первых порах и это приносит большую пользу. Недостаток только в том, что детям приходится учиться на моем языке. Мне

кажется, что это не такой уж большой недостаток. Видишь ли, местная письменность довольно примитивна, и не каждую мысль можно донести до ученика. Мы в ближайшее время постараемся перевести рукописи на местное наречие, но все же основное образование дети должны получать на моем языке. Это неплохо когда человек знает несколько языков. Второе, мне будет проще писать на своем родном языке. Я на днях подумал и решил, что мне нужно полностью отойти от повседневных дел. Когда расправимся с монстром, я передам обязанности Дио. Пусть теперь он руководит.

— А что будешь ты?

— А я с твоей помощью займусь наукой. Я опишу свои все знания по определенному порядку. Получится несколько книг. Каждая из этих книг, будет посвящена определенному направлению в науке. Каждый предмет дети будут изучать отдельно, так им будет легче усвоить материал. У меня уже есть построенный печатный станок. Его нужно немного доработать, и мы сможем печатать на нем книги. Будем рассылать их потом по всем учебным заведениям. Когда у нас появятся свои ученые, они начнут печатать уже со своими дополнениями. Кроме этого, я хочу оставить после себя как можно больше чертежей различных машин, станков и приспособлений. Обеспечу их всеми доступными мне расчетами и описаниями. В этом у меня неплохие познания, да и с математикой, физикой, химией я тоже вполне на уровне. Так что, готовься, мой друг, будешь теперь и ты мне помогать.

— Чем же я могу тебе помочь. Я ведь не обладаю твоими знаниями, и на твоём языке я говорю не очень чисто. Писать на нем я вообще не могу, да и учиться уже поздно.

— Мой дорогой Кари, ты даже не представляешь, какой огромный вклад в общее дело ты можешь внести в нашу науку.

— Я не могу представить, чем я могу помочь, да еще с научной точки зрения.

— Все очень просто. Ты только послушай меня внимательно, и не перебивай. Так вот, ты оставляешь свою медицинскую практику. У нас в округе достаточно много и без тебя талантливых врачей. Но пойми, они ведь совершенно безграмотны. За нашу семью можешь не переживать. Зуре прекрасно справиться и без тебя. Она очень талантливая девочка. Просто ей нужно больше доверять.

Ты сядешь рядом со мной и начнешь писать учебное пособие по медицине. Свою письменность ты знаешь хорошо и писать умеешь. Ты будешь описывать симптомы различных болезней и методы их лечения, с подробным описанием лекарственных препаратов и доз их применения. Надо раскрывать секреты лечения. Нужно встречаться с другими врачами. Проводить семинары, делиться опытом лечения той или иной болезни. Будешь все подробно записывать.

На основе этого пособия мы будем учить талантливых молодых людей. Построим больницы, где будут работать врачами молодые грамотные люди. Народ будет приходить и лечиться в хорошо оснащенном больничном заведении. Врачам не придется мотаться по всему краю. Это намного снизит смертность среди населения. Женщины смогут в приличном месте родить ребенка. Ты только вспомни, в каких условиях они сейчас рожают. Дома при помощи повитухи, без надлежащей медицинской помощи. Ты знаешь, какая у нас смертность при родах. Мы порой теряем не только ребенка, но и здоровую молодую женщину, которая может произвести на свет не одного ребенка. Ну как, согласен?

— Ты меня просто огорошил своими планами на будущее. Но ты не учел одного, у меня самого слабовато с образованием.

— По этому поводу можешь не беспокоиться. Первое время с тобой будет работать Лола. Она грамотна и знает хорошо оба языка. С ее помощью у вас все получится. Я в этом не сомневаюсь. Ты сейчас подумай, перевари спокойно, не торопясь, потом, когда я приступлю окончательно к своему плану, ты придешь и сядешь рядом со мной. Я уверен, что ты никуда не денешься, а сядешь и будешь писать свой научный труд. И знаешь, почему ты согласишься?

— Интересно знать почему.

— Да потому, что ты, также как я, болеешь за наше будущее поколение. Второе, я просто от тебя не отстану, ты меня знаешь.

— Ну, ты и нахал, да еще и самоуверенный.

— Да, я такой, и почему-то уверен, что ты уже завтра или днем позже, но сядешь без меня даже. Или я тебя не знаю.

— Да здесь и говорить нечего, главное, чтобы польза была от моего труда.

— Все будет хорошо, и все у тебя получится. Запомни, друг мой, имя твое прославится в веках, как первого ученого в медицине.

Заметив, что Зуре открыла глаза и пытается перевернуться со спины на бок, устраиваясь поудобнее, он обратился к ней:

— Ну что, проснулся наш колобок? Уморили мы тебя своими разговорами? Устала, наверное?

— Что вы, отец, я так хорошо уснула под ваши разговоры. Наверное, долго бы спала, да вот ваш внучок, что-то стал беспокоиться. Пинает свою мать, не дает спать.

— Тяжело тебе приходится в плаванье, укачивает, наверное. И день, как назло выдался беспокойным, и волноваться пришлось изрядно. Вот наш наследник и дает о себе знать.

— Нет, просто я много времени провела в душной каюте, а здесь на свежем воздухе, мне намного легче.

— Ну, ничего, потерпи немного, скоро будем дома.

— Ну как, путешественники, — спросил подошедший Рио, — не устали еще?

— Мы ничего, а вот Зуре, тяжело приходится.

— Терпи, сноха, ты ведь будущая мать, еще и не такое придется терпеть.

— Ничего, я терпеливая, справлюсь.

— Молодец, это по-нашему. Отец, я вот что подумал. Придем домой, мы-то все сойдем на берег, а что будем делать с девчонками. Мне кажется, что будет лучше, если они останутся на борту, вместе с дежурной командой. Нечего им делать на берегу. Тем более, что всех женщин и детей мы эвакуировали в пещеры. А остальных, кто остался сейчас дома, мы тоже отправим на корабль с запасом продовольствия. В случае опасности, дежурная смена отведет корабль дальше от берега, а когда опасности не будет, причалят снова.

— Вполне разумное предложение. Ты как считаешь, Кари?

— Я согласен с Рио. На корабле они будут в безопасности и рядом с домом. Вы только представьте, что после такого плаванья им придется трястись к пещерам столько же времени. Не знаю как Лола, но Зуре этого не перенесет точно.

— Мы будем дома и ни в какие пещеры не пойдем, — выкрикнула подошедшая Лола.

— Цыц, малявка, — строго сказал Антон, — тебя никто не спрашивает. На берег не сойдете, будете на корабле, пока мы не закончим на берегу. Понятно?

— Папочка, мы все прекрасно поняли, — блестя глазами, проворковала Лола, сообразив, что будет находиться рядом и в любой момент может сбежать на берег.

— И все же, мне кажется, что тебе не совсем все понятно, — прекрасно зная непоседливый характер дочери, он еще строже сказал. — Рио, в команде назначишь старшего, который должен следить за ними. При первой же попытке сойти на берег, он обязан запереть их в каюте на ключ, и не выпускать до тех пор, пока я не разрешу. Я понятно изъяснил свою позицию? — спросил, обращаясь к Лоле.

— Ясно, — грустно ответила она, понимая, что сбежать теперь не получится. Она знала, какой у отца крутой характер в вопросах безопасности, да и матросы не посмеют ослушаться его.

— Вот и прекрасно. Придем домой, всех оставшихся женщин отправим на борт, и вам веселее будет, и мы будем спокойные, зная, что наши родные в полной безопасности.

— Хорошо, папа, отдыхайте, а я на мостик пойду.

Рио ушел к себе на мостик. Наступила неловкая пауза. Кари, не часто доводилось слышать, чтобы Антон, вот так жестким, не терпящим возражений голосом, отдавал распоряжения не только родным, но и еще кому бы-то ни было.

Наступившую паузу нарушила все та же неугомонная Лола. Она не боялась слов отца, понимая, что он сильно беспокоится о безопасности. И чтобы не огорчать отца, она обязана будет выполнить его распоряжение.

— Папа, может, ты отдохнешь немного? Тебе предстоит трудная и бессонная ночь, — вкрадчивым голосом спросила она.

— Все в порядке, милая. Я совсем не устал. Внизу я поспал немного, теперь боюсь, что не усну больше.

— Ты бы и, правда, отдохнул немного, — озабоченно сказал Кари, — вон все время ногами перебираешь, видать беспокоят они тебя.

— Это ты виноват, плохо срастил мне кости. Вот теперь, они места найти себе не могут. Да и ребра еще болят немного. Может на погоду?

— Не я их сращивал, а ты сам. Я только помогал тебе в этом. Болят они у тебя от нагрузки. Рано еще тебе пускаться в такие путешествия. Ходил по берегу между камней, да еще и нервничал, вот они и болят. Но ничего, скоро все пройдет, кости перестанут болеть. Восстановишься полностью, и будешь как молодой по горам бегать. А теперь лучше всего отдохнуть не только физически, но и морально.

— Хорошо бы поспать, но боюсь, что уснуть у меня не получится. Просто не смогу, пока не закончим операцию.

— Мы, что теперь, так и будем сидеть здесь и глупо смотреть на воду? — забеспокоилась Лола.

— А, что ты предлагаешь? — спросила Зуре. — В прятки играть я не смогу, танцевать тоже, живот мешает.

— Пусть тогда папа расскажет нам что-нибудь, а мы послушаем. Глядишь, и время скоротаем.

— А что, в принципе я не против, — согласился с ней Антон, — к тому же нам нужно спешить с рассказом. Нужно как можно быстрее закончить, до того времени, как я основательно поправлю здоровье. Как ты думаешь, Кари, мне хватит на это неделю, ну максимум полторы?

— Если будешь больше времени проводить на свежем воздухе и не будешь переутомляться, то, пожалуй, хватит.

— Вот видите, времени у нас совсем нет, а рассказать нужно очень много. Если нас

будут прерывать такие исключительные случаи как этот, то нам еще очень долго придется возиться. Так что, если я обещал вам все рассказать, то нужно уложиться в течение недели. Я привык свое слово держать. Позже нам будет не до разговоров. Мы с Кари наметили большую программу и на другое у нас просто не хватит времени.

— Папа, тогда начинай, не томи.

— Хорошо, дочь, а не подскажешь, на чем я остановился.

— Ты остановился на том, как окончил училище, и поехал к месту будущей службы.

Правда, ты не упомянул, где именно предстояло тебе служить.

— Ах да. Вспомнил.

Моего друга Василия, согласно направлению, отправили обратно служить в родную уже роту, командиром взвода. Меня назначили в Черниговскую разведывательно-диверсионную роту дивизии ВДВ на должность заместителя командира роты.

Началась новая служба, которая целиком захватила Антона. Будучи не обремененным семейным положением, он смог большую часть своего времени уделять непосредственно службе.

В самом начале осени были проведены общевойсковые учения. В учениях были задействованы не только Черниговская дивизия ВДВ, но и войска соседнего округа.

Подразделение Антона в учениях показало наилучшие результаты и была отмечено не только руководством дивизии, но и благодарностью министерства обороны.

Тогда-то и были замечены способности Антона, как хорошего и грамотного командира.

Антон взяли на заметку и предложили перевестись в группу спецназа при КГБ СССР. Антон подумал, взвесил все за и против, потом отказался. Конечно, просьба была настойчивой, и неизвестно, чем бы все это могло кончиться, если бы не подарок судьбы.

Как раз в это время вышел приказ Министерства обороны об увеличении комплектования подразделений специального назначения Главного разведывательного управления генерального штаба спецназа. Будучи человеком военным, Антон безропотно подчинился приказу и уже через несколько дней прибыл в Рязанское, родное уже, училище.

В училище он был назначен командиром взвода во вновь образовавшуюся девятую разведывательно-диверсионную роту, которая переходила всем составом под командование спецназа ГРУ.

Основным предназначением спецназа ГРУ была борьба с мобильным ядерным оружием стран НАТО. Кроме того, эти подразделения могли привлекаться для разведки и диверсионных мероприятий глубоко в тылу любого противника.

Служба в спецназе ГРУ кардинально отличалась от других армейских подразделений. Здесь не было побочных обязанностей, таких, к примеру, как хозяйственные работы или занятия строевой подготовкой. Основной упор был на боевую подготовку и отработку полученных навыков.

Следует отметить, что в таких подразделениях практически не было людей, которых приходилось бы заставлять учиться из-под палки. Все курсанты стремились к самосовершенству, тем более, что им при поступлении приходилось проходить жесточайший отбор.

Кроме этого, некоторые из них не выдерживая нагрузок, отсеивались в первые месяцы. И, как в последствии показала практика, оставались только самые добросовестные и целеустремленные бойцы, беззаветно любящие свое дело и родину.

Занятия проходили поэтапно. Курсантов обучали навыкам рукопашного боя. Большое внимание уделялось умению владеть любым видом оружия, в том числе иностранным. Бойцы ГРУ получали навыки владением холодного оружия, в том числе и подручным материалом.

В руках такого бойца даже простая ложка становилась смертельным оружием. Также бойцы должны уметь управлять любым транспортом, не только военного назначения, в число которого входит и любая бронетехника и все виды летательных аппаратов, но и

техника гражданского направления.

Кроме этого бойцы проходили психическую обработку. Работая с ними, психологи выявляли основные качества того или иного бойца, и руководство старалось больше внимания уделять именно этим качествам.

На учениях составлялись группы, в состав которых входили бойцы разных направлений. Каждый боец в группе выполнял задачи, в которых он был наиболее компетентным, но при исключительных обстоятельствах мог с успехом заменить любого выбывшего бойца.

Особое внимание уделялось такому виду, как выживание в любой местности и климатических условиях. В любое время года боец обязан с одинаковым успехом выжить как в морозной тундре, так и в жаркой пустыне, не имея с собой ни продуктов питания, ни воды. Все это он должен уметь добывать сам, своим умением и подручными средствами.

Антон, спустя несколько лет, с благодарностью и теплотой вспоминал инструкторов, которые дотошно и самозабвенно учили их всем навыкам выживания. Только благодаря их науке он смог выбираться из самых сложных ситуаций.

Эта наука не раз спасала ему жизнь. Он помнил, как тяжело было, когда их группа оказалась в зарослях болот Никарагуа. У них не было даже глотка воды. Им приходилось делать фильтры из подручных материалов, чтобы профильтровать болотную воду, кишасшую различными смертельными бактериями и вирусами, затрачивая на это много сил и времени, чтобы добыть несколько глотков чистой воды.

Он помнил, когда их группу из пяти человек забросили в тундру, где согласно легенде они должны были взорвать железнодорожный узел. Где им приходилось вести непрерывную борьбу с кровососущими насекомыми. Им тогда предстояло более трехсот километров пройти по болотам и лесам, преодолевая множество больших и малых речушек.

В середине лета болотная мошкара, найдя свободное место на обнаженном теле, могла в считанные минуты превратить это место в кровавое месиво. За те несколько дней, они многому научились. Они овладели навыками охоты, умению строить непромокаемые шалаши для ночевки, готовить рыболовные снасти из подручных материалов, но самое главное, они научились защищаться от насекомых.

В тот раз им не сказано повезло, они вышли на заброшенную железную дорогу, которая упростила немного их путь. В последствие Антон узнал у знающих людей, что это была легендарная дорога смерти, которую Лаврентий Павлович Берия строил на костях заключенных.

О сложности прокладки такой дороги можно было судить лишь потому, что работающим на ней заключенным год работы зачитывался за три. Но, как показало время, больше трех лет там никто не выдерживал.

Умерших, а их было очень много, хоронили там же в насыпи. Потому эту дорогу называли «дорога на костях» Проложив почти тысячу километров, строительство свернули, так и не закончив.

Стройку эту правительство посчитало нецелесообразной, и, свернув работы, приказали забыть и не вспоминать. Так канула она в неизвестность. Знало о ней только малое количество людей из местного населения.

Вспоминал Антон и тренировочный процесс, когда их по одиночке забросили в пустыню Гоби, находящуюся на территории дружественной Монголии. Он без воды и еды прошел очень большое расстояние. Приходилось охотиться на ящериц и других мелких животных. Такую пищу приходилось готовить на маленьком костре, топливом для которого

служила сухая трава, растущая на каменистой почве, или случайно найденный верблюжий помет, высохший на солнце до каменистого состояния.

Воду Антон добывал примитивным способом. В отсутствии колодца, он на рассвете выкапывал небольшую ямку и застилал ее куском слюды, поставив под нее емкость для сбора воды. Остывшая за ночь почва, а ночи в пустыне довольно прохладные, прогревалась на солнце через слюду, выделяла конденсат на пленке, который стекал в емкость. Так у него была хоть и не особо качественная, но все же небольшой запас воды поддерживающий его в течение жаркого дня, помогая телу справиться с обезвоживанием.

Также уделялось большое внимание иностранным языкам. В разряде обязательных были английский, немецкий, французский, а также арабские наречия. Все языки знать, конечно, не обязательно, достаточно было одного или двух, но большее количество очень приветствовалось.

По окончании курсов всем выдавались дипломы переводчиков. В последствие, многие из них работали в разных посольствах или в дипмиссиях разведчиками, имея статус переводчика.

Еще до назначения в спецназ Антон освоил несколько языков. Поэтому теперь у него было больше времени на изучение китайского и арабского. С китайским было немного проще. В детстве его дедушка, чтобы не забыть свой родной язык, как он объяснял это Антону, говорил много с ним на китайском. Антон многому научился у него, только с чтением иероглифов у него не все получалось.

При помощи хороших преподавателей он понял их смысл и освоил около шестидесяти штук. Этого вполне хватало для разговора на любые темы, для чтения и письма.

Постепенно у него развилась патологическая тяга к изучению иностранных языков. Зная в совершенстве несколько языков, он легко осваивал следующий. Он изучал не просто языки, а старался понять культуру и традиции тех народов, на языке которых он мог говорить.

В учебном кабинете по языкам, всегда были свежие газеты и журналы различных зарубежных СМИ. Читая в оригинале очередное сообщение, он старался, как учил его дед, проанализировать статью, и понять, что в ней написано между строк. Благодаря этому он убедился, что нынешняя его специальность дана ему не просто так.

Он понимал, что в будущем ему придется не раз побывать за рубежом. Особенно его настораживали последние события на Ближнем Востоке. Он понимал, что это мина замедленного действия, готовая взорваться в любую минуту.

Арабский мир представлял собой сплошную борьбу за власть между влиятельными кланами. Не последнюю роль в разжигании войны играли страны Запада. Их не интересовало, какой клан будет у власти, их интересовали только деньги, полученные от контроля за ресурсами страны. Они спонсировали недовольных, провоцируя на переворот. Те в свою очередь, получая поддержку и оружие, свергали неудобную власть, а, в знак признательности, разрешали пользоваться бесконтрольно нефтяными и газовыми потоками. При этом забывая, что экономика страны падает, а люди при этом гибнут от голода и болезней.

Также Антон догадывался, что Советский Союз не остался в стороне и помогает различным африканским странам оружием и различными гуманитарными грузами. Естественно, все это тщательно скрывалось. Многих стали отправлять в командировки, как в Африку, так и на Ближний Восток.

Антон понимал, что их не зря обучают навыкам поведения при допросах в случае

попадания в плен к иностранным спецслужбам. Антон с усердием налег на изучение, как арабского языка, так и африканских наречий. Все наречия, конечно, ему изучить не получилось бы, но он понял основное направление, и теперь легко мог объясниться с любым африканцем.

Знания различных языков и их культур сполна пригодились Антону в будущем, особенно избежать множества неприятностей.

В эти годы Антон был молод и амбициозен. Ему хотелось много знать и уметь, а желание быть полезным своей Родине и совершать ради нее подвиги, заставляло порой забывать о себе и своей будущей судьбе.

Понадобилось больше двух десятков лет, чтобы однажды лежа раненый в военном госпитале, он понял, что его подвиги по большому счету никому не нужны. Он понял, что вся эта мышьяная возня в геополитике, никому не принесла пользы, а только вред. Вся идеология о всеобщем социалистическом братстве на всей планете оказалась просто мифом. Огромные ресурсы страны были потрачены впустую.

Антон видел, как к берегам некоторых африканских стран подходили советские корабли. Выгружали из трюмов свежее замороженное мясо, которое, пролежав несколько дней, портилось, никому не нужное, и его бульдозерами стаскивали в море, чтобы освободить пирс для следующей партии груза. А в это время у себя на родине народ стоял в огромных очередях в надежде купить костей для чашки борща, не говоря уже о куске хорошего мяса.

Пока дряхлеющие политики грозили западу ракетами и строили в африканских странах инфраструктуру, они забывали, что у себя в стране падает производство и экономика. Люди от нехватки повседневных товаров и продуктов питания, имея деньги на руках, начинают больше пить и постепенно скатываться к алкоголизму.

Постепенно Антон пришел к пониманию, что самую лучшую часть жизни он потратил впустую. Он, мужчина уже зрелого возврата, так и не смог за эти годы создать полноценную семью. Он не мог, как другие, после службы вернуться домой, обнять детей, и там, в уютном кругу семьи, отдохнуть и душой и телом. Но это понимание придет к нему гораздо позже, а пока он готовился к первой заграничной командировке.

Подразделениям ГРУ выпала возможность проявить себя и показать свое умение за рубежом. В Чехословакии вспыхнуло восстание, возникла угроза выхода страны из состава Варшавского договора.

За несколько дней до начала военных действий мелкие группы спецназа были тайно заброшены на территорию страны. В этой операции проявилось не только качество военной подготовки, но и мужество, стойкость и выдержка всего личного состава не поддаваться на провокации отдельных групп враждебно настроенного местного населения.

Операция была хорошо продуманной и спланированной до самых мелочей. В назначенное время военно-транспортный самолет, пролетая над территорией Чехословакии, запросил у Праги экстренную посадку, ссылаясь на поломку двигателя. Естественно, наземные службы разрешили посадку, приготовив взлетную полосу.

Сразу после приземления, события развивались как в фантастическом романе. Не дожидаясь полной остановки самолета, бойцы спецназа, как горох, высыпали на взлетную полосу. Не дав возможность чешским военнослужащим опомниться, они нейтрализовали их и захватили все ключевые объекты аэропорта. Остальные группы диверсионных подразделений, сконцентрированных каждая у своих объектов, по сигналу приступили к

операции.

В считанные минуты были захвачены все узлы связи, радио, телевидение, редакции центральных СМИ и другие административные центры. Группа спецназа заняла здание центрального комитета компартии Чехословакии.

В эту ночь в здании проходило заседание кабинета правительства. Бойцы захватили все правительство страны, и до самого утра отражали непрерывные атаки чешских военных подразделений. Они держали оборону до тех пор, пока в Прагу не вторглись войска Варшавского договора.

Захватив город, они сломали сопротивление военного гарнизона города. После чего начались чистки.

У спецназа была совсем другая задача. Взяв под охрану правительство страны, они погрузились на самолет и вместе с пленниками вылетели в Москву.

Так закончилась первая операция Антона, и первая операция спецназа ГРУ. Этой операции дали оценку отлично. Позже, любимчик Гитлера, диверсант Отто Скорцени выскажется на этот счет, назвав операцию просто блестящей.

Так завоевать большую страну, буквально за несколько часов, не удавалось еще ни кому. В дальнейшем, после операции в Чехословакии, Советский Союз не раз посылал свои подразделения спецназа в горячие точки стран Азии, Африки и Латинской Америки. Как правило, они там выполняли роль инструкторов или военных советников.

Были моменты, когда им приходилось вступать в бой. Они встречались в бою, как с местными вооруженными формированиями, так и с американскими коммандос и морскими котиками. Чаще всего прямые столкновения проходили во Вьетнаме с зелеными беретами на Шон Тэй. Часто бойцы ГРУ действовали настолько умело, слаженно и быстро, что американские спецслужбы либо вообще не знали о проведенной операции, или не знали, что операцию провели советские спецслужбы, или имели об этом смутное представление.

Такой случай произошел на территории Камбоджи, недалеко от вьетнамской границы. Группа спецназа в составе десяти человек, совершила налет на секретный лагерь американских вертолетов, который находился в тридцати километрах от границы. Этот лагерь американцы использовали для заброски своих диверсионных групп на территорию Вьетнама, а также для вылета в поисках своих сбитых летчиков и групп, попавших в окружение.

На площадке всегда стояли в боевой готовности легкие вертолеты, транспортные и вертолеты огневой поддержки типа «Суперкобра»

Основной целью операции были вертолеты «Суперкобра» которые имели на борту управляемые реактивные снаряды. Снаряды были оснащены новейшими системами наведения на цель. Именно эти системы, были главной целью отряда. На всю операцию было затрачено несколько минут. Американские потери составили более двадцати человек убитыми и ранеными. При этом один вертолет был угнан, а остальные сожжены. С нашей стороны только два человека легко ранены.

Американцы еще много лет не знали, что именно советский спецназ провел эту операцию. Узнать им об этом довелось очень много лет спустя.

Вот так и начались зарубежные командировки Антона. Каждый раз его напарником был неизменно его друг Василий, который, узнав о назначении Антона в спецназ, подал рапорт, и с тех пор они служили только вместе.

В самом конце шестидесятых годов их назначили военными советниками в Египет. В то

время Союз оказывал военную помощь арабским странам в борьбе с Израилем, с которым прервал дипломатические отношения.

Антон и Василий готовили площадки для средств ПВО и аэродромы для бомбардировщиков и истребителей.

Антон знал о поражении Египта, Сирии и Иордании в шестидневной войне с Израилем. В этом поражении сыграла ключевую роль несогласованность действий руководства союзных государств. Безграмотное ведение боевых действий, помноженное на неподготовленность военнослужащих армии и на их ленивую нерасторопность.

Имея двукратное превосходство в самолетах, бронетехнике и живой силе, они не смогли оказать достойного сопротивления. Израиль, воспользовавшись неумением и несогласованностью противника, наголову разбил его по очереди, не встретив достойного сопротивления. Так закончилась бесславная для арабов шестидневная война.

На следующий год президент Египта вновь обратился к руководству Советского Союза с просьбой ввести свои войска на территорию страны и помочь в войне с Израилем. Для этих целей была откомандирована группа военных специалистов, помочь египтянам в подготовке площадок для высадки войск.

Антон легко находил общий язык, как с руководством, так и с простыми солдатами, помогало ему в этом хорошее знание языка. Он находил время для общения с гражданским населением. Так он практиковался в разговорной речи и изучал нравы и обычаи, как части христианского населения, так и мусульманского.

Работа двигалась очень медленно. Им приходилось прикладывать максимум усилия для этого. Военных еще можно было заставить работать, и то, только при помощи отборного мата и угрозы пожаловаться высшему руководству. С гражданскими дела обстояли и того хуже.

Гражданские в основном были наемными рабочими. Их могла заставить работать только высокая заработная плата. Но и это не всегда срабатывало, они просто сбегали в пустыню, где найти их было практически нереально. Набирали других рабочих, а через месяц повторялось то же самое. Тогда Антон понял, что такая армия никогда не выиграет войну. Достаточно будет двух или трех хорошо вооруженных обученных батальона, чтобы поставить на колени от малого до взрослого, все население страны. Так оно и случилось.

Руководство Египта, вдохновленное присутствием советских войск, прикладывало по их понятию максимум усилий для подготовки к крупномасштабным военным действиям.

Советский Союз поставлял различное вооружение. Это было стрелковое оружие, бронетехника, средства ПВО, самолеты и боеприпасы. Оружия было поставлено столько, что казалось можно всю жизнь воевать и еще останется. Но случилось непредвиденное. Умер президент Египта Гамаль Абдель Насер. Во главе страны стал новый президент Анвар Садат.

Вскоре отношения между Союзом и Египтом стали ухудшаться. На следующий год Садат объявил о выводе советских специалистов с территории Египта, при этом все оружие и техника осталась.

За два года Египет и Сирия получили от Союза огромное количество вооружения. В 1973 году эти страны решили напасть на Израиль, при этом понимая, что США не дадут им полностью разгромить Израиль. Но у них теплилась надежда, что Союз забудет обиды и не оставит их в одиночестве воевать против США и Израиля.

Без поддержки военной силы Советского Союза, Израиль быстро разбил арабскую

коалицию, отбросив войска Сирии, Ирака и Иордании на несколько километров от своих границ. А когда перед израильскими танковыми колоннами открылся прямой путь на столицу Египта, в стране началась настоящая паника.

Тогда президент Садат обратился напрямую к Советскому Союзу и США, с просьбой совместными усилиями урегулировать конфликт. СССР и США не оставили просьбу Садата без внимания. После очень напряженных переговоров они добились подписания мирного договора между воюющими сторонами.

Антон и Василия эти события никак не затронули. Они уже год как были в Сомали, которая освободилась от французской колонизации и объявила себя свободной страной. Избрала путь к социализму, установив, таким образом, дружеские отношения с СССР.

В рамках дружбы и взаимопомощи были направлены в Сомали военные советники для создания спецподразделений по борьбе с отрядами, не присоединившимися к общему движению.

Антон, наученный горьким опытом в Египте, даже не предполагал с чем он столкнется в Сомали.

После освобождения от колонизации, Сомали еще долго раздирали на части междоусобные войны и конфликты. Погрязшая в междоусобице страна утратила полностью контроль над экономикой. В стране была разруха и голод. В армию шли молодые люди в основном из провинции, в надежде заработать, чтобы прокормить и сохранить гибнущую от голода семью. Военные специальности их не интересовали. Воевать у них не было никакого желания. Они жили только сегодняшним днем, о будущем никто не задумывался. Их совершенно не интересовала политика правительства, и кто из них находится у власти.

Первое время Антон и Василий старались переломить такое отношение к делу, но вскоре поняли, что все их старания напрасны.

Можно привести такой пример. Они отдают приказ старшим офицерам на построение личного состава для занятий, и это не значит, что личный состав соберется на построение через час или полтора.

Дисциплина отсутствовала полностью. Военнослужащие могут в любой момент сказать, что им необходимо срочно повидать семью, и уходили. Некоторые могли и не поставить руководство в известность и покидали расположение части, когда им вздумается и настолько, насколько они считали нужным.

Им понадобилось два года, чтобы наладить хоть немного дисциплину, но полной самоотдачи так и не добились.

Через два года у них закончился срок командировки, они с радостью покинули эту страну. На грузовом самолете они вернулись на родину.

В Жуковском была дождливая погода. В это раннее утро посадку им испортил туман. С первого раза пилоты не смогли посадить самолет, пришлось заходить на второй круг. Благодаря опыту пилотов, они все же сели, самолет, пробежав по взлетной полосе, вскоре зарулил на стоянку.

— Могли бы и в Рязани посадить, а не мучиться в такую погоду, — ворчал Василий. — И нам ближе добираться пришлось бы. Теперь из Москвы поездом придется добираться до дома. Неласково встречает нас Родина. То дождь идет, то самолет трясет, то вообще приземлиться не может. Сплошные сюрпризы.

— А мне подсказывает мое внутреннее чутье, что сюрпризы на этом не заканчиваются. Он оказался прав. У трапа самолета их встречал мужчина, на вид сорока лет, крепкого

телосложения, и хоть был он одет в гражданскую одежду, друзья сразу отметили, что перед ними военный.

— Подполковник Свиридов, — представился он. — А вы майор Голованов и майор Ли? Я правильно понимаю?

— Нет, товарищ подполковник, — сказал Василий, — мы оба старшие лейтенанты.

— Да, засиделись вы ребята в загранке, что пропустили повышение до звания капитана и внеочередное звание майора за отличную работу в Сомали. Я не ошибся, теперь вы оба майоры.

— Повысили нас в звании или нет, мы узнаем позже, — начал Антон. — Сейчас хотелось бы узнать, кто вы в действительности, и почему встречаете именно вы, а не представитель комендатуры аэродрома?

— На все ваши вопросы я отвечу обязательно, но немного позже. В данный момент скажу одно, я замкомандира группы особого назначения при министерстве обороны. Вот, — показал он бумагу, — прошу ознакомиться, это приказ. Согласно приказу вы уже пол года числитесь в составе нашей группы. Я, как непосредственный ваш начальник, встречаю вас и провожу к месту вашей дальнейшей службы.

— И где мы будем служить? — спросил с недоверием Василий.

— Служить теперь вы будете недалеко от Москвы, в небольшом городке, с хорошим названием Загорск.

— Простите, товарищ подполковник, — не унимался Василий, — нам бы хотелось попасть в свою часть. Нужно забрать кое-какие личные вещи.

— По этому поводу можете не беспокоиться. Все ваши вещи в целостности и сохранности уже полгода ждут вас в ваших комнатах.

— Мы что, будем жить каждый в своей комнате?

— Вы правильно поняли. А теперь давайте пойдём, а то мы здесь совсем промокнем до нитки. Сейчас зайдём в комендатуру в санитарный отдел, пусть проверят, не привезли какой-нибудь заграничной заразы, в виде африканской лихорадки. Там же находится ваша гражданская одежда. Все, что сейчас надето на вас, вы оставляете здесь. Забираете только личные вещи и туалетные принадлежности. В лагерь едем только в гражданке, чтобы не привлекать военной формой лишнего внимания. О нашем подразделении знает очень узкий круг людей. Вам ясно?

— Так точно.

В комендатуре, закончив все процедуры и дождавшись результатов, они в сопровождении подполковника сели в старенький газик, который, дребезжа на всех ухабах, вез их к новому месту службы.

Антон, уставший от перелета, всю дорогу молчал. Зато Василий говорил за двоих. Он успел задать командиру уйму вопросов, связанных с новым местом службы. Свиридов, привыкший много говорить, с удовольствием отвечал на них, а по пути следования успевал еще показывать достопримечательности Москвы и Московской области.

Был затронут вопрос и о командировке, на что Свиридов ответил.

— О вашей командировке я спрашивать не буду, доложите сами командиру отряда. Пока скажу следующее. На обустройство и знакомство с личным составом у вас всего неделя.

Отряд наш насчитывает восемьдесят человек. Весь штат отряда состоит только из офицеров. Командир наш в звании майора, не удивляйтесь, у нас есть подполковники, которые служат простыми бойцами. У нас нет особого чиновничества, как у других

подразделений. Мы все находимся в равных условиях, кроме командира отряда, да и то лишь в торжественных случаях, при очень высоком начальстве.

Обращаемся мы друг к другу только по позывным. Многие даже фамилии друг друга не знают. Вы теперь числитесь у нас под своими позывными, ты Тарзан, а ты Василек. Мы посоветовались с Командиром и решили позывные ваши не менять. Вы за эти годы уже привыкли к этим именам, а остальным нет разницы, к каким привыкать.

Еще хочу добавить, что дней через десять вы отправитесь в отпуск. Как и положено, на сорок пять дней. Вы должны хорошо отдохнуть. Мы понимаем, что вам положено больше, все-таки почти три года в Африке без выезда провести, это очень трудно, но простите, больше дать не можем. Отгуляете отпуск, вот тогда мы за вас всерьез возьмемся. Свободного времени у вас отныне будет очень мало.

Так вот, я ознакомился с вашими личными делами. Вы оба не женаты. Ты Василек не был женат, а ты Тарзан у нас вдовец. Так что, я предлагаю вам отпущенное время на отпуск, потратить на поиски жены. Позже вам просто будет некогда.

Практически все наши офицеры женаты, и их семьи живут у нас в общежитии. Общежитие находится в городе. Наше руководство старается обеспечить офицеров жен работой, естественно по их желанию. Мы рады тому, что жены наших офицеров всегда рядом с ними. В расположении отряда после службы редко кто остается, все едут домой к семьям.

Думайте мужики, я тоже хочу, чтобы вас ждали ваши близкие из далеких командировок. За разговором незаметно въехали в город.

— А вот и наш город.

— А что, мне нравится, Антон, как тебе городок?

Антон в это время спал, положив свою голову на плечо друга.

— Я сейчас расскажу вам историю этого города.

Город сейчас называется Загорск. Но его называли Сергиев Посад. В городе много заводов, фабрик и различных комбинатов. Работы здесь для гражданского населения в избытке. В городе есть на что посмотреть. Он входит в состав Золотого кольца России.

Вся история города неразрывно связана с историей Троице-Сергиева монастыря. Он основан в четырнадцатом веке преподобным Сергием Радонежским, который, в свое время, благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву. На протяжении многих столетий монастырь являлся историческим и культурным центром Русского государства.

Троицкий Собор, который является главной святыней монастыря расписывали такие иконописцы, как Андрей Рублев и Даниил Черный. В этом Соборе и поныне хранятся мощи Преподобного Сергия Радонежского.

Здесь при монастыре была написана Андреем Рублевым удивительная икона «Святая Троица». Позже, когда будет время, обязательно посетите здешние храмы. Их в округе большое множество.

Когда-то Екатерина II своим указом объединила все монастырские слободы в город. Назвали его Сергиев Посад, центром которого и являлась Троице-Сергиева Лавра. И зачем я вам все это рассказываю, придет время, сами все посмотрите. Но все равно, мне кажется, что на земле красивее ничего нет.

— Это вам так кажется, У каждого человека есть свои любимые и родные места. Вы, наверное, родом из этих мест?

— Да, я родился в Хитрово, это недалеко от Москвы. Там живут мои родители и брат с

сестрой. Моя жена и дети живут в нашем общежитии вместе со мной.

Разговор прервался, когда они подъехали к общежитию. Они ознакомились с распорядком. Посмотрели свои комнаты, оставили вещи, и, получив от коменданта общежития ключи, уехали в тренировочный лагерь.

Лагерь находился в десяти километрах от города, на небольшой возвышенности, среди лесного массива. Командир отряда оказался на месте. Антон и Василий доложили о прибытии, предъявив свои документы.

— Хорошо, ребята, будем знакомиться. Я командир отряда, Соколов Геннадий Иванович. Служить вы будете под моим началом и, надеюсь, долго. В отряде нас всего восемьдесят человек вместе с вами. Служить будем как одна семья. За территорией лагеря форма в основном гражданская. Непосредственно в лагере все мы ходим в полевой форме без знаков отличия. Общаемся между собой только по именам или по позывным. Как говорят зеки, у каждого свое погоняло. Я считаю, что так будет проще в общении. У моего зама, который вас встречал, позывной Зуб. Почему именно Зуб не спрашивайте, не знаю. Меня зовут Сокол. Еще в самом начале моей службы в ВДВ меня комбат так окрестил, вот до сих пор и нашу ее. Ничего, постепенно освоитесь. У нас в отряде полный перечень флоры и фауны. Ладно, об этом позже, а пока держите свои новые удостоверения. Держите свое, майор Голованов.

— Простите командир, но я старший лейтенант.

— Держи свое удостоверение, майор Голованов, начальству виднее кто ты по званию. Вы уже давно как оба майоры. У тебя, майор Ли, странная для твоей внешности фамилия, ну да не в ней дело, позже когда будет время расскажешь о себе. А сейчас вы для всех находящихся за территорией нашего отряда являетесь просто офицерами саперного батальона ВДВ Московского военного округа. Все остальные инструкции, в виде легенды или номеров телефонов и кодов, вы получите в спецчасти в конце коридора. С этим ясно?

— Так точно. Ясно.

— Теперь немного о службе. Жить будете в городе. У каждого из вас будет своя личная комната в малосемейном общежитии. Зуб, наверное, по дороге уже показал вам.

— Да, мы уже заезжали туда и получили ключи от комнат.

— Вот и замечательно. Теперь немного о самом лагере. Здесь у нас в основном тренировочная база. Есть учебный корпус с лабораториями различного направления. Лечебный корпус со своим медперсоналом. В составе каждой из десяти групп есть свой доктор. Теперь насчет здоровья можете не беспокоиться. Есть большой спортивный зал с тренажерами, стрелковый тир. Есть казарма, в которой вы можете остаться на ночь. Бывает и необходимость перейти на военное положение, тогда весь отряд размещается в казарме, вместе со всем обслуживающим персоналом. И самое главное для бойца, это, конечно же, столовая, где все мы питаемся. Ну а если вам захочется чего-нибудь поесть в городе, то здесь я бессилен, придется вам у себя в общежитии готовить или пойти в ресторан. Теперь дальше. Вот приказ о предоставлении вам отпуска, скажу прямо, я не хотел бы отпускать вас, но понимаю, что вы провели много времени, не просто где-то на кондитерской фабрике или пивзаводе, а в очень трудных условиях. По этому будьте добры через девять дней отбыть в отпуск. Где вы будете отдыхать, меня не касается. Единственное, что вы должны сделать, так это оставить свои координаты, на случай экстренного сбора всего отряда. Это понятно.

— Так точно.

— Что касательно денежного пособия и выплат, то все ваши средства, перечислены в

сбербанк Загорска. Вот по этим сберегательным книжкам вы можете получить свои деньги в любой сберкассе СССР, — он протянул им книжки. — Все ясно?

— Так точно. Ясно.

— Ну, если вам все ясно, тогда пошли в столовую, мне кажется, что пора обедать. И еще, пока не забыл. Вечером два дежурных автобуса увозят людей в город. Утром к семи часам они забирают людей у общежития.

— Ну, Антоха, мы теперь с тобой будем жить как на курорте. Вокруг замечательная природа, собственная жилплощадь, отменное питание, чем не курорт, — потирая руки, шутил Василий.

— Тебе, наверное, больше всего понравилось, что будешь жить отдельно. Так вот, Василек, предупреждаю сразу, если будешь мне мешать как в Рязани, таская девок, то удавлю как цыпленка. Ты меня знаешь, второго предупреждения не будет.

— Ничего, пусть немного погуляет пока в отпуске, — назидательно сказал командир, — после отпуска я устрою ему такую жизнь, что он надолго забудет про девчат, — похлопав Василия по плечу добавил, — гуляй, босота, пока охота, потом поздно будет, как говаривал один мой знакомый уркаган.

Вскоре Антон приехал на родину. Невеселой оказалась его встреча с близкими.

Умер дядя Егор. Антон как раз приехал на поминки, отмечали сорок дней со дня смерти. За последнее время тетя Наташа сильно постарела и сгорбилась. В повязанном черном платке на голове она походила на старенькую монахиню. Она бесцельно ходила по дому, перекладывая зачем-то вещи с одного места на другое, или просто по долгу стояла у окна, о чем-то думая. У Антона сжималось сердце, глядя на нее.

Когда все разошлись, Антон усадил ее на лавку, сам сел рядом, прижав ее голову к своей груди, тихо прошептал.

— Не надо так сильно убиваться, поберегите себя. У вас еще есть, кого любить и о ком заботится

— Ты, сынок, не понимаешь.

— Милая наша мамочка, — перебил ее он, — я все прекрасно понимаю, даже больше, чем вы думаете. Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. Вы ведь сейчас думаете не о детях и внуках. С ними, слава богу, все в порядке. Вы горюете о потере самого близкого и родного человека. Это человек, который за последние пятьдесят с лишним лет, живший с вами бок о бок, стал за эти годы для вас самой лучшей защитой и опорой в этой жизни. Особенным был период, когда из жизни ушли ваши с ним родители и вы остались сиротами. С ним у вас связана вся жизнь. Вам сейчас кажется, что вместе с ним ушло прошлое и настоящее. Что те дорогие вашему сердцу воспоминания о юности и молодости ушли вместе с ним. Вас сейчас страшит, что теперь вам не с кем будет вспомнить все то хорошее, что вас связывало в молодости. Те моменты юности, когда вы вдвоем, улучив момент, убегали из дома и беззаботные, хоть на один вечер, бежали на вечеринку или гуляли до утра, или утайкой целовались в тени забора. Вам кажется, что об этом вы уже не сможете поговорить, да и не захотите обсуждать это ни с детьми, ни тем более с внуками. Вам кажется, что память уходит безвозвратно, и вы не в силах этому сопротивляться. Я прав?

— Да, сынок, — сквозь слезы согласилась она, — ты всегда был чутким, добрым и вдумчивым мальчиком. Таким ты остался до сих пор. Пойми, у меня уже нет больше сил бороться или сопротивляться. Я просто хочу уйти вслед за Егором.

— Ну, мамочка, — еще крепче прижимая к груди, успокаивал ее он, — Это последнее

дело иметь такие мысли. Тебе еще надо как минимум женить Илюшу и дожидаться правнуков от него. А насчет остального, скажу так. В конце восемнадцатого и в начале девятнадцатого века жил один ученый человек, Жуковский его фамилия. По такому случаю он написал слова:

Слезы свои осуши.

Проясни омраченное сердце.

К небу глаза подними.

Там Утешитель. Отец.

Там Он твою сокрушенную жизнь,

Твой вдох и молитву, слышит и видит,

Стучись, веруя в благость Его,

Если же силу души потеряешь,

В страданье и страхе.

К небу глаза подними:

Силу он новую даст.

— Я не призываю вас верить или не верить в бога. Я сам не знаю, есть он или нет. Но я твердо уверен, что человек должен во что-то верить. Без веры человек теряет всякий смысл в жизни. А верить можно во что угодно, можно в бога, можно в светлое будущее, можно в детей или внуков. Главное, чтобы у человека была вера в душе. Если вам в голову ничего не приходит, то такой пожилой женщине как вы, не зазорно будет, если раз или два в неделю вы прочтете молитву за здоровье живущих и за упокой умерших. В нашем селе многие бабушки молятся, не смотря на запрет, но никого за это еще не убили и не осудили.

— Спасибо тебе, сынок, за теплые слова. Я постараюсь не огорчать тебя. Вот провели сорок дней, может потом легче станет. Ты лучше скажи, почему от тебя так долго писем не было. Мы тебе писали, когда Егор заболел, и потом телеграмму давали, когда умер. А от тебя не слуху ни духу. Я грешным делом подумала, не случилось бы чего с тобой.

— Ну, что вы, письма я ваши получил, целую пачку сразу, но только две недели назад, в месте с телеграммой. Дело в том, что туда, где я бываю, письма очень редко доходят. Чаше они дожидаются, когда я приеду домой.

— Значит, Егор был прав, когда мы год назад получили целую пачку твоих писем, написанных в разное время. Егор тогда сказал — если письма приходят пачками, значит адресат не дома, а за границей.

— Вот видите, ничего и объяснять не надо, вы и так все прекрасно понимаете. Я вернулся всего две недели назад. Пробыл я там почти три года. Ничего не поделаешь, такая у меня работа. Главное, чтобы другие не знали о моей работе. Но зато обещание я свое выполняю, каждый свой отпуск я провожу здесь с вами.

— Спасибо, сынок, что не забываешь нас. А насчет твоей работы, меня еще Егор предупредил. Об этом даже наши не знают.

Антон отдыхал не столько физически, сколько морально, сказывалось длительное пребывание на африканском континенте. Накопившаяся за это время нервная напряженность постепенно уходила, сменяясь успокоением.

На состояние Антона больше всего действовала обстановка домашнего уюта, в отсутствии которого он так сильно скучал последнее время. В этом ему оказал неоценимую услугу Илюша, который вырос за эти годы и стал студентом техникума лесного хозяйства. Они вдвоем ходили в тайгу за грибами, за ягодой.

Три дня провели на реке. Антон давно не сидел с удочкой. Но все когда-то заканчивается. У него стали чесаться руки от отсутствия физической нагрузки. Вдвоем они за неделю поправили забор, отремонтировали крышу, как на доме, так и на пристройках. Такую работу Антон посчитал мелочью и решил заменить оконные блоки во всем доме. Старым окнам было, пожалуй, около двухсот лет, они уже давно просились на свалку.

Не став откладывать дело в долгий ящик, он пошел на пилораму. На пилораме не оказалось знакомых. За эти годы кто умер, кто-то был уже на пенсии. Антон обратился к тем, кто был, с просьбой помочь вдове дяди Егора.

— Мы, дорогой ты наш человек, с большой душой поможем тете Наташе. Они с дядей Егором были не последние люди, и мы помним добро, которое они нам делали. Мы еще не забыли, как в любое время суток тетя Наташа приходила по первому зову и не отходила от больного. Конечно, мы для нее сделаем все, что от нас зависит, а об оплате не может быть и речи. Все сделаем бесплатно. Все упирается в материал. У нас сейчас новый директор совхоза. Не удивляйся, у нас уже год как сменился колхоз на совхоз. Вот директор слегка прижимистый. Следит за каждым кусочком доски. Ты сходи к нему, если уговоришь, за нами дело не станет.

— Если он такой, как вы, говорите, то меня чужого для него человека совсем слушать не станет.

— Да ты надави на него, мол, нужно для заслуженного ветерана войны. Он ветеранов уважает, не смотря на молодость.

Выслушав совет, Антон, поблагодарив мужиков, уехал в поселок. У крыльца конторы мужики разбирали ящики. Некоторые из них с усердием изучали инструкцию, по применению какого-то оборудования.

В кругу рабочих стоял молодой еще человек и объяснял рабочим какие-то нюансы чертежа. Присмотревшись внимательно к нему, Антон узнал в нем, своего одноклассника. Это был Валерка Смирнов, бывший запевала в школьном хоре.

— Валера, привет, — приветствовал его Антон.

— Антон? — неуверенно спросил он. — Ты откуда взялся. Я слышал, ты в армии служишь. Что ты здесь делаешь?

— Узнаю друга, целый ворох вопросов. Да, я действительно служу в Московском военном округе, в звании майора. Командую небольшим саперным подразделением. А ты как здесь оказался? Я думал, что ты где-нибудь в институте преподаешь или профессором стал. Ты всегда умненьким был.

— Ну, что ты, какой там профессор, но, тем не менее, диссертацию пишу. Я закончил Московскую Тимирязевскую академию. На распределении попросился домой. Меня отпустили, все равно в нашу глушь никто не поехал бы. Сначала работал агрономом, теперь директором совхоза. Получается, что я дома, а ты у нас в гостях.

— Ты, наверное, забыл, что я тоже вроде бы как дома.

— Не обижайся ты, это я шучу так. А вообще, ты надолго к нам?

— Около месяца еще буду. А вы что здесь строите? Космическую станцию что ли? Вон и антенна уже видна.

— Понимаешь, наш колхоз перепрофилировали в совхоз. С области спустили директиву о расширении посевных площадей и увеличении животноводства. Выделили дополнительные субсидии. Теперь осваиваем. Прогресс движется вперед, и нам приходится не отставать. Вот получили по разнарядке радиосвязь, а запустить наши «Кулибины» ее не

могут. Придется с области специалистов приглашать, а финансов на это нет. Не знаю, что делать.

— Ну, это не проблема. Давай я тебе по-дружески помогу наладить твою связь.

— Взамен что потребуешь? — в тот же миг проснулась в нем хозяйская жилка.

— Ну, вот, сразу наехал на меня. Ничего мне не надо. Просто хочу помочь землякам.

— Что-то верить с трудом. Ты ведь не зря здесь появился.

— Тебя не проведешь. Ты и пацаном был с хитринкой.

— Я теперь не хитрый, а хозяйственный. Каждую копейку приходится считать.

— Ты прав, Валерка. Я шел в контору, чтобы поговорить с руководством.

— Ты говори, что за проблемы. Если я смогу помочь, то можешь на меня рассчитывать.

— Понимаешь, Валера, я хочу помочь вдове дяди Егора. Нужно заменить в доме окна, а то они насквозь уже светятся. По пути заходил на пилораму. Мужики готовы в свободное время помочь, но все упирается в материалы. Если поможешь с материалом, я буду очень признателен. По поводу оплаты не волнуйся, я все оплачу.

— Ни какой оплаты не надо. Я думаю, совхоз не обеднеет, если выделит куб досок для заслуженного человека и ветерана войны.

— Так, ты не против?

— Конечно, нет, а менять, кто будет?

— Я сам поменяю, а пока мужики будут делать оконные блоки, я вам установлю и налажу связь. Мне все равно пока заняться нечем, а так и тебе будет помощь и мне.

Через две недели в доме красовались новенькие окна, пахнувшие свежей краской, а в совхозе работала хорошо отлаженная связь.

Закончив с этой работой, Антон собрался навестить родителей Тани. Он приезжал к ним на несколько дней в каждый свой отпуск. Родители Тани всегда были рады его приезду и встречали как родного сына.

Как раз в это время пришла телеграмма, Василек приглашал его на свадьбу. Наказ и совет Зуба, он принял как приказ и не тратил время зря.

Наташа, теперь уже жена Василия, понравилась Антону. Она напоминала ему его Танюшу. Такая же бойкая, заводная и с очень добрым характером.

Свадьба прошла весело и с большим размахом. Антон веселился от души. Он был счастлив за друга, но больше трех дней веселья не выдержал, уехал домой. А через десять дней они подъезжали к Загорску, уже не вдвоем, а втроем.

Началась новая служба со своими нюансами и тренировками. Но, как правило, долго спокойная служба продолжаться не могла. Начались новые командировки, связанные с обучением спецназа в вооруженных силах различных стран Африки. С небольшим перерывом Антон провел три года в Сомали и Анголе.

Его перебрасывали из одной страны в другую, но весной 1975 года, когда отряды УНИТА стали теснить повстанцев Анголы, его назначили военным советником повстанцев. Когда отряды УНИТА при поддержке спецназа ВДВ ЮАР и войск Родезии стали теснить их было принято решение о введении в Анголу войск Кубинской освободительной армии. Их перевозили военные корабли СССР, в том числе и батальон спецназа из СССР.

В этой затяжной войне основную роль играло противостояние между СССР и США. Основной задачей спецслужб было захват и доставка на родину новейших военных разработок противника, которые с успехом испытывались во всех горячих точках планеты.

В военных конфликтах погрязли практически все страны африканского континента. В

каждом из этих конфликтов принимали активное участие США и непременно СССР. Каждая из сторон поддерживали те противоборствующие стороны, которые поддерживали политический курс сильного брата.

Каждая из сторон старалась предоставить своим новейшее вооружение, с одним желанием обкатать новые системы в боевых условиях.

Изобилие оружия особенно пагубно отражалось на тех странах, экономика которых была подорвана крушением колониальных империй и внедрением коммунистических идей. Новые конфликты окончательно подорвали стабильность этих стран. Ввергли их в пропасть кровопролития и нищеты. Гражданские войны длились десятилетиями, истощая их и так небольшие ресурсы, обрекая мирное население на нищету и голод. Но это не останавливало правительства сверх держав.

Конфликты вспыхивали один за другим, охватывая все новые территории континента. Антону, как непосредственному участнику военных действий, приходилось не только учить африканских солдат воевать, но и самому принимать участие в военных операциях, охотясь за новинками в оружии.

Порой приходилось отбивать свои технологии, захваченные противником. Был такой случай в его практике. Небольшой отряд спецназа ЮАР при поддержке местных партизан захватил новейшую установку ПВО, стоящую в джунглях. Кто-то из охраны в последний момент успел сообщить о нападении в центр.

Группе Антона приказали отбить установку, а противника уничтожить. Группа Антона, состоящая из пятнадцати человек, успешно десантировалась недалеко от цели. Их группу уже ждали, поэтому пришлось сразу вступить в бой. Потеряв в бою девять человек, Антон приказал отступить. Нужно было разработать план действия. Противник оказался боееспособным и обученным, к тому же превосходил в живой силе. Антон приказал отдыхать и готовиться к следующему бою.

— Василек, ты идешь со мной. Надо все как следует разведать, а то нас здесь как мух положат.

Выдвинувшись вперед, они нашли удобное место для наблюдения. Глядя в бинокль, Антон заметил, что солдаты противника о чем-то спорят у трупов его солдат.

— Василек, посмотри, что они там делают.

— Тарзан, ты что, никогда не видел мародеров. Они просто дерутся между собой за право обыскать труп. А что, Тарзан, тебе слабо наказать вот эту группу из восьми человек

— Это идея. Они сейчас не ждут нашего нападения. Работаем только холодным оружием, нам пока шум не нужен. Обходим с двух сторон, а начинаем по готовности.

Прошло всего несколько коротких минут, и к погибшим добавилось еще восемь трупов, но уже противника.

— Может, дальше продолжим — вдохновленный успехом предложил Василек.

— Продолжим, но только пусть наши аборигены начнут первые. Они отвлекут противника, а мы зайдем с тыла и постараемся без лишнего шума сработать. Наши пусть ведут интенсивный огонь. Противник знает, что нас очень мало, и будет считать, что перед ними весь наш отряд. Для обеспечения полной победы нам с тобой нужно как можно меньше шума создавать.

— План принимается.

— Тогда приступаем. Зови остальных.

Васильку и Тарзану пришлось показать противнику все, на что они были способны. В

пылу боя они даже не заметили, что их форма залита кровью от макушки до самых пяток. Зато через полчаса бой был закончен, спаслось бегством только трое партизан, которые скрылись в топких болотах.

Своих солдат Антон отправил в погоню, приказав уничтожить противника. Оставшись вдвоем, они проверили наличие блоков управления, и только после того как убедились, что все на месте, связались с центром с просьбой обеспечить охрану объекта.

— Ну, что Василек, пойдём трупы таскать, а то к вечеру разлагаться начнут, дышать будет нечем, я тут не далеко приличную яму видел.

— Ты прав. Придется нам их таскать, смена наша не факт, что через сутки прибудет. Мне тоже не улыбается дышать трупным запахом.

Стаскивая трупы к яме, Антон спросил.

— Василек, ты не смотрел, что они там воровали и прятали?

— Сейчас гляну.

Василий проверил у одного из погибших подсумок, и обнаружил в нем маленький кожаный мешочек с несколькими камушками.

— Тарзан, ты только посмотри, — протянул он на ладони камушка. — Это же алмазы, а они знают толк в них. Теперь понятно, за что они воюют. У этих африканцев одна идея: убить и награть.

Антон взял один камень и провел острым концом по стволу автомата. На металле остался небольшой след.

— Да, это алмазы, причем, очень хорошего качества. Теперь давай думать, что с ними будем делать.

— А что тут думать? Общем всех, и чужих и наших. Соберем все, что найдем, потом решим, что делать.

Так и поступили. Обыскали всех, до единого. Набралось приличное количество камней разного размера. Взвесив на ладони мешочек, Василий отметил.

— Тарзан, прикинь, а они на приличную сумму обокрали свою страну. Вот начальство обрадуется, когда мы придем сдавать это богатство.

— Василек, ты прав только в одном. Алмазы эти ворованные, и теперь не принадлежат никому. Но ты не прав, что их мы будем сдавать, вороватому правительству.

— Ты, что предлагаешь взять их себе.

— Я конечно не мародер, но и закапывать такое добро не следует — Антон почувствовал, что в нем просыпается кровь его предков. — Не удивляйся и не считай меня вором. Помнишь, на этой неделе к нам прилетал чиновник из КГБ. Так вот, я видел у нег такой же мешочек, только гораздо большего размера, и он был до верха забит, чем не знаю. Теперь догадываюсь, что это были, скорее всего, алмазы. А теперь скажи мне, почему им можно их иметь, а нам нельзя. Ты только посмотри, что творится. Все те военные, которых мы обучаем, охраняют многие производства, в том числе и рудники по добыче алмазов. Они входят в контакт с рабочими или чиновниками и спокойно воруют.

— Понял. Рабочие воруют на прииске, а они берут с них дань за то, что разрешают им выносить камни за территорию. Вот почему те, кто служит на рудниках, не заставишь воевать, только под угрозой расстрела. Я не раз замечал, что некоторые прячутся за спины товарищей. Мне казалось, что это неопытные бойцы и скоро все пройдет, а это оказывается, они боялись потерять свою добычу.

— Ты прав, юаровцы стараются в первую очередь убивать отстающих солдат, видимо,

знают их повадки. Потом стараются при первой же возможности погреть свои руки за счет других. Теперь подумай, как эти вояки ради камней и своего благополучия прячутся за нашими спинами. Мы в это время остаемся ни с чем, подставляя свои головы под чужие пули, рискуя жизнью. Мы все эти годы живем вдали от родины. В невыносимых жилищных условиях. Мы не видим ничего кроме войны и крови. Наши близкие в это время стоят в длинных очередях, чтобы купить кусок мяса, да бы накормить детей. Что видят семьи таких офицеров, как мы. Ничего кроме общежития, общей кухни и туалета. Они годами не видят своих мужей и отцов, они живут как матери одиночки, заботясь о наших детях. Порой, не имея даже простых товаров, не говоря о тех, которые высокое начальство достает свободно по благу.

— Ты что здесь лекции мне читать по моральному кодексу собрался? Меня агитировать не надо. Просто я не знал, как тебе предложить то же самое. Меня теперь беспокоит, как мы их в Союз доставим.

— Не волнуйся, время еще есть, что-нибудь придумаем.

Через месяц такой случай им представился. Закончился срок командировки. Они ждали транспортный самолет из Союза, который благодаря нерасторопности чиновников все время задерживался или откладывался.

За время томительных ожиданий группа спецназа случайно захватила у противника французскую установку ПВО с документацией по применению. После доклада в Москву с таким неожиданным трофеем, Москва ускорила отправку транспортного самолета. Антону, как руководителю группы, было поручено доставить кейс с документацией в Москву.

— Василек. Делаем так. Ты даешь свою фляжку с кубинским ромом. Мы берем простой презерватив и, опустив один конец во флягу, будем засыпать в него алмазы. В процессе наполнения лишний ром выльется, мы завяжем узелок, резина стянет камни в один комок, и не будут они греметь. Понял мою мысль?

— Хорошая идея, но как пронести флягу при проверке в комендатуре?

— А мы ее положим в кейс с документацией. Код замка знаю только я, а им никто не позволит вскрывать секретный чемоданчик.

— А если нас будут встречать прямо у трапа, и твой чемоданчик заберут, тогда как.

— Вот тогда и будем решать. Я думаю, что вдвоем мы выкрутимся.

Все произошло не так, как предполагал Антон. Самолет приземлился намного раньше, чем предполагалось. Они прошли досмотр. Оставалось сдать анализы в лаборатории. Неожиданно появился полковник генерального штаба в сопровождении трех охранников. Он предъявил документы, подтверждающие его полномочия и потребовал передать ему кейс. Антон, сделав счастливое лицо, сказал:

— Спасибо полковник. Вы облегчили мне задачу, теперь мне не придется ехать в штаб, терять время. Мы так долго отсутствовали, что готовы на крыльях лететь домой.

После этих слов, он передал чемоданчик полковнику. Повернулся, чтобы уйти, но остановился, как будто что-то вспомнил, сказал:

— Простите, там в чемодане мой сувенир, можно я его заберу.

— Не понял, что еще за сувенир?

Антон взял его под руку и, отведя в сторону, шепнул ему на ухо:

— Не волнуйся, полковник, эту документацию в кейсе готовил лично я. Перед отлетом я проверял целостность документации и оставил в чемодане фляжку с кубинским ромом. Вы ведь понимаете, что таможенная служба обязательно изъяла бы его. Пойми, это подарок от

наших братьев с Кубы. Они просили обязательно выпить за их здоровье по прилету домой.

— Хорошо, открывай, если знаешь код замка.

Антон набрал шифр, открыл кейс и достал фляжку. Он отвинтил пробку и, наливая в нее ром, предложил выпить полковнику за знакомство и благополучное возвращение их на родину. Полковник сначала отказывался, но потом уступил настоянию Антона и выпил, ром ему понравился. Антон выпил вместе с ним.

Вскоре они были дома. Хранение алмазов поручили Наташе, оставив их реализацию до лучших времен, а что они настанут, Антон не сомневался.

В короткие промежутки между командировками, Антон старался следить за тем, какие перемены происходят в стране в его отсутствие. Он прекрасно видел, как постепенно исчезают товары первой необходимости с прилавков магазинов. Народ часами простаивал в очередях, в то время, когда страна посылала огромные гуманитарные конвои в так называемые братские страны.

В стране процветала коррупция и казнокрадство. Штаты чиновников пухли как на дрожжах, при этом каждый из них чувствовал себя в высоком кресле удельным князем. Его мозг постепенно приходил к мысли, что правительство ведет никому ненужную политику за рубежом.

Он окончательно уверовал в это, когда началась полномасштабная война между Сомали и Эфиопией в конце семидесятых годов. Обе противоборствующие стороны поддерживал Советский Союз, поставляя обоим вооружение, продовольствие и военных специалистов.

Антон побывал в обеих странах военным советником, обучая спецназ, и хорошо изучил нравы и возможности этих государств. СССР хоть открыто не участвовал в военных действиях, но вооружение и специалистов поставлял регулярно в обе страны. Война велась в основном советским оружием под управлением Советских специалистов. Бывало, что наши спецы воевали друг против друга. Были среди них и жертвы.

Это в корне не нравилось Антону, но он не мог изменить ситуацию. Положение в корне изменилось, когда вновь избранный президент Сомали разорвал дипломатические отношения с СССР и Кубой одновременно. Сотрудникам дипломатических миссий обеих стран было предписано покинуть пределы страны, а все имущество объявили собственностью государства.

Ультимативно был назначен срок, согласно которому все военные и гражданские специалисты обязаны покинуть страну вместе с семьями.

После выступления президента резко ухудшилось отношение враждебно настроенного населения страны к советским гражданам. Их оскорбляли, забрасывали камнями. В аэропорту советские люди подвергались унижениям и издевательствам, вплоть до физического насилия.

Глядя на такое положение, командующий Тихоокеанского флота приказал высадить десант морской пехоты в столице Сомали для защиты своих граждан и их имущества.

Высадка морского десанта отрезвила головы зарвавшегося руководства страны. Люди были эвакуированы, а морская пехота демонтировала основное оборудование и, погрузив все на корабли, вышли из порта.

Так закончилась история базирования в портах Сомали. Оставшись без поддержки СССР, руководство страны стало усердно искать ее у других стран, враждебно настроенных к СССР. Но западные страны отказались поставлять Сомали новое вооружение. Им пришлось довольствоваться небольшими партиями стрелкового оружия давно снятого с вооружения западных стран.

Но, не смотря на столь плачевное состояние армии, они все-таки выбили хорошо вооруженные эфиопские войска за территорию своей границы.

В одном из боев перед самым подписанием договора о мире между двумя сторонами, Антон был тяжело ранен и вывезен в Союз для лечения в Московский военный госпиталь.

Антон вновь попал в руки своего друга доктора Сомова Григория Андреевича. Сомов по кличке Док, был одного возраста с Антоном. Дружба их началась с тех пор, как Антон попал в спецотряд. Они были в составе одной группы.

Док был очень талантливым врачом. На его счету за время службы в отряде было множество спасенных жизней. Ему порой приходилось делать безнадежные операции в полевых условиях. За его умение и талант он пользовался огромным авторитетом среди сослуживцев. Заметило его и руководство, после чего он был переведен в военный госпиталь. Но и после этого его дружба с Антоном и Василием не прекращалась ни на минуту.

Они всегда, когда выпадала возможность, встречались вместе с семьями, ехали на пикник, или просто в домашних условиях отмечали очередной праздник или юбилей.

После сложнейшей операции, когда Антон пришел в себя, в его палату заглянул Сомов. Антон лежал на кровати и грустным взглядом смотрел в окно, покрытое морозным узором.

— Тарзанчик, ты, что там увидел, у тебя такой взгляд, будто ты сейчас горько расплачешься?

— Привет, Док. Понимаешь, друг, вот смотрю в окно, а за ним зима. Знаешь, как я соскучился по зиме. Сколько лет я проторчал в этой Африке. Там ведь зимы нет, а я приезжал на родину всегда только летом. Ты даже представить не можешь, как мне сейчас хочется пройтись на лыжах по заснеженному лесу. Дышать полной грудью свежий морозный воздух. Или как в детстве поиграть в снежки, потом упасть в пушистый сугроб и кататься в нем, как собака перед непогодой. Ты, Док, городской житель, и никогда не сможешь понять меня. Ты понятия не имеешь, что такое деревня, скот, и как убирают хлеб. Ты ведь до сих пор считаешь, что хлеб растет большими булками на деревьях среди парка Горького.

— Все? Монолог исчерпан? Теперь послушай меня. Ты сам, балбес, загнал себя в эту Африку. Теперь пеняй на себя. Уже десять лет ты безвылазно бурлачишь там. Может, пора остепениться и дать возможность молодым вместо тебя проявить свою пригодность в военной специализации. Я предлагаю тебе отказаться от командировок и посвятить себя обучению молодежи, здесь, у себя дома.

— Что я могу сделать? Я военный. Мне приказывают, я еду. Я ведь не могу послать всех на три буквы.

— Посылать их не надо, это чревато последствиями, а вот отдохнуть года два или три тебе просто необходимо. Я со своей стороны постараюсь составить медицинское заключение. На основании этого заключения тебя в ближайшие годы не будут беспокоить командировками. Тебе просто необходим душевный отдых. У тебя сейчас уже столько ранений и контузий, что на твоём месте другой человек давно уже лежал в психушке и тихонько воробьям дули крутил. Так что, у меня есть все основания составить заключение, не запятнав своей совести.

— Спасибо Гриша, мне, правда, нужен небольшой перерыв.

— Хорошо, ты сейчас спи и поправляй здоровье. Я займусь этим вопросом, главное, чтобы было твое согласие. Да, не забудь, в ближайшее время ты обязан жениться. Хватит ходить в холостяках. Моя с Васькиной Наташкой, нас достали. Бегают, ищут тебе невесту. Найдут подходящую, так тебя нет. Она бедная ждет, а потом, не дождавшись, выходит замуж. Наши опять начинают искать. Я уже начинаю прятаться от них. Ваське проще, он хоть

иногда теперь сбегает в командировки, а я постоянно дома, вот они на мне и отыгрываются.

— Хорошо, передай им, что как только найду красивую и глупую, обязательно женюсь.

— Хорош болтать. Спи, давай. Я позже зайду, как только освобожусь. Тут недавно очередную жертву привезли, готовят к операции. Ты сейчас спи, а мне нужно идти.

— Подожди, Гриша, не уходи. У меня к тебе просьба есть.

— Давай, выкладывай, только недолго, у меня минут десять всего.

— Гриша, ты сейчас постоянно находишься здесь, в центре, и знаешь больше, чем я. Понимаешь, я хочу найти возможность вступить в кооператив на строительство квартиры. От нашего государства все равно мне ничего не светит. Вон Васька с двумя детьми до сих пор мается в общаге. А мне эта общага как кол в горле стоит. Государственную мне все равно никто не даст, я ведь холостой пока. Ты узнай, к кому мне нужно обратиться по этому вопросу. После ранения мне положен отпуск. Вот я и хочу во время отпуска заняться этим вопросом.

— Хорошая идея. Ну, а деньги на кооператив у тебя есть?

— Деньги есть. За эти годы, в банке скопилась приличная сумма. Хватит и на квартиру, и на мебель. А если угораздит меня жениться, то и на свадьбу не придется занимать. Ты ведь знаешь, что мне негде и некогда было тратить. Зарплата у нас неплохая, плюс командировочные и боевые. Так что, сумма приличная собралась.

— Хорошо, я поговорю с нужными людьми и все узнаю. У нас лечатся не только такие бедолаги, как ты. Есть и приличные люди, как они себя называют. Среди них есть и высокопоставленные чиновники. Думаю, что в ближайшее время я буду обладать самой свежей информацией.

Через три недели, перед самой выпиской из госпиталя, Док принес конверт Антону.

— Держи письмо. Придешь по этому адресу. Найдешь начальника строительного треста. Передашь ему письмо. Он, конечно, и так будет в курсе твоего прихода. Письмо — это вроде официального обращения. Там тебе объяснят, что от тебя потребуется. Скажут, какие справки ты должен собрать, какой взнос внести, скажут в каком районе Москвы будет квартира.

— Гришка, какой же ты молодец.

— Я-то знаю, что я молодец, обидно, что начальство порой не догадывается об этом.

— Все, с меня магарыч и шашлыки.

— Само собой, просто так ты от нас не отделаешься.

— Как это тебе удалось?

— Очень просто. Я недавно оперировал тайно одну даму весьма высокого начальника. И не просто высокого, а очень высокого. Завел разговор на нужную мне тему. Она была столь благодарна, что взяла за горло своего благоверного, и вот результат. Ты держишь в своих руках приказ начальнику треста о внесении тебя в список. Тебе остается, если понадобится, собрать некоторые справки и внести первоначальный взнос. Можешь выбрать любой район Москвы по собственному желанию. Да, и еще одно. Требуй квартиру большую. Я тебя знаю, возьмешь однокомнатную.

— Кто же мне даст большую, я ведь одинокий.

— Дурья твоя башка. Ты держишь в руках приказ о выделении тебе квартиры. Это решено на высоком уровне. Какую потребуешь, такую и получишь. Если начальник треста будет юлить, скажешь ему, что отнесешь письмо тому, кто его написал, и уверен вопрос будет мгновенно решен. И не вздумай брать квартиру выше третьего этажа, у меня голова

кружится от высоты, — пошутил он, — и не стесняйся давить на них. Наши чиновники любят обещать, но не исполнять. Требуешь, чтобы тебя включили уже в начатое строительство. Не верь обещанием, иначе ничего не получишь. Да, запомни, на все про все у тебя максимум две недели. Больше я эту даму не смогу держать в клинике. Она нам нужна как залог. Если начнет буксовать начальник треста, у меня будет возможность вновь обратиться к ней. Пойми, если она выпишется, то все наши усилия пойдут коту под хвост.

— Спасибо, Гриша, тогда я побегу быстрее оформлять отпуск.

— Какой еще отпуск? Держи выписку, тебе еще две недели даю на амбулаторное лечение. Потом комиссия, а уже после нее, если будут хорошие показатели, то ты пойдешь в отпуск. А теперь, чтобы ты быстрее шевелился, держи ключи от моей машины. Она стоит недалеко от входа на парковке.

Антон хотел что-то сказать, но Док не дал ему такой возможности и вытолкнул его из кабинета.

На следующее утро Антон уже был в строительном тресте. Дождавшись окончания утренней планерки, он с разрешения секретаря вошел в кабинет. Большие размеры кабинета производили впечатление зала заседания, за столом сидел, склонившись, пожилой уже человек, и что-то торопливо писал.

Войдя в кабинет, Антон поздоровался и спросил разрешение войти. Оторвавшись от бумаг, начальник строительства, посмотрев внимательно на него, ответил:

— Здравствуйте молодой человек. Проходите, присаживайтесь ближе. Пожалуйста, подождите минуту, я сейчас закончу.

Антон подошел, присел на стул, и в ожидании стал изучать по привычке не только обстановку кабинета, но и самого хозяина.

Вскоре он отметил для себя, что сидящий перед ним человек, видимо, провел бессонную ночь и теперь страдал от сильной головной боли. Начальник управления отложил в сторону бумаги, аккуратно сложив их в стопку, и обратился к Антону.

— Ну-с, молодой человек, что привело вас ко мне. Что понадобилось военным чинам от сугубо штатского человека.

— А вы довольно наблюдательны, Сергей Фомич. Не ожидал. Я действительно военный.

— В этом нет ничего сверхъестественного. Вас выдает отменная выправка военного. Вы строго одеты, подтянуты, ровная походка, сидите с правильной осанкой, и к тому же уже не юнец. Значит, военный и при звании. Я правильно понял?

— Вы все правильно отметили. Я действительно военный, и служу в подразделении ГРУ при министерстве обороны.

— И что, можно взглянуть на ваше удостоверение, или это секрет?

— Нет ничего секретного, — Антон протянул ему свое удостоверение.

— Да, серьезная организация, — возвращая удостоверение, сказал он. — И что столь важной организации потребовалось от меня?

— Сергей Фомич, прежде чем начать наш разговор, позвольте мне избавить вас от головной боли, она будет только мешать разговору, и я все время буду упрекать себя, что своим разговором мучаю больного человека.

— По мне так сильно видно, что у меня болит голова? И как вы можете помочь? Я уже с утра выпил горсть таблеток, но ничего не помогает.

— Сейчас увидите, — Антон подошел к нему и встал за спиной. Указательными

пальцами сделал небольшой массаж на висках. Потом резко надавил на нужные точки, после чего сел на свое место. Сергей Фомич сморщился от резкой боли, потом начал трясти головой, но, почувствовав, что боль отступает, с удивлением посмотрел на Антона.

— А боль действительно проходит. Я не ожидал такого. Вы здорово мне помогли. Дело в том, что ночью мне пришлось выехать на один из строящихся объектов. Произошло несчастье. Упал козловой кран, и пострадал крановщик. А результат, это поврежденная техника, это пострадавший человек в больнице, это мои переживания, это мое высокое давление и сильная головная боль. Да и возраст дает о себе знать. А вы молодец, ловко это у вас получается. Но все равно, вы большой хитрец.

— Почему вы так считаете?

— Да потому, что вы пришли, как я думаю, с какой-то просьбой и, оказав мне услугу, рассчитываете на взаимность.

— Ну что вы, Сергей Фомич, у меня и в мыслях такого не было. Мне по долгу службы положено помогать людям.

— Хорошо, и все-таки, что вам нужно от меня?

— Вы меня простите, Сергей Фомич, что я не смог обратиться к вам на прямую, но так уж сложились обстоятельства, мне пришлось обратиться через посредника. Вот его письмо к вам, — он протянул запечатанный конверт.

— Что в нем?

— Я точного содержания не знаю, но догадываюсь. И все же будет лучше, если вы сами ознакомитесь с ним.

Сергей Фомич надорвал конверт и бегло пробежал его глазами. Потом стал читать внимательней. Периодически отрывался от чтения и с любопытством поглядывал на Антона.

— Теперь мне все ясно. Вы хотите иметь кооперативную квартиру в городе. Конечно, просьбе Петра Ивановича отказать я не могу. Загвоздка в другом. Он просит включить вас в строительство дома с долевым участием, в том районе Москвы, который вы мне укажете, да еще с нужной вам жилплощадью. Это, в каких же нужно быть отношениях с ним, чтобы он обратился ко мне с такой просьбой. Или это секрет?

— Ну, что вы, это Петр Иванович, наверное, перестраховался с такой категоричной просьбой. Я просил его помочь мне вступить в кооператив. На счет наших отношений тут секрета нет. Просто иногда крепкая дружба, помноженная на неоценимые услуги, приносит свои плоды. Во и все.

— Да, зная ваш род занятия, удивляться не приходится. Ваш дипломатический ответ говорит сам за себя. Хорошо. Давайте оставим этот разговор, и перейдем непосредственно к делу. Вот, что я вам скажу. В данный момент у нас все объекты распределены. Идет завершающее строительство. Новые объекты мы будем закладывать только через пол года минимум, вот тогда я смогу вас включить в списки. Вы, конечно, хотите квартиру в центре города?

— Ну, что вы, в центре мне как раз и не нужно. Я хотел бы иметь квартиру на окраине города, и район меня совершенно не волнует. Я хочу жить подальше от городской суеты. Этаж меня тоже не интересует. Мне нужна трехкомнатная квартира. Насчет оплаты можете не волноваться. Я готов внести нужную сумму сразу на любой счет, какой вы мне укажете. Если вам понадобится, могу оплатить в полном объеме хоть сегодня.

Начальник подумал минуту, потом предложил.

— Антон Максимович, вы знаете, у меня есть один дом на стадии завершения, как вы и

хотите. Тихое место, рядом с лесным массивом. Это район называется Марьино Роща на северо-востоке Москвы.

— Меня это вполне устраивает.

— Вот и замечательно. В этом доме есть одна трехкомнатная квартира на втором этаже. Если это вас устраивает, и вы в ближайшее время внесете всю стоимость, то максимум через месяц будете справлять новоселье.

— Но ведь она, наверное, принадлежит кому-то, и за нее внесена плата. Мне не хочется, чтобы из-за меня пострадал хороший человек.

— Это вас не должно беспокоить. В каждом строящемся доме, всегда есть резервный фонд. Или скажем так, неприкосновенный запас на всякий непредвиденный случай вроде нашего с вами. А насчет этого, как вы сказали хорошего человека, можете не беспокоиться, мы заканчиваем строительство, а он еще копейки не заплатил. Можно с уверенностью сказать, что вы в данный момент оказываете мне услугу, соглашаясь оплатить за строительство всю сумму сразу.

— Хорошо, я согласен, и если для вас это не обременительно, то скажите, что мне в данный момент делать, и какие для этого нужны документы.

— Одну минуту, — он нажал кнопку селектора, — Светлана Андреевна, зайдите ко мне срочно.

В кабинет вошла женщина среднего возраста. Вежливо поздоровалась, встала у стола в ожидании.

— Светлана Андреевна, вот этого молодого человека нужно оформить как владельца 156 квартиры в доме, который мы заканчиваем в Марьиной Роще. Подготовьте срочно все документы, он внесет оплату в полном объеме на наш счет.

— Наконец-то, а то я думала, что эта сумма надолго зависнет у нас, — и повернулась к Антону. — Долго же вы шли к нам с оплатой.

— Светлана Андреевна, это не тот клиент. Это совершенно другой человек. Попрошу вас отнестись к нему с должным вниманием.

— Хорошо. Я поняла, пойдете со мной.

— Идите, идите, — замахал руками Сергей Фомич в ответ на немой взгляд Антона, — и спасибо вам за лечение. Такого просветления моя голова не испытывала давно.

— Рад был помочь вам. Спасибо вам огромное за помощь в моем вопросе. Если вам вдруг понадобится моя помощь, я всегда буду рад помочь вам. Поверьте мне, это не просто слова.

— Хорошо, я верю вам. Будем придерживаться ваших высказываний, дружба, помноженная на услугу. Теперь ступайте, вас там ждут.

Через месяц Антон получил ордер с ключами от квартиры. Теперь у него было собственное жилье, и он смог уехать из общежития. Только новоселье отпраздновать так и не пришлось.

Не обращая внимания на заключение врачебной комиссии, ему было предписано срочно готовить группу для заброски с очень секретным заданием. Для этого были отобраны самые лучшие специалисты.

Вскоре предстояла отправка, но точной даты он не знал. Тогда он дал доверенность на право распоряжаться своим банковским счетом Наташе, попросив ее к его приезду обставить квартиру мебелью, полагаясь на ее вкус.

Через двое суток, получив инструкции и цель командировки, они отбыли в Афганистан,

где были расквартированы, и приступили к обязанностям военных советников в батальонах охраны дворца Амина, в резиденции Тадж-Бек в районе Кабула.

Вскоре в окрестности Кабула прибыл мусульманский батальон спецназа и несколько групп подразделений КГБ СССР. Накануне операции Антон получил четкие инструкции для своей группы от руководителя операцией.

Началась операция 27 декабря 1979 года в 19–30 по местному времени. Через сорок пять минут после начала операции дворец Амина был полностью захвачен. Бой был очень жарким. Под прикрытием огня ШИЛОК и БМП, бойцам спецподразделений удалось ворваться в неприступный, казалось бы, дворец.

Батальоны охраны оказали жесточайшее сопротивление, но сдержать натиск наших бойцов им не удалось. В этом бою погибла практически вся охрана дворца, включая и самого Амина вместе с сыном. В бою за дворец погибло более двухсот афганских военнослужащих. С нашей стороны погибли четырнадцать бойцов. Пять человек из спецназа и девять из мусульманского батальона, в том числе и руководитель операцией, полковник Бояринов.

Многие бойцы были ранены, но еще сутки продолжали вести бой с батальонами охраны, пока их остатки не сложили оружие. Но не все поступили так, многие ушли в горы.

В этой операции хорошо зарекомендовали себя бойцы мусульманского батальона, в состав которого входили специалисты только из средней Азии, хорошо владеющие афганским языком.

Они, переодетые в афганскую форму, уничтожили связь между подразделениями и дезинформировали командование батальонов. В результате, сложил оружие зенитный полк и танковый батальон. Одновременно при штурме дворца Тадж-Бек группы спецназа КГБ при поддержке Парашютно-десантного полка, захватили генеральный штаб и узел связи.

Таким образом, они лишили связи между штабом и регулярными войсками. В это же время были захвачены все важные объекты города, в том числе и МВД Кабула.

Так закончилась операция под названием «Шторм 333» и осуществлен государственный переворот в Афганистане с помощью СССР.

Операцией по доставке нового главы Афганистана Бабрака Кармаля занимались службы КГБ. Некоторые спецгруппы в том числе и группа Антона отбыли в Москву.

Так закончилась трехнедельная командировка Антона. За эту операцию Антон был награжден орденом и представлен к очередному званию подполковник.

Новый 1980 год, был знаменателен тем, что Антон теперь жил в собственной квартире. Ему было хорошо и комфортно. Всю неделю он проводил на службе, а на выходные приезжал к себе домой.

Много времени гулял по городу или посещал театры и музеи, наверстывая упущенное.

Соседи его оказались очень милыми людьми. Антон оставил им запасной комплект ключей, и они, будучи оба на пенсии, заходили в квартиру, поливали цветы, и даже оплачивали коммунальные услуги в его отсутствие.

Антон весь год не выезжал в командировки. Это была заслуга Сомова, который настаивал и убеждал руководство, о необходимости проведения очередных обследований и последующих лечениях для поправки здоровья Антона.

Антон за это время прилично отдохнул. Ему понравилось всегда быть сытым и спать в чистой постели. Он теперь с отвращением вспоминал гнилые болота, ночевки в джунглях с различными насекомыми и паразитами. Теперь ему нравилось жить дома, в уютной

квартире с телевизором и чистой кроватью.

Но блаженство длилось недолго. К хорошему быстро привыкаешь, но оно также быстро и кончается. Так было и на этот раз.

Поступил приказ создать две группы по пять человек. Одну возглавил Антон, другую Голованов. Обе группы были срочно переброшены в Афганистан, ближе к границе с Пакистаном. Главной задачей этой операции был захват мощного фортификационного комплекса под названием Тора-Бора.

Этот комплекс находился в восьмидесяти километрах от Афгано-Пакистанской границы на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря в районе Нангархар. Сам комплекс был оборудован американскими специалистами и представлял собой практически неприступную крепость. Он был оборудован не только новейшими средствами защиты, но и всеми средствами для выживания, даже при очень длительной осаде.

В комплексе учтено было все. Там находился большой запас продовольствия, который мог обеспечить питание при длительной осаде отряд в количестве десяти тысяч бойцов. Был медицинский госпиталь с большим запасом медикаментов и персонал. Были установлены дизель-генераторы, способные обеспечить комплекс электроснабжением длительное время. Имелся большой запас новейшего стрелкового оружия. Кроме этого имелись мины различного применения, гранатометы, реактивные снаряды и даже зенитные установки.

Все это размещалось в пещерах и лабиринтах, протяженность которых достигала двадцати пяти километров, и уходило вглубь до четырехсот метров.

В пещерах было тепло и сухо. Мощные установки обеспечивали комплекс достаточным объемом кислорода в высоких горных условиях. Такой, сильно укрепленный объект, бомбить авиацией или ракетами не представлялось возможным. Это было бы пустой тратой времени и средств. Дело в том, что пещеры находились под защитой толстых слоев скальных пород и при бомбежке не получили бы серьезных повреждений. Также там была хорошо налажена противовоздушная оборона, уничтожить которую было просто невозможно.

В отвесных скалах были прорублены пещеры, соединявшиеся с основными проходами, с выходом прямо на отвесную скалу. Внутри скалы проложены рельсы. По ним моджахеды выкатывали зенитные установки и вели прицельный огонь.

В случае опасности они просто закатывали установку внутрь скалы, не неся для себя никакого ущерба.

Только по этой причине было принято решение о проведения наземной операции без применения авиации. Для этого была задействована шестьдесят шестая стрелковая бригада и одиннадцатый Афганский батальон, состоящий практически из местных пушгунских племен, которые вели непрерывные бои с талибами.

Кроме этого была группа спецназа КГБ, задачей которой было освобождение заложников, взятых талибами в ближайшей деревне. Они убили все молодое население, а оставшихся, почти двести человек, угнали в горы.

Задачей групп Антона и Василия была разведка. Тора-Бора не зря считалась неприступной крепостью. Ее окружали практически неприступные горы. Была только одна дорога, которая шла через узкое ущелье. Если воспользоваться этой дорогой, то это значит, потерять весь личный состав, не причинив врагу ни малейшего вреда.

На скалах вдоль всего ущелья располагались бойцы моджахедов, которые шквальным огнем, не пропустили бы ни одного живого человека. Для этого понадобились группы

разведчиков.

Чтобы провести весь личный состав бригады без потерь к самому комплексу, пришлось разделить ее на две группы, и двигаться в сложных условиях, по скалам вдоль ущелья.

Это было сопряжено с огромными трудностями, как с физическими, так и моральными. В таких сложных условиях закаливался характер бойца. Трудности заключались в том, что бойцам приходилось подниматься по очень крутым скалам на большую высоту. Они несли на себе боеприпасы, продовольствие, теплые вещи и даже минометы.

Спускаясь с очередной горы, они испытывали сильную жару, а вновь поднимаясь вверх им приходилось одевать теплые вещи. Наверху, на склонах гор, лежал глубокий снег. Порой сильный шквалистый ветер, поднимая клочья снега, не давал возможности двигаться вперед, заставляя хоть на несколько минут искать убежище.

Были потери в личном составе. Некоторые бойцы срывались и разбивались, падая со скал, но, не смотря на это, отряды продолжали подъем за подъемом.

Сколько пришлось преодолеть таких спусков и подъемов, Антон не помнил. В его задачу входило выявлять стоянки и засады талибов и передавать их координаты. Руководитель операции наводил на эти участки авиацию, которая точным бомбометанием уничтожала противника.

Во избежание попадания по своим, передовые группы обозначали свое присутствие белыми простынями, натягивая их на камни.

Вскоре вышли непосредственно к самой крепости. После непродолжительного боя бойцы спецназа КГБ освободили заложников, которых талибы загнали в загон для скота. Сама по себе операция по захвату крепости и по освобождению заложников не имела стратегического значения. Это Антон понял гораздо позже. Эту же самую крепость советским войскам в будущем пришлось штурмовать еще два раза. Вторым раз в 1982 году, а третий раз в 1987.

В следующих операциях Антон уже не участвовал. После захвата крепости все пещеры были тщательно исследованы. При помощи собак были выявлены все склады оружия и боеприпасов. Много оружия и различного оборудования было вывезено вертолетами, а все, что вывезти не удалось, было взорвано. Перед уходом из ущелья Антон, разговаривая с одним из офицеров бригады, заметил.

— Все-таки хорошие воины в Афгане. Вот у кого нужно учиться партизанской войне. Зря наши ввязались в эту войну. Все равно из этого ничего не получится. За все время истории, которая известна современному человечеству, афганский народ не удалось покорить еще ни одному завоевателю.

Более двух тысяч лет назад Александр Македонский пытался их завоевать, у него это не получилось. Потерпел фиаско и хромой Тимур, уже в средние века. Тоже самое ожидает и нас.

— Ты прав, я с тобой полностью согласен. Мы еще много прольем здесь крови. А пока, давай, не будем об этом, уж слишком много вокруг нежелательных ушей.

— Извини, капитан, я ничего дурного не имел в виду. Просто наболело, вот и сорвалось. Прости еще раз. Успехов тебе, а самое главное, вернись домой живым.

— Спасибо. И тебе того же.

Антон вернулся к своей группе, которая пополнилась тремя бойцами из группы Василя. Сам Василек был серьезно ранен и первым же вертолетом был вывезен в госпиталь.

Группе Василька не повезло. Непосредственно у самой крепости они неожиданно нарвались на большой, хорошо вооруженный отряд талибов. Встреча произошла так неожиданно, что бойцам группы пришлось вынужденно принять неравный бой. Им пришлось вести ожесточенный бой с хорошо вооруженным противником, находясь при этом в совершенно невыгодной позиции.

В течение часа приходилось отражать атаку за атакой, пока не подошел передовой отряд.

Увидев крупный вооруженный отряд, талибы бросили большую часть оружия и отступили в горы. Небольшой участок скалы был полностью усеян трупами и ранеными талибами. Раненые, не имея возможности уйти, пытались до последнего патрона отстреливаться от ненавистных им «шурави», так они называли между собой советских солдат.

За эту операцию все участники боевых действий были награждены орденами и медалями. Василия повысили в звании и присвоили звание Героя Советского Союза, с вручением золотой звезды и ордена Ленина.

Вернувшись домой, Антон приступил к обязанностям инструктора. Нужно было готовить новое пополнение.

Василий два месяца провел в госпитале. Первые две недели Наташа сутками дежурила у его кровати, оставив детей на попечение соседей. Состояние Василия было критическим. Доктор Сомов делал все возможное для спасения друга. Только после двух недель, в течение которых он сделал несколько операций, Василий преодолел кризис и стал постепенно поправляться.

За эти два месяца Наташа не сидела сложа руки. Она побывала во всех инстанциях, завалила письмами министерство обороны, и практически взяла за горло все руководство ГРУ, но добилась своего. Василию, как герою СССР, министерство выделило трехкомнатную квартиру в центре Загорска.

Пока Василий был в санатории Крыма, Наташа с помощью Антона организовала ремонт в квартире и переезд. Дождавшись приезда мужа, организовала праздник новоселья, собрав всех друзей и знакомых.

Когда праздник закончился и гости разошлись, Наташа уложила уставших детей спать, и закатила скандал мужу в присутствии Антона, ища в его лице поддержку.

— Хватит, мой милый, навоевался. Ты хоть понимаешь, что тебя на этот раз Док вытащил почти с того света. Следующего шанса у тебя может и не быть. Ты, что хочешь оставить меня вдовой? Так ты не забывай, у тебя растут дети, они ведь тоже останутся сиротами.

Василий, опустив голову, молчал. Он не знал, что ответить на справедливые слова жены. С одной стороны это его работа, и просто так он от нее отказаться не имеет права, с другой стороны он как мужчина обязан думать о семье.

Он прекрасно понимал, что лозунг «советская власть никого в беде не оставит» на самом деле пустой звук. Случись с ним несчастье, его семья останется без всякой поддержки. Примеров этому было много.

— Ну, а ты, что молчишь? — набросилась она на Антона. — Скажи, что-нибудь, или тоже будешь защищать своего дружка? Вам сколько раз говорил Гришка, поберегите вы себя немного. Вы ведь никого не слушаете и норовите залезть в самое пекло. Не навоевались за эти годы? Думаете, что без вас некому больше воевать? Вы посмотрите на себя. На вас

живого места нет от ранений, а ведь вы уже не мальчики. Пора вам о будущем подумать. Ну, а ты, что молчишь? — вновь набросилась она на Антона.

— Наташа, перестань. Ну, что ты, в самом деле, разошлась. Ладно, на меня кричишь, но при чем здесь Антон. К нему зачем пристаешь?

— А мне без разницы, ты это или твой Антон. Для меня вы оба родные люди, и сердце болит за вас обоих. Я уже устала по вечерам сидеть дома у окна и плакать, ожидая, когда вы вернетесь из этих чертовых командировок.

— Наташа, перестань. Что тут поделаешь, у нас работа такая.

— Плевать я хотела на вашу чертову работу. Ваша работа у меня уже поперек горла стоит. Значит так. Слушай меня внимательно. Если ты не перестанешь ездить в командировки, я развожусь с тобой и вместе с детьми уезжаю на родину. Живи сам вместе со своей работой. Ты меня знаешь. Если я чего-то захочу, я обязательно добиваюсь своего. Делай выбор, или твои командировки или семья. Можешь вообще подать в отставку. На гражданке тоже можно найти приличную работу.

— Ты, думаешь, о чем говоришь?

— Я-то, в отличие от тебя, думаю, а вот ты, не уверена.

— Ладно вам, не ссорьтесь, — прервал их перепалку Антон. — Мне кажется, что Наташа права. Пора тебе, Василек, менять курс своей военной деятельности

— И этот туда же, — проворчал Василий.

— Я вот что предлагаю. Ты, Вася, пиши рапорт на имя командующего и поступай в академию.

— Это еще зачем?

— А за тем, что это устроит и тебя и Наташу. Будешь учиться и, заметь, жалование будешь получать исправно, а пока будешь учиться, в командировки тебя посылать не будут. Окончишь академию, назначат командовать каким-нибудь подразделением. В командировки уже не ты будешь ездить, а наоборот, ты будешь посылать других.

— Васька, поразит, не вздумай отказываться. Антон правильно говорит. Закончишь академию, глядишь, и генерала дадут, а это совсем другое материальное положение. Не забывай, нам еще детей надо на ноги поставить. И не трепыхайся, — слегка отвесив ему подзатыльник, — теперь я с тебя точно не слезу. Тебе с твоим боевым опытом и со званием Героя, поступить, как плюнуть. Не забудь еще один аргумент. Ты лично знаком и в хороших отношениях с командующим. Одно его слово и ты уже в академии. Понял?

— Ладно, сдаюсь, — замахал руками Василий, — буду поступать.

— Вот и молодец, — зашебетала ласково Наташа и поцеловала его в темечко, — с этим вопросом покончено, теперь перейдем ко второму.

— Наташенька, может, хватит на сегодня, — взмолился Василий, — я больше не выдержу.

— С тебя точно хватит на сегодня, мы теперь беремся за Антона.

— А я здесь причем?

— А вот причем. Ты когда, наконец, женишься? У меня уже не помещаются в голове имена твоих невест. После каждой командировки, ты приводишь очередную невесту, а через месяц заявляешь, что она тебе не подходит. Потом идешь и ведешь другую. До каких пор это будет продолжаться? Тебе давно пора иметь семью и детей.

— Ты понимаешь, — подумав немного, серьезно ответил он, — не везет мне в этом вопросе. Попадаются они какие-то пустые, что ли. Без души. Одни встречаются ради секса,

других привлекает романтика военного, а некоторые просто любят деньги и комфорт. Такие просто пристраиваются к любому немного обеспеченному мужчине, не зависимо любят они его или нет. Я так жить не могу. Я хочу сам любить, но и чтобы меня немного любили.

— Тебе, Антон, надо не здесь искать жену, а, к примеру, у нас на родине. Бери пример со своего друга. Всю молодость барагозил на стороне, а захотел жениться, приехал домой, нашел меня, а теперь и в ус не дует. Ты только посмотри на него. Я ему уже второй десяток лет плешь проедаю, а он ничего, сидит, как видишь. Ухоженный, сытый. Посмотри, морда аж лоснится от удовольствия. Теперь его ни каким дрыном не выгонишь.

— Хорошо, Наташенька, я последую твоему примеру. Ну, а пока отдыхайте, вы устали за сегодняшний день. Да и мне пора домой.

Антон простился и вышел на улицу. На улице была чудная ночь. Воздух был свежим и чистым. После слов Наташи, а может после их милого скандалчика, Антону расхотелось идти домой.

В груди щемило сердце, ему так не хватало всего этого. Он думал, что сейчас придет домой, а в квартире нет никого. Некому его ждать и никто не обрадуется его приходу.

Он еще долго гулял по пустынным улицам города. Когда почувствовал усталость в ногах, поймал такси и уехал не домой, а в лагерь.

Уже больше двух лет Антон не выезжал из Союза. Основной его работой теперь была подготовка молодых специалистов. Такая работа ему очень нравилась. У него появилось больше свободного времени.

Он, согласовав с руководством, организовал при лагере детский спортивный клуб для детей офицеров, служивших в их подразделении. Ему нравилось заниматься с детьми. Шумные, непосредственные, они с готовностью, как губка воду, впитывали в себя, все то, чему он их учил.

Летом часто ходил с ними в непродолжительные походы, обучая их методам выживания и ориентированию на местности. Учил бережному отношению к природе и всему тому, что окружает их.

Зимой ходили на лыжах, или просто устраивал спортивное соревнование по ловле рыбы, с обязательным вручением призов всем участникам не зависимо от того, победитель он или нет.

Во всех этих мероприятиях активное участие принимали и девочки. Многие из них в рукопашном бое не уступали мальчикам. Постепенно он стал для ребят не просто учителем или тренером, он стал для них большим авторитетом.

Порой их родители ворчали, что дети часто дома повторяют: «А вот Антон Максимович говорит, что это так не делают и нужно делать так-то и так-то», что такие слова нельзя произносить в обществе, и многое другое. И даже не смотря на это, родители очень были довольны, что дети под присмотром, занимаются чем-то полезным, а не болтаются по улицам в поисках приключений.

Командиру отряда очень нравилось увлечение Антона. Имея сам двоих детей, он был доволен, что они с удовольствием посещают кружок. Порой и сам навещал их, помогая с инвентарем и тренажерами.

Видя, что Антон не против такой работы, старался избегать его посылки в командировки, мотивируя перед Антоном тем, что пока нет работы для специалиста его уровня, а с простой работой справится и молодежь. Антон был не против, ему нравилась такая жизнь, особенно занятия с детьми.

Но так продолжаться долго не могло, и его безмятежной жизни пришел конец. Его срочно откомандировали в Эфиопию заменить тяжело заболевшего военного советника. Антону предстояло провести в Эфиопии месяц или чуть больше. Руководству нужно было найти подходящую замену на эту должность.

Находясь на борту самолета с гуманитарной помощью, он почувствовал беспокойство, и понял, что эта командировка будет самой трудной для него, хоть и едет он на небольшой срок.

Почему у него появилось такое чувство, он не мог себе объяснить, как не пытался. Тогда он решил быть максимально внимательным и не рисковать как прежде в молодости.

По прибытии в Эфиопию ему не понадобилось много времени для того, чтобы войти в курс дела. Здесь все для него было знакомо. Со многими высокопоставленными чиновниками он уже был знаком лично, еще с прошлого своего посещения. Основная военная штаб квартира находилась на севере страны в городе Аксум. Все для него здесь было знакомым. Тот же город, те же улицы. Только теперь бросалась в глаза заметная нищета.

Стало гораздо меньше людей на рынках и улицах.

Во многих селах люди гибли от голода. Связано это было не только с подорванной продолжительной войной экономикой государства, но и сильной продолжительной засухой, уничтожившей все посевы и плодово-овощные насаждения. Двухгодичная засуха высушила всю растительность.

Начался массовый падеж скота, что сильно ударило по сельскому хозяйству. Была нехватка продуктов и медикаментов. В стране начался голод и эпидемии.

Это произвело на Антона удручающее впечатление. Он в очередной раз задумался, для чего и кому нужны эти нескончаемые войны, в результате которых гибнут миллионы ни в чем не повинных людей. Он не понимал, что он лично здесь делает, в этой горем истерзанной стране и как может помочь его непосредственное участие.

Заканчивалась третья неделя его пребывания в Эфиопии. Он как никогда раньше с нетерпением ждал своей замены. Ему хотелось быстрее покинуть эту страну и больше никогда не возвращаться. Но ему не суждено было в ближайшее время покинуть Эфиопию.

Случилось так, что с очередным гуманитарным рейсом прибыл представитель министерства обороны с секретными документами для военно-морского флота, базирующегося в Аденском заливе.

Антон должен был организовать вертолет и перебросить его на военный корабль, стоящий в нейтральных водах Красного моря.

Сложность этой операции заключалась не в том, что нужно было пролететь триста пятьдесят километров и десантироваться на корабль, а в том, что полет должен проходить над территорией Эритреи, находящейся под контролем военных Сомали, под руководством американских спецслужб.

Антон разозлился и высказал недовольствие таким оборотом дела.

— Интересно, каким местом у нас в штабе думают. Разве они не понимают, что вашу переброску можно осуществить только вертолетом. А вам известно, что вертолет — это лакомая добыча для авиации противника? И даже если нам повезет, и мы сумеем проскочить до точки десантирования, это не значит, что мы с пилотом сможем вернуться назад. Вы это понимаете?

— Извините, Антон Максимович, но это приказ министерства, и отменить я его не могу, даже если бы захотел.

— Значит, обрекаете нас на смерть?

— Но ведь тоже самое грозит и мне, судя по вашим словам. Что делать, мы люди военные и приказы надо выполнять.

— Хорошо выполнять приказ, зная, что он разумен, а этот приказ я считаю глупым и убийственным.

— Не надо нервничать, Антон Максимович. Хорошо, что нас никто не слышит, а то глядишь, к вечеру все министерство узнало бы. Вот тогда для нас точно было бы проще погибнуть, чем вернуться на родину.

— Хорошо, давайте действительно закончим этот разговор. Все равно он ни к чему хорошему не приведет. Я просто разозлился и спустил пар. Мы действительно сейчас ничего изменить не сможем. Никому ничего не докажем о безрассудности и глупости такого приказа.

— Вот и хорошо. Когда вылетаем?

— Утром рано, перед самым рассветом. Хотелось бы пораньше проскочить ПВО

сомалийцев. В предрассветный час они, мне кажется, не будут ждать от нас такой дерзости. Сейчас выезжаем на машине в Адуа. Там переночуем, а с рассветом вылетаем.

На рассвете следующего дня они погрузились в вертолет, но он как будто предчувствовал беду. Его двигатель никак не хотел запускаться. Пришлось на полчаса задержаться, пока механики колдовали над двигателем.

Вскоре все получилось, пилот на максимально низкой высоте взял курс на Красное море. Пилот, летя на низкой высоте, надеялся, что, используя местный ландшафт и низкую высоту, ему удастся пройти незамеченным ПВО противника, и они не смогут их запеленговать.

Антон согласился с его доводом, и предложил всем крепче пристегнуться ремнями на случай вынужденной посадки. Так и поступили.

При подлете к границе пилот снизился до максимально допустимой высоты. Антон, сверяясь по карте, отмечал пройденный маршрут. Они удалились километров на восемьдесят от границы, когда рядом разорвалась граната, выпущенная из гранатомета. От взрыва пострадала одна лопасть несущего винта. От дисбаланса вертолет стало трясти, медленно теряя высоту.

В это время закончились горы и начались джунгли. Машина продолжала лететь, местами задевая высокие деревья.

Вскоре двигатель не выдержал такой нагрузки и заглох. Машина камнем упала вниз прямо на верхушку огромного дерева. От первого удара машину развернуло, и она стала медленно падать носом вниз, ломая ветки.

Антон при первом ударе больно ударился левым плечом. В голове промелькнула мысль, что сломал ключицу. Вскоре падение замедлилось, и вертолет повис почти у самой земли между двух огромных веток.

Наступила тишина. Антон прислушался. В округе не слышно было посторонних звуков, кроме шума леса. Он осмотрелся. Пилот был мертв. Его как топором изрубило сучками веток. Представитель министерства тихо стонал, повисший на ремнях безопасности.

Антон, преодолевая боль в плече, сумел отстегнуть свои ремни и стать на перегородку, разделяющую кабину пилота и основной салон. Осторожно подобравшись к раненому, увидел, что его грудь проткнута толстым сучком.

Опытный в таких делах, он видел, что раненый жив благодаря тому, что застрявший сук перекрывает обильное кровотечение. Жить ему оставалось не более десяти минут. Антон ощупал свое плечо. Боль была сильной, но перелома он не обнаружил.

— Хорошо, — бормотал он, — вывих сейчас вправим.

Он с силой ударился об перегородку и вскрикнул от боли. Потом почувствовал, что боль постепенно стала стихать. От его крика раненый открыл глаза.

— Антон Максимович, возьмите в кармане ключ от наручников. Теперь этот чемоданчик я поручаю вам, постарайтесь вернуться назад. На корабль, я полагаю, вы все равно уже не попадете.

— Ну что вы говорите, я постараюсь вас вытащить.

— Спасибо за поддержку, но не стоит говорить чепухи. Я прекрасно понимаю, что мне остаются считанные минуты. Вы постарайтесь вернуть документы, но если вам это не удастся, то код на уничтожение 8044. Наберете, и все внутри сгорит, — ему уже трудно довались слова. Помолчав немного, он добавил, — прощайте Антон Максимович, простите меня, и постарайтесь остаться живым.

Раненый замолчал, уронив голову на грудь. Антон проверил, пульса не было. Он сосредоточился. Нужно было продумать план дальнейших действий. Ему нужно было взять все необходимое для выживания. Он аккуратно, стараясь не раскачивать и без того неустойчиво висящую машину, отстегнул наручники и засунул чемоданчик в свой рюкзак. Туда же положил аптечку и комплект боеприпасов.

В рюкзаке находились продукты из НЗ, и термос со свежим кофе, который он налил перед самым вылетом.

Ощупал себя. Пистолет был в кобуре, а запасные обоймы в подсумке, на поясе фляга с водой и в особых отделах формы лежали четыре гранаты. Прихватив автомат, он аккуратно, отодвинув мертвого пилота, выбрался наружу через разбитое лобовое стекло.

Машина покачивалась на толстых ветвях, готовая в любую минуту сорваться вниз. Рискуя быть погребенным под обломками вертолета, Антон перебрался на другую сторону дерева. При помощи лианы, оправдывая свою кличку Тарзан, он перебрался на другое дерево, и только потом по лианам спустился на землю.

Стараясь не оставлять следов, он, как лесная рысь, двинулся в обратном направлении. Идти было трудно — мешали заросли и буреломы. Ему нужно было идти так, чтобы меньше оставлять следов. Он понимал, что противник не мог не заметить, что вертолет поврежден, и обязательно вышлет поисковую группу обследовать место аварийной посадки в надежде захватить живыми пилотов. Такую лакомую конфетку они просто не могли упустить.

Антон, пробираясь через джунгли, делал мысленный подсчет времени. Он рассчитал, что поврежденная машина не могла пролететь больше трех километров. Получалось, что преследователям понадобится около двух часов на поиски вертолета, плюс минут двадцать на обследование самой машины. Получается что форы у него не более трех часов.

Вскоре его мысли прервал мощный взрыв. Антон понял, его шансы увеличиваются. Теперь у него была одна надежда, но очень слабая в том, что у противника не окажется хорошего следопыта. Он старался, как можно меньше оставлять следов, но как ни старайся, опытный следопыт все равно сможет их отыскать.

Антон, как мог, скрывал свои следы. Он шел крадущейся походкой, стараясь не ломать веток и не сбивать ногами прогнившую листву. Это сильно замедляло его передвижение. Ему приходилось часто останавливаться и как дикому зверю прислушиваться ко всем звукам лесного массива.

Ему приходилось опасаться не только преследования, но и диких зверей, который также представляли собой большую опасность для человека, старающегося пройти лес без шума.

Так Антон двигался около часа. Посчитав, что удалился на достаточное расстояние, он достал свой нож. Используя его как мачете, стал им прорубать заросли. Это помогло, и он заметно продвинулся дальше.

Вскоре вышел к деревушке, одиноко стоящей у кромки леса. Стараясь не привлекать к себе внимания, обошел ее с левой стороны. Под прикрытием кустарника и небольшой возвышенности перешел в брод неглубокую речушку. За ней начинались горы.

В горах Антон чувствовал себя в большей безопасности, чем в лесу. Одежда его была мокрой до самых плеч. Нужно было срочно просушить ее, так как солнце уже висело над вершинами гор. Ночь в горах наступает очень быстро, и резкие перепады температуры не очень приятно переносить в мокрой одежде.

Найдя небольшую расщелину, Антон разделся и разложил мокрую одежду на горячие камни. Сам в это время собрал сухую траву и приготовил ночлег. Потом, достав скудный

поек, перекусил немного, а остатки собрал и аккуратно сложил в рюкзак.

По его подсчетам понадобится максимум двое суток, с учетом всех задержек, чтобы перейти границу. Еды с натяжкой вполне должно хватить.

Начали сгущаться сумерки. Все это время Антон наблюдал за окрестностями. Преследования не заметил. Он вздохнул с облегчением, понимая, что не зря старался и прятал следы. Ночь должна пройти спокойно — думал он, одеваясь в сухую одежду, а через десять минут уже крепко спал, полагаясь на свое шестое чувство, которое в случае опасности даст о себе знать.

Ночь прошла спокойно. Его чуткий слух улавливал множество ночных звуков. Он слышал рев одинокого льва, крики гиен и ночное беспокойство антилоп, потревоженных хищниками.

На рассвете он не стал завтракать, выпив немного воды, стал подниматься в горы. Используя козьи тропы, поднялся до середины горы. Солнце прогрело воздух. Стало гораздо теплее. Антон нашел удобное место для небольшого привала. Нужно было осмотреться и свериться с картой.

Внизу уже рассеялся туман, и он хорошо мог рассмотреть виднеющийся в нескольких километрах от него небольшой городок под названием Барочит. Сверившись с картой, вычислил расстояние до границы с Эфиопией. По прямой линии было километров около сорока. Если помножить на спуски и подъемы, то выходило в три раза дальше. Это его слегка огорчило, но выбора не было, нужно было идти дальше.

Забравшись на вершину, стал спускаться вниз и только тогда заметил идущий по долине вооруженный отряд.

Антон, спрятавшись за большим камнем, стал наблюдать за ним. Сомнений не было, это поисковая группа и идет она на его поиски. Видимо, все-таки они нашли его следы и теперь пытаются опередить его и сделать засаду.

Они шли по накатанной дорожке, внимательно осматривая окрестности гор. Антон продолжал следить за отрядом. Вскоре вычислил, что пятеро из отряда — это спецназ Сомали, а вот шестой, скорее всего американский инструктор. Он был одет в такую же форму, но отличался походкой, ростом и тем, что командовал отрядом.

Наблюдая за отрядом, Антон уже знал наверняка, что в отряде есть хороший следопыт, это он смог отыскать его следы у вертолета. Они прекрасно знают, что он один и идет через горы. Антон хорошо знал тактику сомалийцев. Они обязательно пошли бы следом через горы, чтобы не терять следов. И в любом случае догнали бы, но здесь вмешалась лень и самоуверенная спесь американского инструктора. Ему лень было идти по горам, и он решил устроить на пути следования засаду.

Антон решил воспользоваться такой ситуацией и следовать за отрядом на приличном расстоянии. Подождав немного, стал спускаться вниз.

Когда до подножия горы оставалось не более трехсот метров, Антон, зайдя за очередной выступ скалы, нос к носу столкнулся с молодым парнем лет семнадцати. Парень, видимо, охотился на диких коз, так как на его плече висел старенький дробовик. Он от неожиданности остановился, потом медленно потянулся рукой к дробовику. Антон приложил указательный палец к губам и похлопал по автомату, висевшему у него на шее.

Мальчишка оказался смышленным, видимо, понял, что с таким огромным солдатом ему не справиться, и кивнул головой в знак согласия.

— Ты кто такой? — спросил Антон на арабском. — Что делаешь один в горах?

Парень стал делать знаки, давая понять, что не понимает его. Тогда Антон задал тот же вопрос, но на диалекте, которым пользовалось большая часть населения как в Сомали, так и в Эфиопии. Парень продолжал выпячивать глаза и делать непонятные движения руками.

— Послушай, сынок, — уже сердитым голосом сказал Антон, — прекрати передо мной кривляться. Я знаю, что ты меня понимаешь. Не надо изображать из себя глухонемого. Я не собираюсь тебя убивать или грабить. Ты местный и наверняка знаешь все тропы в округе. Укажи мне, по какой я скорее дойду до границы с Эфиопией. Это все, что мне от тебя нужно.

— Граница находится в той стороне, — показал мальчишка в сторону границы, — идти лучше всего по правой стороне ущелья. Там за скалой через пару километров ты найдешь козью тропу. По ней ты поднимешься наверх горы, а дальше я не знаю. Отец мне не разрешает заходить далеко.

— Значит, где-то рядом твоя деревня?

— Нет. Мы живем отдельно от людей. Мы своей семьей пасем скот в горах.

— Семья большая?

— Нет, не большая. Только мать, отец, бабушка, младший брат и три сестры. Ты, правда, меня не убьешь?

— Зачем мне тебя убивать? Я с мирными людьми не воюю. Ты мне не сделал ничего дурного, так зачем мне тебя убивать, сам подумай.

— Хорошо, я тебе верю.

— Зато я тебе не верю, — уже по-русски сказал Антон и, отвернувшись, стал спускаться в низ.

Антон не собирался идти маршрутом, который ему указал мальчишка. Он был уверен на сто процентов, что путь, указанный мальчишкой окажется ложным. Просто мальчик отправил его подальше от дома.

Мальчишка постоял еще с минуту, потом юркнул за скалу и растворился, как в воздухе. Антон спустился в ущелье и, прячась за крупными камнями и редким кустарником, шел своим маршрутом на запад.

Идти было очень трудно, но выходить на дорогу он не решался. Дорога петляла по узкому ущелью, огибая крупные каменистые образования. Идти по такой дороге было очень рискованно. Противник в любой момент мог его заметить первым. Вступать в открытый бой в одиночку опасно. Для такого боя силы были неравны. Да и лишний шум ему поднимать не хотелось. Противнику могут прислать большое подкрепление, тогда ему точно не дойти до границы. Но если по-тихому, не обозначая себя, то возможность есть добраться живым.

Вскоре он заметил, что отряд преследователей возвращается, но теперь на лошадях. Он вовремя затаился за камнями. Принял решение наблюдать за противником.

Отряд подъехал к скале, которую указал мальчик. Все спешили. Два бойца из отряда стали подниматься наверх по извилистой тропе. Остальные внимательно осматривали в бинокли окрестности гор.

Антону пришлось залечь и, набравшись терпения, наблюдать, что будет происходить дальше. Выглянув в очередной раз из-под камня, увидел, что разведчики спустилась вниз, и разговаривают о чем-то, жестикулируя руками.

Решив какие-то свои вопросы, отряд сел на лошадей и поскакал в обратном направлении. По тому, как они настегивали лошадей, было видно, что отряд сильно торопится.

Посмотрев на солнце, Антон понял, почему так торопился отряд. Через несколько минут должны наступить сумерки. По-видимому, в отряде не хотели провести ночь под открытым небом, и поспешили туда, где взяли лошадей.

Теперь Антон был уверен, что именно мальчишка навел отряд на него. Нужно было искать место для ночлега. Антон так же не хотел идти ночью. Ходить по ночам в горах, это равносильно самоубийству.

Он осмотрелся вокруг и заметил на небольшой высоте хороший уступ. Ему повезло. На уступе обнаружил маленький грот, в который едва мог вместиться, но зато в нем оказалось хороший запас сухой травы. Теперь ему не придется ночевать на холодной скале.

Понимая, что его поиски не возобновятся до рассвета, он съел кусок шоколада, запив его водой, и спокойно уснул, утомленный лазаньем по скалам. Проснувшись перед рассветом, он съел остатки хлеба и, запив его водой, спустился вниз. Прячась за камнями и спотыкаясь в сумерках раннего утра, торопился, как можно больше пройти, пока его преследователи еще спят.

Вскоре солнце разогнало остатки ночной прохлады. Камни и почва раскалились, и теперь в ущелье стояла нестерпимая жара. Январь и февраль в этих местах считаются самыми жаркими и засушливыми.

Стараясь не замечать жаркого зноя, он продолжал двигаться как можно быстрее. За очередным поворотом показалась хижина, одиноко стоявшая под наклонным выступом скалы. Построенная из тонких жердей и обложенная высохшим камышом, она полностью сливалась со скальным ландшафтом. Рядом с хижинкой были грубо сколоченные загоны для скота.

Антон насторожился, что в загонах не было животных и, не смотря на позднее утро, рядом с хижинкой не бегали дети, и невидно было взрослых. Вокруг все звенело тишиной. Внутри Антона было ощущение чужой беды.

Стараясь сливаться со скалами, он подошел к самой хижинке. Вдруг услышал тихий детский плач. Заглянув за хижину, увидел мальчика лет двенадцати, который сидел рядом с кучей мертвых тел и скулил как израненный волчонок перед неминуемой гибелью.

Антон поразила жестокость, с которой были убиты люди. У пожилого мужчины и старушки были отрезаны головы. Женщина и три девушки были изнасилованы, а потом им вспороли животы. Мальчишку, с которым он встречался в горах, видимо пытали. Он был связан. Отсутствовали фаланги пальцев и у отрезанной головы были выколоты глаза.

Антону приходилось видеть много смертей, он мог оправдать убийство на войне, но он никак не мог смириться с жестокостью по отношению к мирным жителям.

Антон подошел ближе. Мальчик не реагировал на его присутствие. Находясь в шоковом состоянии, он не видел никого вокруг. Он теперь оставался один на один со страшной реальностью на этой дикой, суровой земле.

В голове Антона промелькнула мысль, что у его брата были дурные мысли по отношению к нему. Он тогда в горах, посылал его в совсем другую сторону, а сам, кратчайшим путем пришел домой и предупредил отряд боевиков. Те в свою очередь проверили тропу и, не найдя никаких следов, в ярости убили всю семью. Все эти мысли пролетели в его голове, как одно мгновение.

Присев рядом с мальчишкой на корточки, тихонько спросил.

— Мальчик, кто это сделал?

От звука чужого голоса, ребенок как бы очнулся от забытья и повернул голову. Увидев

чужого человека, он в страхе затрясся весь. Но в его взгляде, Антон прочел не только страх, но и гнев, перемешанный с готовностью напасть на убийц и яростно защищать свою жизнь, и мстить за убитых родных. Он уже готов был набросится на незнакомца, но Антон остановил его.

— Успокойся, малыш, я не сделал тебе ничего дурного. Меня не надо бояться, я не обижу тебя. Я вчера в горах встречался с твоим братом и ничем его не обидел. Не хочу обижать и тебя. Ты меня понимаешь?

Мальчик постепенно стал приходить в себя. Видимо, в голове его наступило прояснение, он вспомнил, как брат рассказывал о незнакомце встреченным в горах. И тот незнакомец не обидел брата, а эти, которых все считали защитниками, убили всю его семью.

— Это сделали те люди, которые приходили к вам вчера?

— Да, это они, — сквозь слезы стал объяснять малыш, — один из них белый, а остальные Сомали. Когда они пришли к нам, отец рассказал, что мой брат видел чужого человека и послал его по плохой тропе. Отец подробно рассказал, как найти эту тропу. Они взяли наших лошадей и уехали. Вечером они вернулись и убили всю мою семью.

— А ты как остался жив?

— Когда они вошли в хижину, там были только женщины и я. Мы сильно испугались. Бабушка, раздвинув камыш, вытолкнула меня наружу и сказала, чтобы я прятался в горах и до утра домой не приходил. Я убежал и всю ночь прятался в маленькой пещере наверху скалы. Утром я увидел, что солдаты уехали на наших лошадях. Я спустился вниз, а здесь все убитые лежат.

Мальчик вновь зарыдал. Антон обнял его за хрупкие плечи, прижимая к себе. У него внутри бушевала ярость. Он готов был идти на поиски убийц, но его остановило присутствие мальчика. Его сейчас нельзя оставлять одного с кучей покойников.

Антон отвел ребенка на другую сторону хижины и усадил на циновку у очага.

— Скажи, малыш, у тебя есть родственники, которые смогут тебя приютить.

— Здесь недалеко живет старший брат моего отца, это мой дядя, я боюсь, что эти убийцы придут и к нему.

— Давай поступим так. Ты сейчас пойдешь и приготовишь свои вещи и немного еды на дорогу. Я постараюсь похоронить твоих родных, чтобы падальщики не растащили. Потом ты покажешь дорогу, я провожу тебя к твоим родственникам. Хорошо?

Мальчик, все еще продолжая всхлипывать, пошел собираться в дорогу. Антон нашел лопату и пошел копать могилу. Земля оказалась песчаной, она постоянно осыпалась, ему стоило больших трудов выкопать подходящую яму. Сложив в нее покойников, он прикрыл их циновками, потом засыпал песком и положил на место могилы лопату, чтобы отметить место захоронения.

За это время мальчик немного успокоился и даже развел огонь и подогрел оставшуюся пищу, которую не успели уничтожить непрошенные гости.

Похоронив усопших, они, проголодавшись, плотно поели. Остатки еды Антон положил в рюкзак. На этот раз Антону было легче идти по незнакомой местности. Несмотря на юный возраст, мальчик, хорошо ориентировался в горах и знал, по-видимому, все тропинки.

Следуя друг за другом, они пересекли ущелье и поднялись на вершину горы. На вершине оказалось небольшое плато. В тенистых местах лежал снег. Пронизывающий холодный ветер заставлял их идти быстрее. Закутанный в плащ-палатку, мальчишка уже еле переставлял ноги от усталости и холода.

— Ты устал. Может, передохнем за большими камнями?

— Слишком холодно. Нужно спуститься ниже. Внизу есть удобная пещера. Там тепло и можно отдохнуть.

Мальчик показал направление. Антон взял его на руки и осторожно стал спускаться. Спустившись метров на сто, он действительно почувствовал, что ветер прекратился. Стало гораздо теплее. За поворотом одной из скал оказался приличный грот. Зайдя внутрь, он увидел, что грот не очень большой, но зато в центре из камней был сложен очаг. В углу лежала куча хвороста и большая циновка из камыша.

— Здесь можно жить.

— Это убежище для охотников на случай опасности или непогоды.

— Ну, что же, давай отдыхать.

— Нужно разжечь костер и вскипятить чай. В углу под циновкой есть все необходимое, а вода есть у нас.

— Может, не будем разводить костер. Мы привлечем внимание наших врагов. Они могут подойти на близкое расстояние и забросать нас гранатами.

— Нет, что вы. Бесшумно к нам подойти не возможно. Вы видели, какая здесь сыпучая почва. Как не старайся, все равно, будут сыпаться из-под ног камни. Это наверху их звук поглощает ветер, а здесь, в пещере, очень хорошо все слышно. Когда услышим опасность, мы можем пролезть через запасной ход в соседнюю пещеру. Вы его не видите, но там, в темноте, за циновкой есть узкий проход. Взрослый человек тоже может пролезть. Я туда не ходил, боялся заблудиться, но мой брат бывал неоднократно. Он говорил, что там много ходов и можно по ним даже спуститься почти к самому подножью горы, обратно в ущелье. А костер можно разводить, его все равно снаружи увидеть невозможно. Ладно, чего зря болтать, — серьезным тоном в роли старшего сказал мальчишка, — разводите огонь, а я приготовлю посуду. Все равно нам ночевать придется здесь.

— Почему здесь? До темноты у нас есть как минимум три часа.

— Этого не хватит, чтобы спуститься. А в темноте спускаться опасно. Остаться ночевать на склоне тоже небезопасно. Часто случаются обвалы. Почва на этом склоне слишком неустойчива. Придется дожидаться утра и только тогда начинать спуск.

Антон был удивлен рассудительностью мальчишки. А удивляться было нечему. В этих суровых условиях жизни, при непрекращающихся войнах, дети гораздо раньше взрослеют, чем их сверстники, растущие в более благоприятных условиях.

Они приготовили душистый чай, поели, потом, укрывшись плащ-палаткой, уснули. Утром, допив остатки еще теплого чая с уже успевшей подсохнуть лепешкой, начали спускаться вниз. Они были уже у самого подножия горы, когда заметили вооруженный отряд из одиннадцати человек, который двигался через долину в их сторону.

— Али, — сказал мальчику Антон, — видишь вон ту группу людей? Давай спрячемся за камнями и понаблюдаем за ними.

Отряд приближался. Али дернул за рукав Антона.

— Я знаю их. Это мой дядя и его сыновья. Вон тот маленький, который едет последним, это мой двоюродный брат Махмуд. Я сейчас их позову, — обрадовался Али.

— Постой — Антон силой усадил его за камень — Али, это хорошо, что ты узнал дядю и братьев, а остальных ты узнаешь?

— Нет, я их не знаю.

— Зато я их узнал. Это те люди, которые убили твоих родных и хотят убить меня.

— Дядя трус и предатель. Я доберусь до него, и тоже убью всю его семью, — в сердцах, со слезами на глазах, грозно сказал мальчик. — Дядя, дай мне свой автомат. Я пойду навстречу и убью их всех.

— Не горячись, Али. Твой дядя наверняка не знает, что именно они убили твою семью. Они обманули твоего дядю. Мне кажется, что если бы твой дядя узнал, что именно они убийцы, то обязательно отомстил бы им за убийство. Пойми, эти подонки очень опытные солдаты и твоим родственникам не справится с ними.

— Но что делать? Они ведь потом убьют дядю и всю его семью.

— Скорее всего, они так и сделают, а мы должны перехитрить их. Давай поступим так. Ты постарайся незаметно спуститься вниз и спрятаться вон за тем камнем. Когда бандиты проедут мимо тебя, привлеки внимание своего брата. Все равно они на него внимание не обращают. Не высовывайся, а постарайся в двух словах объяснить брату, что собой представляют эти бандиты. Пусть он незаметно предупредит своего отца. Я постараюсь отвлечь бандитов. Твой дядя не должен вмешиваться в бой. Пусть сразу уезжает дамой, иначе бандиты убьют их. Ты меня хорошо понял?

— Да, хорошо, и сделаю так, как ты сказал.

Они разделились. Мальчик спустился вниз. Антон, прячась за камнями, уходил вдоль ущелья, стараясь сохранять дистанцию, отделяющую от вооруженного отряда.

Двигаясь вперед, он не забывал отслеживать ситуацию у себя за спиной. Вскоре заметил, что последний всадник плотно прижался к скале и остановился. Он спешил и стал поправлять седло, съехавшее на бок, но оно вскоре упало на землю. Он закричал вслед удаляющемуся отряду. От группы отделился всадник.

Подъехав к нему, он поправил седло и вскочив на лошадь помчался догонять остальных, а второй так и остался стоять на месте, держа лошадь под уздцы.

Всадник догнал отряд. Антон уже хорошо видел приближающийся отряд. Расстояние до него было не более восьмидесяти метров. Он видел, как сунниты что-то обсуждают между собой.

Антон посчитал, что уже пришла пора ему вмешаться. Прицелившись, выстрелил. От выстрела первая лошадь дернулась, и мертвый всадник завалился вместе с лошадью на бок.

Не давая возможности опомниться противнику, он выстрелил второй раз, и, не глядя на жертву, переменил позицию на несколько метров влево.

Бандиты спешили и открыли беспорядочную стрельбу по тому месту, где минуту назад находился Антон. Он выглянул из-за камня и сделал еще один прицельный выстрел.

Звук его выстрела слился с винтовочным залпом, который прогремел позади сомалийцев. Еще четверо всадников лежало на земле. От выстрелов неуправляемые лошади металась по долине.

Антон внимательно посмотрел на лежащих врагов и заметил, что американец, перевернувшись, целится в сторону суннитов. Выстрелить он не успел. Пуля, выпущенная Антоном, пробилась ему голову.

Наступила тишина, только слышно было, как волнуются лошади, перебирая ногами, стуча подковами по дорожной щебенке. Антон покинул свое убежище и спустился вниз.

Вооруженный отряд суннитов ждал его внизу, настороженно следя за ним. Пока спускался Антон, к ним подъехал Али, сидя на лошади позади своего брата.

Подойдя к ним, Антон поприветствовал их и, повесив автомат на плечо, молча посмотрел в глаза пожилому человеку, понимая, что перед ним старейший из рода. Молодые

парни уже успели собрать оружие и теперь стояли за спиной у Антона с оружием наизготовку.

— Ты, уважаемый, скажи своим сыновьям, пусть не стоят у меня за спиной. Я не люблю этого.

— Ты русский? С сильным акцентом старик спросил Антона на русском языке.

— Да, я русский, — не стал скрывать этого Антон, — и, тем не менее, я прошу тебя. Скажи своим сыновьям пусть не целятся мне в спину. Пусть уйдут и не стоят у меня за спиной. Если ты знаешь и понимаешь мой язык, значит, ты знаешь, какие мы порой бываем упертые. Если я сказал, что им надо уйти, значит надо уйти. Третий раз повторять не стану, просто уберу их сам. Можешь мне поверить, я смогу это сделать.

Суннит весело рассмеялся и махнул рукой, подавая знак, чтобы сыновья встали рядом с ним.

— Теперь давай присядем. Ты должен мне рассказать, что случилось, и почему погибла семья моего брата.

Они присели на камень. Антон в подробностях рассказал ему все, о чем знал и что видел.

— И еще одно. Я, как мог, похоронил за хижинкой погибших. Не хотелось, чтобы шакалы растащили покойников. Ты когда будешь там, похорони их по своим обычаям. Али тебе покажет место захоронения.

— Да, ошиблись мы с братом. Он за эту ошибку заплатил высокую цену. Теперь продолжателем его рода будет этот мальчик, и я сделаю все возможное, чтобы сохранить ему жизнь. Слава Аллаху, что моя семья осталась в живых. Это будет мне наукой. И все же в их смерти виноват ты.

— Объясни, уважаемый, почему именно я?

— Это тебя они искали. Ты наш враг. Поэтому и погибла семья брата.

— По твоим словам можно судить, что они летели на гражданском вертолете, а я их сбил. Потом три дня гонялся за ними по горам, как за дикими зверями. Это я, потеряв следы, пришел в дом твоего брата и как баранов перерезал их ножом, а перед этим надругался над женщинами. Это они, а не я несли твоего племянника через горы. Нет, уважаемый. Это я не дал возможности твоему племяннику обнаружить себя. Это благодаря мне ты узнал правду о гибели брата. И теперь ты, благодаря мне оставшись в живых, обвиняешь во всем меня. А вот их, — указал он на лежащих бандитов, — ты считаешь воплощением добра ниспосланных господом богом.

— Прости меня русский. Это я от горя ляпнул, не подумавши. Ты уж извини меня и не обижайся. Это просто старческая обида. Вы слишком много помогаете Эфиопии, а они наши враги.

— Да не враги вы друг другу. Просто кому-то выгодно делать вас врагами. А насчет помощи скажу. СССР много помогал и вам в Сомали. Я лично участвовал в подготовке ваших военных. Поверь мне, я никогда не учил их воевать с мирным населением. Это, скорее всего, ваше местное воспитание, и не надо винить меня в этом.

— Извини меня еще раз и давай не будем к этому возвращаться.

Старику самому не нравился этот разговор. Он некоторое время назад работал на строительстве порта в столице. Был знаком с некоторыми военными и гражданскими из России, которые помогали в восстановлении порта и других значимых объектов. Он учил их язык и прекрасно знал, насколько это добрый и отзывчивый народ. Старику было просто

стыдно за весь африканский народ, погрязший в междоусобицах и нищете. Поддавшись эмоциям, он наговорил лишнего, в общем-то, хорошему человеку, который, рискуя жизнью, спас его племянника, а теперь и его семью.

— Что сейчас будешь делать? Куда пойдешь? Может, погостишь у меня в доме?

— Нет, уважаемый, не могу. Мне нужно срочно добраться до границы. Там сяду на самолет, и прощай, Африка. И как мне кажется навсегда. Я слишком много лет прожил здесь. Я скучаю по родине. Вот вернусь на родину и подам в отставку. Не хочу больше быть военным. Хочется просто жить нормальным гражданским человеком.

— Ты взрослый человек и вправе распоряжаться своей жизнью. Мои советы тебе не нужны. От себя хочу предложить тебе взять немного продуктов в дорогу. Путь тебе предстоит не ближний, хоть и кажется, что недалеко.

— Вот за это спасибо, и прости, что я тут наговорил лишнего.

— Не извиняйся, мы оба погорячились, что непростительно в первую очередь мне, как старшему.

— Вот еще что. Вы постарайтесь избавиться от трупов. Их в скором времени начнут искать. Вы можете пострадать, если их обнаружат.

— По этому поводу не беспокойся, сыновья сделают все как надо. Их никто не найдет, даже следов не останется.

— Хорошо. Теперь укажи мне безопасную тропу в сторону границы. Не хочу терять больше времени.

Выслушав наставления старика, он, простившись, ушел. Вскоре отыскал тропинку, указанную стариком, которая вела через распадок между двух горных массивов.

Ему повезло. Не поднимаясь высоко в горы, он по узкому ущелью прошел на другую сторону хребта. Выйдя из-за поворота, увидел перед собой длинную, пустынную саванну, покрытую мелкой сухой растительностью.

По всей долине рос невысокий кустарник, но спрятаться за ним было невозможно. Слишком сухой и редкий. Осмотревшись, он обратил внимание, что сама долина неширокая, всего километра четыре, не больше.

Его смущала узкая речушка, протекавшая недалеко от высоких деревьев, редко стоящих почти у самых гор на противоположной стороне долины. Антон отметил про себя, что вдоль берегов речки зеленая растительность, значит, здесь бывают антилопы во время водооя. Если бывают антилопы, значит, могут быть и дикие звери.

Одинокого льва он не боялся, но с целым прайдом не сможет справиться, даже при помощи автомата.

Наметив себе маршрут, решил, не дожидаясь ночи, пока светло, перейти на другую сторону долины. Он рисковал быть замеченным противником, но другого варианта у него не было. Ночью одинокий человек мог стать легкой добычей для льва.

Он прошел половину расстояния, когда услышал в густом кустарнике тихое львиное ворчание. Антону резко пришлось изменить направление и как можно дальше обойти львиный прайд с подветренной стороны, чтобы избежать встречи с дикими кошками.

Он понимал, что на большом расстоянии в дневное время львы, как правило, не охотятся. Но чем черт не шутит, увидев легкую добычу, самый проголодавшийся зверь может не выдержать.

С этого момента начались для Антона неприятности. Он потерял много времени пока обходил стороной львиное семейство и переправлялся в брод через речку.

Он не успел дойти до ближайшего дерева, как заметил в небе вертолет. Опытный взгляд его сразу узнал французский вертолет, принадлежащий НАТО, со стрелками на борту. Это не сулило для него ничего хорошего. До ближайшего дерева оставалось метров сто. Антон, не жалея сил, бросился к спасительному дереву, чтобы скрыться за толстым стволом.

Послышалась пулеметная очередь. Он отпрыгнул в сторону и, петляя, продолжал бежать, забыв о нестерпимой жаре. Вертолет пошел на второй круг. Он уже успел скрыться за стволом дерева, когда пули от очередной очереди ударили по стволу дерева. Не прекращая стрельбы, вертолет стал кружить вокруг дерева. Антон, прикрываясь стволом дерева, зарядил автомат и приготовился к стрельбе. Он решил не перебегать от дерева к дереву, хотя и таким способом можно было пробиваться к спасительным скалам. Но он слишком устал, а по такой жаре можно было получить солнечный удар, и тогда он станет легкой добычей для натовцев.

Вскоре вертолет пошел на снижение, готовясь сесть на ровную площадку и высадить десант. Стрелкам видимо надоело играть в кошки-мышки. Они решили, если их жертва не стреляет, значит, у нее нет оружия или кончились боеприпасы.

Антон не стал дожидаться полного приземления, понимая, что с десантом на земле ему буде трудно справиться. Первым выстрелом он поразил стрелка, вторым был его напарник. Следующей длинной очередью, прошелся по вертолету, начиная с хвоста и кончая кабиной пилотов.

Машину резко развернуло, и она медленно стала набирать высоту. Стрелок больше не стрелял. От самого вертолета пошла струя легкого пара и в воздухе запахло керосином. Теперь он не опасался нападения с воздуха, машина с пробитым баком или трубопроводом долго в воздухе не протянет.

Сбросив с себя лишний груз, забрался на дерево и оглядел округу. Вдалеке виднелись клубы пыли. Догадаться было не трудно, на пыль поднятую стадом антилоп это не похоже, значит, это погоня на лошадях, вызванная пилотом по рации.

Антон, не мешкая, спустился вниз. Подхватив свои вещи, бегом побежал к горам. В два прыжка преодолел встретившийся у него на пути ручей, увидел тропу, ведущую наверх, поспешил по ней в горы.

Уйти далеко не получалось. Сказывалась усталость и высокогорье. Он все чаще останавливался, чтобы отдохнуть. Остановившись в очередной раз, выпил почти половину своего запаса воды. Отдышавшись, решил дать преследователям бой. Устроившись за скалой, он наблюдал, как преследователи, толкая друг друга, поднимаются вслед за ним. Антон насчитал пятнадцать человек.

В горах на одного это не много, но и не мало. Все зависит от позиции и от обстановки. Солдаты, родившиеся в горах, легко преодолевали подъем. Антон отметил для себя, что через несколько минут они нагнали бы его. Еще он подметил, что у них не российская подготовка. Слишком плотно они поднимались, а это при военных действиях очень опрометчиво, но зато хорошо для него. Можно парочкой гранат положить несколько человек.

Антон решил, что первым же боем нужно ошеломить противника, посеять страх и заставить сбить быстрый темп преследования. Он нашел удобное место для нападения, зарядил автомат и приготовил две гранаты. Теперь он мог просматривать большой отрезок тропы, будучи сам незамеченным.

В ожидании противника сверился по карте. До границы оставалось совсем немного.

Нужно подняться и спуститься с этой горы, потом перейти речку, протекающую по узенькой долине, а за следующим хребтом начиналась граница. Там же должен находиться и эфиопский блокпост.

Вскоре появился передовой отряд. Подпустив их на двадцать метров, Антон бросил в них одну за другой две гранаты. Выждав нужное время, он выглянул и, не давая противнику опомниться, стал поливать их длинными очередями. В ответ послышалась беспорядочная стрельба, которая вскоре прекратилась.

Антон опять выглянул оценить результаты своего труда. На тропе лежало семь трупов и трое едва двигались от полученных ранений. Такой результат удовлетворил его. Антон не стал больше задерживаться, решив, что теперь у него будет небольшая фора перед противником. Преследователям нужно придти в себя от полученного поражения, разобраться с ранеными, и только потом продолжать преследование, если осмелятся с таким малочисленным составом.

Антон спускался с горы, когда почувствовал опасность. Он только сейчас понял, почему так усиленно его преследуют. Он вспомнил, что виной всему чемоданчик в его рюкзаке. Видимо, поисковая группа нашла наручники на руке погибшего. Он забыл их снять с покойника и выбросить. Спецы догадались, поэтому такое тщательное преследование. Простого солдата они не стали бы так тщательно искать.

Вскоре его стали догонять. Теперь впереди шел дозорный, а остальные вслед за ним. Антон нашел подходящее место и, выйдя из укрытия, метнул гранату в скопление камней, спровоцировав, таким образом, небольшой обвал. В это время дозорный открыл огонь, но то ли от страха, то ли по неопытности промахнулся с довольно близкого расстояния. Антон, в прыжке, падая спиной в расщелину, выстрелил в ответ. Солдат взмахнул руками и сорвался со скалы.

Падая, Антон заметил краем глаза бросок змеи, но предотвратить укус уже не смог. Ударив его по левой руке, змея отпрянула, чтобы нанести второй удар. Антон успел перехватить ее правой рукой и сильно ударил ее головой о камень. Удар был такой силы, что в его руке осталось только извивающееся тело. Голова полностью отсутствовала, оставив мясистое пятно на камне.

Антон сорвал с себя рюкзак и ремнем от него перетянул руку выше локтя. Правой рукой достал нож. Разрезав гимнастерку, кончиком ножа надрезал укус и стал высасывать яд вместе с кровью. Когда место укуса из ярко красного от крови стало бледным и обескровленным, ослабил ремень. Промыв рану остатками воды, он достал бинт из аптечки, и забинтовал рану, предотвращая кровотечение.

В аптечке оказалась всего одна доза сыворотки от змеиного укуса. Антон стал подсчитывать свои шансы на выживание. Антидота у него больше не было. Укусила его как назло не простая кобра, а двухметровая мамба, самая ядовитая змея во всей Африке. Конечно, он высосал много яда, но большая часть его осталось в теле.

С учетом сделанного укола, и его сильного организма, он может рассчитывать максимум на пять-шесть часов. После — неминуемая смерть. Ему стало очень обидно. Он проделал такой опасный путь. Избавился от преследования, убил всех врагов. И вот укус какой-то змеи прервет его жизнь. Но нельзя раскисать. Нужно двигаться вперед. Надежда умирает последней, решил он и, собрав свои вещи, стал спускаться с горы.

Ему сильно не хотелось, вот так просто умереть на тропе какой-то скалы. Ему теперь было все равно, где он примет смерть. Если он встретит противника, то тогда вступит в бой.

Но без сопротивления он не опустит руки. Он старался как можно быстрее достичь подножия горы.

Наверху, при малой концентрации кислорода, учащается дыхание и поднимется давление. Яд убыстряет свою деятельность. Парализуются нервные окончания и мышечную ткань. Мышцы не подчиняется воле человека. Сердечная мышца сжимается, и человек умирает.

Спуск на этот раз оказался намного удобнее, чем предыдущий. Тропинка была хорошо утоптанной, видимо ею часто пользовались. Антон, обрадованный таким везением, ускорил шаг, рассчитывая потратить на спуск, как можно меньше сил и времени. И как он не торопился, все равно затратил много времени. И, тем не менее, через два часа он уже шел по ровной долине. Но вскоре он почувствовал сильную усталость. Ему необходим был отдых.

Увидев поваленное сухое дерево, присел отдохнуть. Достав из рюкзака хлебную лепешку, он с удовольствием стал жевать ее, запивая остатками воды. Пока ел, внимательно изучал долину, которую предстояло перейти. Долина оказалась не очень широкой, только по ее середине протекала неширокая речушка, по берегам которой была зеленая растительность. На этих зеленых лугах паслись зебры и мелкие стада антилоп.

Антилопы паслись небольшими группами, в которых было не более шести особей. Из этого Антон сделал вывод, что диких зверей в данный момент в долине нет, иначе они обязательно паслись большим стадом, так им было бы безопаснее.

Доев кусок лепешки, почувствовал признак легкой тошноты и боль во всем теле. Он не стал долго сидеть, понимая, что мышцы его должны быть всегда разогретыми, так он будет сопротивляться действию яда.

Быстрым шагом, порой переходящим в бег, он дошел до речки. Берег речушки был покрыт красноватой глинистой почвой, но с большим добавлением песка. Вода в речке оказалась на удивление очень теплой, но красной от примеси глины. Антон рассчитывал в считанные минуты преодолеть это препятствие, тем более, что речка была не глубокой, вода доходила ему до пояса.

Но как он был разочарован, когда кончилась вода, и начался, по его представлению, берег. Это оказался не берег, а разливной лиман. Он хоть и покрыт был густой растительностью, но все же это была топкая, вязкая глина.

Антон отошел немного назад и стал осматриваться. Насколько он мог видеть, этот берег был одинаков везде. Выбрав наиболее узкое место, он решился перейти эту грязную топкую глину. После первых же десяти метров понял, что может и не хватить сил для преодоления этого препятствия. Он проваливался порой по пояс в тягучую липкую грязь. Каждый его шаг давался с большим трудом, а после каждых десяти-пятнадцати метров приходилось останавливаться и по долгу отдыхать.

Такого препятствия он не встречал еще никогда. На преодоление участка в полкилометра ему понадобилось целых три часа. После таких невероятно тяжелых условий его теперь беспрерывно рвало. Кружилась голова. Глаза стали плохо видеть. Мышцы сводила судорога. Легкие с трудом справлялись с воздухом, насыщенным зловонным запахом болотной грязи.

Выйдя на твердую поверхность, он в изнеможении упал на землю. Лежал несколько минут, не шевелясь и тяжело дыша. Вскоре заметил, что голова стала меньше кружиться, и тошнота прошла полностью. — ко всем бедам еще и отравление болотным газом. — догадался он.

Вскоре почувствовал легкий озноб. Не смотря на жару его начинало трясти, как при приступе лихорадки. Он заставил себя встать и идти вперед. Постепенно пришло ощущение, что он просто замерзает. Тогда он усилием воли заставлял себя идти еще быстрее, надеясь таким образом согреться. Иногда падал от изнеможения, не имея сил подняться. Потом ему казалось, что не осталось больше сил бороться, но какой-то внутренний голос заставлял встать и вновь идти вперед.

Остановившись в очередной раз, он посмотрел на приближающиеся горы. До них осталось совсем немного, но солнце уже стало скрываться за верхушками скал. Антон не заметил, как стал рассуждать вслух:

— Как жаль, что наступает ночь, и я не смогу преодолеть этот последний перевал. Нужно искать пещеру или грот, уж больно не хочется умирать вот так среди этой пустыни, как престарелый больной шакал.

Разозлившись на себя, он пошел вдоль непреступных скал, ища хоть какой-нибудь проход.

Лавируя между огромными валунами, периодически впадал в забытие, теряя реальность, но вскоре вставал опять и продолжал идти, не понимая куда и зачем.

Вскоре до него донесся стрекочущий звук. Это привело его в сознание. Он поднял голову и заметил летящий вдоль ущелья вертолет. Не став прятаться, ему теперь было все равно, лег на землю, поджав под себя ноги. Просто лежал, наблюдая за вертолетом. Вертолет приближался. Антон ясно уже мог различить натовскую символику на его борту. Его сознание прояснилось, и в голове мелькнула мысль, что не зря они его так тщательно ищут. Возможно, в местном штабе есть крот. Ведь только там знали, с каким грузом они летят и когда. Получалось, что им нужен только чемоданчик.

Эта мысль привела его в настоящее бешенство. Ему не хотелось вот так запросто умереть в этой грязи, когда предатель остается жить и чувствует себя вполне вольготно, нежась на чистенькой кровати.

Антон, наблюдая за противником, пришел к выводу, что его не смогут обнаружить. Весь вымазанный с ног до головы в красно-коричневую грязь он сливался с внешним ландшафтом. Вертолет пролетел мимо, не заметив его.

Антону потребовалось затратить много усилий, чтобы встать и продолжить путь. Теперь его мысли кружились только вокруг злосчастного чемоданчика. Оценивая свое состояние, он смирился с той мыслью, что ему придется умереть, так и не дойдя до границы. Но с ликвидацией документов все же решил не спешить.

Ему хотелось найти подходящее убежище, и только там он решил набрать код самоликвидации, а после использовать гранату, чтобы избежать предсмертных мук.

Так разговаривая сам с собой, практически в бессознательном состоянии он шел в течение получаса. Отвесные скалы не кончались. В голове слышался легкий шум водопада. Но понять он не мог, это явь или галлюцинация. В голове все смешалось, рот пересох, ему нестерпимо хотелось пить. Вода во фляге давно закончилась. В голове появилась еще одна мысль, дойти до водопада, напиться вдоволь, а потом можно и умереть.

С трудом переставляя ноги, он в очередной раз погрузился в забытие. Теперь перед глазами мелькали картинки из его прошлого. Он почувствовал себя ребенком. Вот его маленькие детские ручонки от страха вцепились в спасительные ветки дерева, несущегося под напором речного потока. Вот он увидел себя уже немного старше, когда ему пришлось бороться за свою жизнь с двумя матерыми волками, стараясь подороже отдать свою жизнь.

Следующая картинка показывает, как он стоит у заброшенной могилы, понимая, что именно в ней похоронены его родители.

Вскоре выплывает следующая картина, показывая теперь могилу его любимой вместе с малолетним сыном. Следующей показалась могила дедушки, которого он так сильно любил и уважал.

Вскоре он почувствовал, что по лицу его текут обильно слезы. От этого ощущения он не заметил большой камень, споткнувшись о который, упал, больно ударившись коленом о землю.

Антон лежал, тяжело дыша. Попытался подняться, но сил уже не осталось. Теперь он окончательно решил избавиться от документов. Опираясь на камень, он попытался подняться на колени, чтобы снять рюкзак, в котором находился чемоданчик.

Повернув голову, увидел, что перед ним стоит красивая женщина. Это была даже не женщина, а очень красивая молодая девушка двадцати лет. Антон замер от неожиданности. Его поразило то, что девушка была прозрачной. Прозрачным было не только ее лицо и руки, но и длинное без рукавов платье, подчеркивающее ее грудь и стройность талии. Длинные черные волосы крупными волнами прикрывали плечи и спину до самых бедер. И не смотря на прозрачность, девушка казалась живой, и Антону казалось, что хоть он ее никогда не видел, но она казалась ему близкой и родной. И хоть ее лицо и волосы казались ему водяными, от нее исходило тепло и нежность. Присмотревшись к столь родному, как ему казалось, лицу, он увидел, что из водянистых ее глаз текут обильно слезы и, коснувшись земли, тут же испаряются, не оставляя следа.

Женщина стояла перед ним, протягивая руки. Рот ее был плотно сжат, но Антон отчетливо слышал ее голос.

— Сыночек, миленький мой, вставай. Тебе нельзя здесь находиться. Встань, мой родной, тебе нужно идти, я покажу куда.

— Мама? — удивился он. — Но я не могу встать, меня что-то держит, не дает встать.

— Это зло, сыночек. Тебе обязательно надо побороть его. Борись с ним, и ты обязательно победишь.

— Мамочка, я не могу, — взмолился он, протягивая к ней руку, — ты помоги мне встать, а я сам потом пойду за тобой.

— Миленький мой, я не могу тебе помочь. Ты ведь видишь, какая я. Ты сам должен побороть себя и встать. Я тебя умоляю, ради меня, встань, пожалуйста.

Антон напряг все свои мышцы. Ему казалось, что сейчас не выдержат сухожилия, и он под тяжестью огромного груза рухнет на землю и больше никогда не встанет. Голова, казалось, лопнет от натуги. Это бессилие разозлило его. Он напрягся и из последних сил встал на ноги.

Ноги не слушались. Он раскачивался, как маятник, готовый вновь упасть и на этот раз навсегда, но вскоре боль притупилась, и стало немного легче.

— Молодец, сыночек, ты настоящий мужчина, я горжусь тем, что у меня вырос такой мужественный и красивый сын. Теперь пойдём за мной, я покажу тебе пещеру, там ты сможешь отдохнуть.

Антон, с трудом переставляя ноги, шел следом за мифической женщиной. Так они шли уже несколько минут. Вдруг ему показалось, что женщина стала испаряться. Он уже с трудом различал ее стройный силуэт. Но вот она свернула за огромный валун, и силуэт ее стал исчезать в узкой расщелине скрытой большим камнем.

Антон, спотыкаясь, шел за ней. С трудом, протиснувшись в узкую щель, он оказался в темной пещере. В пещере чувствовался легкий прохладный ветерок.

Антон попытался вздохнуть полной грудью, но у него не получилось. Его легкие, как оказалось, не в состоянии набрать нужное количество воздуха. Ему пришлось часто вдыхать и выдыхать, чтобы как можно больше обогатить кровь кислородом.

Антон стоял некоторое время, часто дыша. Вокруг него была сплошная темнота, лишь только через узкую щель в скале пробивалась полоска света. Он не знал, куда идти, да и зачем. Он решил найти удобное место у скалы в глубине и остаться там навсегда.

Сделав пару шагов, он вновь различил силуэт женщины. Ее силуэт медленно плыл вглубь пещеры. Теперь ему казалось, что она светится. Не раздумывая, он пошел за ней. Вскоре по тому, как ему стало еще тяжелее идти, он догадался, что поднимаются вверх. Антон напрягал все свои силы для того, чтобы не упасть, а идти вперед за столь родным для него человеком. В голове уже не было мыслей, единственно, о чем он сейчас думал, это только не упасть, а идти вперед, пока есть мизерная возможность двигаться. Сколько они так прошли, Антон не имел представления. Для него время перестало существовать. Вскоре они остановились.

— Сыночек, ты, наверное, хочешь пить?

— Да мамочка, очень хочу, — не раскрывая рта, выдавил он из себя.

— Вот посмотри, — указала она на большой камень, — видишь углубление, там вода, можешь попить, тебе станет легче.

В бледном свете, исходящим от матери, он увидел на камне углубление. В этой ямочке, наполненной до краев, блестела влага.

Антон лег на камень и, не раздумывая, припал к этой темной влаге пересохшими губами. Он подержал немного губы в жидкости для того, чтобы губы немного размякли, после чего стал мелкими глотками втягивать в себя пахучую жидкость, не задумываясь о ее происхождении. Он пил и чувствовал, как влагой наполняется все его утомленное тело. Жидкость закончилась. Антон вылизал языком остатки влаги и, сползая с камня, почувствовал, что силы покидают его окончательно.

— Тебе стало легче, сынок? — спросила женщина, присаживаясь на лежащий рядом камень.

— Да, мама, теперь мне гораздо легче. Может теперь ты, скажешь...

— Не надо вопросов, сынок, просто положи свою голову мне на колени и постарайся уснуть, а когда проснешься, ты все узнаешь сам.

Антон подполз к ней ближе и доверчиво положил голову ей на колени. Ему стало хорошо и спокойно. Все тревожные мысли и беспокойство исчезли сами по себе. В душе он чувствовал только блаженство от прикосновения нежных, ласковых маминых рук. Постепенно глаза его стали закрываться, свет померк, и он погрузился в темноту.

Пробуждение было трудным. С трудом открыв глаза, он не увидел ничего кроме темноты. Не понимая, что с ним и где находится, он напряг весь свой мозг, чтобы вспомнить, что произошло, и почему он лежит в темноте.

Память с трудом возвращалась. Он вспомнил все, что произошло, пока пробивался через горы. Потом мысли стали путаться, смешиваться с мистикой. Решил разобраться с мистикой позже. Сейчас его больше всего беспокоило самочувствие. Его беспокоил тот факт, что после укуса «Мамбы» он все еще жив, и боли в теле, как накануне, он не испытывает.

Попробовал согнуть ноги, они двигались, это он чувствовал, но очень трудно.

Попытался согнуть правую руку. Рука согнулась, но с каким-то треском. Тогда он ощупал левую и, почувствовал, что она каменная.

После некоторого размышления догадался, что это засохшая грязь не дает ему нужного движения. Тогда он, сжимая и разжимая, раскрошил засохшую глину на одежде, после чего почувствовал легкость в движении. Он подумал, что не все так плохо, как могло быть, и попытался вытащить камень, который давил ему в бок, мешая лежать.

Отбросить камень не получилось. Ощупав его, догадался, что это термос, а держит его ремешок. Встряхнув его, услышал бульканье. Его вновь мучила жажда. Такого подарка как забытый кофе, он не мог себе представить. Но это было действительно так. Выпив воду из фляжки, он совершенно забыл про термос с кофе, который все это время болтался у него на боку.

Антон с нетерпением отвернул крышку и, вынув пробку, с удовольствием припал к живительной влаге. Антон пил и у него не было сил оторваться. Почти литр кофе за несколько секунд оказался у него в желудке.

Допив остатки кофе, он вновь почувствовал упадок сил. Сняв с плеч рюкзак, положил его под голову и через мгновение уже спокойно спал, оставив все мысли и сомнения на более поздний срок.

Следующее пробуждение было не таким болезненным. Ему показалось, что он лишь на мгновение закрыл глаза и тут же проснулся. Ощупав себя, он удивился, вся его одежда была мокрой от пота. На этот раз он хоть и чувствовал жажду, но самочувствие было хорошим. Нужно было вставать и осмотреться.

То, что находится в пещере, он догадался. Теперь его интересовал выход из нее. Но сначала, он решил заняться гимнастикой, чтобы восстановить мышцы, а заодно последовательно вспомнить все события последнего времени.

Тело еще болело, но он продолжал двигать руками и ногами. Постепенно это принесло свои плоды. В мышцах появился тонус. Стало легче двигаться, и тело уже не чувствовало той боли как пять минут назад.

После интенсивной гимнастики он почувствовал легкость, но пробудилось чувство голода, и сильнее напомнила о себе жажда. Теперь его мысли пришли в норму.

Антон понимал, что ему нужно как можно быстрее выбираться наружу и искать воду. Организм его был обезвожен, и без воды он долго не продержится. Еще его беспокоила мысль, что он ослеп, и ему просто необходимо в данный момент убедиться, что это не так.

Развязав рюкзак, он вскоре нащупал в нем маленький фонарик. Увидел бегающий тонкий лучик света, вздохнул с облегчением. Он встал и подошел к выступу в скале в надежде, что там, в углублении еще найдется парочка глотков воды, но там оказалось пусто.

Провел лучом фонарика по скале, заметил темную полосу с мелкой росой на ней. Потрогав пальцем капельку испарины, он осветил палец фонарем и увидел, что палец черный как после мазута. Попробовал на вкус. Вкус оказался горьким с примесью травяного настоя, напоминающим полынь.

Антон не стал задумываться над тем, полезной или вредной для него была эта жидкость, главное, что он остался жив и чувствует себя намного лучше, чем на кануне. Вдруг он вспомнил, что в бреду слышалось ему журчание ручейка. Стал прислушиваться. Вскоре различил в звенящей тишине слабый звук похожий на звон весенней капли. Определив направление, он собрал свои вещи и пошел по направлению звука.

Подниматься пришлось вверх. Но это его мало волновало, для него сейчас было главным

найти источник воды, а выйти из пещеры он сможет потом.

Идти было легко. Дно пещеры было довольно ровным. Большие камни и впадины встречались редко. Трудным оказалось то, что идти приходилось круто вверх, что сказывалось на его ослабевшем организме. Зато в пещере дышалось легко. Способствовал легкий прохладный ветерок, сквозивший вдоль всей протяженности пещеры.

Антон отметил для себя, что такой сквознячок он ощущает лишь потому, что у пещеры нет ответвлений, и ветер дует в ней как в трубе, создавая устойчивую тягу. Это его порадовало уже тем, что заблудится он не сможет, а наверху явно есть выход.

Для него это оказалось просто находкой. Ему теперь не придется искать внизу тропу среди отвесных скал, чтобы подняться на вершину горы. Его тропой теперь служит сама пещера.

Вскоре он почувствовал шуршание песка под ногами. Это вселяло надежду на то, что он в своих расчетах не ошибся.

Звук ручейка усиливался, и он, не обращая внимания на усталость, ускорил шаг. Освещая стены фонариком, он видел, что на них следы, размытые мощными потоками воды, а это означало, что когда-то это было руслом водного потока. Говорил об этом и намытый песок под ногами.

Вскоре заметил, что пещера начинает поворачивать вправо. Зайдя за поворот, он теперь ясно расслышал рокот падающей воды.

Через несколько метров, увидел маленький ручеек, каскадом падающий с камня на камень. Ручей вытекал из трещины в скале и, падая с метровой высоты, тут же исчезает в другой расщелине.

Это Антона мало интересовало, он сбросил с себя все и в первую очередь стал мыться, подставляя голову под небольшой поток воды. Вода была очень холодной, но обращать внимание на такие мелочи, ему явно не хотелось, главным для него было то, что его тело теперь стало, горячим от холодного душа.

Застоявшаяся кровь струилась по жилам, мышцы обрели нужный тонус. После душа настроение резко поднялось. Ему теперь казалось, что весь груз, давивший на его усталые плечи, наконец, упал, освобождая его от тяжести, и он готов не только продолжать свой путь, но даже при необходимости мог взлететь, такую легкость он теперь ощущал.

Фонарь к этому времени стал гореть тускло. Батарея садилась. Антон, намотав свою тельняшку на ствол автомата, поджег ее. Получился примитивный факел.

Он не знал, как долго ему придется находиться в пещере, а факел долго гореть не может. Напившись вдоволь, набрал воды в запас, затем, собрав свои вещи, стал подниматься дальше, подсвечивая факелом себе путь.

Антон торопился. Пещера часто меняла направление, иногда резко уходила вверх. В таких случаях ему приходилось становиться на колени и, цепляясь за уступы камней, карабкаться выше, обдирая руки в кровь.

За одним из поворотов наткнулся на завал. Между потолком и завалом все же было пространство. Рискуя застрять, он несколько метров полз по острым камням, пока не преодолел это препятствие.

Пока полз, факел догорел, и ему пришлось на ощупь спускаться с обвала, рискуя каждый раз сорваться в неизвестность. Благополучно спустившись вниз, долго лежал отдыхая. Нестерпимо мучил голод. Расстегнув рюкзак, нашел на дне засохший кусок лепешки. Обрадованный находке, попробовал надкусить, но у него это не получилось. Отвинтив

крышку от термоса, налил в нее воды и стал размачивать в ней сухарь. Через несколько минут с обедом было покончено и, только благодаря большой порции воды, голод на некоторое время отступил.

На этот раз Антон решил быть экономным и не стал делать большой факел. Оторвав рукав от гимнастерки, намотал его на ствол автомата. Такого факела надолго не хватило бы, зато экономно. Антон думал, что если подъем затянется надолго, то одежды его может и не хватить на весь путь.

На его счастье больше факелов не понадобилось. Завернув за очередной поворот, он заметил узкую полоску света, пробивающуюся откуда-то с бока.

Обрадованный подошел ближе. То, что он увидел, не обрадовало его. Впереди был узкий проход и в конце его пробивался свет сверху. Отступать не было смысла. Антон снял рюкзак и просунул его внутрь прохода. Затем, затушив факел, автоматом стал толкать его перед собой, стараясь прижимать голову как можно ниже.

Через пять метров, горизонтальный проход закончился. Антону пришлось приложить немало усилий, чтобы встать во весь рост уже в вертикальном стволе прохода.

Посмотрев наверх, он уже был уверен, что его мучения скоро закончатся. Верхний проход оказался немного шире. Упираясь локтями и ногами в стенки прохода, он вскоре оказался на свободе.

Этот подъем отнял у него последние силы. Антон встал, осмотрелся. Увидев невдалеке уютную ложбинку, в которой была хорошая охапка сухой травы, он расстелил ее, решив немного отдохнуть.

Согретый утренним солнцем, не заметил, как уснул. Проснулся он бодрым и отдохнувшим. Мельком глянул на часы. Спал без малого сорок минут. Зато как отдохнул, похвалил он себя.

Сделав пару глотков еще холодной воды, решил в первую очередь провести ревизию своих вещей. Главным образом его интересовал имеющийся у него арсенал, ведь ему еще предстояло некоторое время идти по сопредельной стороне, и как знать какие еще его ожидают сюрпризы впереди.

Из всего арсенала в наличии оказалось два полных рожка патронов и один неполный. Две гранаты и десантный нож с автоматом. Все, что было лишним и мешало движению, выбросил. В рюкзак положил только чемоданчик. Долил из термоса полную фляжку, термос бросил здесь же в ложбинке. Гранаты и магазины с патронами распределил по отсекам, а флягу пристроил на поясной ремень. Все остальное, что могло ему помешать в движении, выбросил без сожаления.

Вычислив свое место расположения, он также выбросил и карту, в которой теперь не было необходимости. Через несколько часов, по его расчету, он или погибнет, или выйдет к своим.

Находясь на середине склона, ему теперь оставалось спуститься чуть ниже, и по невысокому хребту преодолеть долину. Теперь он знал, где расположены блокпосты как свои, так и чужие.

Перед выходом он решил сделать расчет по времени. Глянув на часы, отметил про себя, что до наступления темноты он должен перейти границу. Случайно взгляд его упал на число, показываемое часами. Он не поверил увиденному.

Просчитав все в уме, пришел к выводу, что если доверять показаниям часов, то он провел только в пещере двенадцать суток. А в общей сложности выходило, что после вылета

прошло чуть более двух недель. В такое поверить было невозможно. Выходило, что календарь на его часах просто сломался. Он вспомнил, что на его руке рана. Размотав бинт, не поверил своим глазам. Рана на руке полностью зажила, остался только узкая полоска с двумя точками, указывающими на то, что это место укуса и шрам от пореза.

Антон не знал, чему верить. Он решил все эти мысли выбросить из головы до лучших времен, а пока ему предстояло преодолеть очень опасный участок.

Времени на размышление не было, и он стал спускаться с горы. По склону хребта, соединяющему между собой два горных кряжа. К трем часам дня добрался до соединения двух ущелий. Внизу, в самом большом из ущелий проходила дорога, соединяющая между собой два государства. На дороге находилось два блокпоста, на расстоянии пятисот метров друг от друга.

Теперь Антону предстояло немного спустится вниз и по склону хребта пройти мимо вражеского блок поста, а затем еще двести пятьдесят метров и он на своей территории.

Но сделать это было не так просто, как казалось на первый взгляд. Выглянув из-за угла скалы, увидел вражеский блокпост, находящийся внизу в трехстах метрах от него. Небольшая застава представляла собой два небольших каменных здания, отштукатуренных глиной и тщательно побеленных известью. Ухоженный дворик с клумбами цветов и дорожки, аккуратно посыпанные чистым песком. Поперек узкого ущелья была выложена невысокая каменная стена с вмонтированным в нее шлагбаумом для проезда транспорта.

Кроме двух часовых у самого шлагбаума, по обеим сторонам его были оборудованы пулеметные гнезда, в которых находилось еще по два человека. На территории заставы на спортивной площадке шестеро военнослужащих играли в футбол. Антон убедился, что через заставу ему пройти не удастся, ведь кроме этих людей было ясно, что в здании находятся еще военнослужащие из отдыхающей смены. Сколько людей находится внутри, он не знал, зато прекрасно понимал, что по склонам горы явно находились скрытые посты. Вот через них он и решил идти, надеясь на удачу.

Вскоре заметил движение на заставе. Антон заинтересовался и, притаившись за камнями, остался наблюдать за происходящим. Вскоре пять военнослужащих построились на площадке. Перед ними стоял офицер. Минуты две спустя, вышел старший. Получив указания, младший офицер повел свой отряд в горы.

На этот раз Антону повезло, отряд двинулся в горы по ходу движения, давая возможность Антону идти следом, не привлекая внимания и быть незамеченным часовыми у заставы.

Антон, тщательно скрываясь, шел следом за отрядом. Они поднялись довольно высоко, когда он заметил, что отряд остановился. Двое из солдат остались, а остальные пошли выше по откосу. Через минуту из-за камней показались двое солдат. Они, переговариваясь, шли навстречу Антону.

Антон понял, что смена направляется на заставу самостоятельно, и встречи с ними было не избежать, так как укрытия подходящего для этого просто не было.

Антон стал готовиться к встрече с противником. Зайдя за поворот большого уступа, снял рюкзак и, отойдя на несколько метров вниз, положил его прямо на тропу. Сам поднялся наверх и, приготовив нож, прижался спиной к отвесной скале у самого поворота.

Вскоре из-за поворота вышли двое солдат. Они шли не таясь, о чем-то разговаривая. Увидев лежащий на тропе рюкзак, они остановились, потом осторожно стали подходить к нему ближе. Антон не стал дожидаться, когда они поднимут его. Наживка сделала свое дело,

привлекла к себе внимание солдат. Антон метнул нож в спину одного из солдат и, не дожидаясь результата, оказался рядом с другим. Еще одно мгновение и противник лежал у его ног со сломанным шейным позвонком. Не задерживаясь, вытащил из спины солдата свой нож. Не глядя на него, вытер лезвие о его брюки и, подобрав свой рюкзак и бинокль одного из солдат, быстро стал подниматься по тропе.

Выбрав подходящее место, стал изучать предстоящий маршрут. В бинокль ему было хорошо видна застава Эфиопии. Теперь его отделяло от границы только расстояние в каких-то четыреста метров. Застава выглядела также, как и на сопредельной стороне. Все совпадало полностью до мелочей. Разницей было то, что над каждым зданием заставы развевался флаг своей страны.

Закончив наблюдение, стал спускаться по откосу, стараясь как можно ближе подойти к своей территории.

У него мелькнула шальная мысль, что он практически дома, и теперь точно доберется без происшествий. Но он по наивности ошибся, вдруг за его спиной раздался звук автоматной очереди. В одно мгновение, он оказался прижатым спиной к скале и не достигаемый для пуль противника. Но это мало его утешило, он увидел, как от заставы, в его сторону не скрываясь, движется приличный отряд солдат.

Отряд шел быстро, стараясь отрезать ему путь и перехватить на нейтральной стороне. Сверху сыпался град пуль, не давая ему возможности оторваться от скалы. Вскоре интенсивность стрельбы уменьшилась, а потом и вовсе прекратилась. Антон не стал дожидаться, когда противник перезарядит оружие и в несколько прыжков преодолел расстояние в тридцать метров, оказался прикрытым большим валуном от вражеских пуль.

Увидев, что тропа поворачивает влево, он резко прыгает, преодолевая еще два метра и, оказывается защищенным широкой скалой. Прикрываясь отвесной скалой, он продолжал спускаться вниз. На ходу, всматриваясь в тропу, определил, что от места спуска в долину его будет отделять всего метров сто пятьдесят до самой заставы. Это его радовало. Огорчало другое, он понимал, что пока он будет спускаться, отряд противника опередит его и встретит у самого спуска.

Он хорошо понимал, что подниматься выше не имеет смысла. Наверху отряд дозорных, который хорошо вооружен и занимает выгодную позицию.

Сопоставив все за и против, он решил спускаться и как можно быстрее, в надежде на русское авось.

Антон продолжал спуск. Вскоре стрельба сверху прекратилась, за то возобновилась снизу. Противнику не было возможности рассредоточиться на узкой тропе, но он вел непрерывный огонь в сторону Антона, не давая ему возможности для быстрого спуска.

Антон понимал, что на расстоянии он не сможет противостоять противнику, его может спасти только ближний бой. Шансов на это было всего один или два на сотню, но и этим нужно было воспользоваться в полной мере.

Антон уже пожалел о том, что не взял дополнительный боекомплект у убитых им солдат. Стреляя на ходу короткими очередями, он бегом бежал вниз, насколько ему позволяли условия тропы.

Постепенно расстояние между ними сокращалось. Вскоре ему несказанно повезло: от тропы, по которой он бежал, шло ответвление, и новая тропа шла теперь по хребту вдоль ущелья. Этим шансом он поспешил воспользоваться.

Сворачивая на боковую тропинку, заметил, что склон здесь круче и сыпучий, на нем

много камней. Возможность сделать небольшой обвал была слишком заманчивой. Антон, не останавливаясь, достал гранату и, обернувшись, бросил ее в кучу камней на высоком гребне. Взрыв от гранаты гулким эхом раскатился по всему ущелью. Послышался грохот падающих вниз по склону камней.

Антон не стал смотреть на результат своей деятельности, а продолжал бежать по тропе, которая, петляя между камней, стала уходить вниз параллельно курсу нападающих, но уже на приличном расстоянии от него.

Теперь их отделяло метров семьдесят. Это вселяло в него надежду, тем более, что противник потерял трех человек.

Увидев, что его заметили, Антон выпустил весь рожок в сторону противника, а сам продолжал бежать вниз, на ходу заряжая последний магазин с патронами. Теперь в его арсенале оставалось только тридцать патронов в рожке и десантный нож. Враг ответил огнем. Пригнувшись, бежал, не обращая внимания на свист пуль над головой.

Укрывшись за очередным камнем, он выпустил в ответ половину рожка, прицельной очередью заставив противника залечь в укрытие. Продолжая стрелять теперь уже короткими очередями, он, уже не скрываясь, бежал к спасительной заставе.

До заставы оставалось не более пятидесяти метров, когда он заметил, что из пулеметных гнезд блокпоста ведут прицельный огонь по его преследователям. Оглянувшись, увидел, что огонь станкового пулемета заставил противника залечь в укрытие. Наконец-то, думал он, и наше прикрытие сработало. Воспользовавшись такой поддержкой, он за несколько секунд преодолел оставшиеся метры, и сходу перемахнул через каменную преграду, и без сил упал у ее основания.

Антон лежал, тяжело дыша, не веря еще в свое спасение. Стрельба прекратилась. К Антону подбежали сразу несколько человек. Среди подбежавших солдат был и молодой лейтенант, с которым он познакомился в свой недавний приезд на эту заставу. Это был инструктор по имени Алексеев Андрей.

— Ну что, боец, отдышался? Теперь расскажи, кто ты и как здесь оказался?

— Ты что, Андрюша, не узнаешь меня? Неужели я так сильно изменился за те несколько дней, что мы с тобой не виделись?

— Я не знаю, кто ты, но голос мне твой кажется знакомым.

— Я, Андрей, подполковник Ли. Неужели не узнаешь?

— Кошмар, какой. Неужели это вы, Антон Максимович? Я вас с трудом теперь узнаю, в основном, конечно, по голосу.

— Ну, это и не удивительно. Две недели скитаний по горам, плюс голодовка и борода, вот тебе и результат, меня уже свои не узнают.

— Так вы оказывается живы, а нам передали, что ваш вертолет сбили, и вы все погибли. В те дни прошел слух, что на той стороне ведутся интенсивные поиски, но дня через четыре прекратились. Мы подумали, что если кто и выжил, то попал к противнику, раз поиски были прекращены. Мы перестали ждать, потеряв всякую надежду, а тут видим, кто-то пробивается с боем, вот и решили помочь огнем, и оказалось совсем не зря.

— Спасибо вам большое. Без вашего прикрытия вряд ли мне удалось добежать живым. На открытой местности они подстрелили бы меня как зайца.

— Ну, в этом нет большой заслуги. Человек пробивался в нашу сторону с боем. Наша обязанность была помочь ему, мы и помогли. Тут дело в другом. Пока мои бойцы обеспечивали вас прикрытием, я связался с базой, и доложил о прорыве. С базы поступил

приказ, всех кто прорвется живым, отправить вертолетом на базу. Вертолет они уже выслали. Пока он в пути, я хочу вас накормить обедом, вы ведь проголодались, наверное.

— Ну, что же, — похлопал его по плечу Антон, — веди, корми своего арестанта.

— Какого еще арестанта? Вы это о чем?

— Эх, молодость и неопытность. С той самой минуты, как ты получил приказ отправить меня срочно на базу, я уже официально становлюсь арестованным. Можешь даже не удивляться, когда вместе с вертушкой увидишь конвой. Теперь ясно?

— Как вы можете такое предполагать. Вы ведь только что вернулись, можно сказать, из ада.

— Я не предполагаю, я уверен, что так и будет. Хватит по этому поводу переживать. Пока есть время, я хочу помыться и поесть, как следует. Можешь представить, что за последние двенадцать суток у меня маковой росинки во рту не было. Правда сегодня утром я съел маленький кусочек старого сухарика из местной лепешки и выпил около трех литров воды. Можешь представить, какой я сейчас голодный.

— Хорошо, — удивленно посмотрел на него лейтенант, — пойдете за мной. За казармой вы найдете душевую. Помоемся, а я принесу вам какую-нибудь форму. Вашу, мне кажется, пора просто выбросить. Я прикажу, чтобы повар принес вам обед в беседку, на свежем воздухе вам будет приятнее отдохнуть.

— Спасибо тебе, Андрюша. Холодный душ и обед, это все, что мне сейчас необходимо. Ты, Андрей, на счет арестанта не обижайся на меня, будет так, как я сказал, и твоей вины в этом нет.

— Спасибо вам, Антон Максимович.

Лейтенант, улыбнувшись, убежал отдавать приказания. Антон сбросил с себя рваную форму и, достав чемоданчик из рюкзака, зашел в душевую кабину. Он нес непосредственную ответственность за документы, и поэтому не захотел оставлять чемоданчик без присмотра.

Когда, помывшись, он вышел из душа, то заметил, что его вещи тщательно и, что самое главное скрытно, проверили, в этом не могло быть сомнений. Опыт разведчика приучил его замечать все мелочи. На этот раз он видел, что его рваные вещи лежат не в том порядке, в каком он их оставил.

Молча, не говоря ни слова, надел принесенную форму. Форма оказалась слегка поношенной, зато чистой и выглаженной. Вытащив из кучи тряпья свой нож, он прихватил фляжку для воды, при этом, не выпуская чемоданчик из рук.

Он не стал интересоваться, куда делось его оружие, а проследовал в беседку, где на столе дожидался его обед. Присев к столу, он внимательно посмотрел на принесенную еду. На столе стояла алюминиевая миска с кукурузной кашей, нарезанный хлеб и открытая банка тушенки. Плетеная корзинка с фруктами стояла чуть поодаль, на другом конце стола.

Антон взял кусок хлеба и потянулся ложкой за кашей, и в тот же момент у него стало болеть основание шеи. Бросив ложку на стол, он выпил воды из своей фляги, и, пристроив чемоданчик под голову, все также держа его одной рукой, через минуту задремал. Вскоре его чуткий слух уловил тихие шаги. Это подошел лейтенант. Антон догадывался, что за этим последует.

Лейтенант, уверенный, что Антон под воздействием вещества, подмешенного в пищу, не почувствует, и он легко завладеет чемоданчиком. Но Антон понимал и то, что столь юный еще лейтенант, боясь за свою карьеру, просто выполняет чей-то приказ.

Он не стал его провоцировать на подлость, а просто открыл глаза и пристально

посмотрел на лейтенанта. Лицо лейтенанта тут же покраснело до кончиков волос. Переминаясь с ноги на ногу, он не уверенно спросил:

— Вы почему не кушали, товарищ подполковник.

— От тебя, Андрей, я этой подлости не ожидал. Я почему-то уверен, что это, — он показал пальцем на еду, — есть небезопасно для меня. Я уже говорил тебе, что не ел последние двенадцать дней, не стану есть и сейчас. Думаю, что пару дней я еще выдержу, а там как бог даст.

Лейтенант покраснел еще сильнее, ему очень было стыдно, заикаясь и почти плача, выдавил из себя.

— Простите меня, Антон Максимович. Сам я на такое никогда бы не осмелился, это был приказ.

— Что подмешал в пищу?

— Вся еда пропитана снотворным.

— Кто приказал изъять чемоданчик?

— Советник.

— Хорошо, извинения приняты. На будущее, сынок, запомни, никогда в жизни не опускайся до такой низости, даже получив разрешение своего начальства. И еще. Если у тебя есть приказ забрать груз у меня силой, то делать это, я тебе не советую. При первой же попытке захватить груз, я положу здесь тебя и большую часть заставы, вот этим ножом, а остальных добью вашим же оружием. Можешь мне поверить, свои возможности я знаю и оценивать могу, постарайся оценить их и ты, хотя бы на словах не доводя до крайности.

После ухода лейтенанта, Антон уснул, зная, что на этот раз его уже не побеспокоят. Его разбудил приближающийся звук вертолета. Он, проснувшись, машинально посмотрел на солнце. До захода солнца оставалось как минимум еще два часа.

Вертолет приземлился. Антон, подходя к нему, терялся в догадках, кто прилетит за ним. От этого зависело его поведение. До вертушки оставалось несколько метров, когда дверь распахнулась.

Из машины выпрыгнули шесть солдат армии Эфиопии. Окружив, взяли на прицел. Только после этого в проеме показался сам советник.

Советника он сразу узнал. Это был полковник Ерохин. Несколько лет назад ему приходилось вместе с Ерохиным принимать участие в некоторых операциях. Вот тогда у него сложилась характеристика этого карьериста. Он хоть и обладал хорошими физическими данными, но был законченным трусом и стукачом.

— Здравствуй, Валера. Хороший эскорт ты мне подготовил. К чему весь этот маскарад, позволь полюбопытствовать?

— Это просто охрана.

— Охрана кого и от кого?

— Ну, как? Охранять тебя и груз.

— Охранять меня? Я, что уже арестован?

— Ну, что ты такое говоришь. Я обязан охранять груз, который находится сейчас у тебя. Ты должен сейчас передать его мне под мою ответственность. Позже я отправлю его в Москву, а вместе с ним и тебя.

— У тебя, что, есть на все это письменные полномочия? Если есть, то, пожалуйста, предъяви их мне. Где постановление на мой арест?

— Письменного приказа у меня нет, но зато есть устное распоряжение, и советую, не

оказывай сопротивление. В случае сопротивления, я отдам приказ применить силу.

— Силу, говоришь? Интересно знать, как это у тебя получится, — повернувшись, обратился к сержанту конвоя: — Сержант, ты меня знаешь? И если знаешь, то скажи своим солдатам, кто я такой.

Сержант внимательно присмотрелся к нему, потом улыбнулся и звонко в шутливой форме отчеканил:

— Вы подполковник Советской армии и служите советником при штабе нашей армии, — потом, радостно улыбаясь, подошел к нему, протягивая руку, — простите, Антон Максимович, вы так сильно изменились за две недели, что я с трудом вас узнал. Мы все очень опечалились, когда нам сказали, что вы погибли.

— Как видишь, рано меня еще хоронить. Так вот, слушай меня. Я все еще остаюсь вашим советником. Приказа об отстранении еще нет, так что, бери своих людей и грузитесь в вертушку, через три минуты взлетаем.

Сержант улыбнулся счастливой улыбкой, они очень уважали Антона, отдал приказание, и солдаты стали по одному подниматься по трапу.

— Ну, вот, как-то так, — и повернулся к Ерохину. — А теперь слушай меня внимательно. Я еще в Никарагуа понял, что ты лег под контору. Я не придавал этому особого значения. Многие и до тебя и после тебя будут сотрудничать с конторой. Я не заострял на этом внимания. В конечном счете, мы все работаем на нашу страну и служим одному народу. Но то, что ты творишь сейчас, называется предательством по отношению к сослуживцам. Ты предал меня, а я ведь не сделал ничего плохого ни по отношению к родине, ни по отношению лично к тебе. И более того, ты, наверное, не забыл, каких усилий и риска для жизни мне стоило, когда я спасал твою жизнь в болотах Никарагуа. Ну, это так, к слову пришло. Пусть это останется на твоей совести. Не в этом дело, ты сейчас вредишь не только мне, но и себе лично, — видя, что Ерохин пытается возразить, перебил его, — не маши рукой, сейчас объясню почему. Ты сейчас получил указание от конторы арестовать меня. И не просто арестовать, а скомпрометировать меня исчезновением документов, для этого ты и приказал лейтенанту отравить меня. Не пытайся обвинять в этом его. Он просто еще неопытен, а его замысел я разгадал.

Так вот, ты решил выслужиться перед конторскими, но забыл, что служишь министерству обороны и подчиняешься только ему. Как я понимаю, приказа такого от них тебе не поступало. Второе, ты прислан сменить меня, но акта передачи дел у тебя еще нет на руках. Или уже есть?

— Нет у меня ни какого акта. Было и так ясно, что ты погиб, а функции советника должен кто-то выполнять.

— Не слишком ли рано вы меня похоронили. Мертвым ведь меня еще никто не видел пока. Пленным тоже никто не видел. Вот он я, живой стою, хоть и не совсем здоровый, но все же живой, и с грузом. Еще хочу тебе напомнить, что за груз я несу персональную ответственность. Это я перед вылетом подписал обязательство сохранить груз в любой ситуации. И уж коль я за него отвечаю, то и передам его только представителю генерального штаба. Теперь насчет моего ареста. Пока я не передал тебе дела, до тех пор я являюсь полноправным представителем в дружеской нам стране Эфиопии, и снять меня с должности, а потом арестовать, может только генеральный штаб, но никак не КГБ. Вопросы ко мне есть?

Ерохин, опустив голову, молчал. Он прекрасно понимал, что в этой ситуации он

превысил свои полномочия, и Антон полностью прав. Если сейчас разозлить его, то он может воспользоваться своей властью и арестовать уже самого Ерохина, за покушение на него, свидетель есть, и молчать, скорее всего, не станет. Антон дословно знал, о чем сейчас думает Ерохин. Он похлопал ободряюще его по плечу.

— Ты, Валера, сейчас должен подумать, как правильно выстроить свою защиту перед начальством. В любом случае об этом инциденте я вынужден буду доложить. Думай. А теперь садись, пора лететь, скоро совсем стемнеет.

Уже почти совсем стемнело, когда вертолет приземлился на площадке близ штаба округа в городе Аксум. Антон с Ерохиным вошли в помещение штаба. То, что должно было произойти в ближайшее время, Антон уже знал.

Находясь в салоне вертолета, он спокойно сканировал мысли и разговор Ерохина, который сидя рядом с пилотом по радио передавал указания на базу. Поэтому, зайдя в кабинет командующего, он не удивился, когда ему подали на подпись акт о передаче полномочий Ерохину. Антон, не проявляя никаких эмоций, молча сел за стол и подписал акт.

— Вот и славно. Теперь можешь передать мне чемоданчик

— Не торопись, полковник. Я здесь не вижу акта о передаче груза.

— Это еще что за прихоти такие.

— Господин генерал, — обратился Антон к командующему, — объясните вы ему, на каких условиях я принял ответственность за сохранность груза. Вы ведь присутствовали на передаче его мне.

— Да, конечно, я в курсе. Ханджаба, — позвал он начальника штаба, — покажите господину советнику акт, который подписал подполковник Ли, когда принял ответственность за груз.

Начальник штаба вышел, и, вернувшись через пару минут, передал нужную бумагу Ерохину.

— Ознакомился? Теперь будь добр подписать такой же акт только в двух экземплярах. Один будет у тебя, ну, а другой ты уж извини я возьму себе. Я слишком много о тебе узнал за последнее время, и не хочу, чтобы ты за моей спиной устроил мне очередную интрижку. Будем считать, что это исключительно для безопасности секретов нашей родины.

— Хорошо, — сквозь зубы процедил он и сел составлять документ.

Пока Ерохин составлял документ, Ханджаба отвел Антона в сторону и тихонько шепнул ему на ухо:

— Ты прости нас, Тарзан, мы с командиром ничего сделать не можем. Что у вас там за интриги мы не знаем, но на нас давит Москва. Этот выскочка нам тоже не нравится. Мы тебя уважаем, и поэтому с согласия командира я предлагаю тебе помощь. Мы можем переправить тебя в любую страну, ты только скажи куда.

— Спасибо, друг, за поддержку, но ничего такого не надо. На первом же попутном транспорте я уеду домой. А вы с командиром помните, что я был очень рад работать с вами в одной команде.

— Тарзан, дело в том, что транспортный самолет уже третий час стоит на взлетной полосе. Его Ерохин специально задержал. Из Москвы требуют от него, чтобы он отправил тебя в Москву именно на этом транспорте в наручниках и под конвоем.

— Спасибо, друг, за информацию, — похлопав его по плечу, весело добавил: — Меня в горах Мамба укусила, и как видишь, остался живой. Надеюсь, что укус паршивой Гиены,

окажется не таким болезненным.

— Ты про Мамбу сейчас серьезно сказал?

— Вполне. Можешь сам убедиться, — Антон показал ему шрам на руке. — Это случилось через пару дней после нашего вылета. Я не заметил и упал прямо на нее.

— Поразительно, — Ханджаба не сомневался в правдивости слов Антона. В таких вопросах он был хорошим специалистом. Он безошибочно мог отличить по шраму, какая именно змея нанесла такой укус. — У меня в голове не укладывается, как ты смог после этого выжить.

— Как, не знаю. Но я провел в пещере двенадцать суток без сознания, поэтому так задержался. Надеюсь, что эта гиена не так опасна как Мамба.

— Дай-то бог. Я буду за тебя молиться.

— Иди, подписывай, — послышался голос Ерохина.

Антон взял в руки документ. Внимательно прочитал его, после чего подписал. Широко улыбнувшись, протянул документ генералу.

Командующий понял, что Тарзану нужен свидетель. Улыбнувшись в ответ, не раздумывая, подписал и поставил на нем свою подпись и личную печать. Затем акт подписал начальник штаба. Антон взял свой экземпляр и предыдущий акт, сложил их вместе и положил в карман. Ерохин удивленно посмотрел на него, потом хотел что-то сказать, но Антон перебил его.

— Эти акты будут у меня, а для себя можешь написать какие угодно, я не буду возражать. Теперь прикажи, пусть принесут мои личные вещи, я уезжаю. Спасибо, что задержал самолет, а то неизвестно, сколько мне пришлось бы здесь прохладиться.

— Ты не просто уезжаешь. А в наручниках и под конвоем. После подписания акта, ты теперь никто. Я имею право тебя арестовать.

— Ну, хорошо. Давай попробуй меня арестовать. Я понимаю, что у тебя сейчас есть полномочия арестовать военнослужащего в экстренной ситуации без санкции свыше. Но я хочу тебе напомнить, что мы не у себя дома, а в дружеской нам стране. Мы хоть и дружеские страны, но у каждой свои законы. Я нахожусь на территории Эфиопии и на меня, распространяется иммунитет неприкосновенности. Как я понимаю, власти Эфиопии не давали разрешения на твои безумные действия. Второе. Отконвоировать меня ты сможешь только до самолета. Дальше конвой не имеет права лететь без согласования с правительством СССР. Эх ты, недоучка, а еще советником называешься. Элементарных вещей не знаешь. Ну, теперь поздно учиться, все равно ничего не поймешь. Когда мы все учились, ты карьерой занимался, все бегал к начальству, наушничал. Теперь пожинаешь плоды своего труда. Беда в том, что ты не знаешь надолго ли. Ну, что стоишь как столб? Иди, командуй. За задержку транспорта дома спросят с тебя, поэтому не надо терять время, да и мне становится противно с тобой общаться.

Остальное происходило довольно быстро. Антона посадили в машину, вернули сумку с вещами и подвезли к самому трапу самолета. В самолете, кроме экипажа, уже находился молодой человек в гражданской одежде с пристегнутым наручниками чемоданчиком.

Антон сел на боковое сидение и пристегнулся ремнем безопасности. Самолет был транспортным, не надеясь на уют, он решил расслабиться и немного поспать, так как до Москвы было несколько часов лета.

Вскоре самолет набрал нужную высоту. Антон расстегнул ремень и задремал. Его разбудил приход второго пилота. Он стоял перед ним с термосом и пластиковыми

стаканами, предлагая горячий кофе. Первый стакан он подал молодому человеку с чемоданчиком, второй Антону и в третий налил себе.

Сделав глоток, Антон остановился, что-то в этом насторожило его, а своей интуиции, он привык доверять. Гражданский, выпив свой стакан залпом, попросил еще налить. Налив ему в стакан кофе, пилот быстро убежал в кабину. Антон выплеснул остатки кофе на пол и, сунув два пальца в рот, заставил себя вырвать содержимое желудка.

Окончив столь нелицеприятную процедуру, он запил водой из своей фляжки. Глянув в сторону пассажира, не поверил собственным глазам. После двух больших стаканов кофе он спал как младенец.

Антон подошел к нему, проверил пульс. Пульс был слабым.

— Понятно, в кофе, наверное, изрядная доза клафелина или снотворного, но больше похоже на клафелин, уж слишком пульс слабенький. Значит, решили усыпить, а потом сделать какую-нибудь каверзу, — подумал Антон.

Подойдя к кабине пилотов, подергал за ручку двери. Дверь оказалась запертой изнутри. Постучал в дверь, но ему никто не ответил. Тогда он снял переговорную трубку и спокойным голосом, как будто ничего не произошло, сказал.

— Послушай, капитан. Мне от вас ничего не надо. Не хотите открывать, не надо, я настаивать не стану. Просто я хочу убедиться, что с вами все в порядке.

— С нами все в порядке, — послышался ответ, — но в кабину вы не войдете, таков приказ.

— Спасибо, я вас понял, но и вы знайте, что из кабины вы не выйдете до самого приземления. Я со своей стороны заблокировал дверь.

Повесив трубку, он заблокировал дверь страховочным тросом. Потом заблокировал грузовой шлюз и боковой выход. Тросы натянул лебедкой. Теперь в салон попасть было затруднительно. Закончив с тросами, подошел к двери и вновь снял трубку.

— Друзья мои, теперь я заблокировал все входы блокировочными тросами. Если вам захочется избавиться от меня, то предупреждаю, гидравлику включать не надо, разорвете самолет на части. Теперь все, счастливого вам полета. Я слишком устал, поэтому иду спать. Когда приземлимся, не забудьте меня разбудить.

Он действительно намеревался немного поспать. День выдался трудным, а впереди ему предстояло еще не такое испытание, об этом он уже догадался, к тому же его мучил голод, а сон это лучшее лекарство от голода.

По пути к своему месту проверил пульс у спящего пассажира. Биение пульса было очень слабым. Не надо быть врачом, чтобы не догадаться, что человек умирает. Антону пришлось вновь вернуться и снять трубку.

— Извини, капитан, я обещал вас больше не беспокоить, но дело в том, что пассажир ваш умирает.

— Что за бред ты там несешь? Ты когда уже утомился? А лучше всего позови его к телефону.

— Не могу. Я же сказал вам, что он умирает, а для особо одаренных повторяю, человек без сознания, пульс я проверил, очень редкий, максимум полчаса и он умрет.

— Я тебе не верю. Иди сейчас же на свое место и не беспокой экипаж.

— Послушай меня, ты болван напыщенный. Мне по большому счету все равно, будет жить твой пассажир, или нет. Главное, что я тебя предупредил, ты как капитан несешь ответственность за все происходящее на борту. Пойми, твой пилот выходил к нам и угощал

горячим кофе. Я не стал пить. Зато твой пассажир выпил два стакана. Теперь спит, а пульс практически не прослушивается. В кофе, скорее всего, был клафелин. Ты обрати внимание на своего пилота, он тоже сделал пару глотков, теперь его должно клонить ко сну. Если ты и сейчас не предпримешь ничего, то за смерть пассажира придется ответить. Ты ведь наверняка знаешь, что весь наш разговор в данный момент записывает бортовой самописец. Мне кажется, что тебе напоминать об этом не надо.

— Хорошо, я выхожу, ты открой со своей стороны.

Антон освободил заблокированную дверь и отошел вглубь салона. Капитан выглянул наполовину из двери и крикнул.

— Где он?

— Вон лежит, можешь посмотреть сам, а как твой пилот?

— Уснул, тоже пытался разбудить, тщетно, ничего не помогает.

— Нужно его срочно разбудить. Наверняка у него есть противоядие, иначе он не стал бы пить кофе вместе с нами. Нам нужно найти его и нейтрализовать яд.

Будить пилота пришлось долго. Ему растирали виски, грудь, били по щекам. Вскоре он медленно, но все же стал приходить в себя. Наконец, они добились того, что пилот хоть с трудом, но все же стал отвечать на их вопросы.

— Послушай, там в салоне умирает мальчишка, которому ты наливал кофе. Ты понимаешь, что если он умрет, тебя просто расстреляют.

Пилот, осознав ситуацию, испуганно закивал им в ответ.

— Хорошо, что понимаешь. Скажи, у тебя есть противоядие? Нужно срочно вывести его из транса и поднять давление. Если этого не сделать, через полчаса он умрет.

Пилот не послушными руками достал из нагрудного кармана коробочку, в которой находились четыре ампулы и шприцы. Штурман с радистом смотрели на все это широко раскрытыми глазами. В их головах зрело понимание, что их коллега совершил проступок, но как и зачем, они не понимали.

— Ты это себе вколол?

— Да, перед тем как уснуть.

— Что это и как применяется?

— Не знаю. На них ничего не написано. Знаю, что колоть нужно в вену. Все зависит от количества принятого кофе. Если не поможет первая инъекция, тогда нужно колоть следующую, но только через час. Это все, что я знаю.

— Хорошо, сиди здесь и не вздумай сбежать на улицу. Капитан, пойдете со мной, можете привести в чувство нашего подопечного.

Им пришлось неплохо потрудиться, чтобы сделать укол. Давление было совсем слабеньким, поэтому в вену было очень трудно попасть.

— Все, капитан, у нас получилось. Вы можете идти к себе. Только прошу вас, не надо закрываться. Поймите, я не собираюсь вас убивать или захватывать самолет. Я подполковник ГРУ ГШ. Это я доставил этот чемоданчик в Аксум. Это из-за него вам задержали вылет. А я просто возвращаюсь домой, так что, успокойтесь, ничего с вами не случится. Вы идите, а я буду следить за состоянием больного. Если понадобится, я вас позову.

Антон стащил в одну кучу лежавшие в салоне полога, устроился на них, чтобы ближе находится с больным.

Прошел час, состояние не улучшилось. Пришлось звать помощника и вновь сделать

укол. Антон продолжал наблюдение. Через два часа состояние больного не изменилось, но и не ухудшалось. Это вселяло небольшую надежду, что еще не все потеряно. Антон вновь пригласил капитана, и после очередного укола спросил.

— Сколько нам еще до Москвы лететь?

— Чуть больше двух часов.

— Что будем делать? Состояние его не улучшается, но зато и хуже не становится. Мне кажется, что он сейчас находится где-то посередине. Ему срочно необходим врач, иначе мы его не доведем живым.

— Я не могу на свой страх и риск запросить посадку в Киеве. А на согласование уйдет много времени. Пока будут согласовывать, ты ведь знаешь наших чиновников, мы будем уже в Жуковском.

— Выходит, что нам в любом случае, придется лететь в Москву. Будем надеяться, что хоть последняя ампула поможет ему, ну, а если нет, то пусть этот грех ляжет на твоего пилота.

В следующие полтора часа Антон заметил, что дыхание стало глубже и ровнее. Пульс стал устойчивым, и уже неплохо прослушивался. Немного успокоившись за судьбу больного, пошел вновь в кабину пилотов.

— Все в порядке. Где мы сейчас находимся?

— Через тридцать минут будем в видимости аэропорта. Как там мальчишка?

— Будем надеяться на лучшее. Сейчас пульс немного выровнялся. Вы свяжитесь с диспетчером, пусть вызовут скорую помощь. Пусть теперь они с ним занимаются, мы с вами сделали все, что могли.

— Как мне все это объяснять руководству, не знаю.

— Не знаю и я. Ты капитан, тебе за все нести ответ. Одно могу посоветовать, не вздумай замалчивать, себе навредишь больше. Передай по инстанции, пусть у начальства болит голова по этому поводу. Иначе пострадает весь экипаж. Подумай о них. Но это мое сугубо личное мнение, ты сам должен принять решение.

— Хорошо, я тебя понял. Ко мне есть еще вопросы?

— Нет, есть только просьба. Можешь сейчас связаться с диспетчером аэропорта?

— Могу, а тебе зачем?

— Я хочу через диспетчера отправить своему руководству телефонограмму. Они до сих пор не знают, что я жив.

— Вон оно как, тогда я сейчас это быстро устрою, — быстро связавшись с диспетчером, передал наушники второго пилота Антону.

— Диспетчер? — обратился к нему Антон. — Соедините меня срочно с номером, — Антон продиктовал ему номер телефона. Вскоре послышался щелчок в наушниках и раздался голос.

— Дежурный слушает вас.

— Дежурный, срочно примите радиограмму.

— Хорошо, подтвердите ваши полномочия.

Антон назвал свой личный код. Диспетчер ответил.

— Диктуйте, записываю.

— Срочно для номера 1003. Мой друг! Соседняя фабрика пригласила меня на банкет. Отказаться не представляется возможным. Хотелось бы, чтобы вы также разделили со мной званый ужин. Тарзан. Записали?

— Записал, но это, что шутка у вас такая?

— Дежурный, мне кажется, что вы забыли, где работаете. Заметьте, радиограмма с грифом молния и не терпит отлагательств.

Антон, закончив разговор, снял фуражку, после чего пилот сказал.

— Ну, ты спец, молодец, одобряю и понимаю. Теперь иди в салон, присмотри за мальчишкой. Скоро будем садиться.

Посадка прошла в штатном режиме. Спускаясь по трапу, Антон увидел стоящую скорую помощь и «Волгу», рядом с которой стояли трое в штатской одежде. — Беспокоятся за груз, — отметил про себя Антон посмотрев в другую сторону, увидел еще две машины, — это, пожалуй, за мной.

Из первой машины вышли двое в штатском и, подойдя к нему, старший представился.

— Я — капитан КГБ Серых, а это капитан Морозов. Мы уполномочены сопровождать вас на Лубянку.

— На основании какого приказа?

— Все, что я знаю, это то, что вы должны составить объяснительную и дать показания, как погиб наш сотрудник, которого вы сопровождали в полете.

— Хорошо, поехали, не люблю отказываться, когда вежливо приглашают.

Антон внутренне чувствовал, что за этим приглашением грядут большие неприятности для него. Оказывать сопротивление не имело смысла. Перед ним были простые исполнители. Антон не знал, какой они получили приказ насчет него. Если за сутки успели два раза покушаться на его жизнь, то где гарантия, что по дороге они не пристрелят его.

Решив быть предельно собранным, он со спокойным видом сел в машину на заднее сидение. Солнце еще не взошло, только небо слегка посветлело, когда они входили в здание КГБ. Его проводили на нижний этаж и, поплутав в лабиринтах коридоров, вскоре вошли в комнату.

Комната была небольшой. Мебель отсутствовала, кроме стола и парочки стульев. На стене висело огромное зеркало. В комнате была еще одна дверь.

— Присаживайтесь, — пригласил капитан, — вот на столе лежит бумага и ручка. Постарайтесь подробно изложить все, что с вами произошло от вылета до возвращения включительно. Если устанете, можете в соседней комнате отдохнуть.

Они, не прощаясь, вышли. Антон решил как можно быстрее покончить с этим делом и уехать домой. Ему понадобилось почти два часа, чтобы описать все в подробностях.

Закончив писать рапорт, стал ждать, когда войдут и заберут его произведение. Время шло, а в комнату никто не входил, хотя он чувствовал, что через зеркало за ним внимательно все это время наблюдают.

С такими фокусами он был хорошо знаком. Доводилось и самому этим пользоваться при допросах. Чувствуя, что за ним наблюдают, вел себя естественно, как простой гражданин. Сидел, вставал, прохаживался по комнате, и с нетерпением поглядывал на часы. Вскоре это ему наскучило. Подошел к двери. Дверь оказалась запертой снаружи. — Все-таки арест, — подумал он. Но пока страшного для себя не чувствовал ничего.

Допросов не боялся. Не зря ведь его несколько лет готовили именно к таким вот ситуациям. Он мог выдержать не только натиск следователя, но и полиграфа. Убедившись, что дверь заперта, подошел к зеркалу с легкой улыбкой на лице. Ему хотелось немного позлить тех, кто сейчас находился по ту сторону.

Увидев свое отражение в зеркале, сначала не поверил своим глазам. На него смотрел

измученный пожилой человек. Длинные волнистые волосы были полностью седыми. Лицо потемнело. Кожа на нем была высушена и покрыта мелкими морщинами. Сквозь морщинки пробивалась ироническая улыбка, скрывавшаяся в черной бороде трех недельной давности. Только глаза оставались карими и озорными.

Его поразили контраст черной бороды и светлой от седины головы. Антон провел ладонями по лицу и вновь посмотрел в зеркало. На лице появились небольшие пятна, такие же пятна появляются, когда человек переусердствует во время загара. Обгоревшая кожа сходит, и появляется новая.

Антон посмотрел на ладони рук. На руках виднелись мелкие фрагменты сухой кожи. Он не стал больше смотреть в свое отражение. В голове никак не укладывалось то, что он увидел в зеркале. Присев к столу, стал анализировать увиденное.

Он вспомнил, как его с трудом узнали на заставе и то, только по голосу. Теперь он понимал лейтенанта, который, даже узнав его, все время смотрел как-то подозрительно. Но, тем не менее, если хорошо присмотреться, то он вполне узнаваем.

То, что он сейчас сильно исхудавший, это понятно, длительная голодовка. С бородой тут все ясно, три недели не брился. Высохшую кожу на лице можно объяснить тем, что, находясь в горах, длительное время находился на солнце. Мог обгореть, к тому же резкие перепады температуры также не пошли на пользу. Но как объяснить полностью седой волос на голове, он не знал.

Одно радовало, что под облезшей кожей, он заметил свежую кожицу, довольно упругую и с легким румянцем. Не все потеряно, решил он и вошел в соседнее помещение. Опытным взглядом осмотрел помещение. Перед ним была типичная одиночная камера для арестованных.

Антон вышел из комнаты, взял чистый лист бумаги и написал на нем «хочу есть», потом при помощи слюны приклеил ее на зеркало, причем написанным внутрь. Сделал он это намеренно, чтобы люди по ту сторону могли прочесть. После этого вновь зашел в соседнее помещение. Лег на железную кровать, на которой был расстелен рваный матрас без подушки. И уже через пару минут можно было услышать его ровное дыхание.

Он спал спокойно, полностью полагаясь на свое чутье. Если тело спало, то мозг его отмечал все происходящее рядом с ним.

Вскоре он услышал шум шагов в соседней комнате. Затем шорох бумаги, но это его уже не волновало. Антон полностью отключился и спал так, как спал в детстве, зная, что всегда находится под защитой дедушки.

Проснувшись, посмотрел на часы. Стрелки показывали половину одиннадцатого. — Да я не плохо вздремнул, — отметил он про себя. Встал, попытался выйти, но дверь оказалась запертой. — Так, начинается психологическая атака, — вслух произнес он. — Надо полагать скоро начнется допрос, а поесть до сих пор не дали.

Голод его уже не мучил, организм уже привык к отсутствию пищи. Ему это не понравилось. Он понимал, что это плохой признак. К тому же заметил, что после сна в мышцах чувствуется сильная усталость. — Меня надолго не хватит. До сих пор вода поддерживала мои силы, но и она не бесконечна, во фляге не более двух глотков осталось, — продолжал размышлять он вслух, — нужно срочно применять кардинальные меры. Почему наши до сих пор не проявились. Может, не получили радиограмму.

Его размышления прервал молодой человек, заглянувший в комнату. Придав своему голосу как можно больше строгости, сказал.

— На выход, к вам следователь пришел.

Антон не стал заострять на этом внимание, а молча вышел в соседнюю комнату. Осмотрелся. В комнате за столом, сидел молодой человек, чуть более тридцати лет, с наглой улыбкой на лице.

Своими маленькими глазками он внимательно изучал Антона, стараясь, как ему казалось, произвести на арестованного впечатление матерого служаки, перед которым трепещет всякий арестант.

Антон, не дожидаясь приглашения, подошел, сел на стул, прикрученный анкерными болтами к бетонному полу, и внимательно посмотрел на зеркало. Его записки на зеркале уже не было, зато почувствовал за ним чье-то присутствие. Ему показалось, что человек, который находится по ту сторону, внимательно наблюдает за ним. От него так и несло каким-то негативом, как в туннеле сквозняком. Антон внутренне напрягся, потом почувствовал, а затем пришла уверенность, что находящийся человек по ту сторону, доставит в будущем много неприятностей. Отвернувшись от зеркала, посмотрел на следователя.

— Ну что, следователь? Долго мы будем сидеть, или вы все же объясните, кто вы и как к вам обращаться. А теперь вопрос, почему я здесь нахожусь. Кроме вопроса, есть у меня и замечание.

— В чем же оно заключается?

— В том, что в нашей стране, не зависимо от того, арестованный человек или просто гость, принято накормить человека. Если у хозяина нет такой возможности, то хозяин должен хотя бы предложить стакан простой воды. А я убеждаюсь в том, что в вашей организации это совсем не принято.

— Я тебя понял. Начнем по порядку. Меня зовут Мирещенко Павел Петрович. Я капитан КГБ. Должность — следователь-дознователь. Это первое. Второе, ты находишься здесь в связи с пропажей вертолета и особо секретного груза. Третье, ты арестован по этому делу. Четвертое, когда мы сочтем, что ты с нами достаточно откровенен и собираешься с нами сотрудничать, вот тогда мы тебя и накормим, и напоим. Мне кажется, что я доходчиво ответил и на твой вопрос и на замечания.

— Вот теперь хоть что-то прояснилось. Вы не поверите, у меня даже в голове ясность появилась. А от ваших теплых слов пропало полностью чувство голода. Ну и еще добавлю, так от себя. Мне ваше имя и фамилия совершенно ни к чему, достаточно одного звания. Представляться мне вам не имеет смысла, вы и так обо мне все знаете, даже больше, чем положено. Насчет пищи и воды скажу вам так, что Антон Максимович Ли, подполковник ГРУ ГШ никогда не унижался и, думаю, не унижится, вымаливая кусочек черствого хлеба и глотка воды.

— Ну, это мы еще посмотрим. Эти стены еще и не таких обламывали. Еще пощады будешь просить, а не только умолять.

— Не преувеличивай, капитан. Часть ваших слов можно оправдать тем, что вы меня не знаете. Нельзя простить то, что вы обращаетесь к старшему по званию на ты и столь нагло. Вы прекрасно знаете, что я не арестован, и у вас на руках нет постановления на арест не только от вашего руководства, но самое главное, что его нет от военной прокуратуры. Даже если допустить, что я задержан, то и это не дает вам права оскорблять и угрожать мне.

— Хорошо, Давайте считать, что я слегка погорячился, и продолжим наш разговор на интересующую нас тему, — скрипя зубами, согласился он.

— Согласен. Спрашивайте, товарищ капитан, я постараюсь со всей правдивостью

ответить на все интересующие вас вопросы.

— Постарайтесь рассказать, как можно подробнее, не упуская самых мелких деталей, даже если они покажутся вам не существенными. Начните с того момента, как вы поднялись в воздух.

Антон начал рассказ. Ему особенно напрягаться не приходилось. Он просто рассказывал то, что написал накануне в докладной, с той лишь разницей, что теперь он мог высказать свое мнение по поводу того или иного происшествия.

Капитан слушал, часто перебивал, задавал дополнительные или наводящие вопросы. Порой спрашивал одно и то же по нескольку раз, стараясь поймать его на несоответствии ответов. Так он старался вывести собеседника из духовного равновесия, надеясь, что собеседник в сердцах сможет сказать лишнее, и это можно будет использовать в своих целях. Вскоре Антону надоело.

— Послушайте, капитан, может, хватит производить впечатление матерого следователя. Вы еще молоды и не достаточно опытны в ведении допроса, хотя продвинулись по карьерной лестнице довольно высоко. К ведению таких допросов я подготовлен гораздо лучше вас, и опыта в этом у меня намного больше. Еще раз хочу вам заметить, что у нас не может быть допроса без санкции на арест. У нас может быть только беседа. Если вы действительно заинтересованы в моем рассказе, то постарайтесь выслушать меня внимательно, не перебивая своими вопросами. В конце беседы можете задать уточняющие вопросы.

— Хорошо, я слушаю вас.

Антон продолжил рассказ, но уже монотонным голосом. Под этот монотонный голос следователь постепенно стал засыпать, чего Антон и добивался. Вскоре замолчав, он пристально посмотрел на капитана, потом, повернувшись, подмигнул в зеркало. Почувствовав неладное от наступившей тишины, капитан встрепенулся и вопросительно посмотрел на Антона.

— С вами хотят поговорить.

— Кто? — удивился капитан.

Антон слегка кивнул головой в сторону зеркала. Капитан удивленно посмотрел на зеркало, потом на телефон, стоящий на столе, а потом вновь на Антона.

— Да-да, сейчас позвонят, — заверил он.

В ту же секунду раздался противный, дребезжащий звук старого, еще довоенного, телефонного аппарата. Капитан в испуге схватив трубку, вскочил с места и стал по стойке смирно. Несколько секунд слушал молча, потом сказал:

— Слушаюсь, — и положил трубку на рычаг.

Пока садился на стул, Антон успел заметить, как быстро переменялось выражение его лица. Теперь в его взгляде читалась наглость цепного пса, чувствовавшего за собой присутствие строгого хозяина, за которого он готов был порвать любого.

— Что, хозяин хвост накрутил?

Антон мог даже не спрашивать, он прекрасно понимал, что именно сейчас начнется его поединок с человеком, находящимся по ту сторону зеркала. Посредником в этом поединке будет его цепной пес.

Теперь Антону понадобится вывести из равновесия и самого хозяина, чтобы перехватить инициативу. Чтобы достичь своей цели, он и упомянул о собачьем хвосте, так сказать, для затравки. Это у него получилось.

Капитана это задело за живое. Он, с трудом сдерживая себя, засыпал Антона вопросами.

Вскоре Антон заметил, что капитан перестал слушать его монотонные ответы, а, часто задавая очередной вопрос, сам на него отвечал, обвиняя во всем Антона. С его слов получалось, что это не он отвечает на вопрос, а Антон обвиняет сам себя. Из его слов выходило, что именно он выбрал наиболее опасный маршрут. Это он настоял лететь именно на вертолете, и именно по его вине был сбит вертолет, и это он виноват в смерти их сотрудника. Это он разработал план похищения груза. Для этого он убил пилота и сотрудника КГБ. Потом сдался в плен вместе с грузом, где был завербован американской разведкой. Потом они изучили документы, и через две недели Антон вернулся назад, чтобы продолжать на родине свое шпионское дело.

Антон слушал его и удивлялся. Он не мог поверить, что у этого недотепы, может быть такая извращённая фантазия. То, что это не его мысли, он понял, но зачем его на это натаскивают, Антон понять не мог. Ведь сам по себе это был довольно обыденный случай, каких по всей Африке происходило множество.

Во всех странах, где было присутствие советских войск, происходило нечто подобное, не зря ведь в чемоданчиках присутствовал код уничтожения. А этот случай вообще не стоит называть уникальным, тем более, что груз остался цел и невредим. То, что чемодан не вскрывался, легко мог определить специалист закрывавший его.

Кроме этого Антон был уверен, что специалисты конторы давно уже вылизали языком весь злополучный чемоданчик, чтобы найти хоть какую-нибудь зацепочку. Но ничего найти не смогут, в этом он был абсолютно уверен. Он не понимал, зачем им понадобилась эта игра в шпионы.

Пока капитан разглагольствовал по поводу шпионов, Антон, не слушая его, анализировал сложившуюся ситуацию. Постепенно пришел к выводу, что эта акция не имеет отношения непосредственно к самому грузу. Вся эта мышьяная возня направлена именно против него. Но зачем и кому это понадобилось, он не понимал. На месте непосредственной службы врагов у него не было, да и не могло быть. С КГБ он старался не иметь контактов. Он, конечно, принимал участие в некоторых военных операциях вместе с бойцами из этой организации, но со всеми ребятами отношения были ровными, можно даже сказать, дружеские. Конфликтов никогда не было.

От этого непонимания у него стала попросту болеть голова. Выручил капитан. Доведенный молчанием Антона, он схватил стакан и налив в него воды из графина, стоявшего рядом на тумбочке, залпом выпил, вытирая ладонью рот.

Антон, измученный жаждой, последовал его примеру. Встав со своего места, он подошел и выпил всю оставшуюся воду прямо из горлышка графина, смакуя при этом каждый глоток прохладной, свежей воды.

— Я тебе не разрешал вставать и тем более пить, — закричал капитан, возмущенный поступком Антона.

— А я тебя и спрашивать не стану, — ставя на место графин, с вызовом сказал Антон.

— Да, как ты смеешь со мной так разговаривать?!

Антон, не обращая внимания на него, прошел и сел на свое место. Капитан, с перекошенным от злости лицом, закричал, что-то вроде:

— Ты, американский прихлебатель, подстилка и шпион! — вскочил и ударил левым кулаком Антона в челюсть.

Антон даже не шелохнулся, а продолжал так же молча смотреть на взбесившегося капитана. Воодушевленный тем, что Антон не реагирует на его удар, осмелел и попытался

нанести еще один удар, теперь правой рукой, вложив в этот удар всю свою силу. Но удар не достиг своей цели. Антон, не вставая с места, перехватил его руку чуть выше запястья. Остановив, таким образом, удар, он сильно сжал руку капитана. Послышался хруст лопнувшей кости.

Капитан взвыл как раненый поросенок. Антон толкнул его, капитан, перелетев через спинку стула, приземлился у самой стены, качая сломанную руку, как мать новорожденного ребенка.

В это время в комнату вбежали два крепких молодца с автоматами. Антон в это время уже стоял на ногах и держался за спинку стула. Вбежавшие сотрудники не сразу поняли, что происходит. У них на глазах, арестованный вырывает, казалось бы, намертво вмонтированный в бетонный пол стул, вместе с куском бетона и, размахнувшись, с силой опустил его на стол.

От мощного удара ломается деревянная столешница стола и гнется металлический его корпус. Телефон с дребезгом ломается на бетонном полу. Бумага и все записи следователя веером разлетаются по всей комнате.

Очнувшись от увиденного, они вскинули автоматы, но больше сделать ничего не успели. Оказавшись на полу, они с удивлением смотрели, как арестованный ловкими движениями разобрал их оружие и разбросал детали по всей комнате. Они попытались встать, но голос Антона остановил их потуги.

— Даже не пытайтесь, не советую. Вон один попробовал распустить свои качупатки, теперь спокойно лежит. Лежите и вы, все равно ничего сделать не успеете, а если будете злить меня, я размажу вас по стенке, и можете мне поверить, я сделаю это без всякого сожаления.

Повернувшись к зеркалу, он продолжил.

— А теперь я обращаюсь к тебе генерал. Прости за грубость, но как я понял у вас не принято обращаться на вы, да, и не заслуживаешь ты хорошего к себе отношения. Не удивляйся, что я, не видя тебя, называю генералом. Просто я убежден, что простой майор или полковник, вряд ли осмелился на такую дерзость по отношению к подполковнику из другого ведомства. Молчишь, тогда переходим к делу. То, что этот недоносок сейчас втирал мне, и то, что это исходит от него, я не поверил даже на одну секунду. Все, что он сейчас здесь наговорил, все это исходит от тебя. Из твоих уст он получал инструкции. Из его потока слов я не услышал никакой конкретики. Будь мужчиной и докажи, что ты настоящий офицер и генерал. Выйди сюда. Не надо прятаться за стеклом, а выскажи мне прямо в глаза все свои претензии. Я буду ждать тебя ровно пять минут. Если этого не произойдет, и я не получу внятных объяснений, то буду расценивать как попытку захвата меня в плен во время проведения военной операции. Ведь, по сути, я еще нахожусь в командировке, сопряженной с боевыми действиями. Поверь мне на слово, я применю все свои силы и навыки, чтобы освободиться. Если вы, не дай бог, попытаетесь остановить меня силой, то я тебе этого не советую делать, будут жертвы и немалые. Я уверен, что без последствий это для вас не пройдет. Ты, наверное, хорошо изучил мое досье, и прекрасно знаешь, что так просто меня не убить, я в любом случае возьму с собой несколько человек. Теперь я жду пять минут, потом головой одного из этих проходимцев я разобью это зеркало и доберусь до тебя. Если ты это допустишь, то разговор у нас с тобой будет на моих условиях. Надеюсь, что ты меня правильно понял. Я жду тебя.

Антон отвернулся и стал прохаживаться по комнате, пиная по пути детали от оружия.

Один из бойцов, попытался протянуть руку к лежавшему рядом с ним автомату, но удар ноги Антона отбил у него столь сильное желание. Теперь они с испуганными глазами смотрели не него, прижавшись друг к другу.

Время шло очень медленно. Антон уже собирался воплотить свою угрозу в действие, как дверь с шумом отворилась, и на пороге показался Сокол. Бывший его командир, а ныне хороший друг, сейчас занимал приличную должность при ГРУ ГШ.

— Тарзан, это ты здесь шалишь? А я думаю, что за грохот стоит по всему зданию. О господи, неужели это ты? Тебя невозможно узнать, ты похож на мумию фараона, — протягивая руки для объятия, вздохнул продолжал он. — Прости, что поздно пришел, но здесь не так просто найти нужного человека. Никто ничего не знает или делают вид, что не знают. Хорошо, что знакомого встретил, он мне подсказал, где тебя искать.

— А как я тебя рад видеть, ты даже представить не можешь. Спасибо, что не оставил меня одного в столь гостеприимном месте.

— Об этом позже поговорим, а теперь собирайся, домой поедем, — потом крикнул в коридор, — эй там, вещи его отнесите в мою машину, мы торопимся. Ну что, Тарзан, пошли, что стоишь столбом, машина нас ждет.

— Подожди, Сокол, я хочу в соседнюю комнату заглянуть.

— Это еще зачем?

— Нельзя же уходить, не попрощавшись со столь гостеприимным хозяином. Не людски как-то получается. Надо перед ним извиниться, я ведь набедокурил здесь немного.

— Нет там никого. Я пока искал тебя, заглядывал туда.

— Жаль, а мне хотелось увидеть, кто меня пригласил в гости.

— Боюсь, что в ближайшее время ты ничего не узнаешь. Я уже проявлял любопытство по этому поводу, но так ни чего и не узнал, только время зря потерял. В этом вертепе все покрыто мраком. Все в один голос твердят, что ничего не видели, ничего не знают.

— А жаль, так хотелось хоть что-нибудь узнать.

— Забудь. Сейчас поедем дамой, там ты все в подробностях расскажешь, где тебя все это время носило.

Покинули здание без приключений. Охрана молча открывала перед ними дверь и отдавала честь. Водитель собирался трогаться, но Антон остановил его.

— Друг, как тебя зовут?

— Михаил, — ответил водитель.

— Меня Тарзан. Послушай, Миша, где здесь поблизости можно раздобыть водички, меня жажда уже доконала.

— Вы посмотрите, в чехле сиденья есть минералка, пейте на здоровье.

— Спасибо тебе, Мишенька, не дал мне помереть от жажды, — поблагодарил его Антон. Открыв пробку, он залпом выпил всю воду.

— Тебя, что здесь только соленой селедкой кормили?

— Какой еще селедкой? — ставя на место, пустую бутылку, сказал Антон. — Если бы не вода, я давно бы помер от голода. Поверь, я в течение двух недель не ел совсем. Правда три дня назад я съел маленький кусочек сухаря, но, съев такой сухарь, даже мышь осталась бы голодной.

— Так вот почему у тебя такой измученный вид. Я ведь тебя с трудом узнал. Ну, раз такое дело, то планы наши кардинально меняются.

Сокол снял телефонную трубку, телефонной связью были оснащены все служебные

автомобили, и набрал нужный номер.

— Девушка, пригласите к телефону доктора Сомова, скажите генерал Соколов беспокоит, — через минуту продолжил. — Док привет, Сокол беспокоит. Хорошо, что ты на работе. Я сейчас к тебе Тарзана привезу. Нет, не ранен, просто небольшое истощение. Все, привезу, узнаешь.

Ехали молча. Сокол, расстроенный, смотрел на дорогу. Антон положил сумку под голову и задремал. На него сильно стала действовать усталость. Особенно она проявилась от напряжения за последние два часа. Сокол, повернувшись к водителю, тихо сказал.

— Миша, едем в госпиталь к Сомову.

— Я понял. Мы уже едем туда.

Вскоре подъехали к госпиталю. В фойе их уже с нетерпением ждал Сомов. Он внимательно взглянул на Антона.

— Ну, живой и то ладно. Срочно ко мне в кабинет для осмотра. Все разговоры оставляем на потом.

Поднявшись на второй этаж, они зашли в кабинет. Бросив сумку Антона в угол, вызвал старшую медсестру.

— Машенька, тебя надеюсь не надо знакомить с Тарзаном?

— Ну, что вы, Григорий Андреевич, Я своих постоянных клиентов всегда помню. Мне и раньше приходилось видеть его, то легко раненым, то в тяжелом состоянии, но в таком, похожем на высушенную мумию, видеть еще не доводилось. Что случилось, Антоша?

— Машенька, расспрось потом. Ты же видишь, он еле на ногах стоит. Теперь слушай меня. Сейчас берешь его и передашь ребятам из санитарного отдела, пусть они хорошенько его помоют, и вообще приведут в божеский вид. Сама пойдешь на кухню, попросишь у девчат хорошего куриного бульона. Скажешь, что я приказал. Запомни, только бульон, можно еще небольшой кусочек хлеба, но это все, что ему можно. Потом зайдешь ко мне, подумаем, что ему назначить из медикаментов.

— Хорошо, Григорий Андреевич, — и повернулась к Антону. — Ну что, воин мой горемычный, пойдём со мной, будем из тебя человека делать.

— Тогда неси меня моя ласточка, — обняв ее за талию, они вышли из кабинета.

— Из какой преисподни ты его вытащил на этот раз? — спросил Док Сокола.

— Мы его послали на месяц в Эфиопию, советником на время. Знаю только, что он сопровождал груз на наш корабль. По пути их вертушку подбили. Все мы считали, что он и экипаж погибли. И представь себе, что спустя две недели, а именно сегодня ночью, я получаю радиogramму прямо с борта грузового самолета прямым текстом. В ней Тарзан сообщил, что арестован конторщиками и просит помощи. Я тут же попытался связаться с руководством, но ничего не получилось. Пришлось отложить до утра. Утром я поставил кое-кого на ноги и вытащил его оттуда. Поверь, Док, я ведь не сразу узнал его. Хорошо еще, что голос у него не изменился. Когда сели в машину, он попросил у Мишки воды. Я сначала не придавал этому значения, но, когда увидел, как он ее пьет, у меня появились кое-какие сомнения. В двух словах я узнал у него, что он две недели голодал, тогда я сразу связался с тобой, и вот мы здесь.

— Ну, ничего, не таких ставили на ноги, поставим и его. Главное для него сейчас, чтобы в организме не произошло никаких кардинальных изменений. Он сильно в весе потерял, и это очень подозрительно. Тут Машка права, сказав, что он на мумию похож. Меня это тоже настораживает.

— Он мне сказал, что все время хочет пить.

— Это и не мудрено. То, что он голодал, это не так страшно. Я о другом думаю, у него высушенная кожа не только на лице, но и как я заметил на руках тоже. Думаю, что остальная часть тела такая же. Я не могу представить, что послужило этому, но то, что организм его сильно обезвожен, это факт. Вот это меня больше всего настораживает.

— Он мне говорил, что последние трое суток, он много пьет, но жажда не проходит.

— Ладно, не будем сейчас гадать, что да как. Сейчас приведут его в порядок. Он расскажет все, что с ним случилось. Потом сделаем кое-какие анализы, вот тогда и будем делать выводы.

Прошел час, а Мария так и не пришла в кабинет. Доктор и Сокол отправились на поиски Тарзана. Заглянув в палату, увидели, что Антон в пижаме, чисто выбритый, лежит на кровати и с отвращением смотрит на ароматно пахнущий бульон, а Маша уговаривает его выпить хотя бы парочку глотков.

— Это, что за уговоры? — возмутился Док — Ты, Машенька, иди, пожалуй, приготовь состав при обезвоживании и поставь ему капельницу. А бульон он сейчас у меня быстро выпьет, аж захлебываться будет, — и легонько вытолкнул ее за дверь. — А ты, мумия засохшая, прекрати над девушкой издеваться. Не надо на жалость давить. Бедная девчонка и так готова за него под пули пойти, а он здесь лежит и выпендривается. Смотрите, барин какой нашелся. Не станешь сам пить, прикажу, ребята привяжут к кровати и через воронку зальют в тебя.

— Ладно. Разошелся, вояка, — ворчал Антон — как будто его кто-то здесь испугался.

Но, тем не менее, взял хлеб и, отламывая маленькие кусочки, стал тщательно их разжевывать, запивая бульоном. Не заметно для себя, он съел весь хлеб и под конец с большим удовольствием допил остатки бульона, смакуя каждый глоток.

— Ну что, понравилось? А ты не хотел пить. Оказывается, что вкусовые рецепторы у тебя в норме. Это уже хорошо.

В палату вошла Маша. Поколдовав над его рукой, установила капельницу.

— Григорий Андреевич, я вам еще нужна?

— Нет, Машенька, если нужно будет, я позову тебя.

— Хорошо, я буду в процедурной.

— Ну, поел? Теперь рассказывай, что там с тобой произошло, — но, взглянув на Антона, замолчал, и повернулся к Соколу.

— Рассказ отменяется. Пошли, Сокол, пусть спит, — и уже выйдя из палаты, добавил, — ты сейчас езжай по своим делам, а часикам к шести можешь приехать. К этому времени он уже проснется.

— А позже нельзя?

— Можно, конечно, и позже, но дело в том, что если он поужинает, то результат будет таким же. Для него сейчас пища и сон — это главное лекарство. Ты же видишь, он физически очень слаб. Я никак не могу понять, что в нем изменилось, но это как мне кажется, не связано с его истощением.

— Почему ты так думаешь?

— Понимаешь, он ведь еще довольно молодой, и очень развит физически. В его теле не было и грамма жировых отложений. И даже в такой форме, при двух недельном голодании, он не мог потерять столько в весе. А при такой потере как сейчас, он просто должен пластом лежать не в силах пошевелиться, а он, по твоим словам, смог вырвать стул из бетона,

да еще разбить металлический стол. Здесь что-то не так, и это меня сильно беспокоит. И второе. Ты заметил, что его кожа сильно шелушится. Складывается ощущение, что она сходит, как после солнечного ожога.

— Ну, эти проблемы я оставлю тебе. На то ты и доктор. Разбирайся сам, а я поеду на службу. К шести часам постараюсь быть у тебя. Жди.

Но встрече этой не суждено было состояться в этот вечер. Не состоялась она и на второй день, и на третий. Дело обстояло так. Доктор позвонил Соколу к пяти часам.

— Сокол, визит отменяется. Можешь пока работать спокойно.

— Что случилось? — с беспокойством спросил он.

— Все очень просто. Наш подопечный проснулся, сходил в туалет, а потом выловил Марию, и вынудил ее принести ему опять куриного бульона с хлебом. Заметь, на этот раз он потребовал от нее еще и мяса. Наша Машенька, как тебе известно, человек доброго сердца. К тому же неровно дышит к этому обормоту. Она выполнила его просьбу в полном объеме.

— Ну, и что из того. Я и сам знаю, что перед этим обормотом, как ты говоришь, не может устоять ни одна женщина.

— Да дело в том, что он нажрался как удав, а теперь спит. Мне кажется, что до утра будить его смысла нет. Теперь придется ждать, когда он, наконец, отоспится. Тогда возможно и получится поговорить.

— Я могу приехать утром рано. Думаю, что сегодняшнего дня и ночи ему хватит на то, чтобы отоспаться.

— Сокол. Мне кажется, что спешить тебе не надо. Я думаю это у него надолго. Поступим так, как только я замечу у него признаки бодрствования, я тут же с тобой свяжусь. Пока не будем его беспокоить, пусть уже жрет и спит, а я за это время проведу еще цикл анализов, что-то меня в нихстораживает.

— Конкретнее можешь.

— Не могу. Сам еще не знаю.

— Хорошо, Делай свои анализы, но потом обязательно звони.

Последующие два дня Антон просыпался, ходил в туалет, потом ел, для него Маша на кухне держала всегда горячую пищу, и вновь засыпал.

В палату к Антону никому не разрешалось входить, кроме Марии. Она же делала ему все медицинские процедуры и приносила еду.

На четвертый день Маша внесла поднос с едой. Поставив его на стол, она всплеснула руками. Антон сидел на стуле, гладко выбритый и причесан, на щеках его красовался розовый румянец.

— Ой, Антоша, ты такой красавчик стал, просто глаз оторвать нельзя.

— Не смущай меня, Машенька. Давай лучше позавтракаем и, пока Дока нет, пойдем на улицу свежим воздухом дышать, — обнимая ее за талию, ворковал он ей на ухо.

— Ну, вот. Наконец-то оклемался, на человека становишься похож. А-то, как сушеная вобла лежал. Встанет, поест и снова спать. Я грешным делом подумала, что ты таким и останешься.

Антон вновь попытался ее обнять.

— Не приставай, Ирод, иди лучше есть, а я пойду, доктора позову, пусть он тебе твои ручки шаловливые отрежет, — и кокетливо повернувшись, выбежала из палаты.

Антон с большим удовольствием принялся за гречневую кашу с мясом, запивая молоком. Закончив завтракать, пошел на пост и попросил у Марии свежие газеты.

— Хочу, Машенька, просветится, а то отстал от жизни. Не знаю даже, что на белом свете твориться.

— Да, что там может твориться в твоём свете.

— Ну, не скажи, а вдруг там объявили, что начался всемирный потоп, а я об этом ничего не знаю. Как же я тогда буду спасать тебя от такой напасти?

— Иди уже к себе, спаситель ты мой, — покрывшись румянцем, сказала она, — я принесу газеты.

Мария, повернувшись, убежала в кабинет доктора за газетами.

— Вот на какой женщине нужно было мне жениться, — подумал Антон, — красивая, заботливая, с мягким характером, а какая фигура, пальчики оближешь, и, что не мало важно, она равнодушна ко мне. Если бы я сделал ей предложение, то думаю, что она дала бы согласие. Но делать этого не стоит. Она слишком нравится мне. Делать её жизнь полной слез и горя, я не имею права. Ведь не зря мне предсказала бабушка, что все мои близкие и любимые будут несчастными. Я принесу им только горе и слезы. Бабушка не могла меня обманывать, все-таки я не чужой для неё человек. Прошло уже много лет после нашей с ней встречи, но все её предсказания сбываются с поразительной точностью. И остальное, то, что меня ждет в будущем, скорее всего так же сбудется, это я чувствую нутром. Я особенно это почувствовал там, в подвалах КГБ, и это как-то связано с человеком, который наблюдал за мной через зеркало из соседней комнаты.

Мысли его прервало появление Марии. Она стояла перед ним с широко раскрытыми глазами

— Машенька, почему у тебя такие испуганные глазки? Ну, улыбнись. Мне нравится, когда ты улыбаешься, это сводит меня с ума от любви к тебе.

— На, свои проклятые газеты, чурбан неотесанный. Всю душу, ты мне вымотал, — в сердцах она даже не замечала, как из её васильковых глаз побежали слезы.

— Ну, так дело не пойдёт. Пошли со мной.

Антон взял её за руку и повел в палату. Маша шла за ним покорно, опустив голову. Войдя в палату, он усадил её на кровать, сел сам рядом и, обнимая её за плечи, ласково сказал.

— Машенька, милая, я очень тебя люблю. Ты прости меня и постарайся понять. Жениться я не смогу. Просто не имею права. Я не хочу делать больно ни тебе, ни себе. Я никогда не прощу себя, если ты будешь несчастлива. Не говори сейчас ни слова, только поверь, что я говорю тебе сейчас эти слова с болью в душе, и ещё неизвестно, кому сейчас больнее. Моя карма такова, что мне всю жизнь придется оставаться одиноким. Я никогда не женюсь. Люди, с которыми я связываю свою судьбу, как привило, погибают. Остаются только друзья. Я не хочу, чтобы тебя постигла участь моей жены и сына. Поверь, что это не просто слова, все это проверено на практике. Я жестоко страдаю от этого. Прощу тебя, не думай обо мне плохо. Я не черствый, не жестокий, я не в силах изменить тот рок, который преследует меня и моих родных. Давай останемся любящими друг друга друзьями.

Маша смотрела на него заплаканными глазами не понимая, что он ей говорит. Ей казалось, что сейчас земля уйдет из-под ног. Она нежно поцеловала его в обе щеки, и тихо прошептала.

— Спасибо тебе, Антоша, за честность. Как ни странно это звучит, но я почему-то верю тебе и даже готова быть тебе другом, но как это больно.

— Спасибо тебе, милая, за понимание, — и почти прошептал в задумчивости. — Если

бы ты знала, каких сил мне стоил этот разговор. Прости еще раз, если я чем-то обидел тебя.

— Ну, что ты, какие обиды могут быть. Это ты прости меня за то, что я плохо подумала о тебе.

— Хорошо, Машенька, давай все это забудем, как страшный сон, хотя как это можно забыть, не знаю. Давай лучше никогда не говорить об этом, а будем продолжать жить, как будто ничего не случилось.

— Хорошо, как скажешь, — она хотела встать, но разрыдалась, уткнувшись в его грудь.

Антон нежно обнял ее и, едва сдерживая набежавшие слезы, молчал, боясь зарыдать вместе с ней. Эти ее слезы, острее любого ножа, резали его сердце на части. Слова утешения застряли у него в горле, теперь он боялся даже рот открыть.

В эту минуту он проклинал все на свете, за то, что сейчас он лишился возможности любить дорогую ему женщину, и быть самому любимым.

Так они просидели несколько минут. В палату заглянул Док, но, увидев такую сцену, быстро ретировался, закрыв плотно за собой двери. Вскоре рыдания девушки стали тише. Она хотела встать, чтобы уйти, но Антон остановил ее.

— Постой, Машенька. Видно то, что я сейчас сказал тебе, покажется тебе совершенно непонятным. У меня не остается другого выхода. Если у тебя найдется время, я расскажу тебе всю свою жизнь. Может, тогда станет немного яснее для тебя.

Антон вкратце, как мог, рассказал всю свою судьбу, и почему его преследует злой рок. Как это отразилось на всей его судьбе.

— Теперь ты поняла, почему я не хочу связывать свою судьбу с любимыми для меня людьми. Поверь мне, и я обещаю тебе клятвенно, что в ближайшие два десятка лет я ни на ком не женюсь. Ты мне веришь?

Маша молча кивнула головой, но тут же вновь припала к его груди. Она прижалась к нему, как будто боялась, что ее любимое сокровище сейчас вырвут из ее рук. Антон понимал, что в данной ситуации следует разрядить обстановку.

— Машенька, милая, я клятвенно тебе обещаю, что пока я живу на этой грешной земле, я не женюсь ни на ком, даже на королеве Англии, даже если она очень этого захочет.

Приняв шутливый тон Антона, она подняла глаза, и ласково глядя на него, прошептала.

— Правда, не женишься на королеве?

— Клянусь, что, правда. Зуб даю, если обману, — подняв указательный палец вверх, добавил. — Но если вдруг я окажусь на Марсе или на Венере, и встречу там такую же красавицу как ты, то не обессудь, устоять второй раз я не смогу. Женюсь и рожу кучу маленьких марсиан. Но это только тогда, если ты не перестанешь плакать. Поняла? — Антон тихонько надавил указательным пальцем на ее чуть вздернутый носик.

— Ладно, Антоша, прости меня. Засиделись мы с тобой. Пойду я, меня, наверно, ищут уже. Я тебе обещаю, что мы с тобой будем хорошими друзьями, но только после того, как ты подаришь мне несколько ночей любви и счастья. Обещай мне это. Пусть для тебя это будет очередным эпизодом, зато я буду помнить это всю свою жизнь.

Антон вынужден был пообещать. Добившись обещания, Маша вышла из палаты, и в ту же минуту в нее вошли его друзья. На этот раз с ними был и Василек, его приезду он особенно был рад в данный момент.

Видя, с каким нетерпением они входили, догадался, что все это время его друзья тактично маялись в коридоре, давая возможность ему поговорить с девушкой. За это он был им вдвойне благодарен.

Приветствуя друзей, он в первую очередь набросился на Василия с расспросами.

— Васька, рассказывай быстрее, как там у тебя дома? Как Наташа, как дети. Только не говори о своей службе, мне своя надоела хуже горькой редьки.

— Да, что говорить. У нас все нормально. Завтра Наташка обещала приехать, вот она тебе все расскажет, а сегодня она пироги тебе передает. Ешь на здоровье, поправляйся. Ждем тебя в гости. Пацаны мои подслушали разговор, что ты нашелся, так готовы были бежать за машиной, так соскучились по тебе. Избаловал ты их до невозможности.

— Как же, избалуешься у такого диктатора, у тебя даже если бы были куры, то и те ходили бы строевым шагом.

— Вот приедешь, сам увидишь. Ладно, что о нас разговоры городить, ты лучше сам расскажи, почему это тебя контора замела. Что им вообще от тебя понадобилось.

— Давай-давай, рассказывай, — в один голос заговорили друзья, — ты и так уже четыре дня отлыниваешь от разговора. Мы здесь от любопытства чуть не иссохли совсем, а ему и дела нет.

— Ну, вот, слетелись как воронье на падаль. Давай рассказывай. Крови моей захотелось.

— Какая там у тебя кровь, — бормотал Док, — сыворотка одна, да и та с большим трудом может быть использована в целях анализа для студентов.

— Тебе сверху виднее, ты ведь у нас медицинское светило, тебе и ответ за это держать.

— Да, жираф он большой, и мне сверху виднее. А вообще, хватит припираться, рассказывай по-хорошему, иначе продержу тебя в клинике еще полгода. Посажу на диету, а чтобы ты не жировал, переведу Машу в другое отделение. Ну как, согласен?

— Ладно уж, уговорил, шантажист чертов. Ты ведь кровосос. Тебе лишь бы людям больно делать. Ты посмотри на него, какой кровопийца. Кровь, видишь ли, ему моя не нравится. Да у меня уже от твоих анализов целого пальца на руках не осталось. Все вены уже искололи. Столько крови взяли, и все им мало. Вы, что пьете ее, вампиры чертовы. Ребята, вы не поверите, но он уже мешка два из меня выкачал.

— Хватит причитать. Ты еще для пущей убедительности слезупусти.

— Начинай уже, — зашумели все.

— Я не знаю с чего начать.

— Ты начни с того момента, когда дал согласие сопровождать груз. Ведь насколько мы знаем, у тебя закончился срок командировки. В тот же день, когда ты вылетел, прибыл твой сменщик. Тебе не нужно было торопиться.

Антон начал рассказ. Он старался рассказывать все в мельчайших подробностях, чтобы слушатели могли понять даже его ощущения, так уж было заведено в их группе. Василий в это время не просто слушал, в его обязанности входило тщательно конспектировать все услышанное. Когда рассказ Антона дошел до случая, когда его укусила Мамба, Док прервал рассказ.

— Тебя укусила Мамба? Ты ничего не путаешь?

— Док, ты что, совсем меня за идиота держишь. Неужели ты думаешь, что за столько лет нахождения в разных регионах Африки я не научился отличать простую кобру от Мамбы?

— Я в этом не сомневаюсь. Меня поразило то, что после укуса аспида ты остался жив. Даже находясь в стационаре, укушенный человек не всегда выживает при наличии современной вакцины. А тут, один в горах, без медицинской помощи, этого я понять не могу. Твоя смерть должна быть неизбежной. Больше шести часов даже такой физически

развитой человек не может выжить в одиночку без помощи.

— Что, прочитал мне лекцию. Да я и без тебя все это знал. У меня была с собой одна инъекция, правда от укуса кобры или гремучника. Но этого было мало. Я прекрасно знал, что уже не жилец, поэтому старался найти себе подходящий уголок, где можно было укрыться и умереть спокойно.

Антон продолжил свой рассказ, но его вновь прервал доктор, когда он дошел до рассказа о том, как пил из углубления в камне черную жидкость.

— Теперь постарайся вспомнить все в подробностях. Что это была за жидкость? Какие ты испытывал ощущения? Может, показалось что-то странным и, вообще, как реагировал твой организм на нее? Какие у тебя были ощущения, как она тебе показалась на вкус?

Видя взволнованное лицо друга, Антон старался не упустить в своем рассказе ни одной мелкой детали.

— Стоп. Ты говоришь, что когда очнулся, то мучимый жаждой, ты выпил около литра кофе. Все, что было в термосе.

— Ну да, я это и говорю.

— Но из твоих слов, я понял, что ты провел в пещере двенадцать суток. Может, это случилось с тобою от воздействия большого количества кофе?

— Нет, конечно. Пойми, когда я очнулся, после того как выпил кофе, то одежда на мне была мокрой от пота. Тебе не надо объяснять, что за столь длительное время, одежда должна была высохнуть. Ведь высохла же грязь на мне, что я потом с трудом смог шевелиться. Получается, что после того как я выпил кофе, прошло не более двух часов, и то это с большой натяжкой.

— Теперь мне ясно. Эти двенадцать дней ты просто был в коме. Получается, что тебе помогла та самая черная жидкость. Это конечно похоже на горную смолу, но тогда почему так глубоко в камне, непонятно. Жаль, что ее нет у нас. Я бы сделал анализ, и все стало бы ясно.

— Слушай, Док, — вмешался в его рассуждение Сокол. — Тебе не кажется странным, что Тарзан, как ты утверждаешь, находился в коме, смог так много потерять в весе. Насколько мне известно, при коматозном состоянии организм замедляет свою деятельность. А за оставшиеся три дня он не мог так сильно похудеть.

— Я и сам прекрасно это понимаю, но у меня нет на этот вопрос ответа. Вот это меня больше всего беспокоит.

Антон продолжил свой рассказ. На этот раз его больше никто не прерывал.

— Это все, что я помню. Ну, а остальное, пусть Сокол расскажет.

— Ну, а остальное, что он не хочет говорить, я вам расскажу на досуге. Расскажу, как он решил в конторе в войнушку поиграть, как избил охрану, искалечил следователя и разломал всю мебель, — Сокол замолчал, искоса глядя на виновника.

— Из твоих слов выходит, что я такой супермен, что столь уважаемую организацию перевернул с ног на голову?

— Ну, этого я не говорил, но то, что дров ты там изрядно наломал, так я уже за это от начальства с избытком получил. Василек, ты закончил свою писанину?

— Все записал, слово в слово. Правда, упустил некоторые моменты, не все же нужно знать твоему начальству, а в основном они будут довольны рассказом.

— Прекрасно, — бегло просмотрев бумаги, одобрил Сокол. — Тарзан, теперь за тобой очередь. Иди, подпиши свой роман. Это мы облегчили твою задачу. Теперь тебе не придется

писать докладные начальству.

— Спасибо, друзья, что избавили от нудной писанины. С меня хватило и того, что я все утро писал в конторе. Второго раза я бы уже не выдержал.

— Все это прекрасно, — задумчиво произнес Док, — но меня сейчас беспокоит совсем другое

— Что опять у тебя не так? — удивился Сокол.

— Вот послушайте, друзья мои, к каким я пришел выводам. Дело в том, как правильно заметил Тарзан, мы несколько раз брали его кровь на анализы, и не только кровь, но и все остальное.

— Ну и что тут тебе не нравится? — продолжал Сокол — Больной идет на поправку. Смотри, какую он уже мордашку наел. Док, ты только посмотри на него, сытый, довольный и щеки горят, как у стыдливого мальчишки. От него хоть сейчас прикуривай, а ты все чем-то не доволен.

— Вот это меня и беспокоит. Вы, наверное, согласитесь со мной, что Тарзан далеко уже не юноша? Насколько мне известно он уже давно разменял пятый десяток. Так?

— Ну, допустим, а при чем здесь его возраст, не пойму?

— А вот при чем. В его возрасте нормальные люди о болячках своих хлопчут, а его анализы показывают, что ему от силы всего восемнадцать или двадцать лет. Вы это понимаете?

Наступила тишина. Три пары немигающих глаз устремились на доктора. В этих глазах читалось удивление и немой вопрос.

— Нет, вы не ослышались. В данный момент, его состояние организма, так показали анализы, говорит о том, что ему всего от силы двадцать лет. Это еще не все. Если бы вы внимательно на его взглянули, то смогли бы заметить, что внешне он тоже стал меняться, и совсем не в худшую сторону, а на оборот. Если бы не его, неизвестно откуда взявшаяся седина, вполне можно увидеть, что ему уже сейчас на вид можно дать не более тридцати пяти лет. Я почему-то уверен, что через полгода он станет выглядеть еще моложе. Я, конечно, не специалист в этом вопросе, и думаю, что современной науке этот феномен так же неизвестен. Но, тем не менее, факт остается фактом.

— Док, — прервал его Василий, — ты хочешь сказать, что через пару лет из нашего Тарзана получится обаятельная, седая мартышка?

Все дружно рассмеялись удачной шутке, но потом пристально стали смотреть на Антона. Потом наперебой стали утверждать, что он действительно немного помолодел, но это сказывается, скорее всего, отдых, после тех тяжелых испытаний, выпавших на его долю. Когда обсуждение немного сошло на нет, доктор продолжил.

— Я вот еще что хочу сказать, — и посмотрел на Сокола. — Так вот, товарищ генерал. Обращаюсь к вам не как друг и боевой товарищ, а как врач и профессор медицины. Я, как официальное лицо, входящее в состав медкомиссии, официально вам заявляю. Я не подпишу медицинского заключения, разрешающего почувствовать Тарзану в загранкомандировках. И не только связанных с локальными мероприятиями, но и с какими бы то ни было другими. Могу, в крайнем случае, разрешить выезд или на отдых, или на лечение, но это все, что я могу. Надеюсь, вы меня слышали, товарищ генерал?

— Ты что, предлагаешь списать его на гражданку?

— Не надо так радикально. Он с успехом может служить и дома. Надеюсь, что родина найдет для него применение. Пусть себе служит столько, сколько позволит его здоровье.

— Почему ты так решил?

— Объясняю. Мой запрет касается только заграничных командировок. Все остальное на его усмотрение. Поймите, он слишком часто и по долгу находился за границей. Его постоянное участие в военных конфликтах, наложило свой отпечаток на его психологическое состояние.

— Ты хочешь сказать, что я псих?

— Нет, конечно. Я не говорю, что ты болен. С психикой у тебя пока все в норме. Но пойми, что эти внутренние перемены в тебе прошли не просто так. Такое может случиться только от перенапряжения. Пойми меня правильно. Сейчас с тобой все в порядке, а если вдруг где-нибудь за границей, в каком-нибудь посольстве, у тебя вдруг произойдет психологический срыв. Хорошо, если в правильном направлении, а если наоборот. Теперь представьте, что у тебя что-то замкнуло в твоей голове, как в электронике, к примеру. Тебе вдруг покажется, что перед тобой враги. Что тогда произойдет, догадаться не трудно. Пойми, ты не просто военный офицер, ты спецназовец, а это говорит о том, что ты представляешь в таком состоянии для окружающих большую опасность. Вспомни то, что ты натворил в конторе с мебелью, могу с уверенностью сказать, что при других обстоятельствах, ты будешь представлять собой идеальную машину для убийства. Пока тебя успокоят, ты прольешь очень много крови. Пойми, это только мои предположения. Я очень надеюсь, что у себя дома с тобой этого не произойдет. А постепенно твое состояние может придти в норму. Тебе просто нужен домашний отдых.

— Ну, что же, поверим тебе, Док, на слово. Уж больно друзей терять не хочется. Нас и так с каждым годом все меньше и меньше остается. Я постараюсь сделать так, чтобы он оставался все время в Союзе, — и повернулся к Антону. — Ну, а ты, что молчишь, как будто тебя это не касается? Скажи, что ты об этом думаешь?

— Гриша, спасибо тебе, братишка, за заботу. Мне самому уже надоели эти командировки до чертиков. Все чужбина да чужбина. Скоро по-русски разговаривать разучусь. Не знаю, как вам это сказать. Мне почему-то последнее время хочется покоя. Не могу я это выразить словами.

— Хорошо, если нужен тебе покой, то я его тебе обеспечу. Но не думай, что я тебя отпущу на пенсию. Ничего подобного, будешь на базе молодежь готовить. Кто-то должен нас заменить. Вот и будешь готовить нам достойную смену. Если это тебя не устраивает, тогда мы отправим тебя в академию. Выучишься, постепенно станешь генералом, и будешь, как я в кабинете сидеть штаны просиживать. Будет у тебя время и жениться и детей завести, а когда совсем дряхлым станешь, то будешь на даче внуков нянчить.

— До внуков мне еще далеко, и генералом я быть не хочу, а вот инструктором поработаю с удовольствием. Сокол, я о другом хочу тебя спросить. Василек скоро заканчивает академию. Мне кажется, что ты не отпустишь его далеко, а заберешь к себе в Москву? Или я не прав?

— Конечно, заберу. Даже спрашивать не стану. Если он будет сопротивляться, то я натравлю на него Наталью. Она быстро ему мозги на место поставит.

— Вот и прекрасно. Василек, ты ведь сейчас живешь в моей квартире? Так вот. Давай сделаем так. Я выпишываюсь из госпиталя и перевожу свои вещи в твою квартиру, а Наташа с детьми пусть переезжает в мою. Незачем ей мотаться между городами. Семья должна жить вместе. Будет у меня свободное время, я перепишу свою квартиру на нее.

— Ты, что еще задумал. Ты вложил кучу денег в ее строительство, а теперь вот так просто хочешь переписать ее на Наталью?

— Да перестань ты бубнить, — прервал его Антон. — Я же тебе уже объяснил, что теперь ты будешь жить в Москве, а я в твоей квартире, неужели не понятно. И еще. Я хочу, чтобы твой старший сын, остался прописанным в Загорске.

— Я понимаю, что тебе хочется жить ближе к базе, чтобы не мотаться каждый раз в Москву на выходные, а всю неделю проводить в казарме. Я это все понимаю, но зачем ты хочешь оставить у себя моего пацана?

— Васька, ты как пентюхом был, так им и остался. Не буду я сейчас вступать с тобой в полемику. Придет Наталья, вот с ней я решу все вопросы. А вам одно скажу, не знаю точно когда, но могу сказать, что в недалеком будущем, именно твой сын станет хозяином в той квартире.

— А как же ты? — не унимался Василий.

— А я? Я вот, что вам скажу. Идите вы, ребята, уже домой, я устал и хочу спать. Доктор, я считаю, что аудиенция закончена. Не будем нарушать режим больного.

Антон лег на кровать и, скрестив руки на груди, закрыл глаза.

— Я же вам говорил, что он ненормальный, а вы не верили мне.

— Ладно, Док, не огорчайся, — сказал Сокол, — мы и так долго здесь сидим. Пошли мужики, пусть отдыхает.

Друзья ушли. Оставшись один, он с удвоенной силой почувствовал, как сильно устал за этот день. С утра он провел очень трудный, в эмоциональном плане, разговор с Марией, потом опять воспоминания прошедших недель не прошли для него без следа. Оставшись в одиночестве, он быстро погрузился во власть Морфея.

Через неделю ему надоело лежать без дела. Он вынудил Сокола отозвать его на работу. Чувствуя в себе прилив бешеной энергии, не свойственной его возрасту, он приступил к осуществлению своего плана.

Наташа была предприимчивой женщиной. Ему достаточно было намекнуть, как она поняла все и не стала сопротивляться. Через неделю семья Головановых отмечала новоселье в московской квартире. Мишка наотрез отказался ехать в московскую квартиру до конца учебного года. Пришлось им оставить его на попечение Антона. Чему Антон был очень рад. Ему нравился этот спокойный и уверенный мальчишка. Хороший спортсмен, он по окончании школы решил пойти по стопам своего отца.

Жизнь постепенно налаживалась. Антон занимался своим любимым делом. Он готовил специалистов для нужд армии. Не забывал он и о детях, которые успели соскучиться за время его отсутствия.

Антон, увлеченный своей работой, даже не заметил, как пролетело три года. Однажды Антону представилась небольшая командировка с группой курсантов ГРУ в Свердловскую область. В группе было десять человек. Им предстояло обучение в полевых условиях. На заброшенном руднике они оттачивали умение захвата и минирование секретного объекта.

Во время одной из тренировок его на связь вызвал командир базы. Поступил приказ. Антон со своей группой должен был помочь руководству соседнего исправительного учреждения по подавлению бунта заключенных. Встретившись с начальником колонии, он поинтересовался происходящим в зоне. Начальник колонии доложил:

— Понимаешь, полковник, зеки у нас бузу затеяли. Пять человек из obsługi в заложники захватили. Есть у них и оружие, только в каком количестве, пока не знаю.

— Где они сейчас находятся?

— В столовой.

— Интересно, и какие же требования они выдвигают?

— Что-то выдвигают, но ведь не это главное. Главное сейчас — освободить заложников.

— Кто руководит операцией?

— Мне позвонили и предупредили, что всей операцией будете руководить вы.

— Чем мы располагаем кроме моей группы?

— Кроме вас у меня рота охраны и шесть человек из группы КГБ.

— Опять контора, — вздохнул Антон, — мог бы и догадаться. Значит так. Без моего разрешения никакие действия не предпринимать. Я тем временем постараюсь узнать, что за буза и как предотвратить ее малой кровью. Это ясно?

— Ясно — со вздохом ответил начальник.

Поведение начальника колонии показалось Антону подозрительным. Но он не придавал этому большого значения. Все-таки буза в зоне — это всегда неприятности для руководства.

Операция по усмирению бунта, и правда, при содействии Антона прошла быстро и без большой крови. Антон, имея опыт переговорщика, уговорил заключенных освободить заложников и разойтись по баракам. Пообещав со своей стороны, что преследования не будет.

Эта маленькая победа стоила ему тяжелого ранения в грудь, и совсем не со стороны

заключенных, а со стороны своих. Кто сделал этот роковой выстрел, никто не узнает, и следствие прекратят. Зато узнает Антон, правда много лет спустя.

По этому эпизоду разгорится межведомственный скандал. Но толку от этого будет мало. Антон вновь попадает в руки нашего доктора. После тяжелейшего ранения он очень медленно возвращался к жизни. Его, теперь уже молодой и крепкий организм, взял верх над смертью.

Вскоре он настолько окреп, что доктор Сомов разрешил ему прогулки по территории госпиталя.

Было начало сентября. На деревьях появлялись первые желтые листья. В парке было красиво и тепло. Антон с удовольствием гулял, наслаждаясь красотой парка и дыша свежим воздухом.

В один из таких дней, гуляя по парку, он вдруг почувствовал резкую боль у основания черепа. Он знал, что его интуиция подсказывает ему, где-то рядом поджидает опасность. Сосредоточившись, стал прислушиваться к окружающей местности. Напрягшись, он вычислил ее. Опасность исходила от человека, идущего за ним по тропинке.

Вскоре он услышал щелчок. Такой звук издавало лезвие ножа, когда его выталкивает пружина из рукояти.

Антон ожидал нападения. Он ни разу не обернулся, полагаясь только на свои ощущения. Дождавшись нужного момента, резко обернулся к нападающему. Это был молодой человек, совершенно неспортивного вида, зато с холодными, как лед, глазами.

От неожиданности парень оторопел. Антон за доли секунды успел заметить, что перед ним обыкновенный уголовник. Видны были даже наколотые перстни на пальцах. Ударом ноги Антон выбил из рук нож. Парень оказался опытным в таких делах. Догадавшись, что перед ним очень серьезный противник, в считанные доли секунды он перемахнул низкий кустарник, и, петляя между деревьями, побежал к забору. Антону не было необходимости преследовать его, поэтому он наклонился, поднял нож и положил в карман.

Во второй половине дня, как и раньше, в его палате собрались друзья. Василек, Сокол и, конечно же, Док. Антон очень любил его. Этого уже слегка постаревшего, невысокого, человека, с его странными, смешными очками, которые всегда висели у него на кончике носа. Его просто нельзя было не любить. Гриша был широченной души человеком с добрым сердцем и золотыми руками.

Этими руками он тысячи человек вытаскивал практически с того света и Антон — не исключение. Он был потрясающе надежным другом. Всегда заботился о друзьях, порой проявлял негибемый характер, доказывая перед начальством свою позицию.

Вот и в этот день, по-видимому, созвонился и назначил встречу. После приветствий и объятий первым заговорил Сокол.

— Ну, что? Живой, бродяга.

— А ты что, уже похоронил меня? Даже не надейся. Док спокойно умереть еще никому не давал. Друзья, вы не поверите, но этот эскулап прописал мне столько уколов, что моя задница похожа на сито. Я теперь даже сидеть не могу. Но я не отчаиваюсь. На ближайшем пикнике я на нем отыграюсь. Залью в него все спиртное, какое на тот момент у нас будет. Если будет сопротивляться, то сниму с него штаны и посажу голым задом на муравейник. Пусть они ему уколов наставят.

— Вот теперь узнаю нашего Тарзана, — от души посмеялся Сокол, — а теперь рассказывай все, что произошло и как всегда с подробностями.

Антон рассказал друзьям все, что с ним приключилось в командировке со всеми подробностями.

— Теперь все понятно, — высказался Сокол после подробного рассказа, — и верю только тебе, потому что знаю тебя лучше других. Но то, что говорит противоположная сторона, меня сильно напрягает.

— А в чем дело?

— Дело в том, что этим инцидентом заинтересовалась прокуратура МВД. Заметьте, без нашего участия, хотя наше подразделение принимало в этом непосредственное участие, и пострадал в нем наш человек. Зато активное участие принимает контора. Из данных дела можно делать вывод, что ты сам назначил себя руководителем операции. Стрелял в тебя кто-то из заключенных. Оказывается, что операция по подавлению бунта оказалась под угрозой срыва, и это продукт деятельности неподготовленного и самоуверенного сотрудника ГРУ. Короче, они ищут козла отпущения и жаждут твоей крови.

— Понятно, а что будет теперь со мной?

— Плохие дела, Антон. Они хотят показательного суда над тобой. Ты был прав, когда говорил нам, что у тебя есть очень влиятельный враг в конторе и, по-видимому, не простой. То, что они затеяли такую возню, говорит о том, что враг этот занимает у них очень высокое положение. Я подключался к этому делу. Навел справки и свои выводы доложил руководству. Мои выводы подтверждают и твои слова. Конечно, руководство согласилось со мной. Мы стали на твою защиту, но сделать ничего не смогли. Тебе ведь не надо объяснять, что страной сейчас правит контора. На армию сейчас всем наплевать. Должного расследования не будет, и заниматься этим никто не будет. Тех выводов, которые они сделали, для суда будет достаточно. Но мы все же надавили на них, и пришли к компромиссу. Ты будешь уволен и отправлен на пенсию. Стажа для этого у тебя с лихвой хватит. Пойми, Антон, правды мы все равно не добьемся, а только навредим тебе еще больше. Извини меня, но я уже отправил рапорт об отставке от твоего имени. Это нужно было сделать как можно быстрее. Время не ждало, а ты был на грани жизни и смерти. Поэтому я взял на себя такую смелость и от твоего имени написал рапорт, зная, что ты поступил бы также. Теперь ты пенсионер и гражданский человек. Остальные документы мы оформим после полного выздоровления.

— Но как же так, — возмутился Василек, — неужели командующий ничего не мог сделать?

— Василек, ты право, как ребенок. Поверь мне, мы выходили на министра обороны. Он тоже не смог ничего сделать, а может, просто не захотел из-за полковника ссориться с властями. Не знаю. Единственно чего мы добились, так это увольнения без всяких скандалов и судов.

— Как же так. Он что не министр уже, и что значит, не хочет ссориться?

— Ты, Василек, вроде как не в Москве служишь, а где-то на необитаемых островах. Ты что не видишь, что творится в стране? Власть взяла в свои руки контора. Им глубоко наплевать и на самого Горбачева, и на министерство обороны. Ты посмотри, финансирование армии сократилось в несколько раз. На военных заводах сворачиваются новейшие разработки. Наши высокотехнологические предприятия начинают выпускать вместо военной техники кастрюли и сковородки. И это вместо ракет и кораблей. Генеральный секретарь, под неусыпным контролем своей жены, ездит по всему миру, разглагольствуя о мире во всем мире и заниматься разоружением, заметь, в одностороннем

порядке. Идет масштабное сокращение стратегического вооружения. Под резак стали пускать подводные лодки. Да что я вам все это объясняю. Вы взрослые люди и видите все не хуже меня. Я уверен, что если так будет продолжаться, то нашей страны просто не станет.

— Меня, конечно, это тоже беспокоит, — не унимался Василек, — но в данный момент я больше переживаю за Антона. Не будут ли они преследовать его на гражданке?

— Насчет этого дела можете быть спокойными. Я ведь тоже не сегодня спустился с пальмы. И у меня есть свои каналы в МВД. Я навел справки и выяснил, что в той зоне были большие хищения. Заключение не выдержали издевательств и голода, поэтому и подняли бунт. Только благодаря этим данным они пошли со мной на компромисс. Дело против Антона сожгли у меня на глазах. Мне кажется, что возобновлять его они уже не станут. Я не исключаю того, что они могут возобновить гонения на Тарзана, но тогда им придется придумать новую версию. Мне кажется, что они на время оставят Тарзана в покое. Я не плохо разворошил этот гадюшник. Им срочно пришлось снять все руководство колонии, а начальника перевели куда-то далеко на север. Там ему самое место. А насчет покушения на Тарзана скажу. След его тянется в контору, это однозначно, и сомнений быть не может. Кому-то Тарзан стал поперек горла. Вспомните хотя бы случай трехгодичной давности. Мне не удалось узнать, кто за этим стоит, но то, что именно оттуда несет сильной вонью, в этом нет сомнения. Кто-то очень сильно хочет убрать Антона.

— А вот вам еще одно доказательство, — Антон бросил на стол нож, отобранный утром у напавшего на него парня, — не удивляйтесь, сегодня во время прогулки в парке меня этим ножом хотел какой-то урка жизни лишить. Как видите, своих намерений они не оставляют. Это не простое совпадение или банальное ограбление. Представьте себе, какой грабитель станет грабить больного человека, который прогуливается в одном больничном халате. Поэтому я считаю, что Сокол правильно поступил. Я уйду на гражданку. Найду работу в какой-нибудь школе. Буду преподавать иностранные языки или физкультуру. Думаю, что без работы я не останусь.

— И что, вот так запросто ты сдашься, — начал шутливо Док, сам в душе довольный, что наконец-то его друг будет, как все люди жить рядом, а не где-нибудь в Африке. — А как же жажда справедливости и мести? Как же высокое чувство патриотизма за доброе имя нашей армии? Или для тебя эти слова уже пустой звук? — ехидно глядя на Антона, закончил он.

— Ты меня просто засыпал вопросами. Не знаю, как тебе отвечать на них. Вопросы трудные.

— Но ты ведь у нас самый просвещенный, вот и постарайся на них ответить. Или такие простые вопросы поставили тебя в тупик?

— Док, не надо прикидываться глупцом, особенно перед друзьями. Мы знаем тебя даже лучше, чем ты сам себя. А вот что касается твоих вопросов, то они действительно трудные. Но, тем не менее, я постараюсь на них ответить. Начну с мести. Мстить я никому не собираюсь, по крайней мере, до тех пор, пока они меня не достанут окончательно. Если оставят меня в покое, то еще раз повторюсь, мстить я не буду. Что касается справедливости, то боюсь, что ее в нашей стране никогда не будет. Справедливости нет не только в нашей стране, ее нет во всем мире.

Возьми, к примеру, любое государство или народность. Везде сильные и богатые угнетают бедных и слабых, и совсем не важно какую они при этом исповедуют идеологию. Возьмем, к примеру, флору и фауну. Здесь все предельно ясно. Борьба идет за выживание,

если я не съел тебя сегодня, ты съешь меня завтра.

Но мы-то в этой среде существа разумные и, кажется, что должны были договориться, но не тут-то было. Идет жестокая борьба между себе подобными. Каждый, добравшись до кормушки, старается урвать, как можно больше власти и богатства. Где же тут вести разговор о справедливости. Нет ее у нас, думаю, что в ближайшие столетия не будет. Что касается доброго имени нашей армии, то не мы это имя втоптываем в грязь. Это чинуши из мира высокосидящих втоптали в грязь не только имя армии, но и наши имена, а также имена тех, кто с риском для жизни исполнял свой долг, не задумываясь о привилегиях и богатстве. Если ты сомневаешься в моих словах, то пять минут назад то же самое тебе сказал Сокол. Что касается чести и достоинства. То ты знаешь, что, к примеру, я не уронил ее за те двадцать пять лет моей службы на благо родины. А как меня отблагодарила родина за мою службу, ты только что узнал от Сокола. Обидно не за то, что меня власть выбросила, как на помойку изношенную деталь механизма. Обидно, что за все эти годы преданной службы, меня еще хотят посадить в тюрьму. Конечно, мне обидно, что это никого не интересует кроме друзей.

— Не ты первый, не ты и последний, — философски заметил Док, — ты должен отбросить чувство обиды, иначе какой из тебя патриот своей страны. Или чувство патриотизма для тебя уже ничего не значат?

— Вот в этом наша беда. Какой пример патриотизма может для себя уяснить молодой еще человек, глядя на то, как его старшего товарища выбрасывают на улицу, при этом пытаются повесить на него все грехи чиновников. А мы при этом все как попугай в один голос твердим, ну не одного же меня, есть еще люди, которым хуже, чем нам. Если человек будет утешать себя такими сравнениями, то о каком патриотизме вести разговор. А ведь именно такую идеологию нам навязывают с самых пеленок. А тому обывателю, который будет иметь свое мнение, действительно будет гораздо хуже, чем кому бы то ни было. Тогда будет плохо не только обывателю, но и всей его семье, и даже его родственникам. Думаю, что вам не надо напоминать о великих репрессиях тридцатых-сороковых годов. Можно сказать, что то же самое продолжается и по сей день, только не в таких масштабах как раньше.

А вот патриотизм, мой друг, это совсем другое явление в наше время. Ответить на этот вопрос, ой как трудно. У каждого человека свое понятие о патриотизме. Смысл этого слова каждый человек понимает по-своему. Для одних — это он и его семья, для других — это власть над людьми, для третьих — еще что-нибудь. Только для очень небольшого круга людей патриотизм — это чувство долга, как перед собой, так и перед своей семьей и перед родиной, перед землей, на которой он живет, и перед людьми, которые ее населяют. Это чувство, которое начинают воспитывать в человеке с первого его вдоха и до последнего. Так из поколения в поколение, человеку прививают любовь к своей родине, к своему народу, к своим родным и близким. Человек, воспитанный с правильным понятием о патриотизме, может без всякого колебания пожертвовать собой ради высоких целей, направленных на благо своего народа, или для защиты своей родины от внешних врагов. Он, не раздумывая, пожертвует собой ради спасения детей или близких ему людей. Раньше такое было повсеместно и воспитанию любви к родине, уделялось очень большое внимание.

— А разве сейчас не воспитывают? Или ты считаешь, что современное воспитание хуже, чем было раньше?

— Док, не надо мои слова переворачивать с ног на голову. Я хочу сказать, что в наше

время, если и происходит где-то героический поступок, то это событие, как правило, замалчивают. Посмотри, перед тобой сидит живой пример. Наш Василек, герой СССР, много о нем знают другие люди? Никто не знает, кроме узкого круга людей. И таких примеров можно привести уйму. Но зато у нас много дутых героев. Некоторые из них палец о палец не ударили. Просто им повезло оказаться в нужном месте в нужное время. А ведь это просто обман. Вспомните, что началось, когда раздули метод Стаханова. Это чистой воды обман населения. Власти нужен был предлог заставить народ работать до изнеможения, вот и заставили на примере Стаханова. У власть имущих одна забота. Пусть обманутые батраки работают до седьмого пота, чтобы времени им хватало на скудный обед и сон. Они заставляют народ думать только о том, как больше заработать, чтобы прокормить свою семью. А представьте, что народ будет сытым и свободным. Да это же грядущая революция. Естественно, власти этого не хотят, для этого и загоняли нас в колхозы, заставляя работать за трудовни, лишая этим всех людей простых человеческих свобод.

— Так ведь раньше тоже были богатые и бедные.

— Согласен с тобой, — перебил его Антон, — я понимаю, что ты хотел сказать. Пойми и ты. Меняются времена. Проходят столетия, и жизнь не стоит на месте. Я понимаю, что у нас исчезла неграмотность, и прогресс шагнул далеко вперед. В наш космический век сильно развиты различные технологии, и многое другое. Вот тут-то сам бог велел воспитывать людей, а особенно молодежь, на высоких чувствах патриотизма. Я приведу один пример из девятнадцатого века. Я полностью текст не смогу восстановить этого рассказа, но я постараюсь вам рассказать так, как я его понял.

Во время войны 1812 года молодой юноша семнадцати лет готовится к сражению с войсками Наполеона. Его денщик, уже немолодой солдат, помогает ему. Он подводит к барину двух лошадей. Молодой барин спрашивает его:

— Ты зачем привел две лошади? Мне вполне хватит и одной. Оставь вторую лошадь в хозяйстве. Без нее будет очень трудно, — он имел в виду, что в то военное время в поместьях очень мало осталось лошадей. Так как основная часть их была реквизирована на нужды войны.

— Как скажете, — ответил ему солдат, — но имейте в виду, что я не поспею за вами, если буду пешком без лошади.

На что барин ему ответил:

— Нет, мой боевой товарищ, теперь эта битва моя, а не твоя. Возможно, эта битва будет для меня первой и последней, но я обязан быть там впереди своего отряда. И если мне будет суждено пасть на поле брани, то я буду уверен, что жизнь свою я отдал не зря. Я с легкостью отдам свою жизнь за царя и отечество, за свой дом и свой народ. Знай, мой дорогой солдат, что если я погибну, то во славу родины и чести мундира. Ты помни это и передай всем, что мундир мой будет запачкан только пятнами вражеской крови, но никак не пятнами трусости и позора.

— Но барин, — не понимал солдат, — почему вы в столь трудное время не возьмете меня с собой. Я старый солдат, но будьте уверены, я сумею прикрыть вашу спину.

— Я уверен в твоей храбрости и мужестве, — ответил ему барин, — вот поэтому ты остаешься дома. Не обижайся на меня солдат, я знаю и уверен, что в эту лихую годину ты был бы для меня тем самым надежным щитом, который прикрыл бы мою спину. Но поверь мне, этим щитом ты сейчас будешь здесь в усадьбе. На твои, солдат, плечи ложится забота о всех тех, кто сейчас остается дома. Их тоже нужно защищать от лихих людей. Я уверен, что с

этим ты справишься, хоть и будет тебе нелегко. Из нашего рода я уйду на войну последним. Теперь весь груз ответственности за женщин и детей, да и за всех крестьян нашего имения, ложится на твои плечи, и кто знает, кому из нас будет легче.

— И что ты этим хочешь сказать, — не сдавался Док, — в чем конкретно заключается суть твоего рассказа?

— А суть, на мой взгляд, такова. Уходя на войну, юноша, прекрасно понимал, что опыта в военном деле у него мало, а шансов выжить в этой битве просто нет. Он уверен, что не вернется, хотя мог бы остаться дома, и никто его за это не осудил бы. Но он идет, оставляя вместо себя своего денщика, без которых в то время офицеры не могли обходиться.

Оставляя его дома, он возлагает всю ответственность за судьбу своей семьи на старого солдата. Он уверен, что старый солдат справится с этой задачей и не предаст ни его, ни его семью. Вот в этом и заключается настоящий патриотизм. В то время в богатом сословии молодые люди, не зависимо от их основного образования, в обязательном порядке получали еще и военное образование. Даже в мирное время они проходили в обязательном порядке военные сборы.

Но при первых же признаках военных действий они оставляли свои гражданские дела и вновь поступали на военную службу, не дожидаясь призыва. Это считалось долгом и честью — послужить своему отечеству. Посмотрите, что творится сейчас.

Сынки чиновников не хотят учиться, но их папы все равно стараются пристроить своих чада в престижные вузы, мешая тем самым талантливым детям пробиться в хорошее учебное заведение. Я не говорю о том, как они ограждают своих детей от службы в армии. Вот такие нахлебники, недоучки, потом присасываются как пиявки к телу трудового народа и сосут его кровь.

Но мало этого, они ведь совершенно не заботятся о тех, чью кровь пьют, и более того, стараются еще укунить побольнее. А когда приходит время воевать, то у них один ответ: моя хата с краю я ничего не знаю, и стараются спрятаться за спину простого народа.

И таких становится с каждым годом все больше и больше. Они, присосавшись один раз, уже не отрываются, а наоборот, тянут за собой своих детей и других родственников. Они никогда не поинтересуются у рабочего человека, как он, отпахав свою смену у станка или на полях, выстаивает огромные очереди у пустых прилавков магазинов, стараясь хоть что-то урвать, дабы прокормить свою семью. У таких как они, всегда все есть. Есть у них и роскошные квартиры, и дачи, и автомобили с персональными водителями. Им необязательно стоять в очередях. Они обеспечены продовольственными пайками, с такими названиями продуктов, что простой люд даже во сне не может таких названий услышать, не то чтобы попробовать.

Вот такие кровососы и стараются побольнее укунить простого человека, чтобы угодить своему высокому покровителю. Мы заблуждаемся, когда говорим, что о нас кто-то заботится. Напротив, все говорит о том, что у нас всегда будет вестись борьба чиновников против своего народа. Мне кажется порой, что эта война никогда не закончится, сколько бы народ революций не делал.

После любой революции одни кровососы сменяют других, и все переходит в следующую фазу противостояния. Всегда найдутся те, кто хочет вкусно есть и сладко спать.

Во время разговора Сокол молчал, задумчиво глядя в окно. Зато Док и Василий напали на Антона, как стервятники, защищавшие свое гнездо с птенцами. Они с жаром утверждали, что политика партии и правительства направлена исключительно на благо населения, и все

что делается, все это только для народа и во имя его.

Они упрекали Антона в том, что он, будучи непартийным, мало понимает о деятельности партии. Действительно, из них только Антон был беспартийный. Его партийное руководство не раз упрекало по этому поводу, но он всякий раз находил причины. Он часто ссылался на то, что он не готов еще, или нет времени пока находится в командировке, и множество еще различных причин. Он делал все возможное, чтобы, как он считал, быть свободным от обязательств. Потом как-то само по себе все их старания забылись, и в конце концов на него махнули рукой и забыли.

— Ну, хорошо, — перебил жаркий спор друзей Антон. — Вы говорите, что у меня нездоровая ностальгия по прошлому.

Вы сами подумайте, если бы один чиновник пришел к барину и обидел его крепостного крестьянина. Он бы не стал долго раздумывать, а просто наказал бы чиновника всеми для него доступными способами. Помещик ведь не дурак, он прекрасно понимал, что благодаря его крепостным, он имеет хорошее благосостояние и положение в обществе. Я не говорю, что все было так идеально. Помещики тоже обижали своих крепостных. Но это можно понять, это его крепостные, и никому другому этого позволить он не мог.

Я не оправдываю ни в коем разе крепостное право, но и в то жестокое время барин заботился о своих людях, даже в случаях неурожая он поддерживал своих людей, не давал им погибнуть от голода.

А что было при нашей власти? Возьмем, к примеру, колхозы. Разве колхозники не те же крепостные крестьяне? Они такие же крепостные, с той лишь разницей, что в роли барина выступает государство. У них тот же самый каторжный труд, от темна до темна. С одной разницей, что за каторжный труд крестьянина кормил барин, а наше государство, не заплатив за трудодни, дает возможность крестьянам выживать самим, как они сумеют.

Оно открестилось от них небольшими приусадебными участками. Вспомните, как их государство отблагодарило за их тяжелый труд. Зимой люди от голода выходили в поля и из-под снега раскапывали оставшиеся от урожая прогнившие колоски. Они собирали их замершими руками, надеясь хоть как-то прокормить своих детей. Но нет, и этого им не позволяли. Власть считала, что лучше пусть эти колоски сгниют на полях, но не достанутся людям.

А результат. Родителей ловили на полях, и сажали в ГУЛАГ, из которых не все возвращались. Дети, если не умирали с голода, то попадали в детские дома, лишившись заботы и ласки родителей. И я спрашиваю вас. Разве это самая лучшая доля для народа, разве об этом мечтает простой человек?

Вспомните, как раньше богатые меценаты, строили на свои средства пансионаты, больницы, школы. Вспомните, в то время благотворительность была модной, как сейчас модная зарубежная косметика для богатых модниц. На пожертвования меценатов были построены лучшие театры, храмы, уникальные соборы. Строились дома с такой архитектурой, что и ныне люди любят ее. И даже в наше время на них приезжают полюбоваться зарубежные гости, и мы, не стесняясь, ведем их смотреть и с гордостью показываем какие мы молодцы, что у нас остались все же некоторые достопримечательности из нашей истории.

А какой архитектурой можно похвастаться в наше время? Стоят безликие коробки, с квадратными проемами для окон. Даже административные здания и те однотипные, серые и обязательно с памятником Ленина перед фасадом. И это все в наше время с новейшими

технологиями строительства.

Раньше заботились о духовности человека, поэтому и строили с художественным вкусом и на века. По возможности богатые люди скупали за рубежом скульптуры и произведения искусств. Я не стану вам говорить о том, как с этими ценностями поступила наша молодая советская власть.

Вы знаете, что после революции были разграблены не только музеи, но и храмы. Все, чем гордилась империя, и все, что она скопила за последние столетия, все было уничтожено, а самое ценное вывезено за границу и продано за бесценок. Наша родина лишилась не только ценностей.

Вспомните, как уничтожалась научная элита общества. Мы ведь в то время остались без учителей, без инженеров, без грамотных экономистов. Интеллигенция была полностью уничтожена. Наша страна в то время могла лишиться и Сибири с дальним Востоком. Только благодаря такому реформатору как Столыпин, который за очень короткий срок сумел заселить людьми всю Сибирь и восток. Люди смогли отстоять свою землю от иностранных интервентов. Но нашлись горячие головы, которые прямо в театре застрелили Столыпина, лишив страну грамотного экономиста и реформатора.

Зато потом устроили революцию. Разрушили все, что смогли. Храмы и монастыри взрывали или превращали в конюшни. Священников сотнями казнили. К власти пришли совершенно неграмотные люди, зато с большими амбициями и потребностями. Подтянули к себе своих сторонников, и началась тотальная борьба с собственным народом.

Вспомните, как доведенные голодом до отчаянья люди начали бунтовать, их просто согнали сотрудники ЧК и расстреляли. Не пожалели даже малых детей и беспомощных стариков. Я где-то читал, что после одной из таких акций, один высокопоставленный чекист жаловался, что у него, видите ли, устали пальцы нажимать на спусковой крючок, расстреливая непокорных сепаратистов.

И не надо меня убеждать в том, что власть заботится о людях. Вы сами были в командировках в европейских странах. Видели, как выглядят там фермерские хозяйства. Все у них построено аккуратно и с удобствами. Вот у них власть заботится о своих крестьянах. Им выделяются и кредиты под малый процент, и субсидии различного направления. Они не ссылаются на то, что страна в разрухе после войны. Европа тоже пострадала, не только мы.

Если бы наше правительство не старалось устроить коммунизм на всей планете, а думало о своем народе, то и мы жили бы не хуже европейцев, а даже лучше. Пока наш народ живет в нищете, наше правительство вкладывает огромные средства в экономику разных бедных стран. Вспомните Кубу, Латинскую Америку, а скольким странам в Африке мы помогали, а тот же Вьетнам, Корея, Китай. Все эти вложения пущены на ветер, а свой народ голодает.

Мне хоть и трудно говорить об этом, но я все же скажу. Долго такое продолжаться не может. Я уверен, что не за горами то время, когда народ взбунтуется и грянет буря. Возможно, что вновь начнется братоубийственная война, и мы опять начнем убивать друг друга. Поверите, не я один так думаю. Вам об этом ненавязчиво уже намекал и Сокол. Он, конечно, по своему статусу не может вам сказать напрямую, но я, будучи уже гражданским человеком, говорю вам все прямо и открыто. Я прав, Сокол? На сколько еще хватит терпения у людей? На десять лет или на пятнадцать?

— Ты полностью прав во всем, что сейчас сказал, и я с тобой во всем согласен. Не согласен только в сроках. Боюсь, что изменения в нашей стране начнутся раньше, чем мы

думаем. Мне кажется, что в ближайшие пять лет может все измениться, и не только я так считаю. Многие там, наверху, придерживаются такого же мнения. Если наш всеми любимый Михаил Сергеевич и дальше будет летать по стране и кормить народ обещаниями лучшей жизни, а не займется радикальными изменениями в стране и экономике, то народ не выдержит и взбунтуется. А если наш народ восстанет, то его трудно будет остановить, и крови прольется много. Горбачеву срочно надо разогнать дом престарелых в правительстве. Надо набрать молодую боеспособную команду из хороших экономистов, хозяйственников и начать действительно радикальные реформы. Но до тех пор, пока он будет слушать советы собственной жены, ничего не изменится, а только будет хуже. Я вообще не могу понять, кто у нас руководит страной?

Все молчали. Разговор, действительно, оказался непростым, но даже в какой-то мере опасным. Док уже и сам был не рад, что затеял все это. Ему просто было интересно, что по этому поводу думал Антон. Он был удивлен тем, что Антон, казалось бы, равнодушный к политике, вдруг так ясно и понятно проанализирует действия политиков.

Тишина затянулась. Каждый думал о чем-то своем. Первым не выдержал Сокол.

— Ну, что, бойцы, замолчали? Нечего сказать в ответ? А Антон — молодец, разделал вас под орех. Учитесь у него анализировать обстановку, в которой вам приходится жить. Ладно, друзья, закончим этот разговор. Нас слишком еще мало, чтобы переломить позвоночник всей системе. Давайте будем расходиться, а ты, Док, долечивай этого инвалида, а мы найдем еще время для этого разговора.

Антон, оформив нужные документы, стал гражданским человеком. Сидеть без дела в таком возрасте он не захотел, поэтому обратился в одну из школ в поисках работы. Директор школы, пожилая дородная женщина, ознакомившись с его послужным списком, не раздумывая, зачислила его в штат, даже не взирая на то, что учебный год уже начался.

Теперь Антон был преподавателем английского языка, и в некоторых классах вел уроки физкультуры. Два раза в неделю он по вечерам руководил спортивными секциями. Все шло прекрасно. Антон постепенно отвыкал от военной жизни. Этому способствовал тот факт, что ему больше всего нравилось заниматься с детьми. Занимаясь с подростками, он сам как будто молодел.

В возрасте почти пятидесяти лет его организм был двадцатипятилетнего человека. Обладая такой молодой энергией, он и сам часто дурачился с детьми. Детям это очень нравилось, но, тем не менее, дисциплина на занятиях была строгой.

Антон, как оказалось, был для них не просто рубаха-парень, но когда требовали обстоятельства, был требовательным и строгим. За это его полюбили не только дети, но и весь педагогический коллектив.

Антон, казалось, был счастлив, но счастье для него всегда оказывалось в роли мотылька. Помахав крыльшками, оно всегда улетало. Так случилось и на этот раз.

От дома до школы и обратно он всегда ходил пешком. Ему нравились прогулки по свежему воздуху. Да и расстояние было незначительным, всего чуть больше километра. Его путь пролегал через небольшой сквер, затем начиналась строительная площадка нового микрорайона. Пройдя по тропинке, он попадал на пустырь, заставленный бетонными плитами и блоками. Затем он проходил еще один квартал по улице и оказывался у себя дома.

Часто по вечерам возвращаясь с работы, встречал на пустыре местную шпану. Они, как правило, сидели на плитах. Одни играли в карты, пили пиво, другие брэнчали на гитаре, развлекая девочек.

Антонна знала вся округа, поэтому его никто не задевал, а наоборот, вся молодежь относилась к нему с уважением. И как ни странно, он никогда не видел, чтобы ребята выясняли отношения между собой в драке.

В начале лета, после сдачи выпускных экзаменов, выпускники готовились к выпускному балу. Для Антона это было приятным событием.

В один из таких вечеров, он, как всегда, шел через пустырь. Вдруг услышал женский крик, призывающий о помощи. Он заторопился на крик, и вскоре за одной из стопок плит увидел, как пять здоровых парней, которых здесь никогда не видел, пытаются изнасиловать молодую девушку. Девушка кричала и пыталась вырваться.

Антон в два прыжка оказался рядом. Стараясь никого не покалечить, разбросал хулиганов, отвесив при этом каждому по хорошей оплеухе. Глядя вслед убегающим хулиганам, заметил человека, наблюдавшего за происходящим. Рассмотреть его, как следует, не успел.

Мужчина, увидев, что Антон пристально посмотрел на него, быстро скрылся за плитами. Единственно, что успел Антон заметить, так это рыжие волосы, выбивающиеся из-под кепки, надвинутой на глаза. Антон не стал заострять на этом внимание, повернувшись, поспешил помочь девушке. Девушка, оказалась довольно симпатичной и с хорошей фигурой.

Антон невольно залюбовался красивой блондинкой. Девушка, скорее всего, применяла косметические средства, чтобы выглядеть моложе, но опытный глаз Антона сразу определил, что ей около тридцати пяти лет, не меньше.

— С вами все в порядке? Ничего не болит?

— Спасибо вам. Со мной все в порядке. Если бы не вы, я не знаю, что со мной было бы.

— Не отчаивайтесь, главное, что все обошлось. Просто вы оказались не в том месте и не в то время, вот и все. Вы, по-видимому, не здешняя, раз оказались на этом пустыре. Местные, как правило, здесь не ходят. Здесь только хулиганы собираются.

— А как же вы здесь оказались? Разве вы хулиганов не боитесь?

— Меня они не трогают. Я местный житель и многих знаю лично, но вот этих я вижу здесь впервые.

Девушка, отряхивая платье, искоса поглядывала на своего спасителя, взгляд ее был оценивающим. Это слегка насторожило Антона. Он хотел по старой привычке прочесть ее мысли, но в его голове вдруг стал какой-то блок и не позволил ему сделать это. Он не стал больше предпринимать попыток, списав неудачу на усталость и волнение перед красивой девушкой.

Забегая вперед, скажу, это была его большая ошибка. Сосредоточившись, он смог бы проникнуть в ее мысли, а, сделав это, он избежал бы многих неприятностей. Вместо этого он представился красавице.

— Меня зовут Антон.

— Очень приятно, а меня зовут Лариса.

— Послушайте, Лариса, у вас порвано платье. Я предлагаю вам пойти со мной. Я живу здесь недалеко. У меня найдется иголка с ниткой. Вы сможете зашить свое платье, — видя, что девушка колеблется, он стал уговаривать ее. — Да вы не опасайтесь меня, я не сделаю вам ничего дурного, и вообще, не идти же вам по городу в разорванной одежде.

— Спасибо вам, Антон. Я так благодарна вам за вашу помощь. И спасибо за приглашение. Платье действительно нужно зашить, а то не удобно будет перед пассажирами. Мне ведь еще до Москвы добираться надо.

В квартире у Антона она долго не стала задерживаться. Антон, как радушный хозяин, угостил гостью чаем. Лариса, зашив платье, заторопилась уходить. Она сослалась на то, что до наступления ночи, она должна попасть в редакцию, дописать срочную статью.

Антон проводил девушку на электричку, а после прощания, еще долго гулял по улицам города. Запах ее духов и прощальный поцелуй в щеку долго будоражил его мысли.

Так закончилась их первая встреча. За первой встречей последовали другие. Лариса при каждой встрече вела себя скромно и с достоинством, не позволяя себе ничего лишнего. О себе она говорила мало. Единственно, что узнал Антон, так это то, что она родом из Саратова. Несколько лет назад приехала в Москву и поступила на журфак. После окончания института осталась работать в Москве. Своей жилплощади не имеет, поэтому приходится жить на съемной квартире. В гости Антона пригласить не может. Она мотивировала свой отказ тем, что квартиру снимает у сварливой женщины, которая не позволяет ей приглашать гостей.

Антону, очень понравилась красивая и скромная женщина. Он решил наплевать на все предсказания и женится на ней. Ему изрядно надоела холостяцкая жизнь и непродолжительные романы. Ему уже захотелось постоянства и уюта в доме.

Антон видел, что нравится девушке, и она вроде бы не против более тесных отношений. Однажды, проводив ее до редакции и прощаясь на крыльце, сделал ей предложение выйти за него замуж. Лариса смутилась, потом попросила его не ждать ее, а ехать домой, пообещав ему приехать на следующий день и дать ответ на его предложение.

Вернувшись домой, он в хорошем настроении поужинал и, устроившись на диване, стал смотреть по телевизору программу «Время».

Вскоре раздался телефонный звонок. Подняв трубку, услышал монотонный грубый мужской голос.

— Слушай меня внимательно, твоя девушка находится у нас. Если ты хочешь, чтобы она осталась живой и здоровой, то ты должен сделать вот что. Завтра, в час дня, к твоему дому подойдет такси. Ты назовешь себя, водитель отвезет тебя по нужному адресу. Там тебя встретят и проводят для переговоров. Думаю, что тебя предупреждать не надо насчет милиции или твоих дружков. Всю дорогу ты будешь под наблюдением. Если мы вдруг заметим что-то подозрительное, встреча не состоится. Естественно, мы вернем тебе твою женщину, но только не целиком, а по частям. Надеюсь, что ты будешь благоразумен, и нам не придется прибегать к крайним мерам. Все остальное ты узнаешь завтра.

Связь прервалась. В трубке слышались только короткие гудки. По монотонному голосу Антон догадался, что разговор был надиктован на магнитофонную ленту. Бросив трубку на рычаг, сел на диван, анализировать столь неприятную ситуацию.

Думал долго. Перебирал разные варианты, но к однозначному выводу так и не пришел. Лишь одно он понял, что Лариса действительно похищена. В этом похищении он видел только один вариант. Лариса им не нужна. Нужен только он один, а значит, в ближайшее время ей ничего не угрожает.

Антон решил пока не обращаться к друзьям, а самому на первых порах узнать, что нужно от него похитителям, и только потом, если будет необходимость, привлечь друзей. Придя к выводу, что Лариса в относительной безопасности, а ему нужно в этой ситуации проявить сдержанность и терпение, он выпил бокал крепкого чая и приказал себе спать.

На следующий день, ровно в час дня, к дому подошло такси. Антон, не говоря ни слова, сел на заднее сидение. Водитель, глянув на него, также молча выехал со двора и повел

машину в сторону Москвы. Перед кольцевой он свернул направо, и вскоре миновав небольшую свалку они, оказались у ворот заброшенного кирпичного завода. То, что это заброшенный завод, говорил то факт, что на его территории, валялись в беспорядке сломанные вагонетки и кучи глины, перемешанные с битым кирпичом. Проехав немного по территории, машина свернула за угол цеха и остановилась у больших ворот. Возле ворот стояли две легковые машины и встречающий их пожилой человек.

Глянув на него, Антон отметил, что ему этот, наполовину седой, наполовину рыжий человек, как будто знаком, но не стал напрягать память, решив оставить это на потом, если понадобится.

Рыжий распахнул калитку, жестом приглашая войти внутрь помещения. Войдя внутрь, Антон удивился внутреннему объему здания. В центре его были сколочены деревянные трибуны, там же находилась арена, отгороженная от зрителей решеткой, сваренной из толстых прутьев арматуры. Клетка была выкрашена в серебристый цвет, а сама арена посыпана мелким, речным песком.

В противоположном конце цеха стоял стол с четырьмя стульями, на одном из которых сидел мужчина, лет сорока с большими залысинами. Антон отметил про себя, что взгляд у мужчины спокойный и уверенный. Под одеждой угадывалась хорошо развитая мускулатура. Его взгляд и положение тела говорили Антону, что перед ним, возможно, бывший военный или человек, служащий в органах.

Не дожидаясь приглашения, он подошел и все также не произнося ни слова, сел на стул, но выбрав место так, чтобы быть спиной ближе к стене. Так он мог держать в поле зрения практически все помещение.

— Ты Антон Ли? — обратился к нему незнакомец. — Я правильно тебя назвал? — не дождавись ответа, он продолжил. — Будем считать, что правильно. Меня зовут Евгений, но можно по-простому, просто Жека, так меня друзья называют.

— Ну, хорошо. Будем считать, что познакомились, что дальше?

— Не спеши, Тарзан.

— О, тебе и это известно. Я смотрю, ты не плохо подготовился к нашей встрече. Чем еще удивишь?

— Да, я неплохо подготовился. Я тщательно изучил твое досье, знаю, с кем дело имею.

— Ну, и какое на тебя произвело впечатление мое досье? Разочарован, наверное?

— Отнюдь, я очень доволен, и мне сейчас нужен именно такой специалист как ты.

— Ты что же, пригласил меня таким способом, чтобы я, поучил твоих людей английскому языку или школьным занятиям по физкультуре?

— Хорошо, я принял твои слова к сведению и оценил твое чувство юмора. Мне кажется, что ты успел уже заметить, что здесь совсем не школа, а настоящий бойцовский клуб. И заметь, мои ребята работают здесь не бесплатно, а за хорошие деньги. Я предлагаю тебе также немного заработать.

— А кто тебе сказал, что я нуждаюсь в таком виде заработка? И вообще, странный у тебя метод предлагать работу. Ты не спрашиваешь согласия у человека, нужна ли ему такая работа. Ты просто принуждаешь его к ней по средствам похищения его девушки. Это, мне кажется, пахнет терроризмом и шантажом.

— Не буду с тобой спорить по этому вопросу. Практикуется у нас и такое. Ты уж извини, но, зная тебя, я уверен, что добровольно ты к нам не придешь. А вот мне для хорошего выигрыша, нужен именно такой специалист, как ты.

— Я тебя правильно понял, что мне предстоит выступить вот в этой клетке вместе с твоими шестерками?

— Ты правильно понял. Соревнования продлятся три дня. Тебе предстоит провести шесть отборочных боев, чтобы выйти в полуфинал, а затем финал. Я надеюсь, что ты победишь в финале, и мы все заработаем на этом неплохие деньги, в том числе и ты. Ты пойми, что это тотализатор, и здесь большие ставки. Бои проводятся нелегально, публика тоже избранная, в основном богема из богатого сословия. У них много денег и они жаждут крови и развлечений. Мы даем им то, что они требуют, они не плохо платят за это, и все довольны.

— А зачем я тебе понадобился?

— Все очень просто. Здесь многие бойцы уже примелькались, поэтому бой они могут предсказать. Ты человек новый. На тебя будут мало ставить, а это очень выгодно в случае твоей победы. Ты побеждаешь в финале, и мы получаем большие деньги. Ты так же получишь свою долю.

— Если успеешь получить, — раздался смешок из толпы стоявших парней.

— Закрой поганый рот, сывка, — крикнул в толпу Жека. — Иначе я вырву твой поганый язык вместе с бестолковой головой.

— Ну, с этим мы разобрались и твоя позиция мне ясна. Я вот все никак в толк не возьму, мне, зачем все это нужно?

— Тебе это может и не нужно, в этом, скорее всего, ты прав, но ты забываешь одну деталь. Если ты откажешься, то мне ничего не стоит сказать своим людям всего одно слово, и они неплохо позабавятся с твоей девушкой. Потом убьют и закопают на свалке, мимо которой ты проезжал. Вот теперь тебе понятна моя позиция?

— Теперь понятно, но прежде чем я дам свое согласие, я должен увидеть Ларису. Я хочу убедиться, что с ней все в порядке.

— Гнус, приведи девушку.

Через минуту боковая дверь открылась. В цех вошла Лариса с наручниками на руках. Рядом с ней стоял тот самый рыжий старик и держал ствол пистолета у виска. Лариса пыталась что-то кричать, вырываясь из его рук, но Антон издал не все мог разобрать. Он вскочил на ноги, но окрик Жеки остановил его.

— Всем оставаться на своих местах. Тарзан, в первую очередь это касается тебя. Гнус, уведи девушку. А тебе, Тарзан, не советую делать глупости. Гнус у нас хоть и выглядит неказистым, зато стреляет отменно и без всякого сожаления. В этом можешь быть уверен. Гнус получил указание, при первой же попытке с твоей стороны освободить ее, застрелить ее, потом тебя. А мне этого, ой как не хочется. Предлагаю подумать и взвесить все спокойно и адекватно.

— Хорошо, я согласен на твои условия. Я даю вам слово, что останусь до конца турнира, но вы отпустите ее домой.

— Послушай, Тарзан, не надо меня считать дурнее всех. Если я сейчас отпущу ее, ты сразу пойдешь грудью на амбразуру. Я уже говорил тебе, что очень внимательно изучал твое досье, и будь уверен, я знаю тебя, даже лучше, чем самого себя. Ты можешь в этом даже не сомневаться. Поэтому, девушка остается здесь до конца турнира. Еще я тебя хочу предостеречь. Постарайся сделать все возможное, чтобы победить, и уйти со своей девушкой вместе, да еще и со свадебным подарком. Другого варианта быть не должно. Я думаю, что ты меня понимаешь. Сам посуди, я отпускаю твою девушку, ты устраиваешь здесь небольшую

заварушку, что-то похожее ты уже сотворил в подвалах КГБ. И все мои титанические труды пойдут насмарку. На счет КГБ не удивляйся, я ведь говорил тебе, что очень внимательно изучал твое дело. Я прекрасно понимаю и отдаю отчет в том, что, как ты выражаешься, мои шестерки не остановят тебя, поэтому твоя девушка будет все время находится у нас и, я обещаю, что с ее головы не упадет ни один волосок. Теперь подумай. Если согласен с моим предложением, то Гнус покажет тебе твою комнату и будет все время рядом с тобой. Не думай, что он будет все время шпионить за тобой, хотя и не без этого. Но это не все его обязанности. Он будет во всем помогать тебе. Он будет при тебе вроде адъютанта, принеси, подай, пошел на х... В твоей комнате, а она будет отдельна от всех остальных, есть все необходимое. Хорошая кровать, ванная комната с туалетом и тренажеры. где ты сможешь заниматься. Сейчас можешь отдохнуть. Вечером у тебя будет первый бой.

— Хорошо, у меня будет к тебе один вопрос.

— Говори, постараюсь на него ответить.

— То, что это не ты хозяин, и не ты затеял всю эту игру, я понимаю и спрашивать не стану. Ты лучше ответь, кто за тобой стоит?

— Я знал, что ты это спросишь. Отвечу на твой вопрос так. Конечно, я подчиняюсь тому, кто выше меня рангом. Могу еще сказать, что над моим хозяином, есть свой хозяин, а вот до какого неба ведет эта лесенка, я не знаю, и даже если бы знал, то не сказал бы. Пойми, жизнь у меня одна, и я не хочу с ней расставаться.

Антон, не стал упрекать его за это. Он давно уже понял, что это просто посредник, а мозговой центр находится далеко от этого места. То, что операцию по похищению задумал кто-то из руководства этого вертепа, сомневаться не приходилось. Нужно понимать, что даже не каждому генералу позволено ознакомиться с делами сверхсекретных сотрудников ГРУ ГШ.

Антон решил не торопить события, а выждав удобный случай, что-нибудь предпринять, а что такой случай представится, он не сомневался. Для него самым важным сейчас было узнать, где содержат Ларису.

Ближе к полуночи стал нарастать гул толпы. От него не спасали даже толстые стены здания. На арене шла схватка. Антон ждал своего выхода.

Гнус был усердным малым. Он профессионально помог Антону обмотать кисти рук бинтами, помог с выбором одежды и все делал проворно и с готовностью. Вскоре над дверью загорелась красная лампочка, приглашая Антона на ринг.

Гнус шел впереди, показывая дорогу. Они прошли по коридору, мимо нескольких дверей, видимо, таких же комнат, как и у него, пройдя через комнату охраны, вошли в помещение самой арены.

Оказывается, в его комнату можно было попасть двумя путями. Этот путь для него был наиболее интересен тем, что, выходя из комнаты охраны, он оказывался рядом с выходом из самого здания. Все эти сведения Антон откладывал у себя в памяти.

В зале был полумрак. Свисавшие на тросах светильники давали в основном свет на саму арену, и только часть трибун была слегка подсвечена. Зрителей в зале было не очень много, но зато шум они создавали отменный. По трибунам между рядами ходили вышколенные официанты, разнося напитки и сигареты.

Открылась калитка. Антон шагнул внутрь арены. Он был босиком, с обнаженным торсом, но с забинтованными руками и в длинных шортах до колена, которые туго были стянуты широкой кожаной лентой на поясе.

Его противник стоял на противоположной стороне, демонстрируя мускулы разгоряченной спиртным публике.

Антон, сделав несколько шагов, остановился в самом центре арены, и замер на месте, скрестив руки на груди. Публика сначала затихла в непонимании, а потом загудела, пренебрежительно тыча в его сторону пальцами, выкрикивая оскорбления.

Его противник подыграл публике, он показал жест, как будет рвать Антона на куски. Публика ревела от восторга. Вскоре, заглушая рев толпы, послышался голос, усиленный микрофоном.

— Дамы и господа. Сейчас вы увидите захватывающее зрелище. Вы увидите жестокую схватку между горным Барсом и Северным оленем.

Антон подумал, что как-то странно они его назвали «Северный олень», хорошо, что не шакалом.

— Итак, дамы и господа, в наших соревнованиях есть только одно правило, и вы все его знаете. Это, никакого правила. Побеждает тот, кто живой, побежденный должен лежать. Итак, бой начинается.

Прозвучал гонг, говоря о начале схватки.

Подбадриваемый толпой Барс стал принимать различные угрожающие стойки. Изображая кошачью походку, он кружил вокруг Антона. Антон продолжал стоять в центре, не изменяя позы, только мышцы его были напряжены. Он был весь сосредоточен на поединке.

Он отдавал себе отчет в том, что его противник, это не мальчишка с улицы, а хорошо

тренированный центнер мышечной массы. И только, когда Барс попытался нанести ему удар пяткой в прыжке с разворотом, он слегка отклонился, и нога, не встретив сопротивления, прошла мимо лица Антона.

Антон продолжал стоять, не меняя положения. Это вывело из равновесия не только Барса, но и всю публику. Барс от такой наглости потерял контроль над собой. Сделав ложный выпад, он попытался нанести боковой хук правой рукой, вложив в удар всю мощь своего тела. Антон присел на ногах и, не дожидаясь пока кулак противника пролетит над его головой, ударил противника прямыми пальцами ладони, свернутыми в трубочку, целясь между кубиками пресса в солнечное сплетение.

Удар был выверен и точен. Антон даже почувствовал, как рвется связка между мышцами.

От сильного удара Барс подлетел немного вверх, а потом рухнул на колени, хватая воздух открытым ртом. Этого было вполне достаточно, но Антон решил наказать выскочку, чтобы он больше не занимался неподобающим ремеслом. Он, как молотобоец кувалду, опустил свой кулак на темечко противника.

Барс еще стоял на коленях, когда Антон повернулся и направился к выходу из арены. Толпа охнула и замерла. В наступившей тишине Антон подошел, встал у калитки в ожидании, когда ее откроют.

Он не стал оглядываться, зная, что его противник самостоятельно уже не встанет. В открывшуюся калитку вбежали помощники, а Гнус увел Антона в его комнату. Помогая снимать бинты, Гнус заметил.

— Однако, ты молодец. Я грешным делом подумал, что ты уснул стоя в центре арены.

От этого слова «однако» Антон внутренне вздрогнул. Еще раз внимательно посмотрел на старика. В этот момент, как кинокадры пролетело все его детство перед глазами. Так вкусно и своеобразно произносить это слово мог только Гришка, бывший их участковый в деревне, по вине которого Антона покусали волки.

— Григорий, это ты?

— Узнал, наконец-то. А я грешным делом думал, что не узнаешь. Лет-то сколько прошло, а, глядишь ты, узнал.

— Да я бы и не узнал. Действительно времени столько прошло. Много забылось или стерлось из памяти, но вот твоё характерное «однако», наверное, не забудется никогда.

— Узнал, ну и ладно. Иди теперь отдыхай, а я чайку тебе организую. Будет время, вспомним детство, а не будет, и так обойдемся. Ты только этим, — он кивнул головой в сторону арены, не говори, что мы знакомы. Это не принесет пользы ни тебе, ни мне.

Антон принял душ, и, съев несколько бутербродов с чаем, принесенных Гнусом, потом пробормотал, что утро вечера мудренее и завалился спать.

На следующий день они с Гнусом долго вспоминали свою детскую жизнь в деревне. Антон поведал ему кое-что из своей жизни, Гнус рассказал о своей никчемной судьбе. Оказалось, что за эти годы он был трижды судимый.

Он рассказал, что после изгнания из деревни, уехал сначала в Читу. Потом были Новосибирск, Свердловск. Там связался с нехорошей компанией и загремел на нары за воровство. После первой отсидки уже не смог изменить свою жизнь. Вновь было две ходки, в том числе за умышленное убийство.

— Вот уже четыре года как на свободе. Специальности у меня, нормальной нет, я ведь толком нигде не работал, пенсии у меня тоже нет, нет и семьи. Вот с этими теперь и

телепаюсь.

— А завязать пробовал?

— Если бы и захотел, то эти не дадут. Я слишком много знаю, да и кровушки на мне много. Если в четвертый раз загремлю, то вышка мне точно светит. Этим я сильно нужен, вот они и не сдают меня ментам, да еще и отмазывают. У них везде завязки есть, даже наверху, а нужен я им, потому что всю грязную работу за них выполняю, притом очень качественно. Думаю, что ты понимаешь, что я имею в виду. Теперь никуда не денешься, так и сдохну рядом с ними.

Прошел еще один день. Антон так и не придумал никакого плана для побега и освобождения Ларисы. Гнус не сидел на месте. Он то уходил по своим делам, то вновь возвращался. Зайдя в очередной раз, Гнус сообщил.

— Антон, сейчас на ринг выйдет твой противник, с которым ты встретишься в финале. У наших давно распланировано все. Вас обоих готовят именно к схватке в финале. Не знаю, как ты будешь драться, но знай, что Слон еще никогда не проигрывал. Это просто машина для убийства. В нем килограмм сто пятьдесят не меньше, да и ростом мама не обидела. Завтра ночью тебе придется с ним познакомиться.

— Слушай, Гриша, а что, если ты откроешь дверь, и мы немного понаблюдаем за поединком. Напротив этой двери нет трибун, а во время боя нас никто не заметит. Понимаешь, мне нужно хоть одним глазком взглянуть на этого медведя. Как говорится в народе, кто предупрежден, тот вооружен. Мне хочется увидеть его тактику боя со стороны. Разве тебе хочется, чтобы он с первых секунд переломал мне кости?

— Ладно, когда бой начнется, я открою дверь. Ты будешь смотреть из-за моего плеча. Как только бой закончится, или я увижу что-нибудь подозрительное, тут же закроюсь.

— Конечно, мне ведь тоже не хочется тебя подводить, — согласился Антон.

Гришка приоткрыл наполовину дверь. В комнату ворвался шум разгоряченной толпы. Прозвенел гонг, и Гришка позвал Антона к двери.

Подойдя к двери, Антон увидел, что арена находится в трех метрах от него. В проходе не было никого. Из темноты он мог видеть всю арену и несколько рядов трибуны вокруг.

Слон, действительно, впечатлил его. Огромный, высокого роста детина, как мячик гонял по рингу своего противника, забавляясь сам и потешая публику.

Такое зрелище не интересовало Антона. Противники были неравными, и смотреть на это Антон не стал. Он стал пристально всматриваться в публику, стараясь понять, что этих людей прельщает в таких зрелищах.

Эти обезумевшие люди с искаженными от азарта и спиртного лицами внушали ему отвращение, с их сытыми и зажравшимися рожками. Иначе он назвать их не мог.

Но вот он заметил краем глаза знакомый силуэт. Присмотревшись внимательно, он увидел Ларису. Она, сидя на коленях у молодого мужчины, держала в руках бокал с шампанским. После каждого поцелуя она делала глоток вина, и, откинув голову, громко смеялась.

Даже на большом расстоянии было видно, что она делает это с большим удовольствием. Рядом с ней сидел пожилой мужчина, ухоженный и важный. Было какое-то сходство между ней и этим мужчиной.

А вот дальше сидел человек, которого он никогда не забывал. Это был Волков. Уже постаревший, но выглядел довольно свежим. Как и всегда на лице его блуждала довольная и безразличная улыбка. За ними сидел сам Жека и несколько парней спортивного телосложения.

В груди его что-то поднялось и упало. Он втолкнул Гнуса в комнату и закрыл дверь.

— Так это просто подстава, и Ларису никто не похищал?

Видя взгляд Антона, Гнус съежился и начал что-то лепетать. Антон тряхнул его за ворот как следует.

— Говори мне все четко и ясно. Я из тебя не буду по одному слову вытаскивать. И смотри, если пойму, что врешь, раздавлю как лягушонка. Поверь, рука не дрогнет. А если скажешь правду, оставлю жить.

— Да, похищения не было. Они заставили меня найти подходящих парней и организовать нападение на Ларису, чтобы поймать тебя на крючок.

— Значит, это я тебя видел за плитами на пустыре?

— Да, это был я.

— С кем она там на трибуне?

— Это ее очередной дружок, а рядом ее отец. Антон, пожалуйста, больше ничего не спрашивай, лучше убей ты меня, чем потом они надо мной поиздеваются.

— Хорошо, живи, только ключи от дверей отдай мне.

Антон вытащил из его кармана ключи и повернулся уходить, но тут вдруг почувствовал опасность. Резко повернувшись, увидел, что Гнус достает пистолет. Перехватив его руку, он сдавил ее так, что кости затрещали, ломаясь у него в руке. Гнус закричал от боли, но его голос потонул в общем шуме за стеной. Затем Антон взял его за ворот и ударил об стену. Повернувшись, пошел к выходу, не заботясь о том жив или нет рыжий подонок.

Сунув пистолет в карман, он прошел через пустую комнату охраны, и не замеченный никем вышел на улицу. У входа стояли двое охранников. Заметив его, они преградили ему путь. Понадобилось два удара, и охрана легла на засохшую клумбу отдыхать у ствола толстого клена.

В стороне от крыльца стояло множество легковых автомобилей разных марок. Водители вели оживленную беседу. Увидев происходящее, направились было на встречу Антону, но после слов: «кто-то хочет лечь рядом» — быстро ретировались по своим машинам.

Заметив знакомое такси, Антон подошел и сел рядом с водителем.

— Давай, дружок, вези меня туда, откуда вчера забирал, и на оплату можешь не рассчитывать, чаевых тоже не будет.

Водитель стал возмущаться, но Антон быстро пресек все его возмущения.

— Поторопись, и не зли меня. В гневе я становлюсь бешеным. Могу ненароком убить.

Таксист прислушался к доброму совету и, запустив двигатель, надавил на газ. Антон открыл окно, достал пистолет, не глядя на испуганного водителя, разобрал его и выбросил в окно в первую попавшуюся канаву с водой.

— Давай, дружок, дави на газ. Не бойся, если погоня будет, то это не страшно, отобьемся. Но мне кажется, что ее не будет. Они знают, где я живу, а если не знают, то ты им покажешь. Тебя я думаю, они не тронут. Скажешь, что я угрожал тебе пистолетом.

Вскоре, он оказался дома. Все внутри его дрожало от злости и обиды. Он никак не мог поверить, что вот так, играя на чувствах любви, можно подвести человека. Конечно, он знал, что это самый распространенный метод в разведке, но он не мог поверить, что это случилось именно с ним. Он разделся и долго лежал в горячей ванне. Потом выпил изрядную порцию коньяка и лег на диван.

Спать не хотелось. В голове стоял туман от спутанных мыслей. В первый раз он был так взбешен от человеческой наглости и цинизма по отношению к нему. Вскоре эти мысли до того его достали, что он встал, оделся и пошел бродить по городу.

Постепенно пришел в себя. Уже утром, когда вернулся домой, первым делом позвонил Василию.

— Привет, братишка. Как поживаешь?

— Твоими молитвами, а как ты?

— Ну, а как я поживаю, об этом я и хотел с тобой поговорить, только не по телефону.

— Понял. Антон, мне сейчас срочно надо быть на работе, ты, если время терпит, приезжай ко мне домой к часу дня. Я буду тебя ждать с часу до трех. Сможешь, или нужно срочно?

— Меня это устраивает. Жди.

Антон положил трубку и, насвистывая, пошел умываться. Плотно позавтракав, вышел на улицу. Ему хотелось знать, будет за ним хвост или нет. Он, не спеша, прогуливался по городу. Часто заходил в магазины. Осмотрев пустые полки, выходил и снова шел без всякой цели. Возвращаясь домой, не забыл внимательно осмотреть двор. Убедившись, что за ним нет слежки, завел свой старенький «Москвич» и, не торопясь, поехал в Москву.

Машину вел аккуратно, всякий раз поглядывал в зеркало заднего вида, опасаясь все же, что его враги не оставят вчерашнюю его выходку без внимания.

Подъезжая к Марьиной Роще, он перестроился в правый ряд, чтобы на ближайшем перекрестке свернуть направо, но перед самым его носом загорелся красный свет светофора, и ему пришлось затормозить.

Вдруг почувствовал опасность. Посмотрев в зеркало, увидел, что к нему приближается «КамАЗ» на большой скорости, и явно не собирается тормозить. Антон резко надавил на газ, пытаясь избежать столкновения, но старенький двигатель его «Москвича» не выдержал этого и, чихнув пару раз, заглох. Единственно, что успел сделать в этой ситуации Антон, так это лечь на пассажирское сидение.

Огромный грузовик на полной скорости подмял под себя маленький автомобильчик и, перескочив через него, продолжил движение, по пути протаранив еще и новенькую «Жигули» шестой модели.

Пришел в себя от звука сирены. Все тело невыносимо болело тупой ноющей болью. Рядом с ним сидела симпатичная девушка в белоснежном халате.

Антон осмотрелся. Девушка была одна, значит, врач сидит рядом с водителем, — подумал он, пытаясь открыть рот, чтобы привлечь внимание девушки. Это у него не очень получалось. Во рту чувствовался привкус крови, и губы с трудом двигались.

Девушка заметила, что он пришел в себя, наклонилась к нему ближе и тихо сказала.

— Лежите спокойно. Мы сделали вам обезболивающий укол и поставили капельницу.

Скоро вам станет легче.

— Девушка, милая, — прошептал, почти безжизненными губами Антон. — Найди возможность связаться с профессором Сомовым, он из военного госпиталя. Запомни номер телефона, — он продиктовал ей номер. Когда девушка повторила номер, продолжил. — Передай ему мои слова, Тарзан просит помощи. Скажешь ему эти три слова и не забудь сказать, где меня искать. И еще одно. Скажешь, что это покушение, подробности у таксиста, если не захочет говорить, то пусть попросят очень вежливо, — Антон назвал ей номер машины. — Все запомнила?

— Вы не беспокойтесь, я все сделаю как надо.

— Спасибо, родная, я верю в тебя. И последнее, если у тебя кто-нибудь спросит, то отвечай, что я не приходил в сознание и в бреду ничего не говорил. Это, милая, для твоей безопасности.

Девушка испуганно кивнула головой. Антон потратил слишком много сил на этот разговор, поэтому, увидев, что девушка кивнула в знак согласия, он слегка расслабился и вновь потерял сознание.

Придя в себя в следующий раз, он увидел, что находится в больничной палате. Рядом с его кроватью на стуле пристроился молодой парень с книжкой в руках. Антон по привычке оценил его спортивную фигуру и заметил, что у парня на боку через костюм выделяется кобура с пистолетом. Почувствовав на себе внимательный взгляд, парень посмотрел на Антона.

— Где я? — тихо спросил Антон.

— Не волнуйтесь, вы в госпитале у доктора Сомова. Хорошо, что пришли в себя, значит все в порядке, и скоро пойдете на поправку.

— А ты кто?

— Я ваша нелегальная охрана. Меня попросил об этом генерал Голованов. Мы тут с ним уже десять дней дежурируем по очереди. Сегодня в ночь он заступит. Для всех мы официально находимся в отпуске. Вы простите меня, но вам еще рано разговаривать. Доктор сказал, что для вас сейчас главное сон, и ни каких волнений.

— Хорошо, я ему не скажу.

Антон вновь погрузился в сон. И только спустя две с половиной недели со дня аварии, Док разрешил посещение друзей, да и то ограничил во времени. Однажды, не выдержав, Антон напустился на доктора.

— Послушай, коновал. Ты, когда мне скажешь, в каком я состоянии нахожусь. Закатал меня всего в гипс и молчишь, а я тут лежу и гадаю, есть у меня руки и ноги, или одна голова осталась с языком.

— Не твоего ума дело. Лежишь, вот и лежи, не трепыхайся. Меньше будешь знать, крепче будешь спать. И прошу, болтай поменьше, не мешай людям работать. Когда ты вот так лежишь, многим спокойней живется. А то каждый раз от тебя ждешь какую-нибудь пакость. Ты ведь не можешь, как нормальные люди жить, обязательно вляпаешься в авантюру. Так что лежи спокойно. От тебя лежачего пользы больше, чем от ходячего.

— Ну, разошелся, самовар пузатый. Ты тогда хоть скажи, у меня осталось что-нибудь целым, или все отрезал.

— Основной орган целым остался, ты знаешь какой, а вот остальное все, что есть, ты умудрился переломать. Ну и так, внутри по мелочи. Сломанное ребро проткнуло легкое, разрыв печени, ну и еще кое-что по мелочи. Не буду все перечислять. Я вот о чем сожалею.

— И о чем, если не секрет?

— Мне жаль, что ты свой язык не повредил.

— Ладно, разговорился тут. Ты лучше дай мне таблетку, я спать буду, чтобы твою наглуую морду не видеть. Кровосос чертов.

Спустя несколько дней в его палате вновь собрались друзья.

— Ну что, Антоха, как здоровье?

— Можете не радоваться, все равно не дождетесь. Как предсказала моя бабка, а я склонен доверять ее словам, проживу я больше ста лет. Так что, не надейтесь и не обольщайтесь, наследства моего вы не получите, не доживете.

— Ну, понесло Остапа, а раз так, значит, жить будет. Вот только знаешь, Тарзан, нам в последнее время стало надоедать. Нет, чтобы собраться всем где-нибудь на природе под пашлычок с коньячком, мы почему-то собираемся здесь, в этой клинике. Если ты заметил, то повод всегда один. Ты лежишь, а мы сидим рядом с тобой. Не знаю, как тебе, но мне от этого становится грустно.

— Да, я уже это заметил и без твоего напоминания, — серьезным тоном сказал Антон. — И еще я заметил, что ты вот сейчас разговариваешь со мной, а мысли твои очень далеко. Ты давай не темни, а выкладывай, что случилось.

— Да ничего не случилось, с чего это ты взял, — отводя взгляд в сторону, сказал Сокол.

— Ты кого собираешься обмануть? Ты часом ничего не попутал? Ты еще не успеваешь подумать, а я уже знаю, о чем. Так что, выкладывай и не томи.

— Ну, Антоха, тебя и правда не проведешь, — вмешался Док. — Ему есть от чего расстроится. Его, если прямо сказать, без всяких выкрутасов, просто выперли из армии. Поверь, без всяких там объяснений, просто нагло отправили на пенсию, вот и все.

— Ты хочешь сказать, что в царстве мертвых мыши правят бал? Я правильно понял?

— Ты правильно понял, — ответил Сокол. — Мыши правят балом, и по-другому не скажешь. В армии идет планомерная чистка. Появляются новые люди. Их поддерживает контора. Не зря ведь этого демагога (намекая на Горбачева) в свое время Андропов вытащил в ЦК. Теперь они все под их властью. Теперь они стараются, под шумок, убрать неудобных, особенно это касается старой гвардии. На наше место назначаются нужные им люди. Наверху, в кулуарах, стали поговаривать, что, наконец-то, у нас тоже появилось либеральное общество. Ты ж понимаешь, если либералы захватят власть, то на нашей державе можно будет поставить крест. Мы из истории знаем, к чему они привели страну в феврале семнадцатого года. Это по их вине произошла октябрьская революция. А результат? Страна разрушена и поставлена на колени. Либералы — это такое сословие, которое не интересуется ни народ, ни родина. Их интересуется только собственная выгода. Они только и могут, что кричать с высоких трибун о всеобщем благе, а сами запросто продадут себя любому, кто больше заплатит. Что-то я разговорился. Надо заканчивать о политике. Сдается мне, что здесь тоже есть у них уши, как бы нам всем не загреметь как в прошлые времена, в какой-нибудь ГУЛАГ. От них и такое можно ожидать.

— Не отчаивайся, Сокол, и на пенсии можно жить

— Особенно глядя на тебя. Ты и на пенсии из больнички не выходишь, хотя уже к армии никакого отношения не имеешь. Видим, как тебе на пенсии хорошо живется. Тебе и в школе покоя не дают. И где ты их находишь, не понимаю.

— Так вы, что, знаете в какую лужу я вляпался?

— Конечно, знаем. Ты ведь четко медсестру со скорой помощи проинструктировал.

Когда они привезли тебя в «Склифосовского», она смогла незаметно связаться с Гришкой, и передала ему весь ваш разговор. Док связался с нами, а сам поехал выручать тебя. В Склифе он настоял, чтобы операцию делали только в его присутствии. После операции мы посоветовались и решили тебя забрать в наш госпиталь.

В Склифе, естественно, не хотели тебя отдавать, приводили множество доводов, но надо знать нашего доктора. Доктор не стал с ними ругаться, просто позвонил кому надо, и вот ты теперь лежишь, как у себя дома.

Нам сразу стало ясно, что на тебя открыта охота, и оставлять тебе одного в твоём положении было нельзя. Василек договорился со своим помощником. Они взяли отпуск и стали дежурить у тебя по очереди. И как оказалось не зря.

Док погрузил тебя в искусственную кому, опасаясь, чтобы у тебя не случился болевой шок. Так вот, хоть твоя палата и находится в дальнем углу при подсобных помещениях, а твое пребывание здесь не афишировалось, тем не менее, твои враги уже знали, где ты и в каком состоянии. Так что, уши у них есть везде.

А теперь представь себе, что через пару дней, в середине дня к твоей палате подходят два доктора. Они были в белых халатах с масками на лицах. Вели себя естественно, как и положено докторам. Своим видом они могли ввести в заблуждение любого, но не Васькиного помощника. Не зря его зовут Сова. Он, читая книгу, прогуливался с тростью по коридору. Самозванцы приняли его за больног, и, не обращая на него внимания, вошли в твою палату.

Войти-то они вошли, вот только сделать свое черное дело и уйти не успели. Сова успокоил их так, что врачам потом долго пришлось приводить их в чувство. Док не мог оставить этот случай без огласки, слишком много было свидетелей, и вызвал милицию. Естественно, милиция забрала их, составили какой-то протокол, но, как оказалось, их потуги пропали зря. Уже к вечеру парочка оказалась на свободе, я узнавал. Так вот, это оборотни, хотели вколоть тебе какую-то гадость. Док, как она называется?

— Это какой-то синтетический препарат, от которого смерть наступает мгновенно. И, что характерно, сам препарат распадается в организме буквально за десять минут. Так что, при вскрытии его просто не могут обнаружить. И заметьте, такой препарат у нас не производится. Это заграничный.

— Ну вот, — продолжил Сокол, — нам это очень не понравилось. Тогда мы решили найти таксиста, о котором ты упоминал. Пока Сова охранял тебя, мы с Васильком мотались по городу и вскоре вышли на него. Он, конечно, немного поломался, но у нашего Василька и мертвый заговорит, когда тот в гневе. Он рассказал нам все, что знал и даже больше того. Поэтому мы и знаем все в подробностях.

Мы на время изолировали его, чтобы не было утечки информации. Сами в тот же день, ближе к полуночи, взяли с собой еще пять человек. Васька выбрал самых надежных. Подъехали на тот заводик, посмотреть на шоу. Шоу нашим парням понравилось, вот только публика была не восторге от нашего присутствия. Мне кажется, что мы надолго отбили у них охоту к этому виду времяпрепровождению.

Очень сильно это не понравилось персоналу, зато нашим парням так понравилось, что они там устроили соревнование. Мы с Васильком пытались как-то заставить их играть по правилам, но это у нас плохо получилось. В результате игры, оказалось, семь «двухсотых», а поломанных костей никто не считал. Ребята, зная за кого им предстоит постоять, так разошлись, что мы с Васильком силой их увезли оттуда. Шум, конечно, пошел, что во время

соревнования в спортзал ворвалась огромная толпа черных дьяволов и начала без предупреждения расстреливать публику, а у нас не то чтобы оружие, даже простых ножей не было. Но это в основном жирная публика постаралась, но, видимо, их приструнили, и все стихло. По крайней мере, к нам еще с вопросами никто не обращался.

— Я надеюсь, что вы там не наследили?

— Ты за кого нас принимаешь? Мы там были все как братья близнецы. Все в спортивных костюмах и в подшлемниках. Машины были угнаны в тот же вечер. Отпечатки мы стерли, так что, наше присутствие там будет очень трудно доказать.

— Сокол, я беспокоюсь за девушку. Она связалась с Доком, не будет ли у нее проблем.

— За нее не беспокойся. Она умная девушка, после твоего инструктажа ей нечего бояться. Мы тоже подсустились немножко. Мы пустили слух, что в это время, пятью минутами позже, мимо аварии проезжал Василек. Он узнал твою машину и сообщил всем нам. Так мы прикрыли твою спасительницу.

— Все это хорошо, но что мы дальше будем делать. Особенно это касается меня.

— Тебе сейчас нужно как можно быстрее поправиться. Потом подумаем, куда тебя спрятать, да как можно подальше от Москвы. Нужно, чтобы они на время потеряли тебя из вида. Ты теперь гражданский человек, и им будет труднее напасть на твой след.

— Ну, это не проблема. Уеду на родину в Читу. Думаю, что там найдутся люди, которые еще помнят меня. Там и работа найдется для меня.

— Тихо, — прижав палец к губам, прошептал Василий. — Кто-то за дверь. Он встал и уже начал открывать дверь, как в это время в палату заглянула молоденькая медсестра.

— Профессор, вас просят к телефону, — скромно потупив взор, тихо произнесла она.

— Спасибо, сейчас буду.

— Вот вам и уши, — сказал Василий.

— Не может быть, — удивился Док. — Хотя с чем черт не шутит, мне кажется, что в нашем отделении такой нету. Минутку, — доктор выскочил в коридор. Спустя пару минут, он вернулся. — Как сквозь землю провалилась.

— Я же вам говорил, что это уши, — ворчал Василий.

— Узнать бы, что она успела услышать.

— Да что гадать без толку. Она, в любом случае, доложит куда надо. Давайте лучше закончим этот разговор, а когда Тарзан поправиться, мы на природе, вдалеке от посторонних, обо всем переговорим. Васька, ты долго еще сможешь протянуть на своей должности?

— Нет, не очень. Максимум до конца отпуска. Я уже слышал намеки в мой адрес, поэтому уже рапорт подготовил. Не хочу дожидаться, пока меня попрут, хочу уйти по собственному желанию. На днях передам рапорт в кадры, пусть готовят документы.

— Да тут, ребята, как я погляжу, у вас полномасштабная война началась. В таком случае не только мне, но и вам пора сматываться из Москвы. Я не думаю, что после ваших отставок, на вас будет гонение, но береженого и бог бережет. Ты, Васек, как только я смотаюсь, бери своих и переезжай в Загорск. Квартира все равно остается пустовать. Здесь на время и затаитесь, а там видно будет. Соколу тоже надо уйти из поля зрения. Док, скажи, мне еще долго придется у тебя валяться?

— Не очень, но с месяц, думаю, придется.

— А раньше никак нельзя?

— Почему, можно, но только в гроб.

— Док, ты меня не понял. Я с удовольствием лежал бы на казенных харчах, но я переживаю за ребят. У них своих дел выше головы, а им приходится сиделкой у меня быть. Я хочу знать твое мнение, когда я сам смогу за себя постоять, чтобы освободить ребят.

— Если честно, то твой организм справляется довольно быстро. Ноги у тебя целы, а остальное зарастет. Для тебя сейчас самым главным является не напрягаться. Не забывай, у тебя повреждены внутренние органы. Кости на руках срастутся быстро, а вот с твоим ливером нужно быть аккуратнее. Шов на груди уже не разоидется, его хорошо затянуло, ты вполне можешь вставать на прогулки. Через недельку снимем гипс на руках. Ну а вообще, полежать тебе у нас лучше всего с месяц, не меньше.

— Вот и прекрасно. Это все, что я хотел от тебя услышать. Значит так, ты держишь меня здесь до полного выздоровления. Я со своей стороны обещаю не доставать тебя насчет досрочной выписки. Уйду, когда ты мне скажешь сам, что я здоров как бык и готов к любви и подвигам. А ребята пусть прекращают свои дежурства. Думаю, что в ближайшее время они оставят меня в покое. Так что, несколько дней у нас есть в запасе, а там глядишь и сам смогу постоять за себя.

Договорившись о следующей встрече, друзья, попрощавшись, ушли. Док, проводив их до выхода, вернулся в палату.

— Антон, почему ты отказался от охраны? Ведь они могут повторить попытку. Я, конечно, могу еще кое-что, но этого недостаточно. Я не могу все время быть рядом с тобой. Пойми, у меня работа. Я каждый день буду отвлекаться на операции и не смогу вовремя тебя защитить.

— Гриша, все, что сейчас произошло, все это только ради денег. Они хотели на мне заработать, но у них не получилось. Не забывай, что ребята, тоже неплохо там поработали. Они, хотели избавиться от меня, как от ненужного свидетеля. Если эта девушка, которая подслушивала, доложит кому следует, что я собираюсь уезжать, а я думаю, что тот человек, который всем руководит, знает, куда я поеду, он захочет именно там со мной поквитаться. Пока я буду здесь рядом с ними, это будет их раздражать, а так, я уеду, и все станет на свои места. Возможно даже, что они и мстить не захотят.

— Ну, хорошо, тогда отдыхай, а я пойду, потрясу свой персонал, чтобы в будущем были внимательней, когда по отделению ходят посторонние люди, хотя я думаю, что это мало чем поможет.

— Слушай, Док, а почему я не вижу Марию? Она в отпуске?

— Она уволилась и больше у нас не работает.

— А почему она уволилась, не сказала? И вообще, где она сейчас работает?

— Где работает, не знаю, а вот почему ушла, скажу. Беременная она была. Быстро вышла замуж и ушла. А во всем ты виноват. Скотина ты, Тарзан. Испортил девчонку, а сам в кусты.

— Не ори на меня. У тебя найдется десять минут?

Антон поведал другу историю, связанную с Марией. Закончив рассказ, он попросил друга узнать по своей линии о судьбе Марии. Док обещал выполнить его просьбу.

Антон провел в госпитале еще почти месяц. Он, как и обещал, терпеливо ждал, когда Доктор разрешит ему выписаться. Вот и настал тот долгожданный день. Док сообщил, что Антон полностью здоров и может ехать домой. Но предупредил, что сильные нагрузки еще противопоказаны ему.

Зная, что Василия задержали с увольнением на несколько дней, Антон позвонил ему на работу.

— Привет, Васек. Чем занимаешься?

— Да вот, сейчас подпишу последние бумажки, и свободен как птица.

— Может, по этому поводу пикничок устроим?

— А ты что уже дома?

— Нет, меня только завтра выпишут. Слушай, завтра у нас пятница. Я предлагаю собраться всем, и в субботу уехать на рыбалку дня на три. Посидим с удочками, порыбачим, сварим уху. Короче, вы отдохнете от городской суеты, а я от больницы.

— Отдыхать едем с семьями?

— Нет, Вася, отдыхать едем чисто мужской компанией. Надо наедине поговорить.

— Добро. Я тебя понял. Сейчас позвоню Соколу и договорюсь. Твоя задача вытащить Гришку из этого вертепа, а то он уже зеленый ходит от этой больницы.

— Обещаю, завтра еще созвонимся, — Антон положил трубку.

Договорившись, о предстоящей встрече на рыбалке, Антон даже в кошмарном сне не мог себе представить события, которые произошли в эту черную пятницу.

Забегая вперед, скажу, что ближе к полудню, жена Сокола приехала на дачу. Сокол сидел в своем любимом кресле-качалке в саду. Он был мертв. Врачи обнаружили у него на шее странное желтоватое пятнышко, похожее на укол. Вскрытие показало, что смерть наступила в результате обширного инфаркта, поэтому пятнышку не придали значения.

В то утро, когда Антон ехал на автобусе домой, его друг Василий умер в гастрономе, стоя в очереди за продуктами. Он с Наташей закупал продукты на предстоящий отдых. Наташа как раз шла к нему от соседнего отдела, где также стояла в очереди.

Василий у нее на глазах резко обернулся и тут же опустился на пол. Причина смерти та же. Обширный инфаркт. В тот же вечер погиб доктор Сомов. Не далеко от дома его сбила машина, когда он возвращался домой после работы.

По словам очевидцев, машина на большой скорости выскочила на тротуар и, сбив пешехода, умчалась дальше, не сбавляя скорости. Милиция, узнав у многочисленных свидетелей номер автомобиля, быстро нашла ее, в нескольких кварталах от происшествия. Но результат был нулевой.

Доктор скончался в машине скорой помощи по дороге в больницу, не приходя в сознание.

Антон в это солнечное утро не знал о надвигающейся беде. Он, весело насвистывая, подходил к своему дому.

У подъезда стояла милицейская машина. На крыльце стояли местный участковый Сережа и начальник районной милиции Виктор Симбирцев. Антон хорошо знал их обоих.

— Привет, мужики, что могло случиться в нашей обители в мое отсутствие?

— Слава богу, пока ничего. Просто у прокуратуры появились к тебе вопросы, — в это

время из машины вышли трое в штатском.

— А ты, Витя, что им в охрану записался? Могли бы повесткой вызвать, я бы пришел и на все их вопросы ответил.

— Следователь прокуратуры Березняк Иван Петрович, а вы, надо полагать, Ли Антон Максимович?

— Да, это я. Что вам угодно?

— У нас к вам несколько вопросов есть.

— А сопровождение зачем? — засмеялся Антон. — Чтобы безопаснее нести ответы. Я правильно понимаю?

Он уже догадался, что не за ответами они пришли, а за его арестом. Для этого и эскорт взяли из МВД. Они сделали правильный расчет, в присутствии сотрудников милиции Антон не станет препятствовать аресту.

— Ну, зачем так, вопросы — это еще не первое, чем мы займемся. У нас есть санкция на обыск в вашей квартире.

— Ну, если обыск, то это очень серьезное мероприятие, прошу вас, заходите в дом, гости дорогие. Вообще-то могли бы и раньше это сделать, не дожидаясь меня из больницы. Вам было бы намного проще, и мне без хлопот.

— Почему это? — вдруг заинтересовался один из напарников следователя.

— Ну, как почему? Я бы вам не мешал своим присутствием производить обыск. Вы спокойно все осмотрели бы. Потом позвонили бы мне в больницу, что бы я не утруждал себя, добираясь, домой, а сразу ехал в изолятор. Вы бы спокойно сидели у себя в кабинете, с найденными у меня на квартире уликами и поджидали, когда я приеду.

— Ну да, жди тебя, а ты лыжи наостришь, и ищи ветра в поле.

— А что, если вы сейчас рядом со мной, то это может меня остановить? Не льсти себе, молодой человек. Если я захотел бы сбежать, то меня и взвод таких, как ты, не остановит. Мне и сейчас ничего не стоит положить вас здесь и спокойно уйти, — видя его удивленные глаза, сказал, — не веришь, спроси хотя бы у майора.

— Что он там несет? — обратился тот к майору.

— Можешь ему верить, — за майора ответил участковый. — Антон Максимович — инструктор школы ГРУ, если это о чем-то вам говорит.

— Может, хватит разговоров. Время не терпит, — повернувшись к своим помощникам, строго сказал. — А вас прошу замолчать и не высказывать глупых рассуждений, — потом тихо добавил, — господи, с какими дебилами приходится работать.

Антон повернулся и направился в подъезд. Все остальные последовали за ним. Открыв дверь, он внимательно осмотрелся вокруг. Потом также осмотрел остальные комнаты. Затем прошел на кухню и достал бутылку лимонада их холодильника.

— Я попросил бы ничего не трогать.

— Да замолчи ты уже. От твоего писклявого голоса у меня в ушах звенит. Хочу напомнить, что пока я не арестован, я являюсь хозяином своего лимонада. Хочу пью, захочу в унитаз вылью. Сережа, — обратился он к участковому, — поищи, пожалуйста, понятых. Позвони, возможно, соседи дома. Эти из прокуратуры явно не собираются делать это, того и гляди, начнут переворачивать все без понятых, а потом еще будут заставлять тебя протокол подписывать.

— Да, да, пригласите понятых, — запоздало попросил Березняк.

После того, как в квартиру вошли соседи Антона Людмила и Андрей, следователь дал

команду своим помощникам приступить к обыску. Пока служивые осматривались с чего начать, Антон остановил их, обращаясь к следователю.

— Пойдите. Иван Петрович, вы допустили ошибку. Вы не предложили мне выдать вам все запрещенные предметы, находящиеся в доме. Это первое. Второе. Прошу вас, не переворачивайте все кверху дном. Хочу заметить, что квартира эта принадлежит генералу Голованову, к тому же герою Советского Союза и все, обстановка и вещи, принадлежат ему. Можете не верить моим словам, тогда поверьте соседям, они подтвердят мои слова. Моих вещей здесь очень мало. Я человек походного характера. Давайте договоримся, я буду вам показывать, где искать, а вы со своей стороны постарайтесь деликатнее обращаться с чужим имуществом. И вообще, мне кажется, что вы лучше меня знаете, что и где искать.

Следователь не ответил на его слова, только засопел, кусая собственные губы. Его помощники с удивлением и, в то же время, с улыбкой на лицах, смотрели то на Антона, то на своего шефа. Им за свою службу еще ни разу не доводилось видеть столь странный обыск.

Не дождавшись ответа со стороны следователя, он обратился к майору.

— Виктор, ты обрати внимание на тот факт, что меня не было в квартире без малого два месяца. Через открытую форточку налетело так много пыли, что ею покрыта вся мебель, пол и потолок. А теперь обрати внимание на шкаф и на некоторые другие места. Видишь пятна стертой пыли, вот и подскажи следователю, где надо искать. Мне кажется, что им не стоит переворачивать все.

Виктор стоял, насупившись и, молчал. Было видно, что все это не по душе ему. Он много лет отдал оперативной работе, считался одним из лучших оперативников в городе. Виктор понимал, что если сейчас они найдут в доме что-нибудь, то такой, циничной и заказной подставы, он не встречал еще в своей практике.

Помощники все-таки послушались Антона. Они аккуратно переставляли вещи с места на место, делая вид, что тщательно ищут улики.

Первой находкой оказался белый порошок, найденный в тумбочке с нижним бельем. Порошок был расфасован в четыре небольших пакета. Следователь в это время все тщательно записывал в протокол. Он увлекся записью так, что не сразу понял, что сказал Антон, видя эту находку.

— Витя, обрати внимание, вот тебе и героин чистейшей пробы, кто бы сомневался, что его найдут.

— Это кокаин, уточнил следователь, продолжая писать.

— А как вы это определили, Иван Петрович?

Следователь чуть не поперхнулся от понимания того, что только что допустил грубейшую ошибку. Откашлявшись, он взял себя в руки, и с достоинством ответил.

— Это видно и так.

— Виктор, — не унимался Антон, — ты обрати внимание, какие сейчас специалисты в прокуратуре работают. Они с одного взгляда могут определить, где героин, а где кокаин. А то, что это может быть или стиральный порошок, или мука, а может и сахарная пудра, они это не берут в расчет. У них сразу готов ответ. Кокаин, и баста.

Следователь молчал и продолжал писать свой протокол. Он давно уже понял, что Антон просто выводит его из себя. Это очень сильно действовало ему на нервы. Ему приходилось прикладывать максимум усилий, чтобы держать себя с достоинством, но это у него получалось плохо, и он допускал одну ошибку за другой.

А Антон, как ни в чем не бывало, продолжал давать свои наставления.

— Ребята, не лезьте вы туда, где много пыли, я же вас уже предупреждал, что там ничего нет. Вы смотрите там, где стерта пыль, и не надо делать вид, что вы не знаете, что ищете. Быстрее доставайте, все, что положено, и закончим этот балаган.

Вскоре в одной из книг оказалось несколько купюр американской валюты.

— Ой, что это? — вскрикнула Людмила.

— Это, Людочка, американские деньги, долларами называются, — пояснил Антон. — Вить, а я не ожидал, что они к кокаину еще и доллары подбросят. Я подумал, что после наркотиков, должен появиться пистолет, как минимум. А долларов могли бы и больше подложить, а не позорится десятью бумажками по одному доллару. Да будет тебе известно, гражданин следователь, что в моих карманах в былые времена, лежали сотни таких бумажек. Поверь, я ведь не всегда был школьным учителем. Я во многих странах служил военным советником, и командировочные мне выплачивали в разных валютах. Так что, насчет валюты вы, ребята, перегнули палку. Для меня это не преступление. Я могу сказать, что столь мизерную сумму не обменял в банке, а оставил себе, как сувенир. Если вы подложили еще и английские фунты или франки, или кроны, да какая разница, что вы там положили, то уверяю, что сделали вы это совершенно напрасно. Мне кажется, что вам пора уже доставать что-нибудь посерьезней.

Следователь, весь красный и потный, продолжал старательно вписывать номера купюр в свой протокол.

— Сережа, — обратился Антон к участковому, — будь другом. Вот тебе пять рублей, сходи в магазин, купи сигарет и чаю. Да ты лучше меня знаешь, что нужно сидящим в камере. Не удивляйся, у следователя не только есть санкция на обыск. В его портфеле лежит и ордер на мой арест. Он просто не стал раньше времени предъявлять его. Он прекрасно понимал, что если я появлюсь дома раньше их хотя бы на пять минут, то они ничего бы не нашли. А теперь, он закончит свою писанину, и со спокойной совестью покажет всем ордер.

— Не стоит, лейтенант, я не позволю ему взять с собой ничего, кроме сменного белья и туалетных принадлежностей.

— Иди, Сережа, — подтолкнул его к двери майор. — А вы, Березняк, прекратите кривляться. Я тоже догадываюсь, что у вас запасен ордер на арест. Если так, то вы должны знать, что задержанному разрешается иметь при себе курево и небольшой запас продовольствия. И вообще, заканчивай весь этот цирк. Вы и так опозорили меня перед подчиненным своими безграмотными действиями. Скоро об этом весь город будет знать.

— Хорошо, если вы так настаиваете, то мы закончим обыск. Эй вы, доставайте все, что осталось, я уже все записал в протокол. Понятые, можете подписать протокол.

— Я, что идиот, или ты считаешь, что мы с женой похожи на идиотов? — возмутился всегда молчаливый Андрей. — Люда, пошли дамой, пусть он сам подписывает свою мазню, а мы не будем позориться перед людьми на старости лет, — он взял жену за руку и повел к двери.

— Люда, — остановил их Антон, — ты позвони, пожалуйста, Василию, пусть приедет и закроет квартиру. Мне кажется, что эти проныры считают, что здесь все мое, конфискуют ненароком чужие вещи под шумок.

— Хорошо. А лучше дай мне свои ключи. Вы уйдете, а я закрою за вами, а потом передам ключи Васе или Наташе.

Следователь по закону обязан был изъять ключи и опечатать квартиру. Но он промолчал. Он понял, что у этого парня, действительно за душой, кроме сменной одежды и

мундира с наградами, ничего нет. Он одного никак не мог понять, почему его заставили так грубо состряпать дело, к тому же столь непрофессионально.

— Ты, Иван Петрович, не переживай по поводу понятых. Поставишь сам любые закорючки, все равно твой протокол никто проверять не будет. По-моему, он даже никому не нужен.

— Чернов, — спросил следователь одного из своих помощников, — пистолет нашили?

— Нашили, Иван Петрович.

— Тогда собирайтесь, пора выезжать.

— Гляди, Виктор, — даже обрадовался Антон, — и пистолет нашили. А я что тебе говорил? Представь, а если бы они поковырялись еще, то глядишь и парочку иностранных агентов нашили бы под кроватью. Что ты так на меня смотришь? Вон, следователь, даже не зная, что нашили пистолет, знает о нем, и уже в протокол записал. Иван Петрович, ты скажи нам, может, ты туда и парочку пулеметов записал?

— Хватит болтать, ребята, наденьте на него наручники, и поехали.

— Ну, уж хватит надо мной издеваться! — не выдержал Виктор. — Мало вам того, что вы здесь балаган устроили. Унизили меня, унизили своим незаконным обыском уважаемого человека. Вам кажется, что этого мало, так вы решили продемонстрировать свою власть над ним, проведя его в наручниках по всему городу. В нашем городе я начальник милиции, и я представитель власти в своем городе. Я не сомневаюсь в подлинности ваших документов, но вывести Антона Максимовича в наручниках на обозрение всему народу, я не позволю.

— Но он арестован, и поедет, как все арестованные, в наручниках.

— В таком случае, я лично повезу его в своей машине, и буду лично нести за него ответственность. Вы скажите, куда его доставить, и можете сопровождать нас.

— Не надо, Витя. Эти люди, никому и ничего не прощают. Они обязательно припомнят тебе твой порыв помочь мне.

— Пусть припоминают. Майор Симбирцев никогда не праздновал труса. И сейчас они не дождутся этого от меня. Собирайся, Антон, поехали.

— Не надо, Витя, — громко, чтобы слышал следователь, сказал Антон. — Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Я задержанный, и должен ехать с конвоем.

— Но я хотел бы...

— Не надо, — шепотом сказал он, — ты лучше проследи, куда меня повезут, и сообщи моим ребятам.

— Ну, не надо так не надо, — согласился с его доводами Виктор, — тогда поезжай с ними. Надеюсь на скорую встречу.

— Не думаю, — тихо сказал Березняк.

Антон, хоть и услышал его слова, но не придал им большого значения.

Он надеялся, что друзья не оставят его в беде, и максимум через неделю он будет на свободе. Оказавшись на свободе, он в тот же день уедет на родину. Посмотрев вслед уезжающему Виктору, он глубоко вздохнул и сел в поджидающую его машину.

Конвой расположился по обеим сторонам от него, и машина выехала со двора на проспект.

Когда выехали за город, Антон, откинув голову, задремал. Он спал так глубоко и спокойно, что проснулся, когда машину сильно подбросило на ухабе, и он ударился о крышу автомобиля.

Оказывается, пока он спал, они проехали Москву, и двигаются на юг в сторону

Подольска. Это показалось странным, но его отвлекла сухость во рту. Заметив в руках у охранника бутылку с минеральной водой, попросил напиться.

— Перебьешься, не сорок первый год, — последовал грубый ответ.

— Сынок, не груби старшим. Если тебе жалко воды, так и скажи, я достану свою. Он открыл свою сумку, стал искать там бутылку с водой.

— Можешь не стараться. Сейчас допью, и ты получишь свою бутылку.

Антон даже опешил от такой наглости. Но через несколько секунд взял наглеца за запястье, надавил так, что побелевшие пальцы его разжались, и бутылка оказалась уже в руке Антона.

Второй охранник попытался ударить, но Антон опередил его ударом локтя в живот. Охранник согнулся и затих, постанывая от боли. Следователь смотрел на происходящее с широко открытыми глазами, от испуга не зная, что предпринять. Второй охранник, видя, что руку он не может освободить, стал лихорадочно пытаться вытащить пистолет свободной рукой. Антон, следя за его потугами, допил остатки воды, затем отобрал у него пистолет и передал следователю.

— Иван Петрович, забери оружие и положи в портфель, а то эти пацаны, еще глупостей натворят.

Следователь дрожащей рукой потянулся за пистолетом, но увидев улыбающиеся глаза Антона, как-то сразу успокоился и, взяв у него пистолет, положил его в портфель.

— Иван Петрович, может, я выброшу этих дебоширов из машины? Пусть идут пешком. Без них и машине будет легче, и нам спокойнее.

— Не надо, — приняв шутливый тон Антона, сказал Березняк. — Этих идиотов нельзя оставлять одних без присмотра, потом неделю искать придется. Пусть уж сидят, тем более, что мы почти приехали.

Вскоре, проехав Подольск, они оказались в поселке Петрово, где Антон на облезшей вывеске прочел «Следственный изолятор № 25».

Антон завели в досмотровую комнату.

Там его тщательно обыскали, сделали опись всех его вещей. Потом повели по длинному коридору, в котором через каждые десять метров были вмонтированы железные решетки с дверями. Перед каждой решеткой он останавливался, и монотонный голос конвоира командовал.

— Стоять. Лицом к стене, вперед.

Так продолжалось несколько раз, пока он не оказался в небольшой камере, в которой находилась деревянная кровать. Ее с трудом можно было назвать кроватью. Это был, скорее всего, небольшой деревянный настил, на котором лежал рваный матрас, с таким же грязным одеялом.

В углу стояла сломанная тумбочка, а возле двери вмонтированная в бетон раковина, в которой все время журчала вода.

— Надо полагать, что это и есть одиночная камера, — вслух сам себе сказал Антон. — Ну, что же, будем осваивать новое жилище, надеюсь ненадолго.

Но он ошибся. Прошло уже шесть дней, а он все еще находится в одной и той же камере. Его никто не беспокоит. Никто не вызывает на допрос, как это положено в таких случаях. Не выводили на прогулки, а еду приносили охранники, а не арестованные, как заведено во всех изоляторах.

Пытался заговорить с охраной, но в ответ слышал только:

— Нельзя, не положено, начальству виднее.

Постепенно он стал понимать, что его просто прячут здесь, вдали от Москвы, и находится он здесь нелегально.

Придя к такому выводу, решил, что в данной ситуации, он ничем себе помочь не может, остается только ждать развития событий. Антон стал съедать все, что ему приносила охрана, и усиленно заниматься спортивными упражнениями, насколько позволяла камера. Но, не смотря на это, ему порой хотелось выть, как волк на луну, от скуки.

Однажды, на седьмой день, окошко тихо отворилось, и тихий голос позвал его.

— Антон Максимович, подойдите сюда.

Антон очень удивился этому. Он знал, что его в этом изоляторе никто не знает. Подойдя к двери, увидел в окошке молодого охранника.

— Вы ведь Антон Ли?

— Да, это я.

— Я от Симбирцева. Вы знаете его?

— Конечно, знаю. Это мой друг.

— А я Плетнев Максим. Я зять Баринава Сергея, который служит участковым у Симбирцева.

— Я хорошо знаю Сережу.

— Тогда возьмите, — он протянул записку. — Это малява от Симбирцева. Я только сегодня вышел из отпуска. Теперь буду чаще к вам заглядывать. Если вам будет нужно что, то вы только скажите. Хорошо?

— Спасибо, Максим. Я буду это иметь в виду.

Антон, взял записку и отошел от двери.

Когда окошко закрылось, он с нетерпением стал разворачивать письмо, довольный тем, что друзья не забыли его.

Вскоре радость его сменилась на разочарование. Он несколько раз прочел письмо не веря, что его друзей уже нет в живых. Это было в первый раз, когда его по-настоящему охватила паника.

Он не знал теперь, как ему выйти из этой ситуации, как поступить правильно. Если бы он, в то проклятое утро роковой пятницы, знал об этом, то не позволил бы никому упрятать себя за решетку, даже ценой собственной жизни. Теперь он здесь и у него нет ни родных, ни друзей.

Антон лег на кровать и почти в бессознательном состоянии пролежал несколько часов, глядя пустыми глазами в потолок. Очнулся, когда открылось окошко. Это принесли ужин. За дверью стоял Максим, сочувственно глядя на него.

— Что, Максимка, знаешь о содержании письма.

— Знаю. Мне Симбирцев рассказал все перед тем, как отдать мне записку. Вы, Антон

Максимович, скажите, чем я могу вам помочь, и я сделаю все от меня зависящее.

— Ты лучше скажи, отсюда сбежать реально или нет?

— Нет. Как я понял, вы здесь на особом положении, и вся охрана об этом знает. Если я захочу вас вывести, то смогу вас провести только до первой двери. Даже наш начальник не может вас вывести. Вы покинуть изолятор, можете только в сопровождении особого конвоя, но это будет не наш конвой.

— Понятно. Значит они что-то замышляют, но вот что, я не знаю, и меня это очень беспокоит. Для чего-то я им нужен, иначе они давно бы меня грохнули. Для этого и одной пули достаточно.

— Нет, открыто они вас убить не смогут. Слишком много свидетелей. Я постараюсь узнать больше. Главное, чтобы никто не догадался, что мы знакомы.

— Об этом не беспокойся. Ты теперь иди, не привлекай внимания. Виктору передай, чтобы ничего пока не предпринимал. Я сам постараюсь вынудить их к каким-нибудь действиям. У меня есть к тебе одна просьба. Ты живешь в Подольске?

— Да, в Подольске.

— Это хорошо. Постарайся узнать, кто из прокуратуры надзирает за вашим изолятором и наведи о нем справки.

— Это я вам и сейчас могу сказать. Надзирает за нами наш районный прокурор. Он живет по соседству со мной. К тому же, я дружу с его младшим сыном.

— Что ты можешь о нем сказать, что он за человек?

— Могу сказать только одно. Он старый служака, честный человек. Любит справедливость. Без твердых доказательств дело в суд никогда не направляет, этого требует и от своих сотрудников. За это пользуется у зеков уважением. Если вы хотите что-то затеять, опираясь на него, то это вряд ли получится. Вытащить он вас вряд ли сможет. Он уже на пенсии. Если он что-нибудь затеет, то его в два дня выгонят из прокуратуры отдыхать на дачу.

— А мне не надо, чтобы он меня вытаскивал. Мне нужен небольшой скандалчик, чтобы привлечь внимание к своей персоне. Тогда они постараются или избавиться от меня, или перевести в другое место. А я тогда подумаю, что можно предпринять для освобождения. Видишь ли, я не хочу рисковать друзьями, их и так у меня не осталось. Это не только опасно для них, но и для их родных. Из письма ты знаешь, эти ублюдки не пожалеют никого.

— Все потом, кто-то идет.

Максим захлопнул окошко, и вскоре послышался его голос.

— Не положено, вы только посмотрите на него, книги ему подавай. Ему, видите ли, читать захотелось, тоже мне Достоевский нашелся. Иван, подожди, я с тобой выйду.

Антон мысленно одобрил находчивость парня. Хорошую школу конспирации они здесь проходят. Этим ребятам и знакомым нужно помочь, и начальству угодить, и, что греха таить, кое-что и зекам передают. Не бесплатно, конечно. И передать нужно так, чтобы сослуживцы не узнали. Могут и по инстанции передать. Тогда увольнение, а семью кормить надо.

Всю ночь Антон размышлял, но путного так в голову ничего не пришло. Утром, передовая миску с едой, Максим тихонько шепнул.

— Я сейчас сменюсь, а заступлю только через два дня. Будьте осторожны. Наши стали шушукаться, возможно, затевают что-то. Я ясно слышал ваше имя. Больше узнать ничего не удалось.

— Спасибо, Максим, я буду осторожен.

День прошел спокойно, как и всегда, только к вечеру его вызвали неожиданно на допрос.

В комнате для допросов его ожидал следователь Березняк. В течение двадцати минут длился допрос. Его трудно назвать допросом, он больше походил на беседу. Березняк задавал общие вопросы, ничего при этом не записывал. Выглядел он очень уставшим. На вопрос Антона, долго ли ему здесь находится, уклончиво ответил:

— Будем разбираться, а там видно будет.

На этом допрос закончился.

Ночью, лежа на нарах, Антон мучительно думал, что все это значит. Строил различные догадки, но так и не пришел к логическому заключению. Он не понимал, что хотел от него следователь, проводя столь странный допрос.

Утром принесли завтрак. Вертухай, как обычно подал миску с каким-то пойлом, и ехидно сказал.

— Кушайте на здоровье.

Антон, не обращая внимания на его реплики, взял миску с куском черного хлеба, отошел от двери. Поставив миску на тумбочку, задумался. Что-то беспокоило его, но он все еще не мог понять, что именно.

Вскоре отогнал от себя эти мысли и, взявшись за ложку, решил съесть жуткое пойло, которое ему принесли.

Еду, которую ему давали, можно было есть только когда она теплая, холодной ее есть невозможно. Он понимал, что даже это пойло ему обязательно нужно съесть все без остатка. Это нужно было для поддержания организма.

Задумавшись, машинально помешивал ложкой в миске. В это время у него сильно заболела шея, в основании головы. Приученный к таким сигналам бедствия, он бросил ложку, и стал прислушиваться к ощущениям всего организма в целом. Вскоре боль прошла, но, когда он вновь взялся за ложку, боль стала медленно нарастать. Стало понятно, что его пытаются отравить или усыпить.

Подумав немного, он взял миску и половину похлебки вылил в раковину, затем поставил остатки на тумбочку. Сам съел кусок хлеба, с удовольствием запивая его водой. Управившись с этим, лег на нары, заложив руки за голову, стал ждать развития событий. В голову пришла идея, разыграть на этом неплохой спектакль. А каким он будет, обстановка подскажет.

Антон, уставший от скуки и безделья, с нетерпением ждал развязки. Этот проведенный час, в ожидании знакомых шагов в коридоре, показался ему вечностью.

Но вот, наконец-то, он услышал тихие шаги у его двери. Антон быстро принял неестественную позу. Он лег на живот и свесил руку и голову почти до самого пола. Послышался щелчок открывающегося глазка. Несколько секунд тишины, затем глазок закрылся и в коридоре раздался противный голос вертухая.

— Иван, зови доктора.

— Зачем?

— У нас жмурик нарисовался.

Наступила тишина. Минут через десять послышались шаги, и голос за дверью спросил:

— Там точно жмурик? Ты проверил?

— Конечно, проверил. Пульса нет, лежит не шевелиться. На нем нет никаких внешних

повреждений. Я думаю, что у него инфаркт, сердце, наверное, не выдержало.

— Ладно, открывай, сейчас проверим, какой там инфаркт.

Дверь открылась. В камеру вошли трое мужчин. Среди них был доктор. Это был тучный мужчина неопределенного возраста, в грязном халате. Он наклонился над Антоном, пощупал пульс сначала на руке, затем на шее. Антон усилием воли замедлил биение сердца.

— Да, действительно, пульс не прощупывается.

— А я что говорил.

— Ладно, говорун. Лучше доложи начальнику, а жмурика ко мне в санчасть. Мне придется сделать вскрытие, и составить заключение о смерти.

— Да, что там вскрывать, инфаркт, вот и все. Разве и так не видно.

— Умник, ты бы помолчал. Вот когда будешь на моем месте, тогда и будешь делать заключение, — по-видимому, его раздражал этот говорун, к тому же доктор был недоволен предстоящей работой с трупом. — Да будет тебе известно, что здесь инфарктом и не пахнет. При инфаркте губы, как правило, синеют, а у него вполне здоровый цвет лица.

— Конечно, здоровый, — поднимаясь на ноги, сказал Антон, и сделал несколько шагов к двери, отрезая выход присутствующим. Глядя на испуганные лица, добавил:

— Ну что, вертухай, так смотришь на меня? Да, я еще живой. Но ты не удивляйся, просто я не стал есть твое пойло. Вы, доктор, сядьте на кровать и успокойтесь, а ты, дружок, — перехватил он, пытавшегося выйти обладателя противного голоса, — не торопись. Мне не нравится, когда мои гости уходят не попрощавшись. В кои-то веки ты зашел ко мне в гости, и пытаешься теперь уйти чисто по-английски, не попрощавшись. Я как радушный хозяин оставил половину своего завтрака, чтобы от всей души угостить тебя.

Во время этого разговора доктор сидел на нарах с обезумевшими глазами, не понимая, что происходит вокруг него. Второй охранник, опомнившись, попытался вытащить дубинку, но Антон остановил его.

— Не надо, сынок, не усугубляй положение. К тебе я претензий не имею. Можешь идти позвать начальника, или еще кого-нибудь, мне без разницы, кто придет. Я же со своей стороны ничего предосудительного не делаю. Просто я предлагаю твоему напарнику съесть то, что он мне принес, — и уже не обращая внимания на стоящего столбом охранника, повернулся к своему, так сказать, гостю. — Ну, что стоишь столбом, давай приступай к утренней трапезе.

Охранник вдруг вскинул голову и схватился рукой за дубинку, но, взглянув в глаза Антона, остановился. То, что он увидел в его глазах, потрясло его. Ноги сами по себе подогнулись, и он, опираясь спиной о стену, медленно опустился на пол, опустив голову на грудь, прикрывая ее руками.

— Кто-нибудь, скажет мне, что здесь происходит? — после наступившей паузы спросил доктор.

— Видите ли, доктор, — подсаживаясь к нему, и обнимая за плечи, сказал Антон, — здесь все очень просто. Мальчику приказали убрать меня без шума. Дали какой-то гадости, и малыш по простоте душевной всыпал ее в мою похлебку. И ведь разбойник знал, что делал. Он даже не зашел в камеру, чтобы убедиться, что я умер. Он на сто процентов был уверен, что я уже труп. Поэтому и поторопился вызвать вас, уважаемый доктор.

Охранник попытался возразить, но Антон остановил его.

— Ты, сынок, лучше не оправдывайся, а признай, что на все сто ты был уверен, что я покойник. Ты знал, что делал. Ты даже доктора пытался уговорить, что я умер от инфаркта.

Ты прекрасно знал, что подсыпал, и знал, что яд распадается в теле в течение десяти минут. Но ты все же перестраховался, и целый час выжидал, и лишь потом позвал доктора. Надеялся, чтобы уж наверняка было. Если ты хочешь доказать, что в миске нет яда, тогда возьми и докажи это. Съешь хотя бы пару ложек. Тогда я поверю, что ты не виноват.

Доктор стал понемногу понимать, что происходит. Ему это очень не понравилось. Одно дело, когда заключенные, разбираясь между собой, убивают, но когда сама администрация идет на преступление, используя при этом его в темную.

Придя к такому выводу, он в наступившей тишине подошел к охраннику и, не смотря на свою тучность, поднял его за шиворот и, с такой силой швырнул, что охранник, пролетев несколько метров по воздуху, приземлился в коридоре, ударившись о стену.

— Я во всем разберусь, — взяв миску с собой, он вышел из камеры.

Дверь за ним закрылась. Антон остался один. Примерно через полчаса, дверь вновь открылась, в камеру вошел подполковник. Это был молодежавый, стройный мужчина сорока лет. Он бодро вошел в сопровождении доктора и знакомого охранника Ивана.

— Я начальник СИЗО подполковник Прокопенко Петр Викторович.

— Я Ли Антон Максимович, — представился Антон.

— Я в курсе произошедшего с вами, доктор мне доложил. Я попросил доктора сделать скрупулезный анализ пищи, принесенной вам. Если он выявит в ней признаки яда, то охранник будет серьезно наказан.

— Ну, что вы, Петр Викторович, я ведь не требую для него наказания. Истинного виновника вы все равно не сможете наказать, а охранник — это просто исполнитель, пешка в чужой игре. Он запуган. У него, скорее всего, есть семья, а такого человека легко запугать, угрожая его близким. Что касается яда, то анализ делать не надо.

— Это почему же? Поясните.

— Это очень просто. Ваш охранник хорошо проинструктирован. Он знает, как именно действует яд, и за какое время он нейтрализуется. Поэтому и ждал целый час, прежде чем позвать доктора. Меня уже однажды пытались отравить именно таким ядом. Я также знаю, что яд в организме человека распадается в течение десяти минут, и после вскрытия патологоанатом может обнаружить только инфаркт. Для того чтобы обнаружить само отравляющее вещество, для этого нужна лаборатория с хорошим оборудованием, а также нужно знать саму структуру яда. Мне кажется, что у вашего доктора ничего такого нет, — и, обращаясь к доктору, произнес название яда. — Вы знакомы с таким ядом?

— Я о нем слышал кое-что от своих коллег, но не думал, что он может появиться у нас в Союзе. Этот яд очень токсичен, да к тому же растительного происхождения. Такой яд я, Петр Викторович, выявить точно не смогу.

— Черт знает, что здесь творится, — выругался начальник СИЗО, а потом спросил Антона. — Вы вообще кто? За что задержаны и откуда у вас такие познания в ядах?

— Начнем с того, что, если начальник СИЗО не знает, за что задержан человек, находящийся на его территории, да еще содержится в тайне от других заключенных, то это говорит о том, что сделали это люди очень высокого полета. Они даже не сочли нужным поставить вас в известность. Если это так, то вы должны понимать, что я, как заключенный, не простой мальчик. А что касается моих познаний в ядах, то в этом нет ничего удивительного. Я по роду своей службы, которой отдал двадцать пять лет, знаком со многими вещами, о которых простые люди даже не догадываются.

— Понятно. Чем я могу вам помочь?

— А вы не сможете мне помочь. И даже если очень захотите, вам все равно не дадут это сделать, — потом тихо добавил, — извините, Петр Викторович, но мы здесь не одни.

Начальник СИЗО, кажется, только сейчас заметил, что за его спиной стоят его сотрудники. Ему очень хотелось узнать подробнее, что за человек появился у него, вокруг которого кипят такие страсти. Но он не стал больше задавать лишние вопросы, только спросил:

— Какие у вас будут просьбы ко мне?

— Есть парочка. Если мне нельзя выходить на прогулку, не знаю, может это связано в целях какой-то конспирации, то можно мне хотя бы окошко открыть, — и усмехнулся, глядя на окно, — в такую бойницу я все равно не просочусь. Вторая, разрешите мне читать. Можно книги или газеты, а то я от скуки скоро стенку головой пробью.

— Хорошо. Я решу эти вопросы в ближайшее время.

Начальник ушел. Антон еще не успел до конца проанализировать свой разговор с начальником, как дверь открылась и вошел охранник Иван. Он поставил на тумбочку большую кружку горячего чая, полбулки хлеба и большой кусок соленого сала. На немой вопрос Антона с улыбкой ответил:

— Это компенсация от хозяина за испорченный завтрак.

— Спасибо. Передай ему мою благодарность.

— Передам, если увижу. Уж больно редко он у нас появляется, — собираясь уходить, он остановился у двери и добавил. — Чуть не забыл. В вашем окне вытащат стекло, так что камера будет проветриваться. Мы будем периодически оставлять открытой кормушку, и у вас будет в камере небольшой сквознячок.

— Вот за это вам большое спасибо.

— И еще, какие книги ты предпочитаешь? Я передам, но не думаю, что в нашей библиотечке найдется что-нибудь путное.

— А меня художественная литература не интересует. Мне нужны, по возможности, свежие газеты и журналы. Понимаешь, не хочется отставать от жизни, сидя на казенных харчах. Книги меня интересуют только научные. Меня устроит любое их направление, будь то химия или физика. Мне интересны и научные статьи любого толка, и инженерные разработки. Если найдется такая литература, то я буду очень рад этому.

— Хорошо, я передам в библиотечку твое пожелание. Поговорю с ребятами, может у них дома у кого найдется научное чтиво. Ладно, ты отдыхай, мне пора.

Ближе к вечеру, Иван принес стопку свежих газет.

— Читай пока, а завтра мой сменщик принесет тебе книги. Оказывается, в библиотеке такого добра, которое тебя интересует, навалом. Оно у наших урок не пользуется спросом, а нам по разнарядке присылают. Так что, они в прекрасном состоянии. Я после смены сам пойду и сделаю подборку. Я принес тебе бумагу и карандаш. Ты составь список, что тебе нужно.

— Я быстро составлю. Ты, когда принесешь ужин, я передам список.

Иван ушел, а Антон с жадностью набросился на газеты. На следующий день утром Иван с Максимом принесли большую коробку, наполненную книгами. Когда Иван вышел, Максим сказал:

— Антон Максимович, я вам купил несколько тетрадей и карандашей. Карандаши все наточены. Все это внутри коробки. Я подумал, что вдруг вам понадобится делать записи. Уж слишком вы специфическую литературу заказали.

— Эх, ребятки, вы даже не представляете, какую услугу вы мне оказали. Теперь я буду жить, как на курорте.

С этого дня у Антона началась совершенно другая жизнь. Он много и с удовольствием читал. Много писал, потом анализировал написанное. Его интересовало все, начиная от технологии металлов до космических кораблей, вместе с таблицей Менделеева.

Не забывал он и о физическом состоянии. Утром и вечером по часу занимался физическими упражнениями, чтобы держать себя в хорошей физической форме.

Питание улучшилось благодаря начальнику СИЗО, и Антон старался соблюдать режим. Ему не хотелось, чтобы тело покрылось жировым отложением, которое всегда появлялось у человека, который ведет малоподвижный образ жизни.

У Антона, началась размеренная, камерная жизнь. Его никто больше не беспокоил допросами или беседами. Порой ему казалось, что про него совсем забыли.

Антон был даже рад в какой-то мере такому положению дела. Скучать ему не приходилось. Благодаря охранникам в его камере вскоре появился приличный стол и стул. К весне у него собралась приличная библиотека. В маленькой камере, в отсутствие полок, хранить книги было негде, но он не отчаивался, все, что ему мешало, складывал в тумбочку и под кровать.

Читая газеты, понимал, что в ближайшее время начнутся в стране перемены. Отрезанный от внешнего мира, он не придавал этому большого значения. Ему казалось, что все это происходит далеко за пределами родины, но никак не за стеной его камеры.

Как-то утром, ранней весной, в камеру заглянул Максим. Вид у него был довольно встревоженным.

— Максим, что случилось? На тебе лица нет.

— Антон Максимович, у меня мало времени, минут пять-десять, не больше. Слушайте внимательно, сейчас весь народ на совещании у хозяина. Когда разойдутся, у меня не будет больше времени поговорить с вами.

— Не тяни, Максим, выкладывай, что там случилось?

— Вчера из Загорска приезжал Сергей. Он рассказал мне, что Симбирцев попытался поднять шум по поводу вашего содержания здесь. Его, конечно, быстро осадил. Применили мелкую подставу и быстро сняли с должности. Обвинили в халатности и в превышении служебных полномочий. Потом пригрозили прямым текстом, что если не успокоится, то его родным будет плохо, а с ним случится инфаркт.

— Я ведь просил, чтобы ты передал ему не вмешиваться в это дело. Я и так потерял много друзей.

— Да я предупреждал его и не однократно, но вы же его знаете. Он с его педантичной честностью все равно не будет сидеть на месте.

— Ладно, бог с ним, главное, что все живы пока. Ты передай, что я настоятельно прошу его пока не вмешиваться.

— Передам, но это еще не все. Симбирцев откуда-то узнал, что по всему Союзу началась тотальная проверка всех ИТК, тюрем и СИЗО. Оказывается, полгода тому назад по тихому был создан для этого специальный комитет, который подчиняется непосредственно ЦК. Говорят, что это инициатива самого Горбачева. Мне кажется, что в ближайшие дни вас ждут перемены, и думаю не в лучшую сторону. А то, что они последуют, говорит тот факт, что руководство с панической поспешностью собрало совещание.

— Ты прав. Что-то произойдет, тут я полностью с тобой согласен.

— И еще одно. Мне кое-что за последние дни показалось подозрительным. Не знаю, с чем это связано.

— Выкладывай, что за сомнение. Вместе решим.

— Понимаете, у нас есть самая большая камера под номером двенадцать. Она рассчитана на двадцать человек. Были у нас времена, когда в ней сидело до сорока человек. Но дело не в этом, а в том, что в ней в данный момент, сидит только девять человек.

— Ну, и что тебя в этом смущает?

— Да то, что в ней сидит народ за разбой с отягчающими и убийцы. Все они ждут суда. Следствие по их делам практически завершено. Меня смущает тот факт, что к ним в камеру посадили наседку.

— С чего ты взял, что это наседка?

— Дело в том, что сидит он там уже неделю. Здоровенный бугай. Физически очень развит. На местный контингент совершенно не похож. Не тот типаж. Можете мне поверить, я немного в людях местной породы разбираюсь. Так вот, этот бугай хорошо знаком с воровскими понятиями и правилами. Он в первый же день сместил смотрящего по камере и занял его место. И второе, сегодня ночью я его водил на допрос. Но допроса не было. Его в допросной поджидали двое, видимо, из высоких инстанций. Они долго о чем-то говорили, потом неплохо погуляли. Правда, наша наседка коньяк не пила. За то он с удовольствием налегал на деликатесы.

— Интересно, с чем это связано?

— Пока не знаю, но думаю, что связано это именно с вами.

— Ты думаешь, что меня посадят к ним в камеру?

— Думаю, что так они и сделают. Не зря ведь они подобрали такого здоровенного бугая. Теперь под его командой все зеки в камере по струнке ходят.

— Ладно, Максимка, не будем раньше времени в гроб ложиться. Я буду осторожен. А тебя попрошу быть предельно грубым со мной. Нельзя чтобы наши враги заподозрили тебя в дружбе со мной.

— Хорошо, Антон Максимович, я буду стараться. А теперь мне пора, скоро совещание закончится.

К вечеру того же дня Антона вдруг вызвали на допрос. В допросной комнате, за эти полгода ничего не изменилось. Даже следователь был тот же.

— Здравия желаю, гражданин Березняк. Наконец-то вы вспомнили про мою скромную персону. Чем на этот раз обязан?

— Послушай, давай ты не будешь ерничать, и мы хоть раз проведем допрос по-настоящему.

— Ну, если допрос будет честным и правдивым, если он действительно нужен для дела, то я согласен.

— Вот и договорились.

Березняк стал задавать вопросы. Сначала он спросил, что знает Антон про бойцовский клуб. Потом про аварию, и как долго он находился в больнице. Не покидал ли больницу во время лечения. Антон, в свою очередь, отвечал правдиво на каждый его вопрос. Березняк спросил его, не участвовал ли он в нападении на бойцовский клуб.

— Побойтесь бога, Иван Петрович. Какое нападение, какие трупы? Вы прекрасно знаете, что после того, как я покинул клуб, то на следующий день попал в аварию, и две

недели был в коме. Я физически не мог совершить это. Да что я вам говорю об этом. Вы прекрасно знаете все и без меня. Вы, наверняка, допросили весь персонал клиники и знаете всю правду. Я не мог напасть на клуб, да признаться, если бы и мог, то не стал бы делать этого.

— Почему это, позвольте спросить?

— Очень просто. В клубе у меня не было врагов, по крайней мере, чтобы убивать их. Второе. Я не воюю с женщинами. Это ведь благодаря женщине я попал в столь чуждое для меня общество, и что-то мне подсказывает, что вы знаете эту женщину.

— Это не важно. Важно то, что вы принимали участие в запрещенных видах спорта. В этом клубе погибли люди, а ты, как мне известно, специалист по запрещенным у нас видам единоборств.

— Ну, по этому вопросу не ко мне. Этому меня обучила Родина, вот и задайте ей этот вопрос, а за одно предъявите ей обвинение, чтобы не повадно было учить таких как я.

— Но родина не учила тебя убивать невинных людей.

— Иван Петрович, у вас искаженное мнение о невинности. Во-первых, там не было божьих агнцов. Все, кто посещал этот клуб, прекрасно были осведомлены о незаконной деятельности клуба. Во-вторых, в боях принимали участие люди хорошо тренированные, и они знали, на что идут и сколько они получают за свой поединок. И третье. Я был там не по собственной воле, и вам это известно не хуже меня.

— Но там погибли люди.

— Я вполне могу допустить, что там могли погибнуть люди. Люди где-то гибнут и в данную минуту, но это не говорит о том, что именно я убиваю их.

— Значит, ты отрицаешь свое участие в убийстве?

— Конечно, отрицаю.

— Пусть так, но мы все равно докажем твое участие в убийстве. Можешь в этом даже не сомневаться.

— А я не сомневаюсь, что вы все можете. Но вы одно не сможете, это честно и по закону доказать мое участие в убийстве. Вы ведь не сможете сейчас по закону провести следственный эксперимент. Вы не можете предъявить мне трупы для опознания, вы не можете предъявить мне правдивых свидетелей. Вы еще много чего не сможете доказать именно по закону. Любой адвокат, если он будет честно отстаивать права обвиняемого, разобьет ваши доказательства в пух и прах. Единственное что вы можете, это незаконно подтасовать доказательства и показания свидетелей, и держать меня незаконно за решеткой. А моего признания вы не дождетесь, я не собираюсь свидетельствовать против себя. Этого вы от меня не дождетесь.

— Да куда ты не денешься! — сорвался на истеричный крик Березняк. — Подпишешь все, что я тебе скажу. Все возьмешь на себя, и трупы, и наркоту, и ствол с валютой. Как миленький подпишешь, да еще и в ногах будешь валяться у меня. Правдолюбец долбаный.

Антон это тоже вывело из себя. Он встал и, наклонившись над следователем, с высоты своего роста посмотрел ему в глаза так, что Березняк готов был провалиться сквозь землю, но больше не видеть этого сумасшедшего взгляда.

— Послушай, микроба, и передай своим хозяевам. Больше я с тобой разговаривать не буду. А сломать Антона Ли, еще никому не удавалось. Не удастся это и вам. Теперь вызывай конвой, мне в камеру пора.

Березняк трясущейся рукой нажал кнопку. На вызов вошел Максим.

— Встать, руки за спину, вперед, — командовал Максим.

Антон вышел в коридор, ругая себя последними словами за срыв. Пока шли по коридору, Максим стал шептать ему в спину.

— Антон Максимович, мне приказано отвести вас в двенадцатую камеру, к наседке. И еще, к нам приехал высокий гость. Я сам его не видел, но среди наших прошел такой слух. Мне сказали, что в допросной установили видеокамеру. И этот гость наблюдал за допросом.

— Спасибо, я понял.

У двенадцатой камеры их встречал еще один охранник. Подавая Антону сумку с вещами, ехидно сказал:

— Здесь все твои вещи. Теперь будешь сидеть как все зеки, а не в своей персональной камере, как на курорте, — повернувшись, он ушел.

— Максим, постарайся близко не подходить к камере. Если услышишь шум, то, как можно дольше, потяни время.

— Хорошо, я понял вас. Но я боюсь, а вдруг не справитесь, и понадобится моя помощь.

— Ты делай так, как я сказал, и все будет нормально.

— Теперь это твоя камера, — сказал громко Максим, пропуская Антона в камеру.

Антон, сделав несколько шагов, остановился. За его спиной с грохотом закрылась железная дверь. Он глубоко вздохнул, осмотрел пристальным взглядом всех присутствующих, затем поздоровался.

— Доброго здоровья всем присутствующим в Хате.

В ответ послышалось несколько вялых приветствий, вроде и тебе не хворать.

— Не весело встречают здесь гостей. Ну ничего, переживем. А кто в хате смотрящий?

— Ну я, а тебе зачем? — раздался ленивый голос лежащего у окна огромного детины.

— На какую шконку прикажешь кости бросить?

— А сам догадаться не можешь? Ложись вон на самую крайнюю, что у параша стоит. Там тебе будет уютно, и мешать никто не будет.

— Ссмотрящий, ты случайно ничего не попутал? В хате уйма свободных шконок, а ты меня посылаешь к параше. Ты меня совсем не знаешь. Не хорошо с твоей стороны, не по понятиям это.

— Ты что это, баклан, учить меня, бывалого урку, понятиям станешь. Да я тебя... — стал подниматься громила с угрожающим видом.

— Да какой ты бывалый. Смотрите мужики, у этого бывалого ментовская школа на лбу нарисована. Ты, милоч, случайно не ошибся адресом. Тебе не сюда, а в красную надо, там твои кореша сидят. Нормальным уркам в одной хате с красноперым сидеть заподло, — и, видя замешательство детины, добавил еще масла в огонь, — мужики, я вот в толк не возьму, с каких это пор в хате стала руководить откормленная свинка, а не матерый волк? Или это только в вашей хате так заведено?

— Да я тебя... — весь красный от натуги детина бросился на Антона.

Антон ждал этого. Он не зря выводил того из себя, и это у него получилось. Разъяренный как носорог, детина бросился в атаку. Когда надвигающаяся на него огромная туша попыталась нанести удар, сделал шаг влево и, уклоняясь от его удара, сам, что есть силы, правым кулаком ударил противника в солнечное сплетение. Сильный удар в совокупности с движущей массой тела получился довольно мощным. Удар достиг своей цели. От мощного удара детина согнулся по палам.

Антон, отступая в сторону, пинком в зад добавил неуправляемому телу еще инерции. Детина, согнувшись от боли, сделал еще несколько шагов и, ударившись головой о дверь, рухнул на пол.

— У кого есть вопросы ко мне?

Вопрос его повис в воздухе без ответа. Стоявший недалеко от него парень, быстро вскочил на верхнюю кровать и затаился в уголке. Антон пожал плечами.

— Странные вы какие-то. К вам подселили нового человека, а у вас нет ни одного вопроса.

— Да какие тут могут быть вопросы, — повернулся в его сторону один из парней, — и так понятно, что всем хочется власти. Каждый приходит и ведет борьбу.

— Я что-то не пойму тебя, что за борьба здесь происходит?

— Как, что за борьба. Был у нас один смотрящий, пришел на его место другой. Потом пришел ты, побил его. Завтра или через неделю придет другой, который побьет тебя. И так до бесконечности.

— А ты, я смотрю, философ. Но в твоих рассуждениях есть одна ошибка. Я не собираюсь быть смотрящим.

— Это почему же?

— Первое, я не люблю занимать чужое место. Второе, мне не нравится, когда занимают место самозванцы.

— Как это самозванцы?

— Очень просто. Вот эта груда мяса — элементарная насадка. Вам надеюсь не надо объяснять, что такое насадка. Он вам навешал лапши на уши, а вы и повелись. К тому же и силушку применил немалую, вон у некоторых до сих пор его памятки на лицах не прошли.

— А я тебя вспомнил, — подошел к нему коренастый мужчина, лет сорока. — Это ведь ты был в ИТК-18, когда мы там бузу замутили.

— В 18-м был, это точно, но вот тебя почему-то не помню.

— Это и не мудрено. Ты ведь не мог тогда всех нас запомнить. Тебе от всех зеков большая благодарность. Только благодаря тебе мы тогда остались живы. Ты тогда правильно сказал, что нас всех пустят в расход, а оказалось, что пострадал только ты один. Ты когда заслонил Черепа, мы грешным делом подумали, что все, амба, тебя застрелили насмерть. Не знаю почему, но Череп был уверен, что ты остался жив. Он тогда говорил, что на таких как ты, Россия держится.

— Ничего, пусть мои враги не радуются. Я еще жив пока. Но теперь, я не на той стороне, а на этой, и заслонить теперь никого не смогу, — посмотрев в сторону лежащего амбала, тихо добавил, — разве вот так, кулаками от таких ублюдков, как он и ему подобных.

— Для меня, к примеру, не важно на какой стороне ты, главное, чтобы человек был правильный, для меня этого достаточно. За то, что ты сейчас держал мазу за нас, тебе нижайший поклон от всех.

— Давай не будем об этом. Главное, что наша первая встреча состоялась. Мы не враги друг другу, а это самое главное, — повернувшись к молоденькому парнишке, сказал, — посмотри, жива эта свинина или уже ласты склеил.

— Живой, — весело сказал парнишка, — только в отрубке.

— Хорошо. Ты стукни в дверь, пусть вертухай ему доктора позовет. Он своей головой дверь помял, не дай бог еще помрет.

Парень постучал в дверь кулаком и отошел вглубь камеры. Все разошлись по своим кроватям. Антон и его новый знакомый остались сидеть за столом.

Вскоре открылось окошко, в нем показалось недовольное лицо Максима.

— Кому здесь не сидится спокойно? Если кому-то захотелось в карцер, то я быстро устрою.

Молодой парнишка, осмелев окончательно, выскочил в центр камеры и крикнул Максиму.

— Эй, вертухай, зови доктора. Здесь человеку плохо. Если помрет, то вы опять на нас его труп повесите. С нас хватит и своих.

Окошко закрылось. Вскоре открылась дверь. В камеру вошли Максим и его напарник.

Максим, глядя на лежащее на полу тело, грозно спросил:

— Что произошло? Эй, новенький, это ты его так?

— Не, гражданин начальник, — не унимался мальчишка. — Это он сам. Мне кажется, что у него с головой не все в порядке. Представляешь, он лежал, потом как заорет, что готов написать явку с повинной. Потом побежал к двери, но споткнулся и врезался в дверь своей

башкой. Мы смотрим, он не шевелится. А вдруг он помер? Я страсть как боюсь мертвяков, — сказав это, он взобрался на верхнюю кровать и, прикрывшись потрепанным одеялом, стал трястись, изображая страх.

— Шкет, прекрати паясничать, говорите, что здесь произошло.

— Гражданин начальник, все так и произошло. Шкет говорит правду, — стали настаивать на правдивости его слов сокамерники.

— Ладно, потом разберемся. Ваня, давай его вытащим в коридор. Нужно позвонить доктору, пусть его осмотрит.

Они, подхватив лежащего подмышки, с трудом вытащили безжизненное тело в коридор. Когда за ними закрылась дверь, все облегченно вздохнули.

— Зуб, — Шкет уже крутился вокруг стола, — теперь ты опять будешь смотрящим?

— Я теперь не знаю, что делать. Теперь он главный, — смутившись, Зуб посмотрел на Антона.

— Мелкий, сядь и не мельтеши перед глазами, — ответил за него Антон. — Будет Зуб смотрящим, никуда не денется, по крайней мере, пока не пойдет по этапу.

— Здорово, а то этот боров загонял меня. Шкет сделай то, Шкет принеси это, Шкет налей, Шкет приברי. Загонял напрочь.

— Ты особенно не обольщайся, теперь я буду тебя гонять. У меня тоже не забалуешь.

— На тебя, Седой, я не в обиде буду, ты все же свой мужик, а не то что этот бугай.

— Седой? Это что, ты мне новое погоняло придумал?

— Ты извини, как-то само собой вырвалось. Ты на вид еще очень молодой, а весь седой до последнего волоска.

— Не извиняйся. Все равно мне придумали бы кликуху. Седой не хуже других кличек. Пусть будет, я не в обиде.

— Слушай, Седой, а в тебя, правда, стреляли? Неужели красноперые?

— Да, нашлись такие. Вот смотри, — Антон расстегнул рубашку, показывая ему шрам от ранения.

— Ничего себе, смотрите мужики, правда, стреляли. Прямо в сердце.

— Не совсем в сердце, но очень близко. Я тогда долго в больничке лежал. Спасибо доктору, можно сказать, что с того света вытащил.

— Я бы, наверное, не выжил, — робко скал Шкет.

— Значит не надо подставляться. Тебе вообще, пока молодой, с девчонками гулять надо, да на танцы бегать в свое удовольствие, а ты по тюрьмам свою молодость и здоровье гробишь.

— А сам-то ты, тоже не на курорте паришься.

— Ты, сынок, на меня не равняйся. Я в свое время погулял. Ты не смотри, что я молодо выгляжу, у меня двадцать с хвостиком лет в войсках спецназа. Меня после этого ранения на пенсию определили. Вроде как по состоянию здоровья.

— А за что тебя к нам определили? Тебе, я полагаю, красная зона должна светить. Статья-то серьезная у тебя?

— Да какой я красный, я ведь пенсионер, значит обыкновенный человек, как все. Но я с тобой согласен. По закону я должен сидеть в красной зоне. Каму-то очень хочется, чтобы я сидел именно с вами. Меня даже к вам бросили только с одной целью, чтобы вы меня хорошенько пресанули. Видишь ли, я у них вроде как в несознанке.

— Интересно, а что они тебе шьют?

— Мне проще перечислить, что они не шьют. На мне участие в незаконных боях на ринге, есть такие незаконные бойцовские клубы. Еще на мне, как минимум, семь трупов, наркота, валюта, а к этому добавь серьезно замазанный ствол, вот в совокупности мне светит как минимум вышка. А вообще я сижу здесь за то, что по сути я честный человек. Я честно служил своей родине. Дослужился до полковника. Имею множество наград, в том числе и боевых. Если ты не знаешь, за что в наше время дают боевые награды, то я скажу. Я принимал участие практически во всех боевых точках нашей планеты. Это, конечно, секретная информация, но то, что власть со мной так обошлась, это снимает с меня все обязательства перед ней. Я уже здесь больше восьми месяцев парюсь. Все это время меня в одиночке держали, а теперь после неудачи в вашей камере они, скорее всего, пойдут на крайнюю меру. Им не остается ничего другого, как только грохнуть меня. Я думаю, что именно этим закончится мое присутствие здесь.

— Нифига себе. Вот это расклад.

— Ладно, мелкий, заканчивай свой допрос. Ты лучше достань из моей сумки сигареты. Это мой скромный вклад в общий котел. Другого все равно нет. Мне передачи некому носить, да если бы и принесли, все равно не пропустят, а после того как наседку раскрыл, опять в одиночку бросят. Я скоро разговаривать разучусь.

— Ты, Седой, не отчаивайся. Пока человек жив, он живет надеждой. Не знаю как тебе, но мне почему-то кажется, что у тебя будет все хорошо, — философски заметил Зуб.

— Ну, что мы все обо мне, ты, Зуб, расскажи, что произошло в тот день в зоне, после того, как меня подстрелили?

— Ты и так все помнишь, наверное. Я начну с того места, как раздался тот злополучный выстрел. Никто из нас тогда не предполагал такой подляны. После выстрела все растерялись, не понимая, что происходит. Стали приходить в себя, только когда ты упал. Твои ребята тогда здорово сработали. Один лег на тебя, прикрывая своим телом, а остальные закрыли вас плотным кольцом. Когда они направили оружие в сторону администрации, мы догадались, что выстрел был с их стороны. Ты, по-видимому, был еще в сознании, и что-то сказал своему бойцу, потому что он сказал: «Приказ командира — огонь не открывать».

Тогда один из твоих бойцов, повернувшись в сторону администрации, гневно крикнул:

— Предупреждаю, если прозвучит еще один выстрел, или я услышу щелчок затвора, мы за своего командира разнесем в пух и прах весь ваш курятник.

Такой яростной речи мне не приходилось еще слышать. У нас даже дрожь пошла по телу от этого голоса. Затем уже тихим голосом приказал нам без паники следовать в бараки. Мы потом из окон видели, что твои бойцы, дождавшись, когда скроется последний зек в барак, положили тебя на автоматы и понесли к воротам. Остальные держали оружие на изготовку, готовые в любой момент открыть огонь. Когда тебя эвакуировали, и все понемногу успокоились, мы долго обсуждали этот инцидент. Тогда мужики говорили, хоть ты и красным для нас был, но и многие из нас пошли бы на ножи за тебя. Вся зона тебя уважать стала. А знаешь почему?

— Скажи, мне это очень интересно.

— Да потому, что все видели, как твои еще юные по сути мальчишки, закрывали тебя своими телами и готовы были защищать своего командира, даже не зная, жив ты или нет. Мне тогда показалось, что твои ребята, если бы в них стали стрелять, все как один погибли бы, но не отступили бы. Череп тогда тоже слышал, как ты сказал своему солдатику, чтобы огонь не открывали.

Зуб замолчал, о чем-то сосредоточенно думая. Было видно, что воспоминания даются ему нелегко. Антон видел, что его что-то беспокоит, но торопить не стал.

— Я после выстрела многое стал понимать совсем не так, как до этого. Меня поразил голос твоего подчиненного. Было видно, что он в ярости, и готов мстить за тебя, но, тем не менее, очень спокойным голосом сказал.

— Мужики, все без суеты и паники, организованно идите в барак, если что, мы прикроем.

Такого из нас ни кто не мог предположить. Я не знаю почему, но в тот момент, все как военные построились в колонны и двинулись к баракам. Каждый из нас тогда спиной чувствовал, что в любой момент откроется стрельба, ведь они не пожалели даже тебя, а ведь ты был одним из них.

— Что было потом?

— Потом? Потом, мы сидели по своим баракам дня два, пожалуй. Ты не поверишь, но никакого ажиотажа не было, даже шмон не проводили. Потом только, дня через два или три, пришли отрядные, и первый раз вывели нас на перекличку. Тогда мы узнали, что нашего хозяина перевели на север, а нам назначили нового. Хочу сказать, что новый ничем не отличался от старого. Правда, при нем стало меньше разных построений, да и кормить стали немного лучше, а в остальном все осталось по-прежнему.

— А все-таки, куда старого отправили, я даже фамилии его не знаю.

— Слышал, что перевели его на Соловки. Там лагерей пропасть, а вот в какой именно не могу сказать, а фамилия его Завертнев Павел Павлович. Век бы эту гниду не видеть.

— А где сейчас Череп, или все еще там сидит?

— Череп получил теперь полную волю, его уже никто не сможет посадить.

— Ты так говоришь, как будто он умер.

— Он теперь по другую сторону забора, там его могилка.

— Что случилось. Поему он умер?

— Примерно месяц спустя после нашей бузы, нашли Черепа на пилораме с заточкой в боку. Почему он там оказался, да еще без своих шестерок, мы так и не смогли узнать. Череп еще пару дней лежал в больничке и, как нам сказали, умер, не приходя в сознание.

— Нашли, кто это сделал?

— Нет, конечно. Вертухай пытались что-то сделать, но особого рвения не проявили, а через несколько дней и вовсе спустили это дело на самотек. На этом все и закончилось. Мы своими силами пытались навести справки, но и у нас ничего не получилось. Была у нас одна зацепочка. Нам тогда сказали неправду. Череп оказалось, все время был в сознании. Оказывается, в соседней палате лежал урка и слышал, как Череп ругал одного вертухая последними словами. Но и конкретно сказать, что именно так все было, тоже нельзя, у этого урки в то время была очень высокая температура. Мы узнавали, это правда, окончательно верить его словам не стали. Конечно, мы сопоставили все факты и пришли к выводу, что именно администрация приложила к его убийству свою длинную руку. Видимо, они так отблагодарили нас за нашу бузу.

— Да, не повезло Черепу. Я тогда как чувствовал, что это добром не кончится.

— Видно, у него судьба такая. А незадолго до своей смерти, он просил Юриста, ты наверное помнишь, молодой зек сидел за столом, вместе с Черепом, когда вы договаривались.

— Помню, сидел тогда молодой парнишка, я тогда подумал, что такой молодой, а сидит

с авторитетом и разговаривает на равных с ним.

— Этот молодой парень на самом деле юрист. Он очень грамотный юрист, и в наших кодексах законов может растолковать любую запятую, если понадобится. Вот за то, что он много знает, ему впаяли пять лет. Мы с ним через три месяца вместе откинулись. Так вот, Череп, когда еще живой был, попросил его, не жалея денег, найти тебя.

— Это зачем еще?

— Мы не знали тогда, живой ты остался или нет, но Череп сказал, что такие как ты, так просто не умирают, а чуйка у него была, дай боже каждому. Он попросил Юриста найти тебя и отблагодарить. Он так и сказал:

— Мужики, это касается всех, найдите этого парня. Мы все, как один, обязаны ему своей жизнью. Даже если он умер, то найдите его семью и помогайте им до конца дней своих. Я думаю, что общак от этого не пострадает, а нам на том свете зачтется.

— Но найти тебя, оказалось не так-то просто. Юрист не так давно говорил мне, что поставил на ноги все свои связи, но ничего не узнал. Единственно, что он узнал, так это то, что ты живой и обитаешь где-то в Подмосковье. А в остальном, вокруг тебя сплошная таинственность. А ты оказывается, сам нашелся, живой и здоровый. Так что, прими, Седой, и мою благодарность за спасение моей, хоть и непутевой, но все же жизни.

— Ладно, не заморачивайся по этому поводу. На свете есть много людей, которые поступили бы точно так же. Придет время, может, и ты поможешь мне, как знать, все под одним богом ходим.

— Добро я буду всегда помнить, — потом крикнул через плечо, — эй, Шкет, ты бы чайком нас побаловал что ли, по такому случаю.

— Сей момент, господа, — он засуетился вокруг стола, собирая все, что у них было.

Так закончился этот напряженный день. Ночь выдалась на удивление спокойной, и Антон, воспользовавшись случаем, хорошо выспался.

На следующий день, часов в одиннадцать, дверь камеры открылась, и вертухайскомандовал:

— Ли, на выход.

— С вещами или как?

— Без вещей. У тебя свидание с адвокатом.

— А это зачем? — спросил он, увидев наручники.

— Приказано конвоировать тебя только в наручниках. Руководство считает тебя буйным.

— Если твое руководство так считает, тогда одевай, я не буду сопротивляться.

Вошли в допросную комнату. За столом сидел мужчина, примерно лет сорока с небольшим. Вид у него был усталый и непрезентабельный. Его лицо было мокрым от пота. Он нервничал, ему явно было не по себе.

Антон почувствовал, что адвокат чем-то сильно напуган. Отметив все это про себя, поздоровался с ним, придавая своему голосу теплоту и участие, а подойдя ближе, присел на стул стоящий в паре метров от стола. Устроившись удобнее на стуле, протянул руки конвоиру, предлагая ему на время разговора снять наручники.

— Не положено, — парировал вертухай.

— Ты что, считаешь, что я съем его? Это же мой адвокат. Я не могу обидеть человека, который будет в суде защищать мою честь и достоинство от вашего беспредела.

— И, правда, будьте благоразумны, — встал на защиту Антона адвокат. — Это все же мой подзащитный, и я уверен, что во время нашего разговора мы не будем ссориться.

Конвоир, сняв наручники, молча вышел в коридор, прикрыв плотно за собой дверь.

— Разрешите представиться. Меня зовут Иванов Михаил Иванович. Мне поручено защищать ваши права в суде.

— Очень рад нашему знакомству. Надеюсь, что с вашей помощью мое дело сдвинется с мертвой точки. Признаться, мне до чертиков наскучила эта неопределенность.

— Хорошо. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы сдвинулось ваше дело.

— Я надеюсь, что вы внимательно ознакомились с моим делом. А теперь скажите, на что я могу рассчитывать?

— Да, я внимательнейшим образом ознакомился с ним. В вашем деле есть все улики, на сто процентов обличающие вас, есть показания свидетелей, проведены экспертизы. Не хочу вас обнадеживать, но по совокупности этих обвинений вам светит приличный срок, даже не смотря на ваши заслуги перед Родиной. Со всей собранной доказательной базой мне ясно одно, меня смущает, почему нет вашей подписи ни под одним протоколом. Вы что же, считаете себя невиновным?

— Естественно я считаю себя невиновным. Все, что там написано, от первого до последнего слова ложь. Хочу заверить вас, что вся эта липа — чистой воды провокация. Мне искренне жаль, что вы как мой адвокат, даже не поговорив со мной, пришли к убеждению, что я являюсь закоренелым преступником. Я уверен, что вы не знаете моей биографии. Кто я на самом деле, и что из себя представляю.

— Вы простите меня, но я действительно не знаю кто вы. Мне разрешили ознакомиться с вашим делом, что я и сделал, но в нем ничего нет о вас. Поймите меня, то, что я узнал из

обвинительного заключения, меня ни в коем разе не обрадовало. Тем более, что вы отказываетесь от всего и не подписали ни одного документа.

— Вы что же, как мой адвокат предлагаете подписать себе свой собственный приговор на смертную казнь?

— Я не предлагаю вам подписывать все, что вам инкриминируют. Я предлагаю вам взять из этого объема что-нибудь одно. Мне будет легче уговорить суд на одну статью, и можно будет рассчитывать на небольшой срок.

— Михаил Иванович, за время нашего разговора вы ни разу не посмотрели мне в глаза. И я знаю почему. Отложите свои бумаги в сторону и посмотрите на меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Адвокат с удивлением поднял голову и посмотрел на своего собеседника. Он действительно понимал все, и ему было стыдно смотреть в глаза Антона.

— Ну, вот и хорошо. Теперь смотрите на меня и внимательно слушайте. Я сейчас буду тихо задавать вам вопросы. Вам не обязательно отвечать на них, вы просто мысленно, четко и ясно отвечайте, а я пойму вас.

— Хорошо, но почему тихо?

— Михаил Иванович, за моей спиной у входа установлена видеокамера, и я не хочу, чтобы те упыри, которые послали вас ко мне, знали ваши ответы. На камеру смотреть не надо.

— Я понял вас. Задавайте ваши вопросы, я постараюсь честно на них ответить.

— Вас заставили взяться за это дело? Отвечайте только мысленно, пусть думают, что я что-то вам рассказываю, а вы внимательно слушаете.

— Да, заставили.

— Они угрожали вам расправой над вашей семьей?

— Да.

— Когда вы, опасаясь за судьбу вашей семьи, согласились, они пообещали вам деньги?

— Да, они предложили большую сумму.

— Хорошо. Вы постарайтесь делать все, что они говорят, только откажитесь от денег.

— Поясните вашу мысль.

— Денег вы все равно не получите, а вот несчастный случай с вами вполне может произойти. Не знаю, как они поступят. Вы умный человек и поймете, о чем я говорю. Уверяю вас, это дело слишком специфическое, и одной жизнью больше или меньше никого не волнует. Единственное, что я могу на данный момент, это дать вам совет. Выполнив это дело, они вас не оставят в покое. Поверьте, это только начало. В нашей стране скоро начнутся такие изменения, что вы будете не успевать выполнять их поручения. В связи с этим я советую вам пожалеть своих родных и близких. Измените профиль своей деятельности, или вообще прекратите заниматься юриспруденцией хотя бы года на три или четыре, а там видно будет.

— Вы ошарашили меня.

— Вам кажется, что это все фантастика, но поверьте, я знаю, что говорю. Подтверждением моих слов может служить то, что я сейчас разговариваю, читая ваши мысли. Или вам нужны другие примеры?

— Не надо, я верю вам. Но как же быть с вашим делом?

— Вы особенно не думайте о нем. Обиду на вас я держать не стану. Этим подонкам скажите, что ни одну бумагу я не подпишу. Если они хотят, то пусть передают дело в суд. Об

одном прошу вас, при рассмотрении моего дела в суде, мою защиту представлять будете только вы. Так и скажите им, что на другого адвоката я не соглашусь. Ничего не бойтесь, а им скажите, что на процессе я буду вести себя в рамках закона. Теперь вызывайте конвой.

Вернувшись в камеру, Антон после обеда тихенько шепнул Зубу на ухо.

— Зуб, назревают перемены. Мне нужен металлический предмет, которым я смог бы открыть наручники.

— Канцелярская скрепка подойдет?

— Вполне.

Зуб тихонько поговорил со Шкетом, и вскоре у Антона в руках оказалась большая канцелярская скрепка. Антон выровнял ее, и аккуратно воткнул в манжет рубашки. Таким образом, не зависимо от того, где у него будут руки сзади или спереди, он сможет легко воспользоваться своей отмычкой, а что она ему понадобится в ближайшее время, он не сомневался.

Едва он успел спрятать ее, как в камеру вошел вертухай и повел его на допрос. В комнате для допросов находился уже знакомый ему следователь прокуратуры Березняк. Рядом с входом, опираясь на стену, стояли двое крепких парней в камуфляжной форме без знаков отличия. Оружия при них не увидел, зато тяжелые резиновые дубинки висели на поясе, явно напоказ.

Антон, как и в случае с адвокатом, протянул руки к охраннику. Охранник, смутившись, не стал снимать наручники, а, повернувшись, вышел из комнаты, — будут бить — подумал Антон и, пройдя ближе к столу, сел на стул, не дожидаясь приглашения.

Наступила пауза. Следователь придал своему лицу беззаботный вид, но это плохо у него получалось. Антон чувствовал, как напряжены он и двое бойцов стоящих у двери. Ему показалось, что не только они напряжены, а весь воздух в комнате звенит от этого напряжения, и готов взорваться в любую минуту от резкого прикосновения к нему или от громкого слова.

Первым нарушил повисшую тишину следователь. Он, как и в прошлый раз, стал уговаривать Антона подписать обвинительное заключение, обещая со своей стороны поддержку и участие. Он заливался соловьем, обещая Антону за сотрудничество минимальный срок, а возможно и вообще условный. Потом стал давить на жалость, мотивируя это тем, что дело находится на контроле у высокого начальства и его заставляют, как можно быстрее закончить с этим. Чтобы Антон не сомневался, стал обещать, что пригласит на защиту самого лучшего адвоката, который в два счета развалит в суде это дело, и все всех устроит. Самое главное — это согласие Антона.

Березняк так увлекся своей речью, что встал со своего места и стал прохаживаться по комнате, продолжая рисовать радужные картины будущего.

Антон делал вид, что очень внимательно слушает, и даже кивал головой в знак согласия с его речью. Тем временем, незаметно достал скрепку и парой отточенных движений открыл замки наручников, оставив их лежать на коленях так, чтобы руки в любой момент оказались свободными.

Перестав ходить, следователь спросил Антона:

— Ну как, Антон Максимович, ты согласен с моими выводами?

— Твое беспокойство о моей скромной персоне мне давно понятно. Я даже больше скажу, я хорошо понимаю положение, в котором ты оказался. На тебя давят и это понятно, но и ты постарайся понять меня, мне не очень хочется подписывать себе смертный приговор. Ты уж прости меня, но я ничего подписывать не буду. Об этом мы с тобой уже не раз говорили, давай не будем к этой теме больше возвращаться.

— Значит, не хочешь меня понять. Ну что же, сам напросился.

В следующую секунду Антон услышал звук рассекающего воздуха. К такому событию он был уже готов. Антон знал, что стул намертво прикручен к полу, поэтому заранее плотно зацепился ногами за ножки стула, и, как только услышал свист опускающейся ему на спину дубинки, он откинулся назад, оставаясь при этом на стуле, а головой практически касаясь пола.

Здоровяк, наносивший удар, не мог предположить, что цель его удара исчезнет. Не достигнув цели, он стал по инерции заваливаться на своего противника. Антон

воспользовался моментом, схватил противника за поясной ремень, рывком ускорил его инерцию. Парень, падая, своим телом увлек за собой и Антона.

Результатом этих действий было то, что Антон оказался уже стоящим на ногах, придавая еще большее усилие летящему по воздуху телу. Тяжелое, накаченное тело парня, описав дугу в воздухе, с грохотом опустилось спиной в центр стола, ломая стол на две части и разметая бумаги по всей комнате.

Второй парень не успел от удивления даже среагировать, как получил удар ногой по голове, отлетев, свалился на пол, ударившись головой о стену. В это время парень, лежащий на осколках стола, застонал и стал медленно подниматься. Антон не дал ему этой возможности, и сильнейшим ударом ноги просто пригвоздил его к бетонному полу.

Глядя на происходящее, Березняк закричал от ужаса, опасаясь за свою жизнь. Дверь комнаты с шумом открылась, вбежали еще двое парней в такой же форме. Они не успели придти в себя от увиденного, как оказались рядом с напарниками, теряя сознание. Переведя дух, Антон крикнул следователю через плечо.

— Березняк, заткни свой рот, иначе я сам заткну его тебе. По крайней мере, тебя еще никто не тронул.

Не обращая больше внимания на следователя, он подошел к двери и крикнул.

— Вертухай, ты здесь?

— Здесь, — раздался за дверью тихий, взволнованный голос Максима.

— Слушай меня внимательно. Дверь запереть на ключ. В комнату никого не впускать. Откроешь только тогда, когда придут начальник СИЗО вместе с прокурором района.

За дверью послышался заикающийся голос Максима, «хороший артист в нем пропадает» подумал про себя Антон и подошел к висевшей видеокамере на стене.

— Ну что, друзья мои, будем считать, что воспитательный процесс закончен? Теперь я жду в этой комнате начальника СИЗО и прокурора района, и, заметьте, обоих сразу. Теперь, что касается тебя, козел, — он ткнул указательным пальцем в камеру. — Моли бога, чтобы я не узнал, кто ты. В противном случае, ты пожалеешь, что родился на божий свет. Теперь о моем щекотливом положении. Если тебя посетит дурная мысль взять меня штурмом, то прежде чем начать необдуманные действия, проанализируй ситуацию. Как только вы начнете штурм, я успею кое-кому из присутствующих свернуть шейные позвонки, и прежде чем вы ворветесь и пристрелите меня, я все же надеюсь, что успею взять с собой еще пару человек. То, что я смогу это сделать, думаю, что ты хорошо знаешь и без напоминания. Мне кажется, что тебе будет трудно уладить такой скандал. Тебе придется объяснить женам и матерям, как погибли их мужья и сыновья. Не стану больше объяснять, ты и сам лучше меня знаешь, что произойдет дальше. Теперь мои условия. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что живым я уже не выйду из этого помещения, поэтому заверяю тебя, если в течение часа в этой комнате я не увижу названных лиц, то буду убивать по одному заложнику через каждые тридцать минут. А начну я свое грязное дело, пожалуй, с твоей шестерки, — Антон ткнул пальцем в трясущегося Березняка. — Теперь извини, пойду готовиться к обороне. Я совсем не уверен в твоём благоразумии.

Отвернувшись от камеры, заметил на полу валяющуюся дубинку, поднял ее и ударил по видеокамере. От удара та отлетела в угол, и красный мигающий глазок, мигнув в последний раз, потух.

Подойдя к следователю, потряс его за плечо.

— Да не трясись ты так. Без нужды не трону. Как только придут приглашенные гости, я

отпущу тебя. Если твои друзья задумают нехорошее, то, извини, в расход ты пойдешь первым, я слово дал. Ты пойми, я привык держать данное мною слово. Выполнение своего обещания — это честь для настоящего офицера, а своей честью я привык дорожить.

Антон какое-то время ходил размеренным шагом по комнате. В углу тихонько скулил Березняк. Воины-неудачники стали постепенно приходить в себя. Антон снял у них поясные ремни, потом связал им руки за спиной для надежности.

Воинственный запал у парней выветрился, теперь они с тревогой наблюдали за движением Антона, понимая, что с этим человеком им не справиться.

Антон продолжал мерить комнату шагами, изредка поглядывая на часы, снятые с руки одного из парней. Украдкой поглядывал на свои часы и Березняк. Когда до него дошло, что отведенный час уже на исходе, дрожь его сама по себе усилилась. К нему пришло осознание того, что, по сути, его подопечному действительно терять нечего, и он пойдет до конца. Еще его страшила мысль, что ему остается жить все меньше времени, так как время уже на исходе, а прокурора все нет, а то, что Антон приведет свое обещание в исполнение, он уже не сомневался. Не в силах контролировать себя, он стал скулить еще сильнее.

— Заткнись, — не выдержал Антон, — хватит скулить как побитая собака. Тебя еще никто пальцем не тронул. Ты лучше скажи, кто твой хозяин?

Березняк пытался что-то выдать из себя, но у него ничего не получилось. Руки его тряслись, прыгала челюсть. Антон понял, что не добьется от него ничего путного. Ему еще не приходилось видеть, чтобы человек испытывал такое чувство страха.

— Успокойся. Если ты ответишь правдиво на мои вопросы, я сохраню тебе жизнь. Если согласен, то успокойся и тихо ответь мне. Кто твой хозяин?

— Волков, — тихо прошептал Березняк, — он работает в КГБ.

— Молодец, умеешь, когда захочешь. Теперь скажи, это тот Волков, который когда-то служил телохранителем у командующего ВДВ?

— Да, это он.

— Значит, я не ошибся, когда увидел его в бойцовском клубе. Но как я понимаю, он не самый главный в моем деле. Волков слишком глуп для этой роли. Ты скажи, кто за ним стоит?

Березняк стал мяться, стараясь уйти от прямого ответа. Антон замахнулся на него.

— Говори правду, иначе я размозжу тебе голову как гнилой орех.

— Не надо меня бить. Я все скажу. Это Белов Сергей Павлович.

— Генерал Белов? — удивился Антон.

— Он уже генерал-полковник. К тому же депутат верховного совета, — и осмелев, добавил, — он занимает высокую должность в КГБ и имеет связи, о каких ты только можешь мечтать. Мне кажется, что тебе сильно не поздоровится за твои выходки. Теперь он тебя из-под земли достанет.

— Ты-то чему радуешься? Ты при любом раскладе этого уже не увидишь. Ладно, не хнычь, я обещал тебя не трогать. А насчет достать, так он уже меня достал. Вот только ума не приложу, где и когда я ему дорогу перешел. Я не помню, чтобы когда-то был знаком с ним.

— Не знаю, врать не буду, но только знаю, что он интересуется тобой с раннего твоего детства. Однажды я был у него дома, он хотел знать лично, смогу я на тебя дело сострять или нет. Когда он вышел на балкон, я заглянул в объемную папку, лежащую у него на столе. Это было досье на тебя. Много прочесть я не успел, но все же понял, что ты ему

приходишься племянником, вроде как незаконным, но, тем не менее, он следит за тобой от самого твоего рождения. Чем ты ему не угодил, не могу сказать.

— Так вот откуда ветер дует. Значит, мой родной дядя старается. Бабушка говорила мне не искать встречи с этим безумцем, я никогда и не старался делать это, а он видишь, всю жизнь меня преследует. Говори, что еще знаешь?

— Обещай, что не убьешь меня.

— Да кому ты нужен. Не трону я тебя, говори.

— Хорошо. Последнее, что я успел прочитать, так это отчет о проведенной операции в Забайкалье, по ликвидации какой-то женщины с ребенком. Не уверен, что это связано с тобой, но это все, что я знаю.

Услышав это, Антон весь побелел. Его кулаки так сжались, что казалось еще мгновение и кожа на них лопнет от напряжения. Просидев в таком напряжении пару минут, он пришел в себя и тихо шепнул следователю.

— Никому не говори о нашем разговоре. Если Белов узнает, ты покойник.

— Я догадываюсь, что он со мной сделает, если узнает.

— Вот и молчи, для собственной безопасности, а Белов еще пожалеет, что убил мою жену и сына.

Березняк поднял голову и посмотрел на Антона. Он уже был уверен, если этот ужасный человек вырвется на свободу, то его патрону не долго придется топтать землю матушку.

В дверь постучали.

— Кто? — коротко спросил Антон.

— Начальник СИЗО, со мной прокурор района.

— Заходите.

Щелкнул замок, дверь открылась. В комнату с опаской вошел начальник СИЗО, а следом за ним пожилой мужчина в форме прокурора. Первым начал прокурор.

— Я прокурор Подольского района Сидоров Петр Сергеевич, а вас как величать, молодой человек, и почему вы бузите?

— Видите ли, уважаемый Петр Сергеевич, меня вынудили прибегнуть к крайним мерам. А зовут меня Ли Антон Максимович.

— Ну что же, Антон Максимович, рассказывайте, что побудило вас к столь неблагоприятным поступкам. Какова причина.

— Минуточку, — повернувшись к стоящему у дверей конвойному, — конвойный, освободи этих молодцов. Пусть выйдут в коридор, здесь и без них дышать нечем.

Освободившись от ремней и почувствовав свободу, парни обожгли многозначительным взглядом Антона и выскочили в коридор. Березняк попытался выскользнуть вслед за ними, но Антон остановил его.

— А ты куда, любезнейший? Тебе придется задержаться немного. У прокурора во время нашей беседы, возможно, возникнут вопросы к тебе. Не сердись, Березняк, ты лучше собери бумаги с пола и передай Петру Сергеевичу, пусть ознакомится с той липой, которую ты здесь состряпал.

Прокурор взял протянутое ему дело. В это время в комнату внесли стулья. Все присутствующие расселись и стали ждать, пока прокурор ознакомится с документами.

Петр Сергеевич внимательно читал один листок за другим. Некоторые документы он просматривал дважды. Часто сверяя их друг с другом, при этом сильно хмурил брови. Наконец, закончив читать, он подвел итог.

— Ну что же, первичное знакомство с этим делом показало мне, что это дело весьма любопытное. В данный момент я вижу, что оно очень сырое. Много нестыковок, и поэтому возникают вопросы к следователю, почему за восемь месяцев вы не удосужились расследовать до конца. Второе, ни на одном акте нет подписи подозреваемого. Третье, экспертизы у вас какие-то туманные, они не отражают сути самой экспертизы. Суду будет трудно на основании их принимать решения. А в остальном я вижу, что обвинения серьезные, много свидетельских показаний, вот только почерк всех свидетелей мне кажется похожим. И последнее, я не вижу в этом деле причины, по которой вы, Антон Максимович, затеяли этот инцидент.

— А дело вот в чем.

Антон вкратце рассказал ему немного о себе, потом причину ареста и как ведется следствие. Слушая рассказ, прокурор хмурился, а начальник СИЗО даже рот открыл от удивления. Всех этих тонкостей он, видимо, не знал, ему приказали содержать под стражей и не задавать лишних вопросов, он и выполнил приказ высшего руководства.

Когда Антон закончил рассказ, прокурор спросил его:

— Так почему вы жалобу не подали на мое имя, вы ведь юридически грамотный человек?

— А вы уверены, что она дошла бы до вас. Я, к примеру, не уверен, да и пробовал, не получилось.

— Так вы, таким образом, решили со мной встретиться?

— Нет, что вы. На такое я бы не пошел. Просто меня всю жизнь учили, если враг нападает на тебя, хоть умри, но дай отпор врагу. В данной ситуации следователь со своими костоломами решили с помощью дубинок показать, кто хозяин положения, а кто должен подписать состряпанную ими галиматью.

— Петр Викторович, это что у вас здесь происходит? Это же полный беспредел по отношению к обвиняемому, тем более, что суд еще не признал его вины и не вынес свой вердикт.

— Петр Сергеевич, не надо его обвинять. Он не властен здесь, и сделать ничего не может, — заступился за него Антон, памятуя, что все же он сделал для Антона кое-какие послабления. — Ему приказали не вмешиваться, вот он и не вмешивается. Я правильно говорю, Петр Викторович?

— Правильно, — тихо прошептал он.

— Вот видите, а причина моего недовольства совсем в другом. Однажды меня уже пытались отравить, но у них не получилось. Теперь они решили дубинками решить вопрос, и в угоду чьим-то амбициям повесить на меня чужие преступления, решив таким образом унижить меня и заставить страдать, не только морально, но и физически. Мне кажется, что постепенно возвращается тот проклятый 37-й год, или кому-то сильно хочется, чтобы он вернулся.

— Ну, я положу этому конец, — стал горячиться прокурор, — это просто беспредел какой-то.

— Вы успокойтесь, Петр Сергеевич, вы ничего не сможете сделать.

— Это почему, позвольте вас спросить.

— О, это очень просто. Как только вы покинете эту комнату, вам и шага не дадут сделать без их контроля. Если вы попытаетесь предпринять шаги, вам начнут угрожать расправой, как над вами, так и над вашей семьей. Я думаю, что подкупить вас они не

посмеют, зная вашу репутацию, а вот в случае если вы проигнорируете их угрозы, то что-то в виде автокатастрофы они вполне могут вам обеспечить. Знаете Петр Сергеевич, что для меня в данный момент самое обидное, так это то, что нынешняя власть имущих настолько цинична, что ей жалко для меня одной единственной пули. Я двадцать пять лет отдал служению интересам родины, не только у нас в стране, но и за ее пределами. Я за это время принял участие почти во всех военных конфликтах за рубежом. На моем теле нет свободных мест от полученных ранений. За это время я дослужился до звания полковника. Имею множество наград, в том числе и иностранных государств, и что я сейчас имею? У меня нет семьи, нет жилья, ничего у меня нет. Единственная моя собственность — так это мой военный мундир с наградами, и тот пылью покрылся, вися в старом шкафу чужой квартиры. Это все, чем обеспечила меня Родина, но к ней у меня нет претензий. Претензии у меня к нынешнему руководству. Я еще раз повторяю, неужели у них нет для меня обыкновенной пистолетной пули? Почему они стараются отравить меня ядом, как последнюю бешеную собаку, как пытаются сгноить меня в тюрьме без суда и следствия. Вот теперь они решили меня дубинами обработать. Теперь я вас спрашиваю, где моя Родина, почему она не заступится за своего солдата, а позволяет этим упырям издеваться над ее гражданином. Вывод у меня напрашивается сам собой. Если родина настолько беспомощна перед горсткой упырей, то мне придется позаботиться самому о своей судьбе.

— Нет, я так просто это не оставлю. Если понадобится, я до ЦК дойду, пусть там решают вашу судьбу.

— Петр Сергеевич, прошу вас, не делайте этого. С этой минуты вы будете у них под наблюдением. Они будут контролировать все ваши шаги. Мне меньше всего хочется, чтобы пострадали вы или члены вашей семьи. Я и так виноват перед вами, что невольно втянул вас в это дело, но у меня не было другого выхода. Единственно, чем вы можете помочь мне, так это тем, что будете держать это дело под своим контролем, и только в случае моей смерти попытаетесь довести суть произошедшего до общественности, — подумав немного, Антон обратился к следователю. — Березняк выйди в коридор.

Второго приглашения не понадобилось. Сидевший в углу Березняк поспешил на выход, плотно прикрывая двери за собой.

— Вы, Петр Сергеевич, в крайнем случае, можете обратиться за помощью к моему последнему из оставшихся друзей, всех остальных они уже ликвидировали. Друг мой живет в Загорске. Это Симбирцев, бывший начальник районного отдела милиции. Он давн порывался предпринять нужные шаги, но я его отговорил. Но я держу с ним постоянную связь, и если со мной произойдет непоправимое, он начнет действовать на свое усмотрение, так что, он будет вам полезен. А теперь у меня к вам просьба. Петр Сергеевич, передайте, пожалуйста, этим упырям, а вы с ними непременно встретитесь, возможно, с одним из их порученцев, я думаю, что сейчас он находится в кабинете Петра Викторовича и ждет результата нашего разговора. Так вот, пусть они оставят меня в покое. Если им так необходимо, то пусть организуют суд. Пусть осудят меня на любой срок, кроме, конечно, расстрела я все же не заслужил такой крайности. Пусть отправят меня в любую колонию на их усмотрение. Я согласен на это, но у меня есть к ним условия. Пусть они оставят меня в покое навсегда. Со своей стороны я обещаю, что не стану им мстить, и вообще постараюсь забыть об их существовании. Если они не согласятся с моими условиями и попытаются вновь навредить мне, то я клятвенно обещаю, что пойду на любые жертвы и устрою настоящую войну, в этом я даю слово, а свое слово я привык держать, чего бы мне это не

стоило. Я буду держать свое обещание до тех пор, пока не почувствую, что мне угрожает опасность. Как только я почувствую с их стороны опасность для меня, я нанесу упреждающий удар. То, что я это почувствую, пусть даже не сомневаются. Я это могу чувствовать также ясно, как сейчас чувствую вашу боль в правой почке.

— Как так, я не понимаю? — изумился прокурор. — Как вы могли узнать, что я в данный момент испытываю сильную боль именно в области правой почки.

— Я же вам сказал, что могу многое чувствовать и предчувствовать. Больше того, я могу вам сказать причину вашей боли, а то, что боль очень сильная говорит тот факт, что вы с большим трудом сидите на одном месте, да еще обильное потовыделение на вашем лице. Теперь о причине вашей боли. Утром вы померили давление, оно оказалось немного выше, чем всегда. Скорее всего, по совету супруги вы выпили таблетку от давления с мочегонным составом. Результатом этого было то, что камень, который образовался в почке, сдвинулся с места, вот эта боль вас сейчас и беспокоит. Попросите у местного врача пару таблеток «ношпы», она поможет первое время. Вообще, вам следует по этому поводу обратиться в клинику.

— Да вы не просто уникальный человек, а в чем-то даже опасный. Откуда у вас такие способности?

— Как вам сказать? До сегодняшнего дня я ведь не просто был солдат спецназа, я служил инструктором ГРУ при ГШ. Сами понимаете, что военные специалисты часто обладают некоторыми возможностями, о которых простому человеку знать не положено. Второе, в последние годы моей службы случилось так, что меня укусил африканский аспид. Без мгновенной медицинской помощи человек, как правило, в течение тридцати минут умирает. Я же в отличие от других оказался один в горах и после укуса пролежал в пещере две недели в коме и, как видите, остался жив. После этого случая мои возможности удвоились, но изменился мой внешний облик. Теперь я внешне стал наполовину моложе, вот только голова стала совершенно седая, и это тоже последствия укуса.

— Поразительно, даже в какой-то мере забавно.

— Нет в этом ничего удивительного. У каждого из нас в жизни случаются свои укусы и свои раны. Каждый из нас по-разному их переносит. Одни при первых неприятностях падают духом и, как правило, погибают, а такие оптимисты как я борются и выживают, и тому пример, я до сих пор еще жив и здоров.

— Да, наверное, вы правы. Не все люди одинаковы.

— Петр Сергеевич, еще раз извините, что я втянул вас в эти неприятности, но поверьте, у меня нет другого выхода. И вы, Петр Викторович, простите, что я вновь потревожил вас, а теперь прикажите отвести меня в камеру, я очень устал за последние дни.

— Тебя куда? В общую или в одиночку?

— Если можно то в ту камеру, в которой я сидел последние дни. С людьми как-то веселее, а в одиночке я уже насиделся за последние восемь месяцев.

Начальник вызвал конвой. Антон попрощался и вышел. Его привели в двенадцатую камеру. Как только за ним закрылась дверь, тут же подбежал Шкет с расспросами.

— Слушай, Седой, че там за кипиш был. Кругом крики, Вертухаи бегают по коридорам, у каждой двери поставили по Вертухаю. Мы подумали, что тебя там грохнули.

— Да брось ты глупости нести, просто мы со следаком поговорили на повышенных тонах, вот и все.

— Ладно тебе, не прикалывайся. Расскажи, что там произошло, — начал канючить Шкет.

— Отстань, Мелкий, не до тебя сейчас, будет время, расскажу, а сейчас, сделай лучше чаю, устал я сильно, отдохнуть надо.

Антон сел за стол, обхватив голову руками. Его голова пухла от противоречивых мыслей. Он не знал, что ему сейчас делать, и правильно ли поступил он в этой ситуации. Отвивая мелкими глотками обжигающий чай, он, наконец, успокоился и решил про себя, что поступил правильно. Сейчас он сожалел о том, что потерял много времени, надо было во время задержания бежать. Так он только подставил своих друзей. Теперь их нет, и нужно рассчитывать только на свои силы.

Решение пришло само собой. Нужно бежать при первой же возможности. Решив эту мысль раскрутить на свежую голову, он допил свой чай, лег на кровать и мгновенно погрузился в сон, зная, что в любой момент его чувство самосохранения даст о себе знать.

Вечером во время раздачи ужина его к окошку подозвал Максим. Его лицо было взволнованным.

— Антон Максимович, говорить не могу, но в записке я все подробно написал.

С этими словами он сунул ему в руку записку, окошко быстро закрылось. Отойдя вглубь камеры, ближе к свету, он прочел.

«А. М Я случайно, — слово «случайно» было подчеркнуто два раза, — услышал разговор хозяина и того амбала, который приезжает к нам по поводу тебя. Так вот, из разговора я понял, что тебя уже успели осудить заочно, без твоего присутствия. Теперь на суд можешь не рассчитывать, скорее всего, они дали дело на подпись своему судье, а адвоката, наверное, хорошо припугнули. Срок тебе намотали в 15 лет строгого режима. Этот амбал уговаривал хозяина оставить тебя здесь, в нашей тюрьме, но хозяин не согласился. Этот черт его долго уговаривал, но хозяин сказал, что с тобой много проблем, и ему не хочется больше их иметь, ты и так хорошо здесь нашумел. Он ему сказал, что ты обещал тихо сидеть, но он сомневается, что человек, получивший 15 лет ни за что, тихо сидеть не станет, уж слишком соблазн большой для побега, находясь рядом с таким мегаполисом, как Москва. Он посоветовал перевести тебя дальше от центра, к примеру, на север к какому-то Пал Палычу. Кто это, я не знаю, так же я не знаю, что это за лагерь и где он находится. Амбал немного подумал, а потом попросил у хозяина дня два-три, чтобы уладить кое-какие вопросы. Я уверен, что в ближайшие дни тебя этапируют. Если захочешь что-нибудь передать на волю, стукнешь в дверь, я дежурю до утра. Думаю, что в ближайшие несколько лет мы с вами не увидимся».

Антон прочел записку еще раз, потом подозвал Зуба и дал прочесть ему.

— Да, дела, — со вздохом проворчал Зуб. — А знаешь, Седой, мне кажется, что этот

Пал Палыч, это наш с тобой знакомый Завертнев из ИТК-18. Я слышал, что его перевели куда-то на север, вот только не знаю куда. Но это не беда. Тебе записку вертухай передал?

— Да, это очень надежный человек. И делает для меня многое.

— Это очень хорошо в нашем положении. Скажи, а он сможет от моего имени передать маляву на волю по-срочному, так как времени, насколько я понимаю, у тебя очень мало.

— Ты толком объяснить не можешь? Зачем тебе это нужно?

— Садись и слушай. Я сейчас составлю подробную маляву о тебе. Пусть твой кореш поедет в Москву, благо здесь недалеко, и отнесет ее по нужному адресу. Адрес в Москве я ему дам. Уверен, что моя малява через час будет в Красноярске у Юриста. Я тебе уже говорил, что Юрист все это время разыскивал тебя. С этого времени ты будешь под присмотром Юриста. Он найдет способ передать в зону весточку о твоём приходе. Пахан, смотрящий на зоне, постарается помогать тебе. Будь уверен, что встретят нормально, в случае необходимости помогут, а то вдруг у кого-нибудь мелькнет шальная мысль посадить тебя на перо. Надеюсь, ты меня понимаешь?

— Так я вроде и сам могу постоять за себя.

— Я знаю, что ты можешь постоять за себя, но пойми, в зоне совсем другой расклад. Зона — это не казарма с солдатами, где ты смог бы свободно себя чувствовать. Лагерную жизнь нужно знать изнутри, а не по учебникам. Там даже авторитетов мочат, так что, осторожность никогда еще не мешала.

— Если ты так считаешь, то я с благодарностью приму любую помощь.

— И еще, — перешел на шепот Зуб. — Я понял, что в зоне ты не удержишься и при первой возможности подорвешься, поэтому я дам тебе адрес Юриста. Постарайся не светиться, а быстро встретиться с ним. Он хоть и не связывается с криминалом, но помощь всегда окажет. Его за это не только братва уважает, но и авторитеты к нему за советом обращаются. Так что, будь уверен, возможностей у него очень много. Теперь ты его подопечный, поэтому тебе в случае необходимости дорога только к нему. Все, не задавай лишних вопросов, я пошел готовить письмо.

Вскоре письмо было готово. Антон тихо постучал в дверь, окошко открылось.

— Антон Максимович, что-нибудь, случилось?

— Максим, нужно кое-что сделать для меня. Я сейчас отойду, а ты поговори с Зубом, он объяснит тебе лучше меня.

Максим несколько минут разговаривал с зубом, о чем-то спорили, но вскоре окно закрылось.

— Вам поговорить захотелось? Целую дискуссию устроили.

— У тебя не парень, а целая находка. Я еще толком объяснить ничего не успел, а он все на лету поймал и начал планы готовить. Я стал уговаривать его, что у нас еще есть время, но он до того за тебя беспокоится, что хочет сделать все сегодня.

— Лишь бы не погорел. Не хватало еще и ему неприятностей.

В полночь, когда наступила полная тишина, окошко камеры открылось и тихий голос позвал Антона. Когда Антон подошел, Максим передал ему маленький листок бумаги, на котором женским почерком было написано:

«Завертнев. П. П. Служит в ИТК- 127\6 на полуострове Канин. Паханом в зоне Буза
Просьба для Зуба, описать все подробности, касающиеся Седого. Остальное беру на себя.
Юрист».

— Ты зачем так рисковал, знаешь ведь, что это опасно для тебя?

— Дядя Антон, все нормально. Мне Зуб сказал, что это молния, вот я и решил поторопиться. Понимаешь, у меня нет уверенности в том, что эти упыри не приедут за тобой завтра с утра. Такой гарантии у меня нет, вот я и принял меры. Когда в караулке никого не было, я позвонил жене и попросил ее срочно придти в наш магазин. Сам отпросился вроде как за сигаретами, мы так часто делаем, в этом нет ничего подозрительного. Я встретился с женой, передал ей записку с номером телефона. Надо знать мою жену. Она как генерал умеет командовать и убеждать людей. Придя домой, она позвонила по телефону в Москву. Уточнив, что у телефона тот, кто ей нужен, продиктовала текст записки. Потом в приказном порядке, как она умеет, приказала связаться с Юристом и в течение часа позвонить ей и дать исчерпывающий ответ. Буквально в течение часа она получила ответ, и не из Москвы, а напрямую от Юриста. Записав все, что нужно, она приготовила мне ужин и принесла мне ужин вместе с запиской. Так что, Антон Максимович, все прошло очень хорошо.

— Спасибо тебе, Максимка, за все, что ты для меня сделал, а особую мою благодарность и поклон передай своему генералу. Замечательная у тебя жена, ты очень ее люби, и дай бог вам всего самого лучшего.

— Вы тоже держитесь, я надеюсь на лучшее для вас. А ответ для Юриста пусть Зус напишет и передаст мне. Я в свободное время отправлю письмом из Москвы.

Окошко закрылось. Антон спросил у Зуба, присаживаясь к нему на кровать.

— Слушай Зуб, а кто такой Буза и что из себя представляет?

— Я его плохо знаю. Встречались мы пару раз, но это все. Знаю, что он младший брат Черепа. Я считаю, что тебе повезло, если к ним в зону попадешь. За помощь, которую ты оказал его брату, он сделает для тебя все. Одно плохо, зона отдаленная, да еще на крайнем севере. Тебе трудно будет побег организовать. Я не слышал, чтобы бежали с тех мест, но все может случиться. Ты парень сильный и выносливый, может получиться. Одно могу сказать, если сорвешься, то обходи стойбища стороной. Оленеводы еще со времен НКВД к зекам равнодушны. Вычислят, все, считай, пропал, да и оружия у них хватает, и что немаловажно, пользуются они им довольно умело.

— Это я знаю. Ладно, поживем — увидим, может, повезет и представится случай с этапа рвануть. Вот тогда побегаем, может, и в войнушку поиграем, — пошутил Антон.

— Ты как мальчишка все шутишь, а ведь на этапах это тебе не вертухай. Там псы еще те. Вооружены до зубов, и собаки с ними, да и вообще, спецы в своем деле, надо отдать им должное, работу они свою хорошо исполняют. Ко всему этому и стимул у них хороший.

— Что за стимул такой?

— За каждого беглого, живого или мертвого, им нелегально, но все же хорошие бабки отстегивают. Так что, они еще и рады будут, если кто сорвется. Еще хочу предупредить тебя, они предпочитают бегуна живым не брать.

— Почему это, что приказ у них такой?

— Нет, не приказ, а не гласный стговор. Дело в том, что с живым возни больше, да и риск большой, а за мертвого платят те же деньги, что и за живого.

— Ну что же, будем думать и все взвешивать. Нахрапом на автоматы не погрешь.

— Не огорчайся, Седой, и с этапа люди бегут, и были побегии довольно удачные. Держись, не все потеряно в этой жизни. Ладно, будет день — будет пища. Ты, Седой, лучше расскажи, что там за кипиш ты устроил.

Антон хотел было отказаться, но Зуб настоял, мотивируя тем, что ему надо Юристу отписать все в подробностях. Антон согласился с ним, и вкратце рассказал, все, что

произошло на допросе у Березняка.

— Ну, ты точно чокнутый. Они могли тебя запросто шлепнуть, чего уж проще, одна очередь из автомата и твои кулаки не помогут.

— Не так все просто. Они совсем не дураки, и очень хорошо знают мои возможности. Так же понимают, что загнали меня в угол, если я пошел на такие действия. Ты пойми, что даже маленький зверек, загнанный в тупик, бросается на своего врага, совсем не задумываясь одолеет он его или нет. Так было и в моем случае. Они прекрасно понимали, что пока они будут штурмовать дверь, я успею свернуть их бойцам шею. А сделать это я мог в считанные секунды, ведь заложники лежали на полу в бессознательном состоянии и сопротивляться не могли. И еще один немаловажный пункт, они тоже не всемогущи и лишняя огласка им не нужна. Так что, в этом деле я рисковал столько же, сколько и они.

— Ладно, Седой, иди спать, а я пойду отчет составлять для Юриста. Все равно ты мне сон перебил, пойду лучше делом займусь.

В ожидании перемен, время тянулось мучительно долго. Наконец, на четвертый день утром за Антоном пришел конвой. Выйдя во двор на свежий воздух, он вздохнул полной грудью.

За весь период, что он провел в изоляторе, ему редко доводилось бывать на свежем воздухе. С каждым глубоким вздохом, ему казалось, что его тело наполняется живительной силой. Дышалось легко. Плечи сами распрямлялись, наслаждаясь живительной влагой. Волосы нежно шевелил ласковый ветерок. От этой нежности ласкового ветерка он вдруг стал грустным.

Ему невыносимо больно стало в душе, что еще неизвестно, когда он сможет вот так свободно дышать и наслаждаться сине-голубым небом. А утро, как будто специально, встречало его изумительной красотой и свежестью.

Конвойный поторопил, подталкивая в спину.

— Командир, не спеши, я столько времени не дышал свежим воздухом. Посмотри на небо, какая красота.

— Давай вперед, успеешь еще надышаться, у тебя все еще впереди. Там, куда тебя отправляют, этого добра с избытком. Будешь дышать, сколько захочешь.

— Жаль, что я в данную минуту не могу видеть твою реакцию на толчки в спину. Ведь может случиться так, что сегодня ты меня толкаешь, а завтра я буду толкать тебя.

— Не надейся, со мной такое не произойдет.

— Не зарекайся, мальчик. Я в свое время думал так же, и вот результат. Сегодня ты меня конвоируешь, а года через три, смотришь, кто-то другой конвоирует тебя. Пойми, жизнь — штука переменчивая.

— Всякое может быть, — согласился конвоир. — Но пока я на своем месте, тебе придется поторопиться. Вон видишь, тебе даже дверь в персональном автомобиле открыли. Садись, поедем с комфортом.

Антон забрался в автозак. Поджидающий его конвойный закрыл за ним металлическую калитку решетки, отделяющей арестантов от конвоя.

Ехали долго, Антон догадался, что едут в Москву, так как с каждым километром было слышно, как нарастает шум движущегося транспорта. Сколько прошло времени, он не знал, но вскоре машина остановилась. Открылась дверь, и Антон увидел железнодорожный вагон. Слышался лай собак.

Спустя несколько минут последовала команда на выход. Спрыгнув на землю, опытным взглядом оценил обстановку.

То, что он увидел, не обрадовало его. Побег исключался. От самого автозака до дверей вагона он увидел коридор из конвоиров с оружием на изготовку, к тому же он успел увидеть не менее пяти собак, натасканных именно на охрану и поиск заключенных. Собаки непрерывно гавкали и пытались своими огромными клыками схватить за ноги.

Решив отложить побег до более благоприятного случая, он спокойно вошел в тамбур вагона. Вагон оказался специализированным, для перевозки заключенных. Он отдаленно напоминал купейный вагон, с той лишь разницей, что вместо купе были сварены металлические клетки на четыре человека.

Некоторые клетки были уже заполнены арестантами. Антона отвели в самый конец

вагона, заперев в клетке отдельно от остальных.

Так начался его новый этап жизни. Забегая вперед, скажу, что в этом вагоне Антон провел почти две недели.

Следуя по своему маршруту, их часто загоняли в тупик, где в долгие часы ожидания, заключенные изнывали от духоты. Вагон был переполнен, но не смотря на то, что в некоторых отсеках зекам приходилось практически сидеть друг на друге, к нему никого не подсаляли.

Начальник конвоя порой ругался по поводу такого безобразия, но конвойные, которые сопровождали Антона от самого СИЗО, категорически не разрешали никому приближаться к клетке Антона. Исключение было сделано лишь одному из вновь прибывшему по пересылке.

Этим поселенцем оказался щупленький на вид мужчина сорока пяти лет. Таких как он, многие называют ботаниками. Из разговора с ним Антон узнал, что он действительно ученый, физик по образованию, к тому же хороший изобретатель. У него оказалось большое количество запатентованных изобретений, в том числе и в военно-промышленном комплексе.

Как и многие ученые, он пытался пробить стену бюрократической машины, чтобы его новое детище познало жизнь. Его новое изобретение касалось гражданской авиации. Но на пути стояла стена непонимания. Вот в такой момент разочарования, ему предложили хорошие деньги за его разработку. Беда была в том, что заказчиком оказался иностранец. Его арестовали при передаче чертежей.

Обвинили в продаже секретов родины и назначили десять лет строгого режима. А по сути, он просто хотел, чтобы его знанием и талантом воспользовались люди, а наши бюрократы оказались на месте той собаки на сене, и сам не съем и другим не дам.

Вместе они провели трое суток. На четвертые их железнодорожная эпопея закончилась.

Вагон загнали в тупик Архангельского железнодорожного вокзала. Постепенно всех заключенных партиями разобрали. Как сказал один из конвоиров, велики Соловки, так и лагерей не мало, всем вам здесь места хватит.

В вагоне остались только Антон и профессор Чижиков Павел Васильевич. Он же, по словам Антона, Ботаник.

Ночь они провели в вагоне, и только на следующее утро их отвезли в аэропорт. Погрузили в самолет, в простонародье «кукурузник», и взяли курс на север. На борту самолета кроме двух арестантов и трех конвойных лежала большая груда почты и посылок.

Антон, следуя своему замыслу, стал наблюдать за работой экипажа. Его расчет был прост. Нужно нейтрализовать охрану и захватить самолет. В этой ситуации экипаж ему был не нужен. Посадить самолет он мог и без экипажа в любых условиях на любую мало-мальски пригодную для посадки площадку.

Но надо отдать должное подготовке конвоя. Антон уже давно догадался, что вместо простого конвоя из служащих внутренних войск, его сопровождает специалисты особого отдела.

Как только экипаж занял свое место, дверь кабины тут же была закрыта. Трое конвоиров расположились по обоим бортам рядом с дверью. Они сидели с оружием наизготовку, внимательно следя за заключенными. Было понятно, что перед этапом они прошли хороший инструктаж, и понимали, какой опасности могут подвергнуться в случае, если будут нести свою службу недобросовестно.

Первую посадку они произвели в порту Мезень. Сгрузили часть почты, затем

дозаправились, и вновь в путь. Самолет делал еще две промежуточные посадки в населенных пунктах Чижа и Кия.

Последним для арестантов пунктом оказалась порт Шойна. За время всех посадок ни разу Антону не представилась возможность для побега. Всякий раз перед посадкой одну его руку пристегивали наручниками к поручням и строго следили за его движениями.

В Шойне их поджидал еще дополнительный конвой с двумя собаками, которые все время рвались на поводке, норовя укусить зеков за ноги, но опытные кинологи крепко удерживали их за поводки.

На этот раз автозаком оказался огромный грузовик, специально оборудованный под перевозку заключенных.

Антон отметил про себя, что из прежнего конвоя остался один, с папкой документов.

Машина, подпрыгивая на ухабах, двигалась дальше на север. Из окна автозака была видна акватория Белого моря, на волнах которого качались и сновали рыбацкие шхуны и мелкие шаланды. Простая грунтовая дорога петляла и изгибалась, копируя прибрежный рельеф.

Часто на пути встречались небольшие речушки и ручьи, с избытком изобилующие в этой тундровой местности.

Вскоре машина свернула в сторону моря. Антон увидел на мысе небольшого полуострова рыбацкий поселок, примкнувший к самому берегу. Рядом с поселком располагалась зона.

Подъехав к воротам, машина остановилась. Антона и Ботаника вывели, провели через калитку, потом приказали ждать. Ждать пришлось долго. С моря дул холодный ветер, пронизывающий их скудную одежку насквозь, заставляя их ежиться от озноба. Вскоре появился сам начальник ИТК. Антон хоть и видел его один раз, но все же узнал подполковника Завертнева.

Завертнев долго всматривался в фигуру Антона, но под конец все же признал, но вида не подал, тем более не стал комментировать встречу. Закончив осмотр, он приступил к пламенной речи по поводу их приезда на столь благословенную землю.

— Поздравляю вас с прибытием на полуостров Канин. Вы проведете на этой богом забытой земле ближайшие годы, дабы искупить свои злодеяния перед народом. Пункт второй. Если уж эта земля забыта богом, то теперь я буду для вас и богом, и начальником, а посему то, что я вам скажу, будет являться для вас законом, а я люблю, чтобы мои законы выполнялись четко и в срок. Если вы это не зарубите у себя на носу, то это за вас сделают мои люди, и заметьте, на вашем носу, и я уверен, что это вам не очень понравится.

Теперь немного о правах и обязанностях. Начну с того, что прав у вас нет никаких. Я признаю лишь одно право, это право на смерть, но этим правом вы можете распоряжаться на свое усмотрение. В отличие от прав, обязанностей у вас будет очень много, но я не стану на них заострять ваше внимание. Все, что касается обязанностей, это разъяснят вам ваши отрядные или бригадиры, а возможно ваши будущие товарищи по совместному проживанию. Теперь последнее, что касается побега, — Антон понял, что это относится непосредственно к нему. — Если кому-то будет невмоготу вкусить воздуха свободы, то милости просим, можете бежать, вот только далеко ли убежите. На сотни километров в округе тундра. Летом сплошные болота, зимой холод. В таких условиях вам просто не выжить. Последний побег с нашей зоны был еще во времена самого Сталина. Результат побега был плачевным. Поисковая группа нашла только одежду и несколько костей, которые волки не успели

обглодать. Так вот, прежде чем решиться на столь безумный поступок, крепко подумайте совершать ли его. Вопросы ко мне есть? Хорошо, что нет. Я тоже не люблю, когда их мне задают. Теперь вас отрядные определяют по вашим местам и назначают на работу. Извините, но у нас не принято кормить тех, кто не работает. Теперь все.

Он развернулся на каблуках своих до блеска начищенных сапог и зашагал прочь. После столь пламенной речи их отвели в душевую. Мыться пришлось довольно прохладной водой. Ботаник ежился под душем, а Антон с удовольствием плескался водой, наслаждаясь тем, что, наконец-то, есть возможность помыться.

После душа их привели в длинное каменное помещение, напоминающее цех механического завода. В огромном помещении были отдельные большие секции, в которых стояли железные кровати в два яруса. С этого момента началась лагерная жизнь для Антона.

— На этом я, пожалуй, закончу этот этап моей жизни. Скоро будем причаливать, так что, прошу вас на палубу.

Антон первым поднялся по трапу, его слушатели нехотя последовали за ним. К ним вновь вернулась тревога за родных и близких, которым предстояло, рискуя жизнью, сразиться с проклятым монстром.

Сойдя на берег, он распорядился оставить девушек на корабле, где они будут в относительной безопасности. Затем приказал сыну держать корабль в полной боевой готовности на непредвиденный случай.

После данных указаний он вместе с Кари отправился домой. Подойдя к дому, в первую очередь зашел в пристройку, где находилась его лаборатория, так он ее называл.

— Как дела, сынок?

— Все нормально, отец. Сейчас ребята заканчивают последние приготовления.

Повернувшись, он увидел, как трое парней в полумраке наполняют кожаный мешочек с порошком.

— Сколько таких мешков вы уже насыпали?

— Вот с этим будет шестнадцать.

— Молодцы, здорово поработали. Самое главное, что успели вовремя. Теперь что касается взрывчатки. Ты добавлял порошок из бочонка с надписью яд?

— Да, я добавил на все шестнадцать мешков ровно половину бочонка, как ты меня учил.

— Прекрасно. Вся взрывчатка нам не понадобится, достаточно будет и десяти мешков.

— Почему? Неужели монстр оказался мелким? Мне докладывали, что он намного крупнее нашего.

— Так оно и есть. Просто я приготовил порошок с намного большей разрушительной силой. Если мы заложим весь запас, то можем при взрыве повредить панцирь монстра, а мне бы этого не хотелось. И еще. От сильной взрывной волны могут пострадать не только я, как стрелок, но и многие наши люди. Я думаю, что десяти нам хватит с избытком.

— Хорошо. Ты знаешь лучше меня, что делать. Командуй отец.

— Значит так, — взял бразды правления в свои руки Антон, — ты заканчивай здесь и увози взрывчатку к месту подрыва.

— Понял тебя, — и обращаясь к помощникам, — ребята, завязывайте мешок, мы едем. Берем только десять мешков, остальное оставляем здесь.

— Нет, не здесь, а все остальное прикажи отправить на корабль. Не забудь приборы и реагенты.

— Зачем?

— Это на всякий случай. Если вдруг у нас что-то пойдет не так, мы сможем перебраться на другой берег и там создать новую бомбу. Теперь понял.

— Да, отец. Ты не беспокойся, все будет как надо. Ты отдохни пока, или пойдешь домой, там тебя мама покормит.

— Она до сих пор здесь? Я ведь велел всем уехать в пещеры.

— Как будто ты не знаешь свою жену. Тебе придется самому ее связать, и только тогда ее можно будет увезти. Другого варианта я не вижу, но так как она моя мать, то связывать ее я не могу.

— Хорошо, — улыбнулся Антон, зная характер своей жены.

Дио был прав. Только сам Антон может справиться со строптивым характером его любимой Юны. Ее непокорность заключалась в том, что она, как и в молодости продолжает сильно любить его. Он знал, что ничто на свете не заставит Юну оставить Антона одного. И даже если ей придется сразиться с врагом в рукопашном бою, она не отступит, а врагу ее можно будет только посочувствовать

— Пусть остается. Только не говори ей, что это я разрешил.

— Да ну вас. Разбирайтесь сами без меня. Ты сам такой же, как и она. Друг друга стоите.

— Не ворчи, сынок, — сказал Антон, обнимая сына за широкие плечи. — Ты лучше скажи, лагерь полностью готов на взгорье?

— Да. Там все готово и палатки, и скот, и люди с лошадьми. Гонцы так же осведомлены и вскоре начнут пребывать в лагерь с докладом.

— Прекрасно. Ты тогда командуй сборами, а мы с Кари поедem в лагерь.

— Хорошо, отец.

— Кари, — окликнул его Антон, выходя из пристройки, — бери все необходимое и своих лучших помощников, да не забудь медикаменты, мы срочно выезжаем на взгорье.

— Я через десять минут буду готов.

Вскоре все собрались у ворот. Загрузив на телегу все необходимое, выехали за ворота. К их приезду на взгорье действительно было все готово. Разбита была большая палатка для отдыхающих. Рядом стоял большой каркас лошади, сколоченный из грубых досок, зато на колесах. Осмотрев его, Антон остался доволен работой. Каркас, хоть и был сколочен из грубой древесины, зато был крепким и надежным. Рядом с каркасом была огороженная площадка с парой десятков бычков, предназначенных на убой. Метрах в ста от лагеря стояли лошади у наспех сколоченной коновязи и мирно поедали приготовленную конюхами сочную траву.

Группа крепких молодых ребят сидела у расстеленного полога, на котором разложены были продукты. Они сидели, тихо разговаривая, наверное, о предстоящей охоте, так они называли между собой битву с монстром.

Антон отметил про себя слаженную работу парней. Они выполнили все, что от них требовалось, вплоть до мелочей. И сейчас, когда выдалось свободное время, они сидели и разговаривали в полтона, некоторые продолжали жевать. Со стороны казалось, что сидит бригада строителей после трудного дня, отдыхая на свежем воздухе. Но Антон чувствовал, как звенит воздух от напряжения в этом по сути благополучном и дружном коллективе. В их молодых задорных глазах читался страх перед неизвестностью.

Он, не спеша, направился к ребятам. Увидев подходящего к ним Антона, все как один вскочили на ноги, образовав полукруг, замерли в ожидании.

— Кари, — обратился он к своему свату. — Посмотри какие богатыри стоят. С такими молодцами мы можем целый табун одолеть, а не только одного монстра. Смотри, какие соколы, а ты мне все уши прожужжал, что не с кем будет сражаться.

— Это когда же такое было, чтобы старый Кари сомневался или поддавался малодушию? Ты прав, Антон, таким молодцам по плечу не один, а целое войско этих черепах. К тому же и командир у нас уже опытный в этих делах.

— Как настроение ребята? Сумеem одолеть эту, как Кари говорит, черепашку?

Видно было, что шутливый тон стариков благоприятно повлиял на настроение

молодежи. Они воспарили духом и в такт шутки стали хором говорить каждый, стараясь перебить товарища.

— Можете не сомневаться. Если у нас будут такие отцы-командиры как вы, мы любого одолеем. Особенно если впереди нас станет дядюшка Кари, со своей аптечкой, то мы любую черепаху поджарим.

Другой добавил:

— Нам давно не терпится вдоволь поесть жареного мяса, некоторые уже с утра плотают слюни, а вы своими сомнениями только аппетит наш усилили, — закончив шутить, парень уже серьезно добавил. — Знаете, дядя Антон, когда были заняты делом не думали о страхе, а вот закончили подготовку, и как-то тревожно стало. Скорее бы уже началось, что ли.

— Ничего, ребятки, скоро уже начнется. Сами видите, что солнце уже скрылось за горизонтом, значит зверь уже начал движение. Часа в три по полуночи он будет здесь. Ждать осталось недолго. Вы все покушали, голодных нет?

— С этим как раз у нас все в порядке. Нам бы делом каким заняться, уж больно время медленно тянется.

— Я для этого и приехал. Дио сказал, что вы все хорошо знаете свои обязанности, и мне нет смысла повторять их.

— Да, дядя Антон. Мы уже знаем, кто и чем будет заниматься.

— Тогда не будем терять время зря. Начинайте забой скота. Я лично смотрел на зверя и могу вам сказать, что он намного больше, чем мы предполагали. Мяса понадобится гораздо больше, поэтому попрошу вас ребята постараться сделать все в кратчайшее время. И еще одно, емкости для крови готовы?

— Да, готовы.

— Тогда начинайте. Времени у нас мало, а работы много. Самое позднее до полуночи нужно успеть. Успеете?

— Успеем, вы не переживайте.

Спустя три часа скот был забит, шкуры погружены на телеги и отправлены в поселок. Мясо было сложено в две большие кучи, по обоим сторонам каркаса лошади. Пока шла эта работа, Антон спал в палатке.

Кари с трудом уговорил его отдохнуть, ссылаясь на то, что его организм еще довольно слаб, а день выдался трудным. Антон согласился на его уговоры с условием, что после забоя скота его непременно разбудят. Но разбудили его только тогда, когда обе кучи мяса перекочевали на каркас лошади.

Антон, выйдя из палатки, придирчиво осмотрел проделанную работу. Не найдя изъянов остался доволен. Мясо было закреплено на каркасе ровными толстыми слоями. Теперь этот каркас, напоминал огромную лошадь, с которой сняли шкуру.

— Ты обещал разбудить меня, когда забьют скот, — стал ворчать на Кари.

— Обещал, не отрицаю, но подумал, что ты как всегда начнешь совать свой нос в слаженную работу ребят. А так и работа выполнена на совесть, и ты хорошо отдохнул. Не обижайся на меня, а согласись с моими доводами. Пойми, что труд множества людей может пропасть даром, если ты будешь уставший и не сможешь взорвать бомбу. Весь народ в данный момент делает для этого все возможное и не возможное, только бы ты был здоров и крепок. Только от твоего состояния зависит благополучие всего континента.

— Извини, старина, я понимаю, какая на мне ответственность, а вот ты, как вьюн, как не держи в руках, все равно выскользнешь.

— Ладно, ворчун старый. Но все равно признай, что работа выполнена отменно.

— А я не сомневался, что все будет хорошо, — и, обращаясь к Дио, сказал. — Сынок, пора крепить взрывчатку.

Антон стал объяснять, где нужно крепить. Дио с помощниками с предосторожностью стали крепить один мешок за другим в указанном месте. Вскоре все было готово.

Конь стоял полностью заряженный, оставалось только дожждаться монстра и начать движение. Антон был уверен, что монстр, почувствовав, свежую кровь и плоть, обязательно пойдет за запахом в нужном для него направлении.

Рабочие растянули веревки, которые в длину достигали пятидесяти метров. Каждая из веревок одним концом крепилась к приманке, другим — к седлу лошади наездника.

На время ожидания лошадей привязали к коновязи, опасаясь, что лошади будут перемещаться и спутают веревки. Время тянулось медленно. Антон зарядил винтовку и закрепил оптический прицел. Он был уверен, что даже в сумерках, он сможет поразить мишень. Понимая, что для поражения мишени нужен только один патрон, он все же зарядил три, и все были трассирующие.

Расчет был прост, если взрывчатка не сдетонирует от удара пули, то от пламени трассера она воспламенится обязательно, и вслед за этим последует взрыв.

Вскоре небо стало слегка светлеть, вслед за этим появился очередной гонец. Он сообщил, что монстр уже движется и скорость его довольно приличная. Он прошел большую часть пути, и в ближайшее время его можно будет увидеть.

Выслушав доклад гонца, Антон распорядился свернуть лагерь и всем лишним людям погрузить вещи на телегу и двинуться в сторону гор. Антон посчитал, что так будет безопаснее. Лишние люди не должны подвергаться опасности и помешать проведению операции.

Он внимательно посмотрел на оставшихся ребят. Это были самые крепкие и надежные молодые мужчины. Среди них он увидел не только мужчин из их деревни, но были и из других отдаленных деревень. Антон мысленно похвалил сына за то, что он выбрал самых сильных и надежных парней.

Так же он видел, что ребята хоть и бодрятся, но все равно чувствовалось напряжение и страх, не перед опасностью, к ней они приучены с детства, а перед неизвестностью.

Они боялись того, с чем им еще не приходилось сталкиваться. Антон представил, как страх сковывал все его тело, когда он сорок лет назад впервые вышел на поединок с монстром. Ему и сейчас было не по себе, не говоря уже об этих молодых мальчишках. Антон решил успокоить ребят, приободрить. В это время прибыл очередной гонец. Гонец доложил, что он последний, и монстр находится уже вблизи их расположения и в течение часа будет на месте.

Антон уже давно чувствовал его приближение. Земля под ногами слегка дрожала, да и лошади стали беспокоиться. Он поблагодарил гонца за работу и отправил его в тыл. Ребята стояли рядом с ним. На лицах читалось беспокойство.

— Как настроение, сынки, страшно, наверное? — все молчали, только с опаской посматривали в сторону долины, откуда должен появиться монстр. — Значит так, то, что вам страшно, я понимаю и не осуждаю вас за это. Ни одно существо на всей планете не может смотреть на это чудовище без страха, в том числе и я, и дедушка Кари, хоть мы уже встречались с этой напастью. Поймите, ребятки, страх — это не последнее чувство человека. Бояться надо, страх помогает человеку сохранить жизнь. А вот трусить не надо. Трусость, наоборот, убивает человека. Это самое низменное чувство. Конечно, мы с вами будем бояться, ведь для этого зверя мы просто букашки. Он раздавит нас и не заметит, так же, как мы, не замечая, топчем муравья в лесу. Но это не дает нам повода трусить. Мы с вами хоть и букашки, но букашки разумные. Мы слабее его в силе, но наша сила — это наш ум. Он поможет нам победить врага. Кто из вас сомневается, что мы умнее его?

— Мы умнее и хитрее его, — хором ответили, взбодрившись, ребята.

— Молодцы, мужики. Так и порешим, трусить не будем, а вот опасаться стоит, нам ведь лишние жертвы не нужны?

— Нет, не нужны.

— Если вы так считаете, тогда давайте еще раз обсудим наши действия. Нужно всем постараться сделать все возможное, чтобы операция прошла без сучка и задоринки. Каждый из нас должен строго выполнять свои обязанности, следуя намеченному плану. Напоминаю, что от действия каждого из нас зависит не только жизнь самого, но и жизни товарищей. Поэтому повторю еще раз. Сейчас Кари отъедет метров на восемьдесят и забьет в землю

колышек. Это будет своего рода отметкой. Как только зверь поравняется с ней, я даю команду, и мы начинаем движение. Тем временем Кари едет дальше и устанавливает следующий колышек в том месте, где мы намерены остановить зверя. Двое из вас, — он указал пальцем на двоих парней, — поедете вместе с Кари, и по моей команде начнете разливать заготовленную кровь. Следите за тем, чтобы ее хватило до нашей приманки. После этого вы уезжаете вслед за Кари. Это понятно?

— Понятно. Сделаем все, как вы сказали.

— Хорошо, но смотрите, один разливает, другой должен держать лошадей под уздцы. Если случится, что вы упустите лошадей, тогда, не мешкая, бегом бросаетесь в сторону моря. Вы не должны оказаться на пути у зверя. От быстроты ваших ног зависит ваша жизнь. Мы в этой ситуации ничем вам помочь не сможем. Вам придется надеяться только на быстроту ваших ног. Это понятно?

— Дядя Антон, вы не переживайте так, мы будем очень осторожными и понимаем всю ответственность.

— Хорошо. Но это касается не только вас, это касается всех, кто останется без лошади. Теперь дальше. Ты, — он указал пальцем на щуплого проворного парня, — ты у нас самый шустрый, поэтому ты в нашей компании. Тебе поручается самое ответственное задание. Так как ты самый проворный, ты и выбьешь пробку из бочки. Ты знаешь, где она находится?

— Знаю. Под самой приманкой в самом низу. Я ее сам туда ставил.

— Вои и замечательно. По моему сигналу ты выбиваешь пробку и бегом к нам. Мы будем держать для тебя лошадь. Постарайся сделать все очень быстро. Садись на лошадь и мчишься к Кари без остановки. Там Кари скажет тебе, что нужно делать. Это понятно?

— Сделаю все как нужно.

— А не испугаешься, ведь зверь будет ближе всех к тебе?

— Ну, что вы, не такой уж я трус, как выгляжу. Но если со мной и случится что, я надеюсь, что вы отомстите за меня.

Антон, обнимая его за плечи, ласково сказал:

— Ну, что ты такое говоришь, мой мальчик. Мы обязательно за тебя отомстим. Но понимаешь в чем дело, я не хочу, чтобы ты погиб, я ведь хочу назначить тебя старшим смотрителем на нашем празднике в честь победы над монстром. Ты должен отвечать за приготовление шашлыков. Но хочу предупредить тебя заранее, что если нам не понравятся шашлыки, то я прикажу тебя привязать к дереву и заставлю каждый день готовить шашлык на всю деревню. А когда научишься хорошо готовить, тогда и только тогда ты получишь свободу. Ну, что, согласен на мои условия.

— Согласен! — радостно воскликнул парень. — Я даже согласен год просидеть под деревом, лишь бы мяса было как можно больше.

Со всех сторон посыпались шутки в адрес паренька. Антону было приятно, что хоть на несколько минут ему удалось поднять настроение ребят. Выждав небольшую паузу, продолжил.

— Посмеялись немного, теперь продолжим. Перед началом движения все должны развернуться во фронт в одну шеренгу. Дистанция между всадниками не должна быть меньше пяти метров. Так у нас веревки не будут путаться. Я на своей лошади буду ехать впереди шеренги, задавая таким образом ход движения. Наша с вами скорость должна быть одинаковой с монстром. Если он начнет ускоряться, мы также будем ускоряться. Если все пойдет как надо, то мы сможем таким ритмом, не допуская его к себе, довести зверя до

нужного места. Теперь самое главное для вас. Когда зверь поравняется с вешкой, поставленной Кари, я дам команду остановится. Остановиться должны все разом. После чего уже без команды, быстро перережете веревки и продолжаете с той же самой скоростью продолжать движение. Предупреждаю, не пытайтесь развязывать веревку. За время движения узел может сильно затянуться, и вы только потеряете время. У вас у всех есть ножи, поэтому смело режьте и продолжайте движение. Ножи у всех есть?

Ребята показали ему свои ножи.

— Хорошо. Пока вы будете освобождаться от веревок, я уеду дальше и приготовлюсь к стрельбе. Ваша задача продолжать движение дальше с той же скоростью. Постарайтесь уехать как можно дальше. Если заметите, что наша затея провалилась и все пошло не так, как планировали, ты, Дио, отведишь людей на берег залива и на корабле переправишь на другой берег. Там не теряя времени, постарайся изготовить другую бомбу.

— А как же ты, отец? Ведь зверь может убить тебя.

— Об этом не беспокойся. Я постараюсь не допустить этого и приложу максимум усилий, чтобы к утру присоединится к вам. Всем все ясно?

Все как один кивнули головами в знак согласия. В это время на горизонте показался очередной гонец.

— Хорошо, ребятки. Раз вам все понятно, тогда все по местам, нужно готовиться к приему гостя. Вон видите, и гонец торопится, да и самого гостя уже слышно. Слышите, как его поступь отзывается в земле. Видать, торопится к нам. Наверное, боится опоздать на шашлычок.

Действительно, вдалеке слышался звук. Земля вздрагивала под тяжелой поступью зверя, даже слышался хруст раскальвающихся камней под тяжестью звериного панциря. Зверь приближался. А вслед за приближением зверя, небо становилось все светлее. Вскоре должен наступить рассвет.

Рассвет был как нельзя кстати. Это облегчало задачу Антона. Он все это время переживал, что в темноте может промахнуться, а это было чревато последствиями.

Вскоре подъехал гонец. У парня от страха, казалось, вылезли глаза на лоб. Как выяснил Антон из его невнятного рассказа, парня просто сморило. Он не удержался и к утру уснул, хорошо еще, что уздечку привязал к своей руке, иначе лошадь сбежала бы от него.

Когда лошадь стала вырываться, он проснулся и увидел, что в его сторону движется гора. Он от страха даже не заметил, как оказался в седле и гнал ее так, как никогда в жизни не ездил. Его слова подтверждало то, что все видели своими глазами. Вид у парня испуганный, его трясло как в лихорадке. Огромные хлопья пены, висевшие на впалых боках лошади, медленно падали на землю.

— Ты зачем так лошадь гнал?

— Боялся, что не успею вас предупредить.

— Ладно, предупредил, и то хорошо. Теперь садись на лошадь да не вздумай больше гнать ее. Поедешь легкой трусцой, пусть животное остынет немного. В течение часа воду ей не давай, иначе загубишь до конца животину.

Парень немного успокоился и, не дожидаясь повторения, поехал подальше от этого ужасного места, но на этот раз ехал мелкой трусцой.

— Теперь вы видели, что с человеком делает страх? От животного страха он мог погубить лошадь и погибнуть сам. Вы должны перебороть в себе это низменное чувство и больше положится на собственный разум. Это помогает в критических ситуациях.

Ребята слегка смутились, но потом смело взглянули на своего командира, давая понять ему, что с ними этого не произойдет.

Звук нарастал, а с ним и небо становилось все светлее. Вот уже первые его лучики коснулись поверхности долины. Вдалеке стал угадываться силуэт зверя, которого на расстоянии действительно можно было принять за движущуюся гору.

Гора постепенно увеличивалась в размерах, и люди, ждавшие ее, уже могли увидеть, что это не гора, а огромный монстр похожий на черепаху, которая с каждой минутой увеличивалась в размерах.

Лошади, почувствовав приближающуюся опасность, стали беспокойно перебирать ногами, постоянно фыркая и косясь назад. Команду «По коням!» Антону два раза повторять не пришлось. Ребята, все как один, в секунду оказались в седлах.

Антон подошел к своей лошади. Это был мощный крепкий жеребец, вожак табуна, из которого были взяты и все остальные лошади, так приказал он сам. Это было сделано для того, чтобы все животные чувствовали себя среди своих.

Он ласково погладил жеребца по шее, успокаивая его. Достал из кармана кусок хлеба, посыпанный солью, и протянул лошади. Конь взял из его рук хлеб своими мягкими, как бархат губами, и с удовольствием съев его, стал головой тереться о плечо, прося еще добавки. Антон улыбнулся его прозорливости, доставая последний кусок из кармана. Когда конь съел хлеб, Антон взял его морду в обе руки и, прикоснувшись губами к его носу, тихо прошептал, стараясь мысленно внушить животному свои мысли.

— Успокойся, мой хороший, я никому не дам тебя в обиду. Поверь мне, все будет очень хорошо, нужно только немного потерпеть, а я со своей стороны сделаю все, чтобы никто не пострадал. Ты мне веришь? — и еще внимательнее посмотрел ему в глаза.

После его слов лошадь стала вести себя более спокойней. Складывалось впечатление, что она поняла его слова и поверила ему. Затем конь, мотая головой и фыркая, повернулся в сторону остальных лошадей как будто разговаривая с ними о чем-то. Но самое удивительное было то, что остальные животные как-то разом успокоились, стали меньше мотать головами и топтаться. Теперь они тихо стояли и только иногда фыркали, как будто переговариваясь друг с другом.

— Вот и хорошо, вот и славно. Умница, мой хороший, все будет хорошо, — продолжал успокаивать коня Антон. — Ребята, ласково успокаивайте своих лошадей и не дергайте сбрую. Пусть животные почувствуют вашу уверенность.

Тем временем зверь подходил все ближе и ближе. Антон чувствовал, как страх сковывает его помощников. Казалось, что страх как облако накрыл не только их, но и всю округу.

Люди все заметнее стали нервничать и поглядывать в сторону своего предводителя. Это естественно передавалось и животным.

Антон видел, что ребятам уже с трудом удастся справиться с лошадьми. Понимая, что простые уговоры в данный момент не уместны, он повернулся на своей лошади к ним лицом и громким, но уверенным голосом, сказал:

— Всем успокоиться, и успокойте лошадей. Из-за вашей трусости вы можете сорвать всю операцию. Запомните, в эту минуту решается не только ваша судьба, но и судьба ваших родных и близких. Я также отдаю себе отчет в том, что в данный момент многое зависит от меня. А так как от меня зависит жизнь моей семьи, то я предупреждаю вас, что не позволю сорвать операцию. Тот, кто первый без моего приказа сорвется с места, не успеет сделать и

десяти шагов. Я стреляю гораздо быстрее. И даю вам слово, что в случае неповиновения я застрелю любого, даже если этим любимым окажется мой родной сын Дио, находящийся здесь среди вас. Вот тогда я уверен, что этим трусом точно зверь пообедает, а вернее позавтракает. Теперь всем все ясно, или кому-то отдельно повторить?

Ответа не последовало. Ребята молча сидели на лошадях, понутив головы, боясь посмотреть Антону в глаза. У них еще звучал в ушах этот спокойных, уверенный голос, который, как им казалось, звенел на всю округу, как металлический голос набата, металлом отчеканивая каждое слово.

Антон еще раз осмотрел своих помощников. Ребята сидели не шелохнувшись. Не слышно было даже перестука копыт, казалось, что даже до лошадей дошло каждое сказанное им слово.

Прошло еще минут пять, прежде чем Антон подал сигнал парню, сидевшему у приманки. Тот в свою очередь не стал дожидаться повторения, а быстро, одним движением, выбил заглушку из бочки и, не оглядываясь бросился к своим товарищам.

Не дожидаясь его, Антон отдал приказ трогаться, и шагом направил свою лошадь вперед, сдерживая ее, не давая набрать скорость. Когда юноша догнал их, ему помогли сесть на лошадь, Антон приказал ему ехать вперед и не мешать остальным. Сам тем временем стал увеличивать ход.

Постепенно скорость увеличивалась. Приманка на хорошо смазанных колесах легко шла за ними, слегка покачиваясь на неровностях дороги. Антон внимательно следил за тем, чтобы приманка двигалась по накатанной дороге. Он опасался, что она, сойдя с дороги, могла попасть колесом в незамеченную яму, и при этом легко перевернуться. Поэтому, когда приманка начинала съезжать в сторону, он сдерживал одну половину лошадей, давая возможность другой двигаться чуть быстрее. Так им удавалось удерживать своего «троянского коня» в нужном направлении.

Антон не забывал и о преследователе, который в свою очередь, почувствовав запах свежей крови и, видя перед собой приличную кучу свежего мяса, увеличивал ход, стараясь достать его своим длинным языком. Но Антон четко следил за дистанцией, не давая возможности зверю дотянуться до своей жертвы, но и не увеличивал расстояние, отделяемое зверя от приманки.

Такая гонка продолжалась уже на протяжении тридцати минут. Если в начале гонки людям с большим трудом удавалось сдерживать лошадей, то теперь и животные почувствовали, что зверь не может их догнать. Они немного успокоились, и седокам стало легче ими управлять, да и седоки стали гораздо увереннее в себе.

Они спокойнее стали смотреть на это громадное уродливое чудище, только слегка вздрагивали при очередном шипящем звуке, который периодически изрыгал из себя монстр.

Последующие двадцать минут кое-кто из них пытался даже шутить, подбадривая товарищей.

Когда караван достиг стоящей у дороги вешки, Антон приказал остановиться и отрезать веревки. Сам отъехал на некоторое расстояние, спешил у небольшой россыпи больших валунов, лежащих вдоль дороги. К нему подъехал Дио.

— Сынок, забери лошадь, и отъезжайте подальше.

— А как же ты без лошади?

— Не теряй времени. Бери лошадь и отъезжай подальше. Она будет только мне мешать, да и не останется она одна на таком близком расстоянии от монстра.

Всадники, освободившись от веревок, с удовольствием прищипорили своих лошадей, продолжая движение в том же темпе. Остановившись на приличном расстоянии, стали наблюдать за происходящим.

Антон не стал обращать на это внимания, выбрав себе подходящий валун, укрылся за ним, приготовившись к стрельбе.

Зверь приближался. Его тяжелое дыхание эхом разносилось по всей долине. Его длинный язык периодически вырывался из огромной пасти, в которую как казалось, мог заехать целый локомотив. Эти несколько секунд пока зверь подходил ближе, Антону показались вечностью.

От напряжения сводило пальцы рук. Антон приподнялся над валуном, чтобы лучше рассмотреть чудище. В этот момент зверь повернул свою голову, и они встретились взглядом.

Внутри Антона все похолодело. Взгляд зверя оказался осмысленным. Он совсем не походил на взгляд других животных. В голове Антона как заноза застряла мысль: — этот малыш вполне мыслящее животное. Теперь мне конец, живым он меня не оставит, а камень этот не сможет меня защитить. Он проглотит меня вместе с камнем и даже не заметит этого, — зверь как будто почувствовал его страх и прочел мысли. Он остановился, издал громкий рык вперемешку с шипением, от которого даже трава в поле зашелестела. Он при этом приподнялся на передних лапах, сделал еще несколько шагов и остановился у самой приманки.

Несколько секунд он втягивал в себя воздух, не отводя взгляда от Антона. Ужас внутри Антона нарастал с каждой секундой, не зависимо от него самого. Самое страшное было в том, что он не знал, как ему с этим справиться. Уже сковало не только руки, но и ноги.

Антон прилагал максимум усилий, но мышцы его не слушались. Зверь уже поднял левую лапу, чтобы продолжить движение на Антона, но в это время он вновь почувствовал сильный запах крови. Его огромные ноздри задрожали.

Огромная голова слегка наклонилась вперед, при этом он моргнул, если это можно так назвать. Огромное веко стало медленно опускаться, закрывая глаз чешуйчатой створкой.

По мере закрывания глаза у Антона стало медленно отступать чувство животного страха. Стало легче двигать пальцами рук и ног.

Как только веко закрылось, страх полностью прошел. Антону достаточно было этого времени, чтобы оценить обстановку. Сказывалась хорошая военная тренировка. Он в одно мгновение поменял место дислокации, преодолев расстояние в десять метров, и пока зверь открывал свой ужасающий глаз, успел спрятаться за другим валуном.

Зверь посмотрел на то место где прятался Антон. Не увидев его, обратил свой взор на так сладко пахнущую наживку.

Антон в свою очередь лежал между двух небольших валунов, прицелившись в мишень, сконцентрировав свой взгляд и мысли только на мишени. Он усилием воли заблокировал свой мозг, твердя про себя только одну фразу: — Какое вкусное мясо, какое вкусное мясо.

Зверь, по-видимому, потерял интерес к Антону. Перед ним была другая мишень, и она сильнее притягивала его к себе. Антон напряг все свое естество в ожидании.

Вскоре он увидел, как из его огромной пасти высунулся длинный язык, и как огромной петлей обвился вокруг приманки. Еще мгновение и язык как пушинку потянул четырехтонную приманку в свою огромную пасть.

Антон ждал нужного ему момента. Он отдавал себе отчет в том, что у него будет только

один миг для выстрела, второй выстрел, да еще прицельный, он может не успеть сделать.

Он дождался того момента. Как только челюсти зверя стали смыкаться, он нажал на курок, и тут же выстрелил второй раз на удачу. Но это был уже запоздалый выстрел.

От сильного напряжения, Антон теперь видел все, как в замедленном фильме. После выстрела, сначала он увидел, как голова зверя расширяется, изо рта начинают вылетать наружу огромные куски языка, за ними большое облако дымного пламени и, наконец, голова зверя раскалывается на четыре части. Только после этого до него доносится раскат грома, от которого он на время просто оглох.

Каждой клеткой своего тела ощутил всю вибрацию земли. Земля дрожала, вибрировали и камни, за которыми он скрывался, и вместе с этим грохотом вокруг него падали большие куски языка.

Антон еще сильнее прижался к большому валуну, готовый просто слиться с камнем, лишь бы избежать попадания в него огромного куска мяса. Он понимал, что попади такой кусок в цель, ему вряд ли доведется самому встать, его просто закопают в землю вместе с этим куском.

Вскоре шум от взрыва затих. Антон выглянул из-за валуна. То, что он увидел, не очень его удивило, он уже однажды видел эту картину. Рядом с ним лежали два огромных куска мяса примерно в четыреста килограммов, а то и больше.

Зверь лежал, плотно прижавшись панцирем к земле, продолжая судорожно перебирать своими огромными лапами. Куски его огромной головы валялись тут же у его передних лап. Из зияющей раны фонтаном струилась кровь. Слышался стук работы сердец, которые с огромным напором выкачивали кровь наружу.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем зверь затих окончательно.

Антон встал, поднял винтовку и, обходя попадавшие на его пути куски мяса, медленно шел к зверю, теперь уже совершенно неопасному. Внутри него поднималась волна радости от результата проделанной работы. Чувство тревоги, копившееся в нем за последние сутки, стало медленно отступать на второй план, его вытесняло чувство ликования.

От переполнявших его чувств ноги, до сей поры еще слабые как вата от долгого лежания, вдруг наполнились силой и легкостью. Теперь они не просто шли, а как когда-то в молодости, шли легкой пружинистой походкой.

Вспомнив о своих товарищах, он оглянулся и махнул рукой стоящей вдалеке группе всадников.

Подходя ближе к зверю, Антон слышал за спиной стук копыт, но он вскоре прекратился. Антон обернулся, лошади остановились в ста метрах от него и не хотели идти дальше, они еще испытывали страх перед лежащим зверем.

— Оставьте их там, — крикнул Антон.

Он остался на месте, поджидая, пока счастливые ребята бежали к нему. Потом начались поздравления с победой.

— Нет, друзья мои, поздравлять нужно не только меня одного, а всех нас. Это мы все вместе смогли одолеть это чудовище. В одиночку никто из нас с ним не справился бы. Вы прекрасно видели, что только совместные усилия всех и каждого в отдельности принесли положительный результат. Запомните, что только вместе мы огромная сила, и только вместе мы можем одолеть такого врага, как этот монстр.

Ребята стали поздравлять друг друга, некоторые от восторга боролись на мягкой траве. Потом принялись подбрасывать Дио вверх за то, что он так хорошо организовал всю работу.

На последнем броске не удержались и все вместе рухнули на траву. Некоторые из них даже получили ушибы, но, все равно, в этот момент они были самыми счастливыми на всей планете.

Антон, глядя на ребят, сам не удержался и пустился в пляс, но вскоре его остановил Кари.

— Хватит с тебя. Побереги здоровье, пусть лучше молодежь повеселится.

— До чего же ты скучный человек, Кари.

— Я не скучный, а рационально-рассудительный. В отличие от тебя, меня разум не покидает. Тебе еще рано переносить такие нагрузки как сегодня. Я очень хорошо уже изучил тебя. Ты только с виду казался спокойным и уверенным в себе. Но это только с виду. Этим ты можешь молодых обмануть, но не меня. Я прекрасно видел, как ты переживал, боялся, что может не получиться. Ты за эти сутки потратил очень много не только физических сил, но и эмоциональных. Поэтому слушай мой приказ, уже как твоего лечащего врача. Бери мой саквояж. Отойди подальше. В саквояже найдешь фляжку с настойкой. Отпей половину и ложись отдыхать. Настойка поможет тебе снять напряжение, и ты хорошо отдохнешь.

Антон попытался возразить, но Кари так посмотрел, что он молча взял протянутый ему саквояж и направился в сторону моря от грозного лекаря, понимая, что в таких вопросах с Кари спорить бесполезно.

Отойдя как можно дальше, он достал фляжку, поморщившись, отпил и лег прямо на траву, положив саквояж под голову, чтобы удобнее было наблюдать за происходящим вокруг него.

Кари подошел к ликующим парням. Отведя в сторону Дио, напомнил ему.

— Дио, хватит веселиться, ты уже не мальчик. Я отправил отца отдыхать, а ты, пожалуйста, бери на себя руководство по заготовке мяса. Солнце уже высоко, а работы у нас непочатый край. Позже, когда устроим праздник, можно будет повеселиться от души, а пока, давай берись за дело.

— Хорошо, дедушка Кари. Эй, ребята, заканчиваем веселье, работы нам предстоит немало.

Став серьезным, он тут же стал отдавать распоряжения.

Первым делом он послал гонца в пещеры, где пряталось основное население. Отдавал он команды быстро и четко. Через пару минут, гонцы разъехались в разные направления, каждый со своим поручением. Его команды выполнялись беспрекословно, также как и распоряжения Антона.

Антон лежал и улыбался, глядя, как уверенно Дио отдает распоряжения. Теперь он был горд и доволен, что у него такой хороший сын вырос, способный прямо сейчас заменить своего отца. А после сегодняшней охоты, Антон был абсолютно уверен, что теперь его семье не грозит никакая беда. Его Дио может справиться с любым несчастьем, и сумеет защитить не только свою семью, но и все население близлежащих поселений.

Довольный своими мыслями, он закрыл глаза, и вскоре крепко уснул утомленный бессонной ночью, также продолжая улыбаться, но только теперь во сне.

Проснулся он от нарастающего шума голосов. Приподняв голову, увидел уже приличную толпу людей, и люди все прибывали и прибывали. Они спешили, кто верхом, кто на повозках. Были и те, кто просто шел пешком, но каждый из них хотел принять участие и помочь остальным.

— Хорошо, что много повозок, — думал Антон, — будет на чем мясо развозить.

Довольный увиденным, встал на ноги. Потянулся, разминая спину и плечи, затем сделал несколько гимнастических упражнений для повышения тонуса в уставшем теле. После такой зарядки почувствовал себя совершенно здоровым.

В голове мелькнула мысль, что не зря Кари заставляет его пить эту микстуру. Видимо только благодаря микстуре он быстро пошел на поправку.

В толпе заметили, что Антон встал, к нему тут же заспешили люди. В основном это были старейшины племен. С ними также шел его сын Дио.

Антон после приветствий предложил всем сесть в круг. Так было удобнее, да и ногам легче.

— Не будем утомлять свои ноги, друзья мои. Они нам до вечера нужны будут здоровыми, а не уставшими.

Все с удовольствием согласились на его предложение, тем более, что присутствующий народ был давно уже немолод.

Со всех сторон посыпались поздравления в адрес Антона. Он видел и чувствовал, что люди говорят слова благодарности от чистого сердца. Хоть и лестна была его сердцу похвала, но он все же сказал:

— Друзья мои, я уже сегодня говорил своим молодым помощникам. Теперь скажу вам. Это не моя победа, да и не могла она быть только моей. Эта победа общая. Весь наш народ от мала до велика принимал в ней участие. Каждый из нас вложил в нее частичку своего труда. Мы все принимали в ней участие, и все являемся победителями. Сейчас я уверен, что не время нам поздравлять друг друга. Я уверен, что вы поддержите меня в том, что сейчас у нас слишком много работы. У меня есть предложение. Закончим дела и устроим грандиозный праздник в честь нашей победы, вот тогда и в полной мере можно будет воздать хвалу всем нам, победившим этого зверя. Ну как, согласны с моим предложением?

Старейшины улыбались от предстоящего удовольствия присутствовать на празднике. Редкие праздники — это одно из немногих их развлечений. Естественно, все в один голос одобрили его предложение.

— Хорошо. Теперь у меня есть предложение по поводу организации заготовки мяса. Это предложение требует вашего согласия.

— Говори, Антон, — взял слово самый старший из всех. — Мы заранее согласны с твоим советом. Насколько мне известно, за все эти годы, что ты живешь с нами, ты еще ни разу не дал плохого совета. Я думаю, что со мной согласится каждый из присутствующих.

— Спасибо, друзья мои, за столь высокую оценку моего труда. Я знаю ваше отношение ко мне, и впредь постараюсь быть максимально полезным для наших людей. Но сейчас речь идет не о моих заслугах, а о том, как правильно организовать работу. Я понимаю, что работы нам предстоит очень много, а времени на нее не более суток. В связи с этим я предлагаю назначить моего старшего сына Дио на роль руководителя заготовок с полными

полномочиями. Хочу сказать, что на данном этапе он показал себя с наилучшей стороны во всей организационной работе. Только поймите меня правильно, я радею не за то, что он мой сын, и я как отец хочу его выделить из остальных. Мне кажется, что нельзя менять лошадей на переправе. Он начал эту кампанию, пусть он ее и закончит.

— Ты прав, Антон, — прервал его один из старейшин. — Не надо извиняться за свое предложение, мы сами хотели предложить его кандидатуру. Твоего Дио мы знаем с самого рождения. Мы о нем знаем даже больше, чем он сам о себе помнит. Твой сын один из самых уважаемых людей среди нашего народа. Нам кажется, что лучше его с этим никто не справится. Дело в том, что люди могут быть разные. Возможны и недовольства во время дележа и объема работ, да мало ли еще возникнут казусы. Вот в этих вопросах сыграет большой авторитет твоего сына, — помолчав пару секунд, он закончил шуткой, — в этой громадине столько мяса, что, если вдруг кто-то будет недоволен, мы ему позволим заниматься заготовкой, даже после того как все покинут это место. Пусть заготавливает вместе с дикими зверями и морскими крабами, посмотрим, как он с ними договорится.

Дружно посмеявшись, все на перебой стали уговаривать Дио продолжить работу. Антон с удовольствием слушал похвалу в адрес своего сына. Когда разговор стал немного утихать, он вновь взял слово.

— Спасибо, друзья, за понимание. Теперь, что касается тебя Дио. Ты подбери самых сильных на заготовку. Выделишь каждому из них бригаду помощников, которые будут относить мясо. Подбери бригаду, которая будет заниматься только отходами. Отходов будет много, пусть они относят их дальше в сторону моря. Теперь, та кровь, что пролилась и та, которая еще прольется должна засыпаться песком. Нельзя чтобы люди работали по колено в кровавом месиве. Прикажи подросткам пусть прокопают ручей, по которому кровь может сбежать в сторону моря. Позже на ее запах соберутся все крабы нашего залива. Эти санитары не уйдут, пока не очистят все побережье от отходов. На заготовку людей поставишь с шести сторон. Со стороны головы проем уже готов, пусть остальные прорубаются через лапы и хвост. Если в начале будут работать шесть бригад, то это будет гораздо быстрее. Заготовленное мясо пусть развозят по деревням. В деревнях женщины и дети под руководством стариков займутся солением, копчением и так далее. Еще напомни, что заготовка в деревнях будет общая. По окончании работы совет деревни разделит все поровну на каждого жителя, включая младенцев. Это для того, чтобы не было скандалов, а всем скопом работа будет двигаться намного быстрее. Еще одно. Вскоре начнут прибывать люди с дальних краев нашего континента. Не отказывай. Пусть включаются в работу. Определи им место, где они смогут заниматься заготовкой. Пусть позже увезут уже готовый продукт, свежее все равно не довезут. Следующее. Подбери самых смысленных ребяташек. Они заготовят побольше дров и организуют вокруг костры. Запах крови уже распространился далеко за пределы нашего острова. Я опасаюсь, что дикие звери могут помешать нам. Пусть мальчишки жгут костры всю ночь, это поможет на время отпугнуть зверей. Я не хочу, чтобы люди работали, оглядываясь за спину, опасаясь нападения.

— Хорошо, отец. Я уже дал на счет этого некоторые указания.

— Молодец, если ты и сам все знаешь, то тогда иди работать, а мы тут еще немного поговорим на нужные нам темы и присоединимся к вам. Да заведи с собой всех, здесь остаются только старейшины.

Дио встал, попрощался. За ним пошла веселой толпой все его помощники. Антон окликнул одного из парней.

— Кази, задержись на минутку.

— Да, дядюшка, я слушаю вас.

— Для тебя, Кази, будет особое задание. Возьми себе в помощники несколько человек из числа женщин и людей, не обладающих большими физическими возможностями. Ты со своей бригадой обеспечьте круглосуточное питание людей, занятых в заготовке. Поставьте работу так, чтобы люди могли питаться в любое время. Я хочу, чтобы не существовало жесткого графика. Пища должна быть постоянно горячей. Люди будут приходить по очереди по мере их надобности. Я хочу, чтобы работа не прерывалась ни на одну минуту. Постарайся обеспечить людей всем необходимым. Кроме мяса у тебя должны быть в изобилии фрукты и овощи. Особое внимание удели питьевой воде. Воды должно быть много. Сам понимаешь, людей большое количество, да и погода жаркая. Начнется жара, люди на тяжелой работе начнут пить беспрестанно. В связи с этим организуй мальчишек, которые будут постоянно подносить свежую воду рабочим. Теперь самое главное, организуй в сторонке несколько отхожих мест, люди должны где-то справлять нужду. Вопросы ко мне есть?

— Дядя Антон, но на все это должны быть полномочия, вы ведь только что руководителем назначили Дио?

— Молодец, что обратил на это внимание. Прости старого дурака, мне надо было сказать об этом вам обоим. Не будем сейчас возвращать Дио обратно, ты сам ему скажешь о нашем решении. У тебя все, или еще есть вопросы?

— Спасибо, у меня больше нет вопросов. Хочу заверить весь совет, что я все выполню, как полагается.

Когда Кази ушел, Антон вновь обратился к совету.

— Уважаемый совет, у меня есть еще один вопрос и от решения этого вопроса, боюсь, очень многое зависит в жизни нашего общества, — слегка замявшись, Антон продолжил, — вот только не знаю, как с этим обратиться к вам.

— Ты, Антон, не томи. Говори прямо и твердо, — поддержал его один из старейшин. — Мы здесь собрались для решения насущных проблем. Мы ведь не так часто встречаемся. Просто все у нас пока хорошо, но вот у нас появился повод поговорить, так давайте не будем упускать такую возможность и обсудим все вопросы, даже незначительные на первый взгляд. Тем более, что помощники для молодежи мы уже неважные. Силы у нас уже не те, а вот советом решить проблемы, мы, конечно, еще можем, поэтому и называемся советом старейшин. Начинай, Антон, говори, как есть.

— Спасибо совету. Мне бы хотелось, чтобы в первую очередь на мой вопрос ответил наш уважаемый Жрец. Вопрос касается его вотчины.

— Я тебя понял, — прервал его Жрец. — Ты хочешь сказать, что и до тебя дошли слухи о ритуале по приношению жертвы богам племенем, проживающим за Шип-горой. Я правильно тебя понял?

— Ты, жрец, правильно меня понял.

— Уважаемый совет, это действительно так. Племя Тальмосов принесло в жертву богам несколько домашних животных. Люди, принеся жертву, молились, чтобы боги помогли победить монстра, и спасти нас от неминуемой гибели. Мало того, я сам присутствовал на этом мероприятии и был недоволен тем, как они его провели. Обряд проводился скомкано и неумело. Люди стали забывать своих богов. Я помню, какие красочные обряды мы проводили в недалеком прошлом. Не отрицаю, я указал им на их недостатки, они пообещали исправиться, — с гордостью закончил он свою речь, обводя взглядом присутствующих.

Присутствующие все как один молчали, потупив глаза. Многие из них были в курсе произошедшего. Пауза затянулась.

Антону пришлось вновь взять слово. Он в душе прекрасно понимал, как тяжело еще этим людям отвыкать от диких привычек, когда в недалеком прошлом им самим приходилось видеть, как приносили в жертву не только животных, но по особым случаям даже людей. Все это сейчас читалось на их лицах.

— Друзья мои, может, я чего-то не понимаю, но я отдаю себе отчет в том, что чрезмерный перегиб в вероисповедании, непременно приведет к краху нашего общества. Мы вновь станем дикарями. А это подразумевает то, что мы будем бегать с дубинами по всей планете, пытаясь принести в жертву друг друга, а самое страшное, что это совершенно никому не нужно. Поймите, я не особенно верю в богов, хотя это мне совершенно не мешает жить, но я прекрасно понимаю, что совсем без веры человеку жить трудно, а порой и невозможно. Человек должен во что-то верить. Вера может быть разной. Одни могут верить в бога, другие — в свою семью, третьи — в светлое будущее, которых я готов поддерживать обеими руками. В кого верить, человек должен решать сам. Наша задача помочь ему в выборе своего бога, которого он будет хранить в своем сердце. Я думаю, что это и есть настоящая вера в создателя всего земного и небесного. А знаете, что самое закономерное? Я ведь общался со многими людьми здесь на планете и на своей, и мне еще ни разу не доводилось слышать, что к какому-то человеку спустился с небес господь и сказал, что ему необходимы наши жертвоприношения.

— Но тогда, как же управлять людьми? Люди, они ведь как стадо баранов, без пастуха разбредутся по всей округе, и не будет у них согласия, — не выдержал Жрец.

— Тебе, Жрец, не следует называть людей баранами. Не забывай, что именно эти бараны, как ты говоришь, поставили тебя на столь высокую должность. Может ты считаешь, что тебя выбрал сам господь?

— Я этого не говорил.

— Хорошо, что ты это помнишь и понимаешь, и все же я хочу тебе еще раз напомнить, что это мы тебя выбрали на эту должность. Заметь, жрец, тебя не бог выбирал, а мы простые люди, потому что ты в свое время подавал большие надежды. Мы надеялись, что именно ты сможешь повести людей в их вере за собой. Это ты должен был, где словом, где примером или поступком объяснять людям суть происходящего. Это ты должен стать людям их духовным наставником. Ты своим словом должен был объяснить заблудшим, где зло, а где добро. Что мы видим в данной ситуации. Ты своим молчаливым согласием, а может и не молчаливым, подстрекаешь людей к фанатизму. Уважаемый совет, я почти уверен, что именно этого он добивается.

— Ты не веришь в богов, хочу напомнить, что ты сам только что об этом сказал, поэтому не можешь правильно оценивать нашу веру.

— Ты правильно заметил, я действительно не верю в богов. Я знаю на примере моих предков, к чему это может привести. Были и у нас фанатичные перегибы. Людей, которые умели лечить травами, к примеру, считали колдунами и сжигали заживо на кострах. Было еще хуже. Одна народность за одну только неделю принесла в жертву двадцать тысяч человек в угоду богам. Заметьте, это им не помогло. Спустя несколько лет пришли другие завоеватели и уничтожили все население этого региона, не щадя ни взрослых, ни младенцев. Пойми, говоря о фанатизме, я знаю, о чем говорю. Еще, как неверующий, я могу подсказать тебе, что должен был ты сказать своим людям в отношении жертвоприношения. Ты ни в

коем случае не должен был соглашаться на эту авантюру. Ты мог объяснить людям, что бог посылает на нас свой гнев в виде монстра за грехи наши перед ним. С этим несчастьем мы должны справиться, только объединившись в одно целое. Только совместными усилиями мы можем выстоять перед столь страшным испытанием. Поймите, люди, если бог послал нам такое испытание, значит, ему не нужны наши жертвоприношения, он просто нас наказывает за грехи перед природой. Вот и весь совет. Я уверен, скажи ты людям такие слова, они все были бы тебе благодарны, за то, что им не нужно лишаться самого лучшего скота.

Антон прервал свою речь. Молчали старики, каждый из них напряженно обдумывал слова, сказанные Антоном. Они прекрасно понимали, что это те слова, которые каждый из них понимал в душе, но боялся высказать во всеуслышание. Все-таки прошлое не выкинешь на помойку, его не просто забыть. Оно огромным грузом лежит на душе у каждого. Жрец, красный от натуги, все ерзал на своем месте, бормоча что-то себе под нос, думая, что никто его не услышит. Но он глубоко ошибался. Антон напрягся, и сумел прочесть его мысли.

— Друзья мои, вы знаете, о чем он бормочет?

Старейшин как будто подстегнули. Они наперебой заговорили все разом.

— Что-то я не могу расслышать.

— Пусть говорит громче.

— Если у тебя есть что сказать, то просим высказаться.

Жрец перестал бормотать, зло взглянул на собравшихся стариков, и вновь опустил голову, не произнося ни слова.

— Ну, что молчишь, — обратился к нему Антон, — не хочешь говорить? Хорошо, я скажу за тебя. Уважаемый совет этот человек возомнил себя наместником бога на данной планете. Он считает, что должность простого жреца — это ниже его достоинства. Он считает, что ему по плечу абсолютная власть над нашим континентом, а в недалеком будущем и над всей планетой. Вы понимаете, куда он замахнулся.

— Это правда? — послышались возмущенные голоса.

— Да. Да. Да. А вы что от меня ждете, что я вот так буду всю свою жизнь бегать от деревни к деревне и вытирать соплю каждому встречному? Не дождетесь.

Удивлению стариков не было предела. Они понимали, что жрец хоть и ограничен, но все же имеет власть над людьми. Это его циничное высказывание потрясло их. Они прекрасно понимали, что власть одного человека может привести к диктатуре, а этого совет никак допустить не мог.

— Что будем делать, уважаемый совет, это ведь может привести к войне?

— Я предлагаю, — начал один из старейшин, — сейчас задержать его. Нужно его поместить в крепкий сарай на засов. Пусть посидит там некоторое время. Подумает, остынет немного, а то я вижу, его мания величия обуяла.

— А я еще предлагаю кроме этих мер, в ближайшее время созвать совет жрецов, пусть они решают, что делать с этим проходимцем, — предложил другой старейшина.

— Правильно, — поддержал его идею третий, — пусть совет решает, это их прямая обязанность — очищать свои ряды от таких проходимцев. После них мы соберем свой совет и окончательно решим его судьбу. Мы сначала выслушаем предложение совета жрецов, если нас это не устроит, то тогда мы примем свое решение. Антон, а каково твое мнение?

— Я полностью согласен с вашими высказываниями и поддерживаю их. Я также считаю, что некоторая изоляция также необходима. Человек с такими амбициями непременно станет влиять на духовно ослабленных людей, и еще неизвестно, к чему это

может привести. Изолировав его, совет жрецов всегда сможет найти ему замену. Слава богу, у нас есть много достойных людей на его место, я уверен в этом.

Совет недолго совещался, все проголосовали единодушно. Жреца арестовали, отвезли в деревню. Посадив в сарай, закрыли на засов и приставили охрану на время, опасаясь, что заигравшаяся ребятня ненароком откроют двери, ведь замков здесь ни у кого не было. Просто в этом не было необходимости.

Среди этих людей воровство считалось самым низким пороком. Такой человек не мог оставаться в племени, он изгонялся. Слава о грехопадении опережала его. Он не мог найти себе пристанище ни в одной деревне, а выжить в одиночку среди зверей было нереально. Само по себе изгнание определяла смерть.

Разделка зверя продолжалась до темноты. Людей было достаточно, но, тем не менее, времени катастрофически не хватало. Было принято решение продолжать работу даже ночью. Для этого поставили людей, которые освещали факелами все пространство внутри панциря.

Другая бригада, сменив подростков, жгла костры по всему периметру. Особенно плотным огонь был со стороны моря. С отливом в море ушло много крови вытекшей после взрыва. Почувствовав запах крови, раки-отшельники к ночи сплошным потоком устремились на берег. Только преградив им путь сплошной полосой из огня, людям удалось их остановить.

Утром с первыми лучами солнца работы были прекращены. Когда ушли последние обозы, оставшиеся парни засыпали кострища и, еле шевеля ногами, разошлись по своим домам.

Но даже после этого работа не прекращалась. Еще шесть дней люди продолжали трудиться, сменяя друг друга. И, тем не менее, на седьмой день все было готово к проведению общего праздника. Хоть и накопилась за эти дни у людей усталость, все же праздник удался на славу.

На грандиозный праздник съехалась вся округа. Гуляли несколько дней, пока самые выносливые окончательно не свалились с ног.

Молодые были вне себя от счастья повеселиться, им даже душераздирающие крики животных совершенно не мешали. Все знали, что у зверей тоже проходит что-то вроде праздника. Люди совершенно не опасались, что какой-нибудь зверь заглянет к ним. Мяса в панцире зверя еще оставалось в избытке.

Праздник закончился. Вскоре уже не стало слышно и криков диких зверей, дерущихся за лучший кусок мяса.

Антон занимался у себя в мастерской, когда к нему пришла группа молодых ребят в сопровождении его сыновей. Ребята предложили ему съездить вместе с ними к убитому зверю, чтобы посмотреть, как там звери и крабы справились с останками. Просьбу свою они мотивировали тем, что им не терпится приступить к строительству дворца.

Антон не стал отказывать ребятам в их просьбе. Ему подвели лошадь, и группа с шутками, подзадоривая друг дружку, двинулась на плато.

Вдалеке, на самой высокой части плато у берега, виднелся огромный остов, напоминающий панцирь огромной черепахи.

Подъехав ближе, все почувствовали сильный запах гнилой плоти. Спешившись и зажав носы, они брезгливо заглянули внутрь. Внутри зияла пустота, и только огромные кости тускло блестели в сумерках огромного панциря.

— А что, ребята, хорошая работа, — отметил Антон, когда они отошли немного дальше. — Звери постарались на славу. Внутри остался только скелет. Еще пару дней и крабы наведут здесь идеальный порядок, а еще через неделю и запах выветрится. Нам останется только вытащить скелет и приступить к строительству дворца. А теперь, друзья мои, давайте поедem домой, а то у меня такое чувство, будто этот запах проникает в каждую клетку моего тела.

— Дядя Антон, — обратился к нему один из парней, — а что, если нам сейчас сделать разметку площадки. Нам к тому же нужна разметка для саженцев. Не забывайте, скоро начнется сезон дождей. Не хотелось бы терять много времени. Высадим деревья по периметру, они до следующего сезона примутся, дадут хорошие побеги. Мы так сэкономим практически целый год. Я с собой даже колышки и веревку взял.

Антону доводы парня понравились. Молодежь дружно взялась за дело. Антон, глядя на них, сначала весело улыбался, но вскоре заметил, что ребята просто тянут время. Они забивали колья, измеряли расстояние, затем начинали спорить и вновь переносить колышки.

Так они трудились в течение трех часов. Вскоре с разметкой все было закончено. Теперь Антона удивило еще одно обстоятельство, совсем не вязавшееся с поведением ребят.

Закончив разметку, они, как по команде, сели на траву в полукруг, затем хором стали просить Антона начертить им план всего строительства, и не только внешней площадки, но и внутреннего помещения. Их почему-то интересовало все вплоть до мелочей.

Обсуждая каждую деталь, подолгу спорили, потом соглашались и переходили к следующему объекту.

Антон был уже изрядно утомлен этими спорами. Он решил закончить этот бессмысленный спор и отправиться домой. Вставая, заметил вдалеке всадника, который скакал в их сторону, держа в руке голубой флажок.

Всадника заметил не только Антон, но и ребята. Они вскочили на ноги, подхватили Антона, и стали подбрасывать его вверх, выкрикивая поздравления с рождением еще одного внука.

Только сейчас до Антона стало доходить, почему ребята именно сейчас, настоятельно просили поехать посмотреть будущую стойку. Ему теперь стали понятны и те незаметные перешептывания у него за спиной, и тот неподдельный интерес к строительству, и те нескончаемые споры по поводу мелочей.

Вскоре они уже во весь опор мчались к дому. У самых ворот их встречала вся его многочисленная семья. Лица у всех были радостными и счастливыми.

Юна, не замечая слез от счастья, бросилась на шею Антона, тихо сквозь слезы приговаривая:

— Антоша, милый, у нас еще один внук родился. Счастье у нас какое, — Антон был растерян и смущен одновременно.

В последние дни было столько работы, что он просто забыл, что его сноха Зуре должна родить. Родные понимали это. Они видели, что он был совершенно занят и, понимая это, они решили избавить его от переживаний. Ведь еще неизвестно было, сколько продлится роды, поэтому они тактично выпроводили его из дома на несколько часов. Таким образом, устроили ему отличный сюрприз.

Никто не забыл и про дедушку Кари. Его также чествовали с рождением первого правнука. Теперь Кари ходил по дому с высоко поднятой головой. Важно кивал в ответ на поздравления, не забывая при этом широко улыбаться.

Вечером был устроен праздничный ужин, который плавно перешел в ранний завтрак. Еще не успели женщины убрать столы, как к ним потянулись многочисленные гости. Они поздравляли всю семью с рождением нового члена, желали счастья и здоровья, дарили подарки новорожденному, а, отведав причитающуюся по такому случаю чашку самого лучшего чая, уходили, обзавясь придти на праздник, на сороковой день после рождения ребенка.

Полностью восстановившись после травм, Антон с удвоенной энергией принялся за накопившиеся за последние полгода дела. Многого нужно было успеть сделать до наступления сезона дождей.

Львиная доля работы легла на плечи сыновей, но Антон не хотел оставаться в стороне, чувствуя в себе силы, он старался во всем принимать участие.

Единственно кто скучал, так это дедушка Кари. Больных для него было мало, а физическую работу ему не разрешали выполнять.

Оказавшись вне общих работ, он один уходил в горы собирать травы. По возвращению запирался у себя в мастерской, оборудованной под аптеку, где в тишине готовил мази и настойки.

Зуре все это время посвящала только своему ребенку, так распорядилась Юна. Лола в свою очередь много времени проводила вместе с Зуре, помогая ей ухаживать за малышом.

В свободное время от общих забот, она по вечерам запиралась у себя в комнате, где скрупулезно приводила свои записи в надлежащий порядок. С большим трудом она расшифровывала свои наспех сделанные заметки. Многого ей приходилось вспоминать.

Так продолжалось последующие полгода, до наступления следующего сезона дождей.

С наступлением сезона дождей вся семья, как правило, большую часть времени находилась дома. Днем еще находились какие-то дела, зато вечера были совершенно свободны.

В один из таких вечеров Лола подговорила Зуре, а заодно и старого Кари, стали обрабатывать втроем Антона продолжать свой рассказ, ссылаясь на вечернюю скуку.

Под таким натиском с трех сторон Антону не осталось выбора, как согласиться ни их уговоры.

— Вы не оставляете мне выбора. Я согласен, только, дочь моя, напомни мне, на чем в последний раз я остановился.

— Ты остановился на том, как тебя привезли в лагерь на полуострове Канин.

После прибытия в лагерь, Антона определили на работу в пошивочный цех. Это было большое каменное здание, в котором рядами стояли швейные машинки. Вдоль одной из стен в больших штабелях лежали олени шкуры, из которых заключенные шили меховую одежду. Во второй половине цеха шилась меховая обувь. Весь этот товар увозился на большую землю, затем он попадал на предприятия, работающие как в северных широтах, так и в Антарктиде.

Антону все же повезло, ему хоть и досталась грязная работа по уборке цеха и доставке сырья, но все же это было лучше, чем работа на выделке шкур, на которой трудилась самая низшая каста заключенных. Это был по истине каторжный труд, но об этом он узнал гораздо позже. А пока, привычный к труду и крепкий здоровьем, он легко справлялся со своими обязанностями.

Однажды в конце смены, в канун выходного, а это был банный день, к нему подошел щупленький зек, и тихо спросил.

— Ты Седой?

— Да, я. А тебе, что надо?

— Пойдем со мной, я тебя в клуб провожу.

— Это зачем еще?

— Тебя Буза вызывает.

— Что ему нужно от меня?

— Это не мое дело, вот придешь, там сам его спросишь.

Весь этот разговор проходил на самом изысканном жаргоне, который простой обыватель, мог бы принять за никому неизвестный иностранный язык. Зато Антон прекрасно его понимал, будучи хорошо подготовленный к этому по роду своей службы, будучи еще военным.

Прекрасно владея жаргоном, он, тем не менее, всегда говорил или отвечал собеседнику хорошо поставленным грамотным языком. За то небольшое время, которое он провел в лагере, многие сначала удивлялись такому поведению, но затем привыкли, и порой даже они переходили с жаргона на нормальный человеческий язык, разговаривая с ним.

Следуя за провожатым, они вскоре оказались с задней стороны клуба. Войдя в здание через низкую дверь, оказались в довольно темной комнате. Провожатый указал на правую половину комнаты.

— Вон там спустишься по лестнице. Тебя встретят, а я пошел.

Антон еще не успел сообразить, как его провожатый будто растаял в темноте. Антон постоял с минуту, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Не почувствовав никакой опасности, он смело стал спускаться вниз по широкой лестнице.

Спустившись вниз, оказался в длинном коридоре, по бокам которого было множество дверей. Заглянув по пути в некоторые из них, он убедился, что это были подсобные помещения обыкновенного клуба.

Дойдя до конца коридора, услышал разговор в одной из комнат. Антон открыл дверь, и оказался в довольно большой комнате, интерьер которой напоминал ему сторожку на одном из цементных заводов, волею судьбы, ему однажды довелось побывать на таком. Единственным отличием было то, что эта комната была гораздо большего размера. Все

остальное было таким же.

В центре располагался большой стол, на котором стояла электроплитка с закопченным чайником на ней, да кое-что из посуды. У стены стоял старый поломанный диван. У стола стояло несколько табуреток и большое кресло, на котором восседал довольно пожилой зек неопределенного возраста.

Кроме старого зека в комнате находилось еще пять человек, вольготно развалившиеся, кто на табуретах, кто на диване, ведя неспешный разговор. При появлении Антона все замолчали, разглядывая его с неподдельным интересом.

Одного взгляда на эту публику ему было достаточно, чтобы определить, кто есть кто. Переведя взгляд на сидящего за столом, отметил, что этот пожилой человек, весь синий от наколок, хоть и имел бурную растительность на голове, тем не менее очень походил на Черепа, — видимо, они правда родные братья, мелькнула у него мысль.

Сделав несколько шагов, Антон остановился.

— Доброго здоровья всем присутствующим в хате.

Ответом была тишина. Все продолжали внимательно изучать его. Такой прием несколько не смутил Антона. Выждав паузу, он продолжил.

— Буза, ты хотел меня видеть. Я пришел, говори, что тебе нужно.

— Так это ты будешь Седой?

— Да я.

— Тогда проходи ближе к столу, а то в полумраке тебя плохо видно.

Антон подошел ближе. Теперь он стал внимательно изучать собеседника. Вдруг почувствовал покалывание в область основания черепа. Это означало одно, что с за спиной ему грозит опасность, но незначительная. Напрягшись, определил, что за спиной стоят два человека, и был удивлен тем, как тихо они смогли к нему подойти.

— Буза, — обратился к нему Антон, — даже в такой богом забытой дыре, как наша зона, должен существовать кодекс чести гостеприимства. Не успел я войти, ты, даже не поздоровавшись с гостем, сразу приставил за спиной гостя целый конвой, да еще с заточками в карманах.

То, что у стоящих за спиной имелись ножи или заточки, в этом он не сомневался.

— Не хорошо это. Не по-людски как-то.

— А ты что же, красноперый, решил нас поучить этикету, или решил свои порядки завести? Чем же наши порядки тебе не угодили?

— Ну, если пошел такой расклад дела, то мне наплевать, какие ты здесь устанавливаешь порядки. Ты здесь пахан, тебе и за порядком следить. Это первое.

— Второе тоже будет?

— Второе, я не люблю, когда меня приглашают, и тут же начинают угрожать, не имея к этому ни малейшего повода.

— А третье будет?

— Да, в-третьих, я не люблю, когда мне угрожают заточками, стоя у меня за спиной. И последнее, ты сам убереешь своих шестерок, или предоставишь это сделать мне?

— Послушай, Буза, да этот баклан совсем страх потерял. Может, нам ему урок вежливости преподать? — слышалось из угла комнаты.

Буза чуть наклонил голову. От опытного взгляда Антона не ускользнуло такое движение. Это был знак для нападения.

Антон не стал дожидаться, когда противник нападет. Решив сыграть на опережение, он,

упершись руками о край стола, сжался, и как огромная пружина распрямился, нанося невидимому противнику удар обеими ногами одновременно.

Его противники, спокойно чувствовали себя, находясь за его спиной, к тому же видя, что Антон за время разговора ни разу не оглянулся.

Не ожидая такой прыти, они получили хороший удар, но сообразили, что ошиблись, только лежа в нескольких метрах от стола. Пытаясь встать на ноги, они только мешали друг другу.

Антон все это время неотрывным взглядом смотрел в глаза сидящему напротив него человеку. Буза в свою очередь удивленным взглядом смотрел на Антона.

— Послушай, Буза. Если ты сейчас не утомнишь свою свору, то это придется сделать мне. Вот тогда, прошу поверить мне на слово, из этой комнаты выйдет живым только один человек. Ты, наверно, догадался уже, что этим человеком буду я. Ты производишь впечатление неглупого человека, и должен понимать, что в данной ситуации мне терять нечего, мне придется пойти до конца. А то, что я кое-что могу, ты, надеюсь, уже убедился. Еще хочу тебе сказать, что я за свои слова привык отвечать.

— Ладно. Вы только посмотрите на него, закипел как самовар. Утомнись, бери стул, присаживайся к столу. А вы, — обратился он к своей свите, — на сегодня мне не понадобится. Отправляйтесь в барак. До утра вы мне не нужны. Фикса, придешь в барак, скажешь бригадире, что мы с Седым сегодня здесь ночевать будем. Хром, останешься. Приготовь нам на стол и тоже можешь идти.

Вскоре на столе появилось вареное мясо, хлеб, рыбные консервы, и душистый чай со сгущенным молоком.

— Не хватает только шампанского, — пошутил Антон.

— Вот чего нет, того нет. Но если желаешь выпить, то спирт у нас всегда найдется. Могу предложить.

— Спасибо за предложение, но я не любитель спиртного.

— Я тоже стараюсь держаться как можно дальше от такой привычки. От спиртного все мои беды. А так, прошу тебя, давай подкрепимся, чем бог послал.

— Почему ты сказал, что мы с тобой будем здесь ночевать? — спросил Антон, подсаживаясь ближе к столу.

— Да секрета в этом нет. Просто мне кажется, что разговор наш с тобой затянется надолго. Вот и придется нам с тобой здесь кантоваться. По территории ночью нельзя ходить, запрещено. Если заметят с вышки, могут подстрелить. А теперь давай плотно поужинаем, потом и поговорим.

После того, как они закончили ужинать, Буза налил пахучий чай в алюминиевые кружки, добавил сгущенного молока и, отпивая мелкими глотками, начал разговор.

— Ты, Седой, на меня зла не держи за сегодняшней вечер. Просто я хотел проверить, правду мне писал Юрист о тебе или нет. Я немного сомневался. Пойми, что такой переполох, устроенный тобой в Подольске, это больше походит на фантастический детектив. До сих пор я был уверен, что такие выходки у наших властей не проходят бесследно.

— Не знаю, что там тебе написал Юрист, и когда только успел, но кое-что там было. Нахулиганил я немножко, не отрицаю.

— И это ты говоришь нахулиганил немножко. Да ты всю тюрьму поставил на уши, и называет это просто хулиганкой. Ну ты и фрукт, Седой.

— Интересно, а когда ты об этом успел узнать?

— Да за три дня до твоего появления. Я от Юриста маляву получил. Теперь ты поверь мне на слово. Это не просто записка, а целый сборник Достоевского «Преступление и наказание», я читал, не отрываясь.

— Я понимаю, что тебе это интересно, но мне это вспоминать особенно не хочется. Ты лучше скажи, что конкретно тебя интересует?

— А меня интересует все, что там в это время происходило. Особенно меня интересуют подробности. Мне интересно, как вела себя братва в этой ситуации, помогали тебе или нет. Мне интересно, за какие грехи тебя взяли и что конкретно на тебя повесили.

Аннон не стал скрывать ничего. Ему понравился этот закоренелый зек своей нескрываемой любознательностью. Ему импонировало то, с каким вниманием он слушал своего собеседника.

Антону очень нравилось, как бурно реагировал его собеседник на некоторые события. Он искренне сопереживал Антону в несправедливости, свалившейся на его плечи. Такого благодарного слушателя давно у него уже не было. Скорее всего, это и послужило стимулом для столь искреннего разговора. Захотелось поделиться с кем-нибудь теми накопившимися мыслями за весь прошедший год.

Так не спеша, он рассказал все, что произошло с ним за прошедший год.

— Потрясающе. Теперь расскажи мне, пожалуйста, все, что произошло в колонии под Свердловском. Догадываешься, о чем я?

— Понятно. Ты хочешь знать, что случилось в лагере во время бунта, а также все, что касается смерти Черепа.

— Именно это я хочу знать. Только прошу тебя, как можно подробнее, а не просто сухие факты. Сухие факты я получаю из небольших записок, а ты непосредственный участник тех событий. Мне хочется знать все, как говорится из первых уст. Как мне кажется, ты парень непростой, скорее всего, ты анализировал ту ситуацию, поэтому я хочу знать, к какому выводу ты сам пришел.

— Раз пошел такой расклад, тогда ставь чайник на плитку. Теперь даже я уверен, что наш разговор затянется до утра.

— Гость просит — грех отказать, — с улыбкой сказал Буза, ставя чайник на плитку — Ты, может, проголодался, то можно еще раз червячка заморить?

— Нет, не надо. Сейчас лучше всего чаю выпить.

— Тогда я водички подолью, и пусть чайник все время стоит на плитке.

— Вот это разумно, — подождав пока Буза сядет в свое кресло, спросил. — Ну что, начинать?

— Да, давай начнем, — согласился Буза, поудобнее устраиваясь в кресле.

— Тогда слушай. В то время, когда происходили эти события, я был инструктором спецназа ГРУ ГШ, ты, наверное, в курсе, что это за подразделение.

— Да, знаю. Это Государственное управление разведки при генеральном штабе армии.

— Так вот. В это время я со своей группой был в командировке как раз в этих краях. Я обучал своих курсантов захвату военных объектов на заброшенных армейских складах.

Все шло своим чередом. У нас уже почти закончилась командировка, когда из штаба поступил приказ, оказать помощь администрации лагеря в усмирении бунта. На такие мероприятия, как правило, нас не посылали, но дело было в том, что заключенные захватили оружие вместе с заложниками. Вот на такие операции нас иногда привлекали. В наши обязанности не входило умирять зеков. Этим занимался спецназ внутренних войск

совместно с сотрудниками КГБ. Наша обязанность заключалась только в освобождении заложников. Поэтому в таком приказе я не увидел ничего необычного.

Когда мы прибыли в зону, я сразу предупредил руководство администрации, что бунт подавлять не моя стихия, а вот заложников я постараюсь освободить любой ценой. Руководство ИТК с моими доводами согласилось. Изучив ситуацию, я со своей группой вошел на территорию лагеря. Моей первой задачей было провести переговоры, нас этому обучали. Заключенные забаррикадировались в столовой. Я выстроил свою группу во фронт перед окнами столовой и на виду у зеков отдал свой автомат помощнику. Затем постучал в дверь, сказал, что я пришел один, без оружия, что хочу просто поговорить со старшим и узнать причину бунта. Вскоре дверь открылась только наполовину. Меня встретил здоровенный детина с пистолетом в руке. То, что творилось внутри столовой, думаю тебе описывать не надо, не зря ведь у тебя погоняло Буза.

— Да, могу себе представить, какой там творился бардак.

— Так вот, среди этого бардака в центре столовой за столом сидел Череп. Рядом с Черепом сидел молодой еще парень. Я сразу отметил, что этот парень довольно образован и умен. На это указывало то, что он кардинально отличался от всех присутствующих. От него просто веяло образованием. Не последним было то, что столь молодой парень сидел рядом с паханом, давая ему советы. Позже, уже в Подольске, я узнал, что это был тот самый Юрист, о котором ты сейчас говорил мне. Толпа вела себя очень агрессивно, но Череп легко справлялся с ней. Установив в помещении относительную тишину, он пригласил меня присесть за стол. Я объяснил ему прямо, кто я и зачем нахожусь здесь. Он оценил мою прямоту, после чего объяснил мне причину бунта. Оказалось, что основной причиной бунта послужило то, что руководство разворовало и без того скудный рацион заключенных. Кто-то принес в чашке варево, которое вряд ли могло быть пищей для человека, в этом я убедился, глядя в чашку. Вторым пунктом было то, что вдруг начались беспричинные побои заключенных. В-третьих, регулярно, практически каждую ночь, стали устраивать проверки с построением на плацу и перекличкой. Тебе не нужно объяснять, сколько времени приходится людям стоять на плацу, мокнуть под дождем или мерзнуть зимой в морозы в рваных сапогах с тонкой портянкой на ногах. Когда мне Череп рассказал все это, тогда я понял, к чему велся разговор руководства зоны с представителем КГБ в кабинете начальника, услышанный мною, когда я подходил к кабинету по прибытии в лагерь. Когда я шел по коридору, то в приоткрытую дверь услышал, что представитель КГБ настаивал на проведении штурма. А что самое противное было в этом разговоре, так это то, что потери их совершенно не интересовали. Самым циничным было то, что конторщик предложил, положить как можно больше заключенных, мотивируя тем, что остальных будет дешевле прокормить. Завертнев, конечно, пытался возразить, все-таки он отвечал за операцию. Ты, конечно, в курсе, что Завертнев руководил этой зоной?

— Да. Я знаю об этом. Знаю и то, что после тех событий его сюда на Канин перевели.

— Я тогда особенно не придавал этому значения. Всегда находился какой-нибудь умник, который предлагает штурм, это я слышал неоднократно. Так вот, с этим сотрудником КГБ я так и не увиделся. Из кабинета вышел Завертнев. Познакомившись со мной, он увел меня в другое крыло здания. Я много позже понял, для чего нужен был этот штурм, но об этом позже поговорим. Завертнев завел меня в чей-то кабинет и стал вводить меня в курс дела. Пока он говорил, меня не покидала мысль о штурме и потерях. Вот тогда я решил предотвратить кровопролитие. Я как старший по званию взял управление операцией на себя.

Все это я честно сообщил Черепу и предупредил, что крови прольется очень много. Череп оказался умным человеком. Он понял, что там по ту сторону колючей проволоки, глубоко наплевать на заложников. Зато они положат всех присутствующих в этой столовой, а такой судьбы он не хотел своим парням. Поговорив немного с Юристом, он спросил меня, как можно избежать больших жертв. Я предложил ему план. Он сдает мне оружие, которое захватили, оставляет заложников в столовой, сам со мной выходит во двор. Я расставляю своих людей так, чтобы они являлись своего рода щитом, между заключенными и снайперами, сидевшими на вышках и крыше здания. Все остальные в колонну по одному, со скрещенными руками за головой, чтобы все видели, что оружия у них нет, идут по своим баракам. Я обещал, что мои ребята будут страховать идущих. Все шло хорошо. Ребята стояли шеренгой. Я вместе с Черепом шли впереди колонны, все остальные гуськом шли вслед за нами. Вдруг раздался выстрел. Мои ребята сразу определили, что стрелял снайпер с крыши здания. Череп увидев, что я ранен, подхватил меня на руки, и аккуратно положил на землю. Среди заключенных началась паника. Пока я был в сознании, то продолжал командовать. В первую очередь я попросил Черепу успокоить толпу. Своему помощнику приказал развернуться фронтом к военным, и, если прозвучит еще хоть один выстрел, тогда они имеют полное право применить оружие на поражение. Я в тот момент прекрасно отдавал себе отчет в том, что мои ребята, увидев раненым своего командира, были готовы уничтожить всех, у кого было оружие. Отдав последнее распоряжение, я потерял сознание. Ребята выполнили мой последний приказ.

Много позже мне рассказали, что мой помощник, приняв командование над отрядом, развернул шеренгу во фронт, и громко выкрикнул, обращаясь к военным.

— Мы не открыли ответный огонь только лишь потому, что это приказ командира. Наш командир ранен, теперь команду отрядом я. Предупреждаю, если с вашей стороны прозвучит еще один выстрел, я отдам приказ, и мы сотрем с лица земли весь ваш курятник. Вы все, от руководства до последнего солдата, ответите за кровь нашего командира.

И поверь мне на слово, они в случае еще одного выстрела, выполнили бы свое обещание, даже ценой собственной жизни. Это я тебе говорю без всякого хвастовства. Просто они так обучены.

— И что, военные испугались нескольких человек?

— Пойми, это ведь не простые солдатики срочной службы, и руководство знало об этом, и прекрасно знало, на что они способны. Поверь, что небольшая, как ты говоришь группа, из десяти — пятнадцати человек из состава ГРУ, способна противостоять целому батальону, и это еще не значит, что бойцы батальона, как бы они не были вооружены, справятся с группой. Поверь, что боец ГРУ сам по себе в экстремальной ситуации уже настоящая машина-убийца, а представь их в составе группы?

— Они что, так тренированы?

— Конечно. Каждый из них в совершенстве владеет любым видом оружия. В их руках, даже валяющаяся щепка под ногами, будет смертельным оружием для противника. Они хорошо владеют многими стилями единоборств. В любой сложной ситуации, могут в долю секунды оценить возможности и найти самый оптимальный выход. Этому способствует многолетняя практика и психология. Они не только изучают психологию, но проходят мощную психологическую обработку.

— Это что за обработка такая?

— Очень просто. С бойцами работают хорошие психологи. Хорошо знающие

психологию бойцы легко могут предугадать действия противника, а поняв намерение противника, значит, что уже на половину ты его победил. Еще могу сказать, что они немного зомбированы. Но не все, только те, кто легко поддается гипнозу, но это, как ты понимаешь, за малым исключением.

— Это как же можно зомбировать человека?

— А это просто работа под гипнозом. Человек, подвергшийся зомбированию, даже не подозревает об этом. В повседневной жизни он чувствует себя нормально, как и мы с тобой. Женится, заводит детей, воспитывает их, заводит друзей, в общем все, как у простых людей. Все проявляется в экстремальных ситуациях, когда он начинает понимать, что у него нет другого выбора. В таких случаях боец теряет чувство жалости или чувство вины за убийство. Это проявляется в нем как рефлекс у дрессированного животного. Он защищает не только себя, но и родину, и родных, и друзей и все, что ему очень дорого в этой жизни. Он осознает, что именно для этого создан и живет, что это его долг перед обществом. Убивая, как ему кажется своих врагов, он не испытывает ни страха, ни жалости, ни чувства сострадания. В таких случаях он становится просто машиной для убийства, и поверь, при этом очень эффективной.

— Не могу поверить, что у таких монстров ты был инструктором. Я, сейчас слушая тебя, подумал, если они еще курсанты, как ты говоришь, то на что способен ты сам.

— Поверь мне, что способен я на многое. А называю их курсантами, потому, что в то время они проходили обучение под моим руководством. Могу добавить, что за плечами этих курсантов ни одна боевая операция, в том числе и участие в боевых операциях за рубежом. Как ты понимаешь, среди них не было зеленых пацанов. Все они имели воинские звания, и ни самые низкие. Среди моих курсантов попадались и полковники. Теперь ты понимаешь, что среди курсантов были хорошо обученные бойцы, понюхавшие пороху.

— И все же, на что способен ты сам?

— Я уже сказал тебе, что способен на многое. Не надо вынуждать меня демонстрировать свои способности. Я не стану этого делать. Могу сказать, что убить человека, какой бы он ни был здоровьем или комплекцией, я могу, не прикасаясь к нему на расстоянии до двух метров, только силой своего духа, или внутренней энергией, если так тебе будет понятнее.

— Ты это сейчас серьезно говоришь, или это шутка такая?

— Такими вещами я стараюсь не шутить. В повседневной жизни стараюсь избегать лжи. Я считаю, что чем больше ты обманываешь окружающих, тем труднее будет тебе самому в будущем. Не отрицаю, что в некоторых ситуациях ложь иногда просто необходима, но я стараюсь избегать таких ситуаций, просто могу уйти от ответа или промолчать. Поэтому, то что я тебе сказал, сушая правда, но прошу тебя, посторонним знать об этом не обязательно. Говоря тебе это, я почти не рискую, просто в такое несведущий человек вряд ли тебе поверит, да еще посмеется над твоей выдумкой. Еще на будущее хочу тебя предупредить, проверять меня на вшивость не надо. А что бы ты хоть немного мне поверил, я кое-что продемонстрирую. В данную минуту ты страдаешь от боли в правом боку. Боль у тебя продолжается в течение двадцати минут. Тебе сильно хочется лечь на диван, но ты стесняешься это сделать, боясь показаться в моих глазах слабым человеком. Еще, ты знаешь, что я не курю, и чтобы соответствовать собеседнику сам не куришь и мучаешься от этого. Еще, ты не любишь чай с молоком, но, тем не менее пьешь его и делаешь вид, что это тебе приятно. Я могу еще продолжать, но думаю, что пока хватит. Теперь попробуй ты сказать

мне, в чем я не прав.

— Ты что, ясновидящий?

— Нет, простой психоанализ и наблюдение за объектом, помноженные на общий анализ, в данном конкретном случае.

— Теперь я начинаю немного понимать, о чем ты говоришь, и видит бог, могу поверить во все, что мне ты сейчас скажешь.

— Вот и прекрасно. А на будущее попрошу тебя, если увидишь или услышишь от меня что-нибудь в таком роде, не удивляйся. Нам еще долго вместе сидеть, может всякое произойти. Но это так, к слову. Теперь давай-ка ложись на диван и можешь закурить. Я тем временем налью нам по кружке чая, и расскажу тебе о смерти твоего брата. Не надо смотреть на меня безумными глазами, я прекрасно знаю, что Череп твой брат. Так вот, о смерти Степана я знаю очень мало и то, только то, что мне говорил Зуб, с которым я оказался в одной камере в Подольске. Рассказал мне он потому, что узнал меня, и потому что Юрист разыскивал меня. Зуб знал об этом, потому и не стал скрывать.

— Интересно, откуда ты знаешь имя моего брата. Среди братвы не принято называть друг друга по имени. Я уверен, что Зуб не мог тебе назвать его имя.

— Да он и не говорил. Ты все еще удивляешься, не надо. Я, к примеру, знаю, что тебя зовут Иваном. Давай об этом поговорим немного позже. Так вот, через месяц Степана нашли раненым. Кто-то подсадил его на перо. Администрация немного пошумела по этому поводу, но недолго. Виновного не нашли, потом обвинили какого-то баклана, вроде даже срок ему добавили, но на этом постарались все забыть. Но Зуб с Юристом не поверили, и как могли провели свое расследование. Они потихоньку выяснили, что в то время в больничке лежал один мужичек. Он поведал под большим секретом, что когда Череп пришел в сознание, то говорил кому-то, кому он не знает, так как лежал в соседней палате, что его подрезал какой-то вертухай. Имя его он не расслышал. Получив такую информацию, мужики стали, как говорят менты, анализировать. Они выяснили, что в то время, когда подрезали Степана, из зеков в том районе и близко никого не было. Они скрупулезно опросили всех, и выяснили, кто, где был в то время поминутно. Результат был один. Никто из зеков в этом месте просто физически находиться не мог. Позже выяснили, что за неделю до трагических событий в зоне появился новый вертухай. Никто этому, конечно, не удивился. Мало ли кого перевели служить и по какой причине, но их насторожил тот факт, что на следующий день этот вертухай на работу не вышел, а вообще исчез из лагеря. А чуть позже Юрист, будучи уже на свободе, нашел контакты и выяснил, что в то время в этом лагере никого на работу не принимали. Просто их штат был полным и в пополнении не нуждался. Вывод напросился сам собой, для убийства был прислан особый человек.

— Вот сволочи. Застрелить не получилось, так они его как барана зарезали.

— Я согласен только со вторым утверждением, а вот на счет того, что застрелить, тут я с тобой не согласен.

— Как тебя понимать? Поясни пожалуйста?

— Да потому, что та пуля пришла точно по адресу, только была немного не точна. Они очень хотели меня застрелить, но немного промахнулись. Я после ранения долго не мог придти в себя. Ранение оказалось очень серьезным, и только благодаря моему другу и хирургу удалось поставить меня на ноги.

— Прости, но ничего понять пока не могу. Ты можешь все это рассказать более понятным языком для меня.

— Все это гораздо прозаичнее, чем кажется на первый взгляд. Все, как и положено были уверены, что стреляли именно в Степана, как в зачинщика бунта. Все так и было отражено в отчете. Мол, стреляли в руководителя бунта, но промахнулись и нечаянно попали в полковника, который руководил группой по освобождению заложников. На самом деле, они воспользовались возможностью убить меня, смерть мою списать на бунт. Скорее всего, они устроили бы там неплохую охоту, в которой главная роль дичи отводилась заключенным, но как я предполагаю, в самый последний момент кто-то остановил эту бойню. Мне кажется, что там был руководителем высокопоставленный чиновник, и хорошо знающий возможности такой группы, как моя. Угроза, последовавшая от моего помощника, отрезвила его горячую голову.

— Если они хотели убить именно тебя, то я не понимаю, зачем тогда убивать Степана, если прошло уже столько времени?

— Очень просто. Среди зеков была крыса. Он донес хозяину о нашем разговоре в столовке. К тому же они практически вступили в открытый бой с моей группой. Мог пойти нежелательный резонанс. Степан оказался в самом центре этой интриги. Он хоть и был изолирован в зоне, но, тем не менее, являлся свидетелем, к тому же нежелательным. Если бы вместо Степана был простой зек, они бы даже не заморачивались по этому поводу. Нашелся бы человек среди заключенных, который по незначительному поводу просто зарезал бы его. Но со Степаном все обстояло совсем по-другому. Степан был авторитетом, а как ты знаешь, найти убийцу авторитета среди братвы практически невозможно. Зная наверняка, что Степан может поднять небольшой шум, хоть и среди братвы, но ведь это может дойти и до других ушей, а Степан хотел это сделать. Юрист знал об этом. Но видимо знал об этом и стукач, который доложил куда надо. Вот узнав об этом, они решили действовать по принципу: нет человека — нет проблемы.

— Теперь мне ясно, что Степка попался под раздачу, и его грохнули вроде бы за бунт. Но я никак в толк не возьму, ты им чем насолил? Вроде ты с ними из одной лодки.

— Тут-то вообще все понятно. Это конторщики за мной охотятся, да все никак у них не получалось. Наконец, повезло, хоть за решетку, но все же упрятали, на целых пятнадцать лет. Знаешь, Иван, у меня есть чувство, что они меня и здесь в покое не оставят, а своим чувствам я привык доверять, они меня еще ни разу не подвели.

— Ты хоть знаешь, кто конкретно на тебя так осерчал?

— Точно утверждать не берусь, но догадываюсь.

— Если знаешь кто, то скажи, возможно, я смогу тебе помочь. У меня на воле есть друзья, которые многое могут решить.

— Боюсь, что друзья твои в этом вопросе будут бессильны. Этот человек сидит слишком высоко. Можешь представить, что по его приказу были убиты мои друзья. Поверь, это не простые рабочие или крестьяне, это боевые генералы, занимающие высокие посты в министерстве обороны. Третий мой друг был профессором хирургии в военном госпитале. Имел обширные связи в центральном аппарате. Тем не менее попадает под машину и погибает. Остальные погибают от инфаркта, и заметь, все погибают в течение двух суток. Не спасло даже то, что нас давно отлучили от дела, и мы спокойно жили на пенсии, не мешая никому. Ты представить не можешь, как я в то время переживал по поводу их смерти. Это были настоящие друзья. Каждый из нас готов был пожертвовать друг за друга своей жизнью. Нам не раз приходилось, рискуя собой, выносить товарища из боя раненым. Мы порой голодали, делиась последними крошками сухаря или глотком воды. И вот теперь я лишен

своих друзей. Кажется, что все, о чем они мечтали, достигли. Они причинили мне столько боли и страданий. Я не понимаю, что еще им нужно. Я давно на пенсии, в их дела не вмешиваюсь, но они не успокоились и продолжают мстить мне. Я за свою жизнь повидал много крови, много ее и на моих руках. А сколько я видел лжи и несправедливости, один только бог, наверное, знает кроме меня. Наверное, поэтому я давно махнул на свою судьбу. Возможно, те выходы в Подольске являются результатом всего произошедшего со мной. Я в данный момент не берусь это оценивать.

— Так ты что, пенсионер?

— Конечно. Меня после того случая под Свердловском хотели разжаловать и лишить всех наград, но друзья, пока были живы, провели независимое расследование и предоставили в министерство все доказательства моей невиновности. Но, тем не менее, ничего сделать не смогли. Единственно, чего они сумели добиться, так это то, что меня просто уволили в запас. Проводили, так сказать, на пенсию, не лишая ни звания, ни наград.

— Постой. Я ни как в толк не возьму. Как ты мог отслужить двадцать пять лет, когда я собственными глазами смотрю на тебя, а передо мной сидит молодой пацан, только седой. Мне в своей жизни не раз случалось видеть молодых ребят полностью седыми, и этому я не удивлен.

— Ошибаешься, Ваня. Не такой я молодой, как тебе кажется. Я родился в конце сорок первого года. Ты можешь легко подсчитать мой возраст. Не спорю, я на вид выгляжу довольно молодо, хотя внутри я себя чувствую также молодо, как выгляжу. Что касается моей седины, то седым я стал два десятка лет тому назад. Могу сказать, что поседел я примерно в течение десяти дней, а может и того меньше, просто те несколько дней я находился в коме. Позже, если будет время, я как-нибудь расскажу тебе, как я в один момент стал седым, и в тот же день стал молодым. Я вижу тебе не очень понятно?

— Да. Признаюсь, что верится с большим трудом.

— Ну, хорошо. Я уже говорил тебе, что ложь — это не моя стихия, и, тем не менее, ты сомневаешься. Я попробую показать тебе свои возможности еще раз. Слушай меня внимательно. В данную минуту тебя больше всего беспокоит твой ампутированный большой палец на правой ноге. Ты чувствуешь, как он сильно болит, и этим причиняет много неудобства. Могу тебя успокоить, это простой синдром кажущейся боли. Все это просто кажущаяся боль. Прекрати о ней думать, она сама собой пройдет. Заметь, начинается эта боль только тогда, когда ты начинаешь или сильно волноваться, или сильно возбужден. Возьми себя в руки. Попытайся расслабиться, и я уверяю тебя, боль быстро пройдет. Этим страдают очень многие люди, лишившиеся конечностей.

— Ты. Ты... — только и смог вымолвить Иван.

— Ты хочешь сказать, откуда я все это знаю? Не удивляйся. Я даже знаю, что этот палец ты отморозил, когда по молодости бежал из мест заключения. Вас тогда поймали, но не всех. Палец тебе ампутировали в больничке, в той же зоне, откуда ты бежал.

— Ты что, все знаешь о моей биографии? Ты случаем не засланный казачок? Такие подробности знают только менты, да и то не все.

Антон звонко от всей души рассмеялся, заразив своим смехом и собеседника.

— Ваня, ты все еще мне не веришь. Я ведь уже предупреждал тебя, не надо сомневаться. Все, что мне нужно, я могу прочесть в твоей голове.

— Ну, знаешь. Это уже переходит все границы, — возмутился Иван. — Ты ковыряешься в моей голове, как кот в помойке.

— Не бузи, Буза. Я пользуюсь своими способностями только в исключительных случаях. Ты своими сомнениями просто вынуждаешь меня так поступать. Как только ты прекратишь сомневаться и поверишь в то, что я не привык обманывать и всегда готов ответить за свои слова, тогда отпадет сама собой необходимость ковыряться, как ты говоришь, в твоей голове.

— Я уже не знаю, что подумать. Мне теперь кажется, что от тебя можно ожидать всего, что угодно. Все это как-то неестественно.

— Нет в этом ничего сверхъестественного. Простая экстрасенсорика, помноженная на концентрацию, ну и, немножко врожденных способностей, переданных мне по женской линии. У меня бабка была гадалкой.

— Я, конечно, слышал о таких вещах, но сталкиваюсь впервые в жизни. Ты прости меня за сомнения, но мне сейчас трудно признать это.

— Не переживай ты по этому поводу. Я ведь уже говорил тебе, что пользуюсь этим довольно редко. Дело в том, чтобы прочесть чужие мысли, я затрачиваю много внутренней энергии. После таких усилий, у меня начинаются головные боли, и появляется слабость во всем теле. Я очень не люблю головную боль, поэтому стараюсь, как можно реже пользоваться своими способностями, хотя мой дедушка говорил мне, что надо развиваться, тогда голова не будет болеть.

— Тебя что, не в ГРУ этому обучали? Ты мне только что сказал, что у тебя бабка была гадалкой, а теперь говоришь, что дед учил. Что-то у тебя не все сходится.

— Ты молодец, внимательно слушаешь, и правильно подмечаешь. Дело в том, что способности я получил от двоюродной бабки, но встречался я с ней, лишь однажды, и то всего на полчаса. Учил меня всему, что я умею, в том числе и боевым искусствам, мой дедушка. Он старый вояка. Прошел гражданскую войну, затем отечественную. Родители его были китайцами, но еще в восемнадцатом веке осели в царской России. Он также обладал этими способностями. Мы с ним часто разговаривали мысленно, когда в этом была необходимость.

— Это как?

— Это когда нужно сказать что-то друг другу, а рядом находятся посторонние люди или нежелательные уши, мы прибегали к такому способу общения. Чаще всего мы пользовались этим на охоте, чтобы голосом зверя не спугнуть.

— Потрясающе, он еще и охотник.

— Я не просто охотник, каких сейчас очень много. Я в молодости получил образование охотоведа. До армии работал егерем в лесничестве. Так что, можешь считать меня еще и следопытом, хотя по существу, следопытству меня в основном учили уже в спецподразделении. Нас хорошо учили искать следы, но учили так же и прятать свои от преследователей. Но не подумай, что это все, что я могу. Это просто одна из многочисленных моих специальностей.

— Да ты просто супермен какой-то.

— Супермен, это громко сказано, но скажу, что умею я очень много. Порой даже самому не вериться, что я все это умею делать. Давай об этом позже поговорим. Ты, Ваня, лучше скажи, где родился?

— Неожиданный переход. Хорошо скажу. Родился я в Забайкалье, там моя настоящая родина, только жизнь моя прошла вдалеке от Родины. Ты к чему задал этот вопрос?

— Просто ты удивился, что я охотник. У меня мелькнула мысль, что ты вообще не имеешь отношения к охоте. Но я не понимаю, как ты, родившийся в Забайкалье, да еще до

войны не стал охотником. В военные годы все мальчишки промышляли в лесу или в горах. Слишком время было голодное.

— Согласен с тобой. Мы действительно в те годы охотились со Степкой. Конечно, ружья у нас не было, но мы не унывали. Мы ставили силки на птиц и на зайцев. Крупную дичь мы добывать не могли, но нам и мелкая помогала выжить. Но все это было в далеком детстве. Мы с братом рано загремели в тюрьму. Потом все покатилося. На воле мы почти не жили. Нашим домом была зона. Иногда вместе одну зону топтали, а чаще врозь, как и сейчас. Я здесь кантуюсь, а Степку за тысячу верст от меня жизни лишили. Вот так и получилось, что я кроме как в зоне сидеть, по-хорошему и делать ничего не умею.

— Ну, что теперь на судьбу пенять, мы ее сами строим. Конечно, не без помощи родных и близких, но свои ошибки мы совершаем сами.

— Пожалуй, с этим я с тобой соглашусь.

— Ваня, а в каком месте ты родился? — сменил тему разговора Антон. Он уже давно догадался, кто перед ним сидит, но все же хотел еще раз убедиться в своей правоте.

— Есть в Читинской области деревня небольшая, Привольное называется. Это почти у самой монгольской границы.

— Хорошее место. Природа летом какая. Деревня на берегу речки, через речку мосточек. Вот с этого мосточка вы с братом и сбросили пятилетнего пацана, за это и загремели на нары. Я прав, Иван Игнатьевич Савельев?

У Ивана от этих слов не только брови подскочили вверх, но и короткие волосы на голове зашевелились. Глаза стали круглыми как два пятака.

— Ты откуда это знаешь? — почти прошептал он после минутной паузы.

— Вань, ну ты вообще странный. Как я могу не знать, когда вы со Степаном взяли меня за руки и ноги и, раскачав на раз-два-три, бросили в реку.

— Как тебя? — не веря собственным ушам, уже в ужасе выкрикнул Иван.

— Ну, ты что орешь так. Да, это меня вы тогда сбросили. Я ведь и есть тот самый Тошка.

— Так ты не утонул тогда? Тебя ведь тогда всей деревней искали, но не нашли. Потом решили, что такой малец не мог справиться с сильным течением. Все решили, что тебя унесло течение, и где-то затянуло под корягу.

— А так оно почти и было. Меня сначала водоворотом вниз потянуло, потом течение на изгибе вверх подбросило. Ты, наверное, помнишь, как я во всех глубоких лужах купался, все нырять учился. Вот это меня и спасло. Когда течение выбросило меня на поверхность, я успел сделать несколько вдохов. Так меня бросало вверх и вниз еще долго. Затем я успел схватиться за поваленное дерево, плавающее в затоне, но оно сорвалось вместе со мной. Так мы плыли еще какое-то время. Потом мне все же удалось забраться на дерево. Я долго кричал, плакал, но меня никто не слышал. Я проплыл на этой коряге остаток дня и всю ночь. Ближе к утру, обессиленный и голодный, я потерял сознание или уснул, не помню. Меня в таком положении нашел мой дедушка вместе с другом. Друг деда служил участковым. Он делал запросы на поиски родных, но ты сам понимаешь, что в то время было много беспризорников. Никто особенно поисками не занимался. Дедушка тогда оформил на меня опеку и воспитал меня как родного внука. Трудно им было искать родных еще и по той причине, что я совершенно ничего не помнил. Дедушка был образованным человеком. Он объяснил это потерей памяти, а проще амнезией. Надо отдать должное дяде Егору. Он долго в одностороннем порядке, как мог, или позволяло время, искал моих родственников. Наконец, ему удалось кое-что выяснить. К этому времени я уже закончил учебу и работал егерем. Когда я узнал некоторые подробности, я поехал в те края и отыскал Вареньку. От нее я узнал, как умерла мать, как утонул отец. Она рассказала, что вас после того случая забрала милиция, и она вас больше не видела.

Когда она осталась совсем одна, ей рано пришлось выйти замуж. Муж оказался не ахти каким. Он часто пил и при этом руки распускал. Бил не только ее, но и трехлетнего сынишку. Я, конечно, поговорил с ним, бить его Варька не позволила, но я хорошо его встряхнул. Позже Варька говорила мне, что с тех пор он стал как шелковый. Пить, конечно, пил, но меньше, зато руки больше не распускал. Я однажды разговаривал с ее подружкой, так она сказала, что с тех пор все в их семье переменялось. После моего разговора, наоборот, Варька частенько гоняла его за пьянку.

Дядя Егор возможно никогда бы не нашел никого, ему помогло то, что ко мне вернулась память. Как-то зимой, мне уже было лет тринадцать, я поздно вечером возвращался из деревни на свой хутор. Я шел напрямую через степь. Вот в степи меня и настигли два голодных волка. Ружья у меня не было, зато был отличный нож. Первого волка я уложил наповал одним ударом, но победа над другим дорого мне досталась. Пока меня искали по

деревне, я с большим трудом дополз до дома. Весь искусанный, у меня до сих пор сохранились шрамы на плече и на шее. Тогда только чудом он не перекусил артерию. Только из-за глубоких ран я потерял сознание на крыльце дома. Вот тогда, замерзая на снегу и умирая от потери крови, я вдруг как кино увидел. Перед моими глазами стояла картина, как меня бросают вводу. Помню, что в тот момент, я не воды испугался, а душераздирающего крика Вареньки. Вот сопоставив эти данные, дядя Егор случайно услышал эту историю за две сотни километров от нашего дома.

Говоря все это, Антон видел, как блестят от слез глаза Ивана, и светится от счастья лицо. Иван подошел к Антону, присел рядом, затем обнял его за широкие плечи, склонил голову ему на плечо и тихо заплакал.

— Ты прости нас, Антоха, и меня и Степку. Хотя простить такое, наверное, невозможно. А если не сможешь простить, я пойму тебя.

— Ваня, о чем ты говоришь. Прошло столько лет, можно сказать, что целая жизнь позади, а ты про какие-то детские обиды говоришь. Я об этом даже не думаю. Пойми, дети в таком возрасте часто ведут себя агрессивно по отношению друг к другу. Сестры ругаются, делая друг дружке мелкие пакости. Мальчики часто дерутся. Порой во время драки готовы убить один другого. Всякое бывает в семьях.

Мы тогда тоже были детьми, и не отдавали себе отчета в своих поступках. Успокойся, нет у меня к тебе никаких обид и претензий. Давай посмотрим на эту ситуацию с другой стороны. Если бы с нами не произошел этот казус, наша жизнь сложилась бы совсем по-другому. Вы со Степкой не попали бы в тюрьму, а я не стал бы военным. Неизвестно, кем бы я стал в жизни. Могло случиться так, что мы бы втроем сидели в какой-нибудь зоне и чифирили. Хотя, мы и так сидим в тюрьме и пьем чай. Извини, не знаю, что с нами делает судьба. У меня от этих совпадений сплошной бардак в голове. Не грусти, Ваня, — хлопнул он того по плечу, — на волах судьбу не объедешь. Нам, видимо, на роду написано сидеть в тюрьме.

— И, правда. Вот ведь как судьба распорядилась. Сначала, мы тебя убиваем, но тебя спасают, затем ты спасаешь Степку, а теперь мы с тобой сидим в этой богом забытой глуши, и ведем разговор о превратностях судьбы, и ты возрождаешь меня к жизни.

— погоди, братишка. Это как же я тебя возрождаю, ну-ка поясни.

— Очень просто. Мы со Степкой после суда старались ни с кем об этом не говорить, даже между собой. Все старались забыть это как страшный сон. Не знаю, как Степан, но я забыть так и не смог. Меня всю жизнь преследовал один и тот же сон, как мы бросаем тебя в реку. У меня даже сейчас стоит перед глазами картина. Твои испуганные глазки, и просьба — не надо братики — а этот истошный крик Варьки. Разве можно такое забыть. Такое, брат, не забывается никогда. Я просто смирился с этим. Можно сказать, что принял это как кару за содеянное, вот и все. Я по молодости не хотел ворошить прошлое, но оно постоянно мне напоминало о себе. Позже я после очередного сна, стал анализировать тот случай и причину, по которой все это произошло. Ты правильно говоришь, что в формировании судьбы не последнюю роль играют родители. Я потом только понял, что большая часть вины за содеянное нами, лежит на плечах нашей матери.

— Почему ты считаешь, что виновата именно мать? Ведь в вашу семью меня принес отец.

— Не в этом дело. Отца вполне я понимаю. Поставь себя на его место. На твоих глазах убивают молодую пару. Женщина, зная, что погибнет, прячет ребенка от душегубов.

Молодой отец, умирая, просит прохожего спасти своего сына, и позаботиться о его судьбе. Человек у изголовья умирающего, дает ему клятву выполнить его просьбу, обещая, что среди троих его детей, всегда найдется местечко и для четвертого. Естественно, дав умирающему слово, он не мог отдать ребенка в приют, а оставляет его в своей семье, решив до конца выполнить свой долг. Теперь скажи, а как ты поступил бы на его месте?

— Наверное, так же, — задумчиво сказал Антон.

— Вот и я считаю, что отец поступил правильно, как подобает настоящему мужчине. Но мать была совсем другого мнения. Она по своей, наверное, глупости, стала ревновать отца, хотя прекрасно знала и знала вся округа, как оказался ты на руках отца. Но она наотрез отказалась тебя принять. Вот тогда наша Варька заменила тебе мать. Она хоть и была еще маленьким ребенком, но заботилась о тебе не хуже других матерей. Мать со своей стороны при каждом удобном случае кляла отца, как могла. Я порой задумывался, став уже взрослым, почему она вышла за него замуж. Будучи еще подростком, я уже стал понимать, что она не просто не любила отца, а ненавидела всей душой. Почему, не спрашивай, не знаю. Понял я это будучи уже взрослым. Тогда в детстве я не задумывался над этими вопросами. Видел я, как после нападок матери отец выходил на берег реки и долго там сидел в одиночестве, куря самосад, самокрутка за самокруткой. О чем он думал в такие минуты, я, конечно, не знаю. Ты, наверное, помнишь, что отец потерял часть ноги на фронте?

— Помню, но очень смутно.

— Я помню, когда он вернулся, то в первую очередь выстрогал себе деревянный протез, и хоть сильно хромая, но все же обходился без костылей. Помню, что он редко спорил с матерью. Был довольно тихим человеком. Председатель предложил ему работать шорником, все равно на другие работы он не годился. Отец быстро освоил новое для него ремесло. Шил или ремонтировал сбрую для лошадей, шил хомуты и седла. Иногда его просили починить обувь.

Так мы потихоньку кормились. Отец из кожи вон лез, чтобы прокормить семью. Я помню только то, что, когда я ложился спать, он работал, и когда я вставал, он работал. И все равно мы жили впроголодь. Да в те военные годы все так жили. Мы с братишкой тоже промышляли силками, но все равно в доме чего-нибудь да не хватало. Мать была в своем репертуаре, пилила отца, да тебя проклинала. Она все время выговаривала отцу, что все беды в нашей семье от тебя, что ты в семье лишний рот, и скоро мы все помрем с голода. Естественно, так долго продолжаться не могло. В один момент у отца нервы не выдержали. Отец забрал тебя и ушел из семьи.

Варька не стала долго думать. Она тайком собрала кое-какие вещи и убежала вслед за отцом. Мне кажется, что постоянные нападки на тебя были основной причиной для ее побега. Ко всему прочему, она просто прикипела к тебе, и разлука с тобой для нее была бы не переносимой. Спустя время, я также собирался убежать, уж слишком надоели мне ее постоянные крики и придирки вместе с подзатыльниками. Остался я лишь потому, что Степка уговорил меня, сказав, что рассчитывает в ближайшие годы вообще уехать ближе к Москве. Вы хоть и жили отдельно, но все равно ты часто пытался ходить вместе с нами. Где бы мы не находились, ты каким-то образом находил нас. Они и понятно. Ты еще многого не понимал, и продолжал нас считать родными братьями, и старался держаться рядом с нами. Но нам-то за эти годы мать вбила в голову, что именно ты являешься источником наших бед. Мы ведь также являлись еще детьми и многого не понимали.

Это понимание пришло к нам гораздо позже.

А в тот день мать сильно ругалась. Она к тому времени часто стала выпивать. В тот роковой день она опять была навеселе и начала проклинать не только вас, но уже и нас. Чтобы не выслушивать ее пьяных скандалов, мы со Степаном решили убежать на рыбалку.

Настроение, как ты понимаешь, было мерзким. Тут на нашем пути, как на грех, ты с Варькой появился. Увидев у нас в руках удочки, стал канючить взять тебя с собой. Степка сильно разозлился и заорал на меня, мол, бери его за ноги. Я тогда даже не успел сообразить, как ты уже оказался в воде. Пришел в себя от варькиного крика, но было поздно, дело было сделано.

Потом начались поиски, нас увезли в район. Тебя так и не нашли, а нас определили в малолетку.

А теперь представь, как повела себя наша мать. За все это время она не проронила ни одной слезинки. На суд она также не пришла. Зато пришли отец с Варькой. Пока шел суд, я видел, что Варька все время тихонько плакала. Отец все это время нервно теребил кепку в руках, но не произнес ни одного слова, только когда нас конвой уводил, он подошел и тихо сказал:

— Что же вы, детки, натворили, в один миг столько людей загубили.

Я тогда не понимал, что он имел в виду. Теперь понимаю. Родителей я больше не видел. С Варькой я встретился в тайне от Степана. Она в то время еще не была замужем. Разговаривать со мной особенно не хотела, но все же рассказала, как умерли родители. Не знаю почему, но в то время о матери я не сожалел, а вот отца очень было жалко.

Я долго сидел на берегу речки, помянул его как мог, затем зашел к Варьке, пытался ей денег оставить, но она отказалась и выгнала меня, сказав, что не нужны ей бандитские деньги. Поверь, я не обиделся на нее. Я поставил себя на ее место и понял, что сам поступил бы также. Все-таки на нас висела вина за смерть родных. После очередной отсидки, я вновь пытался послать ей деньги, но они вернулись. Не захотела она принимать мою помощь. Вот так, братишка, это все, что я знаю.

— Да, в этом плане Варюша — гордый человек. Я пока учился в Рязанском училище, каждый год приезжал на каникулы, и каждый раз заезжал к ней. Потом, когда меня стали бросать по командировкам, уже стал бывать реже. Но зато, когда я появлялся в Союзе, непременно посылал ей переводы. Видишь ли, я в командировке был на полном обеспечении, а на родине мое довольствие перечислялось на мой счет. Тратить деньги мне особенно было не на кого, да и некогда. Я ведь до сих пор одинокий. В то время, кроме нее у меня ведь никого близкого не осталось, я потому и старался помочь ей, как мог. Я одинокий, а у нее семья, дети, а в деревне, ты сам понимаешь, не особенно зарабатываешь.

— Вот судьба какая, ты от рождения сиротой стал, а я при родителях сам себя сиротой сделал. Ничего, отсиджу свой срок, обязательно поеду на родину. Найду Варьку, стану перед ней на колени, и буду стоять до тех пор, пока не простит меня. У меня ведь, как и у тебя, кроме нее нет никого на свете. По большому счету, мы втроем и остались в какой-то мере родными. Вот я и решил, поеду на родину, поселюсь в глухой деревне и буду спокойно доживать свой век.

— А сможешь спокойно жить?

— Раньше не мог, а теперь непременно смогу. Я прекрасно понимаю, что кореша не дадут мне спокойно жить. Обязательно завлекут в очередную авантюру. Ты ведь знаешь, что в нашей среде не так просто соскочить. Но я решил твердо спрятаться от дружков в самой глухомани. Наши родные места, как нельзя лучше подходят для этого. Меня даже наша

деревня вполне устраивает, мне много не надо. К шикарней жизни я не приучен, я ее просто не понимаю, проведя всю жизнь за решеткой, а скромно жить я могу. Особенно в этом я уверился, когда сейчас узнал, что ты живой. Так что, досижу свой срок и на волю, а там начну новую жизнь. Поверь, не хочется умирать в зоне.

— Вань, а тебе много стало?

— Еще два года.

— А я, грешным делом хотел предложить тебе, рвануть вместе на волю.

— Нет, Антоха. Я решил отсидеть все по полной. Пойми, не хочу, чтобы у меня менть на хвосте сидели. Хочу спокойно хоть в старости прожить. Не так уж много мне осталось. А вот на счет тебя нужно подумать. Пятнадцать лет — это, брат мой, не шутка. К тому же послушав тебя, я пришел к выводу, что ты вообще из этой зоны не выйдешь. Или будешь вечно сидеть, или тебя закопают в вечной мерзлоте за забором нашей зоны.

— Я прекрасно это понимаю, поэтому и хочу сорваться, но пока не знаю еще, как это сделать.

— Конечно, бежать отсюда можно, но вот до цивилизации добраться еще никому не удавалось. Ты сам видишь, что охрана у нас не такая как в других зонах. У нас сама тундра заменяет охрану. Летом здесь опасные болота, зимой убивает расстояние и холод. Немаловажную роль играют в этих краях полярные волки. А самое главное, к поискам привлекают местных оленеводов, а это специалисты высшего ранга. Они знают тундру лучше, чем мы собственный дом. Многие пытались бежать, но, насколько я знаю, еще никому не удавалось добраться до большой земли живым.

— Пойми, Ваня, у меня нет другого выбора. Мне нужно бежать и как можно быстрее. Время работает против меня. Все же я хочу попытаться, с чем черт не шутит, может мне и повезет. К тому же, я специалист по выживанию, и уверен, будь у меня теплая одежда и хороший запас продуктов, я сумею выбраться на большую землю. Думаю, что бежать лучше всего, когда наступит полярная ночь. Следы я сумею запутать, главное, что с вертолета будет трудно меня заметить. Я думаю, что уходить надо не сразу на большую землю к людям, а держать курс на восток. Там расстояния большие между кочевьями. Ни один нормальный поисковик даже не подумает, что беглец пойдет среди зимы на такой риск.

— В этом есть рациональное зерно. Имея такие способности, возможно, ты и прав. Я с своей стороны думаю по-другому. Сейчас тебе не надо дергаться. Ты сейчас должен вести себя тихо и покладисто. Тебе не надо ввязываться ни в какие конфликты. Прояви себя только с самой лучшей стороны. Братва, конечно, не любит таких, но это моя проблема, я обеспечу тебе неприкосновенность со стороны горячих голов.

— А что ты можешь сделать?

— Ничего особенного. Я через своих шестерок пушу слух среди основной братвы, что ты в Подольске держал мазу за братву против красноперых. Это будет для них неплохим стимулом, но все равно, ты должен держаться от всех подальше. Не груби, не задирайся, будь совершенно спокойным ко всяким недоразумениям, остальное решу я. У меня теперь будет одна задача, как тебя устроить на работу за колючку. Если мы сумеем тебя устроить в поселке, там будет больше возможностей подготовиться к побегу.

— А разве зеки в поселке работают?

— Конечно. Наши работают в гараже. Есть у нас и бульдозера и скреперы. Есть разные автомобили. Там же вместе с гаражом есть котельная. Ее обслуживают заключенные. Есть электростанция и пилорама. Правда пилорама зимой редко работает, но тебе туда не надо.

Туда рабочих водят под конвоем. Вот остальная обслуга ходит без конвоя, даже на ночь остаются дежурить без конвоя, но это самые благонадежные. Вот мне и предстоит задача устроить тебя к благонадежным.

— Как же ты сможешь это сделать?

— Вот видишь, оказывается, не во всем ты разбираешься. Дело в том, что ни одна администрация не обходится без поддержки пахана зоны. Так уж устроена система. Не будь смотрящего, вертухаи сами с зеками не справятся. Вот через администрацию я постараюсь тебя вытащить. Твое дело сидеть тихо и не высовываться. Не проявляй сам никакой инициативы. Пусть инициатором станет администрация. Сейчас для меня главное, чтобы подвернулся подходящий случай. Короче, ты меня понял, сидеть тихо, не высовываться.

— Я понял тебя. Быть тихим и кротким я смогу.

— Вот и хорошо. Подвернется случай, мы определим тебя за колючку, там ты сам осмотришься. Ты парень умный, продумаешь, как уйти. Будут вопросы, обращайся, чем смогу помогу.

— Теперь я понял. Моя задача попасть в поселок, а самое главное, чтобы со стороны зоны подлянки не случилось.

— Хорошо, что понял. Теперь еще одно. Со мной часто не встречайся, делай вид, что у нас с тобой совсем нет никаких отношений.

— Почему?

— Это вызовет подозрение у братвы, а среди них обязательно найдется крыса. Теперь понятно?

— Теперь понятно. Но если вдруг мне понадобится срочно с тобой связаться?

— Тогда шепнешь кому-нибудь из моих пацанов. Я буду знать, и сам найду тебя, а с кем нужно я тебя познакомлю.

Вдруг дверь открылась, в комнату вошел Хром.

— Буза, уже подъем был, скоро всех на проверку станут выводить.

— Спасибо, братишка, иди, мы скоро тоже подкатим, — когда за Хромом закрылась дверь, Иван продолжил. — Я говорил, что разговор у нас будет долгим, ночь прошла, а мы и не заметили, а тебе ведь еще и на работу нужно. Ты как выдержишь? Или мне отмазать тебя?

— Ничего, выдержу. А вот отмазывать не надо. Ты сам говорил, что нам лишние разговоры ни к чему.

— Молодец, Антоха, правильно усвоил урок. Пошли, у нас впереди еще будет возможность продолжить наши воспоминания.

Прошло больше месяца. Антон продолжал работать в цехе. Он добросовестно трудился. Когда среди заключенных вспыхивал конфликт, никогда не вмешивался. Он отходил дальше, продолжая работать.

Благодаря стараниям Ивана, его никто не цеплял. Поэтому, видя его поведение и старательность, конвоиры меньше стали обращать на него внимания. Они лишней раз его не понукали, а в последние дни вообще перестали его замечать. Иван, со своей стороны, через помощников так же отслеживал его поведение и одобрял то, как Антон ведет себя.

Лето было уже на исходе, как однажды всю зону еще до подъема построили на плацу. Началась перекличка. Среди зеков послышался шепот, что совершен побег.

Шло время, заключенных не распускали. Среди зеков стал нарастать гул недовольства. Когда эта выстойка затянулась на пять часов, роптать стали даже самые стойкие, которые больше всех одобряли побег.

Охрана за это время обыскала каждый закуток, как в самой зоне, так и в самом поселке на заводе. Беглец как в воду канул. Поисковая группа вернулась без результата. Видя это, многие воспаряли духом, решив, что сейчас всех распустят по баракам, а охрана продолжит поиски только за территорией зоны. Но надежды рухнули, когда на плац вышел начальник лагеря.

— Вы, подонки, будете стоять здесь до тех пор, пока мы не найдем эту сволочь. Я хочу знать, где он в данный момент скрывается, и кто ему помогал.

Из толпы слышались вопросы: кто бежал, когда бежал.

— Я отвечу на ваши вопросы. Бежал Свиридов, лагерный номер 11267, вы его хорошо знаете, но для тех, кто не знает, скажу, это настоящая мразь, насильник и детоубийца. На его совести десятки изнасилованных и убитых детей. Поймите, он не только насиловал детей, но он расчленял их. Будь моя воля, я таких расстреливал бы на месте, а не содержал в зоне. И вот эта мразь ночью бежала с рыбзавода. Теперь за его побег вы все будете наказаны. Если мы будем искать его неделю, то вы все проведете эту неделю на этом плацу.

Закончив свою речь, начальник круто развернулся на каблуках и ушел за территорию. На плацу вместо него остался заместитель.

Шум нарастал с каждой минутой. Толпа была уже на грани взрыва, но вдруг из толпы раздался зычный голос, заглушив гул толпы.

— Начальник, можно слово сказать?

— Кто там? Можешь выйти, если будешь говорить по делу.

Перед строем появился Хром. Антон узнал его сразу, но не предполагал, что у этого парня столь зычный голос. Хром вышел, повернулся к строю и начал свою речь.

— Братва, неужели мы из-за этой мрази будем терпеть такие муки. Я понимаю, что постоять за хорошего товарища сам бог велел. Я недоволен тем, что нам приходится отвечать и мучиться за какого-то маньяка. Будь он вором, я сейчас стоял бы рядом с вами, а не надрывался вместо паровоза. Вы только подумайте, ведь это маньяк и убийца наших детей. А где гарантия, что, добравшись до большой земли, он не начнет снова убивать наших беззащитных детишек. Я допускаю, что у многих из нас здесь стоящих нет своих детей, но они есть у наших друзей, родных и близких. Некоторые из друзей, так же как мы, возможно, чалятся где-то на Колыме, и не имеют возможности защитить своего ребенка от этого

изверга. Я предлагаю, если кто-то знает о побеге и поможет красноперым, то это будет великим вкладом в общее дело всей нашей зоны.

Под гробовую тишину Хром прошел на свое место. Вся зона молчала. Из строя вышел Буза. Весь строй с вниманием стал наблюдать за происходящим.

Буза подошел к замполиту, и в течение пяти минут беседовал с ним о чем-то. Затем повернулся и крикнул в толпу:

— Седой, есть такой, пусть подойдет.

По толпе пробежал ропот, затем все расступились, пропуская Антона вперед. Подойдя к ним, Антон остановился, скрестив руки, как и положено за спиной. Замполит внимательно посмотрел на него, затем спросил.

— Ты что, правда, хороший следопыт?

— Я не следопыт, но зато хороший охотник. Я могу прочесть любой звериный след, в том числе и человеческий.

— Это сути не меняет. Мы с Бузой посоветовались и решили, что ты примешь участие, как следопыт в поисках беглеца.

— Не могу гражданин начальник.

— Это почему ты не можешь, позволь спросить тебя?

— У меня целая пятнашка впереди. Мне долго здесь париться придется, а настраивать братву против себя я не хочу. Вы охрана. Это вы его упустили, вам его и искать.

— Буза, как это понимать?

— Начальник, сейчас все решим, — довольный ответил Буза.

Он мысленно поблагодарил Антона за то, что он правильно поступил, отказавшись сотрудничать. Затем он повернулся к строю и громко начал свою речь.

— Братва. Вот стоит перед вами Седой. Он по натуре охотник и классный следопыт. Кум просит его помочь им в поисках, но Седой отказывается. Он не хочет помогать красноперым, говорит, что без вашего одобрения с места не сойдет. Будет стоять вместе с нами. Что вы на это скажете?

Из толпы послышались выкрики.

— Пусть идет, мы не против.

— Надоело стоять, пусть идет, мы даем свое согласие.

— Да такую гниду пусть ищет, только дайте ему автомат пусть пристрелит его.

— Начальник, когда найдете, вы его нам отдайте, не пожалеете.

— Вот видишь, Седой, — прервав толпу, сказал Буза. — Весь народ тебя просит. Если можешь, помоги, а мы всем миром за тебя встанем.

— Хорошо, — громко ответил Антон, — если народ просит, я помогу. Пусть меня введут в курс дела.

— Тогда не будем терять время. Нам нужно как можно быстрее найти его, иначе к концу дня придется доложить наверх. Одна из поисковых групп находится за поселком. Сейчас мы поедем туда, а по дороге я постараюсь ввести тебя в курс дела.

— Я понимаю вашу торопливость, поэтому приложу максимум усилий, чтобы помочь вам.

Надрывно гудя мотором, УАЗ, с трудом преодолевая глубокие броды, мчался по накатанной дорожке вдоль побережья на юг.

Преодолев порядка двадцати километров, вскоре увидели на берегу моря группу военнослужащих. Это была поисковая группа. Среди десятка солдат были две свирепые

овчарки с кинологами. Командовал поисками майор Комов. Это был высокий сухощавый человек, с явными признаками алкоголизма на лице. Комов уже был в курсе, зачем появился на побережье этот зек.

— Давай, хлопец, приступай к делу, — начал он с места в карьер, после того как его замполит представил ему.

— Если меня сюда привезли, то можно я немного покомандую вашими солдатами?

— Я не против, командуй, лишь бы толк был.

— Тогда так, пусть все останутся у машины, а кто-нибудь, покажет мне место, где были потеряны следы.

Стоящий рядом с ним сержант, подвел его к кромке воды и указал на оставленный на берегу след от сапога.

— Вот, на это место нас вывели собаки. Дальше следы теряются. Мы прошли в обе стороны, но следов больше не обнаружили.

— Хорошо. Ты стой в сторонке и постарайся не топтаться, а я поищу следы.

Антон приступил к поиску. Берег был в основном каменистым, но у самой кромки воды шла узкая полоска песка. Антон долго шел вдоль берега, внимательно вглядываясь в береговую полоску.

Он понимал, что беглец должен был оставить на ней свой след, ведь уже прошла фаза отлива, значит, если остался след, то его волны не могли смыть. Следов лодки он не заметил, поэтому пришел к выводу, что беглец просто шел по воде, вдоль берега.

Антон вошел в воду и как беглец шел, внимательно вглядываясь в береговую полосу, особенно в места между остроконечными камнями. Антон понимал, что беглец, выйдя на берег, не станет наступать на острые камни, и обязательно оставит след между ними.

Антон прошел около двухсот метров, когда заметил между двух небольших камней маленький круглый отпечаток, сантиметров пять в диаметре. Изучив внимательно этот отпечаток, он стал искать другой похожий на него и вскоре нашел. Такие же отпечатки были еще. Они вели вглубь полуострова.

Вскоре следы стали более отчетливыми. Догадаться было нетрудно, следы оставили деревянные ходули, такие использовали циркачи на ярмарках. Антон внимательно изучал сухую растительность и, пройдя еще пятьдесят метров, заметил след от сапога. Склонившись над следом, понюхал траву, растущую рядом с ним. В нос ударил резкий запах перца и дешевого табака.

Идя по следу, Антон подумал, что он имеет дело с хорошим специалистом, который, по его мнению, возможно, преподнесет еще сюрпризы. Идя по следу, он вскоре заметил, что больше не встречаются крупинки табака. Тогда он остановился и подозвал основную группу. Дождавшись кинологов, попросил не подводить собак близко к следам.

— Майор, мне нужен солдат и собака. Выбери, какая из них лучше всего идет по следу.

К нему подошел сержант, держа собаку за поводок. Собака рычала и лаяла на Антона. Это было не удивительно, все собаки надрессированы на заключенных. В них они видели потенциальных врагов.

— Фу, Граф. Нельзя, кому говорю.

Собака, вроде бы слушалась хозяина, но все равно рвалась.

— Не надо, сержант, я сам попробую.

Антон присел перед собакой и посмотрел ей в глаза. Они оба смотрели друг на друга, не шевелясь. Так продолжалось несколько секунд. Затем собака стала вилять хвостом и

потянулась к Антону за лаской. Антон погладил ее по голове и, не глядя на оторопевшего сержанта, взял поводок в руки.

— А теперь, Граф, пойдём поищем следы, — подведя его к следам, попросил, — я понимаю, мой хороший, что следы довольно старые, но ты постарайся, нам это очень нужно.

Граф несколько секунд принюхивался, но вскоре взял след. Антон бросил поводок сержанту, а сам направился к майору.

— Ну молодец, — закричал Майор, — нашел-таки след.

— Нашел, но только бегать я за ним не буду.

— Да, что ты, какое там бегать, у нас есть, кому бежать. А ну молодцы, бегом в погоню, — погнал он группу вперед по следу. — А мы с тобой, лучше на вездеходе следом поедём, а то вдруг след снова потеряют.

Погоня продолжалась в течение нескольких часов. Солдаты не могли выдержать такой темп. Чтобы дать им хоть какой-то отдых, приходилось их подсаживать на вездеход. Кинологи сменялись каждые полчаса.

Все же всему приходит конец. Вскоре на горизонте увидели бредущую фигуру человека. Даже издали было заметно, как человек устал. Собаки, почуяв приближение конца погони, с невероятной яростью стали рваться вперед, почти волоча своих поводырей, у которых уже не оставалось больше сил выдерживать такой темп.

Вскоре они не выдержали, и Комов приказал отпустить поводки. Антон, увидев это, отвернулся. Ему не хотелось смотреть на то, что должно было произойти.

В его голове как молния мелькнула мысль, может случиться, что в будущем и он окажется на месте этого несчастного. В глубине души, он не испытывал к нему жалости, но быть на его месте не хотелось.

Вот так закончилась эта история с побегом. По возвращению в лагерь, Антон получил устную благодарность от начальника лагеря за помощь в поимке особо опасного маньяка. Судьбой беглеца он не интересовался. Даже среди заключенных не было никаких слухов по этому поводу. Беглеца никто больше не видел.

Время шло своим чередом. Постепенно Антон привык к новым условиям жизни. Следуя совету Ивана, дружбу не заводил, конфликтов всегда избегал. Отношения с заключенными были ровными.

Такое мирное поведение помогло ему не завести врагов. Пусть и не большой, но все же авторитет он заработал в среде зеков. Многие, зная его образованность, при возникших спорах подходили к нему с различными вопросами. Антон терпеливо им объяснял суть их вопроса и как избежать непонимания между собой. Он старался в таких моментах держать нейтралитет, и люди понимали его позицию, поэтому он и не завел себе врагов.

За все это время с Иваном они встречались всего пару раз, и то буквально на пару минут, не больше. Поэтому, сколько Антон не прислушивался, никто не заикался по поводу его знакомства с паханом зоны. Этого как раз они с Иваном и добивались.

Осень подошла быстро и незаметно. Дни стали намного короче, стали часто идти дожди со снегом. Промозглый, насыщенный соленой влагой морской ветер пронизывал своим холодом до самых костей. В такие дни стало совсем неуютно находиться на улице, поэтому все старались больше времени проводить в помещении. Даже отрядные по утрам и вечерам старались сократить время на переключку. Они тоже были живые люди и мерзнуть им не хотелось.

Однажды через посыльного Буза вызвал его к себе. После взаимных приветствий спросил:

— Антоха, ты что-нибудь понимаешь в электричестве?

— Я разбираюсь не только в электричестве, но хорошо знаком с электроникой. А почему тебя это интересует?

— Замечательно. Нам сама фортуна улыбнулась. Ты, наверное, слышал уже, что на подстанции произошла авария, и теперь один генератор вышел из строя.

— Кое-что я слышал, но причем здесь это?

— Как причем. Электростанция автономная. Там стоят два танковых двигателя, они через генераторы подают напряжение не только на зону, но и на весь поселок, а самое главное, что от них работают и рыбозавод, и наш швейный цех.

— Я это понимаю, но я не пойму каким это боком касается меня.

— Антоха, вот мне в тебе все нравится. Ты специалист хороший, начитанный, грамотный и самое главное, это то, что ты умеешь, на мой взгляд, все сделать, за что возьмешься. Обидно то, что когда речь идет о простых вещах, извини, но ты дуб дубом.

— Не зазнавайся. То, что генератор нужно починить, я догадался. Но я, что по-твоему, должен подойти сейчас к часовому и сказать, прости, парнишка, мне срочно надо отремонтировать подстанцию, открой быстрее ворота. Ты это предлагаешь?

— Еще раз тебе говорю, прекрати надо мной издеваться. Ты лучше слушай меня, не перебивая. Умные речи скажешь потом. Нам выпал шанс, и мы должны им воспользоваться. Понимаешь, сейчас на электростанции работает один молодой баклан. Дело в том, что этот малец, немного туповат для такой работы, да к тому же лень раньше него родилась. Оказывается, что спец, который с ним работал впаре, три недели тому назад откинулся вчистую и спокойно живет у себя на родине. А этот ботаник, по всему виду, просто запарол генератор и чинить его будет до скончания века. А теперь представь ситуацию, если

остановится второй дизель. Мы же здесь все перемерзнем. Долго один дизель не выдержит, слишком большая на него нагрузка. А теперь самое главное. Замначальника по тылу, это ты так сказал бы, а мы говорим проще, завхоз. Так вот, этот завхоз усиленно ищет специалиста для ремонта генератора. Вот от того, как ты отремонтируешь эту проклятую железяку, зависит, останешься ты работать на электростанции или нет. Я со своей стороны подготовлю почву для того, чтобы он на тебя вышел. Теперь понятно? Или еще вопросы будут, умник ты мой.

Антон не стал долго задерживаться, он дал согласие и обещал, что не станет сильно сопротивляться перед завхозом, дабы сделка не сорвалась. Не прошло и двух часов, как в цехе появился Сивый, так зеки окрестили капитана Сивоконь Павла Григорьевича. Это был высокий худощавый человек с добрыми глазами и покладистым характером. Служба в системе охраны лагерей на его характере не отразилась. Он ни на кого не кричал, был всегда спокоен, не злоупотреблял своим положением. Самое большее, что он мог себе позволить, то это в сердцах, когда его начинают выводить из себя, он скажет.

— Не болуйте, хлопцы, бо я вас сильно накажу.

Но, как правило, на этом все ограничивалось. За доброту его зеки уважали и старались не подставлять его перед начальством. Он со своей стороны старался сделать все возможное для заключенных. А именно, продукты не воровал, соблюдал рацион. Если для людей должно выделяться определенное количество продуктов, он выделял все до последнего грамма. На этой почве у них с начальником, который был всегда вороватым человеком, не раз возникал конфликт.

Вскоре, он понял, что Сивого не переделать, перестал к нему обращаться с сомнительными делишками. На его предложения Сивый, как правило, отвечал:

— Вы, начальник, не приставайте ко мне. Не хочу я на старости лет руки свои поганить. Мне до пенсии считанные месяцы остались служить. Выйду в отставку, тогда делайте что хотите, это уже будет не мое дело.

Антон подметал пол в цехе, когда к нему подошел Сивый.

— Ты, Седой?

— Да, я.

— В электричестве разбираешься?

— Да, и не плохо.

— Сможешь разобраться в дизель-генераторах, те, что устанавливаются на электростанциях? У нас генератор полетел, нужно отремонтировать. Ты как, сможешь?

— Если будут запчасти, то смогу.

— Тогда бросай свою метлу и пойдем со мной.

Капитан отдал нужные распоряжения бригадиру смены. Выйдя за ворота, Антон почувствовал, что здесь дышится совсем по-другому. Сердце в груди екнуло и забилося, как ему показалось, совсем в другом ритме.

Он слегка замедлил шаг, стараясь запомнить, все, что его в данную минуту окружает. Он опытным взглядом отмечал все детали, включая незначительные мелочи, зная по опыту, что мелочей не бывает.

— Давай поторапливайся, этими красотами еще успеешь налюбоваться.

От ворот зоны до места они шли не более десяти минут. Антон думал, что электростанция — это отдельно стоящее помещение, но это было не так. На самом деле, он увидел длинное каменное строение с множеством ворот. Как позже он выяснил, в этом

строении находился гараж для многочисленной техники, здесь же размещалась мастерская по ее ремонту, с одного торца здания размещалась котельная, она отапливала не только зону, но и весь поселок.

С другого торца находилась сама электростанция, а чуть дальше отдельно стоящий барак, сколоченный из горбылей, это была пилорама. Когда они вошли в помещение, первое, что бросилось в глаза, это большой мощности дизеля. Один дизель натужно работал, еле справляясь с нагрузкой. Второй сиротливо молчал, стоя на станине с отброшенным в сторону кожухом от генератора. Второе, что покорило Антона, так это царившая в помещении грязь. Дизеля были покрыты толстым слоем грязи от потеков смазки и солярки. На полу валялся различный инструмент и большие кучи грязной ветоши. У самого окна он увидел грубо сколоченный топчан, на котором возлежал неопрятный человек, читающий замызганную книгу, держа окурок в свободной руке.

Такой бардак не понравился Антону, за то Сивый не обратил на него никакого внимания.

— Ну вот, хлопчик, можешь приступать. Все, что тебе будет нужно, запишешь в этот блокнот, — с этими словами он достал из кармана слегка затертый блокнот с авторучкой и протянул его Антону. — А этот Суслик будет у тебя помощником, — указал он пальцем на ботаника, стоящего у топчана, скромно опустившего голову, — да смотри, это лодырь еще тот. Если не будет работать, вон в углу стоит черенок от лопаты, смело применяй его, только прошу не до смерти.

— А что, по доброй воле он уже работать не может?

— Вот это недоразумение, — капитан пальцем указал на Суслика, — напоминает мне известное высказывание.

— И какое, если не секрет?

— Что ежик — это птица гордая, пока не дашь пинка, сама не полетит.

— Ну, если проблема только в этом, то уверяю вас, у меня еще не такие летали. Полетит и этот.

— Вот такой расклад мне по душе. Занимайтесь, мужики, а я минут через двадцать наведаюсь еще, — с этими словами он вышел.

— Ну что, помощник, давай знакомится. Меня Седым зовут.

— Знаю, а меня Суслик, — буркнул в ответ он.

— Вот и познакомились. Теперь вставай и вводи меня в курс дела.

— Да что тут показывать, сам смотри, видишь щетки на генераторе сгорели, да еще пульт управления замкнул, — при этих словах, он продолжал пялиться в книжку, отвернувшись к стенке.

Видя такое отношение, Антон подошел ближе, схватил Суслика за шиворот, приподнял его на руках, затем тряхнул и резко поставил перед собой.

— Слушай меня внимательно, сморчок плюгавый, и запомни на долгие годы. Я говорю, ты делаешь. Запомни еще один принцип, я дважды одно и то же не повторяю. Если не поймешь с первого раза, то поймешь со второго, но при этом ты выплюнешь все свои зубы. Теперь уяснил мой принцип?

— Понял, — заикаясь от страха, пролепетал Суслик.

— Ну, если ты понял меня с первого раза, тогда давай приниматься за работу.

Антон внимательно осмотрел пульт управления. Записал все, что могло понадобиться, при этом записывал все характеристики нужных приборов. Суслика заставил разобрать

генератор. Вскоре пришел завхоз.

— Ну, как дела у вас?

— Работы много, но страшного нет ничего. Все это подлежит ремонту. Нужно поменять пульт управления, если такого нет в наличии, то я записал, какие приборы нужны. Если вы все это сможете найти, то мне не составит труда, скоммутировать новый пульт.

— Хорошо, — посмотрев записи, сказал завхоз, — пульта, конечно, у нас нет в наличии, а вот приборы с контакторами найдутся, не знаю только такие или нет, но если мы с тобой сходим на склад, то ты сам можешь на месте выбрать все, что считаешь нужным.

— Хорошо, мы даже время сможем сэкономить. А вот, что касается самого генератора, то здесь дела обстоят хуже.

— А в чем дело?

— Сами смотрите. Полностью сгорели щетки якоря вместе с держателями, в результате замыкания пострадал сам якорь. Его придется заменить.

— Да, это настоящая проблема. Щеток таких у меня нет. Есть какие-то, но, мне кажется, большего размера.

— Это не страшно. Мы можем их вручную проточить. Придется попотеть, но я думаю, что подгоним под нужный размер. Самое главное, это коллектор самого ротора.

— Вот с этим будет похуже. У нас таких нет, и думаю, что и ближайшие наши соседи не смогут нам помочь, — Завхоз с сожалением вздохнул. — Нужно подключать Шефа, пусть выходит на министерство.

— Но ведь это займет уйму времени, а я невооруженным взглядом вижу, что второй дизель в одиночку долго работать не сможет.

— Я и сам это знаю, но что делать.

— Где-нибудь в округе вы можете найти хороший токарный станок с токарем?

— Станок у нас в мастерской стоит, и не плохой. Вот только токарь в данный момент на сейнере. Рыбу он ловит, и будет там, пока море не замерзнет. А ты что предлагаешь?

— Ну, это совсем другое дело. Я сам расточу коллектор от нагоревших борозд, а если вы найдете баксидную смолу, то я зашпакую сегменты между контактами, и гарантирую его работу, как минимум, года на полтора, а может и два. И как говорит герой сказки, за столь долгий срок или Халиф помрет, или ишак сдохнет. Я имею ввиду, что за это время, вы сможете выбить из министерства новый генератор.

— Так ты, что, и на токарном станке можешь работать?

— Был у меня в жизни момент, когда мы строили новую тренировочную базу, мне приходилось работать не только на токарном, но и на фрезерном станке. Я понимаю, что я не могу составить конкуренцию настоящему специалисту, но, тем не менее, кое-что умею и я делать.

Все сложилось хорошо. Антон выбрал нужные приборы, расточил коллектор, а пока Суслик собирал генератор, он приступил к сборке пульта управления.

Все это время рядом с ними находился завхоз. Он помогал в меру своих возможностей, но самое главное, обеспечил питанием. Конечно, работы было много, но все же к середине ночи Антон запустил дизель.

Когда он подключил генератор в систему работающего дизеля, всем на мгновение показалось, что рабочий дизель вздохнул с облегчением. Теперь нагрузка была распределена, и дизеля дружно урчали в унисон.

Так за Антоном закрепилась должность главного энергетика. План постепенно начинал

осуществляться.

Теперь они с Сусликом работали посменно. Такое положение вполне устраивало Антона. Суслик по натуре был ленив. Работал только в присутствии наблюдающего. Если рядом с ним никто не находился, он тут же бросал все дела, ложился на топчан с очередной книгой из мира животных, на которых он был просто помешан.

Антон не огорчился по этому поводу, а даже рад был такому помощнику. Он рассудил так, что такой ленивый человек как Суслик не станет лишним раз вмешиваться в его дела. Единственным плюсом, которым Суслик обладал, это отсутствием простого человеческого любопытства.

Поэтому, когда завхоз предложил Антону поискать замену, он вежливо отказался, сославшись на то, что Суслик хоть и ленив, но в электричестве разбирается, а учить другого просто нецелесообразно, да и колония существует для того, чтобы перевоспитывать таких как Суслик.

Завхоз только улыбнулся в ответ. Он сам это понимал, и знал, что под руководством Седого Суслик будет работать старательно, в этом он убедился во время ремонта генератора.

Пользуясь случаем, Антон выпросил у завхоза, известь, краску, доски и столярный инструмент. С помощью Суслика сделали косметический ремонт. Теперь помещение сверкало от свежей краски. Дизеля блестели как новые. Все потеки и грязь были устранены. Антон смастерил новый стол, пару табуретов и новый топчан, чтобы было на чем в ночное время отдохнуть. Были изготовлены тумбочки и стеллажи, на которых аккуратно лежал инструмент и запасные части.

Последним штрихом было то, что он сделал перегородку в помещении, отделив, таким образом, дизеля от остального помещения. Теперь в помещении стало гораздо уютнее и тише. Завхоз, заходя к ним, всякий раз довольно улыбался, не переставая хвалить Антона за порядок и уют.

— Все-таки ты молодец, Седой. На все руки мастер.

— Ну что вы, просто я считаю, что всякий уважающий себя мужчина обязан уметь работать руками. Как говорят женщины, мужская особь обязана уметь забить гвоздь в стенку. Я так же придерживаюсь этого правила. Пусть я не смогу что-то сделать так, как это может специалист, но для себя я должен уметь делать самые простые вещи.

— Я полностью согласен с тобой, но не у всех это получается. У меня, к примеру, руки точно растут совершенно из другого места.

— Это вы наговариваете на себя. И вообще, вы почему такой грустный сегодня, Павел Григорьевич?

— Да, грусть-тоска меня съедает. Ездил к соседям. Хотел дистиллированной воды набрать, да вот незадача, аппарат у них сломался. Пришлось возвращаться несолоно хлебавши. Обидно, отмотал сотню километров, и все в пустую, только время потерял. Теперь снова придется ехать. А мне уже сегодня доктор выговаривал, что вода в больничке закончилась, да и аккумуляторный цех уже несколько дней стоит без воды. А ты спрашиваешь, почему грустный.

— А разве у нас нет своего аппарата?

— В том-то и дело, что нет. Уже пытался выбить через министерство, но, как видишь, воз и ныне там.

— Тогда давайте свой смастерим.

— А ты сможешь? — обрадовано, с надеждой в голосе спросил Завхоз.

— Я считаю, что это будет несложно сделать. По сути, это обыкновенный самогонный аппарат. Если будут нужные материалы и аргонная сварка, то проблем не будет.

— Седой, дорогой ты мой человек. Ты только постарайся, а я для тебя все, что хочешь, достану.

Сивый был прав. Он действительно был снабженцем от бога. Казалось, попроси его, и он розы достанет среди ледовитого океана. Приняв такое решение, они сели за стол вести расчеты. Когда Антон перечислил ему, какие нужны материалы и сколько, Сивый только усмехнулся.

— Все это мне даже искать не придется, на моем складе только птичьего молока маловато, а все остальное у меня есть, и даже в избытке.

— А как у вас насчет аргонной сварки, неужели тоже есть?

— А ты сомневался? Конечно, есть. Просто мы ею не пользуемся, все, что нам нужно, мы варим на заводе. Просто в мастерской нет специалиста, но если ты сумеешь на ней работать, тогда мы установим ее стационарно.

— Тогда прекрасно. Остается последний и самый важный вопрос, где поставим аппарат.

— Вот сейчас и будем смотреть.

Завхоз выбрал из связки нужный ключ и подошел к закрытой двери, одной из двух находящихся в помещении электростанции. Одна дверь всегда была открытой. За ней в особом помещении находились емкости с дизтопливом для генераторов. В стене этой комнаты было окошко, через которое заправщик каждую неделю пополнял емкости топливом.

Другая дверь всегда была закрытой. Вот ее завхоз стал открывать. Эта комната была такая же, как и сама электростанция по объему. Кроме паутины и пыли в комнате стояли два слесарных верстака с тисками, большой еще со сталинских времен сверлильный станок и настольный наждак. Было видно, что в этом помещении пару десятков лет назад была слесарная мастерская.

Кроме этого в помещении было еще одна дверь, правда, закрытая странным образом. Сама дверь должна была открываться внутрь этой комнаты, но она была зажата тяжелой металлической пластиной на болтах, которые проходили сквозь стену. По-видимому, с наружной стороны, она была закрыта на навесной замок. Еще одна деталь привлекла внимание Антона. В комнате было окно, которое не просвечивалось, хотя в раме были простые стекла.

— Павел Григорьевич, да это превосходное помещение для нашего аппарата. Мы установим аппарат, рядом нужно поставить емкость для воды. Есть место для сварочного аппарата. Вообще мне здесь очень нравится. Привести помещение в надлежащий вид, и будет для нас превосходная мастерская. Меня только дверь смущает и окно.

— А что в них не так?

— Как-то уж непонятно дверь закрыта, и окно, оно есть, но почему-то не просвечивается. Было бы неплохо, если бы через нее дневной свет пробивался.

— Понятно, что тебя смущает. Дверь так закрыта потому, что за ней находится личный гараж Шефа. Это он приказал так ее закрыть, а вот окно не просвечивается, потому что за ним находится мой склад со всяким неучтенным скарбом. Ты ведь понимаешь, что у каждого завхоза найдется такой склад. Много, что со временем списывается, я не выбрасываю, а собираю в этом складе. Вот в данный момент там находится нужная нам емкость для воды, и

это хорошо, что не придется ее искать у соседей.

— А вы действительно хороший хозяин.

— Вообще, я считаю, что у хорошего хозяина и бычий хвост сойдет за веревку. Ну, не будем об этом. Вот держи ключ, и прошу тебя, когда мы все наладим, старайся дверь держать закрытой, так мне будет спокойнее. Все-таки не хочется, чтобы твой лодырь устроил здесь пожар или другие катаклизмы.

Антон ликовал в душе. Теперь он постарается показать себя с наилучшей стороны, и сделает все возможное, чтобы стать в промзоне незаменимым. Он рассчитывал войти в доверие так, чтобы можно было находиться на рабочем месте, по возможности, круглые сутки, не вызывая ни у кого подозрения.

Когда Суслик пришел на смену, Антон составил ему список работ, которые он должен выполнить. Работа его заключалась в уборке и покраске помещения. Без списка, Антон по опыту знал, Суслик не сделает ничего. Даже имея перечень работ, он умудряется оставить какие-то мелочи, мотивируя это тем, что времени на всю работу у него не хватило.

Понимая натуру такого никчемного человека, Антон знал, что Суслик, таким образом, старается утешить себя тем, что последнее слово, вроде бы, осталось за ним. Сам Антон приступил к расчетам.

Спустя пять дней в мастерской уже стоял сварочный аппарат, готовый дистиллятор и первая партия готового продукта.

Сивый был на седьмом небе от счастья. Наконец, его мучения закончились. Ему теперь не придется ездить к соседям и кланяться по всякому поводу. Аппарат не выглядел громоздким, работал четко и надежно.

— Молодец, Седой. Я теперь твой должник. А сколько воды ты сделал пробно?

— Литров десять будет, я думаю.

— Жаль, этого мало. Мне сейчас нужно не менее ста литров.

— Если я останусь вместо Суслика еще на сутки, то думаю, что нужное количество у вас будет, даже с избытком.

— Хорошо, я в зоне предупрежу, и скажу, пусть доктору отнесут хоть малую часть, а то он мне всю плешь перегрыз. А механик пусть завтра к тебе зайдет.

— Вы не беспокойтесь, все будет в норме, вы главное сейчас скажите, пусть бутылки стеклянные принесут, я думаю, что десятка полтора хватит.

— Об этом можешь не беспокоиться, я все организую, — закрывая за собой дверь, крикнул в ответ он.

Теперь Антон был доволен собою. Контакт с завхозом налажен, руководство зоной, посетив электростанцию, осталось довольным проделанной работой. Теперь он мог оставаться в мастерской на несколько дней, ссылаясь на срочную работу. Оборудование за эти недели было хорошо отлажено. У Антона появилось больше свободного времени.

Однажды, обходя территорию, он обратил внимание на свалку металлолома, которая находилась метрах в ста на задворках здания. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что эта свалка находится здесь целые десятилетия. Здесь валялись прогнившие рыбацкие лодки, списанное оборудование с рыбозавода, списанный автотранспорт устаревших марок. Много было бочек и различных поплавков для морских сетей.

Особенно его привлекла разбитая машина «Нива». Видно было, что после крупной аварии, ее притащили и бросили, не разбирая. Основной причиной было то, что ее кузов не подлежал восстановлению. Двигатель был разломан пополам. Но вот, что обрадовало Антона, так это то, что не смотря на снятые колеса, мосты и коробка с раздаткой остались неповрежденными. Ему сразу вспомнились слова Ивана:

— Бежать можно, но только на транспорте.

Сразу мелькнула идея сделать самоходку. Мысли завертелись в его голове. Шасси уже есть, раму можно изготовить из алюминиевых швеллеров, валяющихся по всей свалке, а обшивку можно изготовить из листов емкостей, благо сварка у него уже есть. Остается дело за малым, нужен двигатель и широкие колеса, чтобы самоходка не проваливалась в глубокий снег. Если сделать самоходку, то можно спокойно пересечь полуостров, а затем залив, благо он зимой замерзает, и углубится в материк. Отъехать на такое расстояние, где его не станут искать. А там можно пешком через Коми ССР, а если будут продукты в избытке, то и Урал перемахнуть. Там точно его искать не станут.

Одно его смущало. Чтобы собрать самоходку, необходимо помещение. Где можно работать без посторонних глаз, а такого у него не было. Он несколько дней ломал голову над этой дилеммой, но результат остался нулевым. Единственно, к чему он пришел, так это то, что нужно как можно быстрее снять с машины все детали, которые ему смогут пригодиться.

Он все же опасался, что пока он думает, кто-нибудь из гражданского населения снимет нужные для него детали. Он так и поступил.

В течение нескольких дней полностью разобрал машину, и все, что по его мнению годилось в дело или могло пригодиться, спрятал в верстаках своей мастерской. То, что не поместилось или могло привлечь внимание, спрятал далеко под емкости с топливом. Там было много мазута, от проливающегося топлива при закачке, поэтому туда никто не заглядывал. Единственное уцелевшее стекло от задней двери Антон положил просто на полку.

Продолжая ломать голову над тем, где можно собрать самоходку, он между делом присматривался, где что лежит, и как оно может ему пригодиться.

Так, бывая в гараже, он обратил внимание, что в дальнем углу, где стояла техника, которой очень редко пользовались, лежала огромная стопка колесных камер для больших грузовиков.

Однажды завхоз попросил его передвинуть бочки со смазкой в его складе. Это был не просто склад, а легкая пристройка к основному зданию. Она была довольно больших размеров и с большими воротами.

Работая в этом складе, он обратил внимание, что там большое количество металла. В основном, это были разного размера швеллера и листовая металл. Весь металл был из алюминия. Еще привлекли его внимание странные алюминиевые канистры. У них был

довольно странный вид. Казалось, что взяли крупный шар, сплющили его с обеих сторон, а затем на образовавшийся конус с внешней стороны приварили заливную горловину и две скобы по сторонам, чтобы два человека могли ее нести.

У Антона сразу мелькнула мысль, что если взять такую канистру, распилить ее по конусу и срезать все лишнее, то получится две сферические чашки. Эти чашки можно сварить между собой, противоположными сторонами. Просверлить отверстия в центре под шпильки ступицы, то получится широкий диск для колеса. Остается только подобрать под него саму шину, или изготовить в ручную, благо автомобильные камеры имеются в гараже, да еще в избытке.

Антон решил оставить все это на будущее. Все, что он сейчас увидел, ему должно понадобится, но как заполучить все это он решил подумать, а пока оставить до лучших времен. Он понимал, что нужно терпение, вот только была незадача, времени у него было мало. Через два года Иван может выйти на свободу, и кто знает, как оно обернется. Лишившись поддержки внутри зоны, он может надолго здесь остаться. А долго он ждать не может, в любой момент его могут постараться убрать.

Забегая вперед, можно сказать, что его переживания по этому поводу были напрасными. Оказывается, он уже давно числился для некоторых в списках мертвых.

Дело было так. Когда пришел приказ Завертневу на его устранение, Антон уже работал на электростанции. Завертнев был неглупым руководителем. Из доклада своего зама по снабжению знал, что без Антона ему будет не очень хорошо, уж слишком тот был хорошим специалистом. Его как руководителя больше устраивал живой Антон, чем мертвый.

Понимая, что в стране идут большие перемены, он подменил в деле беглого маньяка его фотографию на фотографию Антона. Подменил отпечатки пальцев и вписал кличку «Седой». Будучи не очень расторопным в работе, он вовремя не сдал дело беглеца в архив, поэтому, когда поступил приказ от кураторов из Москвы, он вспомнил про беглеца, благо тот был похоронен в тихую за территорией зоны, прямо в том месте, где его загрызли собаки.

Теперь ни одна проверка не смогла бы заметить подмены, если не пообщается с самим заключенным лично.

Проверки он не боялся. Официально Антон в его лагере не числился. Провернув такую аферу, он доложил своим куратором, что нужный им человек убит при попытке к бегству. Так же он не опасался и кураторов. Он прекрасно понимал, что никто к нему по этому вопросу не придет. К тому же ему обещали, что в скором времени страна полностью изменится, его вина будет забыта, и он окажется вновь на большой земле.

Но все это Антон узнает гораздо позже. А пока он ежедневно ломал себе голову, что делать и как быть.

За это время он начертил с десятков различных самоходок, но все упиралось в отсутствие скрытого помещения и недостаток материалов. За это время он узнал всю историю существования лагеря.

Однажды разговарившись с завхозом, он узнал, что на этом самом месте еще до войны был большой ГУЛАГ. В помещении, где сейчас жили заключенные, был швейный цех. В этом огромном здании шили меховую одежду для советских летчиков. А в здании, где сейчас гараж и электростанция, был завод по переработке рыбы.

Много лет спустя деревянные бараки, в которых жили зеки, прогнили. Производство сократили, поэтому был построен небольшой швейный цех и маленький более современный

заводик. Так ненавязчиво Антон выяснил все расположения мастерских, и что за темным окном, которому Антон так удивлялся, находится именно тот склад, где он переставлял бочки.

Теперь Антон знал, как можно попасть в нужное место для него, в случае необходимости. Затем, как бы между прочим, спросил:

— А зачем шефу отдельный гараж, он все равно ставит машину в общем гараже?

— В том гараже он хранит свои вещи. Он ведь заядлый охотник. Я, как-то проходя мимо, случайно заглянул в приоткрытую дверь, когда он там собирался на охоту. Мамочка родная, и чего там только нет. Он наполовину забит коробками, меховой одеждой. Есть там и катер с мотором и снегоход. А ты, почему этим интересуешься, уж не собрался ненароком пожить чем-нибудь?

— Павел Григорьевич, как вы могли такое подумать, у меня даже мыслей таких не возникало.

— Не обижайся, это я так пошутил неудачно.

Зато Антону было не до шуток, у него даже план возник, как туда можно незаметно проникнуть, а что там он просто обязан побывать, в этом он не сомневался.

В следующее ночное дежурство, он ножовкой по металлу срезал шляпку болта. Затем дрелью просверлил отверстие в торец болта и нарезал резьбу. Затем, установив засов на свое место, закрутил в отверстие приготовленный заранее болт, с похожей шляпкой. Получилось идеально.

Чтобы заметить такую проделку, потребовалось бы полностью вытащить болт и изучить его внимательнейшим образом. На следующее ночное дежурство, дождавшись, когда пройдет с проверкой дежурный офицер, он позволил себе заглянуть в столь привлекательный гараж. Оказавшись внутри гаража, он понял, что попал в пещеру Алладина.

Ему понадобилось два дежурства, чтобы досконально обследовать содержимое гаража. Аккуратно, стараясь не оставлять следов, он тщательнейшим образом исследовал все, что мог.

Начальник оказался хозяйственным. В гараже было все для охотника-промысловика. Меховая одежда, несколько ружей разного калибра с патронами, были новые лыжи, короткие, широкие и подбитые оленьим мехом. В коробках нашлось много консервных банок с разным содержанием, от рыбных до мясных тушенков, и запас их был огромен.

Для настоящего охотника здесь было все, включая специальные спички, и газовая горелка, для приготовления пищи в полевых условиях. Самой ценной находкой была винтовка с оптическим прицелом, последней разработки концерна Калашникова. Нашлись два ящика с патронами для автомата Калашникова, в которых было по четыре цинка, с тысячью патронами в каждом. Они подходили к винтовке. Это обрадовало Антона. Нашелся даже глушитель, несколько гранат типа РДГ, но гранаты его не интересовали, а вот глушителю он был рад.

Антон исследовал весь гараж от верха до низа. Все осмотрел, единственным недоступным объектом остался простой конторский сейф, с двумя дверками, каких в каждой бухгалтерии ставили повсеместно.

На следующее дежурство он выточил отмычку и все же заглянул в него. И только тогда, когда он увидел содержимое сейфа, он понял масштаб воровства начальника зоны. В сейфе он обнаружил различные долговые расписки, несколько паспортов на разные фамилии. Был среди них даже паспорт американского гражданина на имя Майкла Джеферсона. Но самым

главным там оказалось около семисот тысяч долларов, около двухсот тысяч английских фунтов. Были и советские рубли, но всего тысяч пять, не больше. Зато в отдельном отсеке было шесть мешочков с золотом, примерно по килограмму в каждом, и пистолет ТТ с пятью коробками патронов.

У Антона мелькнула шальная мысль рвануть на снегоходе, но он отогнал ее. Слишком было рискованно. Снегоход непременно начнут искать. К тому же запас хода у него весьма ограничен. А если узнают, что бежал на снегоходе, то поиск могут расширить, а это они сделают обязательно, вот тогда точно постигнет его участь того несчастного, которого он помог найти.

Все же он решил подождать и попытаться сделать самоходку, но если это у него не получится, то побег на снегоходе будет запасным вариантом. Антон закрыл гараж, решив, в ближайшее время без особой надобности туда не заглядывать, боясь случайно оставить след. О содержимом он не переживал. Он знал, что пока Завертнев будет начальником колонии, до тех пор содержимое будет в гараже и даже может пополниться.

Его в данную минуту больше заботило, как добыть нужные материалы. Он, конечно, мог бы позаимствовать на складе завхоза, но завхоз не дурак, он слишком хорошо осведомлен, что находится в его складе и сколько. Но самой главной заботой для него было, где достать двигатель для самоходки. Только достав двигатель, он сможет сконструировать и саму самоходку.

Время шло, а Антон так и не придумал, как ему бежать. Настроение его с каждым прожитым днем ухудшалось. В конце декабря начальник, как всегда, уехал в очередной отпуск. Как поговаривали знающие люди, вернуться он должен был только в начале февраля. У Антона оставался всего месяц на раздумье, уйти сейчас на его снегоходе или подождать еще немного. Но это значит, что ждать придется еще год.

Все изменил случай, произошедший на Рождество. Антону заказали дистиллированную воду. Он по привычке подключил аппарат, взяв бочок и самодельный ломик. У ломика была деревянная ручка и острый, металлический стержень, похожий на столярную стамеску. С таким орудием труда он отправился к водокачке наколоть льда.

На водокачке всегда было в избытке пресного льда. Вода переливалась через край, и на водокачке нарастали огромные сосульки в виде глыб, свисающих до самой земли. Лед ему нужен был для охлаждения змеевика аппарата, по которому шел горячий пар. При охлаждении он превращался в дистиллированную воду. Издали водокачка была похожа на замерший водопад при сильных морозах.

Антон шел, не торопясь, дыша чистым как хрусталь воздухом. Погода стояла ясная и безветренная, что для этих мест большая редкость. Мороз был около двадцати градусов, и только мелкая изморозь порошила в прохладном воздухе.

Мимо Антона пронеслась ватага ребятишек с самодельными санками, у которых вместо полозьев были прикрученные старые коньки. Зимой только у подножья водокачки был самый крутой и высокий склон. Склон периодически заливали свежим слоем воды, поэтому ребятня все свободное время проводила или катаясь с крутого склона, или играя в хоккей на залитой площадке прямо на льду Белого моря у самого берега.

Ребята часто устраивали соревнование между собой. Они разбегались, потом прыгали на свои санки, и на приличной скорости могли скатиться далеко в море. Потом выясняли между собой, кто стал победителем. Победителем признавался тот, чьи санки катились дальше всех.

Ребята стояли на вершине у самой водокачки, о чем-то совещаясь. Когда Антон поравнялся с ними, один из мальчишек, разогнавшись, прыгнул на санки и помчался вниз. Антон улыбнулся, отметив проворство мальчишки, затем остановился на секунду, чтобы проследить скольжение мальчика.

Вдруг, кто-то из мальчишек истошно закричал: «Медведь!!!», — Антон глянул на лед, еще секунда и он действительно увидел белого медведя, который шел на север вдоль берега.

От кромки берега до зверя было не более тридцати метров, но он в долю секунды просчитал, что мальчик, съехав с горки и проехав длинный участок берега, в любом случае окажется прямо перед зверем.

Дети истошно закричали. Медведь до сих пор шедший спокойным шагом, услышав крики, остановился и посмотрел в сторону берега. Он хотел уже продолжить свой путь, но тут заметил приближающийся к нему объект.

Белые медведи, как правило, в очень редких случаях нападают на человека, особенно вблизи населенного пункта. Они могут напасть только в случае, когда сам человек по своей глупости или незнанию может спровоцировать его. Знающий человек, попав в сложную ситуацию, просто стоит на месте, и подняв руки в верх, кричит на медведя, при этом не то, что не подходит к нему, а старается незаметно, не делая лишних движений медленно отступать назад. Бежать нельзя, это также может спровоцировать зверя, да и зверь бежит гораздо быстрее человека.

В такой ситуации медведь, как правило, начинает уходить от человека. Он уходит не очень быстро, часто оглядывается назад, при этом постоянно ворчит.

Это не значит, что медведь так труслив. Напротив, это самый сильный хищник на планете. Просто медведи за свою жизнь не раз встречаются на своем пути человека, как на стойбищах, так и далеко в море на кораблях. Они хорошо чувствуют исходящую от людей угрозу, но, тем не менее, часто ходят на виду у людей, в надежде найти у них что-нибудь съестное в холодный промежуток зимы.

Это случилось, но гораздо севернее. В данный момент было трудно сказать, что привело зверя к этому побережью вдали от океана.

Мальчишка, заметив опасность, закричал от испуга, и свалился с санок на бок. Он как мог цеплялся за все выступы и щели, стараясь замедлить свое скольжение. Это помогло ему спасти свою жизнь.

Освободившись от седока, санки продолжали набирать скорость. Они летели прямо на медведя. От удара правой лапы санки разлетелись на куски. Мальчик с большим трудом справился со скольжением, остановившись в пяти метрах от зверя. Он из всех сил старался встать на ноги, но от ужаса, охватившего его при виде опасности, он падал вновь. Антону достаточно было одного взгляда, чтобы оценить обстановку. Он, как мальчишка до его прихода, разбежавшись, упал на спину и с громким криком понесся вниз, держа в одной руке свой ледоруб в другой бачок для льда.

Направившийся к мальчику медведь увидел со стороны несущегося на него Антона более серьезную опасность. Медведь уже занес лапу для удара, чтобы поступить с новой опасностью так же, как секунду назад он поступил с санками.

В это время Антон бросает в зверя бачок для льда. Бачок, переворачиваясь в воздухе, бьет зверя по голове, на секунду отвлекая его от основной опасности. Этой секунды было достаточно для их сближения.

Выставив вперед свой ледоруб, как древний рыцарь свое копьё, Антон на всей скорости сблизился с медведем. Ледоруб легко вошел в тело зверя, но столкновение было достаточно жестким.

Учитывая массу зверя, которая была более пятисот килограммов, да вес самого Антона, удар был очень жестким. Антон не смог удержать свое копьё в руках. Почувствовав резкую боль в плечевом суставе, он непроизвольно выпустил ледоруб из руки.

От столкновения они разлетелись в разные стороны. Понимая, что в данный момент он лишен своего оружия и завладеть им не сможет, Антон вскочил на ноги и, преодолев боль в плече, побежал к ребенку. Схватив ребенка на руки, не оглядываясь, побежал вверх.

Позади его слышался рев раненного зверя, и только этот звук подгонял Антона. Отдавая себе отчет в том, что от зверя убежать да еще с ребенком на плече задача практически невыполнимая, он усилием воли заставил себя сделать все невозможное, чтобы постараться убежать. От его проворства в данную минуту зависела не только его жизнь, а что самое главное, так это жизнь ребенка, ради которого рискнул своей жизнью, понимая, что с таким зверем без огнестрельного оружия лучше не встречаться.

Лишь поднявшись на самый верх, позволил себе на мгновение оглянуться. Он не сразу разобрался, что происходило внизу, но, присмотревшись, увидел, что зверь, раненный ледорубом, пытается бежать, но длинный черенок упирается в лед, при этом причиняя ему невыносимую боль.

Теперь до Антона стало доходить, почему зверь позволил ему убежать. Вскоре боль его стала невыносимой. Казалось, что его страшный рев могли слышать жители с другого побережья полуострова, а не только из местного поселка.

Антон продолжал держать трясущегося мальчика на руках, когда к нему на шум подбежал старший конвоя, который сопровождал троих заключенных с внешних работ в зону.

В это время медведь, измученный болью, встал на задние лапы и, поняв, что так ему стало легче, в ярости устремился на горку. Из открытой пасти текла и пенилась яркая кровь. Его шерсть из белой превратилась в ярко-красную.

Антон, оценив грозящую им опасность, протянул мальчишку в трясущиеся руки сержанта, сорвал с его плеча автомат, выстрелил в зверя.

Выстрел был очень точным. Пуля вошла зверю прямо в лоб, опрокинув его навзничь. Падал на лед медведь уже мертвым.

Антон в одно мгновение разрядил оружие и, поставив на предохранитель, быстро повесил автомат сержанту на плечо со словами:

— Запомни, всем скажешь, что это ты стрелял в медведя, чтобы нас защитить.

Постепенно его слова дошли до сознания конвоира. Сержант испуганно кивнул головой в знак согласия, понимая, что за такой проступок его могут серьезно наказать, ведь его оружие побывало в руках заключенного.

Сержант, поправив ремень автомата, в испуге оглянулся, но на вершине холма кроме их троих не было никого. Увидев страшную картину, ребятню как ветром сдуло. Услышав выстрел, из караульного помещения выбежала тревожная группа в составе офицера и двух солдат.

— Что произошло? — задал вопрос офицер, подбегая к ним.

Сержант попытался сбивчиво объяснить произошедшее, но Антон перебил его.

— Начальник, дело в том, что сержант подошел позже, лучше будет, если я вам расскажу. Дело в том, что мальчик скатился вниз, и в это время на него напал медведь. Я прыгнул вслед за ним и помешал ему, ранив медведя ледорубом. После того, как мы отбежали на безопасное расстояние, сержант застрелил животное, так как оно продолжало угрожать нашим жизням.

— Хорошо. Позже разберемся. Пострадавшие есть?

— Вот, ребенка нужно отвести к доктору. Он сильно напуган и, наверное, ушибся.

— А ты как, все в порядке?

— Еще не знаю. Плечо болит, наверное, вывих, но это мелочь, главное, что оба живы остались.

— Салматов, мы остаемся здесь, а ты проводи его и мальчишку к доктору, пусть осмотрит их.

— Пойдемте, — сказал солдат, обращаясь к Антону.

— Ты сам идти можешь? — спросил мальчика Антон.

Мальчика сильно трясло. Он со страхом оглядывался на убитого зверя, не произнося ни единого слова. Антон подхватил его левой рукой, и всю дорогу пока они шли, успокаивал его как мог.

В кабинете врача они с доктором раздели мальчишку. Пока доктор осматривал его, Антон продолжал с ним разговаривать.

— Ну что, богатырь, испугался немножко? А вообще, ты помнишь, как тебя зовут? Наверное, забыл?

— И вовсе я не забыл. Меня Павликом зовут.

— Молодец, Павлик. А теперь скажи, у тебя болит что-нибудь, а то доктор сильно

интересуется

— Ничего у меня не болит

— Вот и ладненько. Но тебе все же придется снять всю одежду, чтобы доктор убедился, что у тебя нет никаких болячек.

Когда ребенок разделся до конца, Антон продолжил.

— Смотрите, доктор, у Павлика нет болячек. Смотрите, его нога на месте, все три руки тоже на месте. Вот только хвостик потерялся, а так все в полном порядке.

— Ха-ха, не бывает у людей три руки, — весело улыбнулся мальчик.

Они убедились, что кроме нескольких небольших царапин на руках, с мальчишкой было все в порядке.

— Вот, теперь порядок, доктор убедился, что ты не ранен, теперь можешь одеваться. А знаешь, Павлик, мне интересно, ты как, сильно мишку испугался, или совсем не боялся?

— Конечно, нет, — храбро ответил малыш. — Только чуть-чуть и все.

— Правильно. Нам нечего его бояться. Пусть он нас боится. Нам теперь самое главное, чтобы твой отец не узнал про наши с тобой похождения. Папка, наверное, сильно будет ругаться?

— Будет, — став грустным, ответил малыш.

— Ты не грусти. Мы с доктором знаем, что взрослых обманывать не хорошо, но мы просто забудем ему сказать. Правильно, доктор?

— Я обещаю, что не скажу. Мы ведь мужчины и должны заступаться друг за друга. А этот случай пусть будет нашей тайной.

Мальчик слегка успокоился. Радостно стал рассказывать доктору о происшествии, а, одевшись, быстро убежал домой.

— Так, а ты что за плечо держишься?

— От удара вывихнул, наверное.

— Раздевайся, сейчас посмотрим.

Антон с помощью доктора разделся по пояс. Доктор осторожно ощупал руку от пальцев до плечевого сустава, а когда Антон слегка отвлекся, резко дернул руку, ставя сустав на место. От неожиданности Антон даже подскочил на стуле, почувствовав резкую боль.

— Все, дружок, можешь не прыгать. Сейчас наложим тугую повязку. Походишь с ней несколько дней, да смотри не перетруждай руку, а через пару недель навсегда забудешь о своем вывихе.

Поблагодарив доктора, Антон в сопровождении солдата отправился на берег. У водокачки собралось почти все население поселка.

Они шумно обсуждали происшествие. Краем уха он слышал такие подробности, каких даже в помине не было.

Когда Антон подошел ближе, народ, узнав, что именно он спас мальчика, выражая ему слова благодарности, расступился пропуская его вперед. Антон еще раз посмотрел на лежавшее тело медведя, в душе сожалея о случившемся, повернулся и направился прочь от берега. Вдруг он заметил одиноко стоящего зека в сторонке. Он узнал его. Это был дежурный оператор из котельной. Подойдя к нему, попросил.

— Слушай, браток. Помоги мне.

— С радостью, ты только скажи.

— Там на берегу, в теле медведя торчит мой ледоруб, а недалеко валяется бочок. Возьми их, наколи мне льда и принеси на электростанцию. Понимаешь, сам я не могу. Руку

повредил, теперь висит как плеть на перевязи.

— Седой, ну о чем разговор. Ты иди к себе. Я все сделаю и занесу к тебе твой лед.

— Спасибо, браток, — поблагодарил его Антон и, направился к себе на станцию.

Пройдя половину пути, он увидел бегущую женщину, которая, истошно крича, причитала:

— Павлик, сыночек, ты где, моя кровинушка? — и все в том же духе.

Антон остановился.

— Вы не видели моего сына? — схватив его за руку, выкрикнула подбежавшая женщина, — его Павликом зовут.

— Видел, — спокойным голосом ответил Антон.

Женщина схватила его за обе руки, и вдруг почти потухшим голосом, чуть слышно спросила:

— Умоляю, скажите, где он и что с ним? Он жив?

— Женщина, милая. Успокойтесь, пожалуйста. С вашим Павликом все в порядке. Он жив и здоров. Прошу вас отпустите мою руку, вы причиняете мне боль.

Женщина только сейчас заметила, что у стоящего перед ней мужчины, действительно рука висит на перевязи, переброшенной через шею.

— Простите меня. Я в таком состоянии, и не заметила, что вы больны. Но вы не сказали, где мой сын.

— Я уже сказал, что с вашим Павликом все в порядке, он замечательный мальчик. А вот вам необходимо успокоится. Вы испуганы и возбуждены. Для начала дайте мне вашу руку.

— Это еще зачем? — с опаской посмотрела она на Антона, естественно видя в нем просто заключенного.

— Да не бойтесь вы меня. Если я спас вашего сына, то его матери точно ничего не угрожает. Прошу вашу руку, и не надо меня бояться, просто доверьтесь.

Женщина покорно протянула ему свою руку. Подержав несколько секунд, Антон сказал.

— Вот видите, пульс у вас просто зашкаливает. Если не успокоитесь, то может случиться инсульт. Как потом ваш сын будет жить без матери. Для начала давайте глубоко подышим. Делайте как я. Сначала очень глубокий вдох полной грудью, затем задержка дыхания и медленный выдох, постарайтесь до самого конца выдохнуть. Прodelайте это упражнение у меня на глазах несколько минут. Вот, — через три минуты сказал Антон, — ваш пульс стал стабилизироваться. Вам стало намного лучше, теперь вы сможете адекватно анализировать случившееся.

— Но вы не говорите, где мой сын, и что с ним случилось.

— Если вы, на минуту замолчите и послушаете меня не перебивая, хотя это вряд ли у вас получится. Вы женщины не можете слышать ушами и разумом, вы всегда слушаете только чувствами, а чувства у вас чаще всего опережают сознание.

— Не обижайтесь на меня. Я все-таки мать. Поймите, я очень переживаю за сына.

— Я хорошо вижу, что вы мать. Но вы меня слышать не можете. Я третий раз хочу вам сказать, что с вашим сыном все в порядке. Он здоров и весел, и надеюсь, что вы его таким же застанете дома, когда вернетесь. Он сейчас сидит дома один, и ждет, когда вы придете и накормите его вкусным ужином.

— Как дома? А мне сказали, что он здесь на берегу, и на него напал медведь.

— Ну, напал, это, пожалуй, не совсем так, скорее это ваш Павлик напал на медведя.

Антон вкратце рассказал все, что произошло с ними, упомянув, что они оба побывали

на приеме у доктора, и что здоровью мальчика ничего не угрожает.

Женщина с облегчением вздохнула, потом из нее полились слова угрозы в адрес беспечного ребенка.

— Ну, я сейчас задам ему перца, чтобы в следующий раз не повадно было, кататься ему, видите ли, приспичило, и не подумал, поразит, что с матерью чуть инфаркт не случился, — сказав все это, она повернулась уходить, но Антон задержал ее.

— Задержитесь на секундочку.

— Слушаю вас.

— Пожалуйста, вспомните ту десятилетнюю девочку, которая ежеминутно помнила наказ своей мамы, когда делала мелкие шалости. Она каждый раз перед тем как нашалить, садилась и обдумывала дилемму, случится у матери инфаркт или нет.

Женщина некоторое время удивленно смотрела на собеседника, не понимая, к чему он клонит, но вот, до нее стал доходить скрытый смысл его слов. Затем она от души рассмеялась.

— А вы не только храбрый мужчина, но вы еще и умны. Не часто в наше время можно встретить такого, особенно в нашей среде обитания. Вы правы. Мы взрослые за суетой и торопливостью, действительно отрываемся от жизни, забывая порой, что когда-то тоже были детьми, и совершали те же поступки, что и наши дети. Спасибо вам, что напомнили мне об этом.

— Но я еще кое-что хотел сказать.

— Да, конечно, я слушаю вас.

— Я прошу вас, когда придете домой, Павлик, скорее всего, будет дома. Будьте осмотрительны и внимательны к нему, хотя бы пару дней. Дело в том, что он сейчас перенес сильнейший психологический стресс. Мне большого труда стоило успокоить немного его. Все остальное зависит от вас. В данную минуту, сидя дома, он в уме делает различные предположения, как он будет наказан. Зная хорошо характер родителей, он уверен, что наказания ему не избежать. Эта неизвестность страшит и пугает его. Еще его будет гложить обида на взрослых за постигшее его наказание. Он ведь совершенно уверен, что в данной ситуации он совершенно не виноват. Так сложились обстоятельства, что ему пришлось первому спускаться с горки. Ведь никто не мог предположить, что в сумерках на льду окажется медведь. Появление медведя — это большая редкость, а заметить его в сумерках практически невозможно. Вот он сейчас сидит и думает, будет бита сегодня его задница от незаслуженного наказания или нет.

— А что мне делать? — заволновалась женщина.

— Мой вам совет. Чтобы ребенок перенес этот стресс максимально без последствий, вы сейчас придете домой, и с улыбкой на лице, как ни в чем не бывало, поцелуете его, потом погладите по голове, и как бы невзначай спросите, не слишком ли он испугался медведя. Поверьте, ребенок обязательно прижмется к вам и заплачет. Это будет хорошим признаком, что все обойдется. Вы, как лучшая мама на свете, обнимете и приласкаете его. Вы будете ласкать его и уговаривать, что никому на свете не позволите обидеть, самого любимого сынишку. Ну и дальше в том же духе. Постарайтесь внушить это и вашему мужу. Будем надеяться, что ваш Павлик справится с этим. Уверяю вас, ему хоть и немного лет, но он все понимает, а этот случай запомнит на всю оставшуюся жизнь. Но если вы, все же накажете его, то этим навредите своему сыну, а возможно и себе, и еще неизвестно, кто от этого пострадает больше.

— Странно как-то. До сих пор я даже не задумывалась об этом. А сейчас, слушая вас, отчетливо стала понимать, что это действительно так. Вы так много знаете о детях, у вас, наверное, у самого много детей?

— Нет, — с грустью ответил Антон, — вернее был у меня сынишка, но он погиб вместе с матерью, когда ему не было еще и годика. Просто я хорошо знаю психологию людей, в том числе и детскую.

— Простите, что по незнанию напомнила о вашей боли.

— Не извиняйтесь. К тому же это было тридцать лет назад. Я давно уже привык к этой боли.

— Но вы так молодо выглядите, что мне с трудом верится в это.

— Ну, что вы, это только иллюзия, что я молод. На самом деле мне уже давно за пятьдесят. Я давно уже не мальчик, к тому же, в настоящее время я пенсионер.

— Простите, я не спросила, как вас зовут?

— Все меня зовут Седой.

— Я уже слышала о вас, но это всего лишь кличка, а как вас называли родители? У вас есть настоящее имя.

— Конечно, есть. Дедушка назвал меня Антоном.

— А почему дедушка, а не родители?

— Это долгая история, но если в двух словах, то я сирота. Родителей не помню. После войны меня дедушка нашел на речке, вот он и был для меня и папой и мамой, и дедушкой с бабушкой в одном лице. Но сейчас не обо мне речь. Вы ступайте домой, вас уже Павлик заждался.

— Всего вам доброго, и спасибо вам за нашего Павлика.

Они разошлись. Каждый пошел своей дорогой. Антон шел и, конечно, не догадывался о том, как резко изменит его судьбу минутное знакомство с этой женщиной.

Дня через три, Антон все же принял решение, что совершит побег на снегоходе начальника зоны. Он решил, что как только немного заживет рука, он, не откладывая дело в долгий ящик, сразу сорвется.

Он стал усиленно готовиться к побегу. Главной для него задачей было достать побольше бензина. С хорошим запасом топлива можно уехать как можно дальше. Как только кончится бензин, спрятать в снегу снегоход и пробиваться на большую землю пешком, а там как бог даст.

Но его подготовку прервал приезд завхоза из командировки. Завхоз ездил в Мурманск получать новое оборудование для завода. Было принято решение, как только завод остановится из-за отсутствия рыбы, начнутся ремонтные работы. Было решено, что до весны они сумеют сделать хороший ремонт и установить новое оборудование.

День выдался ветреным и холодным. Вечером Антон сидел в своей мастерской, прижавшись к теплой батарее, и просматривал засаленную книгу Суслика, удивляясь, до чего этот на вид тщедушный человек со своими пороками, так любит животный мир.

В это время в комнату вошел завхоз. Антон встал, и как положено первый поздоровался.

— Добрый день, Павел Григорьевич, с приездом вас. Как съездили?

Спасибо. Съездил хорошо. Все, что запланировал, сделал. Но я не за этим зашел в столь поздний час. Я пришел поблагодарить тебя за сына. — За какого сына? — не понял Антон.

— Да за Павлика. Это ведь мой сын. Ты, что, не знал?

— Вот это да. Я даже предположить не мог, что это ваш сын. Получается, что женщина, которая работает в канцелярии, ваша жена?

— Наталка, ну да, это моя жинка.

— Ну и как чувствует себя Пал Палыч?

— С этим чертенком все в порядке. С него как с гуся вода. Уже на следующий день он выпросил санки у соседей и убежал кататься с горки.

— Вот это настоящий мужик растет, ни какие страхи ему не помеха.

— Для меня главное, что живой остался. Я теперь тебе по гроб жизни обязан. Если бы ты тогда опоздал на несколько секунд, то не знаю, как бы я с Наталкой пережил это. Для нас теперь ты настоящий герой.

— Павел Григорьевич, не надо меня перехваливать. Ничего героического в этом я не вижу. Я увидел, что ребенок попал в беду, и как мог, помог ему. Мне кажется, что вы, оказавшись на моем месте, поступили бы точно так же. Я в этом уверен.

— Может быть и так, но, тем не менее, прими мою благодарность от чистого сердца.

— Хорошо, принимаю, — замахал руками Антон, — будем считать, что мы квиты с вами.

— Это еще как. Я что-то не припомню, что оказал тебе такую же услугу.

— Ну, как же. Вы вытащили меня из зоны и определили на хорошую работу, а это для зека дорогого стоит.

— Ну, ты и сравнил, — удивился завхоз. — Разве можно такое сравнивать. Ты даже не думай об этом. Мною руководила в тот момент только корысть. Тогда для меня было самым главным, что ты оказался прекрасным специалистом, вот и все. Это я должен тебя благодарить, за то, что ты снял с моих плеч столько тяжелых забот. Ты сейчас экономишь

мои силы и время. Это благодаря тебе я забыл, что такое электростанция с ее постоянными ремонтами, что такое дистиллированная вода и поездки за ней по соседям, что такое токарные и сварочные работы в мастерской. Так что, за все это тебе огромное спасибо и низкий поклон от меня и от моей Наталки.

— Павел Григорьевич, может, хватит меня хвалить. Смотрите, а то вдруг заболел звездной болезнью, что тогда делать будете?

— Будем лечить, а ты как думаешь? Насколько я успел тебя узнать, тебе такое не грозит. Я вот еще о чем хотел тебя спросить. Ты как работаешь в ближайшие дни?

— Сегодня я работаю в день, а завтра с утра заступаю на сутки. Следующую неделю мне работать в ночь. Почему вы спрашиваете, что-то случилось?

— Случилось, но об этом поговорим позже. Я завтра вечером заскочу к тебе, есть серьезный разговор.

— Это касается непосредственно меня?

— Да. Но я сейчас не готов к разговору. Мне необходимо навести кое-какие справки. Не обижайся, но мне надо бежать.

Антон задумался. Такой поворот событий насторожил его. Когда завхоз ушел, он напряженно стал прислушиваться к своим ощущениям, но сколько ни старался, ничего тревожного не почувствовал, а даже наоборот, на душе стало легче, улучшилось настроение. Тогда он решил больше не напрягаться, а оставить все до следующего вечера, тогда и узнает все из первых уст.

На следующий день часам к восьми пришел завхоз и не один, а с большой сумкой, из которой после приветствия стал доставать домашнюю еду. В сумке оказался и борщ украинский, и котлеты, и даже свежие овощи.

— Я решил с тобой сегодня разделить свой ужин, — приговаривал он, доставая из сумки бутылку крымского вина. — Давай перекусим, чем бог послал. Неси стаканы.

— Хорошее вино, — оценил Антон, вертя бутылку в руках. — Жаль, что я не пью.

— А кто сказал, что мы здесь пить собираемся. Ты только посмотри, это ведь просто компот. Вино сладкое некрепленое. Пригубим понемножку, глядишь, и аппетит хороший появится. Хорошо покушаем, и разговор покажется приятным во всех отношениях.

— Трудно с вами не согласится. Только я предупреждаю, что больше одного стаканчика я пить не буду. Поймите, я ведь действительно не употребляю спиртного. И вообще не понимаю, почему люди так жаждут выпить.

— На этот вопрос я тоже не могу тебе ответить. Я не могу сказать, что я такой уж трезвенник. Водку я могу выпить, но только в том случае, когда посчитаю, что в этом есть необходимость. Вот вино, да еще, если оно сладкое и некрепленое, для моей души очень приятное, — вздохнув тяжело, добавил, — сам понимаешь, что в нашей глуши не часто появляется вино, да еще хорошего качества. Так что, трезвым я хожу практически постоянно. Кстати, эту бутылку Наталка мне из своей заначки дала, да еще наказала, чтобы я один не выпил ее. Не знаю почему, но она решила, что водку ты пить не будешь, а вот вина немного выпьешь. И ты погляди, как в воду глядела. Я порой поражаюсь, как женщины могут все так предчувствовать.

— Да, женщины для нас мужиков — это сплошная загадка. Нам кажется, что мы все о них знаем, но на самом деле мы ничего о них не знаем. Эти странные создания порой думают одно, говорят другое, а делают третье, и самое интересное, что делают то, что в данный момент делать не собирались. Вот такой парадокс получается.

— Тогда давай выпьем за них, за таких непредсказуемых, которых мы любим, и без которых наша жизнь покажется неполноценной. Даже не взирая на то, что порой мы готовы разорвать их на кусочки.

— Согласен. Возможно, вот в таких парадоксальных чувствах и заключается наша любовь к женщине.

— Я предлагаю пока оставить разговор о женщинах, а выпить и поужинать.

Антон с удовольствием принял его предложение. Он давно уже не пробовал домашней еды, к тому же запах свежего борща и котлет щекотал ему ноздри, да так сильно, что он готов был хоть неделю голодать, но только отведать столь вкусно пахнущий борщ с котлетами.

Ужин оказался не только вкусно пахнущим, но и удивительно вкусным.

Наливая чай, Антон сказал завхозу.

— Вы, Павел Григорьевич, непременно передайте своей супруге мою благодарность за столь вкусный ужин. Я признаться уже больше двух лет так вкусно не ел. Да и раньше редко доводилось. Пока служил, была армейская еда, а теперь, сами видите, сплошь тюремная. Передавайте мой нижайший поклон и благодарность хозяйке.

— Непременно передам. Когда так хвалят умение хозяйки, то и хозяину приятно.

— Вы хотели о чем-то со мной поговорить? — отхлебнув горячий чай, спросил Антон.

— Вот и я сижу и мучительно думаю, с чего мне начать.

— А вы торопитесь куда-нибудь?

— Ну, что ты, нет, конечно. Наталка в курсе, что у нас с тобой будет долгий разговор, поэтому скоро меня не ждет. Поэтому времени у меня вагон и маленькая тележка. Просто я не знаю с чего начать.

— Вот и хорошо, что вы никуда не торопитесь. Вы сейчас подумайте, и начните с самого начала, с того, что вас подвигло на этот разговор.

— Хорошо. Начну я, пожалуй, с того, что нам с тобой нужно перейти в общении на «ты». Прощу тебя, когда мы с тобой будем одни, называй меня Павел, а я буду звать тебя по имени. Так нам будет легче общаться, мы ведь с тобой практически ровесники. Я даже на несколько лет младше тебя, хотя и выгляжу старше. Ну как, согласен?

— Хорошо, Паша, я согласен.

— Вот и прекрасно, а начну я свой рассказ с того, что рассказала мне Наталка, когда я вернулся из командировки. Она в подробностях рассказала, как ты спас нашего Павлика, и какие советы ты дал ей в отношении с ним. Она была так благодарна тебе за это и выполнила все, что ты ей сказал. Когда я приехал, она и меня проинструктировала. Я сгоряча хотел его выпороть как следует, но она так посмотрела на меня, что у меня до сих пор при воспоминании об этом мурашки по телу бегут. За все эти годы, что я с ней прожил, я еще ни разу ее такой не видел. Но не об этом сейчас. Сколько мы с тобой знакомы, а я ведь о тебе совершенно ничего не знаю. Наталка посвятила меня в некоторые детали. Оказывается, ты пансионер. Бывший военный, и не простой, а инструктор спецназа ГРУ. Личная жизнь, по видимому, не сложилась, если ты до сих пор не женат. Ты от рождения считаешься сиротой.

— Прости, Паша, что я тебя перебиваю, но откуда Наташа узнала, что я бывший военный? Я помню, что сам сказал, что я сирота, и дал ей некоторые советы, но что я военный, да еще пенсионер, я не помню, чтобы говорил. Я уверен, что об этом знает только хозяин, да еще один человек в зоне, но он никому не станет рассказывать, в этом я уверен.

— А ей специально никто не говорил. Просто она в силу женского любопытства

услышала разговор между хозяином и его замом. Ты, наверное, в курсе, что Комов пьет практически каждый день. Можно сказать, что он закоренелый алкоголик. Завертнев давно уже мог избавиться от него, но дело в том, что Комов когда-то был хозяином зоны. Его понизили в должности за систематическую пьянку. Вместо него был назначен Завертнев. Но это не самое главное, почему его держит хозяин. Комов очень хороший экономист и юрист. Он, будучи хозяином, проворачивал такие дела, что нам об этом лучше не знать. Когда появился Завертнев, они быстро сошлись на коммерческой стезе. Я думаю, что тебе не надо объяснять, как много они воруют.

— Я немного догадываюсь. Кое-что я знаю про Завертнева еще с тех пор, когда я был еще на службе. Его за такие же дела перевели из Свердловска сюда.

— Вот видишь, они и здесь нашли друг друга, как в народе говорят, рыбак рыбака, видит издалека. Вот эти упыри и развернули здесь коммерческую деятельность. Они пытались вовлечь и меня, но я тактично отказался, но сейчас не об этом речь. Речь пойдет о том, что в канун католического рождества хозяин и Комов закрылись в кабинете шефа, они всегда так делали, когда хотели хорошо выпить и поговорить о своих делишках. Наталка знала их привычку, поэтому хотела уйти пораньше, так как у шефа была привычка пить во время пьянки много чая. Ей не хотелось сидеть в приемной и постоянно кипятить чайник, угождая начальству. Был конец рабочего дня. Она уже собиралась уходить, когда по селектору послышался голос шефа с просьбой об очередном стакане чая. Наталка не стала отвечать, а тихонько выскользнула из приемной в соседнюю комнату, где располагается архив. Вскоре она услышала, как открылась дверь кабинета, затем послышался отборный мат в ее адрес, затем дверь с шумом закрылась. Постояв немного, она вошла обратно, чтобы забрать сумочку из шкафа, но тут услышала голоса, раздающиеся из селектора. Шеф был уже достаточно пьян и просто забыл отключить селектор. Наталка прислушалась. Речь шла о заключенном по имени Седой. Она не заинтересовалась бы этим разговором, но ей стало интересно, ведь дома я частенько говорил о том, как мне повезло, что на промзоне у меня работает специалист по имени Седой. Сначала она не очень понимала в чем дело, но вскоре вникла в суть разговора. Речь шла о том, что хозяин жаловался Комову, что на него давят из Москвы, требуя немедленно убрать Седого. Хозяин предложил Комову придумать, как избавиться от Седого. Комов стал отказываться.

— Павел, пойми, этот Седой нам сейчас очень нужен. Мы с тобой не имели с его стороны никаких проблем. Зато пользы поимели много. Вспомни случай с побегом Свиридова. Только благодаря Седому мы вовремя поймали этого педофила, и ни одна живая душа за территорией зоны не знает об этом побеге, не говоря уже о начальстве. Ты, наверное, забыл какие проблемы мы испытывали в промзоне, а теперь посмотри, все работает, крутится. Я уже не говорю об электростанции. В этой области вообще идеальный порядок.

— Ничего я не забыл. Я и без твоих напоминаний понимаю, что такая единица нам просто необходима. Пойми и ты меня. С Москвы скоро уже будут ежедневно звонить с предупреждениями. Мне надоело им обещать, что мы готовим ему почву для побега, где он будет ликвидирован. Это пока просто намеки, но мне кажется, да я просто уверен, что в ближайшие дни поступит жесткий приказ на устранение. Ты пойми, в стране начинаются глобальные перемены. В Москве ведь не дураки сидят, вот и хотят зачистить хвосты, боятся, что вдруг проверка вскроет что-нибудь.

— Ты, что так весь разпереживался по этому поводу? Неужели ты думаешь, что приедет

кто-нибудь с проверкой, и сразу побежит по всей зоне искать мнимого Седого? Любая комиссия начнет свою работу с проверки состояния зоны. Выслушают жалобы заключенных, проверят работу предприятий и обеспечение заключенных продовольствием. А вот здесь у нас с тобой полный порядок. Благодаря нашей промзоне производство работает бесперебойно. В поселке и в самой зоне достаточно тепло в холодный период времени. С питанием заключенных также порядок. Я проверял работу Сивого. Этот старый служака не в пример другим, не ворует. Все, что положено до самой крошки отдает в рацион зеков. Зеки знают это, и поэтому с их стороны жалоб на нас не будет. Для нас сейчас самое главное, чтобы зеки не бузили. Мы спокойно можем встретить любую проверку. А насчет Седого ты не переживай, или ты боишься, что кто-то из проверяющих обратит особое внимание на его документы, пойми ты поработал с ними достаточно квалифицированно. И последнее, неужели ты думаешь, что, когда в стране начинается такой бардак, кому-то интересно будет ехать к черту на кулички, с какой-то там проверкой. Они с удовольствием проверят центральные зоны, и то, только для того, чтобы поживится, получив приличную взятку.

— Так все же, что нам делать?

— А ничего. Возьми завтра и сам позвони в Москву. Скажи, что, мол, Седой убит в десяти километрах от зоны, оказав серьезное сопротивление при задержании. Седой пусть пока живет. Он нам нужен, а мы будем заниматься своим делом.

— Хорошо, но тебе нужно меньше пить.

— Я и сам это знаю, но меня эта глушь угнетает. Ты не переживай, на наших делах это не отразится.

— И, тем не менее, постарайся сдерживаться. Времена меняются, нам сейчас главное еще два-три года продержаться. Сколотим побольше денег, тогда можно и за кордон сваливать. Благо каналы у нас налажены. На любом корабле можем уйти. Я боюсь совсем другого.

— Не пойму, чего ты еще боишься. Москва вроде бы как далеко, а остальное мы решим своими силами.

— Я боюсь, как бы Седой в бега не подался.

— Какие там бега, сколько пытались, ни один еще не ушел, все на месте. Одни в земле лежат, другие получали дополнительные сроки, и больше не помышляли о побеге, а те, которые были проворнее, их давно зверье обглодало.

— Ты, я вижу, не совсем понимаешь. Седой — это не простой зек. Это бывший полковник ГРУ при генеральном штабе министерства обороны, если тебе это о чем-то говорит. Таких специалистов как он, никакой охраной не удержишь.

— Да какой из него полковник, ты посмотри, это ведь тридцатилетний пацан еще.

— Ты глубоко ошибаешься. Этот, как ты говоришь пацан, только внешне молодо выглядит, на самом деле ему уже за пятьдесят. И поверь, это не простой полковник спецназа, а инструктор школы спецназа ГРУ. Я его знаю с тех пор, как он в моей колонии предотвратил бузу. Я тебе уже говорил об этом. Это та самая колония, откуда меня перевели на твое место.

— Ты как-то намекал на такое, но что конкретно, я не помню.

— Так вот, когда у меня случился бунт, он со своей группой находился недалеко от нашей зоны. Ему начальство из Москвы поручило стабилизировать ситуацию в зоне. Он со своей группой вошел на территорию, оставив своих людей во дворе, сам без оружия вошел в здание, где укрывались зеки. Он прекрасно был осведомлен в том, что зеки, захватив

заложников, уже имели огнестрельное оружие. Я грешным делом подумал, что разъяренные зеки разорвут его на части, но этого не случилось. Буквально через несколько минут, зеки, как на параде, в колонну по одному стали выходить из здания с руками на голове, и расходиться по своим баракам.

— Что-то мне верится в такое с большим трудом.

— Ну ты, Фома не верящий. Тогда сам посмотри на его дело, — покопавшись в столе, он протянул папку с документами Комову. — В этой папке хорошо отражена его деятельность, но в ней нет того, о чем я сейчас говорил тебе. Для того чтобы тебе немного стало яснее, я добавлю. В той операции Седой был ранен. Его пытались убить один из наших покровителей из Москвы. Он хотел убрать его и списать все на бунт, но промахнулся. Я не знаю, как тяжело он был ранен, но могу сказать, что у него хватило сил и рассудка предотвратить бойню. Я после навел через знакомых справки о его группе и понял, что не сдержи он тогда своих людей, мы, возможно, не разговаривали бы с тобой. Эти ребята точно закопали бы нас прямо там, на территории зоны. Ты, возможно, не поверишь, но мне до сих пор слышится голос его помощника, предупреждающий нас о последствиях, если мы продолжим стрелять. Поверь, я ничуть не сожалею, что в тот момент пригрозил нашему покровителю, что позвоню в министерство и сообщу о его самоуправстве. Скорее всего, только за это меня перевели на твое место подальше от большой земли. Я даже благодарен им за это. Здесь мы можем вдали от центра делать свои деньги. Там у меня не было таких возможностей. Там совсем другие масштабы.

В наступившей тишине слышался только шелест бумаги и удивленное бормотание Комова.

— Ничего себе фигура. Интересно, почему он здесь находится. Все эти бумажки, которые ты называешь делом, ничего собой не представляют. Это сплошная липа, ни один суд не возьмет их в делопроизводство. Единственное, что здесь подлинное, так это его документы, начиная от справки об усыновлении, и кончая дипломами об образовании. Вот эти документы не вызывают у меня сомнения. Ты посмотри, паспорт, водительское удостоверение, пенсионное удостоверение, сберегательные книжки. Все подлинное, только обвинение липовое. По сути, мы не имеем права его удерживать. Попади сейчас эти документы ему в руки, и окажись он на свободе хотя бы в десяти километрах от лагеря, и мы не сможем его задержать, не имеем права на это. Я правильно понимаю, что мы незаконно его удерживаем у себя.

— Ты правильно понимаешь. Но пойми, отпустить мы его тоже не можем, иначе нас с тобой отпустят на два метра вглубь земли. Самое неприятное то, что Седой-то об этом знает. Единственное, что он не знает, так это то, что документы хранятся в надежном месте. Скорее всего, это сдерживает от побега, а может другая есть у него причина. И, тем не менее, если он попытается бежать, нам придется применить оружие. В Москве тоже об этом думают, поэтому и торопят.

— Ладно, не будем торопиться. Пока будем внимательно за ним наблюдать, а там глядишь, и время подойдет. Рванем за кордон, а они пусть потом сами разгребают то, что сами заварили. Не знаю почему, но у меня рука не поднимается лишить хорошего человека жизни, который не сделал мне ничего дурного. Он и так пострадал в жизни. С раннего детства сирота, посадили незаконно, да еще пытаются лишить жизни. Ты не находишь, что это несправедливо. Если посмотреть со стороны человеческой морали, то не он должен сидеть, а мы с тобой, и наши так называемые покровители.

— Мне он тоже не сделал ничего плохого, но чтобы нам с тобой не сидеть вместо него, ты все же узнай у своих осведомителей, что слышно о нем в зоне.

— Я уже навел о нем справки. Седой ведет себя нормально, друзей не завел еще, но и врагов не нажил. Относятся к нему с уважением. Если кто-то обращается с просьбой, всегда выслушает внимательно, потом даст нужный совет. Ко всем относится доброжелательно, улыбочив, много шутит, рассказывает занятные байки, но все в пределах разумного. Может поддержать разговор на любую тему, но в высказываниях осторожен. Короче, в этом плане к нему нет претензий.

— А какие у него отношения с паханом зоны. Случайно дружбу не завел?

— Как мне докладывали, за все это время, что он находится у нас, с Бузой он виделся не более двух или трех раз. Первый раз, это когда он только поступил к нам, второй раз, когда Буза благодарил его за оказанную помощь в поимке беглеца. Тогда он в знак благодарности выделил из своего резерва некоторое количество продуктов. Позже видели, что они встречались пару раз, но встречи эти были мимолетные, ничего не значащие. Назвать это дружескими отношениями я не могу, но и враждебными не назовешь. Хотя, как мне кажется, могли бы и подружиться. В зоне самый последний зек знает, что Буза во всеуслышание заявил, что Седой находится под его покровительством.

— Это за что такие привилегии?

— До меня дошли слухи, что он, будучи еще в СИЗО, заступился за арестованных и встал против администрации. Там, как мне говорили, дело заключалось в том, что в большую камеру заранее посадили насадку. Это был крепкий и опытный сотрудник конторы. Он сместил смотрящего, и завел свои порядки. Затем в камеру посадили Седого, так как он не шел на сотрудничество, его решили воспитать руками заключенных. Мотивом послужило то, что Седой был по их понятию красноперым.

— Ну и какой был результат?

— А результат был плачевным. Седой за пару минут расколол насадку. Тогда досталось и насадке, и вертухаям за одно. Потом еще какие-то дела с администрацией были, в общем как говорят зеки, он тянул мазу за всю крытку.

— Вот теперь ты и сам видишь, что это за фрукт. Я все-таки опасаясь, чтобы в бега не подался.

— Бог с тобой, о каких бегах ты говоришь. Чтобы совершить побег, нужно как следует подготовиться. Мои люди докладывают, что ничего подозрительного за ним не наблюдается. Я сам устраивал несколько раз проверки. В зоне все в порядке, на работе также не видно никаких приготовлений. Из наших мест, как ты понимаешь, бежать могут без соответствующей подготовки только идиоты в виде Свиридова, и тот подготовил себе ходули. Пойми, нет никаких оснований говорить о побеге. Подготовка не ведется, это ясно как день. Если бы он готовился, это все равно кто-то заметил бы. А он совсем не дурак, чтобы вот так просто взять и убежать без подготовки. Я, вообще, сопоставив то, что я о нем до сих пор знал, и то, что узнал от тебя, склонен считать, что как умный человек и знающий, что его преследуют, он не станет бежать, а постарается, как можно дольше, задержаться в зоне. То, что происходит сейчас в стране, знают и в зоне, а тем более такой человек как Седой. Он понимает, что именно здесь он находится в относительной безопасности. У меня складывается впечатление, что он как минимум пару-другую лет постарается отсидеться именно здесь, поэтому и не ведет никакой подготовки. Кто может сказать, как может поменяться ситуация через пару лет. Может случиться так, что те люди, которые преследуют

его сейчас, уже через год будут на его месте. Я понимаю, что такой специалист надолго здесь не задержится, но мне кажется, что в ближайшее время мы можем спать спокойно.

— Может, ты и прав. Мне бы очень хотелось, чтобы именно так и было, — согласился с ним шеф, пряча папку с делом в стол.

— А почему ты держишь его документы в столе, а не в сейфе?

— А тут все предельно ясно. В сейфе документы может обнаружить неожиданно нагрянувшая проверка, а в столе есть тайник, о котором даже ты не знал, хотя просидел за этим столом не один год.

— Тайник? Мне и в голову не могло придти, что в столе может быть тайник.

Завхоз замолчал. Некоторое время он молча смотрел в одну точку, сосредоточенно думая о чем-то. Антон не мешал ему. Вскоре завхоз продолжил.

— Дальше разговор для нее пошел неинтересным. Они перешли на общие темы и усиленно налегали на водку, посчитав, что самый главный разговор состоялся. Наталка быстро собрала свои вещи, и бегом на улицу.

В то время она не могла передать мне весь этот разговор. Помешали предпраздничные дни, суматоха сплошная. Сам понимаешь, конец года, отчеты, дома тоже суета. А вспомнила она, когда с Павликом случилась беда, а ты помог и назвал свое имя.

Естественно поговорить в тот раз она с тобой не могла, но зато в архиве проверила твое дело. Там оказалось не твое дело, а дело Свиридова, только с твоей фотографией и кличкой. Когда я вернулся из Москвы, она ночью мне все рассказала. Теперь я передаю тот разговор тебе.

— Спасибо тебе, Паша. Для меня это не совсем новость. Много из этого я знаю, с многим догадываюсь. А вот, что мои документы хранятся в тайнике, я действительно не знал. Не знал я и того, что меня выдают за какого-то урода. И самое интересное, что догадаться невозможно. Ты сам знаешь, что многих зеков на переключках называют не по фамилиям, а по кличкам. А то, что меня не оставят в покое, я знаю и жду этого.

— Но они ведь, в конце концов, убьют тебя. Сами они, конечно, не станут этого делать, но могут подослать человека, который вполне может это сделать.

— Знаю, а что делать?

— Как что, бежать нужно пока этот упырь в отпуске еще. Мы с Наталкой постараемся достать твои документы, и ты будешь свободен.

— Не горячись, Паша. Не так все просто. Давай будем анализировать ситуацию, прости, но меня учили не принимать поспешных решений, основанных на эмоциях. Допустим, что я, овладев документами, бегу из зоны. Возможно, что для меня все сложится хорошо. А что будет с вами, ты подумал. Пойми, это прожженные негодяи, и совсем не дураки, иначе не проворачивали бы такие дела. Они за минуту вычислят, у кого был доступ в кабинет, и кто мог похитить документы. Я не уверен, что после этого вам объявят благодарность. Пойми, что даже маленький хомячок, загнанный в угол, смело бросается на противника, защищая свою жизнь. А эти, далеко не хомячки, и имеют большие ресурсы. А самое главное, что у тебя жена и сын на руках, о них ты должен думать в первую очередь.

— Что же теперь делать? Как помочь тебе?

— Давай рассуждать дальше. Ты как-то обмолвился, что как только закончится срок службы, ты ни на минуту не останешься на службе. Я тебя правильно понял?

— Да, мы с Наталкой уже обсуждали этот вопрос. Мне осталось уже меньше года служить. Пятого декабря у меня заканчивается контракт. По окончании контракта мы сразу

же уедем на родину в Анапу. Там у меня еще живы родители, с ними живет мои старшие сын и дочь. У нас большой дом с садом. Хватит нам скитаться на этом севере, да и Павлик все время канючит, не хочет из отпуска возвращаться сюда. Я ему обещал, что на следующее лето он останется у бабушки с дедушкой, а к новому году мы вернемся навсегда.

— Вот и прекрасно. Мне кажется, что хозяин не проверяет свой тайник каждый день. Вот перед отъездом пусть Наталья Сергеевна вынесет документы, подменив их на другие, или просто на стопку ненужных бумаг. Вы со спокойной душой уедете, а я дождусь, когда хозяин уедет в отпуск, и тоже не стану задерживаться, сделаю ему на новый год хороший подарок.

— Но это ведь целый год нужно ждать.

— Ничего страшного. Ты ведь сказал, что они не очень жаждут от меня избавляться.

— Да, но как ты потом собираешься бежать?

— Вот в этом и соль. Надеюсь, что ты поможешь осуществить мой план.

— Говори, какая от меня нужна помощь, и будь уверен, я сделаю все, что от меня зависит.

— План у меня такой, я хочу сделать самоходную машину. Она будет не тяжела и небольшого размера. Для ее конструкции у меня многого не хватает.

— Ты говори, что нужно, а я уж постараюсь достать.

— В первую очередь мне нужен твой склад. Не основной, конечно, а пристройка. Эта пристройка нужна мне для постройки самоходки. Пойми, я не могу делать ее на глазах у всех. Комов и так частенько заглядывает в мою мастерскую в каждую щель. Лучше всего подходит твоя пристройка. В пристройку кроме тебя, никто не заходит, и что немаловажно, ворота ее выходят на задний двор.

— Хорошо, считай, что она твоя. Если нужно, то я прикажу освободить ее полностью, все равно в ней нет ничего, что числится у меня на балансе. Просто хозяйственная жилка такая. Все что может пригодиться оставлять. Жаль выбрасывать хорошие материалы.

— Вот это и есть самое замечательное. Если оно не числится за тобой, тогда я могу воспользоваться некоторыми материалами из твоего склада.

— Бери все, что считаешь нужным.

— Хорошо. В ближайшее время, я разгребу весь хлам по сторонам, оставлю свободной только середину склада. Все бочки составлю на входе сложив их друг на друга. Когда будешь передавать свой склад приемнику, ты объяснишь ему, что в складе нет подотчетных материалов. Ты откроешь ворота, он увидит сложенные грязные бочки и, боясь запачкаться, не станет лезть внутрь, тем более среди зимы.

— Ну, а как ты туда попадать будешь?

— Очень просто. Ты мне однажды уже говорил, что помещение, граничащее с нашей топливной, совершенно пустое. В это помещение никто не заходит, а вот из этого помещения, можно свободно через окно попасть в твой склад.

— Так ты что, давно об этом думал и готовился?

— Конечно. У меня даже кое-что есть для моей самоходки. Кое-что имеется у тебя в пристройке.

— Ну, хорошо, так и поступим. Ты занимайся тем, что придумал, а я со своей стороны буду отслеживать ситуацию, но ты по любому поводу, чтобы это ни было, обращай ко мне. Знаешь, Антон, у меня есть еще один вопрос к тебе.

— Ты спрашивай, Паша. Нам теперь нужно учитывать все до самых мелочей. Ошибок у

нас не должно быть.

— Вот и я об этом. Меня интересует такой вопрос. Как я думаю, ты большую часть работы будешь делать ночью, а если проверка, и тебя не найдут на месте. Конечно, распорядок проверки можно просчитать, но это не факт. Молодые офицеры могут проверить объект и несколько раз за ночь. Это только мы, старики, проверяем один раз за ночь и то только для проформы.

— Это не страшно. Чтобы попасть в помещение, прилегающее к твоему складу, нужно пройти еще три помещения. Я ведь могу находиться в любом из них, не вызывая никакого подозрения. Основную работу я буду проводить в последней комнате. Чтобы вовремя выйти из нее и закрыть, мне понадобится несколько секунд. Для этого я проведу в нее сигнализацию. Когда откроется наружная дверь, у меня в комнате загорится красная лампочка. Но это так, на всякий случай. Все мелкие дела я могу делать и у себя в мастерской и днем, не вызывая подозрения. А вот ту работу, которая потребует много сил и времени, я могу сделать в твое дежурство.

— Хорошо. Более того, когда у меня будет свободное время днем, я могу тебя страховать. Теперь давай решим, что тебе нужно в первую очередь.

— Вот это, самая трудная задача. Мне нужен двигатель. Мосты и коробка с раздаткой у меня уже есть, я их снял с разбитой «Нивы», которая валяется на свалке.

— Молодец, и когда только успел, даже я не заметил. Наверное, стареть стал. Погоди, но ведь там есть мотор.

— Мотор там есть, но весь разбитый. Его будет очень трудно восстановить.

— Если там чего-то не хватает, ты только скажи, я постараюсь достать.

— Спасибо, но дело в том, что такой большой мне не нужен. Для такого мотора с собой нужно цистерну бензина везти. В тундре нет заправок для таких беглецов как я. Мне нужен маленький мотор, такой, к примеру, как на переносных электростанциях ставят. Такие станции используются для полевых работ, их еще зидовцами называют. Вот это был бы настоящий подарок.

— Есть у меня такая станция, но она у меня на балансе стоит, но ничего, я постараюсь списать ее.

— А другого ничего нет? Ну, допустим, списанного, может я смогу его восстановить.

— Мне кажется, что есть такой, но он немножко не такой.

— Ты начал говорить загадками.

— Да какие там загадки, просто это переносная водяная помпа.

— Вот это уже интересно. А какой там двигатель стоит?

— Помпа эта совершенно новая. Мы получили ее для откачки воды на заводе. Сначала она работала очень хорошо. Двигатель на ней двухцилиндровый, достаточно мощный и не в пример нашим зидовцам, он еще в два раза экономичнее. Но дело в том, что он, отработав недели три, заглох, и больше, как мы не старались, завести его уже не смогли. Наши спецы смотрели, но дело в том, что двигатель на ней английского производства, и инструкция на него была на английском языке, и ту они умудрились потерять. Я думаю, что они ее просто выбросили, чтобы не возится. Она еще некоторое время стояла в цехе, а потом я ее списал и отправил на склад. Жаль было выбрасывать новую вещь.

— Паша, дорогой ты мой человек. Это просто замечательно. Надо в ближайшее время посмотреть его.

Они еще некоторое время уточняли, что еще может понадобиться, и как доставать

недостающие материалы. Когда все предварительные вопросы были закончены, завхоз попросил Антона рассказать, как и почему он попал в зону.

Времени было достаточно. Антон не скрывая, вкратце поведал ему всю жизнь, начиная с самого детства и кончая этапом на Север.

— Да, помотала тебя судьбинушка. Не хотел бы я оказаться на твоём месте.

— Ничего, даст бог через год судьба улыбнется мне. Да и ты вздохнешь свежим воздухом. Поедешь домой к родителям, там другая жизнь начнется. Это только такому одинокому волку как я ехать некуда, потому как скрываться надо, а тебя ждут. В жизни человека самое главное, чтобы он был уверен, что у него крепкие те серебряные нити, которые незримо соединяют между собой его и его семью. А насколько они будут крепки, уже зависит от самого человека.

— Это что за серебряные нити такие?

— Это, Паша, плод моих размышлений, по поводу родственных связей. Это вроде закономерности в отношениях между детьми и их родителями.

— Ну-ка поделись со мной, если не секрет, конечно.

— Нет в этом никакого секрета. Я попытаюсь, как смогу объяснить тебе, а ты уж сам реши, понятно оно для тебя или нет.

Теперь представь, рождается ребенок. Сразу после рождения он начинает кричать, так он выражает свое недовольство тем, что его лишили привычной среды обитания. Не надо думать, что будучи такой крохой, ребенок не может думать и ощущать, напротив, не имея возможности высказаться, он выражает свои чувства криком и плачем.

Хорошая мать всегда по его плачу может узнать, мокрые у него пеленки, или он хочет кушать, или у него болит животик, а это у них часто бывает, особенно в первый год после рождения. Затем ребенок подрастает. Он уже требует большего внимания к себе. Но всегда чувствует мамины руки.

Ты, наверное, тоже замечал, что как только мама берет на руки ребенка, он тут же замолкает, и наоборот, как только он почувствует чужие руки, тут же начинает кричать. Так вот, эта маленькая кроха подсознательно чувствует защиту и понимает, именно в этих руках он будет в полной безопасности.

Вскоре ребенок начинает подрастать, делает первые шаги. Первые шаги пробуждают в нем уверенность в себе. Ты, наверное, не раз замечал, как ребенок, которого ведут за ручку, старается вырваться и бежать впереди своей матери.

Вот с этого момента, и начинается восхождение его на вершину жизни, которую человек пытается покорить. Некоторым удастся подняться на самую вершину, другие срываются и падают к ее подножию.

Но жизнь нашего ребенка продолжается, и вот уже он с ранцем за плечами идет в первый класс. Он вступает смело в новую для него среду. Он уверен и чувствует, что за ним всегда будет его мама. Уверен, что его мама в любой момент может подхватить его, когда он ненароком оступится. Ребенок не оборачивается назад, он знает, что его серебряные нити крепки, и стремится все выше и выше по склону своей горы.

Часто спотыкаясь и обходя препятствия, он останавливается на минуту, оглядывается и видит, что у самого подножия стоит его мама и папа, готовые придти ему на помощь.

Человечек продолжает свое восхождение, чувствуя, что большую часть ответственности за его восхождение лежит на плечах его родителей. Воодушевленный этим, он все быстрее набирает обороты. Продолжая свое нелегкое восхождение, он все реже оглядывается назад, и

в какой-то момент начинает замечать, что те, серебряные нити, до сей поры казавшиеся толстыми, на самом деле стали слишком тонкими и хрупкими.

Однажды в очередную остановку он оглядывается и уже не видит больше своих родителей. В отчаянии он садится на камень, и только сейчас начинает осознавать, чего он лишился. Теперь у него нет советников, нет наставников. Его досель могучие плечи опускаются под грузом ответственности, как за свою судьбу и поступки, так и за судьбу его детей.

Проходит время. Время многое может лечить. Лечит время и тяжесть утраты. Человек поднимается, и вновь продолжает свое восхождение, но уже больше не оглядывается, а зря.

Наконец, у самой вершины он останавливается, оборачивается посмотреть, как высоко он поднялся. Теперь он видит, что по склону поднимается маленький еще человечек, а у самого подножия стоит еще довольно молодой человек, с простертыми вверх руками и провожает малыша. Присмотревшись внимательней, он узнает себя в одиноко стоящей фигуре.

Оказывается это он стоит у самого подножия горы, и, воздев руки вверх, провожает уже своего ребенка. Он стоит и молится, чтобы серебряные нити, оставались как можно дольше крепкими и надежными. Только теперь он начинает понимать, что крепость этих нитей зависит не только от его желания, но и от желания его ребенка. А вот желание ребенка зависит от того, какими они были у его родителей.

Только примером можно пробудить желание сохранять родственные связи. Только так и никак иначе. Только стоя на самой вершине, человек с грустью понимает, как мало времени уделяли его родители, а затем и он сам в воспитании своего поколения. Они не достаточно научили их хранить те самые нити, которые связывают отношения между детьми и родителями, между родственниками, друзьями и любовью к Родине, как бы это возвышенно не звучало.

— А что, замечательная мудрость. И главное, ко мне вполне применима. Спасибо тебе, Антон, и за мудрость в том числе. Пора мне, Наталка, наверное, заждалась уже.

Оставшись один, Антон стал размышлять, какой должна быть его самоходка. Особенно его интересовал вопрос проходимости. Путь предстоял неблизкий, а двигаться придется по глубокому снегу, преодолевая различные препятствия.

На следующий день завхоз позвал Антона осмотреть двигатель. Осмотрев внешне и изучив таблички, Антон пришел в восторг от такого двигателя. Габариты его были небольшими, а самое главное, он был мощнее советских, да еще и экономичен, что было немаловажным в его ситуации. Он смотрел на двигатель, а в голове уже плясали разные расчеты.

— Ты что уставился на него, как кот на сало? Не подходит что ли?

— Паша, о чем ты говоришь. Он подходит, да еще как подходит.

— Если подходит, тогда иди, найди себе помощника, и забирай его к себе.

— Как забирать? Прямо ко мне?

— Конечно, к тебе. А ты что, думал, что я так и буду стоять с тобой рядом, пока ты будешь его ремонтировать.

— Мало ли кто увидит. Начнут задавать вопросы.

— Все будет нормально. Если будут задавать вопросы, скажешь, что я приказал. И вообще, можно большую часть делать совершенно открыто. Никого это не должно интересовать. Всем говори, что делаешь по моей просьбе. Никого не должно интересовать, зачем мне понадобилось сделать то или иное. Пойми, у нас очень мало времени. И еще, открыто на глазах у всех, это не будет выглядеть подозрительным. Я не думаю, что найдется кретин, который будет бегать к шефу с докладом, что я приказал сделать тебе какую-нибудь железяку. Если даже случится такое, я найду что ответить хозяину. К тому же, шеф не любит ходить по хозчасти, у него свои проблемы. Теперь понятно?

— Я как-то об этом не подумал. Это просто здорово, и действительно будет гораздо быстрее.

— Вот и договорились. Все можешь делать открыто, в тихую только то, что может вызвать подозрение. Лишнее у себя не храни. Готовые узлы и агрегаты будем хранить у меня в пристройке. В пристройке позже займешься сборкой, когда все будет готово. Мне кажется, что сборкой можно заняться уже ближе к октябрю, а на сборку тебе двух месяцев хватит. То, что недоделанное будет, то будешь хранить в четвертой комнате, я дам от нее ключи, сделаешь себе дубликаты.

— Спасибо, Павел, я буду очень осторожен, и сделаю все, как ты говоришь.

— Еще одно. Думаю, что это во многом облегчит тебе жизнь. В начале сезона, еще до начала запуска завода, я заберу у тебя помощника. На заводе ему найдется работа, а тебе организуем постоянное проживание при станции. Твой помощник хоть и лодырь, каких свет не видывал, но он все же не дурак, может заподозрить что-нибудь. Ты будешь постоянно находиться здесь, естественно времени у тебя будет гораздо больше. Ну как, справишься один?

— Вот это действительно царский подарок. А с работой я справлюсь, можешь, не беспокоится.

— Ну, вот и славно. Теперь беги искать помощника и забирай это чудо техники.

Через двадцать минут двигатель вместе с помпой уже находился у Антона в слесарне.

Забегая вперед скажу, что только один человек поинтересовался, зачем он находится в слесарне. Этим человеком был зам хозяина Комов. Антон смело ему доложил, что завхоз заставил его отремонтировать. На следующий день он доложил завхозу о разговоре.

— Комов уже спрашивал меня. Он, бестия такая, спросил меня как бы между делом. Я ответил, что попросил тебя посмотреть, если получится отремонтировать, тогда я заберу его на завод, а если нет, то разберу на запчасти, а остальное выброшу на свалку. Ты продолжай спокойно работать, если что, ссылайся на меня и все будет в порядке.

Антон смело принялся за работу. Сняв защитный кожух, он в первую очередь проверил прибором всю электронику. Как он и предполагал, перегорело одно из сопротивлений блока для запуска двигателя. Заводского естественно не оказалось на складе, да и достать не получилось. Антон сделал расчеты и попросил завхоза достать три советских. Спаяв их вместе, у него получилось одно нужной мощности.

Пока завхоз доставал нужные запчасти, Антон отсоединил помпу от двигателя и старательно записал на бумаге все размеры двигателя. Так как двигатель был вмонтирован в свой защитный кожух, Антон решил установить его вместе с кожухом. Это было выгодно тем, что не пришлось изготавливать другой для защиты двигателя от непогоды.

Потом он сел за чертежи. Поработать пришлось изрядно, но тем отрадно было то, что его задумка полностью удалась. Предусмотрел все до мелочей. Составил список последовательной сборки, учитывая все нюансы.

Он понимал, что собирать придется в сложных условиях, а во время сборки переделка была крайне нежелательной.

Когда электроника была готова, Антон в присутствии завхоза запустил двигатель. Двигатель легко запустился, работал ровно без рывков на любых оборотах. Результат порадовал их. Единственным недостатком было то, что глушитель недостаточно глушил звук работающего мотора. Тогда было принято решение изготовить дополнительный глушитель. И подсоединить его последовательно.

Конечно, в такой ситуации двигатель терял незначительную часть мощности, но это не могло кардинально повлиять на общую мощность. Зато, в результате, двигатель стал работать почти неслышно. Они оба остались довольные работой двигателя.

Испытав, таким образом, сердце самоходки, Антон отнес его в пристройку, и занялся изготовлением рамы и топливного бака. Эта была самая трудная работа, но он не зря потратил столько времени над чертежами.

Из пристройки завхоза он принес несколько алюминиевых швеллеров и плоские листы. Нарезав швеллера нужного размера, сварил раму, укрепив ее для прочности косынками. Затем просверлил все нужные отверстия. Теперь рама была готова.

Из плоских листов он изготовил топливный бак, который одновременно служил и сидением, и днищем самоходки, а за одно и бортами кузова. Вварив в него топливозаборную трубку и заливную горловину, он приварил эту ужасную конструкцию к основанию рамы. Теперь основной каркас был прочным, и мог выдержать значительные нагрузки.

По просьбе Антона завхоз принес ему вал с подшипниками от строгального станка и два разных по диаметру трехручьевых шкива. Он установил на раму вал, и на один его конец закрепил шкив большего диаметра, а маленький закрепил к коленчатому валу двигателя. Так он добился уменьшения передаточного числа с двигателя на трансмиссию.

На другом конце вала он закрепил маховик и сцепление снятые с разбитой «Нивы». Вместо натяжного ролика для ремней он использовал снятый с той же «Нивы» генератор.

Постепенно подогнал все узлы и агрегаты.

Подгонял он их поочередно. Подогнав один агрегат, он снимал его и переносил в пристройку. Вскоре было все готово, вплоть до тормозов и рулевого управления.

Теперь Антон был уверен, что на такой самоходке можно преодолевать любые препятствия.

По сравнению с «Нивой» передаточное число уменьшилось в несколько раз. Теперь она могла двигаться даже медленнее человека, но на повышенной передаче могла ускоряться до шестидесяти-семидесяти километров в час. Но такую скорость она могла развивать на стандартных колесах, а так как он рассчитывал изготовить достаточно большие колеса, то скорость может увеличиться. Это ему было не нужно, так как основной его путь лежал по бездорожью, то на средней передаче его двигатель будет работать без больших нагрузок. Этого он и добивался.

Закончив с подгонкой агрегатов, они с завхозом ночью перенесли каркас в пристройку.

Теперь встал вопрос, как изготовить колеса. Для этого он взял у завхоза емкости, которые заметил еще в первый раз, когда посетил пристройку. Это были круглые сплюснутые канистры круглой формы. Разрезав их по сварочному шву и убрав ручки, у него получились две половинки похожие на металлические миски, только большого размера. Сложив их обратными сторонами и добавив в середину стальную пластину для большей крепости, Антон сварил их.

Просверлив в центре отверстия для шпилек и ступицы, у него получился прекрасный диск для колеса. Сделав диски, он попросил у завхоза автомобильные камеры от внедорожника «КРАЗ», который в простонародье называют «лаптежник».

У завхоза нашлась сырая резина в рулонах шириной по пятьдесят сантиметров. Она применялась как для вулканизации автомобильных камер, так и для обмотки и изоляции теплосетей.

Антон приготовил своеобразный клей. Он взял емкость, нарезал в нее мелких кусков сырой резины и залил все это бензином. Через два дня резина растворилась в бензине, превратившись в густую клейкую массу.

Антон накачал камеру, затем, промазав ее клеем, обмотал ее сырой резиной. Затем, положив еще один слой клея, обмотал камеру принесенной завхозом сетью от рыбацкого траля. Затем был еще один слой резины, и только после этого он натянул на нее предварительно срезанную верхнюю часть другой камеры.

Таким образом, получилось довольно прочное колесо. Для лучшего сцепления со снегом завхоз принес Антону ленту с завода для транспортера. Антон нарезал из нее длинные узкие полоски. Затем по середине прикрепил к ней еще по две коротких, положив их друг на друга, затем скрепил их болтами с плоскими шляпками. Приспустив немного камеру, он одел ее на диск. Закрепил один конец полоски на краю диска, он перекинул полоску через камеру, закрепил другой конец с обратной стороны диска. Когда он закрепил остальные полосы и накачал колесо, то завхоз, увидев эту конструкцию, с восторгом воскликнул:

— Да на таких колесах можно свободно ехать до самой Камчатки и обратно. Эти полосы будут грести снег не хуже тракторных гусениц, а торчащие кончики болтов, будут играть роль шипов при езде по льду.

Вскоре колеса были готовы. Антон, глядя на свою будущую самоходку, решил сделать еще и запасное колесо, которое он решил закрепить в задней части, присоединив его стоя к

задней стенке кузова. Завхоз одобрил его идею, давая ему несколько запасных ремней для двигателя.

— Бери с собой, ты будешь везти на транспорте, а не пешком нести. В дороге всякое может случиться, а попросить будет не у кого.

Бензином его обеспечил завхоз. Он часто ездил один на ГАЗ-66, который числился за ним по хозяйству. Он привозил бензин в небольших канистрах. Антон переливал их в бак.

По его подсчетам в бак самоходки вошло больше четырехсот литров. По расчетам Антона, если двигатель будет расходовать даже по три литра в час, то все равно бака хватит, чтобы уехать далеко за Урал. Это внушало ему много оптимизма, ведь лучше плохо ехать, чем хорошо идти пешком.

В начале октября машина была полностью собрана. В одно из дежурств завхоза они поздно ночью выкатили из пристройки самоходку. Антон запустил двигатель и сделал пробные круги на заднем дворе. Машина хорошо показала себя на ходу и в управлении. Двигатель работал почти без шума, да и тот глушили гудящие электродвигатели котельной.

Закончив коротенькое испытание, Антон загнал ее в пристройку, затем прикрыл вход бочками.

— Ну, как аппарат, Антон?

— Превосходно. Я даже не ожидал такого результата.

— Вот если бы на нее еще кабину поставить, от ветра была бы защита.

— Да, кабина на ней не помешала бы.

— Так в чем дело. Время у тебя еще есть, вот и займись этим.

— Боюсь, что тяжелой окажется.

— А ты сделай ее облегченной. Я дам тебе алюминиевые трубки, ты согнешь их и обтянешь брезентом. Получится кабина как на «Уазике».

— А что, это идея, у меня даже заднее стекло есть от «нивы», будет вместо лобового.

— Вот и замечательно. Еще у меня есть две фары, ну такие, как на «Уазиках» на водительской двери крепят. Закрепишь их сверху на трубах. Генератор у тебя есть уже, а я дам тебе новый аккумулятор. Я его выпишу на свой «Газик», а он еще ходит и на старом. А после нового года, пусть делают, что хотят со старым аккумулятором, мне уже будет все по барабану.

Антон был практически готов к побегу, но вскоре произошел случай, который мог повлиять на его планы.

Последние полгода, он почти не находился в зоне. Жить приходилось прямо на рабочем месте. Он урывками прибегал в зону, чтобы получить продукты на пару дней и вновь убегал.

Однажды в очередной приход в столовой он встретил одного из помощников Ивана со странной кличкой Жмых. Из разговора с ним узнал, что в зоне назревает конфликт, так называемый передел сфер влияния.

— Жмых, что за конфликт? Расскажи подробнее.

— Ты помнишь, как весной к нам заслали большую партию зеков?

— Помню, тогда человек тридцать пригнали.

— Вот, вместе с ними прибыл и авторитет по кличке Кабан.

— Видел я его пару раз. Он действительно похож на кабана.

— Ты не поверишь, но эта сволочь решила Бузу под себя подмять. Понимаешь, на место пахана метит. Буза уже говорил ему, что не время заниматься сейчас такими делами. Он сказал ему, что по весне откинется, тогда, мол, Кабан может спокойно занять его место. Но

Кабан, по-видимому, полный отморозок, раз решил действовать не по понятиям и свалить действующего пахана, не дождавшись его отсидки. Он не думает, что это ему так просто не пройдет. Короче, в зоне кипиш идет полным ходом.

— А что Буза по этому поводу предпринимает?

— Понимаешь, Буза сейчас не хочет терки устраивать. Ему всего полгода осталось, и лишний раз в косяк влетать тоже не в жилу, а эта свинья мирно не хочет. Я Бузу понимаю. Он уже как-то намекал, что стар стал, и хочет отойти от нашей жизни и закончить свой век в своей постели вдалеке от людской суеты. Боюсь, что теперь его мечтам не сбыться. Теперь сложилась такая ситуация, что сломаться Буза просто не имеет права. Ему необходимо отстаивать свое положение. Это закон чести, и поступиться этим он не может, а без шума и крови тут не обойтись.

— А вы куда смотрите? Не можете Кабана на перо посадить?

— Сейчас может пойти нежелательный резонанс. Все уже знают, что конфликт в самом разгаре.

Антон был просто в ярости. Ему только этого конфликта для полного счастья не хватало. Отвесив увесистый подзатыльник Жмыху, он зло процедил сквозь зубы.

— Тоже мне помощники. Вы куда до сих пор смотрели. Нужно было раньше при первой его попытке на нож садить, а вы поди переговоры затеяли, дипломаты хреновы. Ладно, не обижайся на меня. Вот возьми коробку с продуктами, отнеси в барак, а я сейчас зайду в швейный цех по делам, потом загляну в барак за коробкой, заодно и с Бузой перетрем, как из этой бодяги выбираться.

Антон ушел в цех, его попросили кое-что отремонтировать. Близился конец смены.

Антон, выполнив свою работу, ушел. Он очень торопился встретиться с Иваном. Войдя в барак, увидел, что в центре помещения собралась приличная толпа зеков. Подойдя ближе, он поднялся на носки, заглядывая в круг толпы поверх их голов, благо его рост позволял это сделать.

В центре круга на столе, болтая ногами, сидел Кабан, сверля Бузу своими маленькими глазками, который стоял между рядами кроватей в окружении четырех помощников.

Силы явно были неравны. Иван хоть и не подавал вида, но Антон видел, что тот сильно взволнован. Антону достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что произойдет в ближайшие минуты. Это совсем не входило в его планы.

Он прекрасно понимал, что если сейчас начнется резня, а она судя по всему обязательно будет, то последствия будут непредсказуемые. Зону поставят на уши. Начнутся тотальные проверки, обыски. Будут усилены наряды. Он возможно и останется на своем рабочем месте, но под усиленным контролем.

Решение пришло в считанные секунды. Чтобы избежать большой крови, он решил вмешаться. Вдруг он увидел, как из толпы выскользнул молодой парнишка. Этого озорного молодца Антон не раз видел в окружении Ивана. Он всегда выполнял мелкие поручения. Остановив его, Антон нарочито громко спросил.

— Сынок, а что здесь происходит? По какому случаю шабаш затеяли?

— Ты что, Седой, сам не видишь? Революция у нас, братва Север делит.

— А ты, — подмигнув ему, продолжал так же громко Антон, — бежишь как тот пингвин, свое тело жирное в утесах прятать?

— Ты, Седой, ничего не понимаешь. Ты вот скажи, тебе приходилось видеть мультик про Маугли?

— Ну, видел, — в такт его шутке ответил он, делая при этом вид, что не понимает, куда клонит парнишка.

— Вот там, есть такое выражение: «А мы пойдём на Север». Теперь понятно?

— Да куда уж дальше, мы и так на самом краю географии. Дальше нас только белые медведи бродят. Так что придется тебе задержаться на минуту. Посиди на кроватке пока, — с этими словами он как ребенка подхватил его под мышки и усадил на верхний ярус кровати, шепнув при этом на ухо, — потом поможешь мне.

Войдя в центр круга, он посмотрел на Ивана. Иван слегка покачал ему головой, давая понять, что ему не следует вмешиваться в эти разборки. Антон на этот раз не послушался его. Отвернувшись, он обратился к Кабану.

— Что, Кабан, так уж не терпится взять власть в свои руки?

— Не твое это дело, ты лучше иди, куда шел, целее будешь.

— Зря ты это затеял. Бузе всего несколько месяцев осталось, а у тебя весь срок впереди. Успеешь еще властью насладиться.

— Заткни свою пасть, баклан, — с налитыми от крови глазами, прошипел он, — иначе я сам тебе ее заткну. Проваливай, это пока тебя не касается, придет время, я с тобой разберусь.

— А что, все согласны с Кабаном? — обратился Антон к толпе. — Вы ведь все здесь нормальные пацаны, и прекрасно знаете, что Кабан поступает не по понятиям.

— Хватит, давно пора менять пахана, — выкрикнул кто-то из толпы.

— Зря вы так, мужики. Шум большой поднимется.

— Ни какого шума не будет. Их всего пятеро осталось.

— Ну не совсем так. Буза, — повернулся он к Ивану, — может ты мне передашь свои полномочия. Будем считать это как наследство. Мне как раз это подходит. Срок у меня большой, еще тринадцать зим с хвостиком барабанить. Буду здесь порядок блюсти. Ну как, согласен?

— Заманчивое предложение, и я бы рад это сделать, да загвоздка в том, что ты случайный у нас пассажир, а вот Кабан авторитетный вор. А вообще, нужно узнать голос народа. Как народ скажет, так и будет.

— Ну что, Кабан, у тебя еще один соперник образовался, — крикнул молодой парнишка и незаметно подмигнул Антону.

Кабан от души рассмеялся или сделал вид, что ему так весело.

— А что, братаны, давайте завалим сейчас этого пахана с его кодлой, а за одно и конкурента на перо посадим.

Антон повернулся к Ивану.

— Слушай, Буза, не посчитай это за подлянку, но отойди дальше в проход, позволь мне с пацанами терки уладить, — затем повернулся к Кабану. — Кабан, понимаешь, в чем дело, у нас в отряде все знают, что я привык держать мазу за своих пацанов. Поверь, мне совсем не в жилу, когда приходит какая-то свиноматка из чужого сарая и пытается ткнуть меня носом в свое грязное корыто, — отвернувшись от побагровевшего Кабана, он окинул взглядом стоящую вокруг него толпу.

Острый взгляд отметил, что за время его разговора, свита Кабана заметно поредела. Осталось не более тринадцати человек. Видимо, кто-то из своих поработал агитатором.

— Ну, теперь держись, сявка поганая. Мы будем тебя на кусочки строгать.

— Да ради бога. Кто тебе не дает, — Антон сбросил курточку и, оставшись по пояс голым, продолжил. — Ну, что стоите как стадо баранов или повторения ждете?

— Сделайте его ребята, потом Бузу покрошим.

На этот раз братки дружно бросились на Антона. Антон был только рад этому. Он прекрасно понимал, что именно в этой драке решится вопрос, кому быть смотрящим в зоне.

Он знал свои возможности и знал, что в драке с ним крови не будет. Зато вопрос решится в его пользу. И еще был один немаловажный стимул завести эту мразь.

Ему до чертиков надоели эти рожи, которые никогда не работали, а только крутились рядом с такими как Кабан. Они привыкли вкусно есть и сладко спать. Для развлечения всегда находили себе жертву из низшего ранга, как они считали, и начинали издеваться над ним.

Это до того раздражало Антона, что он был только рад представленной возможности почесать свои кулаки и, наконец, расслабиться от души.

Схватка длилась недолго. Уже через несколько минут все было кончено. Антон стоял в центре комнаты, скрестив руки на груди, и зло смотрел на сидящего на столе Кабана. Остальные лежали на полу. Кто-то был без сознания, некоторые пытались со стоном уползти прочь, другие, получив перелом, корчились на полу от боли. Нашлись и такие, которые выплевывали кровь изо рта, вместе с зубами, пытаясь понять при этом, почему их нижняя челюсть смотрит куда-то в бок.

В бараке воцарилась тишина, и только молодой парнишка, сидя наверху, продолжал размахивать руками направо и налево, имитируя схватку Антона.

Кабан сидел бледный, сцепив крепко пальцы рук. Губы его дрожали. Лишившись защиты, он понимал, что теперь за его жизнь никто не даст даже ломаного гроша. Он не мог совладать со своей дрожью, он боялся за свою жизнь.

— Да не трясись ты. Никто тебя убивать не собирается, — одеваясь, сказал Антон Кабану. — Но и ты нас пойми. Ты нарушил все правила чести, и мы вынуждены наказать тебя. Отныне ты лишен звания авторитета, за все нужно платить, — затем, подняв руки вверх продекламировал. — Да воздастся каждому по делам его.

Затем он схватил Кабана левой рукой за грудки, подняв его вверх, а правой нанес сильный удар в солнечное сплетение. От удара Кабан согнулся пополам и выскользнул из рук Антона, рухнул на пол. Он лежал на полу, еле шевеля губами, пытаясь глотнуть воздуха.

Не обращая на это внимания, Антон рывком поднял его и перегнул через спинку кровати. Кабан начал дергаться, но Антон ударил его ребром ладони по тонкой шее. Кабан тихо обмяк.

Антон, придерживая его одной рукой за спину, другой с силой рванул за пояс. Посыпались пуговицы на пол, при этом штаны упали на пол, оголив его белоснежную кожу.

— Ну что, Мелкий, — обратился он к молодому пареньку, — я ведь говорил тебе, что понадобится твоя помощь, — у парня, от увиденного глаза горели как электрические лампочки. — Вот и пришла твоя пора поработать на благо человечества. А это твоя зарплата, — после этих слов Антон достал из кармана пачку сигарет и положил ее на спину Кабана.

После этих слов, парнишка соскочил с кровати и пулей подлетел к Антону.

— Для тебя, Седой, я рад стараться хоть сто порций.

— Можешь и сто порций, но учти, что пачка сигарет у меня только одна.

— А мне хватит и одной. Зато я буду первый.

— Тогда можешь приступать, — и, обращаясь к присутствующим, добавил, — извините, братва, но у меня больше сигарет нету. Если кто-то захочет воспользоваться халявой, то

милости просим, — отвернувшись, он подошел к Ивану.

Отойдя с ним в сторону, Антон спросил.

— Ваня, я не очень перегнул палку, поступив так с этой свиньей?

— Все нормально братишка. Просто так это оставлять тоже не годится. Пойми, если бы ты спустил все это на тормозах, то через пару месяцев он вновь принялся бы за свое. Таким он уродился. Теперь можно дышать свободно. Больше он не посмеет поднять голову.

— Хорошо. Плохо то, что ты не предупредил меня раньше.

— Извини, Антон, не хотел тебя впутывать в это. Хорошо, если все обойдется и хозяин не узнает про твои проделки. А вообще, ты просто зверь, Антоха. Я такой концерт первый раз в жизни видел. Ты в первую нашу встречу говорил мне, что многое умеешь, наконец-то, я своими глазами увидел это.

— Не хочу хвастаться, но ты видел только, как я немного развлек себя. Все это было играючи. Если бы это было по-настоящему, то их пришлось бы вынести за забор на постоянное место жительства. Ваня, ты лучше предупреди братву, что меня здесь не было.

— Понял тебя, — повернувшись, он громко крикнул, — слушайте все, Седого здесь давно не видели, тем более сегодня. Всем понятно?

— Ясно, что не было, — слышались нестройные голоса.

— Предупреждаю, что если кто-то не совсем понял, и слушок дойдет до хозяина, то все, что происходит сейчас с Кабаном, покажется ему легкой забавой. Жмых, составь список всех, кто присутствовал здесь, так будет легче потом вычислить стукача. Предупреждаю всех, что сегодня произошла небольшая драка между собой, — затем шепнул Антону. — Ты иди, не ровен час, зайдет кто. Если слух все же пойдет, то я скажу, что, мол, Кабан пытался бузу в зоне поднять, вот его и отговорили. Иди, все будет нормально. Ты ведь знаешь, что хозяин страсть как не любит шумихи в зоне. Глядишь, хозяин еще и благодарность нам объявит.

Антон, попрощавшись с Иваном, прихватил свою коробку с провизией, и поспешил наружу, подальше от этого зрелища.

Он был доволен собой. Теперь, когда враг повержен, ему никто пока не угрожает, и оставшиеся два месяца можно прожить в относительном спокойствии.

Кабана он не жалел. Пусть теперь он испытает все то, что испытывали те, над которыми он в свое время издевался. Теперь и у него остаются те два выхода, как и у других. Первый выход, это тихонько покончить с собой, или остаться в живых, но тогда ему придется жить и питаться отдельно от остальных, вместе с петухами. Теперь над ним будут издеваться и насмехаться, унижая каждый раз. Если даже он умудрится отсидеть свой срок и выйти на волю, то и на воле ему не будет легче.

С блуждающей улыбкой на лице он подошел к проходной, где встретил замначальника. Комов как раз собирался пройти по баракам до ужина, как он делал всякий раз, когда у него было хорошее настроение.

— Седой, ты откуда летишь такой счастливый? Неужели клад нашел и прячешь его в своей коробке?

— Ну что вы, гражданин начальник. В коробке продукты, в столовке получил, а там мужики мне пару анекдотов рассказали, вот я под впечатлением и улыбаюсь.

— А ну, поведай мне, что там за новые анекдоты появились.

— Первый анекдот значит такой, — стал рассказывать Антон. — Дело было зимой, в деревне. Морозы стояли лютые. Воробей летит и до того замерз, что даже клюв открыть не может, не то что зачирикать. Вот видит, корова прошла и оставила за собой большую лепешку. Лепешка горячая, парит вся. Воробей прыгнул в нее, стал греться. Вскоре согрелся, вскочил на ноги и давай весело чирикать. На беду, мимо проходил соседский кот. Кот подкрался и хватъ воробья, и потащил его в укромное место. Воробей висит в зубах кота и думает, вот скажи, что я не идиот, сидел себе в тепле, так нет же, надо обязательно похвастаться перед всеми.

Комов от души посмеялся. Он вообще очень любил анекдоты.

— А теперь рассказывай второй, — видя, что Антон собирается уходить.

— Простите, гражданин начальник, можно я второй расскажу на ходу, а то я очень тороплюсь, у меня в слесарне аппарат дистиллированную воду без присмотра гонит. Мало ли, что случится, — и, увлекая его с собой, повел обратно на проходную. — Вторым анекдотом, значит такой. Провалилась в лесу в яму дикая свинка. Следом за ней угодила лиса, а потом волк. Посмотрел на них волк, понял, что голодная смерть ему не грозит, и завыл от счастья. Вскоре видит, что в яму заглядывает охотник. Охотник увидел такую добычу и говорит: — Повезло мне сегодня. Свинка пойдет на мясо, лисица на воротник, а волчья шкура будет ковриком у порога. Загрустил волк и говорит: — Посмотри на меня мужик, и скажи, ты хоть раз в своей жизни видел такого кретина как я. — А почему ты считаешь себя кретином? — Да потому, что у меня была еда, — и показал на свинью, — был секс, — он показал на лисицу, — так вот этому крестину еще и культурного развлечения захотелось, песни мне подавай.

Комов еще долго смеялся, но уже за территорией зоны, куда его Антон незаметно вывел.

— И где эти черти все эти анекдоты берут. Ладно, Седой, спасибо, что повеселил. Пойду и я кого-нибудь, повеселю, — повернувшись, он пошел в поселок, напрочь забыв, что шел с проверкой по баракам.

Антон спешил к себе в слесарку. Он был доволен, что удалось отвлечь Кума от проверки, который, попав в барак, обязательно заметил бы последствия разборки. Администрация вскоре все равно узнала о происшествии, но все прошло без последствий. Руководство, как правило, старалось не замечать мелкие стычки за главенствующие позиции между зеками.

Для руководства главным критерием в этом было то, чтобы в зоне был порядок, а порядок мог навести только пахан зоны. А кто это будет, их не интересовало.

Так была устроена вся система лагерей. Руководство шло на некоторые уступки по отношению к небольшой группе уголовников, те в свою очередь обеспечивали относительный порядок в зоне. И те и другие были довольны друг другом.

Все складывалось очень хорошо. К концу ноября самоходка была полностью готова. Антон по совету завхоза сделал кабину из брезента, закрепив вместо лобового стекла, стекло снятое с разбитой машины. Рядом со стеклом установил самое необходимое, это компас и разбитый спидометр, счетчик которого работал исправно. Теперь он в дороге мог двигаться по компасу в отсутствии звезд, а так же мог легко рассчитать пройденное расстояние.

Расчет был прост. Расстояние, пройденное по счетчику, умножалось на три и две десятых. Это было связано с тем, что самодельные колеса были в три раза больше тех, которые ставились заводом.

Установил фары и сделал внутреннее освещение. Теперь оставалось, только загрузить самоходку необходимыми припасами, и можно было смело отправляться в путь.

Первое декабря, погода выдалась на редкость тихая и морозная. Вечером к Антону зашел завхоз.

— Ну как, Антон? У тебя все готово, или еще что-нибудь не хватает?

— Все нормально, Паша. Машина, слава богу, готова, а все остальное я загрузу перед отправкой. Спасибо хозяину, он продумал за меня все и приготовил у себя в гараже.

— Ты, пройдоха, уже и там побывал?

— Да я побывал там еще год назад, как только ты сказал, что хозяин заядлый охотник. Ты был прав. В этом гараже только молока от пингвина не хватает, а так все есть, что может мне понадобиться. Мне остается, только немного хлеба запастись, но это я успею сделать, а все остальное: консервы, тушенка и все прочее, приготовил хозяин.

— Хорошо. А когда решил уходить?

— Думаю в ночь на Новый год. Хозяин уедет в отпуск, Комов будет пить беспробудно, а все остальные в отсутствии начальства обязанности свои исполнять будут спустя рукава. Мне кажется это самый оптимальный вариант, и думаю, что лучшего шанса у меня может и не быть.

— Ты правильно рассчитал. А я к тебе сегодня не с пустыми руками, — с этими словами он достал из кармана бушлата туго перетянутый тонкой ленточкой пакет. — Ты хоть и не напоминал, но Наталка не забыла свое обещание. Держи, это твои документы.

— Вот за это тебе с Натальей Сергеевной особая моя благодарность.

— Но здесь на все, что было в папке. Здесь только твои настоящие документы, а всю макулатуру, которую они на тебя завели, она оставила на месте. Те бумажки не имеют юридической силы. В случае успешного побега, я думаю, что они сами их уничтожат. Что касается отпечатков пальцев, то Наталка изъяла их из дела маньяка и положила туда его собственные из твоей папки, а твои уничтожила. В этом пакете все: и твои дипломы, и офицерское удостоверение, и пенсионное, и сберегательная книжка. Я уверен, что все это

время тебе исправно начисляли пенсию. Будешь на свободе, получишь приличную сумму.

— Не думаю, что в ближайшее время я попаду в Москву. Снять деньги я могу только в банке Подольска, да и то, какая там может быть сумма, ты же видишь, что деньги съедает инфляция. Мне нужно отсидеться некоторое время в далекой глуши, пока времена не изменятся. Думаю, что года через два, я на эту сумму даже ботинок приличных не смогу купить.

— В этом ты прав, времена действительно сильно изменились. Слава богу, что я уезжаю на родину. Там, среди своих, легче будет пережить этот бардак. И последнее. Я, Антон Максимович, за одно зашел попрощаться с тобой. Завтра я передаю дела.

— Но ведь еще нет нового человека.

— Пока сдам старшему лейтенанту Алехину. Он будет временно исполнять мои обязанности, пока не пришлют нового человека. Я думаю, что Алехин будет вместо меня, как минимум три месяца, а если будет справляться, то возможно могут и оставить. Не знаю, что будет дальше, да, честно говоря, и знать не хочу. Видишь ли, дело в том, что в управлении в данный момент нет подходящей кандидатуры на мое место. Я наотрез отказался оставаться. Хозяин естественно пошел мне навстречу, думаю, что только чтобы избавиться от меня как можно быстрее. У меня для того, чтобы утрясти свои дела есть целая неделя. Я уже даже билеты купил. Если погода позволит, а я надеюсь на это, то через неделю буду в Архангельске. Для меня главное попасть в Архангельск, а там, можно считать, что я уже дома. Через пару дней смогу пройти по берегу моря. Ты, наверное, удивлен, что у меня впереди целая неделя, а я уже прощаюсь с тобой. Пойми, что, сдав дела, я не смогу просто бродить по хозчасти, это может вызвать подозрение.

— Паша, ты правильно поступаешь. Я в свою очередь желаю тебе и твоей семье крепкого здоровья, счастливых и благополучных во всех отношениях лет. Особый поклон Наталье Сергеевне.

— И тебе, друг мой. Всего доброго, а особенно удачи в задуманном. Прошу тебя, запомни на всю жизнь, что далеко на побережье Черного моря, есть красивый городок Анапа. В этом городе есть улица Крайняя, дом 114. Будешь в наших краях, обязательно заходи. Для нас ты самый желанный гость.

— Спасибо, Павел Григорьевич, за приглашение. Если судьба забросит меня в ваши края, непременно зайду, ну, а если не доведется, ты уж не обессудь.

Они крепко обнялись на прощание, как самые лучшие друзья на свете, и заспешили на выход. Антон вышел проводить завхоза на улицу. Все небо над их головами пронизывали всполохи Северного сияния. Каждый раз, когда Антон видел эту неопишемую словами красоту, не переставал удивляться столь поразительному по красоте явлению природы. У него захватывало дух. Порой он мог забыть обо всем, и часами смотреть, задрав голову вверх, любясь красивой игрой природных явлений.

— Посмотри, Антон, какая красота, жаль, что на моей родине такой нет.

— Да, красота действительно божественная, — и Антон в полголоса продекламировал:

Из вечности музыка вдруг разлилась

И в бесконечность она полилась,

И хаос она на пути захватила,

И в бездне, как вихрь закружились светила.

Певучей струной каждый луч их дрожит,

И жизнь, пробужденная этою дрожью,

Лишь только тому и не кажется ложью,
Кто слышит порой эту музыку Божью,
Кто разумом светел, в ком сердце горит.

— Это твои стихи?

— Нет. Я до таких стихов еще не дорос. Это стихи Полонского, 19 век. А вот называются они очень красиво, «Божественная гармония».

— Потрясающие стихи, а что самое главное, они сейчас как нельзя к месту в данную минуту. Антон, мне интересно, сколько в тебе еще скрывается талантов. Я за последнее время столько о тебе узнал, но ты каждый день продолжаешь меня удивлять. Тому пример сегодняшний вечер.

— Ну, что ты. Тут все очень просто. Меня дедушка с самого детства приучил много читать. У меня в голове сам черт ногу сломит, вот иногда оно из меня и выходит, независимо от меня самого, — пошутил Антон.

Постояв еще некоторое время в молчании, они попрощались как братья, и разошлись в надежде на будущую встречу, которая, как показало время, так и не случилась.

Оставшиеся дни до отъезда начальника в отпуск, Антон провел в тревожном ожидании. Вскоре наступил столь долгожданный день. Оставшиеся дни до нового года прошли для Антона гораздо быстрее.

В отсутствие шефа расслабились все, включая и Комова. Оставшись за руководителя, он с удовольствием ушел в запой. В эти дни он часто уезжал в соседние поселки. Встречался с друзьями. После таких поездок он с большим трудом приезжал на двор хозчасти, где отдавал ключи от машины и гаража Антону, и просил отвезти его домой.

Антон отвозил его домой, и чуть теплого от вышитого спиртного заводил в квартиру. Потом, отогнав машину в гараж, относил ключи на проходную.

За эти дни Антон успел полностью загрузить свою самоходку. Кроме своих скудных запасов он вынес из гаража начальника все, что могло ему понадобиться. Примерив меховую одежду, он стал похож на простого оленевода. Одежда ему очень понравилась. Она была свободной, не сковывала движения, и что немаловажно, очень теплая. В такой одежде он мог свободно спать в любой мороз на улице, закопавшись предварительно в снег.

Взял он и спальный мешок, также сшитый из меха оленя. Не забыл и про деньги. Вытряхнув их из сейфа, положил в мешок вместе с двумя цинками патронов для винтовки. Саму винтовку пристроил в кабине рядом с собой с двумя магазинами, чтобы была всегда под рукой на всякий случай.

В кузов положил консервированные продукты, предварительно сложив их в картонные коробки. Рядом положил короткие охотничьи лыжи, подбитые оленьим мехом. Туда же перекочевал и топор с небольшой лопатой.

В самом углу гаража обнаружил газовую горелку и небольшой баллон с газом. Это было для него вообще царским подарком. Теперь он мог разогреть пищу без костра. Все это было перенесено в самоходку.

За эти ночи он основательно изучил все содержимое гаража. Брал все, что могло пригодиться в дороге, но в разумных пределах. Жадность в таком деле была для него просто врагом. Антон не хотел перегружать свой транспорт.

Войдя в последний раз в гараж, чтобы убедиться, что больше ему ничего не надо, он бросил свой взгляд на несколько коробок с сигаретами. Задержав на них взгляд, подумал, что табак не имеет большого веса, но как товар в трудное время может пригодиться. Прихватив несколько блоков «Мальборо», он взял пятилитровую канистру спирта и покинул гараж, чтобы больше в него не возвращаться. Теперь все, что ему было нужно, лежало в кузове.

Разложив свое добро равномерно по всему кузову, он укрыл все это большим пологом, которым он мог при желании укрыть всю самоходку. Он наглухо застегнул брезентовый чехол, укрывающий весь кузов. Теперь его самоходка походила на небольшой крытый грузовичок.

Все было упаковано и дважды проверенно. Мысленно подсчитав, пришел к заключению, что суммарный вес его транспорта был немногим больше одной тонны. Мощности двигателя вполне хватало.

Учитывая то, что можно было переключаться на пониженные передачи, самоходка являла собой небольшой трактор по мощности. Не будем забывать, что колеса сделаны были

на совесть, и не должны были подвести его. Разве только произойдет непредвиденный прокол, но на этот случай у него есть запасная шина и клей. Насос для накачки колеса ему подарил завхоз.

Тридцатого декабря все было готово к побегу. Антон попросил своего сменщика отдежурить за него тридцать первого числа в день, пообещав, что будет дежурить за его в новогоднюю ночь и последующий день.

Антон решил выспаться перед побегом. Суслик был несказанно рад такому предложению. Так Антон обезопасил себя еще на некоторое время.

При благоприятных обстоятельствах, а именно, если все руководство будет хорошо гулять всю ночь, то на проверку пойдут, разве что ближе к вечеру, а это давало Антону дополнительных несколько часов форы. За эти несколько часов Антон рассчитывал уехать как можно дальше от зоны.

Днем Антон встретился с Иваном. Иван пожелал ему удачи, и протянул сложенный в несколько раз тетрадный листок.

— Что это?

— Это, Антоха, адреса нужных людей, которые могут тебе помочь, если ты обратишься к ним за помощью. Это, конечно, хорошие и нужные люди, но все равно, самым надежным для тебя будет Юрист. Тем более, что Юрист знает тебя в лицо. Можешь ему доверять как мне. Твоему появлению он не удивится. Я позаботился об этом, переслав на досуге ему маляву. Так что, если придет нужда, обращай к нему по любому поводу, отказа не будет.

— Спасибо, Ваня, и прощай. Даст бог, еще свидимся, я надеюсь на это.

— И я надеюсь на встречу, а сейчас иди, не надо тебе долго здесь отсвечивать, мало ли какие шакалы бродят по близости.

— Хорошо, сейчас пойду, ты только ответь на пару вопросов. Суслик мне донес, что Кабан вскрыл себе вены, после того случая, вот меня и гложет совесть, не слишком ли я поступил с ним тогда жестко?

— Брось ты об этом думать. Кабан получил то, что заслужил. Ты в его смерти не виноват. Он некоторое время жил в курятнике, но сам понимаешь, что для бывшего авторитета, это не место. Его через неделю нашли под собственной кроватью, с перерезанными венами. Пойми, это его выбор, ни ты, ни я его к этому не принуждали. Он мог бы еще долго жить, но выбрал смерть, хотя я его в этом не виню и понимаю. Короче, выбрось все эти глупости из головы, и прими мою благодарность за то, что в тот день отвлек Кума от проверки. Если бы не ты, мы бы не смогли вовремя замести следы. Чем ты его так заинтересовал?

— Я, когда встретил его у проходной, понял, что он пойдет в барак, ну и рассказал ему пару анекдотов. Кум до того смеялся, что забыл, зачем шел, и вышел вместе со мной за ворота, сказав, что пойдет друзьям расскажет.

— Молодец, что отвлек. Спасибо тебе еще раз за твой спектакль в тот день. Теперь прощай. Иди, ты и так уже много времени здесь находишься, все-таки я беспокоюсь. Вот узнаю, что ты на воле, вот тогда я буду спокоен, а теперь прощай.

Троекратно обняв Ивана, он к восьми часам ушел на смену. Отпустив сменщика, проверил все оборудование. Оно должно было отработать как минимум сутки без происшествий.

Топлива в цистернах было в достатке, его заранее привезли с запасом, учитывая новогодние дни. Антон, не спеша, проверял оборудование, стараясь убить время. На все ушло

около двух часов.

До наступления Нового года оставалось еще два часа. Антон хоть и был спокоен, но, тем не менее, почувствовал, что внутреннее напряжение нарастает. К одиннадцати часам приехал Комов, в изрядном подпитии, но еще бодрый.

— Седой, отвези меня домой, нужно переодеться к празднику, а тебе я привез бутылку чешского пива. Выпей за мое здоровье и за Новый год. Думаю, что от бутылки пива ты не опьянеешь, а если проверяющий услышит запах от тебя, сошлешься на меня.

— Спасибо, начальник, это хороший подарок, — пряча в стол бутылку, поблагодарил Антон.

Антон с радостью сел за руль. Он даже не рассчитывал, что ему так повезет и Комов вернется так рано.

Он отвез Комова домой. Теперь Антон был уверен, что машина Комову в ближайшее время вряд ли понадобится. Антон, подъехав к гаражу, не стал загонять «УАЗ» на привычную для него стоянку. Антон предварительно подготовил ворота от гаража хозяина. Зная, что за ним может наблюдать часовой с проходной, он понимал, что на таком расстоянии он вряд ли определит, в какие ворота Антон загнал машину.

Быстро открыв ворота, Антон въехал в гараж и двигался внутрь, тараня снегоход и лежавшие на полу коробки до тех пор, пока машина полностью не вошла в гараж. Закрыв гараж, он пошел на проходную, неся в руке ключи от гаража.

Теперь он был уверен, что когда заметят его исчезновение, то, не обнаружив машину в гараже, решат, что именно на ней он бежал. Они будут искать его по пути в Архангельск, на накатанных дорогах, но никак не в тундре. В душе был доволен проделанной шуткой.

До наступления Нового года оставалось еще тридцать минут. У самой проходной он столкнулся с дежурным офицером.

— Седой, ты куда это направляешься? — с беспокойством в голосе спросил он.

Антон почувствовал исходящий от дежурного запах спиртного, и хотел было ответить, но его перебил вышедший из проходной сержант, чтобы встретить дежурного.

— Он, товарищ старший лейтенант, ключи от гаража принес. Комов опять приехал навеселе. Седой отвез его домой, потом поставил машину в гараж.

— Ну, понятно, все как всегда. Ты хоть домой его завел?

— На этот раз не понадобилось, он был на своих ногах.

— Ну и ладушки. А у вас-то все в порядке?

— Так точно, — последовал дружный ответ.

— Смотрите у меня, я не посмотрю, что праздник, приду проверю. Будете спать, накажу.

— Ну, что вы такое говорите, это не первый такой праздник, всегда был порядок, и уверяю вас, что все будет нормально, — заверил его сержант.

— Седой, а как там себя чувствует кочегар, еще не уснул?

— Нет, конечно. Если он уснет, то через час все заметят, что батареи в домах стали холодными.

— Ну ладно, мужики, я на вас надеюсь. Если у вас все в порядке, то я не пойду дальше. Хочется успеть встретить новый год в семье, а времени до двенадцати мало осталось.

— Счастливого вам Нового года, и будьте уверены, что все будет хорошо, — заверил его Антон.

Постояв еще пару минут с сержантом для приличия, Антон, пожелав ему спокойного

дежурства, ушел к себе.

Придя к себе, он достал подаренную Кумом бутылку пива, наспех приготовил ужин. Выпив пиво, с аппетитом поужинал, отмечая наступивший год.

Одевшись, окинул последним взглядом свой приют и тихо выскользнул на задний двор. Быстро открыл замок от пристройки, запустил двигатель и выгнал наружу самоходку. Закрыв ворота на замок, ключи бросил на крышу. Затем взял приготовленную лопату, набросал снега к воротам, подровнял полученный сугроб, бросил туда же лопату. Подъехав к неширокому рву, отгораживающему двор от побережья, он положил две толстые доски, затем переправился по ним на другую сторону. Доски он не стал оставлять, а привязал их к борту самоходки крепкими шнурками, решив, что в дороге они могут ему понадобиться, и не ошибся, они понадобились ему, и не раз, когда приходилось преодолевать торосы.

Антон в последний раз взглянул на опостылевшую зону, вздохнув воздуха свободы, тронулся в путь.

Внимательно вглядываясь в темноту, медленно спускался с крутого берега на лед. Небо было затянуто густыми облаками, и было совершенно темно. Спуск показался ему вечностью. Он боялся в темноте наскочить на крупный камень и повредить самоходку.

Наконец, преодолев небольшой торос, оказался на льду. Теперь он двигался вдоль берега и тороса на север. Ему необходимо было уехать хотя бы километра на три, чтобы вновь выехать на берег и взять курс на восток.

На льду было немного светлее. Найдя подходящее место для подъема, остановился. Сняв лагерную робу, он переоделся, робу закопал глубоко в снег, положив сверху приличных размеров камень.

К этому времени, когда он заканчивал манипуляции с переодеванием, пошел крупный снег, грозящий перейти в пургу. Антон был рад такому сюрпризу, и огорчен одновременно. Рад был потому, что в ближайшее время его следы исчезнут окончательно, а огорчен тем, что видимость ухудшится, и скорость движения будет медленной. Поднявшись на берег, он обогнул возвышенность, и только после этого включил одну из фар. Стало намного светлее.

Вскоре он нашел дорогу, соединяющую их поселок с поселком на другой стороне полуострова, расположенный на берегу Чешской губы, недалеко от мыса Рыбный. Попав на дорогу, Антон включил дополнительную фару, отрегулировав их так, чтобы одна светила ближе, а другая немного дальше.

Теперь он не опасался, что свет его фар, привлечет чье-то внимание. По дороге часто проходил транспорт, и со стороны могло показаться, что кто-то торопится в новогоднюю ночь к праздничному столу.

Добавив оборотов, он развил приличную скорость. Встречного транспорта он не опасался. В такую ночь, он не рассчитывал на встречный транспорт. Для него теперь самой главной задачей было, как можно быстрее добраться до побережья, желательно на Микулкин мыс.

Внимательно следя за дорогой, он вскоре заметил, что дорога стала поворачивать на север. Мысленно поблагодарив за подробную карту завхоза, он повернул строго на восток.

Проехав еще пару километров, но уже по бездорожью, ему вдруг пришлось резко затормозить. Увидев впереди себя обрывистый берег, он мысленно поблагодарил себя, за то, что потратил несколько дней для того, чтобы сделать тормоза, иначе он уже лежал бы внизу, и не факт, что живой.

Проехав некоторое расстояние на юг, вскоре увидел пологий спуск. Когда закончился спуск, перед ним расстилалась ровная снежная равнина Чешской губы. До противоположного берега, а ему нужен был мыс Бирмат, было почти восемьдесят километров.

Антон посмотрел на часы, которые он установил, предварительно сняв с разбитой «Нивы». Стрелки показывали половину третьего ночи. Получалось, что он находился в пути два с половиной часа, и преодолел тридцать пять километров. Антон был недоволен таким темпом движения. Оправдывалась медлительность тем, что большую часть пути ему приходилось ехать в крошечной темноте, опасаясь повредить самоходку, и двигался он на пониженной передаче.

Теперь, когда он может смело ехать с включенным светом, движение должно быть гораздо быстрее. Вычислив свое месторасположение, он определил по компасу направление,

и тронулся в путь, предварительно прикрыв на половину воздухзаборник.

Двигатель его самоходки был воздушного охлаждения. Весь воздух, проходящий через охлаждающие ребра цилиндров, нагнетаемый турбиной, он пустил в кабину. Мысленно он вновь поблагодарил завхоза за то, что он настоял, чтобы Антон утеплил кабину, небольшими кусками меха, который завхоз приволок из швейного цеха. Теперь благодаря утеплению, ему даже стало жарко.

Антон всего год назад даже помыслить не мог, что ему придется бежать из зоны с таким комфортом.

Вскоре на его пути оказался высокий торос из нагромождения больших кусков льда. Проехав немного вдоль тороса, понял, что он очень длинный, и проход в нем вряд ли найдется. Разрубая топором лед, Антон при помощи досок сделал проезд, потратив на это около сорока минут. Пока переправлялся, изменилась погода. Снег перестал идти, и только ветер гнал небольшую поземку. Антон добавил скорости. Теперь он с хорошим освещением мог позволить себе двигаться гораздо быстрее, заранее объезжая крупные наносы снега и льда.

Ближе к утру начались торосы, они хоть и были небольшими, но отнимали время на переправу. Антон переправлялся очень осторожно, боясь повредить на острых краях льда шины самоходки.

Но все когда-то кончается. Вскоре небо стало серым и сумеречным. Это начинался день. Такие сумерки продлятся несколько часов, и все опять сменится темнотой. В это время Антон был уже на берегу.

Проехав несколько километров, он изменил направление, повернув на юго-восток. Теперь ему необходимо как можно дальше объезжать попадавшиеся на пути населенные пункты и оленеводческие стоянки.

До наступления следующей ночи, Антон преодолел множество мелких и даже крупных речушек и оврагов. Остановился лишь тогда, когда переправился через широкую, судоходную в летнее время реку, Печора, оставив далеко на севере крупный город Нарьян-Мар, и оказался в Большеземельной тундре.

Накопилась усталость. Антон проверил состояние самоходки, и не найдя повреждений, с удовольствием растер лицо жестким снегом, разгоняя усталость и сон. Выпив из термоса остатки чая, тронулся в путь. Он проехал еще километров сорок, когда заметил удобный для спуска овраг, с росшим по его краям мелким кустарником. В этом овраге он решил немного отдохнуть.

Напряжение последних дней и физическая усталость последних суток, тяжелым грузом навалилась на него. Антон уже сутки ничего не ел. Ему срочно нужно было хорошо поесть и отдохнуть.

Антон разжег горелку и, набрав чистого снега, поставил казанок на горелку. Когда в казанке растаял снег и стало достаточно воды, он разогрел в ней две банки тушенки. Затем на пару отогрел замерзший хлеб.

Пока он с аппетитом уничтожал обе банки тушенки, в казанке заварился свежий чай. Покончив с тушенкой, налил чай в кружку, а остальное залил в термос. Плотно поужинав, укрыл самоходку светлым пологом, затем, заглушив двигатель, устроился поудобнее в кузове, и уже через пять минут спал крепким сном.

Спал спокойно, не опасаясь погони, понимая, что за сутки преодолел приличное расстояние, и его вряд ли станут искать так далеко от зоны. В теплой одежде, да еще в

меховом спальнике, было тепло и уютно, тем более, что в овраге ветра не было, а мороз не превышал десяти градусов.

Когда проснулся, в первую очередь посмотрел на часы. Стрелки часов показывали семь утра. Антон решил, что пять часов хорошего сна вполне достаточно для отдыха, тем более, что он проснулся бодрым и отдохнувшим.

Выйдя из самоходки, он разделся по пояс, и с большим удовольствием растер свое тело жестким снегом, отгоняя остатки сна. Фыркая и отдуваясь, он выглянул сквозь кусты по привычке осмотреться.

В сумерках, но он все же сумел увидеть, что рядом с оврагом, пасётся огромное стадо оленей. От радости он чуть не закричал, так ему захотелось вдоволь поесть свежего мяса, которое за последние годы очень редко попадало в его желудок.

Не одеваясь, он тихонько достал винтовку, закрепил на стволе глушитель. Поднявшись на край оврага, и прячась между кустарником, прицелившись в ближайшего оленя, выстрелил.

Антон не сомневался, что цель будет поражена. Погода была прекрасной. Дул слабый ветерок, небо было относительно чистым от туч. На юге, почти у самого горизонта, светила огромная как диск луна.

Луна, казалось такой огромной, что могло показаться, протяни руку, и сможешь коснуться ее края.

Олень резко дернул головой вверх, и тихо рухнул без звука на снег. Антон осмотрел всю округу в прицел. На протяжении всего расстояния, которое он смог увидеть в прицел винтовки, он не увидел ни одного предмета, похожего на оленеводческую стоянку.

Антон спустился вниз. Быстро оделся, затем запустил двигатель для прогрева. Достав из кузова длинную веревку, поднялся наверх и закрепил один конец за рога оленя. Другой ее конец закрепил за раму самоходки, благо, что веревка была длинной, а расстояние до оленя не превышало двадцати метров. Включив заднюю скорость, он проехал несколько метров, затем веревка натянулась.

Антон сбавил обороты и медленно стал втаскивать тушу оленя в овраг. Когда туша оказалась в овраге, он смотал веревку и подъехал ближе. Первое, что он предпринял, так это наломав немного веток, сделал метлу, при помощи которой, уничтожил кровавые следы, оставшиеся после буксировки на снегу.

При разделке туши он не стал аккуратно снимать шкуру, а просто надрезал ее и вырезал все, что посчитал нужным. Остатки закопал в снег.

Разрубив мясо на небольшие куски, разложил их прямо на чистом участке снега. Они должны были слегка подмерзнуть, чтобы в дальнейшем ему не пришлось рубить большой монолит мяса. Покончив с этой проблемой, приготовил завтрак.

После завтрака, собрал подмерзшее мясо. Замотав его в полог, положил в кузов и поспешил выехать из оврага.

Теперь его будоражила мысль, что на следующей остановке он обязательно сварит полный казанок молодой оленины. Сделав предварительные расчеты, он пришел к выводу, что до Урала ему еще пятьсот километров ехать. Антон решил сделать следующую остановку, когда преодолеет половину пути или чуть больше. Он знал, что на самом севере Урала, погода может быть непредсказуемой, и ему понадобится все его силы и умение. Для этого ему понадобится предварительный отдых.

Предварительный отдых был неплохим. Он хорошо отдохнул, настроение было

прекрасным. Свернув в очередной раз маршрут, он, напевая, двигался вперед.

Самоходка шла хорошо, не издавая большого шума. Это радовало Антона. Такое путешествие могло бы показаться несведущему человеку довольно странным, мол, в дикой природе, по бездорожью, на какой-то странной технике, но только не для Антона.

Он был счастлив тем, что сумел сделать именно такую, простую в управлении и надежную в эксплуатации, самоходную машину.

Ему часто приходилось менять курс, объезжая мелкие поселения оленеводов и даже более крупные поселки. Казавшаяся на первый взгляд дикой тундра была довольно плотно заселена. Но, тем не менее, объехав очередной населенный пункт, он вновь возвращался на свой маршрут.

На его пути встречалось множество различных препятствий, но попадались и довольно ровные продолжительные участки. Такие участки особенно радовали его. Он увеличивал обороты, развивая довольно приличную скорость.

К утру следующего дня он заметил, что местность изменилась. Теперь самоходка с каждым километром поднималась все выше. Все сильнее чувствовалось приближение Урала. Выбрав удобное место для стоянки, Антон остановился, рассчитывая на продолжительный отдых.

Он очень устал, преодолевая очередные препятствия, в том числе и несколько болот, которые, по-видимому, и в сильные морозы не замерзали, парили тонкими струйками пара, грозя проглотить неосторожного путника.

Устроившись в удобном месте, накрыл самоходку пологом. Теперь, усилившийся за последние часы ветер, не беспокоил его. Растопив достаточное количество снега, он наложил полный котелок мяса. Устроившись поудобнее, он в ожидании, когда будет готов обед, занялся уточнением своего местоположения и дальнейшего маршрута.

Естественно он не рассчитывал съесть все мясо за один раз, он рассчитывал в дальнейшем обедать по мере нужды прямо на ходу, предварительно разогрев слегка мясо и хлеб от теплого воздуха двигателя.

Поев с наслаждением свежего, молодого мяса, он довольный вкусным обедом уснул. На этот раз он проспал около девяти часов кряду.

Благоприятный и продолжительный сон сделал свое дело. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше. От чувства безопасности внутри него все пело.

Закончив завтрак, он вновь тронулся в путь. Продолжая свой путь, вскоре заметил сквозь сумерки, что его с обеих сторон окружают хоть и невысокие, но все-таки горы. Неглубокое ущелье, по которому он ехал, извиваясь, вело на северо-восток, это было хорошо, ему не пришлось изменять маршрут.

Он уже находился несколько часов в пути, когда подъехал, как ему показалось к самой, на его взгляд, высокой горе. Мороз усиливался, к тому же дул практически ураганный ветер.

Проехав еще пару километров, повернул за кряж, и оказался в другом ущелье, где ветер был не таким пронизывающим.

Антон решил не останавливаться на долгий отдых. Но, не смотря на сильный мороз и ветер, решил пообедать, а затем продолжить движение. Закончив с обедом, решил посидеть спокойно несколько минут, прежде чем тронуться в путь. Этих минут было вполне достаточно, чтобы он уснул.

Сквозь сон, он чувствовал, как ветер то усиливался, то вдруг стихал до легкого шелеста. Спал Антон не более часа. Проснувшись, он пожалел, что потерял столько времени.

На севере Урала погода была непредсказуемой, и Антон хорошо знал об этом. Выезжая из своего укрытия, решил, чтобы не случилось, двигаться вперед, а остановку сделать, лишь тогда, когда окажется на другой стороне Урала, в первом же удобном для отдыха месте.

Когда закончилось ущелье, перед ним оказался широкий и ровный подъем на вершину перевала. Чтобы не давать большой нагрузки на двигатель, Антон переключил раздаточную коробку на пониженную передачу и включил блокировку.

Двигатель, не испытывая особой нагрузки, урча на средних оборотах, медленно преодолев пятнадцать километров пологого подъема, вскоре вытащил самоходку на самый верх перевала. На вершине перевала был такой ветер, что Антон решил, как можно быстрее начать спуск, боясь, что очередным порывом его может просто сдуть в обрыв. Спуск оказался намного труднее, чем подъем. На протяжении всего спуска ему встречались трещины в леднике. Порой они были неширокими, и он преодолевал их благодаря большим и широким колесам, но были и такие, когда ему приходилось перебрасывать через препятствие доски, и по ним, соблюдая все предосторожности, преодолевать препятствие. Зато, спустившись на половину, почувствовал, что ветер стих, и только чувствовалось легкое его дуновение. Мороз усилился, и по его ощущению, он был более сорока градусов. Но это оказалось не самым страшным.

Утихший ветер вновь начинал дуть с прежней силой, срывая со склонов снег, и кружа в воздухе, лишал Антона всякой видимости. Тогда Антон останавливался, и стоял, пережидая очередной порыв ветра. Такая круговерть повторялась с перерывами в несколько минут.

Антон в такие промежутки пользовался моментом, стараясь спуститься как можно ниже. Так продолжалось несколько часов. Вскоре он заметил, что температура двигателя упала и очень сильно. Такое положение его не устраивало.

Антон понимал, что холодный двигатель может выйти из строя, поэтому, как мог, укутал его спальным мешком. Это помогло, но недостаточно. На склоне оставаться было нельзя, и Антон, рискуя остановкой двигателя, все же решил продолжать спуск.

На его счастье все обошлось. Спустившись вниз, он повернул на юг, решив при первом же удобном случае, устроить привал, и переждать непогоду.

Последние километры дались ему очень тяжело. Он до того вымотался, что с трудом держался за руль. Проехав пару километров, вскоре стал замечать сквозь метель, что он двигается вдоль высоких скал. Внимательно вглядываясь перед собой, чтобы не наскочить на большие камни, множество которых торчало из-под снежного покрова он, не забывал искать убежище, где смог бы переждать непогоду.

Более полутора часов продолжалась эта борьба между движением и непогодой. Порой ему попадались небольшие углубления и расщелины, но они не подходили ему в плане безопасности. Над многими из них нависали большие шапки снега. Некоторые позволяли укрыться, но только ему, но не его самоходке. Оставлять самоходку в сильный мороз, да еще на ветру, он также не хотел рисковать.

Вскоре погода сжалась над одиноким путником. Ветер заметно стих, и видимость стала намного лучше. Он только теперь заметил, почему произошли такие перемены. Двигаясь практически вслепую, он не заметил, что скалистая гряда уклонилась вправо, и Антон оказался в ущелье наподобие кармана. Теперь в середине этого кармана дул пронизывающий ветер, зато с северной стороны у самых скал было относительно тихо.

Вскоре заметил, что у самого высокого места у отвесной скалы, есть что-то наподобие углубления в скалу, метров двадцати-тридцати длиной. Обогнув выступающую скалу,

похожую на огромный валун, Антон прижался самоходкой как можно ближе к скале. Выйдя наружу, он остался доволен выбранным местом. Осматриваясь в этой нише, обратил внимание на то, что за скалой, которую он объехал, есть еще одно углубление, в котором он мог быть защищен от ветра с трех сторон.

Обрадованный таким открытием, Антон решил осмотреться в новом месте, прежде чем подъезжать к нему ближе. Подойдя ближе, увидел, что углубление не заканчивается у выступающей скалы, а идет гораздо глубже. Пройдя метров пять, обнаружил, что само углубление закончилось, зато с левой стороны оказался огромный вход в пещеру.

Оказывается, для того, чтобы попасть в пещеру, ему нужно было повернуть за выступающую скалу, затем вновь повернуть налево. Теперь стало понятно, почему он не мог раньше увидеть вход.

Вернувшись к самоходке, взял фонарик, и направился обратно в пещеру, чтобы убедиться, что в ней он будет в относительной безопасности. Войдя в пещеру, осветил ее свод.

Пещера оказалась довольно большой. Высота свода, на взгляд, оказалась порядка десяти метров. В глубину, насколько хватало света от фонаря, он не увидел противоположной стены, но самым главным для него было то, что он сможет заехать в пещеру на самоходке. Такое решение он принял, когда исследовал проем самой пещеры и площадку за входом.

Низ или пол пещеры, называть можно по-разному, оказался не каменным, как обычно в таких пещерах бывает, а покрыт крупноватым песком. Это удивило Антона, так как песок был намыт водой, в нем не видно было примеси глины.

Пол оказался довольно ровным, а самое главное, что, на сколько хватало света, он не увидел больших камней.

Решение пришло быстро. Вернувшись к самоходке, он в два приема легко заехал в пещеру, мысленно отметив, что в такой пещере, он может ждать перемену погоды несколько дней, без всякого вреда для себя.

Теперь для него встал вопрос с заготовкой дров для костра. Антон решил выехать из пещеры, и попробовать привезти дрова самоходкой, таща на буксире. Поваленные ураганом небольшие деревца он заметил недалеко, когда поворачивал за скалу. Разворачиваясь, чтобы передом выехать из пещеры, увидел при свете фар в противоположном конце огромную кучу дров, рядом с которой был выложен камнями очаг. Такого подарка он не ожидал.

Подогнав самоходку ближе к очагу, заглушил двигатель. Теперь он не боялся, что в пещере двигатель замерзнет до такой степени, что он не сможет его запустить.

В пещере было относительно тепло. При свете фар, разжег костер и, растопив нужное количество снега, положил в казанок хороший кусок оленины. Пока варилось мясо, в маленьком котелке заварил чай. Наслаждаясь пахучим чаем с кусочком шоколада, позаимствованного у запасливого начальника зоны, он отдыхал в ожидании вкусного ужина.

Вскоре ужин был готов. Молодая оленина варилась быстро. Антон нарезал мясо на маленькие кусочки и с удовольствием поглощал их, запивая горячим бульоном. Закончив ужинать, убрал остатки мяса на утро, а казанок с бульоном поставил остывать, решив утром приготовить на бульоне гречневую кашу.

Теперь, прежде чем лечь спать, он решил немного исследовать пещеру, в которой он рассчитывал провести пару дней для хорошего отдыха. Исследуя ее при свете фонарика, он не обнаружил в ней ничего примечательного, кроме рунических рисунков, на противоположной стене пещеры.

Пещера тупиковая, в ней не было другого выхода, даже намек на это он не нашел. Зато размеры ее поражали. Сама пещера имела форму колбы из химической лаборатории. От входа она была круглой, метров тридцати в диаметре, и имела узкое горлышко, загнутое как у колбы, переходящее в тупик.

В конце этого горлышка, Антон и нашел рунические рисунки. На ровной стене чуть выше человеческого роста были искусно вырезаны графические рисунки. Сами рисунки были выполнены в квадратах, которые не превышали двадцати сантиметров. Антон насчитал их шестнадцать штук. Все квадраты образовывали собой один общий квадрат.

Естественно, Антон не знал, что изображено на этих рунах. Но что это руны, был уверен на сто процентов. Однажды в библиотеке, в одной из старинных книг, историей которых он интересовался, ему приходилось видеть похожие рисунки. Из рассказов в этой книге узнал, что именно таким методом написания пользовались в глубокую старину Волхвы.

Антон стер пыль рукавицей с рисунков и, взглянув в последний раз на историческое произведение искусства, вернулся к костру.

Выбрав два толстых бревна, он положил их так, чтобы костер горел медленно и долго. Он экономил, потому что не знал, как долго он пробудет в пещере, да и о других, таких путниках как он, нужно было позаботиться. Таков закон здешних мест. Ведь другие тоже позаботились о том, чтобы у него был запас сухих дров.

Расстелив рядом с костром полог, он залез в спальный мешок и, сунув пистолет за пояс, уснул богатырским сном.

Сколько проспал, Антон не знал, часы находились в машине, а вставать ему не хотелось. От усталости у него болели все суставы, а покидать столь теплый спальник не хотелось.

Наконец, здравый смысл возобладал над усталостью и ленью. Он резко вскочил, выбежал на улицу, чтобы умыться, но уже через минуту забежал обратно. На улице был сильнейший мороз. В такой мороз ему еще не доводилось находиться на улице. В первые же секунды от мороза перехватывало дыхание. Усиливал действие мороза сильный ветер. Снег перестал идти, зато от мороза струилась изморозь в виде тумана, покрывая всю тундру, насколько он мог видеть. От мороза снег под ногами не просто скрипел, как у него на родине, а трещал, сливаясь с шумом ветра.

Антон хотел умыться снегом, но, заметив, что его ресницы вдруг покрылись толстым слоем инея, не стал рисковать, а вернулся в пещеру.

После обеда, он от нечего делать занялся дровами. Разобрав всю кучу, мелкие сложил аккуратно в отдельную стопку, а крупные расколол топором, сложил рядом. На это он потратил не так уж много времени, только слегка размял мышцы, а времени у него было в большом достатке, ведь он не знал, сколько еще дней ему придется оставаться в пещере, пока погода не позволит ему продолжить движение.

Выпив еще одну кружку чая, решил заняться осмотром техники. Достал инструмент, он занялся перетяжкой всех креплений. Это оказалось как нельзя вовремя. Многие узлы и агрегаты от бездорожья расшатались и требовали перетяжки. Убедившись, что с техникой теперь все в порядке, расколол некоторые бревна на несколько частей так, чтобы у него получились куски, похожие на доски. Положив эти куски на толстые бревна, у него получился примитивный стол.

Антон поставил на огонь казанок с хорошим куском мяса, и в ожидании, когда оно сварится, забрался в спальник и стал смотреть на огонь.

Он никогда не страдал от одиночества. В такие моменты его всегда выручала работа

или книги. В данный момент у него не было ни того, ни другого.

Антон погрузился в мечты. Он мечтал о том, как доберется до своего родного дома. Илюша, думал он, до сих пор, наверное, живет в нем. Уже взрослый. Возможно, и дети выросли. Антон решил, что построит рядом небольшой домик, и если будет возможность, то устроится лесником.

Мысли эти будоражили его и вселяли надежду, что остаток своих лет он проживет в тишине от людской суеты.

Так, погруженный в свои мысли, он незаметно для себя уснул. Проснулся от ощущения, что рядом с ним находится живое существо. Не подавая вида, что проснулся, он стал прислушиваться к своим ощущениям. Интуиция безопасности на этот раз молчала. Антон хотел уже открыть глаза, как рядом раздался басовитый голос.

— Хватит бока отлеживать, все равно ведь не спишь. Принимай гостя, а то некрасиво получается, гость на порог, а хозяин на бок.

Антон открыл глаза и, приподняв голову, осмотрелся вокруг. В полумраке, от костра света было недостаточно, он не увидел обладателя столь громкого баса.

Странно, думал Антон. На галлюцинации это не похоже, явно слышалась человеческая речь, да такой громкий голос, вряд ли кому померещиться. Еще его удивило то, что в словах этого голоса, слышалось много слов из старославянского языка. Это был набор старославянских слов, смешанных с простыми русскими словами.

Придав своему голосу бодрости, вставляя слова похожие на старославянские, он уверенным голосом произнес.

— Ну, что же, гость долгожданный, предстань пред мои ясны очи. Не надо прятаться. Я хочу зрить тебя. Будь другом красным для меня. Раздели со мной мои хлеб и соль насущные.

— Протри свои очи. Я давно сижу перед тобой.

Антон внимательно взглянул в ту сторону, откуда доносился голос. То, что он увидел, поразило его.

На маленькой чурочке, рядом с его столом, сидело существо ростом с пятилетнего мальчика. Это существо походило на маленького человека, но у него была непропорционально большая голова, с которой свисали длинные светлые волосы, достигающие ему до плеч.

Эти волосы напомнили Антону льняную паклю, которую сантехники использовали для подмотки труб, когда устраняли протечки. Такие же редкие волосы росли на подбородке. Бровей практически не было, зато глаза были особенные.

Среди больших черных глазниц светились белые зрачки. Одет этот человечек был в кожаную одежду, мехом внутрь, из такого же меха были сшиты сапожки.

Конусообразную шапку он держал в одной руке, а другую протягивал к огню. Глаза этого человечка пытливо смотрели на Антона. На лице читалась нечто наподобие улыбки. Маленький рот при этом был приоткрыт, обнажив коричневые зубки. Разглядывая, столь непонятно откуда взявшегося гостя, Антон даже не замечал, что у него самого от увиденного рот открылся, как ворота в гараж.

— Да ты рот-то прикрой, и глаза меньше сделай. Неужели так удивлен? И еще, прекрати нести всякую околесицу. Я достаточно хорошо понимаю ваш говор.

— Признаться, я действительно поражен, но не тем, что у тебя столь малый рост, а тем, что при таком росте, ты обладаешь таким громким басом.

— Не удивляйся. Так создала нас божественная сущность. Оставим это. Давай лучше знакомиться.

— Ну, что же, давай будем знакомиться. Меня зовут Антон, а как позволите тебя величать?

— А меня, как назовешь, так и будет хорошо. Родители называли Гебрис, а людишки,

вроде тебя, называют по-разному. Некоторые называют между собой, Чудь белоглазая, другие — Чудь болотная, а третьи вообще унизительно называют Гномом.

— Не обижайся на них. Люди ведь разные бывают. У всех разное воспитание и разное восприятие. Позволь мне называть тебя Гебрис. Если так называли тебя родители, то и я не стану звать тебя по-другому.

— Хорошо, Белов Антон Максимович, ты будешь называть меня Гебрис, ну, а я для простоты общения буду называть тебя просто Антон. Договорились?

— А откуда ты знаешь полное мое имя? — придя в себя от удивления, заикаясь, спросил Антон. — Вот только с фамилией ты ошибся.

— Не ошибся. Это фамилия твоего отца. У вас, у людей, принято давать фамилию отца родившемуся ребенку. А вот Ли, это не по родству тебе дадена.

— Но как ты мог узнать все это?

— Очень просто. Я знаю все о тебе из книги отражения судьбы.

— Это, что за книга такая?

— Это книга, в которой отражена вся судьба любого живого существа, но не всем она открывает свои знания.

— И что, на нее можно посмотреть?

— Конечно, можно. Я для того и ждал тебя, чтобы ты посмотрел в нее. Но не спеши, ты увидишь ее, но позже.

— Хорошо. Оставим это, а сейчас, я угощу тебя, чем бог послал.

Пока Антон спал, мясо в казанке сварилось. Антон достал свою походную столешницу, так он называл, небольшой квадратик клеенки, на которой он всегда обедал, и расстелил на столике. Вытащив мясо, порезал его на куски. Взглянув на гостя, некоторые из них порезал мельче. Положив рядом с гостем кусочек хлеба, он протянул ему наполненную до половины кружку с горячим бульоном.

— Давай, мой гость, присаживайся ближе к столу, покушаем, а с чаем я угощу тебя шоколадом.

— Вижу, что ты угощаешь от души. Спасибо за угощение, но я не привык к такой пище. Чтобы не обидеть тебя, я съем пару кусочком мяса, но вот чему я больше всего рад, так это хлебу, уж очень редко мне удается отведать его.

— Почему?

— Негде взять. Меня ведь только оленеводы подкармливают. В период кочевья они останавливаются в пещере. Я однажды напугал их громким ворчанием. Люди они суеверные, вот и решили, что это дух пещеры гневается. Сначала они пригласили шамана, он гремел в свой бубен, и посоветовал оставлять немного еды для духа. С тех пор, после посещения пещеры, они оставляют немного еды для меня. Еда бывает разная. Они оставляют мясо, рыбу, бывает, что оставят табак и немного огненной воды. Я забираю только мясо и рыбу. Жаль, что хлеб редко перепадает, и то, по большей части пшеничный, а для меня лучше всего вот такой, как у тебя, ржаной, это просто услада для моей души.

— Вот и хорошо. Ты ешь на здоровье. И вообще, оставайся со мной, на все дни, которые я проведу здесь в ожидании погоды. Я, когда буду уезжать, то оставлю тебе половину.

— А я не собираюсь уходить. Я здесь живу.

— Как здесь? — удивился Антон. — Но ведь здесь холодно для проживания.

— Да я не в этом гроте живу, а намного глубже. Там, где я живу, всегда одна температура. Там мне тепло и уютно. Там же живет и моя семья.

— А семья большая?

— Нет. Со мной живет моя женщина и два сына.

— Чем вы здесь занимаетесь?

— Как чем? — удивился Гербис. — Мы хранители книги отражения и судеб. Хранителями были все мои предки. Мой отец передал свои обязанности мне, я передам их своему сыну, и так будет, пока будет существовать наш род. Если закончится мой род, тогда будет хранителем другой род, и так до тех пор, пока будет существовать Земля.

— После твоих слов можно подумать, что этой книге как минимум триста или четыреста лет.

— Тут ты не прав. Возраст этой книги исчисляется не веками, а тысячелетиями. Насколько я знаю, ей уже несколько миллионов лет. Если тебя гложут сомнения, то ты можешь не утруждать себя поиском доказательств правдивости моих слов. Могу сказать только одно, что я уже на протяжении двух тысяч лет являюсь хранителем этой книги. До меня в течение шести тысяч был мой отец, столько же мой дедушка, а вот прадедушка был хранителем, больше чем мы вместе взятые. Постепенно мы утрачиваем продолжительность нашего жизненного цикла. Причин этому очень много. Это и среда нашего обитания, загрязнение окружающей среды, изменение климата, и еще сотня различных факторов.

— Ничего себе, ну вы и долгожители. А разве вам не надоедает так долго жить?

— Нет, не надоедает. Каждое живое существо жаждет, как можно дольше прожить, но это в том случае, когда человек здоров телом, а главное духом. Бывают случаи, но очень редко, когда старый человек устает от жизни. В таких случаях он объявляет родным о своем желании покинуть этот мир и переселиться в другое измерение. Семья безропотно подчиняется его желанию. В таких случаях готовится определенный ритуал. Соблюдая все традиции ритуала, человек вышивает приготовленную специалистом настойку, после чего умирает на приготовленном по этому случаю ложе. Через трое суток он подвергается бальзамированию и помещается в похоронный зал, где будет находиться в течение года. Только по истечении года, тело покойника сжигают, а останки предают воде.

— Почему именно воде?

— Из воды рожден, в воду вернулся. Пойми, ни одно живое существо, в том числе и растения, не могут жить без влаги.

— Чудеса, да и только. А чему вообще я могу удивляться. Достаточно того, что я наяву вижу тебя, и могу с тобой разговаривать на любые темы, так стоит ли удивляться остальному.

— Истину говоришь, друг мой. А теперь, если ты закончил прием пищи, то нам пора заняться неотложными делами. Времени у нас немного. Через сутки ветер Борей начнет уходить в море, а максимум через двое ты сможешь продолжить свое путешествие.

— Если ты считаешь, что так будет лучше, тогда я готов помочь тебе. Говори, что нужно сделать?

— Если готов, тогда пойдем со мной. Я проведу с тобой небольшую экскурсию. Ты побываешь там, где еще не бывал ни один человек из землян. Ты увидишь то, что не видело ни одно живое существо, кроме смотрителей, уже на протяжении последних шести тысяч лет.

После этих слов Гербис направился в самую узкую часть пещеры. Антон, включив фонарик, последовал за ним. Подойдя к настенным рисункам, которые так заинтересовали Антона раньше, он скомандовал.

— Видишь, на стене написаны руны, подними меня выше, а то я благодаря твоему гостеприимству так наелся, что теперь мне тяжело прыгать, чтобы достать их.

Руны были высечены на высоте более двух метров. Антон только головой покачал, представляя, как такой маленький человек может подпрыгнуть и достать до заветного рисунка.

— Ты особенно не удивляйся, при необходимости я могу прыгнуть и на большую высоту.

— Так ты что, и мысли мои читаешь?

— Конечно, а чему ты удивляешься. Сам ты разве не занимаешься этим? — ворчливо упрекнул Гебрис Антона.

— Ладно, не ворчи, — улыбаясь, сказал Антон и легонько поднял его, посадив себе на плечо.

— Закрой глаза, — сказал Гебрис.

— Зачем, я ведь и с закрытыми глазами могу увидеть то, что ты хочешь скрыть от меня.

— Тьфу ты, — ворчал он, — я это как-то выпустил из вида. Хорошо, тогда смотри.

— Ладно уж, делай свое дело, я отвернусь, не буду смотреть.

Гебрис, не обращая внимания на его слова, растопырив пальчики рук, с усилием нажал одновременно на два квадрата поверх знаков. От нажатия квадраты подались внутрь скалы на небольшое расстояние, зато средний квадрат открылся полностью. Осветив образовавшуюся нишу фонариком, Антон увидел в ней небольшой рычаг. Гебрис взялся за него обеими руками и, попытался потянуть его на себя, но у него ничего не получилось.

— От времени забился пылью. Попробуй ты, только смотри, не сломай.

Антон протянул левую руку и нажал на рычаг. Рычаг легко пришел в движение. Вскоре послышался шумдвигающихся камней.

— Все, закрывай дверцу.

Антон захлопнул дверцу, удивляясь, с какой точностью подогнаны камни, что, глядя на них, вряд ли кто сможет заметить, что это не сплошная плита с рисунками, а отдельные блоки.

В это время огромная выпуклая часть скалы, похожая на огромный валун, вросший в скалу, задрожал, придя в движение. Выдвинувшись из скалы примерно на метр, он освободил проход внутрь скалы.

Антон мысленно подсчитал, что проход был около полутора метров в ширину, и около четырех в высоту.

— Иди за мной, — стал торопить его Гебрис. — Только иди осторожно, здесь ступеньки, и поторопись, вход скоро закроется.

Антон смело вошел в темноту прохода. Включив фонарик, он увидел в двух метрах от себя ступени, ведущие в глубину пещеры. Послышался скрежет, это скала приняла свое первоначальное положение, перекрывая вход.

Не обращая на это внимания, он смело стал спускаться. Трудности в спуске он не испытывал. Ступени были гладко обработаны и удобные для спуска. Гебрис был уже далеко в низу и призывал Антона поспешить.

Спускаясь, Антон насчитал сто двадцать ступеней, прежде чем достиг конца лестницы. В конце лестницы перед ним оказалась огромное помещение с идеально обработанным ровными стенами и высоким ровным потолком. Антон отметил про себя, что здесь трудились мастера высочайшего класса. Стены и потолок, были покрыты рисунками и

рунами.

Антон остановился, очарованный тем, что в стенах почти у самого потолка были вставлены в небольшие ниши какие-то предметы, похожие на кристаллы, излучающие матовый, очень теплый для глаз свет. Свет был не очень ярким, но, тем не менее, было довольно светло, и легко можно было рассмотреть настенные рисунки.

Гебрис, дав ему возможность налюбоваться рисунками, вновь стал торопить. Теперь они шли длинным широким коридором. Этот коридор напоминал Антону студенческое общежитие, с той лишь разницей, что по сторонам его не было видно дверей, зато были таблички с рунами и рисунками на вертикальных плитах, похожих на закрытые двери. Рядом с такой плитой, непременно была небольшая ниша, с неизменным символом, такой он видел на входе в пещеру.

Вскоре коридор закончился, они оказались перед центральной плитой. Гебрис легко подпрыгнул на двухметровую высоту и, успев, находясь в прыжке, нажать на табличку.

От нажатия плита плавно, без постороннего шума, легко отошла в сторону, как двери в купе вагона, обнажив вход в помещение. Взору Антона предстал огромный зал, в котором было гораздо больше света.

Антон с любопытством рассматривал изображения на стенах. Здесь были рисунки различных животных, многих он знал и видел. Были рисунки, изображающие людей и динозавров. Но были животные, которых он не видел никогда. Особое внимание привлекли портреты людей. Они были так ярко и талантливо исполнены, что могли соперничать с цветной фотографией.

В основном это были портреты женщин, и как отметил Антон, женщины были столь красивы, что ему с трудом удавалось оторвать свой взгляд и посмотреть на другой портрет. Были, конечно, и мужские, но их было очень мало, и все они находились только на одной стене. Они были гораздо меньшего размера, находились как будто особняком от других рисунков.

Мужчины на портретах изображены с мужественным выражением лица, но, тем не менее, привлекательны внешне. Их длинные белокурые волосы крупными локонами касались могучих плеч.

На женских портретах, женщины изображены с длинными белокурыми волосами, которые заплетены в косы, доходившие им до щиколоток.

Вскоре Антон, налюбовавшись портретами, заметил в центре огромного зала прямоугольный саркофаг из чистейшего мрамора, как показалось Антону. Саркофаг был довольно больших размеров, примерно три на шесть метров, и стоял на восьми искусно вырезанных ножках.

Антону, чтобы заглянуть внутрь саркофага и рассмотреть то, что там могло находиться, пришлось привстать на носочки. То, что сам саркофаг накрыт чем-то похожим на стекло, он успел догадаться, увидев пятисантиметровый торец самой крышки. А что крышка прозрачна, можно было догадаться по тому, как сквозь нее просачивался очень яркий свет.

Заглянув внутрь саркофага, он был поражен прозрачностью стекла или хрусталя. Антон не мог определить, из какого материала изготовлена крышка. Пятисантиметровая толщиной крышка была так прозрачна, что, глядя сквозь нее, можно было подумать, ее вовсе нет.

Когда Антон заглянул в саркофаг, то первое, что пришло ему в голову, так это сказка о спящей красавице и семи богатырях. От такой мысли он резко обернулся и посмотрел на мужские портреты.

На стене он насчитал именно семь портретов. Пораженный таким совпадением, продолжил любоваться принцессой, лежащей в саркофаге.

Это была очень красивая женщина, на взгляд ей было не более тридцати лет. Очень высокого роста, примерно два с половиной метра, возможно чуть больше. Руки ее были скрещены на животе. Ее толстая, как скрученный морской канат, коса, прямой линией лежала рядом с ней, доходя ей до самых носков ног. В косу была вплетена на всю длину нить крупного жемчуга, чередующегося с такими же изумрудами, в которых отражался белый цвет жемчуга.

На голове женщины красовалась диадема, с крупным, как куриное яйцо, бриллиантом в центре. Сама диадема была похожа на старославянский кокошник, который носили девушки в старину, водя хороводы. Вся диадема, или кокошник был богато украшен бриллиантами и нитями жемчуга. Грудь и пальцы рук украшали красивые украшения, но не это привлекло внимание Антона. Его внимание привлекло лицо девушки.

Девушка была так хороша, что оторвать взгляда было практически невозможно. Девушка лежала с закрытыми глазами. Антон понимал, что женщина умерла и, скорее всего много веков назад, но та испарина, которая светилась при ярком свете на ее красивых губах, убеждала его в обратном. Ее свежая молодая кожа с легким румянцем говорила ему, что девушка уснула пять минут назад, и стоит только коснуться ее руки, и она проснется. Антон в изумлении посмотрел на Гебриса.

— Вот это красота, — забыв на мгновение где находится, воскликнул Антон.

— Не шуми так громко. Надо уважать покой усопшей.

— Я понимаю, что она мертва, но она выглядит как живая.

— Да, она прекрасна, и пролежала здесь без малого шесть тысяч лет. Она будет лежать без изменений, еще очень долго, пока не нарушат герметичность саркофага. Как только это произойдет, правительница за несколько минут превратится в прах. Она просто исчезнет, оставив вместо себя немного пыли. Мы, хранители, приложим максимум усилий, чтобы этого не случилось.

— А кто она такая?

— О, это сама мать богов. Мы иногда зовем ее царицей Борейского царства.

— Погоди, мне уже доводилось слышать в легендах, что где-то на крайнем севере много веков назад жил народ в сказочной стране Гиперборея.

— Да, именно так назывался наш народ, и это совсем не легенда. Нас по-разному называли. После гибели нашей цивилизации, оставшийся в живых народ многие называли лапландцами, и даже лапырями, но об этом мы поговорим позже, а теперь я покажу тебе кое-что другое. Посмотри сюда.

Антон подошел ближе. Гебрис указал ему на длинную стену. Вдоль сорокаметровой стены стояли высеченные из камня огромные чаши, доверху наполненные драгоценными камнями.

В промежутках между чашами стояли аккуратно сложенные стопки из золота, отлитого в кирпичи. Выше в стене находились ниши, они напоминали ему книжные полки в библиотеке. В этих нишах стояли большие кристаллы. Кристаллы не светились, но, тем не менее, были довольно прозрачны.

— Гебрис, ты где набрал таких огромных алмазов, да еще так много?

— Не удивляйся, это не совсем алмазы. Ты, наверное, знаешь, что природные алмазы образуются в результате высокой температуры и давления, но таких размеров в природе

очень трудно найти. Свои кристаллы я выращиваю сам. Эти кристаллы нужны нам для дела, а вот брак и отходы идут на украшения, которые, теперь некому дарить, и на освещение, но, чтобы они светились, нужен высокотехнологический раствор. Обработанный таким раствором кристалл начинает светиться.

— Потрясающе, они огромны, наверное, около метра в высоту. Я таких, никогда в жизни не видел.

— Значит, ты никогда не видел настоящих кристаллов. Посмотри туда.

Гебрис указал рукой в темную часть комнаты. В самом конце комнаты Антон увидел огромную скалу, сливающуюся со стеной. Это был необработанный кристалл, около трех метров в диаметре и более шести в высоту.

— Потрясающе, но что ты делаешь с такими огромными камнями?

— Об этом я расскажу тебе в другой раз, а теперь нам нужно завершить дело, ради которого мы здесь находимся. Подойди ближе к саркофагу.

Антон подошел ближе, и только теперь заметил неприметную на первый взгляд плиту, но с геометрически ровными краями и тонкой отделкой. Она была чуть ниже его роста.

Она стояла вертикально, закрепленная в мраморной подставке. Антон провел пальцем по краю плиты. Плита была покрыта легким налетом белой пыли. Место, где он провел пальцем, показалось ему прозрачным, складывалось ощущение, что это прозрачный алмаз тонкой обработки.

Антон вопросительно посмотрел на своего спутника.

— Это что?

— Не удивляйся, это и есть книга судеб, — после этих слов Гебрис взял стоящую рядом с книгой палку с перемычкой на конце, которая была обтянута кожей оленя с мелко подрезанным мехом.

Гебрис несколькими движениями очистил поверхность плиты. Из-под щетки к подножию плиты посыпался мелкий налет пыли. Антон подумал, что вследствие этой процедуры поднимется клуб пыли, но этого не произошло. Пыль легко осыпалась и легла небольшой полоской к подножию плиты, обнажив гладкую, прозрачную поверхность камня.

— Странная пыль.

— Это не пыль, а слезы книги.

Антон взял щепотку, понюхал. Посторонних запахов не обнаружил. Пыль напоминала по запаху элементарную, поваренную соль. Тем временем, Гебрис продолжал натирать поверхность камня. Вскоре, его стараниями камень заблестел зеркально-бирюзовым светом. Поверхность камня блестела как зеркало.

Антон подошел ближе. При тщательном осмотре он убедился, что камень больше похож на стекло с зеркальной поверхностью, только двадцатисантиметровой толщины. Ощупав края, он убедился, что структура камня отличается от стекла. Ровные края не царапали пальцы и не резали их, даже при сильном нажатии.

— Мне кажется, что это стекло, но структура его мне не понятна. То, что это не камень я догадываюсь, но из чего оно сделано?

— Да, это стекло, но не простое. Такое стекло никому из смертных не дано видеть. Ты будешь первый. Изготовлено оно по особой технологии. О технологии его изготовления я не стану тебе говорить, так как ты в своем развитии не сможешь это уяснить, да и не нужно оно тебе. Скажу одно. Такие книги судеб изготовлены в ограниченном числе и, как ты догадываешься, далеко от нашей Земли. Давай на тему технологий больше говорить до

времени не будем. Я хочу показать тебе кое-что другое. Ты отойди на пару метров и встань напротив книги.

Антон не стал спорить. Отойдя на указанное расстояние, посмотрел в стекло. В это время Гебрис взмахнул рукой, как бы открывая страницу огромной книги и, вдруг стекло засветилось как огромный экран телевизора. Стали появляться картинки, красочные, насыщенные цветом.

Первое, что увидел Антон, так это переливающийся изумительными красками космос. Множество ярких и не очень звезд. Вскоре картинка сменилась.

Теперь Антон видел, как в космосе с огромной скоростью летят кометы и метеориты разных размеров. Весь этот хаос мелькал и сталкивался друг с другом, раскаляясь от ударов, они разлетались, затем сталкивались с другими, образуя еще большие куски раскаленной породы. Вскоре в этом хаосе стало появляться некое подобие порядка. Мелкая, раскаленная пыль, кружилась вокруг огромных глыб породы. Все огромные куски, приобрели свою орбиту. Постепенно большие куски стали поглощать более мелкие.

Картинки сменяли друг друга. Теперь Антон видел, что вокруг яркой звезды на разных орбитах вращаются множество раскаленных планет. Постепенно хаос стабилизировался. Планеты, все еще раскаленные, вращаясь с бешеной скоростью, приобрели свои стабильные орбиты. Картинка вновь сменилась. Теперь он видел только одну планету. Планета продолжала бешеный ритм вращения, поглощая мелкие астероиды и кометы. Планета была сильно раскалена. По всей ее поверхности можно было видеть огромные языки пламени и реки разливающейся лавы.

— Не удивляйся это наша Земля, то есть, это фаза ее рождения, а происходило все почти пять миллиардов лет тому назад.

Антон молчал. Он боялся отвлечься на разговор и пропустить что-нибудь интересное, но все равно, многое, промелькнув, исчезало, а он, как ни старался, порой не успевал рассмотреть очередную картинку.

Следующая картинка показала, что планета остыла. Она была черной и неприглядной. Вскоре он увидел, что вокруг планета обрела белый цвет. Она была покрыта сплошными ледниками. Постепенно они таяли. Стали появляться моря и растения. Планета окуталась в голубой, прозрачный купол.

Гебрис взмахнул рукой, картинка приблизилась. Теперь Антон ясно видел, что на планете появились огромные океаны воды. Появилось множество материков и островов. Зеленая поверхность материков испещрена множеством рек и озер. Вершины гор покрыты снегом.

Внимательно присмотревшись, он смог различить даже нечто похожее на крупное поселение. Затем картинка сменилась, он вновь видит, что в Землю врезается огромного размера комета. Комета на огромной скорости сталкивается с Землей. От столкновения получился взрыв, в результате которого, множество осколков как кометы, так и куски земли, смешавшись в одну огромную шапку, поднялись вверх, окутав Землю темным покрывалом дыма и пыли. Мелкие осколки остались на орбите Земли, а другая часть более крупных осколков улетела в космос.

— Но ведь там была человеческая цивилизация. Или я ошибаюсь?

— Конечно, была. Большая часть человечества погибла, погиб и животный мир. Но не это главное, самое главное, что малая часть все-таки выжила, и постепенно Земля вновь возродилась.

Вновь облик Земли изменился. Изменилось расположение материков и океанов. Опять картинка показала, что на поверхности зеленых равнин появились строения. Антон успел рассмотреть, что в небе пролетают объекты, похожие не то на птиц, не то на летательные аппараты, уж слишком на большой высоте они летали. Порой даже выше голубого купола.

Картинка меняется, и новое ненастье приближается к Земле. На этот раз комета была гораздо больше предыдущей. Зайдя в плотный слой атмосферы, она раскалилась до бело-желтого цвета. Коснувшись по касательной поверхности Земли, она как мячик отлетела, набирая бешеные обороты. Вскоре ее движение замедлилось, она, продолжая вращаться, остановилась и зависла на орбите Земли. Длинный ее хвост еще долго растворялся в атмосфере Земли, покрывая ее плотным куполом пыли и пара.

— Что это значит?

— Это значит, что у Земли появился свой спутник. Теперь мы его Луной называем. Ты лучше смотри дальше. А то, что ты сейчас видел, Книга говорит о том, как погибла очень развитая во всех отношениях цивилизация.

Гебрис вновь взмахнул рукой. Картинка сменилась. Теперь Антон видел, как меняется поверхность земли. Атмосфера стала более насыщенной, потеряла свою прежнюю прозрачность. Теперь цвет ее изменился, с ярко голубого на бирюзовый. Картинка приблизилась. Антон видел множество огромных живых существ. Самые крупные были похожи на людей. Видны были и каменные строения. Вращение земли заметно замедлилось.

Следующая картинка показала, что вокруг земли летают огромные летательные аппараты. В разных местах земли видны взрывы. Такое явление Антон не мог спутать с извержением вулкана. На землю падают объятые пламенем летательные аппараты. Вся поверхность земли покрыта огромными очагами пламени.

Меняется картинка. Антон видит, как изменился ближайший космос в районе Земли. Вокруг Земли летело множество больших и малых обломков, похожих на кометы и астероиды.

— Что это происходит с нашей бедной планетой?

— Это, друг мой, результат необдуманных действий в планетарном масштабе. В этой войне выжила только наша планета. В то время в нашей системе существовала планета Фаэтон. Раса, населявшая ее, была очень воинственной. Располагалась она между Марсом и Юпитером. Жители Венеры, натравили фаэтонцев начать гонение Асуров, населяющих в то время Марс и Землю. Основным противником, естественно, был Марс. Но они не учли технологические возможности марсиан.

Результат войны ты сам видишь в книге. Марсиане полностью уничтожили планету Фаэтон, разорвав ее на куски, взорвав на Фаэтоне хранилище с ядерным топливом. Но они просчитались. Запасов оказалось намного больше, чем они предполагали. Взрыв был такой мощности, что планету просто разорвало, а огромные куски уничтожили все живое, как на Марсе, так и на Венере, испарив атмосферы. Часть населения этих планет сумела спастись. На нескольких космических кораблях они сумели переселиться на ближайшую от них планету. Этой планетой была Земля. Теперь их родные планеты стали необитаемы, с бедной, непригодной для человека атмосферой.

Их нельзя считать совсем необитаемыми. Там теперь существует примитивная жизнь, и то, только в метановой среде, но это не совсем разумная жизнь. Еще на этих планетах есть промежуточные базы колонистов с других планет, но они в основном занимаются добычей различных полезных ископаемых, или используют планеты для энергетической зарядки

своих летательных аппаратов. Вот так и погибла высокоразвитая цивилизация.

Повезло относительно только Земле. Во время взрыва она находилась в относительной удаленности от Венеры и Марса. Большая часть осколков досталась Венере и Марсу, но самый большой удар пришелся на Сатурн. Он хоть и находится дальше всех планет, зато его орбита была в наибольшей близости от Фаэтона. Сатурн принял на себя основной удар. На его орбите до сих пор находится пояс их скалистых, а в основном из ледяных астероидов. Рядом с Юпитером и Сатурном появились спутники, вроде нашей Луны.

Причиной гибели земной цивилизации послужила не технологическая война, а столкновение с большим осколком планеты Фаэтон. Удар был несильным. Астероид на большой скорости только коснулся атмосферы, но его скорость была так велика, что земного притяжения было недостаточно, чтобы притянуть его. Этого касания было достаточно, чтобы изменилось вращение как земли, так и самого осколка. От воздействия сильного вращения и земного притяжения осколок остановился, создав свою орбиту вокруг Земли. Теперь у земли было два спутника, орбиты которых проходили в опасной близости друг к другу. Теперь я покажу тебе результат этого столкновения.

Картинка сменялась одна за другой. Теперь Антон видел Землю совершенно другой и с очень близкого расстояния. Земля была окутана белесо-водянистой оболочкой.

— Почему так сильно изменилась атмосфера?

— Это парниковый эффект. Это случилось около миллиарда лет тому назад, а возможно и больше, не стану утверждать. В результате столкновения с осколком Фаэтона Земля, изменив вращение, стала сильно разогреваться. Началось сильное испарение водного ресурса. Пары влаги могли улетучиться в космос, но Земле повезло. Сильное вращение усилило земное притяжение, и пары влаги задержались в атмосфере, смешавшись с кислородом и азотом. Испарение проходило до тех пор, пока второй спутник не стал остывать, замедляя вращение вокруг Земли. Водяная оболочка стала для планеты парником. Солнечные лучи с большим трудом пробивались сквозь оболочку, а нагретая Земля, с кипящей магмой вулканов, не торопилась остывать. Благодаря парниковому эффекту, на Земле температура воздуха не превышала тридцати пяти градусов. Ночью и днем температура была одинаковой. Этому способствовала быстрая смена дня и ночи. Продолжительность суток не превышала одиннадцати часов. Такой климат был на всей поверхности Земли. Воздух был перенасыщен кислородом. Это способствовало бурному росту, как флоры, так и фауны.

— А можно картинку показать ближе?

Гибрис взмахнул рукой, Антон даже почувствовал, как будто он сам пробивается сквозь водяную оболочку, и зависает над землей. Антон поразился красоте земной поверхности. Вокруг видны огромные равнины, покрытые зеленым одеялом растительности. В разных местах он мог видеть движущие фигуры огромных животных, похожих на динозавров. Деревья были невероятной высоты. Летали огромных размеров птицы. Реки и моря, были ярко голубого цвета. Даже сквозь толщу воды, он мог разглядеть силуэты больших существ, плавающих в морях.

Вскоре картинка показала очень высоких людей, рост которых намного превышал рост динозавров. Каменные сооружения, которые, по мнению Антона, были их жилищами, превышали высоту гигантских деревьев.

— Это что, такие огромные люди?

— Да, это люди. Некоторые особи достигали пятидесяти метров роста. Этих людей мы

называем Асуры. Это их фаэтоняне пытались уничтожить. Они были гораздо меньшего роста, но парниковый эффект сделал свое дело. Благодаря перенасыщению атмосферы кислородом, изменился рост всего живого на земле, в том числе и людей.

— Извини за не скромный вопрос, но почему ты такой маленький, как я понял, твои предки давно живут на земле.

— Не совсем так. Мой народ появился гораздо позже. Земля к тому времени имела совсем другой вид, и совсем другую атмосферу, но об этом я расскажу в другой раз.

Вновь меняется картинка. Вновь над Землей проносятся огромных размеров космические корабли. Идет космическая война. Корабли стреляют друг в друга. Вокруг больших кораблей, стремглав носятся маленькие. Стрельба ведется как снарядами с неизвестной ему начинкой, так и светящимися лучами, похожими на лазерные. Гибли как маленькие корабли, так и большие.

На поверхности Земли видны огромные взрывы. Постепенно Земля покрывается пожарами. Она начинает медленно исчезать в плотной оболочке дыма и языков пламени.

Теперь Антон не мог видеть, что происходит на Земле, но зато видел, как огромные куски породы пробивают земную атмосферу и устремляются далеко в космос.

Вновь меняется картинка. Теперь Земля практически полностью покрыта снегом и льдом. Только небольшие островки, как пятнышки на белом, зеленеют на снежном теле планеты.

Картина изменилась. Атмосфера поменяла свой цвет опять в нежно-голубой. Изменилась поверхность. Теперь Антон видел причудливые материки и океаны. Но ему показалось знакомой эта картинка. Ему доводилось видеть такую картинку в научной литературе о происхождении Земли.

Вскоре он стал различать, хоть и видоизмененные, но все же похожие на Южную и Северную Америку материки. Была видна большая часть Африки. Вместо Европы он видел несколько островов. Вся Азия была раздроблена на три небольших материка и множество мелких островов. На Южном полюсе виднелся небольшой по меркам планеты остров. На Северном полюсе материк разделялся широкими реками на четыре острова. В центре островов просматривался действующий вулкан. Не было Индийского океана. Вместо океана был один материк, изогнутый как подкова, края которого дробились на несколько материков меньшего размера, и устремлялись далеко на Север, деля оба океана на две половинки.

Картинка сдвинулась, показывая всю северную часть материка. Теперь Антон ясно видел, что Северный материк разделен на четыре острова широкими реками, берущими свое начало из озера, расположенного в центре материка. И действительно, Антон не ошибся, в самом центре озера был действующий вулкан, из жерла которого струился мелкими облаками пар.

— Мне уже доводилось раньше видеть карту этой местности, в одном из научных журналов. В статье было написано, что это карта древней Гипербореи, я не очень верил в это, но сейчас, я отчетливо вижу, что это правда.

— Ты прав. Это действительно страна Северного Ветра, в которой жили наши народы. Ты не отвлекайся, и смотри дальше.

Картинка приблизилась настолько, что Антон стал видеть, насколько мог, обширные большие города, соединяющиеся широкими, мощными каменными дорогами, по которым двигался причудливой формы транспорт. Этот транспорт напоминал ему современные грузовики, перевозящие различные грузы. Города построены из каменных блоков разных

размеров. В центральной части которых, высились огромные храмы с площадями. Все строения были построены с правильной, геометрической пропорцией, украшены колоннами и статуями.

В центре каждой площади возвышалась стелла, пик которой превышал самое высокое строение. В каждом городе обязательно были построены высокие пирамиды, разные по архитектуре. На улицах города он рассмотрел жителей, которые очень походили на царицу, лежащую в саркофаге, рядом с которым он в данную минуту находился. Среди них были люди гораздо меньшего роста. Они отличались тем, что были с русыми и слегка рыжими волосами. Таких людей Антон видел и на полях, где они возделывали землю и сады. Все посевные площади имели правильную геометрическую форму.

Вскоре он увидел площадку, в центре которой стоял длинный стол. Над столом натянут белоснежный полог, в тени которого люди, похожие на Гебриса, занимались обработкой кристаллов. На другой площадке такие же люди занимались опытами. К такому выводу Антон пришел, увидев на столе множество различной посуды и несколько очагов, на огнях которых стояли различные колбы, из которых струился пар.

Рядом с большим городом можно было рассмотреть мелкие поселения, дома которых были меньшего размера, но этим заканчивалось отличие их от большого города.

Все поля огорожены садовыми насаждениями, между которых заметны узкие дорожки. По этим дорожкам двигались караваны с повозками, в которые были запряжены мамонты.

Антон, пораженный увиденным, хотел задать очередной вопрос Гебрису, но не успел произнести ни одного слова, как картинка поменялась.

Теперь он видел ту землю, которая во всех подробностях отражена на всех географических картах мира.

— Я понимаю, что ты увидел много информации, и твой мозг еще не готов принять все, что увидел, но потерпи немного. Сейчас ты посмотришь еще один сюжет, ради которого ты проделал такой трудный путь в своей жизни. Возможно, ради этого тебя сам господь хранил, и наставлял на путь истинный. Теперь, Антон Максимович, приложи свою правую ладонь на книгу судеб.

Антон послушно подошел ближе и приложил ладонь к зеркальной поверхности книги. Через пару секунд почувствовал исходящее тепло. Это тепло проникло в каждую его клеточку. Ему стало удивительно тепло и спокойно. Волнение от увиденного стало постепенно отступать. Его мышцы стали вибрировать без его воли, он не мог этому воспротивиться. Вскоре он почувствовал прилив сил и бодрости.

— Теперь смотри, я покажу твое прошлое.

Гебрис взмахнул рукой. Перед глазами Антона стали мелькать кадры из его прошлой жизни. Кадры монотонно сменяли друг друга. Антон хорошо помнил свое прошлое, поэтому не уделял особого внимания. Но вдруг на экране появилось изображение пожилого человека с колючим, злым выражением глаз. Этот взгляд напомнил Антону взгляд разъяренного, дикого кабана, защищавшего свое стадо.

Его рука непроизвольно дернулась, и картинка, задрожав, остановилась.

— Кто это? Я не знаю этого человека, но видеть уже однажды приходилось.

— Это самый главный твой враг. Но одновременно, он является одним из твоих кровных родственников. Он сделал все возможное, чтобы повлиять на твою судьбу. Могу добавить, это младший брат твоего отца. А чтобы окончательно тебя добить, а скорее испытать, скажу. В смерти твоих родителей можешь смело обвинить своего дядю. Только благодаря его предательству, убийцы настигли их и сделали свое черное дело. То, что он всю твою жизнь пытался навредить тебе, я думаю, что ты догадывался, но ты не знаешь самого главного. Именно он виновен в смерти твоей жены и сына.

— Прошу тебя, убери его. Я никогда не стремился увидеть его, и сейчас не хочу видеть. Я хочу забыть о его существовании и никогда больше не вспоминать о нем. Если ты решил, что я побегу мстить ему, то ты ошибаешься. Мсть не в моем характере, но, если он подойдет ко мне ближе, и появится возможность, я убью его, в этом можешь не сомневаться. Теперь я просто хочу забыть о его существовании.

— Я не сомневался в тебе, и наперед знал твой ответ. Просто я хочу предупредить тебя, судьбу нельзя изменить кардинально, но ее можно поправить, направляя в нужное русло. Как бы ты не противился судьбе, ты все равно встретишься с ним. Это произойдет позже, а теперь я покажу твое будущее.

Кадры стали мелькать, но так часто, что он не смог рассмотреть ничего вразумительного. Вскоре картинка замедлилась. Антон увидел, что он как бы плывет над плотиной. Он видел леса и горы. Вся земля покрыта снегом. Теперь он видит, как по замерзшей реке бредет усталый человек. Человек идет, не обращая внимания, что его догоняет небольшая стая волков. Вдруг появляется другой человек. Он стреляет. Стая уходит в горы, оставляя убитых собратьев на белоснежной поверхности реки истекать кровью.

Картинка приблизилась, теперь он узнает в стрелке себя. Картинка приблизилась еще, и вот он видит другого человека, так же похожего на него, только гораздо старше.

— Но я не узнаю эту местность, хотя природа и ландшафт, напоминают мне Монголию. Второе, ты показал меня таким, как я выгляжу сейчас, и как буду выглядеть несколько лет спустя. Это я понимаю, но не могу понять, как я будучи молодым спасаю жизнь себе в старости.

— Тут ты ошибаешься. Молодой человек, это бесспорно ты, а вот пожилой, это мой

человек. Именно его ты обязан спасти. Именно ради этого ты находишься у меня. То, что ты ошибся, в этом нет ничего удивительного, он как две капли воды похож на тебя. Теперь посмотри на цифры. Запомни их, это дата, год и время, когда ты должен встретить его. Антон, я очень прошу тебя, не забудь эту дату, слишком многое зависит от этой встречи. Чуть позже я проинструктирую тебя. Теперь я покажу тебе местность, где ты встретишься с ним, затем я покажу тебе твое будущее.

Картинка изменилась. Антону показалось, что он парит над горами, реками и населенными пунктами. Показался город, панорама приблизилась, вскоре он прочел на стелле, что это город Горно-Алтайск. Он вновь поднялся выше. Теперь он парил над дорогой идущей на юг. Вскоре дорога привела к населенному пункту Кош-Агач. Теперь он видел, что дорога шла на запад, но она была столь незначительна, что больше походила на грунтовку. Вскоре появился небольшой поселок Аргамджи, а через несколько километров заметил небольшую речку, которая пересекала дорогу.

— Вот, Антон, когда подойдешь к этому месту в назначенное время, ты увидишь одиноко идущего человека, это и есть твой объект для спасения. А теперь смотри свое будущее.

Картинка изменилась. Теперь он видел огромное странное сооружение похожее на панцирь черепахи. Рядом с этим сооружением видны постройки, разбит сад и огород. Вся территория огорожена высоким забором. В саду беседка, рядом с которой стояла большая толпа людей разного возраста. В центре этой толпы стоял с гордо поднятой головой седой старик. Юная девушка прижималась к его плечу. В старике Антон узнал себя. На его немой вопрос Гебрис ответил.

— Это ты в будущем, спустя много лет. Все эти люди, что окружают тебя, это твои дети, внуки и правнуки. Ты доволен количеством своей семьи?

— Да здесь больше двухсот человек. Неужели это вся моя семья.

— Нет, конечно. Многие отсутствуют, но могу тебя заверить, что твоя семья превышает названную тобой цифру на много. Это все. Нам нужно уходить, мы и так провели здесь больше времени, чем положено. Нас прощает то, что слишком экстремальная сложилась ситуация. Чтобы понять всю ответственность, мне необходимо было показать тебе то, что я показал. Ты вряд ли поверил бы мне на слово. Теперь я уверен, что ты проникся нашей озабоченностью, и когда узнаешь ее подробности, то не откажешься помочь нам.

Антон окинул взглядом всю комнату, поклонился усопшей и направился к выходу. Когда они поднялись вверх в пещеру, Антон подложил немного дров в костер, сел, прислонившись к стене, закрыл глаза. Он узнал за этот короткий промежуток времени столько всего, что вся эта информация с трудом помещалась в его голове.

Гебрис пристроившись на бревне, так же молча грелся у огня. Шли минуты. Первым нарушил тишину Гебрис.

— Антон, все, что ты сейчас увидел и узнал, это действительно правда, без всяких искажений. Ты должен понять, что я не все тебе показал и смог объяснить. Ты еще многое узнаешь, но не сейчас. Тебе в данный момент нужно все как следует обдумать, переварить в спокойной обстановке. Я дам тебе на это время до завтрашнего утра. Пойми, я опасаясь, что чрезмерный объем информации, да еще за гранью понимания простого человека, может пагубно отразиться на психике.

— Я согласен с тобой. Мне действительно нужно как следует поразмыслить над полученной информацией. Надо не спеша проанализировать все, и разложить по нужным

полочкам в моей голове, а для этого действительно нужно время, но ты обещал мне ответить на некоторые вопросы.

— Я с большим удовольствием отвечу на твои вопросы, но не сейчас. Утром жди меня, а сейчас я покину тебя, у меня есть еще неотложные дела.

Гебрис попрощался и, подойдя к стене, подпрыгнул, исчезая в небольшой расщелине, которую Антон раньше не замечал.

Утром Антон проснулся с тяжелой головой. Он долго лежал, не решаясь покинуть теплый спальник. Вскоре ему надоело лежать с больной головой. Он встал, размялся как следует, затем выскочил на улицу и, трясаясь от мороза, с удовольствием растер свое тело жестким снегом. Вернувшись, вытерся насухо, затем приступил к приготовлению завтрака. Головная боль прошла. Он уже поставил на столик приготовленный завтрак, как заметил, что на своем излюбленном уже месте сидит Гебрис.

— Слушай, Гебрис, и что у тебя за привычка такая, появляться так неожиданно. Ты даже не подумал о том, а вдруг у меня слабое сердце, и может случиться инфаркт, — пошутил над его появлением Антон.

— Если бы у тебя была заячья душонка, то ты бы умер во время моего первого посещения. Ты меньше болтай, — в тон ему сказал Гебрис, — а скорее приглашай гостя к столу.

— Давай садись, скромник ты мой. Я давно уже жду тебя.

Ели они, не спеша, но с аппетитом. Когда перешли к чаю, Антон не выдержал и, прервав молчание, спросил.

— Гебрис, ты помнишь, что обещал провести со мной два дня и ответить на все мои вопросы?

— Я это помню и обещание свое сдержу, но не жди от меня слишком подробных ответов. Ты должен понять, что вся моя жизнь проходит глубоко под землей. Наш народ уже очень длинный промежуток времени не общается с людьми. Прошли века, люди нас преследуют, и мы понимаем их. Дело в том, что наш народ отличается от остального населения. Люди постепенно стали забывать о нашем существовании. Мы для них теперь что-то непонятное, а если непонятны, то значит опасны. Человек опасается того, что он не знает. Он не понимает, какую опасность представляет собой непонятный предмет или иное живое существо. Нас часто травили собаками или, окружив, просто убивали. Так постепенно мы ушли с поверхности земли, и теперь живем в недрах ее.

— Но, тем не менее, ты в курсе всего происходящего на земле. Человек, разговаривая с тобой, ни на минуту не будет сомневаться, что ты изолирован от общества землян.

— Да это так. Я, естественно, не изолирован от общества. Мы со своими соплеменниками часто встречаемся, обмениваемся информацией, ведем торговлю, обмениваясь товарами. Видишь ли, благодаря нашему росту и знаниям психологии, наш народ получает информацию методом подслушивания или воровством. Нас ведь не зря называют гном-воришка. В какой-то мере они правы. Мы действительно больны kleptomанией, это у нас, как говорят, в крови. Но мы не воруем ничего, что является ценностью для человека. В основном мы воруем информацию. Мы такие же представители земной цивилизации, как и остальное население, и хотим знать все, что происходит на нашей планете. Это наше право. Наши люди часто подслушивают различные совещания, научные симпозиумы. Воруем научные книги и журналы. Раньше мы часто использовали гипноз, чтобы помочь геологу открыть то или иное месторождение полезных ископаемых или подбрасываем идею и технологию получения некоторых металлов. Оказываем некоторую помощь в химии. И вообще, стараемся по мере возможности помочь людям. Мы ведь тоже заинтересованы в научном продвижении цивилизации. Действуем мы выборочно,

и не спеша. Это с тобой я поступил неосторожно, но я был уверен, что ты выдержишь. Конечно, все это хорошо, но плохо то, что мы не можем часто встречаться друг с другом. Порой накопившуюся информацию, мы долго не можем передать друг другу.

— А как вы вообще общаетесь?

— Это очень просто. Ты, наверное, знаешь или догадываешься, что вся земля, испещрена подземными пещерами, тоннелями и переходами. Они проходят на разных уровнях. Все зависит от состава земной коры и скальных отложений. При желании и знании проходов, можно с одного полюса попасть на другой, не говоря уже о континентах.

— А как же вы путешествуете? Ведь чтобы попасть с одного континента на другой, понадобится вся жизнь.

— Ну, ты вообще считаешь нас примитивными. Для путешествий у нас есть небольшие летательные аппараты. Работают они на энергии наших кристаллов, но это совсем не значит, что мы можем просто сесть и полететь, куда нам вздумается. Мы, конечно, путешествуем, но только на короткие расстояния. Проблема в том, что управлять летательным аппаратом сложно в многочисленных проходах и туннелях, но это не самое главное. Главное в безопасности путешествия.

— Я не совсем понимаю, о какой безопасности ты говоришь.

— Видишь ли, в недрах нашей планеты живут представители разных цивилизаций. Это люди, будем так их называть, не только коренные жители тех цивилизаций, которые в силу глобальных катастроф ушли под землю, спасая свой народ от вымирания, но и представители, переселившиеся с других планет, которые по причине каких-то перемен на своей планете, нашли приют на Земле. Скажу, что в далекие времена, наша цивилизация так же нашла приют на Земле миллионы лет тому назад. А беспокоюсь я о безопасности, по причине, что не все обитатели нашей планеты, дружелюбные. Часто случаются и некоторые непонимания, переходящие в военный конфликт. Геополитика, знаешь ли, многое объясняет. Поэтому мы и прибегаем к прослушиванию, подглядыванию и легкому воровству. Я стараюсь, как можно больше узнать о жизни людей, и все свои знания передать своим сыновьям. Все это делается во благо, так как я, находясь под землей в изоляции, мог полностью деградировать, к примеру, встретившись с тобой, не смог бы полноценно общаться.

— Не сердись на меня. Я все это прекрасно понимаю и не осуждаю тебя за это. Я не понимаю другое. Как можно, терпя лишения и неудобства, подслушивать, имея такой источник информации, как книга судеб.

— Ты прав в своем суждении, но не до конца. Ты многое еще не знаешь. Дело в том, что книгой нельзя пользоваться часто.

— Объясни почему.

— Хорошо. Ты помнишь тот белый порошок, который я стер с книги судеб?

— Да, я обратил на это внимание, и мне показалось, что это обыкновенная соль.

— Ты прав. Это соль, но не совсем простая. Я естественно собираю ее, а потом использую в пищу. Эта соль очень полезна для организма, но дело в другом, эта соль выходит из книги. Я тогда ведь не зря сказал тебе, что это слезы самой книги. Поверь, если мы сейчас спустимся вниз, то увидим, что соль, которую я стер, так и лежит у ее подножия, а она сама покрыта новым слоем порошка.

— Как это получается?

— Дело в том, что состав книги, таков, что когда мы, использовав книгу для сеанса,

заканчиваем работу, то книга в считанные минуты выделяет из себя структуру соли, и покрывает ею свою поверхность. Таким образом, она предохраняется от электромагнитных излучений земли. Излучения пагубно влияют как на структуру самой книги, так и на ее работоспособность. Мне совсем неведом срок, когда появится возможность заменить книгу более современным аналогом. Как все молекулярные создания, и книга в том числе, подвержены старению. Что бы продлить ее жизнь, я стараюсь, как можно реже прибегать к ее способностям, ведь для этого я являюсь хранителем ее.

— Теперь мне ясно. Ты намекнул, что твой народ когда-то переселился на землю, в чем заключалась причина вашего переселения?

— Хорошо, я расскажу тебе вкратце о судьбе нашего народа. Под словом наш народ я буду предполагать и народ аланов, царицу которого ты видел. Так вот, надеюсь, ты слышал, что есть галактика Андромеда.

— Кое-что я слышал. Это соседняя с нашей галактикой.

— Созвездие Андромеды состоит из нескольких галактик, в составе которых находятся десятки карликовых галактик. По своему составу она превосходит Млечный Путь в несколько раз. Но не в этом дело.

В каждой галактике в самом ее центре находится образование, так называемая Черная дыра. Ее сила гравитации так сильна, что все звезды, и естественно планеты, вращаются вокруг нее по определенным орбитам. Со временем часть звезд поглощается Черной дырой. Она постепенно расширяется. Гравитация усиливается.

Постепенно у ближайших созвездий меняется орбита. Начинается, так называемый, космический хаос. Ближайшие звезды и их планеты сталкиваются. Мы жили на планете в составе одной из карликовых галактик. В нашей солнечной системе было двадцать девять планет. Из них обитаемых только две, соседние. На обеих планетах обитала одна раса людей. На более крупной жили Аланы, а на другой Айны. Наш народ жил на спутнике Алании. Цивилизация наших планет была очень высоко развита, с высокоразвитой технологией и правильным сознанием бытия.

Все мы жили как один народ. Мы часто посещали соседей, ведя совместные дела, как в процветании мирной жизни, так и в освоении космоса. Мой непосредственно народ не отставал в развитии от остальных. У нас не было больших межгалактических кораблей, мы считали, что малых вполне хватает для ближайших полетов. Вторая причина, это то, что мы большую часть своей жизни проводили под землей. У нашего народа была слишком развита химия и разработки в металлургии.

Мы умели изготавливать нужные сплавы. Особой гордостью было выращивание нужных кристаллов. Разработка полезных ископаемых заложена в нашем генетическом коде. Нас не зря называют рудокопы.

Когда над нами нависла угроза столкновения, этому способствовало то, что одна из звезд, не выдержав гравитации Черной дыры, взорвалась. Опасаясь столкновения со сбитой от взрыва планетой, нам в спешке пришлось покинуть нашу галактику, и искать себе пристанища в соседних галактиках. Народы Аланов и Айнов не забыли своих соседей, наш народ очень им благодарен за помощь. Так большая часть народов была спасена. Наши корабли разлетелись по просторам космоса в поисках планет, с условиями для обитания.

Пролетая на близком расстоянии от Земли, нам очень приглянулась эта планета. Естественно наши ученые знали, что через какое-то время Млечный Путь и Андромеда столкнутся, но это случится не очень скоро. Наши галактики постепенно сближаются, но,

несмотря на это, часть людей все же решила поселиться на ней.

Земля оказалась населенной планетой. После катастрофы, постигшей землю, обитателей было мало, а наш народ, был намного малочисленней аборигенов. Наши предки, чтобы не обременять своим присутствием местное население, поселились на полюсах планеты, благо климатические условия позволяли это сделать. Аланы и половина нашего народа поселилась на Севере, а вот Айны и другая часть нашего народа, предпочла небольшой Южный материк. Шли столетия, постепенно население Земли увеличивалось, и не только за счет нашего присутствия. Наши народы были миролюбивой расой, поэтому многие народы планеты, убегая от войны и разорения, примыкали к нашим городам, ища у нас защиты и покровительства.

Не могу сказать, что наш народ был поборником чистой расы. Нет, наши люди часто вступали в брак с местным населением. Постепенно, отсталый и дикий народ стал привыкать, к более, современной цивилизации. Но надо сказать, что наши правители не спешили поделиться с отсталым в развитии народом высокими технологиями, понимая, к каким последствиям это может привести.

Постепенно планета принимала другой облик. При помощи новейших технологий были построены города и храмы, фабрики и заводы. Были построены взлетно-посадочные площадки не только для космических кораблей, но и для летательных аппаратов местного значения. Наши предки построили большое количество пирамид и других сооружений различной направленности.

— А для чего они строили пирамиды?

— Разные конфигурации пирамид выполняли разные функции, но только одна функция объединяла их всех, это стабилизация магнитного поля Земли. Видишь ли, пирамиды являются сильным источником энергии, которую они потребляют и передают по мере надобности другим источникам потребления. Они построены в определенных местах, и стабилизируют внутреннее давление Земли.

Ты ведь понимаешь, что в недрах земли проходят различные изменения в раскаленной магме, под воздействием различных факторов, не только солнечного влияния, но и под воздействием космического ветра. Чтобы стабилизировать давление самой магмы, и предотвратить неожиданные извержения вулканов, были построены именно пирамиды.

Не стану углубляться в технологические процессы этих сооружений, скажу только, что при помощи пирамид, люди получали дешевую электроэнергию, имели связь, могли пополнять энергию космических и других летательных аппаратов. Видишь ли, наши предки считали, что энергия, полученная за счет пирамид, дешевле и экологически чище, по сравнению с добычей нефти, использование которой вредит не только экологии планеты, но и человечеству в целом.

Единственно, что нужно было для бесперебойной работы такого сооружения это крупные кристаллы разной конфигурации, которые мы выращивали сами. Один из таких кристаллов ты видел в гробнице. Трудность заключалась только в выращивании самого кристалла. Обработку делали по специальной технологии с применением приборов, способных изменять молекулярную структуру материалов.

— С этим немного понятно, но как вы строили такие огромные мегалиты и какую использовали при этом технику?

— В этом нет ничего удивительного. Наши предки при строительстве использовали технологии, при помощи которых камень любого размера можно сделать мягким как хлеб.

Из такого камня нарезался блок нужного размера, затем три помощи гравитационного прибора он доставлялся в нужное место и на нужную высоту.

Гораздо позже, когда наши предки утратили часть технологий, то при строительстве стали использовать уксусную кислоту, которую выделяли при получении дегтя из березовой древесины. В других краях планеты использовали соединения различных трав, настоем которых, в том числе и уксусом, они изменяли структуру камня. Не подумай, что на этом кончаются технологии в строительстве. Строили не только из твердых сортов камня, но были технологии изготовления очень качественного порошка. При добавлении порошка в состав смеси, из известняка и других пород, получался раствор, который переносили строители, затем заливали в нужные формы. В течение некоторого времени получался монолитный блок нужной конфигурации, не отличающийся по своему составу от любого гранитного монолита. Так, на этот вопрос я тебе ответил. Задавай следующий.

— Гебрис, скажи пожалуйста, а был ли такой континент как Атлантида? Если был, то куда исчез.

— Атлантида действительно существовала. В те времена был материк, состоящий из нескольких больших островов. Этот материк был очень длинным. Его острова располагались в центре Тихого океана, Индийского и Атлантического. Этот материк изгибался как огромная змея, голова и хвост находились в разных концах Севера, а остальное туловище на Юге.

— Я где-то читал, что был такой материк, а назывался он Лемурия, или просто Му.

— Ты прав. Этот континент имел несколько названий. Каждый его остров носил свое названия, как, к примеру, нынешняя Австралия, ведь это остров, оставшийся после катастрофы, в результате которой погибла почти вся поверхность Лемурии.

Могу добавить, что большая часть Айнов погибла на этом континенте, и только небольшая ее часть сумела спастись на территории нынешней Азии. Как ты понимаешь, это территория Индии, Тибета, и небольшой части Японии.

Что касается самой Атлантиды и так называемых Атлантов, могу сказать, что это уже смешанный народ, получившийся в результате смешения народов Айнов, переселенцев с Марса и части народов, населяющих Африку. Это смешение в будущем Атлантиды и вообще цивилизации в целом имело негативное последствие. Основным негативом в этом смешении был народ, который позже стал называться шумерами.

В древние времена нашу землю посещали так называемые анунаки. Это люди с планеты Нибиру, которая, следуя по своей орбите, приближается к Земле на минимальное расстояние один раз в три с половиной тысячи лет. Это довольно развитая цивилизация, но достаточно воинственная, с замашками пиратства. Их планета давно оскудела. Чтобы как-то поддерживать ее существование, они вынуждены промышлять добычей полезных ископаемых на разных планетах.

На Земле их интерес заключался в добыче драгметаллов, которые они использовали как в космической отрасли в виде проводников в системе электроники, так и в оздоровлении воздушной оболочки своей планеты. Для добычи драгметалла они имели различные технологии и космический транспорт, но им не хватало рабочих рук. Чтобы решить эту проблему, они искусственно попытались вывести как в инкубаторе человека-робота, который беспрекословно должен был выполнять для них нужную работу. В результате проб и ошибок, они сумели вывести нужную для них особь. Все было хорошо, но работа генетиков была очень затратной. Тогда они скрестили выведенную особь с людьми, населявших нашу

планету. Результат оказался поразительным. Люди хорошо размножились и работали. Так появился новый род человека, который называли шумерами.

Нубирийцы не учли одного, шумеры оказались мыслящим народом, и довольно агрессивным. Они подняли восстание и разгромили ненавистные шахты, где они пачками гибли от изнуряющего труда. Марсиане с удовольствием смешивались с очень красивыми женщинами шумеров, которых они с периодичностью завоевывали.

Постепенно они произвели себя в культ богов, заставляя всех подданных поклоняться их божественному происхождению. Все было бы ничего, но они посчитали себя не только богами над своим народом, но и богами над природой планеты. Не знаю зачем, и какие они проводили опыты, но они умудрились спровоцировать извержение Супервулкана.

Ты, наверное, знаешь, что такой вулкан не извергает лаву, он просто взрывается. Его взрыв был такой мощности, что повлек за собой извержения многих десятков больших и малых вулканов.

Результат оказался плачевным. Земля горела повсеместно. Землетрясения следовали одно за другим. Затем наступил ледниковый период. Большая часть Земли была покрыта снегом и ледниками. Погибло практически все население и животный мир планеты за исключением некоторого процента, и тех, кто сумел спастись на космических кораблях. Наши предки долгое время жили в земных недрах. Затем, когда наступило прояснение, и постепенно стали таять ледники, наша Мать-Царица отказалась покинуть Север. Она приказала нашим людям законсервировать ее тело, а остальным уходить на юг, где по ее расчетам начиналось потепление.

Так наш народ лишился последнего правителя с нашей далекой родины. Люди выполнили ее просьбу, постепенно ушли осваивать новые земли в районе нынешний тропиков. Много лишений выпало на долю нашего народа. Пришлось им пережить и столкновение с огромным астероидом, вызвавшим повсеместное наводнение, называемое сейчас всемирным потопом.

Это случилось около десяти тысяч лет назад. Во время потопа, люди лишились многих технических средств и технологий. На этом бедствия не закончились. Так как в результате катастрофы люди лишились основных мегалитических строений, землю стали сотрясать вновь образовавшиеся вулканы. Строить новые уже не было возможности, тогда люди стали строить в местах разломов земных пластов мелкие сооружения, которые сейчас называют дольмены. Эти дольмены выполняли роль слухового аппарата. Когда просыпался очередной вулкан, от него шли под землей звуковые волны, определенной чистоты. В дольменах дежурили уже люди моего племени, так как мы были малы ростом, и специалисты по недрам планеты. Наши люди определяли чистоту и направление звука и, анализируя полученную информацию, говорили, где и в каком месте может произойти извержение вулкана или просто землетрясение. Имея свежую информацию, люди предпринимали усилия, нужные для спасения населения данного района. Но на этом функции дольменов не заканчиваются. При помощи этих устройств, люди могли переговариваться, передавая на расстояния информацию. Кроме этого, при помощи дольменов, можно открыть портал в другое измерение.

— Почему вы тогда не воспользовались возможностью, и не покинули это измерение, чтобы спастись от катастрофы?

— Это не совсем верно. Попав в другое измерение, ты попадаешь в другое временное измерение, но никак не на другую планету. Если у нас происходит катастрофа, то она

происходит и в другом измерении. Теперь понятно?

— Не совсем, но будем считать, что я понял главную суть измерений. А сколько их всего может быть?

— Довольно много, и путешествовать по ним без определенных навыков и специального оборудования я не советую. Можно застрять между двух границ, и никогда больше не увидеть людей. Но ты не переживай, тебе это не грозит. Пойдем дальше. Постепенно жизнь на Земле стала налаживаться, как, это, пожалуй, не важно. Важным фактором было то, что на Землю стали прилетать в большом количестве разные народы из других миров. Они несли свое понимание мира и свою культуру. Возьмем, к примеру, Китай. Ты знаешь, кто построил Великую Китайскую стену?

— Насколько мне известно, ее построили китайцы больше двух тысяч лет назад от нападения Монгольских кочевников.

— Ты не совсем прав. Да, китайцы принимали в этом участие, но только в ее восстановлении и реставрации.

Началось все с того, что на китайскую территорию прилетело племя, относящее себя к народности Рептилоидов. В результате их генетических разработок появился весьма воинственный народ, пытавшийся завоевать свое место под солнцем, завоевывая все новые территории с плодородными землями.

Монголоидная раса — это совсем другой народ, именно его Поклонники Драконов использовали для выведения своих воинов. Воевали эти воины в основном с кочевниками Айнов, кочевавших в те времена по всему востоку Азии, включая Тибет. Кочевники устали от постоянных стычек с непонятным народом. Они решили изолировать тот народ от посягательств на их земли, построив высокую стену со сторожевыми башнями. Они возводили стену, используя тот материал, который был наиболее доступен. Стена была сложена не только из каменных блоков, но местами просто насыпался высокий, земляной вал, укрепленный деревом и раствором из глины. И только три с половиной тысячелетия спустя, действительно, когда объединились китайские племена, они приступили к восстановлению разрушенной частично от времени стены, чтобы отгородиться от набегов монгольских кочевников.

Хочу сказать, что примерно пять-шесть тысяч лет назад на земле были и ядерные войны между развитыми цивилизациями из других миров, обосновавшихся на нашей планете. Народность, которая завоевала племена, живущие на юге Азии, вскоре вступила в войну с народом Рептилоидов.

Когда Рептилоиды были уничтожены, они покусились на оставшиеся цивилизации Атлантов и Гиперборейцев. В то время наш народ называли «Люди Северного ветра», так переводится «Гиперборея».

Но выстоять пришельцам против двух коренных к тому времени народов, им не удалось. Цивилизация пришельцев была полностью уничтожена с использованием ядерного оружия. Таким же оружием они нанесли большой урон и нашим народам.

Затем пару тысяч лет было относительно спокойно, не считая незначительных войн между населением земли за лучшие условия и лучшие земли.

Три с половиной тысячи лет тому назад люди жили относительно спокойно. Они строили города, налаживали торговые связи, немножко воевали. К примеру, народы ближнего востока, в том числе и агрессивные атланты, пытались вытеснить наш народ, проживающий на плодородных землях бассейна Черного моря. Хочу сказать, что Черным морем оно стало гораздо позже. Тогда, вместо моря было большое прекрасное озеро.

На всей плодородной долине проживал наш народ, к тому времени наш народ разделился, часть по мере таяния ледников мигрировала на Север и населяла всю северную часть Европы и Азии. Небольшая часть населения осталась. В этой группе населения царил матриархат. Племена дали новое название «амазонки».

Амазонки были невоинственным народом, но в случае нападения они были весьма искусны в боевых действиях и очень жестоки по отношению к захватчикам. Постепенно набеги на них прекратились. Их стали бояться, уважать за смелость и умение постоять за свой народ.

Последний глобальный катаклизм случился три с половиной тысячи лет назад. Тогда погибло очень много населения планеты, и была утеряна почти вся научная технология.

Ученые, которые выжили после катастрофы, решили скрыть свои знания до лучших времен. Их научные изыскания были спрятаны в различных местах всей планеты. Так они постарались обезопасить планету от новых испытаний.

— О какой катастрофе ты говоришь?

— О той, которая случилась три с половиной тысячи лет назад. Ты, наверное, знаешь, что в Атлантическом океане, у берегов Испании случаются самые высокие приливные волны.

— До меня доходили такие высказывания. Это случается в тот момент, когда наш спутник Луна находится на самом близком расстоянии от Земли. В этот момент приливная волна может достигать четырнадцати метров, а порой даже больше.

— Именно так. Теперь представь себе, что планеты нашей Солнечной системы выстраиваются в один ряд. Мало того, так в этот ряд попадает еще и бывшая когда-то солнцем звезда, которая находится на очень большом удалении, но, тем не менее, она хоть и потухшая, но имеет огромное гравитационное притяжение. Теперь представь, какое давление испытала наша планета под воздействием гравитационного поля самых крупных планет. Под воздействием этого поля проснулись несколько вулканов на Земле, в том числе вулкан на острове в Средиземном море. Этот остров был последним оплотом атлантов. Его взрыв был такой мощности, что вкупе со сто метровой приливной волной, он затопил половину земной суши. Так, в результате потопа образовалось несколько крупных озер с морской водой.

— Ты имеешь в виду Черное море, Каспийское море и Аральское.

— Да, именно так. В тот день погибла наша Амазония. А ведь какое прекрасное было место. За одни сутки погиб полностью весь народ Амазонок, за исключением тех, кто находился в горах. Были затоплены все города, славившиеся своей архитектурой и красотой на весь регион. Хочу сказать, что кроме наземных городов, там были также и пещерные поселения. Так что, ты должен понимать, что Земля — не очень спокойная планета, но могу тебя утешить тем, что не только Земля такая, в космосе многое происходит не только по вине космического разума, но и по вине человечества. Я уже приводил тебе примеры, связанные с гибелью планет по вине человека. Это касается гибели Фазтона и гибели многих цивилизаций от технологических катастроф, и от ядерных войн, вследствие которых погибает большая часть человечества. Не хочу скрывать от тебя тот факт, что в космосе есть планеты, где разумная цивилизация достигла максимального предела развития. На таких планетах нет того, что происходит с нами. Они в своем развитии давно перешагнули этот рубеж, но не факт, что это будет продолжаться у них вечно.

— Из твоих слов я понял, что мирных планет просто не существует. Правда есть периоды, и возможно продолжительные, где люди живут в относительном спокойствии.

— Именно это я имел в виду. Космос — это сплошной хаос, но этот хаос управляется космическим Разумом. В нем все подчинено одному закону. Закону одного Разума, и только ему.

— Ты хочешь сказать, что космосом и всем, что происходит в нем, руководит Господь Бог?

— Ты в какой-то степени прав. Его можно называть разными эпитетами. Кто-то его называет Богом, некоторые Создателем, я на этот вопрос точно тебе ответить не могу. Знаю только одно, что Разум существует.

— Тогда скажи мне, где находится этот Разум, и почему люди поклоняются разным

богам, а не одному Разуму.

— Давай договоримся, что о космосе и его устройстве ты спросишь у человека, которого тебе предстоит спасти, я же буду отвечать на вопросы, которые будут касаться непосредственно истории Земли, и моей цивилизации. Хотя если подумать, то я уже успел тебе на них ответить. Второй твой вопрос касался поклонению. Это простой вопрос. Каждая культура, посещавшая Землю, оставила на ней свою каплю культуры. Это связано не с поклонением Разуму, а с религией, по-моему, это так называется. В каждом народе своя религия, а нужна она для сильных мира, создавших эту культуру. При помощи религии некоторые особо умные особи завоевывают себе власть над остальным народом. Как сказал один из ваших вождей — религия — это опиум для народа — в этом высказывании он прав. Этим опиумом отравляют сознание неокрепшего ума, заставляя беспрекословно подчиняться так называемой воли богов. По воли богов могут заставить любить себя, по ней могут заставить убивать других, или приносить человеческие жертвы, и все это для достижения минутной славы и торжества над нижестоящими.

— Получается, что народы Майя погубили себя, проповедуя людское жертвоприношение?

— Тут ты не прав. Племена Американского континента, не только Майя, приносили очень много человеческих жертв своим богам. Эту пагубную привычку они унаследовали от нубирийцев, которые наученные опытом при создании Шумеров, не стали больше рисковать, а создали уже на другом континенте религию, при которой местное население подчинялось им при помощи их собственных вождей. Нубирийцы не оставались надолго, они теперь только навещали своих подопечных, увозя с собой огромные запасы добытых драг металлов.

Погибла цивилизация Майя не от жертвоприношений, а по собственной глупости. Они имели технологии в добыче золота и серебра. Многие кто преуспел в этом, достигли определенного положения в обществе. Рисуясь своими богатствами, друг перед другом. Они возводили огромные дома и города из местного известняка. Для строительства больших домов требовалось много извести, которую им приходилось выпаривать из известняковых пород. Для этого нужно было топливо. Таким топливом служили дрова. Люди вырубали все леса в округе, на сотни километров.

Такое бездумное управление привело к экологической катастрофе той местности. Вместо лесов теперь была пустынная степь. От высокой жары пересохли все болота, снабжающие влагой поля, на которых люди выращивали кукурузу. Результат один — голод, высокая смертность от болезней и эпидемий. Оставшийся народ покинул свои земли. Большая часть из этого народа пыталась кочевать, но другие народы препятствовали проживанию чужаков на их землях. Некоторая часть растворилась в составе других народов. Вот и вся причина.

— Гебрис, вот уже три тысячи лет Земля существует без относительно мощных катаклизмов. Почему тогда народы, жившие две-три тысячи лет назад, были гораздо цивилизованней, чем за последнюю тысячу лет?

— Очень просто. В то время люди еще помнили и передавали своим потомкам некоторые плоды цивилизации. Но за последние полторы тысячи лет все в корне поменялось. Появились новые религии, другие устои стали притесняться. Наступил раскол в некоторых ветвях религии. Власть захватили невежественные люди, которых вдохновляли только страдания других. Они были глупы и необразованны, но обладали властью. Такие люди проявили максимум, чтобы избавиться от более умных людей, дабы те в свою очередь

не смогли покуситься на их власть.

Так постепенно часть умного населения была истреблена, а другая, опасаясь за свое потомство, перестала передавать свои навыки и умение своим детям. В результате человечество деградировало. Я, конечно, понимаю, что за последние пару сотен лет, народы изменились, но это не так. Да я понимаю, что люди научились управляться с некоторой техникой, многого достигли в технологиях, но это только песчинка по сравнению с тем, чем обладали наши предки. Еще хочу сказать, что появление некоторых технологий, это не значит, что цивилизация развивается. Цивилизация может считаться развивающейся только в том случае, когда в головах людей произойдут серьезные изменения. Мне кажется, что ты понимаешь, о чем я говорю.

— Но ведь есть силы, которые по слухам все же посещают нашу Землю. Если у них есть технологии, при помощи которых они совершают космические перелеты, то неужели они не могут пойти на контакт с нашим народом, и изменить их отношение как к себе подобным, так и к самой планете?

— Да есть такие народы. Многие из них, живут на нашей Земле. Есть народы, которые живут в недрах планеты, к примеру, такие как мы. Есть и другие. Есть народы, которые живут обособленно в глубинах океанов. Хочу тебе заметить, что в водах океанов живут самые старые представители обитателей нашей планеты. Этими обитателями являются люди с рыбьими хвостами. Таких людей называют Русалками. Не удивляйся, легенды всегда складывались на правдивых показаниях. Эти особи обитают на больших глубинах, и у берегов земли появляются довольно редко. Таких визитеров соплеменники отлавливают и серьезно наказывают.

Есть в глубинах океанов и других глубоких водоемах переселенцы с других миров. Они обладают очень высокими технологиями, имеют свои космические корабли, способные развивать высокую скорость даже на большой глубине. Это не коренные жители Земли, это колонисты устраивают здесь свои промежуточные базы. Многие из колонистов выполняют определенные функции на нашей планете. Есть такие, которые похищают некоторых людей, проводят анализы, испытывают новые препараты, берут ДНК-клетки для воссоздания или для оздоровления своей популяции. Есть силы, которые оберегают Землю от глобальных катаклизмов. Следят за развитием планеты. Все это есть, но это не значит, что Разум позволит им явно вмешиваться в естественный порядок развития Земли.

— Но мне кажется, что все же есть какая-то помощь со стороны в развитии некоторых технологий.

— Да это так. Но это на очень примитивном уровне. Человечество не сможет обладать высокими технологиями, пока не научится использовать весь потенциал своего мозга. Мозг человека — это такой орган, от которого зависит не только изобретения технологий, но и его связь с космосом, его умение телепартироваться, его умением продлевать собственную жизнь, его ощущения и предвидение, и еще много возможностей. Все это надо развивать. Ты в этом вопросе продвинулся на какой-то шаг. Ты обладаешь задатками телепатии, у тебя есть третий глаз, как вы называете чувство, предупреждающее вас об опасности, но это маленькая толика того потенциала, которым может обладать человеческий мозг.

— А как научится управлять мозгом, чтобы задействовать его хотя бы на половину?

— Это сложный процесс, и я не стану этим процессом забивать твою голову. Голова у тебя давно пухнет от полученной информации. Я за эти дни вкачал в твою голову столько информации, что, боюсь, тебе хватит на несколько недель осмысливать ее. Позже, когда

будет время, ты сможешь выудить нужную информацию из своего подопечного, а сейчас давай закончим этот ликбез и перейдем к главному вопросу. Как ты думаешь, почему ты здесь, и почему я все это тебе рассказываю?

— Я думаю, что ты помогаешь мне вернуться сюда в следующий раз, и ограбить тебя. Ты ведь показал мне, как вскрывается гробница, и какие там хранятся богатства. Ты, видать, забыл, как богатства действуют на человеческую психику.

— Ну, на этот счет, я могу быть спокоен. Ты никогда не сделаешь то, о чем сейчас говоришь.

— Отчего это ты так уверен, что я не поступлю так, как сказал?

— Скажи, ты сможешь увидеть собственные глаза?

— Если будет зеркало, то смогу.

— Вот когда оно будет у тебя, ты тогда посмотри в свои глаза.

— И, что я там, по-твоему, увижу?

— А увидишь ты в них только любопытство и жажду познания, но никак, не алчность и жажду воровства. Я доступно объяснил?

— Доступно, — проворчал Антон.

— Не обижайся, ты ведь тоже однажды говорил одному человеку, что его голова для тебя как открытая книга. Читай — не хочу.

Антон вспомнил разговор с Иваном, и громко от души рассмеялся.

— Это подловил на слове, называется. Значит, теперь моя голова как раскрытая книга.

— Правильно понял. Теперь поговорим о главном. Начну издалека. Изучив структуру Земли и ее недра, все ученые Земли собрались на большой совет, прекратив на некоторое время все мелкие неурядицы и войны. На большом совете было принято решение, создать необходимый банк знаний и генетический материал всего живого на планете. Даже самые закоренелые скептики согласились на это, понимая, что участвовавшие экологические и техногенные катаклизмы могут уничтожить все живое на земле. Создавая такой банк, они надеялись в будущем восстановить утраченные знания, и вновь возродить теперь уже общую цивилизацию.

Для этого было выбрано несколько мест на планете. Строили пирамиды, где в глубине помещались в определенных сосудах все, что могли собрать. Основной банк размещается на юго-востоке, на территории нынешнего Тибета. Хочу сказать, что в этом районе очень много различных пирамид, но самая надежная из них, это пирамида, которую сейчас называют Кайлас.

Эта пирамида является самой высокой. Ее вершина оканчивается на высоте более шести с половиной тысяч метров и, тем не менее, она самая надежная и устойчивая. Вот в этой пирамиде, наши предки поместили основной генетический фонд.

Рядом с этой пирамидой была построена еще одна, но гораздо меньшего размера. Эту пирамиду народ называет Саркофаг. Хочу сказать, что они недалеко ушли от истины. Она действительно является чем-то вроде саркофага. Дело в том, что в ней находятся в стадии ожидания, мы так это называем. Другие называют этот процесс искусственной комой или летаргический сон, или просто длинной стадией медитации, это каждый называет по-разному.

Так вот, я повторюсь, в ней находятся четыре человека. Как ты, наверное, догадался, это двое мужчин и две женщины. Это не простые жители Земли, а успешные ученые, добившиеся определенных успехов в науке. Они прошли жесточайшую проверку по всем

параметрам, включая, и совместимость друг с другом в разных аспектах. Это дополнительный запас генетики и знаний человечества. В их мозгах заключены все знания, которых сумела достичь наша общая цивилизация. Вот для поддержания жизнеобеспечения этой пирамиды и служит человек, которого ты должен спасти.

— Он, что, живет в пирамиде?

— Нет, но он каждые тридцать лет посещает Землю на своем корабле. Он посещает пирамиду, проверяет ее. При необходимости меняет изношенные кристаллы на новые. Эти кристаллы продлевают срок службы самой пирамиды, а также поддерживают жизненные процессы в живом банке, то есть в людях.

— Теперь понятно, для чего он здесь служит. Но чем я могу ему помочь?

— Дело вот в чем. Когда он будет в очередной раз менять кристаллы, то у него похитят его космический корабль.

— Разве такое возможно?

— Хочу сказать, что на нашей планете все возможно, в том числе и угон космического корабля. Я уже говорил тебе, что нашу планету населяют разные цивилизации. Кроме постоянных обитателей посещают Землю и другие. Не все они доброжелательны к человечеству, да и причины для посещения также разные.

Бывают среди них и космические пираты. У этих особей нет постоянного места обитания. Для своего обитания они, как правило, используют огромных размеров космические корабли. Эти корабли никогда не садятся на планету. Для поддержания жизнеобеспечения этих монстров, или можно назвать их маточными кораблями, служат более мелкие корабли, на которых пираты доставляют полезные ископаемые с других планет, добытые или воровством, или же разбоем. Особую ценность имеют драгметаллы и кристаллы. Это лучший в наше время материал для электроники.

Вот такие деятели, кроме всего прочего, промышляют похищением космических кораблей, так как для них проще украсть чужое, чем сделать свое. Ты, естественно, удивлен, как могут чужие люди похитить технически совершенное устройство, да еще с множеством степеней защиты, но не забывай, что пираты также являются умными и грамотными специалистами во всех направлениях науки.

Я уверен, что причина кроется в безалаберности напарника. Когда Андромедус, так зовут твоего подопечного, уйдет в пирамиду с первой партией кристаллов, его напарник перелетит на другое место, и приземлится у озера.

Поясню. В районе Кайлас есть два озера разные по характеристике. Одно из них даже в тихую погоду всегда бурлит волнами, а вода солоновата на вкус. На его берегах даже нет растительности. Зато другое всегда тихое и приветливое. Вода, поднятая с его глубины, обладает невероятным вкусом и очень полезна для живого организма. Вот, напарник, наверное, решит в отсутствие Андромедуса пополнить запасы воды. Когда он покинет корабль, на него будет совершено покушение.

Я не стану рассказывать тебе о тех жестоких пытках, которые эти изверги применят к нему. Скажу, что тело его будет выброшено в космосе. Мы даже при любом желании не сможем его обнаружить на просторах космоса.

Так, Андромедус успеет заменить только одну часть кристаллов. Когда вернется за другой частью, он обнаружит отсутствие корабля. Он будет долго ждать, по-видимому, он будет знать, что напарник поступит именно так, поэтому, устав от ожидания, он направится ко мне за помощью. Все бы ничего, он смог бы без посторонней помощи придти в мою

пещеру. Дело вот в чем. Он слишком долго будет находиться в долине смерти, вдобавок попадет под луч зеркала.

— Я не понял. Поясни, что такое луч зеркала и причем долина смерти.

— Очень просто. Наши предки были не дураки. Они понимали, что базу данных могут вскрыть нежелательные люди в виде пиратов, или просто грабителей гробниц. Тебе ведь не надо объяснять, что делали грабители в других пирамидах по всей Земле?

Вот, чтобы избежать таких неприятностей, они разработали несколько элементов защиты от посягательств. Только на самой пирамиде Кайлас их три, не считая соседних. Зеркала — это большие вогнутые плоскости, направленные в разные части света. Эти плоскости, имеют разные размеры. Они направлены к вершине и имеют высоту от нескольких сот метров и выше. Под воздействием энергии самой пирамиды они излучают пучки энергии разного направления. Это касается и долины смерти. Человек, находящийся непосредственно в пересечении этих лучей, непременно погибнет. Дело в том, что эти лучи активизируют в человеке так называемый ген старения, или проще, ген смерти. Все зависит от времени нахождения в этих лучах и его физического здоровья. Но человек, каким бы он не обладал здоровьем, если он находился в них хотя бы пару часов, состарится и умрет в течение года, максимум двух. Теперь подсчитай, сколько проживет Андрамедус, находясь в долине смерти более двух суток.

— А разве Андрамедус не знал об опасности со стороны этих зеркал?

— Естественно, знал. Он не знал, где именно проходят эти лучи, и даже если бы знал, то не смог бы отключить действие магии, наложенной на эти места.

— Ты не пугай меня, какая еще магия?

— Не удивляйся, это сейчас люди относятся к ней скептически не понимая, какой угрозе они подвергаются. Поверь, магия — это очень серьезно. Наши люди легко управляли такими процессами. Не в этом дело. Дело в том, что Андрамедус является посвященным, и имеет доступ, но только в одну пирамиду и может отключить своей энергетикой только то заклятие, которое действует на вход в пирамиду, которую он обслуживает. Его напарник не имеет таких полномочий, поэтому он всегда остается в корабле.

Кроме заклятий у пирамид есть еще и стража. Это посвященные, которые обладают навыками телепортации и имеют возможность возвращаться в свое измерение. Люди называют это вратами в Шамбалу. Вот они занимаются тем, что охраняют пирамиды от посягательств. Даже если бы у меня была с ними связь, я все равно не смог бы к ним обратиться. Каждый выполняет свой долг. Они охраняют пирамиды, я служу гробнице и выращиваю кристаллы, Андрамедус обслуживает свой объект.

— Что конкретно произойдет с моим подопечным?

— Он начнет быстро стареть. Не могу сказать, как быстро это произойдет, но сначала у него постареют все внутренние органы, затем начнет стареть все тело. Как долго он протянет, я не могу сказать. Ты ведь видел в книге Судеб, что он уже начал стареть внешне, а это уже второй этап старения.

— Гебрис, прости меня за нескромный вопрос. Из твоих слов я понял, что каждый из вас занимается своим делом и не отвечает за других. Почему ты так печешься об Андрамедусе?

— В двух словах это не объяснить, но я постараюсь. Дело в том, что когда-то наши предки дружили семьями. Эта дружба продолжалась на протяжении тысячелетий. Андрамедус приходится мне, так сказать, крестником, это так у людей сейчас называется. Я

вроде как в ответе за него, поэтому он придет именно ко мне за помощью, а я в свою очередь, хоть и нелегально, но постараюсь помочь ему. Если вы сумеете, а я надеюсь, что вы успеете вовремя придти ко мне, то я смогу вернуть ему не только здоровье, но и молодой облик его тела.

— Понятно. Что потребуется от меня?

— Ты должен в назначенное время быть в том месте, где я указал тебе. Ты физически крепкий человек. Обладаешь определенными навыками. Я уверен, и книга судеб говорит мне, что ты сумеешь доставить его сюда, в мою пещеру. Как открывается пещера, не забыл?

— Не беспокойся, я все хорошо помню. Меня беспокоит другой вопрос. Ведь все эти события произойдут в будущем, неужели ты не можешь связаться с ним и предупредить о неприятностях?

— Пойми, у меня нет прямой связи с Андрмедусом. Мне не положено иметь такую связь, ведь я простой хранитель гробницы, а он посвященный. Это разные ранги но, даже не смотря на ранги, мы дружны как родные братья, и мало того, я считаюсь старшим, и имею право давать ему советы и наставления, но это только в рамках наших семей.

Все могло произойти плачевно, если бы я вовремя не заметил эту беду в книге судеб. Когда я это узнал, то стал искать выход как помочь моему крестнику, без ущерба для его репутации. Ты должен понимать, что за такие художества по головке не гладят, и разбираться, кто виноват, не станут. Я стал просматривать Книгу судеб, и вдруг заметил, что его судьба и твоя пересекаются. Я проследил твою судьбу от первого момента твоего появления на свет и до последнего. Конечно, мы могли и не встретиться, но я слегка поправил твою судьбу, внушив тому бедолаге совершить побег. Все равно он был никчемным человеком. Вторым вмешательством было то, что я внушил тебе задержаться с побегом, в результате ты теперь идешь не пешком по тундре, а передвигаешься на транспорте.

— Теперь понятно, кто приложил свою руку к моему побегу. Теперь ты еще возложил на меня ответственность за спасение всего будущего населения земли. Ответственность, я скажу тебе, не малая.

— Я понимаю это, и прошу тебя, постарайся сделать все как следует, а то, что у тебя все получится, мне сказала книга.

— Вот если бы она сказала мне, ищут меня и стоит ли мне опасаться погони, я тогда полностью был бы счастлив.

— По этому поводу не беспокойся. Я не могу тебе сказать все, что произойдет в твоём будущем. Человеку нельзя знать это, иначе жизнь для него потеряет интерес, но некоторые факты скажу, и то, ради твоего спокойствия. Искать тебя будут до конца этой недели, и то, совершенно в другом направлении. Но ты не беспокойся по этому поводу, поиски эти ограничены. Основные твои враги не подозревают о твоём побеге, а это самое главное. Они в ближайшее время не будут тебя искать, а вот то, что ты их найдешь, это факт. Я уже показывал человека, которого ты считаешь главным врагом в своей жизни, и это действительно так. Ты встретишься с ним. Эта личная встреча для вас будет первой и последней. После вашей встречи он тебя больше не побеспокоит. Некому будет беспокоить. Это все, что я могу тебе сказать.

— Спасибо, Гебрис, тебе за все. Жди теперь меня в гости через пять лет. Я тебе в гостинец черного хлеба привезу, — попытался пошутить Антон но, засмуцавшись неуместной шутке, замолчал.

— Ты не смущайся, шути на здоровье. Главное, что все у тебя будет хорошо, и все у тебя

будет.

— Теперь я точно знаю, что под твоим неусыпным оком у меня действительно все будет хорошо. Я только одного не понимаю, как в довольно приличном возрасте, а мне уже давно за пятьдесят, я умудрюсь столько детей нарожать. Неужели все эти дети у меня будут от разных жен, а может я обзаведусь собственным гаремом?

— Могу огорчить, гарема не будет, зато будет одна жена, но с горячим и любящим сердцем. И еще. Я хочу попросить у тебя прощение за то, что до сих пор не удосужился сказать тебе, что вся твоя счастливая жизнь будет на другой планете, вдалеке от Земли. Попадешь ты туда при помощи Андромедуса. Это будет его благодарность за оказанную тобой услугу.

— Но я не хочу никуда улетать. Меня вполне устраивает и моя родная планета.

— Прости, мой друг, но на Земле тебя уже ничего не удерживает. Я не стал тебе показывать то, что могло произойти, в случае если ты откажешься покинуть родную как для тебя, так и для меня Землю. Пойми, я не стал бы предлагать тебе такой вариант, зная наперед, что ты как магнит притягиваешь к себе только смерть, горе и слезы. Только покинув Землю, ты сможешь обрести родину, много родных и близких, и только там ты будешь по-настоящему счастлив. Не стану отрицать того, что будет у тебя легкая ностальгия по родине, по друзьям, которых практически не осталось. Но ты легко перенесешь эти неудобства. Ты обладаешь колоссальными возможностями адаптироваться в любых условиях. Я уверяю тебя, что тоску по родине помогут тебе забыть твои новые друзья и новая семья. Ты будешь уважаем людьми, окружающими тебя, любим детьми и внуками, а это главное, на мой взгляд.

Антон задумался. Гебрис тактично молчал, понимая, что Антону нужно принять очень важное для него решение. Он не хотел брать на себя ответственность за его решение, поэтому изложил только факты, но не стал уговаривать и убеждать, предоставив Антону самостоятельно сделать выбор.

У Антона в голове пролетали кадры его жизни. Воспоминания о потерянных родных и друзьях тяжелой ношей давили ему на плечи. На короткий миг ему показалось, что эта ноша наполовину согнула его.

Тряхнув головой, как будто сбросив с себя горькое воспоминание, он твердым голосом ответил.

— Хорошо. Если такова моя участь быть изгнанным, а в изгнании я действительно обрету свою семью, то я согласен покинуть родную землю, хотя бы ради того, что после меня все же останутся потомки, которых на земле у меня так и не появилось.

— Правильное решение. Я в свою очередь могу тебя заверить, что Андрамедус сделает все возможное и невозможное для того, чтобы ты попал на нужную планету. Туда, где тебе будут по-настоящему рады. Все теперь будет зависеть только от тебя.

— Я это помню и обещаю, что выполню твой приказ, а как военный, я привык выполнять возложенную на меня задачу.

— Но это не приказ, а просьба.

— Тем более.

— Ну, если мы все выяснили, то мне пора возвращаться к своим неотложным делам.

— Подожди, как возвращаться, ты обещал мне ответить на все интересующие меня вопросы, а их у меня осталось еще очень много.

— Прости, Антон, но за это два дня я рассказал тебе все, что могу рассказать, а вернее все, что имею право рассказать. Если у тебя возникли вопросы, то ты их сможешь задать своему спутнику. Он человек посвященный, и обслуживает не только нашу планету, но и многие другие. Как ты понимаешь, у путешественного по всему космосу найдется, что рассказать тебе. Хочу сказать тебе, что Андрамедус не сразу покидает планету, которую посещает. Он остается на некоторое время, изучает степень развития того или иного населения. Ты проведешь в его обществе достаточно большое количество времени, и думаю, что вы найдете общие темы для разговоров. А теперь прости, мне действительно пора приступить к своим обязанностям.

— Уговорил ты меня, — с сожалением согласился Антон, — подожду еще немного, но потом Андрамедус не отвертится от меня. А ты перед уходом захвати немного продуктов.

— Нет, Антон, в этом нет нужды, а вот если угостишь небольшим кусочком хлеба, то я не откажусь, и с удовольствием угощу своих родных.

— Ради бога, я отдам тебе большую часть моих запасов.

— А большая часть это сколько? — хитро спросил Гебрис.

— Большая часть — это две большие булки, а возможно и больше. Надо посмотреть мои запасы.

— Это очень много, к тому же тебе предстоит долгая дорога в суровых климатических условиях.

— Ничего. Я если доберусь до населенного пункта, то смогу купить себе все необходимое, главное, чтобы техника не подвела. Если случится, что все же подведет, то все равно придется хлеб оставить. Понимаешь, нести с собой объемный вес малокалорийного продукта нет смысла.

— Уговорил. Только ты оставь его здесь перед уходом, но прошу, не очень много, —

Гебрис собирался уходить, но остановился, обращаясь к Антону, — чуть не забыл. Хочу тебя предупредить, что твой двойник не так прост, как покажется на первый взгляд. Будь с ним настороже до тех пор, пока не посетите мою пещеру. Андрамедус обладает большим потенциалом и возможностями, не забывай это. Особенно будь внимательным при первой вашей встрече. Может случиться всякое. В том состоянии, в котором он будет находиться, все будет казаться по-другому. Твое участие в его судьбе он может принять за опасность, и применить что-нибудь неординарное, вроде низкочастотного ультразвукового звучания. Этими способностями он владеет в совершенстве, и при любой опасности с успехом пользуется ими. Объясняю, что это такое. Если ты вдруг почувствуешь резкую боль в ушах и голове, значит, тебе грозит опасность. Постарайся предотвратить эту опасность любым способом, который считаешь нужным. Но не забывай, он нам нужен живым, пусть и не совсем здоровым. Остальное я беру на себя.

— Спасибо, Гебрис, за предупреждение. Я буду помнить это всегда.

— Тогда прощай. Буду ждать тебя через пять лет.

Гебрис, подойдя к скале, подпрыгнул метра на два с половиной, и растаял, исчезая в расщелине. Антон даже глазам своим не поверил. В таком маленьком теле и такая мощь.

Антону стало грустно в одиночестве. Выйдя на улицу, он убедился, что погода не хочет меняться. Все так же дул пронзительный ветер и трещал мороз.

Антон, чтобы скоротать время, решил приготовить себе продуктов. Он понимал, что путь предстоит неблизкий, а костер на стоянках не везде можно будет развести. Для этого случая он сварил казанок каши с мясом, затем разложил ее на порции и заморозил. Затем так же приготовил кашу, но уже с тушенкой и другой крупой. Все замороженные порции сложил в кузове.

Теперь он мог экономить пропан, включать его только для разогрева очередной порции.

Антон по несколько раз выходил проверять, как обстоит дело с погодой, но погода изменилась лишь на шестой день. Наконец, ветер сменился, а в течение суток спал мороз.

Вскоре Антон покинул пещеру. Он взял курс на Салехард. Все шло хорошо, единственно, чем он был недоволен, так это частыми препятствиями, попадающимися на его пути, в виде речек, овражков и небольших озер. Зато его порадовал тот факт, что хоть на один час, но все же стало появляться солнце.

Он проехал около ста километров, когда заметил вдалеке буровую вышку. Антон решил подъехать ближе и узнать, будет ли у него возможность пополнить свой запас топлива.

Подъехав ближе, убедился, что это действующая экспедиция. Стояли жилые вагончики и техника. В одном из вагончиков заметил тусклый свет. Рядом с вагончиком стояла пристройка, из которой доносился монотонный звук работающего генератора. Антон постучал в дверь.

— Заходи, если ты добрый человек, — послышалось в ответ.

В помещении было тепло и светло, в углу топилась печка, а за столом сидел человек неопределенного возраста. Его лицо скрывала большая окладистая борода, зато при свете лампочки блестела лысина на голове. Хозяин предложил Антону чаю и горячей гречневой каши, предупредив при этом:

— Прости, мил человек, с чаем у меня полный порядок, а вот каша пустовата. Все продукты закончились, только одна гречка осталась.

— Спасибо за угощение, но я пока не голоден, а вот от горячего чая не откажусь.

— Это можно. Такого добра у меня в избытке, — приговаривал хозяин, наливая заварку

из закопченного чайника.

— Ты что же здесь совсем один? А где остальной народ?

— Остальные в Салехарде. Шеф уехал за новой вахтой и продуктами. Вот вернуться, и снова все загудит здесь.

— А ты почему не уехал?

— Кто-то должен охранять материальную часть.

— Понятно. Значит ты здесь за сторожа.

— А ты сам откуда будешь такой любознательный?

— Я еду издалека. Может, приходилось слышать, есть такой поселок на берегу Байдорацкой Губы, называется Яры.

— Знаю такой. Я, хоть и не был там, но наслышан. Там несколько разведывательных партий стоит в округе. Меня как-то вербовали туда на работу, да я отказался. Здесь все же ближе к Салехарду.

— Вот там я работаю инженером по оборудованию.

— А у нас зачем объявился? Путь до нас неблизкий.

— Да дела, будь они не ладны, гонят меня. Через неделю я должен быть в Игарке.

— Путь неблизкий, да и опасно одному в такую даль ехать.

— Ничего, доберусь с божьей помощью.

— Слушай, друг, у тебя закурить не найдется?

— Этим я помогу, а ты поможешь мне с бензином?

— Если ты поможешь мне, то я помогу тебе.

— Я сейчас вернусь, — Антон вышел, вскоре вернулся, положил на стол блок сигарет и хороший кусок мяса, — этого достаточно?

— Даже в избытке. Хватило бы только сигарет. Мясо тебе пригодится в дороге.

— Не беспокойся, мне на дорогу хватит, а у тебя каша без жирилки плавает в воде. Несколько дней протянешь, а там глядишь и твои подъедут.

— Вот за это большое спасибо. Ну а теперь пойдем заправляться. Бочка у меня полна под завязку, можешь даже в карманы наливать. Для хорошего человека не жалко, — выйдя на улицу, он воскликнул от удивления, — это что за чудо техники у тебя?

— Это мы специально сделали, вот для таких поездок как сейчас. Техника надежная, экономичная, да и проходимость хорошая. На такой машинке хоть сейчас на Северный полюс можно ехать.

— Зачем на Север ехать, снега и у нас в избытке. Ладно, подгоняй свое чудо вон к той цистерне, — указал он рукой.

Заправляться пришлось в ручном режиме. Основной дизель-генератор не работал, и им пришлось качать по очереди ручной помпой. Глянув на счетчик заправочной, Антон отметил, что в бак вошло около трехсот литров. Мысленно сопоставив расстояние, он пришел к выводу, что теперь бензина ему хватит до Красноярска, и даже с большим запасом.

Закончив заправляться, Антон поблагодарил мужчину.

— Ну, спасибо, друг, выручил. Поеду, может на обратном пути загляну к вам, если не собьюсь с дороги.

— А ты, как сейчас поедешь?

— Сейчас попробую на Полуй, а потом в Надым и до Игарки.

— А зачем тебе такой круг делать?

— А разве есть другая дорога?

— Ну, дорога это громко сказано, но если ты поедешь вот таким путем, — сторож стал пальцем на снегу рисовать направление движения, — то попадешь в Яр-Сале, это в семи километрах от нас. Когда приедешь в поселок, то двигайся по Обской Губе в юго-восточном направлении. На противоположной стороне Губы увидишь скопление островков. Там найдешь устье реки Ярудей, по реке поднимешься вверх до поселка Нори. Минуешь поселок, держась русла реки, ты доедешь до дороги. Она приведет тебя в Погоды. От Погоды, держась вдоль железной дороги, ты доедешь до самой Игарки. Пойми, до Погоды около двухсот километров, а ты решил добавить к этому еще двести пятьдесят. Да ты не бойся, — увидев сомнение Антона, сторож сказал, — сейчас отъедешь несколько метров, увидишь гусеничный след. Это наши поехали в Надым за трубами. Там что-то случилось с вагоном. Доставка срывается, вот шеф и решил ускорить, послав за трубами трубовоз с вездеходом. Бурана не было, след будет виден хорошо. По их следу доедешь до зимовья на берегу речки. Поднимешься вверх километров на двадцать пять, увидишь Нори. Теперь ясно?

— Теперь точно не потеряюсь.

— Может, погостишь немного?

— Спасибо за предложение, но время дорого.

— Тогда счастливого пути тебе. Вон за сарайчиком, что стоит на отшибе, ты увидишь след.

Антон уехал, и как оказалось, сторож был прав, Антон легко без путаницы и приключений доехал до Погоды. Миновав Погоды, он выехал на зимник.

Остановив встречный грузовик, поинтересовался, куда ведет дорога. Оказалось, что по этой дороге он сможет доехать до Игарки. Это обрадовало Антона. Пусть местами и были заносы, но для него это пустяки, самое главное, что дорога местами была совсем недурна, и его самоходка набирала приличную скорость. Теперь до Енисея ему оставалось проехать еще около шестисот километров.

Все-таки счастье длилось недолго. Начался участок недостроенной дороги. Антону понадобилось сутки, чтобы преодолеть участок в триста километров. Наконец его труды были вознаграждены, он увидел Ермаково.

Не заезжая в поселок, повернул направо, а, вскоре спустившись с берега, оказался на просторах Енисея. Со словами — Здравствуй, Батюшка Енисей. Принимай своего бродягу — он повернул направо, беря курс на юг, где по его расчетам и теплее, и светлее.

Ехать по Енисею оказалось даже проще, чем он себе представлял. На берегах встречались населенные пункты. Зимой люди в основном ездили по реке. Так что, затруднений в выборе дороги не было. Тем не менее, избегая общения с местным населением, он старался держаться подальше от берега, на котором располагался тот или иной поселок.

Объезжая поселки, он не опасался местного населения, он опасался представителей власти, которые могли заинтересоваться его самодельной техникой, документов на которую у него не было.

Но все было хорошо, его не останавливали. Возможно, причина была в том, что многие местные жители также использовали переделанный транспорт для передвижения по замершей реке. Он часто видел, как местные рыбаки на переделанных мотоциклах с большими колесами с легкостью преодолевают любые заносы. Порой его останавливали рыбаки, интересовались самоходкой, некоторые даже обещали сделать именно такую, оценив ее возможности. Хвалили Антона за смекалку и изобретательность.

На этом все заканчивалось. Откуда он и куда едет, никого не интересовало. На очередную ночевку он остановился в устье Подкаменной Тунгуски. Выбрав тихое место, поужинал, но двигатель глушить не стал. Мороз крепчал, опасаясь, что не сможет утром его запустить, Антон решил переночевать в кабине. Утром он вновь тронулся в путь.

Теперь он решил ехать только днем, а ночью отдыхать. Миновав поселок Ярцево, обратил внимание, что ветер усилился, пошел легкий верховой снег. Погода начинала портиться. Уставший от постоянного холода, а он уже несколько дней не испытывал настоящего тепла. В самоходке хоть и было относительно тепло, но совсем не плюсовая температура. Простой брезент, да еще на ветру, не мог удержать то незначительное тепло, которое поступало от двигателя. Поэтому он решил ехать до ближайшего поселка, а там попроситься на ночлег, хотя бы пока погода не наладится. Он надеялся, что гостеприимный сибирский народ не откажет в приюте нуждающемуся.

Еще он рассчитывал найти подходящий поселок, чтобы там остановиться на пару недель. Ему нужна нормальная одежда, которую носит городской житель. Появиться в городе, хоть и небольшом, в одежде оленевода он не мог. Такой вид привлекает к себе внимание, а ему это не подходило.

Еще он хотел побывать в Красноярске и встретится с Юристом. Антон надеялся, что юрист со своими связями поможет ему раствориться в небольшом городке, вроде Енисейска или Лесосибирска, и подыскать там работу. Все-таки мелких населенных пунктов он опасался. Там все люди на виду, могут возникнуть нежелательные вопросы.

Погруженный в свои мысли, он не сразу заметил мужчину, который, по-видимому, ремонтировал свой снегоход. Резкая мысль, что в метель, да при сильном морозе, вдалеке от населенных пунктов человек может погибнуть, Антон затормозил и, подойдя, предложил свою помощь.

— Здравствуйте. Что случилось?

— Да вот, проклятая развалюха заглохла, и больше не заводится.

— Давайте вместе посмотрим.

Антон проверил все возможное, потом вынес вердикт.

— Этот аппарат можно еще поставить на ноги, но для этого потребуется теплое помещение. По-видимому, систему зажигания забило снегом. В эту метель, да при таком морозе мы вряд ли заведем его. Если хочешь, то я могу отбуксировать тебя до ближайшего поселка.

— Спасибо за предложение, но до ближайшего крупного поселения, около пятидесяти километров. Ты если хочешь помочь, то в трех километрах отсюда есть лесничий кордон. Погода портиться, и по моим прогнозам, такая пурга будет в течение нескольких дней. Тебе тоже не следует продолжать свой путь в такую погоду. Предлагаю вместе отсидеться на кордоне.

— Хорошо, я принимаю твоё предложение. Теперь скажи, как тебя звать- величать. Меня можешь звать Антоном.

— А я Анатолий.

— Хорошо, Анатолий, цепляй своего коня и давай в путь, пока еще хоть немного видно.

Они подцепили снегоход к самоходке. Действительно, вскоре Антон увидел небольшой пологий подъем на правом берегу между двух крутых скалистых обрывов. Поднявшись на берег, он заметил деревянный домик, огороженный забором, с многочисленными пристройками во дворе. Когда подъехали к воротам, навстречу выбежала собака, но

Анатолий успокоил ее. Затем открыл ворота, приглашая Антона заезжать внутрь.

На кордоне Анатолий распорядился по-хозяйски. Первым делом он открыл досчатые ворота большой пристройки и предложил Антону загнать свою самоходку в пристройку.

— Теперь прощу в дом. Насчет собаки не беспокойся, Лайка при мне не тронет.

В доме было еще тепло. Анатолий расшевелил жар в печке, затем подкинул несколько поленьев. Вскоре в печке загудел огонь.

— Кто хозяин этого дома? А то мы без разрешения вломились. Хозяин не будет против?

— Теперь хозяин этого дома я. Поясню. Этот домик принадлежит нашему лесничеству. В нем жил старик, мы звали его Леший, он работал в нашем лесничестве егерем на этом участке. Ему уже семьдесят лет. Здоровье стало не то, вот его дочь и забрала в город. Людей в лесничестве не хватает, вот мне теперь самому приходится навещать участок, а заодно и Лайку кормить, и печь протапливать. Получается, что я сутки здесь провожу на участке, а двое в поселке.

— А ты кем работаешь?

— Я директор лесничества.

— А почему ты говоришь, что у тебя не хватает егерей? Насколько мне известно, в ваших краях в достатке опытных охотников, знающих тайгу.

— О чем ты говоришь. Ты как будто с Луны свалился. В стране бардак, союз развалился на несколько самостоятельных государств. Всюду разруха и бардак. Нам бюджет прекратил финансирование в нужном объеме. Деньги обесцениваются. Вот поэтому народ стал бежать, искать пути для заработка. Никто не хочет работать без хорошей заработной платы. Многие егеря подались браконьерничать. Добытую пушнину и мясо сбывают на рынках. Я понимаю их. Им нужно кормить своих детей. Но пойми, что и лес без присмотра оставлять не надо, а я смотрю, что нашим правителям нет нужды заботиться о далеких регионах страны, они дележом власти теперь озабочены.

— Анатолий, ты ведешь такую беседу с незнакомым тебе человеком? Не боишься, а вдруг я скрытый представитель власти?

— А я привык говорить правду, поэтому и живу здесь. Все равно дальше сослать уже некуда. Меня уже однажды сослали в эти края. Я несколько лет тому назад в министерстве лесной промышленности работал, вот мне за мои высказывания о воровстве в министерстве и предложили выбор, или вечная психушка, или далекий Енисей. Я, как ты видишь, выбрал второй вариант. И поверь, не жалею. Мне гораздо лучше жить с нормальными людьми, вдали от крупных мегаполисов, где каждый готов перегрызть горло своему другу ради собственного благополучия и власти. Теперь скажи ты мне, мил человек, почему по миру бродишь, да еще со столь странным транспортным средством?

— Меня, наверное, тоже можно сравнить с тобой. Я так же гоним, и так же ищу пристанища. И так же, как ты, не люблю людского общества.

— Ну, что же, родственная душа, давай поужинаем, чем бог послал, а потом мой драндулет затащим, пусть за ночь согреется. Утром попробуем отремонтировать.

— Если так стоит вопрос, то давай сначала внесем твой снегоход, а уж потом приготовим совместный ужин. Я смотрю, у тебя не очень с продуктами, на ближайшие несколько дней нам на двоих может не хватить. У меня есть небольшой запас, я с удовольствием поделюсь с тобой. Так скооперировавшись, мы протянем до наступления хорошей погоды. Ты согласен на кооперацию?

— Хорошо, я принимаю твоё предложение.

Ужин затянулся. Анатолий вновь завел разговор о своем лесном хозяйстве. Антон, имеющий опыт в таких делах, поддержал разговор. Анатолий удивился знанию лесного хозяйства столь молодым человеком. Поэтому без предисловий сделал предложение Антону.

— Послушай, Антон. Из твоих слов я понял, что ты гонимый, и в настоящее время у тебя нет постоянного места обитания, не говоря уже о работе. Я предлагаю тебе остаться у меня. Могу назначить тебя егерем на этот участок. С жильем поможем. В Ярцево найдется неплохой домик, правда он требует небольшого ремонта, но мы и с ремонтом поможем. Вот только с зарплатой у нас не очень. Сам понимаешь, оклады у нас небольшие, но все равно, хоть и с задержкой, но платим. Конечно, если бы ты имел диплом об окончании учебного заведения по нашему профилю, то оклад был бы на тридцать процентов выше. Ты как смотришь на мое предложение?

— Заманчивое предложение. Мне нравится эта местность, и природа хорошая, и диплом у меня соответствующий имеется.

— Диплом есть? И ты до сих пор молчишь? Давай показывай.

Антон сходил в пристройку, взял всю пачку с документами. Он решил, что лучшего места для того, чтобы протянуть нужные ему пять лет, пожалуй, не найти. Немаловажным был тот факт, что, поговорив с Анатолием, он понял, этому человеку можно доверять. Такие, как он, редко встречаются. Развернув тряпочку, в которую были замотаны документы, он протянул диплом Анатолию, а остальные положил рядом с собой на стол.

Анатолий, внимательно изучив диплом об окончании техникума лесного хозяйства, удивленно посмотрел на Антона, затем, смущаясь, попросил показать паспорт. Еще с большим удивлением он смотрел на Антона после знакомства с паспортом.

— Анатолий, ты чем-то удивлен, я даже знаю чем. Ты не смущайся, задавай вопросы, я буду честно на них отвечать, мне скрывать нечего.

Антон смотрел на него с улыбкой. Он знал, что возникнут вопросы, поэтому решил не скрывать многие факты своей биографии, но и рассказывать все не входило в его планы. Он считал так. Если рассказывать человеку правду, но при этом слегка утаивая некоторые факты, то такому рассказу человек может поверить и принять как данное. Если говорить только ложь, то могут закрасться некоторые сомнения в твоём рассказе. Не каждый собеседник может поверить в легенду, выдуманную по ходу беседы, — если тебя не устраивают паспорт и диплом, то я могу показать другие документы, которые, так же, как и предыдущие являются подлинными.

Антон протянул ему всю пачку документов.

Анатолий с любопытством углубился в изучение каждого документа. Он, не отрываясь, прочитывал страницу за страницей. Иногда прочитывал их повторно. Наконец Антон прервал его стремление познать больше, чем он мог там найти.

— Послушай, Анатолий. Ты смущен тем, что мой возраст не соответствует моей внешности?

— К моему стыду, это правда. Но и ты пойми меня. Согласно документам, которые я держу в руках, тебе уже за пятьдесят, а передо мной сидит тридцатилетний парень, правда седой но, тем не менее, утверждает, что это его документы. Как бы ты на моем месте поступил бы.

— Естественно, я бы удивился точно так, как ты, но при этом, обязательно спросил бы, почему такое несоответствие.

— Хорошо, будь по-твоему. Объяснись, пожалуйста.

— Начнем с того, что я произнесу несколько фраз на иностранных языках. Это будет некоторым подтверждением того, что остальные мои дипломы соответствуют моим знаниям.

После этих слов Антон произнес по несколько фраз на разных языках, включая и два наречия на арабском языке.

— Я не знаю, каким ты владеешь языком, но если тебе знаком один из них, то ты мог убедиться, что я знаю предмет в совершенстве, и даже по несколько наречий из каждого языка.

— Не сомневаюсь. Я владею английским, но твои знания гораздо выше моих.

— Оставим это. Пойдем дальше. Ты уже ознакомился с моей офицерской книжкой. Все, что касается военной службы, все там записано. Ты видел мое пенсионное удостоверение, и даже сберегательную книжку из Сбербанка Подольска, где я прописан. Это ты при желании можешь проверить. Единственное, что ты не сможешь проверить, так это мой послужной список. Ты умный человек и понимаешь, что данных о моей службе в ГРУ при Генштабе, тебе никто не раскроет. Предлагаю поверить мне на слово. Теперь предвидя твой вопрос, расскажу, как я стал одновременно и молодым и седым. Случилось это в Африке. В то время я был военным атташе в Эфиопии. Однажды в горах при выполнении задания меня укусила змея, — закатав рукав, он продемонстрировал шрам, — это укус местной Мамбы. Так эту змею называют местные жители.

— Я знаком с описаниями такой змеи. Укус такой змеи вряд ли оставит человека в живых, если не оказать ему квалифицированную помощь в течение нескольких минут.

— И, тем не менее, я остался жив. Скажу, почему я так думаю. Сразу после укуса я перетянул руку и рассек рану ножом. Ты видел, какой получился шрам. Затем попытался по максимуму выдавить яд из раны. И только после этого ввел себе антидот но, правда, рассчитанный на укус простой кобры. В последующие полчаса я ввел еще одну дозу. Больше сыворотки у меня не было. Не могу сказать, что повлияло больше всего, но скажу, что нашли меня двое суток спустя в коматозном состоянии. В таком состоянии я провел еще целый месяц, но зато остался жить. Последствия комы, ты сейчас видишь перед собой. Во время комы я стал совершенно седым, таким остаюсь по сию пору. А вот насчет внешности скажу. Как мне говорили, во время комы я был похож на засушенную мумию. После того как я очнулся, и стал нормально питаться, вся кожа на моем теле облезла, как после неудачного загара. С тех пор я выгляжу так, каким был до укуса змеи. Я сам сначала не поверил специалистам, но прошло почти тридцать лет, а моя внешность не изменилась.

— Удивительно. Но можно объяснить. Скорее всего, предпринятые тобой меры помогли смягчить силу яда, но не совсем. Твой организм усиленно боролся с действием яда, поэтому ты погрузился в состояние комы. Что касается твоих изменений в организме, то это, скорее всего, яд послужил тем толчком, после которого в организме произошли изменения. Я считаю, что человеческий организм способен на большее. В экстремальной ситуации он сработал именно так, но мог сработать и по-другому. У тебя это отразилось на внешности.

— Но этот феномен с внешностью и был толчком в моем гонении по стране.

— Как такое могло произойти?

— Дело в том, что один из высоких товарищей решил заняться изучением феномена. Он договорился с исследовательским институтом генетики, нашел профессоров и, не считаясь с моим мнением, уволили меня в запас, или проще сказать на пенсию. После этого пришли люди и отвезли в лабораторию. В течение полугода надо мной производили различные

опыты. Я однажды подслушал разговор, что высокий чин, хочет вывести вакцину молодости, а затем на этом сделать бизнес. Я не стал дожидаться, пока они своими опытами вгонят меня в гроб, поэтому сбежал. Они потратили много денег на этот проект, поэтому долго преследовали. Мне удалось замести следы. Я уже полтора года скитаюсь по стране. Последнее время я почувствовал, что что-то изменилось. Меня перестали преследовать, поэтому я решил поселиться именно в этих краях, как можно дальше от центра. Это все. Надеюсь на вашу компетентность. Мне не хочется, чтобы мою историю знало много людей.

— Я тебя понял. Обещаю, что кроме меня, об этом никто не узнает, и мало того, если ты хочешь, то я могу помочь тебе в вопросе перевода пенсии на нашу сберкассу. У меня в Подольске дальняя родственница работает в банке.

— Это будет неплохая помощь, я даже не надеялся на это.

— Вот и договорились. С пропиской можешь не беспокоиться. Дашь мне свой паспорт, я сам все сделаю без твоего участия. Могу прописать прямо на кордоне. Кстати, Леший был прописан именно здесь. Этот домик относится к лесничеству, и предполагает постоянное проживание, поэтому прописка распространяется и на него. Если захочешь, то можешь жить постоянно на кордоне. Здесь предусмотрены некоторые вещи. Есть ветряк, от которого заряжаются батареи. Ты, наверное, заметил, что столбов здесь нет, а электричество есть. Все приборы работают от батарей, правда, напряжение двадцать четыре вольта. Но этого достаточно для обслуживания освещения дома. Есть маленький холодильник и небольшой телевизор. Холодильник сейчас стоит в коридоре, а телевизор в соседней комнате, рация там же. Если вдруг понадобится большее напряжение, то в пристройке есть небольшой генератор. Есть и снегоход с прицепом. На лето в другой пристройке на прицепе стоит катер с мотором. Это на летнее время. Егерь у нас несет ответственность не только за участок тайги, но и за участок Енисея. Браконьеров там и там хватает. Запас топлива для техники так же имеется. Мы периодически поставляем в нужном количестве. Вот дрова придется заготавливать самому. Отопление, как видишь, водяное, но в батареях залит антифриз, мы по случаю у военных выменяли на тушу лося. Теперь я, не опасаясь, оставлял дом на несколько дней, зная, что батареи останутся целыми. Разморозка им не грозит. Ну как, согласен на мое предложение?

— Согласен.

— Вот и ладушки. Я когда оформлю тебя окончательно, то привезу служебный карабин с боекомплектом и что-нибудь из формы. Надо чтобы ты соответствовал настоящему защитнику нашей тайги.

— Я остаюсь, но с единственным условием. Через пять лет ты без всяких препон отпускаешь меня. Все, что за это время будет нажито мною, включая мою самоходную машинку, я оставляю здесь. С собой я возьму только дорожные вещи. Куда уеду, не спрашивай, сказать не имею права. О своем уходе сообщу за месяц. Но на пять лет можешь рассчитывать на меня. Службу буду нести добросовестно. Ты на такие условия согласен?

— Ты ставишь меня перед выбором, но у меня его нет. Я вынужден согласиться. Я оценил твою прямоту, и спасибо, что ты именно сейчас предупредил меня. Мне было бы неприятно узнать о твоем уходе непосредственно перед самым уходом.

— Спасибо за понимание.

— А вообще, ты все-таки странный какой-то.

— Ну, это еще не все странности. Могу показать, как я разговариваю с животными. Смотри. Лайка, подойди ко мне, — собака, виляя хвостом, подошла к нему. Антон, погладив

ее по голове сказал, — теперь мы с тобой будем жить вместе, ты согласна? — собака в ответ гавкнула три раза, затем положила голову ему на колени. — К Анатолию больше не подходи. Анатолий, попробуй ее позвать.

Он попробовал позвать собаку, но она гавкнула в его сторону, и вновь положила голову на колени Антона.

— Ну, как тебе мой разговор с животными?

— Да ну тебя. Ты и, правда, какой-то не такой как все. Давай лучше спать ложиться. Поздно уже.

Так Антон, наконец, нашел приют на берегах далекой и прекрасной реки Енисей.

Три года его работы в лесничестве пролетели для него как один день. Любовь к природе, привитая еще в детстве его бабушкой, в полной мере отразилась на его работе. Постепенно он наладил общение с местными охотниками. Этому сближению послужило то, что Антон организовал подкормку животных на его участке в зимний период. Он ставил сети на реке. Пойманной рыбой подкармливал песцов, да и кабаны не отказывались от такого угощения. Наладил заготовку сена для оленей и лосей. Видя, как старается новый егерь, охотники из местного населения стали помогать ему, все-таки обилие зверя в лесу сказывалось и на их благосостоянии.

Антон с помощью местных охотников почти полностью перекрыл доступ на участок браконьеров. Директор лесничества был доволен его работой. Антон, как обещал, работал на совесть, но он не забывал о своей миссии, времени на исполнение которой оставалось совсем не много.

Он понимал, чтобы передвигаться по стране с Андрамедусом понадобятся документы, вряд ли у его подопечного будет в наличии паспорт. Для решения этого вопроса он взял недельный отпуск, чтобы встретится с Юристом. В данный момент только он мог помочь.

Еще одна причина была для встречи с Юристом. Антон уже не мог передвигаться по стране, имея на руках свой паспорт. Он уже заметил, как директор лесхоза отреагировал, когда ознакомился с его паспортом. Теперь стало очевидным, что при любой проверке документов, любой сотрудник милиции обратит внимание на расхождение между внешностью и возрастом.

В середине сентября он привел себя в относительный порядок, касающийся его внешности и одежды. Спустя некоторое время, пользуясь только общественным транспортом, он к полудню был на автовокзале. В эти сумасшедшие девяностые годы, когда весь народ от нищеты бросился торговать на всех перекрестках, был занят только своими проблемами. На высокого пожилого человека, одетого как все в китайский ширпотреб, никто не обращал внимания.

Особенной пикантностью в его внешности были большая, седая борода, скрывающая полностью его лицо, и длинные до плеч седые волосы. Прогуливаясь по городу, он вскоре оказался рядом с парком, у входа в который стояли телефонные будки. Антон набрал номер.

— Алло. Это адвокатская контора Нежина. Слушаем вас, — послышался уверенный, женский голос на другом конце провода.

— Доченька, — старческим голосом начал Антон, — ты скажи Юрочке, что его дядя звонит. Мне срочно нужна его консультация.

— Вы, бабушка, подождите минуточку, я передам ему трубку.

— Я слушаю вас, — послышался вскоре мужской голос.

— Юра, здравствуй. Я тот бабушка, который Седой. Надеюсь, ты помнишь такого? Я проездом в городе, и хотел с тобой посоветоваться по некоторому вопросу. Если не откажешься от встречи, то меня можно найти в парке.

— Ждите в течение получаса. Спасибо, что позвонили. Ждите, я непременно буду.

Антон сидел на лавочке, как простой обыватель, вышедший в свободное время в парк подышать свежего воздуха. Мельком просматривая газету «Аргументы и Факты», он вскоре заметил идущего по аллее молодого мужчину, внимательно вглядывающегося в редких

прохожих. Память Антона не подвела. Он вспомнил внешность Юриста и помахал ему газетой.

— Здравствуй, Седой — протягивая руку для пожатия, приветствовал он Антона. После взаимных приветствий продолжил.

— В таком облике тебя трудно узнать. Знакомым остался только твой взгляд. Я часто вспоминаю нашу первую встречу. Именно этот взгляд умного, рассудительного человека. Этот взгляд тогда покорила меня своей честностью или правдивостью, не могу с уверенностью сказать, но он заставил меня уговорить Черепа поверить тебе на слово, хотя братва была против твоего предложения.

— Нашел, о чем вспоминать. Что было, то давно уже прошло. Вот видишь, как оно оборачивается в жизни. В тот момент вам была просто необходима помощь, я сделал все возможное. Теперь нужна помощь с твоей стороны.

— В первую очередь давай отбросим свои клички. Все-таки мы не в зоне. А теперь, Антон Максимович, излагай свое дело. Обещаю, что сделаю все возможное, чтобы помочь тебе.

— Спасибо, Юра. Я в тебе не сомневался. Дело у меня вот какое. Между нами лежит газета, в ней пакет с долларами. Часть из этих денег можешь потратить на изготовление документов, список я тебе дам, а остальное, можешь оставить себе, а можешь отдать в общак. Если этого будет недостаточно, то скажи, я добавлю.

— Антон, о какой плате ты речь ведешь. Ты ради нас рисковал жизнью. Можно сказать, что отдал жизнь за нас, ведь ты едва выжил тогда, и теперь говоришь, что хочешь заплатить за незначительную услугу с моей стороны.

— Юра. Если вопрос стоит именно так, то прошу тебя, передай эти деньги в общак. Пойми, я обязан внести в общее дело свою лепту. Не обижай меня хотя бы в этом.

— Хорошо. Если ты так настаиваешь, я сделаю это. Но с этой минуты помни. У меня большой круг знакомых в разных сферах. Многие вопросы могу решить при помощи одного телефонного звонка. Поэтому прошу тебя, без всяких сентиментальностей в любых затруднениях, связывайся со мной.

— Спасибо, Юра, за поддержку. Я буду иметь это в виду. Пока меня интересуют только паспорта. Возможно, года через полтора мне вновь понадобится твоя помощь, но я еще не уверен. А теперь я приглашаю тебя к нам в Ярцево. Я работаю егерем в лесничестве. Приезжай в любое время, я организую и рыбалку, и охоту.

— Спасибо, конечно, за приглашение, возможно, я смогу воспользоваться им, в данный момент я не рыбак и не охотник, но буду помнить твое приглашение. Теперь давай список, посмотрим, что тебе понадобилось.

Прочитав список, поинтересовался.

— Извини за нескромный вопрос, но почему тебе понадобилось два паспорта с одинаковыми данными, но с разными именами? И второй вопрос. Почему возраст другой? Ты просишь сделать тебя на двадцать пять лет моложе.

— Отвечаю. Первый на мое имя, это как ты понимаешь для меня. Второй мне нужен для моего двойника. Мы будем как братья близнецы. Что касается возраста, то присмотришься внимательно. Как, по-твоему, если я сбрую бороду и коротко постригусь, буду похож на пятидесятилетнего мужчину. Кто поверит, что молодому парню по документам оказывается столько лет.

— Извини, я даже не подумал об этом. Ты действительно выглядишь слишком молодо

для своего возраста. Хорошо, Антон. Я все приготовлю. Ты только скажи, когда тебе нужны будут документы, и какого качества.

— Я думаю, что полгода могу подождать. Качество? — он задумался. — Качество должно быть таким, чтобы я мог предъявить паспорт не только в самолете, но и для получения паспорта для поездки за границу. Хочется в отпуск съездить на море.

— Задача поставлена предельно ясно. Если приедешь к Новому году, то уверен, что документы у тебя будут настоящими, это я тебе гарантирую. Теперь, все, что от тебя нужно, так это фотографии на документы.

— Юра, могу я занести фотографии в твой офис, чтобы сейчас не задерживать тебя. Мне для этого понадобится парикмахер и фотограф. А для этого, как ты понимаешь, нужно время.

— Без проблем. Вот адрес моего офиса, — протянул он визитку. — Как только будут фотографии, оставишь их у секретаря. Только предупреди, а то забудет. Скажи, что я просил срочно передать мне снимки.

— Хорошо. А теперь последний вопрос. Скажи, как сейчас живет Буза, и где проживает?

— С Иваном все в порядке. Он завязал полностью. Уехал на родину. Я помог ему устроиться в совхозе Славянском. Он теперь живет на полеводческом стане. Там хорошо, природа. Числится сторожем, там же у него большая пасека. Странно, конечно, но ему очень нравится теперешний образ жизни. Мы договорились с местным участковым, чтобы он не афишировал его проверки. Аргументировали это тем, что он завязал на всю оставшуюся жизнь. Он не хочет, чтобы старые приятели узнали, где он теперь живет. Участковый оказался правильным мужиком, с понятием, и обещал сделать все возможное, чтобы его пребывание оказалось, пусть не тайной, но все же немного скрытым.

— Скажи, у него не было проблем в зоне после моего побега?

— Проблем не было, но он рассказывал, какой шухер ты поднял своим побегом.

— Так поделись, мне ведь тоже интересно знать.

— Хорошо, — согласился он, посмотрев на часы, — минут двадцать у меня еще есть. Ты бежал в новогоднюю ночь. В зоне узнали о твоём побеге только через сутки, и то случайно. Администрация тщательно скрывала твой побег, хотя обнаружился он в шесть часов утра. Ты ведь знаешь, что в ту ночь дежурил молодой офицер? Вот этот служака решил проявить себя, и пьяный в доску пошел проверять посты, а за одно и хозчасть. Каково же было его изумление, когда он не нашел тебя на месте. Тебя искали по всей территории, но когда обнаружили исчезновение машины шефа, то решили, что ты сорвался именно на ней. Устроили погоню, но машину не смогли обнаружить. Хозяин прервал свой отпуск, и срочно вернулся в зону. Каково же было удивление у начальства, когда злополучный «УАЗ», обнаружили в гараже хозяина, в который не было доступа ни одному из смертных, да еще с таким погромом. Ты ведь, загоняя машину в гараж, не постеснялся раздавить там все возможное и невозможное. Даже новый снегоход не пожалел. После того, как обнаружили машину, хозяин прекратил поиски. Какая для этого была причина, мы не знаем. Меня удивляет другое в этой истории. Почему о побеге не сообщили в вышестоящие инстанции, да и по документам весь личный состав заключенных был на лицо.

— В этом нет секрета для тебя. Просто хозяин выполнял волю высших друзей, и содержал меня не совсем законным способом. Мне вот, что интересно. Как хозяин отнесся к моему побегу, и что сказал Комову.

— Назвать это спокойным невозможно. Он был просто в бешенстве, когда обнаружил, что машина стоит спокойно в гараже, а они ее ищут. Иван говорил, доходили слухи, что хозяин избил Комова до полусмерти, и пытался застрелить его, но кто-то из офицеров помешал этому, а жаль, такие подонки, как они, должны сидеть.

— Спасибо, Юра, что удовлетворил мое любопытство. Ты иди, не буду тебя больше задерживать.

Договорившись о следующей встрече, он разошлись по своим делам. Следующим утром на кордон Антон вернулся молодым, подтянутым парнем, Доложив в лесничество о своем приезде, предупредил их, что несколько дней проведет в тайге. Ему нужна была щетина на лице, чтобы скрывать свой возраст, поэтому он не хотел встречаться с людьми.

Следующий год прошел в относительном спокойствии. Сюрприз принес праздник Восьмое марта.

Накануне несколько дней бушевала непогода. Выпало столько осадков, что Антону понадобилось несколько часов, чтобы откапать вход и дорожки во дворе. Восьмое марта Антон не считал для себя праздником, так как праздновать было не с кем. По этой причине решил пройтись по тайге, радуясь свежему снегу. Он не стал далеко уходить, решив проверить только кормушки.

У кормушек обнаружил множество свежих следов. Значит, звери пережили непогоду нормально.

В тайге в этот день было очень хорошо. Лес был просто сказочный в своем убранстве. Нижние ветки деревьев согнулись под тяжестью свежего снега, а верхушки самых высоких деревьев сверкали солнечными зайчиками, отражающимися в кристалликах инея, который образовался благодаря морозу, который сказочно разукрасил все вокруг.

Возвращался Антон в приподнятом настроении. Он получил огромное удовлетворение от прогулки по зимнему лесу. Антон, не спеша, шел вдоль скалистого берега, лавируя меж высоких деревьев. Ему оставалось пройти не более двухсот метров до дома. Там его ждало тепло и ужин, который он приготовил еще утром перед уходом в тайгу.

Повернув за очередной уступ, вдруг услышал рокочущий звук вертолета. Этот звук он не мог спутать ни с каким другим. Вот уже на протяжении двух месяцев военный вертолет с замазанными бортовыми номерами постоянно летает на его участке.

Летя на низкой высоте, из вертолета армейским оружием убивают все живое, что попадает под их выстрелы. Туши животных грузят в вертолет, а те, которые остались подранками, позже погибают в мучениях.

Со стороны лесничества поступали жалобы на ближайшую воинскую часть, но дело с мертвой точки так и не сдвинулось. Браконьерство продолжалось варварским способом.

На этот раз Антон решил, если вертолет окажется на расстоянии выстрела, то он попытается, хотя бы топливный бак прострелить. Может, это повреждение остудит наглый пыл военных. Он в душе понимал, что поступит плохо, но что делать, если они не понимают, что своими действиями наносят ущерб лесному хозяйству.

В свою очередь, он навестил воинскую часть. Разговаривал с командиром части. Говорил, что понимает, в каком бедственном положении оказались военные в отсутствие финансирования. Затем предложил, что будет помогать им в заготовке дичи для рациона военнослужащих. Командир соглашался с его доводами, но всякий раз оправдывался тем, что его техника стоит без горючего, и вылет просто невозможен. Он требовал доказательств, хотя бы знать бортовой номер машины, но таких доказательств у Антона не было. Но то, что

вертолет принадлежит именно этой части, Антон был уверен на все сто.

В очередной раз, покидая часть без результата, он остановился у КПП, ожидая, когда часовой откроет калитку и выпустит его наружу. Пока часовой открывал, Антон обратил внимание, что солдат был явно из старослужащих, но его поразила его сильно заметная худоба. Антон прекрасно знал военную систему, и понимал, что старослужащие, как правило, люди, привыкшие к режиму, не бывают такими худыми. На лицо явная болезнь, или недоедание.

— Сынок, когда на дембель?

— Весной, — последовал лаконичный ответ.

— Как же ты домой поедешь, поди такого худого и мамка не признает.

— Эх, дожить бы до этого дембеля, а мамка всякого признает.

— А почему так грустно, и почему не дожить до дембеля? До весны не так уж много осталось.

— Если так и дальше кормить будут, то могу и не дожить.

— Не знаю, но когда я служил, нас очень хорошо кормили. А теперь, что изменилось?

— Многие говорят, что в советское время кормили хорошо, а у нас немножко пустой каши на воде, а на первое капустный суп, заправленный томатом.

— Вам же по рациону, да еще в суровых условиях, мясо полагается.

— Мясо, дядя, нам теперь только по ночам снится, и то в домашних условиях.

Все последнее время этот разговор с голодным солдатом не выходил из его головы. Теперь он понимал, куда уходит мясо, добытое незаконным путем. Вспомнил он этот разговор и в эту минуту.

Антон снял с плеча карабин, прислонил его к дереву, затем достал из рюкзака свою винтовку с оптикой. С тех пор, как он решил наказать преступников, а именно таковыми он их считал, не выходил в лес без своей винтовки. Решение было принято давно, тем более, что доказать его вину ни один эксперт не сможет, даже имея пулю для экспертизы, он не докажет, что выпущена она была из его карабина.

Забравшись на высокое дерево, стал внимательно всматриваться в летящую вдалеке машину, сквозь прицел оптики. Его внимание привлек тот факт, что машина летела как-то неровно. Складывалось впечатление, что летчик или пьян, или человек не умеющий управлять такой сложной техникой. Машина двигалась с левого берега, и двигалась как-то неустойчиво. Она то поднималась выше, то опускалась. Сделав круг над правым берегом, машина, почти касаясь верхушек деревьев, взяла обратный курс на левый берег.

Антон поставил на предохранитель. Цель была далеко, и явно приближаться не будет. Тем не менее, он продолжал за ним наблюдать. То, что он увидел в последний момент, повергло его в шок. Машина находилась почти над самой кромкой скалистого берега, как вдруг дверь открылась, и двое мужчин вытолкнули сопротивляющуюся женщину в красном пуховике.

Антон оцепенело продолжал наблюдать за падающим телом, не замечая, что его лайка, громким лаем зовет его вниз. Только теперь он осознал, что животное зовет его на помощь пострадавшей.

В очередной раз убеждаясь в преданности и прозорливости животных, Антон приметил место, куда упала женщина, спустился вниз. Ему понадобилось несколько минут, чтобы добежать до дома, завести снегоход, прицепить к нему нарты, бросив в них лопату. Следующие пять минут ушли на дорогу до места трагедии.

Пока Антон подъезжал, Лайка уже была на месте, и бегала по огромному сугробу, тщательно принюхиваясь.

Антон не торопил собаку, полагаясь полностью на ее чутье. Ему оставалось только визуально определить место падения. Осмотревшись, пришел к выводу, что женщина упала на самый край скалы. В этом он убедился, видя, что огромная шапка снега, свисающая с гребня скалы, свалилась вниз, образовав большой сугроб. Второе, то что его Лайка, с остервенением копала снег в пяти метрах от скалы. Антон, прихватив лопату, побежал ей на помощь

Копать пришлось недолго. Вскоре на глубине полутора метров сначала появились ноги, а затем и красная куртка потерпевшей. Аккуратно освободив ей голову от снега, стал откапывать все остальное. Когда откопал ее полностью, пощупал пульс. Женщина была жива. Вздых облегчения вырвался из его груди. Чтобы вытащить женщину из образовавшейся ямы и перенести ее на нарты, ему нужно было, в первую очередь, убедиться в том, что у нее нет крупных повреждений, в виде перелома позвоночника. Ему не хотелось доставлять ей дополнительные мучение и боль.

Антон торопился. Женщина была легко одета, к тому же лежала в снегу, на сильном морозе. Антон стал растирать ее щеки теплыми ладонями, затем похлопывать по щекам, при этом, забыв убрать ее длинные рыжие волосы, покрывающие все ее лицо. Его старания принесли свои плоды. Женщина застонала, затем дернулась в испуге.

— Не пугайтесь, все в порядке. Вы живы, а это самое главное. Я постараюсь вам помочь, вы только скажите, что у вас болит, и можете пошевелить руками и ногами.

— Все шевелится, но сильно болит левая рука, и очень болит голова.

— Ну, слава богу. Теперь все буде в порядке. Я сейчас положу вас на нарты и отвезу домой. Будет немножко больно, вы уж потерпите немного.

— Спасибо вам, дедушка, я потерплю, — при этом голос ее звучал хрипло и сдавленно. Было видно, что она сильно напугана, и находится в стрессовом состоянии.

Антон перенес ее на нарты, укрыл своей меховой курткой. Когда он занес ее домой и положил на кровать, заметил, что его Лайка забежала вместе с ним, неся в зубах небольшую, женскую сумочку красного цвета.

— Лайка, ты молодец, все предусмотрела, а теперь положи вещь на кровать, — собака выполнила команду, — теперь иди к печке отдыхай. Я помогу нашей гостье, и мы будем ужинать, — собака послушно выполнила и эту команду.

В первую очередь Антон раздел женщину. При этом женщина слегка стонала, но Антон видел, что она находится в бессознательном состоянии. Когда убрал ее слипшиеся от снега и мороза волосы с лица, глазам своим не поверил. Это лицо было ему знакомо.

— Лариса! — вырвался из него возглас удивления.

Это лицо он запомнил на всю жизнь. Когда он снимал с нее обувь, Лариса вновь застонала, приходя в себя.

— Мне больно, — хрипло произнесла она.

— Ничего, дочка, потерпи немножко. Сейчас сделаем укол, тебе станет легче, и посмотрим на твои раны, — с этими словами он достал ампулу демидрола и шприц. — Ну а теперь, дорогая, поворачивайся на бочок, — видя, что она не хочет это делать, добавил, — ты, дочка, не стесняйся. Я за свою жизнь многое повидал, знаком и с женским устройством, так, что я не увижу у тебя ничего нового для себя. Думаю, что я понятно выразился.

После этих слов он повернул ее на бок и, оголив часть ягодицы, сделал укол. Затем стал

ощупывать ногу. Переломов не обнаружил, но было видно, что лодыжка красная, и стала опухать. Затем осмотрел поврежденную руку. Здесь дела обстояли значительно хуже. Вывих кисти и ключицы, и возможная трещина в парной кости.

— Не горюй, милая. Сейчас подействует укол, и мы вправим твои вывихи. Вот на руку придется наложить шины. Мне кажется, что у тебя небольшой перелом. Не пугайся, скажем так, не перелом, а подозрение, что кость дала трещину. Самое главное, что после такого падения, ты, дочка, отделалась незначительными повреждениями, — заметив, что Ларису начинает сильно трясти, добавил. — Да ты, милая, переохладилась. Это не беда, сейчас поможем. Ты скажи, боль немного стала стихать?

Лариса в ответ кивнула головой.

— Хорошо, сейчас займемся твоим лечением. — Антон вышел на минутку, затем, вернувшись, показал ей кусочек деревянной рейки, — вот эту палочку зажми зубами, это чтобы ты не повредила зубы. Зажми ее хорошенько, сейчас будет больно.

После этого он вправил ей кисть, и резко дернув за предплечье, вставил на место ключицу. Надо отдать должное Ларисе, она хоть и стонала громко, но сознание не потеряла. Вся остальная процедура заняла не более тридцати минут. Антон, достав из аптечки бинты, наложил тугую повязку на лодыжку, затем, по примеру дедушки, наложил шины на руку из березовой бересты. Лариса с удивлением наблюдала за его проворными действиями. Но каково же было удивление, когда он стал снимать с нее всю одежду.

— Вы, что делаете? — возмутилась она.

— А ты что, возомнила себе, что я буду тебя насиловать, не обольщайся, — решил он задеть своими словами ее самолюбие, — я всего лишь разотру тебя спиртом. Ты посмотри на себя. Ты ведь вся посинела от переохлаждения, а еще думает, что кто-то на нее такую позарится.

Антон услышал в свой адрес огромное количество цитат ненормативной лексики. Он не обращал на это внимания, а просто делал свое дело. Растерев ее спиртом, надел свою рубашку, затем плотно, как грудного ребенка, запеленал в простынь.

— Вот и порядок. Смирительная рубашка надета, теперь я напою тебя горячим чаем с малиной и медом. Мне не хочется, чтобы ко всему, еще ты умудрилась простуду подхватить. Я человек одинокий, не зря меня зовут Леший. Я живу в лесу, вдалеке от людей. Мои соседи только дикие звери, и мне недосуг возиться еще и с тобой. Прости, я осерчал немного. Мои звери так не выражаются как ты, и мне это неприятно слушать. Второе. Ты проявляешь недовольство моим обращением к тебе. Возможно, ты права, но я от души старался помочь ближнему, попавшему в беду. Это, как тебе известно, долг каждого порядочного человека. Если ты считаешь, что я не достоин помогать тебе, то со своей стороны, я сделал необходимое для спасения человека. Остальное зависит от тебя. Если ты пожелаешь, то можешь на некоторое время остаться у меня, но если не согласна, то твоя одежда скоро высохнет, и ты сможешь продолжить свое начатое уже путешествие. Запомни, это тайга. Каждый житель помогает друг другу, иначе здесь не выжить, но и насильно мил не будешь. Воля каждого поступать так, как подсказывает ему разум. А теперь воспитательный процесс считаю законченным. Сейчас выпьешь кружку горячего чая, и отдыхать. Не забывай, что у тебя кроме всего прочего еще и сотрясение мозга, поэтому голова болит. Чтобы в будущем не было последствий, придется тебе несколько дней, полежать в покое. Это уже мой тебе совет.

— Вы простите меня за мою несдержанность, и не сердитесь. Просто, я женщина, а вы

мужчина, да еще совершенно незнакомый.

— Ничего. Бог простит, а я тем более. Но мне интересно, вы, когда приходите на прием к гинекологу, а там оказывается врачом мужчина, вы так же обкладываете его матом? Думаю, что нет. А в нашей ситуации, я оказался для вас лечащим врачом. Теперь давайте забудем наши разногласия. Отдыхай, дочка. Если, что понадобится, то не стесняйся, зови меня. Я буду в соседней комнате. Теперь отдыхай. Завтра будет новый день, ты хорошо отдохнешь. Постепенно полученный тобою стресс пройдет, и мы с тобой сможем поговорить на любую интересующую тебя тему.

Антон видел, как она борется со сном. Лекарство уже действовало. Постепенно, успокоенная, она сдалась, сомкнув глаза, уснула. Улыбнувшись, он вышел в соседнюю комнату, прихватив ее сумочку.

В сумочке кроме косметики оказалась связка ключей, очки, множество визитных карточек, и главное, ее паспорт с водительским удостоверением. Антона не интересовало содержимое сумочки, его интересовал только паспорт. Он не ошибся, это действительно была Лариса. Его смутила ее фамилия, «Белова Лариса Сергеевна. Кто такой Белов, Антон знал, но он не мог поверить, что Лариса — его дочь.

В голове промелькнули воспоминания. Он вспомнил пожилого человека в компании Ларисы и еще нескольких человек, когда он был в бойцовском клубе. Затем вспомнил лицо, которое увидел в Книге Судеб, и Гебрис сказал, что это его кровный враг. Сопоставив все факты, Антон пришел к выводу, что Лариса — это его двоюродная сестра. Посмотрев прописку, он отмел все сомнения. Этот адрес на набережной Москвы, он хорошо знал.

Ночь прошла спокойно. Антон несколько раз вставал, подходил к своей гостье, проверял температуру, ощупывая ладонью ее лоб. Лоб был холодным и влажным. Это успокаивало Антона тем, что простудных последствий не будет.

Утром, приготовив завтрак, он заглянул в комнату, где спала Лариса. Она по-прежнему лежала тихо с закрытыми глазами, но Антон видел, что это имитация сна.

— Доброе утро, Лариса Сергеевна. Как самочувствие?

— Здравствуйте. Дедушка, а вы кто и, как я сюда попала, и откуда вы знаете, как меня зовут?

— О, да у тебя совсем с памятью плохо. Неужели не помнишь, что с тобой вчера произошло?

Лицо Ларисы нахмурилось, но через минуту, на губах заиграла легкая улыбка.

— Я вспомнила. Это вы меня нашли, после того как меня выбросили из вертолета. Вы принесли меня сюда, напоили чаем, растирали спиртом и делали укол. Я еще возмущалась, что вы меня раздели догола, а вы прочитали мне лекцию, касающуюся моего непристойного поведения. Еще раз прошу простить меня за мою несдержанность, — затем нахмурившись, с опаской спросила, — и все же, вы не ответили на мой вопрос. Откуда вы знаете мое имя?

— В этом нет секрета. То, что тебя зовут Лариса, я знал еще несколько лет тому назад. Когда-то мы были знакомы. Остальное я прочел в твоём паспорте. Пока я откапывал тебя из-под снега, моя Лайка нашла твою сумочку. В сумочке оказались твои документы. Ты прости, что я без разрешения заглянул туда, но пойми, что здесь тайга, и люд всякий бывает, да к тому же ты появилась довольно странным образом.

— Теперь понятно. Спасибо, что нашли мои документы. Вы сказали, что мы знакомы, но я вас совершенно не знаю.

— Странно, и почему ты называешь меня дедушкой. Я еще довольно молодой человек, только седой слегка. Неужели не узнаешь?

— Простите, — она слегка потупила взор, — я без очков плохо вижу.

Антон достал из сумочки очки, и протянул их Ларисе.

— Одень, может, в очках ты узнаешь меня, и вспомнишь, какую незавидную роль ты сыграла в моей судьбе.

Лариса, надев очки, с минуту вглядывалась в незнакомое лицо. Долго хмурилась. Видно было, что нелегко даются ей воспоминания. Затем вдруг с испугом воскликнула.

— Антон? Это ты?

— Да, Лариса, ты не ошиблась, это действительно я. Но пугаться меня не надо. Я давнo выбросил из головы воспоминания о нашем знакомстве. Ты испугалась, что я буду мстить тебе? Нет, это не так. Наоборот, я буду защищать тебя. Поверь, я ведь не могу причинить зло своей сестре, хоть и двоюродной, — видя ее удивленный взгляд, добавил, — ты не ослышалась. Я действительно твой двоюродный брат. Вот так может иногда судьба распорядиться. А посему, если я твой брат, то не надо стесняться меня. Сейчас мы с тобой примем утренние процедуры, и будем завтракать, — видя, что она пытается что-то сказать, перебил ее, — все вопросы после завтрака. Не стоит на голодный желудок предаваться воспоминаниям.

После завтрака Антон на руках отнес ее на кровать. Устроившись удобнее, она с

нетерпение в голосе попросила.

— Антон, пожалуйста, расскажи мне все, что знаешь о нашем родстве.

— Хорошо. Начну с того, что у твоей бабушки с дедом было два сына. Старший Максим и младший Сергей. В свое время мой отец полюбил цыганку. Все были против их любви, поэтому им пришлось сбежать. Твой отец еще тогда был себе на уме. Он втерся в доверие к избраннице моего отца и выяснил, в каком направлении они решили бежать. Мне еще в юности бабушка говорила, что твой отец тоже любил эту девушку, и не мог простить ей любовь к моему отцу.

Мою маму звали Рада. Она была единственным ребенком у знатного, цыганского барона, который воспитывал свою дочь один, так как ее мать померла еще при родах. Твой отец, тогда ему было шестнадцать лет, сообщил людям барона, куда убежали влюбленные. Люди барона больше года искали беглецов, и все же в сорок втором году настигли их в Читинской области, в Забайкалье. Но они не знали о моем существовании.

Когда мои родители поняли, что от погони им не уйти, моя мать положила меня на дно телеги и прикрыла тряпками. Они убили моих родителей и, скорее всего меня постигла бы та же участь, но в это время на дороге появился солдат-фронтовик, которого списали как инвалида. Он помешал бандитам проверить и ограбить повозку.

Так, благодаря этому человеку я остался жив. Он взял меня в свою семью, но об этом поговорим чуть позже, а пока скажу, что на этом мои несчастья не закончились. Твой отец — властолюбивый человек. Он тогда уже понимал, что только в структуре НКВД, а позже в КГБ, он в полной мере может насладиться властью над простым человеком. Не знаю, как и когда он узнал о моем существовании, но он устроил автокатастрофу, в которой погибла моя жена и еще грудной сынишка. Убивая мою семью, они не пожалели еще несколько совершенно невинных людей. Все они заживо сгорели в автобусе.

На этом его пакости не закончились. Ему доставляло большое удовольствие вредить мне. Он неоднократно покушался на мою жизнь, но меня не так просто застать врасплох. Однажды им это почти удалось. Я тогда долго восстанавливался после ранения. Ему показалось этого мало, так он, используя тебя, затащил в бойцовский клуб, чтобы заработать денег на мне, а потом спокойно убить. Когда у него это не получилось, он упрятал меня в зону, на самый Север. При этом убил всех моих друзей, чтобы сидя в тюрьме, я не смог воспользоваться помощью друзей. Но он меня и в зоне не оставил без внимания. Он приказал своему вассалу, который исполнял обязанности начальника зоны, ликвидировать меня, оформив все, как побег. Но и здесь ему не повезло. Я сбежал раньше, чем они планировали.

Хочу заметить, что моя бабка, она была хорошей гадалкой, строго настроено наказала мне не приближаться и не искать встречи с твоим отцом. Эту заповедь я добросовестно исполнял все эти годы. Почему он преследовал меня всю жизнь, я объяснить не могу. Ты, Лариса, прости меня, но я знаю свою судьбу, и знаю, что в скором времени я встречу лицом к лицу с твоим отцом, и эта встреча будет первой и последней. Пойми и не спрашивай.

Одно могу сказать, что это случится, и ничего мы изменить не сможем. Вкратце, пожалуй, все. Остальное расскажу позже, у нас будет еще на это время. Теперь ты поведай мне, как могло произойти такое, что тебя выбросили из вертолета, зная наверняка, что ты погибнешь, не от падения, так от острых клыков хищников. Они знали, что делали. Даже если предположить, что ты упав с высоты не получила бы травмы, все равно в той одежде,

что была на тебе, ты в тайге не продержалась бы и нескольких часов. Выбрасывали тебя, рассчитывая на верную смерть.

— Ты прав, так оно и было. Чтобы тебе было понятнее, начну с самого начала. Я в семье была не одна. Был у меня еще старший брат. Меня с юных лет отец баловал, поэтому я росла, не зная забот. Отец позволял мне все, даже грубость по отношению к матери и брату. Брат мой был добрым и чутким человеком, но отец пытался переломить его характер. Брат хотел заниматься мирным трудом, но отец настоял на своем, и брату пришлось уступить. Он при помощи отца окончил юридический институт и работал под контролем отца в системе КГБ. Я тогда не вникала в дела отца, оно мне было не нужно, но брат понял, кем на самом деле является наш отец, и взбунтовался. Вскоре после крупной ссоры мой брат загадочно погибнет где-то в Африке. Мать узнает об этом и затянет отцу грандиозный скандал. Вскоре после этого погибнет и моя мать. Отец отправит ее в Москву на своей машине с водителем. По дороге случится авария. Машина слетит с трассы и загорится. Моя мать и водитель погибнут на месте. Виновника аварии так и не найдут. Я тогда была наивная и многого не понимала, только спустя несколько лет я узнала подробности гибели моего брата и мамы. Случилось это поздно осенью в прошлом году. У нас на даче есть потайной проход между домом и пристройкой. Я частенько пользовалась этим проходом в тайне от родителей. Так было и в тот раз. Я по проходу подошла к пристройке, чтобы потихоньку улизнуть от опеки отца, и только хотела открыть потайную дверь, как услышала голоса в пристройке. Один голос я хорошо расслышала, это был голос личного помощника и телохранителя Волкова.

— Волкова я хорошо знаю, это еще та сволочь.

— Тогда мне нет необходимости объяснять тебе, кто такой Волков. Я решила подождать за дверью, но вскоре раздался выстрел, затем Волков громко произнес:

— Подождешь до темноты, потом вывезешь и закопаешь эту падаль.

Вскоре хлопнула дверь, и все стихло. Я подождала немного, потом выглянула из прохода. Посредине пристройки на земле лежал один из охранников отца и тихо стонал. Его куртка в области сердца была пропитана кровью. Я не боюсь крови, видела и не такое, поэтому, наклонившись, я приподняла ему голову. Парень, его звали Володя, открыл глаза. Я сказала ему, чтобы потерпел немного, а я вызову скорую, но он тихим голосом остановил меня. Он сказал, чтобы я не суежилась, это опасно для меня. Неотложка все равно не успеет, он помрет раньше. Он поблагодарил меня за участие, и сообщил, что он является младшим братом водителя, который погиб вместе с моей матерью, и, что их и моего брата убили по приказу моего отца.

Они раскопали, что он пытается выяснить причину гибели брата, поэтому решили избавиться от него. Он предупредил меня тогда, чтобы я была осторожна. Такой человек, как мой отец, ни перед чем не остановится.

— Тебе мой совет, ты хоть девушка и ветреная, но не глупая. Беги от него, как можно дальше, и чем быстрее, тем лучше. Если не сбежишь, то с тобой он поступит так же, как с матерью и братом. Больше он ничего не успел сказать. Он умер у меня на руках.

Я несколько месяцев пыталась избегать встречи с этим монстром. Но последней встречи избежать не получилось. Неделию назад отец настоял на том, чтобы я поехала вместе с ним на охоту в эти края. Я вынуждена была согласиться, хотя чувствовала, что добром это не кончится. Отец последнее время смотрел на меня, как на врага, и я опасалась самого худшего.

Вчера в вертолете все были пьяные, включая и пилотов. Отец часто использовал этот

экипаж для увеселительных полетов. В ближайшей воинской части он пользуется авторитетом и покрывает делишки командного состава этой части. Не знаю, что произошло во время полета, я старалась смотреть в иллюминатор, но вдруг отец достал пистолет и выстрелил в одного из головорезов, которые всегда сопровождают его. Затем открыли дверь и выбросили вниз. Я была в шоке от происходящего.

Летчики, испугавшись, стали плохо управлять машиной. Я в истерике выкрикнула отцу в лицо, что он зверь, и питается мясом своих жертв. Не знаю как, но я сказала ему, что он также убил и брата, и мать, и меня не пожалеет, назвав его при этом вампиром и ублюдком. Я, наверное, еще что-то кричала, но уже плохо соображая. Отец, по-видимому, приказал своим головорезам выбросить меня из вертолета, потому, что меня схватили за руки, а этот рыжий старикашка с готовностью открыл дверь.

Но я все же расслышала последние слова отца — если не разобьешься насмерть, то тогда точно почувствуешь, как звери будут рвать твою плоть. Потом я не помню, что было. Когда ты меня стал раскапывать, моей первой мыслью было, что это звери добираются до моей плоти. Слава богу, что ты меня спас. Теперь я смогу укрыться от этого монстра, ведь он будет считать, что я погибла в тайге. Мне теперь самое главное незаметно проникнуть в дом и забрать деньги, которые я скопила в тайне от отца. Там вполне хватит, чтобы купить жилье подальше от Москвы.

— Хорошо, если бы было так. Мой внутренний голос подсказывает мне, что это только начало истории. Но не будем отчаиваться, будем надеяться, что все на этом закончится.

Лариса провела в доме Антона больше двух недель. За это время они о многом успели поговорить и обсудить. Антон уже рассчитывал, что все обойдется. Лариса почти поправилась. Она свободно ходила, нога не болела, да и перелом не беспокоил. Еще пара недель, и о нем можно было забыть. Но случилось непредвиденное.

В конце марта разыгралась метель. Вечером к нему нагрянули гости, которых застигла непогода. Это был директор лесничества Анатолий, и трое охотников, из так называемой элиты, которых сопровождал сам директор. Один из охотников оказался местным бизнесменом, не раз уже ночевавшим у Антона. Зная, что Антон живет один, начались вопросы, что за женщина и откуда. Антон пояснил, что надоело жить одному, вот и женился. Наконец, нашел женщину, которая согласилась жить в лесу.

Улучив момент, он рассказал Анатолию, что женщину выбросили из вертолета, пытаюсь убить и, что об этом не должен знать никто. Анатолий пообещал держать информацию в тайне, а охотники, видимо, поверили в легенду, рассказанную Антоном.

Зря Антон рассчитывал на это. Через неделю солнце уже пригревало во всю, бежали ручейки, в доме послышался писк рации. Его вызывало лесничество. Он поднял трубку. В трубке слышался взволнованный голос дежурного.

— Леший, это ты?

— Да, Леша, это я. Что случилось?

— Слушай, Леший. Мне тут Шеф тихонько шепнул, чтобы я предупредил тебя, что к тебе Шеф везет гостей, но сказал, что эти гости нехорошие. Остальное, сказал, ты поймешь. Я сам ничего не понимаю, а ты сам понял что-нибудь?

— Спасибо, Леша. Сколько человек едет с Шефом?

— Четверо. Двое здоровяков, похожих на шкаф, один шуплый, он командует, и рыжий старик.

— Я все понял. Только прошу тебя, не говори об этом никому. Боюсь, что если узнает

кто, ты можешь пострадать. Еще раз спасибо. Будем надеяться, что пронесет нелегкая.

Антон уже догадался, что за гости, и по чью душу они едут. Время подходило к обеду. Предвидя скорое появление гостей, Антон приготовился к встрече. Особой подготовки не понадобилось. Лариса приготовила обед, а Антон разложил на столе столовые приборы. Это были ложки, пара вилок и хороший нож. Лариса разлила по чашкам борщ. Они приступили к обеду, когда послышался звук работающих снегоходов.

— Лариса, как только они войдут, ты я думаю, узнаешь их. Как только узнаешь, кивнешь мне головой, а сама уходи в соседнюю комнату.

— Это еще зачем?

— Я не хочу, чтобы ты видела, что произойдет здесь. Это первое. Второе. Скорее всего, произойдет стрельба, и мне не хочется, чтобы ты пострадала. Я, конечно, буду стараться сделать все аккуратно, но с чем черт не шутит. И вообще, не возражай, мне будет спокойней, если тебя не будет рядом. Это понятно?

— Но у тебя ведь есть карабин, может, им воспользуешься?

— В данной ситуации оружие может только навредить. Постараюсь сначала узнать их намерения, а уж потом буду действовать по обстановке.

Они еще продолжали обсуждать, как и что делать, когда дверь открылась, и на пороге появились незваные гости.

Первым в комнату вошел щуплый человек. Его Антон узнал сразу, это был бывший следователь прокуратуры Березняк. За ним шли два огромного роста бугая, видимо, из бывших спортсменов, и тщедушный старик, но довольно шустрый, с рыжей шевелюрой. Этот персонаж так же был знаком Антону. Это был его земляк — Гришка-участковый. Замыкал шествие Анатолий, смущенно мявший ушанку в руках.

Ларисе было достаточно одного взгляда, чтобы узнать своих врагов. Она подала знак Антону, и быстро ушла в соседнюю комнату. За столом остался один Антон.

Он продолжал работать ложкой, не обращая внимания на вошедших. Березняк и Гришка не могли узнать в нем своего знакомого, так как Антон сидел, наклонив голову над столом, с глубоко натянутой на глаза вязаной шапочке, а основную часть лица скрывала широкая, седая борода. Глядя на его ссутулившуюся фигуру и седину, со стороны его вполне можно было принять за старца. Первым заговорил Анатолий.

— Леший, принимай гостей.

— Странные гости, — хриплым как у старика голосом начал Антон, — у нас в тайге при встрече, а тем более в чужом доме, принято здороваться. Но это не беда, у каждого свое воспитание, главное, чтобы люди были с чистыми помыслами, таких и обедом угостить можно. Раздевайтесь, гости, проходите, отобедайте с дороги, сейчас моя супруга вам горячего борща нальет.

— Залей свой борщ себе в задницу, — зло произнес Березняк и, не обращая больше внимания на старика, крикнул, — Лариса, мы за тобой.

Лариса молчала. Молчали и все остальные, только Антон с любопытством наблюдал за охранниками Березняка. Они, как положено, стояли в напряжении, ожидая команды, как охотничья собака в ожидании команды хозяина. Под их куртками угадывалось оружие, но какое, Антон не мог определить.

— Лариса! — не выдержал Березняк. — Не заставляй меня вытаскивать тебя за косы из этой халупы.

— Березняк, ты в моем доме, да еще грубишь моей женщине. Тебе не кажется, что это

перебор с твоей стороны?

— Ты что же, трухлявый пенек, будешь меня учить морали? Да я тебя сейчас раздавлю как лягушку, — зло глядя на Антона, стал приближаться к столу.

— Зубы не поломай, — Антон снял шапочку, затем, глядя в его глаза, добавил уже своим голосом, — ты уже однажды пробовал это, не вышло. Ты, наверное, помнишь, как я тебе сказал, не становись у меня на дороге, себе дороже будет. Ты не внял и продолжаешь мне угрожать?

Лицо Березняка вдруг почернело. Губы затряслись. Он, с трудом придя в себя, выдавил из парализованного горла два звука:

— Это ты? — затем, придя в себя полностью, крикнул своим охранникам. — Мужики, всех мочите, нам свидетели не нужны.

Охранники, только и ждали этой команды. Они дружно выхватили из-за полы курток автоматы «УЗИ» израильского производства, но воспользоваться не успели. Первому нож воткнулся в глаз, пробив черепную коробку. Второму вилка пробила гортань в районе артерии. Первый охранник рухнул на пол без звука, второй, хрипя и зажимая рукой рану, из которой фонтаном била кровь, медленно опускался на пол, уже не думая о выполнении приказа.

Березняк, с ужасом осознавая всю ситуацию, попытался достать пистолет но, получив удар ногой в голову, отлетел в угол, и уже не подавал признаков сопротивления.

— Анатолий, присмотри за Рыжим, да смотри, он проворный.

Не глядя в сторону охранников, подошел к Березняку. Наклонившись, он приподнял его за ворот куртки и потряс слегка. Когда его жертва открыла глаза, взял его за горло и приподнял над полом.

— Хочу, чтобы ты перед смертью узнал правду, — сквозь зубы процедил он, — я не проявлял жестокости, когда вы убили моих друзей. Я так же был милосерден, когда вы покушались на мою жизнь. Я не пытался вам мстить даже тогда, когда вы засунули меня в зону на крайний север, где хотели покончить со мной. Но я не потерплю того, что вы уже однажды попытались убить мою сестру, выбросив ее из вертолета, но вам и этого показалось мало, вы решили одним заходом покончить с ней, а за одно и со мной. Так знай, урод рода человеческого. Лариса — это единственный мне родной человек на всей планете, не считая твоего хозяина, который не считает меня родным. Так же отношусь к нему и я. Но за единственную сестру я готов убить хоть тысячу таких, как ты, и то это будет мало. Ты за свою никчемную жизнь испортил немало крови хорошим людям. Я не стану проливать твою кровь, ты умрешь, не потеряв и капли своей. И знаешь почему? Просто я не хочу, чтобы твоя наполненная ядом кровь поганила светлый облик нашей прекрасной земли.

После этих слов, он сжал своей мощной рукой тонкую шею Березняка. Березняк беспомощно еще несколько секунд дергал ногами, но вскоре обмяк. Антон разжал побелевшую кисть руки, и тело Березняка мешком рухнуло на пол. Антон еще с минуту смотрел на тело своего врага, не испытывая к нему даже самой малости сожаления. Отвернувшись от трупа, он увидел картину, которая привела его к безудержному смеху. У самого порога на четвереньках стоял Гришка, на нем сидел Анатолий, заломив Гришке руку за спину, и оба с нескрываемым любопытством слушали диалог Антона. На громкий смех из комнаты показалось испуганное лицо Ларисы. Увидев смеющегося Антона, успокоилась, потом спокойным взглядом посмотрела на лежащие тела покойников. Затем ее взгляд переместился на странную фигуру у дверей. Первые секунды она всматривалась, затем из ее

уст вырвался звонкий смех.

— Интересно, что такого смешного сейчас произошло? — обидчиво произнес Анатолий.

— Толик, я помню, как ты год назад гарцевал по тайге на черном жеребце, но чтобы на рыжем, вижу впервые.

— Тоже мне, нашли жеребца, — в такт шутке ответил он, — этот больше на старое пони похож. Антон, а что с этим делать будем?

— Тащи его за стол. Представь, что ты за линией фронта языка взял. Посади его на стул, будем допрашивать.

Когда Анатолий усадил своего пленника на стул, Антон приступил к допросу.

— Ну что, Григорий, я надеюсь, что представляться мне не надо. Вижу, ты узнал меня. Это хорошо. Ты как хочешь, сразу все без утайки мне рассказать, или предпочтешь, чтобы я пытками из тебя выколачивал информацию.

— Ну что ты, Антон. Мы ведь с тобой земляки, и давно знаем друг друга. Не надссорится, я все сам расскажу, ты спрашивай, а я все, что знаю, расскажу.

— Правильно мыслишь. Тогда первый вопрос. Почему твой хозяин приказал ликвидировать свою дочь?

— Этого я точно не знаю, но слышал, как хозяин приказал Волку взять ее в полет и убить в вертолете, а тело выбросить над глухой тайгой. А что и зачем, этого я не знаю.

— Хорошо, я тебе верю. А теперь скажи, где сейчас находится твой хозяин?

— Он сейчас, наверное, в Москве. После того, как Ларису сбросили с вертолета, он напился в драбаган, а на следующий день улетел в Москву.

— А, как вы в Москве узнали, что Лариса жива?

— А мы не уезжали туда. Мы здесь живем, в Енисейске. Березняк у нас за главного. Мы на месте занимаемся бизнесом.

— Если перевести на понятный язык, вы крышуете местный бизнес. Короче, занимаетесь вымогательством. Я правильно понимаю?

— Можно и так сказать.

— Как узнали, что Лариса жива?

— Об этом Березняк узнал от одного бизнесмена. Он был на охоте в этих местах и узнал Ларису. Встретившись с Березняком, он удивленно спросил у него, почему дочь высокого начальника вышла замуж за старика, и живет с ним в глухой тайге. Березняк догадался, что Лариса жива, и сильно перепугался. Хозяин перед отъездом приказал ему прошерстить всю тайгу, и найти подтверждение, что Ларисы уже больше нет в живых. Березняк — хитрый, трусливый лодырь. Он не стал искать следы в тайге, ведь тогда пришлось бы и ему мотаться по тайге. Он решил, что вряд ли неопытная девушка выживет одна в тайге, да еще упав с такой высоты. Он сообщил хозяину, что нашли некоторые фрагменты из одежды и часть костей. Все это закопали в землю. Но когда получили сообщение, что Лариса жива, он не на шутку испугался. Об этом знали только мы четверо и знакомый бизнесмен, но он уже никому ни чего не скажет. Здесь Березняк тоже хотел по-тихому разобраться, но он не мог предположить, что здесь окажешься ты.

— Из твоих слов, я делаю вывод, что про то, что вы здесь, не знает никто больше.

— Да, ты правильно понял.

— А что стало с бизнесменом?

— Его машина случайно провалилась под лед на слиянии Ангары и Енисея.

— А это идея, — тихо пробормотал Антон. Затем уже громко добавил, — вот не знаю, что с тобой делать. Гриша, ты ведь меня хорошо знаешь. Ты помнишь, чтобы я хоть раз нарушил свое слово?

— Нет, я такого не помню.

— А помнишь, в нашу последнюю встречу я сказал тебе, чтобы ты завязывал с криминалом, иначе наша следующая встреча окажется для тебя последней?

После этих слов Гришка окончательно побелел от страха. Теперь он понял, что Антон поступит с ним так же, как они хотели поступить с ним. Ему свидетели ни к чему. Антон прочел его мысли. Затем, в наступившей тишине, послал импульс в голову Григория — прости Гриша, но так надо — Гришка поднял голову и обреченно посмотрел ему в глаза. Антон понял, что посланный импульс достиг цели.

Не вставая с места, а до Григория было не менее полутора метра, он, сконцентрировавшись, выбросил правую руку вперед, сопровождая выброс выдохом. Григория, как будто ветром подняло вместе со стулом и, отлетев к стенке, он рухнул на пол, будучи уже мертвым.

Анатолий и Лариса смотрели на происходящее огромными от удивления глазами. В наступившей тишине каждый думал о своем. Антон без всякого презрения смотрел на труп Григория. Он не сожалел о том, что ему пришлось убить сразу четырех человек. В данный момент он чувствовал себя как на войне, где каждый сражался за свою жизнь. Здесь принцип был тот же. Или ты их, или они тебя, третьего не дано. Первым тишину нарушил Анатолий.

— Антон, может, не надо было так с ними.

— А ты предпочел бы лежать сейчас вместо них на этом полу и гореть от хорошего костра. Ты ведь слышал, они хотели всех пустить в расход. Им свидетели не нужны. Им мало убить нас, они, замечая следы, сожгли бы нас в этом доме.

— Да я все это понимаю, но уж больно страшно все это. Пойми, я не первый год живу на свете, а такое вижу в первый раз. А самое страшное для меня это то, как ты убил человека, даже не дотронувшись до него.

— Ты не пугайся. Это действительно несведущему человеку покажется страшным. Я это прекрасно понимаю, но и ты пойми меня. Однажды, несколько лет назад, я уже предупреждал его уйти из криминала, он не послушал меня, да еще хотел увидеть все мои возможности. Вот перед смертью я выполнил свое обещание показать свое умение.

Что касается Григория, то ты не все знаешь. Поверь мне, минуту назад он прекрасно знал, что я убью его, и не держал на меня за это зла. Ты захочешь спросить меня, почему я в этом уверен, просто он не стал говорить это вслух, прекрасно зная, что, сказав мне это мысленно, я пойму его точно так, как сейчас я понимаю твоё опасения насчет покойников. Ты думаешь, как выкрутится из этого положения, ведь их будут искать, и могут узнать, что именно ты их повел в тайгу. Можешь не беспокоиться. Искать их будет некому. Если даже представить, что все же кто-то у тебя спросит, то скажешь, что проводил до полдороги, объяснил, как ехать дальше и, как найти зимовье, а остальное не знаю, уехал на участок. По всем вопросам, пусть обращаются ко мне.

— Ты действительно страшный человек, даже мысли чужие читаешь.

— Да не читаю я чужие мысли, живи спокойно. Просто иногда прибегаю к этому, когда вынуждают обстоятельства. Поверь, если бы я прислушивался всякий раз, о чем думают другие люди, то поверь мне, я давно бы уже повесился. Это только со стороны кажется

забавным, на самом деле это сущее проклятие.

— Хорошо, а как мы будем прятать следы преступления. Какими будут в дальнейшем наши действия.

— Очень просто. Сейчас ты возьмешь пилу и вырежешь майну на реке. Я подвезу трупы к майне вместе со снегоходами. Пока нас не будет, Лариса приберет в доме, чтобы следов крови не осталось. Мы с тобой спустим под лед наших гостей, пусть они дальше едут на снегоходах, но только по дну реки. Скоро начнется ледоход. Все рыбаки снимут на этот период свои сети. Весна, батенька, делает бурными даже мелкие реки. Большим потоком трупы и технику унесет к самым берегам океана. Теперь подумай, кто их будет искать на глубине океана.

— Ну, хорошо, а дальше что?

— А дальше, ты поедешь домой, а утром оформишь мне отпуск по семейным обстоятельствам, только задним числом. Мы с Ларисой приедем к тебе утром рано, будет еще темно. Оставим снегоход у тебя, а сами первым автобусом уедем в Красноярск. Затем поездом до Москвы. Пойми, Анатолий, я не могу ее в таком состоянии отправить одну в тот гадюшник. Как только управлюсь с делами, я тут же вернусь домой.

— Понятно, тогда не будем терять время. Начнем, пожалуй.

Спустя несколько дней, они подъезжали к Москве. Пожилой старик и молодая девушка, не вызвали у людей любопытства. Всем казалось, что это внучка везет своего дедушку. Одеты они были неброско.

В Красноярске на рынке купили все, что им могло понадобиться, и теперь одетые как все в китайский ширпотреб, ничем не отличались от простого обывателя. На вокзале Антон сделал один звонок, и убедившись, что семья его друга Василия живет в той же квартире, предложил Ларисе поехать с ним в Марьину Рошу, но она отказалась, сказав, что наведет справки о том, где будет находиться этот изверг, она теперь только так называла своего отца, и как только все узнает, обязательно приедет к нему. Без Антона она не хотела посещать дачу.

Договорившись о встрече, они расстались. Чем будет заниматься Лариса два дня, Антон не думал. Он в это время входил в квартиру вдовы своего друга.

— Здравствуй, Наташа. Гостей принимаешь?

Наташа, не веря своим глазам, но сердцем понимая, что это Антон, смотрела на него со слезами на глазах, не имея сил даже унять трясущийся подбородок.

Когда закончились первые охи и ахи, она усадила Антона на диван, а сама побежала на кухню готовить ужин. Антон, обойдя знакомую ему квартиру, понял, что теперь в этой семье достатка нет. Зайдя на кухню, спросил.

— Ну, Наташка, рассказывай, но без утайки, как живете, как дела у Мишки и Сашки.

— Все в порядке, Антоша. Мишка закончил юридический с отличием, а Сашенька заканчивает экономический. Они такие у меня умницы, я не нарадуюсь на них.

— Наталья, не морочь мне голову, я ведь просил откровенно. Неужели ты думаешь, что я не вижу по обстановке, как вы живете. То, что дети у тебя умные, я и без тебя знаю. Я спрашиваю, как и на что живете. Я не идиот, и вижу, что достатком здесь не пахнет.

— Ты прав, Антоша, — горько вздохнула она. — Достатка действительно нет. Я теперь работаю техничкой в небольшом офисе, хорошо еще, что недалеко от дома. Денег, естественно, платят мало. С горем пополам насобирали небольшую сумму, купили подержанную машину, теперь Мишка таксует на ней. Сашенька тоже старается кое-где подработать, но этого, как видишь, все равно не хватает. Квартиру в Подольске у нас забрали, теперь все живем вместе.

— Но ведь Мишка окончил институт, неужели не может найти работу?

— В этом и вся беда. Трудно устроится, все вакансии заняты. Теперь даже профессора торгуют на Черкизовском рынке. Свое дело открыть тоже не можем. Нужны деньги, и не малые. Одних взяток нужно отдать по сумме больше в сотню раз, чем стоит само предприятие.

— Постой, у тебя ведь алмазы есть, которые мы привезли с Васькой из Африки. Или уже продала?

— О чем ты говоришь. Как я могла продать камни, которые мне не принадлежат?

— Наташка, вот я смотрю на тебя, вроде умная баба, а дура душой. Неужели ты так до сих пор так и не поняла, что эти алмазы мы привезли для твоей семьи. И просили тебя сохранить их для трудной, жизненной ситуации.

— Не знаю. Я, может быть, и рискнула бы продать несколько камней, но в это смутное

время, я просто побоялась. Хороших знакомых нет, а чужой человек за такие камни может и голову отрезать. Такие уж времена теперь. Я уже попробовала однажды продать серьги и кольцо, ну, те, что вы с Васей мне подарили, когда я Сашеньку родила. Пошла в ювелирную лавку, там оценщик предложил смехотворную цену, как будто я не знаю, как ценятся настоящие бриллианты. Я отказалась. Тогда он предложил позвонить знакомому ювелиру. После звонка, он увеличил стоимость в несколько раз, и предложил придти в течение часа, мол, к этому времени придет его друг с деньгами. Но я ведь не дура, сразу сообразила, что не стоит связываться, ну и ушла, и больше не пыталась торговать. А ты говоришь, продать все камни оптом.

— Хорошо. Завтра я арендую твоего Мишку, как таксиста. Ты приготовь камушки, я попытаюсь за пару дней продать их. Думаю, что тот пройдоха, который делал тебе те серьги, продолжает заниматься ювелирной работой. Таким прощельгам смутные времена только на пользу. Они нигде не пропадут и выгоду свою поимеют. И еще. Пока меня не будет, к тебе может придти молодая женщина. Она представится Ларисой, и скажет, что сестра Лешего. Ты приюти ее, пока я не приду.

— А эта Лариса, она что, твоя жена?

— Нет, это действительно моя сестра, только очень дальняя.

Весь следующий день ушел на поиски ювелира, и только к вечеру им удалось отыскать его.

Симонов Яков Иосифович хоть и был достаточно пожилым человеком, но выглядел быстрым, непоседливым, что совсем не вязалось с его профессией. Казалось, что такому человеку по характеру не подходит специальность ювелира, в которой ценится усидчивость, но Антон знал, какие прекрасные вещи выходили благодаря его умелым рукам. Разговор в первые минуты не клеился. Что-то настораживало ювелира. Антон не стал затягивать разговор. Он достал из кармана кольцо и серьги.

— Яков Иосифович, ведь это ваша работа?

— Да, моя, — ему было достаточно одного взгляда, чтобы спустя несколько лет узнать свою работу.

— Хорошо. Эти украшения мы с моим другом заказывали у вас. Вы должны помнить, мы тогда предупредили вас, что алмазы, привезены из Африки и, причем, контрабандой. Это в то время не смутило вас.

— Тогда были совсем другие времена. Много поменялось с тех пор.

— Не буду спорить. Времена действительно изменились, но поверьте, что я остался прежним, хотя и потерял своего друга. Теперь пришла пора помочь его сыну.

— Что вы хотите от меня?

— Вот смотрите, — Антон высыпал алмазы на стол. — У вас я вижу хорошая мастерская. Вы занимаетесь бизнесом. Я хочу вам продать эти камни, вы уже знакомы с этой партией. Именно из этих камней вы сделали тогда украшения.

— Ну, не знаю. Мне нужно подумать, как следует оценить материал.

Антон уже видел, как стали блеснуть глаза ювелира, когда он увидел кучу прекрасных камней, но он также уже понял, что его хотят кинуть, и ювелир усиленно ищет предлог, чтобы пообещать, купить, но только чуть позже. Антон прошептал ему на ухо.

— Сейчас вы будете смотреть мне в глаза, но мой голос будет звучать у вас в голове. Это для того, чтобы мой спутник не слышал нашего разговора.

Михаил с удивлением смотрел, как два пожилых человека молча смотрят друг на друга,

а как будто разговаривают. А тем временем Антон вбивал каждое слово в голову ювелира.

— Не надо из меня делать лоха. Я прекрасно разбираюсь в стоимости камней. Вы также видите, что камни изумительной чистоты. Вам достаточно было одного взгляда, чтобы дать предварительную оценку. Теперь слушайте внимательно. Я точно знаю, что вы имеете нужную сумму для покупки камней. Вы даже в эту минуту, думаете о тех огромных барышах, которые можете получить за реализацию. Я предлагаю вам двадцать процентов от стоимости камней. Это очень приличная сумма. Если учесть, что вы реализуете их в обработке и в готовых изделиях, это будет хороший заработок. И еще. Не надо придумывать повод, как меня кинуть, предупреждаю, у вас это не получится. Поймите, если свяжетесь с братками, то будете иметь проблемы и с братками, но если я их грохну, то с их паханом, а главные проблемы я сам вам устрою. На этих алмазах столько крови, что кровь ваша и вашей семьи будет капелькой в огромном водоеме.

Затем вслух добавил.

— Ну что, Яков Иосифович, договоримся? Поймите, я человек честный. Если не попытаются обмануть меня, то я с удовольствием заключаю сделку.

— Хорошо, — хрипло выдавил из себя ювелир, — камни действительно хороши, но у меня в данную минуту нет таких денег. Если вас не затруднит, и вы придете сюда завтра, ближе к обеду, то думаю, что нужная сумма у меня будет.

— Яков Иосифович, — весело смеясь, сказал Антон, — ах вы старый еврей. Я ведь предупредил вас, что кидать меня не надо, а вы опять за свое. Я ведь хорошо осведомлен, что в вашем тайнике, помимо сейфа, конечно, лежит сумма, в десятки раз превышающая нужную. Я же вам сказал, что я честный человек. Будь я бандит, я давно уже забрал бы ваши деньги из тайника, а я, как порядочный человек, предлагаю вам сделку, причем честную, — улыбнувшись, добавил, — может, сказать, где находится тайник и как открывается?

— Извините, но сейчас такие времена, что трудно узнать, кому можно доверять, а кому нельзя. Вы побудьте здесь несколько минут, я принесу нужную сумму.

— Вот здесь вся сумма, — подавая Антону целлофановый пакет с пачками долларов, смущенно сказал ювелир, — можете пересчитать.

— Я доверяю вам, но если в пакете вдруг окажется кукла, или будет не хватать одной купюры, вы ведь понимаете, что я вернусь, и камня на камне не оставлю от вашей мастерской, а вас захороню в вашем же тайнике. Так что, пересчитывать или поверить?

— Вы простите меня, но на этот раз все без обмана.

— Вот на этот раз я вам верю. Прощайте, приятно с вами иметь дело. Надеюсь, что вы не держите на меня обиды, — не слушая его бормотание, Антон с Михаилом покинули мастерскую.

Когда они вернулись домой, Антона уже ждала Лариса. Они с Наташей сидели на кухне, пили чай, мирно беседуя о чем-то женском. После взаимных приветствий Лариса назначила встречу Антону на семь утра, а сама, сославшись на некоторые дела, уехала. Проводив Ларису, Антон высыпал деньги на стол. Видя такое количество денег, Наташа возбужденно воскликнула.

— Наконец-то господь услышал мои молитвы. Миша, сынок, я думаю, что половины этих денег нам вполне хватит открыть небольшое дело. Я рассчитываю, что потом, когда дела наладятся, мы сможем сэкономить, и купить тебе отдельную квартиру. Может, у тебя хоть жизнь наладиться. А мы тут потихоньку с Сашенькой как-нибудь проживем. Ты, Миша, не переживай. Я на первых порах помогу тебе с бухгалтерией, ну и с другими

документами, — затем грустно вздохнула. — Хоть и нет с нами нашего отца, но он и с того света нам помогает. Спасибо тебе, Антон, за заботу. Ты как, завтра совсем уедешь, или останешься?

— Не знаю еще. Думаю, что пару дней побуду. Посмотрю, как дела пойдут, а то, может, и завтра вечером уеду.

— Миша, ты приготовь дяде Антону его половину денег, и напомни ему, чтобы не забыл перед уездом.

— Наташа, я уже вчера называл тебя дурой, тебе что и сегодня повторить об этом. Какая половина, все эти деньги ваши.

— Как это наши? Это ведь не только Васины алмазы, но и твоя половина.

— Да пойми ты, вам эти деньги нужнее. Ты ведь знаешь, я не привык к деньгам. Живу один, и то как спартанец. Мне много не надо, я на хлеб всегда заработаю, ну уж если совсем неумоготу будет, то тогда попрошу у вас на кружку чая, — закончил он шутливым тоном.

— Ну, это как-то не по-честному получается. Деньги все нам, квартиру тоже нам отдал. Мне стыдно, что все нам, а тебе ничего.

— Все, Наташа, забудь. Василий был моим другом и братом, я просто обязан по возможности поддержать его семью. Я уверен, что будь он на моем месте, он поступил бы так же.

На следующее утро он встретился с Ларисой в назначенном месте. Ларису было трудно узнать, так изменила она свой облик. Одетая в китайский пуховичок, с платочком на голове, и в дешевых сапожках, она походила на женщину с ограниченным достатком. Этому облику придавала шарма корзинка с продуктами, часть которых выглядывала из под прикрывавшего их полотенца.

— Сестричка, ты прелесть. Конспирация на высшем уровне. Теперь ты выглядишь как заправская дачница, торопящаяся на дачу в первые погожие деньки.

— Ты будешь выглядеть так же, — она протянула ему складную трость. — Ты с этой тростью вполне сойдешь за моего отца, которого я везу на свежий воздух ранней весной. Только не забывай слегка сутулиться, и все будет нормально. В таком виде мы ни у кого не вызовем подозрения.

— Вот это конспирация. Тебе только в разведке работать.

— Я некоторое время там и работала, пока папочка под свое крыло не забрал, сволочь такая. А что касаясь конспирации, то я уже в таком виде побывала там. Кое-что узнала. Этот изверг последнее время не покидает дачу. Ждать, это неизвестно сколько продлится его добровольное заточение. Скорее всего, он будет жить на даче все лето. Столько ждать я не могу. Я решила, что проберусь через потайной ход, и просто грохну его. Не возражай, я понимаю, что он мой отец, но пойми, у меня ведь тоже сердце есть. Я, как только вспомню во что превратил он нашу семью, скольких людей заставил страдать, а скольких убил. Нет, таким извергам не место среди людей. Пусть будет так, как я решила, а настанет судный день, господь сам определит степень моей вины.

— Ты это твердо решила?

— Да, я в этом уверена, к тому же, не будет его, некому будет меня искать. Ты вспомни о его сподручных из Енисейска. Он вскоре узнает, что они пропали и начнет усиленный поиск. Я хорошо знаю способности этого подонка. Я уверена, что через несколько дней он почувствует неладное, пошлет бригаду головорезов, которые не остановятся ни перед чем, пока не добьются своих интересов.

— Ты права, нет человека — нет проблемы.

— Антон, у меня к тебе просьба, не трогай его, я должна это сделать сама, ради мамы и брата, ради себя, наконец.

— Обещаю, но как ты будешь действовать?

— Я его просто застрелю, у меня даже пистолет есть. Сейчас на рынке при желании даже танк можно купить.

— Хорошо, когда будем приступать?

— Прямо сейчас. Нам нужно сесть на электричку, и как дачники доехать до нужной станции, а там через лес.

— Тогда поехали.

Выйдя на нужной остановке, они по чуть приметной тропинке, двинулись в лес. Лариса хорошо ориентировалась на местности. Было видно, что она не раз преодолевала этот незамысловатый путь. Но, что больше всего удивило Антона, так это то, что Лариса всегда наступала на сухое место, покрытое листвой. Она не наступала на сырые места, на которых мог остаться четкий след.

Минут десять они шли молча. Вскоре она остановилась.

— Антон, давай обсудим план действий.

— А что, у тебя и план разработан? — пошутил он.

— Ну, я, может, и не военный стратег, но кое-что и я могу, — она протянула ему листок. — Здесь полный план строения и всего участка. Я указала, где находятся обычно охранники, где установлены видеокамеры.

— Что, даже такие новшества применяются?

— Это не страшно. Камеры фиксируют только периметр самого дома, а охранник у ворот следит за съемкой. Нас это не должно беспокоить. Мы проникнем в дом по проходу из сарая. Эта пристройка со старым инструментом, и что немаловажно, она находится рядом с калиткой с задней стороны участка, и не попадает под объектив камер. Ключ от калитки у меня есть.

— Сколько охраны в самом доме?

— Двое охранников в сторожке у ворот, один у парадного входа, но самый опасный из них всегда находится в соседней комнате с кабинетом. Иногда он сидит вместе с моим папашей в кабинете. Ты как-то говорил, что знаком с ним, это Волков.

— Знаю такого, вот этот субъект точно мой. Этого я постараюсь обезвредить, но ты хочешь стрелять. На выстрелы прибегут охранники с улицы. Поднимется шум, нам трудно будет уйти.

— Не беспокойся. Шума не будет. Если ты тихо ликвидируешь Волка, то в кабинете, свободно можно стрелять. Там установлена такая шумоизоляция, что можно стрелять из оружия. Этот изверг боялся прослушки. Он боялся, что кто-то услышит его замыслы и интриги.

— Тогда вперед, нас ждут дела возмездия.

— Пошли, но перед тем, как войдем в калитку, надо убедиться, что рядом с домом нет посторонних машин. Если будут машины, то в доме могут быть посторонние люди. Тогда придется подождать, я не хочу лишних жертв.

— Это правильно. Пошли, а там вскрытие покажет, как говорил мой покойный друг.

Когда вошли в пристройку, Антон был поражен тем бардаком, который творился внутри сарая. Здесь все походило на свалку. Все, что было ненужное, все это складировалось здесь.

— Так вот почему сарай не закрывается, здесь даже бездомным украсть нечего.

— Это правда. За порядком здесь следить некому. Оно и к лучшему. Сюда редко кто заходит, поэтому я спокойно пользуюсь проходом, не опасаясь, что меня могут здесь застать.

Лариса подошла к небольшому стеллажу, на полках которого в беспорядке валялись старые болты, гвозди и некоторые запчасти от грузовика. Явно, такое добро не могло заинтересовать воришку. Она потянула за брусок, прибитый к полке, и стеллаж легко сдвинулся с места, обнажив проем в стене. Оказалось, что за стеллажом спрятано узкое пространство, из которого по ступеням нужно было спускаться в подвал. Антон догадался, что сам сарай снаружи гораздо больше, чем внутри. Это иллюзионный обман зрения. Оказывается, что весь этот хлам отвлекал внимание, не давая сделать правильный расчет помещения.

Спустившись в подвал, они прошли узким коридором и оказались в тупике. Лариса осветила стену, найдя нужный рычаг, потянула на себя. Оказывается, что это была не стена, а скрытая дверь в другое отделение подвала. Теперь они оказались в настоящем подвале. Все стены и пол, были заставлены банками и другими емкостями, включая бочки с разными заготовками.

— Это наша кладовая. Мы сейчас находимся под домом. Теперь будь внимательней, мы выйдем в кладовку рядом с кухней.

Открыв дверь, поднялись по ступеням и оказались в помещении, действительно похожей на кладовку для прислуги. Прислушались, в доме была тишина. Антон первым выглянул в кухню, никого не увидев, взял за руку Ларису, повел вслед за собой. Из кухни они попали в коридор.

Не производя ни одного шороха, тихо двигались вдоль стенки, готовые к любым неожиданностям. За первым дверным проемом оказался большой холл. Не увидев там никого, продолжили идти вперед. В следующие две двери они не стали заглядывать, там были спальни. Их интересовала комната, из которой вела лестница на второй этаж, где был кабинет Белова, в котором он проводил все свое время.

Заглянув в нужную комнату, Антон увидел сидящего в кресле крепкого мужчину, который, по-видимому, спал, склонив голову на плечо. Это было препятствие. Антон, как кошка в три прыжка оказался рядом с ним, и резким, точным ударом пальцев в сонную артерию надолго лишил того сознания. Лариса, взглянув на обмякшего мужчину, брезгливо прошептала.

— Это правая рука Волкова. Будем уходить, я эту тварь собственными руками задушу.

— Тихо, по-видимому, Волков наверху в кабинете генерала. Это к лучшему. Застанем их врасплох. Эффект неожиданности сыграет нам на руку.

Наверху, возле кабинета, никого не было. Как предполагал Антон, Волков был в кабинете вместе с хозяином. Антон обратил внимание, что массивная дверь кабинета слегка приоткрыта, из-за которой доносились приглушенные голоса. Хозяин и Волков о чем-то увлеченно разговаривали.

Антон резко открыл дверь, и в два прыжка оказался рядом с беседующими. Беловоторопелыми глазами смотрел, на странного старика, так неожиданно ворвавшегося в кабинет. Зато Волков среагировал мгновенно. Все-таки сказывалась старая школа. Он вскочил на ноги и замахнулся, чтобы нанести удар столь дерзкому гостю, но возраст брал свое. Реакция была замедленной, хоть и достаточно быстрой.

Антон, не останавливаясь, без замаха, коротким ударом тыльной стороны ладони нанес

удар в область переносицы, почувствовав при этом легкий хруст. Это лобная часть черепа разломилась от удара. На пол Волков упал уже мертвым. Антон знал это. После такого удара сломанные кости разрывают мозг на части. Выжить у Волкова шансов не было.

Антон повернулся в сторону Белова, но тот уже не смотрел на него, теперь в его глазах читался страх, он видел перед собой убитую им дочь с пистолетом в руке. Ее взгляд не внушал ему оптимизма, а скорее наоборот, источал ненависть.

— Ну здравствуй, дядюшка, хотя назвать тебя дядей язык не поворачивается. Тем не менее. Ты столько лет проявлял заботу обо мне, что я счел черной неблагодарностью с моей стороны, лично не поблагодарить тебя за твою заботу и ласку.

— Ты кого привела сюда, дура. Мало того, что месяцами не появляешься дома, так еще тащишь с собой всякий сброд.

— Смотри, Антон, это мерзкое чудище еще мне и мораль читает. По-твоему, это я сама, без твоего разрешения, самовольно покинула гостеприимный вертолет. Ты, наверное, такой поступок женским капризом назовешь. Не ты ли, тварь, приказал меня убить? А теперь сидишь здесь и изображаешь из себя невинную овечку.

— Это ты? — не слушая дочь, он неотрывно смотрел на Антона, услышав из уст дочери его имя. — Значит, ты живой. Все надо делать своими руками, ни на кого нельзя положиться.

— Да, генерал, позволь я так буду тебя называть. Все-таки звания тебя не лишали, а называть тебя по-другому я не в силах. Но если ты против, могу назвать тебя твоим настоящим именем, это вурдалак, вампир, чудовище, детоубийца, выбирай любое, таких эпитетов к твоей персоне можно еще тысячу подобрать. Благодаря твоим молитвам, я еще жив и здоров, да еще дочь твою неразумную домой вернул. Теперь, в знак благодарности, жду с твоей стороны сердечного рассказа о твоих жизненных похождениях.

— Ты что несешь, молокосос, — придя в себя, уварено заговорил он, — неужели ты думаешь, что я начну каяться перед тобой?

— Может, оно и к лучшему, что ты отказываешься разговаривать. Я, конечно, не могу знать всех злодеяний, которые ты совершил в своей жизни, но то, что касается меня, я знаю все. Начнем с самого начала. Это ты был тем человеком, который предал своего брата и его любимую жену с младенцем, — при этих словах Белов резко посмотрел на свой стол. — Ты можешь сказать, что не ты убил своего брата, а сподручные Барона, но ведь это ты предал, это на тебе лежит ответственность за преступление.

Говоря это, Антон, уловивший взгляд Белова, подошел к столу. На столе лежали различные бумаги, книги, и множество различных приборов. Все, как у любого чиновника. Но одна вещь особо заинтересовала его. На самом краю стола стояла небольшая рамочка с портретом красивой девушки с пышными черными волосами. На фото было видно только лицо и часть груди, но грудь скрывали волосы, видна была только часть жемчужной нитки.

Антон долго всматривался в этот портрет. Лицо его стало темным, дрожали руки. Придя в себя, он тихо произнес:

— Посмотри Лариса, это портрет моей мамы.

— Этот портрет появился у него на столе на следующий день после похорон мамы. Этот у блюдок не дождался даже девяти дней.

— Я хорошо запомнил ее облик.

— Как ты можешь это утверждать? — не выдержал Белов. — Ты не можешь помнить свою мать.

— Помнишь, Лариса — не обращая внимания на слова Белова, Антон продолжил, — я тебе рассказывал, когда меня укусила змея в Эфиопии? Тогда именно этот образ показал мне пещеру, где я укрылся на долгих две недели. Только благодаря маме я остался жив, — затем обратился к Белову. — Значит, ты ее так любил, что решил свою месть обратить против меня?

— Да, да, да. Я любил ее, а она предпочла моего брата. Я ненавидел своего брата и ненавижу тебя!

— Бедненький ты мой. Посмотри, какая ненависть тебя гложет. Я могу понять твою ненависть ко мне, но ведь ты убил множество людей, совсем не связанных со мной. Я знаю, что именно ты собственными руками убил мою жену и грудного еще ребенка. Ты пытался всю свою жизнь мстить мне, но что плохого сделали другие люди, в частности твои дети и жена. За что их ты решил убить?

Белов вдруг обмяк, он догадался, зачем весь этот разговор. Он понял, что живым его не оставят, а разговор этот нужен, чтобы возбудить ненависть к нему его дочери. Чтобы в будущем она не сожалела о свершенном акте возмездия.

— Почему ты убил старую цыганку, она была больна и стара, и не представляла для тебя угрозы?

— Я в то время, — начал говорить он уставшим голосом, — уже знал о твоём существовании, так как знал о беременности Рады, и предполагал рождение ребенка. Я также знал, что убили Раду и Максима, но про ребенка разговора не было. Я следил за вздорной старухой, зная, что не зря она оказалась в той глухомани, наверняка она ищет ребенка. Цыгане — это не милиция, и даже не КГБ. У них связи по всей земле. Я видел вашу встречу на вокзале. Жаль, что предотвратить уже не мог, но понял, что старуха многое тебе рассказала. Я хоть и не боялся твоей мести, уж слишком разным у нас с тобой был жизненный статус, чтобы бояться, но, тем не менее, решил оставить тебя в поле моего зрения. Старуху я убил, не могу сказать почему. Может, просто разозлился на нее, а может на себя. Сам не знаю. Твою жену с сыном я убил, сбросив вовремя камень на дорогу. Хорошо получилось, списали на несчастный случай. Да, я пока был молодой не считался ни с чем для достижения своей цели. Я по головам шел, но достиг и власти, и уважения, и богатства. Я достиг всего, чего хотел.

— Ты не этого достиг, ты достиг одиночества, ненависти и презрения. Но это и так понятно. Ты расскажи, зачем ты уничтожил собственными руками всю свою семью?

— Эх, если бы я все делал своими руками, вы бы сейчас здесь не стояли. Да, ты прав. Пока я по молодости делал все сам, все было хорошо. Но, достигнув определенного положения, я стал грязную работу поручать своим людям, и как видишь, не все гладко получалось. Все началось с того, что мой сын оказался слюнтяем и встал у меня на дороге. Я не стал это терпеть и устроил ему командировку в Африку, а следом отправил Волкова. Он сделал свое дело, но оказалось не так чисто как мне хотелось. Пошли слухи. Я пресекал их, как мог, но моя жена уперлась и стала напрямую обвинять меня в убийстве сына. Я случайно узнал, что она через знакомых решила возобновить расследование. Этим она подписала себе смертный приговор. Но и здесь прошло не совсем гладко, если этот чертов брат водителя докопался до правды. Пришлось и его устранить. А тут как рок какой-то. Эти придурки не могли нормально застрелить его. Когда пришли забирать, он оказался еще живым. Тут мне доложили, что Ларису видели возле сарая. После этого она стала избегать меня, не смотрела мне в глаза. Я, естественно, сопоставив все за и против, догадался, что она имела разговор с

покойничком, и тот успел ей многое рассказать.

— Тогда настал ее черед записаться в покойники?

— Да. Я настоял, чтобы она поехала с нами на охоту.

— Понимаю. Убить ее даже рядом с домом было нельзя. Ты решил это сделать подальше от Москвы.

— Здесь и так земля полнилась различными слухами, а так, уехала в неизвестном направлении. Многие знали, что она частенько пропадала, когда на месяц, а иногда и больше.

— Но тебе и на этот раз не повезло, она осталась в живых.

— На этот раз виноват Волков. Этот парень предан мне, и у меня не было от него никаких секретов. Он выполнял любое мое желание, не рассуждая и не спрашивая зачем. Он знал, зачем мы летим над тайгой. А когда я убил одного из моих охранников, летчики занервничали. Волков выбросил труп охранника, и дурак не дождался, чтобы я застрелил эту шлюху, выбросил и ее. Как видишь, все нужно делать своими руками.

— Теперь что же, прикажешь пожалеть тебя?

Договорить Антон уже не успел. Раздался выстрел. Лариса с ненавистью смотрела на отца. Ее лицо было белее свежего снега, а руки тряслись от разыгравшейся истерики. Антон медленно забрал пистолет из ее рук, затем крепко прижал ее к себе. Вскоре она вся затряслась в рыданиях. Так они простояли несколько минут. Наконец, он решил прервать этот драматический процесс. Резко отстранил ее от себя и грубо приказал.

— Довольно слез. Ты сделала то, зачем пришла. Теперь вздохни несколько раз полной грудью и приступай к делу. Насколько я помню, ты хотела собрать какие-то вещи и свои сбережения.

— Ничего мне не надо, — она явно начинала ясно мыслить, — то не деньги, а крохи. Я возьму его деньги из сейфа.

Она, не глядя в сторону лежащего на диване отца, надев перчатки, подошла к его столу, достала ключи. Сейф оказался спрятанным за огромным портретом хозяина дома. Нижняя половина сейфа была заполнена аккуратно сложенными пачками денег в разной валюте, а верхняя — стопками различных документов. Видя такое богатство, Антон сказал:

— Лариса, ищи сумку и набирай столько, сколько сможешь унести, только не бери лишнего. А я улику принесу. Только смотри, не попадись на глаза охранникам.

— Охраны в доме больше нет. О каких уликах ты говоришь?

— Принесу того борова, что в вестибюле сидит. На него все спишем.

Лариса убежала искать сумку. Антон, взвалив огромную тушу охранника себе на спину, внес его в кабинет. Через пару минут вернулась Лариса, она несла не одну, а две сумки. За это время Антон осмотрел тело Белова. На удивление Белов был еще жив, но без сознания, и в очень плохом для себя состоянии. Антон видел, что пуля, выпущенная Ларисой, не совсем достигла цели. Пуля не задела сердце, но повредила аорту, это было видно по тому, как кожа меняла свой цвет. От красноватого оттенка, результатом которого было повышенное давление, она становилась бледным. На лицо было обильное, внутреннее кровотечение.

Лариса тем временем набивала сумки деньгами, выбирая при этом только доллары. Набив полные сумки, она с сожалением заметила.

— Черт возьми, в эти сумки вошла только половина, жаль оставлять, ведь все равно растащат.

— Не надо жадничать, сестричка. То, что в сейфе останутся деньги, это нам на руку.

Сейчас, если ты готова, то мы будем прятать свои следы.

— Я готова. Отпечатков моих, я думаю, здесь нет, я все делала в перчатках, а ты, вроде ни к чему не прикасался.

— Я не то хотел сказать. Пойми, будут работать эксперты, нам необходимо направить их по ложному пути. Слушай, у отца есть оружие?

— Да. У него в столе Беретта.

— Замечательно. Давай его сюда.

Лариса достала пистолет. Антон тем временем, поставил охранника на ноги, перед открытым сейфом. Он потрепал его по щекам, и пока тот приходил в себя, приказал Ларисе поддерживать его, чтобы он не упал. Затем сам присел рядом с Беловым и, вложив в его руку пистолет, своей рукой, нажал палец Белова на спусковом крючке. Выстрел был точен. Пуля, попав в затылок, пробила череп, и пропала в недрах сейфа. Тело охранника рухнуло рядом с Волковым. Затем он вытер пистолет Ларисы платком, и нанес на него множество отпечатков, руками охранника, после чего сунул пистолет в его карман. Несколько пачек денег бросил на пол, а одну пачку вложил в руку охранника.

— Все, теперь можно уходить.

— Я понимаю так. Охранник решил ограбить отца. Убил Волкова, затем выстрелил в отца, полез за деньгами, а мертвый отец убил охранника. Я правильно понимаю?

— Не совсем, но ты мыслишь в правильном направлении. Только одна ошибка, отец твой еще жив был, когда стрелял. Ты ранила его, умер он несколько секунд назад. Рана была серьезной, а умер он от внутреннего кровоизлияния.

— О, боже мой.

— Хватит причитать, уходим.

Антон взял обе сумки, и направился к двери. Лариса, опустив голову, шла за ним. Когда вышли из прохода в сарай, Антон сказал:

— Не забудь взять корзинку с продуктами, ее нельзя оставлять в сарае, — и только отойдя на приличное расстояние, Антон спросил, — ты зачем столько денег набрала? Как теперь тащить будешь.

— А здесь не только мои деньги, но и твоя половина.

— Мне его деньги не нужны. Но делать нечего, не бросать ведь их среди леса, придется тебя проводить до дома. Ты где остановилась?

— У подруги, она сейчас в Германии работает. Квартира пустая.

— Она знает, что ты в Москве?

— Нет, не знает. Просто я знаю, что ее нет, а ключи у меня от ее квартиры, всегда со мной. Она дала мне запасной комплект на всякий случай. Как оказалось, такой случай представился.

Все шло хорошо. Они вышли на станцию. На станции скопилось много народа. Смешавшись с толпой, стали ждать прибытия электрички. При посадке одну сумку взял Антон, а другую Лариса, при этом она умудрилась незаметно оставить корзинку на скамеечке перрона. Теперь она им была только обузой.

Подходя к вагону, опираясь на трость, Антон бросил взгляд на оставленную корзинку, и был в очередной раз удивлен проворству русского народа. Корзинка исчезла, не оставив следа. Перед входом в вагон двое парней пропустили его вперед, при этом помогли внести сумку.

— Ты что, дедушка, кирпичи в город везешь? В твоем возрасте такие тяжести уже

противопоказано носить.

— Ну, что вы, сынки. Какие кирпичи в такую пору можно с дачи везти. Кирпичи на дачу везут. А я деньги везу.

— Ну ты, дед, и шутник.

— Ну, вот видите, я и вас повеселил, а приеду домой, внучат соленьями порадую. У меня с осени на даче несколько банок варенья осталось.

— Счастливого пути, дедушка.

Остальной путь они проделали без происшествий. Лариса спокойно вздохнула, только когда они вошли в квартиру.

— Ну вот, ты и дома. Как долго пробудешь в Москве? Я почему спрашиваю. Тебе нельзя долго оставаться здесь. Нужно на время уехать, так как в скором времени, обнаружив трупы на даче, начнут искать тебя, как ближайшую родственницу, и не дай бог, кто-то из ваших общих знакомых увидит тебя в городе.

— Спасибо за беспокойство. У меня есть доверенность на машину подруги. Она все равно не скоро вернется. Я воспользуюсь ее машиной и уеду в Ростов. Надеюсь там купить квартиру, и уже там попытаться создать семью. Я понимаю, что возраст и все такое, но если у меня не получится выйти замуж за хорошего человека, то ребенка я смогу родить и без мужа, а воспитать его я смогу. Я хочу забыть прошлую жизнь, и начать все с чистого листа. Будешь ко мне приезжать?

— Прости, родная, но мы больше никогда не встретимся. Ты не подумай плохого, но я буду там, откуда в гости не ездят, и деньгами не пользуются. Прости, что непонятно излагаю, но большего сказать не могу.

— Ты, что, умирать собрался? — испуганно воскликнула она.

— Ну, что ты, милая. Я долго собираюсь жить. Просто я буду там, откуда нет возврата. Больше ни о чем не спрашивай. Одно обещаю, что если сложится так, что я буду иметь возможность увидеть тебя, то знай, я сделаю все возможное, чтобы разыскать тебя. Это я тебе твердо обещаю. Ты пойми, что мы теперь только вдвоем остались самыми близкими людьми на этой планете. Других у нас нет. А теперь дай мне сумочку поменьше, и положи туда немного денег, я передам их семьям моих друзей, которые были убиты по приказу господина Белова. Пусть у них будет хоть маленькая толика компенсации за потерю родных.

Лариса со слезами на глазах стала уговаривать его взять полную сумку, но Антон настоял на своем. Он положил в принесенную сумку полтора миллиона долларов, поцеловал на прощание сестру и вышел за дверь.

Когда Антон вернулся в Марьину Рошу, дверь ему открыла Наташа. Зайдя на кухню, спросил.

— Ты одна дома?

— Нет, Саша в своей комнате, работу на дом принес.

— Мишка где?

— Он мотается по городу в поисках помещения, — счастливо улыбаясь, ответила она, — хочет арендовать помещение под офис. Он решил открыть юридическую фирму. Он умный мальчик, думаю, что у него все получится.

— Я в нем не сомневаюсь, но думаю, что пока спешить не надо. Пусть все взвесит, учтет все нюансы, и с помещением не торопится. Я привез еще немного денег, если он найдет подходящее помещение, которое выставили на продажу, пусть покупает. Арендное помещение — это ненадежный вариант. В любой момент могут попросить освободить

помещение. Пусть лучше купит свое, — Антон подал ей сумку. — В этой сумке полтора миллиона американских денег. Ты, Наташа, раздели их на три части. Одну часть возьми себе, а остальные подели между семьями Дока и Сокола. Им тоже положена компенсация по утере кормильцев.

— Антоша, ты что, банк ограбил? — с испугом спросила она. — Или убил кого?

— Банк я не грабил, а вот насчет убить, тут ты попала в точку. Но не надо сожалеть по этому поводу, а порадоваться, что мы, наконец, избавились от человека, принесшего нам столько горя и слез. Это по его приказу были убиты ваши мужья, и я был сослан в зону на крайний север. Не для того меня Док вытаскивал с того света, чтобы сидеть в тюрьме, а мои друзья так и остались гнить в земле неотомщенными. А их ни в чем невинные семьи мыкались от нужды, — видя, с каким ужасом смотрит на него Наташа, он сменил гневный тон на более спокойный разговор. — Ты успокойся. Я действительно бежал. Но меня там держали незаконно. На меня даже дело не заводили. Этот ублюдок насильно удерживал меня на соловках. Ни один суд сейчас не возьмется осудить меня снова, я полностью чист перед законом. А убил я его потому, чтобы он в будущем не стал вредить вам в первую очередь. Но теперь я защитил вас. Что касается денег, то это плата за ваши страдания. Теперь эти деньги ему ни к чему, а вам хоть малая толика, но все же помощь, — видя ее еще испуганный взгляд, добавил, — как в народе говорят, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

— И все же, мне не хотелось бы брать эти кровавые деньги.

— Наташка, ты опять вынуждаешь назвать тебя в третий раз, ну ты сама знаешь как. Ты сейчас не о гордости думай, а думай, как помочь детям стать на ноги. Пойми, ты эти деньги не украдала, это то, что причитается твоим детям, по закону совести и справедливости. Еще хочу сказать, что я взял только малую часть. Остальное растащит милиция или охранники. Почему, кто-то не побрезгует этими деньгами, а ты не хочешь взять самую малость?

— Ты всегда был мудрее нас всех. Я послушаюсь твоего совета, и действительно пустим эти деньги на благо детей.

— Ну вот, наконец, слышу мудрые слова из твоих уст. Еще я кое-что хотел добавить. О моем существовании знаете только вы. Ты умная женщина, и сможешь придумать версию, как объяснить помощь деньгами нашим друзьям. Ну, а теперь скажи, ты еще не разучилась стричь? Помнится, ты нас с Васькой неплохо стригла.

— Как тут разучишься, я Мишку и Сашку до сих пор подстригаю, иногда соседкам прически делаю. Сам понимаешь, приходится экономить.

— Вот и ладушки. Ты сейчас подстриги меня, а пока я буду брить бороду и принимать ванну, приготовь покушать. Я часа через два уеду.

Когда Антон вышел из ванной комнаты, Наташа, всплеснув руками, воскликнула.

— Антоша, ты такой молодой, даже не верится, что это ты.

— Ничего, Наташка, придет время, и я буду стариком.

Вечером Антон был в аэропорту. В те смутные времена, когда в стране во всю процветала коррупция и бандитизм. Когда элита рушила и разворовывала экономику страны, народ бедствовал. Самолетами летали только те, кто мог себе позволить это. Антон без проблем купил билет на ближайший рейс до Красноярск, предъявив паспорт на имя Лисицына Андрея Максимовича. Самолет был полупустой. Антон, откинув кресло, уснул. Спал он до самого прилета в Красноярск. Вернувшись на Кордон, поинтересовался у Анатолия, как обстояли дела в его отсутствие.

— Как видишь, все в порядке. Тебя никто не спрашивал, и не заходил. Да в это время ты

сам знаешь, что охотники заканчивают сезон, поэтому твое отсутствие никто не заметил. Ты подумай, что скажешь людям, когда спросят, где твоя женщина.

— Да, что говорить. Скажу, что не выдержала суровых испытаний, и убежала в город.

— Ну, что же, вполне приемлемая версия. Я вот что хотел у тебя спросить, как думаешь, не будут искать тех злодеев?

— Я знал, что ты это спросишь. Могу успокоить. Некому их больше искать. Тот человек, которому они подчинялись, теперь сам находится вместе с ними в царстве Аида. Я не зря ездил в Москву. Ведь все несчастья, которые случились в моей жизни, это результат его деятельности. Теперь он никого не беспокоит. А тех проходимцев, даже если кто-то спросит про них, то да, были, но уехали, куда не знаем.

— У меня просто камень с души свалился.

— Толя, знаешь что, я решил, что в августе, уйду. Ты постарайся за эти несколько месяцев, подобрать нужного человека. Если получится сделать это быстрее, я уйду раньше.

— Эх, если бы ты знал, как мне не хочется расставаться с тобой. Но договор есть договор. А, может, все-таки останешься?

— Прости, но я не могу. И не просто не могу, а не имею права, уж слишком многое поставлено на кон. Поверь, теперь все, что произойдет со мной, от моего мнения не зависит. Теперь я должен подчиняться обстоятельствам, и тем, кто мной будет руководить. Прости, но я и так много тебе рассказал. Теперь ты понимаешь, что я сам себе не принадлежу.

— Хорошо, Антон, больше я не стану задавать лишних вопросов. Если даже я не найду на твое место человека, то ты все равно можешь уйти тогда, когда захочешь.

— Толя, ты хороший друг и человек. Спасибо тебе за понимание.

Оставшиеся месяцы пролетели как один день. За это время он съездил в Красноярск, повидался с Юристом. От Юриста узнал адрес Ивана. Юрист на просьбу Антона в помощь переправить человека на Север в пещеру, о которой Антон из предосторожности не стал говорить, пообещал посильную помощь. Он обещал, что в нужное время, по первому звонку Антона, он свяжется в Салехарде с нужными людьми, которые помогут ему.

Поблагодарив Юриста, Антон поехал на авторынок. На рынке подобрал себе подержанный внедорожник японского производства. Оставив машину в лесничестве, он еще месяц жил на кордоне. В начале августа, сдав все дела своему приемнику, которого все же нашел Анатолий, погрузил свой скудный багаж в машину и, попрощавшись с немногочисленными друзьями, отправился в свое длительное путешествие.

Теперь Антон чувствовал себя совершенно свободным человеком. Устав от езды, он выбирал хорошее место, останавливался на длительный отдых. Он не спешил, но, тем не менее, две недели спустя все же был в Читинской области.

В первую очередь посетил Вареньку. Встреча была теплой и приятной. Антон не стал долго задерживаться, он видел, что муж Вареньки не очень доволен его присутствием. Все же не смотря на это, он прожил у них три дня. На четвертый день попрощался и, уезжая, сунул пакет с деньгами в ее руки, и прежде чем она посмотрела в пакет, сел в машину и надавил на газ.

Встреча с Иваном была также теплой и приятной. Он даже не сразу признал в лохматом с редкой бородой старике-пасечнике бывшего уголовника. Иван изменился кардинально, и главное, что не в худшую сторону. Здесь он задержался на неделю. За это время они успели о многом переговорить. С удовольствием вспоминали побег Антона. Иван в подробностях рассказывал ему о том, что было после побега, смакуя каждое сказанное слово, как будто это он совершил столь дерзкий побег.

Особое удовольствие он испытывал, когда рассказывал о том, как вернулся хозяин, и как нашли машину в его личном гараже.

Антон спросил его о том, как администрация отчиталась о побеге.

— Они поступили хитро. Через несколько дней привезли в мешке якобы твои останки. Заставили зеков выкопать могилу и похоронить. Естественно в мешок никто не заглядывал, да и кто позволил бы это сделать. Но я чувствовал, что ты бежал благополучно. Это было видно по тому, что насчет самоходки разговора не было. А раз не было самоходки, значит, нет и самого беглеца.

Все было хорошо, единственное о чем беспокоился Антон, так это о здоровье Ивана. Многие годы тюремного заключения не прошли для него даром. Но, тем не менее, на свежем воздухе Иван чувствовал себя молодцом, вот только надолго ли, Антон в этом был не уверен.

Антон побывал на могиле своих родителей. Привел в порядок могилку, попрощался с ними и взял курс к родному дому.

Проезжая через деревню, видел, как изменилась за последние годы его деревня. Красивая и ухоженная деревня, особенно к концу восьмидесятых годов, теперь как будто замерла. Видны были брошенные дома, разрушенные фермы, все это было результатом демократического преобразования. Сплюнув в сердцах, поехал на свой хутор.

Здесь, на удивление, все было в порядке. Илюша оказался хорошим хозяином. Старый

дом стоял на своем месте, и как Илюша позже скажет, здесь у меня, что-то вроде музея. Хочу сохранить все в памяти. Себе он со временем поставил хороший дом из бруса. Здесь, в родном доме, Антон по настоящему отдыхал. Помогал по хозяйству, часто выезжал с Илюшей в горы на его участок. Илюша продолжил его дело, став настоящим лесничим. Особенно его радовала рыбалка. Но всему приходит конец.

Пришло время Антону уезжать. За это время, он уже успел переоформить машину на Илью. Взяв у него доверенность на право управлением машиной, сказал:

— Илюша, я уезжаю, но обещаю тебе, что позвоню или пришлю телеграмму с названием города. Там ты на стоянке у вокзала, найдешь машину. Ключи я спрячу у правого заднего колеса, документы будут в машине. Когда это будет, еще не знаю, но думаю, что через месяц или меньше. Не оставляй машину, она еще послужит тебе.

— Антон, ты так говоришь, что можно подумать, ты прощаешься навсегда.

— Нет, Илюша, мы еще встретимся с тобой, но я в этом не уверен. Вот в чем я точно уверен, так это в том, что я обязательно появлюсь здесь, но только на несколько минут, чтобы забрать оставленные вещи в тайнике. Ты знаешь этот тайник, он в пристройке, где погреб. Скажу не таясь, там винтовка с патронами и пистолет. Нужную для себя сумму денег я взял с собой. Остальные ты найдешь в моем доме на столе. Эти деньги твои. Ты хороший мужик, я уверен, что потратишь их на благо своей семьи. С собой я возьму старый дедушкин карабин, его найдешь под задним сидением. А теперь прости, мне пора.

Антон обнял его, взглянув в последний раз на свой дом, уехал. Ему потребовалось трое суток, чтобы проехать Бурятию, Республику Тыва и оказаться в Республике Алтай. Доехав до поселка Кош-Агач, он нашел дорогу, которая связывала поселок Кош-Агач и поселок в Казахстане Урыль. Проехав три десятка километров, оказался на мостике через речку Аргут. Здесь он должен ждать Андрамедуса но, взглянув на часы, понял, что опоздал на тридцать минут. Терять было нельзя ни минуты.

Антон достал бинокль. Вдалеке, увидел еле различимую фигуру человека. Оставив машину на дороге, он, схватив карабин, бросился догонять. Еще издали заметил стаю волков, нагоняющую человека. Антону пришлось бежать так, как он не бегал еще. Спустя десять минут быстрого бега, он приблизился к стае на расстояние прицельного выстрела. Стая уже наступала на пятки своей жертве.

Стая волков двигалась за своей жертвой с подветренной стороны и не могла учуять опасность, которая двигалась вслед за ней. Антон, замедлив бег, успокоил сердцебиение, затем, остановившись, с колена сделал два выстрела. Глухой звук выстрелов разбудил тишину. Стая остановилась, затем, увидев опасность, резко изменила курс, в сторону прибрежного кустарника, оставив двух собратьев умирать на белом снегу.

Человек, обернувшись, увидел произошедшее, остановился, поджидая стрелявшего. Его положение тела, да и вся осанка говорила, что человек готов ко всяким неожиданностям, в том числе и борьбе за свою жизнь.

Догнав человека, Антон тяжело выдохнул.

— Андрамедус, опрометчиво идти одному в такой глуши. Оружия, я вижу, у тебя нет, а здесь по всей округе волки бродят. Могут использовать тебя вместо обеда.

Андрамедус молчал, слегка отвернувшись в сторону. Вдруг Антон почувствовал сильнейшую боль в голове. Ему на миг показалось, что он полностью лишился мыслей. В голове была только одна мысль, бросится на землю и биться головой об лед. Ему стоило огромных усилий, чтобы повернуться и нанести сильный удар человеку в челюсть.

От удара Андрamedус отлетел на два метра, и с головой зарылся в свежий сугроб. Боль в голове Антона тут же прошла. Он мысленно поблагодарил Гебриса, за предупреждение, что с этим фруктом нужно вести себя осторожно. Подойдя к лежавшему Андрamedусу, он встряхнул его, приводя в сознание.

— Слушай, Андрamedус, если ты еще раз попробуешь на мне свои фокусы, я тебе все ребра переломаяю. Мне Гебрис приказал привезти тебя живым, но, про то в каком состоянии я привезу тебя, ничего не говорил.

— Ты откуда знаешь мое имя и Гебриса?

— Об этом мы поговорим позже. Ты знаешь, что попал в горах под временное измерение, и ты быстро стареешь?

— Я знаю это.

— Тогда не будем терять время. На дороге у моста стоит моя машина, вставай, нам нужно торопиться.

В машине Антон, показав на сумку, приказал.

— В сумке вещи, переодевайся, иначе в твоей одежде вся милиция будет обращать на нас внимание, а нам этого не надо. Теперь слушай меня, пока мы не окажемся у Гебриса, командовать буду я. Позже командовать будешь ты. Пойми, мы не на Марсе, а на Земле, и подчиняться будем земным законам. В нашем положении неприятности не нужны. Запомни, теперь тебя зовут Лисицын Андрей Максимович.

Антон протянул ему паспорт.

— Мне не нужны твои бумажки, я всегда обхожусь без них.

— Я тебя предупредил, что командую я. Или ты все же хочешь, чтобы я тебе ребра пересчитал?

— Не злись, я действительно обхожусь без всяких документов.

— Не будем усложнять себе жизнь. Пойми, с документами нам будет проще путешествовать.

Расставив все приоритеты, они пустились в путь, покорять просторы Сибири. На этот раз путешествовать стало веселее для Антона. Андрей, будем его так теперь называть, хоть и был неразговорчив, но, тем не менее, его присутствие делало поездку не такой унылой.

Когда приехали в Тюмень, Антон не стал заселяться в гостиницу, а, поездив немного по окраине, снял комнату у стариков в частном доме.

Из города позвонил Юристу. Тот ответил, чтобы они поездом ехали в Салехард, и назвал адрес, где они могут остановиться, а хозяин дома поможет им добраться до нужного места. Антон заплатил хорошие деньги старикам, с просьбой оставить на время машину в их дворе. Старики с радостью согласились, ведь денежное вознаграждение было весьма приличным.

В Салехард приехали ранним вечером. В это время извозом занималась вся страна, поэтому, поймав частного, Антон назвал адрес, и через несколько минут их уже встречал хозяин дома.

Когда Антон назвал себя, хозяин, а это был мужчина сорока с небольшим, выдохнув, сказал:

— Ну, наконец-то приехали. Я думал вы опоздаете. Дело в том, что послезавтра, мы уезжаем на вахту, — видя, что Антон хочет задать вопрос, перебил его, — все вопросы после ужина.

Сеня, так звали хозяина дома, жил один в двухкомнатной квартире, пояснив за ужином,

что жена уехала на два месяца в Тюмень навестить родителей. Ужинали молча. После сытного ужина, Семен, помыв посуду, приступил к разговору.

— Значит, дело обстоит так. Мне Юрист обрисовал вкратце картину. Я примерно знаю то место, куда вы хотите попасть. Теперь дальше. Послезавтра уходит в ту сторону автопоезд. Наша бригада и вы в том числе, поедете вместе с нами. Мы сейчас ставим новую буровую как раз в этом районе. Все, что вам необходимо, я уже приготовил. Это теплая одежда, продукты, ну и прочие мелочи. На месте я дам вам новый снегоход, лыжи на всякий случай и винчестер. Тундра — это как тайга, не знаешь, кого встретишь. От нашей вышки до вашей цели путешествия около сорока километров. Расстояние небольшое, думаю, что вы быстро управитесь.

— Спасибо тебе, Семен, за заботу, — начал Антон. — Вот насчет времени, не знаю. У тебя вообще сколько длится вахта?

— Пятнадцать суток.

— А как часто транспорт ходит в Салехард.

— Сейчас будет ходить часто, пока все оборудование не перевезут.

— Хорошо, если мы успеем вернуться раньше, но уж если не успеем, ты уж предупреди, чтобы нас довезли до города.

— Об этом можете не беспокоиться.

— Тогда я оставлю тебе немного денег за хлопоты, — он положил деньги на стол, но, видя, что Семен стал отказываться, махая руками, сказал, — а это не тебе. На эти деньги купишь супруге и сыну хороший подарок от нас с Андреем.

— Спасибо, мужики, сделаю, как вы сказали.

Антону понравился Семен. Коренастый крепыш, он был немногословен, но как оказалось очень хороший специалист.

Рабочие бригады были веселыми мужиками. Веселились, как умели. Суровые условия Севера накладывали на их характер свой суровый оттенок. Но человек, на то он и человек, чтобы противиться этому. Но Семен был для них непререкаемым авторитетом. Достаточно было одного кивка головой, и веселая бригада резко меняла настроение, и каждый ее член занимался своим делом, не забывая при этом помочь товарищу.

Вот с этой шумной компанией пришлось ехать нашим путешественникам. Автокараван — это большое скопление различной техники. Здесь были тягачи, которые тащили за собой жилые вагончики, были большие грузовики, которые везли оборудование и материалы.

Преыдущая неделя была ветрена и снежная. Проложенный накануне зимник замело снегом. Бульдозерам приходилось заново пробивать дорогу, по которой вслед за ними двигался остальной караван. За сутки прошли не более сорока километров.

Водители, сменяя друг друга, старались, как могли, но к их несчастью техника иногда выходила из строя. Караван останавливался, быстро ремонтировали вышедшую из строя машину и вновь двигались вперед. Когда не было возможности отремонтировать, технику не бросали, а брали на буксир.

Все-таки сказывалось отсутствие хорошего финансирования. Техника сплошь была старой, но людям нужна была работа.

На этом неприятности не закончились. Вновь поднялась пурга. Семен с инженером приняли решение продолжать движение, только график водителям сократили. Теперь они сменялись каждые два часа, но и количество водителей пришлось увеличить, задействовав свободных буровиков, умеющих управлять техникой. Остальной свободный от вахты народ

развлекал себя игрой в карты, собравшись в одной половине вагончика, чтобы не мешать отдыхающим.

Антон не любил карты, особенно азартные игры, зато он нашел себе напарника в лице инженера, и все свободное время играли с ним в шахматы. Андрей, напротив, поняв смысл игры, он попросил у Антона денег и присоединился к играющим. Вскоре Антон услышал в разговорах фразу, что новичкам везет. Он стал иногда поглядывать на игроков и вскоре заметил, что Андрей стал часто выигрывать. Настроение игроков стало портиться. Не отрывая взгляда от доски, мысленно повел диалог с Андреем.

— Ты что себе позволяешь, шулер чертов. Прекрати немедленно. Ты пользуешься тем, что можешь читать их мысли. Это нечестно с твоей стороны. И еще одно. Пойми, это простые люди. У них нет твоих интеллектуальных способностей, поэтому у них развит синдром зависти к таланту другого.

— Но это так забавно.

— Посмотрим, как тебе станет забавно, когда они тебе морду начнут бить.

— А что мне делать. Я ведь должен как-то себя в этой клетушке развлекать.

— Я не против твоего развлечения, я против того, чтобы ты настраивал этих людей против нас.

— Что делать?

— Играй, как играл, но постарайся проиграть деньги, оставив при себе сумму, которая позволит тебе продолжить игру.

— Хорошо. Я сделаю так, как ты скажешь.

Вскоре настроение игроков приподнялось. Так они развлекались еще трое суток. Все было хорошо, но Антона тревожило совсем другое. В дороге он стал замечать, что Андрей стареет просто на глазах. Это стали подмечать и другие, но Андрей отшучивался тем, мол, он плохо переносит холода, а скоро адаптируется, и вновь будет прежним.

После прибытия на точку, Антону пришлось еще задержаться на двое суток, пока не наладилась погода. Только на третий день они утром смогли отправиться к своей цели.

За это время состояние Андрея еще сильнее ухудшилось. Пришлось Семену выделить не только снегоход, но и прицеп к нему. Прицепом послужили нарты, в которые оленеводы впрягают оленей. Они вдвоем уложили Андрея в спальник, а спальник крепко привязали к нартам. Чтобы ему было удобно, у изголовья привязали огромный рюкзак с вещами и продуктами.

Повесив винчестер за спину, Антон запустил двигатель, он решил не терять больше времени. Зная направление и стараясь держаться более ровной поверхности, ехал так быстро, как ему позволяла местность.

Два с половиной часа потребовалось на дорогу. Еще час ушел на то, чтобы отыскать нужное место.

Найдя вход в пещеру, Антон, не останавливаясь, въехал в нее. Остановившись в противоположном конце пещеры, заглушил двигатель и в первую очередь занялся своим пассажиром. Андрей был настолько слаб, что отказывался говорить, а только мычал что-то невнятное. Антон, не теряя времени, поднял его на плечо. Нажав нужные картинки, он после открытия входа, бегом спустился по ступеням. Только спустившись полностью, заметил в самом начале коридора маленькую фигурку Гебриса.

— Гебрис, здравствуй, это мы.

— Вижу, что это вы. Как он, жив еще?

— Живой, только очень слабый. Слабеть он стал только последние несколько дней.

— Понятно. Теперь неси его за мной.

Пройдя по коридору до самой усыпальницы, Гебрис подпрыгнув, нажал на нужную картинку, но только в соседнюю комнату. Войдя в комнату, которая так же освещалась кристаллами, Гебрис указал на каменное сооружение, которое походило на топчан или кровать без спинок, или просто на стол жертвоприношений. Этому сооружению невозможно было дать нужное определение.

Положив Андрея на это сооружение, Антон с любопытством осмотрелся. В этой комнате, так же как в гробнице, было множество кристаллов, только здесь, как показалось Антону, они располагались в каком-то правильном порядке, что ли. Но это было его мнение, ему так казалось. Но самое странное в этой комнате было то, что свод комнаты уходил высоко вверх, образуя конус правильной формы. Второе, это огромного размера кристалл, с ровно обработанными гранями, стоял на высокой мраморной подставке. Кристалл был направлен острым концом вверх, глядя прямо в центр свода.

— Антон, ты что стоишь, рот разинув. Успеешь еще насмотреться, нам, по-видимому, надолго придется здесь задержаться. Снимай с него всю верхнюю одежду, и усади его в позу лотоса. Надеюсь, знаешь, что это за поза.

— А тебе только бы поехидничать, несносный ты человек.

— Ты не злись, а работай.

Совместными усилиями они раздели Андрея, усадили в нужную позу. Пока Антон держал все время падающего Андрея, Гебрис тем временем положил вокруг его в определенном порядке несколько кристаллов.

— Плохо дело, — посетовал Гебрис, — мне нужно направить на него луч главного кристалла, а он все время падает.

— Но ничего. Я подержу его.

— Тебе нельзя попадать под луч, это очень опасно для тебя. Мне нужно, чтобы он сидел самостоятельно.

— Не переживай. Сейчас попробуем, — приподняв голову Андрея, Антон похлопал его по щекам, приводя в сознание, а когда это не принесло нужных плодов, крикнул во все горло на вялое тело Андрея, — Андрей, приходи в себя. Сделай одно маленькое усилие, иначе я твои дряхлые ребра переломаю, слабак ничтожный.

От этих слов веки его задрожали, он приподнял голову и слабым голосом выдавил из себя.

— Как же ты мне надоел, зануда. Придет мое время, я на тебе отыграюсь.

— Вот видишь Гебрис, у нас все в порядке. Включай свою адскую машинку.

Гебрис наклонился, просунул руку в углубление подставки, на что-то надавил. Затем, отбежав в сторону, потянул Антона к выходу.

В это время из верхнего конца кристалла вырвался яркий луч света в самый центр конусного свода. Отразившись в нем, луч упал на сидящего Андрея, который от воздействия луча распрямил обвисшие плечи, весь засветился, сидя неподвижно как каменный истукан.

— Все, Антон, уходим. Нам опасно здесь находится. Теперь все будет зависеть от его организма, и доли полученного облучения. А почему ты назвал его Андреем? — спросил Гебрис, когда они вышли и вошли в соседнее помещение. — Его от рождения зовут Андрамедус.

— Дело в том, что я приготовил для него документы на это имя. У нас имя Андрамедус может вызвать, ну скажем, не подозрение, но удивление точно. А так вполне в русском стиле. Он Андрей, я Антон. По документам мы братья-близнецы.

— Понятно. Ты делаешь все правильно. И то, что ты нашел способ обуздать этого проходимца, это тоже хорошо. Теперь ты его немного знаешь, я думаю, что сможешь держать его в нужных рамках.

— В этом можешь быть спокоен. Я естественно не могу соперничать с ним в плане его способностей, но вполне могу помять ему бока. Он это знает, уже испробовал. Думаю, что мы поладим с ним.

— Я надеюсь на это, вам еще многое придется испытать вместе. Позже, когда он поправится, мы поговорим о дальнейших ваших действиях. А сейчас можешь принести свои вещи в это помещение. Думаю, что вам придется несколько дней провести в моем обществе. Я понимаю, что время поджимает, но я не могу отправить тебя в дальнейшее путешествие с больным на руках. Ну все, оставайся, все здесь в твоём распоряжении, кстати, хочу сказать, что эта комната Андрамедуса, он иногда бывает здесь. Все, что тебе понадобится, ты найдешь, заглянув в любую из этих дверей, они открываются от простого нажатия рукой.

Гебрис ушел контролировать процесс, Антон, оставшись один, стал исследовать помещения. Проверив все комнаты, убедился, что действительно, все эти комнаты можно было сравнить с благоустроенной квартирой, только комнат оказалось гораздо больше, чем у простого жителя страны.

Здесь все было предусмотрено для проживания человека, каким был Андрамедус. Что особенно порадовало, то это обширная библиотека со старыми книгами в искусно выполненном переплете с различными застёжками и большое количество рукописей на пергаменте. Были здесь и рукописи на бересте и даже каменные пластинки с непонятными для него знаками.

В этой комнате, Антон провел долгих пять дней в одиночестве, не считая тех моментов, когда к нему заглядывал Гебрис и сообщал, о результатах лечения. Зато следующие пять дней, было очень весело.

Андрей вернулся после лечения исхудавшим, но бодрым. Они стали усиленно откармливать его. На самом деле Андрей был простым веселым парнем. Много балагурил, рассказывал различные истории, некоторые из них Антон совершенно не понимал, зато Гебрис смеялся от души.

За эти дни под руководством Гебриса они составили подробный план действий. Теперь их главной задачей было попасть в Перу. Там, на севере страны, среди гор, они должны найти место, где в ущелье без входа и выхода, в центре находится озеро. В береговых скалах близ этого озера есть пещеры. Там они должны дожидаться прилета пиратов, которые похитили корабль Андрамедуса. Эти пираты в пещерах добывают нелегальным способом золото и переправляют на черный рынок где-то далеко в космосе.

— Все это хорошо, — сказал Антон, — но нам нужны будут визы, чтобы въехать в страну. Чтобы получить их, понадобится много времени, а сроки нас поджимают.

— Вот здесь поработает Андрамедус. С его помощью вы получите любые бумаги.

— Он, что, их сам нарисует?

— Не забывай, у него большие возможности в плане гипноза, внушения и много еще чего.

— Ничего, дядя, он еще узнает меня. Я, помнится, обещал на нем отыграться, вот он у меня попляшет.

— Даже не мечтай. Как только я почувствую твою каверзу, знай, что отгребешь по физиономии. А если понадобится, то и кости переломаю.

— Ты, Андрамедус, лучше не зли его, я хорошо знаю, на что он способен. Ну, да бог с ним, с вашими взаимными отношениями. Нужда придет, разберется. Одно, сынок, помни, Антон спас твою жизнь и репутацию. И не только твою, но и всего рода. Помни об этом, и в худую годину отплати ему тем же.

— Да помню я все, — сделал вид обиженного он, — с вами даже пошутить нельзя. Зануды вы оба. Давайте лучше поедим.

Все от души посмеялись. На одиннадцатый день Гебрис разрешил им покинуть пещеру. Попрощавшись с хозяином пещеры, они взяли курс на буровую, при этом Андрей вновь упаковался в спальник и, пристроившись на нартах, скомандовал трогаться.

Зная маршрут, Антон вел снегоход уверенно, благо погода все эти дни стояла прекрасная, даже порой были видны их предыдущие следы. На буровой они долго не задержались. Когда они приехали, то увидели небольшой караван, стоящий из нескольких машин, который должен был ехать в Салехард за очередной партией материалов. Они едва успели перекусить на дороге, как караван отправился в путь.

Спустя два дня они были в Салехарде. Там им повезло попасть на чартерный рейс до Тюмени. Самолет хоть и был маленький, но зато они сократили время на дорогу. Прибыв в Тюмень, первым делом купили билеты на ближайший рейс до Москвы.

До вылета оставалось еще сутки времени. Андрей решил провести это время в городе. Антон не стал возражать, понимая, что такой кадр нигде не пропадет. Договорившись встретиться в аэропорту, Антон уехал к старикам, у которых оставил машину. Здесь он отдохнул, поел хорошей домашней еды.

На следующий день предупредил стариков, что за машиной приедет его родственник. Утром уехал в аэропорт. В аэропорту дал телеграмму Илюше, по какому адресу он может забрать машину.

К вечеру того же дня они были в Москве. В гостиницу идти не хотелось. На каждом вокзале, в аэропортах стояли люди с табличками о сдаче квартиры на любой срок. Антон с Андреем воспользовались этим, сняв квартиру недалеко от Домодедово.

Вечером по справочной вычислили местонахождение посольства Перу, и рано утром были у дверей консульства. Теперь в работу включился Андрей. Антону оставалось только удивляться, как сотрудники после общения с ним, быстро оформляют документы. В течение часа все было готово. Паспорта были на руках, с туристической визой на три месяца.

Антон обзвонил все туристические агентства, и ему удалось найти одно, которое готовит группу в Перу, с отправкой через десять дней. Естественно маршрут Антона не интересовал. Для него было главным попасть в страну. Посетив офис агентства, он оплатил услуги и билеты, которые агентства бронируют для своих клиентов. Где все эти дни шатался Андрей, Антон не знал, но в назначенное время он появился, а вскоре они уже выходили из самолета в столице Перу, в славном городе Лима.

Первое, что они сделали по прилету в Лиму, поехали на городской рынок. Там купили

некоторые вещи из национальной одежды местных индейцев. Они понимали, что в горах пончо (вязаная из толстой пряжи накидка) просто необходима путешественнику. Накидка довольно теплая, разукрашена цветным геометрическим узором. Не забыли и про вязаные шапочки, под названием чульо.

Не став больше задерживаться в столице, они, купив дополнительное снаряжение для горного путешествия и воспользовавшись общественным транспортом, уехали в город Чиклайо. Прибыв в город на вокзал, где казалось сборище всего транспорта всей страны, они умудрились вычислить пожилого, опытного таксиста, который за умеренную плату согласился отвезти их в небольшой городок на реке Мараньон. В этом городке, благодаря хорошим знаниям испанского языка и местных традиций, Антон сумел договориться с хозяином моторной лодки, который отвез их по горной реке в небольшой поселок Орельяна.

Получив от Антона хорошие чаевые, посоветовал самого лучшего проводника в горы, и сообщил по секрету, что проводник работает на контрабандистов и знает горы, как собственный дом. Посоветовавшись, они решили воспользоваться услугами проводника.

Встретившись с проводником, они попросили проводить их в горы, но проводник, когда узнал в какое место им надо, наотрез отказался. Андрей мысленно сказал Антону.

— Все, Антоха, теперь делай все, что считаешь нужным. Обещай как можно больше, но проводника придется взять с собой. Этот человек может навести нас на группировку контрабандистов. Нам теперь выгодно взять его с собой нежели сейчас уйти, оставив его живым. Мы, конечно, найдем нужное место и без его помощи. Короче, ты сам знаешь, что может быть.

— Сельварос, — начал Антон, — сейчас ты называешь мне сумму, которая устроит тебя. Ты оставляешь деньги семье, а когда доведешь нас до нужного места, я заплачу тебе столько же. Скажи, какая сумма тебя устроит?

Сельварос назвал ему сумму. Переведя по курсу с местной валюты в доллары, Антон согласился.

— Хорошо, я принимаю твою ставку. Это получается полторы тысячи долларов в один конец. Я даю сейчас тебе три тысячи. Это полностью за всю работу, и еще я дам тебе две тысячи, когда будем на месте.

— Как долго вы там будете находиться? Это очень опасное место. Из местных никто там не ходит.

— А в чем причина?

— Это страшное место, там духи живут. Мне доводилось бывать там. Я тогда был еще мальчиком. У меня на глазах духи сожгли моего отца и старшего брата. Я чудом остался в живых. Кроме этого, многие исчезали бесследно в этом месте.

— Но тебе опасаться нечего. Ты доведешь нас до нужного места и сразу вернешься домой. Когда придет нужное время, мы вернемся сами.

— Странные вы люди. Я смотрю на вас и понять не могу. Откуда вы родом. На американцев или европейцев вы не похожи. Может вы итальянцы?

— Нет, амиго, мы арабы из Сирии, — Антон произнес несколько цитат на арабском языке.

— Похоже. Мне доводилось слышать этот язык. Но я не идиот, и могу отличить араба от других людей. Арабы часто пользуются моими услугами. Вы не подумайте, что я любопытен, при моей работе меньше знаешь, целее голова. Но закончим эти разговоры, а приступим к проверке снаряжения. Еще хотелось бы уточнить, когда выходим и когда должны быть у

цели?

— Выходим немедленно, а у цели мы должны быть еще вчера, — ответил на его вопрос Андрей, — так, что придется поторопиться.

— Понял. Сейчас приготовим продукты в дорогу, обедаем и выходим.

— Молодец, амиго, все на лету хватаешь.

После плотного обеда вышли в горы. Учитывая непригодность к горным переходам Андрея, по словам Сельвароса, шли хорошо и быстро. Тем не менее на переход они потратили семь дней, хотя останавливались только на ночевку, и то в темное время, так как в темноте идти было просто опасно.

На восьмой день, к полудню, они поднялись на вершину небольшого плато, край которого резко обрывался вниз. Панорама была прекрасной. Сколько могли видеть глаза, везде были горы, в центре которых находилось глубокое ущелье, на дне которого сверкало изумительно прозрачной водой озеро. Антон с Андреем как замороженные смотрели на эту красоту, и только Сельварос нервничал. Вскоре он попросил жалобным голосом.

— Амиго, я выполнил свою часть договора, позвольте я покину вас.

— Хорошо, Сельварос, ты действительно выполнил свою работу на все сто процентов. Спасибо тебе за работу, — Антон протянул ему деньги. — Это все, о чем мы договаривались.

— Сельварос, — остановил его Андрей — посмотри мне в глаза, я должен убедиться, что ты не обманул нас, — после того, как его просьба была выполнена, Сельварос, сказал:

— Вот, господа, я привел вас к границе Эквадора, как вы просили. Направо будет граница Колумбии. А теперь прошу простить меня, я должен идти.

— Андрей, я совсем ничего не понял, — сказал Антон, когда Сельварос отошел на приличное расстояние, — о какой границе он здесь говорил?

— Антоха, все нормально, я ведь не мог его убить, да и ты не позволил бы мне это сделать. Я внушил ему, что он водил двух контрабандистов на границу с Эквадором. Он ведь всегда этим занимался. Про то, куда проводил нас, он полностью забудет, и уже никогда не вспомнит. Сам понимаешь, так будет безопаснее.

— Ну вот, можешь, когда захочешь, а то сразу убить невинного человека, и как только рука поднимается, шалопай чертов.

— Ты бы хоть помолчал, миротворец кровавый. Гебрис мне кое-что рассказал о твоих подвигах. Посмотри на свои руки, они ведь тоже по локоть в крови.

— Но я убивал за правое дело! — возмутился таким сравнением Антон.

— Давай, праведник, будем искать возможность для спуска, а не обвинять друг друга, на ком больше грехов.

Им понадобилось несколько часов, прежде чем удалось найти пригодное место для спуска. Найдя удобное место, спускаться не стали. Они понимали, что на спуск придется потратить немало времени и сил, поэтому решили провести ночь на скалах.

Утром приступили к спуску. Сказать, что спуск был трудным, это ничего не сказать. Их выручила физическая тренировка Антона и снаряжение альпиниста. Благодаря этому они спустя четыре часа оказались на берегу озера. Пробираясь между камней и скал, а иногда и вброд по озеру, вскоре оказались в нужном месте, рядом с пещерой, которую им показал Гебрис.

До назначенного срока было еще больше двух суток. Рядом, между озером и пещерой, была площадка, на которую по их расчетам должен приземлиться корабль с пиратами.

Антон, исследовав местность, пока измученный Андрей отдыхал, нашел удобный грот

недалеко от площадки, между двух огромных валунов.

— Андрей, я нашел удобное место, где мы можем спрятаться от пиратов и непогоды.

— Да, Антон, теперь я понимаю, что Гебрис сделал правильный выбор, найдя тебя. Спасибо тебе за все. Без тебя я вряд ли проделал бы этот путь.

— Постой, и когда это ты стал таким сентиментальным. А кто говорил, что как только поправлю здоровье, то буду командовать и обещал на мне отыграться. Или это не твои слова?

— Ты знаешь о том, что ты невыносимая зануда. Ладно, признаю, что я был не прав. Ты доволен?

— Андрюха, вот ты старше меня на целых три тысячи лет, а так ума еще и не набрался. Пойми, не в том дело, кто руководит операцией, главное, чтобы успех она имела стопроцентный, и с наименьшими затратами. Для этого мы должны полностью доверять друг другу и помогать другу, как самому себе.

— Согласен. Теперь я не буду больше претендовать на руководство.

— Да ты, брат, так и не понял ничего. Не в руководстве дело, а в том, кто с ним справится лучше в данный отрезок времени. И еще. После того, как мы завладеем кораблем, ты будешь руководить операцией. Ты пилот корабля, ты знаешь возложенную на тебя миссию. Так что, тебе придется нести ответственность за нас и за дело. Но пока мы не завладели кораблем, захватом руководить буду я. Поверь, у меня в этом больше опыта.

— Ох, и трудно с земными мужчинами иметь дело, куда проще с женщинами.

— Теперь понятно, где ты проводил время в Москве.

— Ничего не поделаешь, люблю я земных женщин. Слабость я к ним имею.

— Ты уже благодаря такой слабости лишился своего корабля. Ладно тебе, не надо все время мне напоминать о моих ошибках. Я ведь и сам недоволен собой за это.

— Андрюха, если посмотретья нам одновременно в зеркало, то мы как братья-близнецы похожи. Получается, что мы с тобой братья, а братьям грех ссориться. Давай забудем прошлое и будем относиться друг к другу как настоящие братья, как настоящие друзья, проверенные не раз в экстремальных ситуациях.

— Хорошее предложение. Я полностью поддерживаю его. Ну, а теперь скажи мне, пока ты еще руководитель, чем будем заниматься двое суток. Я лично не привык так долго быть без дела.

— Ну, если ты такая непоседа, тогда ныряй в озеро ловить рыбу, будет у нас жареная рыба на ужин.

— Слушаюсь, мой командир.

Андрей действительно встал, подошел к берегу, раздевшись догола, нырнул в озеро. Антон усмехнулся его выходке и отвернулся, продолжая лежать на мелком песке, прикрыв глаза от яркого солнца. Каково же было его удивление, когда рядом с ним появился весь синий от холода Андрей, держа в руках четыре больших рыбины, название которых Антон не знал.

— Приказание выполнено, — дрожа подбородком, заикаясь, выдавил из себя Андрей.

— Андрюха, — глядя на него, рассмеялся Антон, — ты ненормальный. Это же горное озеро, вода холодная. Я думал, что ты пошел просто помыться, а ты с головой ныряешь. И вообще, ты как умудрился рыбы наловить?

— Да там ее столько, что она сама в руки плывет. Любопытная, как ты.

— Тогда одевайся, и бегай по берегу пока не согреешься, а по пути, дровишек соберешь.

Ужин получился на славу. Рыбы вполне хватило, даже на утро осталось. После ужина приняли решение подготовить место для ночлега. Для этого собрали большое количество сухой травы и высохших водорослей. Все это перетащили в грот под камнями.

— А что, приличное жилище у нас получилось, — порадовался Андрей, — здесь сухо, мягко и тепло будет. Я последнюю ночь так продрог на скалах, что до сих пор знобит.

— Ничего, сейчас еще горячего чайку попьем и спать. Укроемся пончо, будет тепло. Утром подумаем, как еще утеплить наше жилище, ведь кроме этой, нам еще две ночи ночевать придется.

Утром после завтрака с удовольствием лежали на уже прогретом солнцем песке, только легкий ветерок доносил прохладу с ближайших скал. Когда согрелись, первым нарушил молчание Андрей, не выдержав безделья.

— Ты, что, решил так весь день валяться, или все-таки найдем себе занятие?

— Заметь, не я первый предложил это. Помнится, вчера ты сравнил меня с любопытной рыбой. Я не стану отрицать, что мне нравится познавать неизученное мною. Я отдаю себе отчет в том, что мои познания несравнимы с твоими. И что бы хоть как-то пополнить мой умственный потенциал, ты будешь отвечать на мои вопросы, которых у меня уйма. Мне ведь надо соответствовать прозвищу «любопытный».

— Ты хочешь сказать, что язык мой — враг мой?

— Именно так.

— У меня есть выбор?

— Боюсь, что нет.

— Ладно, задавай свои вопросы. Если смогу, то отвечу. Только предупреждаю, что я не так любопытен, как ты, и многого не могу знать. Я хорошо обучен пилотированию различными видами космических кораблей, хорошо ориентируюсь в космосе, знаю свои обязанности, ну и многое в этом духе. Самое слабое место — это история, физическая подготовка, по сравнению с твоей, ну а самый существенный порок — это женщины. Ну и так, по мелочи наберется еще десятка два пороков, а в остальном я молодец.

— Тогда начнем с самого главного. Как устроена Вселенная, и кто ее создал, как велик космос и где его край? Я хочу знать, есть ли у космоса границы.

— Ты, наверное, с головой не дружишь, если задаешь такие вопросы, тем более мне.

— А что тебя не устраивает, или ответа не знаешь?

— Конкретно ответить на твой вопрос я не могу, но кое-что скажу. Что такое образование нескольких планет вокруг одной звезды, ты знаешь?

— Это я знаю. Эти образования у нас называют Солнечная система. Еще я знаю, что из таких систем состоит галактика, такая, к примеру, как наш Млечный Путь. Знаю, что из галактик состоит Вселенная.

— Хорошо, тогда тебе будет легче понять все остальное. Первое. Ты спросил, где граница Вселенной. Отвечаю, нет ее. Космос безграничен. Отвечу почему. Представь себе, огромный шар, в котором находится различные звезды и планеты. Будем считать, что это скопление — множество галактик. Вот этот шар и будет для этих звезд вселенной. Это не все. В космосе бескрайнее количество таких вселенных. Между ними нет границ, их просто разделяет огромное расстояние. Какое именно, я не знаю. Уверен, что это миллиарды и миллиарды световых лет. Теперь вернемся к нашей вселенной. Наша вселенная, так же как и остальной космос, подчиняется определенным законам. Предупреждаю, не спрашивай о них, все равно я не знаю. Пойми, эти законы касаются строения как всего космоса, так и живых

молекул. Именно космос дал нам точные науки, такие как физика, химия, математика и многое другое, вроде времени, атомов, гравитации. Я не буду все перечислять, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

— Это я понимаю, что такое гравитация, притяжение, орбита и прочее, все это я знаю.

— Хорошо. Теперь, что касается нашей вселенной. Внутри нашей вселенной, все время происходят различные брожения. Галактики вертятся, кружа солнечные системы. В этом круговороте они сталкиваются. При этом большие поглощают мелких, позже вновь образуются. Среди галактик есть черные дыры, которые ускоряют процесс. Это и называется космической жизнью. Ты можешь сказать, что на многих планетах есть жизнь. Да есть, и в разных формах, но человечество не может повлиять на работу космоса. Это пещинки при полном объеме.

— Ну хорошо. Ты говоришь, что все в космосе подчинено закону, тогда почему появляются так называемые Черные Дыры, которые поглощают планеты?

— Я отвечу на твой вопрос, и постараюсь не использовать научные термины, иначе ты изучаешь меня вопросами. Ты только не обижайся на меня.

— Я об этом хотел тебя сам просить. Я понимаю, что не только я, но даже наши ученые мужи вряд ли сравнятся с теми знаниями, которыми обладаешь ты. Ваша цивилизация в тысячи раз превосходит нашу. Я так же понимаю, что ту информацию, которую я могу получить от тебя, я с трудом смогу осмыслить. Но я по натуре любопытен, и мне хочется знать как можно больше.

— Хорошо. Начнем с того, что Черные Дыры, а их в нашей Вселенной очень много, представляют собой весьма загадочное явление. Это самый мощный объект. Как правило, они располагаются в центре галактик. Даже очень маленькая, только зарождающаяся, обладает огромной разрушительной силой. Черная дыра, в зависимости от ее возраста, способна поглотить даже целые галактики. Черная Дыра не способна излучать свет. Могу сказать, что структура ее изучена, но не совсем. Теперь представь себе огромных размеров воронку, которая обладает невероятно мощной гравитационной силой, способной притягивать на больших расстояниях как планеты, так и гигантские звезды. Теперь представь, что эта воронка вращается с бешеной скоростью. По ее периметру вращаются не только осколки планет и астероидов, там много всякой космической пыли. Под воздействием центробежной силы, все это постепенно всасывается в центр воронки. Попасть в такую воронку никто не желает. Были попытки и с нашей стороны, я имею в виду наших ученых. Они запускали в нее космические зонды, наспигованные различной аппаратурой, результаты были, но незначительные. Попытки, естественно, продолжаются, но не так интенсивно. Единственно, что я знаю наверняка, так это то, что Черные дыры не подчиняются законам Космоса. Они живут по своим законам и космический разум не в силах повлиять на них.

— Но изначально ведь они были созданы для чего-то.

— Ты прав. Я думаю, что они первоначально создавались для очистки космического пространства.

— Как у нас говорят, волк — это санитар леса.

— Именно так. Но постепенно Разум, управляющий Черными дырами, вышел из-под контроля Вселенского Разума. Теперь они поглощают не только отработанный материал, но и вполне пригодные планеты, и даже работоспособные звезды. Постепенно Черная Дыра уничтожает собственную галактику, стремясь еще больше увеличиться в размерах.

— Все как у людей. Добился власти и могущества, стремится получить большего.

— Именно так. Ты молодец, умеешь правильно дать определение любой гипотезе. Но вернемся к Черным Дырам. Они не только разрушители, но в какой-то мере и созидатели. Сейчас поясню.

Представь себе, что вся материя, а планеты и звезды, как ты понимаешь, состоят из материи, под воздействием гравитационных сил, попадая в Черную Дыру, сжимается до размеров одного атома, в зависимости от объекта. Теперь представь, какой огромный вес имеет эта песчинка атома. Черная Дыра способна изменить структуру материи, но и это не все. Она способна превратить даже свет в материю, и не только свет. Под воздействием центробежной силы и гравитационного поля, время внутри нее искажается до такой степени, что превращается в материю. Но все-таки не все пропадает в ее недрах бесследно.

Представь себе, что вся материя, попадающая в пасть этого монстра, сжимаясь, накапливается, образуя при этом невероятную энергию. В результате происходит мощный выброс энергии в холодный космос, в виде энергетического луча. Лучи вырываются по полюсам, в наиболее слабых местах всех космических объектов, включая и Дыры. Эти лучи улетают на огромные расстояния, неся с собой разрушения. Если звезда или планета попадают на его пути, то луч, имеющий огромную энергию, а главное вес, рассыпают в пыль любой объект. Атомы материи, вырвавшиеся вместе с лучом, рассыпаются по пространству и, лишившись влияния гравитационной силы Черной Дыры, остывают и расширяются до прежних размеров. От данной им инерции они сами, вращаясь, начинают уже собственной гравитацией притягивать к себе более мелкие объекты.

Так вновь зарождаются новые системы и даже галактики. Но это не все. Совместно с Черными существуют еще и Светлые или белые Дыры. В отличие от Черных, Белые не притягивают к себе материю. Они, напротив, по определенным туннелям улавливают накопившуюся материю в Черной Дыре, затем выбрасывают ее в Космос.

Только Белые Дыры способны превратить материю во время. В результате этого процесса появляются временные туннели. Их можно назвать временными порталами. Порталы бывают разными и выполняют разные функции. В портале время может изогнуться в одну сторону, в другом в другую, есть и прямые.

Многие жители Космоса используют эти порталы для путешествий. Опытный пилот с хорошо оснащенным кораблем, может воспользоваться порталом, чтобы попасть как в будущее, так и в прошлое, а можно путешествовать в настоящем. Я отношусь к опытным пилотам. Мой корабль оснащен лучшим оборудованием. Мой компьютер создан на основе человеческого мозга. Позже, когда вернем мой корабль, а то, что мы его вернем, у меня нет сомнения, я познакомлю вас. Думаю, что вы подружитесь.

Так вот. Благодаря моему компьютеру я предпочитаю путешествовать в настоящем. Знаешь, я не люблю возвращаться в прошлое, а тем более знать будущее. Единственным недостатком этого путешествия во временном портале является трата большого количества энергии корабля. В портале очень сильное гравитационное поле, которое постоянно искривляется. Чтобы преодолеть это поле, кораблю приходится затрачивать много энергии для создания собственного поля, чтобы противостоять полю портала. Но зато выйдя из портала, мы за короткий промежуток времени покрываем расстояние нескольких миллионов световых лет.

Теперь представь, смог бы я лететь такое количество лет. Зато пополнить энергию, потерянную на полет в портале, мой корабль может в течение несколько минут, пролетая

вблизи планеты. Дело в том, что каждая планета, излучает свою энергию, которая накапливается в ее недрах, благодаря внутренним процессам. Могу сказать, что ваша планета, как сеткой покрыта лучами выброшенной энергии. Такие корабли, как мой, летают вдоль этих лучей, используя для полета энергию планеты, и накапливая ее для будущих полетов. Компьютер сам выбирает наиболее мощный поток.

— Я слышал, что у нас на Земле происходили аварии с космическими челноками, которые по неизвестной причине падали на землю.

— Это не удивительно. Такие случаи происходят не только на вашей планете, но и в других местах. Причины могут быть разные. Может быть, несовершенство корабля, отказ техники, или подбит враждующими сторонами или пиратами. К примеру, такой корабль, как мой, в неопытных руках может, выйдя из портала, потерять энергию, и вовремя не пополнив ее, упасть и разбиться. Причин много для катастрофы, и не все они зависят от состояния техники, не забывай про человеческий фактор. В этом факторе не последнюю роль играет техническая подготовка экипажа, физическое состояние. Примеров уйма.

— Везде все похоже. Но ты не ответил мне на самый важный вопрос.

— Интересно, и какой же у тебя назрел вопрос, что ты считаешь его важным?

— Кто создал Космос и нашу Вселенную?

— Признаю. Ты действительно задавал этот вопрос, но я, увлекшись рассказом, упустил это. Прости, но на этот вопрос я вряд ли дам тебе подробный и правдивый, а главное правильный, ответ. Кто создал Космос, на это я могу ответить так. Ни я, ни ученые нашей планеты ответа не знают, а может, знают, но скрывают.

Что касается Вселенной, могу сказать следующее. В самом центре нашей Вселенной есть огромных размеров туманность. Попасть в нее невозможно. Все объекты, не зависимо от размеров, отталкиваются от нее, даже не прикоснувшись к самому ее краю. Чем это обусловлено, не могу сказать. Пробовали ее просветить лучами, результат тот же. Были, конечно, настойчивые, которые, не смотря ни на что, пытались изучить этот объект. Ничего у них не вышло. Дело в том, что эта туманность при настойчивом воздействии на нее, излучает направленную энергию, которая воздействует как на живые объекты, так и на роботов. Эта энергия выводит из строя технику, а живыми организмами просто начинает управлять, заставляя их отказаться от своих действий. Даже приближающиеся к ней Черные Дыры не в состоянии с ней справиться, и под ее воздействием или разрушаются, или отдаляются на приличное расстояние. Наши ученые выдвинули гипотезу, что в этой туманности скрыт Вселенский Разум. Других, более правдоподобных гипотез, пока нет.

— Ну, хорошо. Допустим, что это действительно Создатель, или как у нас называют его Бог, то почему он, имея такую силу, позволяет этим Дырам творить хаос в Космосе?

— Хороший вопрос, но неправильный. Ты забываешь, что везде и всюду должен быть баланс сил. Или два противостояния, более мелкого для нормальной работы большого.

— Понятно. Ты говоришь, что Создатель — это добро, а Черная Дыра — это зло. Понимаю, это вечная борьба между добром и злом, в этом заключается баланс сил.

— Ты как всегда, все понимаешь правильно. Если будет нарушен баланс противостояния, то победившая сторона уничтожит все на своем пути, не зависимо от того, добро это или зло.

— Хорошо, с этим вроде все в порядке. Ты мне другое объясни. Если в той туманности находится наш Создатель, то почему даже у нас на Земле, я не говорю про другие планеты, все молятся разным богам. Кстати, мне рассказывал Гебрис, что ваши потомки, когда

поселились на Земле, также молились своим идолам. И еще. Почему нашего Иисуса Христа называют сыном божьим. Неужели создатель прилетал на Землю, чтобы зачать ребенка от земной женщины?

— Да, Антон. Что творится у тебя в голове, наверное, один Создатель знает. Начнем по порядку. То, что вера в бога пошла по всей вселенной от самого Создателя, не подлежит сомнению. То, что вера в Бога — это хорошая уда для человечества, ты тоже отрицать не сможешь. Ты так же понимаешь, что, взяв на вооружение такую директиву от Создателя, сильные мира сего применяют ее так, как посчитали нужным. Они сами придумывали себе идолов, которым заставляли поклоняться человека. С этим тебе все понятно.

— Это для меня не новость. То, что религия — это инструмент управления, я давно знаю.

— Хорошо. Пойдем дальше. Ты спрашиваешь, кто такой Сын Божий, отвечаю. Сыном божьим называют проповедника идей и заповедей веры в Бога. Это они проповедуют законы жизни верующих и бытия. Это они направляют человечество по такому руслу жизни, в котором им легче всего управлять своей паствой. Но это еще не все. Проповедников выбирает избранный круг людей, обладающий большими сверхспособностями. Не знаю как, но они вычисляют рождение талантливого ребенка, у которого есть скрытые возможности. Таким ребенком был Иисус Христос. Это был человек из весьма обеспеченной семьи. Он получил хорошее воспитание благодаря своим наставникам, а это были избранные, в народе их называют по-разному. Славяне называют их Волхвы. Скажу, кто такие Волхвы. Это бывшие жрецы нашей цивилизации. Когда наступил ледниковый период, многие из них мигрировали в более теплые края.

— Я знаю это от Гебриса. Он говорил мне, что после их ухода, Царица отказалась покинуть свою территорию. Теперь Гебрис заботится о ней.

— Все правильно. За эти тысячелетия те жрецы давно умерли, но остались их ученики. Эти ученики решили изменить устои религии, придумав новое течение, более лояльное к человеческой жизни. Старые верования были весьма кровожадны. Вспомни нашу миролюбивую веру, они изменили ее название и, отказавшись от материальных идолов, решили обратиться к простой, по их мнению, божественной сущности.

Они начали с того, что, нашли нескольких проповедников, которые стали проповедовать христианство. Они слабо справлялись со своими обязанностями. Причин я не знаю. Может быть, они, получив некоторую известность, стали гордиться и пренебрегать своими проповедями, или в силу того, что новую веру очень трудно внедрить в уже устоявшиеся устои быта, но их старания плохо воспринимались населением. Тогда Волхвы решили сами воспитать нужного проповедника. В юном возрасте Иисус Христос, кстати, имя он получил от названия веры, христианство, посетил Волхвов, которые в то время проживали в Индии. В горах Индии он получил хорошие знания и навыки. Он хорошо знал психологию, экстросенсорику и даже мог посредством внушения лечить некоторые болезни, не поддающиеся врачам того времени.

По возвращению из Индии он принялся за воплощение своей задачи. Он постепенно набрал себе верных учеников, женился. Его жена была одним из лучших его учеников и последователей. То, что у них были дети, я знаю, я только не знаю сколько и какого пола. Могу ошибиться, мне кажется, что жену его звали Магдалена, но утверждать не стану. Все остальное было весьма прозаично. Бывшие проповедники, а в последствии его соратники, предали его, так как в то время власти не желали иметь другую религию, и по этой причине

были гонения христиан, вплоть до уничтожения верующих. Иисуса арестовали, а в последствии распяли на кресте. Я даже помню название горы, на которой стоял этот крест. Ее тогда называли Голгофа, если не ошибаюсь.

— Эти подробности у нас знают. Они написаны в Евангелие. Там говорится, что Иисуса предал его ученик Иуда за тридцать серебрянников. Меня интересует вопрос, куда исчезло его тело, которое положили в пещеру, после казни?

— Давай все по порядку. Я не знаю, что написано в Евангелие, я предполагаю, что это книга такая, но в чем я уверен, то это то, что предал его не один из лучших учеников, а предали его бывшие проповедники, прости, имен их я не знаю. Здесь все гораздо проще. Иисус обрел огромное влияние на умы человечества, проживающего в этом регионе планеты. Последователи его религии с каждым днем приводили все новых членов общества. Причиной предательства стала простая человеческая зависть и желание вернуть себе утраченную собственную власть. А что это власть над душами людей, я думаю, ты спорить не станешь.

— Я с этими доводами согласен, но все же скажи, куда делось тело. Все говорят, что он воскрес и вознесся в небеса. Я этому не верю, но и объяснить это не могу.

— Я расскажу тебе, что было дальше. После казни его тело действительно положили в пещере, завалив вход большим камнем, и приставили охрану. Волхвы слишком поздно узнали о грозящей беде, поэтому не успели ее предотвратить. Все, что они смогли сделать, так это усыпить посредством гипноза охрану и вынести тело. Они увезли покойника в Индию, и похоронили в одном из своих храмов. Я не интересовался, где и как он похоронен. Прости, но я предупреждал тебя, что история, да еще Земли, мне мало известна. Не зря меня Гебрис называет ветренным. Все, что я знаю из истории, это те крупницы, которые независимо от моего желания случайно сохраняются в моей голове. Одно хочу сказать. Волхвы отказались от своей цели изменить веру людей в их богов и начать молиться богу, которого они придумали. Но теперь от их желания уже ни чего не зависело. Семя было посеяно, но каким стал ее плод, это уже судить самим людям.

— Послушай, а мы не туда полетим с тобой, где захоронен Христос?

— Нет. У нас совсем другая задача. Я обслуживаю совсем другой банк генетического материала. Христос — это простой человек, как и многие, поэтому захоронен как простой смертный. В нашем банке в достатке различного материала. Есть банки, в которых храниться современный материал, возможно, там есть и его часть генетического кода, я этого не знаю.

Следующий день также провели, обсуждая различные темы. Как правило, тему выбирал Антон. Казалось, что вопросы, которыми он засыпал Андрея, ни когда не иссякнут. Его, казалось, интересовало все, от простых вещей до самых высоких материй. Вскоре Андрей, не выдержав, воскликнул.

— Скорее бы наступила ночь, и я смог бы от тебя отдохнуть. Любознательный ты наш. Но, пока есть время, я буду терпеливо на твои вопросы отвечать, но только до вечера. Завтра я не отвечу ни на один твой вопрос, не связанный с нашим делом.

— Почему? Завтра у нас будет еще половина дня свободная.

— Завтра я буду отдыхать перед операцией, как ты ее называешь. После того, как мы овладеем кораблем, я передам тебя в руки компьютера, вот над ним можешь издеваться сколько душе угодно, а меня оставь в покое.

— Согласен, и заметь, ты сам это предложил. Второе. Ты сам сказал, что до

наступления ночи я в полной мере могу тебя использовать.

— Эх, язык мой когда-нибудь погубит меня. Ладно, задавай свои вопросы, все равно ведь не отстанешь.

— Тут ты прав. Мое любопытство не знает границ. Я согласен с тобой, что изрядно надоел тебе, но пойми, я не могу себя остановить. Мне так много хочется знать, на многие вопросы иметь свое мнение, а чтобы иметь свое мнение, нужно иметь хорошие знания.

— Я понимаю тебя, но прошу, только прекрати меня мучить историей вашей планеты, я терпеть не могу историю.

— Хорошо, я не стану тебя сильно перегружать, но ты должен ответить мне всего на несколько вопросов, и на этом мы закончим. Сначала ответь мне на первый вопрос. Почему ты так подробно и терпеливо отвечаешь на все мои вопросы?

— Этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Я постараюсь ответить на него. Первое, это то, что мне в данный момент нечем занять себя, а время убить надо. Второе. Я многим обязан тебе. Ты отказался от своей прежней жизни, чтобы помочь мне, и не только мне, но всему моему роду. Престиж рода на нашей планете очень важен. Если провинился один, значит, накажут всех. С этим законом спорить нельзя, ибо так устроена наша жизнь. Только согласно таким законам руководство планеты может рассчитывать на добросовестное отношение к его представителям в других мирах. Последнее, касающееся подробных ответов, скажу, я заинтересован, чтобы ты мог правильно истолковать и понять тот или иной вопрос, и в будущем, сделав правильный вывод, ты смог эти знания применить на деле. И самое последнее, я еще не знаю, какую роль ты будешь играть в моей жизни. Гебрис как-то намекнул мне, что я должен оставить тебя на самой любимой мною планете. Я, в отличие от него, хотел бы использовать тебя как напарника, хотя понимаю, что сделать это будет весьма затруднительно. Но не будем загадывать, последнее слово будет за Гебрисом. Он обещал узнать, какое мнение сейчас сложилось обо мне и о моем поступке. Теперь, вся моя надежда на книгу судеб. Я ответил на твой первый вопрос?

— Вполне. Теперь ответь на еще один. Меня интересует, почему в народе говорят, что все в руках Божьих. Что око божье все видит и знает. Что за грехи людские бог насылает на землю различные катаклизмы в виде потопа или огромных астероидов. Я видел в книге судеб, как гибли целые цивилизации от различных катастроф. Я понимаю, что люди подразумевают под именем Бога вселенский разум. Я, как нормальный человек, понимаю, что к этим катастрофам Вселенский Разум не причастен. Я другое понять не могу. Если так силен Создатель, который контролирует всю Вселенную, и все подчинено его закону, то почему он не предотвратит эти катастрофы? Или он против развития человечества, ведь мы — это его создания. Почему он уничтожает плоды своего труда?

— Антон, не надо понимать все так буквально. Пойми, контроль контролем, но ведь есть непредвиденные обстоятельства. Катастрофы случаются повсеместно. Этой участи не может избежать ни одна галактика, я не говорю уже о звездных системах. Так устроен Космос. Заканчивается жизнь одной галактики или системы, на ее месте рождается другая. Все происходит как с человеком. Умирает один, рождается другой. В Космосе все происходит точно так же. Что касаясь вашей системы, тут дела обстоят немного сложнее.

— В чем же заключена эта сложность? Или наша система отличается от других. Или мы существуем отдельно от остального Космоса, и на нас распространяются совсем другие законы?

— Да, ты отчасти прав. Дело в том, что, насколько я знаю, ваша система была создана искусственно. Поясню. Ты знаешь, как расположены, к примеру, планеты по отношению к вашей звезде?

— Ну, как. Все они находятся на своих орбитах. Вращаются вокруг Солнца. Ты задаешь какие-то странные вопросы.

— Не спеши. Ты обращал внимание на их расположение?

— Ты меня вообще запутал. Причем здесь их расположение.

— Хорошо, не буду тебя мучить. Скажу тебе так, нигде в Космосе нет систем с таким расположением планет, как в вашей. Ты, наверное, знаешь, что одна планета вашей системы погибла, так вот, если поставить на ее место другую, то окажется, что все планеты, начиная от первой, самой близкой к Солнцу, то расстояние между ними будет увеличиваться в геометрической последовательности. Второе. Я не зря спрашивал тебя об их расположении. Расположение их такое. Начиная от Солнца, они увеличиваются, а затем уменьшаются. Такого феномена нет в других системах. Ваша система изначально была создана как экспериментальная.

— Получается, что мы здесь вроде зоопарка?

— Я бы не стал так критично называть вашу планету, но то, что она вроде лаборатории, это факт.

— Спасибо, утешил. Теперь мы вроде подопытных кроликов в космической лаборатории.

— Не обижайся, но, по сути, ты прав. Та высокоразвитая цивилизация отказалась от вас после того, как произошла первая технологическая катастрофа по вине человечества.

— На место их пришли другие, но уже менее развитые, по сравнению с предыдущей. У каждой из этих цивилизаций были свои интересы в отношении вашей системы. После ужасных событий, связанных с гибелью человечества на других планетах, населенной осталось только ваша. Не все цивилизации отказались от вашей планеты.

На Земле есть множество различных баз, на которых представители других миров занимаются своими делами. Хочу сказать тебе, что некоторые из них были враждебно настроены к местному населению. Было много конфликтов и между собой за право обладания теми или иными территориями или ресурсами. Бывают стычки и по сей день, но все же они сумели заключить нечто похожее на мир.

Что касается комет и астероидов, приносящих множество бед и разрушений, то скажу. Нынешние цивилизации, контролирующие процессы на Земле, могут отразить некоторые моменты, я имею в виду небольшие астероиды. Эти астероиды отслеживаются и уничтожаются. Вот с крупными, это проблема. У них нет тех технологий, которые могли бы справиться с кометами. Именно по вине больших комет погибли многие цивилизации, в том числе и наша, когда она контролировала практически всю Землю. Защитить землю от извержения многих вулканов мы еще могли. Для этого строились различные пирамиды и другие мегалистические объекты, которые способствовали уравниванию процессов, происходящих в недрах планеты. Но кометы — это совершенно другое наказание. Дело в том, что, упав на Землю, комета не только приносит разрушения в районе падения, она своим ударом вызывает извержения мегавулканов, которые приносят большие разрушения практически повсеместно. Именно такая катастрофа послужила причиной гибели нашей цивилизации.

— Я понимаю тебя. Космос большой, в нем достаточно бесконтрольно летающих

объектов.

— Не в этом дело. Ты прав, говоря, что в Космосе много разного мусора, оставшегося от разрушения планет, но такие объекты редко пролетают через Солнечную систему. Как правило, у каждого объекта есть своя орбита. Другое дело, сама ваша система. Ты не думай, что за Плутоном кончается ваша система. За ним на огромном расстоянии по собственной орбите летает множество мелких планет и астероидов. Это останки от формирования вашей системы. Их так много, что они, находясь на орбите, движутся сплошным потоком, образуя собой нечто похожее на пояс или кольцо. Этот пояс, так его будем называть, находится в 50 или 70 раз дальше, чем орбита Земли от Солнца.

Теперь, что касается самого Солнца. Начну с того, что ты уже имеешь представление о магнитном поле Земли. Ты также знаешь, какие процессы происходят на Солнце. В результате этих процессов, Солнце выбрасывает в Космос большое количество заряженных частиц. Это нейтроны, протоны, атомы гелия и водорода. Миллионы тон этих частиц образуют, так называемый, солнечный ветер. Этот ветер очень губителен для живых организмов Земли. Но для защиты от этого ветра у Земли есть магнитное поле. Оно отражает летящие сплошным потоком частицы, и они, отразившись, как бы огибая планету, летят дальше в Космос.

Но это не все, самым страшным для всего живого является космический ветер. Вот, против такого ненастья, и служит солнечный ветер. Он как куполом накрывает собой всю солнечную систему. Благодаря такой системе защиты сохраняется как растительная, так и животная среда. Теперь, что касается солнечного ветра. Не думай, что он является только защитником, он также много приносит вреда.

Начну с того, что этот ветер обладает сильнейшей энергией, полученной в результате выброса за пределы Солнца. Он своей энергией сбивает с орбиты мелкие, а при определенных случаях и более крупные астероиды с их орбит. Потеряв собственную орбиту, объекты естественно под влиянием солнечного притяжения, летят навстречу Солнцу.

Теперь представь, что на их пути оказывается Земля. Но это еще не все. Большие неприятности исходят от карликового двойника Солнца. Скажем так, на окраине Солнечной системы есть двойник Солнца. Это бывшая звезда, но со временем выработавшая свой ресурс. Эта потухшая звезда хоть и имеет небольшие размеры, но зато ее удельный вес впечатляет. Теперь представь, что этот монстр, преодолевая свой путь, который длится примерно двадцать восемь миллионов лет, пробивает на своем пути астероидный пояс. От столкновения с этой громадиной кометы срываются со своих орбит и летят с огромной скоростью в неизвестном направлении. А теперь представь, что будет с любой планетой, которая окажется на пути сбившейся с орбиты кометой. Если, как ты говоришь, тебе Гебрис показывал в Книге Судеб происхождение Земли, то ты видел, к каким последствиям приводила встреча с таким гостем.

— Видел, и это ужасно. Что-то я устал уже от этих ужасов, которыми ты меня нагрузил. Давай лучше сменим тему и поговорим о предстоящей операции. Так сказать, обговорим все нюансы, чтобы не было срыва.

— Ну, наконец-то ты насытился.

— Не мечтай, что избавился от меня. Просто я беру тайм-аут на время. Хочу проанализировать полученную информацию, а затем продолжим.

— Уговорил, но только после того, как завершим дело.

На следующий день они ближе к полудню, за полчаса до назначенного времени, вошли

в пещеру, которую еще в первый день прихода обследовали тщательнейшим образом. Из слов Андрея, Антон уже знал, что в пещере ведется добыча драгметаллов. Работу вели роботы, которые находились в тщательно скрывааемых штольнях. Нашим героям не было смысла углубляться внутрь штолен, тем более, что все входы были заблокированы. Нарушить блокировку — это сорвать всю операцию. Так же Антон знал, что пираты вооружены лучевым оружием, которое они отняли у напарника Андрея во время захвата корабля.

Свой лучевой пистолет Андрей выбросил в озеро еще на Тибете за ненадобностью. Причиной послужило то, что в пистолете элементарно закончился заряд и заменить его было нечем. По словам Андрея, оружие хорошее, но в нем есть существенный недостаток. Оно не пополняется зарядами. Когда заканчивался его ресурс, то его просто утилизировали. Но наличие другого пистолета, да еще неизвестной Антону мощности, это слегка напрягало его. Но делать было нечего, корабль нужно было отвоевывать.

Найдя удобную нишу, из которой они могли внезапно напасть, и предчувствия близкую развязку, затаились в ожидании.

В пещере была несвойственная этим местам тишина. Антон удивился, что даже снаружи не доносилось пение птиц. В это время Андрей мысленно сказал.

— Они прилетели, уже садятся, скоро будут здесь. Ты мое главное оружие, поэтому держи глаза открытыми, а мысли заблокируй. Я своим полем попробую усилить твои возможности, может, совместными усилиями заблокируемся. Я забыл предупредить тебя, что эти нелюди легко могут почувствовать присутствие человека, услышав его мысли.

Ждать пришлось недолго. Вскоре в проеме пещеры показались две фигуры. Они медленно двигались, настороженно вглядываясь вглубь пещеры. Антон видел, что первым шел мужчина с каким-то приспособлением на левой руке, которое он держал перед собой. То, что это был само лучевое оружие, сомнений не вызывало. Следом за ним шла женщина, в такой же черной и гладко подогнанной одежде, как и мужчина. Когда противники поравнялись с ними, Антон выждал еще несколько мгновений, и когда они стали слегка удаляться, прыгнул, сбивая ударом ноги женщину, и все еще находясь в прыжке, схватил обеими руками голову мужчины, резко повернул ее вокруг своей оси. Казалось, что он внутренне услышал громкий хруст ломающегося позвонка. Выпрыгнувшему следом Андрею, осталось только убедиться в смерти обоих врагов. Мужчина лежал на острых камнях без движения, с почти оторванной головой. Женщина лежала у стены. От удара она с такой силой ударилась в острый кусок скалы головой, что половина мозга так и осталось на острие скалы.

— Да, Антоха, я такое только в цирке видел, и то на другой планете. Но все равно скажу, ты очень жестокий человек.

— Ты, что, пожалел их, или обиделся, что не успел их пнуть вдогонку? Это ведь твои слова, что я, это твое оружие. Или я тебя не так понял?

— Ну, что ты, я ни о чем не сожалею, — и, глянув на Антона, с ехидной улыбкой добавил, — мне жаль только, что ты так жестоко поступил с красивой женщиной.

— Прости меня, — в тон ему ответил Антон, — я упустил, что тебе нравится летать в Космосе, как твой напарник. Поверь, в следующий раз я предоставлю тебе эту возможность.

Оба рассмеялись. Затем Андрей взял оружие и, наведя его на трупы, сделал два выстрела. Антон был удивлен мощностью луча, который в считанные мгновения превратил в пыль только что лежащие трупы. Отвернувшись, он пошел на выход, следом за ним вышел Андрей.

— Теперь я понимаю, что хотел сказать индеец-проводник, когда говорил, что на его глазах духи в одно мгновение сожгли его родных, — затем, глянув на площадку, с изумлением воскликнул, — Андрей, корабля нет.

— Смотри внимательней. Видишь, как место на площадке мерцает, как отблеск воды, это стоит наш корабль. Пираты, уходя, включили невидимку.

— Поразительно, но он действительно невидим.

— Да, он не видим, но только для человеческого глаза. Соответствующая аппаратура легко может его увидеть.

Антон с изумлением стоял, наблюдая, как Андрей, подойдя к отблескам, протянул руку, и как будто погладил ею пространство воздуха. Вдруг пелена спала, теперь перед ними стоял космический корабль метров тридцати в диаметре, похожий на две тарелки, сложенные верхними сторонами друг на друга.

Корабль стоял на трех опорах, в центре которых открылся люк, из которого плавно вышел невысокий трап.

— Прошу на борт, мой друг.

Антон, встав на первую ступень, в нерешительности остановился, прикрыв на мгновение глаза. Только теперь до его сознания стало доходить все происходящее. Когда он вновь открыл глаза, то оказался внутри корабля, как это произошло, он понять не мог.

Как только они оказались на борту, Андрей обратился к компьютеру.

— Я приветствую тебя, мой друг. Вижу, за это время ты не забыл меня. На этот раз я привел к нам настоящего друга.

— Где тебя носило, непутевый? Ты опять привел плохого человека?

— Прости меня. Я очень люблю тебя. А это Антон. Это он помог избавиться от плохих людей, и вернул тебя ко мне. Еще, это большой друг Гебриса, хоть и простой землянин. Я надеюсь, что мне повезет, и Антон будет моим напарником.

— Если это так, а я надеюсь, что ты не обманываешь меня в очередной раз, то приветствую тебя и твоего друга на борту.

— Спасибо. Вы познакомьтесь поближе, а в свободное время прошу тебя, займись его образованием. Могу тебя обрадовать. Антон так любознателен, что скучать тебе не придется.

— Хорошо, хоть одна приятная новость, а то твоя внешность и молчаливые выходки изрядно мне надоели. Постой, но у Антона та же внешность, что и у тебя?

— Уверяю, мы не родственники. В нас все разное, кроме внешности, но по поводу внешности все претензии к Гебрису.

— Можно вмешаться в ваш диалог? — нерешительно перебил их Антон. — Я не смогу выговорить имя компьютера.

— Ну, что посоветуешь, умная железяка?

— Я понимаю, что для тебя мое имя трудно произносимо, ты придумай его сам, главное, чтобы оно было кратким и созвучным.

— Имя Макс тебя устроит?

— А что, Андрамедус, мне нравится этот твой помощник и нравится ход его мыслей. Имя мне придумал замечательное, краткое, звучное и, главное, похожее.

— Ты еще не раз удивишься его способностям. Я также могу тебе сказать, что меня отныне зовут Андрей, это тоже его заслуга. Теперь, после того как вы познакомились, прошу по местам. Макс, летим к Гебрису.

— Координаты набраны, трогаем, — после этих слов Антон почувствовал легкое шипение, но, когда по просьбе Андрея вывести на монитор панораму местонахождения, был изрядно удивлен, что находился на орбите высоко над Землей. Теперь у него был собеседник, и чтобы больше не обращаться к Андрею, он обратился к Макс.

— Макс, мы на орбите, почему я не почувствовал перегрузки во время взлета?

— Все в порядке, я включил гравитационный модуль. Антон, тебе будет интересно

первое время наблюдать за полетом, поэтому я не стану отключать панораму полета. Ты увидишь, как мы летим, как будем приземляться.

— Спасибо, Макс, я буду рад увидеть это.

Все остальное происходило как в сказке. Корабль резко, на большой скорости стал спускаться. Антон даже глаза прикрыл от чувства, что они вот сейчас врежутся в землю. Но перед самой скалой поднялась снежная пыль. Скала задрожала и отодвинулась, открывая узкий высокий проем в свои недра. Корабль развернулся и боком влетел в проем.

То, что происходило потом, с трудом укладывалось в его голове. Корабль стоял на опорах, вокруг него сновали различные роботы. Каждый из них выполнял свои функции. Андрей руководил погрузкой кристаллов.

К Антону подошел Гебрис, приглашая пройти в помещение, в котором маленькие роботы занимались огранкой кристаллов.

— Антон, я пригласил тебя, чтобы поговорить наедине. Через несколько минут вы покинете меня, а что самое скверное, оба и навсегда. Я, конечно, доверяю тебе, но, зная твой характер, уверен, что ты захочешь повлиять на судьбу Андрamedуса. Прошу тебя, не предпринимай таких попыток. Я могу тебе кое-что сказать, но это не все. Я узнал, что Андрamedуса дома ждут большие неприятности, и не только за его оплошность. Это будет только поводом. У него дома, как и на других планетах, происходят тоже склоки и борьба за власть. Вернувшись домой, его ждет забвение, которое непременно скажется на его родных. Я не стану говорить, что такое забвение, но могу сказать, что знающий это человек предпочтет смерть, и это будет ему еще наградой. О нашем разговоре Андрamedус не должен знать. Я в свою очередь постарался изменить ход его судьбы. В будущем ты узнаешь это и, уверен, что не осудишь меня. А теперь подними меня на руки, я хочу проститься с тобой.

Антон поднял его как ребенка, держа его у себя на предплечье. Гебрис, обнял его за шею, прижавшись своей щекой к небритой щеке Антона. Несколько мгновений стояли молча. Затем Антон почувствовал, как влага потекла сквозь его щетину. Гебрис плакал. Только сейчас стало ему понятно, какая участь ждет Андрея.

Антон еще раз поразился мужеству и сдержанности этого маленького человечка. Прощаясь с Андреем, он прекрасно знал, что его ожидает в будущем, и любя его как собственного сына, он провожал его с улыбкой, напутствуя перед дорогой, требовал, чтобы Андрей не забывал старика, а навещал чаще.

Это прощание тронуло Антона до глубины души. Он обещал Гебрису, что выполнит его наставления.

Когда вылетели, то по просьбе Антона, первую остановку сделали на его родном хуторе. Включив невидимку, Андрей посадил корабль рядом со скалой в двухстах метрах от хутора. Увидев свою машину во дворе, догадался, что Илюша выполнил его поручение. Илюши дома не оказалось, зато его супруга занималась своими делами, изредка покрикивая на внука, который норовил забраться в ванную с водой. Антон взял сумку с вещами, которую еще перед отъездом приготовил. Затем достал из тайника сумку с оружием, где находилась не только винтовка и пистолет, но и боеприпасы с различными ножами. Все, что у него было, он оставил на столе в своем доме. Положив в карман фотографию своей мамы, вышел во двор. Во дворе, все деньги, какие были у него, он отдал в руки хозяйки дома. Трижды поцеловав ее, вышел за ворота, чтобы больше не вернуться.

На исходе дня, они произвели посадку в горах Тибета. У Антона не было доступа в пирамиду, поэтому он проводил нагруженного кожаными мешками с кристаллами Андрея,

перекрыл вход, принялся загружать Макса вопросами.

— Макс, слушая тебя, я прихожу к мысли, что ты не компьютер, а живой организм.

— Ты прав, но только наполовину. Я действительно «железяка», как любит говорить Андрей, но зато мозг человеческий. Расскажу тебе, как я стал компьютером. В свое время мы с Андрамедусом были друзьями. Вместе учились, потом были напарниками. Однажды дома, после очередного полета, мы отдыхали в горах. Нам ведь тоже не чужды приключения. Мы решили испытать себя и покорить высокую гору. Все бы хорошо, но случилось несчастье. Сорвавшийся с горы большой камень раздавил мое тело, да так удачно, что наши специалисты не смогли меня собрать. Осталась нетронутой только голова. Но служить говорящей головой в учебном заведении, где шалопаи, такие как Андрей, издевались бы надо мной, я не захотел. Я предложил Андрею использовать свой мозг в компьютере его корабля. Андрей принял мое предложение. Он с этой просьбой обратился к родителям, которые имеют высокое положение в обществе. Там пошли навстречу, хотя я думаю, что им было без разницы, чей мозг будет, мой или чей-то еще. Вот так и продолжается наша дружба. Одна беда, Андрей так и остался шалопаем, хотя очень талантливым.

Они еще долго разговаривали, прежде чем пришел Андрей. Вернулся он веселый, хоть и видна была на его лице усталость.

— Ну что, друзья мои, — потирая руки, обратился он, — продолжим наше путешествие. Ты, Макс, бери курс на следующий объект. Ты железный, тебе отдых не полагается, а мы с Антоном завалимся спать. День сегодня был очень тяжелым, надо как следует отдохнуть.

— Тогда идите и не мешайте мне работать, без вас будет спокойнее.

Много времени им пришлось затратить, чтобы побывать на всех планетах их маршрута. За это время Антон многое узнал, научился управлять кораблем и даже чистить платы компьютера от космической пыли, чем заслужил особую благодарность от Макса.

Однажды случился небольшой казус, связанный с Антоном. Жаждающий знаний, Антон ни на минуту не оставлял Макса в покое, требуя от него различной информации. Чем больше он ее получал, тем больше хотелось. В один из дней, когда он получил особенно большую порцию информации, ему стало плохо. Появились сильные головные боли. Координация была нарушена, поднялась температура. До сих пор, никогда не понимающий, что такое недомогание, он испугался за свое состояние. Видя его состояние, Андрей пришел в ярость, требуя от Макса прекратить занятия.

— Ты, старая железяка. Обладая огромным потенциалом знаний, не в состоянии понять, что его мозг еще не способен переварить всю информацию, которую ты вдалбливаешь в его голову. Ты прекрасно знаешь, что твой мозг в совокупности с серверами компьютера, в тысячи раз превосходит мой мозг. А теперь представь, что может случиться с Антоном. Ты, ржавый кусок железа, перегрузил его.

Затем, немного успокоившись, продолжил с ворчанием обидевшегося родителя на своего ребенка.

— Теперь нужно только молиться, чтобы все прошло благополучно. Я понимаю, что ты, обрадовавшись приятному собеседнику, решил таким способом отблагодарить его за его внимание к себе. Но будь милосерден к своему ученику. Я на правах командира категорически запрещаю вам в ближайшее время заниматься самообразованием. Только после того как ему станет лучше, я, возможно, разрешу вам общаться, и то на очень короткое время. Информация должна быть ограничена до минимальной.

— Прости, Андрамедус. Ты действительно прав. Я от скуки потерял свой разум и

увлекся. С этой минуты я сам буду ограничивать выдаваемую информацию.

— Я надеюсь на это. Будь с ним предельно осторожен. Я не запрещаю вам весь контакт, но вы не должны переходить рубеж. Ты уже знаешь его возможности, и какой информацией он обладает. По этой информации вы можете говорить сколько угодно, но новый объем должен быть ограничен.

— Я все понял. Еще раз прошу простить меня.

Антону понадобилось несколько дней, чтобы привести свое состояние в норму, но это не отняло у него тягу к знаниям. Вновь он попытался вытянуть из Макса как можно больше, но Макс был не преклонен. Антон не обижался на него за это. Он прекрасно осознавал, что такой запрет пойдет ему только на пользу.

После этого инцидента полет продолжался, но уже более умеренно и буднично. Работа есть работа. Они завершили свой маршрут, посетив все планеты, и теперь их курс лежал на планету Юнона.

Андрей в красках обрисовал все, чем богата природа Юноны. Антон в подробностях знал, с чем ему придется столкнуться на планете. Он пообещал, что приземлится на самом красивом и удобном для проживания месте.

Вскоре полет подошел к концу, они вышли на орбиту нужной планеты. Макс по просьбе Антона вывел картинку на монитор. Начальная картинка удивила Антона, вся планета была покрыта водой, и лишь небольшая часть суши в виде больших и малых островов, говорила о наличии там животного и растительного мира.

Корабль снизился, затем, пролетев на бреющем полете над гладью моря, поднявшись чуть выше, нырнул в большой проем пещеры.

— Все, Антоха, прибыли к твоему постоянному месту жительства. Макс, как с наружи, все в порядке?

— Все в порядке. Мы долго пробудем здесь?

— Дня три, я думаю.

— Тогда выходи, пусть Антон поставит меня в режим ожидания.

— Давай, Антоха, выполняй задание Железяки, и догоняй меня.

Пока Антон отключал оборудование, довольный Андрей выскочил из корабля. Антон уже подходил к выходу, когда услышал слова Андрея, который подгонял его.

— Быстрее, Антоха, ты сейчас насладишься самым лучшим воздухом во всей вселенной. Я здесь не ра.....

Это были его последние слова. Услышав сдавленный крик Андрея, Антон бросился вниз, но то, что он увидел, заставило повернуть назад. В двадцати метрах от корабля, огромных размеров чудовище, больше похожее на сказочного динозавра или дракона, чем на живое существо. Это чудовище, подняв свою зубастую пасть вверх, проглатывало Андрея. Из пасти его видны были только ноги. В этот миг внутренности зверя осветились ярким светом.

Только некоторое время спустя, когда Антон вновь выйдет наружу, он увидит на месте трагедии большую грудку не совсем сгоревших костей. Тогда он догадается, что в последний миг своей жизни, Андрей успел разрядить свой излучатель. Антон, если бы и захотел похоронить своего друга, то это было невозможно. Легкий сквозняк, дующий в пещере, тихонько разносил пепел по всей пещере.

Но в ту трагичную минуту он влетел внутрь корабля и, блокируя вход, кричал на Макса.

— Макс, ты видел эту гадину, почему не предупредил Андрея. Ты намерено убил его, а еще друг называется.

— Антон, не надо так. Мне также больно, как и тебе. Я не убивал его, я спас его.

— Постой, — задумался Антон — ты выполнял поручение Гебриса?

— Да, Гебрис обрисовал мне будущее, и мы, посоветовавшись, решили изменить его судьбу. Пойми, его тело мертво, но душа свободна. Придет время, он возродится вновь. Хочу заметить, что ты так же был в курсе.

— Не совсем так. Гебрис делал мне некоторые намеки, но конкретики я не знаю.

— Это в его духе. Ты не отчаивайся. Мы оба будем долго помнить нашего друга. Пока мы помним, он будет живым для нас.

Долго молчали. Антон думал о том, как теперь ему одному сделать первые шаги в чужом для него мире без совета бывшего друга. О чем думал Макс, он не знал, и в данную минуту знать не хотел. Головой он понимал, что Макс поступил так, как ему было приказано, все же он не человек, а машина, а вот сердце говорило обратное. Первым молчание нарушил Макс.

— На планете скоро наступит ночь, тебе будет небезопасно путешествовать. Останься на ночь, утром уйдешь, только будь на этот раз осторожен и не забудь с собой свое оружие. Еще прими мои последние наставления, завтра я буду не расположен к разговору. Ты в ближайшие годы не должен меня беспокоить. Это приказ Гебриса. Я буду находиться в стадии ожидания, это будет мой траур по Андрамедусу. Если ты считаешь необходимым прибегнуть к моей помощи, я не откажу тебе, и ты должен знать это. Я не знаю, как долго буду находиться в консервации, но будь уверен, моей энергии хватит на тысячелетие. Все, Антон, иди отдыхать.

Утром Антон, собрав вещи, стал прощаться с Максом.

— Прощай, мой друг, мне было приятно провести в твоём обществе столько времени. Я ухожу, но прости, вынужден часть вещей оставить.

Макс не ответил. Только когда Антон спускался с трапа, он услышал его тихий голос:

— До скорой встречи.

Антон не ответил на эти слова, а тихо, соблюдая все предосторожности, направился к выходу.

Перед тем как покинуть пещеру, он в последний раз оглянулся. Трап был уже убран, и с тихим шелестом опоры убирались внутрь корабля. Затем корабль тихо опустился на землю, и силуэт его растворился на фоне скалы.

Шагая по мягкой траве, и вдыхая полной грудью чистый воздух, наполненный утренней прохладой морского бриза, он вдруг почувствовал, что все у него получится, здесь будет его дом.

Антон, спускаясь с косогора к подножию гор, увидел вдалеке высокий темный лес. Деревья в лесу были так высоки, что порой казалось, они доставали до мелких перистых облаков.

Он прошел несколько километров. Вскоре ему пришлось повернуть налево, чтобы обогнуть высокий утес. За утесом расстилалась широкая ровная лощина, поросшая высокой травой. К самому утесу подступали высокие деревья, некоторые из которых достигали в диаметре до двух десятков метров. Но, самое главное, что в двухстах метрах от утеса, на краю лесного массива, он заметил поселение людей.

Некоторые дома были каменные, но, очевидно, большая часть людей жила во встроенных в деревья жилищах. Хижины были расположены на толстых ветвях с пристроенными к ним лестницами.

Всю эту картину он наблюдал скрытый высокой растительностью.

Вскоре его внимание привлек журчащий ручей, который, пробиваясь сквозь заросли низенького кустарника, убегал вглубь леса. Проследив взглядом его начало, увидел, что ручей начинает свой бег от источника, бьющего из утеса, на высоте нескольких метров, создавая легкий шум водопада.

Антон уже два часа мучила жажда. Желание напиться прохладной водой отвлекло его от красивой панорамы. До источника было не более пятидесяти метров. Раздвигая руками высокую траву, он прошел уже половину пути, когда заметил красивую девушку, грациозно изогнувшуюся над небольшим камнем. Она одной рукой держала деревянный сосуд, который подставила под падающую струю воды, а другой старательно плескала прохладную воду себе в разгоряченное лицо.

Антон не успел еще как следует рассмотреть девушку, как какая-то тень заставила его посмотреть дальше в лес. То, что планета населена хищниками и довольно больших размеров, он убедился, потеряв своего друга в первые минуты пребывания на планете. Позади девушки, на небольшом расстоянии над травой показалась большая голова тигра, из раскрытой пасти которого торчали огромные клыки. У Антона непроизвольно мелькнула мысль, что это именно саблезубый тигр, картинки которого ему доводилось уже видеть. Время терять было нельзя. Тигр явно нацелился на девушку, понимая, что она для него самая легкая добыча.

Антон сорвал винтовку с плеча. В это время хищник, издав громкий рев, стал огромными скачками приближаться к своей жертве. Когда он в очередном прыжке поднялся выше травы, Антон выстрелил.

Девушка от испуга, не понимая, что происходит, оцепенело стояла на месте, вращая головой то в сторону Антона, то в сторону хищника. И того и другого, она смертельно боялась, а кого больше, понять было невозможно.

Получив пулю, зверь споткнулся, но тут же взревев от боли, он вскочил на ноги и продолжил нападение. На этот раз Антон прицелился точнее. В прицел он видел, как зверь, получив очередную пулю в голову, запрокинул ее назад и, повернувшись на правый бок, продолжая начатый прыжок, рухнул на мокрую землю, всей своей массой сбивая девушку с ног.

Подойдя к источнику, Антон, не обращая внимания на хищника, он был уверен, что эта громадина уже никому не навредит. Наклонился над девушкой, проверяя ее пульс. Девушка была без сознания, но жива. Только левая нога оказалась прижатой к скале огромной тушей зверя. Антон аккуратно убрал ее длинные волосы, заплетенные в косы, которые закрывали ее лицо.

Одного взгляда на это прекрасное лицо было достаточно, чтобы узнать лицо женщины, которую он видел в Книге Судеб, только теперь в юном возрасте.

Освобождая девушку от придавившего ее хищника, он слышал и видел, как большая толпа мужчин бежит в его сторону. Они были вооружены, кто луками, кто клинками похожими на мачете, а кто просто с рогатинами. Было ясно, что люди услышав звук выстрела, они не понимали его значения, но зато они хорошо знали звуки, издаваемые столь серьезными хищниками. Они бежали помочь своей соплеменнице. Антон, подняв девушку на руки, медленно пошел навстречу судьбе.

— Все, мои золотые, — сказал он, обнимая сноху и дочь, прильнувших к нему, — на этом мой рассказ заканчивается. Все остальное вы сможете узнать у старших, на глазах

которых проходила моя жизнь уже на этой планете.

— Папочка, а я знаю. Та девушка, которую ты спас, стала твоей женой и нашей мамой.

— Ты права. Ну, а теперь скажи, что ты думаешь и как оцениваешь мою исповедь, будем ее так называть.

— Я ее так поняла, — радостно обнимая его за шею, воскликнула Лола, — ты самый лучший и любимый всеми папка на нашей земле. Я горжусь, что я твоя дочь.

— Это твое суждение. Спасибо тебе за него. Теперь хочется узнать, что по этому поводу думает моя любимая сноха?

— Ваша любимая сноха считает, — начала застенчиво Зуре, — что, не смотря на вашу трудную, а порой опасную жизнь на далекой планете, вы все же обрели счастье на нашей земле. То, что вы счастливый человек, я в этом уверена.

— Спасибо тебе, родная, — он поцеловал ее в обе щеки. — Ну, а теперь, что скажет мой самый лучший друг и товарищ?

— Прости, я сейчас под впечатлением от твоего рассказа, — смутился Кари, — но могу сказать одно. Ты действительно прожил очень трудную и опасную жизнь. Тебе часто приходилось быть на самом краю пропасти, глядя в глаза смерти. Я не об этом хочу сказать, а о том, что я, наконец, понял, почему Смерть, всякий раз давала тебе шанс и не забирала тебя в свои объятия.

— Это интересно. И почему же?

— Я считаю, что именно такому человеку как ты, обладающему широкой душой и большими познаниями, Смерть могла дать шанс на то, чтобы ты смог бескорыстно поделиться своими знаниями и умениями с людьми, для их развития и благосостояния. Ты в полной мере воспользовался этим шансом, и люди поколениями будут восхвалять твое имя. Прости, но это мое сугубо личное мнение.

— Спасибо вам, родные, за эти слова, — смутился теперь Антон, — на этом будем считать мою исповедь законченной. Теперь нас ждут великие дела. Мне есть еще, чем поделиться с людьми.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От автора

Уважаемый читатель, это все, что я смог выяснить из рукописи Лолы. А что из этого получилось, судить вам.

С искренним уважением, Николай Садовский.